

БЫЛОЕ

М А Й
1907

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Неизданная глава изъ „Былого и думъ“ А. И. Герцена	1
2. Эмигрантъ Иванъ Головинъ (<i>По неизданнымъ матеріаламъ</i>). М. К. Лемке	24
3. Земское движеніе до образованія партіи «Народной Свободы» (<i>Продолженіе</i>). И. П. Бѣлоконскаго	54
4. Маленькое дѣло. В. С. Ефремова	81
5. Воспоминанія. (<i>Продолженіе</i>). М. Ю. Ашенбреннера	106
6. Красные дни въ Нижнемъ-Новгородѣ. Платона Лебедева	124
7. Изъ исторіи социалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году. (<i>Окончаніе</i>). С. И. Сомова	152
8. Григорій Анфимовичъ Попко. Р. А. Стеблина-Каменскаго	179
9. Западные друзья Герцена. (<i>Окончаніе</i>). М. О. Гершензона	205
10. Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государ- ственныхъ преступленіяхъ за 1894 годъ“	228
11. Отрывки изъ воспоминаній. С. А. Жебунева	253
12. Изъ моего революціоннаго прошлаго. Очеркъ первый. М. Р. Попова	269
13. „Добролюбовская“ демонстрація 1886 года. (<i>По личнымъ воспоминаніямъ</i>). М. А. Брагинскаго	306
14. Письмо въ редакцію. Старика	310
15. Историческая библіографія:—Записки кн. С. П. Трубецкаго .— М. В. Довнаръ-Запольскій . Тайное общество декабристовъ. Н. П. Сильванскаго . Т. Шевченко . Кобзарь. В. Бату- ринскаго	312

НОВЫЯ КНИГИ:

И. П. Сильванскій.

Декабристъ Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(„Русская историческая библіотека“, № 15).

Стр. VIII+174. Цѣна 70 коп.

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

ОБЗОРЪ

ВАЖНѢЙШИХЪ ДОЗНАНІЙ,

производившихся

въ жандармскихъ управленіяхъ

за 1902 годъ.

(СОДЕРЖАНІЕ: Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Дѣла Мельникова, Гершуни, Кочуры и др. Сѣверный рабочій союзъ (Москва). Студенческіе кружки въ Ярославлѣ. Дѣятельность социаль-демократовъ въ Саратовѣ. Кіевскій и Харьковскій Комитеты Р. С.-Д. Р. П. Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Екатеринославскіе социалисты-революціонеры. Революціонное движеніе въ Одессѣ. Дѣятельность Бунда. Польская Соціалистическая Партія. Русская эмиграція въ 1902 году).

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

Цѣна 50 коп.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ новая книга:

„ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ“

подъ редакціей *Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семейскаго и Л. Ф. Якубовича.*

Биографическіе очерки: И. И. Пушина, Н. А. и М. А. Бестужевыхъ, І. В. Поджіо, Вал. Лукасинскаго, Н. И. Гулака, М. А. Бакунина, А. В. Долгушина, Е. И. Минакова, М. Ф. Фроленка, Н. А. Морозова, П. Л. Антонова, Н. Д. Похитонова, І. Д. Лукашевича, М. И. Новорусскаго, М. Ф. Лаговскаго, М. Р. Попова, Л. Варынскаго, Л. Ф. Яновича, Д. Я. Суровцева, М. П. Шебалина, М. Ю. Ашенбреннера, Г. А. Лопатина, А. И. Ульянова, П. Я. Шевырева, В. Д. Генералова, П. И. Андреюшкина, В. С. Осипанова, Л. А. Волкенштейнъ и В. Н. Фигнеръ.

Въ составленіи очерковъ приняли участіе С. В. Аскеназы, В. Я. Богучарскій, Л. Василевскій (Плохоцкій), С. А. Венгеровъ, С. Я. Елпатьевскій, С. А. Ивановъ, Н. Е. Кудринъ, Л. Мельшинъ, М. В. Новорусскій, А. С. Пругавинъ, С. Г. Сватиковъ, В. И. Семейскій, Е. В. Тарле, А. И. Ульянова, В. Н. Фигнеръ и С. А. Щепотьевъ.

Часть 1, съ 29-ю портретами.

Цѣна ТРИ рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія
поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссель-
бургскихъ узниковъ.

Новая книга:

Остроумно-изобрѣтательный идальго

ДОНЪ-КИХОТЬ ЛАМАНЧСКІЙ

Сочиненіе Мигеля де Сервантеса Сааведра.

Полный переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ.

(Съ примѣчаніями, биографическимъ очеркомъ и портретомъ Сервантеса),
и рисунка Дона Ринардо Балана.

Изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА. 1907 г.

Цѣна за двѣ части 7 руб.

На 1907 годъ

продолжается подписка на историческій журналъ

„Б Ы Л О Е“.

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Биографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая библіографія.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); В. Я. Богучарскій—Декабристъ М. С. Луининъ; В. Л. Бурцевъ—Изъ воспоминаній; И. П. Бѣлоконскій—Земское движеніе до образованія партіи „Народной Свободы“; В. А. Вейнштейнъ—Акатуевскій рудникъ; В. А. Даниловъ—Изъ воспоминаній; С. А. Жебумевъ—Изъ воспоминаній. Н. И. Юрданскій—Миссія П. С. Ванновскаго; Е. Д. Нусова—Политическія партіи въ 1906 году; М. К. Лемке—Процессы Сунгурова, Блюмера и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ; И. Л. Манучаровъ—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; Н. А. Морозовъ—Изъ воспоминаній; Э. К. Пекарскій—Рабочій Петръ Алексѣевъ (изъ воспоминаній); П. Н. Переверзевъ—Экспедиція генерала Ренненкампа; М. Р. Половъ—Изъ моего революціоннаго прошлаго; А. С. Пругавинъ—Декабристъ въ монастырской тюрьмѣ. З. Ралли—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; И. А. Рубановичъ—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; С. Г. Сватиковъ—Очерки по исторіи студческаго движенія; Е. П. Семеновъ—Народовольческіе кружки въ Одессѣ; Н. П. Стародворскій—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; П. Б. Струве—Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспоминаній); Е. В. Тарле—Каннингъ и Николай Тургеневъ;—Герценъ и газета Прудона; Н. А. Тамъ—Послѣдній періодъ „Народной Воли“ Л. Ш.—Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“. П. Е. Щеголевъ—Агитаціонная литература декабристовъ;—Конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); Ф. Л. Ястржембскій—Записки петрашевца; Записки императора Николая I о 14 декабря, неизданныя произведенія А. И. Горцова и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлечение изъ доклада г-на Штюмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (официальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на $\frac{1}{2}$ года (съ 1 янв. по 1 іюля)—4 руб.; на $\frac{1}{4}$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Перемѣна адреса—30 коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльные книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулкъ, 13), Киевѣ (Крещатикъ, 27), Ростовѣ на Д. (Казанская, 42) и Одессѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Знаменской ул. д. 19.

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій,
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого“ за 1906 годъ.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

**ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 5¹⁷. МАЙ 1907**

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакой участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже **20 числа** наждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятія рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Неизданная глава изъ „Былого и думъ“ А. И. Герцена	1
2. Эмигрантъ Иванъ Головинъ (<i>По неизданнымъ матеріаламъ</i>). М. К. Лемке	24
3. Земское движеніе до образованія партіи «Народной Свободы» (<i>Продолженіе</i>). И. П. Бѣлоконскаго	54
4. Маленькое дѣло. В. С. Ефремова	81
5. Воспоминанія. (<i>Продолженіе</i>). М. Ю. Ашенбреннера	106
6. Красные дни въ Нижнемъ-Новгородѣ. Платона Лебедева	124
7. Изъ исторіи социалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году. (<i>Окончаніе</i>). С. И. Сомова	152
8. Григорій Анфимовичъ Попко. Р. А. Стеблина-Каменскаго	179
9. Западные друзья Герцена. (<i>Окончаніе</i>). М. О. Гершензона	205
10. Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государ- ственныхъ преступленіяхъ за 1894 годъ“	228
11. Отрывки изъ воспоминаній. С. А. Жебунева	253
12. Изъ моего революціоннаго прошлаго. Очеркъ первый. М. Р. Попова	269
13. „Добролюбовская“ демонстрація 1886 года. (<i>По личнымъ воспоминаніямъ</i>). М. А. Брагинскаго	306
14. Письмо въ редакцію. Старика	310
15. Историческая бібліографія:—Записки кн. С. П. Трубецкаго .— М. В. Довнаръ-Запольскій . Тайное общество декабристовъ: Н. П. Сильванскаго . Т. Шевченко . Кобзарь. В. Бату- ринскаго	312

	СТР.
16. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію	320
17. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (Неизданное письмо Пушкина. Сообщилъ Вл. Каллашъ —53. Документъ къ дѣлу Валеріана Лукасинскаго—101. Общество литературныхъ преній въ Петербургѣ въ 1837 году—149. Замѣтка Л. Ф. Пантелѣва —310.)	
Объявленія	324

Къ этой книгѣ приложены портреты Д. А. Лизогуба, И. Г. Головина, М. Ю. Ашенбреннера и Г. А. Попко.

При этой книгѣ иногороднимъ подписчикамъ разсылается объявленіе объ изданіи „Историко-революціонный альманахъ“.

Мартовская и апрѣльская книги „Былого“, конфискованныя Цензурнымъ Комитетомъ, нынѣ отъ ареста Судебной Палатой освобождены и разсылаются подписчикамъ, не получившимъ этихъ книгъ.





**Дмитрій Андреевичъ
ЛИЗОГУБЪ.**

Неизданная глава изъ „Былого и думъ“ А. И. Герцена.

Въ пятой части классическихъ мемуаровъ Герцена—«Былое и думы», въ главѣ «Нѣмцы въ эмиграціи», послѣ перваго упоминанія имени эмигранта Головина сказано: «объ этомъ субъектѣ будетъ особая глава»¹⁾. Но ея не было и нѣтъ до сихъ поръ въ изданіяхъ сочиненій Герцена.

Подготовляя свою работу о Головинѣ, начало которой читатели найдутъ дальше, я обратился къ М. О. Гершензону съ просьбой разыскать, нѣтъ ли чего нибудь объ этой личности среди бумагъ и рукописей, переданныхъ въ Румянцевскій музей недавно умершимъ А. А. Герценомъ. Г. Гершензонъ былъ настолько любезенъ, что, снесшись съ наследниками Герцена, снялъ точную копию съ дѣйствительно написанной главы о Головинѣ и почему-то никогда нигдѣ не опубликованной. Рукопись писана начерно, чрезвычайно, даже и для Герцена, быстрымъ почеркомъ (письма и копии писемъ вклеены между листами), и потому вполне понятны нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи и переходахъ отъ одного факта къ другому. Но я увѣренъ, что читатель признаетъ даже и въ такомъ видѣ эту главу одной изъ блестящихъ главъ знаменитыхъ мемуаровъ.

Не желая ставить что бы то ни было между Герценомъ и читателемъ, я не дѣлаю въ текстѣ никакихъ примѣчаній, строго сохраняя такимъ образомъ подлинникъ. Но такъ какъ читателю безусловно необходимы нѣкоторыя разъясненія, то я и дѣлаю ихъ вслѣдъ за статью Герцена.

Мих. Лемке.

¹⁾ Стр. 293 тома III „Сочиненій“ въ изданіи Павленкова.

Г Л А В А

Русскіе въ Парижѣ.

11.

И. Головинъ.

Нѣсколько дней послѣ обыска у меня и захвата моихъ бумагъ, во время Іюньской битвы, явился ко мнѣ въ первый разъ *И. Головинъ*—до того извѣстный мнѣ по бездарнымъ сочиненіямъ своимъ и по чрезвычайно дурной репутаціи сварливаго и дерзкаго человѣка, которую онъ себѣ сдѣлалъ. Онъ былъ у Ламорисіера, хлопоталъ безъ малѣйшей просьбы съ моей стороны о моихъ бумагахъ, ничего не сдѣлалъ, и пришелъ ко мнѣ пожать скромные лавры благодарности и, пользуясь тѣмъ, втѣснить мнѣ свое знакомство.

— «Я сказалъ Ламорисіеру: генераль, стыдно надоѣдать русскимъ республиканцамъ и оставлять въ покоѣ агентовъ русскаго правительства.

— «А вы знаете ихъ?—спросилъ меня Ламорисіерь.

— «Кто ихъ не знаетъ!

— «Nommez les, Nommez les.

— «Ну, да Яковъ Толстой и генераль Жомини.

— «Завтра же велю у нихъ сдѣлать обыскъ.

— Да будто Жомини русскій агентъ?—спросилъ я.

— Ха, ха, ха—это мы увидимъ теперь.

Вотъ вамъ человѣкъ.

Рубиконъ былъ перейденъ, и что я ни дѣлалъ, чтобы воздержатъ дружбу Головина, а главное его посѣщенія, все было тщетно. Онъ два раза въ недѣлю приходилъ къ намъ, и нравственный уровень нашего уголка тотчасъ понижался,—начинались ссоры, сплетни, личности. Лѣтъ пять спустя, когда Головинъ хотѣлъ меня додразнить до драки, онъ говорилъ, что *я его боюсь*; говоря это, онъ, конечно, не подозрѣвалъ, какъ давно я его боялся—до Лондонской ссоры.

Еще въ Россіи я слышалъ объ его безтактности, о нецеремонности въ денежныхъ отношеніяхъ: Шевыревъ, возвратившись изъ Парижа, рассказывалъ о процессѣ Головина съ лакеемъ, съ которымъ онъ подрался,—и ставилъ это на счетъ насъ, западниковъ, къ числу

которыхъ причислялъ Головина. Я Шевыреву замѣтилъ, что Западъ слѣдуетъ винить только въ томъ, что они *дрались*, потому что на *Востоки* Головинъ просто бы *поколотилъ* слугу и никто не говорилъ бы объ этомъ.

Забывтое теперь содержаніе его сочиненій о Россіи еще менѣе располагало къ знакомству съ нимъ. Французская риторика, либерализмъ Роттековой школы, *pêle-mêle* разбросанные анекдоты, сентенціи, постоянныя личности, никакой логики, никакого взгляда, никакой связи. Погодинъ писалъ рубленной прозой, а Головинъ думалъ рубленными мыслями.

Я миновалъ его знакомство до нельзя. Ссора его съ Бакунинымъ помогла мнѣ. Головинъ помѣстилъ въ какомъ-то журналѣ дворянски-либеральную статейку, въ которой помянулъ его. Бакунинъ объявилъ, что ни съ русскимъ дворянствомъ, ни съ Головинымъ ничего общаго не имѣеть.

Мы видѣли, что далѣе Іюньскихъ дней я не пролабировалъ въ моемъ почетномъ незнакомствѣ.

Каждый день доказывалъ мнѣ, какъ я былъ правъ. Въ Головинѣ соединилось все ненавистное намъ въ русскомъ офицерѣ, въ русскомъ помѣщикѣ, съ бездною мелкихъ западныхъ недостатковъ, и это безъ всякаго примиренія, смягченія, безъ выкупа, безъ какойнибудь эксцентричности, какихъ-нибудь талантовъ или комизмовъ. Его наружность *vulgar*, провокантиная и оскорбительная, принадлежитъ, какъ чеканъ, цѣлому слою людей, кочующихъ съ картами и безъ картъ по минеральнымъ водамъ и большимъ столицамъ, вѣчно хорошо обѣдающихъ, которыхъ всѣ знаютъ, о которыхъ все знаютъ, кромѣ двухъ вещей: чѣмъ они живутъ и зачѣмъ они живутъ. Головинъ—русскій офицеръ, французскій *broilleur*, *hableur*, англійскій свиндлеръ, нѣмецкій юнкеръ и нашъ отечественный Ноздревъ, Хлестаковъ *in partibus infidelium*.

Зачѣмъ онъ покинулъ Россію, что онъ дѣлалъ на Западѣ—*онъ*, такъ хорошо шедшій въ офицерское общество своихъ братій, имъ же самимъ описанныхъ? Сорвавшись съ родныхъ полей, онъ не нашель центра тяжести. Кончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, Головинъ былъ записанъ въ канцелярію Нессельроде. Нессельроде ему замѣтилъ, что у него почеркъ плохъ, Головинъ обидѣлся и уѣхалъ въ Парижъ. Когда его потребовали оттуда, онъ отвѣчалъ, что не можетъ еще возвратиться, потому что не кончилъ своего «каллиграфическаго образованія». Потомъ онъ издалъ свою компиляцію «*La Russie sous Nicolas*», въ которой обидѣлъ пуще всего Николая тѣмъ, что сказалъ, что онъ *нѣтъ* пишетъ съ *e*. Ему велѣли ѣхать въ Россію—онъ не поѣхалъ. Братья ¹⁾ его воспользовались этимъ, чтобы посадить его на Антоніеву пиццу—они посылали ему гораздо меньше деньгами, чѣмъ слѣдовало. Вотъ и вся драма.

¹⁾ А прогрозъ его братіи. Одинъ изъ нихъ, кавалерійскій генералъ, бывшій въ особой милости Николая, потому что *отличился* 14 декабря офицеромъ,—пріѣхалъ къ Дубельту со слѣдующимъ вопросомъ: „Умирающая мать,—говорилъ онъ,—написала нѣсколько словъ на прощанье сыну Ивану тому... несчастному; вотъ письмо... я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать?“—Снести на почту...—сказалъ любезно улыбаясь Дубельтъ.

У этого человѣка не было ни тѣни художественнаго такта, ни тѣни эстетической потребности, никакого научнаго запроса, никакого серьезнаго занятія. Его поэзія была обращена на него самого, онъ любилъ позировать, хранить arrogance; привычки дурно воспитаннаго барича средней руки остались въ немъ на всю жизнь, спокойно сжились съ кочевымъ фуражированіемъ полуизгнанника и полубогемы.

Разъ въ Туринѣ я засталъ его въ воротахъ Hôtel Feder съ хлыстикомъ въ рукѣ... передъ нимъ стоялъ Савояръ—полунагой и босой мальчикъ лѣтъ двѣнадцать. Головинъ бросалъ ему гроши, и за всякій грошъ стегалъ его по ногамъ; Савояръ подпрыгивалъ, показывая, что очень больно, и просилъ еще. Головинъ хохоталъ и бросалъ грошъ. Я не думаю, чтобъ онъ больно стегалъ, но все же стегалъ, и это могло его забавлять?

Послѣ Парижа мы встрѣтились сначала въ Женевѣ, потомъ въ Ниццѣ. Онъ былъ тоже высланъ изъ Франціи и находился въ очень незавидномъ положеніи ¹⁾. Ему рѣшительно нечѣмъ было жить, несмотря на тогдашнюю баснословную дешевизну въ Ниццѣ. Какъ часто и горячо я желалъ, чтобы Головинъ получилъ наслѣдство или женился бы на богатой... Это бы мнѣ развязало руки.

Изъ Ниццы онъ уѣхалъ въ Бельгію, оттуда его прогнали, онъ отправился въ Лондонъ и тамъ натурализовался, смѣло прибавивъ къ своей фамиліи титулъ *князь Ховра*, на который не имѣлъ права. Англійскимъ подданнымъ онъ возвратился въ Туринъ и сталъ издавать какой-то журналъ. Въ немъ онъ додразнилъ министровъ до того, что они выслали его. Головинъ сталъ подъ покровительство англійскаго посольства. Посольскій отказалъ ему, и онъ снова поплылъ въ Лондонъ. Здѣсь въ роли *рыцаря индустри*, числящагося по революціи, онъ безъ успѣха старался примкнуть къ разнымъ политическимъ кругамъ, знакомился со всѣми на свѣтѣ и печаталъ невозможный вздоръ.

Въ концѣ ноября 1853 г. Ворцель зашелъ ко мнѣ съ приглашеніемъ сказать что-нибудь на польской годовщинѣ. Взошелъ Головинъ и, смекнувъ въ чемъ дѣло, тотчасъ атаковалъ Ворцеля вопросомъ: «Можетъ ли онъ сказать рѣчь?»

Ворцелю было неприятно, мнѣ вдвое, но тѣмъ не меньше онъ ему отвѣтилъ: «Мы приглашаемъ всѣхъ, и будемъ очень рады, но чтобъ митингъ имѣлъ единство, надобно намъ знать а реи grès, кто что хочетъ сказать. Мы собираемся тогда-то, приходите къ намъ потолковать». Головинъ, разумѣется, принялъ предложеніе. А Ворцель, уходя, сказалъ мнѣ, качая головой, въ передней: «что за нелегкая принесла его?»

¹⁾ Французская полиція не могла ему простить одну продѣлку. Въ началѣ 1849 была небольшая демонстрація. Президентъ, т. е. Наполеонъ III, объѣзжалъ верхомъ бульвары. Вдругъ Головинъ пробрался къ нему и закричалъ: „Vive la République“ и „A bas les Ministres“.—„Vive la République!“—пробормоталъ Наполеонъ.—„Et les ministres?“—„On les changera!“ Головинъ протянулъ ему руку. Прошло дней пять, министры остались, и Головинъ напечаталъ въ Reformъ свою встрѣчу, съ прибавленіемъ, что такъ какъ президентъ не исполнилъ обѣщанія, то онъ беретъ назадъ свое рукожатъе (il retire sa poignée de main). Полиція промолчала и выслала его нѣсколько мѣсяцевъ спустя, придравшись къ 13 іюля.

Съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ я на пригготовительное собраніе. Я предчувствовалъ, что дѣло не обойдется безъ скандала. Мы не были тамъ пяти минутъ, какъ мое предчувствіе оправдалось. Послѣ двухъ-трехъ отрывистыхъ генеральныхъ словъ, Головинъ вдругъ обратился къ Ледрю-Роллену, сначала напомнилъ, что они гдѣ-то встрѣчались, чего Ледрю-Ролленъ всетаки не вспомнилъ, потомъ ни къ селу, ни къ городу сталъ ему доказывать, что постоянно раздражать Наполеона ошибка, что политичнѣе было бы его щадить для польскаго дѣла. Ледрю-Ролленъ измѣнился въ лицѣ, но Головинъ продолжалъ, что Наполеонъ одинъ можетъ выручить Польшу, и что «это,—добавилъ онъ,—не только мое личное мнѣніе, теперь Маццини и Кошутъ это поняли и всѣми силами стараются сблизиться съ Наполеономъ».

— Какъ же вы можете вѣрить такимъ нелѣпостямъ?—спросилъ его Ледрю-Ролленъ внѣ себя отъ волненія.

— Я слышалъ.

— Отъ кого? Отъ какихъ-нибудь шпионовъ; честный человекъ не могъ вамъ этого говорить. Господа,—я Кошута лично не знаю—но все же увѣренъ, что это не такъ—что же касается до моего друга Маццини, я смѣло беру на себя отвѣчать за него, что онъ никогда не думалъ о такой уступкѣ, которая была бы страшнымъ бѣдствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣною всей религіи его.

— Да, да—само собой разумѣется,—говорили съ разныхъ сторонъ. Ясно было, что слова Головина разсердили всѣхъ. Ледрю-Ролленъ вдругъ повернулся къ Ворцелю и сказалъ ему: вотъ видите, мои опасенія были не напрасны; составъ вашего митинга слишкомъ разнообразенъ, чтобъ въ немъ не заявили мнѣнія, которыя я не могу ни принять, ни даже слушать. Позвольте мнѣ удалиться и отказаться отъ чести говорить 29 числа рѣчь.

Онъ всталъ. Но Ворцель, останавливая его, замѣтилъ, что комитетъ, предпринявшій дѣло митинга, избралъ его своимъ предсѣдателемъ и что въ этомъ качествѣ онъ долженъ просить Ледрю-Роллена остаться, пока онъ спроситъ своихъ товарищей, хотятъ ли они послѣ сказаннаго допустить рѣчь Головина и потерять содѣйствіе Ледрю-Роллена или наоборотъ.

Затѣмъ Ворцель обратился къ членамъ централизаціи. Результатъ былъ несомнѣненъ. Головинъ его очень хорошо предвидѣлъ и поэтому, не дожидаясь отвѣта, всталъ и высококомѣрно бросилъ Ледрю-Роллену: «я уступаю вамъ честь и мѣсто и самъ отказываюсь отъ своего намѣренія сказать рѣчь 29 ноября». Послѣ чего онъ доблестно и тяжело ступая вышелъ вонъ.

Чтобъ разомъ кончить дѣло—Ворцель предложилъ мнѣ прочесть или сказать, въ чемъ будетъ состоять моя рѣчь.

На другой день былъ митингъ, одинъ изъ послѣднихъ блестящихъ польскихъ митинговъ. Онъ удался, народу была бездна, я пришелъ часовъ въ 8—все уже было занято и я съ трудомъ пробирался на эстраду, приготовленную для бюро.

— Я васъ вездѣ ищу—сказалъ мнѣ D-г Дарашъ—васъ ждетъ въ боковой комнатѣ Ледрю-Ролленъ и непременно хочетъ съ вами поговорить до митинга.

— «Что случилось?»—«Да все этотъ шелопай Г.».

Я пошелъ къ Ледрю-Роллену—онъ былъ разсержень, и былъ правъ.—«Посмотрите,—сказаль онъ мнѣ, что этотъ негодяй прислаль мнѣ за записку четверть часа до того, какъ мнѣ ѣхать сюда».

— Я за него не отвѣчаю—сказаль я, развертывая записку.

— Безъ сомнѣнія, но я хочу, чтобы вы знали, кто онъ такой.

Записка была груба, глупа. Онъ и тутъ фанфаронствовалъ, хотѣлъ покрыть фіаско. Онъ писалъ Ледрю-Роллену, что если у него нѣтъ французской учтивости, то пусть онъ покажетъ, что не лишенъ французской храбрости.

— Я его всегда зналъ за безпокойнаго и дерзкаго человѣка—но этого я не ожидалъ, сказалъ я, отдавая записку. Что же вы намѣрены дѣлать?

— Дать ему такой урокъ, котораго онъ долго не забудетъ. Я здѣсь всенародно на митингѣ сорву маску съ этого *aventurier*, я разскажу о нашемъ разговорѣ—сошлюсь на васъ, какъ на свидѣтеля, и притомъ *русскаю*—и прочту его записку. А потомъ увидимъ—я не привыкъ глотать такія конфеты.

Дѣло скверное—подумаль я—Головинъ, со своей весьма подозрительной репутаціей окончательно погибнетъ. Ему одинъ путь спасенья будетъ—дуэль. Этой дуэли нельзя допустить, потому что Ледрю-Релленъ совершенно правъ и ничего обиднаго не сдѣлаль. Въ его положеніи нельзя же было драться съ всякимъ встрѣчнымъ. И что за безобразіе: на польскомъ митингѣ одного русскаго эмигранта затопчутъ въ грязь, а другой поможетъ.

— Да нельзя ли отложить?

— Чтобъ потерять такой случай?

Я еще постарался остановить дѣло, ввернувши предложеніе суда, *jury d'honneur*—все удавалось плохо.

... Затѣмъ мы вышли на эстраду—и были встрѣчены френетическимъ рукоплесканіемъ. Рукоплесканія и шумъ толпы, какъ извѣстно, пьянятъ—я забыль о Головинѣ и думаль о своей рѣчи. Объ рѣчи я говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Самое появленіе мое на трибунѣ было встрѣчено съ величайшимъ сочувствіемъ поляками, французами и итальянцами. Когда я кончилъ, Ворцель—предсѣдатель митинга—подошелъ ко мнѣ и, обнимая меня, повторяль глубоко тронутый: «О, благодарю, благодарю!» Рукоплесканія и шумъ удесятерились, и я подъ ихъ громомъ отправился на свое мѣсто... Тутъ мнѣ пришелъ въ голову Гол. и я испугался близости той минуты, когда трибунъ 1848 года сомнетъ въ своихъ тискахъ этого шута. Я вынулъ карандашъ и написалъ на клочкѣ бумаги: «Бога ради, устройте, чтобъ гнусное дѣло Гол. не испортило вашего митинга». Эстрада была амфитеатромъ, я записочку отдалъ сидѣвшему передо мной Пьянчани, чтобъ онъ ее передалъ Ворцелю. Ворцель прочиталь, черкнуль чтото карандашемъ и отдалъ въ другую сторону, т. е. отправиль къ Ледрю-Роллену, который сидѣль выше. Ледрю-Ролленъ досталь меня рукой за плечо и, весело кивая, сказалъ: «За вашу рѣчь и для васъ я оставляю дѣло до завтра»—и я, довольный какъ нельзя больше, отправилься ужинать съ Руге и Копингамомъ въ *American Storey*.

Не успѣлъ я на другой день встать, какъ комнаты мои наполнились поляками. Они пришли меня благодарить, но, вѣроятно, благодарность они принесли бы и попозже. Главное, имъ не терпѣлось покончить споръ—Головинское дѣло. Бѣшенство на него распалось во всей силѣ. Они составили актъ, въ которомъ Головинъ былъ обруганъ, адресъ Ледрю-Роллену, которому объявляли, что рѣшительно не допустятъ его до дуэли. Десять человекъ готовы были драться съ нимъ. Требовали, чтобы я подписалъ и актъ, и адресъ.

Я видѣлъ, что изъ одной исторіи выйдутъ пять, и, пользуясь вчерашнимъ успѣхомъ, т. е. авторитетомъ, который онъ мнѣ далъ, сказалъ имъ: «Въ чемъ цѣль?—Кончить ли это дѣло такъ, чтобы Ледрю-Ролленъ былъ удовлетворенъ и несчастный инцидентъ, чуть не испортившій вашъ митингъ, былъ стертъ, или наказать Головина во что бы ни стало? Въ послѣднемъ случаѣ, господа, я не участвую и дѣлайте какъ знаете.

— Конечно, главная цѣль—кончить дѣло.

— Хорошо, имѣете вы ко мнѣ довѣріе?..

— Да, да, еще бы.

— Я поѣду одинъ къ Головину... и если улажу дѣло такъ, что Ледрю-Ролленъ будетъ доволенъ, то и конецъ.

— Хорошо, а если не уладите?

— Тогда я подпишу вашъ протестъ и адресъ.

— Ладно.

Головина я засталъ мрачнымъ и сконфуженнымъ, онъ явно ждалъ грозы и врядъ ли былъ доволенъ, что вызвалъ ее.

Объясненіе наше было недолго. Я сказалъ ему, что спасъ его отъ двухъ неприятностей, и предложилъ мои услуги отстранить третью, а именно, примирить его съ Ледрю-Ролленомъ. Ему хотѣлось окончить дѣло, но надменная натура его не допускала до признанія своей вины, а еще больше до признанія ея.

— «Я соглашаюсь только для васъ»,—пробормоталъ онъ, наконецъ. Для меня или для кого другого,—дѣло пошло на ладъ. Я поѣхалъ къ Ледрю-Роллену, прождалъ его часа два въ холодной комнатѣ и простудился, наконецъ, онъ пріѣхалъ любезенъ и веселъ. Я рассказалъ ему всю исторію отъ появления повсехнаго вооруженія Писполитой Рѣчи до ломаній нашего матадора, и Ледрю-Ролленъ со смѣхомъ согласился предать дѣло забвенію и принять раскаявагося грѣшника. Я отправился за нимъ.

Головинъ ждалъ въ сильномъ волненіи. Узнавъ, что все обстоитъ благополучно, онъ покраснѣлъ и, набивши всѣ карманы пальто какими-то бумагами, поѣхалъ со мной.

Ледрю-Ролленъ принялъ настоящимъ gentleman'омъ и тотчасъ сталъ говорить о постороннихъ дѣлахъ. «Я пріѣхалъ къ вамъ,—сказалъ Головинъ,—сказать, что мнѣ очень жаль»... Ледрю-Ролленъ его перебилъ словами:—«N'en parlons plus... вотъ ваша записка, бросьте ее въ огонь»... и безъ запятой сталъ продолжать начатый разговоръ. Когда мы встали, чтобы ѣхать, Головинъ выгрузилъ изъ кармановъ кипу брошюръ и, подавая ихъ Ледрю-Роллену, прибавилъ, что это

его послѣднія брошюры и что онъ проситъ его принять ихъ въ знакъ его особеннаго уваженія. Ледрю-Ролленъ, разсыпаясь въ благодарности, съ почтеніемъ уложилъ кипу, до которой, вѣроятно, никогда не дотрогивался.

— «Вотъ нашъ литературный вѣкъ,—сказаль я Головину, садясь въ карету.—Слыхаль я, что умные люди берутъ съ собой на дуэли штопоръ, но чтобъ вооружались брошюрами—это ново!»

Зачѣмъ я спасъ этого челоуѣка отъ позора? Право, не знаю и просто раскаиваюсь. Всѣ эти пощады, великодушія, закрашиванія, спасенія падаютъ на нашу голову по тому великому правилу, постановленному Бѣлинскимъ, «что мошенники тѣмъ сильны, что они съ честными людьми поступаютъ, какъ съ мошенниками, а честные люди съ мошенниками, какъ съ честными людьми». Бандиты журнальнаго и политическаго міра опасны и неприятны по своему бессмысленному и затруднительному положенію. Терять имъ нечего, выиграть они могутъ все. Спасая такихъ людей, вы ихъ только снова приводите въ прежній (слово не разобрано—*М. Л.*).

Въ разказѣ моемъ нѣтъ слова преувеличеннаго. Подумайте же, каково было мое удивленіе, когда Головинъ напечаталь въ Германіи черезъ *десять лѣтъ*, что Ледрю-Ролленъ *извинялся передъ нимъ...* зная, что и онъ, и я, слава Богу, живы и здоровы... Развѣ это не геніально?

Митингъ былъ 29 ноября 1853 года. Въ мартѣ 1854 я напечаталь небольшое воззваніе къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ отъ имени «русской вольной общины въ Лондонѣ». Головина это оскорбило, и онъ принесъ мнѣ для напечатанія слѣдующій протестъ.

«Я прочелъ вашу «благовѣсть», писанную въ день Благовѣщенія.

«Она надписана: «вольная русская община въ Лондонѣ», а между тѣмъ встрѣчаются слова: «Не помню, въ какой губерніи.

«Слѣдовательно, для меня загадка, состоитъ ли эта община изъ васъ и Энгельсона, или изъ васъ одного?

«Здѣсь не мѣсто разбирать содержаніе, мнѣ не бывшее показанное въ рукописи. Чтобы упомянуть только о томъ, я бы не подписалъ обѣщаніе не оставить безъ совѣта людей, которые меня не просятъ объ этомъ. Ни скромность, ни совѣсть не позволяютъ мнѣ сказать; что я примирилъ имя народа русскаго съ народами Запада.

«По сему почитаю должнымъ просить Васъ объявить при слѣдующемъ и наискорѣйшемъ случаѣ, что я до сихъ поръ не участвовалъ ни въ какихъ воззваніяхъ, печатанныхъ вашею типографіей порусски.

«Надѣясь, что вы не заставите меня прибѣгнуть къ другаго рода гласности,

я пребываю Вамъ покорный

Иванъ Головинъ.

Лондонъ, 25 марта 1854.

Г. Герцену—Искандеру.

«P. S. Поставляю на ваше усмотрѣніе напечатать мое письмо въ настоящемъ его видѣ, или объявить содержаніе онаго въ кратцѣ».

Протесту я несказанно обрадовался, въ немъ я видѣлъ начало разрыва съ этимъ невыносимо тяжелымъ человѣкомъ и публичное заявленіе нашего разногласія. Европа и сами поляки такъ поверхностно смотрятъ на Россію—особенно въ промежутки, когда она не бьетъ сосѣдей или не присоединяетъ цѣлыя государства въ Азіи,— что я долженъ былъ работать десять лѣтъ, чтобъ меня не смѣшивали съ пресловутымъ Ivan Golovin.

Вслѣдъ за протестомъ Головинъ прислалъ письмо—длинное, безсвязное, которое заключилъ словами: «можетъ быть отдѣльно мы еще будемъ полезнѣе общему дѣлу, если не станемъ тратить наши силы на борьбу другъ съ другомъ».

На это я отвѣчалъ ему:

30 марта. Четвергъ.

«Я считаю себя обязаннымъ поблагодарить васъ за письмо ваше, полученное вчера и котораго добрую цѣль—смягчить печатное объявленіе—я вполне оцѣнилъ.

«Я совершенно согласенъ, что отдѣльно мы принесемъ больше пользы. На счетъ борьбы, о которой вы пишете,—она не входила въ мою голову. Я не возьму никакой инициативы, не имѣя ничего противъ васъ, особенно, когда каждый пойдетъ своей дорогой.

«Вспомните, какъ давно и сколько разъ я говорилъ вамъ келейно то, что вы сказали теперь публично. Наши нравы, мнѣнія, симпатіи и антипатіи—все розно. Позвольте мнѣ остаться съ уваженіемъ къ вамъ, но принять нашу раздѣльность за fait accompli, и вы, и я—мы будемъ отъ этого свободнѣе.

«Письмо мое отвѣтъ, вопросовъ въ немъ нѣтъ, я васъ прошу не длить этой переписки, и полагаюсь на Вашу деликатность, что окончательное разставаніе наше не будетъ сопровождено ни жесткимъ словомъ, ни враждебнымъ дѣйствіемъ.

«Желаю вамъ всего лучшаго».

Что Головину вовсе не хотѣлось разорвать сношеніе со мной—это было очевидно; ему хотѣлось сорвать сердце за то, что мы печатали воззваніе безъ него, и потомъ примириться, но я ужъ не хотѣлъ упустить изъ рукъ этого горячо желаннаго случая.

Недѣли двѣ—три послѣ моего письма, я получилъ отъ него пакетъ. Раскрываю — бумага съ траурнымъ ободкомъ... Смотрю — это половина погребальнаго приглашенія, разосланнаго 2 мая 1852 года. Въ отвѣтъ на его письмо изъ Турина, я ему его послалъ и приписалъ: «Письмо ваше тронуло меня, я никогда не сомнѣвался въ добромъ сердцѣ вашемъ...» На этомъ—то письмѣ онъ написалъ, что просить у меня свиданья, давалъ новый адресъ и прибавлялъ: «Il ne s'agit pas d'argent».

Я отвѣчалъ, что идти къ нему не могу, потому что не я имѣю къ нему дѣла, а онъ ко мнѣ, потому что онъ началъ, а не я, разрывъ,

наконецъ, потому, что онъ довелъ о томъ до постороннихъ. Но что я готовъ его принять у себя, когда ему угодно.

Онъ явился на другое утро—смирный и шелковый. Я увѣрялъ его еще и еще, что никакого враждебнаго шага съ моей стороны сдѣлано не будетъ, но что наши мнѣнія, нравы до такой степени не сходны, что видаться намъ незачѣмъ.

— Да какъ же вы это только теперь замѣтили?..

Я промолчалъ.

Мы разстались холодно, но учтиво.

Казалось бы, чего же еще. Нѣтъ! на другой же день Головинъ наградила меня слѣдующимъ письмомъ ¹⁾.

(Ad usum proprium)

«Послѣ сегодняшняго разговора, не могу я вамъ отказать въ сатисфакціи имѣть общинку, имѣйте! Полемики же вести я никакой не намѣренъ, слѣдовательно, избѣгайте все то, что можетъ дать поводъ къ ней.

«Когда ваши новые друзья передъ вами согрѣшаютъ, вы найдете во мнѣ вамъ всегда преданнаго.

«Мой совѣтъ написать въ «M. Adv.», что вы процесса не заводите съ ними потому только, что презираете невѣжество, которое не знаетъ отличить патріота и друга свободы отъ агента, хвалить Брунова и клевететь на Бакунина.

«Я къ вамъ ходить не буду, покуда буду занятъ дѣлами болѣе важными, нежели снискивать симпатіи.

«Когда же меня захотите посѣтить, всегда обрадуете, тѣмъ болѣе, что имѣя кое-что общее, имѣется также кое что и переговорить.

26 апрѣля 54 г.

Головинъ».

Къ лѣту я уѣхалъ въ Ричмондъ и нѣкоторое время ничего не слышалъ о Головинѣ. Вдругъ отъ него письмо. Онъ, не называя никого, говорилъ, что до него дошло, что «я смѣялся надъ нимъ», у себя дома... и требовалъ (какъ у любовницы), чтобъ я возвратилъ ему портретъ его, подаренный въ Ниццѣ. Какъ я ни хлопоталъ, какъ ни рылся въ бумагахъ, портрета найти не могъ.

Досадно было... но пришлось передать ему, что портретъ пропалъ. Я просилъ нашего общаго знакомаго — Савича — сказать ему, какъ я искалъ, и повторить, что я ни малѣйшаго зла ему не желаю и прошу его оставить меня въ покоѣ.

Въ отвѣтъ на это—слѣдующее письмо:

«Почтенный Александръ Ивановичъ.

«Вы говорили Савичу, что если я вамъ напишу письмо, то вы

¹⁾ „Morning Advertiser“, тогда именно появившійся въ руки К. Блинда и вѣщавшихъ демократовъ Марксовскаго толка, помѣстилъ глупѣйшую статью, въ которой доказывалъ единство видовъ моей пропаганды съ русскимъ правительствомъ. Головинъ, дающій такіе хорошіе совѣты, самъ впоследствии прибѣгнувъ къ тѣмъ же средствамъ и въ томъ же „Morning Advertiser“.

мнѣ возвратите 10 фунт. стерл. Мое распоряженіе было дать вамъ 20 фунт. стерл. изъ послѣднихъ денегъ, да и вы сами писали, что вы изъ 100 возьмете только 20. Я надѣялся вывернуться скоро, вышло иначе. Но черезъ недѣлю, много дѣл, я бы могъ вамъ возвратить эти 10 ф. с. Вы говорите, что вы мнѣ не врагъ, и я прошу объ этомъ, не какъ объ одолженіи отъ пріятели, а какъ объ справедливости. Если вамъ это кажется иначе, то откажите, не барабана объ этомъ вашимъ поклонникамъ.

Августъ 16.

И. Головинъ.

На это письмо я ничего не отвѣчалъ. Не нужно и говорить, что я Савичу никакихъ денежныхъ порученій не давалъ. Онъ нарочно спуталъ два дѣла, чтобъ придать видъ какой-то *сдѣлки* простой просьбѣ. О самомъ Савичѣ — одномъ изъ забавнѣйшихъ полевыхъ цвѣтковъ нашей родины, занесенныхъ на чужбину, — мы поговоримъ еще когда-нибудь.

Вслѣдъ за тѣмъ второе письмо. Онъ догадался, что отсутствіе отвѣта—отказъ, и разумѣется, вымѣрилъ всю неосторожность своего поступка.

Испугавшись, онъ рѣшился взять дѣло приступомъ; онъ мнѣ писалъ, что я «нѣмецъ или жидъ» ¹⁾, отослалъ назадъ мое письмо, С— надписавъ на немъ: «вы трусите». Затѣмъ два письма съ поддѣль-

¹⁾ Здѣсь у Герцена вклеены между листами копій двухъ его писемъ къ Головину:

В.

22 августа. 1854.

Ричмондъ.

„Милостивый Государь,

„Вы писали мнѣ, что хотите прекратить всякое воспоминаніе нашего знакомства. Черезъ нѣсколько дней вы просили въ займы 10 ливровъ.

„На первое письмо я вамъ отвѣчалъ искренно и вѣжливо, не обращая вниманія на тонъ вашего письма.

„На второе я ничего не отвѣчалъ.

„Переписка между нами невозможна. Я возвращаю вамъ письмо и не пишу слѣдующихъ. Въ полномъ сознаніи моей правоты въ отношеніи къ вамъ — я буду упорно молчать, пока это возможно, надѣясь на здравый смыслъ всякаго безпристрастнаго человѣка.

А. Герценъ.

С.

23 августа. 1854.

„Вы хотите меня заставить съ вами драться, такъ, какъ заставляютъ мальчишковъ. Мнѣ совершенно все равно, считаете ли вы меня трусомъ или храбримъ, воромъ или фальшивымъ монетчикомъ.

„Почему вы хотите драться теперь, потому что вамъ совѣстно, что попросили десять ливровъ у человѣка, съ которымъ грубо прервали всѣ сношенія? Если бы я вамъ ихъ далъ, у васъ не было бы *rescondescence*.

„Я не буду съ вами драться, потому что это глупо, потому что я ничего не сдѣлалъ, за что обязанъ вамъ репарацией, и потому, наконецъ, что стою самобытно на своихъ ногахъ и не покоряюсь чужой волѣ или ругательнымъ словамъ, диктованнымъ какими-то помѣшательствомъ.

„Не думайте, что я изъ этого письма дѣлаю тайну—вы можете его читать, не читать.—Вообще дѣлайте, что хотите, только не пишите ко мнѣ.

„Я со своей стороны и говорить не буду, не только писать, такъ мнѣ это надобно.

А. Герценъ.

ной надписью и съ бранью внутри въ родѣ *D.* ¹⁾ Жалѣю, что часть ихъ утратилась,—впрочемъ, тонъ одинъ во всѣхъ.

Онъ ждалъ, что вслѣдъ за его письмомъ, въ которомъ онъ говоритъ о трусости, я пришлю секундантовъ. Мои понятія о чести были, дѣйствительно, странны и не совпадали съ его понятіями. Что за милость убить кандидата въ Бисетръ, въ смиренный домъ, или быть имъ убитымъ, искалѣченнымъ и навѣрное попасть подъ судъ, бросить свои занятія,—и все это для того, чтобы доказать, что я его не боюсь... Какъ будто однѣ бѣшенныя собаки имѣютъ привиллегію вселять ужасъ, не лишая чести бояшагося?

Опять пауза.—Головинъ не показывается въ нашихъ паражахъ, кутить на чей то *другой* счетъ, говоритъ дерзости кому-то *другому*, у кого-то другого беретъ деньги въ займы. Между тѣмъ послѣднія свѣтлыя точки репутаціи тускнутъ, старые знакомые отрекаются отъ него, новые бѣгутъ. Луи Бланъ извиняется передъ друзьями, встрѣтившими его съ Головинымъ на Regent Street; домъ Мильнеръ Гибсона окончательно запираютъ для него и только вдали англійскіе «симплетоны»—глупѣйшіе изъ всего міра догадываются, что онъ не князь и не политическій человѣкъ, и вообще не человѣкъ; одни нѣмцы, знающіе людей по книгопродавческимъ каталогамъ, считаютъ его чѣмъ-то «бергомтомъ».

Въ февралѣ 1855—приготовлялся народный сходъ С.-Мартинсъ-Галя; торжественный, но не удавшійся опытъ соединенія социалистовъ всѣхъ эмиграцій съ Чартистами. Подробности и схода, и Марксовскихъ интригъ противъ моего избранія я разсказалъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь о Головинѣ.

Я не хотѣлъ произносить рѣчи и пошелъ въ засѣданіе комитета, чтобы поблагодарить за честь и отказаться. Дѣло было вечеромъ—и когда я выходилъ, я встрѣтилъ одного Чартиста на лѣстницѣ, который меня спросилъ, читалъ ли я письмо Головина въ «Morning Advertiser'ѣ». Я не читалъ. Внизу былъ кафе и Public-house. «Morning Advertiser» есть во всѣхъ кабакахъ—мы взошли и Финлейнъ показалъ мнѣ письмо Головина, въ которомъ онъ писалъ, что до его свѣдѣнія дошло, что международный Комитетъ меня избралъ членомъ и просилъ — какъ русскаго — произнести рѣчь на митингѣ, а потому онъ, *побуждаемый одной любовью къ истинѣ*, предупреждаетъ, что я не русскій, а нѣмецкій жидъ, родившійся въ Россіи, — «раса находящаяся подъ особымъ покровительствомъ Николая».

Прочитавъ эту шалость, я возвратился въ Комитетъ и сказалъ предсѣдателю (Э. Джонсу), что беру назадъ мой отказъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я показалъ ему и членамъ «Morning Adv.» и прибавилъ, что Головинъ очень хорошо знаетъ мое происхожденіе и «лжетъ изъ любви къ истинѣ». Да и къ тому же еврейское происхожденіе врядъ могло ли бы служить препятствіемъ, — прибавилъ я, — взявъ во вни-

D.

¹⁾ «Отослать письмо, не читая — есть дерзость, достойная храбрыхъ. Отослать письмо, полагая, что оно содержитъ запросъ денежный, между тѣмъ какъ ничего такого въ немъ нѣту, надо быть жидомъ. Отослать письмо, не зная, нѣтъ ли въ немъ чего, касающагося для чести, надо имѣть объ ней странныя понятія».

маніе, что первые изгнанники послѣ сотворенія міра были евреи именно Адамъ и Ева.

Комитетъ расхохотался и, съ предсѣдателя начиная, принялъ мое новое рѣшеніе съ рукоплесканіемъ. «Что касается до вашего выбора меня въ члены — я обязанъ васъ благодарить, но защищать вашъ выборъ — ваше дѣло».

— Да! да! закричали со всѣхъ сторонъ.

Джонсъ на другой день напечаталъ нѣсколько строкъ въ своемъ «The People» и послалъ письмо въ «Daily News»—Головинъ умолкъ и уѣхалъ въ Америку.

Alexander Herzen, the Russian exile.

Some sham democrat has written in the Morning Advertiser a libel with reference to M. Herzen, with a view to damage, if possible, the approaching demonstration in St. Martin's Hall. The effort is puerile, because that demonstration is one of peoples and principles, and does not in any way depend on the personality of any individuals. But in justice to M. Herzen, we are bound to say that the ridiculous statement about his not being a Russian and an exile is a downright falsehood, and that the statement that he belongs to the same race as Joshua and Josephus is utterly without foundation; not that it is not just as honourable to belong to that once mighty and ever consistent people, as to any other. He was five years a captive in the Ural mountains, and liberated thence only to be banished from Russia, his native clime.

M. Herzen is at the head of Russian democratic literature, and the most distinguished exile of his country; as such, the representative of its proletarian millions. He will be at the demonstration in St. Martin's Hall, and will, we trust, receive a welcome, that will show the world that the English can sympathise with the Russian people, while they desire to strike at the Russian tyrant.

M. H e r z e n .

To the editor of the Daily News.

Sir,—A letter inserted in one of your contemporaries denies M. Herzen, the well known Russian exile, the right of representing, in the International Committee, Russian democracy, and even the Russian birth-right.

M. Herzen already has disposed of the second allegation. Allow us on behalf of the International Committee, to add to M. Herzen's reply a few facts respecting the first one, which very likely his modesty has prevented him alluding to.

At twenty years of age, condemned for a conspiracy against the despotism of the Czar, he was sent to the frontier of Siberia, where he remained, an exile, for a period of seven years.

Pardoned a first time, he knew very soon how to deserve a second condemnation.

In the meantime, political pamphlets, philosophical writings, and novels secured him one of the most distinguished places in Russian literature.

However, for the literary and political part played by M. Herzen in his own country, we can do no better than to refer to an article published on the 6 th inst. in the Athenoem, of which nobody will suspect the impartiality.

Arrived in Europe in 1847, M. Herzen occupied an important rank amongst the distinguished men who attached their names to the great revolutionary movement of 1848. Since that time he has started in London the first Russian free press, wherein he prosecutes against the Czar Nicolas and Russian despotism a deadly and most useful war.

In consequence of these facts, anxious as we were to unite the whole democracy in a common manifestation, we neither hoped nor wished to find in England or in Europe a nobler and truer representative of the revolutionary party in Russia. Yours, &c.

(Signed on behalf of the International Committee).

The President

Secretaries	}	Robert Chapman.
		Conrad Dombrowski.
		Alfred Talandier.

Наконецъ, думалъ я, мы освободились отъ него. Онъ пропадетъ въ этомъ океанѣ всякихъ свиндлеровъ и искателей богатствъ и приключеній, сдѣлается тамъ пионеромъ или диггеромъ, шулеромъ или слевольдеромъ, разбогатѣтъ ли онъ тамъ, или будетъ повѣшенъ по lynch law—все равно, лишь бы не возвратился. Ничуть не бывало—всплылъ мой Головинъ черезъ годъ въ томъ же Лондонѣ и встрѣтилъ на улицѣ Огарева, который ему не кланялся, подошелъ и спросилъ его: «А что это вамъ не велѣли, что-ли, кланяться?» и ушелъ. Огаревъ нагналъ его и, сказавъ: «Нѣтъ, я по собственному желанію не кланяюсь съ вами»—пошелъ своей дорогой. Само собою разумѣется, это тотчасъ вызвало слѣдующую ноту (письмо къ Огареву):

«Приступая къ изданію *Кнута*, я не ишу быть въ ладу съ моими врагами, но я не хочу, чтобы они думали обо мнѣ всякой вздоръ.

«Въ двухъ словахъ я вамъ скажу, что было у меня съ Герценомъ. Я былъ у него на квартирѣ и просилъ не ссориться. «Не могу, говоритъ,—не симпатизирую съ вами, давайте полемику вести». Я ее не велъ, но когда онъ отослалъ мнѣ письмо не распечатанное, тогда я его назвалъ нѣмцемъ. Это Брискорнъ, называвшій Долгоорукаго нѣмцемъ на смѣхъ солдатамъ. Но Герцену угодно было отвѣчать и рассказать свою исторію, а потомъ разгнѣваться не на себя, а на меня. Но и въ исторіи въ этой ничего не было обиднаго. Допустимъ, что мое поведеніе съ нимъ было дурно, а ваше со мной хорошо, хотя вы и не близнецы, все еще не за что становиться на дыбы, не лезя въ драку.

Явв. 12/57.

Головинъ.

Мы рѣшились безусловно молчать. Нѣтъ досаднѣе наказанья крикунамъ и *hableur*'амъ, какъ молчаніе, какъ нѣмое, холодное пренебреженіе. Головинъ еще раза два сдѣлалъ опытъ написать къ Огареву колкія и остроумныя записки въ родѣ приложенной второй миссивы, уже совершенно лишенной смысла и смахивающей на дѣйствительное сумашествіе.

«Верлинъ, 20-го августа.

«Я видѣлъ
Бога Цензуры Русской
и не смолчалъ ему.

«Съ Будбергомъ мы грызлись два часа; онъ рыдалъ, какъ теленокъ.
«*Vous voulez la guerre, vous l'aurez.*

«Мы были врагами съ Герценомъ два-три года. Что изъ этого произошло? Пользы никому! Хочетъ онъ стрѣляться? У меня *Стрѣла* готова! Но для пользы общей гораздо лучше подать руку!

Victoria Hôtel.

«Вы издаете ваши полныя сочиненія. Пахнетъ ли въ нихъ мертвымъ, какъ въ Даніи?»

Ни слова отвѣта.

А, впрочемъ, съ ума сойти было отъ чего. Мало-по-малу всѣ матеріальныя и моральныя средства изсякли. Литературныя аферы, поддерживавшія его, кредиту—нигдѣ, онъ предпринималъ всякаго рода—полу-свѣтлыя и полу-темныя дѣла,—все падало на его голову или валилось изъ его рукъ. На средства онъ не былъ разборчивъ.

Однимъ добрымъ утромъ—вѣроятно, не зная, гдѣ бы на чужой счетъ хорошенъко пообѣдать—а хорошо обѣдать онъ очень любилъ—Головинъ написалъ Пальмерстону письмо и предложилъ себя, это было въ концѣ Крымской войны—тайнымъ агентомъ англійскому правительству, обѣщая быть очень полезнымъ по прежнимъ связямъ своимъ въ Петербургѣ и по отличному знанію Россіи. Пальмерстону стало гадко, и онъ велѣлъ отвѣчать секретарю, что Вискоунтъ благодарить г. Головина за предложеніе—но въ настоящую минуту его услуги не нуждается. Это письмо въ пакетѣ съ печатью Пальмерстона Головинъ долго носилъ въ карманѣ и *самъ показывалъ* его.

Послѣ смерти Николая онъ помѣстилъ въ какомъ-то журналѣ ругательную статью противъ новой императрицы, подписавъ ее псевдонимомъ, и черезъ день помѣстилъ въ томъ журналѣ возраженіе за своей подписью. Нашъ пріятель Кауфманъ, редакторъ литографированной корреспонденціи, обличилъ эту продѣлку, и объ ней прокричали десятки журналовъ. Затѣмъ онъ предложилъ русскому посольству въ Лондонѣ издавать *правительственную* газету. Но и Бруновъ, какъ Пальмерстонъ, еще не чувствовалъ настоятельной потребности въ его услугахъ.

Тогда онъ просто попросилъ амнистію—и тотчасъ получилъ ее, съ условіемъ поступить на службу. Онъ испугался, сталъ торговаться о мѣстѣ служенія, просилъ, чтобъ его взялъ къ себѣ Суворовъ, бывший тогда генераль-губернаторомъ остзейскихъ провинцій. Суворовъ согласился, Головинъ не поѣхалъ, а написалъ князю Горчакову письмо

о своемъ сновидѣніи; онъ видѣлъ—государь призываетъ его въ свой совѣтъ и что онъ съ рвеніемъ ему благія дѣла совѣтуетъ.

Сны не всегда сбываются, и вмѣсто мѣста въ царской думѣ нашъ посѣдѣвшій шалунъ чуть не попалъ въ исправительный домъ. Встрѣтившись съ какимъ-то коммерческимъ фактотумомъ Стерномъ, Головинъ, безъ гроша денегъ, поднялся на всякія спекуляціи, забывая, что еще въ 1846 имя его было выставлено въ Парижѣ на биржѣ, какъ человѣка, нечисто играющаго. Онъ хотѣлъ надуть Стерна — Стернъ надулъ его, Головинъ прибѣгнувъ къ своей методѣ: онъ помѣстилъ въ журналахъ статью о Стернѣ, въ которой коснулся его семейной жизни. Стернъ взбѣсился и потребовалъ его къ суду. Головинъ явился растерянный, испуганный къ Соллиситору, онъ боялся тюрьмы, сильнаго штрафа, огласки. Соллиситоръ предложилъ ему подписать какой то документъ на мировую, полное отреченіе отъ сказаннаго. Соллиситоръ скрѣпилъ, а Стернъ, вылитографировавши документъ и снабдивши facsimil'емъ, разослалъ ко всѣмъ своимъ и Головинскимъ знакомымъ. Одинъ экземпляръ получилъ и я.

4 Egremont Place. London

29 May 1857.

«Dear Sir.

Your having commenced an action for Libel against me in respect of certain statements I have made both verbally and in writing reflecting upon your character and you having through the intervention of mutual friends consented to foreso further proceedings therein upon my paying the costs thereof and retracting such statements and also expressing my regret at having made use of them, I thus gladly avail myself of those terms and beg to assure you that if anything that I may have written or said has tended in the most remote degree to injure you I can only say that such was not my intention and that I am very sorry for having adopted the course I did which shall never be repeated by

your's truly

I. Golovin.

E. Stern Esq.

Writness H. Empson, Solicitor. 61 Moorgate Steer. London».

Затѣмъ—Лондонъ оказался рѣшительно невозможнымъ... Головинъ оставилъ его, увозя съ собой цѣлую портфель незаплаченныхъ счетовъ—портныхъ, сапожниковъ, трактирщиковъ, домохозяевъ... Онъ уѣхалъ въ Германію и вдругъ какъ-то скоропостижно женился. Замѣчательное событіе это онъ телеграфировалъ въ тотъ же день Императору Александру II.

Года черезъ два, пропивши приданое жены, онъ напечаталъ въ фельетонѣ какой-то газеты о несчастіи геніальнаго человѣка, жена-натаго на простой женщинѣ, которая не можетъ его понимать.

Затѣмъ я не слыхалъ объ немъ больше пяти лѣтъ.

Въ началѣ польскаго возстанія — новый опытъ примириться— «Польскіе и русскіе друзья очень требуютъ, ждуть!» — Я промолчалъ.

. . . Въ началѣ 1865 я встрѣтилъ въ Парижѣ какого-то сгорбившагося старика, съ осунувшимся лицомъ, въ поношенной шляпѣ, въ поношенномъ пальто... было вѣтрено и очень холодно... я шель на чтеніе къ А. Дюма... которое тоже было вѣтрено и вяло. Старикъ прятался въ воротникъ; проходя онъ, не глядя на меня, пробормоталъ: «Отзвонилъ!»—и пошелъ далѣе. Я приостановился... Головинъ шель прежней тяжелой ступней, не оборачивался, — пошелъ и я. Остановился я затѣмъ, что раза два онъ встрѣчался со мной на лондонскихъ улицахъ, разъ онъ пробормоталъ: «Экой злой!»—другой сказалъ себѣ что то подъ носъ, вѣроятно, обругалъ, но я не слыхалъ, и ко мнѣ онъ не обращался, а начинать съ нимъ уличную исторію мнѣ не хотѣлось. Онъ разказалъ впослѣдствіи Савичу и Савашкевичу, что встрѣтившись—обругалъ меня, а я промолчалъ.

— Что же Головинъ здѣсь дѣлаеть? — спросилъ я того же Голынского, о которомъ упоминалъ.

— Плохо ему, онъ сдѣлался брокантеромъ, мѣнялой, покупаетъ скверныя картины, надуваетъ ими дураковъ, а большей частью самъ бываетъ надутъ... Старѣеть, брюзжить, пишетъ иногда статьи, которыя никто не печатаеть, не можетъ вамъ простить ваши успѣхи... и ругаетъ васъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

. . . Сношеній между нами не было съ тѣхъ поръ. Но черезъ годы, когда всего менѣе ждешь—получается письмо... то съ предложеніемъ примириться по просьбѣ какихъ-то поляковъ, то съ какой-нибудь бранью. Съ нашей ни слова отвѣта.

Я вздумалъ—какъ ни скучно—записать наши похождения и для этого развернулъ уцѣлѣвшія письма его. Въ то время, какъ я взялся за перо и написалъ первыя строки, мнѣ подали письмо руки Головина. Вотъ оно, какъ достойный эпилогъ:

«Александръ Ивановичъ!

«Напоминаю я вамъ о себѣ рѣдко, но разнесся слухъ, что вы «умываете себѣ руки» и сходите съ колокольни.

«По моему не берись за лушъ, а взявшись за лушъ, не говори, что дюжъ.

«Ваши средства вамъ позволяютъ издавать Колоколь и при потерѣ. Если можно помѣстите письмо, при семъ приложенное.

Головинъ».

Г-ну Каткову, Редактору

«Московскихъ Вѣдомостей».

Милостивый Государы

Извините меня если я не знаю васъ ни по имени, ни по отчетству, знаю васъ только за вашу слѣпую ненависть къ Полякамъ, въ которыхъ вы не признаете ни людей, ни Славянъ, знаю также за ваше незнаніе Европейскихъ вопросовъ.

«Мнѣ говорятъ, что въ вашемъ журналѣ была фраза: «Дерптское перо сожалѣеть объ Россіи и утопаетъ въ ничтожествѣ», или нѣчто подобное. Я жалѣю Россію, жалѣю *опричничество* и неурядицу

ея, жалѣю дворянство, которое принуждено дѣлать фальшивыя ассигнаціи и фальшивыя билеты лотерейныя, такъ что въ настоящую минуту представлено три билета выигравшихъ 100 т. руб. и никто не можетъ отличить, который настоящій, жалѣю упивающихся крестьянъ, ворующихъ чиновниковъ и священниковъ врущихъ вздоръ; но я знаю, что *на Руси не красно жить*.

Угодно было Его Величеству не велѣть мнѣ прописать въ паспортъ глупый чинъ, добытый мною въ Университетѣ, и я записалъ въ Его формулярный списокъ титулъ *Благонамѣреннаго*, который ему и остается, такъ что написанное перомъ не вырубается и топоромъ.

Украли у меня отечество за политическую экономію; я вспомнилъ, что я человѣкъ прежде нежели Русскій и служу человечеству—поприще гораздо большее, нежели служба Государственная, которую мнѣ возлагали въ обязанность.

Въ моихъ глазахъ я не упалъ, а поднялся. Слышалъ я, что, еслибъ пріѣхалъ, то заперли бы меня въ домъ умалишенныхъ; но надо было бы выпустить много крови, чтобъ ослабѣлъ мой мозгъ.— операція извѣстная подъ 53° градусомъ сѣверной широты противъ людей, которымъ есть съ чего сходить.

Имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій

Ив. Головинъ.

Парижъ февр. 1/66.

А. И. Герценъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Головинъ въ своихъ «Запискахъ» категорически утверждаетъ, что отправился къ Ламорисіеру *по просьбѣ Герцена*. Между тѣмъ, правъ Герценъ, утверждая, что онъ вовсе и не просилъ его.

2. Объ инцидентѣ съ Бакунинымъ я разскажу подробнѣе въ концѣ своей работы.

3. Относительно митинга 1853 года разсказъ Герцена совершенно справедливъ, потому что подтверждается другими. А вотъ какъ разсказываетъ о немъ самъ Головинъ:

«Въ 1853 г. былъ въ Лондонѣ митингъ за Польшу отъ «Централизациі». Было подготовительное засѣданіе, чтобъ условиться, какъ говорить. Ледрю-Ролленъ важно сидѣлъ въ креслахъ; я подошелъ пречутивно спросить объ его здоровьи, зная, что онъ недавно былъ передъ тѣмъ боленъ. Онъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

«Завязались споры. Я сдѣлалъ предложеніе, чтобъ Наполеона оставить въ покоѣ, и спрашиваю Ледрю-Роллена объ его мнѣніи.

— Какъ вы можете меня объ этомъ спрашивать? Развѣ я могу пактизировать съ Наполеономъ!?

— Да, говорятъ, что онъ дѣлаетъ уступки.

— Это говорятъ французскіе агенты. Господа, я отказываюсь отъ рѣчи.

— Господа, я не останусь въ долгу, и я не буду говорить.

«Я взялъ шляпу и ушелъ. Въ тотъ же день написалъ я Ледрю-Роллену записку, говоря, что мнѣ было бы очень интересно знать, исправляетъ ли онъ обиды съ тою же легкостью, съ которою онъ ихъ наноситъ.

«Приходитъ ко мнѣ Герценъ, говоритъ, что Ледрю-Ролленъ предлагаетъ повторить передо всѣми, что онъ сказалъ, а слова его объ агентахъ ко мнѣ не относились.

«Въ такомъ случаѣ, если хотите, мы поѣдемъ къ нему сами.

«Ледрю-Ролленъ насъ принялъ какъ нельзя лучше, и былъ вѣжливъ, какъ порядочному французу слѣдуетъ быть»¹⁾.

Въ позднѣйшемъ разсказѣ, уже послѣ смерти Герцена, Головинъ представилъ дѣло иначе: «Герценъ такъ подружился со мной въ Лондонѣ, что мы приняли участіе въ приготовленіяхъ къ годовому

¹⁾ „Записки“, 144—146.

празднику польской централизованной организации, въ которой находился Ледрю-Ролленъ. Французскій эксъ-министръ держалъ себя такъ вызывающе, что я вступилъ съ нимъ въ споръ и, придя домой, написалъ ему письмо, которое носило характеръ вызова. Герценъ пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ сходить къ Ледрю-Роллену, и дѣло кончилось къ взаимному удовольствію» ¹⁾.

4. Протестъ Головина по поводу выпуска прокламаціи «Русскому воинству въ Польшѣ» за подписью «Вольная русская община въ Лондонѣ» Герценъ напечаталъ отдѣльнымъ листкомъ въ собственной вольной русской книгопечатнѣ, предпославъ ему слѣдующія слова: «По желанію г. Головина я печатаю немедленно письмо его, полученное мною 26 марта. А. Герценъ».

Герценъ забылъ, что еще раньше онъ далъ Головину понять его непринадлежность къ лондонской русской общинѣ, когда Головинъ вручилъ ему какую-то статейку и просилъ ее напечатать. Герценъ отвѣтилъ, что не считаетъ это возможнымъ, и предложилъ обратиться въ какую-нибудь другую типографію.

Инцидентъ съ своимъ протестомъ Головинъ рассказываетъ тоже невѣрно. Вотъ его показаніе:

«Откуда ни возьмись, вдругъ Русская печатня отъ русскаго вольнаго общества въ Лондонѣ издаетъ воззваніе къ русскимъ войскамъ въ Польшѣ не драться. Меня не спрашивали, а полку нашего прибылъ только одинъ Энгельсонъ, который уже и въ мертвыхъ. Я почелъ долгомъ протестовать, и Герценъ издалъ мой протестъ.

— Что же, спрашиваетъ онъ меня,—надо быть полковникомъ, чтобы относиться къ войскамъ?»

— Надо проливать не одни чернила, надо не бояться пороха.

«Ссора была неминуема, но я таки попробовалъ ее отклонить, пошелъ къ Герцену и говорю, что ссора, мнѣ кажется, не нужна для общаго дѣла.

— Я къ вамъ не чувствую симпатіи, возражаетъ онъ.

— Тогда бы я чувствовалъ къ вамъ антипатію, которой не ощущаю.

— Я не могу позволить, чтобъ иногда меня волили, а иногда не жаловали.

— Вамъ никто не позволитъ выдавать себя за представителя Россіи. Этого не дѣлалъ и Бакунинъ.

— Будемте вести полемику, вѣдь мы же другъ друга звать агентами не будемъ» ²⁾.

5. О соединенномъ митингѣ всѣхъ эмигрантовъ съ чартистами. Головинъ рассказываетъ такъ:

«Полемики я съ нимъ не велъ, но когда мнѣ случилось отписать къ нему объ чемъ то, а онъ воротилъ письмо мое нераспечатанное, тогда я написалъ въ «Морнингъ Адвертейзерѣ» по случаю митинга, на которомъ нѣкто г. Таландые имѣлъ представлять Францію, а Герценъ—Россію, что желательно было бы, чтобы нѣмцы не

¹⁾ „Meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin“, Leipzig, 1880.

²⁾ „Записки“, 146—147.

представляли Россію въ эмиграціи. На это Герценъ отвѣтилъ, что онъ родился въ Москвѣ и былъ воспитанъ въ Москвѣ; но развѣ у насъ мало остзейцевъ въ томъ же самомъ положеніи? A la guerre comme á la guerre, и съ моей стороны, разумѣется, было это придирка и Герценъ оказалъ мало тактики, рассказавъ свою генеалогію; никто его въ ней упрекать не думалъ. Но замѣсто того, чтобы разсердиться на себя, онъ еще пуще разсердился на меня. «Зачѣмъ, говорилъ я ему, не начинаете вы революціи съ себя и не назоветесь Сердцевымъ или Яковлевымъ?»

Головинъ думалъ, что кололъ Герцена, предлагая ему фамилію Яковлева—его незаконнаго отца, и воображалъ, что очень остроумень, когда не разъ въ полемикѣ называлъ Герцена Сердцевымъ, дѣлая этимъ переводъ его фамиліи (Herzen).

6. Переводъ двухъ документовъ, приведенныхъ Герценомъ по англійски.

Русскій изгнанникъ Александръ Герценъ.

Нѣкій квази-демократъ написалъ въ Morning Advertiser на г. Герцена пасквиль, имѣющій цѣлью набросить тѣнь, если это только возможно, на предстоящую демонстрацію въ St. Martin's Hall. Попытка мальчишеская, ибо предстоящая демонстрація является демонстраціей народовъ и принциповъ и не находится ни въ какой зависимости отъ свойствъ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ личностей. Но во имя справедливости мы обязаны заявить, что утвержденіе смѣхотворной статьи, будто г. Герценъ не русскій и не изгнанникъ, гнусная ложь и что указаніе на принадлежность Герцена къ тому племени, къ которому принадлежатъ Иисусъ Навинъ и Іосифъ, лишено рѣшительно всякаго основанія. Говоримъ мы это, однако, вовсе не потому, чтобы считали принадлежность къ племени, нѣкогда могущественному и дожившему до нашего времени, менѣе почетной, чѣмъ къ какому бы то ни было другому. Г. Герценъ былъ въ теченіе 5 лѣтъ въ ссылкѣ на Уральскихъ горахъ и вернулся оттуда лишь затѣмъ, чтобы быть изгнаннымъ изъ Россіи, его родной страны.

Г. Герценъ сталъ во главѣ русской демокритической литературы и является самымъ выдающимся изгнанникомъ его страны, а потому и представителемъ милліоновъ ея пролетаріата. Онъ будетъ на демонстраціи въ St. Martin's Hall и будетъ,—мы увѣрены въ томъ,—лицомъ тамъ привѣтствуемымъ, что докажетъ всему міру умѣніе Англій симпатизировать тѣмъ изъ русскихъ, которые желаютъ бороться съ русскимъ тираномъ.

Издателю Daily News.

М. Г.! Въ одномъ изъ номеровъ Вашего изданія помѣщено письмо, отрицающее за извѣстнымъ русскимъ изгнанникомъ г. Герценомъ не только право на представительствованіе русской демократіи въ Интернаціональномъ Комитетѣ, но даже право на принадлежность къ русской національности.

Г. Герценъ уже отвѣчалъ на второе обвиненіе. Позвольте намъ отъ имени Интернаціональнаго Комитета присоединить къ отвѣту

г. Герцена нѣсколько фактовъ касательно обвиненія перваго, фактовъ, сослаться на которые г. Герцену, по всей вѣроятности, не позволила лишь его скромность.

Осужденный, имѣя отъ роду 30 лѣтъ, за заговоръ противъ царскаго деспотизма, г. Герценъ былъ сосланъ на границу Сибири, гдѣ и проживалъ въ качествѣ ссыльнаго въ теченіе 7 лѣтъ.

Амнистированный въ первый разъ, онъ очень скоро сумѣлъ заслужить и вторую ссылку.

Въ то же самое время его политическіе памфлеты, философскія статьи и беллетристическія произведенія доставили ему одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ русской литературѣ.

Чтобы показать, какое мѣсто принадлежитъ г. Герцену въ политической и литературной жизни его родины, мы не можемъ сдѣлать ничего другого, какъ сослаться на статью, напечатанную въ «Атенеумѣ», журналѣ, который никто не заподозритъ въ пристрастіи.

Прибывши въ Европу въ 1847 г., г. Герценъ занялъ видное мѣсто въ ряду тѣхъ выдающихся людей, имена которыхъ тѣсно связаны съ революціоннымъ движеніемъ 1848 г. Затѣмъ онъ основалъ въ Лондонѣ первое свободное русское изданіе, цѣлью котораго стала смертельная и многополезная война противъ царя Николая и русскаго деспотизма.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, задавшіеся цѣлью объединенія всей демократіи въ общемъ проявленіи ея дѣятельности, мы и не надѣялись, да и не ждали найти ни въ Англіи, ни во всей Европѣ болѣе достойнаго и болѣе истиннаго представителя революціонной партіи въ Россіи, чѣмъ г. Герцена.

Съ почтеніемъ

Подписав:

Предсѣд. Интерн. К-та (имя не проставлено).

Секретаріатъ } Робертъ Чапмэнъ.
 } Конрадъ Домбровскій.
 } Альфредъ Таландые.

7. О встрѣчѣ съ Огаревымъ находимъ въ «Запискахъ» Головина слѣдующій разсказъ.

«По возвращеніи моемъ въ Лондонъ я встрѣтилъ г. Огарева, съ которымъ я нѣкоторое время былъ на пріятельской ногѣ въ Парижѣ и который пріѣхалъ къ шапошному разбору эмиграціи (все это сущій вздоръ—*М. Л.*). Онъ притворился, какъ будто меня не знаетъ. Я пошелъ къ нему и сказалъ: «Когда я повздорилъ съ Николаемъ Павловичемъ, то его адъютанты перестали мнѣ кланяться, и это казалось мнѣ странно; но когда я поссорился съ Герценомъ, то учителя его дѣтей также перестали мнѣ кланяться; но что всего кажется страннѣе это то, что онъ самъ вамъ, видно, приказалъ меня не узнавать и со мной не говорить». Повернувшись къ нему, я было продолжалъ свой путь, но онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Головинъ, это не изъ за того, а за то, что вы поступили дурно съ Герценомъ.

— Онъ вамъ такъ разсказалъ, а такъ какъ вы ему должны сто тысячъ, то вы и повѣрили.

«Поэтъ нашъ остолбенѣлъ передъ такимъ фактомъ, точно онъ крѣпостной Герцена и долженъ дуться на кого баринъ гнѣвается».

8. Переводъ письма Головина на стр. 16-й:

Милостивый Государь!

«Такъ какъ Вы возбудили противъ меня дѣло о клеветѣ по поводу нѣкоторыхъ моихъ устныхъ и письменныхъ заявленій, бросающихъ тѣнь на Вашъ характеръ, и такъ какъ Вы при посредничествѣ общихъ друзей согласились прекратить это дѣло въ томъ случаѣ, если я заплачу судебныя издержки и откажусь отъ упомянутыхъ заявленій, а также выражу сожалѣніе, что сдѣлалъ ихъ,—то я съ радостью принимаю эти условія и прошу Васъ вѣрить, что если что-либо изъ сказаннаго или написаннаго мною хотя бы въ малѣйшей степени повредило Вамъ, я не имѣлъ такого намѣренія и крайне сожалѣю о томъ, что сдѣлалъ и чего болѣе никогда не повторить

Вашъ покорный слуга

И. Головинъ».

9. Головинъ и самъ сознается, что, встрѣтивъ Герцена въ 1865 г., сказалъ ему вслѣдъ: «отзвонилъ да и съ колокольни долой». При этомъ будто бы Герценъ такъ былъ смущенъ, что не нашелся отвѣтить.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ принести мою искреннюю благодарность какъ М. О. Гершензону, такъ и наслѣдникамъ А. А. Герцена.

М. Л.

Эмигрантъ Иванъ Головинъ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Въ славномъ ряду русскихъ эмигрантовъ стараго времени есть одна фигура до того непохожая на всѣ другія, до того уродливая, до того, можно сказать, отрицательно выдающаяся, что съ ней нельзя не познакомить всѣхъ, интересующихся русскими эмигрантами вообще. Это тотъ самый Иванъ Гавриловичъ Головинъ, который такъ блестяще охарактеризованъ въ только что всѣми прочтенной статьѣ Герцена. Уже изъ нея читатель видитъ, кѣмъ былъ мѣтко прозванный великимъ публицистомъ «Хлестаковъ». Любопытно, что ко всему сказанному Герценомъ присоединяются голоса и многихъ другихъ, знавшихъ Головина, несмотря на громадную ихъ разницу въ темпераментахъ, характерахъ и наблюдательности. Такъ, напримѣръ, сухой, холодный оппортунистъ П. В. Анненковъ такъ отзывался о Головинѣ: «Я, кажется, и не встрѣчалъ на вѣку моемъ писателя, менѣе заслуживавшаго вниманія, какъ этотъ Головинъ, въ одно время игравшій на биржѣ и въ оппозицію, пробиравшійся въ жокей-клубъ, въ міръ лоретокъ, и въ демократическія консилиабулы—наглый и ребячески-трусливый, но онъ остался въ Парижѣ, несмотря на вызовъ, и сдѣлался прежде всего русскимъ «политическимъ» эмигрантомъ, и при томъ изъ особеннаго начала,—изъ страха: ему мерещились всевозможные ужасы, которые по отношеніи къ нему просто были немислимы»¹⁾.

Не иначе относились къ Головину и лица, стоявшія во главѣ правительствъ, русскаго и другихъ. Его умственное и нравственное убожество сразу и рѣзко бросалось въ глаза всякому, даже самому посредственному бюрократу.

Въ моемъ распоряженіи находятся копии съ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ архива III Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и министерства народнаго просвѣщенія. Онѣ даютъ возможность хорошо детализировать блестящій герценовскій набросокъ и такимъ образомъ познакомить читателя съ весьма оригинальной фигурой.

¹⁾ „Воспоминанія и критическіе очерки“, стр. 155. При жизни Головина Анненковъ не назвалъ его полнымъ именемъ.

I.

Головинъ родился въ 1816 году и, такимъ образомъ, былъ на четыре года моложе Герцена. Родина его—сельцо Архангельское, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи. На второмъ мѣсяцѣ онъ остался безъ отца, съ матерью и шестью братьями. Онъ самъ сознается, что «росъ однимъ и потому вышелъ какимъ-то медвѣдемъ». Семи лѣтъ его отдали въ Петербургъ, въ частный пансіонъ Курнанда, гдѣ уже учился братъ Михаилъ. Оттуда вскорѣ Головина перевели въ пансіонъ Журдана, гдѣ онъ пробылъ пять лѣтъ. Затѣмъ надо было рѣшить, что дѣлать съ юношей дальше. Братья не нашли для этого лучшаго совѣтника, какъ пресловутаго Николая Ивановича Греча, а этотъ послѣдній направилъ ихъ къ извѣстному всѣмъ Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину. Такимъ образомъ, сама судьба связала имя Головина съ этими двумя «почетными» именами... Булгаринъ посовѣтовалъ отправить Головина въ свой собственный пансіонъ въ Дерптѣ... Вскорѣ, по неизвѣстной причинѣ, Головинъ перешелъ въ пансіонъ Эриксона. Затѣмъ 16 лѣтъ онъ поступилъ на дипломатическое отдѣленіе дерптскаго университета. Тамъ Головинъ сдѣлался типичнымъ буршемъ, дрался на дуэляхъ, пьянствовалъ, развратничалъ и ничѣмъ серьезнымъ не занимался. Въ 1835 году онъ взялъ заграничный паспортъ и поѣхалъ въ Германію, чтобы въ Берлинѣ записаться на лекціи Ранке, Риттера, Ганса, Раумера и другихъ извѣстныхъ ученыхъ. Въ мартѣ 1837 г. онъ вернулся въ Петербургъ кандидатомъ, получивъ эту степень въ Дерптѣ. Врядъ ли есть основаніе вѣрить хвастливому утвержденію Головина, что онъ былъ первымъ русскимъ, получившимъ эту степень въ Дерптѣ ¹⁾.

Лѣтомъ 1838 года Головинъ отправился въ Швецію; путешествіе это было описано имъ въ книгѣ «Поѣздка въ Швецію въ 1839 году», изданной въ Петербургѣ въ 1840 г.

Книжка, всего въ 100 страницъ, написана очень жидко и блѣдно, не даетъ ровно ничего для знакомства съ страной, въ которой авторъ, не понимая языка, пробылъ три мѣсяца.

Издавъ «Поѣздку», Головинъ отправился въ Дерптъ, чтобы получить тамъ магистерскій дипломъ. Онъ написалъ диссертацию по политической экономіи, напечатанную спустя два года въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ «Vom Wesen des Geldes» подъ псевдонимомъ «Russischen Schriftsteller», но, въ силу какихъ то непонятныхъ обстоятельствъ, не получилъ желаемой степени. По всей вѣроятности, просто потому, что совершенно не былъ къ ней готовъ.

Вернувшись въ Петербургъ. Головинъ рѣшилъ поступить на государственную службу, безъ которой при Николаѣ I въ Россіи не могъ жить никто, если не обладалъ громадными средствами и не желалъ никакого общественнаго положенія. Онъ представилъ министру ино-

¹⁾ Пока всѣ біографическія свѣдѣнія я заимствую изъ собственныхъ „Записокъ“ Головина, изданныхъ имъ въ 1859 г. въ Лейпцигѣ, дѣлая, разумѣется, соответствующія исправленія.

странныхъ дѣлъ, Нессельроде, и былъ опредѣленъ во французское отдѣленіе...

Курьезно, что лишенный какого бы то ни было политическаго образа мыслей, совершенно равнодушный къ сковывавшему Россію капральскому самовластью, Головинъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ своихъ «Записокъ»: «Я очутился на разводѣ. Принцъ Павелъ Дармштадтскій казался такимъ маленькимъ возлѣ государя. Драгунскій ординарецъ упалъ съ лошадыю. Государь вскрикнулъ: «встань и садись!» Это былъ голосъ, выходящій изъ-подъ земли. Какой чудесный Бертранъ. Я ушелъ подальше отъ этихъ сценъ, достойныхъ Данте. Другой разъ я всмотрѣлся пристально въ государя въ дворянскомъ собраніи и сказала себѣ: «мы съ тобой недолго будемъ друзьями»... Разумѣется все это приписано къ дѣйствительности, чтобы подготовить въ глазахъ читателя почву для «политической» эмиграціи...

На службѣ Головина погубилъ его плохой почеркъ. Когда онъ сталъ хлопотать о повышеніи, Нессельроде отвѣтилъ: «я согласенъ дать Головину лучшее мѣсто, но съ условіемъ, чтобы онъ бралъ уроки каллиграфіи въ теченіе шести недѣль»... Головинъ рѣшилъ подать въ отставку. Въ «Запискахъ» по этому поводу находимъ рассказъ о тридцати тысячахъ курьеровъ... «Но я былъ рожденъ писателемъ, а не писаремъ и никогда не сожалѣлъ, что протислся съ карьерой, гдѣ требуется столько же лакейства, сколько чванства, а всего болѣе обмана».

Съ чиномъ коллежскаго секретаря Головинъ остался безъ всякихъ занятій, ровно ни къ чему не способный, прослуживъ ровно 11 мѣсяцевъ.

Тогда онъ снова отправился путешествовать по Европѣ, надѣясь найти что-нибудь для прокормленія.

Ц.

Осенью 1842 г. Головинъ рѣшилъ напечатать по-французски свою только что законченную книгу «Духъ политической экономіи» «*Der Geist der politischen Oekonomie*», придавая ей очень большое научное значеніе, котораго она, разумѣется, не имѣла. Для личной безопасности онъ обратился къ Якову Толстому, который, какъ я уже общалъ въ статьѣ о Долгоруковѣ ¹⁾, состоялъ заграничными глазами и ушами III Отдѣленія. Отвѣтъ оберъ-патріота Головинъ передаетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Мнѣ во время оно было препоручено снести съ Демидовымъ по случаю статей, которыя онъ писалъ въ «*Journal des Débats*», и пригласить его прекратить такого рода публикаціи ²⁾. Если ваша книга будетъ противъ Россіи, васъ стануть преслѣдовать; коли ни то, ни се—будутъ смотрѣть сквозь пальцы, а если она будетъ въ пользу Россіи—то васъ могутъ и наградить. На вопросъ

¹⁾ „Былое“ 1907 г., II.

²⁾ Рѣчь идетъ о сочиненіи Анатолія Демидова—*Lettres sur la Russie*“, напечатанномъ сначала въ указанномъ журналѣ въ 1838—1839 гг., а потомъ изданномъ въ Парижѣ въ 1840 г.

Головина, может ли онъ считать этотъ отвѣтъ достаточно официальнымъ, Толстой отвѣтилъ: «Вы можете принять мои слова за официальные»¹⁾.

Видя, что родственникъ генераль-адъютанта Чернышева—Глинка издалъ въ Парижѣ «Философію права» и не только не былъ подвергнутъ репрессіямъ, но даже пользовался вниманіемъ, и придавая значеніе словамъ Толстого, Головинъ принялся за печатаніе своей книги. Между тѣмъ въ Петербургъ уже летѣлъ доносъ.

22-го января 1843 г. Толстой писалъ Бенкендорфу по-французски²⁾: «Одинъ русскій, Головинъ, готовится издать книгу по политической экономіи. Отрывки изъ нея онъ читалъ уже нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ одному литератору, лично мнѣ извѣстному, и тотъ увѣрялъ меня, что это произведеніе заключаетъ въ себѣ доктрины, подрывающія наши государственные устои. Онъ даже привелъ мнѣ одну фразу приблизительно такого содержанія: «государи неспособны сдѣлать никакой уступки въ интересахъ своихъ подданныхъ, если она стоитъ имъ хоть малѣйшей жертвы, и, наоборотъ—охотно жертвуютъ благосостояніемъ тысячъ своихъ подданныхъ, ради удовлетворенія своихъ страстей и капризовъ». Этотъ отрывокъ доказываетъ, что трудъ, который собирается издать Головинъ, въ ненадлежащемъ духѣ...»³⁾.

Шефъ жандармовъ немедленно доложилъ о подозрительномъ «уче-номъ» государю и получилъ повелѣніе поручить повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ объявить лично Головину, чтобъ немедленно возвращался въ Россію, иначе же съ нимъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Грозное приказаніе было выполнено точно. Головинъ трусливо заявилъ, что радъ бы исполнить волю царя, но не можетъ этого сдѣлать по нездоровью. На другой день онъ письменно сообщилъ то же самое, прибавивъ, что какъ только можно будетъ двинуться вмѣсто вредной ему кареты на пароходѣ, такъ онъ сейчасъ же вернется въ дорогое отечество.

Рѣшено было ограничиться этимъ общаніемъ и ждать.

Головинъ, однако, зондировалъ обстоятельства и съ этой цѣлью въ августѣ (1845 г.) написалъ Бенкендорфу, что мѣсяца два тому назадъ послалъ въ Петербургъ брату Федору два экземпляра своего послѣдняго сочиненія, прося одинъ вручить ему, а другой поднести государю; что видитъ неисполненіе своего порученія, проситъ Бенкендорфа затребовать книги и очень сожалѣетъ, что, благодаря затянувшейся болѣзни, все еще не можетъ воспользоваться услугами навигаціи.

Дубельтъ запросилъ конногвардейскаго ротмистра Федора Головина, почему онъ не представилъ книгъ по назначенію. Тотъ отвѣтилъ, что никакихъ книгъ не получалъ, а что касается брата Ивана, то можетъ сообщить, что онъ въ настоящее время пользуется минеральными водами въ Пиринейскихъ горахъ и по выздоровленіи вернется.

¹⁾ „Записка“, стр. 78—79.

²⁾ Принятому глубокою благодарностью за переводъ бумагъ З. Н. Журавской.

³⁾ Архивъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, 1843 г., I экспед., № 50, ч. I-я.

Послѣднее сочиненіе, два экземпляра котораго Головинъ послалъ брату Федору для передачи Бенкендорфу и государю, было написано наспѣхъ, съ цѣлью задобрить русское правительство, недовольное «Духомъ политической экономіи». Озаглавленное «Discours sur Pierre le Grand». Refutati on du livre de M. de Custine: «La Russie en 1839» (Paris, 1843)—оно было расчитано на смягченіе Николая, который, какъ было извѣстно уже тогда всѣмъ его знавшимъ, очень высоко ставилъ Петра I,—разумѣется, не за его реформаторскую дѣятельность, а за тѣ неудержные деспотизмъ и произволъ, съ которыми проводились всѣ реформы—и полезныя и вредныя для государства. То, что книга отвѣчала на сочиненіе Кюстина, такъ взбѣсившее Николая, должно было, по мнѣнію Головина, достичь еще большихъ результатовъ въ видѣ награды, о которой ему говорилъ Яковъ Толстой... Надежды не оправдались, книга не дошла по назначенію.

Дубельтъ просилъ ротмистра написать брату, что если онъ немедленно не исполнитъ высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ Россію, то подвергнетъ себя весьма строгой отвѣтственности. Но письмо не было доставлено по назначенію, потому что за нѣсколько дней до этого Федоръ Головинъ уѣхалъ за-границу. Тогда 1 сентября было написано министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ немедленно узналъ о мѣстѣ жительства Головина въ Пиринеяхъ и передалъ ему прилагаемый пакетъ. Въ послѣднемъ заключалось предписаніе вернуться въ Россію въ самомъ непродолжительномъ времени.

Пока шла вся эта переписка, Головину было сообщено разными путями нѣсколько фактовъ, побудившихъ его собраться и ѣхать въ Россію. Такъ ему рассказали, что государь, увидавъ брата Федора, сказалъ ему: «Я все знаю, напиши брату, что ему бояться нечего, но что воротиться надо». На самомъ же дѣлѣ государь, проходя мимо Головина, спросилъ его только: «Что у тебя за братъ въ Парижѣ?» Но истина стала извѣстна лишь спустя нѣкоторое время. Въ бесѣдѣ съ конногвардейцемъ Бенкендорфъ будто бы сказалъ ему: «Коли вашъ братъ добръ, то напишите ему, что я его буду защищать, и что послушаніе будетъ ему зачтено». Вернувшійся изъ Петербурга племянникъ Бенкендорфа сказалъ Головину въ Парижѣ, что говорилъ о немъ съ Дубельтомъ и на вопросъ, можетъ ли онъ дать ему честное слово, что онъ не подвергнется въ Россіи неприяностямъ, получилъ въ отвѣтъ, что разборъ его книги не далъ противъ него никакихъ обвиненій. Онъ же увѣрилъ. Головина, что его карьера въ Россіи уже обезпечена, особенно благодаря Гумбольдту, писавшему Николаю I, что книга молодого экономиста хороша и не заслуживаетъ преслѣдованія...

Головинъ укладывался, какъ вдругъ вму вручаютъ письмо, о которомъ я сказалъ выше. Хлестаковъ былъ испуганъ. Кстати онъ узналъ отъ книгопродавцевъ, что на родинѣ его книга запрещена, несмотря на французскій текстъ. Еще черезъ нѣсколько дней Яковъ Толстой, желая прикинуться его защитникомъ, сообщилъ, что получилъ отъ Бенкендорфа выговоръ за «защиту» его книги... Головинъ рѣшаетъ не исполнить высочайшаго повелѣнія и пишетъ Бенкендорфу французское письмо отъ 24 ноября (1843 г.):

„Графъ,

„Что мнѣ отвѣтить вамъ на письмо, которое вы сдѣлали честь адресовать ко мнѣ отъ 1 сентября и переданное мнѣ только третьяго дня? Если я стану говорить о своей нуждѣ и своихъ долгахъ, которые удерживаютъ меня здѣсь и которые я не могу заплатить, то заранѣе предвижу вашъ отвѣтъ: вы не хотите слышать никакихъ возраженій. Моя болѣзнь, мое леченіе вызываютъ въ васъ только неудовольствіе, которое конечно, не успокаиваетъ меня относительно будущаго, ожидающаго меня по возвращеніи. Могу ли я говорить о невинности, благодаря которой ко мнѣ адресованъ вызовъ на родину? Вы убѣждены въ ней не меньше меня. И развѣ я не могу видѣть въ вашихъ словахъ, что противъ меня нѣтъ улики и дѣло кончится безъ послѣдствій разрѣшенія ѣхать куда вздумается. Надо ли мнѣ заявлять о преданности своему государю. Исторія на лицо: она скажетъ, что мы служимъ трону, какъ никто, и не я первый составляю исключеніе изъ этого правила. Свободой печати я пользовался только для того, чтобы упрочить славу нашего повелителя. Легко служить ему въ благоденствіи, но въ бѣдѣ труднѣе. Если бы я попросилъ субсидіи, вы истолковали бы это въ дурную сторону, а между тѣмъ у меня нѣтъ другого достоянія, кромѣ моего пера. Мои преступленія суть мой умъ, мои болѣзни и моя нищета. А вы въ вознагражденіе не хотите предоставить мнѣ право свободнаго передвиженія, которымъ пользуется послѣдній изъ подданныхъ. Поэтому, графъ, мнѣ остается только завѣрить васъ въ моемъ почтеніи и положиться на милосердіе и справедливость моего государя“.

Бенкендорфъ былъ боленъ, письмо получилъ Дубельтъ. Очень любопытна резолюція положенная имъ для канцеляріи, которой предстояло написать отвѣтъ вполне ей соотвѣтствовавшей. Вотъ она: «Останавливаюсь еще докладомъ, но Государь спроситъ—и тогда худо. Теперь самъ сдѣлается виноватъ, что не хочетъ отв., ибо онъ дѣлается виноватъ. Никто не говоритъ, что мы виноваты, а теперь по добротѣ души подождемъ въ Россіи; что касается до вашего ума, то правительство знаетъ, кому давать деньги»... Оффиціальнй отвѣтъ однако, не содержалъ всего этого. Тамъ было написано, что правительство и не обвиняло Головина въ какомъ бы то ни было преступленіи, но что не исполняя его волю, онъ уже дѣлается виновенъ; что по добротѣ души Бенкендорфъ удерживался и удерживается еще отъ всеподданнѣйшаго доклада, а если государь спроситъ, то разумѣется, расскажетъ все подробно; поэтому предлагалось, но уже въ *послѣдній* разъ—немедленно вернуться, несмотря ни на какія личныя обстоятельства.

Головинъ отвѣчалъ Бенкендорфу 3 января 1844 г.:

«Ваше сіятельство!

«Въ письмѣ Вашемъ отъ 25 ноября Вы сознаетесь въ моей невинности и говорите о добротѣ души вашей. Я никогда не сомнѣвался въ первой, вторую же не могу усмотрѣть изъ письма вашего. Доброта души и справедливость требуютъ вознагражденія невинно преслѣдованныхъ, а не продолженія преслѣдованій. Въ дополненіе Вы изволите мнѣ объявлять, что за замедленіе мое въ возвратъ будетъ

поступлено со мною, какъ за преступленіе, со всею строгостью законовъ. Трудно, графъ, приказывать и отнимать вмѣстѣ возможность къ послушанію, лучше этого.

«Въ чувствѣ правоты моего дѣла я возлагаю мои надежды на правосудіе Государя Императора и прошу Ваше Сіятельство не замедлить долѣе докладомъ вашимъ о причинахъ, лишающихъ меня средствъ къ скорому возвращенію, изложенныхъ мною въ письмахъ отъ 15—(3) августа изъ Парижа и отъ 24 —(12) ноября изъ Парижа, и состоящихъ въ разстроенномъ положеніи моего здоровья и моего состоянія.

«Съ чувствомъ искренней преданности имѣю честь быть Ваше Сіятельство! покорный слуга

Иванъ Головинъ.»

Бенкендорфъ все медлилъ, однако, и вновь просилъ министра иностранныхъ дѣлъ сдѣлать представленіе Головину о немедленномъ возвращеніи въ Россію. Одновременно Дубельтъ написалъ самому Головину, что шефъ жандармовъ еще откладываетъ свой докладъ на четыре недѣли...

Получивъ предписаніе изъ посольства, Головинъ отвѣтилъ французскимъ письмомъ на имя Нессельроде (22 февраля 1844 г.): «Графъ, я думалъ что въ своихъ письмахъ отъ 15 августа, 24 ноября 1843 г. и 3 января 1844 г. я высказался достаточно категорически на счетъ моего возвращенія въ Россію. Но такъ какъ ваше сіятельство удостоиваете вмѣшаться въ эту мѣру высшей полиціи, то я считаю долгомъ признаться вамъ, что покинулъ службу и родину, чтобы брать уроки каллиграфіи, согласно вашему предписанію. Протекціи у меня не было и вамъ, конечно, незачѣмъ было помнить, что первый русскій министръ иностранныхъ дѣлъ носилъ одинаковое со мною имя¹⁾. Надѣюсь, что вы не воспользуетесь всей вашей властью, чтобы заставить заговорить, что Бенкендорфы и Нессельроды довели Головина до роли изгнанника».

Одновременно Головинъ писалъ и Дубельту: «Ваше Превосходительство, Милостивый государь, Леонтій Васильевичъ! Предписаніе г. генераль-адъютанта графа Бенкендорфа отъ 8 января ст. стилия имѣлъ я честь получить изъ рукъ посольства 8 февраля того же стилия, ровно по истеченіи мѣсячнаго срока, назначеннаго мнѣ на возвращеніе. Наканунѣ же сообщено мнѣ было предписаніе гр. Нессельроде совершенно другого содержанія, на которое я имѣлъ честь ему отвѣтить. А по сему предлагаю Вашему Превосходительству испросить у г. вице-канцлера сообщеніе моего къ нему письма».

Возмущенный Нессельроде отправилъ это письмо Бенкендорфу, тотъ доложилъ государю и получилъ приказаніе: «объявить Головину, что объ его поступкѣ сдѣлано законное распоряженіе, о послѣдствіяхъ коего онъ своевременно узнаеть»... Кромѣ такой загадочной

¹⁾ Слабостью нашего Хлестакова была собственная геральдика. Происходя отъ Головина, жалованнаго помѣстьями въ 1667 г., онъ при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на графа Ѳ. А. Головина, перваго министра Петра Великаго, на князя Хоѳру, какъ родоначальника графовъ Головиныхъ.

резолуціи, Бенкендорфъ сообщилъ министру юстиціи, Панину, чтобы съ Головинымъ было поступлено по всей строгости законовъ.

Такимъ образомъ дѣло переходило въ судъ.

Между тѣмъ, надежда на свиданіе съ Головинымъ въ казематѣ Петропавловки все еще не оставляла русскую жандармерію. Увидавъ брата его, Бенкендорфъ сказалъ ему: «Напишите вашему брату, что государь привыкъ, чтобы его слушались, и не любить, чтобы съ нимъ шутили, что достаточно одного его слова, чтобы онъ получилъ приказаніе отъ Луи Филиппа выѣхать изъ Франціи въ 24 часа.» Получивъ такое извѣщеніе, Головинъ отправился въ французское министерство внутреннихъ дѣлъ и спросилъ, можетъ ли онъ считать себя подъ защитой наполеоновскаго правительства? Его увѣрили, что одного слова Николая еще далеко недостаточно, и что они не склонны заниматься пустяками. ¹⁾

Въ концѣ октября 1844 г. въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, получавшихся въ III Отдѣленіи, прочли то, что прозѣвали своевременно въ «Revue de Paris», а именно, что въ скоромъ времени въ Парижѣ появится новый журналъ, который будетъ заниматься исключительно внѣшней политикой Европы и Россіи. Въ числѣ редакторовъ называли Головина, Гервега и Фази, при чемъ первый долженъ былъ редактировать русскій отдѣлъ, второй—германскій, третій—швейцарскій. Какъ только прочли эту замѣтку, такъ сейчасъ же стали наводить справки путемъ безчисленныхъ агентовъ, охранявшихъ цѣлость и спокойствіе николаевской державы. Оказалось, что якобы въ Москвѣ и Петербургѣ собираютъ уже матеріалъ для этого журнала, и что занимается этимъ, главнымъ образомъ, нѣкій Золотаревъ, сынъ бывшаго биржевого маклера, окончившій дерптскій университетъ и жившій четыре года въ Парижѣ въ большой дружбѣ съ Головинымъ. Тогда московскимъ жандармамъ было предписано провѣрить это сообщеніе и обо всемъ донести. Изъ Москвы сообщили, что Иванъ Федоровичъ Золотаревъ дѣйствительно жилъ тамъ по пріѣздѣ изъ-за границы, но что вскорѣ поступилъ къ новороссійскому и бессарабскому военному генералъ-губернатору графу Воронцову; кромѣ того, онъ аттестовывался, какъ человѣкъ вполне благонамѣренный. Новый шефъ жандармовъ, графъ Орловъ просилъ Воронцова послѣдить за его подчиненнымъ. Воронцовъ рѣшилъ поступить проще и прямо высказалъ Золотареву падавшія на него подозрѣнія. Золотаревъ отрекся отъ всякихъ сношеній съ Головинымъ съ момента его выѣзда изъ Россіи.

Въ іюлѣ 1844 г. Орловъ просилъ Панина ускорить дѣло въ судѣ. Панинъ принялъ мѣры, и 21 іюля оно уже было въ сенатѣ, 26-го докладывалось, а потомъ сразу взялись за составленіе опредѣленія. Затѣмъ опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ и мнѣніемъ послѣдняго было положено: «лишивъ Головина чиновъ и дворянства, сослать его, въ случаѣ, явки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу, а имѣніе его, ежели какое окажется гдѣ-либо собственнo ему принадлежащимъ, взять, на основаніи законовъ, въ секвестръ». 12 декабря опредѣленіе это было утверждено Николаемъ I.

¹⁾ „Записки“, 85-86.

Такимъ образомъ съ этого времени Головинъ вступилъ въ число государственныхъ преступниковъ—эмигрантовъ.

III.

Головину очень хотѣлось отвѣтить Николаю и его правительству. Онъ жаждалъ мщенія и въ удовлетвореніе его написалъ книженку «La Russie sous Nicolas I» (Paris, 1845). Работа эта до того незначительна по своему содержанію, до того блѣдна по языку и краскамъ, что когда услужливый Яковъ Толстой предложилъ Бенкендорфу написать немедленно возраженіе, какъ онъ это дѣлалъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, Бенкендорфъ не счелъ нужнымъ тратить деньги и приказалъ пренебречь... Горше этой обиды, разумѣется, ничего быть не могло. Воспользовавшись смертью поэта Баратынскаго, Головинъ написалъ въ «Journal des Débats» статью, смыслъ которой былъ хотя и совершенно справедливъ, но не въ отношеніи самого автора, какъ онъ старался это показать: страданіе—участь способныхъ людей въ Россіи.

Курьезно, какъ описываетъ самъ Головинъ встрѣчу своей «необыкновенной легкости въ мысляхъ»...

«Въ маѣ 1845 г. вышла «Россія подъ Николаемъ». Кюстинъ побѣждалъ съ нею въ «Débats», говоря: «Вотъ русскій, который меня оправдываетъ во всемъ». Женудъ писалъ: «Вы не любите жужжаніе мухи вотъ вамъ кулакъ по лбу». «Journal de Commerce» говорилъ: «Мы любимъ стрѣлка, который надписалъ на своей стрѣлѣ: въ правый глазъ короля Филиппа. Книга передъ нами бьетъ Николая въ сердце». «Revue Indépendante» писала: «Мы не скроемъ нашей симпатіи къ автору». «Corsaire-Satan» говорилъ: «Надо, чтобъ авторъ много перенесъ въ Россіи, чтобы адресовать противъ нея такой протестъ Европѣ». Г...ій сказалъ: «Черезъ пятьдесятъ лѣтъ русскіе оцѣнятъ эту книгу». Гречъ сказалъ: «Что не выдуманно, то переврано,» а Шатобрианъ: — «Cette preface est touchée de main de maître.» Киселевъ пробовалъ распустить слухъ, что я у него просилъ мѣсто — вѣрно швейцара посольства. Книгу мою перевели на шведскій и на испанскій, на венгерскій и на греческій языки». ¹⁾

Надо ли говорить о томъ, какъ не только тогда, но еще и теперь происходитъ за границею выборъ литературы о Россіи для переводовъ? Фигура Николая была тогда такъ антипатична многимъ въ Европѣ, что они пользовались всякимъ случаемъ для пропаганды ненависти къ русскому правительству. Сплошь да рядомъ никому не было дѣла до достоинствъ книги, была бы она написана хлестко и съ кое какими фактами, неизвѣстными широкому европейскому обществу... Кромѣ того, неизвѣстно, не приложилъ ли самъ Головинъ, драпировавшійся въ торжественную тогу политическаго эмигранта, руку къ этимъ переводамъ...

¹⁾ „Записки“ 90—91. Дѣйствительно, вотъ еще другія изданія той же книги: „Russland unter Nicolas dem Ersten“ Leipzig, 1845 и 1846., „Russia under the Autocrat Nicholas the First“. London, 1846, „Russland unter Kejsar Nicolaus den I-te. Stockholm, 1846.



Mr. Rivobury

Далѣ Головинъ разсказываетъ, какъ Николай, будучи въ Прагѣ, послалъ своего адъютанта купить его книгу и, запершись въ вагонѣ, четыре часа, до Вѣны, читалъ ее не отрываясь... Можно утверждать, что царь не сдѣлалъ Головину этого удовольствія, потому что былъ въ Прагѣ ровно за годъ до выхода ея въ свѣтъ...

Не понимая истиннаго значенія своей книги, трусливый Головинъ спѣшилъ гарантировать себя отъ поползновеній петербургскаго правительства и для этого рѣшилъ принять французское подданство. Французскій министръ юстиціи отказалъ въ этомъ, не видя разрѣшенія Николая.

Въ это время Головинъ получилъ отъ братьевъ въ окончательный раздѣлъ ихъ наслѣдства около 40.000 франковъ. Игрокъ по натурѣ, онъ не могъ удержаться отъ покупки желѣзнодорожныхъ акцій, въ теченіе нѣсколькихъ дней потерялъ половину присланнаго капитала, а такъ какъ изъ другой половины вынужденъ былъ подъ всякими угрозами заплатить свои долги, то и остался снова почти безъ ничего.

Надо было добывать на пропитаніе. Къ услугамъ его оказалась газета «Corsaire-Satan», предложившая Головину вести русскій отдѣлъ. Разумѣется, замѣтки Головина не отличались ни правдивостію, ни содержаніемъ, и могли смѣшить (и то по словамъ самого Головина) только Луи-Филиппа, всегда, какъ извѣстно, искавшаго повода публично посмѣяться надъ Николаемъ, такъ оскорбительно отнесшимся къ его воцаренію послѣ іюльской революціи 1830 года...

Однако, вопросъ о натурализаціи все больше и больше беспокоилъ Головина. Онъ рѣшилъ попытать счастья въ Англіи, и лѣтомъ 1846 г. отправился туда вмѣстѣ съ пріятелемъ Герцена—Сазоновымъ. Тамъ онъ обратился къ лорду Стюарту, члену торрійской оппозиціи въ парламентъ, совершившему въ 1837 г. путешествіе по Россіи и Востоку. Лордъ въ шесть недѣль натурализовалъ Головина въ качествѣ англичанина. Головинъ разсказываетъ, что «Siecle» воспользовался этимъ случаемъ для укора своему правительству, а графъ Нессельроде, прочитавъ статью, отмѣтилъ ее и послалъ къ государю; что англійскому правительству былъ сдѣланъ выговоръ... Разумѣется, все это вздоръ, потому что иначе въ дѣлѣ архива остался бы слѣдъ отъ всего разсказаннаго. Больше—натурализація Головина осталась совершенно неизвѣстной русскому правительству, и оно узнало о ней гораздо позже и при томъ отъ самого Головина.

Затѣмъ Головинъ вернулся въ Парижъ и продолжалъ тамъ жизнь игрока, кутилы на чужой счетъ и бульварнаго «публициста».

Замѣчательно характерно поведеніе его во время парижской революціи 1848 года. Передадимъ его собственнымъ разсказомъ героя.

«Когда я взошелъ въ Тюльери, огонь еще горѣлъ въ каминѣ голубой гостиной, и я зажегъ у него сигаретку. Люди съ пиками и ружьями сидѣли на шелковыхъ креслахъ и ничего не портили. Луи Филиппъ бѣжалъ постыдно, а Гизо и Дюшатель бѣжали переодѣтыми въ лакеи. Еслибы герцоги д'Омальской воротились изъ Африки, его бы еще приняли въ короли. Мнѣ подали во дворцѣ книгу, говоря, что это реестръ королевскихъ милостей; но это была опись дома коро-

левскаго. Я написалъ: «Народъ парижскій видѣлъ списокъ лакеевъ и объявляетъ, что онъ никогда не будетъ къ нему принадлежать». Эти слова подписали многія тысячи, но куда дѣвалась книга, до сихъ поръ не знаю. Я вынесъ съ собою бутылку дурного Макона, чтобъ выпить ее на здоровье народа.

«Я оставался зрителемъ событій и видѣлъ, что, кромѣ глупостей, ничего не происходило до того дня, когда Ламартина потрепали въ отель де Виллѣ за воротникъ. Онъ послалъ за мною.

— Вы намъ можете оказать, сказалъ онъ, большія услуги въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Угодно вамъ?

— Французскіе эмигранты служили противъ Франціи не за свободу, я могу вамъ служить за свободу.

— Давайте мнѣ меморіи о Польшѣ и Россіи. Вотъ вамъ пропускъ, а такъ какъ время автора—его состояніе, то вы позволите мнѣ платить за вашъ трудъ по товарищески.

«Я ему подаль ноту о состояніи русской арміи; она была грозна на бумагѣ. Онъ сейчасъ съ этой нотой побѣжалъ въ Люксембургъ и увѣрилъ провизуарное правительство, что объ войнѣ и думать нельзя. Ламорисьеръ еще болѣе укрѣпилъ это мнѣніе, объявивъ, что Франція не можетъ поставить болѣе 30,000 человекъ.

«Я на это представилъ серію нотъ, говорившихъ: «Вы не хотите войну за границу, вы будете имѣть войну дома», «одной дивизіи съ трехцвѣтнымъ знаменемъ довольно, чтобъ сдѣлать много великихъ дѣлъ» и пр. У Ламартина я видалъ и Моле, и Ротшильда, и Хонскаго, и Островскаго, ихъ роли были совершенно различны.

«Манифестаціи, депутаціи не переставали. Образовались многіе клубы. Я участвовалъ при составленіи клуба литераторовъ, при разогнаніи клуба Cité d'Antin, гдѣ мы основали клубъ «братства народовъ». Бюро состояло изъ девяти президентовъ девяти комитетовъ различныхъ народовъ. Меня выбрали президентомъ клуба. Когда я извѣстилъ о составленіи его въ клубъ Барбеса, рукоплесканія были громки и долги.

«15 мая я былъ въ трибунѣ журналистовъ въ народномъ собраніи. Когда пришла національная гвардія, я стоялъ на террасѣ и дюкъ де Гиши, бывший офицеромъ въ первомъ легіонѣ, сталъ со мной говорить, какъ вдругъ два офицера подходятъ меня арестовать за то, что я бунтую ихъ солдатъ, но я имъ показалъ билетъ и они меня оставили въ покоѣ»¹⁾).

И такъ далѣе безъ конца... Всякій,¹⁾ кто понимаетъ громадное историческое значеніе февральскихъ дней 1848 года и знаетъ главныя ихъ событія, разумѣется, будетъ отъ души смѣяться надъ рассказомъ Хлестакова, съ сигареткой закуренной на пламени тюльерійскаго камина и съ стаканомъ макона во здравіе французскаго народа писавшаго ноты о возможности встать за Польшу...

Революціи всегда даютъ возможность выплывать на поверхность такимъ людямъ, которые въ обыкновенное время тонуть въ грязи житейской тины. Такъ было и съ Головинымъ. Онъ пыжился, чтобы

¹⁾ „Записки“, 107—109.

придать себѣ хоть какое нибудь значеніе, и нельзя сказать, чтобъ совсѣмъ не успѣвалъ. Кое кого ему удавалось мистифицировать въ бульварной прессѣ и за это получать иногда довольно щедрыя подачки... Впрочемъ, рассказы его самого идутъ гораздо дальше. Опыяненный гостеприимной закуской городничаго Хлестаковъ вралъ безъ мѣры. Головинъ говоритъ, что къ нему приходили два агента Бонапарта просить его поддержки въ печати идеи о возвращеніи ихъ принцепала во Францію. Чтобы доказать свою революціонность, Головинъ, между прочимъ, утверждаетъ, что «имѣть на душѣ эмиграцію графа Браницкаго». Дѣло, видите ли, было такъ: русское правительство затребовало графа домой. Узнавъ объ этомъ, Головинъ поспѣшилъ сообщить въ двухъ газетахъ, что Браницкій отказывается исполнить высочайшее повелѣніе, и потомъ убѣдилъ изумленнаго этимъ вмѣшательствомъ графа послѣдовать его совѣту... Надо ли говорить, что все это просто выдумки...

Когда 10 декабря 1848 г. президентомъ французской республики былъ избранъ Наполеонъ, Головина не испугала близость реакціи, онъ хорошо понималъ возможность приспособиться къ новому курсу.

28 января Наполеонъ объѣзжалъ верхомъ съ небольшою свитой парижскіе бульвары. Головинъ пробрался къ нему и крикнулъ: «Да здравствуетъ демократическая республика». Возлѣ президента ѣхали два гусарскіе офицера и мужчина во фракѣ съ красной ленточкой въ петлицѣ, послѣдній отвѣтилъ ему: «Гражданинъ, этого то и хочеть президентъ, онъ уже уволилъ министерство». «Это дѣло другое,— воскликнулъ Головинъ и, обратясь къ Наполеону, сказалъ: «гражданинъ Бонапартъ, подайте мнѣ руку». Наполеонъ подаль руку... Головинъ почтительно ее пожалъ... Неожиданно для Хлестакова эта его выходка стала извѣстна знакомымъ и вовсе не одобрялась. Надо было поправиться, чтобы не потерять и послѣдней доли довѣрія. Кстати въ официальныхъ газетахъ не было объявлено объ исполненномъ якобы увольненіи кабинета. Тогда Головинъ въ торжественной позѣ опубликовалъ въ «Reforme» и въ прудоновской Le Voix du Peuple», что онъ беретъ назадъ пожатіе руки президента... Вскорѣ его выслали изъ Франціи, онъ поѣхалъ въ Женеву, а оттуда въ Брюссель. Средства его въ это время были особенно не блестящи. Головинъ написалъ брату въ Россію, чтобы тотъ помогъ ему и писалъ, но письмо было перлюстрировано, а конногвардейцу Головину предписано ни въ какую переписку съ Иваномъ не входить... Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Хлестаковъ мечется изъ страны въ страну по континенту, оттуда въ Англію, потомъ назадъ. Несмотря на это, никакой работы онъ найти не могъ и снова рѣшилъ вернуться въ Женеву.

Здѣсь необходимо остановиться на изданіи Головиннымъ въ Женевѣ очень небольшой брошюрки на русскомъ языкѣ—«Катихизисъ русскаго народа» съ обозначеніемъ на ней Петербурга и типографіи Павловича. «Катихизисъ» всегда былъ предметомъ гордости Головина, хвастливо утверждавшаго, что опытъ печатанія за границей прокламацій для Россіи принадлежитъ ему, а не Герцену, пошедшему якобы уже по его пути. Сохраняя объективность, нельзя не сказать, что

прокламація составлена по тому времени недурно. Въ виду ея большой библиографической цѣнности, приведу что можно въ выдержкахъ.

Сначала идетъ предисловіе, озаглавленное: «Къ нашимъ». «Мы отрѣзанный авангардъ вашего просвѣщенія. Насъ выслали за границу, а когда мы возвратились къ вамъ съ запасомъ учености, ваши управители открыли по намъ огонь преслѣдованія. Нѣмцы по знанію, мы остались русскіе по сердцу, потому то ваши властелины вмѣсто снисхожденія показали намъ неистовую вражду. Не нашедши помощи въ васъ и будучи не въ силахъ сносить зрѣлище народнаго униженія, мы унесли наши ропоты въ тѣ земли, въ которыхъ узнали мы мѣру вашихъ страданій и наши средства имъ помочь. Безъ злости, но не безъ негодованія изложили мы наши мученія передъ судомъ просвѣщенной Европы. Бодро сносили мы ненависти, клеветы и крамолы, которыя мы возбудили, ибо мы знали, что правда встрѣчаетъ неистовыхъ враговъ въ тѣхъ, которые живутъ неправдою, удерживая другихъ въ невѣжествѣ. Нынѣ во первыхъ предстоимъ мы передъ вами, говоримъ вамъ на языкѣ отечественномъ. На насъ смотрятъ, какъ на умершихъ для Россіи: вземлите же намъ, ибо умирающіе гласятъ правду».

Затѣмъ шли главы: первая «о царѣ», вторая «о дворянствѣ», третья «о солдатѣ» и четвертая «о правительствѣ». Вся прокламація изложена въ видѣ діалога между «убѣжденнымъ» и «просвѣщающимся» катихизисомъ.

Вотъ первая глава.

Убѣжденный. Сколько въ Россіи царей? *Просвѣщающійся.* Одинъ, какъ одво солѣце, какъ одинъ Богъ на небеси. *У.* Солѣцевъ много, а если Богъ одинъ, то онъ премудръ, а нашъ царь есть ли премудръ? *П.* Нѣтъ, ибо онъ человекъ. *У.* Но онъ самодержавенъ. Всемогущество принадлежитъ одному Богу, потому что онъ не можетъ творить зла. Неограниченная же власть человека отъ природы слабого вредитъ только его уму. Какъ зовутъ вашего царя? *П.* Николай Павловичъ Романовъ. *У.* Чей онъ сынъ? *П.* Павла. *У.* А Павелъ? *П.* Петра. *У.* Котораго? *П.* Третьяго. *У.* Романова?

У. Вѣруеть ли онъ въ Бога? *П.* Онъ ходитъ въ церковь. *П.* Но губить праведныхъ, а ворами потакаетъ. *П.* Да ему не сладить со взяточниками. *У.* Петръ же сладилъ съ ворами. *П.* Да его бы сломили. *У.* И Петра разбойники задержали, но онъ не страшился съ ними въ бой входить. *П.* Петромъ ему не бывать. *У.* Плохо, что и говорить. Что ворами потакать, что съ ними дѣлиться, есть одно и то же. *П.* Видно, что такъ ужъ свыше устроено. *У.* Свыше идетъ дождикъ или снѣгъ, свѣтитъ солнце, а судьба наша отъ людей зависитъ, но люди то глупы. Насъ, какъ стадо овецъ, гонятъ, бьютъ и губятъ. Вѣчно ли будемъ мы овцами? *П.* Человеку суждено мучиться на этомъ свѣтѣ. *У.* Да мученіе это не для всѣхъ одинаково. Одинъ мучится, муча другихъ, тотъ страдаетъ отъ несваренія желудка, а другой отъ голода. *П.* Зато на томъ свѣтѣ будетъ наоборотъ. *У.* Это выдумали счастливы для простаковъ, пошлы для людей суевѣрныхъ. *П.* Но вѣра упрочиваетъ наше спокойствіе. *У.* Вѣра слѣпая только сохраняетъ наше невѣжество, которое составляетъ счастье утѣшителей и несчастье утѣсняемыхъ. *П.* Кажись, что представитель шестидесяти

милліонувъ должень быть великодушень, благородень. У. А выходитъ наоборотъ: и благо народное, и собственную славу подчиняетъ онъ своеправію. П. Что же изъ этого заключить должно? У. А то, что когда народъ лучше своихъ правителей, то имъ не уцѣлѣть. Народъ русскій добръ отъ природы, а царь жестокосердъ, мстительнъ, народъ великъ, а Николай человекъ мелочной. П. А все-таки народъ его любитъ. У. Боятся, а не любятъ. Ну, спрашиваю тебя, годится ли милліонамъ людей бояться одного? П. Но Наслѣдникъ будетъ лучше. У. Авось. Авось да ничего управляютъ Россіей. Сильна матушка, выноситьъ всѣ обиды; ей все ничего, авось, будетъ лучше. По моему, на Бога уповай, а самъ не плошай. Пора приложить умъ умѣрить произволъ судьбы и людей. П. Итакъ, теперешній порядокъ вещей не удержится? У. Скажи лучше безпорядокъ, нарушеніе святѣйшихъ законовъ природы. Уважается ли у насъ личность? цѣнится ли достоинство? Нѣтъ, у насъ почитается чинъ и хранится рабство. Этотъ порядокъ есть обида Богу. Чѣмъ человекъ походить на Творца? Умомъ, а у насъ право мыслить попрано, сообщать свои *мнѣнія* воспрещено.

Опуская вторую и третью главы, какъ болѣе слабыя и водянистыя, приведу нѣсколько выдержекъ изъ четвертой, о правительствѣ, написанной подъ *явнымъ* впечатлѣніемъ только что разразившихся тогда европейскихъ событій.

П. Какое же будетъ у насъ правительство, если когда-нибудь Богъ дастъ намъ выгнать бусурманъ? У. Народное. П. Поясни. У. Не будетъ царя, ни подцариковъ. Царемъ станетъ самъ народъ. Будетъ, какъ было нѣкогда въ Новгородѣ, будетъ вѣче, будутъ думы. Не станетъ притѣсненій, всѣ будутъ равны передъ закономъ, прекратится постыдный торгъ въ судопроизводствѣ. Народъ будетъ избирать законодателей, а они будутъ его представителями; судей, большихъ и малыхъ, правителей, отъ низкаго до высокаго. Все будетъ рѣшаться большинствомъ голосовъ въ земской думѣ: миръ или война, налоги и пр. . . .

П. Говорятъ, что когда ввели республику за границей, то дѣло не идетъ на ладъ. У. Тамъ совсѣмъ другое. Жить узко, земли мало, одинъ у другого отнимаетъ кусокъ хлѣба. Безъ добродѣтели, безъ самоотверженія спасенія нѣтъ. А матушка Русь растянулась на просторѣ, всего вдоволь, не нужно орошать хлѣба кровью. Дай намъ волюшку,—и какъ яхонтъ заблеститъ Русь въ вѣнцѣ народовъ. А теперь она тускнѣетъ въ невѣжествѣ, склоняетъ выю въ рабствѣ.

П. Но мы еще не зрѣлы. У. Полно, не гнилы ли мы? Да и какъ же намъ созрѣть подъ цалкой и въ невѣжествѣ, въ которомъ удерживаетъ насъ правительство? Добро дѣлать никогда не рано. Цари хуже безсовѣстныхъ опекуновъ, для нихъ нѣтъ совершеннолѣтія народовъ. . . .

П. Какимъ же образомъ забавимся мы отъ теперешняго правительства сильнаго ябедою, штыками, деньгами? У. Ябеда его обезсиливаетъ, ибо вызываетъ ненависть и презрѣніе, противъ которыхъ никакое правительство устоять не можетъ. Штыкъ оправдываетъ свое названіе молодца, солдатъ вспомнить свое происхожденіе и гнаться съ Богомъ за народъ на утѣснителя онаго. Правительство беретъ деньги съ насъ, но оно такъ мотаетъ, что скоро ихъ не доставитъ, мы же вольны ему отказать. П. Но кто покусится на возстаніе? У. Кто любить отчизну болѣе самого себя. П. А если не удастся? У. Велика слава

мучениковъ свободы. II. Не велико и мученіе. У. Семи смертямъ не бывать, одной не миновать.

III. Какъ же дѣлають завалы? У. Разбирають мостовую, сакладываютъ камни грудю, загораживаютъ въ томъ мѣстѣ удицу телѣгами, каретами, мѣшками съ пескомъ и, однимъ словомъ, всѣмъ, что въ ту пору находятъ, усыпають удицу разбитыми бутылками, чтобъ кавалерія не могла двигаться, засаживаются за окопами, на чердакахъ, въ погребахъ, и когда непріатели останавливаются передъ заваломъ, стрѣляютъ въ нихъ, какъ въ куръ, чтобы отучить отъ охоты сражаться противъ своихъ“.

Къ сожалѣнію, мнѣ не приходилось встрѣчать указаній въ литературѣ на распространенность хоть гдѣ-нибудь въ Россіи этого «катихизиса», написаннаго человѣкомъ, отнюдь не сочувствовавшимъ революціи ни раньше, ни потомъ.

Вскорѣ (въ октябрѣ 1850 г.) Головинъ переѣхалъ въ Ниццу, гдѣ основалъ на лѣтній сезонъ журнальчикъ «Carillon» и помѣщалъ въ немъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ «Les prussiens es russiens et les autres chiens à Nice». Журналъ выходилъ по субботамъ и имѣлъ успѣхъ среди пріѣзжихъ, насколько вообще имѣетъ успѣхъ всякая сплетня... Въ концѣ концовъ Головина выслали изъ Ниццы и онъ перебрался въ Туринъ. Тамъ онъ основалъ «Journal de Tourin», въ которомъ печаталъ фельетоны подъ общимъ заглавіемъ «Portraits et esquisses russes». Но и здѣсь Головину не пришлось пожить. Онъ перевелъ на французскій языкъ статью Максима Азеглио—«Честь Италіи и Австріи», написанную тѣмъ еще до вступленія на постъ сардинскаго министра внутреннихъ дѣлъ, напечаталъ ее въ своемъ журналѣ и былъ привлеченъ къ отвѣтственности, такъ какъ статья не понравилась австрійскому министру въ Туринѣ, графу Апони, настоявшему на высылкѣ Головина.

Русское правительство всегда слѣдило за Головинимъ и знало о его дѣятельности. Въ апрѣлѣ 1852 г. одинъ изъ редакторовъ какой-то петербургской газеты, вѣроятно «Сѣверной Пчелы», представилъ въ III отдѣленіе первый номеръ «Journal de Tourin» и получилъ за это милостивую благодарность, а министерству народнаго просвѣщенія было предписано немедленно обязать подпискою всѣхъ россійскихъ редакторовъ представлять всѣ подобныя изданія въ III отдѣленіе.

Замѣчу кстати, что Головинъ приглашалъ къ сотрудничеству въ туринской газетѣ Кавура и получилъ отъ него весьма сухой отвѣтъ, такъ и оставшійся ему неизвѣстнымъ, потому что былъ конфискованъ на почтѣ. Привожу его въ переводѣ: «Милостивый Государь, благодарю Васъ за любезное предложеніе въ Вашемъ письмѣ отъ 3 числа тек. мѣсяца открыть мнѣ столбцы «Journal de Tourin». Поспѣшу воспользоваться имъ какъ только сочту это полезнымъ для дѣла, которому служу, возстановить правду въ лжи».

выхъ розказняхъ обо мнѣ и моихъ политическихъ друзьяхъ. Не думаю, однако, чтобы я злоупотребилъ вашимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ давно уже взялъ себѣ за правило отвѣчать молчаніемъ на всякія обиды и клеветы».

IV.

Головинъ снова пріѣхалъ въ Лондонъ, куда немного раньше перебрался и Герценъ. Здѣсь у него обнаружился особенный приступъ графоманіи. По этому поводу любопытно привести его собственное признаніе, напоминающее розказъ Хлестакова объ игрѣ въ вистъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и видными посланниками.

«Надо имѣть познанія, чтобы васъ читать,—говорилъ мнѣ Гауманъ,—вы не пишете для толпы.—На одной строкѣ у васъ нѣсколько мыслей,—говорилъ мнѣ Піори въ Парижѣ.—Головинъ пишетъ не перомъ, а шпагой,—говорилъ при мнѣ женевецъ, который платилъ 300 фр. за мой автографъ, не зная, что я его слушалъ, изъ чего я заключилъ, что мой слогъ слишкомъ рубленъ. Одна изъ моихъ книгъ вытекала изъ другой, одна была послѣдствіемъ другой и послѣдующая дополняла предыдущую. Надо искать автора во всѣхъ его сочиненіяхъ, а не судить его по отрывкамъ. Я не писалъ для того, чтобъ писать, а всегда поставлялъ себѣ какую-нибудь цѣль блага общаго, которой я хотѣлъ достигнуть. Популярнымъ авторомъ можно только быть на родинѣ, а посему на чужбинѣ я адресовался къ извѣстному только классу просвѣщенныхъ читателей. Но писать была большая потребность, такъ что за неимѣніемъ бумаги и печатни, я писалъ бы на древесной корѣ или на камнѣ. Слѣдовательно, пріѣхавъ этотъ разъ въ Лондонъ, я рѣшился сдѣлаться англійскимъ писателемъ, едва зная довольно, чтобы спросить свою дорогу на улицѣ»¹⁾.

Съ такимъ багажемъ Головинъ шелъ на поприще, гдѣ было столько силъ и ума. Взять хотя бы только одного Герцена...

Обыкновенно такія бездарности прежде всего рабски слѣдуютъ по чьимъ-нибудь пятамъ, мало заботясь о степени своего заимствованія. У Головина передъ глазами было новое громадное литературное явленіе, имѣвшее совершенно до тѣхъ поръ неслыханный и въ Европѣ успѣхъ: романъ Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома». Что до того, что на русской почвѣ романъ въ сущности былъ написанъ Тургеневымъ въ его «Запискахъ охотника». Головинъ рѣшилъ написать своего Тома и дѣйствительно написал по-французски. Спасибо, отъ срама его спасъ какой-то благодѣтель Нельсонъ изъ Эдинбурга, заплатившій графоману за рукопись 80 ф. стерлинговъ и никогда не издавшій романъ въ свѣтъ... Головинъ былъ доволенъ: въ его положеніи это были огромныя деньги.. Но, всетаки, хотѣлось внѣшняго успѣха, въ которомъ онъ былъ увѣренъ, и потому онъ обратился къ Кобдену

¹⁾ „Записки“, 140—141.

съ просьбой разрѣшить ему организовать нѣсколько митинговъ въ пользу освобожденія русскаго народа, но получилъ отказъ... ¹⁾).

Въ Лондонѣ Головинъ сразу попалъ въ соотвѣтствовавшій ему кругъ всевозможныхъ шантажистовъ-репортеровъ и пр., работаль въ грязномъ именно въ то время листкѣ «Morning Advertiser», потомъ, въ виду Крымской войны, выпускаетъ анонимно «Письма русскаго дипломата». Какъ разъ въ это время умираетъ его братъ Михаилъ, завѣдовавшій дѣлами Ивана, и послѣдній остается безъ всякихъ средствъ, принужденный заложить все до послѣдней нитки. Потомъ онъ получилъ изъ Россіи 9000 рублей, но, какъ и при полученіи раньше 70,000 франковъ, не утерпѣлъ, чтобы не пуститься въ аферы, и опять потерялъ все присланное. Нищета въ родствѣ съ графоманіей дали романъ «Выходецъ» («Der Flüchtling»), купленный лейпцигскимъ издателемъ за 26 фунтовъ стерлинговъ и изданный подъ псевдонимомъ Годвинъ, что было сдѣлано по совѣту людей, дорожившихъ успѣхомъ литературы русскихъ эмигрантовъ и понимавшихъ, какъ нежелательно смѣшеніе ихъ именъ съ именемъ Головина.

Но вотъ умеръ Николай I...

Россія начала протягивать свои закоченѣлые члены... Европа съ любопытствомъ смотрѣла на Петербургъ, не зная хорошо, чего можно ожидать отъ новаго царя...

Черезъ двѣ недѣли (18 марта н. ст. 1855 г.) Головинъ строчить письмо къ Александру II:

«Ваше Императорское Величество,
Государь Все милостивѣйшій!

«Священнымъ долгомъ своимъ полагаю поставить себя на распоряженіе Вашего Императорскаго Величества. Я буду гордъ имѣть Государемъ моимъ добрѣйшаго изъ монарховъ, если только В. И. В. благоугодно имѣть меня своимъ подданнымъ. Надежды всей жизни моей были основаны на Васъ. Исполните живѣйшую изъ нихъ: возвращеніе меня на родину. Распространяя до меня Все милостивѣйшую амністію Вашу и возвращая мнѣ права мои, В. И. В. дасть мнѣ возможность быть полезнымъ моей родинѣ».

Отвѣта не было... Головинъ ждалъ его терпѣливо, больше года. За это время онъ подвергся даже обвиненію въ шпіонствѣ и агентурѣ. Въ пріютившей его «Morning Advertiser» появилась статья, обвинявшая Александра II въ несочувствіи освобожденію Россіи отъ прежняго ига. Головинъ отвѣчалъ очень рѣзко, что время докажетъ, какъ былъ правъ Жуковскій, предсказывая государю великое будущее, что Александръ II вовсе не сочувствовалъ политикѣ своего отца и т. п. А когда черезъ нѣсколько номеровъ Головинъ замѣтилъ, что если русскіе стремятся въ Индію, то путь туда должны лежать черезъ Персію, то на него посыпались обвиненія, что онъ агентъ русскаго правительства... Потомъ время убѣдило англичанъ, что послѣднее, выбирая агентовъ, поступало, все таки, съ большей осмотрительностью и расчетливостью.

¹⁾ „Записки“, 141—142.

Однако, Головинъ рѣшилъ потушить слухъ побѣдкой въ Америку, гдѣ онъ рассчитывалъ найти себѣ какое-нибудь занятіе и тогда совершенно уже покинуть Англію. Но кромѣ неудачнаго открытія винной лавки, съ которой Хлестаковъ прогорѣлъ, благодаря своему компаньону, Америка ничего не дала. Правда, онъ работалъ въ уличныхъ листкахъ Нью-Йорка и Вашингтона, но для американцевъ не показался подходящимъ журналистомъ. Въ началѣ 1856 г., наживъ себѣ горячку, Головинъ отправился лѣчить ее въ Гаванну, тамъ тоже не нашелъ ничего и вынужденъ былъ вернуться въ Лондонъ. Здѣсь онъ принялся за изданіе журнала «Россія» на трехъ языкахъ (французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ), но на пятнадцатомъ номерѣ вынужденъ былъ прекратить его за полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было успѣха, котораго странно было и ожидать въ то время даже безотносительно къ личности редактора.

Наконецъ, не получая отвѣта на свое письмо къ Александру II, Головинъ адресовался съ французскимъ посланіемъ къ кн. Горчакову.

„Ваше Сіятельство, еслибы это не было непростительной дерзостью съ моей стороны, я бы явился уже на русскихъ границахъ для того, чтобы доказать мое желаніе жить подъ законами нашего молодого государя. Обращаясь къ вамъ, князь, я убѣжденъ, что вы, какъ добрый патріотъ, сдѣлаете все зависящее отъ васъ, чтобы облегчить мое возвращеніе на родину. Я не замышлялъ и не поднималъ никогда оружія противъ Россіи, возлагалъ всегда надежды на восшествіе на престолъ Его Величества Государя Императора. Я знаю, чувствительность молодого государя велика въ отношеніи того, что пишутъ на его счетъ за границей, но вы, безъ сомнѣнія, очень хорошо знаете человеческое сердце, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что любовь къ отечеству не можетъ угаснуть въ сердцѣ изгнанника и писателя самаго бѣднаго и желчнаго. Самые отъявленные мои враги должны будутъ сознаться въ томъ, что я никогда не сомнѣвался въ тѣхъ благахъ, которыя Россія пріобрѣтетъ отъ царствованія государя, доброты сердца котораго служатъ въ томъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ. Великія идеи, говорятъ издавна, исходятъ отъ сердца, и слѣдуя указаніямъ этого надежнаго путеводителя болѣе, нежели умозрѣніямъ такъ называемой высшей политики, Александръ II внесетъ свое имя на высшую степень сравнительно съ той, на которой сіяло имя Александра, завоевателя Македоніи“.

30 іюля 1856 г. III Отдѣленіе вошло съ обширнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ (утвержденнымъ въ день коронаціи 26 августа) объ облегченіи участи государственныхъ преступниковъ и въ томъ числѣ Головина. Относительно его состоялось повелѣніе: помиловать, дозволивъ пользоваться прежними правами и возвратиться въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ немедленно опредѣленъ на службу, гдѣ пожелаетъ, кромѣ столицъ, съ утвержденіемъ за нимъ строгаго надзора.

Въ концѣ августа Горчаковъ увѣдомилъ объ этомъ лондонскаго посланника гр. Хрептовича. Тотъ призвалъ Головина и объявилъ ему высочайшую «милость». На другой день Головинъ, растрогавшись, написалъ Хрептовичу по-французски: «Графъ, удостойте принять мою

последнюю книгу, почтительную дань моей признательности. Льшу себя надеждой, что она составлена въ такомъ духѣ, который не будетъ непріятенъ Вашему Превосходительству. Не смѣя докучать своимъ письмомъ кн. Горчакову, покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать ему мою глубокую признательность. Надѣюсь вскорѣ получить указаніе того мѣста, гдѣ я могу пригодиться, чтобы рѣшить, черезъ какую границу и какимъ маршрутомъ мнѣ ѣхать на родину»¹⁾.

Самъ Головинъ рассказываетъ, что когда онъ получилъ приглашеніе Хрептовича, у него капнули слезы при мысли, что ему возвращена родина. Этому можно повѣрить — слишкомъ безрадостно жилось ему въ эмиграціи.

Хрептовичъ запрашивалъ, въ свою очередь, Горчакова, сообщивъ, что Головинъ выслушалъ высочайшее прощеніе съ глубочайшею благодарностью. Тотъ адресовался въ III Отдѣленіе, а князь В. А. Долгоруковъ спросилъ государя и получилъ приказаніе назначить его подъ начальство такого губернатора, который бы дѣйствительно зорко за нимъ слѣдилъ. Тогда запросили о такомъ губернаторѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ разъ въ это время братъ Головина, уже генералъ, хлопоталъ объ опредѣленіи Ивана къ Н. Н. Муравьеву-Амурскому и получилъ согласіе. Самъ же Головинъ просился у кн. А. А. Суворова, генераль-губернатора рижскаго, ливляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго. Очевидно, на точномъ основаніи повелѣнія, слѣдовало предпочесть личное желаніе «помилованнаго» и потому не нашли препятствій къ исполненію его просьбы объ опредѣленіи къ Суворову.

Но затѣмъ Головину вдругъ пришла мысль не ѣхать въ Россію, а пристроиться какъ-нибудь на русскую службу за-границей. Для этого, съ одной стороны, онъ поспѣшилъ просить Суворова разрѣшить остаться въ Лондонѣ до приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ, съ другой—написалъ министру народнаго просвѣщенія Норову о своемъ желаніи быть корреспондентомъ его министерства, т. е. фактически III Отдѣленія, какъ было и съ Яковымъ Толстымъ... А чтобы заручиться его расположеніемъ и признаніемъ собственной серьезности, Головинъ передъ этимъ (16 декабря 1856 г.) послалъ Норову еще особое посланіе, весьма любопытное для его характеристики.

Бросаясь изъ стороны въ сторону, изъ одной области въ другую, переходя съ необыкновенною, чисто хлестаковскою легкостью въ мысляхъ отъ предмета къ предмету, мѣняя политическую экономію на исторію, исторію на публицистику, публицистику на этнографію и т. п., Головинъ добрался, наконецъ, и до френологіи. Она давала ему возможность хлестаковствовать безъ всякаго удержу и надѣяться выдвинуться хоть въ этой области. Позже, въ 1858 г., въ Лейпцигѣ Головинъ издалъ даже по-русски весьма жидкія «Лекціи о френологіи»

Вотъ что онъ писалъ министру просвѣщенія Норову:

„Ваше Высокопревосходительство! Наука френологіи сдѣлала такіе успѣхи въ послѣднее время, что ея примѣненіе къ государственнымъ предметамъ

¹⁾ Приложенная книга носила заглавіе: „The nations of Russia and Turkey and their destiny“, London, 1854.

необходимо. Мы съ точностью можемъ сказать, изслѣдуя черепъ человѣка, военный ли онъ или не военный, будетъ ли онъ хорошимъ солдатомъ или нѣтъ. При рекрутскихъ наборахъ, слѣдовательно, желательно, чтобы медикъ изслѣдовалъ черепъ прежде другихъ частей тѣла. Съ такою же точностью говоримъ мы „вотъ черепъ убійцы“, или „вотъ черепъ человѣка, который убилъ только случайно“, и заключаемъ, что отъ перваго надо оборонить общество навсегда, а что втораго надо было поставить въ другую среду жизни. Уголовное право было бы преступно, не обращая вниманія на эти законы природы.

„Но болѣе всѣхъ другихъ частей народное просвѣщеніе должно извлечь пользу изъ этихъ данныхъ. Напрасно опредѣлимъ мы земледѣльческой черепъ въ торговую школу, изъ него никогда не будетъ хорошаго купца. Не дай Богъ, чтобъ дѣлали священниковъ съ черепами, у которыхъ любострастіе развито болѣе благоговѣнія. Родители, понимая недостатки устройства своихъ дѣтей, могутъ противодѣйствовать имъ умнымъ направленіемъ ихъ образованія. Уже начали смѣяться надъ тѣми, которые смѣются надъ френологіей, и время близко, когда будутъ удивляться легкомысленному недовѣрью, съ которымъ встрѣчали эту науку. На свѣтѣ учать такъ много наукъ безъ примѣненія, что хорошо было бы ввести преподаваніе столь богатой отрасли новыхъ изысканій. Снимки замѣчательныхъ череповъ необходимы, и одна изъ самыхъ великихъ реформъ непременно истечетъ изъ этого предмета, до сихъ поръ столь пренебреженнаго. „Познаніе людей составляетъ главное достоинство тѣхъ, которые призваны употреблять ихъ по ихъ способностямъ. Творецъ, въ неизмѣримой своей мудрости, сотворяетъ людей для всѣхъ возможныхъ занятій. Горе тѣмъ, которые нарушаютъ Его законы. Тамъ, гдѣ много различныхъ народовъ, френологія озаряетъ этнологію, подавая руку антропологіи и сравнительной анатоміи. Я встрѣчалъ черепа негровъ съ удивительнымъ ораторскимъ расположеніемъ, между тѣмъ, какъ отвращеніе отъ всякой работы замѣчательная черта индійскихъ череповъ.“

„Я почту себя счастливымъ, если В. В. приметъ сіи мои наброски съ сроднымъ себѣ благорасположеніемъ, и имѣю честь быть вашъ покорный слуга

Иванъ Головинъ.“

Норовъ отвѣтилъ Долгорукову, что «не имѣеть никакихъ побужденій желать, чтобы г. Головинъ былъ наименованъ корреспондентомъ Высочайше ввѣреннаго ему министерства», т. е. III-му Отдѣленію предоставлялось увѣнчать Головина званіемъ корреспондента другого министерства.

III Отдѣленіе тоже воздержалось отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи, разсудивъ, что перо и знанія Головина врядъ ли могутъ быть полезны правительству. Наоборотъ, было предписано по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ уже числился Головинъ, вытребовать его немедленно въ Россію безъ какихъ бы то ни было отсрочекъ... Такимъ образомъ «милость» обращалась уже въ прямое насиліе.

Головинъ отвѣчалъ Хрептовичу (7 марта 1857 г. по-французски):

„Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе императорскимъ посольствомъ, имѣю честь съ сожалѣніемъ объявить, что 16 лѣтъ изгнаннической жизни за границей сдѣлали меня неспособнымъ для такой же изгнаннической жизни

въ Россіи, и потому я предлагаю императорскому правительству взять назадъ милость, которая такъ великодушно была мнѣ предложена. Я утѣшаю себя мыслью, что услуги мои при моихъ званіи и лѣтахъ принесли бы весьма мало пользы его величеству, такъ какъ г. Норовъ находить, что мои познанія не имѣютъ никакой цѣны для его министерства. При самыхъ искреннихъ желаніяхъ счастья царствованію императора Александра я окончу дни свои на чужой землѣ.

„Не всѣмъ дано жертвовать жизнь за своего монарха, но мнѣ это было дано. Да не пройдетъ незамѣченнымъ то обстоятельство, что я испортилъ свою репутацію, разрушилъ будущность свою въ Англій, открыто принявъ защиту того, кому Богъ ввѣрилъ судьбы Россіи.

„Я знаю, что его величество, будучи во всемъ отцомъ отечества, есть въ то же время самый нѣжный и послушный сынъ: его величество не можетъ, слѣдовательно, забыть того, что сдѣлалъ; но я желаю, чтобы его величество убѣдился, что бы я не пожертвовалъ собою для борьбы съ простымъ человѣкомъ.

„Мнѣ остается предложить императорскому правительству взять назадъ свою щедрую милость, а васъ графъ, просить извиненія за причиненныя мною безпокойства.

„Но всякій заблудшійся смертный питаетъ надежду увидѣть землю, на которой онъ родился, и какой бы я ни былъ дурной дипломатъ, я хотѣлъ употребить всѣ средства, чтобы сдѣлать свою амнистію полною прежде, чѣмъ я отказался отъ нея“ ¹⁾.

10 марта 1857 г. кн. Долгоруковъ извѣстилъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ о высочайшей резолюціи, послѣдовавшей на рапортѣ лондонскаго посла: «не предоставляя Головину правъ, всемилостивѣйше предназначенныхъ ему въ день священнаго коронованія, оставить его въ прежнемъ положеніи. Пусть посольство паспортовъ въ Россію ему не выдаетъ».

V.

Такимъ образомъ «милость» была взята обратно, и Головинъ навсегда лишился права возвращенія въ Россію... На него это сильно подѣйствовало. Онъ, повидимому, не думалъ о такомъ оборотѣ дѣла. 7 апрѣля 1857 г. Головинъ пишетъ Долгорукову по-французски:

„Ваше сіятельство“.

„Предокъ Вашъ, обнаживъ свою грудь, сказалъ Петру Великому: „будь Александромъ, я буду Клитомъ!“ Это было въ сенатѣ, когда начальникъ адмиралтейства, Иванъ Головинъ, разорвалъ указъ его величества и замѣнилъ его другимъ рѣшеніемъ. Князь Юрій Долгорукій былъ нашимъ лучшимъ министромъ правосудія.

„Мельнику въ Сень-Суси дозволено же было сказать безъ опасенія возбудить гнѣвъ великаго Фридриха: „есть судьи въ Берлинѣ“. Дозволено ли мнѣ будетъ сказать, что петербургскіе юрисконсульты подрываютъ монархическія начала, думая, что его величество можетъ обратно взять то, что имъ уже дано.

¹⁾ На стр. 182—183 „Записокъ“ письмо это приведено невѣрно и неполно.

Полагать, что милость можетъ быть безъ суда взята обратно, значить ошибочно истолковывать самое лучшее преимущество царской власти: право оказывать милость. Впрочемъ, я не думаю, чтобъ судъ осудилъ меня за то, что я ходатайствовалъ о полномъ всепрощеніи. Правда, что я самъ предложилъ отнять его обратно у себя, но не думаю, чтобы отсѣкли голову или посадили въ тюрьму того, кто самъ бы просилъ объ этомъ. Я прошу позволенія въ рѣшеніи его величества сослаться на самого его величество. Я того мнѣнія, что даже и народное бѣдствіе не можетъ допустить отнятія милости, дарованной въ такой день всеобщей радости, какимъ былъ день священнаго коронованія. Недавно Наполеонъ III даровалъ прощеніе Барбц, и всѣ настоянія сего послѣдняго о переводѣ его въ тюрьму были тщетны.

„Между тѣмъ я отказался отъ англійскаго подданства. Оставьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надежду, что когда будетъ приготовляться сводъ законовъ императора Александра, я уже не буду больше въ числѣ изгнанниковъ“.

Письмо это было доложено Александру II 4 апрѣля ст. стилия.

Не получивъ отвѣта, Головинъ пишетъ еще разъ (и тоже по-французски) Долгорукову 28 апрѣля:

„Ваше сіятельство! Въ минувшее царствованіе я былъ осужденъ за то, что говорилъ дурно, хотя это осужденіе послѣдовало прежде, чѣмъ я началъ писать. Нынѣ же я вижу себя осужденнымъ за то, что говорилъ хорошо объ его величествѣ. Говоря, что государь нашъ съ титуломъ отца отечества соединилъ титулъ нѣжнаго и почтительнаго сына, я призываю въ свидѣтели Бога, что этимъ не хотѣлъ сказать ничего непріятнаго. Какимъ бы я ни былъ крестьяниномъ Дуная, какъ я ни долженъ быть мало привыченъ къ похваламъ, я слишкомъ откровененъ, чтобы скрывать свои мысли, и какова бы ни была участь, меня ожидающая, я прошу Васъ, Ваше Сіятельство, удостоить меня милостивымъ Вашимъ представительствомъ въ моихъ чувствахъ передъ нашимъ августѣйшимъ монархомъ“.

И это письмо было доложено государю, но вторично отвѣта не послѣдовало.

Тогда Головинъ написалъ (по-французски) своему знакомому по Петербургу И. М. Толстому, товарищу министра иностранныхъ дѣлъ:

„Я такъ часто въ жизни своей злоупотреблялъ вашей добротой, что уже хотѣлъ послать прилагаемые документы гр. Адлербергу, но опасеніе игнорировать васъ этимъ, заставило меня еще разъ докучать вамъ. Прошу вѣрнѣе, что я былъ столь же тронутъ вашими двумя строчками, какъ и дружбой людей власти, почтившихъ меня ею за время моего долгаго изгнанія. Не хочу также подчеркивать разницы пріемовъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Хочу только показать, что и лучшіе люди въ мірѣ больше спѣшатъ иногда передавать дурныя вѣсти, чѣмъ хорошія. Императорскимъ манифестомъ предложено лицамъ, проживающимъ за границей, годъ срока для того, чтобы воспользоваться милостью его величества. Но напрасно я требовалъ для себя благодѣтельныхъ преимуществъ этого предусмотрительнаго распоряженія. Мнѣ только смягчили наказаніе. Я ошибся, думая, что государь не отниметъ того, что самъ далъ. Позвольте мнѣ рассказать вамъ и о томъ и о другомъ, приводя историческія данныя.“

„Филиппъ II, обращаясь къ одному изъ своихъ подданныхъ, называетъ

его графомъ. Тотъ немедленно надѣваетъ шляпу. Что вы дѣлаете? спрашиваетъ король. Ваше величество, пожаловали меня испанскимъ грандомъ. Король хотѣлъ ваять назадъ эту милость, но по настоянію министровъ не сдѣлалъ этого.

„Бѣднякъ останавливаетъ въ Парижѣ полицейскаго сержанта и говоритъ ему: сдѣлайте мнѣ удовольствіе, посадите меня въ тюрьму. Чего ради? Мнѣ негдѣ жить и нечего ѣсть. Этого мало, надо еще, чтобы вы совершили какое нибудь преступленіе. Что же я долженъ сдѣлать?—Ну вотъ, напримѣръ, если вы начнете просить милостыню, я могу васъ арестовать.—Г. Сержантъ, подайте милостыню Христа ради... Сержантъ повелъ бѣдняка въ тюрьму“.

„Должно быть и мое преступленіе въ томъ, что я просилъ милости его величества. Но развѣ за такое преступленіе наказываютъ пожизненнымъ изгнаніемъ.“

Немного спустя (28 августа 1857 г.) Головинъ пишетъ князю Долгорукову:

«Ваше Сіятельство! Высочайшимъ предписаніемъ повелѣно мнѣ оставаться въ прежнемъ положеніи, между тѣмъ, какъ обстоятельства совершенно измѣнились. Прежде были два министра нѣмца, а нынѣ стали русскіе; прежде былъ царь Грозный, а нынѣ государь милосердный. Россія тронулась: изъ военнаго диктаторства она становится чистою монархіею; пространства исчезаютъ при возникаемыхъ удобныхъ средствахъ сообщенія; храмъ Януса запертъ, торговля расцвѣтаетъ и литература пробудится скоро тоже. Уваженіе къ Аристотелю, Пиндару, Гомеру составили славу Александра Македонскаго, болѣе нежели побѣда его при Арбелахъ. Какъ ни ничтожны мои достоинства, казалось, лучше было бы мнѣ быть авторомъ русскимъ, нежели англійскимъ, и я надѣюсь, князь, что вы прекратите мою опалу, которая не нужна для славы новаго царствованія».

Письмо это тоже было доложено государю и оставлено, по его приказанію, безъ послѣдствій.

Головинъ узналъ объ этомъ и рѣшилъ просить надъ собой формальнаго суда. Для этого онъ адресовался къ министру юстиціи Панину, которому писалъ, между прочимъ: «полагая, что права русскаго дворянина не отнимаются безъ суда, я прошу В. С. какъ блюстителя закона, разобрать мое дѣло и дать ему судебный ходъ». Одновременно Головинъ обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбой выдать ему паспортъ для вѣзда въ Россію, чтобы тамъ подвергнуться суду. Панинъ отвѣчалъ Горчакову, прося свой отвѣтъ довести до свѣдѣнія Головина, что разъ онъ самъ отказался отъ царской милости, то и не имѣетъ никакого права на судебную реабилитацію. Головинъ возражалъ Панину, но разумѣется, письмо его не имѣло никакихъ послѣдствій.

Еще не дождавшись панинскаго отвѣта, Головинъ обратился къ Долгорукову снова по-французски: «Моя мать имѣла пятерыхъ сыновей, служившихъ въ гвардіи. Неужели она можетъ быть лишена права видѣть меня и неужели мнѣ не будетъ дозволено закрыть ей глаза? Генрихъ IV говорилъ, что удовлетвореніе мщенія продолжается не

долѣ минуты, а удовлетвореніе милосердія вѣчно. Полагая границы милосердію нашего монарха, стѣсняють наилучшее украшеніе императорской власти. Вы такъ великодушны къ врагамъ отечества, что, вѣроятно, захотите быть таковымъ же и къ своимъ друзьямъ. Ваше милостивое предстательство уже открыло разъ предо мною входъ въ Россію, кромѣ Петербурга и Москвы. Можетъ быть на этотъ разъ вы можете снять ограниченіе хотя бы съ Москвы. Въ Россіи столько хорошихъ головъ, что одну дурную, какова моя, вы стерпите».

Долгоруковъ, дѣйствительно, готовъ былъ, повидимому, если не просить за Головина, то хоть основательно познакомиться съ его дѣломъ. Онъ приказалъ доложить себѣ его со справкой.

Одновременно, пользуясь пребываніемъ русской императрицы въ Дармштадтѣ, Головинъ написалъ и ей. Указавъ на свою половинчатую амнистію, онъ говорилъ, что навѣрное государыня знаетъ изъ отечественной исторіи, что мать патріарха Филарета была изъ рода Головиныхъ, что въ царствованіе Петра Великаго Головины засѣдали въ сенатѣ, что при Іоаннѣ Грозномъ они проливали кровь на эшафотѣ, а при Годуновѣ были изгнаны, и спрашивалъ, неужели и онъ будетъ изгнанникомъ?

Кромѣ того, какъ англійскій подданный, Головинъ обратился къ лордъ Кларендону, чтобы тотъ далъ ему возможность съѣздить въ Россію въ качествѣ англичанина, для свиданія съ родными и съ правомъ возврата въ Англію. Министерство иностранныхъ дѣлъ отказало въ хлопотахъ англійскаго посла въ Петербургѣ.

Потерпѣвъ и здѣсь неудачу, Головинъ понялъ, что съ Россіей связь уже не возстановится, и потому рѣшился на отчаянное средство только для того, чтобы поддержать свое существованіе. Онъ обратился къ лорду Пальмерстону съ предложеніемъ быть тайнымъ англійскимъ агентомъ, указывая при этомъ на свои якобы широкія знакомства въ Россіи... Пальмерстонъ отвѣтилъ, конечно, отрицательно...

Что было дѣлать?

Возвращаться на родину, во что бы то ни стало возстановить въ ней свои права. Для этого Головинъ пробуетъ втереться въ русскую журналистику и 24 ноября обращается къ Красовскому еъ просьбой дать ему работу въ «Отечественныхъ Запискахъ» или «СПБургскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ, чтобы гарантировать себѣ право печатать въ Россіи, онъ пишетъ Тимашеву:

«Ваше превосходительство! Князь Долгоруковъ говорилъ Петру Великому, что молодые люди, которыхъ посылають воспитываться за границу, принимаютъ направленіе чужестранное. «Мы его исправимъ», возразилъ царь, и опять, проведя по бумагѣ знакъ ногтемъ, сказалъ: «какъ ни слабъ этотъ знакъ, а со всѣмъ вашимъ могуществомъ вы его не изгладите». Великій монархъ не полагалъ, что надо лишать живота, имущества или правъ пионеровъ русскаго просвѣщенія.

«Карамзину, звавшему государя Александра Павловича «аркадскимъ пастухомъ», давали пенсіи, а меня, называвшаго государя Александра Николаевича «ангеломъ на престолѣ», лишили правъ мо-

ихъ. Не моя вина, что 1000 лѣтъ разстояніе въ просвѣщеніи между Россіей и Европой. Я васъ прошу, генераль, не запрещать моимъ роднымъ переписываться со мною и дозволить мнѣ писать въ русскихъ журналахъ, соображаясь съ цензурными установленіями».

Отвѣта и разрѣшенія не было дано.

А на слѣдующій день Головинъ пишетъ совѣтнику лондонскаго посольства, барону Николаи:

„Баронъ, при нашихъ прежнихъ свиданіяхъ мы не имѣли удовольствія сговориться. Вы говорили, что не знаете о той статьѣ въ манифестѣ, которая даетъ годъ сроку лицамъ, живущимъ за границей, чтобы воспользоваться дарованной имъ амнистіей. 1) Распоряженіе мудрое, предусмотрительное, и оно должно быть распространено на всѣхъ, потому что при долгомъ пребываніи гдѣ бы то ни было создаются различныя интересы, которые нельзя порвать сразу. Называю имена: Савичъ, Яблонскій и такъ много другихъ могли воспользоваться этой привилегіей, въ которой было отказано мнѣ. Повидимому, вы невѣрно представляете мою вину. Я былъ осужденъ заочно, потому что отсутствовалъ,—случай столь рѣдкій въ судебной практикѣ, что покойный государь отдалъ потомъ приказъ не предавать больше суду за отказъ вернуться въ Россію. 2) Слѣдовательно, съ того момента, какъ я предлагалъ заглѣдѣть свое отсутствіе, наказаніе мое падало само собой. Думаю, что министръ юстиціи такъ и доложилъ правительствующему сенату. Съ того момента, какъ я рѣшилъ вернуться добровольно, незачѣмъ было меня торопить, и разъ на меня возложили извѣстныя обязанности, несправедливо было отказывать въ дорожныхъ издержкахъ. Князя Суворова все равно на мѣсть не было, а прибалтійскія провинціи отнюдь мнѣ не родина. Министръ иностранныхъ дѣлъ по традиціи злобствуетъ на меня. Если я отказался брать уроки каллиграфіи, то долженъ признаться, только потому, что съ этой просьбой обратились не ко мнѣ, а къ государственному контролеру и комитету министровъ. Когда я обратился за инструкціями къ тѣмъ, кто руководилъ моею карьерой, мнѣ сказали, что послѣ этого меня заставятъ брать уроки танцевъ и все приписали давнишнему соперничеству между Гурьевыми и Мусинъ-Пушкиными. Наказываютъ не меня, а мою мать, не позволяя мнѣ пріѣхать закрыть ей глаза и не принимая во вниманіе того, что у нея пять сыновей служатъ въ гвардіи. А потому позвольте мнѣ отклонить предлагаемое вами вчерашней запискѣ свиданіе, и просить васъ передать копію прилагаемаго письма г. Мальцову. 3)

„Очень хотѣлъ бы, чтобы г. Толстой вернулъ мнѣ письмо графа Кавура. Отъ меня имѣли жестокость скрыть, что онъ провѣждалъ черезъ Лондонъ, гдѣ я счастливъ былъ бы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе“.

Письмо Мальцову было отправлено по назначенію вмѣстѣ съ рапортомъ графа Хрептовича, сообщавшаго, что у Головина съ Николаи не было никакихъ столкновеній; онъ поручилъ только барону передать Головину послѣдній отвѣтъ правительства. При этомъ

1) Головинъ относилъ къ себѣ ст. XXXV манифеста 26 августа 1856 года, гдѣ годовой срокъ давался находящимся подъ слѣдствіемъ и судомъ и освобожденнымъ отъ отвѣтственности, если они желали оправдаться по суду. Разумѣется, эта статья не могла быть примѣнена къ нему.

2) Ничего подобнаго Николай не приказывалъ.

3) Исполняя тогда должность министра иностранныхъ дѣлъ.

Хрептовичъ писалъ, что Головину «все мерещится систематическое преслѣдованіе со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, и если онъ занялся френологіей, то, по его мнѣнію, съ цѣлью доказать, что всѣмъ намъ недостаетъ шишекъ доброты, а я все больше и больше убѣждаюсь, что самому Головину недостаетъ шишки здраваго смысла». Хрептовичъ писалъ при этомъ, что выгоднѣе было пустить Головина въ Россію, гдѣ за нимъ былъ бы постоянный надзоръ, чѣмъ оставлять его влачить такое жалкое существованіе за границей, гдѣ онъ дѣлаетъ массу всевозможныхъ хлопотъ и неприятностей посольству и правительству.

Пока бумага эта шла въ Петербургъ, 15 ноября Головинъ обратился къ Хрептовичу съ просьбой выдать ему паспортъ для вѣзда въ Россію со всѣми положенными коронаціоннымъ манифестомъ ограниченіями, такъ какъ онъ не можетъ оставаться празднымъ зрителемъ новой эры, которую вводитъ въ Россіи государь императоръ рядомъ такихъ мѣръ, какъ возстановленіе Польши, предстоящее освобожденіе крѣпостныхъ и т. п.

Черезъ десять дней Головинъ написалъ Александру II французское письмо:

„Я не зналъ, что письмо, адресованное мною 7 марта 1857 г. графу Хрептовичу, должно было попасть на глаза вашему величеству. Еслибы я зналъ это, я бы привелъ слѣдующую выдержку изъ завѣщанія вашего августѣйшаго батюшки: „благодарю всѣхъ, кто любилъ меня и служилъ мнѣ, прощаю всѣхъ, кто ненавидѣлъ меня, и прошу всѣхъ тѣхъ, кого я оскорбилъ безъ намѣренія, простить меня“. Я позволилъ бы себѣ прибавить, что, наследовавъ дружбу, вы не наследовали ненависти, которую могли питать къ вашему предшественнику.

„Прощеніе не должно быть случайно; въ такомъ сердцѣ, какъ ваше, источники милости не должны изсякать. Къ тому же прощеніе не дается здѣсь на 15 дней, тамъ на годъ, а навсегда. Тѣмъ хуже или тѣмъ лучше для тѣхъ, кто имъ не пользуется или кто хочетъ воспользоваться.

„Благодаря этому власть не имѣетъ возможности отнять разъ давное, поданные не имѣютъ искушенія отказаться отъ предложеннаго. Государь, вашъ отецъ все далъ вамъ, у меня все отнялъ. Поэтому вы не можете быть ко мнѣ слишкомъ снисходительны. Имперія, которую вы наследовали, достаточно обширна, чтобы въ ней не нашлось мѣсто для свободныхъ людей, не подчиняя ихъ надзору, не запирая ихъ въ изгнаніе. Недовѣріе вызываетъ недоовѣріе. Всѣхъ народныхъ дарованій не будетъ слишкомъ много, чтобы помочь вамъ въ славномъ дѣлѣ реформъ. Но самолюбіе и даровитость неразлучны. Унижать одно, значитъ давать ложное направленіе другому. Служба— это такая милость, которую никогда нельзя валагать, какъ наказаніе. Но отечество — благо, котораго не слѣдуетъ лишать тѣхъ, кто вѣрить въ васъ, какъ я всегда вѣрилъ.

„Вотъ, государь, что я сказалъ бы вамъ, и если мои рѣчи заслуживаютъ наказанія, ваше величество останетесь при своемъ рѣшеніи и не раскроете руку щедротъ своихъ для того, кто будетъ вѣчно преданъ вамъ“.

Дѣло было снова передано въ III отдѣленіе, гдѣ, какъ помнитъ читатель, о Головинѣ уже составлялась особая записка. Управляющій

отдѣленіемъ, помощникъ Долгорукова, Тимашевъ написалъ свое заключеніе: «Мнѣніе графа Хрептовича я, признаюсь, вовсе не раздѣляю. Въ чемъ опасность оставить Головина за границую? Онъ всюду презираемъ, и какъ чловѣкъ, и какъ писатель. Если по возвращеніи въ Россію онъ впадетъ въ новыя проступки, что очень вѣроятно, и будетъ подвергнутъ законной отвѣтственности, то враги наши неминуемо назовутъ помилованіе его коварствомъ, оставитъ же его безнаказаннымъ было бы несправедливо въ отношеніи ко всѣмъ преслѣдуемымъ закономъ, и, наконецъ, съ пріѣзда его въ Россію какое будетъ его положеніе. Если въ обществѣ ему будетъ выражено вполнѣ заслуженное презрѣніе, то онъ снова уѣдетъ за границу, болѣе чѣмъ когда-нибудь озлобленный, если же, напротивъ того, онъ найдетъ сочувствіе, то можетъ за собой увлечь нѣсколько несчастныхъ жертвъ. Опасеніе это, по мнѣ, тѣмъ основательнѣе, что изъ его писемъ видно намѣреніе быть *дѣятелемъ* на поприщѣ реформъ. Считаю долгомъ совѣсти представить все это на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства».

Долгоруковъ совершенно не согласился съ Тимашевымъ и самъ написалъ бумагу, (датированную декабремъ 1857 г.) назвавъ ее «соображеніемъ».

«Мнѣніе гр. Хрептовича, что опаснѣе оставлять бывшаго кол. секр. Головина за границую, нежели дозволить ему возвратиться въ Россію, вполнѣ справедливо: ибо здѣсь въ случаѣ новыхъ проступковъ всегда можно удержать его или подвергнуть законной отвѣтственности, тогда какъ если за границую отъ ожесточенія онъ вовлечется въ новыя, еще болѣе вредныя для насъ дѣйствія, то къ остановленію его правительство наше не будетъ имѣть никакихъ средствъ. Поэтому, чтобы, съ одной стороны, предотвратить означенныя послѣдствія, а съ другой—лишить Головина поводовъ безпрерывно просить и жаловаться на ожидаемая имъ въ Россіи стѣсненія и принужденіе къ службѣ, было бы можно дозволить ему возвратиться въ отечество и жить гдѣ пожелаетъ, не исключая столицъ, предоставивъ ему на волю, вступить или не вступать на службу, но съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго надзора.

«Если это удостоится утвержденія, то не будетъ ли признано нужнымъ объявить Головину, что распоряженіе объ оставленіи его въ прежнемъ положеніи сдѣлано было вслѣдствіе собственнаго его отзыва о нежеланіи возвратиться въ Россію, что въ день св. коронаванія Высочайшая воля о дарованіи ему прежнихъ правъ объявлена была въ той силѣ, что ему дозволено будетъ пользоваться имъ по возвращеніи въ отечество; что и нынѣ распоряженіе о предоставленіи ему означенныхъ правъ, безъ права однако же, на прежнее имущество, сдѣлано будетъ не прежде, какъ по прибытіи его въ Россію. Само собою разумѣется, что о предполагаемомъ секретномъ надзорѣ ему объявлять не слѣдуетъ».

Это «соображеніе» было доложено государю одновременно съ письмами Головина къ парижскому послу, гр. П. Д. Киселеву, и къ кн. А. Ѳ. Орлову. Въ первомъ Головинъ писалъ, что, строго соблюдая повелѣніе государя служить правительству, онъ не считаетъ воз-

можнымъ молчать при видѣ унижительной политики Россіи въ отношеніи Франціи. Орлову онъ высказалъ, между прочимъ, свою готовность «представлять о предметахъ общаго интереса», но чтобы не черезъ III отдѣленіе.

Александръ II разрѣшилъ дозволить Головину возвратиться въ Россію безъ всякихъ ограниченій, но, видя изъ его писемъ, что онъ хочетъ быть здѣсь въ дѣлахъ государственныхъ, приказалъ: «дабы Головину предварительно объявлено было, что правительство наше ни мало не нуждается въ его участіи, и что пріѣздъ разрѣшается ему вовсе не въ тѣхъ видахъ, а единственно по снисхожденію къ его раскаянію, и чтобы все это объявлено ему было обстоятельно, дабы онъ впослѣдствіи не имѣлъ повода жаловаться на неисполненіе надеждъ его, которыя не могутъ осуществиться». Кромѣ того, Долгоруковъ просилъ министра иностр. дѣлъ объявить Головину, что правительство не будетъ платить ему ничего, а братъ обѣщаетъ самое большое 1000 рублей сер. въ годъ.

За отсутствіемъ графа Хрептовича, бывшаго въ Петербургѣ и тамъ замолвившаго слово въ пользу Головина, замѣщавшій его баронъ Николай объявилъ Головину царскую милость, на что услышалъ цѣлый панегирикъ императору. Поинтересовавшись, чѣмъ будетъ заниматься онъ въ Россіи и на какія средства жить, баронъ получилъ въ отвѣтъ, что Хлестаковъ намѣренъ заняться приготовленіемъ матеріаловъ для исторіи крѣпостного права, а жить будетъ на литературный заработокъ, въ которомъ совершенно увѣренъ. Николай сообщилъ объ этомъ министру иностранныхъ дѣлъ и прибавилъ отъ себя, что возвращеніе въ Россію Головина «благопріятно подѣйствуетъ на его натуру, которая теперь находится въ аномальномъ состояніи. Съ нимъ надо обходиться, какъ съ больнымъ, и всѣ его письма, даже слова и писанія, достаточно указываютъ, что у него родъ моральнаго безпокойства, лихорадочнаго возбужденія, которыя происходятъ отъ нѣсколькихъ разстроеннаго разсудка»...

Когда за границу дошли слухи о поркѣ крестьянъ, говорившихъ о близкомъ пришествіи свободы, Головинъ рѣшилъ написать министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому, чтобы имѣть случай опубликовать это письмо за границей, какъ въ доказательство своей неприкосновенности къ правительству, такъ и для того, чтобы хвастнуть кажушимся ему остроуміемъ. Вотъ оно: «Ваше Превосходительство! Въ минуту счастливую Его Величество назначилъ васъ министромъ, и на памятникъ, который народъ воздвигнетъ за освобожденіе мужиковъ, ваше имя будетъ стоять высоко. Но у меня до васъ просьба, не отъ крестьянъ, а отъ лѣсовъ. Ихъ бѣдныхъ скоро лишатъ всѣхъ вѣтвей. Временные генералъ-губернаторы, какъ военные, вѣроятнo, также будутъ часто прибѣгать къ этому православному цѣлителью всѣхъ золъ. Предложите Его Величеству уничтожить тѣлесныя наказанія, и вы увидите, что проступки значительно уменьшатся. Русскій человѣкъ какъ-то свыкъ съ розгами; онъ, раздирая кожу, раздражаютъ мозгъ и располагаютъ его къ шалостямъ. Ими мы не просвѣтимъ Россію, а просвѣтимъ ее возвышая нравственное достоинство жителей. Помѣщикамъ и исправникамъ нельзя будетъ грѣшить,

когда не будетъ розогъ, порядокъ воцарится самъ собою и русскій будетъ равенъ пруссаку или французу. Тюремное же наказаніе пугаетъ русскаго и должно дѣйствовать на него исправительно. Какою радостью озарится свѣтъ, когда государь грянетъ этимъ указомъ!»

17 марта 1858 г. Головину, наконецъ, былъ выданъ паспортъ для проѣзда до русской границы. Въ Берлинѣ его слѣдовало обмѣнять на другой, для вѣзда уже въ Россію. Затѣмъ ему былъ переданъ посольствомъ денежный переводъ отъ брата и сообщено вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ значительныхъ жертвъ, уже сдѣланныхъ семействомъ, оно не въ состояніи давать ему что бы то ни было. Головина не смутило это обстоятельство и онъ отвѣтилъ, что выѣдетъ въ началѣ апрѣля.

Однако, и на этотъ разъ онъ все откладывалъ отъѣздъ, считывая быть въ Россіи болѣе желаннымъ гостемъ и даже питая отдаленную надежду на субсидію для расчета съ лондонскими кредиторами.

Надежда эта поддерживалась по мѣрѣ отправки въ Петербургъ политическихъ рецептовъ и особенно усилилась послѣ изданія книги объ Александрѣ I.

Мих. Лемне.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Неизданное письмо Пушкина.

Послѣ І. М. Пеньковскаго, Нижегородскаго управляющаго Пушкиныхъ, остался небольшой архивъ, который разбрелся по рукамъ его наслѣдниковъ. Часть его была передана одною изъ дочерей І. М. Труворову, который напечаталъ находившіяся въ немъ Пушкинскія письма (они перепечатаны въ послѣднихъ изданіяхъ гг. Морозова и Ефремова), и съ его смертью куда-то безслѣдно исчезла. Одно письмо А. С. Пушкина, документы по исторіи Нижегородскихъ имѣній Пушкиныхъ и письма Л. С. Пушкина, до сихъ поръ не опубликованные, достались пасынку одного изъ сыновей Пеньковскаго, д-ру Н. Н. Оболонскому. Печатаемое ниже письмо только датировано и подписано Пушкинымъ; по семейнымъ преданіямъ Пеньковскихъ, текстъ его написанъ рукою І. М. (Н. Н. Оболонскій говорилъ намъ, что и другія видѣнные имъ письма А. С. къ Пеньковскому были только подписаны великимъ поэтомъ, текстъ же былъ написанъ другою рукою). Преданіе это подтверждается нѣкоторыми особенностями правописанія текста (Пеньковскій—бѣлорусскій шляхтичъ). Письмо было, повидимому, переслано или передано Пушкину для подписи. Текстъ его съ сохраненіемъ орвографіи таковъ:

«1834 году октября 30-го дня мною ниже подписавшимся назначается управителю по данной мною довѣренности на село Болдино и село Кистенево Іосифу Матвѣеву Пеньковскому жалованья въ годъ одну тысячу рублей ходячей монетой дозволяется держать пару лошадей собственныхъ и для оныхъ сѣно и овса двадцать четыре четверти — *ординарій* — ржи четыре четверти, ячменью три четверти, гороху четыре четверика, гречки одна четверть четыре четверика, муки крупичетой шесть пудовъ, крупъ рисовыхъ десять фунтовъ, манныхъ пятнадцать фунтовъ; соли три пуда, говядины восемь пудовъ, свинины три пуда, коровьяго масла три пуда, индѣекъ десять, гусей пятнадцать, утокъ двадцать, куръ тридцать, телятъ четыре, барановъ пять, поросятъ десять, яицъ четьриста, свечей сальныхъ два пуда двадцать фунтовъ, вина пѣннаго шесть ведеръ. Въ разѣздахъ расходы мой если по собственному моему дѣлу, если же по какимъ другимъ дѣламъ касающихся лично однихъ крестьянъ, тогда на щетъ вотчины, угощеніи приѣзжихъ по должности чиновникамъ дѣлать умѣренные. 30 октября 1834. Александръ Пушкинъ» (дата и подпись рукою Пушкина). Послѣдняя, очень характерная фраза письма была, вѣроятно, подсказана самимъ великимъ поэтомъ.

Вл. Каллашъ.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы.

(Продолженіе ¹⁾).

Хотя созданное Государственнымъ Совѣтомъ Положеніе 12 іюня 1890 года далеко отличалось отъ проекта гр. Толстого, но придавъ сословную дворянскую окраску, усиливъ опеку губернаторовъ и сдѣлавъ предсѣдателей и членовъ управъ чиновниками, правительство помнило, что тѣмъ самымъ оно введетъ земскія учрежденія въ желательное для него русло—превратитъ въ совѣщательные органы по мѣстнымъ дѣламъ и спаяетъ, такъ сказать, земство съ администраціей, отдавъ всѣ преимущества послѣдней. Но лишь бюрократическое недомысліе, полное непониманіе законовъ человѣческой жизни, незнаніе исторіи могло внушить самодержавному чиновничеству такую нелѣпую мысль, чтобы оно могло приостановить движеніе впередъ великаго многомилліоннаго народа, прекратить біеніе его сердца, умертвить его душу, усыпить мысли. Раздумье общества послѣ 1 марта 1881 года, исканіе новыхъ путей, сопровождавшееся временнымъ затишьемъ на поверхности общественной жизни, бюрократія приняла въ полное и вѣчное «успокоеніе». Мы говоримъ «затишье на поверхности общественной жизни» потому, что въ глубинѣ ея шла дѣятельная работа, сильно бился пульсъ, но правительство не знало этого и не могло знать. Оно имѣло дѣло лишь съ типами Чехова, который также не проникъ въ глубину жизни населенія и не видѣлъ, что подъ пошлою поверхностью ключемъ бьетъ иное теченіе, которое, вскорѣ послѣ смерти его, проявилось наружу и быстро снесло сѣрую пошлую накипь, образовавшуюся въ царствованіе Александра III-го, такъ художественно изображенную въ произведеніяхъ Чехова.

Никакія гоненія и репрессіи на самомъ дѣлѣ не могли убить душу-живу: вынося невѣроятный гнетъ, люди все же жили и думали, думали и жили.

Энергичная освободительная работа шла и въ земствѣ.

Является вопросъ, какимъ образомъ она могла тамъ проявиться при Положеніи 12 іюня 1890 года.

Самую существенную и важную роль въ земскомъ движеніи

¹⁾ См. „Былое“ апрѣль.

сыграла безусловная, внѣклассовая русская интеллигенція, которая вообще была основнымъ и, пожалуй, единственнымъ элементомъ жизнедѣятельности страны до самаго того момента, когда на арену русской жизни не выступили широкія массы населенія.

Русская интеллигенція представляетъ въ своемъ родѣ исключительное явленіе въ міровой исторіи. Выдѣленная въ первой фазѣ своего развитія, главнымъ образомъ, изъ среды землевладѣльческихъ и чиновныхъ классовъ, частью изъ купечества, духовенства и другихъ сословій, она, вырываясь изъ семьи и попадая въ учебное заведеніе, не только теряла всякую связь со своею средою, но вступала съ нею въ борьбу, во имя демократическихъ идеаловъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Долгое время не встрѣчая поддержки въ населеніи, русская интеллигенція, дѣйствительно, была «безпочвенна», какъ ее характеризовали реакціонные элементы, но это не мѣшало ей мужественно и самоотверженно стремиться къ лучшему будущему, будить общество и при всякомъ удобномъ случаѣ отвоевывать шагъ за шагомъ права человѣка и гражданина.

Первое учрежденіе, которое дало приютъ этой разночинной интеллигенціи, а послѣдствіи, въ лицѣ выдающихся дѣятелей, вступило съ нею въ тѣсную связь—это было земство. Наиболее оппозиционнымъ и энергичнымъ элементомъ изъ земской интеллигенціи, долгое время были земскіе статистики. Первыми статистиками были, въ сущности говоря, народники-пропагандисты. Основнымъ требованіемъ земской статистики было мѣстное подворное изслѣдованіе, т. е. собираніе свѣдѣній непремѣнно отъ самого населенія, въ мѣстѣ его жительства, въ присущей ему обстановкѣ. Нужно ли говорить, что такое занятіе, дозволявшее имѣть непосредственную связь съ народомъ, легально изучать его нужды и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять эти нужды самостоятельно или при посредствѣ земства, такое, повторяемъ, занятіе привлекало къ статистикѣ большой процентъ лучшей мыслящей интеллигенціи. При наступленіи реакціи въ какомъ либо земствѣ она прежде всего отражалась конечно на статистикахъ, на которыхъ тогда же начиналось гоненіе. Тогда статистики перекочевывали въ другія земства, гдѣ условія были имъ благопріятны, а затѣмъ нерѣдко обратно возвращались въ мѣсто перваго служенія, когда реакція прекращалась. Словомъ, это былъ настолько приспособленный къ тяжелымъ условіямъ русской жизни элементъ, настолько «обстрѣленный», самоотверженный и неприхотливый въ своихъ требованіяхъ, что съ нимъ трудно было бороться. Его гоняли съ мѣста на мѣсто, но уничтожить не могли. Не мало было земскихъ статистиковъ, которые не разъ исколесили земскую Россію, перебивали чуть не во всѣхъ земствахъ, хладнокровно относясь къ ударамъ судьбы, чувствуя себя какъ дома, въ каждомъ новомъ земствѣ.

Помимо описанныхъ качествъ, громадный процентъ статистковъ, особенно въ первое время существованія земской статистики, обладали широкимъ образованіемъ, всестороннимъ развитіемъ и превосходнымъ знаніемъ земскаго дѣла и жизни населенія. Они являлись правою рукою земскихъ управъ, безъ которыхъ послѣднія просто иногда не могли обойтись. Въ виду этого лучшія земства, въ большинствѣ слу-

чаевъ, горою стояли за статистику и статистиковъ, мужественно защищая отъ администраціи, которая не выносила земскую статистику, терпя ее, какъ допущенное зло и пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ него.

Съ развитіемъ земскаго дѣла, увеличивался въ земствѣ и другой контингентъ интеллигенціи. Расширеніе медицины повлекло за собой увеличеніе числа врачей, заботы объ улучшеніи сельскаго хозяйства и скотоводства заставили привлечь агрономовъ и ветеринаровъ, наконецъ, развитіе школьнаго дѣла потребовало цѣлой арміи учителей и учительницъ. А такъ какъ земская служба не представляла ни особенныхъ матеріальныхъ выгодъ, ни, тѣмъ болѣе, привилегій, въ смыслѣ карьеры, а, наоборотъ, губила эту карьеру, — такъ какъ власти болѣе, чѣмъ подозрительно, смотрѣли на земскую службу, — то на послѣднюю шли, въ большинствѣ случаевъ, лица, демократически настроенныя и проникнутыя искреннимъ стремленіемъ принести пользу населенію.

Вся эта земская интеллигенція, этотъ «третій элементъ», постоянно сталкиваясь на попріщѣ земскаго дѣла, вслѣдствіе чего, мало по малу, образовалась довольно тѣсная связь всѣхъ интеллигентныхъ земскихъ профессій. Кромѣ того, при посредствѣ земской интеллигенціи, земство сближалось съ лучшими представителями науки и литературы. Земскіе агрономы, статистики, врачи пользовались большимъ вниманіемъ выдающихся профессоровъ, которые, симпатизируя земскому дѣлу, готовно оказывали всяческую помощь своимъ бывшимъ воспитанникамъ и нерѣдко принимали горячее участіе въ ихъ работахъ. Затѣмъ, лучшая пресса охотно открывала свои столбцы и страницы для земской интеллигенціи, которая давала богатѣйшій и жизненный матеріалъ для науки и литературы. Въ этомъ отношеніи, — скажемъ здѣсь къ слову, — особенную, можно сказать — историческую, роль сыграли «*Русскія Вѣдомости*», сослужившія великую незабвенную службу земскому дѣлу ¹⁾.

Такимъ образомъ, вокругъ земства сгруппировалась почти вся лучшая, наиболѣе энергичная, демократически настроенная интеллигенція, которая, съ одной стороны, въ лицѣ, напримѣръ, сельскихъ учителей и врачей и т. д., связывала земство непосредственно съ народомъ, а съ другой — съ высшими интеллектуальными сферами, съ наукой и литературой, съ различными обществами, какъ, напримѣръ, Московское Юридическое или Импер. Вольно-Экон. Общество. Получилась громадная сила, прочная организація, если не связанная никакою программой, то проникнутая единымъ стремленіемъ — вывести народъ изъ тьмы, невѣжества, бѣдности и произвола къ свѣту, свободѣ и матеріальному обезпеченію.

Къ моменту введенія «новаго» земскаго Положенія 12 іюня 1890 года земскія интеллигентныя силы были уже въ полномъ рас-

¹⁾ Это былъ, можно сказать, по преимуществу земскій органъ, но въ общемъ и вся прогрессивная печать поддерживала земскую интеллигенцію. Нельзя, напримѣръ, не отмѣтить такихъ органовъ, какъ «Право», «Русское Богатство», «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль» и нѣкотор. другіе.

цвѣтѣ. Гоненія въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ Царствованія Александра III-го, съ 1881 по 1890 годъ включительно, не только не разгромили эту силу, а, какъ разъ наоборотъ, сплотили ее, какъ сплавиваютъ всякія гоненія. Земскія «реформы» 1890 г., въ сущности говоря, непосредственно не трогали «третьяго элемента», Положеніе 1890 года стремилось, главнымъ образомъ, отдать земство въ руки дворянства и администраціи, т. е. изъ всесословнаго земства сдѣлать сословное, дворянско-бюрократическое, но оно не уничтожило земскихъ функцій, немислимыхъ безъ помощи интеллигенціи. Остались статистика, агрономія, школы, больницы и т. д. Мало этого, «реформа» 1890 года, пожалуй, даже способствовала упрочненію земской интеллигенціи, расширила сферу ея дѣятельности. И вотъ почему, когда введено было Положеніе 12 іюня 1890 года, то въ земствѣ произошла такая дифференціація. Съ одной стороны, въ него влилось крупное старое дворянство съ крѣпостническими тенденціями и тяготѣніемъ къ правительству, но совершенно неработоспособное и абсолютно бездѣятельное. Въ то время, какъ при всесословномъ земствѣ, по Положенію 1864 года, значительную часть земской работы исполняли сами земцы, въ лицѣ управы и гласныхъ, дворянское земство да еще при расширеніи земскаго хозяйства, совершенно не могло уже справиться съ работою и охотно взвалило ее на чужія плечи, то есть готово было, покуда не затрагивались его личные, шкурные интересы, предоставить трудиться всякому, кто пожелаетъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались лучшія земскія силы изъ сохранившихся дѣятелей стараго земства, новаго поколѣнія земцевъ, и, наконецъ,— всесословной разночинной земской интеллигенціи. При этомъ лучшіе земцы протянули руку «третьему элементу» и пошли съ нимъ по пути, который долгое время былъ для нихъ одинъ. И вотъ, случилось удивительное явленіе: земство, какъ широкое самоуправленіе, было почти упразднено Положеніемъ 12 іюня 1890 года, а между тѣмъ земская дѣятельность процвѣтала не меньше, если даже не больше, чѣмъ въ періодъ дѣйствія Положенія 1864 года. Вдругъ, неожиданно для правительства, «новое» земство стало, съ мѣста въ карьеръ, въ непримиримую оппозицію съ бюрократіей; въ то же время рѣкою полились широкіе земскіе проекты: всеобщее обученіе, санитарная организація, продовольственная организація, учительскіе съѣзды, агрономическіе съѣзды, статистическіе съѣзды, а затѣмъ невѣроятное количество комиссій при обоюдномъ участіи земцевъ и земской интеллигенціи и т. д., и т. п.

Уже въ 1891—1892 годы стали проявляться и открытая связь земской служилой интеллигенціи съ выборнымъ земствомъ, и стремленіе земствъ къ единенію, и совершенно оппозиціонное отношеніе земскихъ учреждений къ правительству. Выяснилось это на вопросѣ о народномъ продовольствіи, обострившемся, вслѣдствіе сильнаго въ эти годы неурожая, повлекшаго за собою голодъ и холеру.

Земство проявило въ это время большую энергію, предоставивъ во многихъ губерніяхъ главную роль земской интеллигенціи и преимущественно, статистикамъ. Этотъ еле терпимый правительствомъ элементъ сталъ разъѣзжать по деревнямъ, собирать свѣдѣнія о раз-

мѣрахъ продовольственной нужды, опровергать данныя, представляемыя земскими начальниками и даже, какъ эта было, напримѣръ, въ нижегородскомъ земствѣ,—закупать хлѣбъ для голодающихъ. Въ то же время земскіе врачи, учителя, приглашенные студенты и интеллигенція вообще стали устраивать столовыя, продовольственные пункты и т. д.

Правительство выходило изъ себя. Только что стало дѣйствовать «новое» положеніе, задачи котораго сводились къ подчиненію земства администраціи, и вдругъ это земство выступаетъ передъ населеніемъ въ первой роли, да еще выдвигаетъ и третій элементъ, способный, по мнѣнію бюрократіи, лишь къ производству смуты. И вотъ министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ тогда статсъ-секретарь П. Н. Дурново, входитъ въ Государственный Совѣтъ съ объяснительною запискою, въ которой доказываетъ всю несостоятельность земства въ дѣлѣ народнаго продовольствія. Министерство доказываетъ, что за земскими собраніями невозможно оставить распорядительную власть въ дѣлѣ продовольствія, а слѣдуетъ на ряду съ земскими управами привлечь административные органы, подчинивъ тѣ и другіе власти губернаторовъ. Для этого проектируется при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образовать особый продовольственный отдѣлъ, а въ губерніяхъ учредить должности непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій и усилить личный составъ земскихъ начальниковъ. Для этого министерскаго изобрѣтенія требовалось увеличеніе государственной смѣты на 300.000 руб., помимо содержанія новаго штата земскихъ начальниковъ.

Въ самомъ началѣ 1892 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ на эту тему разосланъ циркуляръ, чтобы выслушать мнѣніе продовольственныхъ комиссій.

Объ одной изъ такихъ комиссій, именно Нижегородской, мы и сообщимъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Замѣчательна эта комиссія тѣмъ, что во главѣ ея стоялъ умный и честолюбивый тогдашній Нижегородскій губернаторъ извѣстный Н. М. Барановъ, употреблявшій всѣ усилія скомпрометтировать земство и передать народное продовольствіе въ руки правительства, а на сторонѣ земства стояли такіе лица, какъ извѣстный статистикъ, завѣдывавшій тогда Нижегородскимъ статистическимъ бюро Н. Ф. Анненскій и извѣстный писатель В. Г. Короленко ¹⁾.

¹⁾ Какъ извѣстно изъ талантливой книги „Въ голодный годъ“, В. Г. Короленко принималъ большое участіе въ дѣлѣ продовольствія населенія въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ. въ 1891—1892 г. Онъ работалъ какъ частный благотворитель, причемъ Нижегородское губернское земство отпустило въ его распоряженіе 1000 пудовъ хлѣба, и какъ членъ благотворительнаго комитета и губернской продовольственной комиссіи. Послѣднюю организовалъ губернаторъ Барановъ съ цѣлью вырвать дѣло продовольствія изъ рукъ губернской земской управы. Сначала Влад. Галакт. посѣтилъ Барановскую комиссію въ качествѣ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, причемъ Барановъ всегда записывалъ его, какъ „участника“, но впоследствии, возвратившись изъ Лукояновскаго уѣзда, В. Г. подъ впечатлѣніемъ безобразій, которыя творили въ названномъ уѣздѣ земскіе начальники надъ голоднымъ народомъ, рѣшилъ сдѣлать въ этой комиссіи докладъ, который въ свое время и былъ напечатанъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Нападая на губернскую земскую управу, Барановъ пытался Короленко и Анненскаго увѣрить, что онъ, Барановъ, вскорѣ раскроетъ земскую панаму съ голоднымъ хлѣбомъ и просилъ поддержки ему со стороны ихъ. Но Вл. Гал. отвѣчалъ всегда на это, что

Засѣданіе нижегородской продовольственной комиссіи, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, происходило 27-го мая 1892 года. Предсѣдатель ея, губернаторъ Н. М. Барановъ, открывая засѣданіе, сказалъ, что, «приступая къ исполненіи данной министромъ внутреннихъ дѣлъ задачи—выработать отвѣты на вопросы, поставленные его превосходительствомъ,—комиссія наша постановила: помощью печати и отдѣльныхъ писемъ, постараться, какъ можно болѣе огласить распоряженіе министра, съ цѣлью вызвать наибольшее количество отвѣтовъ и мнѣній. Затѣмъ была образована особая подкомиссія для разсмотрѣнія, группировки этихъ мнѣній и составленія по нимъ проекта доклада собранію губернской комиссіи». Сообщивъ далѣе о работахъ подкомиссіи, Барановъ въ концѣ рѣчи своей сказалъ: «Къ сожалѣнію В. Г. Короленко, членъ подкомиссіи, не участвовалъ въ ея занятіяхъ, былъ въ это время въ уѣздѣ. Передать его отдѣльное мнѣніе на предварительное обсужденіе подкомиссіи, въ виду краткости срока, остающагося до представленія въ министерство нашего мнѣнія, мы не можемъ, и потому я просилъ бы собраніе, игнорировать постановленіе подкомиссіи, полностью обсудить вопросъ, поднимаемый В. Г. Короленко».

Послѣдній послѣ этого прочелъ свой замѣчательный по обстоятельности и глубокому анализу докладъ, слѣдующаго содержанія: «Къ проекту, выработанному подкомиссіей, я имѣю сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся самыхъ началъ, на которыхъ строится продовольственное дѣло, такъ какъ мнѣ кажется, что критикѣ должны подлежать нынѣ не только подробности, но прежде всего самые принципы, изъ которыхъ эти подробности истекаютъ. Никто уже, кажется, не оспариваетъ положеніе, что нынѣшнее бѣдствіе является результатомъ не однѣхъ стихійныхъ случайностей послѣдняго года. Случайности эти встрѣтились съ условіями хозяйства, глубоко подорваннаго цѣлымъ рядомъ предшествующихъ лѣтъ, и оно не нашло въ себѣ силы для стойкаго сопротивленія. Еще одинъ такой годъ, и трудно сказать, каковы были бы послѣдствія для всей страны. А если это такъ, то ясно также, что рациональная система, направленная на борьбу съ этимъ явленіемъ, не можетъ ограничиться мѣрами, рассчитанными на новое такое же бѣдствіе, принимаемыми тогда, когда оно уже разразится. Необходимо прежде всего предупредить возможность въ будущемъ такой же катастрофы, необходимо устранить условія, которыя истощали и обезсиливали земледѣльческое хозяйство страны, необходимо помогать крестьянскому хозяйству постоянно, чтобы не быть вынужденными дѣлать все это сразу и спѣшно, какъ это пришлось нынѣ. Не дай Богъ встрѣтитъ еще въ будущемъ такіе годы, а это непременно должно случиться, если прежнія условія останутся въ силѣ, и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось бороться тѣми же средствами, потому что это

онъ можетъ писать и говорить только о фактахъ, что онъ хорошо знаетъ лицъ, стоящихъ во главѣ земскаго дѣла, какъ людей глубоко честныхъ. Н. Ф. Анненскій, въ свою очередь, горячо защищалъ земство. Въ главѣ VIII „Въ голодный годъ“ отчасти изображена эта исторія, какъ и то, что было бы, если бы Барановъ восторжествовалъ. Но даже въ смяченномъ видѣ эта глава не была сначала пропущена, а между тѣмъ тогда уже, въ 1892 г. въ Нижегородской губ. было нѣчто, весьма напоминавшее Лидваль-Фридерикса.

значило бы, что мы ничему не научились. Мы слышали нерѣдко въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, что помощь, оказываемая нынѣ населенію, производитъ деморализующее вліяніе. Можетъ быть, это и неожиданно, но изъ всего, что мнѣ пришлось видѣть и продумать за это время, я вынесъ именно это прискорбное убѣжденіе. И не потому помощь оказывала такое вліяніе, что располагала къ безопасности, лѣни и пьянству, какъ это утверждаютъ многіе. Эти соображенія кажутся мнѣ совершенно неосновательными: въ народѣ привычка къ труду создалась вѣками и, конечно, не исчезнетъ въ одну зиму. Я имѣю въ виду другую сторону дѣла. Насъ не унижаетъ только то, что мы получаемъ по праву. Не унижаетъ плата за трудъ, не унижаетъ кредитъ, истекающій изъ кредитоспособности берушаго, или страховая премія, выдаваемая въ случаѣ несчастія. Имѣло ли наше крестьянство, постигнутое неурожаемъ, право на помощь? Несомнѣнно. Государственная необходимость и государственная польза требовали поддержки населенію, несущему главную массу повинностей и тяготы. Но дѣйствительно ли на практикѣ нынѣшняго года пособіе выдавалось русскому крестьянину такъ, какъ выдается оно человѣку, имѣющему право на то, чего онъ проситъ, какъ выдается банковская ссуда кредитоспособному заемщику или страховая премія давнему плательщику? Несомнѣнно—нѣтъ! Достаточно вникнуть въ смыслъ такъ называемой «провѣрки списковъ на мѣстахъ»,—явленія, получившаго какъ бы право гражданства и составляющаго почти логическую необходимость при нынѣшней постановкѣ дѣла, достаточно вдуматься въ значеніе этихъ обысковъ въ амбарахъ, избахъ, подпольяхъ и даже въ печкахъ, чтобы понять истинный характеръ этой ссуды. Крестьянинъ разсматривается не какъ полноправный хозяинъ, приходящій, чтобы заключить извѣстную, хотя бы и льготную, кредитную сдѣлку, а какъ попрошайка, который прежде всего подлежитъ подозрѣнію въ утайкѣ имущества съ цѣлью вымогательства. Съ момента просьбы, а часто и ранѣе ея, всякій крестьянинъ оказывался въ положеніи подозрѣяемаго и обыскиваемаго, а то, чѣмъ онъ законно владѣетъ, обращалось въ поличное, сообразно взгляду ближайшаго начальства на «необходимое» и «излишнее» имущество. Несомнѣнно, что отношенія, возникающія на этой почвѣ, недостойны ни русскаго крестьянства, основного зерна нашего народа, которое только клевета можетъ обвинять въ огульной порочности, ни представителей ближайшей власти. Несомнѣнно, что такая постановка глубоко симпатичнаго и необходимаго дѣла помощи деморализуетъ тѣхъ и другихъ, создавая самыя нежелательныя взаимныя чувства. А между тѣмъ нельзя отрицать также многочисленныхъ фактовъ утайки и неправильныхъ показаній объ имуществѣ. Происходятъ они не отъ порочности и лживости русскаго народа, а отъ неправильной постановки дѣла. Кому прежде всего выдается ссуда? Тому, кто докажетъ, что онъ совершенно разоренъ, т. е. вполне некредитоспособенъ. А съ кого мы брали всегда и впередъ будемъ взysкивать выданное за круговой порукой? Съ болѣе кредитоспособныхъ, со средняго, еще не окончательно разорившагося хозяина. Совершенно понятно, что тѣ, кто всегда платилъ, кто будетъ платить впередъ, считаютъ себя вправѣ и брать прежде другихъ. Въ этомъ есть

внутренняя справедливость, и если для ея осуществленія приходится дать неправильную отмѣтку о наличномъ (скудномъ, во всякомъ случаѣ) имуществѣ, то ложь считается лишь формальной, что легко встрѣтитъ во всѣхъ, даже наиболѣе развитыхъ классахъ общества (вспомнимъ хотя-бы оцѣнки городскихъ и иныхъ имуществъ, подлежащихъ сборамъ). Что же нужно, чтобы устранить этотъ глубоко прискорбный характеръ въ будущемъ? Прежде всего, ясное и точное разграниченіе помощи государственной и земско-хозяйственной, поддерживающей *плательщика*, и филантропической (хотя бы тоже съ помощью государства), оказываемой *нищему*. Послѣднему нужна даровая милостыня, первому—раціональный кредитъ и страховая премія, которые бы осуществляли и укрѣпляли его кредитоспособность. Отсюда мое первое положеніе, что въ основаніе для организациі продовольственнаго дѣла должны лечь: начало широкаго земледѣльческаго кредита и принципъ страхованія въ той или другой формѣ. Подъ кредитомъ же, въ широкомъ смыслѣ, я разумѣю и тѣ производительныя затраты государства на улучшеніе крестьянскаго хозяйства, которыя подлежатъ возврату косвенному, въ видѣ подъема платежныхъ силъ населенія. Все это, конечно, не легко, но и положеніе нашего отечества также трудное, и было бы прискорбной ошибкой думать, что мы выйдемъ изъ него безъ напряженныхъ усилій. Нужно искать не того пути, который легче, а того, которой дѣйствительно ведетъ къ цѣли. Второй вопросъ, подлежащій принципиальному рѣшенію, состоитъ въ томъ, *кто* долженъ вести продовольственное дѣло, въ случаѣ бѣдствія, подобнаго нынѣшнему. Согласно обсуждаемому проекту—въ обычное время продовольственное хозяйство остается въ рукахъ земства. Иначе, конечно, и быть не можетъ, такъ какъ иначе не было бы и самого земства, которое, какъ извѣстно, преобразовано, но не упразднено. Но, въ случаяхъ «обостренія продовольственныхъ обстоятельствъ»,—проектъ изымлетъ дѣло изъ рукъ обычныхъ хозяевъ и передаетъ въ особое смѣшанное учрежденіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора. Прежде всего я нахожу не совсѣмъ яснымъ выраженіе «обостреніе продовольственныхъ обстоятельствъ», опредѣляющее моментъ этого изъятія. Если мы признали, что бѣдствіе, подобное нынѣшнему, есть результатъ взаимодействія стихійныхъ случайностей и органическаго разстройства, то, очевидно также, что характеръ явленія, прежде всего,—постепенное возрастаніе. И, дѣйствительно, голодъ подкрадывался къ намъ годами, и уже прошлой весной 1891 года губернія дала кое-гдѣ картины бѣдствія, болѣе остраго, чѣмъ нынѣшнее, смягченное правительственной помощью. Но въ такомъ случаѣ,—когда же уловить моментъ изъятія продовольственнаго дѣла изъ однѣхъ рукъ и передачи его въ другія? Голодъ въ одной волости, въ 2-хъ, 3-хъ, въ уѣздѣ, въ двухъ уѣздахъ, въ губерніи? Достаточно ли этого для отнятія продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства? Съ одной стороны, сплошнаго голода во всей губерніи не было даже и нынѣ, съ другой—для существа дѣла, для ея губернской организациі почти безразлично, есть такое же обостреніе въ сосѣднихъ губерніяхъ, или нѣтъ. Это вопросъ, касающійся государственнаго казначейства, для данной же губерніи достаточно того, что *она* поражена неурожаемъ, независимо

отъ другихъ. Итакъ, если земство ведетъ дѣло продовольствія, когда неурожай постигаетъ его губернію, то дѣло, очевидно, не должно мѣняться отъ того, что и въ другихъ губерніяхъ земства вынуждены дѣлать то же. Измѣнятся подробности, сущность дѣла останется та же. Между тѣмъ проектъ предполагаетъ, повидимому, какой-то рѣзкій поворотной пунктъ, вродѣ формальнаго объявленія войны, съ котораго начинается мобилизація военныхъ силъ страны.

Въ дѣйствительности такого пункта быть не должно, если только дѣло будетъ поставлено правильно. Если уже брать это сравненіе—неурожая съ войной, то изъ примѣра военно-продовольственнаго учрежденія, интендантства, мы не должны упускать изъ виду одну очень существенную черту: интендантство есть учрежденіе, продовольствующее армію въ мирное, обычное время. Единственное, сколько мнѣ извѣстно, измѣненіе по существу въ его организациі состоитъ въ выдѣленіи полевого интендантства. Но и это измѣненіе вызвано такимъ условіемъ, какого нѣтъ въ нашемъ случаѣ: армія передвигается, губернія же остается на мѣстѣ. Итакъ, оставляя въ сторонѣ вопросы о достоинствахъ или недостаткахъ интендантства по существу, мы должны взять изъ него основной и несомнѣнно правильный принципъ: то самое учрежденіе, которое ведетъ обычное продовольственное дѣло въ губерніи, должно вести его и въ случаѣ «обостренія затрудненій». Ломка и перемѣны въ виду надвигающейся грозы могутъ повлечь только потрясенія, замедленія и ошибки. Учрежденіе должно лишь быть настолько эластично, чтобы могло расширить сферу своихъ дѣйствій по требованію обстоятельствъ. А для этого земскія учрежденія имѣютъ законное средство въ усиленіи состава управъ во время неурожая. Затѣмъ гласность, составляющая въ земствѣ укоренившуюся традицію, и живая связь съ населеніемъ, съ обществомъ, которое, какъ это видно изъ нынѣшняго опыта, должно быть непременно привлекаемо къ дѣлу распредѣленія помощи, являются важными добавочными соображеніями въ пользу защищаемого мною мнѣнія. Оба высказанные нами принципа связываются въ одно цѣлое слѣдующимъ образомъ: земство, какъ органъ государственной хозяйственной жизни, должно взять на себя проведеніе широкихъ мѣръ сельско-хозяйственной жизни, должно взять на себя проведеніе широкихъ мѣръ сельско-хозяйственной помощи, въ видѣ кредита страхового и сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Эта работа трудная, но необходимая, составляющая жизненный узелъ нашего благосостоянія, должна быть ведома и въ нормальное время. Неурожай, хотя бы частичные,—есть всегда, нужда въ помощи никогда не прекращается. Нужно только не запускать, а расширять эту работу. Необходимо *опредѣлять* и *подымать* постепенно кредитоспособность русскаго крестьянина. Разъ это будетъ сдѣлано занѣе,—нѣтъ надобности въ экстренныхъ мѣрахъ, въ обыскахъ и провѣркѣ списковъ. Земская статистика даетъ общую картину неурожая и недорода, учрежденія, которыя еще должны быть созданы,—имѣютъ наготовѣ списки кредитоспособности. Общее же руководство должно находиться въ привычныхъ рукахъ, и работа только усиливается съ неурожаемъ, или, вѣрнѣе,—только мѣняетъ формы... Администраціи же должно принадлежать широкое право контроля.

Это отдѣленіе власти исполнительной въ дѣлѣ продовольствія и власти *контролирующей* я считаю необходимѣйшей гарантіей успѣха дѣла, гарантіей, которая совершенно исчезаетъ съ соединеніемъ обѣихъ функций въ одномъ, хотя бы и смѣшанномъ, учрежденіи».

Н. Ф. Анненскій въ чисто дѣловыхъ вѣсскихъ замѣчаніяхъ талантливо защищалъ земство и разбивалъ вдребезги всѣ бюрократическія поползновенія. Трудно было болѣе ясно и подробно изложить сущность продовольственнаго дѣла, чѣмъ это сдѣлали оба выдающіеся представители русской интеллигенціи, но въ то же время ихъ взгляды совершенно расходились съ вожденіями бюрократіи, стремившейся, во что бы то ни стало, изъять продовольствіе изъ рукъ земства.

Поэтому предложеніе Короленко и Анненскаго даже не баллотировали, а просто «приложили» къ журналу.

Фактически съ 1892 г. народное продовольствіе, при большемъ содѣйствіи Баранова, перешло въ руки бюрократіи, а въ результатѣ въ наши дни явились Гурко—Лидваль—Фридериксъ, какъ наглядное доказательство «преимущества» чиновничьяго управленія надъ земскимъ¹⁾.

Земство, конечно, энергично протестовало противъ захвата дѣла народнаго продовольствія, но правительство упорно стояло на своемъ, задавшись цѣлью, какъ увидимъ ниже, путемъ «частичныхъ измѣненій» низвести положеніе 1890 года до уровня проекта графа Толстого, т. е., иными словами,—раздѣлаться съ земскимъ самоуправленіемъ окончательно.

Въ 1893 году бюрократія сдѣлала покушеніе и на земскую статистику, и на медицину. 8 іюня 1893 года появились Высочайше утвержденныя правила объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, а 10 іюня Высочайше утвержденный лечебный уставъ. «Правила» стремились изъять изъ рукъ земства одну изъ важнѣйшихъ его функций—обложеніе имуществъ, а цѣлью «устава» было—подчиненіе врачебнаго персонала правительству. Однако, послѣднему ни то, ни другое не удалось: путемъ то открытаго протеста, то обструкціи земство дало такой отпоръ бюрократіи, что отъ введенія лечебнаго устава министерство внутреннихъ дѣлъ должно было отказаться, а «правила» объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ хотя и были осуществлены, но они дали какъ разъ обратные результаты тому, что ожидало правительство. Послѣднее, вводя «Правила», думало, во первыхъ, изъять обложеніе имуществъ изъ рукъ земства, во вторыхъ—превратить земскую статистику въ официальное учрежденіе, содержимое на средства правительства и всецѣло подчиненное губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ, и въ третьихъ, наконецъ,—прекратить мѣстныя подворныя изслѣдованія, которыми статистики, по мнѣнію бюрократіи, пользовались исключительно для цѣли пропаганды. Но громадное боль-

¹⁾ Скажемъ къ слову, что въ 1892 году для борьбы съ голодомъ былъ учрежденъ особый комитетъ для помощи нуждающимся, подъ предсѣдательствомъ наследника цесаревича, в особое совѣщаніе изъ трехъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ А. А. Абазы, для организаціи общественныхъ работъ.

шинство земствъ высказались за веденіе оцѣночныхъ работъ старымъ статистическимъ бюро при управѣ и за экспедиціонный способъ изслѣдованія, т. е.—за разъѣзды статистиковъ. Кромѣ того, правительственныя ассигновки на оцѣночныя работы повлекли за собою то, что статистическія работы возникли и тамъ, гдѣ раньше ихъ не было или онѣ были прекращены. Словомъ спросъ на статистиковъ возросъ до громадныхъ размѣровъ. Тогда правительство вооружилось циркуляромъ бывшаго министра Толстого отъ 7 декабря 1887 года, ко торый ставилъ утвержденіе лицъ въ должности статистиковъ въ непосредственной зависимости отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. И послѣдняя употребляла всѣ усилія не утверждать новыхъ статистиковъ и удалять старыхъ. Но изъ этого толку не вышло, и далѣе мы увидимъ, что впослѣдствіи фонъ-Плеве пришлось предпринять противъ статистики форменный походъ. Въ этой борьбѣ вмѣстѣ съ земствомъ дѣятельное участіе принималъ и «третій элементъ». Приблизительно, начиная съ 1894 года, онъ уже открыто выступаетъ на сцену, какъ сила самостоятельная.

За первое открытое выступленіе земской интеллигенціи въ полномъ ея составѣ, включая и статистиковъ, которые до этого времени не выступали, слѣдуетъ, кажется, считать IX-й съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ въ 1894 году. Съ большимъ трудомъ удалось тогда втиснуть земскихъ статистиковъ въ число членовъ этого съѣзда, создавъ въ секціи географіи подсекцію статистики. Насколько помнится, главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ профессоръ А. И. Чупровъ. Немало надо было усилій, чтобы открыто легализировать совершенно «неблагонадежныхъ» въ глазахъ администраціи людей, особенно, принимая во вниманіе, что генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ былъ тогда великій князь Сергѣй Александровичъ, не терпѣвшій никакой «крамолы». При переговорахъ съ нимъ вовсе, кажется, о земскихъ статистикахъ и не упоминали, а лишь докладывали, что статистика вообще—неотъемлемая часть географіи, такъ что, соглашаясь на эту подсекцію, великій князь, повидимому, не догадывался, кто будетъ ея членами. У меня до сихъ поръ сохранился отвѣтъ Александра Ивановича Чупрова на мой запросъ. Изъ этого отвѣта видно, что я, какъ, несомнѣнно, и многіе другіе, видѣли въ подсекціи статистики нѣчто нелегальное, о чемъ открыто и говорить было нельзя. А. И., между прочимъ, писалъ мнѣ: «письмо мое (приглашеніе со стороны А. И. участвовать въ съѣздѣ) какого-либо оффициальнаго характера не имѣетъ, но на существованіе подсекціи статистики при IX съѣздѣ естествоиспытателей Вы можете сослаться совершенно свободно, потому что тутъ нѣтъ никакого секрета и объ этомъ объявлено формально». Но дѣло-то въ томъ, что я, какъ и значительный % земскихъ статистиковъ, не имѣлъ права жить въ Москвѣ. Въ концѣ-концовъ, однако, «нелегальные» «обошли», что называется, администрацію. Большинство изъ нихъ, а въ томъ числѣ и я, жили въ Москвѣ у добрыхъ знакомыхъ «зайцами», безъ прописки паспортовъ, и спокойно посѣщали происходившія въ университетѣ засѣданія съѣзда, стараясь лишь не особенно выдаваться и поменьше говорить. Кто же рѣшался выступить, тотъ принималъ

особыя мѣры. Помню я, напримѣръ, что В. И. Яковенко, прочитавъ докладъ, тотчасъ же поспѣшилъ со сѣзда на поѣздъ. Нѣкоторые изъ неимѣвшихъ права жительства въ Москвѣ прописались, и черезъ нѣскольکو дней ихъ, кажется, попросили оставить Москву. Вообще администрація, узнавъ, что это за «подсекція статистики», спохватилась, но было уже поздно: единеніе третьяго элемента и между собою, и съ другими сферами, произошло, и все, что по тагдашнему времени надо было сдѣлать, — сдѣлано; мы даже сняться успѣли ¹⁾). Немало земскаго «третьяго элемента» было и въ другихъ секціяхъ, какъ, напримѣръ, въ агрономической, медицинской. Помимо единенія въ секціяхъ и подсекціяхъ, «третьей элементъ» имѣлъ частыя совѣщанія и собранія на квартирахъ, а также на устраиваемыхъ дешевыхъ объѣздахъ и ужинахъ, на которыхъ участвовали и профессора, и выборные земцы, причемъ всякія правительственныя дѣянія въ сферѣ самоуправленія осуждались безъ стѣсненія, и сплошь да рядомъ указывалось на необходимость новаго строя для Россіи. На одномъ изъ ужиновъ въ Большомъ Московскомъ трактирѣ покойный В. А. Гольцевъ произнесъ рѣчь, въ которой прямо заявилъ, о необходимости конституціи. Если не отказываетъ мнѣ память, то кажется, за эту рѣчь В. А. постигла какая-то непріятность, хотя, впрочемъ, не ругаюсь за это.

Съ этого же, приблизительно, года выборная и служилая земская интеллигенція нашла себѣ арену для открытыхъ выступленій въ старѣйшемъ изъ научныхъ учреждений въ Россіи—въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ ²⁾), но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, такъ какъ наиболѣе дѣятельное участіе въ работахъ Общества земскій элементъ принялъ съ 1895 года, когда во главѣ Общества, въ качествѣ президента его, сталъ извѣстный земскій и общественный дѣятель графъ Петръ Александровичъ Гейденъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго ясно видно, что правительство за 30 лѣтъ, въ сущности говоря, не только не могло справиться съ земскимъ политическимъ движеніемъ (съ 1864 по 1894 годъ), но вышло какъ разъ наоборотъ: чѣмъ сильнѣе проявлялись репрессіи

¹⁾ На этой фотографической группѣ подсекціи статистики фигурируютъ, между прочимъ, слѣдующія лица: профессора — А. И. Чупровъ, Ф. Ф. Эрисманъ, П. А. Каблуковъ, А. Ф. Фортунатовъ, К. А. Вернеръ; затѣмъ: В. Ю. Скалонъ (бывшій редакторъ газеты «Земство» и одинъ изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей»), М. А. Саблинъ (членъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей»), А. А. Кауфманъ, Д. И. Рихтеръ, В. П. Воронцовъ, В. И. Чарнолуцкий, Г. А. Фальборгъ, В. А. Косицкий; изъ земскихъ дѣятелей на группѣ свѣты: А. П. Шликевичъ (бывшій членъ Черниговской губ. земской управы), кн. Д. И. Шаховской, В. И. Колюбакинъ (бывшій предсѣдатель Воронежской губ. земской управы), Г. Р. Килевейнъ (членъ Нижегород. г. управы); доктора: В. И. Долженковъ, Н. И. Долгополовъ, М. С. Уваровъ; изъ земскихъ статистиковъ на группѣ отмѣтимъ тѣхъ, которые извѣстны, какъ писатели, ученые или общественные дѣятели: Н. Ф. Анненскій, В. И. Покровский, Ф. А. Щербина, Л. К. Чермакъ, В. И. Яковенко, В. Н. Григорьевъ, И. А. Вернеръ, Н. А. Каблуковъ, И. П. Боголѣповъ, С. Ф. Рудневъ, С. М. Блекловъ, К. Я. Воробьевъ, Л. Н. Маресъ, П. И. Неволлинъ, М. А. Плотниковъ, Д. В. Добровольскій, Н. С. Кисляковъ, Ю. А. Бунинъ, Н. Т. Куялко-Корещкій, А. В. Шшехововъ, М. И. Борисовъ, А. С. Бариневичъ, Л. Н. Жебуневъ.

²⁾ Впрочемъ, еще ранѣе земскій элементъ получилъ пріютъ въ славномъ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, при Московскомъ университетѣ.

со стороны бюрократіи, тѣмъ интенсивнѣе было это движеніе. Земство, въ силу роста общественнаго самосознанія, повышенія культуры, стремленія всего населенія къ избавленію отъ гнета правительства, получало все большую и большую популярность, привлекало наиболѣе интеллигентные и дѣятельные элементы и становилось видимымъ центромъ открытаго, легальнаго, такъ сказать, освободительнаго движенія. Въ общемъ въ этомъ движеніи не было ничего революціоннаго. Оно было, если можно такъ выразиться, движеніе земско-парламентарное. Говоримъ *земско-парламентарное*, потому что русское земство, близко соприкасаясь съ населеніемъ, никогда не ограничивалось одними чисто либеральными требованіями въ западно-европейскомъ смыслѣ, и присовокупляло къ нимъ неперемѣнно культурныя и социальныя реформы и широкое мѣстное самоуправленіе. Мало-мальски разумное правительство, конечно, воспользовалось бы этимъ движеніемъ для мирнаго перехода отъ полицейско-бюрократическаго строя къ земско-парламентарному. Но недалекая русская самодержавная бюрократія, конечно, этого не сдѣлала: она по искони заведенному порядку и этому движенію соорудила еще одинъ шлюзъ, послѣдній уже.

Шлюзъ этотъ былъ поставленъ въ 1895 году, черезъ три мѣсяца послѣ смерти Императора Александра III, скончавшагося 20 октября 1894 года.

Вліяніе безотвѣтственныхъ совѣтчиковъ проявилось уже въ манифестѣ отъ 20 октября 1894 г. о восшествіи на престолъ молодого императора Николая II ¹⁾. Въ немъ говорилось, между прочимъ, что новой императоръ „ни въ чемъ не уклонится онъ вполнѣ миролюбивой, твердой и прямодушной политики (Александра III-го), столь мощно содѣйствовавшей всеобщему успокоенію“ ²⁾.

Земцы не преминули воспользоваться манифестомъ для проведенія своихъ пожеланій въ адресахъ, составленныхъ по случаю восшествія на престолъ императора Николая II-го.

Курское, Новгородское, Орловское, Полтавское, Саратовское, Смоленское, Тамбовское, Тверское, Тульское, Уфимское и Черниговское губернскія земскія собранія, по прежнему, указывали на ненормальность существующаго строя и необходимость привлеченія земства къ законодательству, „дабы“,—какъ говорилось въ тверскомъ адресѣ,— „до высоты престола могло достигъ выраженіе потребностей и мысли не только администраціи, но и народа русскаго“. Эти адреса не только не встрѣтили сочувствія въ высшихъ сферахъ, а, наоборотъ, къ нимъ проявлено было явно враждебное отношеніе Тверской, напимѣрь адресъ не былъ принятъ и на докладъ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала такая резолюція государя: „я чрезвычайно удивленъ

¹⁾ Носились тогда слухи, будто на содержаніе манифеста имѣлъ сильное вліяніе Побѣдоносцевъ.

²⁾ Врядъ ли однако можно согласиться съ мнѣніемъ объ успокоеніи страны въ царствованіе Александра III-го. Достаточно сказать, что съ 1881 по 1888 годъ департаментомъ полиціи было рассмотрѣно 1500 дѣлъ, въ которыхъ фигурировало 3.240 обвиняемыхъ. Изъ нихъ, не включая лицъ, казненныхъ за убійство Александра II-го, было казнено 20 человекъ, сослано на каторгу 128, сослано на поселеніе 46, приговорено къ меньшимъ наказаніямъ 224, выслано административнымъ порядкомъ 2822 лица.

и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія“. На всеподданнѣйшемъ отчетѣ Уфимскаго губернатора, въ которомъ сообщалось, что Уфимское губернское земство „рѣшилось помогать, чтобы въ засѣданія высшихъ правительственныхъ учреждений были допущены представители всѣхъ земствъ Россіи при сужденіи о вопросахъ, касающихся земствъ, и, въ частности, — объ измѣненіи системы народнаго продовольствія“, — была сдѣлана отмѣтка: „къ серьезному вниманію министра внутреннихъ дѣлъ“. По этому поводу всѣмъ губернаторамъ былъ разосланъ циркуляръ, напоминающій имъ рамки земской компетенціи. Наконецъ, 17 января 1895 года, когда, по случаю бракосочетанія государя, состоялся приемъ депутатовъ отъ дворянствъ, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, императоръ Николай II, основываясь, несомнѣнно, на превратныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ему министрами о настроеніи и состояніи страны, въ рѣчи своей къ депутатамъ, между прочимъ, сказалъ: «Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель“.

Внушивъ такую рѣчь императору, бюрократія, можно съ увѣренностью сказать, заложила фундаментъ для революціи. Никакія прокламаціи, никакіе агитаторы не могли сдѣлать того, что сдѣлала приведенная рѣчь. Она обуяла всѣхъ отчаяніемъ и лишила всякой надежды на мирный переходъ отъ полицейско-бюрократическаго строя къ правовому, парламентарному, безотлагательную необходимость котораго чувствовали всѣ сознательные русскіе граждане.

Послѣ этой рѣчи всѣ участники общественнаго движенія полѣвли, причемъ многіе пришли къ убѣжденію, что, при той позиціи, которую заняла бюрократія, нѣтъ надежды на плодотворные результаты отъ оппозиціонной борьбы — она должна быть революціонной, опирающейся на силу народа, безъ чего немислимы уступки со стороны правительства. Въ земскихъ сферахъ, какъ въ выборныхъ, такъ и среди «третьяго элемента», съ этого момента начинается постепенно обнаруживаться великій расколъ. Въ средѣ выборныхъ земцевъ наиболѣе энергичные приходили къ убѣжденію въ необходимости тайной организациі всѣхъ активныхъ земскихъ силъ для систематичной борьбы съ правительствомъ въ тѣсномъ единеніи съ третьимъ элементомъ; другіе же не рѣшаются переходить на нелегальную работу и предпочитаютъ прежній путь открытой оппозиціи, *обходя*, такъ сказать, препятствія, устраиваемыя бюрократіей. Что касается третьяго земскаго элемента, то значительный процентъ его, собственно говоря, начинаетъ откалываться отъ выборныхъ земцевъ и переходить мало по малу въ лагерь социалистическихъ, революціонныхъ партій разныхъ направленій. Но, повторяемъ, все это происходило не сразу, а въ извѣстной постепенности.

Въ началѣ царствованія Николая II земскія сферы продолжали открыто высказывать свои взгляды и на собраніяхъ, и, еще больше,

въ другихъ общественныхъ организаціяхъ, которыя, въ концѣ концовъ, были завоеваны земскимъ элементомъ.

Одну изъ главныхъ аренъ проведенія освободительныхъ взглядовъ, какъ мы уже ранѣ говорили, представило Императорское Вольное Экономическое Общество со времени избранія президентомъ его графа П. А. Гейдена, со стойкостью и мужествомъ защищавшаго свободу и волность этого Общества. Въ этомъ обществѣ, начиная съ 1895 г., обсуждались при активномъ участіи земскихъ сферъ такіе, между прочимъ, вопросы, какъ тѣлесное наказаніе, причемъ возбуждено было ходатайство объ отмѣнѣ его; новая финансовая политика и реформа денежнаго обращенія ¹⁾; законъ 1893 г. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ и т. п. Послѣдній обсуждался, къ слову сказать, въ III отдѣленіи Общества, въ особой статистической комиссіи, въ которую входили почти всѣ земскіе статистики. Не ограничиваясь вопросами экономическими, земскіе элементы принимали весьма живое участіе въ вопросахъ просвѣщенія и были дѣятельными сотрудниками знаменитаго С.-Петербургскаго Комитета Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, который въ 1896 году былъ закрытъ правительствомъ. Этому предшествовало весьма любопытное, кажется, никогда еще не опубликованное нижеслѣдующее конфиденціальное письмо министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, отъ 5 февраля 1895 г. ²⁾ за № 799 къ министру народнаго просвѣщенія Делянову:

Довѣрительно. Копія.

Его Сіятельству графу И. Д. Делянову.

«М. Г.

Графъ Иванъ Давыдовичъ!

«Въ ряду явленій, особенно выдвинувшихся въ минувшемъ году, слѣдуетъ отмѣтить рѣзко проявившееся въ различныхъ слояхъ интеллигентныхъ классовъ стремленіе содѣйствовать поднятію народнаго образованія путемъ организациі народныхъ чтеній, открытія библиотекъ и читаленъ для фабричнаго и сельскаго населенія, и наконецъ безвозмезднаго распространенія въ народѣ дешевыхъ изданій, книгъ и брошюръ научнаго, нравственнаго и литературнаго содержанія. Заботами столичныхъ комитетовъ грамотности и всякаго рода провинціальныхъ обществъ, комитетовъ и кружковъ различнаго наименованія, при содѣйствіи мѣстныхъ земствъ, заложено весьма много библиотекъ при народныхъ и приходскихъ училищахъ, а такъ же учреждено въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи значительное число библиотекъ и читаленъ для народа независимо отъ школъ. Большая часть этихъ учреждений находится подъ нѣкоторымъ надзоромъ мѣстной администраціи; контроль тотъ, конечно, болѣе формальный, чѣмъ дѣятельный и къ тому же разнообразно примѣняемый въ различныхъ губ., едва ли можетъ обезпечить за этими учреждениями нормальное

¹⁾ Введенная С. Ю. Витте, который съ 1892 года занялъ постъ министра финансовъ.

²⁾ Въ этомъ же году вмѣсто Дурново министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Горемыкинъ.

развитіе въ тѣхъ случаяхъ, когда учредители, сами завѣдующіе ими, проникнутые противуправительственнымъ образомъ мыслей, усматриваютъ въ этихъ учрежденіяхъ легальное средство проводить свои теории въ жизнь и воспитывать народъ въ желательномъ для нихъ направленіи, не всегда согласномъ съ истинными условіями нашего государственнаго строя. Но если бібліотеки и чатальни подчинены какъ либо хотя и недостаточному надзору, то безвозмездная раздача книгъ ускользаетъ отъ всякаго правительственнаго надзора, и обстоятельство это обращаетъ на себя тѣмъ болѣе серьезное вниманіе, что непосредственнымъ распространеніемъ книгъ въ народѣ занимается главнымъ образомъ интеллигентная и часто еще учащаяся молодежь обоюбого пола, проникающая въ народную среду къ качествѣ учителей, фельдшеровъ, ветеринаровъ, санитаровъ, завѣдующихъ столовыми и т. д. Неурожай 91 г. и холера 92 и 93 гг. вызвали усиленный наплывъ молодежи въ деревни и въ результатѣ оживили нѣсколько заглохшее въ теченіе 80-хъ годовъ стремленіе русской молодежи къ поднятію, по личному почину интеллигенціи, умственнаго уровня народа. Изъ имѣющихся въ Мин. Вн. Дѣлъ свѣдѣній можно заключить, что это движеніе, охватывающее молодежь, развивалось послѣдовательно и носитъ на себѣ характеръ не случайнаго, временнаго явленія, а какъ бы систематическое осуществленіе программы и представляется однимъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ на легальной почвѣ противуправительственныхъ элементовъ, причемъ лицамъ, распространяющимъ народныя книжки, рекомендуется не ограничиваться одной раздачей таковыхъ, но по возможности и истолковывать ихъ народу въ смыслѣ подготовленія къ воспріятію революціонныхъ идей. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ началѣ 80-хъ гг. хожденіе молодежи въ народъ было основано на исключительномъ стремленіи содѣйствовать скорѣйшему образованію народа, но эта благая цѣль въ скорѣ пріобрѣла своеобразную окраску отъ стремленія агитаторовъ развить народъ въ усвоенныхъ ими революц. ученіяхъ. Народившееся движеніе вызвало въ настоящее время усиленіе издательской дѣятельности СПб-каго комитета грамотности, фирмы «Посредникъ» и нѣкоторыхъ другихъ Петербургскихъ и Московскихъ книгопродавцевъ, причемъ за народную литературу принялись болѣе или менѣе выдающіеся литераторы народники: Михайловскій, Засодимскій, Успенскій и др., не считая гр. Л. Н. Толстого, сочиненія котораго распространяются въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Цензура, поставленная въ опредѣленные закономъ рамки, не всегда можетъ противодѣйствовать искусно маскированной пропагандѣ извѣстныхъ идей и, за отсутствіемъ формальнаго основанія къ запрещенію книги, пропускаетъ въ народъ обращеніе сочиненій не всегда соотвѣтствующихъ народному пониманію и міровоззрѣнію и несогласныхъ съ духомъ православія и русской государственной жизни. Вотъ эти именно произведенія печати и составляютъ главное орудіе легальной пропаганды въ народѣ и рассылаются въ бібліотеки и читальни, а также учителямъ, фельдшерамъ, санитарамъ и т. п. молодымъ людямъ обоюбого пола для безвозмезднаго и безконтрольнаго распространенія въ средѣ сельскаго и фабричнаго населенія.

«Если принять во внимание, что во главѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ по распространенію народныхъ книгъ учреждений, СПб. Комитета грамотности,—стоитъ нѣсколько лицъ, политическая благонадежность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна и что въ изданіи и распространеніи народной литературы принимаютъ горячее участіе лица, извѣстные своимъ либеральнымъ направлениемъ, какъ Михайловскій, Гольцевъ, Засодимскій, Успенскій, Рубакинъ и многіе другіе, то представляется вѣроятнымъ, что указанное выше движеніе, вызванное наружу народнымъ бѣдствиемъ послѣднихъ лѣтъ, будетъ развиваться систематически въ духѣ, несогласномъ съ видами правительства и въ недалекомъ будущемъ можетъ повести къ весьма нежелательнымъ результатамъ. Въ виду изложенныхъ соображеній и озабочиваясь охраненіемъ общественной безопасности и порядка, я полагаю бы настоятельнымъ нынѣ же принять серьезныя мѣры къ тому, чтобы общественное содѣйствіе дѣлу народнаго образованія, всегда почтенное и цѣнное по своему принципу, не сдѣлалось, подъ вліяніемъ людей злонамѣренныхъ, и при условіи безконтрольнаго допущенія вмѣшательства частныхъ лицъ и обществъ въ эту важную сферу государственныхъ заботъ, источникомъ извращенія народнаго міровоззрѣнія и отчужденія народа отъ освященныхъ вѣками историческихъ завѣтовъ.

«По моему мнѣнію активное содѣйствіе частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ дѣлу народнаго образованія можетъ быть полезно и допускаемо только при условіи, чтобы содѣйствіе это согласовалось съ направлениемъ, котораго придерживается правительство въ лицѣ министерства народнаго просвѣщенія, чтобы дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ находилась подъ бдительнымъ контролемъ его органовъ.

«Между тѣмъ въ настоящее время положеніе дѣла иное. СПб. комитетъ грамотности, состоящій въ видѣ временнаго учрежденія при имп. в. экон. об-вѣ (§ 3 устава об-ва), дѣйствуетъ на основаніи правилъ утвержденныхъ мин. гос. имущ. Если при возникновеніи имп. в. экон. о-ва въ 1765 году, учрежденіе это, въ составъ котораго вошли лучшіе люди того времени, могло играть роль разсадника просвѣщенія, и если въ послѣднее время подъ сѣнью этого об-ва могли возникнуть отдѣльныя учрежденія, преслѣдующія просвѣтительныя цѣли, хотя и специально экономическія, то въ настоящую минуту основаніе комитета грам. и его отдѣленій въ вѣдѣніи какого либо иного министерства, кромѣ министерства народ. просв., наблюденію котораго всецѣло подлежитъ по своимъ задачамъ его дѣятельность, представляется лишенымъ правильнаго основанія. Точно также большинство провинціальныя обществъ грамотности дѣйствуетъ внѣ надлежащаго нравственнаго контроля, по собственному почину, и слѣдовательно въ направленіи, которое соотвѣтствуетъ взглядамъ ихъ руководителей. Сельскіе книжные склады, бібліотеки и читальни, если они состоятъ не при школахъ, находятся также внѣ контроля народныхъ училищъ, а потому доступъ въ оныя книги, хотя и дозволенныхъ цензурой, но могущихъ по своей тенденціозности вредно вліять на народное развитіе, открытъ безпрепятственно. Мнѣ не-

извѣстно, существуетъ ли повсемѣстно строгій просмотръ книгъ, жертвуемыхъ разными комитетами, обществами и частными лицами въ народныя библіотеки, состоящія при приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, но было бы очень желательно, чтобы по сему предмету были установлены повсемѣстно точныя правила, подобно введеннымъ въ прошломъ году попечителемъ Виленск. уч. окр. для народныхъ библіотекъ Ковенской губ. Наконецъ безвозмездная раздача книгъ, неподчиненная надзору, которому подвергается по существующимъ законоположеніямъ торговля книгами, требуетъ обязательнаго упорядоченія, тѣмъ болѣе, что какъ это достовѣрно извѣстно департаменту полиціи, этотъ способъ распространенія народныхъ изданій особенно практикуется кружками неблагонамѣренной учащейся молодежи. Но и въ данномъ вопросѣ, относящемся ближе всего къ предметамъ вѣдомства Мин. Внутр. Дѣлъ, я затрудняюсь принять какія либо мѣры безъ согласія съ Мин. Нар. Пров., которое одно не стѣсняется цензурными правилами и можетъ указать съ достаточной компетентностью, какія именно книги изъ числа изданныхъ и издающихся для народа вредно вліяютъ на народное развитіе. Сообщая вышеизложенныя свѣдѣнія и соображенія на усмотрѣніе Вашего Сіятельства, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, не признаете ли Вы своевременнымъ и цѣлесообразнымъ нынѣ же возбудить вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе вѣрннаго Вашему Сіятельству Министерства СПБ. Комитета Грам. и его отдѣлений, а также принять надлежащія мѣры или испросить въ государственномъ порядкѣ надлежащія полномочія для подчиненія Мин. Нар. Пров. всѣхъ частныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли народнаго образованія и къ учрежденію однообразнаго по всей имперіи надзора со стороны инспекціи народныхъ училищъ за всякаго рода народными библіотеками, читальнями и книжными складами, предназначенными для народа.

«О послѣдующемъ покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство почтить меня въ возможно непродолжительномъ времени извѣщеніемъ, причемъ я буду весьма признателенъ Вашему Сіятельству за указаніе пріемовъ и способовъ содѣйствія, которое потребуется по этому дѣлу со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

«Примите мое Вамъ увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписано *И. Дурново*».

Этотъ историческій документъ ясно показываетъ, въ какомъ направленіи въ началѣ царствованія императора Николая II-го пошло освободительное движеніе, какіе пути оно изыскивало для развитія народныхъ массъ и приобщенія ихъ къ государственной жизни. То, что С.-Петербургскій комитетъ и другія центральныя культурно-просвѣтительныя учрежденія дѣлали для всей Россіи,—земства многихъ губерній дѣлали въ своихъ губерніяхъ. Къ этому именно времени относится необыкновенный подъемъ вопроса о всеобщемъ обученіи. При земскихъ управахъ образуются комиссіи по народному образованію, въ которыхъ на равныхъ правахъ участвуютъ лучшіе выборные и служилые земцы и вырабатываютъ планъ возможно скорѣй-

шаго развитія народнаго школьнаго и внѣшкольнаго образованія. Въ то же время земства или способствуютъ учрежденію новыхъ просвѣтительныхъ обществъ, или поддерживаютъ старыя, гдѣ сосредоточиваются въ свою очередь интеллигентныя мѣстныя силы ¹⁾). Такой же характеръ носили и другія земскія организаціи, какъ то врачебныя совѣты, санитарныя организаціи, агрономическія и т. д. и т. п. Въ этотъ же періодъ умѣренные земцы стремятся возобновить единеніе земствъ на легальной почвѣ. Любопытнымъ образчикомъ такой попытки является проектъ предсѣдателя Самарской губернской земской управы, г. Племянникова, воспользоваться для начала единенія коронаціею императора Николая II-го, состоявшейся 14 мая 1896 года. Любопытною мы называемъ эту попытку потому, что она съ необыкновенною ясностью показываетъ, какъ русское правительство выковывало, такъ сказать, недовольство; какъ самодержавная бюрократія сѣяла вѣтеръ, чтобы пожать бурю. Она, эта бюрократія, благонадежнѣйшихъ земцевъ, искреннихъ вѣрнопопанныхъ, стремившихся эволюціонировать самымъ мирнѣйшимъ образомъ, превращала въ оппозицію.

На коронацію, о которой мы говорили, въ числѣ прочихъ представителей, были приглашены и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ. Съѣздъ ихъ слѣдовательно былъ официальный, даже предписанный, причемъ предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ своимъ присутствіемъ должны были увеличивать блескъ коронаціи и, до нѣкоторой степени, являться избранными представителями «народа».

Но земцы на первыхъ же порахъ внесли маленькое, мирное, совершенно вѣрнопопданическое новшество въ священное коронованіе, новшество, которое для заскорузлыхъ бюрократовъ показалось диссонансомъ, не соотвѣтствовавшимъ вѣковѣчнымъ традиціямъ абсолютизма, и она этого новшества не разрѣшила. Дѣло въ томъ, что вышеупомянутый предсѣдатель Самарской губернской земской управы, г. Племянниковъ, обратился съ нижеслѣдующимъ предложеніемъ къ предсѣдателю Московской губернской земской управы, г. Шипову, которое послѣдній, присовокупивъ мнѣніе Московской губернской земской управы, разослалъ всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ.

«Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Предстоящимъ Губернскимъ Земскимъ Собраніямъ придется обсуждать вопросъ: чѣмъ чествовать имѣющее быть коронованіе ихъ Императорскихъ Величествъ и, вѣроятно, по заведенному изстари обычаю, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ постановятъ поднести хлѣбъ-соль, для чего необходимо будетъ приобрести блюда и солонки. Конечно, каждому Губернскому Земству въ отдѣльности на покупку ихъ придется потратить небольшую сумму, но если соединить всѣ суммы, которыя будутъ истрачены Земствами на покупку блюдъ и солонокъ, то составитъ весьма почтенная сумма, на которую, въ память Священнаго Коронованія ихъ Величествъ, можно бы было устроить какое нибудь общепольное дѣло.

¹⁾ Таково, напримѣръ, извѣстное Харьковское общество грамотности, Курское общество содѣйствія вачальному народному образованію, Ярославское и т. д.

«Такая мысль родилась у Членовъ Самарской Губернской Земской Управы, но для осуществленія ея необходимо, чтобы кто нибудь принялъ на себя трудъ снести съ всѣми Губернскими Управами Земскихъ губерній. Самарская Губернская Управа считаетъ, что инициативу этого дѣла было бы всего ближе принять на себя Губернской Управѣ первопрестольной столицы нашей, въ которой будетъ происходить и самое Коронованіе, а потому, сообщая Вамъ настоящую мысль нашу, я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшей просьбой, если Вы раздѣлите эту мысль, то примите на себя и трудъ сношеній со всѣми Губернскими Управами.

«Къ этому считаю нужнымъ присовокупить, что какъ я, такъ и товарищи мои полагаютъ, что выборъ учрежденія, которое должно быть устроено на средства всѣхъ Земствъ, а равно и выборъ мѣста, гдѣ такое должно быть устроено, должны принадлежать Московскому Земскому Собранію.

«Московская Губернская Управа, всецѣло раздѣляя высказанную Самарскою Губернскою Управою мысль, съ своей стороны, признаетъ осуществленіе ея въ высокой степени желательнымъ и полагаетъ, что предложеніе Самарской Губернской Управы, вѣроятно, будетъ встрѣчено сочувственно всѣми Губернскими Земскими Собраніями. Останавливаясь на разрѣшеніи вопроса о томъ, какое общепольное дѣло могло бы быть устроено въ память Священнаго Корованія Ихъ Величествъ, Московская Губернская Управа приходитъ къ заключенію, что созданіе для этой цѣли особаго учрежденія едва ли можетъ представиться возможнымъ. Съ одной стороны, для устройства и содержанія такого рода учрежденія, которое не могло бы не быть грандіознымъ, потребовался бы слишкомъ большой капиталъ; съ другой стороны, подобное учрежденіе должно бы, конечно, по возможности въ равной мѣрѣ служить интересамъ всѣхъ участвующихъ Земствъ, но это не можетъ быть осуществимо, такъ какъ всякое учрежденіе, устроенное въ предѣлахъ той или другой губерніи, будетъ, по преимуществу, служить мѣстному населенію и, во всякомъ случаѣ, не можетъ распространить свое дѣйствіе болѣе, чѣмъ на нѣсколько содѣльныхъ губерній. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Московская Губернская Управа полагала бы желательнымъ передать капиталъ, который составитъ изъ взносовъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ, въ распоряженіе Установленія, имѣющаго своею цѣлью приходить на помощь всѣмъ нуждающимся, безразлично принадлежности ихъ къ населенію той или другой губерніи.

«1-го сентября настоящаго года Государю Императору благоугодно было, въ заботахъ о всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ, обративъ вниманіе на горестную судьбу тѣхъ изъ нихъ, которые, терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта, учредить особое попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Ея Императорскому Величеству благоугодно было, принявъ упомянутое попечительство подъ непосредственное Свое покровительство, принять на Себя и предсѣдательство въ Комитетѣ Попечительства. По мнѣнію Московской Губернской Управы, представлялось бы вполне отвѣчающимъ намѣченной Самарской Губернской Управой цѣли представить

отъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ сумму, имѣющую образоваться изъ ихъ взносовъ, въ состоящее подъ покровительство Государины Императрицы попечительство для употребленія этого капитала по указаніямъ Ея Величества.

«Московская Губернская Управа, имѣя въ виду общій итогъ смѣтъ всѣхъ 34 земскихъ губерній приблизительно въ 15.000.000 р., предполагаетъ, что размѣръ капитала, который можетъ образоваться изъ взносовъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ, составитъ сумму въ 300.000 р., если всѣ Губернскія Собранія отчислятъ для этой цѣли, въ круглыхъ цифрахъ, не менѣе двухъ процентовъ итога своихъ смѣтъ на 1896 г.

«Представляя все вышеизложенное на Ваше, Милостивый Государь, благоусмотрѣніе, я покорнѣйше прошу Васъ доложить, если признаете возможнымъ, настоящее предложеніе предстоящему Губернскому Земскому Собранію и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ.

«По полученіи отъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ управъ извѣщеній о постановленіяхъ губернскихъ собраній, московская губернская управа, въ случаѣ принятія губернскими собраніями настоящаго предложенія, испроситъ надлежащее разрѣшеніе для его осуществленія, о чемъ я не замедлю своевременно Васъ увѣдомить и сообщить Вамъ постановленія всѣхъ собраній».

Мы нарочно привели цѣликомъ изложенное письмо, чтобы показать всю невинность его содержанія и его вѣрноподданическіе цѣли.

Казалось бы, что мало-мальски дальновидные правители обѣими руками должны были ухватиться за такое настроеніе представителей земства. Но не тутъ-то было.

Когда Д. Н. Шиповъ сообщилъ мысль предсѣдателя самарской губернской земской управы московскому генераль-губернатору, Великому Князю Сергѣю Александровичу, послѣдній, повидимому, сочувственно отнесся къ предложенію, но прибавилъ, что объ этомъ надо еще поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ, который долженъ былъ прибыть въ Москву.

По приѣздѣ министра, Д. Н. Шиповъ вошелъ съ нимъ въ переговоры, которые дали отрицательные результаты. Простому смертному трудно понять, чѣмъ руководствовался Горемыкинъ, не соглашаясь на самарскій проектъ, но стоитъ только направить мысль въ бюрократическое русло, какъ несомнѣннымъ дѣлается, что Горемыкинымъ руководилъ страхъ предъ земскимъ единеніемъ по вопросу о назначеніи коронаціонныхъ суммъ, который долженъ былъ обсуждаться на всѣхъ земскихъ собраніяхъ.

Не нужно было обладать пророческимъ даромъ, чтобы предсказать, что разъ воспрещается такое благонамѣренное земское единеніе, то объединенныя дѣйствія земства по болѣе важнымъ вопросамъ, конечно, встрѣтятъ упорное сопротивленіе бюрократіи.

И факты такого рода не заставили себя долго ждать.

Во время коронаціонныхъ торжествъ, омраченныхъ, къ слову сказать, извѣстною ходынскою катастрофою, Д. Н. Шиповъ предложилъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ устраивать

ежегодные сѣзды, для совмѣстнаго обсужденія важныхъ земскихъ вопросовъ.

Мысль предсѣдателя московской губернской земской управы была встрѣчена сочувственно, причемъ рѣшено было устроить сѣзды въ слѣдующемъ 1896 году на всероссійской Нижегородской выставкѣ. Д. Н. Шиповъ сообщилъ объ этомъ намѣреніи предсѣдателей Горемыкину, и послѣдній, не давая официальнаго разрѣшенія, фактически далъ свое согласіе на сѣзды, что можно было замѣтить изъ того, что въ бесѣдѣ съ Шиповымъ, сдѣлалъ ему такіе «совѣты»: 1) ограничить сѣзды только предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ, 2) собираться не въ помѣщеніи Нижегородской губернской земской управы, а въ частныхъ квартирахъ и ресторанахъ и 3) принять мѣры, чтобы печатать объ этомъ «не трубила»¹⁾.

Всѣ эти «совѣты» были въ точности соблюдены предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ, если не считать за «преступленіе», присутствіе на сѣздѣ единственнаго предсѣдателя уѣздной земской управы— князя Петра Дмитріевича Долгорукова, который, начиная съ 1896 г., занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ земскомъ движеніи.

Нижегородскій земскій сѣзды прошелъ вполнѣ благополучно, причемъ въ немъ принималъ участіе и представитель министерства финансовъ, присланный министромъ Витте, такъ какъ среди вопросовъ, обсуждавшихся на сѣздѣ, были между прочимъ и вопросы объ оцѣночно-статистическихъ работахъ по закону 1893 года, возникшему по инициативѣ Витте.

Въ виду того, что Нижегородское совѣщаніе установило положеніе для будущихъ сѣздовъ, приведемъ здѣсь вкратцѣ наиболѣе существенныя постановленія его.

При обсужденіи вопроса объ организациі занятій присутствовавшими были высказаны слѣдующія соображенія. Периодическіе сѣзды предсѣдателей управъ должны быть признаны въ высшей степени желательными и могутъ имѣть большое значеніе для цѣлесообразности развитія и направленія земскаго дѣла вообще. Такіе сѣзды даютъ возможность каждому изъ предсѣдателей легко знакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ земствахъ. Дѣятельность земскихъ учреждений, для болѣе успѣшнаго и плодотворнаго направленія и развитія каждой своей отрасли, должна руководиться опредѣленной идеей, твердо установленными принципами. Практическія мѣропріятія каждаго отдѣльнаго земства могутъ быть крайне разнообразны, въ зависимости отъ особенностей мѣстныхъ условій, но конечныя цѣли и главныя руководящія основанія, отвѣчающія существу земскаго дѣла, не могутъ быть различны. Совѣщаніе предсѣдателей управъ можетъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать выясненію и установленію основныхъ положеній земской дѣятельности и въ этомъ должна заключаться главная задача сѣздовъ. Съ другой стороны, на такихъ сѣздахъ

¹⁾ Скажемъ здѣсь вкратцѣ, что по окончаніи Нижегородскаго сѣзда съ большимъ трудомъ удалось отлитографировать журналъ совѣщаній предсѣдателей. Для этого пришлось прибѣгнуть къ цензору князю Шаховскому и что удивительнѣе,—къ тогдашнему главѣ цензурнаго комитета Соловьеву, который при всей своей реакционности, не встрѣтивъ препятствій къ разрѣшенію.

могутъ быть обсуждаемы вопросы, касающіеся дѣятельности земскихъ учреждений, но осуществленіе которыхъ нуждается въ согласіи правительственной власти. Нерѣдко отдѣльныя земства возбуждаютъ предъ правительствомъ ходатайства по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ по существу своему общее значеніе, и въ большинствѣ случаевъ, такія ходатайства остаются безъ удовлетворенія на томъ основаніи, что для разрѣшенія ихъ въ положительномъ смыслѣ, представлялась бы необходимость измѣненія нѣкоторыхъ существующихъ законоположеній, но возбужденіе такихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ министерство не признаетъ возможнымъ по ходатайству того или другого земства, основанному, быть можетъ, исключительно на мѣстныхъ условіяхъ. Такого рода вопросы могутъ обсуждаться на совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и по тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ существенное значеніе для всѣхъ или большинства земствъ, предсѣдатели могутъ придти къ соглашенію о внесеніи одновременно въ губернскія собранія предложеній о возбужденіи послѣдними извѣстнаго ходатайства предъ правительствомъ и удовлетвореніе такихъ однообразныхъ и одновременныхъ ходатайствъ всѣхъ или большинства земствъ можетъ быть болѣе вѣроятнымъ. Для того, чтобы заключеніе совѣщанія было опредѣленно и возможно полно обосновано, желательно, чтобы по каждому разсматриваемому на сѣздѣ вопросу были предоставлены и сообщаемы заблаговременно всѣмъ членамъ совѣщанія обстоятельные доклады. Доклады эти должны заключать въ себѣ данныя о положеніи вопроса, по возможности, во всѣхъ земствахъ, общія соображенія и окончательные выводы, изложенные въ формѣ положеній (тезисовъ), которые и будутъ подлежать разсмотрѣнію на сѣздѣ предсѣдателей. Инициатива возбужденія вопросовъ должна принадлежать всѣмъ членамъ совѣщанія, причемъ желательно, чтобы возбуждающій вопросъ принялъ на себя его предварительную разработку и представленіе соотвѣтствующаго доклада. Признавалось даже желательнымъ образовать бюро сѣзда предсѣдателей управъ, которое приняло бы на себя всѣ необходимыя подготовительныя дѣйствія. Въ это бюро могли бы направляться членами сѣзда всѣ заявленія и доклады. Разработка нѣкоторыхъ вопросовъ, признанная совѣщаніемъ желательной, но которая, по сложности своей, не могла бы быть принята на себя кѣмъ либо изъ его членовъ, можетъ быть поручаема бюро приглашеннымъ или постороннимъ лицамъ. Въ этихъ случаяхъ бюро должно выработать программу вопросовъ, по которой и просить предсѣдателей управъ доставить по данному вопросу необходимыя свѣдѣнія.

Приведенныя постановленія нижегородскаго сѣзда предсѣдателей послужили руководствомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ сѣздовъ. На этомъ же сѣздѣ были возбуждены немаловажные вопросы. Такъ, было заявлено, между прочимъ, о желаніи многихъ гласныхъ принимать участіе въ занятіяхъ совѣщанія. Но осторожный Д. Н. Шиповъ указалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ высказался лишь за предсѣдателей губернскихъ управъ. Затѣмъ, кромѣ вопроса объ оцѣночно-статистическихъ работахъ, на нижегородскомъ совѣщаніи обсуждались еще вопросы: о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, о народномъ продо-

вольствіи, о всеобщемъ начальномъ образованіи, о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскими и уѣздными земствами. Наконецъ, въ одномъ изъ засѣданій предсѣдателей принялъ участіе графъ П. А. Гейденъ, какъ президентъ вольнаго экономическаго общества. Указавъ на общность задачъ этого общества и земскихъ учреждений, онъ высказалъ пожеланіе организовать связь между ними, путемъ включенія предсѣдателей губернскихъ управъ въ члены вольнаго экономическаго общества, при которомъ слѣдовало бы образовать особый отдѣлъ для разработки вопросовъ земскаго хозяйства. Совѣщаніе выразило благодарность П. А. Гейдену, согласившись тѣмъ самымъ на важное предложеніе послѣдняго, такъ какъ связь земства съ вольнымъ экономическимъ обществомъ играла, какъ мы видимъ, громадную роль въ земскомъ движеніи.

Въ слѣдующій разъ предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ рѣшили съѣхаться въ 1897 году въ С.-Петербургѣ, о чемъ также былъ увѣдомленъ Горемыкинъ тѣмъ же Д. Н. Шиповымъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, этотъ съѣздъ уже не былъ разрѣшенъ. Высоко-комичныя дѣянія бюрократіи, сопровождавшія это неразрѣшеніе, заставляютъ насъ остановиться на нихъ.

Нижегородскій съѣздъ происходилъ въ августѣ 1896 г. (съ 8 по 11 августа), а въ ноябрѣ Д. Н. Шиповъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія.

Горемыкинъ, конечно, могъ видѣться и говорить съ Шиповымъ ежедневно, но онъ избѣгалъ встрѣчи съ предсѣдателемъ московской губернской земской управы, и распоряженіе о недозволеніи Съѣзда въ Петербургѣ послалъ черезъ Московскаго губернатора Булыгина.

Возвратившись изъ С.-Петербурга въ Москву, Д. Н. Шиповъ, къ своему удивленію, получилъ «конфиденціально» отъ Булыгина такое письмо отъ 25 ноября 1896 года:

«Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ. Г. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, на частномъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, происходившемъ между 8 и 11 августа текущаго года, было, между прочимъ, рѣшено: 1) организовать періодическіе съѣзды предсѣдателей всѣхъ губернскихъ земскихъ управъ, 2) для подготовительныхъ дѣйствій и для разработки подлежащихъ обсужденію съѣздовъ вопросовъ, учредить при Московской Губернской Земской управѣ Бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и 3) слѣдующій Съѣздъ предсѣдателей назначить въ марта 1897 года въ С.-Петербургѣ. Съ своей стороны, г. Министръ внутреннихъ дѣлъ находитъ, что никакіе съѣзды, и тѣмъ болѣе должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не могутъ имѣть мѣста безъ особаю каждый разъ разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, и что объединеніе дѣятельности земскихъ учрежденій и установленіе общихъ руководящихъ началъ для этой дѣятельности принадлежитъ исключительно вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ ¹⁾).

¹⁾ Курсивъ нашъ.

«По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что предполагаемая на нижегородскомъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ организація съѣздовъ означенныхъ предсѣдателей не была разрѣшена имъ, министромъ, и *какъ нарушающая строй нашего государственнаго порядка* ¹⁾ и не соответствующая основной задачѣ земскихъ учреждений — вѣдать только мѣстныя дѣла губерніи и уѣзда — ни въ какомъ случаѣ допущена быть не можетъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ меня поставить о семъ въ извѣстность ваше превосходительство и предложить вамъ немедленно закрыть учрежденное при Московской губернской земской управѣ бюро предсѣдателей управъ и не принимать въ таковыхъ съѣздахъ никакого участія. Сообщая вамъ о всемъ вышеизложенномъ, для соответствующихъ распоряженій и исполненія, имѣю честь просить ваше превосходительство уведомить меня какъ о времени закрытія означеннаго бюро, такъ и о полученіи вами настоящаго сообщенія».

На это Д. Н. Шиповъ отвѣтилъ Булыгину нижеслѣдующимъ письмомъ: «Милостивый Государь, Александръ Григорьевичъ! Письмо вашего пр—ва отъ 25 ноября получено мною только 30-го, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга, гдѣ я въ теченіе ноября, какъ вамъ извѣстно, принималъ участіе въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ министерства земледѣлія. Ваше пр—во изволите предлагать мнѣ, согласно распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, немедленно закрыть учрежденное при московской губернской земской управѣ бюро съѣзда предсѣдателей губернскихъ управъ, вслѣдствіе чего я имѣю честь представить слѣдующее объясненіе.

«Состоявшееся въ прошломъ августѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ совѣщаніе 19-ти предсѣдателей губернскихъ управъ имѣло совершенно частный характеръ. Присутствовавшіе на этомъ совѣщаніи предсѣдатели управъ пришли, между прочимъ, къ заключенію, что такого рода бесѣды и обмѣнъ мнѣній имѣютъ для лицъ, стоящихъ близко къ земскому дѣлу, большое значеніе, содѣйствуя имъ въ выясненіи и правильномъ освѣщеніи различныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учреждений, и поэтому было признано желательнымъ собираться и въ будущемъ, время отъ времени, для такихъ частныхъ между собою совѣщаній. Для того, чтобы всѣмъ предсѣдателямъ управъ были извѣстны предметы, которые предлагается обсуждать въ частныхъ между собою бесѣдахъ, и для того, чтобы имѣть возможность по намѣченнымъ вопросамъ предварительно ознакомиться съ относящимся къ нимъ матеріаломъ, совѣщаніе нашло полезнымъ избрать изъ своей среды пять лицъ, которые образовали бы бюро совѣщанія. Этому бюро не предполагалось вовсе придать значеніе какого-либо постояннаго учрежденія, а имѣлось только въ виду, что избранныя пять лицъ будутъ иногда собираться, предварительно выяснять—обсужденіе какихъ вопросовъ въ частныхъ совѣщаніяхъ предсѣдателей управъ желательно, какой для того долженъ быть собранъ матеріалъ, и будутъ распредѣлять между собою трудъ по разработкѣ этого матеріала. Пять лицъ, принявшихъ на себя такую предвари-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

тельную работу, согласились собираться для намѣченной цѣли въ Москвѣ, какъ въ болѣе центральномъ пунктѣ, о чемъ и было записано въ журналѣ частнаго совѣщанія, но при этомъ случайно вкралась редакціонная ошибка: въ журналѣ было записано, что совѣщаніе пришло къ заключенію организовать бюро при московской управѣ, тогда какъ слѣдовало записать, что избранные совѣщаніемъ члены бюро будутъ собираться въ Москвѣ, какъ это въ дѣйствительности и безусловно понимало совѣщаніе.

«Въ концѣ прошлаго сентября пять лицъ, избранныя совѣщаніемъ, собирались въ Москвѣ, и наши частныя бесѣды происходили отнюдь не въ управѣ, а въ моей частной квартирѣ, и никакого отношенія ни къ управѣ, ни къ нашимъ служебнымъ обязанностямъ не имѣли. Изъ представленныхъ мною объясненій ваше пр—во усмотрѣть изволите, что при московской губернской управѣ не существовало и не существуетъ никакого бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ управъ, о закрытіи котораго вы предлагаете. Какъ происходившее въ Нижнемъ-Новгородѣ, такъ и предполагаемое въ будущемъ совѣщаніе могутъ имѣть, несомнѣнно, характеръ лишь исключительно частныхъ бесѣдъ и обмѣна мыслей, и предсѣдатели управъ, принимающіе въ этихъ совѣщаніяхъ участіе, участвуютъ въ нихъ только какъ частныя лица».

Такое разъясненіе, казалось бы, могло успокоить даже турецкаго визиря, самаго фанатическаго представителя восточнаго деспотизма. Со свойственною Д. Н. Шипову искренностью и правдивостью, онъ изложилъ губернатору всѣ подробности земскаго проекта, но бюрократію обяуль ужасъ при мысли о возможности «объединенія дѣятельности земскихъ учреждений и установленія общихъ руководящихъ началъ», а за этимъ, въ перспективѣ она уже видѣла «нарушеніе строя нашего государственнаго порядка». Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что на свое разъясненіе Д. Н. Шиповъ получилъ отъ того-же Булыгина такого рода «конфиденціальный» отвѣтъ:

Конфиденціально.

«Милостивый Государь,
Дмитрій Николаевич!»

«Сообщенныя мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ 2 сего Декабря за № 3196, свѣдѣнія по вопросу о Съѣздахъ Предсѣдателей Губернскихъ Земскихъ Управъ были мною представлены по принадлежности и нынѣ Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ меня, что представленныя Вами по означенному вопросу объясненія не могутъ быть признаны удовлетворительными и не убѣждаютъ въ возможности разрѣшенія періодическихъ съѣздовъ Предсѣдателей Управъ. Означенные представители земскаго общественнаго Управленія являются, по закону, лицами должностными, состоящими на государственной службѣ. При такомъ положеніи дѣла, какъ самые съѣзды, такъ и бюро для подготовительныхъ къ онымъ дѣйствій, не могутъ быть признаны исключительно частными собраніями, не требующими разрѣшенія Правительства, а потому и организація ихъ, безъ испрошенія такого разрѣшенія,

представляется нарушеніемъ закона. Вслѣдствіе сего Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ просить меня объявить Вашему Превосходительству, къ исполненію, что онъ, Министръ, *не допускаетъ ни дальтѣйшаю существованія бюро, въ какомъ бы видѣ оно не было учреждено, ни участія Вашею въ вышеупомянутыхъ связяхъ.*¹⁾ Объ этомъ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, къ надлежащему исполненію.

№ 2897

Декабря 20 дня 1896 года».

Чего же добилось правительство такими нелѣпыми репрессіями? Единственнымъ результатомъ ихъ было то, что земство, въ лицѣ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, вынуждено было изыскивать другіе пути для удовлетворенія назрѣвшихъ запросовъ жизни, какъ это было уже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ.

И. П. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).



¹⁾ Курсивъ нашъ.

Маленькое Дѣло.

. . . „Къ смертной казни, родъ которой опредѣленъ ему судомъ черезъ повѣшеніе“, — безстрастнымъ голосомъ прочиталъ ген.-м. Лейхтъ. . . Приговоръ былъ совершенно неожиданный и даже по нынѣшней военно-полевой мѣркѣ безусловно несоотвѣтствовавшій характеру «преступленія». На меня, котораго онъ касался, приговоръ произвелъ ужасное впечатлѣніе и, откровенно говоря, я не желалъ бы вторично пережить его. . . Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы, окруженные плотнымъ кольцомъ пѣшихъ и конныхъ войскъ, во дворѣ харьковскаго военно-окружнаго суда разсаживались по каретамъ, на насъ весело смотрѣла нарядная группа военно-судейскихъ дамъ и кавалеровъ.

Прокуроромъ военно-окружнаго былъ Савенковъ. Онъ требовать для всѣхъ насъ, шестерыхъ, не исключая и несовершеннолѣтняго Н. В. Яцевича, смертной казни, и если успѣлъ добиться смертнаго приговора только для меня, то это не его вина.

Лѣтомъ 1878 г. подѣ Харьковомъ сдѣлана была попытка освободить Войнаральскаго, осужденнаго по Большому процессу на каторгу и перевозившагося жандармами въ харьковскую централку. Меня тогда въ Харьковѣ не было и никакого участія въ дѣлѣ я не принималъ. Детали его мнѣ стали извѣстны только уже на Карѣ отъ нѣкоторыхъ участниковъ въ немъ, но я не буду касаться ихъ, такъ какъ, повидимому, живые еще дѣятели не находятъ возможнымъ оглашать это дѣло, — единственное, о которомъ до сихъ поръ власти почти ничего не знаютъ. Именно съ этимъ дѣломъ судьба и связала нашъ процессъ:

„Дѣло о попыткѣ освобожденія Фомина“.

Фоминъ (дѣйствительная фамилія Медвѣдевъ) — единственный задержанный участникъ освобожденія Войнаральскаго, былъ арестованъ на Харьковскомъ вокзалѣ. Близкая ему группа кружка кіевлянъ и одеситовъ имѣла основаніе дорожить имъ и рѣшила во что бы то ни стало освободить его. Въ августѣ того же года Фомину удалось бѣжать вмѣстѣ съ каторжанамъ. На волѣ знали объ этомъ, приняли мѣры къ тому, чтобы послѣ побѣга встрѣтить его и укрыть, для чего по всѣмъ выходамъ отъ тюрьмы разставлены были свои люди. Иванченко (впослѣдствіи осужденный на каторгу по другому дѣлу), мимо котораго прошелъ

Фоминъ, не рѣшился его окликнуть, принявъ за уголовнаго. Фоминъ былъ арестованъ дня черезъ два за Харьковомъ вмѣстѣ съ уголовнымъ.

Тогда предпринята была другая попытка. Черезъ улицу отъ тюрьмы нанята была квартира, изъ которой начать подкопъ въ тюрьму. Предполагалось провести ходъ подъ угловую башню, въ которой помѣщались на день параша для общаго пользованія, и остававшуюся поэтому безъ всякаго надзора. Соотвѣтствующее помѣщеніе внизу было занято подъ складъ зимнихъ рамъ, метель и т. п., такъ что легко было, когда главная работа будетъ окончена, продѣлать небольшою встрѣчнымъ ходъ. Фомина не выпускали изъ камеры, но выбраться было легко. Его одиночка внутренней стѣнной какъ разъ примыкала къ отдѣленію съ парашами и, кромѣ того, въ этой стѣнѣ для чего-то была устроена ниша, такъ что толща стѣны была не болѣе двухъ кирпичей. Разобрать ее и вылѣзть въ отдѣленіе—полчаса работы, а тамъ по свободной винтовой лѣстницѣ въ нижнее отдѣленіе—и дѣлу конецъ.

Но опять неудача. Хозяиномъ квартиры и вмѣстѣ главнымъ распорядителемъ подкопныхъ работъ былъ Сентянинъ—студентъ горнаго института, проживавшій по подложному паспорту и розыскиваемый по другому дѣлу (кажется, по дѣлу о волненіяхъ донскихъ казаковъ). Случилось такъ, что его гимназическій товарищъ служилъ околоточнымъ въ Харьковѣ, встрѣтилъ его, донесъ и Сентянина на улицѣ арестовали.¹⁾ Участники подкопа (Сарандовичъ, Е. В. Туманова, Иванченко), проживавшіе въ томъ же домѣ, не зная настоящей причины ареста, полагали, что ихъ прослѣдили, и немедленно оставили квартиру, заявивъ хозяину о выѣздѣ по неотложной надобности, но оставивъ квартиру за собой. Только въ декабрѣ квартира была открыта полиціей и то по заявленію хозяина, встревоженнаго долгимъ отсутствіемъ квартирантовъ. Хозяинъ, чтобы избѣжать ответственности, кажется, схитрилъ, указавъ срокъ оставленія квартиры болѣе близкій, и полиція страшно переполошилась (мы тогда уже были въ тюрьмѣ), видя въ этомъ новую, послѣ нашей, попытку освобожденія Фомина. Послѣ этой неудачи рѣшено было еще разъ попытаться. Планъ былъ такой: два лица, переодѣвшіеся жандармами, явятся въ тюрьму съ приказомъ жандармскаго генерала Ковалинскаго—прислать арестанта Фомина для допроса—и увезутъ его. Дѣло это всецѣло принадлежало кіевлянамъ, но безъ содѣйствія мѣстныхъ силъ обойтись было нельзя. Самой видной въ Харьковѣ группой тогда былъ кружокъ Будинскаго²⁾ (умеръ въ Шлиссель-

¹⁾ Сентянинъ умеръ въ Петропавловской крѣпости.

Ред.

²⁾ На югѣ его часто называли „кружкомъ полтавцевъ“. Ядро его образовали трое товарищей по Полтавской гимназій: Р. А. Стеблинъ-Каменскій (застрѣлился въ Иркутскѣ), Николай Сажинъ (впослѣдствіи врачъ, умеръ въ Полтавѣ) и Н. В. Яценъ, и трое куряня—бывшихъ семинаристовъ: Д. Т. Будинскій, А. И. Преображенскій (умеръ въ Иркутскѣ) и я. Столкнута насъ студенческая среда, объединило революціонное движеніе того времени. Полтавцы были больше вѣдѣны южанами, а по нимъ и весь кружокъ, вполнѣдствіи значительно разросшійся, именовали полтавцами.

бургѣ), къ которому принадлежалъ и я. У насъ были связи съ другими городами, но наиболѣе близкія — съ кіевлянами, съ многими изъ которыхъ мы были лично и хорошо знакомы. Къ намъ и обратились кіевляне.

Не знаю, какъ въ другихъ кружкахъ того времени, а у насъ строжайшимъ образомъ проводилось начало конспиративности и, напр., принято было за правило, если въ какомъ-либо дѣлѣ, предпринятомъ по сторонней инициативѣ, участвуютъ отдѣльные члены кружка, то они не имѣютъ права сообщать объ этомъ кружку безъ крайней необходимости.

Кіевляне обратились именно не къ кружку, а къ отдѣльнымъ лицамъ, и сперва къ Яцевичу для необходимыхъ телеграфныхъ сношеній. Мы объ этомъ ничего не знали. Понадобилась квартира — обратились ко мнѣ. Я тогда проживалъ вдвоемъ съ Адамомъ Ивановичемъ (фамилію не называю, такъ какъ не знаю о его судьбѣ и не увѣренъ, удобно ли теперь будетъ напоминать ему юношескую старину), котораго мнѣ было поручено подготовить къ вступленію въ кружокъ, — человекомъ, къ конспираціямъ тогда непрічастнымъ, — на углу Примѣрковской и Почтоваго пер., д. Сулиной. Квартира была очень удобная: изолированная отъ хозяевъ, отдѣльный ходъ, двѣ комнатки, уборку производили сами.

Какъ-то заходитъ ко мнѣ Иванъ Ивичевичъ (убить въ 1879 г. при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, на Жилинской). Зналъ я его уже около года, зналъ хорошо, — онъ иногда, въ бытность въ Харьковѣ, ночевалъ у меня и каждый разъ предупреждалъ, что если явятся жандармы, онъ будетъ стрѣлять, — но зналъ только какъ Ивана, — фамилію узналъ уже потомъ. По силѣ характера и рѣшимости, онъ мнѣ замѣчательно нравился. Это былъ рабочій изъ семьи когда-то сербскихъ выходцевъ. Широкой теоретической подготовкой онъ не обладалъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ, студенту, импонировать. И когда онъ спросилъ меня, могу-ли я временно помѣстить у себя двухъ человекъ, я безъ всякихъ колебаній согласился. Правда, уже въ то время я былъ на виду у жандармовъ, но такъ какъ я жилъ безъ прописки, то рискъ провала былъ ничтожный. Цѣли Ивичевичъ мнѣ не объяснилъ, я не распрашивалъ, хотя, разумеется, общую цѣль я отлично понималъ. Нужно было сплавить Адама Ивановича. Онъ уже достаточно былъ освоенъ съ нашими правилами, и потому я только заявилъ, что ему удобнѣе переѣхать въ другое помѣщеніе, такъ какъ квартира нужна для конспирацій, въ которыя его втягивать нѣтъ смысла, и А. И. безъ разспросовъ переѣхалъ. Последствія показали, что предосторожность была не лишняя. После моего ареста Адамъ Ивановичъ до того растерялся, что откровенно заявлялъ: если меня арестуютъ, я расскажу все, что знаю. Его сплавили изъ Харькова. Какъ-то ѣдетъ онъ, кажется, съ Каменскимъ по жел. дорогѣ, на одной изъ станцій покупаютъ газету и читаютъ приговоръ по нашему дѣлу. Какъ только Адамъ Ивановичъ дочиталъ до словъ: подсудимый Ефремовъ пригово-

ривается къ смертной казни, — хлопъ въ обморокъ. Столпилась публика, жандармы... А Каменскій скрывался и по близорукости не обратилъ вниманія на то, что перекарска въ бронеета уже начала линять, переходя въ зеленоватый цвѣтъ; къ счастью обморокъ отвлекъ все вниманіе жандармовъ.

Вечеромъ того же дня ко мнѣ переѣхали Рашко и Березнюкъ (Тищенко). Отрекомендовались — одинъ „Американцемъ“, другой — Иваномъ — и дѣлу конецъ. Жили они у меня нѣсколько дней до самаго ареста. Въ квартиру иногда заходили по дѣламъ Николай Сажинъ, Буцинскій и др., видѣли, что что-то готовится, но никакихъ разспросовъ не дѣлали. На другой день послѣ переѣзда моихъ квартирантовъ, Ивичевичъ попросилъ и меня, если можно, не ночевать дома, такъ какъ въ одномъ изъ участниковъ дѣла, которое подготавливается, они не совсѣмъ увѣрены, безъ котораго, однако, какъ типичной жандармской фигуры, обойтись было нельзя; въ случаѣ провала, онъ, пожалуй, и проболтается и впутаетъ меня, если я буду присутствовать на ихъ вечернихъ совѣщаніяхъ. И опять таки я безпрекословно исполнилъ и это, такъ какъ для дѣла именно требовалась моя квартира, а не я. Словомъ, дѣло дѣлалось такъ просто, что ни одинъ прокуроръ не повѣритъ...

Такихъ, какъ Рашко, революціонеровъ я встрѣтилъ въ первый разъ. Это былъ профессиональный разбойникъ, извѣстный въ уголовномъ мірѣ подъ кличкой „Американецъ“, но разбойникъ съ тенденціозной подкладкой. Онъ, между прочимъ, принималъ участіе въ польскомъ движеніи (33 года и даже былъ сосланъ въ Тюмень, откуда бѣжалъ). Изъ его разсказовъ мнѣ запомнились особенно одинъ, когда Рашко съ товарищемъ рѣшили проучить екатеринославскаго богатаго помѣщика за безчеловѣчно-жестокое обращеніе съ прислугой. Они поступили къ нему въ качествѣ кучера и лакея и однажды, по пути въ Екатеринославъ, жестоко избили помѣщика и, раскатавъ за руки и ноги, связаннаго бросили въ терновникъ. Деньги 12 тыс. руб. ограбили, карету бросили на постояломъ, четверку лошадей продали и безслѣдно скрылись. Послѣ наводили справки, — баринъ, пролежавъ нѣсколько дней въ терновыхъ кустахъ и случайно спасенный, сталъ шелковымъ... Разсказывалось все это и многія другія исторіи спокойнымъ, эпическимъ слогомъ. Меня эти разсказы въ ужасъ приводили, и я не могъ понять, какъ серьезные революціонеры могли втягивать въ дѣло такихъ людей. Но, оставивъ это въ сторонѣ, Рашко мнѣ, какъ типъ, нравился: умный, бывалый, до безпредѣльности смѣлый и спокойный въ самые критическіе моменты.

Исторія его „обращенія“ такова. По какому-то темному уголовному дѣлу онъ, въ качествѣ бродяги, былъ посаженъ въ Кіевскую тюрьму, гдѣ въ это время сидѣлъ политическій Избицкій (бѣжалъ съ пути слѣдованія въ Сибирь и безъ вѣсти пропалъ. По слухамъ, убитъ бродягами въ сибирской тайгѣ), — человекъ увлекающійся. Онъ-то и „открылъ“ Рашко и ознакомилъ его съ

революціоннымъ направлеіемъ Кіевской группы, тогда становившейся на террористическую дорогу. Рашко ухватился за мысль „загладить свое прошлое“ услугами революціи въ доступной и посылной для него формѣ.

Ему удалось легализироваться на чужое имя, — безвѣстно пропавшаго тридцать лѣтъ крестьянскаго сына Рашко. Въ тюрьмѣ всегда такія свѣдѣнія имѣются. Въ данномъ случаѣ они были такъ обстоятельны, что Рашко указалъ и домъ дяди Егора, и сверстника, съ которымъ игралъ ребенкомъ, и свой домъ, и мать. Мать признала его за сына, за тридцать лѣтъ только до неузнаваемости измѣнившагося, сходъ крестьянъ рѣшили: „нашъ“ и выдать удостовѣреніе. Рашко, по отбытіи срока наказанія, выпустили, и онъ по даннымъ Избицкимъ адресамъ вошелъ въ связь съ кіевлянами. Онъ рвался „на дѣло“ и съ неподдѣльнымъ огорченіемъ выражалъ свое неудовольствіе на то, что кіевляне однажды не разрѣшили ему „пришить“ городского, наблюдавшаго за одной квартирой... „А мнѣ бы это плево дѣло“. — посвялялъ Рашко.

Вотъ его-то и рѣшили взять вторымъ „жандармомъ“ и, какъ человекъ уже пожилого, — ему въ то время было 40 съ хвостомъ лѣтъ, — въ качествѣ унтеръ-офицера.

На третій день Ивичевичъ все же нашель нужнымъ ознакомить меня съ дѣломъ.

— Вы, — сказали онъ, — должно быть уже догадываетесь въ чемъ дѣло.

— Почти, такъ какъ нѣкоторыя детали очень прозрачны. Жандармскіе мундиры, пашки...

— Такъ какъ возможно, что на худой оборотъ и васъ могутъ притянуть, то я считаю себя обязаннымъ познакомить васъ съ дѣломъ. Мы хотимъ освободить Фомина при помощи переродѣтыхъ жандармами — вотъ эти двое; — ваша квартира нужна, какъ пріютъ. Мы сами понимаемъ, что нельзя зря впутывать человекъ, но весь городъ обходили, — другой подходящей квартиры не нашли.

— Я ничего не имѣю противъ.

Больше я Ивичевича не видалъ.

На другой день 17 или 18 сентября, точно не помню, — прихожу домой часовъ въ 12, — квартира на замкѣ; вхожу своимъ ключемъ, въ комнатахъ полный хаосъ: дорожныя корзины раскрыты, въ нихъ запасные жандармскіе мундиры, оружіе, цѣлое паспортное бюро и масса патроновъ. Долгое невозвращеніе „жандармовъ“ начинаетъ меня тревожить и я, зайдя въ университетъ и отдавъ на храненіе бывшія при мнѣ конспиративныя мелочи, иду къ тюрьмѣ на рекогносцировку.

Не доходя квартала до тюремной площади, встрѣчаю жандарма, писаря жанд. управленія, съ которымъ я познакомился по первому аресту и умышленно поддерживалъ знакомство. Поздоровались за руку.

— Слыхали новость? Фомина хотѣли выкрасть... Ячевича на

тюремной площади арестовали,—все чего-то терся.. Смотрите и васъ притянуть...

Какъ ни пораженъ я былъ извѣстiемъ, но очевидно критическое положенiе побѣдило даже мою ужасную неврастенiю, заставляющую дрожать по сущимъ пустякамъ; я проболталъ съ нимъ еще нѣсколько минутъ, шутилъ и затѣмъ, разставшись, продолжалъ дорогу къ тюрьмѣ, пока жандармъ не завернулъ за уголъ.

Въ тюрьмѣ же происходило вотъ что. Когда наши жандармы предъявили приказъ о выдачѣ арестанта, смотритель отдалъ надзирателю приказъ „привести Фомина“, а имъ предложилъ росписаться въ книгѣ. И когда они заняты были книгой, настоящие жандармы схватили ихъ сзади за руки, обезоружили и арестовали. Яцевичъ, наблюдавшiй за исходомъ попытки, былъ замѣченъ знавшими его въ лицо переодѣтыми жандармами, которыми оцѣплена была вся тюремная площадь, и арестованъ. Онъ имѣлъ неосторожность носить при себѣ конспиративныя мелочи, что и послужило первой причиной его ареста.

Почему случился провалъ? Для поддѣлки приказа о выдачѣ Фомина нужно было имѣть въ рукахъ подлинникъ приказа жандармскаго генерала, его можно достать только изъ дѣлъ тюремной конторы. Въ тюрьмѣ и даже въ тюремной конторѣ (въ качествѣ писца) были безкорыстно и глубоко преданные намъ люди изъ распропагандированныхъ уголовныхъ, черезъ которыхъ на свиданiяхъ подъ видомъ родственниковъ (одинъ разъ ходилъ и я) велись всѣ сношенiя. По ихъ указанiю рѣшили играть въ открытую съ тюремнымъ письмоводителемъ (фамилию теперь не помню), готовымъ за приличную мзду продать что угодно. Сношенiя съ нимъ велъ все тотъ-же Иванъ Ивичевичъ. Сошлись, кажется, на 500 рубльяхъ, половина которыхъ вручена немедленно, другая же должна быть выдана послѣ успѣшнаго окончанiя дѣла. Точно до сихъ поръ не знаю, но, кажется, чтобы гарантировать себя отъ измѣны, бумажки были разрѣзаны пополамъ и одна половина была вручена до освобожденiя, другая подлежала выдачѣ послѣ. Нужный документъ онъ выдать, но въ рѣшительный моментъ выдалъ и все дѣло жандармамъ. За участниками слѣдили, но не совсѣмъ удачно, такъ какъ, повидимому, успѣли узанать только улицу, но не домъ. Все это впрочемъ я узналъ много послѣ суда, а до того и не подозрѣвалъ степени освѣдомленности жандармовъ. Мимоходомъ. Письмоводитель на другой день оставилъ службу въ тюрьмѣ и до того перетрусилъ, что, встрѣтивъ чрезъ нѣсколько дней на улицѣ Ивичевича, упросилъ жандармовъ перевести его въ другой городъ, гдѣ и служилъ по фальшивому паспорту, выданному жандармами.

Счастье жандармовъ, что имъ не удалось прослѣдить квартиры: вечерами здѣсь собиралось „гнѣздо террористовъ“,—часть лицъ, входившихъ въ Исполнительный Комитетъ кiевскаго перiода. Достаточно назвать такихъ людей, какъ бр. Ивичевичи (Игнатъ и Иванъ,—оба убиты при вооруженномъ сопротивленiи въ Кiевѣ),

Владимиръ Свириденко (повѣшенъ въ Кіевѣ подѣ фамиліей Антонова за вооруженное сопротивленіе). Боясь ошибиться, но, помнится, былъ и Валеріанъ Осинскій (повѣшенъ въ Кіевѣ) и др. Все это народъ непредѣльно смѣлый, и если бы случилось несчастье жандармамъ накрыть ихъ, то навѣрняка, имъ удалось бы отбиться и скрыться; тогда жандармы еще не носили панцирей, какъ оказалось позже при вооруженномъ сопротивленіи на Жвлянской, и такіе идеальные стрѣлки, какъ Швичевичи и Свириденко, перещелкали-бы жандармовъ.

Когда я расстался съ знакомымъ жандармомъ, первую мыслью было: очистить квартиру во чтобы то ни стало. Вообще фантазія у меня небогатая, даже скудная, но въ роковыхъ положеніяхъ случается, что на меня иногда находятъ положительно вдохновеніе. ¹⁾

Точно такое-же состояніе я пережилъ послѣ разговора съ жандармомъ. До этого момента я вовсе не думалъ объ очисткѣ, но тутъ мгновенно созрѣлъ планъ. На той-же улицѣ жилъ уволенный за волненія и отбывавшій воинскую повинность кіевскій студентъ Константинъ К-вичъ (опять таки, не зная, пріятно-ли ему будетъ теперь, если онъ живъ, фамиліи не называю). Захожу къ нему и прошу черезъ двадцать минутъ взять извозчика и ѣхать на квартиру Буцинскаго, и тамъ скажутъ, что нужно дѣлать. Самъ на извозчикѣ—же ѣду къ Буцинскому и прошу черезъ пять минутъ ѣхать ко мнѣ, забрать корзины и проч., отпустить затѣмъ извозчика, и когда пріѣдетъ К., все сдать ему.

¹⁾ Хотя это къ дѣлу и не относится, расскажу одинъ случай. Насъ, дѣловую группу семинаристовъ, заставили за три дня до экзаменовъ, заканчивающихъ образовательный курсъ (нынѣшній четвертый классъ), подать прошеніе объ увольненіи, выдавъ свидѣтельства съ помѣткой: „переходнаго экзамена изъ средняго отдѣленія въ высшее не держалъ“, чѣмъ лишили возможности поступленія въ университетъ: кромѣ того поставили по тройкѣ поведенія. Поэтому всѣ мы рѣшили поступить въ Харьковскій ветеринарный институтъ. На рекогносцировку поѣхалъ я, показалъ свой документъ и получилъ отвѣтъ: пріѣзжайте, примемъ. Пріѣхали. Цѣлой группой входимъ къ директору, предъявляемъ документы; тотъ разсматриваетъ и вдругъ огорошиваетъ:

— Все ничего,—отмѣтки у васъ хорошія, недержаніе экзамена—не препятствіе, но вотъ тройка поведенія... Скажите откровенно, за что вамъ ее поставили, да еще дѣлой группѣ?

Вопросъ былъ столь неожиданъ послѣ заявленія о неизмѣнннхъ пренгствіяхъ къ поступленію, что поставилъ всѣхъ въ тупикъ. Нѣсколько секундъ колебаній, и вдругъ меня обніла „геніальная ложь“, какъ назвали мой отвѣтъ товарищи по несчастью:

— Видите-ли, мы воспитанники семинаріи, готовились быть духовными пастырями и потому обязаны были подчиняться особымъ правиламъ. Мы либеральничали, сѣли въ постъ скоромное, инспекторъ обревизовалъ печь—и вотъ...

Товарищи невольно повертели головы ко мнѣ и изумленно смотрѣли. Такіе случаи въ семинаріи дѣйствительно бывали, но не съ нами и мы никогда на одной квартирѣ не жили.

— О если такъ,—прерываетъ меня директоръ,—можете ходить на лекціи. Я немедленно телеграфирую министру (Толстому) и за утвердительный отвѣтъ ручаюсь.

Отвѣтъ дѣйствительно получился въ нашу пользу.

Нѣсколько стыдно вато признаваться, но для характеристичности времени необходимо. Причина увольненія насъ была такая. Вслѣдствіе мелкаго и довольно глупаго и съ той, и съ другой стороны спора моего съ преподавателемъ философіи Новицкимъ (нынѣ, кажется, ректоръ Курской семинаріи), у котораго я, по неостижимой для меня при-

Немедленно ѣду къ себѣ на квартиру, кое-какъ собираю и укладываю,—какъ разъ подѣзжаетъ Буцинскій. Для отвода глазъ на виду у хозяйки мы съ Буцинскимъ поцѣловались, я пожелать ему счастливаго пути, и хозяйка дѣйствительно потомъ показала, что вещи увезены на вокзалъ. Только что Буцинскій снесъ вещи къ себѣ и отпустилъ извозчика, какъ къ нему пріѣзжаетъ К., и увозить вещи къ себѣ. Фокусъ удался блестяще: вещи какъ въ воду канули, хотя за моей квартирой уже наблюдали.

Послѣ ареста «жандармовъ», полиція открыто отправилась по Почтовой ул. и, ходя изъ дома въ домъ, опрашивала, кто квартируетъ. Дойдя до нашего дома, она узнала отъ хозяйки, что квартируютъ какіе-то двое (хозяйка подразумевала меня и Адама Ивановича, такъ какъ жандармовъ, къ моему величайшему изумленію, она на судѣ не признала и заявила, что видитъ ихъ въ первый разъ, хотя Рашко и Березнюкъ не стѣснясь бродили по двору), сейчасъ квартира на замкѣ, но кто-то входилъ въ окно и на вопросъ, кто тамъ, отвѣтилъ успокоительно: свои—свои. Это былъ Свириденко, забывшій свой револьверъ. Для полиціи было ясно, что здѣсь завязанъ узелъ. Надѣясь открыть всѣхъ сразу, она оставила наблюдательный постъ, но арестовъ дѣлать не велѣла. Наблюдатели видѣли отъѣздъ Буцинскаго, прослѣдили его до квартиры, обрадовавшись, побѣждали докладывать и прозѣвали К—ча. У Буцинскаго сдѣлали обыскъ, но ничего не нашли. На вопросъ, что онъ перевозилъ, онъ показалъ, что я хотѣлъ переѣхать къ нему на квартиру, и онъ часть вещей моихъ и перевезъ. Его оставили въ покоѣ и судился онъ потомъ уже по другому дѣлу.

Очистивъ такимъ образомъ квартиру, я пошелъ къ Буцинскому, куда собралось нѣсколько человѣкъ изъ кружка, и мы обсуждали, стоитъ ли мнѣ бѣжать, или туча морокомъ пройдетъ, когда обыскъ не дастъ результатовъ, что со мною тоже разъ было. Рѣшили рискнуть, благо денегъ въ кружкѣ не было ни копейки. Вечеромъ возвращаюсь въ квартиру, произвожу новую ревизію и дѣлаю важную находку: совершенно открыто у вход-

чиѣ, былъ на хорошемъ счету, у меня произошло объясненіе съ ректоромъ о. Матвѣемъ Невскимъ (впослѣдствіи, кажется, петербургскій викарій Мелетій, умеръ), во время котораго онъ почувствовалъ отъ меня запахъ водки. Переполохъ, „Кукушка“, — помощникъ инспектора, — быстро сообразилъ, съ кѣмъ я чаще всего хожу, обнюхалъ и тѣхъ: „пахнетъ“.. Въ результатъ—предложеніе всѣмъ подать прошеніе. „Калигула“, инспекторъ Василій Алексѣевичъ Каючаревъ, далъ мнѣ честное слово въ аттестатѣ не мараť поведения и обмануль..

Передъ подачей прошенія я былъ у ректора, умоляя дать намъ возможность держать экзаменъ и получилъ характернѣйшій отвѣтъ:

— О-о. Тогда вы засвищете въ университетъ... Нѣтъ, нужно, чтобы вы всю жизнь каялись...

Мы были съ глазу на глазъ... Клянусь, у меня было желаніе броситься и задуть этого лицемерна и стоило величайшихъ усилій сдержаться... Въ числѣ преподавателей были форменные алкоголики, о прошломъ „Калигула“ наши отцы, его сверстники, рассказывали чудеса разгула и разврата... А тутъ самая обыкновенная школьническая пирушка наканунѣ роковаго дня...

ныхъ дверей висить дорожная сумка, полная патроновъ. На улицѣ уже слышны полицейскіе свистки,—куда дѣвать? Противъ меня жилъ нашъ-же со товарищъ Николай Сажинъ. Въ темнотѣ перебѣгаю улицу и успѣваю сдать сумку ему. Оказалось потомъ, что и это видѣли: у Сажина сдѣлали обыскъ, но сумка исчезла. Возвращаюсь и еще съ большимъ вниманіемъ обыскиваю квартиру и въ складкѣ между спинкой и сидѣньемъ мягкаго дивана нахожу громаднѣйшій заряженный бульдогъ. Вторично бѣжать черезъ улицу не рѣшалось, такъ какъ ясно слышу подъ окнами сдержанный разговоръ. Осторожно выхожу на дворъ, между заборомъ и будкой, «куда царь пѣшкомъ ходитъ», зарываю револьверъ, а чтобы скрыть слѣды свѣжей раскопки, сверху «сажусь»... Хитрость и на этотъ разъ удалась: на другой день жандармы весь дворъ обшарили, рылись въ мусорной кучѣ, рылись въ навозѣ, но это мѣсто осталось для нихъ «табу». Возвращаюсь, заглядываю въ печь, куда сметался комнатный хламъ, перебираю торопливо бумажки и вдругъ нахожу полулистъ почтовой бумаги, весь исписанный фразами: «прислать арестанта для допроса генераль маіоръ Ковалинскій». Упражнялись въ поддѣлкѣ... Въ дверь уже стучать.—Кто тамъ?—Отворите, приставъ... Торопливо сжигаю на свѣчѣ улику, пепель растаптываю ногами...

— Что вамъ угодно? — Кто здѣсь живетъ? — Я, студентъ Ефремовъ.—Прописаны?—Нѣтъ.—Пожалуйте въ часть для прописки.

Въ части протестую, требую скорѣйшей прописки и отпуска, но что-то медлятъ. Въ сосѣдней комнатѣ шепотъ: «немедленно доложи генералу, что въ квартирѣ проживаетъ Ефремовъ, задержанъ, какъ поступить.» Ну, теперь крышка, думаю: Ковалинскій меня знаетъ,—всего нѣсколько мѣсяцевъ я изъ собственныхъ его превосходительства въ руки чай пилъ. И дѣйствительно, вѣдьно задержать до утра... Посадили въ каталажку; окно довольно высоко, но доступно, выходитъ на частный дворъ, кирпичи у рѣшетки предмѣстниками «по пьяному дѣлу» полуразобраны,—бѣжать—сущіе пустяки. Но опять удержали прежнія соображенія. На утро уже честь другая. Явилась масса жандармовъ, городовыхъ, самъ полиціймейстеръ; меня одного посадили на извозчика и, окруживъ плотнымъ кольцомъ стражи, шагомъ повезли по городу на квартиру. Начался обыскъ, длившійся съ 9 час. до 5. Результатовъ никакихъ, я уже торжествую. Вдругъ приставъ Флавицкій наклоняется, поднимаетъ кусочекъ сгорѣвшей бумаги, что-то разсматриваетъ... На лицѣ торжество, подзываетъ жандармскаго офицера, прокурора... Я почти догадываюсь, когда, приставивъ ко мнѣ четырехъ здоровеннѣйшихъ жандармовъ, подзываютъ меня:—Прочтите, что вы на это скажете?—По темному полю совершенно сгорѣвшей бумаги бѣлыми буквами отчетливо видны слова: «прис... арес... Ковалинскій». Для меня все понятно: когда въ торопяхъ я сжигалъ и растаптывалъ листъ съ упражненіями въ поддѣлкѣ, кусокъ пепла вырвался и отлетѣлъ въ сторону... Тутъ-же на мѣстѣ сдѣлана экспертиза. Составляется по-

становленіе объ арестѣ, и вечеромъ я въ «клубѣ» «жандармовъ» и Яцевича, — одиночки наши выходили другъ надъ другомъ.

Отъ дачи какихъ бы то ни было показаній мы всё отказались, на чемъ и покончилось предварительное дознаніе. Система эта превосходная, разъ рѣшено себя не падить: изъ за насъ не привлекли буквально ни одной души и это было величайшимъ утѣшеніемъ во всёхъ слѣдующихъ огорченіяхъ. Но на судъ я чуть-чуть не «промазалъ». Спрашиваютъ: кто съ вами жилъ. — Отвѣчаю: студентъ медикъ, съ нѣмецкой фамиліей, но вспомнить не могу. — Сказалъ я это и остолбенѣлъ: фамилія соквартиранта дѣйствительно нѣмецкая, онъ медикъ-студентъ... Что, если перешупаютъ всёхъ медиковъ съ нѣмецкой фамиліей. Ихъ немного и это не такъ трудно. Къ счастью, основной отвѣтъ—забытіе фамиліи—такъ явно ложенъ, что и всему остальному не придали значенія.

Жандармы, однако, понимали, что, захвативъ только меня, они поживились, какъ собака мухою, и потому напрягали всё усилія для пополненія «штата». Свидѣтелямъ, напримѣръ, буфетчику гостиницы, въ которой Яцевичъ устраивалъ свиданія съ писмоводителемъ, квартирной моей хозяйкѣ и др., предъявлялась масса карточекъ, имѣвшихъ въ распоряженіи полиціи. Карточку Родина хозяйка признала похожей на то лицо, которое увозило вещи съ моей квартиры, и хотя было извѣстно, что увозилъ Будинскій и у него именно по этому поводу обыскъ дѣлалъ, начались поиски Петра Родина, крестьянина-мордвина изъ Самарской губ., раньше уже имѣвшего дѣло съ жандармами въ Самарѣ. Родинъ былъ знакомъ съ нашимъ кружкомъ, но въ это время проживалъ въ Кубанской области и объ освобожденіи Фомина не зналъ ни сномъ, ни духомъ.

Какъ-то въ тюрьмѣ къ форточкѣ подходитъ надзиратель и презрительно говоритъ: — «Вамъ въ сосѣди куку привезли,—сидить да все плачетъ»...

Вызываю сосѣда напротивъ.—Какъ фамилія?—Родѣ.—За что арестованы?—Положительно недоумѣваю...

Родѣ держали ровно до того дня, когда къ намъ привезли Родина. Очевидно Родѣ сидѣлъ за Родина, хотя онъ еврей, студентъ и похожъ на Родина, какъ укусъ на колесо... И его счастье, что Родина арестовали, потому что иначе Родѣ съ такимъ же точно основаніемъ послали бы на вѣчную каторгу, какъ осудили Родина.

Меня крайне забавляло неожиданное мое превращеніе изъ сѣренькаго студента-ветеринара въ важнаго государственнаго преступника. Первый мѣсяцъ на прогулку выводили только послѣ вечерней повѣрки, когда всё арестанты были уже подъ замкомъ, и не иначе, какъ въ сопровожденіи четырехъ спеціально командруемыхъ жандармовъ. Рааумѣется, помпа эта не мѣшала намъ имѣть самыя широкія сношенія съ волей.

Сидимъ нѣсколько мѣсяцевъ, два раза бунтъ устроили,—развезли за это всёхъ по уѣзднымъ тюрьмамъ, оставивъ въ

Харьковъ меня—въ тюрьмѣ и Яцевича—въ арестантскихъ ротахъ.

Какъ-то посѣщаетъ тюрьму прокуроръ судебной палаты Мечниковъ.— Въ какомъ положеніи наше дѣло?— Не могу васъ утѣшить: направлено въ административномъ порядкѣ, — Архангельской губерніи не миновать...

Досидѣли до апрѣля, когда выстрѣлъ Соловьева перевернулъ все вверхъ дномъ: введены генераль-губернаторства, военные суды; по провинціямъ разѣзжалъ главный военный прокуроръ (кажется, Философовъ) и давалъ инструкцію направлять все безъ исключенія дѣла по статьямъ, влекущимъ смертную казнь. Перекрикиваясь съ Родинымъ, — насъ только двое и было тогда въ тюрьмѣ, — мы шутили: — А что какъ возьмутъ, да и осудятъ насъ къ смертной казни?... Ха-ха-ха“.

Прямо съ ветлянской чумы въ Харьковъ назначенъ былъ генераль-губернаторомъ Лорисъ-Меликовъ. По русскому обычаю, одинъ изъ первыхъ административныхъ визитовъ — въ тюрьму. Заходитъ Лорисъ ко мнѣ. — Давно сидите? — 10 мѣсяцевъ. — Нужно ускорить, нужно ускорить...

Дѣлюсь радостной вѣстью съ Родинымъ. Онъ тоже доволенъ. Въ концѣ іюля вызываютъ въ контору и подъ густымъ конвоемъ сплошной цѣпью черезъ весь почти городъ ведутъ въ военно-окружный судъ вручать обвинительный актъ. . . Обвиняется по 279 ст. Спрашиваю секретаря: а что это за статья? — А вотъ прочтите. — Читаю: за бунтъ противъ власти верховной, за покушеніе ниспровергнуть и т. д. виновные подвергаются смертной казни. Попустители, укрыватели, пособники и недоносители подвергаются тому же наказанію... Покорно благодарю, — это вмѣсто Архангельской-то губерніи... Но что же было дѣлать «армяшкѣ»? Присланъ сокрушать Крамолу, а ее, какъ на зло, нѣтъ да нѣтъ въ Харьковѣ. Поневоля приходится выкапывать дѣла изъ архивовъ...

Наше дѣло было все же относительно свѣжо, а вотъ дѣло Ястремскаго, Чугуевца и др. ужъ совсѣмъ архивное. Еще въ 76 году арестованъ былъ по доносу провокатора чисто пропагандистскій кружокъ Ястремскаго, скоро, впрочемъ, выпущенный изъ тюрьмы. Самъ С. В. Ястремскій бѣжалъ за границу, но стосковавшись по родинѣ, въ 1878 г. воротился и объявился въ жандармское правленіе; несмотря на это былъ арестованъ. Съ его появленіемъ ихъ дѣло быстро пошло къ концу, и въ томъ же году часть, въ томъ числѣ и Ястремскаго, отправили въ административную ссылку, другая ничѣмъ не пострадала и, напр., Чугуевецъ, къ тому времени настолько поправѣвшій, что на одной изъ сходовъ публично высмѣивалъ формулу „свобода, равенство и братство“, — спокойно заканчивалъ университетъ. Лорисъ потребовалъ къ себѣ для пересмотра рѣшенное по высочайшему повелѣнію дѣло, воротилъ изъ ссылки обвиняемыхъ, предалъ военному суду, который приговорилъ четверыхъ на каторгу. Лорисъ утвердилъ каторгу только для Ястремскаго, а прочихъ

великодушно помиловаль... Это тѣ знаменитые „трое нигилистовъ“ (въ числѣ ихъ и Чугуевецъ!), которые съ тѣхъ поръ непремѣнно фигурировали на страницахъ тогдашней русской и иностранной печати, доказывавшей, сколь великодушны Лорисъ-Меликовъ...

Ожидая суда, мы очень сѣтовали, что процессъ будетъ безъ дамы. Дня за три до врученія актовъ надзиратель говоритъ мнѣ: — Барышня просили у васъ прислать чаю, сахару. — Какая барышня? — Да по вашему же дѣлу. — Что вы плетете, никакой барышни у насъ нѣтъ...

Обвинительный актъ все разъяснилъ: оказывается, мы и не знали, что мы, вмѣстѣ съ г-жей Е. И. Савенко, «составили преступное сообщество съ цѣлью ниспровергнуть существующую власть, для чего и пытались освободить Фомина»... Никому изъ насъ тогда неизвѣстная Е. И. Савенко, оказывается, по просьбѣ Свириденко, заказывала въ Кіевѣ портному жандармскіе мундиры, до чего добрались по клеймамъ, забытымъ на мундирахъ.

3 іюля я въ первый въ жизни разъ ѣздилъ въ каретѣ, — не въ тюремной, а настоящей, взятой изъ свадебнаго бюро. Въ нихъ подъ цѣпью донцовъ съ пиками наперевѣсь, направленными въ окна каретъ, насъ возили въ судъ. У суда (на Старо-Московской) и во дворѣ его — цѣпный лагерь.

Никогда, ни раньше, ни потомъ, я въ жизни не переживалъ такого веселаго времени, какъ три дня суда (съ 3 по 6 іюля). Даже теперь вспоминается оно съ удовольствіемъ. Нѣсколько омрачало мое настроеніе только секретное сообщеніе мнѣ моего защитника, пом. секретаря военно-окружнаго суда Михайловскаго (гражданскихъ защитниковъ не допускали), что одного рѣшено приговорить къ смертной казни. — Кого? — Должно быть, Березнюка; онъ своей фамиліи не открываетъ, и этому придаютъ особое значеніе. Его считаютъ по манерамъ семинаристомъ, а „простоту“ онъ напускаетъ.

Нужно отдать справедливость непроницательности полиціи, — Березнюкъ былъ матросъ черноморскаго флота и выдавалъ себя на каждомъ шагу: полъ у него обязательно палуба, лѣстница — трапъ... Онъ былъ ученикъ Виттенберга (повѣшенъ въ Николаевѣ) и вынужденъ былъ скрыться послѣ неосуществившейся попытки Виттенберга взорвать мину при проѣздѣ Александра II изъ Крыма. Ничего этого тогда власти не знали, и потому я утѣшался тѣмъ, что защитникъ преувеличиваетъ.

Защиту свою мы построили на полномъ отрицаніи всякаго участія, кромѣ „жандармовъ“, которые придумали цѣпныя, довольно таки нелѣпыя, неблудныя; Березнюковская версія, впрочемъ, вся проникнута была такимъ неподражаемымъ хохлацкимъ юморомъ, что мы всѣ лопались отъ смѣха.

Моя версія задумана была удачно. Передъ форточкой моей камеры каждую недѣлю въ корридорѣ (зимою) формировались партіи пересылаемыхъ въ уѣздныя тюрьмы, въ томъ числѣ въ богодуховскую, куда перевезенъ былъ Рашко. Черезъ пересы-

лаемыхъ я съ нимъ списался, и вотъ Рашко подаетъ заявленіе: въ бытность въ Харьковской тюрьмѣ онъ изъ окна видѣлъ на прогулкѣ человѣка, похожаго на того, къ которому онъ заходилъ до ареста въ квартиру по билету на окнѣ: „передается квартира“. Если этотъ человѣкъ содержится по его дѣлу, то онъ хотѣлъ бы имѣть очную ставку. Рашко привезли въ Харьковъ, очную ставку дали. На допросъ я подтвердилъ, что квартиру хотѣлъ передать, собирался поселиться съ Буцинскимъ, почему послѣдній и перевозилъ къ себѣ часть вещей. Въ своихъ показаніяхъ я прибавилъ, что теперь для меня понятно роковое появленіе клочка пепла: Рашко могъ обронить, а сжегъ, конечно, я вмѣстѣ съ другимъ хламомъ при уборкѣ комнаты.

Не знаю, вѣрили ли, или нѣтъ жандармы этой версїи, но имъ она была невыгодна, если бы была сама истина. Они упустили главнейшїе и должны были для зарекомендовки своихъ способностей, создать главаря. Выборъ палъ на меня. Версїя моей защиты все таки была вѣроподобна, ее нужно опровергнуть, — и вотъ выдвигается форменный лжесвидѣтель...

До своего суда я много разъ слышалъ рассказы о лжесвидѣтеляхъ, создаваемыхъ жандармами, но, грѣшный человѣкъ, не вѣрилъ, полагая, что это такая же легенда, какъ и рассказы о поркахъ въ третьемъ отдѣленїи. Только послѣ своего суда я твердо узналъ, что, дѣйствительно, бываетъ...

Дѣло наше слушалось безъ предварительнаго слѣдствїя, на основанїи данныхъ первоначальнаго дознанїя, и потому многое впервые вышлывало на судѣ. Въ числѣ ихъ было показанїе пристава Флавицкаго, буквально огорошившее меня. Выступалъ онъ со стороны обвиненїя. Онъ показалъ: въ день попытки освобожденїя Фомина помощ. приставъ Земборскїй докладывалъ ему, Флавицкому, что къ нему являлся извозчикъ, который заявилъ, что онъ возилъ изъ квартиры Ефремова жандармовъ.

— Показанїе Земборскаго въ дѣлѣ есть?

— Онъ докладывалъ устно.

— Я желаю допросить самого Земборскаго.

— Онъ переведенъ въ Черниговъ и за дальностью разстоянїя на судъ не могъ явиться.

— Извозчика вы знаете?

— Нѣтъ, не нашли...

Къ удивленїю, ни судъ, ни прокуроръ, ни даже защитникъ не вмѣшались въ допросъ, и приставъ побѣдоносно удалился.

Дѣло-то въ томъ, что переодѣванье жандармовъ происходило въ яру, въ университетскомъ саду, совсѣмъ въ другомъ концѣ города. Оттуда же „жандармы“ вышли и поѣхали въ тюрьму. Штатская одежда „жандармовъ“ была оставлена въ томъ же яру, была подобрана полицїей, настолько не сомнѣвашейся въ происхожденїи этихъ костюмовъ, что тѣ лежали передъ глазами судей на столѣ вещественныхъ доказательствъ. И на это никто, ровно никто не обратилъ вниманїя. Свидѣтель-лавочникъ, жившїй противъ моей квартиры, вызванный обвиненїемъ, торжественно за-

явилъ, что въ теченіе 15 лѣтъ, какъ онъ живетъ здѣсь, ни разу онъ не видалъ жандармовъ. Это тоже пропустили мимо ушей...

Это былъ козырный ходъ, послѣ котораго игра моя была явно проиграна. Ложная система защиты, принятая „жандармами“, не давала мнѣ возможности указать на то, что переодѣванье и выѣздъ имѣли мѣсто въ университетскомъ саду: это значило бы въ корень опровергнуть ихъ защиту, такъ какъ они указывали мѣстомъ переодѣванья какой-то имъ неизвѣстный домъ. Сами они какъ-то не догадались сдѣлать это, мнѣ стыдно было обращать на это ихъ вниманіе, такъ какъ тогда мое положеніе ухудшалось на ихъ счетъ, а я вѣдь зналъ, что именно одному изъ нихъ грозитъ казнь. . . И я махнулъ рукой.

Петра Родина обвинили въ томъ, что онъ—Ивичевичъ; буфетчикъ гостиницы, въ которой происходили переговоры съ письмоводителемъ, показалъ, что «будто-бы немного походить»,— въ дѣйствительности между ними сходаства никакого. Главнаго свидѣтели-письмоводителя какъ-бы не существовало; о немъ, какъ и вообще о всей закулисъ, на судѣ не упоминалось ни слова: суду это было невыгодно, а намъ мѣшала наша система сплошного отрицанія. Родину же приписано было авторство одной телеграммы, почеркъ которой первоначальная экспертиза признала нѣсколько сходнымъ съ почеркомъ Родина. Но на судѣ, послѣ присяги, четыре эксперта признали, что почеркъ не его. Тѣмъ не менѣе обвиненіе осталось. Родинъ доказывалъ свое алиби, — его свидѣтелямъ не вѣрили...

Объ обвиненіяхъ противъ другихъ я распространяться не буду, — фактически они близки къ истинѣ.

Прокуроръ Савинковъ — „честный судья“ подъ старость, — тогда безчестно топилъ истину и требовалъ для всѣхъ смертной казни. Особенно краснорѣчиво доказывалъ онъ, что 19-лѣтняго Яцевича обязательно нужно повѣсить, и ссылался на кассационное рѣшеніе сената, по которому въ 60 годахъ былъ казненъ въ Тамбовѣ несовершеннолѣтній убійца цѣлой семьи...

Защитниками были все кандидаты на военно-судебныя должности; лучший изъ нихъ, кажется, былъ мой — пом. секр. Михайловскій, начавшій рѣчь такъ:

— „Подсудимый Ефремовъ дѣйствительно заслуживаетъ смертной казни, но“ и т. д. Такое начало, впрочемъ, сдѣлано съ моего согласія послѣ довода г. Михайловскаго, что ему только послѣ долгихъ лѣтъ удалось добиться назначенія помощникомъ секретаря, и потому прямая защита опасна для его карьеры...

Защитникъ Е. И. Савенко варіировалъ мысль, что прошли тѣ времена, когда колокола сѣкли и отправляли въ ссылку въ Сибирь...

Лучше всѣхъ отличился защитникъ Родина. Онъ, доказывая неспособность Родина участвовать въ политическомъ движеніи, началъ такъ поносить его, что Родинъ не выдержалъ и среди рѣчи попросилъ слова.

— Я, — заявилъ онъ, — не уполномочивалъ на такую систему защиты и отказываюсь отъ защитника.

Вышелъ скандалъ, судъ прервалъ засѣданіе. Въ слезахъ сбѣгаетъ защитникъ Родина въ нашу комнату:

— Г. Родинъ, ради Бога, спасите. Пятнадцать лѣтъ состою кандидатомъ на судебныя должности, предсѣдатель говоритъ, что если вы не возьмете своего отказа обратно, онъ меня уволитъ...

Родинъ согласился.

— Подсудимый Ефремовъ, ваше послѣднее слово.

Что я имъ скажу? Не выворачивать же душу на этомъ совѣтѣ нечестивыхъ... И я началъ заполнять пробѣлы рѣчи защитника, упустившаго массу защитительнаго матеріала. Я разбиралъ пунктъ за пунктомъ рѣчь прокурора, показавъ, что онъ одно недоказанное обвиненіе подкрѣплялъ другимъ недоказаннымъ же, а въ итогѣ — висѣлица. Она дѣйствительно имѣла такую структуру. Въ его рѣчи особенно пикантно было слѣдующее: единственное вещественное доказательство, найденное у меня, достаточно изобличаетъ мою преступность; но еще больше изобличаетъ то, что никакихъ другихъ уликъ не оказалось, такъ какъ это только доказываетъ, съ какимъ опытнымъ и закоренѣлымъ преступникомъ судъ имѣетъ дѣло...

Прокурору казалось, что послѣ моего слова жертва вырывается изъ петли, и онъ постарался затянуть ее потуже. Вопреки судебнымъ традиціямъ, онъ требуетъ себѣ слова, чтобы отвѣтить на мое «послѣднее слово»... Судъ пораженъ, уходитъ въ совѣщательную комнату, — слово прокурору дано... и вновь висѣлица, висѣлица... Отъ вторичнаго «послѣдняго слова» я отказался.

Родинъ выбралъ содержаніе послѣдняго слова неудачно. Умница, широко начитанный, философъ по характеру и по склонностямъ, Родинъ старался доказать, что онъ только либераль и «дальше „Отечественныхъ Записокъ“ не пошелъ». Послѣдняя фраза мнѣ запомнилась буквально, потому что ее подхватила реакціонная печать въ своихъ нападкахъ противъ легальной печати, доказывая тождество ея съ «нигилизмомъ».

Рѣчь Яцевича была блестяща, но я ее рѣшительно теперь не помню.

Приговоръ поразилъ всѣхъ своей несоразмѣрностью съ дѣяніями, даже принимая ихъ въ формулировкѣ обвинительнаго акта: одного къ смертной казни, — этимъ однимъ оказался я; Рашко, Березнюка и Родина — къ безсрочной каторгѣ; Яцевича — на 15 лѣтъ. Е. П. Савенко — къ 12 годамъ съ замѣной поселеніемъ. А передъ судомъ мой защитникъ, между прочимъ, говорилъ: — Счастье ваше, что предсѣдательствовать на судѣ будетъ не самъ предсѣдатель, находящійся въ отпуску, а его товарищъ (или какъ онъ тамъ назывался) Г. М. Лейхтъ. Это чловѣкъ мягкій...»

Особенно обидно было за Родина, непричастнаго ни въ какомъ смыслѣ къ дѣлу. Его это угнетало и выдержалъ онъ не-

долго. После тифа въ иркутской тюрьмѣ его разбилъ параличъ. Еще не оправившагося его прислали на каторгу. Здѣсь подъ толчкомъ одной семейной исторіи, которая при другихъ условіяхъ только скользнула-бы по философу, временно выбивъ его изъ колеи, онъ отравился растворомъ спичекъ и умеръ, не выживъ и года Кары.

Скоро свихнулся и Рашко, но въ другомъ смыслѣ. Еще дорогой въ вагонѣ онъ началъ, повидимому, симулировать маію предлогованія. По прибытіи въ Иркутскъ онъ подъ тѣмъ же предлогомъ попросился въ одиночку и оттуда написалъ Лорисъ-Меликову, тогда уже начальнику верховной распорядительной комиссіи, прошеніе о помилованіи, открылъ свое настоящее имя, рассказалъ подробно о нашемъ дѣлѣ. Такимъ образомъ третье отдѣленіе уже тогда знало всю закулисную сторону дѣла и степень нашего участія. Родивъ тогда еще живъ былъ и его не освободили...

А Рашко, несомнѣнный уголовный, былъ помилованъ и поселенъ въ Тюмени, гдѣ, впрочемъ, скоро умеръ. Это одно достаточно характеризуетъ пресловутую „гуманность“ Михаила Таріеловича¹⁾.

¹⁾ На своемъ вѣку я зналъ нѣсколько распропагандированныхъ уголовныхъ и всѣ они кончили очень скверно.

Иванъ Ципловъ— крупный уголовный; его рѣчь, въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ, гдѣ онъ судился подъ фамиліей Гармановъ (Гарный тожъ) отмѣчена Ядринцевымъ въ его книгѣ „Сибирь, какъ колонія“. Въ Западной Сибири онъ сошелся съ политическими ссылными, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Россію съ порученіями, которыя добросовѣстно исполнялъ. Въ послѣднюю поѣздку былъ арестованъ, оказалъ вооруженное сопротивленіе, присужденъ къ смерти и помилованъ на каторгу. Моноотность режима нашей каторги невыносима для такихъ натуръ, на своей каторгѣ привыкшимъ и къ большому простору, и возможности испытывать сильныя ощущенія, хотя бы въ картахъ, попойкахъ, дракахъ. И онъ выдалъ конспиративныя тюремныя мелочи, былъ переведенъ въ уголовные и окончательно опустился.

Овчяниковъ— „золотая ручка“ кievскихъ карманщиковъ. Молодой, подвижной, рѣшительный. Распропагандированъ, кажется, тѣмъ же Избицкимъ. Убилъ шпіона, приговоренъ къ смерти, произнесъ блестящую, вызывающую рѣчь, написанную, впрочемъ, Малавскимъ. Съ нимъ носился, имъ увлекались. На меня произвелъ непріятное впечатлѣніе хищнической лицевой уголъ и горящіе глаза вырожденца. Въ обществѣ ему скоро нашли настоящую цѣну и, кажется, это-то охлажденіе послужило толчкомъ къ тому, что онъ выдалъ подкопы, буръ и кое какое оружіе въ тюрьмѣ, былъ переведенъ въ Александровскую централку, гдѣ и отбылъ срокъ.

Мельниковъ— подобранъ былъ покойнымъ Санковскимъ изъ босяковъ, имъ же привлеченъ къ участію въ покушеніи на Черевина. Осужденъ на каторгу. Скоро подаль прошеніе о помилованіи и выпущенъ въ вольную команду. Не помню, выдалъ-ли что, но что его жандармы считали на это способнымъ, доказываетъ такой случай: какъ-то жандармъ, ведшій нашу секретную переписку съ волей, въ темнотѣ передалъ почту ему. Замѣтивъ свою ошибку, потребовалъ почту назадъ и пригрозилъ: если ты скажешь коменданту, то я тебя пристрѣлю изъ этого вотъ револьвера...

Оссовскій— какъ уголовный сошелся въ Енисейскѣ съ политическими. Наслушавшись всякихъ рѣчей и не переваривъ ихъ, онъ подаль на высочайшее имя прошеніе о помилованіи въ такихъ сверхпословныхъ выраженіяхъ, что его сочли сумасшедшимъ. Назначено было испытаніе умственныхъ способностей. Собралась комиссія и предлагаетъ ему просклонять слово трагеса. Оссовскій начинаетъ: дуракъ, дурака, дураку... Онъ— заика и эффектъ получается необычайный. Признанъ здравомыслящимъ и осужденъ на каторгу, гдѣ дѣлалъ попытки вести себя даже заносчиво— въ отношеніи нѣко-

Приговоръ былъ неожиданъ ни для меня, ни для кого другого. Каторгу, хотя-бы и безсрочную, я принялъ-бы легко,—къ этому я готовился, какъ къ неизбежной судьбѣ русскаго социалиста, съ мыслью о ней я свылся. Но смертная казнь—о ней мы все думали только въ шутку. Да она и не вытекала изъ существа нашихъ воззрѣній. Нашъ кружокъ возникъ и закончился въ періодѣ безвременья, когда интеллигенція разочаровалась въ хожденіи въ народъ, въ мирной идейной пропагандѣ и нащупывала новыя формы.¹⁾ Въ 1878 г. шли горячіе споры между приверженцами „городской“ и „деревенской“ дѣятельности. Люди самыя близкіе раскалывались по этимъ двумъ категориямъ, но пока теоретически. Не было еще сѣздовъ ни Липецкаго, ни Воронежскаго, когда опредѣлилось теченіе Народной Воли; всего осенью 1878 г. вышли первые номера „Земли и Воли“. Словомъ, мы ни въ какомъ случаѣ не были террористами, отрицательно относились къ царевубійству и съ этой точки зрѣнія оцѣнивали даже выстрѣлъ Соловьева. И вдругъ насъ судятъ, какъ террористовъ.

Я пережилъ ужасные моменты въ первыя минуты послѣ приговора; описать это состояніе у меня не хватаетъ словъ. Но мысли о подачѣ прошенія о помилованіи у меня не являлось. Только на другой день, послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ, меня защитникъ вызвалъ въ какую-то комнату окружнаго суда, гдѣ какіе-то судейскіе члены и, кажется, адъютантъ Лориса заявили мнѣ, что если я подамъ прошеніе о помилованіи, то казни не будетъ. Тутъ-же предложили готовое прошеніе, оставалось только подписать. Все это для меня происходило въ какомъ-то туманѣ. Прочитавъ прошеніе, я нашелъ форму рабскихъ выраженій безусловно неприемлемой и отказался. Но мысль была брошена, а я чувствовалъ, что не могъ-бы умереть съ достоинствомъ, и бодро пойти на эшафотъ. Сопроцессники рѣшили облегчить мнѣ выходъ путемъ пожертвованія собственнымъ достоинствомъ: они *все* подали прошеніе о помилованіи, чтобы облегчить такой же шагъ и для меня. Мнѣ показывали ихъ. Написаны они были съ достоинствомъ, въ исполнѣ приемлемыхъ выраженійхъ. Я согласился на такую же форму. Но черезъ защитника мнѣ дали знать, что для меня, приговореннаго къ смерти, такой тонъ

торныхъ. Во время одной изъ такихъ попытокъ, получивъ аффронть, угрожавшій разоблаченіемъ нѣкоторыхъ скверныхъ его продѣлокъ, подалъ прошеніе о помилованіи, переведенъ въ команду, но выдавать ему уже почти нечего было, кромѣ, помнится, нѣкоторыхъ библиотечныхъ тайнъ, да настроенія тюрьмы, въ тяжелое время голодовокъ, порки Н. Сигиды, отравленій...

¹⁾ Первая прокламація Исполнительнаго Комитета „Новое направленіе“ и т. д. (напечатана въ „Быломъ“) была распространена въ августѣ 1878 г. Въ Курскѣ распространить ее было поручено мнѣ. Рѣшено было разослать по почтѣ. Мой почеркъ жандармамъ уже былъ извѣстенъ и потому я обратился къ окончивавшему гимназисту Р. Дѣло сошло вполне удачно, но за него пошла въ ссылку въ Красноярскъ акушерка-фельдшерница Ширмеръ. Жандармы нашли, что ся почеркъ схожъ съ надписями на конвертахъ. Г-жа Ширмеръ не подозрѣвала о существованіи прокламаціи и съ нею я во сей день незнакомъ. Такова жандармская экспертиза.

прошения допустить нельзя... Оставалось всего нѣсколько часовъ до вступленія приговора въ силу, защитникъ привезъ новую редакцію готоваго прошения. Было здѣсь и отреченіе отъ своихъ убѣжденій, и „припадаю къ стопамъ“... Краска жгучаго стыда заливаешь мое лицо и теперъ, спустя 28 лѣтъ послѣ этого... Я подпisałъ...

Я нѣсколько распространился объ этомъ потому, что этотъ ужасный шагъ я считаю самымъ постыднымъ въ моей короткой политической жизни и на шестомъ десяткѣ лѣтъ не могу отдѣлаться отъ гнетущаго чувства при воспоминаніи о немъ.

Долженъ сказать къ чести своихъ товарищей по Карѣ и ссылкѣ,—никто никогда ни единымъ намекомъ не дотрагивался до этого больнаго мѣста и всетаки при всякомъ теоретическомъ спорѣ, при всякихъ экскурсіяхъ въ прошлое неотступно встаетъ упрекъ: а всетаки ты не въ состояніи умереть за свои убѣжденія...

Философъ по склонностямъ и натурѣ Яцевичъ, наоборотъ, видѣлъ въ этомъ исходѣ процесса даже хорошій результатъ: публика изъ массовой подачи прошеній увидитъ, какихъ мало частныхъ къ движенію и неважныхъ людей такъ жестоко осуждаютъ, и тѣмъ больше будетъ ея негодованіе противъ правительства. Негодованіе дѣйствительно было велико: приговоръ былъ тогда безпримѣренъ по своей жестокости и особенно въ сопоставленіи съ тѣмъ, что самъ Фоминъ, участникъ попытки освобожденія Войнаральскаго, окончившій убійствомъ жандарма, приговоренъ былъ судебной палатой къ 20-ти годамъ каторги...

Случается, что ложь, часто повторяемая, заставляетъ вѣрить въ нее самихъ лжецовъ. Такъ было и съ жандармами: умышленно возведя меня въ званіе главара харьковскихъ революціонеровъ, они стали считать это непререкаемымъ фактомъ и сообразно съ этимъ и воздѣйствовать на меня. Когда мать, прося свиданія со мной, послѣ приговора была у жандармовъ, то ей прямо рекомендовали предложить мнѣ „перемѣнить арестантскій костюмъ на обыкновенный“, если только я скажу, кто такой Фоминъ и кто убилъ харьковскаго губернатора кн. Кропоткина. Мать, вида, какое ужасное впечатлѣніе произвело на меня это предложеніе, явно показывающее, что подъ ножомъ вырванныя выраженія раскаянія поняты были до такой степени за чистую монету, что меня считали способнымъ на предательство, больше не возвращалась къ этому предмету.

Интересно вотъ что: Кропоткинъ былъ убитъ, когда я уже давно сидѣлъ въ тюрьмѣ, и тѣмъ не менѣе меня спрашивали объ убившемъ его,—очевидно въ серьезъ увѣровали, что безъ меня вода не освятится. Я дѣйствительно зналъ кое-что объ убійствѣ Кропоткина, но совершенно случайно. Въ это время въ тюрьмѣ сидѣлъ харьковскій студентъ Ск—нъ, бывшій ранѣе студентомъ кіевского университета. Дня за три до убійства Кропоткина наша тайная почта, въ числѣ другихъ, принесла записочку и С—ну, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Пріѣхалъ изъ Кіева на

короткое время обдѣлать одно хорошее дѣльцо. Гришка." Въ тюрьмѣ дѣлятся всякими мелочами, и Ск—нѣ прислалъ мнѣ и эту записочку. Вечеромъ въ разговорѣ черезъ окно онъ сообщилъ мнѣ, что Гришка—это нѣкто Гольденбергъ, его знакомый по кievскимъ кружкамъ, „неважный человѣкъ, но очень смѣлый“. Когда Кропоткина черезъ три дня убили, для меня не было сомнѣнія въ связи между Гольденбергомъ и убійствомъ Кропоткина.

Кто такой Фоминъ, я узналъ въ тюрьмѣ отъ самаго Фомина, но до того никогда его не видѣлъ и не имѣлъ о немъ ровно никакого представленія. Жандармы же до того мало были знакомы съ психологіей революціонера, что не допускали мысли, чтобы можно было освобождать лично совершенно незнакомаго человѣка.

На этомъ не кончились попытки утилизировать меня для сыска. Очевидно, предполагая, что мое „упорство“ зависить отъ давленія товарищей, они неожиданно всѣхъ отправляютъ на каторгу, меня же оставляютъ въ Харьковѣ. Разъ среди глубокой ночи отворяется камера, и ко мнѣ садятъ какого-то прилично одѣтаго господина. Совмѣстное помѣщеніе у насъ не практиковалось, и я сразу же насторожился, хотя все время виду не подавалъ. Субъектъ назвался политическимъ пересыльнымъ, казался очень взволнованнымъ. Характеръ выдерживалъ довольно твердо и только на третій день осторожно, мимоходомъ, навелъ разговоръ на то, кто Фоминъ, кто убилъ Кропоткина, много-ли революціонеровъ въ Харьковѣ и т. п. Но если-бы я самъ былъ не догадливъ, то уголовные открыли бы мнѣ глаза. Окно моей камеры выходило на дворъ, гдѣ они гуляли. И вотъ то и дѣло, уловивъ минуту, когда стража на нихъ не смотритъ, они, оборотаясь къ моему окну, показывали языкъ и сдавливали шею. „Языкъ“—на тюремномъ жаргонѣ значитъ шпионъ, котораго мнѣ и рекомендовали придушить. Я рѣшилъ иначе,—и виду не показавъ, что я знаю, съ кѣмъ дѣло имѣю, развлекался съ нимъ, оказавшимся человѣкомъ бывалымъ, разговорами, но отъ меня онъ не выудилъ ни одного нужнаго ему звука, и черезъ недѣлю его убрали.

Какъ то мать и сестра приходятъ на свиданіе. Ихъ просятъ—обождать, а въ это время меня заковываютъ въ кандалы, обриваютъ половину головы и только тогда ведутъ на свиданіе. Кто не видѣлъ такого преображенія, не пойметъ того ужаснаго впечатлѣнія, которое оно производитъ на свѣжаго человѣка. Это какъ бы половинки двухъ разныхъ лицъ, склеенныя вмѣстѣ. Съ матерью обморокъ, слезы... Лично на меня все это издѣвательство ровно никакого впечатлѣнія не произвело, а кандалы даже нравились: когда ихъ снимаешь, такое хорошее, легкое состояніе, точно у тебя крылья выросли. Но меня глубоко возмущало издѣвательство надъ родными: вѣдь могли-бы продѣлать маскарадъ послѣ свиданія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ безусловно незаконенъ,—такъ какъ надъ привилегированными обрядъ этотъ могъ совершаться только по прибытіи на каторгу. Это понялъ даже архаическій тюменскій приказъ о ссыльныхъ, „возстановившій меня въ правахъ“ разрѣшеніемъ обрить и вторую половину головы.

Но „армяшкѣ“ нуженъ былъ эффектъ, чтобы заставить меня во благо его карьеры совершить подлое дѣло.

6 августа въ 3 часа у меня должно было быть свиданіе съ матерью и сестрой. Около этого времени меня вызываютъ въ контору, гдѣ я засталъ жандармскаго офицера Голубя. Онъ смотрѣлъ на меня злыми желтыми глазами.

— Что скажете?—Задастъ онъ вопросъ.

— Вы меня вызывали.

— Вы намъ ничего не скажете?

— Я мой отвѣтъ далъ.

— Смотрите, послѣ будете каяться, но будетъ поздно: черезъ часъ васъ отправляютъ на каторгу.

— Я только этого и хочу.

— Ну, такъ идите,—злобно прошипѣлъ жандармъ.

Но за эту неудачу онъ жестоко отмстилъ... матери и сестрѣ: когда въ 3 часа онѣ пришли на свиданіе, ихъ попросили придти въ 4. Но когда онѣ снова явились, меня уже поѣздъ уносилъ на каторгу...

Дѣло наше очень мелко и ни въ малой мѣрѣ не вліяло на ходъ событій, какъ и сами мы люди мелкаго калибра—пушечное мясо революціи, статисты. Но мнѣ казалось, что заглянуть за кулисы провинціальной конспираціи и въ душу статиста не безынтересно. Вѣдь подобная намъ масса статистовъ образовала ту канву, на которой черезъ годъ вышивала свои историческіе узоры великая „Народная Воля“...

Впрочемъ, нужно сдѣлать оговорку: изъ „мы“ нужно исключить Н. В. Яцевича. Въ кружкѣ мы его цѣнили, но какъ то не замѣчали его превосходства надъ собой. Опѣвилъ его сторонній человѣкъ,—С. Н. Южаковъ, встрѣтившійся съ Н. В. въ Мценской центральной пересыльной тюрьмѣ.

Я попалъ въ нее уже по отъѣздѣ моихъ сопроцессниковъ. Заговоривъ какъ то о нашемъ дѣлѣ, С. Н. отозвался о Яцевичѣ буквально такъ:

— Какой геніальный юноша!

Фразу эту я запомнилъ именно потому, что въ мелочахъ текущихъ конспирацій превосходству Яцевича не на чѣмъ было проявиться и мы не замѣчали этого превосходства. . .

Беззаконный судъ и долгая—долгая каторга съѣли силы и этого исключительнаго человѣка...

В. С. Ефремовъ.



Документъ къ дѣлу Валеріана Лукасинскаго ¹⁾).

Министерство Военное. Канцелярія Министерства. По секретной части. Въ Санктпетербургѣ. 5 іюня 1850 года, № 111. О Государственномъ преступникѣ Валеріанѣ *Лукасинскомъ*. Его Сіятельству Графу А. Ѳ. Орлову.

Милостивый Государь, Графъ Алексій Ѳедоровичъ!

Предписаніемъ моимъ отъ 21-го Декабря 1830 года за № 761, объявлено Шлиссельбургскому Коменданту, Высочайшее повелѣніе, доставленнаго изъ Бобруйска преступника Царства Польскаго *Лукасинскаго*, принять и содержать въ Шлиссельбургской крѣпости, какъ Государственнаго преступника самымъ тайнымъ образомъ, такъ что бы, кромѣ Коменданта крѣпости, никто не зналъ даже его имени и откуда привезенъ въ заключеніе.

Въ Маѣ сего года, во время отсутствія Вашего Сіятельства изъ Санктпетербурга, Управляющій 3-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отношеніемъ № 1018, просилъ сообщить ему, о преступленіи *Лукасинскаго* и о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ суда.

Въ слѣдствіе сего, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что во вѣренномъ мнѣ Военномъ Министерствѣ хранятся въ глубокой тайнѣ:

1) Секретное дѣло, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ для перевода Государственнаго преступника *Лукасинскаго* изъ Бобруйска въ Шлиссельбургскую крѣпость.

и 2) Запечатанный конвертъ, заключающій присланныя Генераломъ Фельдмаршаломъ Княземъ Варшавскимъ, о преступникѣ Царства Польскаго *Лукасинскомъ* и сопряченныхъ его заговору лицахъ, нѣкоторыя бумаги и черновые весьма перемаранные отпуски, которые найдены были въ Архивахъ: военнаго Отдѣленія Главнаго Секретаріата покойнаго Цесаревича и Канцеляріи Сенатора Новосильцева и въ описи сего дѣла, имѣется отмѣтка, что другія хранившіяся въ секретномъ Архивѣ дипломатическаго Отдѣленія Секретаріата бумаги о *Лукасинскомъ*, захвачены въ 1830 году Польскими мятежниками.

Изъ оставшихся же въ цѣлости бумагъ, имѣются о преступленіи *Лукасинскаго*, слѣдующія свѣдѣнія:

Служавшій въ 4-мъ Линеяномъ полку бывшей Польской Арміи, Маіоръ Валеріанъ *Лукасинскій*, былъ главнымъ основателемъ въ 1819 году тайнаго общества подъ названіемъ *національнаго Масонства*.

Это общество, учрежденное подъ видомъ взаимной помощи и поддержанія національности, *Лукасинскій* наружно раздѣлилъ на Масонскія ложи, съ

¹⁾ Біографію Лукасинскаго см. въ книгѣ „Галерея Шлиссельбургскихъ узниковъ“.

присвоеніемъ каждой Масонскихъ обрядовъ и украшеній, но въ то же время, распространяя въ нихъ свои мятежническія помышленія постепеннымъ образомъ, приготовлялъ нѣкоторыхъ членовъ, раздѣлявшихъ его мысли, къ исполненію своихъ политическихъ замысловъ.

Стремясь къ этой цѣли, *Лукасинскій* учредилъ три степени національнаго Масонства; присвоилъ каждой, особое свойство, а именно: первой, постоянство; второй, мужество; третій, отважность.—Четвертую степень или Капитулъ составляли главные зачинщики подъ предсѣдательствомъ *Лукасинскаго*, присвоившаго главнѣе званіе великаго Магистра.

Этотъ капитулъ, сокрытый предъ низшими тремя степенями въ качествѣ верховной невидимой власти, общества, одинъ только зналъ тайную политическую цѣль *Лукасинскаго*, ниспровергнуть законное Правительство и возстановить изъ всѣхъ владѣній древней Польши одно отдѣльное Государство подъ управленіемъ Короля избираемаго изъ Поляковъ.

Лукасинскій, распредѣлялъ Членовъ въ ту или другую степень масонства по мѣрѣ къ нимъ своей довѣренности и опредѣлялъ для каждой степени отзывъ или познавательное слово;—они были слѣдующіе: первой степени, сперва Стефанъ Баторій, а потомъ Чарнецкій; второй степени, Болеславъ Храбрый и третей степени Замойскій и Понятовскій.

Вскорѣ, въ трехъ низшихъ степеняхъ Масонства, произошли между Членами раздоры, они были недовольны самовластными распоряженіями *Лукасинскаго*; возставали за чѣмъ, онъ самъ набиралъ въ Члены, безъ общаго согласія общества и распространялъ въ ихъ ложахъ мятежническія помышленія, а по всему этому, требовали отъ него соблюденія всѣхъ обрядовъ и установленій масонскихъ ложъ.

Лукасинскій, опасаясь дурныхъ послѣдствій отъ обнаружившихся въ обществѣ неудовольствій, призналъ благоразумнѣйшимъ, отдѣлиться отъ Членовъ, не согласныхъ съ его помышленіями и для этого онъ объявилъ тремъ низшимъ степенямъ національнаго Масонства, объ уничтоженіи ихъ общества, въ то же самое время, *Лукасинскій* сбросилъ маску Масонства съ секретнаго того же общества Капитула, составленнаго, какъ уже объяснено, изъ главныхъ его сообщниковъ и учредилъ изъ него въ 1820 году, другое тайное общество, имѣвшее одну политическую цѣль.

Выѣстъ съ тѣмъ основатели новаго тайнаго общества рѣшили распространить оное вездѣ, гдѣ только господствовалъ Польскій языкъ и для сего, послали во всѣ древнія владѣнія Польши, эмиссаровъ подъ видомъ путешественниковъ, а въ Парижъ, отправленъ нѣкто *Карскій* съ инструкціею написанною *Лукасинскимъ*, для печатанія тамъ, дерзкихъ возраженій, противъ распоряженій высшаго нашего Правительства.

Заговорщики раздѣлились на десятки или гмины; нѣсколько гминъ составляло округъ, а нѣсколько округовъ, образовало Провинцію.—Директоры Провинцій, назывались путеводителями (Przewodnicy).

Поступившій въ это тайное общество, долженъ былъ присягнуть, принося клятву повиноваться какъ существующимъ ихъ законамъ, такъ и тѣмъ, которые могутъ быть, имъ въ послѣдствіи предписаны для исполненія; предпочесть смерть, но не открывать свою тайну; не щадить кровь, не только измѣнвшихъ ихъ обществу, но и тѣхъ которые будутъ дѣйствовать противно ихъ замысламъ и наконецъ не писать ни какихъ бумагъ относящихся до тайнаго общества.

Уставы національнаго Масонства и новаго тайнаго общества, а также конституція, были сочинены *Лукасинскимъ*: эти уставы и всѣ другія бумаги о ихъ замыслахъ, всегда хранились у одного *Лукасинскаго*, который какъ и другіе Члены общества, желая скрыть свои фамиліи, подписывали ихъ древними именами сообразно первоначальнымъ буквамъ своихъ фамилій, такимъ образомъ въ числѣ прочихъ *Лукасинскій* подписывалъ бумаги учрежденныхъ имъ обществъ, не иначе какъ *Ликургъ*.

Наконецъ въ 1822 году, заговоръ ихъ открытъ и виновные арестованы.

При слѣдствіи *Лукасинскій* ни въ чемъ не сознавался, а разными изворотами запутывалъ только дѣло, увѣряя, что общество ихъ составляло обыкновенную масонскую ложу, учрежденную будто бы по внушенію Генерала Рожнецаго; относительно своихъ бумагъ по дѣламъ общества, давалъ ложныя показанія, сперва, что онъ ихъ сжегъ, потомъ, что онъ зарылъ ихъ въ г. Прагъ, но будучи туда приведенъ, бумагъ своихъ не представилъ слѣдователямъ.

Слѣдственная комиссія, обнаруживъ всѣ обстоятельства сего дѣла и сообразивъ показанія его сообщниковъ, признала *Лукасинскаго* Государственнымъ преступникомъ и главнымъ основателемъ двухъ тайныхъ обществъ.

1) Въ 1819 году, общества національнаго Масонства, составленнаго преимущественно изъ военныхъ лицъ: капитулъ этого общества знали тайную политическую цѣль *Лукасинскаго*.

2) Въ 1820 году, тайнаго общества имѣвшаго одну политическую цѣль испровергнуть законное Правительство, произвести всеобщій мятежъ и учредить изъ всѣхъ владѣній древней Польши независимую Польскую республику.

Лукасинскій и главные его сообщники, за неложенныя преступленія, были преданы верховному военному суду, учрежденному подъ предсѣдательствомъ Генерала Гауке.

Военный судъ опредѣлилъ: *Лукасинскаго*, за совершенныя имъ Государственныя преступленія, лишить чиновъ, принадлежащихъ ему правъ состоянія и обратить его на десять лѣтъ въ крѣпостныя работы съ заключеніемъ въ кандалы.

Согласно Высочайшей Государя Императора конфирмаціи, послѣдовавшей 12—24 Августа 1824 года, Маіоръ Валеріанъ *Лукасинскій*, въ присутствіи всѣхъ войскъ бывшихъ въ Варшавѣ, лишенъ чиновъ, принадлежащихъ ему правъ состоянія и закованъ въ кандалы, съ назначеніемъ вмѣсто десяти на семь лѣтъ въ крѣпостныя работы, для чего и отправленъ подъ строгимъ карауломъ въ крѣпость Замосць.

Послѣ того, *Лукасинскій* сдѣлалъ новое преступленіе, подговоривъ одного арестанта къ бунту, произведенному въ Замосць слѣдующимъ образомъ:

16—26 Августа 1825 года, при распредѣленіи на Инженерныя работы 208 арестантовъ, одинъ изъ нихъ, поступившій въ крѣпостныя работы изъ простыхъ солдатъ, за неоднократныя побѣги, нѣкто *Суминскій*, вышелъ изъ своего ряда, стремительно бросился на конвойнаго Улана, опрокинулъ его и вырвавъ у него саблю, кричалъ предъ фронтомъ арестантской команды: „Ура! да здравствуетъ честь и свобода, Маіоръ *Лукасинскій*, совершимъ, что рѣшили!“ Послѣ того, *Суминскій*, видя, что арестанты и въ томъ числѣ *Лукасинскій* оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, бросился уже на нихъ и ударами сабли, обратилъ ихъ ряды въ безпорядокъ.

Вскорѣ возмущеніе прекращено, къ чему даже способствовали нѣкоторые арестанты.

При слѣдствіи, *Суминскій* показалъ, что *Лукасинскій* убѣдилъ его произвести возмущеніе, увѣряя при томъ, что для сего, стоитъ только ему вырвать у конвойнаго саблю и что за этимъ подвигомъ, *Лукасинскій* самъ сдѣлаетъ всѣ распоряженія для общаго ихъ освобожденія. Кромѣ того, *Суминскій* сообщилъ, что *Лукасинскій* предполагалъ въ случаѣ удачнаго возмущенія, выгнать изъ крѣпости весь гарнизонъ и запершись въ Замосцье, просить милости Его Величества, а между тѣмъ, заложить во всѣхъ крѣпостныхъ сооруженіяхъ мины, для взрванія крѣпости, если бы не удалось имъ предположенною мѣрою, получить свободу.

На допросѣ *Лукасинскій*, не подтвердилъ это показаніе, но сознался, что подговаривалъ *Суминскаго*, произвести возмущеніе съ намѣреніемъ спастись при этомъ бѣгствомъ.

Военный судъ приговорилъ за это преступленіе *Лукасинскаго* и *Суминскаго* къ смертной казни; но покойный Цесаревичъ, имѣя въ виду, что опредѣленный имъ срокъ наказанія за первыя ихъ преступленія еще не окончился, приказать изволилъ: въ присутствіи всѣхъ арестантовъ, подвергнуть *Лукасинскаго* и *Суминскаго* строгому тѣлесному наказанію и заковать руки и ноги въ кандалы, обратить ихъ на самыя тяжелыя работы, съ тѣмъ, чтобы опредѣленный для нихъ срокъ нахожденія въ крѣпостной работѣ, былъ имъ удовлетворенъ.

Въ 1826 году, по встрѣтившейся надобности для допросовъ по возникшимъ новымъ заговорамъ, *Лукасинскій*, былъ привезенъ въ Варшаву, гдѣ своими тайными показаніями, онъ принудилъ *Добржицкаго* признаться въ такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ онъ умалчивалъ и тѣмъ весьма много облегчилъ слѣдственное розысканіе на счетъ заговора Полковника *Бржижановскаго*, бывшаго только продолженіемъ заговора *Лукасинскаго*.

Бржижановскій съ своими сообщниками былъ сужденъ Сенатомъ Царства Польскаго въ 1827 и 1828 годахъ.

Лукасинскій же, съ того времени содержался подъ арестомъ, сначала при пѣшей Гвардейской Артиллеріи въ М. Гуры, а потомъ въ Варшавѣ при Лейбъ Гвардіи Волынскомъ полку. Въ 1830 году, были сняты у него съ ногъ желѣзныя кандалы, а при случившемся въ томъ году мятежѣ въ Варшавѣ, Лейбъ Гвардіи Волынской полкъ, при выступленіи своемъ съ прочими Россійскими войсками изъ Варшавы, исполняя вѣрно, данное ему приказаніе, взялъ съ собою изъ подъ ареста Государственнаго преступника *Лукасинскаго* и сопровождая его въ пути по Царству Польскому, доставилъ *Лукасинскаго* благополучно въ Высоко-Литовскъ, не смотря на самыя дѣтельныя о немъ розысканія Поляковъ. Потомъ, по волѣ покойнаго Цесаревича, *Лукасинскій*, присланъ былъ къ Командиру 6-го пѣхотнаго корпуса Генераль-Адъютанту Барону Розену, для отправленія въ Бобруйскую крѣпость, откуда, какъ выше объяснено, *Лукасинскій*, по Высочайшему повелѣнію, привезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Генераль Графъ Курута, отъ 23-го Декабря 1831 года отозвался, что блаженныя памяти покойный Цесаревичъ, какъ ему помнится, полагалъ, что *Лукасинскій* за произведенное имъ возмущеніе въ крѣпости Замосцье, долженствовала быть осужденнымъ на двадцати лѣтній арестъ, но это свѣдѣніе, не сходно съ собственнымъ Генераль Графа Курута предписаніемъ отъ 4—16 Ок-

тября 1825 года за № 1977, по которому, *Лукасинскому* удвоенъ семилѣтній срокъ заключенія въ крѣпости и сверхъ того, опредѣлено ему тѣлесное наказаніе.

Впрочемъ, по мнѣнію покойнаго Цесаревича, преступленія *Лукасинскаго* столь важны, что Его Императорское Высочество, признавать изволилъ происшедшій въ 1830 году мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, только послѣдствіемъ двухъ предшествовавшихъ ему заговоровъ *Лукасинскаго* и *Бржижановскаго*.

Сообщая всѣ эти свѣдѣнія о важныхъ Государственныхъ преступленіяхъ *Лукасинскаго*, Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу, Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности

(подписалъ): *Чернышевъ*.



ВОСПОМИНАНІЯ.

Шестидесятые и семидесятые годы.

(Продолженіе ¹⁾).

VI.

И я попалъ въ «неблагодѣтельные». Обыкновенно таковыхъ переводили въ отдаленные гарнизоны, но вѣроятно я былъ очень неблагонамѣренный, потому, что исправительная мѣра, примѣненная ко мнѣ, была оригинальнѣе. Я, какъ вѣчный жидъ въ миниатюрѣ, перекочевывалъ, нигдѣ не задерживаясь, изъ Москвы въ Аккерманъ, оттуда въ Екатеринославъ, потомъ въ Миргородъ и, наконецъ, въ Туркестанъ. Правда, грозное «иди! иди! иди!» въ примѣненіи къ гонимому офицеру принимало обычную форму «предписанія» съ приложеніемъ прогонныхъ денегъ и вовсе не было страшно. Также несомнѣнно, что всюду мнѣ сопутствовала дурная аттестація и командиры старались сбыть меня съ рукъ при первомъ случаѣ; но я былъ очень молодъ и любознателенъ и эти переѣзды мнѣ были пріятны.

Въ Миргородѣ я имѣлъ счастье видѣть декабриста Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Тамъ я прожилъ часть осени и зиму 64 года. Д-ръ К. имѣлъ небольшую, но хорошую библіотеку и любилъ молодежь, которая ему отвѣчала тѣмъ-же. Однажды я былъ у доктора и онъ предложилъ мнѣ отправиться на литературный вечеръ съ благотворительной цѣлью къ декабристу Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу, который жилъ тогда въ своемъ имѣніи верстахъ въ 26 отъ города. Я и мой пріятель Н. пріѣхали туда задолго до начала. Насъ ввели въ комнату, которая больше была похожа на теплицу, чѣмъ на пріемную. Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги и за цвѣточными горшками мелькнулъ силуэтъ высокаго, плотнаго, сѣдого человѣка. Это былъ хозяинъ. Мы встали; и онъ подошелъ къ намъ, и на нашъ глубокій поклонъ отвѣтилъ рукопожатіемъ. Муравьевъ-Апостолъ мнѣ показался свѣжимъ и здоровымъ старикомъ. Онъ спросилъ гдѣ я учился и давно ли на службѣ, и замѣтивъ мой штабъ-капитанскій чинъ, спросилъ: «не служилъ ли я прежде въ

¹⁾ См. Бѣлое. Апрель.

гвардіи»? Мнѣ такъ хотѣлось сказать ему о любви и почтеніи военной молодежи къ нему и его друзьямъ. Вѣроятно, это желаніе отразилось на моемъ лицѣ, въ моихъ взглядахъ и нерѣшительныхъ попыткахъ сказать ему болѣе, чѣмъ нужно было отвѣтить на его вопросы. Но мнѣ показалось, что привѣтливое его лицо стало серьезно; я смутился и замолчалъ. Онъ любезно улыбнулся, протянулъ намъ руку и спросилъ, не играемъ ли мы на билліардѣ, и ушелъ, а насъ провели въ билліардную. Между тѣмъ, концертный залъ наполнился публикой: съѣхались не только изъ ближайшихъ уѣздовъ, но и изъ Полтавы. Въ первомъ ряду сидѣлъ Муравьевъ-Апостолъ съ своими родными и гостями изъ Петербурга; нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ вокальномъ отдѣленіи вечера. Изъ литературнаго чтенія я помню только, что д-ръ К. читалъ поэму Некрасова «Филантропъ»; по окончаніи программы публику пригласили пить чай въ столовую. Кругомъ стѣнъ тянулись мраморные прилавки, уставленные чайной посудой, фруктами, печеніемъ и проч. На обратномъ пути извозчики и кучера не могли достаточно нахвалиться пріемомъ: ихъ сытно накормили, а лошадямъ дали вволю овса и сѣна. Хохоль, который насъ везъ, называлъ Муравьева «нашъ гетманъ».

Въ 70-мъ году поздней зимой, вечеромъ въ какомъ-то большомъ промышленномъ селѣ на Волгѣ, проѣзжая изъ Казани въ Нижній, я вошелъ на почтовую станцію и просилъ смотрителя дать мнѣ поскорѣ лошадей. Смотритель просилъ обождать немного и указалъ на комнату для проѣзжающихъ. Я вошелъ и увидѣлъ сцену, мнѣ непонятную. Человѣкъ пятьдесятъ стояли молча, полукругомъ, нѣсколько шаговъ отступя отъ стола и смотрѣли въ уголъ подъ образами. Въ толпѣ было нѣсколько человѣкъ, очень хорошо одѣтыхъ, гораздо больше было мастеровыхъ, были крестьяне и крестьянки. За столомъ въ красномъ углу сидѣлъ небольшого роста сѣдой старикъ, съ розовымъ лицомъ, въ ситцевой рубашкѣ и мѣщанскомъ сюртукѣ; рядомъ съ нимъ сидѣли дѣвочки лѣтъ 8—10 въ ситцевомъ платьѣ и высокая, молодая женщина въ простомъ сарафанѣ. Толпа, поглощенная какою-то мыслью, затаивъ дыханіе, смотрѣла на нихъ. Не слышно было ни шороха, ни вздоха. Строгое выраженіе лицъ, на которыхъ не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда празднаго любопытства, необычайная тишина, разстояніе, на которое толпа почтительно отступила отъ сидящихъ въ красномъ углу, взоры, прикованные къ нимъ, все это меня сразу захватило и я сталъ смотрѣть туда, куда смотрѣли всѣ... Я шепотомъ спросилъ сосѣда: кто онъ? Онъ тихо отвѣтилъ: «изъ Сибири, Бестужевъ».

Такъ мы стояли и смотрѣли на Бестужева, пока смотритель не доложилъ ему, что лошади готовы. Бестужевъ и его спутницы стали одѣваться, и толпа заволновалась... Когда путники двинулись, толпа почтительно разступилась и молча кланялась имъ въ поясъ. И они кланялись. Смотритель подтвердилъ мнѣ, что это былъ Бестужевъ, а если это такъ, то это былъ Михаилъ Бестужевъ, такъ какъ его братьевъ уже не было въ живыхъ.

VII.

Я простился съ родными; повидался въ Москвѣ съ друзьями и отправился въ Ташкентъ. На пути между Нижнимъ и Казанью я познакомился съ семьею А-хъ, которая возвращалась изъ Москвы въ Уфу. Молодая дѣвушка лѣтъ 17 и юноша лѣтъ 18 были такъ милы, такъ простосердечны и дружелюбны, что мы всю дорогу оставались неразлучными и весело проболтали. Мнѣ было 22 года, но я былъ моложавъ и походилъ на игрушечнаго офицера и они не замедлили со мною подружиться. Къ намъ подходили не разъ отецъ и мать—люди патриархально простодушные и добрые и вступали въ бесѣду. Старшій А—съ пожелалъ узнать куда и зачѣмъ я путешествую и когда я сказалъ, что ѣду не по своей волѣ на войну, въ жаркія туркестанскія пустыни, всѣ они отнеслись ко мнѣ съ глубокимъ состраданіемъ, и съ этого момента я сталъ членомъ этой семьи, обласкавшей и пригрѣвшей меня. Они безъ труда уговорили меня ѣхать съ ними въ Уфу и прогостить у нихъ хоть недѣлку. Тамъ я узналъ, что А. богатый золотопромышленникъ и очень уважаемый человѣкъ и, что молоденькая дочь его уже около года замужемъ. Въ Уфѣ я прожилъ недѣли двѣ, хотя старикъ А. и уговаривалъ меня отложить свой отъѣздъ еще на двѣ недѣли, общаясь меня самолично доставить въ Оренбургъ черезъ Троицкъ, куда онъ выѣзжалъ по своимъ дѣламъ. Старшіе А—вы говорили мнѣ ты, а молодые называли просто по имени. Старики любовно журили меня, когда я этого заслуживалъ, также какъ и своихъ дѣтей. На ночь, когда они удалялись, мы втроемъ цѣловали руки у А—хъ; они насъ крестили и шептали молитву, а потомъ цѣловались съ нами. Послѣ обѣда когда А—вы уходили отдыхать, мы оставались одни и у насъ начиналась длинная бесѣда. Эти хорошіе, но простосердечные дѣти считали причиною добра и зла въ жизни добрую и злую волю, вложенную въ сердца людей Богомъ и не помышляли о социальномъ происхожденіи морали. Подавленный авторитетомъ любимыхъ писателей, я и мысли свои выражалъ афоризмами, взятыми у нихъ. Такъ я доказывалъ, что «собственность есть кража», что «государство есть заговоръ, имѣющихъ собственность противъ неимущихъ». Они слушали меня съ большимъ удивленіемъ, но признавали мои разсужденія правильными, оговариваясь только, что «нашъ папаша добрый христіанинъ и не обижаетъ своихъ рабочихъ, заботится о нихъ какъ о своихъ домочадцахъ и они его любятъ». Это такъ и было. Затѣмъ они неожиданно спрашивали меня: «правда ли, что Бога нѣтъ, какъ доказываютъ ученые»? Разрушать ихъ дѣтскую вѣру я считалъ дѣломъ жестокимъ и напраснымъ потому, что вѣра ихъ была глубока, счастливала ихъ, а я поклонникъ Фейербаха, говорилъ имъ вещи въ сущности для нихъ очень темныя: что въ Бога можно вѣрить, или не вѣрить, но доказывать его бытіе невозможно, потому, что положительное и отрицательное рѣшеніе этого вопроса одинаково несостоятельны, что «теологія есть въ сущности антропологія»: «каковы люди, таковы ихъ боги», ибо «Богъ есть обожествленная сущность человѣка» и «Богословіе есть чело-

вѣксловіе»; что религіозная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы преобразовать: «поклонниковъ въ работниковъ», «кандидатовъ загробной жизни въ студентовъ настоящей жизни», «полуангеловъ и полуживотныхъ (по Лютеру) въ людей, полныхъ людей». (Все это изъ Фейербаха). Они удивлялись, вѣрили моимъ словамъ и, какъ это часто бываетъ, принимая повидимому новшество, оставались при своей старой глубокой вѣрѣ. Когда я бесѣдовалъ, я закуривалъ сигару. Дѣло въ томъ, что отправляясь на войну въ невѣдомую страну я предвидѣлъ, что мнѣ предстоятъ испытанія и для душевнаго успокоенія я купилъ себѣ нѣсколько сотенъ сигаръ, слѣдуя указанію Писарева, что «сигара дѣйствуетъ очень благотворно на мыслящаго реалиста». Когда я закуривалъ сигару кто-нибудь изъ моихъ собесѣдниковъ становился на стражѣ у дверей. «Вамъ достанется, если папаша увидитъ, что вы курите: папаша не любитъ табачнаго запаху», говорили мнѣ. Я, старый кадетъ, нашелъ компромисъ, который привелъ моихъ друзей въ восторгъ: подставилъ къ печкѣ стулъ, открылъ трубу и курилъ, стоя на стулѣ, чтобы дымъ уходилъ въ трубу. Эта уловка была для нихъ такъ нова и такъ ихъ заинтересовала, что они сами по очереди стали пускать дымъ въ отдушину. Однажды, въ тотъ моментъ, когда молодая дама курила на стулѣ въ трубу, а мы ожидали своей очереди, дверь открылась и вошелъ отецъ. «Это что такое?! Поди сюда! Дохни на меня! Ахъ какая гадость! Молоденькая женщина, а отъ нея воняетъ табачищемъ! Какъ тебѣ не стыдно Мих: Юльевичъ, ты старшій и долженъ удерживать ихъ отъ глупостей, а ты учишь молокососовъ курить!» Я извинился и объяснилъ, что только одинъ курилъ, а его дѣти забавлялись пуская струи дыма въ трубу. Онъ успокоился и разсмѣялся, но упросилъ меня бросить курить, по крайней мѣрѣ, до отъѣзда. Передъ отъѣздомъ старикъ А—въ позвалъ меня въ кабинетъ и предложилъ мнѣ денегъ на дорогу. Я горячо благодарилъ его, но отъ денегъ отказался, такъ какъ у меня ихъ было болѣе чѣмъ достаточно. Все же семья осыпала меня подарками и взяла съ меня слово писать имъ съ дороги и съ мѣста, а на возвратномъ пути заѣхать къ нимъ погостить. Мать надѣла на меня серебряное распятіе на цѣпочкѣ и подарила серебряную гребенку, отецъ заставилъ меня взять рублей на 25 гривенниковъ, чтобы платить ящикамъ на чай; дочь подарила вязанный изъ зеленаго шелка кошелекъ съ серебряными кольцами, а сынъ серебряную спичечницу. Я промчался быстро по прекрасной Башкиріи. Кузовъ повозки—плетеная корзинка былъ поставленъ посерединѣ длинныхъ дрогъ и бѣшеная ѣзда на отличныхъ лошадакахъ была спокойна и пріятна. Въ Оренбургѣ я узналъ, что вновь сформированный Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, куда я былъ назначенъ, уже подходитъ къ форту Перовскаго.

На пути въ Ташкентъ мы съ попутчикомъ гр. Т. заѣхали въ Орскѣ къ пріятелю Т., купцу Мякинькому. Мякинъкій принялъ насъ очень радушно: облобызался съ нами и усадилъ въ бухарскую палатку, поставленную на дворѣ. Мы сѣли на коверъ по-турецки, т. е. поджавъ ноги калачикомъ. У нашего хозяина все было по-азіатски и такъ

странно было видѣть въ азіатскомъ облаченіи обликъ русскаго купца съ энергичными, но чисто купецкими тѣлодвиженіями. Онъ дружелюбно смотрѣлъ то на меня, то на Т., и его живые сѣрые глаза улыбались, а чисто-русская рѣчь сыпалась, какъ горохъ. Потомъ эта маленькая сѣденькая фигурка въ зеленомъ шелковомъ халатѣ, въ шитой золотомъ тибитейкѣ, въ синихъ, расшитыхъ шелкомъ шароварахъ изъ замши быстро вскакивала и энергично отдавала на татарскомъ языкѣ приказанія прислугѣ. Вся прислуга—его же приказчики—были татары, и угостилъ онъ насъ по-азіатски: пловомъ и пельменями съ уксусомъ. Этотъ цвѣтушій старикъ лѣтъ 65 водилъ уже давно свои караваны въ Хиву и Бухару и далъ намъ не мало полезныхъ совѣтовъ. «Вы гг. напрасно взяли съ собой закуски: все это протухнетъ! Вы, ваше сіятельство, охотникъ: возьмите съ собой котелокъ да треногу, да мѣдный чайникъ. Купите здѣсь гречневой крупы и малороссійскаго сала. Поѣдете по Иргизу тамъ дичи видимо-невидимо. Изъ дичи варите бульонъ, а на бульонѣ варите кашицу съ саломъ. Только въ Кара-Кумѣ вамъ будетъ трудно. Запаситесь бутылками, обшитыми кошмою и берите въ дорогу вареной воды, а еще лучше чаю. Вода въ Кара-Кумахъ горько-соленая, да и та встрѣчается на станціяхъ; а станціи длинныя, по ихнему 5—6 ташъ, по нашему верстъ 40—50 а кто ихъ мѣрилъ? А поѣдете берегомъ Дарьи, тамъ опять, въ камышахъ, да въ заросляхъ саксаула, водятся фазаны». Мы сказали, что взяли съ собой нѣсколько бутылокъ коньяку: «это хорошо, одобрилъ онъ, только вы гг. не пейте никогда водки; водка по тому климату нездорова; когда нужно пейте спиртъ: понемножку, наперсточкомъ; Боже васъ сохрани не пейте водки, а спиртъ пейте наперсточкомъ и будете здоровы!» Подъ его диктовку мы записали русскими буквами необходимыя татарскія слова, вопросы, отвѣты и счетъ.

VIII.

Здѣсь на рубежѣ Европы и Азіи, мы вступали въ область чуждой намъ культуры. Русскіе шли завоевывать эту область, вѣроятно, для того, чтобы поднять ее на высшую ступень; но для этого цивилизаторы должны были конечно сами опуститься на нѣкоторую ступень, чтобы подать свою (вооруженную) руку будущимъ собратьямъ. Всѣ условія жизни, службы, передвиженія въ этой странѣ были непохожи на наши русскія. Станціи располагались тамъ, гдѣ были колодцы и были очень удалены одна отъ другой; станціонныхъ домиковъ не было: кой-гдѣ стояли землянки, кой-гдѣ войлочныя юрты. Станціями завѣдывали казаки-урядники, зачастую безграмотные. Ученый Сѣверцевъ рассказывалъ ¹⁾, что на одной станціи смотритель прочитавъ по складамъ вслухъ въ подорожной: «Министру (вмѣсто магистра) зоологій Сѣверцеву давать и пр.» спросилъ его: «А ты братецъ, кто же бу-

¹⁾ Былъ передъ тѣмъ захваченъ Коканцами въ плѣнъ во время экскурсіи и возвратился изъ плѣна обезображеннымъ; впоследствии погибъ въ Россіи почти такой же смертью, какъ другой ученый Федченко, тоже знакомый туркестанцамъ.

дешь? Кухня министра зоологіи что-ли?—Да, кухня; а вотъ погоди сейчасъ поѣдетъ самъ министръ зоологіи!» Упомянувъ имя этого замѣчательнаго человѣка, расскажу кстати еще одинъ случай съ Сѣверцевымъ. Онъ былъ большой оригиналь и не считался ни съ какими свѣчами и обычаями; одѣвался очень небрежно, приходилъ въ гости, когда ему вздумается, иногда часовъ въ 6 утра по холодку, когда хозяйева спали и безъ церемоніи снималъ сюртукъ и располагался на диванѣ съ ногами; бралъ книгу и читалъ, не обращая ни на кого вниманія. Однажды, въ Ташкентѣ, я пришелъ часовъ въ 8 утра въ одинъ семейный домъ; хозяйева еще почивали, а Сѣверцевъ сидѣлъ безъ сюртука на диванѣ и курилъ трубку-носогрѣйку. Махорка трещала и извергала фонтаны пылающихъ искръ, которыя падали на него и на диванъ. Сѣверцевъ никогда не тратилъ словъ на пустые разговоры. Онъ молчалъ и я молча стоялъ около дивана у окна. Сѣверцевъ бросилъ два или три взгляда на меня, быстро поднялся со словами: «Стойте смирно! Не шевелитесь! Не вертите головой!» И бросившись къ столу схватилъ стаканъ и приложилъ его къ моей груди у борта сюртука: въ стаканъ свалилась сороконожка. «Вамъ наука очень обязана: это очень рѣдкая разновидность полосатой (кажется такъ онъ назвалъ) сороконожки». Продолжаю. Когда къ станціи подѣзжали путники, оттуда выѣзжали въ разныя стороны верховые съ арканами на поиски табуна. Съ поля приводили иногда дикихъ, иногда малообѣзженныхъ лошадей. Въ упряжкѣ принимали участіе всѣ обитатели станціи. Лошади лягались, кусались, били повозку; ихъ то оглаживали, то колоутили чѣмъ попало и неистово ругались. Когда все было готово, пассажиры и ямщикъ осторожно сажались; толпа мгновенно разбѣгалась и бѣшеная тройка, не переставая бить повозку, мчалась какъ вихрь куда глаза глядятъ, иногда въ противоположную сторону. Ямщикъ не управлялъ лошадьми, озабоченный какъ бы усидѣть на мѣстѣ, да не уронитъ вожжей. Отчаянная скачка продолжалась верстъ 8—10 и тройка начинала умѣрять аллюръ; тогда ямщикъ пытался направить ее куда слѣдуетъ. Это не всегда удавалось сразу, но въ концѣ концовъ, искусная политика награждалась успѣхомъ: давая волю тройкѣ натѣшиться и умяться, ямщикъ добивался покорности; а затѣмъ не трудно было удержать въ рукахъ бразды правленія. Конечно, если повозка и сбруя были неисправны, а ямщикъ неопытенъ, то катастрофа была неизбѣжна. Къ счастью нашъ путь пролегалъ на 1000 верстъ по равнинѣ, гдѣ встрѣчались только маленькія трещины да чочки. Памятна мнѣ станція Дамды, гдѣ мы потерпѣли крушеніе. Лошади неслись Богъ вѣсть куда; въ это время киргизъ лѣтъ 16 упустилъ одну возжу и, наклоняясь чтобы ее подхватить, упалъ съ повозки, увлекая за собой всѣ возжи. Мы оглянулись назадъ: ямщикъ лежалъ, а черезъ минуту мы были уже далеко. Т. осторожно влѣзъ на передокъ и наклонился, чтобы поднять возжи, а я его крѣпко держалъ; но возжи или волочились, или закручивались въ колесѣ. Закрутившіяся возжи все круче и круче сворачивали тройку направо; лошади топтались, метались, лягались и наконецъ остановились. Нужно было воспользоваться этимъ и мы осторожно вышли изъ повозки. Т. взялъ на себя очень опасное дѣло: распутать возжи около заднихъ ногъ дикой пристяжной; а я сталъ пе-

редь тройкой въ надеждѣ удержать ее на мѣстѣ своимъ присутствіемъ. Но мы потерпѣли неудачу: лошади бросились впередъ, сбивъ меня далеко въ сторону и умчались. Мы видѣли какъ встряхнулась повозка, изъ нея посыпались разныя вещи; а черезъ нѣсколько минутъ она скрылась изъ вида. Посовѣтовавшись, мы приняли ошибочный планъ: мы раздѣлились: Т. пошелъ по слѣдамъ повозки, я пошелъ назадъ провѣдать ямщика. Весьма слабо обозначавшаяся колея на твердомъ грунтѣ меня вела очень не долго и пропадала и мнѣ пришлось итти по соображеніямъ на сѣверъ. Было около 5 час. пополудни, и солнце находилось слѣва. На мѣстѣ крушенія я вырылъ большимъ складнымъ ножомъ, который у меня былъ въ карманѣ крестъ, а затѣмъ время отъ времени дѣлалъ кресты на своемъ пути. Жара была страшная и меня стала мучить жажда. Ямщика я не нашель: натолкнуться на него случайно было дѣло маловѣроятное, а разыскать его можно было только обладая соколинымъ зрѣніемъ киргиза. Солнце заходило, а я измученный все влачился куда-то на сѣверъ и думалъ только одно: наступитъ ночь, станетъ прохладно; покажутся звѣзды; я буду итти по тому же направленію, пока не выбьюсь изъ силъ, или пока не замѣчу огней на станціи, или въ какомъ нибудь аулѣ. Въ сумерки я неожиданно увидалъ близко передъ собой какую-то квадратную темную фигуру, которая словно изъ земли выросла. Я подошелъ и увидѣлъ малорослаго, но широкоплечаго пастуха киргиза съ длиннымъ посохомъ, конецъ котораго загибался крючкомъ, какъ у библейскихъ пастуховъ; на поясѣ висѣла чашка въ футлярѣ и пшакъ въ ножнахъ (ножъ вродѣ финскаго). Я спросилъ его по-татарски: гдѣ станція Дамды? И объяснилъ какъ умѣлъ, что онъ получить ахча (деньги), если проведетъ меня туда. На мнѣ была красная кумачевая рубаха, воротъ которой застегивался двумя топазовыми запонками. Онъ мнѣ указалъ рукою вправо и назадъ и сказалъ: «якши» (хорошо) и вмѣстѣ съ этимъ оборвалъ эти запонки, пояснивъ свое насиліе словомъ «силу» (подарокъ). Воротъ рубахи откинулся и показался натѣльный крестъ. Онъ схватился за крестъ и сталъ его тянуть съ такой силой, что цѣпочка врѣзалась мнѣ въ шею. Такая наглость возмутила меня и я вынулъ изъ праваго кармана складной ножъ. Ножъ ему показался привлекательнѣе креста; онъ крестъ выпустилъ и хотѣлъ вырвать у меня ножъ; но въ этомъ ножѣ было мое послѣднее спасеніе и я, отступивъ въ сторону, раскрылъ ножъ и, со словомъ: «локъ!» (нѣтъ) сдѣлалъ угрожающее движеніе; тогда онъ полѣзъ въ другой карманъ и вытащилъ оттуда серебряную спичечницу. Я ему объяснилъ, что при себѣ не имѣю ахча и, что на станціи я выкуплю захваченныя имъ вещи. Онъ повернулся и мы пошли; но куда? Это оставалось для меня загадкой. Долго мы шли; стало темно. Онъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться и всматриваться во что-то. Минуть черезъ 10 со словомъ: «кайсакъ!» (казакъ), онъ повернулъ направо. Скоро и я замѣтилъ, что къ намъ несутся всадники съ разныхъ сторонъ. Это были казаки съ Т. Одинъ казакъ уступилъ мнѣ свою лошадь и мы всѣ отправились на ближайшую станцію. Т. шелъ около часу по слѣдамъ повозки, подбирая то подушку, то сумку, то корзинку и т. д. Онъ не терялъ надежды добраться до станціи засвѣтло, но ему было



Михаиль Юльевич
АШЕНБРЕННЕРЪ.

Съ карточки, снятой въ 1864 году.

тяжело нести подобранныя вещи. Къ счастью, навстрѣчу ему выѣхали урядникъ съ нѣсколькими казаками, которые и рассказали, что отправляясь по службѣ изъ одного укрѣпленія въ другое, они встрѣтили пустую повозку недалеко отъ станціи, перехватили ее и отвезли на станцію и, оставивъ одного казака для охраны вещей, выѣхали на розыски. Розыскавъ Т., они по его указанію поѣхали искать меня. Моихъ крестовъ не видѣли; а отдѣлившись далеко другъ отъ друга, чтобы не терять изъ вида сосѣда и осмотрѣть большое пространство, шли лавой (или облавой) и часа два искали меня. На станціи казаки хотѣли избить киргиза за грабежъ, но мы этого не допустили. Вещи я отобралъ у киргиза и расплатился съ нимъ деньгами. Мы щедро вознаградили казаковъ за ихъ великую услугу намъ, а также послали денегъ ямщику, который сильно расшибся и былъ отвезенъ въ ближайшій аулъ.

IX.

Въ фортѣ Перовскомъ я догналъ свой батальонъ и расстался съ Т. Въ составъ батальона входило нѣсколько человѣкъ такихъ же штрафованныхъ, какъ и я, кто за панихиду, кто за близкія связи съ кружкомъ Арнгольда. Понятно, что такіе офицеры жили съ солдатами хорошо—раздѣляли съ ними труды и опасности, честно и заботливо относились къ ихъ интересамъ, прислушивались къ ихъ голосу, считались съ солдатскими желаніями, не изводили солдатъ формализмомъ: всегда были вѣжливы и человѣчны даже съ провинившимися; а въ силу этого между солдатами и офицерами возникла не уставная, искусственная связь, а естественное дружное сотрудничество для достиженія ближайшей цѣли. Неподавленная самодурствомъ, жестокостью, барскимъ отношеніемъ свысока, солдатская личность сохраняла ту бодрость, которая ей была необходима въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Такая постановка дала блестящіе результаты. Батальонъ совершилъ безпримѣрный походъ въ 2500 верстъ по жаркой и почти безводной пустынѣ ¹⁾ отъ Самары до Ташкента и пришелъ на мѣсто въ полномъ составѣ: больныхъ и отсталыхъ было менѣе, чѣмъ обыкновенно. Трудности похода я считаю достаточнымъ описать въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ. Большія рѣки Сыръ-Дарья, Аму-Дарья и малыя горныя рѣчки въ Туркестанѣ разливаются не весною, а лѣтомъ, когда въ горахъ таетъ снѣгъ. Путь нашъ лежалъ по берегу Сыръ-Дарьи. Рѣка выходила изъ береговъ и затопляла дорогу. Интересно, что разливы и быстрое теченіе размываютъ правый берегъ Дарьи (течетъ въ меридіональномъ направленіи) и укрѣпленія на этомъ берегу приходится переносить все дальше и дальше на востокъ. Переправа въ бродъ черезъ небольшія горныя рѣчки напр., Арысь, Чирчикъ, Заряшанъ и др. возможна только на разсвѣтѣ: въ полдень прибывала вода и сильное теченіе сносило и опрокидывало не только пѣхотин-

¹⁾ До Дарьи конечно безводной, при чемъ нашъ путь пролегалъ болѣе чѣмъ 400 вер. по Кара-Кумскимъ пескамъ. Отъ форта Перовскаго батальонъ протащилъ на своихъ плечахъ четыре крѣпостныхъ пушки до Ташкента.

цевъ, но всадниковъ и повозки. По разливамъ Сыръ-Дарьи нашимъ солдатамъ приходилось волочить на своихъ плечахъ тяжелыя крѣпостныя пушки по поясъ въ водѣ. Къ перевозкѣ орудій была приспособлена верблюжья упряжка. Верблюды незамѣнимое вьючное животное, но, какъ упряжное, ниже своей славы можетъ быть и потому, что караванъ-баши злоупотребляютъ его выносливостью, полагая, что верблюдъ можетъ обходиться вовсе безъ ѣды и питья. Несчастное измученное и голодное существо ложится, и тутъ уже никакія истязанія не помогаютъ. Поэтому солдатамъ и приходилось всю дорогу тащить пушки на лямкахъ, какъ бурлаки тянутъ барку. Когда же мы вступили въ Ташкентскій оазисъ, стали попадаться крутые подъемы и спуски. Особенно мучительны были походы по безводнымъ мѣстамъ. На большой и прямой дорогѣ между Ташкентомъ и Самаркандомъ лежитъ голодная степь, по которой каждому туркестанцу пришлось прослѣдовать разъ 10, 12. Она тянется 120 верстъ между Чиназомъ на Дарьѣ и Дизакомъ въ горномъ ущельѣ. Воду для людей и животныхъ нужно брать съ собой: чѣмъ больше воды, тѣмъ больше перевозочныхъ средствъ, чѣмъ больше перевозочныхъ средствъ, тѣмъ больше нужно воды. Поэтому воды брали мало и отпускали солдатамъ недостаточныя порціи ея. Пустыню же проходили въ двое сутокъ, дѣлая по 60 верстъ, а такой переходъ тянулся около 20 часовъ. И солдаты, безъ видимаго раздраженія, безъ проклятій, мужественно и безмолвно страдали, умирая отъ жажды и усталости. Въ каждой ротѣ есть одинъ, два, иногда нѣсколько героевъ, людей вполне сознательныхъ. Въ большихъ и малыхъ дѣлахъ они увлекаютъ за собою всѣхъ и авторитетъ ихъ для солдатъ выше авторитета офицерскаго. Понять таковыхъ и отнестись къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ обязанъ всякій порядочный и разумный начальникъ. Солдатъ не «святая скотина», а такой же незнакомецъ, такой же сфинксъ для насъ, какъ и мужикъ.

Завоеваніе средней Азіи осуществлялось военными экспедиціями, которыя неизбежно обуславливали одна другую: захватывая область въ ея естественныхъ границахъ, наталкивались на необходимость округленія своихъ новыхъ владѣній, а затѣмъ приходилось искать новыхъ естественныхъ границъ и т. д. Послѣ экспедиціи отряды не всегда возвращались на свои квартиры, напр. передъ взятіемъ Самарканда значительный отрядъ оставался около года на передовой линіи у Яны-Кургана въ Тамерлановомъ ущельѣ. Здѣсь, лѣтомъ офицеры и солдаты жили въ шалашахъ изъ прутьевъ, камыша, циновокъ, а на зиму офицеры строили себѣ домики изъ глиняныхъ комковъ; солдаты, обитали въ землянкахъ. Зимой въ этихъ краяхъ идутъ непрерывные дожди, а по ночамъ снѣгъ и бываютъ небольшіе морозы. Землянки заливались водою и рушились; глиняныя хижинны таяли. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ въ отрядѣ свирѣпствовалъ пятнистый тифъ. Въ аттрактахъ между экспедиціями солдатамъ отдыхать не приходилось: они возводили укрѣпленія, строили казармы, лазареты, казенныя зданія. Смертность между солдатами была велика, хотя туркестанскія войска пользовались улучшеннымъ довольствіемъ и многіе продукты стоили очень дешево: баранина, пшеничный

хлѣбъ, фрукты, рисъ, пшено, ячень, клеверъ. Картофеля же, капусты, гречневой крупы, ржи вовсе не было въ первые годы, а сахаръ, свѣчи для солдатъ были недоступны по цѣнѣ и чай они пили съ кишмишемъ. Въ штабъ-квартирахъ службы было очень мало; для офицеровъ это былъ сплошной праздникъ: играли въ карты, кутили, охотились на фазановъ, кабановъ, тигровъ, бывали у знакомыхъ семейныхъ. Библиотекъ и книжныхъ магазиновъ тогда не существовало; читали очень мало. Кажется, въ 69 году впервые открылись любительскіе спектакли.

Всѣмъ извѣстно, какъ безпощадны приговоры военнаго суда, и какъ рѣдко военные подсудимые получаютъ оправданіе. Можетъ быть поэтому я ничего не слыхалъ о готовности осужденнаго солдата принять кару, какъ возмездіе за содѣянное преступленіе. Кромѣ того, солдата предавали суду за утраченную отвертку, за потерянную пуговицу, за пропавшую портянку. Мало привычный къ обобщенію, къ отнесенію частнаго случая къ общей причинѣ, солдатъ менѣе вооружался противъ военныхъ постановленій и драконовскихъ порядковъ, чѣмъ противъ формалистовъ и безсердечныхъ начальниковъ. Въ Туркестанѣ и, сколько мнѣ извѣстно, на Кавказѣ до покоренія, а также въ турецкую кампанію солдатъ не предавали суду за подобные мало-важные, да даже за болѣе важные проступки. Другими словами, когда воинскія части должны были служить той цѣли, для которой ихъ готовили въ мирное время, самыя непререкаемыя, неустранимыя воспитательныя, исправительныя и карательныя максимы естественнымъ путемъ сокращались до нуля. Отсюда неудивительно, что запасные, побывавшіе на войнѣ, являются благодарной почвой для пропаганды и революціонно настроеннымъ элементомъ въ войскахъ, переведенныхъ на мирное положеніе. И такое умаленіе уголовной практики въ военное время нисколько не беспокоило властей. Да и нельзя было судить солдата, напр. за промотаніе отвертки или шомпола потому, что послѣ каждой битвы составлялся актъ объ испорченныхъ и утраченныхъ винтовкахъ, амуниціи, строевыхъ и обозныхъ лошадахъ и т. д., и нѣкоторые командиры такъ щедро пользовались этимъ правомъ, что у нихъ въ цейхгаузахъ накоплялся второй комплектъ оружія и амуниціи, выведенныхъ въ расходъ, и они сами не знали куда сбыть все это. Отъ другой же, болѣе важной уголовщины, напр. отъ воровства, буйства, частныхъ случаевъ неповиновенія или дерзости, роты и баталіоны иногда огораживались самосудомъ; при этомъ товарищеская расправа отличалась варварской жестокостью,—напр. за воровство назначалась безпощадная порка. Можетъ быть этой жестокостью солдаты афишировали свою ненависть къ узаконенному судилищу.

Большое вліяніе на молодежь имѣли два замѣчательныхъ чело-
вѣка: А. Е. Барановъ и А. В. Пистолькорсъ. Барановъ, герой ми-
нувшей турецкой войны, служилъ въ Нижегородскихъ драгунахъ—
въ первомъ по доблести полку русской арміи. Блестящіе подвиги Ба-
ранова при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ и Кюрюкъ-Дара записаны въ военныхъ

лѣтописяхъ. Въ одной изъ этихъ битвъ нашъ правый флангъ никакъ не могъ сломить турецкія боевыя линіи, за которыми стояли большія массы иррегулярной кавалеріи. За нашимъ правымъ флангомъ стояли два драгунскихъ полка: Нижегородскій и Сѣверскій (кажется, или Тверской) съ конной батареей. Два младшихъ офицера, именно эскадронный командиръ Барановъ и батарейный командиръ, если не ошибаюсь Кульгачевъ, составили отважный планъ и рѣшительнымъ его выполнениемъ содѣйствовали поражению непріятельской арміи. Кульгачевъ неожиданно заскакалъ съ своей батареей въ тылъ лѣво-фланговымъ турецкимъ баталіонамъ и сталъ ихъ разстрѣливать картечью. Картечь косила турокъ, которымъ некуда было податься: ни впередъ ни назадъ, пока не опомнилась турецкая кавалерія, стоявшая за этой пѣхотой. Всей массой она налетѣла на батарею Кульгачева и въ одинъ мигъ захватила ее, порѣзавъ построики, перебивъ лошадей, изранивъ артиллеристовъ. Въ этотъ моментъ Барановъ, кажется съ двумя эскадронами, ударилъ на турецкую кавалерію: отбилъ батарею обратно и разсѣялъ иррегулярныя турецкія полчища. За это дѣло онъ получилъ георгіевскій крестъ. Барановъ былъ практическимъ воспитателемъ молодежи, ходившей подъ его начальствомъ на штурмы.

X.

Обособленное военное общество жило своей исключительной жизнью, но видоизмѣнялось въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ развитіемъ русскаго общества, нѣсколько отставая отъ него. Когда въ обществѣ вымиралъ типъ «Героя нашего времени», между военными встрѣчался еще Печоринъ, хотя въ это время уже нарождалась новая разновидность офицера—гражданина (Арнгольдтъ, Сливицкій 2-й и др.). Печоринъ не уживался въ столицахъ: его тянуло на Кавказъ, гдѣ жизнь кипѣла ключемъ. Военное движеніе 60-хъ годовъ Печоринъ прозѣвалъ можетъ быть потому, что былъ уже въ высокиихъ чинахъ. Вѣроятно въ силу спеціальныхъ условій военной среды, дальнѣйшее превращеніе печоринскаго типа совершилось въ одномъ направленіи: Обломовыхъ встрѣчалось сколько угодно, а о Рудиныхъ никто не слышалъ. Затѣмъ, въ 70 хъ годахъ въ психическомъ мірѣ военныхъ происходила сложная дифференціація, мало замѣтная близко стоящему наблюдателю. Ясно опредѣленные, рѣзко очерченные характеры въ родѣ Печорина, Обломова исчезали или превращались въ инныя формы. Въ социальномъ мірѣ происходили сложныя перемѣны, которымъ отвѣчало въ мірѣ психическомъ сложное броженіе. Однако, во второй половинѣ 70-хъ годовъ въ русскомъ обществѣ снова народился рѣзко очерченный типъ революціонера и къ началу 80-хъ годовъ, въ военной средѣ снова оживаетъ разновидность офицера-гражданина. Въ нашу критическую эпоху, мнѣ кажется происходитъ тотъ психологическій синтезъ, который строитъ два рѣзко очерченныхъ типа. Типическія черты какъ бы мобилизуются и выясняются двѣ враждебныя другъ другу группы: революціонеровъ и „патріотовъ“; конечно есть и среднія группы, но онѣ расплывчаты и неустойчивы.

Пистолькорсъ, прослужившій на Кавказѣ около 20 лѣтъ, явился въ Туркестанъ уже въ большихъ чинахъ, украшенный многими боевыми отличіями. Онъ былъ начальникомъ туркестанской кавалеріи. Духовное его родство съ Печоринимъ было несомнѣнно; но тутъ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ вымирающаго типа и этимъ объясняется нѣкоторая спутанность его характеристики ¹⁾. Много лѣтъ велъ онъ на Кавказѣ войну на два фронта и съ горцами, и съ начальствомъ. Почему именно враждовалъ онъ съ начальствомъ, я не знаю. Очевидно борьба съ горцами служила ему только развлеченіемъ и не насыщала его мятежную душу: онъ принадлежалъ къ боевому типу вѣчно недовольныхъ и протестующихъ; въ военной средѣ такихъ было не мало, и назывались они «безпокойными». Въ Туркестанѣ своими злыми сарказмами и ядовитыми насмѣшками онъ создалъ себѣ много враговъ, между которыми были и благородные люди, и наконецъ, враги соединеннымъ натискомъ одолѣли его, и только генералъ Кауфманъ, цѣнившій его военныя доблести и дарованія, отстоялъ его. Пистолькорсъ уѣхалъ уже въ генеральскихъ чинахъ послѣ Самаркандскаго похода на родину въ Остзейскій край и тамъ скоро умеръ. Эта крупная личность была привлекательна для молодежи, которою онъ окружалъ себя. Жилъ онъ широко и ежедневно у него собирались. Тамъ иногда можно было встрѣтить людей съ громкими именами; но подъ его кровлей исчезали всѣ чиновныя и сословныя неравенства. Блестящій графъ и поручикъ изъ плебеевъ встрѣчались какъ товарищи, и такія отношенія не прекращались за порогомъ его дома. Вечеромъ играли по маленькой въ комерческія игры, потомъ ужинали. За ужиномъ вина было болѣе чѣмъ достаточно, и начиналась живая общая бесѣда, причеиъ центральной фигурой былъ всегда самъ хозяинъ, блиставшій умомъ и парадоксами. Пистолькорсъ былъ очень образованный человекъ и у него была хорошая и, въ тѣ времена, единственная въ Ташкентѣ библіотека. Онъ отчасти руководилъ чтеніемъ своихъ молодыхъ друзей: я, напр., зналъ Сенъ-Симона и Фурье только по наслышкѣ, и онъ заставилъ меня прочитать этихъ авторовъ въ подлинникѣ. Хотя застольныя бесѣды у Пистолькорса протекали прихотливо, но никогда не были банальны: нашъ хозяинъ не терпѣлъ пошлости. Молодежь, склонная къ доктринерству, подымала теоретическіе споры, которымъ онъ придавалъ особенную остроту своими мѣткими замѣчаніями. Словомъ, бесѣды Пистолькорса походили на эпикурейскіе вечера. Замѣчанія Пистолькорса были всегда интересны. Однажды, напр., онъ такъ резюмировалъ предшествовавшій споръ: «Слушалъ я васъ, NN съ глубокимъ вниманіемъ. Взгляните на него г.г! Сидитъ онъ, поджавъ ноги, какъ китайскій божокъ и, съ дѣтской улыбкой на розовомъ лицѣ, ломаетъ, попираетъ, разрушаетъ и, по его слѣдамъ все трещитъ и валится, какъ за медвѣдемъ въ лѣсу. У васъ женскій складъ ума: вы мыслите не аналитически, а пожалуй, интуитивно. Все, что вы говорили — это слова, слова, слова, которая намъ приходится принять на вѣру». Ему оставалось только прибавить: «укажите намъ дѣло!» Однако этотъ от-

¹⁾ Говорятъ, Пистолькорсъ былъ героемъ разсказа Л. Н. Толстого „Набѣгъ“.

важный, но усталый человекъ заканчивалъ скептической сентенціей: «Вѣдь разрушать легче, чѣмъ созидать»!..

Особенно любопытны были развлечения этого кружка, имѣвшія также въ виду и боевую подготовку молодежи, пикники безъ дамъ, охота на кабановъ и тигровъ. Поздно вечеромъ кавалькада выѣзжала крупной рысью за городъ. За офицерами ѣхала дежурная полусотня со значкомъ начальника кавалеріи изъ чернаго шелка съ серебряными кистями, на полотнѣ котораго была вышита мертвая голова и два пистолета накрестъ. За городомъ лошадей пускали маршъ-маршемъ по прямому направленію, минуя дорогу. Дружная скачка горячила и коней, и всадниковъ, и они рисковали на такіе волтижерскіе подвиги, на которые не рѣшились бы въ другое время: сползали на крупѣ лошади съ кручи, прыгали черезъ стѣнки и широкіе арыки, карабкались по едва доступнымъ подъемамъ и, наконецъ выѣзжали на широкую поляну въ рощѣ, гдѣ уже пылали костры. Тамъ спѣшивались и садились на коверъ въ большой, нарядной бухарской палаткѣ, отвѣсныя стѣнки которой были поставлены полукругомъ и, приступали къ приготовленію въ большомъ котлѣ жженки, или глинтвейна. Казаки, которыхъ обильно угощали спиртомъ, садились также полукругомъ по ту сторону палатки. Когда загорался ромъ въ котлѣ, жарился шашлыкъ и хоръ запѣвалъ пѣсню, Пистолькорсъ отдавалъ приказъ казакамъ: «начинай!» И казаки открывали пальбу боевыми патронами въ палатку, пули летѣли надъ нашими головами. Тутъ по примѣру Пистолькорса нѣкоторые удалцы приподымались подъ какимъ-нибудь предлогомъ, стараясь это сдѣлать также непринужденно, какъ и онъ. Такія удалыя выходы повторялись чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ выпивалась жженка, а Пистолькорсъ кричалъ: «цѣлься ниже!» Пули свистали надъ самыми головами, и тогда жгучее удовольствіе становилось весьма опаснымъ.

Охота на кабановъ была безопасна и выгодна. Войсковыя части отправляли охотниковъ командами со всѣмъ необходимымъ для дальняго промысла и оттуда, время отъ времени, высылались на арбахъ въ баталіонные штабы битыя туши для продажи и на улучшение ротной кухни. Каждая рота приваживала много собакъ-дворняжекъ. Солдаты, оторванные отъ родины и родныхъ, привязывались къ этимъ вѣрнымъ и полезнымъ животнымъ. Въ походахъ ротныя собаки бѣжали передъ авангардомъ. На аванпостахъ рыскали передъ цѣпью и своей бдительностью и чуткостью чрезвычайно облегчали сторожевую службу. Во время битвы онѣ находились при ротахъ; но какъ только рота вступала въ сферу ружейнаго огня, онѣ, поджавъ хвосты, уносились къ обозамъ. Ротныя собаки дѣлали охоту на кабановъ совсѣмъ безопасной. Мужественно нападая на звѣря, цѣлыми стаями, онѣ такъ его занимали, что охотникъ подходилъ вплотную и стрѣлялъ въ упоръ.

Охота на тигровъ была очень опасна и не обходилась безъ жертвъ до приѣзда въ Ташкентъ кн. Б., который примѣнилъ къ этой охотѣ ружья, стрѣляющія разрывными пулями.

Теперь я попытаюсь дать характеристику другого выдающагося челоѡка. Капитанъ Z., получившій образцовое воспитаніе въ учебной воинской части, принялъ роту въ боевомъ баталіонѣ. Z. былъ безусловно честный челоѡкъ, строгій, энергичный. Не суббота для челоѡка, а челоѡкъ для субботы—было принципомъ его управленія. На свою роту онъ смотрѣлъ, какъ на распутный сбродъ, и сталъ насаждать въ ней казарменные порядки, подобные тюремнымъ. Въ мирное время, фанатики дисциплины нерѣдко добиваются удивительныхъ эффектовъ, подобныхъ тѣмъ, которые показываются въ циркѣ. Такихъ командировъ бояться, слушаются и ненавидятъ, а недобрый чувства плохая гарантія для порядка и дисциплины. Къ тому же, пылкій Z. иногда позволялъ себѣ обзывать роту въ цѣломъ составѣ бранными словами въ родѣ: «арестанты, варнаки!» и пр., не считаясь ни съ личнымъ достоинствомъ, ни съ *l'ésprit de corps* своихъ боевыхъ товарищей, а это уже являлось двойнымъ оскорбленіемъ. И вотъ, передъ экспедиціей солдаты громко заговорили: «первая пуля нашему ротному командиру!» Предостереженіе, переданное ему, онъ принялъ съ гордымъ презрѣніемъ. Въ походѣ пѣхотные офицеры ѣхали верхомъ; это было разумное отступленіе отъ порядковъ мирнаго времени. Офицеры ѣхали чаще всего въ головѣ колонны, а не на своемъ мѣстѣ. Z. въ походѣ шелъ пѣшкомъ передъ своей ротой. Солдаты раздражались, полагая, что Z. хочетъ вести ихъ по безводной пустынѣ церемоніальнымъ маршемъ. Однако, они скоро замѣтили, что онъ идетъ съ ними не для безполезнаго стѣсненія ихъ своимъ присутствіемъ, а по инымъ, болѣе разумнымъ соображеніямъ, и стали съ особеннымъ вниманіемъ приглядываться къ нелюбимому, но отнынѣ интересному командиру. По приходѣ на бивакъ офицеры располагались на своихъ складныхъ кроватяхъ, пили чай, обѣдали и т. д., предоставляя унтерамъ всѣ заботы о солдатскомъ отдыхѣ и пр., и въ этомъ не было ничего дурного потому, что солдаты великолѣпно обходились безъ офицера, призывая его, когда это нужно. Z. сначала самолично дѣлалъ всевозможныя распоряженія, контролировалъ ихъ исполненіе, а затѣмъ уже вспоминалъ о себѣ. Суровый, безъ дружелюбной улыбки, безъ привѣтливаго слова, безъ веселой шутки—что такъ привлекаетъ солдатскіе сердца—онъ, несмотря на свою усталость, шелъ провѣдать своихъ больныхъ и дѣлился молча съ ними своимъ чаемъ и сахаромъ такъ дѣловито, словно онъ раздавалъ казенный сапожный товаръ. Отношеніе къ нему солдатъ стало мѣняться: къ нему стали относиться со смѣшаннымъ чувствомъ недовѣрія, суевѣрнаго страха и невольнаго уваженія. Потомъ, въ малыхъ стычкахъ, въ полевыхъ дѣлахъ, на штурмахъ, въ схваткахъ на улицахъ непріятельскаго города, онъ всегда былъ впереди, спокойный, рѣшительный, безстрашный, распорядительный и особенно внимательный къ раненымъ. Это создавало ему извѣстность въ отрядѣ и объ немъ заговорили посторонніе солдаты: «Ну, и молодецъ же командиръ N роты!» Съ этого времени рота Z. стала гордиться своимъ командиромъ; да и самъ Z. можетъ быть незамѣтно для себя, а можетъ быть послѣ тяжелой душевной драмы, измѣнилъ своему прежнему *credo*. Люди такой категоріи, люди долга своеобразно понимаемаго, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, изъ Савла дѣлаются Павломъ.

Въ кружкѣ Пистолькорса господствовала полная свобода слова и неблагонамѣренныя рѣчи выслушивались сочувственно: почему же, въ самомъ дѣлѣ, за стаканомъ вина не «поговорить о меньшемъ братѣ, не погорячиться о добрѣ?» Радикальные же политическіе, а чаще экономическіе разговоры велись не на людяхъ, а въ другомъ мѣстѣ въ тѣсной дружеской семьѣ; но и тутъ они были безплодны, оставаясь въ сферѣ благихъ пожеланій.

XI.

Распространяться о туркестанскихъ битвахъ послѣ Манчжурской кампаніи не приходится. Коканцы, Бухарцы, Туркмены нападали на наши маленькіе отряды въ 2 или 3 тысячи человекъ большими нестройными массами въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Эти храбрые и лихіе наѣзники на превосходныхъ лошадяхъ были очень дурно вооружены и совсѣмъ неорганизованы. Въ полевыхъ дѣлахъ они были не стойки, въ укрѣпленныхъ городахъ держались упорнѣе. Старинныя, разнокалиберныя, гладкостѣнные, неповоротливыя пушки стрѣляли только ядрами да картечью. Безчисленные фальконеты шумѣли, но не поражали. Пѣхоты, плохо обученной и дурно вооруженной, было немного и она заблаговременно уходила, а если это ей не удавалось (напримѣръ при Зари-Булакѣ), то ложилась подъ нашей картечью. Большія кавалерійскія массы, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ и быстротою коней, окружали русскій отрядъ. Какъ черныя грозовыя тучи мчались со всѣхъ сторонъ на маленькія русскія группы эти конники и казалось, что надвигающаяся лавина сейчасъ обрушится и поглотитъ жалкую горсть людей; но эта горсть метала по всѣмъ направлєніямъ молніи; картечь, гранаты, ракеты. Боевыя ракеты, оставлявшія за собой огненный слѣдъ, пугали лошадей и производили неопишуемое смятеніе въ непріятельскихъ колоннахъ. Отбитая кавалерія быстро уносилась назадъ, и тогда артиллерія противника становилась легкою добычею. Послѣ одного такого дѣла (при Ирд-жарѣ), когда непріятельская артиллерія за завалами была нами взята, и нашъ батальонъ, батарея и нѣсколько сотенъ казаковъ получили приказаніе прослѣдовать впередъ и занять два большихъ лагеря, брошенныхъ бѣжавшимъ непріателемъ, нашъ командиръ полковникъ Пищимуки—начальникъ этого отряда—поставивъ гдѣ нужно было часовыхъ въ непріятельскихъ лагеряхъ, расположилъ свой отрядъ на позиціи внѣ этихъ лагерей. Тутъ ему доложили разъѣзды, что около лагеря бродитъ отборный и хорошо вооруженный отрядъ бухарскихъ кавалеристовъ, который назывался «безсмертными» (человѣкъ сто, вооруженныхъ двустволками и револьверами) и, что въ нѣсколькихъ верстахъ на пути непріятельскаго отступленія, медленно тянутся тяжелыя орудія, увезенныя непріателемъ заблаговременно съ позицій. Пищимуки, взявъ съ собою казаковъ, отправился впередъ, чтобы захватить пушки, а если возможно то и «безсмертныхъ», а меня назначилъ вмѣсто себя начальникомъ. Такъ какъ въ нашемъ отрядѣ были офицеры старше меня чинами, то я и полагалъ, что онъ меня оставилъ за командира нашего батальона, а начальство надъ авангардомъ, за его отъѣздомъ,

переходить къ старшему въ чинѣ. День былъ очень жаркій; съ раннего утра мы ничего не ѣли; жажда насъ мучила, и я отпускалъ своихъ стрѣлковъ командами къ берегу Сыръ-Дарьи за водой. Вскорѣ мнѣ доложили, что казаки грабятъ бухарскій лагерь. Посланный туда офицеръ сообщилъ, что казаки берутъ только съѣстное, чай, разсыпанный по лагернымъ улицамъ, чайную посуду, да палатки, чтобы укрыться на сегодня отъ зноя. Кто знаетъ, какой тяжелый багажъ несетъ на себѣ въ походѣ пѣхотинецъ, тотъ пойметъ, что солдатъ не въ силахъ унести съ собой еще и бухарскую палатку. Поэтому я и дозволилъ своимъ стрѣлкамъ взять по нѣсколько палатокъ на роту, да чаю на заварку, а вскорѣ прибылъ къ намъ командующій войсками и въ свитѣ его комиссія для описи военной добычи. Генераль прослышалъ о разграбленіи лагеря и прибылъ для того, чтобы самолично учинить расправу надъ виновными. Мои объясненія онъ призналъ неосновательными и пригрозилъ мнѣ подевымъ судомъ за разграбленіе лагеря. У стрѣлковъ комиссія отобрала десятка два палатокъ, а у казаковъ, кромѣ палатокъ, нѣкоторое количество цѣннаго оружія и уздечекъ, украшенныхъ серебромъ и бирюзой и т. п. Ходатайство за меня начальника кавалеріи и вернушагося Пищимуки сначала встрѣчено было холодно, но когда начальникъ авангарда указалъ генералу на новыя трофеи, т. е. на захваченныя имъ пушки и на кучку плѣнныхъ «безсмертныхъ», причемъ заявилъ, будто я съ своей ротой содѣйствовалъ этому плѣненію,— чего на самомъ дѣлѣ не было,—то командующій смягчился и рѣшилъ оставить безъ послѣдствія дѣло о разграбленіи лагеря, но пообѣщавъ вычеркнуть меня изъ наградныхъ списковъ.

Передъ штурмомъ надѣвали чистое бѣлье, и въ отрядѣ наступала жуткая тишина, только издали,—оттуда, гдѣ дѣлались штурмовыя лѣстницы,—долеталъ неприятный стукъ забиваемыхъ гвоздей, который подымалъ въ душѣ безпокойство: казалось, рядомъ сбивали большой гробъ, который завтра опустятъ въ братскую могилу. Штурму предшествовали разныя дѣйствія, рекогносцировка, постройка насыпи для батарей и ложементовъ для пѣхотнаго прикрытія, бомбардировка крѣпости, измѣреніе крѣпостного рва и т. д. Самое развитіе боя рѣдко совпадало съ диспозиціей. Напримѣръ, при штурмѣ Ходжента предполагалось, что правая, самая сильная колонна ворвется первая въ городъ и отворить Кленаускія ворота лѣвой колоннѣ; но правая колонна была отбита, а лѣвая сама овладѣла воротами. Предполагалось, что въ головѣ штурмующей колонны пойдутъ охотники съ лѣстницами, а на дѣлѣ колонна, пустившаяся бѣгомъ, обогнала охотниковъ медленно тащившихъ длинныя лѣстницы. Невысокая передовая стѣна была взята безъ труда и атакующіе, поднявшись на ту сторону рва, оказались передъ воротами между двумя башнями, изъ бойницъ которыхъ стрѣляли въ упоръ, а сверху летѣли камни и бревна. Сгоряча солдаты принялись разбивать ворота прикладами, но приклады безъ толку ломались: тогда вспомнили о шанцевомъ инструментѣ, забытомъ въ ложементахъ, и о лѣстницахъ, брошенныхъ, какъ оказалось, передъ первой стѣнкой. Такое упущеніе ставило атакующихъ въ чрезвычайно

опасное положеніе. Къ довершенію неурядицы начальникъ колонны былъ жестоко избитъ камнями; но этотъ опытный и славный воинъ съумѣлъ быстро возстановить порядокъ: охотниковъ оставилъ за первой стѣнкой, приказавъ имъ энергично обстрѣливать крѣпостныя бойницы, и немедленно отправилъ расторопныхъ людей за шанцовымъ инструментомъ въ ложементы. Раньше чѣмъ были доставлены лѣстницы, топоры и ломы, солдаты, съ помощью штыковъ вбитыхъ въ отвѣсную глинобитую стѣну, стали подыматься: они лѣпились какъ стрижи по всей стѣнѣ до зубцовъ. Обстрѣливаемые охотниками защитники крѣпости стали прятаться, а потому и хуже направлять огонь, камни и бревна. Перевѣшенное на верху стѣны для метанія бревно принималось отъ непріятели и передавалось изъ рукъ въ руки и осторожно опускалось на землю, не задѣвая людей внизу. И въ тотъ моментъ, когда явились первые топоры и ломъ, которыми начали разбивать ворота, какому-то солдату пришло въ голову воспользоваться спущенными бревнами какъ тараномъ. Эти тараны дѣйствовали очень удачно, а главное, кипучая и дружная поголовная работа занимала всѣхъ и этимъ изглаживалась опасная мысль о неудачѣ съ ея роковыми послѣдствіями и, взамѣнъ неизбѣжнаго при неудачѣ недовѣрія къ командирамъ, явилась мысль, хотя и неясная для всѣхъ, о соединенныхъ усиліяхъ офицеровъ и подчиненныхъ, какъ о необходимомъ условіи не только для исправленія ошибки, но и для побѣды. И солдаты въ такихъ случаяхъ отличаются большей чуткостью, чѣмъ тѣ офицеры, которые склонны приписывать себѣ успѣхъ, а неудачу относить на счетъ солдатъ. И отношеніе солдатъ къ офицерамъ честно раздѣляющимъ съ ними труды и опасности съ одной стороны, и къ параднымъ командирамъ, дѣятельность которыхъ въ бою иногда слишкомъ стуживается съ другой, рѣзко различное: за первыхъ они жертвуютъ жизнью, а вторыхъ третируютъ со скандальной дерзостью, которую вынести могутъ только люди отпѣтые.

Наконецъ въ проломанные ворота ворвалась колонна. По диспозиціи она должна была занять всѣ башни влѣво до Сыръ-Дарьи, привести въ негодность непріятельскую артиллерію на стѣнахъ, сдать раненныхъ на берегу Дарьи въ баркасъ, посланный изъ вспомогательнаго отряда съ той стороны рѣки и двинуться оттуда кратчайшимъ путемъ къ цитадели на помощь къ третьей колоннѣ, назначенной захватить цитадель. Все это было легко исполнено, хотя на улицахъ приходилось брать баррикады, или лучше сказать земляныя насыпи солидной профили. Въ одномъ мѣстѣ, едва только голова колонны повернула въ широкую улицу, какъ съ большой баррикады послѣдовалъ залпъ изъ фальконетовъ и ружей. За одинъ моментъ передъ тѣмъ, солдатикъ изъ самыхъ незамѣтныхъ въ 4-ой ротѣ стрѣлковаго батальона, Сахаровъ оттолкнулъ своего ротнаго командира и прикрывъ его своимъ тѣломъ, а черезъ нѣсколько секундъ упалъ на его руки смертельно раненый. Жизнь этого офицера была куплена цѣною великой и благородной жертвы, на которую онъ добровольно не согласился бы. Понятно, что этотъ офицеръ считалъ себя потомъ всегда въ долгу передъ солдатами. Этотъ залпъ вывелъ изъ строя около десятка солдатъ потому, что непріятель сдѣлалъ ошибку: если бы колонна

втянулась въ улицу, то результатъ былъ бы несравненно губительнѣе. Зарядить вторично свое оружіе защитники баррикады не успѣли потому, что нѣсколько человѣкъ солдатъ инстинктивно, а можетъ быть и по расчету, бросились бѣгомъ впередъ, увлекая за собой всю колонну; такимъ образомъ сильная баррикада была взята.

Описаніе другихъ битвъ было-бы повтореніемъ сказаннаго съ не большими варіаціями.

Я возвратился въ Россію уже въ штабъ-офицерскомъ чинѣ.

М. Ашенбреннеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Красные дни въ Нижнемъ-Новгородѣ ¹⁾.

I.

Лѣтній вечеръ 1905 года. На окраинѣ Сормова, на полянкѣ около больницы кучка народа. Съ каждой минутой толпа увеличивается. По дорогѣ тянутся къ ней группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Это митингъ. Говоритъ ораторъ. Кругомъ на землѣ сидятъ рабочіе; послѣдніе ряды слушателей стоятъ. У каждого въ рукахъ зеленая вѣтка. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ въ сторонѣ дымятся костры. Это средства противъ надоѣдливыхъ комаровъ.

Ораторъ кончилъ. Апплодисменты. Поднимается другой. Рѣчи и споры тянутся до поздней ночи. Уже совсѣмъ стемнѣло. Погасли костры, и толпа сливается съ силуэтомъ деревьевъ. Только блестятъ въ темнотѣ огоньки папиросъ. Среди лѣтней тихой, прозрачной ночи—ясно и далеко слышенъ голосъ оратора.

Митингъ конченъ. Толпа встаетъ и, обнаживъ головы, поетъ процессальную пѣснь павшимъ борцамъ. Поютъ всѣ, дружно, хорошо спѣвши. Потомъ затягиваютъ любимую: «Дружно, товарищи, въ ногу». Съ послѣдними аккордами толпа начинаетъ расходиться.

Попытки устроить митинги на лодкахъ и въ самомъ Сормовѣ въ апрѣлѣ 1905 года сопровождались вооруженными столкновениями съ полиціей и жертвами съ обѣихъ сторонъ. Зато съ мая (главнымъ образомъ, съ середины мая) митинги, сперва подъ предлогомъ обсуждения экономическихъ нуждъ, стали почти ежедневными. Полиція до юльскихъ дней почти не дѣлала попытокъ разгонять ихъ. Свобода собраній и слова были завоеваны.

За два мѣсяца (середина мая—середина іюля) почти не было дня, чтобы на обычномъ мѣстѣ за больницей не собралась толпа. Сюда шли буквально всѣ сормовскіе жители всѣхъ возрастовъ, званій, состояній. Иногда въ дурную погоду собиралось нѣсколько десятковъ человѣкъ; кое-гдѣ открывались зонтики и несмотря на дождь, толпа терпѣливо, внимательно слушала оратора. Слишкомъ изголодались всѣ по свободному слову, чтобы пугаться ненастья. Въ другіе дни (особенно въ праздникъ, когда митингъ шелъ чуть не цѣлый день) пять-

¹⁾ Въ основѣ очерка лежатъ мои личные воспоминанія, проверенныя и дополненныя отчасти по разсказамъ товарищей, отчасти по мѣстнымъ газетамъ.

шесть тысячъ окружало оратора тѣсной массой. Выступали главнымъ образомъ представители социалдемократической партіи. Но мало-помалу сами присутствующіе стали брать слово. Говорили рабочіе о своихъ нуждахъ, манджурскіе солдаты разсказывали о притѣсненіяхъ на войнѣ, крестьяне жаловались на земельныя неурядицы. Аудиторія начала втягиваться въ дебаты. Митинги превратились въ дискуссіи. Нѣсколько разъ цѣлыми часами спорили представители партій социалдемократовъ и социалистовъ-революціонеровъ. И толпа внимательно слушала и горячо участвовала въ дебатахъ.

Цѣлый рядъ рѣчей былъ посвященъ обоснованію социалдемократической программы максимумъ и минимумъ и выясненію тактики социалдемократіи. Было прочитано нѣсколько лекцій въ систематическомъ порядкѣ. Рабочіе называли митинги своимъ «народнымъ университетомъ». Очень много вниманія было удѣлено злобамъ дня. Съ одной стороны—экономическимъ нуждамъ рабочихъ (въ это время какъ разъ бастовали нѣкоторые цехи и былъ остро поставленъ вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ) ¹⁾, съ другой—политическому моменту. Ораторы съ номеромъ мѣстной газеты въ рукахъ комментировали происходящія событія. Въ нихъ не было недостатка: Цусима, депутація 6-го іюня, Лодзинская забастовка, «Красный броненосецъ», земскій съѣздъ.

Задачей митинговъ было не только дать извѣстное социалдемократическое образованіе, но и приучить освѣщать всѣ вопросы дня съ социалдемократической точки зрѣнія. Митинги замѣняли политическую газету.

Значеніе этой поры собраній было громадно. Партія *впервые* выступила открыто на широкой аренѣ. *Впервые* могла обратиться непосредственно къ незатронутымъ массамъ. Пропаганда и агитація вмѣсто кружковыхъ собраній передъ десяткомъ рабочихъ, стала вестись передъ тысячами. Социалдемократическое ученіе стало извѣстно всѣмъ, и близкимъ и роднымъ для очень многихъ.

Идейное вліяніе партіи не соответствовало ея организациі. Организационное дѣло партіи стояло плохо. Въ ея средѣ шли разногласія. Какъ разъ лѣтомъ (въ іюнѣ—іюлѣ) возникла отдѣльная «меньшевистская» организація. Партія была расколота пополамъ. Агитація велась сообща. Организациія отдѣльно.

Въ Канавинѣ и Мелитовкѣ, которыя отдѣлены отъ города рѣкой, лѣтомъ установились почти такого же рода митинги, какъ и въ Сормовѣ. Населеніе этихъ мѣстностей почти исключительно пролетарское. Съ свободой собраній хуже всего обстояло въ городѣ. Открытыхъ митинговъ не было до самыхъ дней свободы. Нѣсколько малочисленныхъ массовокъ было организовано за городомъ. Это не удовлетворяло. Организациія стала пользоваться собраніями просвѣтительныхъ обществъ и всякихъ союзовъ, клубными вечерами и т. д., чтобы превращать дѣловыя собранія въ политическій митингъ. Такимъ путемъ было организовано довольно много митинговъ. Но все-таки

¹⁾ Одинъ или два раза былъ митингъ по этому вопросу въ церквахъ,—рабочіе сражались съ духовенствомъ.

это было не то что въ Сормовѣ. Это понятно. Въ городѣ не было крупныхъ фабрикъ. Большая часть организованныхъ рабочихъ вербовалась изъ ремесленниковъ, приказчиковъ и т. д. Сормово же представляло собою чисто пролетарскій поселокъ. Условія работы на тамошнихъ механическихъ заводахъ въ общемъ были очень хороши, особенно принимая во вниманіе дешевизну жизни ¹⁾. У рабочихъ было и время и возможность, какъ для саморазвитія, такъ и для общепартийной работы. Сормово числилось чуть не деревней: перепись 97 года его населеніе почему то причислила къ сельскому, а между тѣмъ многіе города могли бы позавидовать этому поселку.

Неудивительно, что Сормову принадлежала руководящая роль въ событіяхъ. Рѣшенія сормовичей всегда имѣли первое значеніе. Ихъ поведеніе оказывало влияніе на поведеніе Канавина и города.

Сормовичей боялась администрація. При одномъ возгласѣ «сормовичи идутъ» бѣжала вразсыпную черная сотня. Одинъ слухъ, что въ случаѣ еврейскаго погрома придуть сормовичи—парализовалъ «истинно-русскихъ людей».

Въ деревнѣ слово «сормовичъ» употреблялось по отношенію къ революціонерамъ вообще, оно было равнозначно словамъ «студентъ», «забастовщикъ», «соціалистъ». О смѣлости и рѣшительности сормовичей ходили чуть не легенды. Недаромъ горожане говорили, что въ Нижнемъ сормовичей можно сразу узнать по ихъ независимому виду, гордой поступи и т. д.

II.

Наступало 9-ое іюля—полугодовщина кровавого воскресенья. Партія усиленно готовилась къ однодневной всеобщей забастовкѣ. Шли митинги и собранія. Въ городѣ, кромѣ забастовки, было рѣшено устроить общій открытый митингъ около Народнаго Дома и попытаться отвоевать право собраній. Въ городѣ душой дѣла явилась городской организаторъ «Марья Петровна» (О. М. Генкина, убитая черной сотней въ Ивановѣ-Вознесенскѣ въ ноябрѣ 1905 года) ²⁾.

Забастовка въ общемъ удалась. Особенно дружно она прошла въ Сормовѣ, гдѣ было закрыто буквально все. Въ городѣ приходилось снимать; Днемъ у Народнаго Дома въ нѣсколько сотъ человекъ былъ митингъ. Развѣвались знамена, слышались рѣчи и пѣнье. Часть толпы демонстрантовъ прошла по улицамъ—было небольшое столкновеніе съ казаками и полиціей.

¹⁾ Больше четверти всѣхъ рабочихъ получали 60—70 и до 120 рублей въ мѣсяцъ, около половины—30—40 рублей; чернорабочіе получали 16—18 рублей; рабочее время продолжалось около 9 часовъ.

²⁾ О. М. начала работать въ Нижнемъ съ мая 1905 года. 10-го іюля она была на площади и едва сплелась отъ черной сотни на чердакѣ Народнаго Дома. Въ іюлѣ организовала побѣгъ одного товарища изъ больницы. Въ началѣ сентября была арестована и вышла освобожденная толпой 18-го октября. Помню нажавувъ ея отъѣзда изъ Нижняго, одинъ изъ товарищей рабочихъ шутливо предостерегаетъ ее противъ Иванова-Вознесенска: „тамъ черносотенцы васъ въ котель бросять“. Черезъ нѣсколько дней пришла вѣсть о ея смерти.

Въ Сормовѣ была попытка разогнать митингъ, но, разойдясь, рабоче собрались снова. До поздней ночи длился митингъ, привлечшій тысячи двѣ-три.

На слѣдующій день, въ воскресенье 10-го, въ Сормовѣ былъ обычный митингъ. Въ Нижнемъ митингъ не удался. Уже нѣсколько дней администрація готовилась. По трактирамъ шла черносотенная агитація. Въ городѣ были опредѣленно извѣстны имена руководителей.

И вотъ когда народъ сталъ собираться на митингъ къ Народному Дому, черная сотня набросилась на собравшихся. Часть рабочихъ защищалась и даже обратила черную сотню въ бѣгство, но тутъ явились на помощь казаки, и за черной сотней остался перевѣсъ. Собравшихся звѣрски избили. Потомъ черносотенцы разошлись группами по городу, сопровождаемые отрядами казаковъ и продолжали избіеніе отдѣльныхъ лицъ—рабочихъ, учащихся и всякаго случайно подвернуваго за то, что онъ носитъ шляпу, или очки, за то, что онъ кому нибудь напоминалъ рабочаго, интеллигента, студента и т. д.

Нѣсколько человекъ было убито, нѣсколько десятковъ ранено.

До ночи по городу слышалось улюлюканье, пьяные крики ура, битье стеколъ.

Городская дружина была малочисленна и не имѣла никакой возможности оказывать сопротивленіе. На слѣдующій день съ ранняго утра пріѣхало нѣсколько десятковъ сормовичей. Было организовано патрулированіе города. Въ этотъ день на группу сормовичей на Нижнемъ базарѣ напала толпа черной сотни и при содѣйствіи полиціи началось избіеніе. Сормовичи отстрѣливаясь направились къ пристанямъ. Часть изъ нихъ уѣхала. Нѣсколько человекъ были избиты и свезены въ больницу (а оттуда въ тюрьму), двое—Леонидъ Командинъ и Алексѣй Дмитріевъ убиты.

Вечеромъ того же дня въ Сормовѣ при попыткѣ полиціи разогнать митингъ была брошена бомба. Полиція обратилась въ бѣгство. А на слѣдующій день Андрей Ефремовъ былъ убитъ бомбой, которую онъ собирался бросить въ казаковъ. ¹⁾

Послѣ этихъ событій черносотенныя избіенія прекратились, административный терроръ—продолжался. Митинги въ Сормовѣ и Канавинѣ стали энергично разгоняться. Ихъ пришлось перенести далеко отъ Сормова, они стали малочисленны и нерегулярны.

Въ субботу 16 въ Сормовѣ торжественно хоронили Командина и Дмитріева. Собралось все Сормово. Группы везли изъ города. Толпа шла навстрѣчу. Развѣвались флаги. Слышалось пѣніе. На кладбищѣ не могли помѣститься всѣ, кто пришелъ. Тысячи стояли за оградой. Надъ могилой говорились рѣчи. Толпа плакала. Сормово не видало

¹⁾ Ефремовъ не былъ въ дружинѣ и пошелъ по своей инициативѣ подъ вліяніемъ событій въ городѣ. Нѣсколько разъ онъ наткнулся на патруль солдатъ, но ихъ онъ не хотѣлъ убивать. Когда онъ подходилъ къ казакамъ, его два раза обликнулъ часовой. Онъ сталъ перекладывать бомбу изъ руки въ руку и уронилъ ее.

такихъ грандіозныхъ похоронъ. Всѣ пришли сказать послѣднее прости погибшимъ товарищамъ. ¹⁾

Какъ же проявила себя организациа въ черные іюльскіе дни? Что дѣлалъ комитетъ? Онъ бездѣйствовалъ. Организациа растерялась (я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, городъ). Она была подавлена неожиданнымъ происшедшимъ. Она не знала, что дѣлать. Она мучительно чувствовала свое безсиліе. Комитетъ не далъ никакихъ лозунговъ, и никакихъ директивъ. На этой почвѣ произошелъ конфликтъ периферіи съ комитетомъ: она обвиняла его въ бездѣятельности и т. д., и онъ былъ вынужденъ согласиться со всѣми обвинениями. Партиіные работники собирались случайно, чтобы выработать программу дѣйствій, но эти частныя собранія ни къ чему не приводили. Всѣ растерялись, всѣ были подавлены, нѣкоторые предлагали... приступить къ террористической борьбѣ и партизанскимъ выступленіямъ...

Никакой тактики выработано не было, и члены партиі дѣйствовали всякій на свой страхъ.

Только недѣли черезъ двѣ растерянность и дезорганизациа начали проходить. И только въ концѣ іюля вышелъ листокъ о событіяхъ. Іюльскіе дни показали неподготовленность партиі къ активнымъ дѣйствіямъ, ея неумѣнье приспособляться къ перемѣнѣ обстоятельствъ, дать жизненные лозунги.

Октябрьская стачка не захватила Нижняго. Одна изъ основныхъ причинъ этого былъ расчетъ Сормовскаго завода. Въ началѣ августа заводъ былъ закрытъ на неопредѣленное время. Въ концѣ мѣсяца работы начали возобновляться, но значительная часть рабочихъ не была принята вновь. Благодаря этому, на заводѣ было пониженное настроеніе, и не представлялось почти фактической возможности забастовать. А безъ поддержки Сормова городъ былъ ноль. Въ серединѣ октября велась кое-какая агитациа въ пользу присоединенія къ забастовкѣ, начиная съ 18 октября, но безъ успѣха.

Телеграммы о манифестѣ пришли 17-го ночью. Зазвонили телефоны. Буржуазія города поднимала съ постели своихъ знакомыхъ. Клубная публика, побросавъ карты, начала произносить тосты, поздравлять съ конституціей и пить шампанское. Часть партиіныхъ работниковъ, еще ночью узнавъ о манифестѣ, выработывала программу дѣйствій на завтра. Въ рабочихъ кварталахъ было тихо. Буржуазія первая отпраздновала побѣду. Широкія массы населенія узнали о манифестѣ утромъ и днемъ 18-го.

Съ утра 18-го городъ принялъ необычный видъ. Всюду группы и толпы, обсуждающія манифестъ. Со всѣхъ улицъ и окраинъ народъ тянется на Благовѣщенскую площадь, къ Кремлю. Тамъ и сямъ рабочіе, разнося вѣсть о манифестѣ, снимаютъ съ работъ и зовутъ на

¹⁾ Андрей Ефремовъ преданно работалъ въ организациа съ 1902 года; главнымъ образомъ организовалъ котельщиковъ, работалъ немного и въ технику; лѣтомъ 1905 года энергично распространялъ оружіе. Былъ въ сормовскомъ коллективѣ.

Леонидъ Командинъ работалъ съ 1901 года; свыше года провелъ въ тюрьмѣ, одно время былъ въ Нижегородскомъ комитетѣ; весной 1905 г. былъ раненъ при попыткѣ организовать митингъ. Былъ въ сормовскомъ коллективѣ.

Ал. Дмитріевъ еще совсемъ молодой парень, лѣтъ 18—19, въ организациа съ конца 1904 г.; былъ очень активнымъ членомъ боев. дружины.

улицу. 11 часовъ утра. На площади уже нѣсколько тысячъ. Толпа все растетъ. Ораторъ (соціалдемократъ) взбирается на фундаментъ строящагося памятника Александра Второго:

«Граждане»...

Онъ говоритъ о побѣдѣ надъ самодержавіемъ. Первая рѣчь, которую слышитъ народъ, первое свободное слово—звучитъ предостереженіемъ противъ отступившаго, но не свергнутаго окончательно врага. Ораторъ убѣждаетъ не вѣрить бумажной конституціи, рѣзко критикуетъ манифестъ, призываетъ бороться дальше. Говоритъ другой, третій. Недовѣріе правительству, критика «свободъ», призывъ къ борьбѣ—такъ звучатъ основныя ноты первыхъ свободныхъ рѣчей. Другая тема рѣчей—свобода не дарована, а завоевана упорной борьбой рабочихъ. Ораторы призываютъ почитать память погибшихъ и привѣтствовать живыхъ. Толпа съ энтузіазмомъ встрѣчаетъ предложеніе. И въ эти же первые часы народныхъ митинговъ говорятъ о конечной цѣли пролетаріата—соціализмъ; конституціонной монархіи противопоставляютъ демократическую республику.

Митингъ продолжается. Флаговъ еще нѣтъ. Какой-либо организации митинговъ тоже. Выступаютъ главнымъ образомъ не профессиональные агитаторы, а рядовые работники партіи. (Почти исключительно соціалдемократы, мало соціалистовъ-революціонеровъ, ни одного кадета). Говорятъ рабочіе. Одинъ сормовичъ говоритъ съ удивительно простымъ, яснымъ и образнымъ краснорѣчіемъ. Стихійный подъемъ дѣлаетъ ораторовъ.

Толпа слушаетъ внимательно. Но она еще не разобралась въ томъ, что случилось. Она не воспринимаетъ соціалдемократическихъ лозунговъ,—демократической республики, соціализма. Кое-гдѣ замѣтно даже неудовольствіе противъ нападковъ на самодержавіе. Публика смотритъ на происходящее, какъ на какое-то новое, невиданное зрѣлище. Она не ориентировалась, и ошибка ораторовъ отчасти въ томъ, что они недостаточно чутко отнеслись къ этой растерянной, неподготовленной аудитории. (Я не разумѣю «простую» публику, въ первый день преобладала публика «чистая»).

Около часу—двухъ кто-то въ толпѣ бросаетъ лозунгъ: «къ тюрьмѣ!» (Ораторы упоминали о жертвахъ, о необходимости амнистии). Толпа подхватываетъ. Нѣкоторые организованные рабочіе пытаются удержать это движеніе: толпа смѣшанная, рабочихъ мало, много женщинъ и подростковъ, да и не настолько грандіозна, чтобы рассчитывать на успѣхъ. Но ничего нельзя было подѣлать. Часть толпы направляется къ первой тюрьмѣ, часть ко второй. Остальные остаются или разбредаются по городу. Кадеты и кое-кто изъ публики пошли къ губернатору депутаціей съ просьбой объ освобожденіи.

Около женской тюрьмы довольно много народа, около мужской нѣсколько сотенъ. Требованіе толпы быстро удовлетворяютъ. Радостными криками встрѣчаютъ освобожденныхъ, обнимаютъ, жмутъ руки. Представители отъ толпы обходятъ всѣ камеры, чтобы провѣрить слова администраціи.

Отъ тюремъ идутъ назадъ на площадь. Кто-то затягиваетъ марсельезу. Подхватываютъ. А флаги? Гдѣ же красные флаги? Флаги

импровизируютъ, обрывая бѣлыя и синія полосы отъ національныхъ флаговъ, развѣшанныхъ у домовъ. Съ этими узкими полосками кумача идетъ толпа. Городовые отдають честь, солдаты снимають фуражки. Какой-то старый генераль обнажаетъ голову передъ знаменемъ пролетаріата.

На площади часовъ съ трехъ организуется грандіозный митингъ. Опять рѣчи, пѣнье. Крики ура. Надъ головой ораторовъ и среди толпы развиваются красныя знамена. А вдали виднѣются казаки. Ихъ скоро убрали. Но настроеніе все-таки тревожное. Одного возгласа «черная сотня», «казаки», достаточно, чтобы толпа побѣжала. Съ трудомъ удается прекратить панику. Одинъ разъ паника возникла при одномъ словѣ оратора «можетъ быть, на насъ набросится черная сотня откуда-нибудь изъ-за угла».

Часамъ къ пяти начинаютъ расходиться. Возникаетъ рядъ импровизированныхъ демонстрацій. Весь день на перекресткахъ и на площадяхъ идутъ толки, бесѣды, рѣчи. Городъ неузнаваемъ.

Вечеромъ въ театрѣ, въ Народномъ Домѣ, въ клубахъ митинги. Народу невѣроятно много. Значительная часть желающихъ не могла пробиться.

Въ тотъ же день вечеромъ въ одномъ изъ клубовъ происходило собраніе всѣхъ партійныхъ (обѣихъ фракцій) работниковъ города, и представителей отъ Сормова. Впервые собралось такое демократическое собраніе. При невѣроятной тѣсотѣ и духотѣ собраніе засѣдало до ночи. Основной вопросъ былъ о тактикѣ. Положеніе создалось новое, неожиданное; неудивительно, что многіе говорившіе переоцѣнивали событія и особенно сознательность массъ. Практическія предложенія были очень разнообразны. Одинъ товарищъ меньшевикъ предлагалъ немедленно завладѣть городскимъ самоуправленіемъ и организовать его на основѣ четырехчленной формулы. Сормовичи находили нужнымъ сейчасъ же открыть военныя дѣйствія и захватить оружіе. Нѣкоторые товарищи хотѣли приступить къ организаціи демократіи городской и сельской. При обсужденіи вопроса о партійной организаціи была брошена, но почти не нашла отклика, мысль организовать партію и примыкающихъ къ ней лицъ вокругъ клубовъ (черезъ нѣсколько дней клубы стали организоваться). Было рѣшено между прочимъ дѣйствовать въ выступленіяхъ совмѣстно обѣимъ фракціямъ. (Переговоры объ объединеніи велись и раньше, но Объединенный комитетъ возникъ, кажется, только 18); было рѣшено перенести организаціонную работу въ районы, разбивъ всѣхъ работниковъ между районами, и образовать въ каждомъ свой центръ; была избрана редакціонная комиссія. Прежде всего надо было использовать право собраній. На слѣдующій день былъ назначенъ митингъ на площади. Забастовку рѣшено продлить.

Около 12 часовъ ночи въ полутемной комнатѣ собралась редакціонная комиссія. Сидя на избирательныхъ ящикахъ за низкимъ столомъ съ огаркомъ, члены комиссіи составляли прокламацію «къ гражданамъ». Съ низу слышались звуки марсельезы (въ клубѣ шелъ спектакль). Писать пришлось на какой-то театральной афишѣ. Надо было спѣшить, чтобы къ утру прокламація была отпечатана въ 25

тыс. экземплярахъ. Это была первая прокламація, напечатанная въ легальной типографіи.

19-го манифестаціи превзошли все, что было наканунѣ. Если наканунѣ толпу можно было считать тысячами, то 19-го десятками тысячъ. Митингъ на площади въ 11 час. былъ назначенъ официально объединеннымъ Соціалъ-Демократическимъ Комитетомъ. Повсюду были расклеены призывы на митингъ и вмѣстѣ съ ними краткое извѣщеніе предупреждавшее черную сотню, что противъ всякихъ попытокъ устроить безчинства будутъ приняты суровыя мѣры.

На площади говорили сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Всюду виднѣлись громадныя знамена и плакаты съ надписями «демократическая республика», «да здравствуетъ социализмъ», «мы требуемъ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права», «да здравствуетъ учредительное собраніе», и т. д., и т. д. Въ толпѣ преобладали рабочіе. Виднѣлись крестьяне, пріѣхавшіе изъ окрестностей. Изъ разныхъ частей города приходили одна за другой толпы съ знаменами, съ пѣніемъ.

Въ Сормовѣ утромъ былъ митингъ въ столовой, оттуда вся толпа двинулась на особомъ поѣздѣ въ городъ. Около 1—2 часовъ на благовѣщенской площади раздались крики «сормовичи идутъ». Вся толпа повертывается къ Зеленскому съѣзду. Тамъ тѣсной толпой въ нѣсколько тысячъ человекъ, съ десятками флаговъ и плакатовъ, съ красными перевязями на шляпахъ и рукахъ, съ красными бантами на груди, идутъ сормовскіе рабочіе. Впереди духовой оркестръ, исполняющій марсельезу. За сормовичами тянется длиннымъ хвостомъ масса публики. Изъ толпы раздается единодушный крикъ привѣтствія: «Ура! Да здравствуютъ сормовичи! Ура! Ура!» Головы обнажены, машутъ шапками, платками. Вся площадь гремитъ. Въ лицѣ сормовичей городъ привѣтствуетъ рабочей классъ. Марсельезу подхватываютъ всѣ. Сормовскія знамена становятся рядомъ съ городскими. Двѣ толпы сливаются, перемѣшиваются. Вся площадь покрывается людьми. Митингъ продолжается. Настроеніе приподнятое. Нѣтъ и помину о паникѣ, которая повторялась не одинъ разъ до прихода сормовичей. Говорятъ сразу десятки ораторовъ. Для нихъ откуда-то появились бочки, скамейки. Среди толпы раздаются прокламаціи, продаются «пѣсни революціи», идутъ сборы на партію. Нѣсколько часовъ идетъ митингъ. Ораторы смѣняются одинъ за другимъ. Толпа ненасытна къ свободному слову.

Въ это же время засѣдаетъ Городская Дума. Какъ разъ подъ ея окнами происходила встрѣча сормовичей и народный митингъ. Не удивительно, что голова Меморскій осмѣливается въ своей рѣчи поругать и полицію, и казаковъ, не удивительно, что Дума постановляетъ «... ходатайствовать объ удаленіи казаковъ, ... просить объ амнистіи и отмѣнѣ исключительныхъ законовъ». Мало этого Дума почтила вставаніемъ погибшихъ борцовъ, рѣшила ассигновать 100 т. рублей на народный университетъ и принять содержаніе Народнаго Дома на думской счетъ. «Мы должны дать свободному народу помѣщенія для его собраній»—говоритъ Меморскій. Впрочемъ народъ уже пользовался ими безъ разрѣшеній городского головы. Послѣ засѣданія нѣкоторые

гласные идутъ на площадь. Меморскій читаетъ толпѣ постановленія. Часть публики—вообще радостно настроенной—громко апплодируетъ городскому головѣ. Другая кричитъ и спрашиваетъ, почему Дума ходатайствовать объ удаленіи казаковъ, а не отказываетъ немедленно казакамъ въ помѣщеніи и пособіяхъ. Городской голова возражаетъ, «вѣдь и казаки люди», и спѣшитъ уйти съ площади.

Послѣ митинга, толпа въ порядкѣ, окружая цѣпью знамена и оркестръ, двинулась по Покровкѣ; другая, во главѣ съ сормовцами, по зеленскому съѣзду къ пристанямъ. Для сормовичей были приготовлены два волжскихъ парохода. До позднего вечера тянулись толпы, развивались флаги, слышалось пѣніе. Вечеромъ снова были грандіозные митинги. Въ виду того, что кое-гдѣ забастовка вызвала недовольство мало сознательныхъ массъ и давала поводъ къ черносотенной агитаціи, рѣшено было прекратить принудительную забастовку 20-го. Кромѣ того партійные работники всюду при всякомъ скопленіи черносотенной публики вмѣшивались въ толпу и старались парализовать черносотенное настроеніе, что имъ и удавалось. 20-го начались работы почти вездѣ, кое-гдѣ бастовали и въ этотъ день. Газеты не выходили только 19 и 20. 21-го Нижегородскій Листокъ вышелъ съ крупной надписью на первой страницѣ «Да здравствуетъ свобода», а на 4-ой страницѣ мелко значилось «дозволено цензурой». Свобода была еще подъ опекой.

19-е положило рѣзкую печать на все дальнѣйшее. Прибытіе сормовичей и грандіозная демонстрація показали силу рабочихъ. Послѣ этихъ двухъ дней манифестацій, уличныхъ движеній въ широкихъ размѣрахъ не повторялось. Главная дѣятельность партіи свелась къ организаціи митинговъ.

4.

Октябрскіе дни—были днями митинговъ. Ни одна изъ свободъ не была такъ широко использована какъ свобода собраній и слова; и ничто не имѣло такого колоссальнаго успѣха. Центромъ митинговъ все время былъ Народный Домъ. Часовъ съ 8-ми толпа сплошной массой начинаетъ тянуться черезъ турникеты. Около нихъ стоятъ лица отъ партіи, собирающія на дружины, на самооборону, на нужды организаціи, на работу въ деревнѣ и т. д. Здѣсь же продаются программы партіи, брошюры, раздають прокламаціи. Скоро зала набита такъ, что нѣтъ возможности протолкаться даже черезъ проходы. Всѣ помѣщенія переполнены. Пора начинать. Выбирають предсѣдателя изъ членовъ соціалдемократической партіи. Начинаются рѣчи. Во время перерывовъ толпа поетъ рабочія пѣсни. Одновременно въ столовой идетъ свой митингъ. Въ одномъ фойѣ собраніе партійныхъ работниковъ, въ другомъ—засѣданіе какого-нибудь профессиональнаго союза и т. д. Всѣ помѣщенія использованы. Часовъ въ 11—12 митингъ заканчивается, но иной разъ, особенно при дискуссіяхъ, толпа не расходится до поздней ночи. Все время напряженное вниманіе и образцовый порядокъ. Несмотря на всѣ попытки черносотенцевъ, ни разу не было паники.

Иногда, главнымъ образомъ въ декабрѣ въ моментъ забастовки электрической станціи, засѣданія носили фантастическій характеръ — въ громадномъ зданіи было совершенно темно и только кое-гдѣ горѣли свѣчи, сильно коптя, едва освѣщая лица собравшихся. И невольно вспоминалась французская революція съ ея засѣданіями клубовъ при мерцаніи сальныхъ огарковъ.

На первыхъ порахъ митинги происходили въ двухъ трехъ мѣстахъ. Скоро кромѣ Народнаго Дома, двухъ общественныхъ клубовъ (а иногда трехъ) и театра—явилась возможность использовать рядъ городскихъ помѣщеній: зданія школь, чайныхъ и столовыхъ, помѣщеніе городской библіотеки, «столбы» (на Милліонной) зданіе биржи и т. д. Митинги стали одновременно организоваться въ нѣсколькихъ мѣстахъ города. Партія старалась для каждаго района найти свое помѣщеніе. Въ Сормовѣ центромъ собраній явилась народная столовая; кромѣ нея народные митинги происходили въ клубѣ служащихъ, школахъ и даже на берегу Волги (для судорабочихъ). Всего въ распоряженіи партіи было нѣсколько десятковъ помѣщеній разныхъ размѣровъ. О митингахъ извѣщали черезъ газеты, а въ Сормовѣ при посредствѣ особыхъ объявленій, расклеенныхъ повсюду. Митинги были въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и въ нѣсколько тысячъ.

Митинги въ Народномъ Домѣ и въ Сормовѣ происходили сперва ежедневно. Потомъ разъ пять въ недѣлю. Число мелкихъ митинговъ невозможно подсчитать. Ихъ было въ одномъ городѣ много десятковъ. И всегда всѣ помѣщенія митинговъ были переполнены. Сотнямъ приходилось отказывать. Число участниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстно довольно точно, благодаря турникетамъ, регистрировавшимъ публику. Въ Народномъ Домѣ за двѣ недѣли съ 18 октября по 2 ноября перебывало около 30,000 человѣкъ. При такой посѣщаемости за все время свободъ число участниковъ митинговъ въ Народномъ Домѣ должно достигнуть по крайней мѣрѣ 100,000 человѣкъ. Извѣстно также, что съ 6 ноября по 5 декабря въ городскихъ помѣщеніяхъ на 25 митингахъ было около 12 съ половиной тысячъ человѣкъ.

Сормовская столовая часто собирала митинги въ нѣсколько тысячъ человѣкъ (иногда тысячъ 3—4). Общее число посѣщеній митинговъ въ городѣ, Канавинѣ и Сормовѣ при скромномъ расчетѣ придется опредѣлить въ 250—300 тыс. Замѣтимъ, что почти всѣ митинги были организованы социалдемократіей и всѣ помѣщенія были въ ея рукахъ. Кадеты организовали за все время едва ли два, три, да и то для интеллигенціи; социалисты-революціонеры устроили митинговъ 10 въ городѣ, въ Сормовѣ больше.

Сперва на митингахъ (въ городѣ) преобладали интеллигенты. Мало по малу процентъ рабочихъ увеличился. Партія приняла къ этому мѣры, устраивая иногда исключительно рабочіе митинги, куда пускали только по билетамъ, распространяемымъ партійными организаціями. Общій составъ публики былъ очень смѣшанный. И старики, и дѣти (въ началѣ ноября перестали пускать слишкомъ юныхъ), женщины, рабочіе, крестьяне, босяки, офицеры, солдаты, прокуроры и переодѣтые околоточные, черносотенцы и духовенство вплоть до ар-

хіерея. Иной разъ были спеціальныя митинги или представителей одной профессіи (желѣзнодорожниковъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ, портныхъ, извозчиковъ, прислуги и т. д., и т. д.), или митинги женщинъ (въ Сормовѣ), митинги поляковъ, босяковъ (въ «Столбахъ» раза три-четыре въ недѣлю), рекрутовъ и учащихся среднихъ школъ.

Ораторами выступали представители партій (преимущественно социалдемократы, нѣсколько разъ социалисты-революціонеры и, кажется, всего раза два кадеты). Но значительную часть ораторовъ давала сама аудиторія. Такихъ самобытныхъ ораторовъ было гораздо больше. Надо замѣтить, что эти ораторы изъ толпы очень часто имѣли грандіозный успѣхъ среди публики, потому что говорили просто на доступныя житейскія темы. Выступаетъ солдатъ и говоритъ о бѣдствіяхъ въ Манчжуріи, объ испытанныхъ имъ притѣсненіяхъ. Говоритъ мужикъ о землѣ и земскомъ начальникѣ. Другой нападаетъ на поповъ, иллюстрируя рѣчь своими собственными мытарствами. Босякъ описываетъ положеніе золотой роты. Безработный проситъ помочь. Бастующій телеграфный чиновникъ или рабочій трамвая сообщаетъ о ходѣ забастовки. Говоритъ новобранецъ.

Этого рода доморощенные ораторы давали обычно любопытный конкретный матеріалъ, освѣщавшій рѣчь партійнаго оратора и воплощавшій его теоретическія разсужденія. Ораторъ изъ толпы былъ не оцѣнимъ для митинга. Онъ не разбирался въ вопросѣ, онъ не давалъ партійнаго освѣщенія, но зато онъ былъ неистощимымъ источникомъ агитаціоннаго матеріала. Сама жизнь подтверждала теорію. И надо признаться, мы часто слишкомъ теоретически говорили, слишкомъ теоретически подходили къ аудиторіи. Мы не умѣли конкретизировать. Партійные работники привыкли къ пропагандистскимъ кружкамъ и лекціонной системѣ. Имъ пришлось теперь наскоро передѣлываться въ агитаторовъ. Иногда наши ораторы, переоцѣнивая сознательность и революціонность аудиторіи, или были непонимаемы слушателями, или давали почву для черносотенной пропаганды. Надо было, начавъ съ безспорнаго положенія о вредѣ земскаго начальника, довести протестующую мысль до логическаго конца. Мы только современемъ научились этому. Сперва мы часто шли обратнымъ дедуктивнымъ путемъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ шаговъ партійные ораторы сьумѣли найти дорогу въ сердце темной массы. И часто полупьяная толпа черной сотни въ «манежѣ» безмолвно слушала рѣчи социалдемократовъ и восторженно принимала ихъ лозунги.

Третій рядъ ораторовъ — не партійные, но и не непосредственныя. Ихъ было три, четыре. Они были радикальны, склонялись къ социалдемократической партіи, но теоретически невыдержанные, иной разъ говорили поразительно наивныя или нелѣпыя вещи. Интересенъ одинъ приказчикъ, искренній христіанинъ, который не одинъ разъ выступалъ противъ православнаго духовенства. Другіе боролись противъ національныхъ предразсудковъ или призывали къ объединенію всѣхъ партій, въ «Столбахъ» регулярно выступалъ, бывший учитель, босякъ съ темами на текущіе вопросы и мелкій паромщикъ, воевавшій съ «красными».

Главной темой митинга были злобы дня. Освѣщеніе событій,

комментируемые правительственных актов, и т. д. Одновременно шла и теоретическая пропаганда—излагали программу максимумъ и подробно всѣ пункты программы минимумъ, разбирали вопросы тактики. Иной разъ митингъ носилъ чисто агитационный характеръ, выносившій резолюции и рѣшенія (напримѣръ, протестъ противъ назначенія Нейдгардта губернаторомъ, требованіе къ Думѣ объ образованіи народной милиціи, о бойкотѣ штрейкбрехеровъ трамвая и т. д.). Временами на митингахъ читались теоретическія лекціи. Съ 5 ноября началось специальное чтеніе лекцій для рабочихъ (по билетамъ). Была составлена лекторская коллегія и намѣчены слѣдующія темы (около половины и были прочитаны): 1) о социализмѣ, 2) о самодержавіи, 3) о свободахъ, 4) системы народнаго представительства, 5) мѣстное самоуправленіе, 6) финансовая система, 7) демократическая республика, 8) о рабочемъ днѣ, 9) государственное страхованіе рабочихъ, 10) аграрная программа, 11) исторія рабочаго и революціоннаго движенія въ Россіи, 12) международный характеръ рабочаго движенія, 13) милитаризмъ, 14) отдѣленіе церкви отъ государства, 15) національный вопросъ, 16) либералы. Послѣ лекціи бесѣдовали на тему дня. Лекціи были организованы въ народномъ домѣ, въ Сормовской столовой; нѣкоторыя были прочитаны и въ другихъ аудиторіяхъ. (Были еще организованы 3—4 платныя лекціи, преимущественно для интеллигенціи; социалисты-революціонеры устроили около трехъ, а кадеты, кажется, одну). Митинги довольно часто превращались въ дискуссіи представителей разныхъ партій, особенно социалдемократовъ и социаль-революціонеровъ, по аграрному вопросу. Раза два сѣплялись съ кадетами. (Обычно кадеты на народныхъ митингахъ присутствовали, но не говорили). Были дискуссіи... съ черной сотней (о нихъ ниже). Особенно интересно было выступленіе духовенства. Товарищъ социалдемократъ читалъ лекцію объ отдѣленіи церкви отъ государства, оппонентами явились мѣстный архіерей и кое-кто изъ священниковъ. Вышелъ формальный бой, весьма печальный для защитниковъ православія — духовенство удалилось, не дождавшись конца. Аудиторія была на сторонѣ «красныхъ». Это, кажется, единственный въ Россіи примѣръ, чтобы архіерей присутствовалъ на социалдемократическомъ митингѣ, да еще вступалъ въ споръ съ представителями партіи.

Нѣкоторые митинги организовывались только для членовъ известной профессіи и являлись учредительнымъ собраніемъ для профессиональныхъ союзовъ. Въ Сормовѣ митингъ иногда превращался въ народный судъ. Потому для суда былъ назначенъ одинъ день въ недѣлю. Судили двухъ мастеровъ — оба явились на судъ по требованію и принесли съ собою вороха писемъ и документовъ. Судъ постановилъ, чтобы мастера ушли съ завода. Судили шпионовъ: обычный приговоръ—выселеніе изъ Сормова.

Въ Сормовскій народный судъ скоро стали обращаться со всѣми нуждами. Ему жаловались женщины на дороговизну молока (былъ проведенъ своеобразный бойкотъ, урегулировавшій цѣны), къ нему обращались съ просьбами разобрать семейныя неурядицы, или... «отыскать пропавшаго мужа» и т. д. Судъ энергично боролся противъ тайной

продажи вина: рядъ шинковъ былъ закрытъ, вино конфисковано. Дѣло дошло до того, что самъ приставъ не разбиралъ жалобъ, а отправлялъ просителей въ рабочей судъ.

Агитація была поставлена въ общемъ очень широко и захватывала всѣ слои населенія, шла работа и среди солдатъ: они очень охотно посѣщали митинги. Запрещеніе начальства затормозило дѣло—приходилось переодѣваться, что не для всѣхъ было возможно. Среди солдатъ было организовано нѣсколько кружковъ (2, 3). Распространялись прокламаціи. (Кажется, четыре прокламаціи были специально для солдатъ—онѣ разошлись тысячахъ въ 20). Гораздо успѣшнѣе шла агитація среди новобранцевъ. Было нѣсколько митинговъ специально для нихъ. Во время призыва новобранцы расхаживали по улицамъ съ марсельезой. Въ самомъ воинскомъ присутствіи, несмотря на всѣ окрики начальства, пѣли марсельезу, открыто раздавали и расклеивали прокламаціи.

Не была забыта и деревня. И для нея настала пора митинговъ и демонстрацій; и тамъ появился красный флагъ и раздались звуки марсельезы. Было организовано много десятковъ митинговъ, на которыхъ присутствовало по 200—300 человекъ. Основой агитаціи явилось ознакомленіе населенія съ «манифестомъ 17-го октября». Во многихъ мѣстахъ только агитаторы впервые читали его населенію, такъ какъ власти его замалчивали. Ораторы выясняли, при какихъ условіяхъ данъ манифестъ, критиковали его, призывали къ борьбѣ. Обыкновенно митинги заканчивались принятіемъ резолюцій и приговоровъ объ учредительномъ собраніи, милиціи, отобраніи земель и т. д.

Особенно энергично велась агитація среди деревень около Сормова. Сормовичи съ флагами толпой обходили сосѣднія деревни и организовывали митинги и демонстраціи. За дни свободы окружная социал-демократическая организація значительно расширила связи, почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ возникли группы, явившіяся центрами для уѣздовъ. Въ серединѣ декабря (на 18-ое) партія подготовляла крестьянскій съѣздъ въ Народномъ Домѣ. Онъ не могъ состояться изъ-за начавшихся репрессій¹⁾.

Среди крестьянъ было распространено около 120—150 тыс прокламацій. Вообще литературная дѣятельность организаціи оживилась со днями свободы. 18-го была избрана соединенная редакціонная группа (человекъ около 8-ми), которая собиралась первое время ежедневно, а потомъ раза 4 въ недѣлю. Появилась возможность пользоваться тѣмъ или инымъ путемъ легальными типографіями, поэтому работа могла идти довольно успѣшно, хотя все-таки часто (особенно въ декабрѣ) техника задерживала. За два мѣсяца (до середины декабря) было издано около 20 прокламацій болѣе, чѣмъ въ *трехстахъ* тысячахъ экземпляровъ. (Кромѣ того нѣкоторыя издала и перепечатала Сормовская организація). Припоминаются слѣдующія: первая—къ гражданамъ (25 тысячъ), къ солдатамъ (кажется три, въ томъ числѣ перепечатка

¹⁾ О дняхъ свободы въ нижегородскихъ деревняхъ см. статью, составленную на основаніи данныхъ окружной организаціи въ № 1 нижегородской газеты „Утро“ (1-го января 1906 г.).

письма матроса), къ офицерамъ, къ казакамъ, къ крестьянамъ (2—3 одна въ 50 тысячъ, другая въ 60 тысячъ), красное и бѣлое знамя, призывъ къ бойкоту трамвая, о выкупныхъ платежахъ, объ еврейскихъ и черносотенныхъ погромахъ (2), о забастовкѣ въ декабрѣ (2—3) программа партіи (около 25 тысячъ), пѣсни революціи (около 10—16 тысячъ), манифестъ объединенныхъ организацій о финансовомъ бойкотѣ (около 60 тысячъ экземпляровъ), долой Нейдгардта, и т. д. Въ декабрьскіе дни издавались бюллетени (по нѣсколькѣ въ день) о ходѣ забастовки. Литературы все-таки не хватало, спросъ невозможно было удовлетворить. Препятствовалъ и недостатокъ средствъ. Правда, финансовыя дѣла партіи значительно улучшились въ сравненіи съ прошлымъ: явилась возможность собирать пожертвованія, организовывать лекціи и спектакли въ пользу партіи, но зато неизмѣнно увеличились и расходы ¹⁾.

Значительную роль сыграло распространеніе петербургскихъ изданій—«Новой Жизни», «Начала», «Русской Газеты» и пр., которыя раздавались и продавались на митингахъ и на улицахъ, разносились подписчикамъ и т. д. Въ ноябрѣ возникла мысль объ изданіи своей газеты. (Приблизительно въ концѣ ноября вышелъ № 1 «Крестьянской Газеты» изданія крестьянской группы). Только 1-го января 1906 года вышелъ № 1 первой социалдемократической газеты въ Нижнемъ «Утро»—пытавшійся освѣтить результаты дней свободы и декабрьскаго пораженія. Въ тотъ же день № былъ конфискованъ, газета закрыта, а редакторъ поплатился трехъ мѣсячнымъ арестомъ по волѣ губернатора и 11 мѣсяцами тюремнаго заключенія по приговору судебной палаты.

За отсутствіемъ партійной газеты приходилось прибѣгать къ помощи мѣстной прессы. Она удѣляла довольно много мѣста партійнымъ дѣламъ, отчетамъ о митингахъ и собраніяхъ, резолюціямъ и т. д.

Въ декабрѣ, особенно послѣ неудачной забастовки, дѣло переѣнилось: одна изъ газетъ стала нападать на социалдемократію, другая стала ее замалчивать.

Агитація имѣла громадное значеніе: она внесла въ голову сѣрой массы совершенно новыя понятія, направила работу мысли въ новое русло.

Поведеніе массы на митингахъ было удивительное. Когда слышались свистки—она протестовала «пусть не свистятъ, а выставляютъ оратора». Утомительные споры между социалдемократами и социалистами-революціонерами она слушала съ безконечнымъ вниманіемъ до поздней ночи. Въ то время какъ интеллигенція смотрѣла на митинги какъ на интересное развлеченіе, масса рабочихъ, крестьянъ, солдатъ видѣла въ нихъ живое, непосредственное дѣло, близко ихъ задѣвавшее. Споры были для нихъ не простой игрой словъ, а глубокой борьбой за жизнь разныхъ слоевъ населенія. Митингъ сталъ имъ роднымъ, близкимъ.

¹⁾ Бюджетъ города (безъ Канавина и Сормова) достигъ за два мѣсяца 2 съ половиной тысячъ. (Въ первую недѣлю свободы партіей было получено тысяча рублей, во вторую 600 руб.—Въ обычное время годовой бюджетъ города (вмѣстѣ съ Сормовымъ) достигалъ 2 съ половиной—3 тыс.

Здѣсь они слышали впервые про всю неправду, какую испытывали. Здѣсь открывались ихъ глаза. Недаромъ такъ часто благодарили ораторовъ, пожимали имъ руки. Недаромъ съ такой жадностью бросались на прокламаціи.

Говорили про одного слѣпого старика: онъ былъ тяжело наказанъ въ 61 году за то, что призналъ обманомъ «волю», отнявшую землю у крѣпостныхъ. Теперъ онъ ходилъ на митинги и говорилъ, что наконецъ-то пришла настоящая «волю». Онъ жадно ловилъ это слово у ораторовъ. И слѣпые глаза плакали отъ счастья.

Да, митинги производили потрясающее впечатлѣніе, особенно на сѣрую публику. И недаромъ къ товарищу предсѣдателю митинга въ Народномъ Домѣ такъ часто тянулись руки съ сѣрыми листами бумаги, исписанными жалобами, просьбами и ходатайствами. Какая-то женщина жаловалась на богача, лишившаго ее заработка и просила социалдемократическій комитетъ помочь ей. Другіе жаловались на думу. Третьи обращались съ просьбой о матеріальной помощи и т. д., и т. д. Одинъ разъ подана была громадная жалоба отъ мѣстныхъ солдатъ на притѣсненія начальства; просили защитить ихъ. Нѣсколько разъ приходили депутаціи отъ крестьянъ и ходоки отъ деревень. Депутаты излагали свои нужды, просили изложить имъ правду, спрашивали, что дѣлать, ждали помощи.

Слухи объ томъ, что въ Народномъ Домѣ происходитъ что-то необычайное шли по всей губерніи. Народный Домъ сталъ центромъ политической жизни. Крестьяне шли на митинги цѣлыми артелями, пріѣзжали изъ далекихъ уѣздовъ за сотни верстъ—полные надеждъ, съ жаждой узнать «всю правду».

Вся жизнь города приняла другой характеръ. И днемъ и ночью слышалась на улицахъ марсельеза. Всюду открыто говорили о злобахъ дня, открыто раздавали прокламаціи. Проходя ночью перекрестокъ можно было слышать, какъ извожники на всю улицу спорили объ отвѣтственности министерства въ Западной Европѣ.

Митинги стали нервомъ города. Недаромъ черная сотня и администрація дѣлали попытки сорвать ихъ, грозили сжечь Народный Домъ и т. д. Въ виду этихъ слуховъ и угрозъ въ теченіе митинга помѣщеніе (особенно Народный Домъ) тщательно охранялось нѣсколькими десятками дружинниковъ, которые слѣдили и за порядкомъ собраній, стояли у входовъ, патрулировали. Предосторожности были не лишними: одинъ разъ во время митинга дружинники нашли среди декораций челоуѣка съ бутылкой керосина за пазухой, пытавшагося поджечь домъ. Онъ былъ арестованъ и признался, что подкупленъ однимъ изъ вождей черной сотни. На слѣдующій день онъ былъ отпущенъ. Когда ему разъяснили задачи черной сотни и «красныхъ», онъ хотѣлъ итти убить черносотеннаго заправилу, и его едва удержали. Потомъ онъ часто посѣщалъ митинги.

Сборы на вооруженіе и образованіе дружинъ *явились прямымъ послѣдствіемъ черносотенной аштакціи.* У всѣхъ на памяти были іюльскіе дни, когда отсутствіе вооруженнаго отпора привело къ погрому. Главной задачей дружинниковъ была охрана митинговъ и ораторовъ отъ черной сотни. И, конечно, только страхъ передъ отпо-

ромъ удержалъ черную сотню отъ активныхъ дѣйствій. Парти́нная дружина города насчитывала около 30 человекъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ. Къ ней примыкали такъ называемые «десятки», организованные главнымъ образомъ изъ парти́нныхъ людей—ихъ было человекъ 150; вооруженіе плохое (3—4 револьвера на десятокъ у остальныхъ кинжалы и т. п.). Въ городѣ кромѣ того была пресловутая тайная внѣпарти́нная боевая дружина или «централизация» (нѣсколько десятковъ человекъ). Она была очень недисциплинирована, очень случайна по составу. Парти́нная дружина не входила съ ней ни въ какое соглашеніе. Въ Сормовѣ была своя дружина человекъ въ 50—60 и милиція (человекъ 150—200). Въ Канавинѣ была дружина въ нѣсколько десятковъ человекъ.

На дружинниковъ выпала тяжелая работа и надо сказать они выполняли ее очень хорошо.

5.

Агитация будила массу. Организация должна была закрѣпить пробудившихся къ политической жизни въ сплоченные кадры. Организационный вопросъ сталъ передъ партией. Но какъ организовать широкія массы, разъ сама партія не едина, разъ ея собственные ряды разстроены?

Неизбѣжность сліянія фракцій поэтому такъ остро ощущалась всѣми, что въ первый же день, какъ-то непроизвольно, состоялось объединенное засѣданіе всѣхъ членовъ партіи. Объединенный комитетъ (вѣрнѣе—федеративный, такъ какъ онъ, объединялъ только верхи, а не организациі цѣликомъ)—возникъ, кажется, утромъ 18-го. Было необходимо довести объединеніе до логического конца, но это совершилось уже въ началѣ декабря. «Низы» все время упорно стремились къ полному сліянію обѣихъ организаций. «Верхи» главнымъ образомъ большевики, настаивали на томъ, что пока возможно лишь объединеніе, а сліяніе произойдетъ лишь послѣ объединительнаго съѣзда (назначеннаго на 10 декабря).

Съ первыхъ же дней кромѣ общихъ собраній всѣмъ членовъ партіи, возникла общая редакціонная комиссія, общая финансовая, общая группа лекторовъ и агитаторовъ; сообща организовывались митинги и т. д., и т. д. Но въ то же время у каждой фракціи была и отдѣльная жизнь. Были фракціонныя собранія, (напримѣръ, общія собранія всѣхъ членовъ фракціи, собиравшихся довольно часто), нѣкоторые клубы были по преимуществу меньшевистскіе, другіе большевистскіе (въ Сормовѣ это дѣленіе клубовъ было особенно рѣзко), нѣкоторые митинги и лекціи организовывались главнымъ образомъ большевиками, другіе меньшевиками и т. д. «Низы» (главнымъ образомъ городскіе) упорно стремились слиться и въ значительной степени подъ ихъ влияніемъ 25 ноября собраніе большевиковъ въ городѣ приняло резолюцію «слиться независимо отъ съѣзда» путемъ «объединенія работъ на мѣстахъ и во всѣхъ функціяхъ». Аналогичную резолюцію приняли и меньшевики. 6 декабря общее собраніе въ Сормовѣ окончательно рѣшило немедленно слиться во всѣхъ частяхъ.

Канавинская организація меньшевиковъ распустила себя и слилась съ большевистской. 10 декабря, окончательное рѣшеніе слиться было принято и въ городѣ. Наступившая стачка помѣшала осуществить слияніе какъ слѣдуетъ.

Перестройка организаціи велась въ сторону ея демократизаціи и децентрализаціи. Съ перваго же дня появилось учрежденіе, до тѣхъ поръ неизвѣстное партіи—общее собраніе всѣхъ членовъ. Эти общія собранія созывались въ обычное время, приблизительно разъ въ недѣлю, для рѣшенія наиболее важныхъ вопросовъ. Демократическій принципъ былъ проведенъ всюду. Весь городъ былъ разбитъ на районы (кажется, на шесть) — во главѣ района стало районное собраніе всѣхъ членовъ партіи. Роль центра играло правленіе клуба, состоявшее изъ 7—10 и выбиравшееся всѣми членами даннаго района. Реорганизація верховъ произошла позднѣе. Въ Сормовѣ въ началѣ декабря, кажется 6-го, былъ выбранъ руководящій коллективъ на основѣ четырехчленной формулы всѣми членами партіи (обѣихъ фракцій). Въ городѣ тоже въ началѣ декабря (около 10-го) была избрана центральная группа, но не на общемъ собраніи, а по клубамъ. Ея роль была назначительна. Главной причиной было то, что наряду съ этой группой существовалъ и объединенный комитетъ: функціи обоихъ учреждений не были разграничены достаточно отчетливо. Отсюда выходили неурядицы и конфликты. Реорганизація «верховъ» такъ запоздала потому, что фактически руководящая роль съ октября перешла частью къ общему собранію, частью къ районамъ.

Наиболѣе характерной чертой организаціи было образованіе клубовъ. Мысль о нихъ явилась еще съ 18 октября, но первое возникновеніе ихъ относится къ началу ноября; особенно горячо принялись за нихъ съ середины ноября. Въ городѣ было около 6-ти клубовъ: центральный, похвалинскій, благовѣщенскій, базарный (потомъ слившійся съ похвалинскимъ), острожный и фабричный. Правильнѣе другихъ функционировали 3 первыхъ. Въ Сормовѣ было 4 клуба (меньшевистскій,—первый по времени, большевистскій, с.р.-овъ и женскій). Въ Канавинѣ — одинъ клубъ. Обычно для клубовъ нанималось особое помѣшеніе въ одну, двѣ комнаты, которыя обставлялись всякой сборной мебелью. Здѣсь устраивались читальня, библіотека, по вечерамъ происходили собранія, лекціи, засѣданія профессиональныхъ союзовъ. Вся жизнь районовъ сосредоточивалась въ этихъ клубахъ. Члены партіи считались членами клуба, сочувствующіе записывались гостями-кандидатами и не имѣли рѣшающаго голоса. Возникновеніе клубовъ дало возможность урегулировать и упростить вступленіе въ члены партіи ¹⁾. И если митинги дали возможность широко развить агитацію, то клубы помогли организаціонному спло-

¹⁾ Членовъ партіи въ срединѣ декабря насчитывалось около 1400 человекъ. (Въ Сормовѣ, по регистраціи клубовъ, — 550 человекъ, большевиковъ и 450 меньшевиковъ; въ городѣ около 250 человекъ; въ Канавинѣ и Молятовкѣ около 150 — 200). Насколько возросла партія за дни свободы видно, на примѣръ, изъ того, что въ срединѣ октября въ Сормовской организаціи насчитывалось 200 большевиковъ и 150 меньшевиковъ. Надо сознаться, что пріемъ новыхъ членовъ въ дни свободы былъ не всегда достаточно осмотрителенъ и строгъ.

ченію массъ. Сюда шли и члены партіи, сюда шелъ всякій сочувствующій, чтобы почитать «Новую Жизнь» или «Начало», поговорить, послушать. Клубы дали рабочимъ непосредственное дѣло. Если они рѣдко могли выступать на большихъ митингахъ, то здѣсь въ узкомъ кругу имъ предоставлялась возможность приложить и агитационныя способности и организаторскій талантъ. Здѣсь рабочій учился и училъ, здѣсь онъ былъ активенъ. Съ другой стороны—клубы очень помогли сближенію какъ рабочихъ между собой, такъ рабочихъ и интеллигентовъ. Создавалась атмосфера благопріятная для дружной общей работы и сплоченія. Наконецъ, децентрализованная работа повела къ гораздо болѣе успѣшному ходу дѣлъ, особенно, при извѣстномъ соревнованіи районовъ другъ передъ другомъ. Децентрализація приблизила партію къ массамъ. Дала возможность глубоко проникнуть въ самую гущу жизни. Митинги бросили искру въ широкія массы. Задача клубовъ была закрѣпить агитацію, углубить ее, разъяснить непонятое. Сочувствующаго партіи клубы превращали въ сознательнаго ея члена. Оторванныхъ отъ организациіи они спаивали въ одно цѣлое. Дни свободы были не только днями митинговъ, но и днями клубовъ.

Организація партіи сосредоточивается около клубовъ, организація широкихъ массъ около профессиональныхъ союзовъ. До октября, кромѣ союза приказчиковъ, въ сущности не было профессиональныхъ союзовъ. Союзы печатниковъ и судовыхъ рабочихъ не носили чисто пролетарскаго характера. Толчекъ къ профессиональному объединенію дали дни свободъ. Въ первыхъ числахъ ноября возникли первые профессиональные союзы: Сормовскій, а въ городѣ: Добровскій и Курбатовскій (всѣ три объединяли рабочихъ механическихъ заводовъ), Примѣръ былъ данъ. Весь ноябрь идетъ нервная организація союзовъ. Обычно дѣло устраивали такъ: созывался митингъ рабочихъ извѣстной профессіи, который при руководствѣ партійныхъ работниковъ клалъ начало союзу. За полтора мѣсяца (до середины декабря) возникли союзъ ткачей, портняжный союзъ, къ которому примкнули модистки и корсетницы, союзъ офиціантовъ, союзъ рабочихъ мукомольнаго дѣла, союзъ жестянниковъ, союзъ газетныхъ разнощиковъ, союзъ трамвайщиковъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ, союзъ фонарщиковъ, рабочихъ винныхъ складовъ и т. д. Реорганизовались и расширились союзы приказчиковъ, печатниковъ, судовыхъ служащихъ. Организовывался союзъ домашней прислуги, поваровъ, извозчиковъ. Въ Сормовѣ созданъ женскій клубъ (150 человекъ), былъ рядъ женскихъ митинговъ. Даже среди босяковъ возникла мысль организовать союзъ. Нѣсколько митинговъ въ «Столбахъ», горячо обсуждали это предложеніе, было много сторонниковъ союза—но фактически онъ не возникалъ. Въ газетахъ каждый день печатались приглашенія на засѣданіе какого-нибудь профессиональнаго союза, уставы ихъ и т. д. На митингахъ рабочіе часто обращались къ предсѣдателю и ораторамъ съ просьбой «устроить союзъ», или указать къ кому имъ присоединиться. Двѣ самыхъ крупныхъ забастовки ¹⁾ въ дни свободы

¹⁾ Кромѣ нихъ съ 12 ноября бастовали: сормовская желѣзнодорожная вѣтвь, безъ успѣха; дни 3—4 въ ноябрѣ бастовали рабочіе виннаго склада и добились своего.

были вызваны преслѣдованіями профессиональныхъ союзовъ: забастовка трамвая (съ 14 ноября) и почтово-телеграфныхъ (кажется, съ 16 ноября). Обѣ тянулись около мѣсяца и вызвали общее сочувствіе и поддержку. Не одна сотня рублей была собрана на митингахъ и по листкамъ въ пользу бастующихъ. Къ сборамъ въ пользу рабочихъ сѣрая публика была очень отзывчива. Часто шапка, пройдя по рядамъ, возвращалась къ предсѣдателю, наполненная мѣдной монетой (рублей на 10): рабочій помогаль рабочему.

Профессиональное движеніе широко раскинулось, но не успѣло укорениться, такъ какъ большинство союзовъ просуществовало какихъ-нибудь двѣ, три недѣли. Въ началѣ декабря союзы соединились вмѣстѣ, образовавъ центральное бюро,—но наступившіе декабрскіе дни быстро разрушили значительную часть профессиональныхъ организацій. ¹⁾

Значеніе союзнаго движенія состояло въ томъ, что оно внесло идею организаціи въ самые темные слои населенія, и, сплачивая ихъ на почвѣ профессиональныхъ нуждъ, сблизило съ партіей.

За дни свободѣ агитаціи была поставлена хорошо. Организація слабо.—Послѣднее вполнѣ понятно.—Сама партія не составляла организаціоннаго цѣлаго. Она дѣлилась фракціонной враждой и, не будучи единой, не могла успѣшно объединять. Мало того организаціонный вопросъ не былъ рѣшеннымъ и безспорнымъ. У фракцій существовали разные взгляды на него, разное отношеніе, напримѣръ, къ профессиональнымъ союзамъ. Съ другой стороны, не было никакого широкаго опыта партійнаго строительства. Приходилось создавать новыя формы. Наконецъ сама партія находилась во время дней свободъ, въ состояніи постоянного организаціоннаго измѣненія. Федеративное объединеніе, мало по малу замѣнялось полнымъ слияніемъ, централизмъ переходилъ путемъ ряда ступеней въ демократизмъ и т. д.

Дни свободъ не могли внести много новыхъ элементовъ въ постановку агитаціи—она только неизмѣримо расширилась. Напротивъ для организаціоннаго строительства являлась новая, неожиданная ситуація. Приспособить агитацію было гораздо легче, чѣмъ перестроить организацію.

Да и среди фракцій постановка агитаціи не вызывала разногласія и могла успѣшно вестись сообща.

Въ ноябрѣ прошелъ слухъ объ назначеніи въ Нижней губернаторомъ Нейдгардта, извѣстнаго по Одессѣ. Партія выставила лозунгъ «долой Нейдгардта», и заявила, что она приметъ рѣшительныя мѣры включительно до бойкота и забастовокъ, если Нейдгардтъ пріѣдетъ въ городъ. Началась кампанія. Цѣлый рядъ митинговъ и собраній принялъ резолюціи противъ Нейдгардта. Въ газетахъ (въ серединѣ

¹⁾ Крѣпче другихъ былъ сормовскій союзъ. Здѣсь вообще работа пошла широкимъ размахомъ. Рабочіе очень скоро добились передачи въ свои руки столовой, явившейся центромъ партійной работы, а затѣмъ и школы. Школы были выстроены и содержались на счетъ рабочихъ, но находились въ завѣдываніи церковнаго попечительства. Борьба изъ за школы шла уже давно, и лишь въ октябрѣ увенчалась побѣдой—завѣдываніе школами перешло въ руки рабочей комиссіи, выбранной по цехамъ. Это завоеваніе рабочіе сохранили и послѣ декабря.

ноября) появлялся особый отдѣлъ, который помѣщалъ резолюціи и протесты противъ Нейдгардта. Какъ извѣстно, одесскій сатрапъ не пріѣзжалъ въ Нижній.

Ходъ событій поставилъ партію на первый планъ. Она не только просвѣщала и организовывала массы—она руководила. И въ этой области, пожалуй, дѣло обстояло хуже всего. Масса ждала отъ агитаторовъ не только слова, но и практическаго лозунга. Часто партійные работники оказывались къ этому совершенно не способными. Они не были политическими вождями. У нихъ не было опыта. Это особенно относится къ тѣмъ работникамъ, какихъ масса вынесла впередъ изъ своей среды. Они были тѣсно связаны съ широкими слоями, но зато они не были способны къ политическому руководству. Партія имѣла людей теоретически образованныхъ, но эти «верхи» были мало связаны съ массами, масса не считала ихъ своими. Партіи не доставало опыта, который дается долговременнымъ открытымъ существованіемъ.

Несмотря на эти неблагоприятныя условія, партія за два мѣсяца развила грандіозную дѣятельность, потребовавшую напряженія всѣхъ ея силъ.

6.

Грандіозность дѣятельности социалдемократіи особенно бросается въ глаза, если сравнить дѣятельность другихъ партій за то же время.

Въ Нижнемъ послѣ социалдемократовъ изъ политическихъ партій наибольшую энергію проявили... черносотенцы. Они организовались въ союзъ «бѣлое знамя», и вступили въ горячую борьбу съ «красными». До дней свободы они ознаменовали себя июльскими избіеніями. Въ дни свободъ они избивали въ Арзамасѣ, въ Горбатовѣ, Балахнѣ, но въ городѣ они должны были временно измѣнить тактику. Здѣсь они явились парламентаріями. Правда ихъ практики открыто призывали къ избіеніямъ евреевъ и «красныхъ» и пытались выступать активно. Но большинство боролось главнымъ образомъ путемъ слова и печати. Первые «бѣлыя» рѣчи раздались 20 октября на собраніи въ ремесленной управѣ. Вечеромъ того же дня кучка бѣлознаменцевъ прошла по улицамъ. Жалкій видъ былъ у этой процессіи—изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ съ 3—4 флагами—въ сравненіи съ тѣмъ, что Нижній видѣлъ наканунѣ. 21-го бѣлознаменцы организовали демонстрацію солиднѣе. Архіерей отслужилъ молебенъ на площади и затѣмъ толпа двинулась по всему городу съ флагами (съ надписями «да здравствуетъ свобода», «Боже царя храни» и т. д.), хоругвями, иконами и пѣніемъ молитвъ и гимна. Но и на этотъ разъ было съ любопытствующими и «начальствующими» не больше полуторы тысячи. Въ тотъ же день въ городѣ появляются воззванія—съ призывами избивать. Въ другихъ городахъ—молебенъ и процессія, какъ правило, приводили къ погрому. Въ Нижнемъ этого не произошло. Причина—страхъ передъ сормовичами, передъ рабочими, которые только на дняхъ показали всѣмъ свою организованность и силу. Среди массы шелъ упор-

ный слухъ:—въ случаѣ погрома сормовичи обѣщали разгромить черносотенцевъ, это поневолѣ охлаждало пылъ. 22 и 23 манифестаціи «бѣлыхъ» повторились, но уже въ меньшихъ размѣрахъ. Имъ сопутствовали патрули солдатъ и полиціи. Партіей было рѣшено не мѣшкать «бѣлымъ» прогуливаться, но въ случаѣ погрома оказать энергичное сопротивленіе.

Наступили дни митинговъ. «Бѣлые» переняли тактику «красныхъ» и организовали свои митинги въ манежѣ, которые собирались довольно часто. Тутъ выступали заправилы, вродѣ Хохлова, инженера Николаева, священника Орловскаго, фельдшера Шитова и другіе; тутъ же говорили ораторы бѣлаго знамени. Сюда же приходили социалдемократы. Митинги носили обычно удивительно безтолковый, хаотическій характеръ. Ораторовъ прерывали криками. Всѣ говорили заразъ. Пѣли гимны и молитвы. Потомъ опять поднимался крикъ и шумъ. Снова молитвы, пѣніе, ругань и т. д. Публика была смѣшанная, преобладала сѣрая: дворники, кучера, лавочники, босяки, часть профессиональныхъ хулигановъ. По празнникамъ приходило много крестьянъ. Часто аудиторія горячо апплодировала «красному» и кричала его лозунги несмотря на всѣ старанія заправиль этому воспрепятствовать. «Краснаго» слушали гораздо внимательнѣе. Царила тишина и публика толковала: «красные-то говорятъ хорошо».

21-го шелъ митингъ въ коммерческомъ клубѣ, организованный социалдемократами. Вдругъ вваливается группа лицъ съ бѣлыми и національными знаменами, съ бѣлыми бантами на груди, съ пѣніемъ, криками. Въ публикѣ переполохъ. Бѣлые идутъ на эстраду ставятъ свои знамена рядомъ съ красными. Начинается правильная дискуссія бѣлыхъ съ социалдемократами. Дискуссія повторалась много разъ и въ клубѣ и въ Народномъ Домѣ, и обычно кончалась тѣмъ, что бѣлые знаменосцы, не дождавшись конца, съ пѣніемъ «Спаси Господи» уходили. Но значительная часть оставалась, сбрасывала бѣлые значки и бросала бѣлые флаги. Скоро такія демонстративныя хожденія «къ краснымъ» прекратились. Бѣлые испугались, какъ бы социалдемократы не переманили къ себѣ ихъ сторонниковъ.

Бѣлыми издавались прокламаціи, при этомъ они прибѣгали къ простому приему. Они списывали фразу за фразой социалдемократическую прокламацію, но мѣняли ея смыслъ на обратный: призывы «не вѣрьте правительству», «идите въ ряды социалдемократовъ»—замѣняли «правительству вѣрьте, идите въ ряды бѣлыхъ»—и т. д. Даже марсельеза была переведена на «бѣлый языкъ». Успѣха эти прокламаціи не имѣли.

Администрація, конечно, все время покровительствовала «бѣлому знамени» и въ декабрѣ изъ ея рядовъ губернаторомъ была организована, такъ называемая, «черносотенная гвардія» подъ руководствомъ офицеровъ. Губернаторъ утверждалъ, что она составлена изъ «лицъ вполне благонамѣренныхъ и хорошо мнѣ извѣстныхъ», поэтому тревога въ городѣ была понятна. Скоро поведение этой гвардіи, пропившей свое оружіе, заставило ее распустить. Въ сущности, борьба партій выразилась главнымъ образомъ въ борьбѣ бѣлыхъ и красныхъ.

Всѣ остальные подраздѣленія какъ-то стушевались; въ такой общей формѣ борьба стала понятной для самыхъ широкихъ массъ. Бѣлый флагъ явился олицетвореніемъ стараго режима, красный—новаго.

Агитація бѣлознаменцевъ заставила партію, съ одной стороны, пойти въ среду самыхъ сѣрыхъ и отсталыхъ элементовъ, съ другой—упростить и приблизить агитацію къ широкимъ массамъ. «Бѣлая» агитація помогла глубже забрести политикѣ. Самые темные элементы были втянуты въ борьбу красныхъ съ бѣлыми и старались рѣшить для себя вопросъ, какая партія чьи интересы защищаетъ.

Борьба съ черносотенной агитаціей выпала на долю главнымъ образомъ социалдемократіи и она очень успѣшно выполнила эту задачу. Ея агитаторы шли на черносотенные митинги, рядовые работники вмѣшивались въ толпу на улицъ и агитировали, заводили бесѣды съ извозчиками, крестьянами и т. д., ходили по трактирамъ. Всюду велась горячая борьба. Буржуазія всполошившись отъ слуховъ о погромѣ—образовала (при думѣ) «умиротворительный комитетъ». Желаніе его было не столько ослабить бѣлыхъ, сколько сократить красныхъ. Онъ обращался къ краснымъ партіямъ съ просьбой не устраивать демонстрацій, сбавить тонъ и чуть-ли не прекратить митинги; затѣмъ онъ обратился съ воззваніемъ къ населенію и незамѣтно опочилъ.

Изъ другихъ партій проявляли себя социалисты-революціонеры (главнымъ образомъ въ Сормовѣ). Ихъ работа сводилась главнымъ образомъ къ агитаціи. Крупной роли они совершенно не играли, тѣмъ болѣе, что большую часть своихъ силъ они направили въ губернію.

Кадеты совершенно не были замѣтны.—22-го октября было первое собраніе членовъ партіи. 31-го первый митингъ организованный ими (не для широкихъ массъ, а исключительно для интеллигенціи). Позже они устроили одну—двѣ лекціи, нѣсколько партійныхъ собраній, но на народныхъ митингахъ не выступали вовсе (за 1—2 исключеніями). Они ограничились распространеніемъ 2—3 брошюръ. Ихъ политическая роль была ничтожна. Вліянія на массы—никакого. Другія буржуазныя партіи ничѣмъ себя не заявили.

Что касается буржуазіи вообще—ея поведеніе иллюстрировалъ городской голова. 19-го октября онъ говоритъ либеральную рѣчь, ругаетъ казаковъ и полицію, обращается на площади съ рѣчью къ народу и кричитъ, стоя подъ краснымъ флагомъ: «да здравствуетъ свобода». 20-го онъ благодаритъ рабочихъ городскихъ боенъ за то, что они не присоединились къ забастовкѣ. 22-го на нападки бѣлознаменцевъ отвѣчаетъ, что онъ «стоитъ подъ бѣлымъ знаменемъ, но готовъ встать и подъ краснымъ». Въ концѣ ноября онъ подноситъ адресъ и говоритъ благодарственную рѣчь губернатору. Вскорѣ онъ принимаетъ участіе въ составленіи черносотеннаго рѣшенія Городской Думы.

7.

Декабрьской забастовки совсѣмъ не ожидали. Всѣ были увѣрены, что послѣдній бой разгорится въ январѣ. Съ этимъ расчетомъ комитетъ издалъ прокламацію («Готовьтесь»), гдѣ указывалъ на неизбѣж-

ность новаго массоваго выступленія. Прокламація была уже отпечатана въ тотъ моментъ, когда забастовка началась. Первые слухи пришли въ среду 7-го декабря, 8-го частью забастовала нижегородская дорога, но очень не дружно. Надвигавшіяся событія еще не ощущались. 9-го была лекція объ аграрномъ вопросѣ, на 14-е назначили митингъ въ память декабристовъ. Событія шли быстромъ темпомъ. 9-го окончательно остановились желѣзныя дороги, а въ тотъ же день Сормово рѣшило начать забастовку съ 12-го, а субботу посвятить ковкѣ оружія. Кажется, не одна сотня пудовъ желѣза ушла на пики, ножи, бомбы и т. д. Извѣстія изъ Сормова повліяли и на городъ. Агитація за забастовку началась еще 8-го. Она имѣла слабый успѣхъ. Вліяла и безработица и близость праздниковъ. Въ субботу 10-го былъ желѣзнодорожный митингъ, а вечеромъ общее собраніе партіи въ городской библиотекѣ. Настроеніе было нервное-приподнятое и въ то же время мрачное. Сообщали свѣдѣнія о настроеніи рабочихъ, числѣ и духѣ войскъ. Были прочитаны тревожныя телеграммы изъ Москвы. Какой то пустой возгласъ у дверей вызвалъ нелѣпую панику—шумъ, крики, толкотню. Эта паника подѣйствовала еще болѣе угнетающе, чѣмъ извѣстія. Если партійные работники такъ легко дезорганизируются отъ одного возгласа—не было надежды на успѣшное выступленіе. Общій характеръ сообщеній изъ районовъ, несмотря на невольный оптимизмъ ораторовъ, былъ очень печальный. Тѣмъ не менѣе, стачка была неизбежна. Она была назначена на 12-е. Всѣ понимали, что она будетъ только демонстраціей и продлится 2—3 дня. Въ воскресенье, 2-го на митингахъ (было собраніе профессиональныхъ союзовъ, съѣздъ судходныхъ служащихъ и т. д.) приглашали примкнуть къ забастовкѣ. Приблизительно въ этотъ же день возникъ стачечный комитетъ изъ представителей партій (соціалдемократовъ и социалистовъ-революціонеровъ), и профессиональныхъ союзовъ. Попытокъ создать Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не было. Забастовкой такимъ образомъ руководили объединенной комитетъ (бюллетени и воззванія выпускались отъ его имени), и, отчасти, стачечный. Они не всегда ладили—единства не было. Стачечный комитетъ, смѣшанный по составу (тутъ были представители и буржуазіи), не пользовался авторитетомъ, да и вообще мало проявлялъ себя.

12-го забастовка началась. Было рѣшено избѣгать насильственныхъ дѣйствій, разрѣшено торговать мелочнымъ лавкамъ. Часть крупныхъ заведеній сами бросили работу. Большую часть приходилось снимать. Въ этотъ день бастовали механическіе заводы (Добровскій, Курбатовскій), винный складъ, типографіи, портняжныя мастерскія, папиросныя фабрики, нѣсколько столярныхъ и жестянныхъ мастерскихъ и т. д. Въ Канавинѣ и Молитовкѣ бастовали всѣ крупныя фабрики, заводы и мельницы.

13-го забастовка тянулась такъ же вяло. Приходилось почти всѣхъ снимать. Присоединились къ забастовкѣ городская управа, бани, винныя лавки, дрожжевая фабрика, нѣсколько жестянныхъ, кондитерскія, пивныя склады, почто-телеграфная контора, учебныя заведенія. Въ Канавинѣ настроеніе было лучше, шли многочисленные митинги на вокзалѣ.

Вечеромъ было общее собраніе партіи. Всталъ вопросъ о прекращеніи забастовки. Было очевидно, что настроенія нѣтъ. Чувствовалось уже черносотенное озлобленіе. Забастовка провалилась. Собраніе было вынуждено рѣшить, чтобы на слѣдующій день (въ среду 14-го) бастовали только желающіе. Рѣшили снимать только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть настроеніе, а съ четверга забастовку прекратить.

14-го фактически забастовка прекратилась. Почти всѣ принялись за работу. Продолжали бастовать Добровскаго и Курбатовскій заводы, типографіи—(газеты не выходили 13-го, 14-го, 15-го)—и нѣкоторые мелкія заведенія. Тѣмъ временемъ губернаторъ началъ организовывать черносотенную милицію и объявилъ городъ на положеніи чрезвычайной охранны. Въ тотъ же день къ вечеру громадное зарево показалось надъ Сормовымъ. Горѣла столовая. Въ городѣ было тревожно-тихо. Ночью начались обыски и аресты (арестовано 22 человекъ: докторъ Н. А. Семашко, А. М. Летова, А. П. Невзорова, докторъ Либинъ, А. А. Яворскій и др.). Народный Домъ, всесословный клубъ и городская библіотека послѣ обыска были запечатаны. 15-го въ городѣ забастовка прекратилась окончательно.

Дни забастовки иначе прошли въ Канавинѣ. 14-го произошло столкновеніе толпы, собравшейся на митингъ съ черной сотней. Послѣ залпа дружинниковъ бѣлознаменцы, побросавъ оружіе, бѣжали. Въ тотъ же день начались неистовства казаковъ. Казаки разгоняли митинги, обстрѣливали дома, черносотенцы избивали прохожихъ. Были попытки построить баррикады.

Въ Сормовѣ забастовка началась съ 8-ми часовъ утра; въ понедѣльникъ послѣ митинга на заводѣ толпа пошла къ народной столовой. Туда не пустили. Полиція предложила немедленно («въ три минуты») разойтись. Организация рѣшила подчиниться. Стали расходиться. Въ этотъ моментъ кто-то выстрѣлилъ. Казаки и полицейскіе открыли пальбу. Толпа разбѣжалась, оставивъ нѣсколько раненыхъ и убитыхъ (въ томъ числѣ былъ маленькій мальчикъ).

Затѣмъ начались неистовства. Казаки стрѣляли въ проходящихъ. Напали на домъ Чугурина. Въ нихъ была брошена бомба. На другой день съ ранняго утра толпа стала строить баррикады около училища Александра III. Было выстроено нѣсколько десятковъ баррикадъ на главной улицѣ и на прилегающихъ боковыхъ улицахъ и переулкахъ. За ними засѣло нѣсколько сотъ человекъ. Обыватели снабжали ихъ пищей. У осажденныхъ было нѣсколько ружей, (главнымъ образомъ охотничьихъ), револьверы, бомбы, много холоднаго оружія и двѣ самодѣльные пушки. 13-го происходила перестрѣлка. Казаки стояли далеко, до нихъ хватала только пушка (дѣйствовала только одна), вѣстрѣломъ которой, между прочимъ, былъ убитъ офицеръ. Происходили вылазки. Вечеромъ изъ города пришли двѣ пушки. 14-го началась бомбардировка. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ (изъ нихъ одинъ убилъ шесть человекъ)—было рѣшено оставить баррикады, такъ какъ сопротивленіе было фактически невозможно. Баррикады были оставлены, все оружіе унесено. Артиллерія долго продолжала разстрѣливать пустыя баррикады. Потомъ пошли на штурмъ. Зало-

женные фугасы были взорваны, но раньше времени. Къ вечеру баррикады были въ ихъ рукахъ. Губернаторъ, немедленно приступилъ къ арестамъ.

Нѣсколько дней продолжались неистовства. Между прочимъ былъ убитъ арестованный рабочій Шимборскій. За декабрскіе дни въ Соромовѣ и Канавинѣ пострадало нѣсколько десятковъ чловѣкъ (около 15-ти чловѣкъ было убито).

Платонъ Лебедевъ.



Общество литературных прений въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1837 года открыто было составившееся въ Петербургѣ 4-го января того же года „Общество литературныхъ прений“, цѣлью коего было развитіе умственныхъ способностей и распространеніе умственныхъ удовольствій.

Законы и правила этого общества были слѣдующіе:

1. Общество сіе будетъ именоваться „обществомъ литературныхъ прений“; цѣль его есть развитіе умственныхъ способностей.

2. Назначается ежемѣсячная подписка по 5 р.; сверхъ того каждый членъ, при вступленіи, долженъ внести 10 р.

3. При обществѣ избирается Секретарь, который будетъ обязанъ завѣдывать счетной частію общества, а также вести протоколы его дѣйствій и всѣми силами стараться объ успѣхѣ общества, пользуясь по сему правомъ участвовать въ преніяхъ.

4. Учреждается Комитетъ изъ 4-хъ лицъ, избираемыхъ изъ числа членовъ общества, который, вмѣстѣ съ Секретаремъ, долженъ наблюдать и пецись о пользахъ общества, пользуясь правомъ вводить дополнительные законы и постановленія, кои бы могли быть съ пользою приняты.

5. Комитетъ имѣетъ право назначить во всякое время чрезвычайное собраніе, какъ скоро польза общества того требуетъ; но онъ обязанъ предупредить о томъ, по крайней мѣрѣ, за недѣлю.

6. Комитетъ распускается каждые 6 мѣсяцевъ въ общемъ собраніи, и въ томъ же засѣданіи общество приступаетъ къ учрежденію новаго Комитета изъ 4-хъ же лицъ, вмѣсто выбывшихъ.

7. Всѣ подписки и деньги, слѣдующія обществу, принимаются Секретаремъ, который обязанъ подводить счета и давать объ оныхъ надлежащій отчетъ гг. членамъ.

8. Всѣ деньги, поступающія такимъ образомъ къ Секретарю, должны быть обращаемы на уплату чрезвычайныхъ издержекъ общества и на покупку книгъ (подъ руководствомъ Комитета), для употребленія Гг. членовъ.

9. Отчетныя книги Секретаря должны всегда быть открыты для членовъ, желающихъ оныя ревизовать.

10. Каждые 3 мѣсяца назначается общее собраніе членовъ для разсмотрѣнія состоянія и успѣховъ общества.

11. Такъ какъ цѣль общества есть развитіе умственныхъ способностей, то посему все, что клонится къ изощренію чувственныхъ склонностей, или какимъ бы то ни было образомъ поставляетъ препятствія къ достиженію

предполагаемой цѣли. строго запрещается, какъ напрямѣръ: игра, излишнее употребленіе напитковъ и проч.

12. Въ каждомъ засѣданіи избирается президентъ для слѣдующаго засѣданія: онъ обязанъ смотрѣть за соблюденіемъ порядка и установленной для преній очереди; самъ же не принимаетъ никакого въ ономъ участія, развѣ въ томъ только случаѣ, если мнѣнія членовъ раздѣлены будутъ поровну, — тогда голосъ президента даетъ перевѣсъ.

13. Каждый членъ имѣетъ право приводить съ собою одного изъ своихъ пріятелей на вечернія засѣданія.

14. Никто изъ членовъ не имѣетъ права говорить о предложенномъ предметѣ болѣе 2-хъ разъ въ одномъ и томъ же засѣданіи, развѣ только съ разрѣшенія Президента.

15. Каждый членъ, желающій предложить о покупкѣ какой-либо книги, долженъ изъявить свое желаніе въ одномъ изъ ежеведѣльвыхъ засѣданій. Всѣ такковыя покупки будутъ дѣлаемы Секретаремъ подъ руководствомъ Комитета и никакія книги не будутъ покупаемы для общества иначе, какъ вслѣдствіе таковаго предложенія и съ согласія большинства голосовъ.

16. Когда кто изъ членовъ пожелаетъ предложить какой-либо предметъ на разсмотрѣніе общества, то онъ долженъ письменно предварить о томъ Секретаря, по крайней мѣрѣ за недѣлю и предлагаемые такимъ образомъ предметы должны быть разбираемы по очереди; Президентъ или Секретарь въ каждомъ засѣданіи опредѣляетъ занятія будущаго засѣданія.

17. Политическіе и до религіи относящіеся предметы ни подъ какимъ видомъ допускаемы быть не могутъ и всякія сочиненія, опыты и рѣчи о такovýchъ предметахъ будутъ почитаемы противозаконными и вредными для успѣха общества.

18. Никакія личности или оскорбительныя замѣчанія въ продолженіи засѣданія не дозволяются.

19. Присутствіе не менѣе 6-ти голосовъ почитается достаточнымъ для открытія совѣщанія.

20. Рѣшенія постановляются не иначе, какъ по большинству голосовъ а выборъ на должности по баллотировкѣ.

21. О всякомъ общемъ или частномъ собраніи, Секретарь долженъ объявить во время засѣданія за недѣлю и письменно извѣстить о томъ отсутствующихъ.

22. Всѣ книги принадлежащія обществу, хранятся у Секретаря, который и отвѣчаетъ за цѣлость ихъ.

23. Никто изъ членовъ не имѣетъ права удержать у себя книгу болѣе недѣли, въ противномъ случаѣ повиненъ заплатить 20 коп. пени за каждый день просроченный; въ случаѣ потери книги, покупается другая на счетъ потерявшаго ее.

24. Подписка принимается Секретаремъ отъ 1 до 7-го числа каждаго мѣсяца.

25. Въ случаѣ уничтоженія общества, счета будутъ представлены въ собраніи, особо для сего предмета назначенномъ, книги будутъ раздѣлены на столько равныхъ частей, сколько въ обществѣ будетъ находиться членовъ, засѣдающихъ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ и розыграны въ дожерею. Буде по уплатѣ всѣхъ нужныхъ расходовъ, у Секретаря еще остаются деньги, то дальнѣйшее ихъ употребленіе будетъ зависть отъ производа общества.

26. Секретарь долженъ снабдить каждого члена копией съ законовъ Общества и буде кто изъ членовъ поступить въ противность онымъ, то повиненъ внести 2 р. пени за каждый проступокъ.

27. Если кто изъ членовъ будетъ задержанъ дѣлами, не позволяющими ему засѣдать, то онъ долженъ за 6 часовъ изустно или письменно уведомить о томъ секретаря (болѣзненные случаи исключаются).

28. Желающій вступить въ члены общества долженъ быть предварительно предложенъ двумя членами, а выборъ производится по баллотировкѣ. Членами этого общества были: *Г. М. Брюкнеръ, Г. Оттсъ, Дж. Сайверсъ, Дж. Кольманъ, А. Суанъ, Н. Интелманъ, А. Д. Гизико, Д. Витте, С. Н. Коллеръ* ¹⁾.

Предметы, о коихъ въ обществѣ было уже говорено:

„Полезно, или нѣтъ вводить въ употребленіе машины?

Талантъ есть ли даръ природный или приобретенный?

Вездѣ ли полезно установленіе обществъ воздержанія?

Должно ли предпочитать супружество холостой жизни?

Четыре опыта о временахъ года.

Дозволено ли самоубійство?

Казнь Маріи Королевы Шотландской можетъ ли почитаться справедливою со стороны Елисаветы?

Какое вліяніе имѣть на нравственность учрежденіе воспитательныхъ домовъ?²⁾

Общество это, установленное безъ вѣдома правительства, существовало только 5 мѣсяцевъ, и членамъ онаго, по Высочайшему повелѣнію, объявлено, чтобы они не осмѣливались на будущее время составлять никакихъ тайныхъ обществъ.



¹⁾ Изъ разныхъ торговыхъ домовъ.

Изъ исторіи социалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году.

(Личныя воспоминанія).

(Окончаніе ¹⁾).

IV.

Какъ же за все это время проходила и развивалась жизнь петербургской подпольной организаціи социалдемократической партіи? Послѣ январскихъ событій центральнымъ комитетомъ партіи были командированы въ Петербургъ наиболѣе видные и опытные социалдемократическіе дѣятели Россіи и мѣстная центральная группа по составу своему была, вѣроятно, самой выдающеюся партійной организаціей въ Россіи. Интеллигентская периферія была также очень многочисленна: всѣхъ интеллигентовъ, принимавшихъ регулярное участіе въ агитаціонной и пропагандистской работѣ организаціи и въ ея техническихъ предпріятіяхъ, было не меньше 300. Чуткость и восприимчивость рабочихъ за это время подъ вліяніемъ начавшейся въ Россіи революціи и въ особенности историческихъ январскихъ дней, настолько увеличилась, желаніе разобратъся въ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ важныхъ событіяхъ общественной жизни настолько было сильно, что рабочіе гораздо охотнѣе шли въ кружки и организаціи, чѣмъ когда-либо раньше. Такимъ образомъ создавалась въ высшей степени благоприятная почва для социалдемократической работы, и петербургская организація настолько выросла, что достигла небывалыхъ для подпольной организаціи размѣровъ. Число правильно функционировавшихъ кружковъ доходило до 250, не говоря уже о довольно частыхъ «летучкахъ» и «массовкахъ».

Очень скоро однако оказалось, что такіе размѣры были слишкомъ велики для подпольной организаціи, и что послѣдняя уже не въ состояніи была внести въ свою работу ни достаточной цѣльности, ни планомѣрности. Мало того. Обнаружилось такое противорѣчіе между провозглашаемыми задачами партіи и фактическимъ содержаніемъ ея

¹⁾ См. „Былое“, апрѣль.

дѣтельности, что съ ростомъ партіи росли и ея центробѣжные, разлагающіе элементы, и организація, созданная съ большимъ трудомъ, оказалась крайне непрочной.

Главное содержаніе работы организаціи составляли пропаганда и агитація въ кружкахъ. Кружокъ представлялъ основную ячейку организаціи, поглощавшую почти всѣ ея силы: преимущественно кружковую работу объединяли и регулировали подрайонныя, районныя организаціи и агитаторскія собранія. Болѣе широкіе митинги на заводахъ или у ихъ воротъ, выступленія на легальныхъ собраніяхъ, были крайне рѣдкимъ явленіемъ. Такимъ образомъ по характеру своей дѣятельности, петербургская социалдемократическая организація и въ 1905 году продолжала представлять собой по преимуществу широко развѣтвленное тайное общество пропаганды социалдемократическихъ идей. Но въ виду того, что темпъ общественной жизни былъ въ это время гораздо болѣе быстрый, чѣмъ когда бы то ни было раньше, и что организація партіи, претендующей на роль руководителя рабочаго класса, не могла уже болѣе замкнуться въ своемъ собственномъ подпольномъ мірѣ и принуждена была реагировать на волнующіе всю Россію вопросы, кружки начинаютъ терять тотъ характеръ, который они имѣли раньше. О планомѣрной медлительной пропагандѣ уже не могло быть и рѣчи. Темы собесѣдованій и занятій въ кружкахъ стали диктоваться не опредѣленнымъ предварительно выработаннымъ планомъ занятій, какъ это было раньше, а самой, все болѣе и болѣе усложняющейся жизнью. Пропагандистъ, читавшій рядъ лекцій по социалистической теоріи и рабочему движенію, уступилъ мѣсто агитатору, ведущему бесѣду по современнымъ вопросамъ жизни, разъясняющему практическіе лозунги, вырабатываемые центральной организаціей и потому постоянно мѣняющему тему своихъ занятій. Такимъ образомъ организація начинаетъ терять свой характеръ пропагандистскаго общества и начинаетъ развивать дѣятельность, которая должна быть рассчитана не только на то, чтобы вліять на сознаніе отдѣльныхъ рабочихъ, но также и на то, чтобы оказывать воздѣйствіе на болѣе широкіе круги; другими словами, она обнаруживаетъ тенденцію превратиться въ политическую партію. Подпольный, кружковой характеръ партіи ставилъ, однако, этой тенденціи непреодолимыя препятствія.

Въ самомъ дѣлѣ, если, измѣняя содержаніе работы этихъ кружковъ, партія дѣйствительно стремилась къ тому, чтобы лозунги ея претворились въ массовыя дѣйствія,—ея агитаціонная работа въ кружкахъ имѣла бы *raison d'être* лишь въ томъ случаѣ, еслибы она могла рассчитывать, что изъ кружковъ ея лозунги распространятся въ болѣе широкихъ слояхъ пролетаріата. Но тогда подборъ членовъ кружковъ, какъ и вообще рекрутированіе рабочихъ въ партійныя организаціи, должны были бы совершаться на иныхъ основаніяхъ. Партія должна была бы включатьъ въ себя дѣйствительно наиболѣе активные и инициативные, наиболѣе вліятельные и передовые элементы рабочихъ. Для этого партія должна была бы либо постоянно сталкиваться съ широкими рабочими массами и изъ нихъ привлекать ихъ естественныхъ вожаковъ, ихъ прирожденныхъ агитаторовъ. Либо партія должна была бы расширять свою дѣятельность на всю классовую борьбу проле-

гариата, и, завоевывая благодаря этому среди обширныхъ круговъ пролетариата репутацію истинно рабочей организаціи, настоящей выразительницы рабочихъ интересовъ, сама бы естественно втягивала въ себя рабочихъ съ наиболѣе развитымъ общественнымъ чувствомъ и наиболѣе яснымъ классовымъ сознаниемъ. Извѣстно, что партія не дѣлала ни того, ни другого. Я уже указывалъ, что будучи подпольной пропагандистской организаціей, и въ соотвѣтствіи съ этимъ болѣе всего заботясь о чистотѣ своихъ принциповъ, она оставалась чуждой жизни широкихъ рабочихъ массъ и даже сторонилась отъ ихъ организаціонныхъ стремленій, проявившіяся въ гапоновскомъ движеніи. Съ другой стороны, ставя своей задачей исключительно политическую борьбу или правильнѣе пропаганду политической борьбы въ небольшихъ кругахъ рабочихъ, она для рабочей массы никогда не была своей пролетарской партией. Поэтому рекрутирование рабочихъ членовъ въ организацію зависѣло отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. По большей части въ наши кружки и, слѣдовательно, вообще въ социалдемократическую организацію попадали рабочіе наиболѣе молодые, которые въ кружкахъ искали главнымъ образомъ знаний, удовлетворенія своихъ умственныхъ интересовъ и были недовольны всѣмъ расширеніемъ задачъ организаціи, поскольку оно вредило пропагандистской дѣятельности въ кружкахъ. Тѣ же немногочисленные болѣе активные и зрѣлые элементы, которые привлекались теоретически провозглашаемыми задачами партіи—быть авангардомъ классовой борьбы пролетариата и его руководителемъ—или быстро уходили изъ нея или же, оставаясь въ ней, выражали наоборотъ недовольство тѣмъ, что главная задача партіи остается на бумагѣ, а партія на самомъ дѣлѣ занимается пропагандой въ кружкахъ. Такимъ образомъ лишь только партійная организація нѣсколько разрасталась, въ ней должны были возникнуть тренія: создавалась оппозиція, которая, какъ мы видѣли, составлялась изъ двухъ частей, предъявлявшихъ партіи совершенно противоположныя требованія, но связанныя общимъ недовольствомъ.

Обыкновенно оппозиціонныхъ рабочихъ связывало также недовольство организаціоннымъ строеніемъ партіи. Извѣстно, что со времени побѣды направленія «Искры» надъ другимъ социалдемократическимъ теченіемъ, организаціонный демократизмъ сталъ синонимомъ хвостизма, оппортунизма и тому подобнаго грѣховъ. Демократическій принципъ былъ изгнанъ изъ организаціи почти повсюду. И слѣдуетъ сознаться, что въ обществѣ проаганды,—каковымъ фактически партія всегда была,—общества, состоящаго изъ учителей-интеллигентовъ и учениковъ-рабочихъ, демократизмъ не является насущной необходимостью и проведеніе его снизу доверху было, пожалуй, и практически неосуществимо. Мудрено установить равенство правъ и обязанностей между интеллигентами членами руководящихъ организаціи, переживавшими рядъ періодовъ партійной жизни, дѣятельно обсуждавшими массу теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, устраивавшихъ общепартійные и областные съѣзды и конференціи съ одной стороны, и рабочими партійныхъ низовъ, за крайне рѣдкими исключеніями, остававшимися совершенно чуждыми всей этой сравнительно богатой теоретической жизни партіи и выполнявшими лишь роль слушателей въ

кружкахъ—съ другой стороны. И безъ сомнѣнія, правы были тѣ, которые говорили, что при реальныхъ задачахъ партійной дѣятельности демократизмъ превратится въ значительной степени лишь въ игру въ демократизмъ, а не можетъ быть дѣйствительнымъ проведеніемъ въ жизнь организационныхъ демократическихъ принциповъ. Они не отдавали себѣ однако отчета въ томъ, что вмѣстѣ съ отрицаніемъ демократизма произносится смертный приговоръ и вообще надъ возможностью социалдемократической партіи въ Россіи.

Меньшевики, у которыхъ, безъ сомнѣнія, сильнѣе было сознаніе ненормальности существованія рабочей партіи безъ широкихъ рабочихъ кадровъ и демократической партіи безъ демократическихъ принциповъ и съ безотвѣтственной передъ низами партійной бюрократіей во главѣ, въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ начали съ того, что объявили войну излишнему бюрократизму.

Но въ своихъ положительныхъ организационныхъ предложеніяхъ, въ конституціи, которую они предлагали дать партіи они снова, совершенно разумѣется безсознательно, шли по стопамъ «подпольной» бюрократіи. Дальше «законосовѣщательныхъ» учрежденій изъ партійныхъ низовъ, они не шли. Демократизмъ они замѣнили такъ называемымъ «принципомъ освѣдомленности». Въ своихъ организаціяхъ они требовали отъ всѣхъ членовъ руководящихъ группъ проведенія возможно полнаго освѣдомленія всѣхъ низовъ по всѣмъ вопросамъ партійной теории и практики. Всякія рѣшенія руководящихъ учреждений должны были по возможности подробно и всесторонне обсуждаться въ районныхъ и подрайонныхъ организаціяхъ и даже въ кружкахъ. Но примутъ ли правящія сферы мнѣнія низовъ во вниманіе, и вообще каковы были формальныя права послѣднихъ, не было точно опредѣлено. Принималось за нѣчто въ полномъ очевидное, что благоразумное руководящее учрежденіе, должно будетъ считаться съ мнѣніями низовъ и не приметъ рѣшеній, противорѣчащихъ желанію большинства партійныхъ членовъ, но строго опредѣленныхъ правъ, которыя гарантировали бы низамъ вліяніе на всю партійную работу и обязывали бы верхи выполнять ихъ рѣшенія, не было. Само собой разумѣется, что такая организационная непослѣдовательность, такая демократическая робость и половинчатость не могла не служить причиной постоянныхъ трений и недоразумѣній между рабочими низами и интеллигентными верхами партіи. Партійный «народъ» требовалъ законодательныхъ, и не хотѣлъ довольствоваться одними «законосовѣщательными» учрежденіями. Чтобы заключить аналогію между подпольной и надпольной бюрократіями, забѣгу впередъ и прибавлю, что когда впоследствии, послѣ октябрьской конституціи партія стала открытой и ввела въ свою организацію демократическій принципъ, петербургская меньшевистская группа рекомендовала двустепенное избирательное право при выборахъ делегатовъ на меньшевистскую конференцію, между прочимъ на томъ основаніи, что, какъ выразился одинъ изъ старыхъ членовъ партійной бюрократіи, «съ введеніемъ демократическаго принципа партія дѣлаетъ прыжокъ въ неизвѣстное» и потому ей приходится принять мѣры противъ того, чтобы на партійныя рѣшенія не получили рѣшающаго вліянія «люди незнакомые ни съ прошлымъ, ни съ настоящимъ партіи».

Оппозиція среди партійныхъ рабочихъ низовъ противъ центральныхъ учреждений объединилась такимъ образомъ требованіемъ оздоровленія партіи посредствомъ ея демократизаціи. Всѣ партійныя бѣды, всѣ ея неудачи приписывались отсутствію демократизма, который сталъ для оппозиціи панацеей отъ всѣхъ золъ. Онъ связывалъ всѣхъ недовольныхъ партійной дѣятельностью, какъ ни противорѣчивы были другія требованія, предъявляемая ими партіи. Попытаюсь иллюстрировать развитія мной общія положенія о партійной жизни рассказомъ о своемъ опытѣ въ нарвскомъ и городскомъ районахъ Петербурга, которые занимали среднее положеніе между крайне оппозиционнымъ выборгскимъ райономъ и другими нѣсколько болѣе мирно настроенными районами.

«Командированъ» я былъ петербургской организаціей въ нарвскій районъ, какъ я уже упомянулъ, послѣ январскихъ дней. Изъ небольшого состава партійныхъ рабочихъ наиболѣе выдающіеся были арестованы, и крошечная районная организація еще болѣе ослабѣла. Въ партійной организаціи было лишь 20—30 рабочихъ путиловскаго завода и 10—15—вагоностроительнаго завода за Московской заставой, которая, какъ отдѣльный подрайонъ, входила въ нарвскій районъ. Первымъ дѣломъ было поэтому расширение контингента рабочихъ, подлежавшихъ постоянному вліянію партіи въ кружкахъ. Послѣ кратковременной усиленной работы какъ партійныхъ рабочихъ, такъ и интеллигентовъ-агитаторовъ, эта задача вполнѣ удалась. Число кружковъ очень быстро значительно выросло. Максимальное число ихъ было 35—40 за Нарвской и 20—25 за Московской заставой, изъ которыхъ въ каждомъ было 5—8 рабочихъ. Кромѣ нихъ какъ за Нарвской, такъ и за Московской заставой былъ центральный или подрайонный кружокъ, состоявшій изъ 6—8 рабочихъ 1—2 интеллигентовъ-агитаторовъ и организатора района, члена петербургской центральной группы. Полагалось, что въ каждый пропагандистскій кружокъ долженъ входить членъ центрального кружка, который долженъ былъ освѣдомлять членовъ перваго кружка о партійныхъ дѣлахъ, обсуждавшихся въ районной и подрайонной организаціи, снабжать ихъ легальной и нелегальной литературой и доставлять для болѣе широкаго распространенія листки. Онъ же долженъ былъ давать отчеты въ центральномъ кружкѣ. Кромѣ подрайоновъ существовала еще очень вліятельная агитаторская коллегія, состоявшая изъ 15—20 агитаторовъ и пропагандистовъ. Представители центральныхъ подрайонныхъ кружковъ входили въ районное собраніе, руководившее всей партійной работой въ районѣ; въ него тоже входили представители агитаторской коллегіи и снова организаторъ района. Вся организація за все время своего существованія функционировала очень правильно и стройно, и, по всей вѣроятности, года 2—3 тому назадъ она считалась бы образцовой. Поскольку въ ней были недочеты, они преимущественно зависѣли отъ слишкомъ большихъ централизаторскихъ тенденцій, которыя пыталась, но не была въ состояніи, проводить съ пользой для дѣла руководящая петербургская группа. Отдѣльные районы имѣли напр. очень ограниченное право издавать листки, въ лучшемъ случаѣ они могли реагировать листками на районныя злобы

дня исключительно мѣстнаго характера, а такъ какъ центральная организація оказывалась не въ силахъ обслуживать всѣ районы, то листки были и рѣдки и въ недостаточномъ количествѣ. Кромѣ того содержаніе, а еще болѣе форма листковъ, вызывала вѣчное недовольство: по мнѣнію рабочихъ они были и не популярны, и слишкомъ рѣзки. Пробовали было рабочіе сами писать листки, и порой очень образные и сильные, но послѣдніе почему-то либо застрѣвали по пути въ редакцію и не появлялись въ свѣтъ, либо рабочіе не соглашались на предлагаемыя исправленія. Писатели-рабочіе обыкновенно оказывались очень самолюбивыми авторами и ихъ съ большимъ трудомъ удавалось заставить согласиться на измѣненія или поправки въ ихъ произведеніяхъ. Какъ бы то ни было, но листки были большимъ пунктомъ въ дѣятельности всей партійной организаціи въ Петербургѣ. Кружковая же дѣятельность не только въ указанномъ районѣ, но почти во всемъ Петербургѣ, была поставлена очень широко.

Послѣ январскихъ событій эта дѣятельность однако почти никого не удовлетворяла. Надежды на то, что намъ посредствомъ кружковъ удастся захватить значительные круги рабочихъ, уже давно исчезли. Кромѣ того недавнія массовыя событія намъ показали, что въ крупныхъ пролетарскихъ выступленіяхъ вожди рабочихъ менѣе всего черпаютъ изъ кружковъ. Напротивъ, оказалось даже, что мы своими кружками скорѣе отрываемъ рабочихъ отъ ихъ родной стихіи, настолько заполняемъ ихъ интересами кружка, подрайона, района, что они теряютъ чутье дѣйствительно пролетарской массовой борьбы. И для партійныхъ рабочихъ узкіе интересы партійной организаціи отгѣснили на задній планъ общіе интересы классовой борьбы. За Нарвской заставой это проявилось очень опредѣленно и рѣзко, хотя, конечно, не вполнѣ сознавалось самими партійными рабочими. Если рабочіе центрального кружка и принимали участіе въ проведеніи стачекъ на путиловскомъ заводѣ, то менѣе всего они являлись руководителями или инициаторами ихъ. Въ стачкахъ они лишь шли—и часто безъ большого энтузіазма,—за общимъ теченіемъ и никогда сами не дѣлали попытокъ вносить болѣе широкіе лозунги. Они даже противились нерѣдко ихъ внесенію, такъ какъ вообще въ широкихъ выступленіяхъ считали вполнѣ естественнымъ оставаться пассивными: это было какъ бы дѣло, лежащее внѣ ихъ спеціальности. И въ этомъ отношеніи замѣчалось, за крайне рѣдкими исключеніями, постепенное ослабленіе интереса къ вопросамъ, лежащимъ внѣ сферы партійныхъ дѣлъ, по мѣрѣ того, какъ рабочіе болѣе продолжительное время оставались въ кружкахъ или переходили въ партійныя группы высшаго порядка. Болѣе сильное стремленіе вмѣшаться и вліять на широкіе слои рабочихъ обнаруживали чаще всего рабочіе, только что привлеченные въ организацію и почти полная безучастность къ нимъ замѣтна была среди членовъ центрального рабочаго кружка. Когда началась кампанія, вызванная комиссіей Шидловскаго и появилась настоятельная необходимость вліять на рабочихъ, стоявшихъ внѣ кружковъ, организатору района лишь съ большимъ трудомъ и подъ сильнымъ, вызывавшимъ неудовольствіе давленіемъ, удавалось заставить членовъ центрального кружка созывать массовки и летучки изъ не-

партийныхъ рабочихъ. Что касается агитаціи среди выборщиковъ и проведенія лозунговъ и заявленій центральной группы какъ среди нихъ, такъ и среди близко стоявшихъ къ нимъ рабочихъ, то эта работа почти цѣликомъ лежала на плечахъ организатора района, безъ какой-либо помощи со стороны «руководителей» рабочей группы района. Напротивъ члены послѣдней крайне неодобрительно смотрѣли на массовки и осуждали ихъ на томъ основаніи, что они могутъ вызвать провалы и аресты, такъ какъ на нихъ могли попасть люди, недостаточно извѣстные; они также предъявляли постоянныя претензіи къ организатору за то, что онъ выступаетъ на массовкахъ и «возится» съ выборными; благодаря этому онъ становился извѣстнымъ болѣе широкимъ кругамъ и тѣмъ опять-таки рисковалъ вызвать арестъ всего центрального кружка, на засѣданія котораго онъ долженъ былъ регулярно приходить. Мало того. Центральный кружокъ былъ недоволенъ тѣмъ, что изъ-за массовокъ и изъ-за иныхъ «постороннихъ непартийныхъ дѣлъ» запускалась такая важная партийная задача, какъ дѣло пропаганды, правильныя занятія въ самомъ центральномъ кружкѣ. Дѣло въ томъ, что на засѣданіяхъ центрального кружка, организаторъ, съ одной стороны, осуществляя меньшевистскій принципъ освѣдомленія всѣхъ членовъ партіи о всѣхъ партийныхъ дѣлахъ, и съ другой, желая расширить горизонты передовыхъ рабочихъ, обыкновенно давалъ подробные отчеты и разъясненія о всякихъ рѣшеніяхъ центральныхъ мѣстныхъ и общепартийныхъ учреждений, и какъ въ пропагандистскихъ кружкахъ, изъ-за этихъ злободневныхъ вопросовъ пренебрегалъ теоретическими занятіями въ центральномъ кружкѣ; причемъ постояннымъ припѣвомъ всѣхъ его бесѣдъ былъ призывъ къ самодѣятельности рабочихъ, безъ которой партія существовать не можетъ. Всѣ эти объясненія выслушивались крайне охотно, особенно тѣ, которыя трактовали объ участіи рабочихъ въ обсужденіи и проведеніи всѣхъ партийныхъ рѣшеній. При этомъ рабочіе оказывались однако, послѣдовательнѣе меньшевистской руководящей организаціи и требовали и *формальныхъ* правъ, полного проведенія демократическаго принципа во всей организаціи сверху до низу. Къ сожалѣнію они соединяли съ этимъ въполнѣ справедливымъ требованіемъ упомянутыя уже стремленія низвести организацію на степень исключительной кружковщины. Главнымъ требованіемъ центрального кружка нарвскаго района была постановка систематическихъ регулярныхъ кружковыхъ занятій, и члены его были убѣждены, что это ихъ требованіе не выполняется потому, что въ партіи нѣтъ демократизма и у рабочихъ нѣтъ возможности провести своихъ желаній: съ введеніемъ демократизма окончательно должны были исчезнуть всѣ нежелательныя для нихъ элементы партийной дѣятельности.

Такимъ образомъ въ Петербургѣ повторилась уже давно пережитая партіей исторія: передовые партийные рабочіе настолько прониклись мелкими интересами своей организаціи и, благодаря этому, настолько удалились отъ общепролетарскаго движенія, что они ставили препятствія переходу партіи на болѣе высокую ступень. Въ то время, когда кругомъ забастовочное движеніе уже начало расшатывать весь политическій режимъ, когда рабочій классъ активно сталъ реагиро-

вать на всѣ крупныя явленія общественной жизни, когда петербургская рабочая масса волновалась по поводу выборовъ въ комиссію Шидловскаго, которые на время спланивали и объединяли вокругъ депутатовъ десятки тысячъ рабочихъ,—въ центральномъ рабочемъ кружкѣ нарвскаго района шли длинныя пренія о правахъ и обязанностяхъ партійныхъ низовъ, кружковъ, районныхъ группъ, объединявшихъ въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сотъ крайне молодыхъ рабочихъ, изъ которыхъ не мало было подростковъ. Это была по истинѣ буря въ стаканѣ воды въ сравненіи съ наступающимъ общественнымъ ураганомъ, раскаты котораго уже носились по всей Россіи. И если съ одной стороны не подлежитъ сомнѣнію, что изгнаніе демократизма изъ партіи ничѣмъ не оправдывалось и не спасло ея ни отъ пониженія уровня руководящихъ организацій, ни даже отъ проникновенія въ партію нежелательныхъ въ конспиративномъ отношеніи элементовъ, то съ другой стороны указанная связь демократизма съ отсталыми тенденціями въ партіи должна была доказать всякому мыслящему человѣку, что не въ однихъ организаціонныхъ недочетахъ нашей партіи заключались основныя причины ея слабости и не въ одной реорганизаціи ея на демократическихъ началахъ слѣдовало искать источниковъ ея оздоровленія.

Какъ бы для доказательства отъ противнаго, центральному рабочему кружку за Московской заставой удалось дѣйствительно стать рабочимъ авангардомъ и руководителемъ движенія въ этомъ районѣ. Онъ состоялъ изъ рабочихъ, лишь очень недавно присоединившихся къ партійной организаціи, не прошедшихъ длинной подготовительной кружковой школы и естественно выдвинувшихся въ процессѣ стачечнаго движенія. Всякаго вліятельнаго, самоотверженнаго и сознательнаго рабочаго они немедленно старались привлечь въ центральный кружокъ, не считая нужнымъ проводить его черезъ всѣ приготовительныя классы партіи. Это, конечно, противорѣчило партійнымъ организаціоннымъ принципамъ, на основаніи которыхъ лишь на организатора района возлагалась задача подбирать новыхъ членовъ въ центральный кружокъ, а у самихъ членовъ его этого права не было. Но при создавшихся отношеніяхъ за Московской заставой, при широкой самодѣятельности, проявляемой центральнымъ кружкомъ, представлявшимъ плоть отъ плоти всей рабочей массы, это право было взято имъ, какъ нѣчто вполне естественное, и, я воображаю, какимъ смѣхомъ и непониманіемъ была бы встрѣчена претензія интеллигентнаго организатора заниматься подборомъ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ въ рабочей средѣ, которой онъ не зналъ и среди заводской массы, въ которой онъ не жилъ. Организаціонные обычаи здѣсь создавались самой жизнью и теоретическихъ словопреній о демократизмѣ и выборномъ началѣ тамъ никогда не было. Вліяніе центрального кружка на заводскую жизнь, въ особенности, на порядки руководящаго завода этого района—вагоностроительнаго—было громадное. Вопросъ о забастовкахъ обсуждался всегда предварительно въ кружкѣ и по его сигналу онъ начинался и кончался. Подъ его вліяніемъ на заводѣ былъ отвоеванъ рядъ существенныхъ улучшеній, съ администраціей завода постоянно велись правильные переговоры, регули-

ровавшие заводские порядки. Администрация вынуждена была терпеть митинги на заводѣ, ѣздить къ градоначальнику отъ имени рабочихъ требовать освобожденія арестованныхъ, при сокращеніи заказовъ уменьшать рабочее время для всѣхъ рабочихъ, чтобы не рассчитывать части рабочихъ. Словомъ, были заложены серьезныя основанія для установленія на заводѣ конституціоннаго строя, въ борьбѣ за который главнымъ застрѣльщикомъ былъ партійный центральный кружокъ. Во время кампаніи по поводу комиссіи Шидловскаго часть выборныхъ была членами кружка, а остальные находились въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Въ то же время расширились и кружки, но эта работа центральнымъ кружкомъ выполнялась попутно: всѣ его интересы лежали на сторонѣ массоваго движенія.

V.

Послѣ прекращенія стачки, послѣдовавшей за отказомъ рабочихъ участвовать въ комиссіи Шидловскаго, въ рабочемъ движеніи наступало нѣкоторое затишье. Правда, стачки не прекращались, но онѣ были лишь частичныя, съ частными заводскими требованіями. Это продолжительное забастовочное движеніе, которое являлось продуктомъ чрезвычайно повышеннаго и нервнаго настроенія рабочихъ, вызываемаго независимо отъ чисто экономическихъ причинъ, какъ извѣстіями съ театра военныхъ дѣйствій, такъ и политическими актами правительства, указомъ 18 февраля, комиссіей министра финансовъ Коковцова по рабочему вопросу и др., сильно утомляли и обезсиляли рабочихъ. Соціалдемократическая организація съ своей стороны не считала необходимымъ останавливать стачекъ, такъ какъ и она находилась подъ влияніемъ тѣхъ же событий, и у нея настроеніе было такое же повышенное, она жадно ловила всякія проявленія революціонной энергіи массъ и полагала, что не дѣло соціалдемократіи задерживать ихъ и не давать имъ претвориться въ массовыя дѣйствія. Пользуясь однако сравнительнымъ затишьемъ, наступившимъ въ концѣ февраля, петербургская центральная группа посвящаетъ свои силы какъ укрѣпленію своей организаціи, такъ и дѣлу большаго теоретическаго и практическаго ея опредѣленія, внесенію въ свою работу большаго единства и планомѣрности.

Въ значительной степени подъ влияніемъ событийъ въ нарвскомъ районѣ, въ организаціи котораго, благодаря давленію рабочихъ и тайному «преступному» сочувствію организатора къ демократизму, онъ былъ допущенъ въ небольшой дозѣ, группа подвергаетъ обсужденію вопросъ организаціонный. Демократизмъ былъ крайне робкій въ указанномъ районѣ и заключался лишь въ томъ, что районная организація состояла изъ лицъ, выбранныхъ центральными кружками и агитаторской коллегіей, а не подобранныхъ организаторомъ, но его было вполне достаточно, чтобы сильно встревожить центральную группу, которая почти единогласно и приняла рѣшеніе, что руководящимъ организаціоннымъ принципамъ долженъ быть подборъ, а не выборное начало. Остальная часть организаціоннаго плана не пред-

ставляла ничего новаго и приближалась къ описанному мной типу организаціи въ нарвскомъ районѣ.

Въ то же время группа начинаетъ выяснять и свою принципиальную и обще-тактическую фізіономію. Во время кампаніи, вызванной комиссіей Шидловскаго, въ Петербургѣ начинаетъ дѣйствовать энергичнѣе и большевистское теченіе. Я уже указывалъ, что если отвлечься отъ расхожденія по нѣкоторымъ второстепеннымъ организаціоннымъ деталямъ, въ началѣ крупныхъ разногласій между большевиками и меньшевиками не было. Открывшаяся однако бурная политическая жизнь Россіи, которая требовала опредѣленнаго къ себѣ отношенія отъ всякаго теченія, претендовавшаго на вліяніе на обществѣнныя дѣла, заставила объ фракціи гораздо ярче и рѣзче раскрыть свою принципиальную сущность. И тогда скоро обнаружилось, что фракціи раздѣляютъ не мелкія организаціонныя разногласія, а глубоко различное пониманіе всей русской дѣйствительности, разногласіе по вопросу о ближайшемъ теченіи русской революціи и о задачахъ социалдемократической партіи. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на политическихъ взглядахъ большинства и меньшинства партіи, я ограничусь лишь краткими, — а потому и нѣсколько упрощенными, — указаниями, поскольку разногласія опредѣлили практическую дѣятельность социалдемократовъ въ Петербургѣ.

Руководящимъ тактическимъ положеніемъ большевиковъ того періода было то, что русская революція «уперлась въ возстаніе». По ихъ мнѣнію, лишь побѣдоносное возстаніе могло и должно было разрѣшить политическій кризисъ въ Россіи и потому въ тактикѣ социалдемократіи моментъ возстанія долженъ играть рѣшающую роль: важно лишь то, что способствуетъ и ускоряетъ возстаніе, откидывается все то, что способно такъ или иначе замедлить его наступленіе. На положеніе дѣлъ въ Россіи, создавшееся послѣ 9 января, она смотрѣла такъ, что всякое массовое выступленіе пролетаріата необходимо должно было перейти въ возстаніе, и потому при обсужденіи тѣхъ или иныхъ массовыхъ дѣйствій пролетаріата, слѣдовало по ихъ мнѣнію прежде всего поставить вопросъ: способенъ и готовъ ли пролетаріатъ къ возстанію, которое должно быть непремѣннымъ слѣдствіемъ его массовыхъ выступленій — и воздерживаться отъ послѣднихъ, если пролетаріатъ казался недостаточно подготовленнымъ къ возстанію. Революціонную же готовность и сознательность рабочихъ большевики въ общемъ оцѣнивали однако такъ высоко, что съ этой стороны они не видѣли никакихъ препятствій даже для немедленнаго возстанія, и потому готовность къ возстанію они рассматривали преимущественно съ технической точки зрѣнія. Этой точкой зрѣнія опредѣлялся и бойкотъ, предлагаемый большевиками по отношенію къ выборамъ въ комиссію Шидловскаго, и проповѣдь воздержанія отъ частичныхъ кампаній пролетаріата вообще и отъ перво-майскаго уличнаго выступленія въ частности. Пролетаріатъ долженъ не растрчивать своихъ силъ въ мелкихъ стычкахъ, а накапливать ихъ ко дню генеральнаго сраженія, всенароднаго возстанія. Я не стану распространяться здѣсь о чрезвычайно характерномъ для всего міровоззрѣнія этого крыла социалдемократической партіи отношеніи къ захвату власти, къ вре-

менному правительству, диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, такъ какъ эти вопросы, хотя и имѣли вліяніе на содержаніе агитаціи и пропаганды, но какъ *ria desideria*, далекія отъ практической жизни, эти тактическія положенія опредѣляли лишь въ слабой степени отношеніе большевиковъ къ дѣйствительному рабочему движенію того періода.

Меньшевистская группа въ Петербургѣ, считая также неизбѣжнымъ возстаніе, разсматривала его однако, какъ результатъ длительного процесса, цѣлаго ряда выступленій, въ которыхъ боевая способность и сознательность пролетаріата постоянно растетъ вширь и вглубь. Хотя и у меньшевиковъ сильны были тенденціи переоцѣнивать революціонность рабочихъ массъ, но подготовку возстанія они понимали главнымъ образомъ, какъ популяризацию идеи неизбѣжности возстанія, популяризацию этой идеи не только пропагандой и агитаціей, но активнымъ реагированіемъ пролетаріата на наиболѣе крупныя событія дня, постоянной поддержкой и расширеніемъ стачечнаго движенія. Мы уже указывали на сильную педагогическую тенденцію въ тактикѣ меньшинства. Она проявлялась и по отношенію къ стачечному движенію: удачная стачка увеличиваетъ боевую готовность рабочихъ, неудачная—научить ихъ, что нужно вести борьбу противъ всего режима. Кромѣ того оба крыла социалдемократіи расходились, какъ я уже говорилъ, по вопросамъ, касающимся дальнѣйшаго хода русской революціи, и, слѣдовательно, меньшинство вкладывало иное идейное содержаніе въ свою агитацію и пропаганду.

Эти тактическія разногласія, опредѣляющія въ особенности различное отношеніе къ пролетарскимъ выступлениямъ того времени, дѣлали безрезультатными всякія попытки къ соглашеніямъ между большевиками и меньшевиками. Попытки эти дѣлались нѣсколько разъ подъ вліяніемъ какъ центрального комитета партіи, такъ и подъ давленіемъ рабочихъ низовъ, которые совершенно не разбирались въ разногласіяхъ и приписывали расколъ лишь интеллигентскимъ дразгамъ. Два образывались федеративные комитеты изъ представителей большевистской и меньшевистской мѣстныхъ организацій съ чрезвычайно скромными задачами, но каждый разъ они быстро умирали, не принявши ни одного практическаго дѣла. Во всѣхъ этихъ попыткахъ къ примиренію меньшевистская организація, вѣроятно, какъ болѣе сильная,—обыкновенно шла гораздо дальше, предлагала вырабатывать сообща практическіе лозунги, выпускать общіе листки за подписью обѣихъ организацій, открыто заявляла, что она разсматриваетъ такія совмѣстныя дѣйствія, какъ подготовительные шаги для полного сліянія, но въ своихъ примирительныхъ тенденціяхъ не встрѣчала никакой взаимности. По мнѣнію большевиковъ, сліяніе могло быть слѣдствіемъ лишь партійнаго съѣзда, котораго они требовали уже давно: для соглашеній же по техническимъ и узко практическимъ вопросамъ были достаточны, по ихъ мнѣнію, правильныя сношенія между отдѣльными районными организаціями. При глубокомъ взаимномъ недоверіи меньшевики видѣли въ послѣднемъ предложеніи лишь попытки большевиковъ добраться до «ихъ» рабочихъ, чего ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало допустить. По существу меньшевики были правы, такъ какъ

было непослѣдовательно отвергать соглашенія между центральными петербургскими организаціями и въ то же время предлагать таковыя между районами, но въ этой боязни меньшевиковъ допустить своихъ фракціонныхъ противниковъ къ «своимъ» рабочимъ заключалось не только недоувѣрія къ большевикамъ, но еще больше недоувѣрія къ сознательности своихъ рабочихъ.

И слѣдуетъ дѣйствительно сознаться, что партійные рабочіе, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ немногихъ единицъ, были совершенно чужды всѣмъ разногласіямъ, которыя раздѣляли оба крыла партіи. Въ этомъ отношеніи «законосовѣщательный» принципъ или принципъ «освѣдомленія» меньшевиковъ обнаружилъ свое полное банкротство. Несмотря на все искреннее желаніе руководящей группы дѣйствительно освѣдомлять рабочихъ по всѣмъ партійнымъ вопросамъ, и тѣмъ внести идейное единство въ «руководимую» ею организацію, это ей никогда не удавалось даже въ самой отдаленной степени. Къ тому же оказалось, какъ уже было указано, что подпольная организація, начиная съ извѣстныхъ размѣровъ теряетъ въ единствѣ и планомѣрности своей дѣятельности то, что она выигрываетъ въ своей величинѣ. Когда районы разрослись, оказалось очень скоро, что у меньшинства въ Петербургѣ была не одна организація, а, какъ тогда говорили, «федерация районныхъ организацій». Каждая районная организація жила своей собственной, лишь въ слабой степени связанной съ центромъ самостоятельной жизнью. Несмотря на запретъ, районы вынуждены были издавать свои районные листки на всякія темы, особенно когда стало ясно, что центральная организація не въ состояніи обслуживать всѣ свои вѣтви. Планы занятій въ кружкахъ въ каждомъ районѣ выработывались совершенно самостоятельно и рѣзко отличались другъ отъ друга въ разныхъ районахъ. Мало того. Въ большихъ районахъ даже отдѣльные подрайоны вели свою работу самостоятельно. Въ особенности широко разбросанный городской районъ въ этомъ отношеніи представлялъ невѣроятную путаницу. Въ однихъ кружкахъ интеллигентъ-агитаторъ читаетъ рабочимъ для назиданія рассказы и драмы Горькаго, въ другомъ передаетъ въ популярномъ изложеніи только-что прочитанныя передовицы изъ «Сына Отечества» и «Нашей Жизни», въ третьихъ—проповѣдуетъ, что съ паденіемъ самодержавія всѣмъ бѣдамъ рабочихъ будетъ положенъ конецъ и т. д. Само собой разумѣется, что по вопросамъ, составлявшимъ предметъ преній въ партійной литературѣ, какъ то о временномъ правительствѣ, о ближайшей диктатурѣ пролетаріата и крестьянства и другіе, внутри организаціи существовали самыя противоположныя воззрѣнія, такъ какъ и въ самой центральной группѣ были представлены разныя теченія, и районы по большей части отражали взгляды своихъ организаторовъ.

Такимъ образомъ подтвердилось, что подпольный міръ можетъ существовать лишь при крайне ограниченнхъ рамкахъ своего количественнаго роста; какъ только онъ разрастается, онъ начинаетъ дезорганизовываться. Центральная группа предприняла рядъ мѣръ для того, чтобы укрѣпить идейную связь между отдѣльными частями организаціи. Дѣлается попытка устроить лекціи по тактическимъ вопросамъ для наиболѣе выдающихся рабочихъ всѣхъ районовъ. Созываются между-

районныя собранія, т. е. собранія изъ представителей всѣхъ районовъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, причемъ характерно, что представители эти должны были не выбираться представляемыми ими организациями, а снова быть подобранными организаторами. На этихъ собраніяхъ читаются доклады о тактическихъ взглядахъ группы по волнующимъ въ то время партію вопросамъ. Пренія обнаруживаютъ указанную мной разногласицу, но проходятъ очень живо. Послѣ собранія у его участниковъ опять возникаетъ однако вопросъ о практическомъ вліяніи рѣшеній междурайонныхъ собраній на тактику группы. Представители районовъ не хотятъ довольствоваться ролью аудиторіи для ораторовъ группы, они желали бы практическихъ результатовъ своихъ обсужденій. Законосовѣщательныя учреждения перестаютъ окончательно удовлетворять партійную периферію и партійные низы. Другія начинанія меньшевистской группы наталкиваются на совершенно противоположнаго характера протестъ одной части интеллигентской периферіи, указывающей меньшевистской руководящей организации на то, что она превысила свои права и полномочія по отношенію къ общепартійнымъ центральнымъ учреждениямъ. Этотъ протестъ возникъ по поводу рѣшенія центральной группы издавать мѣстный органъ. Для внесенія большаго единства въ свою организацию, а также для расширенія своего вліянія во внѣпартійныхъ рабочихъ кругахъ, центральная группа приняла рѣшеніе приступить къ изданію небольшого печатнаго органа. Когда это рѣшеніе было доведено до свѣдѣнія агитаторской коллегіи нарвскаго района, оно воскресило возраженія, явившіяся отголоскомъ еще первоначальныхъ «Искровскихъ» тенденцій. Группѣ указываютъ на всю опасность, которой изданіе специально петербургскаго органа грозитъ чистотѣ социалдемократическихъ принциповъ, возстанавливаются старые сектантскіе жупелы о принижающемъ вліяніи повседневной борьбы и о необходимости существованія органа вдали отъ поля битвы, который, далекій отъ соображеній жизни, одинъ въ состояніи съ достаточной принципиальной выдержанностью руководить партійной работой. Этотъ невѣроятный фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ имѣлъ мѣсто уже послѣ 9 января, послѣ кампаніи по поводу комиссіи Шидловскаго и послѣ цѣлаго ряда попытокъ социалдемократической организациі вмѣшаться и получить вліяніе на движеніе болѣе широкихъ пролетарскихъ массъ. Всѣ онѣ не могли однако окончательно заглушить сектантскаго страха передъ жизнью, столь присущаго всякой заговорщической подпольной организациі.

Такимъ образомъ внутри меньшевистской организациі вмѣстѣ съ ея ростомъ все болѣе развиваются подтачивающія ея силы; онѣ особенно усилились, когда въ мартѣ и апрѣлѣ на первую очередь выдвигается вопросъ о партійномъ съѣздѣ. Мы на немъ остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ рельефно раскрываетъ массу противорѣчій, которыя заполнили жизнь социалдемократической организациі.

Извѣстно, что не успѣла партія сорганизоваться на своемъ второмъ съѣздѣ въ 1903 году, какъ однимъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ ея партійной жизни, яблокомъ раздора между фракціями сдѣлалась борьба за съѣздъ. И въ описываемомъ нами 1905 году эта

борьба никогда не сходила съ порядка дня. Въ это время всѣ общепартійныя центральныя учрежденія, центральный комитетъ, центральный органъ «Искра» и совѣтъ партіи находились въ рукахъ меньшевиковъ и всѣ попытки большевиковъ созвать третій съѣздъ терпѣли крушеніе, благодаря упорному сопротивленію центральныхъ учреждений.

Въ 1905 году большевистскія организациі, не порвавъ формально съ партіей, объединились въ отдѣльную общую организацию, выбрали свой объединяющій органъ, который назывался «бюро комитетовъ большинства» и рѣшили общими силами добиваться съѣзда. По ихъ требованію центральный комитетъ поставилъ на обсужденіе всѣхъ организациій вопросъ о ближайшемъ созывѣ съѣзда. Петербургская центральная группа высказалась за отсрочку съѣзда, мотивируя свое мнѣніе слѣдующими соображеніями. Желая, чтобы въ результатѣ съѣзда произошло дѣйствительное объединеніе, они рекомендуютъ, чтобы съѣзду предшествовала совѣщательная партійная конференція, которая подготовила бы порядокъ дня съѣзда. Кромѣ того, для болѣе правильнаго представительства партійныхъ организациій на съѣздѣ, а также для сближенія обоихъ теченій на самой работѣ, группа рекомендовала, чтобы за мѣсяць до съѣзда отдѣльныя, конкурирующія фракціонныя организациі одного и того же города были распушены и слились въ одну организацию, которая пошлетъ отъ себя своихъ представителей на съѣздъ въ соотвѣтствіи съ реальнымъ соотношеніемъ силъ обоихъ теченій. При обсужденіи вопроса о съѣздѣ произошелъ характерный инцидентъ, показавшій насколько въ партіи непопулярнѣнъ даже непослѣдовательный демократизмъ. Одинъ членъ группы предложилъ, чтобы къ мотивамъ, дѣлающимъ необходимой отсрочку общепартійнаго съѣзда былъ присоединенъ еще слѣдующій. «Группа высказывается за отсрочку еще потому, что необходимо, чтобы на ближайшемъ съѣздѣ въ противоположность второму, были представлены не одни комитеты, не высшія организациі или даже отдѣльныя лица, а всѣ партійныя организациі. Поэтому порядокъ дня съѣзда долженъ предварительно обсуждаться подробно во всѣхъ партійныхъ низахъ, мнѣнія ихъ должны регистрироваться и доводиться до свѣдѣнія съѣзда. Только въ этомъ случаѣ съѣздъ приметъ свои рѣшенія на основаніи точнаго знанія общепартійнаго мнѣнія и будетъ его истиннымъ выразителемъ». Группа сначала хотѣла снять предложеніе съ очереди, какъ «нѣчто само собой разуміющееся», но въ виду категорическаго требованія внесшаго предложенія проголосовать его, оно было принято только безъ историческаго его освѣщенія, т. е. безъ отрицательнаго отзыва о второмъ съѣздѣ. Какъ это, принятое положеніе, было примѣнено, будетъ показано ниже.

Не успѣло однако кончиться въ организациі голосованіе по вопросу о созывѣ съѣзда, какъ произошли обстоятельства, сильно ускорившія этотъ созывъ. Въ Москвѣ былъ арестованъ почти цѣликомъ центральный комитетъ партіи и благодаря этому создалось чрезвычайно характерное и поучительное положеніе дѣлъ. Могло показаться, что злая шутница—исторія хотѣла довести аналогію между надпольной и подпольной бюрократіями даже до второстепенныхъ подробностей. Послѣ ареста уцѣлѣлъ лишь одинъ членъ центральнаго комитета,

но этотъ единственный членъ имѣлъ по конституціи партіи право кооптировать весь остальной комитетъ по своему усмотрѣнію. Отъ него одного зависѣлъ такимъ образомъ составъ партійнаго министерства. А права этого министерства очень обширны. Достаточно будетъ указать что центральный комитетъ выступаетъ, какъ постоянный законный и полномочный представитель партіи. Онъ имѣетъ право издавать отъ имени партіи литературу и даже агитаціонные листки съ практическими лозунгами, и отказъ отъ ихъ распространенія мѣстной организаціей равносильнъ нарушенію партійной дисциплины. Въ мартѣ 1905 года напр., центральный комитетъ принималъ участіе въ конференціи россійскихъ національныхъ социалдемократическихъ партій, не привлекая къ предварительному обсужденію вопросовъ конференціи ни одной мѣстной организаціи, и безъ ихъ вѣдома отъ имени партіи заключалъ договоры и бралъ на себя обязательства. Такая вліятельная организація, какъ петербургская центральная группа, узнала о конференціи лишь изъ печати, и принятыя на ней резолюціи были для нея уже *fait accompli*, непреложнымъ рѣшеніемъ. И такіе методы дѣйствія практиковались комитетомъ, болѣе демократическаго въ принципѣ меньшевисткаго направленія, несмотря на его позицію, вполнѣ имѣя сознаваемую, оторванность отъ практической работы на мѣстахъ какъ нѣчто, совершенно естественное и само собой разумѣющееся. И вотъ оказалось, что составъ этого руководящаго, имѣющаго формально рѣшающее вліяніе на общепартійную политику органа зависѣлъ отъ доброй или злой воли, отъ плохого или хорошаго разумѣнія одного лишь человѣка, и это въ такое время, когда внутри партіи боролись два теченія, имѣвшія совершенно противоположныя воззрѣнія по основнымъ вопросамъ партійной тактики. И опять таки злорадному року угодно было, чтобы этотъ единственный вершитель судебъ партійной политики представлялъ собою особу, отличающуюся неустойчивостью, неувѣренностью и шатаніями въ разныя стороны, между обоими теченіями. Само собой разумѣется, что эту столь важную партійную особу обѣ фракціи пытались всѣми силами привлечь на свою сторону, и приобрѣсть на нее вліяніе. И какъ будто для того, чтобы даже слѣпому до очевидности доказать всю ненормальность и карикатурность создавашагося въ партіи положенія дѣлъ, въ упомянутой борьбѣ обѣихъ фракцій за вліяніе на надѣленнаго неограниченными полномочіями партійнаго человѣка, побѣдило большинство, т. е. не то теченіе, которое представляло партію до того времени. Такимъ образомъ по волѣ одного человѣка сразу мѣняется официальная руководящая политика социалдемократической партіи, поскольку она опредѣляется ея центральнымъ комитетомъ. Въ наиболѣе спорныхъ, злободневныхъ вопросахъ партійной тактики, по вопросамъ о захватѣ власти, о временномъ правительствѣ, а также по вопросу о первомайскомъ празднованіи, официальное мнѣніе партіи, представленное ея центральнымъ комитетомъ, сдѣлало оборотъ въ 180 градусовъ, и стало приближаться къ большевизму или, по крайней мѣрѣ, къ «болоту» (Троцкій и ему подобные). Центральный комитетъ также мѣняетъ свое мнѣніе о партійномъ съѣздѣ и рѣшаетъ его немедленный созывъ.

Петербургской меньшевистской организаціи пришлось, такимъ образомъ, немедленно начать готовиться къ съѣзду, и тутъ ей представлялся прекрасный случай доказать, какъ она практически примѣняетъ въ столь важномъ для партіи вопросѣ свой «законосовѣщательный» принципъ, и какъ она рассчитываетъ провести въ жизнь принятое ею положеніе, что съѣздъ долженъ представлять не одни руководящія учрежденія, а всѣхъ организованныхъ партійныхъ членовъ. Подготовка къ съѣзду однако показала, что когда нѣтъ въ реальной, кроющейся въ самомъ содержаніи работы, почвы для широкаго развитія самодѣятельности массы партійныхъ членовъ, всякія, даже лучшія, пожеланія остаются на бумагѣ. Обсужденіе вопросовъ порядка дня съѣзда происходило лишь въ мѣстной центральной группѣ, отчасти оно было перенесено въ интеллигентскія агитаторскія группы. Что же касается партійныхъ рабочихъ, то до нихъ доходили лишь обрывки свѣдѣній какъ о самомъ съѣздѣ, такъ и о подлежащихъ его обсужденію вопросахъ. Приходится впрочемъ признаться, что большая часть этихъ вопросовъ была совершенно чужда массѣ партійныхъ рабочихъ и врядъ ли предварительное обсужденіе этихъ вопросовъ послѣдними въ чемъ либо замѣтно измѣнило бы принятія группой рѣшенія. На самыхъ рѣшеніяхъ я здѣсь не буду останавливаться, они въ общемъ совершенно совпадаютъ съ опубликованными резолюціями меньшевистской конференціи. Замѣчу лишь, что они обнаруживаютъ стремленіе бороться съ поднявшимъ въ партіи голову бланкизмомъ и якобинизмомъ, порвать съ кружковымъ характеромъ партіи и распространить свою работу на начавшееся профессиональное движеніе, а въ организаціонномъ отношеніи—похвальное желаніе ввести въ партію возможно больше демократизма.

Но насколько эти рѣшенія были лишь «отъ ума», насколько дѣйствительная практика организаціи этому противорѣчили, насколько и меньшевистское теченіе было цѣликомъ проникнуто болѣзнями заговорщической организаціи, показываетъ рядъ практическихъ мѣръ, принятыхъ, наряду съ хорошими теоретическими рѣшеніями, той же меньшевистской петербургской организаціей,—мѣръ предназначенныхъ для усиленія на съѣздѣ во что бы ни стало меньшевистскаго представительства и для болѣе успѣшной борьбы съ большевиками. Въ виду того, что большевистскія организаціи выступали на съѣздѣ тѣсно сплоченными и объединенными, въ группѣ было предложено разослать делегатовъ по всей Россіи въ меньшевистскія организаціи для того, чтобы сговориться съ ними о тактикѣ на съѣздѣ, организовать въ одинъ блокъ на съѣздѣ, и стараться получить возможно больше мандатовъ. Это называлось громкимъ терминомъ «организаціи меньшевистскаго общественнаго мнѣнія». Напрасно отдѣльные члены группы указывали на то, что если приходится идти на съѣздъ, то это слѣдуетъ дѣлать не для того, чтобы снова превратить его въ арену борьбы между двумя фракціями, раздѣленными не только теоретическими разногласіями, но и продолжительной, наполненной безконечнымъ рядомъ личныхъ трений и дразгъ, взаимной борьбой. Напрасно указывалось группѣ на то, что рядъ новыхъ вопросовъ, возникшихъ въ эпоху революціоннаго подъема, вызвалъ среди социал-

демократовъ гораздо болѣе глубокиа принципальныя разногласія, которая не соотвѣтствуютъ прежнему организаціонному дѣленію на большевиковъ и меньшевиковъ. Еслибы эти вопросы были поставлены на сѣздѣ передъ делегатами, не сплотившимися раньше въ враждебные блоки, дѣйствующіе и голосующіе по предварительному соглашенію, какъ одинъ человекъ, пренія по этимъ вопросамъ были бы дѣйствительно полезны и служили бы отраженіемъ существующихъ среди массы социалдемократическихъ работниковъ воззрѣній; и еслибы оказалось, что въ партіи дѣйствительно существуютъ непримиримыя разногласія, и расколъ былъ бы неизбеженъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, произошелъ бы на принципальной почвѣ, «организація же общественнаго мнѣнія» фракцій способна лишь исказить характеръ преній, фальсифицировать дѣйствительное партійное общественное мнѣніе и вмѣсто принципальныхъ разногласій на первый планъ выдвинуть старья, наболѣвшія, и порой позорныя, партійныя язвы. Тѣ же одинокіе голоса указывали группѣ, что погоня за мандатами не только сама по себѣ довольно нечистоплотная вещь, но находится въ рѣзкомъ, кричащемъ противорѣчій съ хотя и слабыми, но все же демократическими тенденціями меньшинства, что лицо съ «пойманымъ» мандатомъ, можетъ представлять лишь само себя, но отнюдь не организацію, имъ представляемую, что это есть замѣстительство самаго сквернаго пошиба. Всѣ эти голоса оказались однако „гласомъ вопіющаго въ пустыню“. Послѣ остроумнаго замѣчанія одного изъ „лидеровъ“ группы, что о погонѣ за мандатами не говорятъ, но ее практикуютъ, рѣшено было послать делегатовъ по Россіи, чтобы въ теченіе одной недѣли, оставшейся до поѣздки на сѣздъ, «организовать общественное мнѣніе», а главное, чтобы ловить мандаты, что отчасти и удалось.

Хотя всѣ эти подробности были лишь мало извѣстны широкой массѣ членовъ партіи, но самый способъ обсуждения вопросовъ сѣзда одной лишь центральной группой, при полномъ игнорированіи партійныхъ низовъ, способно было лишь усилить оппозицію меньшевистскихъ низовъ, которые объединялись требованиями демократическаго строенія партіи. Подготовка къ сѣзду доставила обильный матеріалъ оппозиціи для критики «законосовѣщательнаго» принципа, для иллюстраціи всей его демократической иллюзорности и безсодержательности и для обвиненія меньшевистской руководящей организаціи въ неискреннемъ отношеніи къ проповѣдуемымъ ею, для одной лишь видимости, демократическимъ симпатіямъ. Съ этого времени начинается процессъ объединенія и формированія оппозиціи, оппозиціонные элементы разныхъ районовъ начинаютъ сговариваться о принятіи общихъ шаговъ для давленія на руководящія сферы партіи. Такъ какъ оппозиція эта состояла изъ довольно разнообразныхъ и даже противорѣчивыхъ элементовъ, и объединялась лишь требованіемъ организаціоннаго демократизма, то послѣднему придавалась громадная роль и рѣшающее значеніе въ дѣлѣ оздоровленія партіи. Основныя причины ея сектантскаго, заговорщическаго и порой кликообразнаго характера,— подпольность организаціи, одностороннее содержаніе ея работы и опредѣляемая этимъ оторванность ея отъ массъ, — для оппо-

зиціи еще неясны. Понадобился снова громадный крахъ и страшное поражение партіи для того, чтобы съ одной стороны усилить, объединить и сдѣлать болѣе активной оппозицію, а съ другой расширить ея горизонты. Такимъ оздоравливающимъ, расчищающимъ мозгъ и будящимъ мысль и энергію, крахомъ и былъ первомайскій праздникъ 1905 г.

VI.

Одновременно съ подготовкой къ съѣзду въ центральной группѣ шло также обсужденіе характера празднованія перваго мая. Отношеніе къ нему различныхъ теченій социалдемократической партіи ясно слѣдуетъ изъ того, что было указано выше о взглядахъ этихъ теченій на дальнѣйшій ходъ русской революціи. Петербургскіе большевики вмѣстѣ съ близкимъ къ нимъ центральнымъ комитетамъ относились отрицательно ко всякой возможности массовыхъ выступленій пролетаріата до того момента, пока онъ не будетъ готовъ къ возстанію. Въ листкѣ, выпущенномъ петербургскимъ большевистскимъ комитетомъ, мы читаемъ: «Первое мая не можетъ быть, конечно, днемъ вооруженнаго возстанія. Вооруженныя возстанія нельзя назначать заранѣе. Мы поднимемъ оружіе неожиданно для нашихъ враговъ, выбравъ моментъ наибольшаго подъема народныхъ силъ и наибольшей растерянности правительства. Мирныя демонстраціи невозможны... Вооруженныя демонстраціи допустимы только, какъ начало вооруженнаго возстанія... Итакъ, товарищи, выйти перваго мая на улицу безоружнымъ было бы безумно, выйти вооруженнымъ, преждевременно». На этомъ основаніи петербургскій комитетъ призываетъ рабочихъ лишь на тайные митинги. Нужно при этомъ вспомнить, что призывать къ празднованію перваго мая прекращеніемъ работы было невозможно, такъ какъ первое мая 1905 года падало на воскресенье.

Приблизительно то же говоритъ о характерѣ празднованія перваго мая центральный комитетъ въ своемъ письмѣ, разосланномъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ. «Послѣ января, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, и всего того, что за нимъ слѣдовало, въ Петербургѣ не можетъ имѣть мѣсто общая, заранѣе подготовленная, организованная, предварительно оповѣщенная демонстрація, какъ таковая... При настоящихъ условіяхъ позвать на такую «демонстрацію» совершенно то же, что призвать петербургскій пролетаріатъ къ возстанію... Поэтому центральный комитетъ и совѣтуетъ звать массу не на вооруженную демонстрацію, а на митинги для того, чтобы обсудить вопросъ, что дѣлать дальше. При этомъ центральный комитетъ однако не отказывается отъ мысли, что эти митинги, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, могутъ перейти и въ демонстрацію и даже въ вооруженное возстаніе». Такимъ образомъ это теченіе остается совершенно вѣрнымъ своимъ общимъ тактическимъ взглядомъ. Русская революція «уперлась въ возстаніе», всякія выступления, не обещающія перейти въ возстаніе, отвергаются, какъ излишняя трата революціонной энергіи, которую нужно не разсѣивать преждевременно въ мелкихъ массовыхъ дѣйствіяхъ, а, наоборотъ, задерживать, накоплять для благопріятнаго момента.

Меньшевистское течение, исходя изъ своихъ общихъ тактическихъ предпосылокъ, должно было прийти къ другимъ заключеніямъ. Для него революціонная энергія развивается въ процессѣ пролетарской борьбы, проявляющейся въ цѣломъ рядѣ массовыхъ выступленій. Въ этихъ выступленіяхъ пролетарская масса приучается къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Мало того. Среди общаго демократическаго освободительнаго движенія чрезвычайно важно для классового и идейнаго самоопредѣленія пролетаріата его выступленіе именно подъ лозунгомъ общепролетарскаго майскаго праздника. Поэтому меньшевистская петербургская группа рѣшила призывать петербургскій пролетаріатъ къ «открытому уличному выступленію, не предрѣшая, въ какія формы оно выльется. Для насъ, пишетъ группа въ своемъ отвѣтѣ центральному комитету, цѣнно заявленіе широкими слоями пролетаріата въ этотъ день своихъ требованій, демонстрированіе готовности въ борьбѣ за нихъ».

Само собой однако разумѣется, что центральная группа рѣсилась звать рабочихъ Петербурга на уличное выступленіе не на основаніи лишь тактическихъ соображеній теоретическаго характера, а послѣ цѣлаго ряда отчетовъ районныхъ дѣятелей о настроеніи рабочихъ. Въ этихъ отчетахъ настроеніе рабочихъ вырисовывалось хотя нѣсколько подавленнымъ и утомленнымъ непрекращавшейся стачечной борьбой, но въ то же время во всѣхъ районахъ было констатировано напряженное ожиданіе рабочими первомайскихъ событій и возложеніе ими на этотъ день большихъ надеждъ. Рѣшено было по этому развить возможно болѣе интенсивную агитаціонную дѣятельность не только въ кружкахъ и другихъ партійныхъ организаціяхъ, но и созывать массовки, устраивать митинги на самыхъ заводахъ и у ихъ воротъ, выпускать возможно больше и чаще первомайскіе листки. Вся же программа въ общемъ была выполнена такъ, какъ она предполагалась. Партійные рабочіе сначала встрѣтили рѣшеніе группы нѣсколько пассивно и не очень оптимистически, но по мѣрѣ того, какъ развертывалась агитація, настроеніе у нихъ подымалось, и въ то же время отчеты о настроеніи всей рабочей массы стали звучать бодрѣе. А первомайская агитація дѣйствительно достигла небывалыхъ въ Петербургѣ размѣровъ. За Невской заставой въ теченіе послѣдней недѣли до перваго мая большіе заводскіе митинги не прекращались, за Нарвской заставой почти вся громадная заводская масса была остановлена по выходѣ изъ завода социалдемократическимъ ораторомъ, рѣчь котораго была встрѣчена общимъ сочувствіемъ, и явившаяся для того, чтобы разогнать толпу и арестовать агитатора, полиція была избита и обращена въ бѣгство, послѣ чего часть толпы устроила демонстрацію по петергофскому шоссе. Были также большіе заводскіе митинги и за Московской заставой, и на Выборгской сторонѣ и на Васильевскомъ островѣ. О предстоящемъ празднованіи заговорили въ легальной прессѣ, подымались требованія по отношенію къ думѣ и многимъ легальнымъ союзамъ либеральныхъ профессій, чтобы они предоставили свои помѣщенія рабочимъ въ день перваго мая. Съ этимъ требованіемъ къ нѣкоторымъ союзамъ явились партійныя рабочія депутаціи, производившія повсюду сильное впечатлѣніе.

Въ виду этого повсюду констатированнаго подъема настроенія, центральная группа и выработала очень широкій и подробный планъ празднованія. Предполагалось, что рабочіе всякаго района будутъ созваны специальными листками на опредѣленное мѣсто, такихъ мѣстъ для всего Петербурга было указано семь, и въ случаѣ, если районные митинги или демонстраціи пройдутъ удачно, всѣ рабочіе должны будутъ направиться на одно мѣсто, чтобы заключить майское празднованіе одной общепетербургской демонстраціей. Въ каждомъ районѣ такъ же подробно обсуждалась программа дѣйствій, для защиты отъ полиціи назначались районныя вооруженныя дружины, причемъ, по обыкновенію, оружія оказалось крайне мало, подобраны были районныя штабныя квартиры, куда должны были стекаться свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ районѣ, была назначена для всего Петербурга квартира генеральнаго штаба, куда должны были быть направлены свѣдѣнія изъ всѣхъ районовъ и откуда долженъ былъ исходить сигналъ для общей мобилизаціи всѣхъ рабочихъ кадровъ на общую манифестацію. Назначены были также районные начальники, командированы штабные велосипедисты для развозки свѣдѣній, были подробно выработаны агитаторскія рѣчи въ видѣ «концентрическихъ круговъ», т. е. въ виду полной неизвѣстности, сколько можетъ продолжаться рѣчь до разгона собранія, она должна была быть построена такимъ образомъ, чтобы отдѣльныя части ея представляли вполне законченное цѣлое, намѣченны, наконецъ, ораторы для каждаго района, словомъ планъ кампаніи былъ разработанъ тщательно и детально.

Наступилъ день перваго мая, прогрессивныя легальныя газеты посвятили ему передовицы, полиція приняла надлежащія мѣры, мы всѣ, руководители, съ своей стороны приготовились, кто къ аресту, а кто къ разстрѣлу и... социалдемократическая организація потерпѣла небывалое даже въ ея исторіи поражение. Впослѣдствіи писали, что на улицу *вышли лишь организованые рабочіе*, но на основаніи моихъ наблюденій въ двухъ районахъ и свѣдѣній, полученныхъ изъ остальныхъ районовъ, *я рѣшаюсь утверждать, что и эта оцѣнка размѣровъ уличнаго выступленія страдаетъ еще излишнимъ преувеличеніемъ*. Въ городскомъ районѣ напр., вышла лишь небольшая часть организованныхъ рабочихъ, главную же «массу» участниковъ «выступленія» составляли интеллигенты и интеллигентки, выполнявшіе въ партіи техническія функціи и ихъ знакомые. Приблизительно тоже было и на Васильевскомъ островѣ. Во всемъ Петербургѣ *въ майскомъ выступленіи принимало участіе тысячи полторы человекъ, изъ которыхъ около половины было не рабочихъ*.

Послѣдствіе этого неслыханнаго поражения были, какъ и слѣдовало ожидать, очень благотѣльныя, если не для дальнѣйшихъ судебъ партіи, то для всего рабочаго движенія. Неудача оказалась столь сильно дѣйствующимъ средствомъ, что отмахнуться отъ нея звонкими успокоительными фразами было не легко. Она заставила всѣхъ, какъ оппозицію, такъ и руководящія партійныя сферы Петербурга, подвергнуть коренному пересмотру всѣ „партійныя цѣнности“. Часть болѣе видныхъ партійныхъ рабочихъ не только была глубоко разочарована, но прямо возмущена неудачей партіи. И это возмущеніе

выражалось въ такихъ формахъ, которыя указывали, что въ своихъ взглядахъ на партію ея члены-рабочіе не далеко ушли отъ всего петербургскаго пролетаріата. Масса петербургскихъ рабочихъ, сочувственно слушавшая социалдемократическихъ ораторовъ и охотно читавшая социалдемократическіе листки, смотрѣла на партію, какъ на нѣчто очень хорошее, самоотверженное и рабочелюбивое, но считала ее не своимъ роднымъ рабочимъ дѣломъ, а чужимъ, интеллигентскимъ. Она крайне интересовалась партійными лозунгами, очень часто ихъ одобряла, но совсѣмъ не считала необходимымъ активно участвовать въ ихъ проведеніи. Рабочіе были искренно убѣждены, что партія сдѣлаетъ 1-го мая, нѣчто большее и хорошее для нея, и сотнями разѣзжала на имперіалахъ конокъ по городу для того, чтобы любоваться сраженіемъ, которое социалдемократическая партія дастъ самодержавію, причемъ имъ даже въ голову часто не приходило, что ходъ и результатъ сраженія зависитъ отъ ихъ активнаго участія въ немъ. Когда первомайское сраженіе не состоялось за отсутствіемъ дѣйствующихъ армій, рабочіе смѣялись надъ партіей, обманувшей ихъ надежды и надъ собственнымъ легковѣріемъ. «Партія разсказала имъ небылицы о своемъ могуществѣ, и они, дурни, ей повѣрили». И подобное отношеніе къ первомайскому пораженію, такой же злорадный смѣхъ былъ не только у массы безпартійныхъ рабочихъ, онъ встрѣчался и у рабочихъ старыхъ членовъ партіи. Последніе злились на своихъ агитаторовъ за то, что тѣ „наврали“ имъ, увѣривши, что партія приведетъ съ собой массы на первомайское уличное выступленіе. Были и такіе рабочіе, которые приписывали неудачу недостаточному вооруженію, но главная масса партійныхъ рабочихъ и эту неудачу, какъ и всѣ бѣды партіи, продолжала объяснять преобладаніемъ интеллигенціи въ партіи и отсутствіемъ въ ней демократичности и самодѣятельности рабочихъ. Всѣ оппозиціонные рабочіе Петербурга начинаютъ послѣ этого регулярно собираться для обсужденія и критики партійныхъ дѣлъ и для изысканія средствъ разрѣшенія партійнаго кризиса. Число участниковъ этихъ обсужденій росло съ каждымъ собраніемъ, вести дальше работу въ прежнемъ направленіи стало невозможнымъ, и центральная группа должна была вступить въ переговоры съ оппозиціей. Впрочемъ и въ самой центральной группѣ подъ влияніемъ тѣхъ же событій въ это время начался также коренной пересмотръ методовъ работы. Пишущій эти строки былъ посланъ центральной группой въ качествѣ ея представителя на одно собраніе оппозиціонныхъ рабочихъ, и ему пришлось выслушать не мало горькихъ истинъ по адресу „интеллигентской“ партіи. Собраніе происходило въ лѣсу. На немъ присутствовало около 70—80 наиболѣе выдающихся петербургскихъ партійныхъ рабочихъ. Все собраніе велось въ такомъ раздражительномъ, нетерпимомъ духѣ, наполнено было такой атмосферой недовѣрія къ партійнымъ руководителямъ и свидѣтельствовало о такой массѣ накопившейся у ея участниковъ злобы по отношенію къ своей партіи, что для меня еще до сихъ поръ остается неразрѣшимой загадкой, какъ партійная организація могла столько времени существовать и дѣйствовать безъ сравнительно крупныхъ треній. Какъ я уже неоднократно указывалъ, не-

довольство оппозиціи было направлено въ разныя и часто противоположныя стороны. Но одинъ мотивъ заглушалъ всѣ остальные: «мы желаемъ быть хозяевами въ нашей рабочей партіи, мы не желаемъ исполнять въ ней однѣ техническія функціи. Пора положить конецъ кумовству, свившему себѣ гнѣздо въ партіи, при которомъ интеллигенты легко дѣлають въ ней карьеру. Единственнымъ выходомъ изъ создаваемаго позорнаго положенія партіи—это реорганизация ея на демократическихъ началахъ. Выборное начало должно быть положено въ основу всей партійной организациіи сверху до низу».

Когда я попытался объяснить, что будучи приверженцемъ демократизма и рекомендуя его немедленное введеніе, я все-таки не могу въ отсутствіи его видѣть основную причину всѣхъ партійныхъ золь вообще и послѣдней неудачи въ частности, что, по моему мнѣнію, организациа есть элементъ производный и является лишь продуктомъ содержанія всей работы организациіи; когда я старался развитъ ту мысль, что самостоятельность рабочихъ можетъ найти себѣ поле для своего развитія лишь въ широкой рабочей партіи, вѣдающей всѣ формы классовой борьбы, и совершенно неосуществима для большихъ круговъ рабочихъ въ такой односторонней и бѣдной содержаніемъ своей дѣятельности партіи, каковой до сихъ поръ являлась социалдемократія въ Россіи, мнѣ отвѣтили, что все это, быть можетъ, и вѣрно, но что раньше, чѣмъ говорить о содержаніи дѣятельности партіи, слѣдуетъ построить само ея зданіе. Впослѣдствіи участники собранія мнѣ сознались, что на мои слова тогда смотрѣли лишь какъ на ловкій приемъ отвлечь вниманіе рабочихъ отъ наиболѣе интересующихъ ихъ насущныхъ вопросовъ въ другую сторону. Культивировавшееся въ партіи въ теченіе долгихъ лѣтъ недовѣріе къ рабочимъ приносило свои плоды въ видѣ такого же недовѣрія съ ихъ стороны къ партіи. Въ результатѣ собранія была единогласно принята резолюція, требующая проведенія въ партіи выборнаго начала.

Не стану я описывать еще массы другихъ характерныхъ для создавшихся въ партіи отношеній инцидентовъ, имѣвшихъ мѣсто на этомъ собраніи. Безъ сомнѣнія, много несправедливаго было высказано на немъ по адресу партійной интеллигенціи, очень часто то, что составляетъ ея бѣду, было поставлено ей въ вину, то, что по необходимости вытекало изъ неестественнаго ея положенія въ качествѣ руководящаго элемента чужой ей по интересамъ и психологіи партіи, приписывалось сознательно эгоистическимъ мотивамъ, соображеніямъ, продиктованнымъ честолюбіемъ и желаніемъ командовать. Но рабочихъ не могло не шокировать прежде всего и больше всего то, что въ партіи, называвшей себя пролетарской, претендовавшей на роль руководителя рабочаго класса въ его борьбѣ, поставившей своимъ девизомъ слова «освобожденіе рабочаго класса есть дѣло самаго рабочаго класса»,—во всѣхъ ея руководящихъ органахъ заставляютъ почти исключительно интеллигенты, на сѣздахъ судьбы партіи, ея принципы и тактику опредѣляютъ интеллигенты, даже въ качествѣ главы каждой районной организациіи назначается интеллигентъ. «Какъ только у насъ создается въ районѣ организациа, говоритъ на упомянутомъ собраніи одинъ рабочій, къ намъ немедленно посылаются откуда-то

интеллигентъ-царь. Безспорно, есть у насъ въ отдѣльныхъ районахъ и добрые цари, но за то есть и такіе, которые намъ пикнуть не даютъ. Но намъ не нужно ни добрыхъ, ни злыхъ царей, мы сами желаемъ править въ своей партіи, и мы должны заводить въ ней свои порядки. Пусть интеллигенты, которымъ они будутъ по душѣ, работаютъ у насъ въ партіи, а остальные пусть уйдутъ отъ насъ, имъ не мѣсто въ нашей партіи».

Съ этихъ общихъ, собраній петербургскихъ рабочихъ оппозиція перекинулась въ отдѣльные районы и партійной работѣ грозила полная остановка. Вновь назначенный въ нарвскомъ районѣ организаторъ не былъ признанъ таковымъ рабочей районной группой не изъ личнаго недоброжелательства къ нему, а потому, что она отказывалась признавать какія либо должности, кромѣ выборныхъ.

На Васильевскомъ островѣ чрезвычайно популярный организаторъ натолкнулся на нежеланіе районнаго собранія выслушать отчетъ о меньшевистской конференціи. Намъ-то что за дѣло до того, что вы толковали на вашей конференціи, — услышалъ онъ, — мы не обсуждали вопросовъ конференціи и потому мы и не признаемъ ее своей». Въ выборскомъ районѣ озлобленность наиболѣе передовыхъ рабочихъ противъ своей организаціи достигла такихъ размѣровъ, при которыхъ не только общая работа, но и всякія переговоры становились совершенно невыносимыми.

На ряду съ этой, хотя и объединенной общимъ организаціоннымъ требованіемъ, но въ общемъ довольно безтолковой, не глубокой и принципиально не единой оппозиціей, начинаютъ пробиваться среди членовъ социалдемократической организаціи болѣе опредѣленные течения, которымъ пережитая неудача диктовала менѣе поверхностныя заключенія о прошломъ партіи и о ближайшихъ ея задачахъ. На агитаторскомъ собраніи городского района, послѣ долгихъ преній, обнаружилось, что въ партіи сохранилось не мало элементовъ, окончательно безнадежныхъ, для которыхъ исторія не писана, и которыхъ никакія событія ничему не могутъ научить, была принята слѣдующая резолюція, требующая значительнаго расширенія всего содержанія партійной работы: «Неудача празднованія перваго мая въ нынѣшнемъ году показала разобщенность между партійной организаціей и рабочей массой. Этотъ печальный фактъ заставилъ собраніе агитаторовъ городского района болѣе подробно остановиться на методахъ нашей работы. Обсудивъ этотъ вопросъ собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ: 1) До сего времени борьба пролетаріата за свои непосредственныя нужды велась при слабомъ участіи социалдемократіи, отрывавшейся благодаря этому отъ жизни широкихъ массъ. 2) Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обеспечиваетъ партіи достаточнаго участія въ общеклассовой борьбѣ и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой, партіи, какъ нелегальной организаціи, послѣдней необходимо взять въ свои руки введеніе рабочими профессиональной борьбы на массовой почвѣ, строго связывая эту борьбу съ социалдемократическими задачами. 3) Для этой цѣли партіи необходимо не только принимать самое дѣятельное, непосредственное участіе въ существующихъ уже профессиональныхъ

союзахъ, кассахъ и т. п., но и брать на себя инициативу въ дѣлѣ созданія такихъ организацій, дающихъ возможность объединить болѣе широкія массы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ. 4) Въ связи съ этимъ собраніе считаетъ нужнымъ подчеркнуть настоятельную необходимость сдѣлать новые дальнѣйшіе шаги по пути демократизаціи нашей партіи, обеспечивающей большую самостоятельность ея членовъ».

Эта резолюція встрѣтила сочувственный приѣмъ какъ въ центральной группѣ, такъ и въ отдѣльныхъ районахъ. Оторванность партіи отъ массы, заговорщической, кружковой характеръ ея организаціи и необходимость опереться на широкіе рабочіе союзы, ведущіе классовую борьбу пролетаріата во всѣхъ ея видахъ, находитъ все большее признаніе въ рядахъ партіи. Петербургская социал-демократическая организація, которая до того времени совершенно игнорировала начавшееся среди рабочихъ организаціонное движеніе на экономической почвѣ, начинаетъ имъ интересоваться и во многихъ районахъ беретъ на себя инициативу въ дѣлѣ организаціи профессиональныхъ союзовъ. Отдѣльные члены принимаютъ участіе въ организовываемомъ тогда союзѣ печатнаго дѣла, партійная организація способствуетъ созыву собраній часовщиковъ, рабочихъ по обработкѣ дерева, шапочниковъ, сапожниковъ, и нѣкоторые члены ея отдаются всецѣло работѣ въ профессиональныхъ организаціяхъ рабочихъ. На собраніи наиболѣе передовыхъ рабочихъ семянниковскаго завода членомъ центральной группы прочитывается рефератъ о цѣляхъ и задачахъ заводской кассы и обсуждаются практическія мѣры, необходимыя для ея созданія на указанномъ заводѣ. Дѣло доходитъ даже до того, что члены группы вмѣстѣ съ рабочими Обуховскаго завода подробно обсуждаютъ планъ образованія союза обуховскихъ рабочихъ на основѣ существовавшей на заводѣ «лампадной кружки». Последняя должна была служить поводомъ для распространенія среди рабочихъ идеи превращенія добровольныхъ и случайныхъ пожертвованій въ «кружку» въ регулярные взносы, и для попытки расширенія задачъ «лампадной кассы» за предѣлы одной лишь покупки масла до широкихъ задачъ заводскаго рабочаго союза. Обсуждается также возможность спланированія рабочихъ на заводахъ вокругъ ихъ старость. Вносится также значительная перемѣна въ содержаніе агитационныхъ рѣчей. Такъ въ городскомъ районѣ созывается собраніе всѣхъ болѣе или менѣе сочувствующихъ социалдемократіи рабочихъ для совмѣстнаго обсужденія дальнѣйшихъ задачъ партіи. На собраніи, на которомъ присутствовало 150—180 рабочихъ, произносятся не обычныя для массовыхъ взвнчивающія рѣчи, а наоборотъ самымъ недипломатическимъ образомъ раскрываются всѣ недочеты партійной дѣятельности и партійной организаціи, и проводится мысль, что лишь партія, объединяющая широкія рабочія массы и тѣсно связанная со всѣми формами классовой борьбы пролетаріата, имѣетъ право называться социалдемократической и рабочей. Въ заключеніе всѣмъ рабочимъ, участвовавшимъ на собраніи, предлагается совмѣстными силами обсудить вопросъ о дальнѣйшей постановкѣ партійной работы: все собраніе выбираетъ также представителей на обще-городское собраніе оппозиціонныхъ рабочихъ, о которомъ я говорилъ.

Во всѣхъ этихъ планахъ и благихъ пожеланіяхъ было безъ сомнѣнія мало опредѣленности, но они обнаруживаютъ рѣзкую перемену въ настроеніи социалдемократическихъ круговъ, признаніе необходимости покончить съ ненормальнымъ положеніемъ рабочей партіи далекой отъ общественныхъ интересовъ и борьбы пролетаріата. Довольно ярко изображаетъ настроеніе руководящей центральной группы одинъ изъ ея членовъ въ своемъ письмѣ въ «Искру», посланномъ недѣли 3 послѣ перво-майской неудачи. «Обычный типъ нашей политической организаціи,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—центральный кружокъ на заводѣ, стремящійся намѣтить возможно больше кружковъ по образу и подобию своему, только качествомъ пониже. Работая кружками, мы заранѣе исключаемъ этимъ возможность охватить широкіе круги пролетаріата (десятковъ тысячъ по кружкамъ не размѣститъ!) Признавая методомъ работы—твореніе возможно большаго числа политическихъ кружковъ, стремясь выдѣлить изъ нихъ всякаго улавливаемого нами рабочаго, мы отрываемъ его отъ массы, отъ ея жизни и даже какъ бы провоставляемъ ей. Не лучшіе слои рабочихъ вдвигаются въ наши организаціи, а просто знакомые нашихъ рабочихъ. Въ нашихъ кружкахъ можно только учиться (и то плохо!) Потребности въ активной работѣ они не удовлетворяютъ. И хорошіе рабочіе гапоновцы (соц.-дем.) говорятъ: «зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю». Дѣйствительно идти затѣмъ, чтобы «числиться за организаціей»—не велика штука. Въ итогѣ у насъ преимущественно самый молодой, самый не вліятельный элементъ среди рабочихъ. «У васъ все молодятникъ» говорилъ рабочій гапоновецъ, «вы его раскаляете, а онъ васъ, а масса на рабочую партію, которая должна быть *ея*, смотреть какъ на чужую, которая со стороны ей что-то хорошее хочетъ сдѣлать.» И дѣйствительно, масса напряженно ожидала перваго мая, предвидя что-то большое и хорошее для себя, но не отводя себѣ въ этомъ активной роли. И къ нашимъ митингамъ, разъ мы ихъ не связываемъ, такъ или иначе, съ активностью массъ, съ длительнымъ къ нимъ интересомъ, отношеніе подчасъ, какъ къ какому-то занимательному перерыву въ работѣ. «Придетъ интеллигентъ на заводъ» говорилъ вдумчивый рабочій-социалдемократъ городского района, «прокричитъ всѣ свои «долой», и мы покричимъ, и уйдетъ. А намъ нужно не это; что вообще «долой»—извѣстно, а надо обсужденіе всего, разборъ всей жизни». И рабочіе таки показали, что они не считаютъ себя связанными сочувственными кликами на митингахъ: взяли и не вышли перваго мая. Какъ разбить рамки кружковщины, какъ измѣненіемъ методовъ работы привлечь всѣ лучшіе элементы рабочаго класса? Группа, не договорившись пока подробно, выдвигаетъ *иниціативу социалдемократовъ въ дѣлѣ профессиональныхъ организацій рабочихъ*. Явочнымъ порядкомъ оснуемъ рабочіе союзы, заводскія кассы и т. п.; изъ демократическихъ организацій дадимъ рабочей массѣ выдвинуть своихъ вожаковъ, удовлетворимъ ихъ потребность въ активной борьбѣ; свяжемъ наши митинги съ предложеніями объ основаніи обществъ рабочихъ для борьбы за свое экономическое, политическое и духовное освобожденіе; серьезной постановкой руководства профессиональной борьбой, необходимость объединенія для ко-

торой уже признана рабочими массами, создадим прочную основу для роста влияния нашей партии; на собраниях обществ, обсуждающих все вопросы, интересующие рабочего, будем отбирать элементы, выдвигающиеся и годящиеся в нашу боевую партийную политическую организацию, которая пусть представляет собой не хаотическое собрание полусознательных, просто революционно настроенных рабочих, а сплочение рабочих-социалдемократов, организовавшихся для подобной агитации, руководящих профессиональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на них.»

Трудно в настоящее время определить, каково было бы дальнейшее естественное развитие партийной организации и работы в Петербурге, если бы оно не было внезапно прервано, хотя и нормальными в России, но посторонними причинами. Удалось ли бы ей выбраться на торную дорогу среди той массы планов и мероприятий, которыми изобиловала тогдашняя жизнь всех местных партийных организаций и которая все были проникнуты одним стремлением:—связаться возможно теснее с рабочей массой? Или старые, заговорщицкие, подпольные консервативные навыки и традиции взяли бы снова верх и опять потянулась бы старая кружковая, бедная содержанием реальной деятельности и богатая фразеологией, интеллигентская партийная действительность? Трудно в настоящее время дать категорический ответ на этот вопрос. Дальнейшее развитие партии в Петербурге делает однако, очень вероятным предположение, что старая тенденция оказалась бы, благодаря партийным традициям, сильнее новых влияний и последним предстояла в партии еще продолжительная борьба за свое существование. Хотя во многих резолюциях, принятых на меньшевистской конференции, собиравшейся, как известно, одновременно с большевистским 3-м съездом, влияние «новых влияний» очень сильно заметно, но насколько они не глубоко проникли в сознание руководящих практиков партии, показали даже с чрезвычайной очевидностью дальнейшие события партийной жизни в Петербурге. Как будто для того, чтобы изгнать приверженцев партийного бюрократизма и противников демократизма из их последнего убежища, и показать, что отсутствие демократизма вредно для партии даже в конспиративном отношении и отнюдь не спасает от поручения самых ответственных функций шпионам и провокаторам, в конце мая и начале июня в Петербурге начались массовые аресты среди меньшевиков. Скоро обнаружилось, что они были вызваны провокацией: одна из самых важных и конспиративных функций, завлечение техникой, была поручена провокатору Доброскокову, привезшему из-за границы хорошие рекомендации и потому сразу завоевавшему доверие. Приверженцы демократизма справедливо доказывали, что такие уничтожающие всякую приемственность в работе, вызываемые провокацией, разгромы были бы менее возможны при выборном начале, при котором ответственные должности поручались бы людям на основании действительных, извстных масс партийных членов, заслуг, а не на основании дружеских связей с влиятельными лицами партии. Как бы то ни было, с разгромом партии, особенно сильно пострадали представители

тѣхъ новыхъ тенденцій, о которыхъ я говорилъ. Почти вся центральная группа была арестована. И тогда, вопреки преобладающему желанію петербургскихъ партійныхъ членовъ, вопреки духу резолюцій меньшевистской конференціи, явилось 2—3 лица изъ-за границы, объявили себя руководящей группой, кооптировали кое-кого изъ новопрїѣзжихъ «профессіональныхъ» революціонеровъ и, пользуясь общей, вызванной разгромомъ дезорганизаціей, повели работу по стародавнимъ прїемамъ. Правда, и эта организація существовала очень недолго. Тотъ же Доброскоковъ заставилъ и ее почти цѣликомъ сойти со сцены. И тогда, какъ бы для еще болѣе яркаго доказательства слабой связи партіи съ общественной жизнью, ненормальности ея развитія, въ которой не можетъ быть никакой прїемственности и въ которой самыя неожиданныя скачки и повороты вполнѣ естественны, въ петербургскихъ партійныхъ кругахъ стали временно господствовать не разгромленные большевики. Впрочемъ, самостоятельная организаціонная работа въ пролетаріатѣ продолжалась и усиливалась. Рабочій классъ уже тогда начинаетъ самостоятельно процессъ использования нѣсколько болѣе свободныхъ политическихъ условій для своего классового объединенія. Не получая отъ непролетарской ни по своему составу, ни по своимъ тактическимъ прїемамъ социалдемократической партіи, указаній ни относительно классовыхъ средствъ борьбы съ самодержавіемъ, ни относительно организаціи этой борьбы, пролетаріатъ въ дальнѣйшей своей борьбѣ руководился только своимъ классовымъ инстинктомъ. Рѣшающее истинно пролетарское средство борьбы съ самодержавіемъ—общая стачка—явилась не результатомъ указаній со стороны партіи, а продуктомъ стихійнаго классового творчества рабочихъ массъ. Лишь послѣ этого въ рабочемъ движеніи Россіи наступилъ новый періодъ.

С. И. Сомовъ.



Григорій Анфимовичъ Попко ¹⁾.

(12-го апрѣля 1852 г.—20-го марта 1885 г).

(Опытъ биографіи).

20-го марта 1885 г. въ 10^{1/2} часовъ вечера въ Нижне-Карійской каторжной тюрьмѣ для государственныхъ преступниковъ, послѣ тяжелой агоніи, скончался Г. А. Попко. Смерть его ни для кого не была неожиданностью, и всего менѣе для него самого. Года полтора онъ уже схватилъ сильный плевритъ, который перешелъ потомъ въ водянку. По мнѣнію лечившаго его товарища, Э. Веймара, всѣ эти болѣзненные явленія вытекали, впрочемъ, изъ одного: общаго туберкулеза. Крупный революціонеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне скромный и сдержанный, Попко не бросался въ глаза людямъ, поверхностно знавшимъ его, и теперь, вѣроятно, мало кому извѣстно, какую роль онъ игралъ въ русскомъ движеніи. Этой и безъ того сдержанной сильной натурѣ обстоятельства придали конспиративную закалку, и какъ характеристична въ этомъ смыслѣ его просьба, обращенная къ близкимъ товарищамъ: «если я буду бредить, говорить что-нибудь такое... революціонное, не давайте мнѣ». Смерть уже бросала на него свою тѣнь, а онъ все еще заботился о томъ, какъ-бы не проговориться, не сдѣлать безъ всякой надобности извѣстной какую-нибудь революціонную тайну...

¹⁾ Статья эта, написанная однимъ изъ ближайшихъ друзей Г. А. Попко, *Ростиславомъ Андреевичемъ Стеблинымъ-Каменскимъ*, была напечатана въ № 3 (1893 года) издававшихся „Группою старыхъ народовольцевъ“ за границею сборниковъ, носившихъ названіе „Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“. Напечатана она была тамъ *безъ подписи автора*, одного изъ крупныхъ революціонныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ, перенесшаго каторгу и застрѣливагося въ Иркутскѣ въ 1893 г. Въ виду большой рѣдкости сборника, въ которомъ напечатана статья Стеблина-Каменскаго и несомнѣннаго историческаго интереса разсказываемыхъ авторомъ этой статьи событій, мы, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, воспроизводимъ ее на страницахъ нашего журнала.

Ред.

Матеріалами для настоящаго очерка мнѣ служили: „Записки соціалиста“, помѣщавшіяся въ рукописномъ журналѣ „Кара“ 1881 и 1882 гг., авторомъ которыхъ былъ самъ Г. А. Попко, воспоминанія Г. А. объ убійствѣ Гейкинга, которыя предназначались для того же журнала, но были найдены неудобными для опубликованія близкими товарищами. Весьма много фактовъ изъ жизни покойнаго мнѣ сообщили Н. Волошенко, А. Медвѣдевъ, Г. Фомичевъ и другіе.

Авторъ.

Мнѣ выпало на долю счастье близко знать покойнаго и я считаю долгомъ сообщить о немъ все, что знаю.

Среди Кубанскихъ степей раскинулась станица Тимашевка. Сюда были высланы Екатериной II остатки раззореннаго Запорожья и нѣсколько семей казаковъ Полтавской губерніи. Дѣдъ Г. А. Попко хорошо помнилъ свою родину Полтавщину, и Григорій сохранилъ изъ его разсказовъ смутныя воспоминанія о переселеніи и о жизни на родинѣ. По соглашенію со станицей дѣдъ Попко для одного изъ своихъ сыновей выбралъ должность священника. Окончивъ курсъ въ семинаріи, Анфимій былъ поставленъ священникомъ въ родной станицѣ. 12-го апрѣля 1852 г. у него родился первенецъ Григорій, болѣзненный и слабый мальчикъ. Скоро жена Анфимія, родивъ ему еще сына Антона, умерла. Отецъ Анфимій пилъ горькую, и когда Григорію было 8—9 лѣтъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ, въ припадкѣ-ли бѣлой горячки, или просто потому, что ужъ очень горько стало жить на свѣтѣ. Григорій съ братомъ остались на рукахъ дѣда и дяди. Послѣдній служилъ въ казакѣхъ и своими недюжинными способностями пробилъ себѣ дорогу, дослужился до генеральскихъ эполетъ, былъ предводителемъ ставропольскаго дворянства и написалъ единственную, кажется, исторію Кубанскаго казачества. Впрочемъ, до смерти дѣда, дядя не имѣлъ ровно никакого вліянія на судьбу сиротъ и они росли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ суроваго дѣда. Отсутствіе семьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, отсутствіе нѣжныхъ материнскихъ заботъ, жизнь въ чужихъ людяхъ не могли не оказать своего вліянія на развитіе маленькаго Григорія. Онъ, какъ и большинство сиротъ, былъ серьезенъ не по лѣтамъ, болѣе сверстниковъ понималъ окружающую жизнь. Трагическая смерть отца навсегда оставила тяжелое воспоминаніе. «Я никогда не былъ ребенкомъ,—говорилъ грустно Попко—я рѣшительно не понимаю чувства любви къ матери».

Десяти или одиннадцати лѣтъ отдали Григорія въ бурсу. Болѣзненный, нервный мальчикъ учился хорошо, но отличался непокорнымъ, упрямымъ характеромъ. Много терпѣлъ онъ отъ семинарскаго начальства за этотъ «несчастный» характеръ. Уже тогда начало у него рости сочувствіе ко всему обиженному, обездоленному; уже тогда онъ держался передъ семинарскимъ начальствомъ гордо и независимо. На каникулы онъ пріѣзжалъ домой, но тутъ его сурово и холодно встрѣчалъ дѣдъ, и мальчикъ чувствовалъ себя дома такимъ-же чужимъ для всѣхъ, какъ и въ бурсѣ. Два, три года подъ-рядъ, въ лѣтнее время, проболѣлъ Григорій упорной лихорадкой, вытянулся и сталъ на видъ совсѣмъ взрослымъ. Что-то печальное, сосредоточенное было въ этомъ худомъ юношѣ съ апостольскимъ лицомъ.

Вторая половина 60-хъ годовъ для Ставропольской семинаріи ознаменовалась великими событіями. Въ замкнутую душную атмосферу пахнуло свѣжимъ воздухомъ: пріѣхали два молодые профессора изъ «новыхъ». Въ семинаріи началось броженіе. Собирались сходки; велись оживленные толки по поводу новыхъ идей, завезенныхъ молодыми учителями. Начались занятія естественными науками, чтеніе тогдашнихъ журналовъ, «Русскаго Слова», «Современника», популярныхъ естественно-научныхъ книгъ, книгъ, касающихся религіи, въ родѣ Л. Стра-

уса, Ренана. Заводились на послѣдній семинарскій грошъ химическія лабораторіи. Шли разговоры о томъ, какъ честно жить, какъ приносить пользу людямъ. Однимъ словомъ, мысль лихорадочно заработала и въ бурсу проникли широкой струей идеи 60-хъ гг. Среди увлекавшихся новымъ словомъ видную роль игралъ юноша Попко.

Подъ вліяніемъ учителей и журнальныхъ статей, среди членовъ успѣвшаго образоваться кружка, къ которому принадлежалъ и Попко, родилась и созрѣла мысль бросить семинарію, основать на родинѣ земледѣльческую ассоціацію, обрабатывать землю своимъ трудомъ, прилагая всѣ улучшения и выводы науки; своимъ примѣромъ поднять народъ до умственного уровня самихъ пропагандистовъ и заставить его организоваться на точно такихъ же началахъ, на какихъ желали жить и члены кружка. Въ пылкомъ воображеніи ихъ уже рисовался рядъ ассоціацій, выросшихъ какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла; возставалъ фантастическій образъ реформированнаго ими міра; и съ вѣрой и энергіей они шли на новое дѣло. Но міръ легко было реформировать въ мечтахъ, а въ дѣйствительности, прежде всего, предстояла борьба, серьезная борьба съ семействомъ. Надо было бросить семинарію, а это было не такъ-то легко. Попко предстояло столкновение съ дѣдомъ, опекуномъ дядей, со всею станицей. Да и семинарское начальство сочло-бы такое увольнение позоромъ и безъ борьбы не согласилось-бы отпустить юношей. Трудно сказать, почему семья Попко не рѣшилась предпринять особенно крутыхъ мѣръ противъ Григорія. Вспоминая прошедшее, онъ и самъ удивлялся тому, что борьба кончилась сравнительно легкой побѣдой. Ему, правда, грозили и розгами, и тюрьмой, и тѣмъ, что съ голоду пропадетъ. Попко твердилъ одно: «не пустите волей, убѣгу!» Наконецъ, увѣщанія, угрозы, уговоры прекратились. Съ нимъ не говорилъ никто изъ домашнихъ, всѣ отвернулись отъ него, какъ отъ зачумленнаго... Надо было ѣхать. Передъ отъѣздомъ собралась вся семья, и дѣдъ торжественно проклялъ непокорнаго. Тяжело было на душѣ у юноши, когда онъ вышелъ изъ дому, ни съ кѣмъ не простившись, и, въ послѣдній разъ взглянувъ на окно, увидѣлъ торжественно-грозную фигуру дѣда. Его охватилъ суевѣрный ужасъ передъ страшнымъ проклятіемъ и долго онъ не могъ безъ ужаса вспоминать этой сцены.

«Была минута, когда я готовъ былъ вернуться и молить дѣда о возвратѣ благословенія, на вѣки нерушимаго—говорилъ Попко—но что-то мѣшало. Прошла эта страшная минута слабости, новыя впечатлѣнія вытѣснили только-что пережитыя, и стало думаться о томъ, какое чудное будущее ждетъ насъ, впервые бросившихъ перчатку старому міру».

Однако дѣло этимъ не кончилось. Пришлось еще выслушать увѣщанія и угрозы семинарскаго начальства. Долго начальство замедляло выдачу нужныхъ документовъ; все думали, что Григорій побоится грознаго, разрисованнаго «адскими» красками будущаго: и голода, и холода, и тюрьмы, и геены огненной!

Одновременно съ Попко уволились изъ семинаріи пять человекъ. Всѣ они рѣшились основать земледѣльческую ассоціацію. Денегъ у нашихъ героевъ не было. Купить землю въ полную собственность не-

чего было и думать. На первое время юноши взяли въ аренду землю у отца одного изъ участниковъ предпріятія, но, какъ люди совершенно незнакомые съ практической стороной подобныхъ сдѣлокъ, ограничились словеснымъ неопредѣленнымъ условіемъ съ владѣльцемъ земли. Нельзя сказать, чтобы юноши были незнакомы съ сельскими работами. Но одно дѣло работать въ качествѣ балующагося паныча, другое дѣло, когда знаешь, что отъ успѣшности работы зависитъ и самое существованіе, а главное, что неуспѣшностью ея дискредитируешь завѣтную идею.

Счастье какъ будто улыбнулось мечтателямъ. Годъ выпалъ очень урожайный, и хлѣбъ только успѣвая убирать. По расчетамъ участниковъ, изъ барышей перваго года они могли и землю пріобрѣсти въ собственность, и прожить безбѣдно до слѣдующаго урожая. Но сметливый собственникъ воспользовался отсутствіемъ формальнаго условія и присвоилъ себѣ въ уплату аренды почти весь хлѣбъ. Это былъ жестокой ударъ. Первое лѣто показало и то, что мечтаній о примѣненіи научныхъ истинъ и усовершенствованій къ земледѣлью недостаточно; что нужно несравненно больше знаній теоретическихъ и практическихъ. Но юноши все еще крѣпко держались за предпріятіе. Правда, начали время отъ времени подниматься голоса, что нужно-де поучиться прежде чѣмъ дѣлать что-нибудь, что въ Россіи есть на то и специальное заведеніе; но такіе благоразумные голоса заглушались еще не остывшимъ энтузіазмомъ. Большинство думало такъ: время дорого, можно и учиться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исподволь осуществлять завѣтные планы; да и самое существованіе ихъ ассоціаціи, даже безъ агрономическихъ затѣй, уже полезно, ибо ясно говорить о возможности проведенія въ жизнь артельного начала...

На второе лѣто посыпались неудачи на бѣдныхъ мечтателей. Значительная часть сѣна сгорѣла, благодаря чьей-то неосторожности. Урожай былъ плохъ. Попко чуть не утонулъ во время бури на рѣкѣ, гдѣ неводили рыбу. Увлечение стало проходить, и благоразумные голоса скоро оказались въ большинствѣ. Конечно, отказать сразу и окончательно отъ предпріятія теперь-же было неловко передъ посторонними, стыдно передъ своими. Попко упрямо сталъ на томъ, что опытъ не конченъ, что нужно идти до конца. Но большинство рѣшило бросить предпріятіе «до поры до времени» и отправить двухъ избранныхъ въ Петровско-Разумовскую академію, а когда тѣ окончатъ курсъ, снова возобновить опытъ. Однимъ изъ двухъ единогласно выбранныхъ былъ Попко. Для поступленія въ академію нужно было держать экзамень при семинаріи по нѣкоторымъ предметамъ. Попко снова явился въ Ставрополь; начальство обѣщало срѣзать его, но это не удалось. Попко выдержалъ экзамень и уѣхалъ въ Москву. Но средствъ къ жизни не было, и Попко въ незнакомомъ городѣ пришлось искать заработка. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось внимательно слѣдить за лекціями, много читать и учиться.

Незадолго передъ пріѣздомъ Григ. А. въ Москву разыгралась тамъ извѣстная Нечаевская исторія; много народу было арестовано, но движеніе не остановилось, и, по пріѣздѣ Попко, собираются сходки, обсуждаются вопросы о рефератахъ, о подборѣ книгъ для чтенія;

обсуждаются и теоретическіе вопросы. Попко изрѣдка бываетъ на сходкахъ, внимательно прислушивается къ рѣчамъ соціалистовъ, но участія въ революціонныхъ дѣлахъ не принимаетъ. Здѣсь въ Москвѣ онъ познакомился съ блиставшей тогда А., впослѣдствіи кончившей¹⁾ такъ позорно, съ Папинымъ, съ Фроленко; потомъ съ нѣкоторыми членами такъ называемаго Московскаго кружка, Грачевскимъ и друг. Почему Попко тогда же не принялъ участія въ революціонномъ дѣлѣ, онъ и самъ объяснить не могъ. Обязательство передъ участниками неудавшагося дѣла его не удерживало: тогда ясно стало уже и Попко, что дѣло провалилось окончательно; знакомые соціалисты отнеслись къ Григ. А. хорошо, съ довѣріемъ; всѣ симпатіи Попко были на сторонѣ соціализма. Но, несмотря на все это, Попко оставался внѣ теченія. Весьма вѣроятно, что его удерживала отъ окончательнаго присоединенія къ соціалистическимъ кружкамъ врожденная осторожность, которая, впрочемъ, нисколько не исключала смѣлости и энергіи: онъ рѣшался на какое-нибудь дѣло не скоро, но, рѣшившись, уже шелъ до конца, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Теперь Попко предстоялъ рѣшительный шагъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, разъ ожегшись, онъ колебался именно потому, что боялся снова ожечься. Кромѣ того, онъ считалъ себя и негоднымъ къ новой дѣятельности: онъ думалъ сначала заняться изученіемъ общественныхъ наукъ, съ которыми не могъ познакомиться основательно ни въ семинарской періодъ, ни теперь, когда всецѣло былъ поглощенъ предметами, которые преподавались въ Земледѣльческой академіи.

Такъ прошло два года. Предпріятіе семинаристовъ было окончательно похоронено: участники ассоціаціи, оставшіеся въ провинціи безъ поддержки болѣе сильныхъ и энергичныхъ товарищей, пали духомъ и написали имъ, что нечего и думать о продолженіи опыта. Такимъ образомъ руки Попко были развязаны, и онъ рѣшился переѣхать въ Одессу, гдѣ во второй половинѣ 1874 года онъ поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ. Къ этому времени дѣдъ Попко уже умеръ, а дядя посмотрѣлъ на переходъ благосклонно и обѣщалъ помогать деньгами Григорію. Эта помощь дала Попко свободное время, которое иначе пошло-бы на добываніе хлѣба, а теперь всецѣло могло быть посвящено на подготовку и революціонную дѣятельность.

Въ Одессѣ Попко скоро по пріѣздѣ сближается съ Заславскимъ, этимъ замѣчательнымъ пропагандистомъ и организаторомъ среди рабочихъ. Съ этого времени Григ. А. является активнымъ революціоннымъ дѣятелемъ. До самаго ареста Заславскаго Попко—его дѣятельный помощникъ: онъ читаетъ лекціи рабочимъ, обучаетъ ихъ грамотѣ, устраиваетъ кассы, бібліотеки и беретъ на себя трудное и опасное дѣло перевозки книгъ изъ-за-границы. Ему приходится для устройства перевозки книгъ ѣздить въ Кишиневъ, на границу и жить тамъ въ ожиданіи возможности перевезти книги; приходится сходиться съ

¹⁾ Редакція не могла въ точности узнать, въ чемъ было дѣло, и потому рѣшила замѣнить полную фамилію начальной буквой.

Примѣчаніе редакціи „Матеріаловъ“.

разными евреями-контрабандистами, рискуя каждую минуту быть преданнымъ. Уже въ первое время дѣятельности Попко проявляетъ основныя черты своего характера: онъ ведетъ себя такъ скромно, умно, осторожно, что, хотя принимаетъ участіе во всѣхъ предпріятіяхъ того времени и особенно тамъ, гдѣ опаснѣе, его фамилія остается неизвѣстной ни шпіонамъ, ни жандармамъ, въ то время какъ начались аресты по дѣлу Заславскаго и самъ Заславскій былъ арестованъ. Попко не только избѣжалъ ареста, но даже сохранилъ легальность: Тавлѣвъ, Толстоносовъ и другіе шпіоны—имъ-же имя легионъ—знали только его кличку. Среди рабочихъ онъ пользовался рѣдкимъ для интеллигента уваженіемъ. Онъ не заискивалъ передъ ними, что случается сплошь да рядомъ, велъ себя сдержанно, ровно, закадычныхъ пріятелей не имѣлъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые ярые противники интеллигенціи изъ рабочихъ всегда хорошо отзывались о «Козьмѣ», «Грыцькѣ», о «Чернышовѣ» (клички Попко).

Послѣ ареста Заславскаго вся созданная имъ организація рушилась. Попко собираетъ остатки рабочихъ, не теряетъ ихъ ни на минуту изъ виду и, когда сбился новый кружокъ, снова стягиваетъ его въ дѣло. Въ числѣ этихъ остатковъ «Заславцевъ», между прочими, были: Игнатъ и Иванъ Ивичевичи, Григорій Иванченко... Попко знаетъ о замыслѣ убить шпіоновъ Толстоносова и Тавлѣва: Толстоносовъ ускользнулъ, а Тавлѣвъ чуть не всенародно былъ убитъ въ саду, на гуляньѣ.

Въ концѣ 1875 года идутъ переговоры одесскаго кружка о соединеніи съ такъ называемыми лавристами—организованной группой пропагандистовъ въ Петербургѣ. Это соединеніе происходитъ въ началѣ 1876 года. Рассказывать подробно о томъ, что въ то время дѣлалъ Попко, я не буду: для этого пришлось бы писать исторію революціоннаго движенія того времени. Попко дѣлалъ то же, что дѣлали другіе тогдашніе «пропагандисты». Онъ поѣхалъ по порученію своего кружка въ Питеръ за книгами, приобрѣлъ тамъ много знакомствъ и, между прочимъ, познакомился съ Д. А. Лизогубомъ.

Въ тѣ времена рѣзко обозначались два направленія среди русскихъ революціонеровъ: бунтарское и лавристское, или пропагандистское. По своимъ убѣжденіямъ Попко принадлежалъ къ лавристамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занималъ какъ бы нейтральное положеніе среди такъ часто враждовавшихъ направленій. Всякій пріѣзжающій, къ какой-бы фракціи ни принадлежалъ онъ, находилъ пріютъ и всяческую помощь у Попко; всякое порученіе Попко исполнялъ независимо отъ того, какъ думалъ и во что вѣрилъ поручающій. Но, само собою разумѣется, Попко былъ отнюдь не индифферентистъ, а человекъ съ вполне опредѣленной фізіономіей. Многие онъ отрицалъ въ дѣятельности бунтарей, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ своимъ долгомъ помогать имъ,—и прежде всего потому, что они были враги русскаго правительства, какъ и самъ Попко, да и самыхъ идей ихъ онъ не отрицалъ ужъ такъ огульно и безапелляціонно, какъ это дѣлали правовѣрные лавристы. Знавшій и страстно любившій народъ, Попко рано или поздно долженъ былъ понять, что такіе лавристы, въ сущности, отрицаютъ народъ, что для нихъ центръ тяжести была лич-

ность, чистота ея, а не общество, не народъ и не дѣятельность во имя ихъ. А Попко, по симпатіямъ, по натурѣ былъ народникомъ и лишь во имя народа и для него одного онъ вступилъ на революціонный путь. Бунтарство же было народничествомъ, хотя народничествомъ одностороннимъ, не охватывавшимъ всей программы потомъ окончательно сложившагося народничества, которое и поглотило бунтарство, какъ цѣлое свою часть. Короче сказать, Попко незамѣтно для себя, переходилъ къ бунтарямъ, а въ средѣ лавристовъ его держалъ элементъ подвижничества: по своимъ привычкамъ въ теченіе всей своей жизни Г. А. былъ ригористъ, аскетъ; онъ и пошелъ вначалѣ за той группой, которая вносила элементъ безукоризненной личной чистоты въ свою общественную дѣятельность. Но скоро онъ понялъ, что эта группа не идетъ впередъ, не развивается, а застыла, залюбовавшись на собственную красоту... Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ понялъ, что можно исповѣдывать и иную теорію личной нравственности, чѣмъ исповѣдывали народники, и въ то же время въ практической дѣятельности идти рука объ руку съ ними. Но, главное, онъ былъ человѣкъ терпимый и мягкій. Терпимостью своей и мягкостью Попко отчасти и приобрѣлъ то вліяніе, которымъ пользовался среди товарищей,—говорю «отчасти», потому что не только этими качествами обуславливалось его вліяніе: о немъ слышались наилучшіе отзывы отъ самыхъ разнообразныхъ фракцій; ему всѣ довѣряли, хотя отлично понимали, что онъ принадлежитъ именно къ той, а не къ иной группѣ.

Къ концу 76 года народническое направленіе все болѣе и болѣе начинаетъ приобретать силу, какъ въ Питерѣ, такъ и на югѣ. На сѣверѣ тогда выросла даже цѣлая народническая организація, которая дала потомъ столько выдающихся дѣятелей; если не было такой же правильной, тѣсно-сплоченной организаціи на югѣ, то лишь благодаря разнымъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто. Это все болѣе и болѣе приобретающее силу теченіе вызвало главнымъ образомъ Парижскій съѣздъ 1876 года. Дѣло въ томъ, что питерскіе лавристы просмотрѣли, что въ провинціальныхъ кружкахъ идетъ броженіе, просмотрѣли, а, можетъ быть, нарочно игнорировали его; «Впередъ»—органъ лавристовъ и органъ питерскій по преимуществу—не сумѣлъ отразить собой уже ясно обозначающагося новаго теченія. Этимъ были недовольны провинціалы, свои жалобы они и привезли въ Парижъ. Представителемъ интересовъ Кіева былъ избранъ К. И. Гриневичъ ¹⁾, а представителемъ кружка одесситовъ—Г. А. Попко. Въ Парижъ они отправились вмѣстѣ изъ Кіева, куда Попко заѣхалъ за Гриневичемъ. Много новаго увидалъ и услышалъ Попко за-границей; побывъ въ Парижѣ и въ Женевѣ, въ Вѣнѣ и во Львовѣ и очень любилъ вспоминать это путешествіе.

О самомъ съѣздѣ рассказывать не буду: результаты его извѣстны ²⁾. Питерцы постарались, чтобы съѣздъ официальные свои

¹⁾ О немъ слѣдовало бы поговорить подробнѣе, но это—когда-нибудь потомъ.

²⁾ Припоминая разговоры, имѣвшіе мѣсто въ Парижѣ въ моемъ присутствіи, я не сохранилъ въ памяти никакихъ слѣдовъ разногласія между южанами и питерцами. Напротивъ, мнѣ казалось, что они дѣйствуютъ совершенно согласно. Такъ какъ для

работы кончилъ до прїѣзда представителей Кіева и Одессы. На возвратномъ пути Гриневиць и Попко остановились въ Львовѣ, имѣя въ виду устройство правильной доставки книгъ изъ-за границы. Гриневиць, не дождавшись транспорта книгъ, уѣхалъ и былъ арестованъ на границѣ. Попко остался и это спасло его отъ ареста. Между Гриневичемъ и Попко было условлено, что послѣдній выѣдетъ не раньше чѣмъ получитъ отъ Гриневича телеграмму изъ Кіева, но Попко перевезъ книги раньше полученія телеграммы; она-же пришла не отъ Гриневича, а отъ другихъ товарищей, и пришла въ то время, когда въ Львовѣ были арестованы С. Ястрембскій, А. П. Ч—нъ, Ляхоцкій и Павликъ. Такимъ образомъ Попко и здѣсь посчастливилось: ожидай онъ телеграммы, онъ былъ-бы арестованъ въ Львовѣ; поѣзжай онъ съ Гриневичемъ, его бы арестовали на границѣ. По прїѣздѣ въ Россію онъ отдалъ отчетъ кїевлянамъ и одесситамъ о сѣздѣ.

Съ этого времени кїевская и одесская группы совсѣмъ расходятся съ питерской группой пропагандистовъ. На югѣ съ возрастающимъ преобладаніемъ народничества начинается и соотвѣтственная дѣятельность: идутъ хлопоты о поселеніяхъ, дѣлаются попытки воспользоваться подходящимъ настроеніемъ массъ. Но нѣтъ ни строго выработанной программы дѣйствій, ни хорошо организованной группы.

Теперь виднымъ представителемъ народническаго движенія является и Попко. Въ деревню его влекутъ всѣ симпатіи: онъ знаетъ ее такой, какова она въ дѣйствительности, знаетъ и любитъ, вѣритъ въ нее. На лѣто 77 года Г. А. ѣдетъ въ Тимашевку къ брату, который уже занялъ мѣсто священника въ своей станицѣ, сообразно желанію станицы и дѣда. Съ Гр. А. ѣдутъ двое изъ его товарищей. Цѣль этой поѣздки—выучить сельскимъ работамъ, приглядѣться къ сельскимъ порядкамъ. Попко то и другое, конечно, хорошо было извѣстно а работалъ онъ лучше многихъ настоящихъ рабочихъ.

Тихо, мирно провели трое товарищей лѣто въ Тимашевкѣ, а въ то время въ Питерѣ произошло весьма важное событіе, повліявшее на всю дальнѣйшую судьбу Попко: Боголюбова подвергли тѣлесному наказанію. Узналъ объ этомъ Г. А., только когда вернулся изъ Тимашевки. Извѣстіе сначала его ошеломило; онъ нѣсколько дней не могъ придти въ себя и, лежа на кровати, постоянно повторялъ одно: «высѣкли... высѣкли...» Потомъ это подавленное состояніе прошло, и въ душѣ его, доселѣ мирно настроенной, заговорило страшно жгучее чувство—чувство мести! вмѣстѣ съ желаніемъ отмстить за поправное достоинство человѣка, въ его сознаніи почти непосредственно выросла и мысль, что борьба съ врагомъ нужна не прежняя:

читателей 90-хъ годовъ и самый сѣздъ, и его результаты составляютъ очень древнюю исторію и едва-ли могутъ считаться „извѣстными“, то замѣчу, что настроеніе участниковъ сѣзда относительно веденія дѣлъ „Впереда“ было таково, что я долженъ былъ отказаться отъ редакторства. Миѣ неизвѣстно, насколько у южанъ встрѣтило сочувствіе ясно проявившееся направленіе питерцевъ концентрировать дѣло на пропагандѣ и на агитаціи въ „народѣ“, оставляя въ сторонѣ „интеллигенцію“ и нежеланіе придать организаціи партіи „боевой“ характеръ.

Примѣчаніе П. Л. Лаврова, одного изъ редакторовъ „Матеріаловъ“.

требовались не поселенія, не мирныя рѣчи, а борьба на смерть, борьба безпощадная.

Когда Попко прїѣхалъ въ Одессу, тамъ шли оживленные толки по поводу расправы съ Боголюбовымъ; рѣшался вопросъ: что дѣлать, какъ отомстить за него? Попко зажигательныхъ рѣчей не говорилъ, наружно онъ былъ спокоенъ, безстрастно присутствовалъ на бурныхъ сходкахъ, но поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы оттуда отправиться въ Петербургъ и отмстить дѣломъ. Не удивительно, что по прїѣздѣ въ Кіевъ онъ тѣсно сблизился съ компанією бунтарей. Бунтари и раньше говорили о политическихъ убійствахъ; за ними были и факты подобнаго рода, а настроеніе Попко теперь какъ нельзя болѣе подходило къ настроенію ихъ. Попко не прямо поѣхалъ въ Питеръ, потому что предполагалъ среди бунтарей найти помощника для осуществления задуманной мести. И онъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Эта поѣздка совпадала еще съ другимъ переворотомъ въ мысляхъ Гр. А., переворотомъ, въ Одессѣ для самого Попко еще не совсѣмъ яснымъ, но который въ Кіевѣ скоро совсѣмъ опредѣлился: расправа съ Боголюбовымъ до того сильно подѣйствовала на Г. А., что онъ, до сихъ поръ горячій противникъ конституціи, переходитъ вдругъ въ ряды ея защитниковъ. Попко не могъ не видѣть, что при конституціонномъ образѣ правленія, предполагающемъ неотъемлемость нѣкоторыхъ правъ личности, врядъ-ли былъ-бы возможенъ такой фактъ, какъ расправа съ Боголюбовымъ. Далѣе для Попко, какъ для практическаго дѣятеля и тогда уже было ясно, что та работа, которая при абсолютизмѣ всецѣло ложится на активныхъ работниковъ революціи, именно пропаганда теоріи социализма, при существованіи конституціи отойдетъ отъ нихъ и перейдетъ къ мирнымъ теоретикамъ, тогда какъ настоящіе революціонеры направятъ всѣ силы на организацію среди самого народа, что не могло, конечно, не быть желательнымъ. Весь Кіевъ былъ полонъ впрочемъ, тогда разговорами о конституціи. Говорили о ней и либералы, и украинофилы, и просто студенты, и бунтари. Устроился даже клубъ спеціально... для разговоровъ о конституціи. Каждый возлагалъ на конституцію свои надежды; каждый говорилъ о ней, какъ о неизбѣжной, необходимой; и если-бы отъ количества сказанныхъ словъ зависѣлъ успѣхъ дѣла, то у насъ на Руси было-бы въ то время двадцать конституцій... Что касается Попко, то въ клубѣ онъ бывалъ, но разговоровъ тамъ не вель; онъ бесѣдуетъ—и то осторожно—лишь съ отдѣльными личностями. Наконецъ Попко прямо поставилъ передъ Дм. А. Лизогубомъ и В. А. Осинскимъ вопросъ о террорѣ, какъ объ орудіи и мести и политическаго переустройства. И Осинскій, и Лизогубъ были согласны съ Попко, что терроръ необходимъ. Но какъ вести его? Открыто поражать намѣченное лицо не расцелливо: погибнуть безстрашные борцы, а много-ли будетъ за ними такихъ-же? Пришли къ такому рѣшенію: наносить удары врагу революціонеры должны не открыто, а сохраняя себя по возможности. Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о террорѣ, и первымъ на очередь было поставлено убійство Трепова. Кромѣ Лизогуба, Осинскаго, скоро приверженцами террористическаго направленія являются Иванъ и Игнатъ Ивичевичи, В. Свириденко, А. Брандтнеръ, А. Синянинъ и еще нѣ-

сколько другихъ лицъ. Съ такими то незначительными силами рѣшились испробовать новое средство борьбы.

Незадолго до окончательныхъ переговоровъ Осинскаго, Попко и Лизогуба былъ открытъ заговоръ среди Чигиринскихъ крестьянъ и арестованы организаторы этого дѣла: Стефановичъ, Дейчъ, Бохановскій. У Бохановскаго въ карманѣ былъ найденъ ключъ отъ квартиры, гдѣ находились: типографія, оружіе и другія не менѣ важныя вещи. Пока жандармы рыскали по городу съ ключемъ и искали любопытную квартиру, товарищи арестованныхъ вынесли всѣ конспиративныя вещи, и въ числѣ этихъ смѣльчаковъ былъ и Попко. Только въ концѣ 77 года Гр. А. уѣхалъ въ Петербургъ съ однимъ изъ членовъ бунтарскаго кружка, согласившимся принять участіе въ предполагаемомъ убійствѣ Трепова. Этотъ членъ кружка игралъ одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ послѣдующемъ движеніи.

Послѣ ареста чигиринскихъ дѣятелей зарождается въ головѣ Попко мысль, что однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на смерть послѣ Трепова будетъ баронъ Гейкингъ, этотъ пресловутый либераль, адъютантъ выжившаго изъ ума Павлова. На первый взглядъ это покажется страннымъ: не разъ «баронъ» предупреждалъ объ обыскахъ, не разъ скрывалъ отъ прокурорскихъ глазъ найденныя запрещенныя книги. Однако дѣло объясняется просто. Изъ поведенія Гейкинга при арестѣ и слѣдствіи по чигиринскому дѣлу стало ясно, что Гейкингъ—либераль лишь по отношенію къ такимъ безобиднымъ фрондерамъ, какъ украинофилы, лавристы и проч. Но не то вышло, когда попались крупныя птицы. Гейкингъ зналъ очень многихъ изъ тогдашнихъ дѣятелей, зналъ, чего и отъ кого можно ожидать, и обыски и допросы производились съ такимъ знаніемъ текущихъ революціонныхъ дѣлъ, что стало ясно, какъ опасенъ будетъ при серьезномъ оборотѣ дѣлъ этотъ «либераль». Однако Боголюбовъ еще не отомщенъ и Попко ѣдетъ въ Питеръ.

Въ Петербургѣ къ предпріятію пріѣхавшихъ присоединяются двое изъ организациі «Земли и Воли». Нанимается квартира на улицѣ, по которой часто ѣздитъ Треповъ, посредствомъ зеркалъ слѣдятъ за его проѣздами. Но пока идутъ окончательныя приготовленія, неожиданно для всѣхъ раздается выстрѣлъ Засуличъ...

Во время пребыванія Попко въ Петербургѣ тамъ было сильное оживленіе: шелъ процессъ по дѣлу 193; каждый день, не ожидая конца процесса, притянутые къ нему отпускались на поруки изъ Петропавловки и изъ предварилки; понаѣхало много народа легальнаго и нелегальнаго изъ деревни, изъ-за-границы, читались рефераты, выяснялись программы; была затѣнена газета «Начало»; сходки происходили чуть не открыто.

Послѣ покушенія Засуличъ Попко уѣхалъ въ Кіевъ. Первымъ террористическимъ актомъ, исходившимъ отъ организациі, созданной Попко, Лизогубомъ, Осинскимъ, было убійство въ Ростовѣ шпіона, рабочаго Никонова. По поводу этого убійства въ Петербургѣ были отпечатаны прокламаціи, и на этихъ прокламаціяхъ, расклеенныхъ одновременно въ Питерѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, и Курскѣ, въ первый разъ появилась печать Исполни-

тельного Комитета. Кстати, мысль объ этой печати возникла совершенно случайно на одной вечеринкѣ въ Кіевѣ; на этой вечеринкѣ былъ и Попко. Кто былъ на свободѣ въ 78 г., тотъ долженъ помнить, какую сенсацію произвела эта печать среди жандармеріи, и не только ея одной; а между тѣмъ, прикладывая эту печать первый разъ, никто не думалъ, что она способна надѣлать переполохъ.

Не помню, по какому поводу въ Кіевѣ были произведены многочисленные обыски. На этихъ обыскахъ отличался грубостью и нахальствомъ товарищъ прокурора Котляревскій. Отвѣтомъ на вызывающее поведеніе Котляревскаго были выстрѣлы въ него со стороны Ивана Ивичевича, Осинскаго и еще одного. По поводу этого второго террористическаго факта кружка террористовъ Попко расклеивалъ прокламаціи въ Одессѣ и чуть было не былъ арестованъ. Едва онъ наклеилъ прокламацію, какъ полицейскій сорвалъ ее и бросился по пятамъ за Попко; только благодаря какой-то случайности тотъ избѣжалъ ареста.

Вскорѣ послѣ покушенія на жизнь Котляревскаго, и косвенно именно вслѣдствіе этого покушенія, произошли извѣстные «безпорядки» въ Кіевскомъ университетѣ. Начался университетскій судъ, а потомъ аресты, высылки. Гейкинъ снова показалъ свои когти: люди высылались по его указаніямъ; всѣмъ стало видно, что Гейкинъ недаромъ велъ знакомства и заискивалъ передъ простодушными «радикалами». Тогда окончательно была рѣшена смерть Гейкинга, и Попко, несмотря на всѣ убѣжденія товарищей не брать на себя исполненіе этого приговора, все-таки взялся исполнить его. Всѣ, безъ исключенія, товарищи, знавшіе Попко, были убѣждены, что онъ беретъ дѣло не по силамъ, и не потому, что бы былъ трусъ, что бы, попавшись, могъ выдать своихъ товарищей—такія дикія мысли никому, конечно, и въ голову не приходили—но каждый зналъ, что такое дѣло, какъ убійство будетъ стоить страшной борьбы мягкому и гуманному Гр. А. Попко, котораго болѣе, чѣмъ кого бы то ни было, истерзаетъ, измучить смерть Гейкинга, какъ бы то ни былъ виновенъ послѣдній. Наконецъ, просто сомнѣвались въ ловкости и силѣ Попко, ибо человѣкъ онъ былъ не изъ крѣпкихъ, и боялись, что вмѣсто казни Гейкинга погибнетъ лучшій товарищъ.

Несмотря на всѣ убѣжденія, Попко остался при своемъ рѣшеніи. Кромѣ него взялся за это дѣло и другой, принадлежавшій къ организаціи «Земли и Воли». Слѣдили они за Гейкингомъ поочередно, черезъ день. Такое напряженное состояніе нервовъ, какое бываетъ у человѣка, рѣшившагося на убійство, длиться долго не можетъ. Несмотря на самую твердую рѣшимость исполнить задуманное, хоть сколько-нибудь удобнаго случая не представлялось. Нѣсколько разъ слѣдившіе начинали отчаяваться въ успѣхѣхъ дѣла. Одновременно съ началомъ выслѣживанія Гейкинга затѣвалась исторія съ ключникомъ ¹⁾ для освобожденія въ кіевской тюрьмѣ. Попко зналъ всѣ подробности предпринимавшагося дѣла, обсуждалъ его вмѣстѣ съ

¹⁾ Освобожденіе М. Ф. Фроленко изъ кіевской тюрьмы Стефановича, Дойча и Бохановскаго.

другими, слѣдилъ за нимъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ. Почти накануне освобожденія товарищей, печальный, измученный пережитымъ, Попко сидѣлъ съ однимъ изъ товарищей въ одномъ изъ кievскихъ скверовъ. Онъ, какъ и другіе, собирался уѣхать и до поры до времени бросить дѣло Гейкинга. Былъ поздній часъ. Вдругъ, почти касаясь сидѣвшихъ, весело болтая съ какимъ-то господиномъ, прошелъ Гейкингъ. За нимъ Попко въ этотъ день не слѣдилъ. «Сегодня или никогда», мелькаетъ въ головѣ Попко. Онъ поспѣшно встаетъ изъ-за стола, уходитъ за только что прошедшими, догоняетъ Гейкинга и идетъ сзади тихо, опустивъ голову. «Нужно, нужно во что-бы то ни стало покончить. Такъ жить невозможно. Лучше сдѣлать отчаянную попытку, лучше сейчасъ быть арестованнымъ, чѣмъ жить съ невыносимой, постоянно гнетущей думой, что должно сдѣлать взятое на себя дѣло, что неисполненіе его тяжелымъ укоромъ ляжетъ на чести партіи, на чести моей.... Вѣдь взялся же я... рѣшился! Зачѣмъ колебаться и думать?».... Но раздумье все больше и больше овладѣваетъ имъ.... Вотъ онъ вынулъ кинжалъ. Обмотавъ руку платкомъ, онъ крѣпко держитъ его. Но не поднимается рука... А домъ Гейкинга уже близко.... Вотъ Гейкингъ садится на тумбу и оканчиваетъ свой веселый рассказъ.... Нужно или пройти мимо, или... Голова кружится у Попко, и онъ, почти не отдавая себѣ отчета, приближается къ сидящему и, проходя мимо, вонзаетъ ему въ бокъ кинжалъ. Только и помнить Попко, что кинжалъ вошелъ во что-то мягкое. Онъ ускоряетъ шаги и слышитъ слова барона: «я убить».... Попко почти бѣжитъ. «Держи, держи его!» раздается отчаянный крикъ. Слышенъ топотъ бѣгущихъ.... Попко теперь уже бѣжитъ, задыхаясь, въ гору, по расбросаннымъ мусору и кирпичамъ отъ строящихся домовъ.... Топотъ все слышнѣе, вотъ кто-то догоняетъ его, онъ слышитъ чье-то ускоренное дыханіе. Онъ вдругъ останавливается, оборачивается къ опѣшившему отъ неожиданности полицейскому, который тоже остановился, и, задыхаясь, произноситъ: «буду стрѣлять!» Потомъ, вздохнувъ всею грудью, снова бѣжитъ, но полицейскій не отстаетъ. Вотъ Попко стрѣляется.... еще и еще... Вотъ какой-то чело-вѣкъ бѣжитъ на перерѣзъ, хватаетъ Попко за руку; въ рукахъ преслѣдователя остается платокъ... Попко стрѣляетъ въ упоръ. Тяжело, безъ крика, безъ звука падаетъ преслѣдователь. Но нѣтъ уже и силъ бѣжать, а погоня все ближе и ближе; голоса все отчетливѣе и отчетливѣе. Ноги едва передвигаются Попко спотыкается и падаетъ. Падая, онъ задѣваетъ чѣмъ-то взведенный курокъ, раздается выстрѣлъ, и револьверъ разряженъ. Обезсилѣвъ окончательно, Попко перелѣзаетъ черезъ заборъ перваго попавшагося дома. Къ счастью, домъ нежилой: его перестраиваютъ. Попко входитъ, садится въ самый темный уголь и, безъ мысли, въ полномъ изнеможеніи, ждетъ... Нѣтъ силъ даже зарядить револьверъ.... Сидя здѣсь, онъ слышитъ, какъ пробѣгаетъ мимо погоня, слышитъ громкіе, взволнованные голоса преслѣдователей. Вдругъ вбѣгаетъ съ лаемъ собака, и съ лаемъ останавливается прямо противъ Попко... За ней входитъ кто-то останавливается немного поодаль и вытягиваетъ голову, будто вглядываясь въ тотъ уголь, гдѣ сидитъ Попко. Этотъ убѣжденъ, что вслѣдъ за че-

ловѣкомъ явится погоня, и онъ будетъ арестованъ, но въ ту минуту у него было единственное желаніе: «все равно, лишь бы еще не бѣжать».... Незвѣстный, постоявъ нѣсколько времени, повернулся и ушелъ. Замѣтилъ-ли онъ человѣка, сидящаго въ углу, и пошелъ позвать людей, или обезпокоенный уличнымъ шумомъ, просто навѣдался, все ли благополучно въ строящемся домѣ, неизвѣстно. Какъ только замолкли шаги незнакомца, Попко вылѣзъ изъ окна, осторожно перелѣзъ черезъ заборъ и пошелъ на квартиру. Опасность почти миновала, но тяжело было на сердцѣ Попко. Съ одной стороны ему стало легко: внутренній голосъ говорилъ ему, что онъ исполнилъ свой долгъ. Но съ другой, все назойливѣе и назойливѣе являлся рядъ мучительныхъ вопросовъ: заслуживалъ ли смерти Гейкингъ? По какому праву онъ, Попко, рѣшился быть судьей? Кто далъ ему это право?... Всѣ эти вопросы были, конечно, давно рѣшены въ теоріи, но теперь они снова возставали въ душѣ и возставали неразрѣшенными. Попко казалось что онъ теперь преступникъ; что теперь онъ не въ состояніи будетъ и смотрѣть въ глаза людямъ... Правда, онъ раньше сочувствовалъ подобнымъ фактамъ, онъ оправдывалъ ихъ. Но одно дѣло—говорить, другое—сдѣлать.... Какъ ни какъ, онъ исполнилъ свой долгъ; онъ взялъ на себя тяжелое дѣло, самъ на своихъ плечахъ вынесъ его и теперь знаетъ, какъ тяжело поднять руку на человѣка. Много, много горькихъ, безотрадныхъ мыслей тѣснилось въ головѣ Попко, пока онъ шелъ къ своей квартирѣ. Долго стоялъ онъ у своихъ дверей, не въ силахъ будучи дернуть за звонокъ. Какой-то страхъ охватывалъ его при мысли явиться теперь передъ товарищами. «Исполнено»—только и сказалъ Попко въ эту ночь своимъ товарищамъ.

На другой день на лодкѣ, на Днѣпрѣ, были напечатаны прокламаціи объ убійствѣ Гейкинга. Я забылъ упомянуть, что въ началѣ 78 г. кружкомъ Попко была приобрѣтена маленькая типографія; въ ней-то и печатались тѣ прокламаціи, которыя появились въ 78 г. отъ Исполнительнаго Комитета. Прокламаціи же по поводу убійства Никонова и покушенія на Котляревскаго были отпечатаны въ Питерѣ, такъ какъ въ то время своей типографіи кружокъ еще не имѣлъ.

По отпечатаніи прокламацій почти всѣ террористы разлѣхались. Попко уѣхалъ въ Одессу. Близкіе товарищи, увидѣвъ пріѣхавшихъ изъ Кіева и узнавъ отъ нихъ объ убійствѣ Гейкинга, и не предполагали, что это убійство совершилъ Попко,—до того онъ былъ спокоенъ теперь. Предполагали, что это было дѣло одного изъ землевольцевъ, который сильно похудѣлъ и осунулся за это полное тревогъ и волненій житіе въ Кіевѣ. Впрочемъ, даже нѣкоторые кіевляне, знавшіе, кто взялся за это дѣло, думали, что совершилъ его все-таки другой слѣдившій, а не Попко. Всѣ, читавшіе газетныя сообщенія, были, конечно, далеки отъ мысли, чтобы такой слабый, неловкій человекъ, какъ Попко, могъ такъ умѣло, повидимому, хладнокровно совершить убійство, такъ блистательно и долго вести самозащиту. Рана Гейкинга оказалась смертельной и нанесена была, повидимому, очень смѣлой и опытной рукой; при бѣгствѣ были ранены два полицейскихъ и убитъ одинъ рабочій, взявшій наперерѣзъ убѣгавшему и уже было

схватившій его. Власти никакъ не могли прійти въ себя отъ удивленія, куда могъ скрыться убійца, котораго преслѣдовали по пятамъ; предполагали, что его ожидали на извѣстномъ мѣстѣ съ лошадью... Часто, слушая разсказъ Попко объ этомъ дѣлѣ, читая его записки, въ которыхъ онъ изображалъ всѣ муки, вынесенныя имъ за эти страшные часы, я вспоминалъ разные quasi-психическіе анализы разныхъ *героевъ* въ историческихъ и не историческихъ романахъ: какъ все это далеко отъ правды и какъ блѣдно, если правдиво!...

Въ Одессѣ въ то время подготавливался побѣгъ Виктора Алексѣевича Малинки и Э. Студзинскаго. Попко, едва оправившись отъ кievскихъ происшествій, идетъ къ тюрьмѣ оказывать помощь бѣгущимъ. Вслѣдствіе того, что у бѣжавшихъ подломились доски, которыя они перекинули изъ оконъ камеры на тюремную ограду, побѣгъ не удался, и ожидавшіе ушли ни съ чѣмъ. Наступило лѣто 1878 г. Попко потянуло въ деревню, хотѣлось отдохнуть, успокоиться хоть сколько-нибудь; онъ и уѣхалъ въ деревню къ одному изъ товарищей, жившихъ въ Харьковской губ. Онъ зналъ, что въ Харьковѣ готовится освобожденіе одного изъ пяти осужденныхъ на каторгу по дѣлу 193-хъ, которыхъ должны были везти въ Печенѣжскую централку. Мысль объ освобожденіи кого-либо изъ осужденныхъ на каторгу зародилась еще во время «большаго процесса». Тогда хотѣли освободить И. Н. Мышкина, были сдѣланы и кое-какія приготовленія, но благодаря тому, что Мышкина провезли слишкомъ скоро послѣ суда, приготовленія не были окончены, и попытки освободить не было сдѣлано. Теперь организацию всего дѣла взяли на себя члены «Земли и Воли», но среди нихъ были участниками и южане-террористы (между прочимъ, Брандтнеръ и Синтянинъ). Попко пріѣхалъ въ Харьковъ на другой день послѣ неудавшейся попытки. Онъ пошелъ на квартиру А. Синтянина, узналъ о неудачѣ и въ тотъ же день уѣхалъ обратно. При отъѣздѣ же, на вокзалѣ, онъ былъ свидѣтелемъ ареста лучшаго своего товарища А. Медвѣдева. Нужно ли говорить, какъ тяжелъ былъ этотъ первый ударъ, первый арестъ члена того кружка 1878 г., который рѣшилъ посвятить свою жизнь террору.

Въ то время «террористы» успѣли уже заслужить всеобщее одобреніе, но это одобреніе главнымъ образомъ было пріобрѣтено «неуловимостью», успѣхомъ первыхъ шаговъ; свѣжихъ же силъ еще не было, и сказать тогда, что это направленіе жизненно, что будущее за нимъ—нельзя было. Тѣмъ не менѣе ясно было, что еще два-три удачныхъ факта—и успѣхъ обезпеченъ за дѣломъ. Понятно, какъ страшенъ былъ каждый арестъ для дорожившихъ этимъ дѣломъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда думали. Уже въ то время начинали толковать о сѣздѣ. На этомъ сѣздѣ должна была быть выработана точная программа дѣйствій, а, главное, должно было произойти окончательное сплоченіе террористовъ, которые не принадлежали къ одному какому-либо кружку. Большинство ихъ было изъ одесскаго кружка, но также и изъ кружка «бунтарей», и изъ Харькова, изъ организациі «Земли и Воли». Сѣздъ вначалѣ предполагался въ Одессѣ, въ августѣ 78 года, но, благодаря одесской демонстраціи и послѣдовавшему за ней погрому, не состоялся...



Григорій Анфимович
ПОПКО.

Какъ извѣстно, послѣ самозащиты И. М. Ковальскаго было издано правительственное распоряженіе о томъ, чтобы за сопротивление властямъ судить военно-окружнымъ судомъ.

Въ Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ шли разговоры о томъ, какъ отвѣтить правительству на случай примѣненія новаго распоряженія. Кандидатомъ на военно-окружной судъ былъ, конечно, Ив. М. Ковальскій. Предполагали устроить во время суда надъ Ковальскимъ вооруженную демонстрацію, но большинство отвергло этотъ неразсчитливый проектъ. Отвергъ этотъ проектъ и весь кружокъ Попко. Однако, демонстрація, помимо воли большинства, помимо воли самихъ участвовавшихъ въ ней, все-таки произошла. Дѣло вышло такъ: солдаты, которые разогнали толпу, шумѣвшую передъ судомъ, послѣ объявленія смертнаго приговора Ковальскому, пустили въ ходъ приклады и, наконецъ, стали стрѣлять. Нѣкоторые изъ тѣхъ, у кого были револьверы, на солдатскіе выстрѣлы и приклады отвѣтили выстрѣлами. Замѣчательно, что стрѣляли вовсе не тѣ, которые были за демонстрацію, а, наоборотъ, тѣ, которые были противъ нея, и стрѣляли не по заранѣ обдуманному намѣренію, а подъ вліяніемъ аффекта, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ солдатскихъ прикладовъ и двухъ убитыхъ товарищей. Сейчас же послѣ демонстраціи и власти, и бывшіе на мѣстѣ лица, преувеличили ея размѣры и значеніе. Въ преувеличенномъ видѣ извѣстіе дошло и до Попко, который былъ уже въ Кіевѣ. Онъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Одессу. По пріѣздѣ туда Попко нѣсколько разъ былъ на квартирѣ Чубарова и даже ночевалъ тамъ. У Чубарова онъ встрѣтилъ двухъ бѣглыхъ изъ Николаева черноморскихъ флотскаго экипажа матросовъ—Михаила Скорнякова и Петра Никитина. Эта встрѣча и погубила Попко. Въ августѣ 78 г. въ одной изъ одесскихъ пивныхъ были арестованы шпіонами сошедшіеся на свиданіе Г. А. Попко, Д. А. Лизогубъ, А. П. Колтоновскій и А. А. Спандони. Попко и Колтоновскій были посажены въ часть.

Въ чистосердечныхъ, но далеко не правдивыхъ показаніяхъ такихъ господъ какъ Суворовъ, Скорняковъ, Никитинъ и Андрей Болomezъ квартира С. Ф. Чубарова сдѣлана была очагомъ революціи и самъ онъ чуть не генералиссимусомъ революціонныхъ армій. Неудивительно поэтому, что всякій, посѣщавшій этотъ очагъ, пріобрѣталъ въ глазахъ жандармовъ особую важность. Скорняковъ и А. Болomezъ признали Попко посѣщавшимъ квартиру Чубарова, и его, какъ «важнаго», перевели въ тюрьму и посадили въ одну изъ башенъ.

Г. А. былъ увѣренъ, что дѣло Гейкинга откроется, и потому пророчилъ себѣ сначала долгосрочную каторгу; но время шло, шла монотонная тюремная жизнь, разнообразившаяся лишь обычными «протестами», исторіями, бунтами, съ ихъ послѣдствіями—карцеромъ, «на хлѣбъ, на воду», и проч. И Попко все болѣе и болѣе убѣждался, что его ждетъ свобода.

Ходили слухи по городу, что выходъ Попко изъ тюрьмы главнымъ образомъ зависитъ отъ нахождения поручителя, и ждали со дня на день пріѣзда его дядюшки-генерала, который долженъ былъ взять его на поруки.

Все это было до того вѣроятно, что Г. А. подалъ прошеніе въ

жандармское управление о томъ, чтобы ему была доставлена возможность держать экзамены на 4-ый курсъ. Все время пребыванія въ тюрьмѣ Попко зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось на свободѣ, вель дѣятельную переписку съ «вольными друзьями». Изъ ихъ писемъ онъ зналъ о проектахъ освободить А. Медвѣдева, о неудачныхъ попыткахъ сдѣлать это, зналъ онъ о намѣреніи убить харьковскаго губернатора Кропоткина ¹⁾. Зналъ Попко и о многихъ другихъ планахъ, намѣреніяхъ и неудавшихся попыткахъ товарищей въ подобномъ же родѣ.

Въ это время сидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ студентъ Харьковскаго Ветеринарнаго Института Ѳедоръ Курицынъ. Арестованъ онъ былъ въ началѣ 77 года по такъ называемому Елисаветградскому дѣлу. Сидѣлъ да посиживалъ Курицынъ въ Одесской тюрьмѣ, болталъ немного по своему дѣлу, однако первое время совсѣмъ мерзавцемъ его назвать было нельзя. Но вотъ «хронически» сидѣть надоѣло Курицыну и онъ предложилъ свои «услуги» жандармскому управленію. Особенно цѣнныхъ свѣдѣній Курицынъ не могъ дать о творящемся на свободѣ, но могъ предать только своихъ прежнихъ товарищей, что и сдѣлалъ: благодаря ему повѣсили Виктора Малинку и Ивана Дробязгина. Дабы сдѣлать услуги Курицына болѣе полезными, его садятъ въ одну камеру съ однимъ изъ вновь арестованныхъ по дѣлу Чубарова. Выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Довѣрчивый и словоохотливый N быстро сходится съ «Ѳедькой» и выкладываетъ ему все, что зналъ, а нерѣдко выдаетъ за дѣйствительность плоды собственного воображенія, благо оно еще не остыло... Онъ и себя не жалѣетъ и рисуетъ «ужаснымъ чловѣкомъ». За довѣріе, за дружбу Ѳ. Курицынъ платилъ еженедѣльными рапортами въ жандармское управленіе, подъ видомъ «писемъ къ родителямъ». Узнали предательство Ѳ. Курицына не скоро, и потому приговоръ по Одесскому дѣлу былъ совершенно непонятенъ. Приписывали этотъ приговоръ показаніямъ А. Болomezа, Василія Веледницкаго, Суворова, а Курицына просмотрѣли. N былъ знакомъ съ Григ. А. Попко, благоговѣлъ передъ нимъ и въ яркихъ краскахъ расписывалъ революціонныя добродѣтели Г. А. «другу». Къ счастью, N мало зналъ о дѣлахъ Попко; зналъ только, что Попко принималъ участіе въ неудавшейся попыткѣ освободить Малинку и Студзинскаго, да что Попко—террористъ. «Попко—это самый умный, самый способный изъ террористовъ»—рекомендовалъ онъ Попко Курицыну. За хорошій отзывъ N ждала Г. А. вѣчная каторга. На терроръ со стороны революціонной партіи правительство отвѣтило казнями, а послѣ покушенія Соловьева Россія была объявлена на военномъ положеніи.

Мало кто изъ сидящихъ въ Одесской тюрьмѣ думалъ о томъ, что дѣло, клеенное, сшитое на живую нитку, приметъ такой оборотъ, какой оно приняло; даже для мѣстныхъ властей его исходъ былъ

¹⁾ Это намѣреніе, впрочемъ, возникло задолго до исполненія его Гольденбергомъ: участь Кропоткина была рѣшена сейчасъ-же послѣ полученія изъ централки «Заживо погребенныхъ», и дѣло было-бы выполнено непременно и безъ Гольденберга.

Прим. автора.

не совсѣмъ ожиданъ. За недѣлю до суда обвиняемымъ выдали обвинительный актъ, и по обвинительному акту Попко былъ изъ наименѣе скомпрометированныхъ. Во всемъ обвинительномъ актѣ противъ него только и значилось, что былъ-де онъ на квартирѣ Чубарова и говорилъ съ Владиміромъ (Свириденко) о подложныхъ документахъ, что онъ ночевалъ у «капитана», не имѣя собственной квартиры, что прѣбывавшій изъ Кіева «Владимірецъ» (Комовъ) однажды ночевалъ у Попко—да, кажется, и только. Попко отказался отъ всякаго участія въ судѣ; ни единого слова онъ не сказалъ въ свою защиту. Его приговорили къ вѣчной каторгѣ.

Осужденнымъ на смерть была оказана великая милость: имъ позволено было сидѣть до казни съ кѣмъ пожелаютъ изъ товарищей. Дм. А. Лизогубъ сидѣлъ съ Попко. Я уже говорилъ, что Лизогубъ одинъ изъ первыхъ принялъ предложеніе о террорѣ. Почти всецѣло на средства Лизогуба и жилъ сборный, немногочисленный кружокъ террористовъ 78 года. Тяжело было на душѣ Попко, тяжело ему было слышать, какъ Лизогубъ горячо скорбѣлъ о томъ, что ему не удалось совершить какого-нибудь террористическаго факта. Григ. А. чувствовалъ себя виноватымъ передъ Лизогубомъ: ему казалось, что какъ-будто Лизогубъ умираетъ вмѣсто него; что ему-бы, Попко, нужно быть казненнымъ. Невыносимо тяжело ему становилось, когда онъ вспоминалъ, что вотъ завтра полный жизни и энергіи человѣкъ станетъ бездыханнымъ трупомъ, и нѣтъ силъ человѣческихъ спасти его отъ смерти. Но наступилъ моментъ разставанія, и Попко холодно простился съ Лизогубомъ. Эту холодность Попко никогда не могъ простить себѣ, никогда не могъ безъ горькаго упрека вспомнить ее. Онъ говорилъ, что въ минуту разставанія ему не вѣрилось, что Лизогубъ умретъ: онъ хотѣлъ выразить кипѣвшее чувство, хотѣлъ сказать что-нибудь задушевное и хорошее и не «сумѣлъ». И, дѣйствительно, Попко не умѣлъ говорить о чувствахъ; говорилъ онъ о нихъ уже тогда, когда могъ объективно отнестись къ прошлому, т. е. когда самыя чувства, собственно говоря, не были уже чувствами. Былъ-ли въ претензіи Лизогубъ за холодность прощанія? Конечно, нѣтъ! Лизогубъ зналъ Попко не одинъ годъ; онъ зналъ, что Попко не говоритъ, а дѣлаетъ, что чувство святой злобы владѣетъ всѣмъ сердцемъ друга; зналъ—и цѣнилъ тотъ единственный поцѣлуй, который далъ ему Попко. Лизогубъ оставилъ Попко всѣ свои вещи, свое послѣднее прощанье, обращенное ко всѣмъ товарищамъ, которое, я не знаю почему, не было напечатано въ свое время. Попко-же онъ оставилъ свой неписанный завѣтъ отмстить за смерть его, убить Панютина. Попко общалъ, и не его вина, что судьба не позволила ему исполнить обѣщаннаго. До послѣднихъ дней своей жизни Попко думалъ о мести за смерть Лизогуба; и горько, горько скорбѣлъ онъ, когда Панютинъ умеръ своею смертью, а не отъ руки кого-либо изъ друзей Дмитрія Андреевича.

10-го августа были казнены Д. Лизогубъ, С. Чубаровъ и І. Давиденко въ Одессѣ; 11-го августа И. Логовенко и С. Виттенбергъ въ Николаевѣ. Въ сентябрѣ осужденные въ каторгу и на поселеніе были отправлены по желѣзной дорогѣ въ Москву. Они знали, что ихъ ве-

зуть въ Сибирь, и это казалось счастьемъ: все-же лучше Сибирь неизвѣстная, чѣмъ ужасы русскихъ централокъ.

Всю дорогу Попко мечталъ о побѣгѣ. Въ Красноярскѣ мелькнулъ лучъ надежды, но, благодаря неосторожности одного изъ знавшихъ о предстоящемъ побѣгѣ, начальство узнало о приготовленіяхъ, приняло мѣры и побѣгъ не удался. Бѣжать изъ Красноярской тюрьмы собиралось 4—5 человѣкъ, и каждый изъ нихъ взялъ какое-либо обязательство. Попко взялъ на себя убійство Панютина. Въ Красноярскѣ-же изъ за какого-то тюремнаго недоразумѣнія произошелъ «бунтъ»: были желающіе устроить сопротивление, но дѣло кончилось трехдневной голодовкой, кандалами и наручнями. Въ декабрѣ 1879 года одесситы пришли въ Иркутскъ. Въ Иркутской тюрьмѣ сидѣли осужденные въ каторгу кіевляне и харьковцы, ожидая отправки на Кару. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ задумали побѣгъ и для этого рыли подкопъ изъ тюремной больницы въ чуланъ смотрительской квартиры. Подкопъ къ приходу одесской партіи почти былъ конченъ. Ожидали только нѣкоторыхъ свѣдѣній съ воли. Одинъ изъ желавшихъ бѣжать уступилъ свое мѣсто Попко. Въ февралѣ 80 года въ 10 часовъ вечера Попко, Яцевичъ, Иванченко («Неизвѣстный, раненный въ голову»), Өмичевъ, Березнюкъ (Тищенко) и Волошенко вышли изъ тюрьмы. На условленномъ мѣстѣ бѣжавшихъ ждалъ Владиміръ Дебагорій-Мокріевичъ; онъ имъ передалъ деньги, кое-какія вещи и нужная свѣдѣнія. Планъ былъ идти на рѣку Иркутъ, на китайскую границу, но бѣжавшіе не разсчитали своихъ силъ. Хроническій голодъ съ самого Красноярска, благодаря тому, что свои деньги были истрачены на побѣгъ В. Избицкаго и Вл. Мокріевича, а на казенныя «кормовыя» при тогдашней дороговизнѣ только-только что можно было не умереть съ голоду ¹⁾, сидѣнье въ Иркутской тюрьмѣ почти безъ прогулокъ въ полутемной камерѣ, въ которой было набито нѣсколько десятковъ человѣкъ,—все это оказало вліяніе. Пройдя нѣсколько верстъ, Яцевичъ, Өмичевъ и Иванченко,—который передъ побѣгомъ былъ боленъ вдобавокъ тифомъ,—не могли дальше идти и рѣшились пойти прямо по тракту на Усолье; на другой день, еще до начала розысковъ, они были взяты въ первомъ-же кабацѣ, куда зашли отдохнуть и погрѣться. 7-го февраля бѣжало еще двое: Н. Позень и А. А. Калюжный (мичманъ), а 8-го февраля, благодаря отпавкѣ на Кару «партіи», побѣгъ былъ открытъ. Попко, Тищенко, Волошенко шли по тайгѣ тихо, еле двигаясь, но все же шли. Не помню на какой день ихъ бѣгства, они встрѣтили какого-то человѣка, который сказалъ имъ, что онъ знаетъ, кто они такіе—бѣглые «государственные»,—но что онъ ихъ не выдастъ, и предлагаетъ имъ идти на Усолье (тамъ Александровская центральная каторжная тюрьма), гдѣ есть зимники, что въ какомъ нибудь зимникѣ они проживутъ до прекращенія розысковъ, а потомъ спокойно двинутся дальше. Ничего, конечно, не оставалось, какъ принять услуги неизвѣстнаго, который оказался бѣглымъ уголовнымъ.

¹⁾ Кормовыхъ было 14 коп. привилегированнымъ, 10 коп. непривилегированнымъ, а 1 ф. хлѣба стоялъ 7 коп.

Прим. автора.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Усоля, въ зимовкѣ, расположились бѣглецы... Провизію покупали уголовный; у нихъ было никуда негодное ружье и старая кляча, которая носила громкую кличку «Варвара», въ честь знаменитаго «Варвара», увезшаго убійцу Мезенцева. Зима 1879-80 г.г. была лютая, зимовье тѣсное, печь полуразрушенная; кругомъ глухая тайга. Но бѣжавшіе не унывали: они рубили дрова, стряпали, ходили за «Варваромъ», играли въ шахматы. Бывали минуты, когда Попко не сомнѣвался, что онъ доберется до Россіи. Денегъ у бѣглецовъ было мало, нужно было во что бы то ни стало раздобыть. Рѣшаютъ, что нужно ѣхать въ Тунку и взять денегъ у кого-либо изъ товарищей. Ѣдутъ Волошенко и уголовный. Въ Тункѣ Волошенко оставляетъ уголовнаго на площади, а самъ идетъ разыскивать кого нибудь изъ ссыльныхъ. Попавъ къ товарищамъ, Волошенко заговорился, а уголовный, то-ли прельстившись великой платой за бѣжавшихъ, о которой слышалъ на пути, то-ли подумавъ что Волошенко его бросилъ,—пошелъ да и выдалъ, что въ Тунку прѣхалъ Волошенко и что Попко и Березнюкъ скрываются тамъ-то. На другой день Попко и Березнюкъ были арестованы, а на третій очутились въ Иркутской тюрьмѣ, проживши на волѣ полтора мѣсяца.

Началась знакомая томительная жизнь впроголодь, безъ книгъ, безъ прогулокъ, въ одиночныхъ камерахъ. Начались допросы. Попко отказался отъ дачи показаній. Иногда въ коридорѣ надзиратели вели разговоръ о томъ, что скоро-де будутъ пороть государственныхъ преступниковъ за побѣгъ. Разговоръ этотъ велся нарочно такъ, чтобы заключенный его слышалъ. Нечего и говорить, что это все не могло настроить на веселый ладъ Г. А. Съ самага дня поимки, Попко какъ и прочіе бѣглецы, былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы. Особенно мучительны были наручни. Правда нѣтъ такихъ наручей, которыя нельзя было-бы снять, но надзиратели такъ зорко слѣдили, что снимать можно было только на ночь, да и то не всегда. Въ іюлѣ или августѣ Г. Анф. былъ переведенъ въ секретный коридоръ, гдѣ помѣщались въ одной камерѣ, шаговъ 8 длины и 5—6 ширины, всѣ остальные бѣглецы. Начальство, большое и малое, всячески старалось досадить пытавшимся бѣжать: это были его личные враги,—за нихъ же оно получило чуть не высочайшій выговоръ. Придирки, всяческія униженія слѣдуютъ одно за другимъ вплоть до самыхъ грязныхъ мелочей, въ родѣ помѣхи удалять общепринятыми способами «парашку». Борьба арестантовъ съ начальствомъ по одному изъ подобныхъ поводовъ продолжалась мѣсяць слишкомъ и кончилась лишь отправкой бѣглецовъ на Кару. Положеніе было дѣйствительно ужасное, а тутъ еще имъ предлагаютъ идти въ полицію на медицинское освидѣтельство, способенъ-ли виновный выдержать наказаніе плетью. Идти въ полицію они отказывались. «Ну что же—хладнокровно говорилъ полиціймейстеръ 1),—свидѣтельство-

¹⁾ Прозвище Гришка-катъ; фамилія Смирновъ, тотъ самый Смирновъ, которому, въ бытность его засѣдателемъ Маринскаго округа, П. Патруева дала пощечину, тотъ самый, которому, въ бытность его исправникомъ въ В. Удинскѣ, далъ вторую пощечину Сираковъ. Кто еще его билъ, не знаю, но что били много и часто, это несомнѣнно.

Прим. автора.

ваніе—простая формальность, можно и безъ него обойтись»... Въ одинъ прекрасный день врываются толпой солдаты въ камеру заключенныхъ, выводятъ ихъ по одиночкѣ и ведутъ въ полицію. Здѣсь читають приговоръ. Приговоръ оказался безъ плетей: не посмѣли! За побѣгъ Попко приговоренъ къ 3 годамъ тачки и весь срокъ каторги пробить въ «испытуемыхъ», т. е. всѣ 20 лѣтъ просидѣть въ тюрьмѣ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, какъ это полагается по VI т. законовъ, тогда какъ уголовный, осужденный въ безсрочную каторгу, сидитъ въ тюрьмѣ по закону 11 лѣтъ, а кандалы носить $\frac{2}{3}$ этого срока. Тяжелое испытаніе кончилось! Почти полтора года прожили несчастные подъ дамокловымъ мечемъ.

Въ сентябрѣ пришли изъ Россіи партіи осужденныхъ на каторгу во второй половинѣ 79 и въ началѣ 80 г... Скоро двинулись и на Кару. Вздохнули полной грудью бѣглецы, оставивъ за собою ужасный Иркутскъ. Все время пути на Кару Попко начиналъ думать снова о побѣгѣ, но денегъ было такъ мало, а опытъ былъ такъ поучителенъ, что въ концѣ концовъ побѣгъ откладывался до Кары.

15 сентября 80 г. Попко вмѣстѣ съ другими пріѣхалъ на Кару. Тамъ въ то время жилось сравнительно вольно. Были земляныя работы на открытомъ воздухѣ; къ работамъ никто не принуждалъ и работали, кто хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Эти работы и поддерживали здоровье заключенныхъ, потому что пища и гигиеническія условія были не блестящи. Въ то время Попко еще лелѣялъ мечту о возможности массоваго побѣга при помощи людей изъ Россіи. Вслѣдствіе этой надежды первое время жизни на Карѣ онъ и не предпринималъ чего-либо, а занялся изученіемъ французскаго и англійскаго языковъ, чтеніемъ... Такъ прошла зима.

Весна въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ совѣмъ не то, что на свободѣ. Весна для заключенныхъ—самое критическое время. Сколько безумныхъ плановъ, надеждъ рождалось весною! Сколько отчаянныхъ попытокъ! Весной 81-го года на Карѣ начались горячіе толки о побѣгѣ, и одинъ изъ самыхъ оживленныхъ центровъ подобныхъ толковъ были нары, гдѣ спалъ Попко.

Новая партія, пріѣхавшая во второй половинѣ февраля и состоявшая главнымъ образомъ изъ кievлянъ по процессу Жукова и Игн. Иванова, настраивала еще больше на всякаго рода планы. Эта партія привезла массу новостей, отъ которыхъ и кровь быстрѣе текла въ жилахъ, и сердце скорѣе билось. Настроение большинства было бодрое. Революціонная партія гремѣла, и эхо ея дѣятельности достигло Карійской тюрьмы и наполнило душу заключенныхъ восторгомъ... Всякій несбыточный планъ казался возможнымъ. Страстно хотѣлось вырваться на свободу и приложить и свои руки къ великому дѣлу.

Въ маѣ мѣсяцѣ на Карѣ начались земляныя работы. Для государственныхъ преступниковъ было отведено особое мѣсто, гдѣ они должны были снимать пласты земли, торфа. Попко былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ работниковъ: онъ работалъ для укрѣпленія силъ въ виду скорого побѣга. Въ то же время было нѣсколько попытокъ добыть оружіе, такъ какъ одинъ изъ плановъ побѣга былъ двинуться на проломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но всѣ попытки окон-

чились неудачей. Выйти изъ тюрьмы думали черезъ подкопъ, но рыть его не рѣшались, такъ какъ предстоялъ переводъ въ новую тюрьму. 3 ноября 81 г. тюрьма и была переведена со средняго промысла на нижній.

По переходѣ въ новую тюрьму Попко поднялъ вопросъ среди своихъ близкихъ товарищей, не слѣдуетъ ли, не начиная приготовлений для массоваго побѣга, выпустить двухъ или трехъ человекъ для того, чтобы они и денегъ добыли, и помогли остальнымъ. Мысль о невозможности и безуспѣшности побѣга въ большомъ числѣ заранѣе давно уже занимала Попко; онъ еще въ старой тюрьмѣ проводилъ ее. Но этотъ благоразумный планъ не нашелъ сосувствія среди группы Григ. А., и онъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей присталъ къ плану подкопа, начатаго уже нѣкоторыми отдѣльными лицами. Последнія не составляли группы въ тѣсномъ смыслѣ, группы, которая была бы солидарна не только въ дѣлѣ сговора къ общему побѣгу, но и по убѣжденіямъ и планамъ дѣятельности въ будущемъ на свободѣ въ Россіи. Въ начатый подкопъ Попко не вѣрилъ; онъ былъ убѣжденъ, что начальство знаетъ о его существованіи, и присталъ къ нему только для того, чтобы отвести глаза начальству. «Принимаютъ участіе многіе; значить, только и есть одинъ подкопъ: такъ будетъ думать начальство»—говорилъ Попко.

Предположеніе Попко о томъ что начальство знаетъ о предпріятіи, скоро подтвердилось. Тогда одновременно съ этимъ безнадежнымъ подкопомъ былъ начатъ другой, существованіе котораго держалось въ строгой тайнѣ. Душою этого дѣла были Попко и еще одинъ его близкій товарищъ. Они вдвоемъ придумали очень остроумный выходъ на чердакъ: потолокъ корридора былъ ниже потолка камеры, и, выпиливъ кусокъ бревна въ стѣнѣ камеры, можно было вылѣзть на чердакъ. Въ тюрьмѣ не было внутренняго караула; только при смѣнѣ часовыхъ и еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ заходили патрули на дворъ тюрьмы. Для предупрежденія о появленіи патруля заключенные ставили на чердакъ, у слуховаго окна, часового, въ рукѣ котораго была веревка, протянутая въ камеру къ звонку. Раздавался звонокъ, и работы прекращались. На чердакъ же стаскивали вырытую землю, разстилая ее ровными слоями и утапывая такъ, чтобы незамѣтно было, что она свѣжая. Двѣ доски въ полу были вынуты, и вмѣсто гвоздей были ввинчены винты, совершенно похожіе на прежніе гвозди и державшіе доски не менѣе крѣпко, чѣмъ гвозди. Чтобы подкопъ не былъ открытъ и въ томъ случаѣ, если бы сорвали полъ, въ колодезь подкопа былъ вдѣланъ ящикъ, совершенно закрывавшій дыру; въ него насыпали точно такой же цементъ, какимъ была утрамбована и залита почва подъ поломъ. Дыра на чердакъ и самый подкопъ были такъ остроумно скрыты, что первую открыли только послѣ того какъ Овчинниковъ, знавшій о прорѣзѣ въ стѣнѣ, предалъ товарищей, а дыру въ подкопъ долго не могли найти и срыли чуть не всю землю подъ поломъ, пока отыскивали ее. Овчинниковъ зналъ, что подкопъ есть, но не зналъ—гдѣ именно. До предательства-же Овчинникова несмотря на тщательнѣйшіе обыски, ничего не подозрѣвали.

Въ февралѣ 82 г. снова прїѣхала партія каторжанъ изъ Россіи, и работы въ подкопѣ въ виду нѣкоторыхъ соображеній временно были прекращены. Новыя партіи, вполнѣ понимая несбыточность мечты о массовомъ побѣгѣ, предложили средства бѣжать нѣкоторымъ лицамъ. Предпріятіе не удалось. Тогда прїѣхавшіе на свой страхъ и рискъ рѣшили выпустить двухъ человекъ. Однимъ изъ нихъ былъ И. Н. Мышкинъ, который долженъ былъ самъ выбрать себѣ спутника. Этимъ спутникомъ Мышкинъ предложилъ быть Пбпко. На несчастье ждали посѣщенія Галкина-Враскаго, и Попко, думая, что отсутствіе его, какъ прикованнаго къ тачкѣ, можетъ быть скоро замѣчено, отказался, хотя именно это была его давнишняя мечта. Нужно-ли говорить, что въ побѣгѣ Мышкина и Н. Г. Хрущева Попко принималъ горячее участіе?

Галкинъ-Враскій остался недоволенъ тюремными порядками, и было рѣшено отнять «вольности», которыми пользовались карійцы; однако, сдѣлать это не рѣшались, пока сами заключенные не дали къ этому повода. 1-го мая былъ открытъ побѣгъ 8 человекъ; начались обыски, и начальство начало заговаривать, впрочемъ очень мягко, о предполагаемыхъ «нововведеніяхъ». Заключенные рѣзко заявили, что дѣлать эти «нововведенія» въ ихъ жизни они не позволяютъ. Было это заявлено по частному, собственно говоря, случаю. Бутановъ, помощникъ завѣдывающаго Нерчинскими рудниками, передалъ «предложеніе» Галкина побрить половину головы. Послѣдовалъ рѣзкій единодушный отказъ. Большинство рѣшило не позволить брить себя, хотя бы цѣною жизни, и какъ-то внезапно созрѣлъ безумный планъ: когда казаки ворвутся въ тюрьму, забаррикадировать всѣ входы и выходы и предать себя сожженію. Мысль была, конечно, страшная, тѣмъ не менѣе въ то время большинство было охвачено ею. Была собрана сходка. На этой сходкѣ были распредѣлены роли. Распорядителемъ былъ избранъ Д. М. Рогачевъ; однимъ изъ поджигателей Григ. А. Попко. Часовые по-смѣнно караулили на крышѣ и у входа въ тюрьму всякое движеніе непріятеля. По сигналу часовыхъ всѣ должны были собраться въ одну камеру, и тюрьма, подожженная съ разныхъ угловъ, вспыхнула-бы словно спичка. Это неминуемо и случилось-бы, если-бы не Быдаринъ. Онъ улучилъ минуту, явился передъ начальствомъ и повѣдалъ, что думаетъ сдѣлать тюрьма. Начальство начало готовиться къ серьезному нападению. Эти приготовленія и разстроили задуманное дѣло. Заключенные о нихъ не знали и думали, что начальство рѣшило уступить; думали такъ, конечно, главнымъ образомъ потому, что страшное нервное напряженіе утомило всѣхъ: «нервы устали», бдительность ослабѣла; явились и многочисленные противники плана и.. 11 мая 500 казаковъ, ворвавшись раннимъ утромъ, застали всю тюрьму спящей. Сопротивленіе было оказано только единичными лицами, да и то больше принципіальное, а не такое, какое было бы, если-бы казаки ворвались, когда нервы были настроены высоко, когда смерть являлась чуть не счастьемъ...

«Главарей» отправили въ усть-карійскія одиночки; но среди нихъ не было Попко. Начальство считало его скромнымъ, а Быдаринъ, выдавшій планъ товарищей изъ-за страха сгорѣть вмѣстѣ съ ними, не

былъ способенъ дать истинную характеристику значенія Попко въ тюрьмѣ.

Въ самый день нападенія начальство и казаки отвели свое раздраженіе на арестантахъ, причинившихъ имъ столько хлопотъ: батальонный командиръ Руденко, придравшись къ тому, что С. Бобоховъ не всталъ при его входѣ, бросился на заключенныхъ съ толпой казаковъ, и произошла дикая сцена избіенія прикладами безоружныхъ людей...

Тяжелое время наступило для тюрьмы послѣ 11 мая: отняты были всѣ вещи, постели, книги, вся «мебель»; отнято было право тратить собственныя деньги на улучшеніе пищи; кормили вонючимъ мясомъ да знаменитой «баландой»; производились чуть не ежедневные обыски, провѣрки съ перекличкой по именному списку; прогулокъ не было. Тюрьму начали перестраивать: каждую камеру разбивали на три камеры и корридорчикъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ сопротивленіе «скопомъ»; парашки стояли въ камерѣ день и ночь. Потомъ приѣхали жандармы съ Халтуринымъ во главѣ, начали брить. Всѣ были закованы въ ножные кандалы, а осужденные въ безсрочную каторгу и въ ручные. Тяжело было жить, но многимъ думалось, что страданія эти не бесполезны, что уйдутъ по крайней мѣрѣ бѣжавшіе... Лопнула и эта надежда: всѣ восьмеро были пойманы. Мышкинъ и Хрущовъ были арестованы во Владивостокѣ въ то время, когда собирались уже съѣсть на пароходъ. Новое «начальство», легко отнявъ у заключенныхъ всѣ «вольности» тюрьмы, готовилось сдѣлать дальнѣйшій шагъ по пути приравненія государственныхъ преступниковъ съ уголовными: оно имѣло въ виду примѣнить тѣлесное наказаніе... Какъ первый опытъ этого «нововведенія», была произведена экзекуція надъ «quasi-государственнымъ» Цыпловымъ... Заключенные молчали, но уже въ то время Рогачевъ и др. вели агитацію среди товарищей за «голодовку»; переведенные изъ Усть Кары оттягивали ее по разнымъ соображеніямъ. Дѣло голодовки рѣшило само начальство: оно потребовало Овчинникова на освидѣтельствованіе къ доктору, освидѣтельствованіе-же, какъ извѣстно, производится передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Ясно было, что это второй опытъ Халтурина... Чаша терпѣнія заключенныхъ переполнилась... 13 іюля они отказались отъ пищи. Отказался, конечно, и Г. А. Всѣ 12 дней голодовки онъ чувствовалъ постоянный позывъ къ пищѣ; у большинства-же голодавшихъ аппетитъ на второй-третьей день совсѣмъ исчезалъ и кромѣ слабости, все возраставшей, кромѣ сознанія, что быстрыми шагами приближаешься къ смерти, никакихъ мученій не испытывали. 26 іюля «голодный бунтъ» кончился. Нельзя сказать, чтобы заключенные ничего не добились: примѣненіе тѣлеснаго наказанія надолго отошло въ область грознаго мифа, но кто знаетъ, на сколько лѣтъ сократилась жизнь каждого изъ голодавшихъ?

Послѣ голодовки разрѣшили опять прогулки. Попко, прикованный къ тачкѣ, не ходилъ гулять; онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на нарахъ въ сырой и холодной камерѣ... Надежды на побѣгъ, конечно, не было и Попко считалъ себя теперь на вѣки погребеннымъ. Онъ не потерялъ интереса къ тому, что творится на любимой и несчастной ро-

динѣ, а слѣдилъ лихорадочно за всѣмъ, что такъ или иначе касалось побѣдъ и пораженій дорогого дѣла. Онъ не сдѣлался индифферентистомъ и въ такъ называемыхъ тюремныхъ дѣлахъ. Но мысль о томъ, что для него возврата нѣтъ, неотступно стояла передъ нимъ, и сообразно съ этимъ измѣнилось всегдашнее настроеніе Гр. А. Постоянная сосредоточенная грусть была написана на его лицѣ. Онъ не вель уже одушевленныхъ бесѣдъ о томъ, что они будутъ дѣлать, когда воротятся въ Россію. И къ умственнымъ занятіямъ у него пропала охота. Правда, онъ читалъ, изучалъ нѣмецкій языкъ, но вяло, безцѣльно, такъ, лишь-бы что-нибудь дѣлать. «Къ чему заниматься? Для чего, когда возврата нѣтъ?» Попко сталъ съ этого времени и противникомъ побѣговъ, находя, что на бѣжавшихъ лежитъ слишкомъ тяжелая отвѣтственность за ухудшеніе положенія оставшихся товарищей. А жилось все не легче: одного увезли въ Шлиссельбургъ, 17 человекъ сидѣли въ одиночкѣ...

Лѣтомъ 83 г. Попко наконецъ слегъ...

13 января 1884 г. умеръ Д. М. Рогачевъ, близкій товарищъ и старый пріятель Попко. Все время болѣзни Рогачева Попко часто заводилъ разговоры объ умиравшемъ, возмущался, что живые такъ скоро забываютъ погибшихъ. Чаше и чаше онъ вспоминалъ свою родину. Кавказъ, югъ, дѣтство... Лѣтомъ 1884 г. Попко заболѣлъ водянкой. Все чаще онъ повторялъ: «если я и вылечусь теперь, я скоро все равно умру». Онъ просилъ товарищей отравить его, когда они будутъ увѣрены въ его близкой смерти. Онъ и самъ отравился бы, но боялся, что вслѣдствіе этого Веймару запретятъ лечить товарищей, отберутъ аптеку. Въ началѣ 1884 года начали приходиться извѣщенія отъ пресловутой комиссіи о разныхъ смягченіяхъ. По дѣлу Попко не были сокращены вовсе сроки только тремъ: Г. А. Попко, М. И. Кутитонской и Андрею Баломезу. Всѣмъ остальнымъ сбавлено по трети, а нѣкоторымъ сроки сокращены весьма значительно.

Въ концѣ 84 г. Попко окончательно бросаетъ занятія; по цѣлымъ днямъ онъ лежитъ на больничной койкѣ. Каждый день у него лихорадка; желудокъ не варитъ; онъ гаснетъ видимо на глазахъ у всѣхъ; наконецъ, онъ глохнетъ...

22 марта 1885 года незадолго до того выпущенные въ вольную команду и трое изъ тюрьмы отнесли и сами зарыли трупъ Г. А. на тюремномъ кладбищѣ. Онъ похороненъ рядомъ съ Е. Семяновскимъ. Внизу лежатъ Д. Рогачевъ, В. Жуковъ и маленькій сынъ Ястрембскаго... Начальство хотѣло похоронить Попко «по христіански» съ попомъ, но Веймаръ, зная все отвращеніе покойнаго отъ подобныхъ обрядовъ, уговорилъ начальство не дѣлать этого. Согласно его желанію, Попко былъ похороненъ безъ всякихъ обрядовъ...

Григорій Анфимовичъ Попко нашелъ первый источникъ своего умственного и нравственного развитія въ статьяхъ Добролюбова, хотя, можетъ быть, въ это время недостаточно ясно понималъ его, подобно и многимъ другимъ своимъ современникамъ. Но онъ самостоятельно пошелъ дальше и изъ жизни вынесъ ту нравственную крѣпость, то строгое, неумолимое отношеніе къ себѣ, которое такъ высоко ста-

вило его надъ большинствомъ его товарищей. Съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ его стремленія, помыслы направились на переработку общественныхъ формъ во имя любви къ русскому народу. Эта любовь была въ немъ не прививная, а внесенная въ него самою жизнью, и для соглашенія поступковъ съ идеями ему не нужно было, подобно многимъ другимъ революціонерамъ, ломать себя, чтобы стать народникомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но когда для службы дѣлу ему приходилось поступать противъ личныхъ влеченій и симпатій, онъ умѣлъ не колеблясь слѣдовать своему убѣжденію. Такъ онъ поступилъ въ дѣлѣ Гейкинга, какъ ни велики были при этомъ его личныя нравственныя страданія. Къ тому-же онъ обладалъ замѣчательнымъ политическимъ чутьемъ. Одинъ изъ первыхъ на югѣ онъ понималъ, на зло личнымъ симпатіямъ, что политическая свобода является необходимымъ условіемъ экономическаго улучшенія положенія русскаго народа. Когда приемы терроризма встали неизбѣжною задачею предъ умами русскихъ революціонеровъ, Попко явился однимъ изъ первыхъ для приложенія ихъ на дѣлѣ. Въ своихъ симпатіяхъ къ народу, нераздѣльныхъ отъ борьбы за политическую свободу. Гр. А. былъ провозвѣстникомъ Народной Воли, программу которой, уже будучи на каторгѣ, онъ воспринялъ всецѣло. Однако до конца дальнѣйшая борьба представлялась ему не въ формѣ политической революціонной дѣятельности, а, главнымъ образомъ, на почвѣ аграрнаго террора. Побудительнымъ мотивомъ всей его дѣятельности была любовь къ русскому народу,—не къ народу отвлеченному, созданному воображеніемъ, но къ народу живому, который такъ и чистъ, и великъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ такъ слабъ, такъ грубъ и темень. Любимый разговоръ Г. А. былъ о народной жизни, о чертахъ народнаго характера, которыя сулятъ русскому народу великое будущее. Г. А. посвятилъ себя революціонной дѣятельности, потому что въ ней одной видѣлъ путь ко благу народа, и все приурочивалъ къ этой дѣятельности. Онъ читалъ, учился, работалъ, всегда имѣлъ въ виду, насколько то, что онъ дѣлаетъ, будетъ пригодно ему какъ революціонному дѣятелю. Именно поэтому онъ приобрѣлъ массу мелкихъ практическихъ и техническихъ свѣдѣній, такъ что товарищамъ приходилось удивляться, откуда онъ все это знаетъ.

Что касается его теоретическаго міросозерцанія, то онъ вынесъ изъ семинаріи непримиримую ненависть къ православію, смотрѣлъ подозрительно на всякій мистическій или метафизическій элементъ, который могъ, по его мнѣнію, вести къ какому-либо примиренію съ этимъ ненавистнымъ ему воззрѣніемъ, и стоялъ всего ближе къ материалистическому позитивизму. Но въ его характерѣ преобладало не теоретическое направленіе, а непреклонная сила воли: онъ былъ особенно человѣкомъ дѣла.

Именно это преобладаніе жизни, энергіи надъ теоріей въ личности Г. А., можетъ быть, дѣлало его въ высшей степени терпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ и поступкамъ при большой строгости къ самому себѣ и вызывало къ нему самую теплую симпатію даже въ людяхъ, вовсе не расположенныхъ къ симпатическому настроенію, или прямо способныхъ къ подлымъ дѣламъ и къ предательству. Онъ защищалъ во всѣхъ случаяхъ право чело-

вѣка имѣтъ свое мнѣніе и поступать сообразно этому мнѣнію, хотя бы оно рѣзко расходилось съ тѣмъ, что онъ, Попко, считалъ обязательнымъ для себя. Самъ онъ отказывался давать показанія на слѣдствіи и на судѣ, прямо разорвалъ съ родными, имѣвшими въ виду «припасть къ стопамъ» царя съ «мольбою о смягченіи его участи», но съ большою терпимостью относился къ тѣмъ, которые на допросѣ отказывались отъ участія въ партіи, пытались выгородить себя отъ компрометирующихъ обстоятельствъ, и за которыхъ «хлопотали». Немногимъ людямъ, входившимъ съ нимъ въ личныя сношенія, Попко не внушалъ самыхъ теплыхъ симпатій. Характеристиченъ фактъ, что Попко часто жаловался на свое неумѣнье сходитьсь съ людьми и говорилъ, что дорого далъ-бы за это умѣнье, между тѣмъ какъ люди сами охотно къ нему привязывались. Горячо любимая имъ дѣвушка, вполне раздѣлявшая его убѣжденія, готова была ѣхать за нимъ въ Сибирь; онъ на отрѣзъ отказался и на каторгѣ часто думалъ о томъ какъ бы привязанность къ нему не помѣшала ей всецѣло отдаться революціонному дѣлу. Но эта дѣвушка была достойна любви Гр. А. Даже предатель, выдавшій всѣхъ и имѣвшій полную возможность выдать Попко, умолчалъ о немъ, объясняя впослѣдствіи это тѣмъ, что «любилъ его, хотя и не зналъ за что, такъ какъ былъ мало съ нимъ знакомъ».

Характеристическою чертою Попко была еще ненависть ко всякой рисовкѣ, ко всякому эффекту, ненависть доходившая даже до отреченія отъ прежнихъ поступковъ, въ которыхъ его личность неизбежно выступала болѣе или менѣе ярко на видъ; до крайней конфузливости въ рѣчи, какъ только его только его слова дѣлались предметомъ общаго вниманія и онъ самъ—невольнымъ центромъ собранія. По этому самому онъ не былъ ораторомъ; на сходкахъ и передъ незнакомыми людьми говорилъ не охотно и мало, а то и вовсе молчалъ. За то онъ умѣлъ слушать и, при этомъ, до крайности раздражался всякою попыткою другихъ рисоваться, бить на эффектъ.

Много еще могъ-бы я рассказать о покойномъ, но это было бы повтореніемъ сказаннаго. Мнѣ было-бы больно, если-бы эта характеристика моего друга показалась «похвальнымъ словомъ». Но что же дѣлать, когда характеръ, дѣла, весь онъ, милый и дорогой товарищъ возбуждаетъ во мнѣ только умиленіе, благоговѣніе, удивленіе...

Да простится мнѣ, если я въ этомъ очеркѣ жизни горячо любимаго товарища допустилъ какую-либо ошибку или неточность. Я желалъ сказать лишь правду, да и лгать мнѣ было не для чего, говоря о *такомъ* человѣкѣ, какимъ былъ Г. А. Попко...

Такіе люди гибнутъ, а такіе какъ Фед. Курицынъ . . .
.....
.....
.....¹⁾.

Р. Стеблинъ-Каменскій.

¹⁾ Опускаемъ строки, направленныя по адресу послѣдняго и вызывающія къ мщенію. Фед.

Западные друзья Герцена.

(Окончаніе) ¹⁾.

Гарибальди

Отъ героевъ пера и слова мы переходимъ къ людямъ практической борьбы, къ итальянскимъ борцамъ за свободу. И хотя Герценъ по натурѣ и роду своей дѣятельности самъ принадлежалъ къ первымъ, но ни одинъ изъ нихъ не привлекалъ его къ себѣ такъ, какъ эти агитаторы, заговорщики и солдаты. Онъ высоко цѣнилъ Прудона, уважалъ Мишле, удивлялся таланту Гюго, — но влюбленъ онъ былъ въ Гарибальди и съ одушевленіемъ онъ говоритъ о дѣятельности Маццини, о характерѣ Орсини, о подвигахъ Пизакане и Чичероваккіо. Тутъ сказалось, разумѣется, и обычное обаяніе смѣлаго дѣла для всякой гамлетовской природы, но были и другія причины. Какъ это ни странно, итальянскій народный характеръ, повидимому, ближе къ русскому, нежели какой-либо другой національный характеръ въ Европѣ, и точкой сходства—это можетъ показаться еще болѣе парадоксальнымъ—является какая-то простота, отсутствіе рисовки, честность чувства и его проявленія у обоихъ. Есть разница въ темпераментѣ, но и только; итальянецъ страстенъ—и тѣмъ увлекаетъ русскаго, тогда какъ французъ риториченъ и кажется фальшивымъ. Именно этой чертой психологическаго родства объясняется, вѣроятно, и то обстоятельство, что на поприщѣ революціонной дѣятельности русскіе сближаются съ итальянцами чрезвычайно легко и тѣсно: стоитъ вспомнить Бакунина, Льва Мечникова, Степняка. Да и вообще, ни одно освободительное движеніе не представляетъ такого сходства съ нашимъ—и по общему характеру, и по типамъ борцовъ,—какъ итальянское, при всемъ различіи между освобожденіемъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Но и помимо этихъ общихъ причинъ, самыя личности итальянскихъ друзей Герцена были таковы, что при одномъ перечисленіи ихъ именъ понятнымъ становится очарованіе, которое они производили на него. Они не только блещутъ всемірной славой, эти имена Гарибальди, Маццини, Орсини, Саффи,—звукъ ихъ именъ не только

¹⁾ См. „Былое“, апрѣль.

вызываетъ въ памяти картины необыкновенныхъ дѣлъ и необыкновенныхъ превратностей, безпримѣрнаго героизма и титанической борьбы: главное то, что ихъ образы сіяютъ въ прошломъ такой удивительной человѣческой красотой, передъ которой не меркнетъ развѣ только плеяда нашей «Народной Воли». Въ нихъ сочеталась великая духовная мощь съ необычайной чистотой характера; это были люди большого калибра, исключительно одаренные въ смыслѣ ума и воли, и вмѣстѣ—идеалисты чистѣйшей воды, такъ что вся сила была гармонически подчинена въ нихъ высокому стремленію духа, свѣтлой мечтѣ человѣческой. И все это во-внѣ было такъ строго и просто, такъ ласково и *ирустно*, какъ пѣсни генуэзскихъ рыбаковъ. Ихъ дѣятельность была элементарна: заговоры, возстанія, походы; но мыслили они глубоко и сложно, и далеко заглядывали вдаль. Въ будни люди суроваго практическаго дѣла, они въ свободныя минуты оказывались на одномъ уровнѣ съ самыми передовыми умами вѣка,—и даже впереди многихъ, либо свободою духа, какъ Гарибальди, либо глубиною прозрѣнія, какъ Маццини. Такимъ образомъ, они и умственно были по плечу Герцену.

Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ Гарибальди, послѣдней легендарной личности въ исторіи Европы, народному герою, всю жизнь служившему свободѣ народовъ—въ родной Италіи, въ Южной Америкѣ, во Франціи, республиканцу и демократу до мозга костей; его Герценъ любилъ всего нѣжнѣе и восторженнѣе.

Они познакомились въ Лондонѣ въ 1854 году. Гарибальди было уже подъ пятьдесятъ. За нимъ было 20 лѣтъ борьбы и скитаній, смертный приговоръ и тысячи смертельныхъ опасностей, Южная Америка и геройская оборона Рима въ 49 году; онъ былъ кумирь итальянскаго народа и герой въ глазахъ всего міра, его статуэтки продавались во всей Европѣ. Онъ опять провелъ теперь четыре года въ Южной Америкѣ, куда уѣхалъ послѣ потери Рима и любимой Аниты; весной 1854 г. онъ вернулся оттуда въ Европу, приведа изъ Бостона въ Лондонъ американскій корабль Commonwealth,—и тутъ то, въ Индійскихъ докахъ, Герценъ былъ представлень ему Гаукомъ и Орсини.

Герценъ въ разныхъ мѣстахъ рассказалъ, какое впечатлѣніе простоты и силы произвелъ на него этотъ герой, «цѣликомъ взятый изъ Корнелія Непота», какъ они завтракали вчетверемъ въ его каютѣ, какъ Гарибальди въ тотъ же день, засидѣвшись поздно въ Лондонѣ, ночевалъ у Герцена, и на слѣдующій день пошелъ гулять съ Сашей, сыномъ Герцена, и съ прогулки принесъ къ обѣду сдѣланный въ городѣ дагерротипъ Саши. Ихъ раздѣляло, казалось-бы, непреодоли мое пространство. Прошлое и дѣятельность—все было у нихъ различно. Одинъ—человѣкъ практическаго и грубаго дѣла, простой морякъ и вождь ополченій, другой—аристократъ по привычкамъ, человѣкъ мысли и нервъ, гибкій, тонкій, блестящій, изящный умъ... Значить, сильна же была въ обоихъ та общая черта, которая ихъ связала,—преданность дѣлу свободы, и, очевидно, прекрасна была въ своемъ существѣ, подъ внѣшнимъ блескомъ, личность Герцена, если такъ сразу, несмотря на всѣ различія, полюбилъ его мудрый и простой народный

герой Италиі! А что онъ полюбилъ его отъ души, объ этомъ свидѣтельствуя два письма Гарибальди, писанныя имъ Герцену тотчасъ послѣ этого перваго знакомства. Первое помѣчено: Лондонъ, 14 марта 1854. Повидимому, Саша Герценъ и Мальвида Мейзенбургъ (гувернантка дѣтей Герцена) посѣтили Гарибальди на его суднѣ, тогда какъ самъ Герценъ принужденъ былъ остаться дома. «Соотечественникъ», о которомъ говорится и въ этомъ, и въ слѣдующемъ письмѣ,—тотъ бѣглый русскій матросъ, котораго Гарибальди, по просьбѣ Герцена, нанялъ къ себѣ и который еще до отплытія сбѣжалъ съ корабля, бросивъ свои пожитки (Герценъ разказалъ этотъ эпизодъ въ «Лондонской вольницѣ 50-хъ годовъ»).

«Дорогой Герценъ,—пишетъ Гарибальди ¹⁾.—Ваше нездоровье лишило меня удовольствія видѣть васъ, и я сержусь на него за это; надѣюсь, что оно смилостивилось и теперь уже оставило васъ. М-Не и Александръ сдѣлали все, чтобы оживить и украсить каюту *Comptonwealth'a*. Вашъ соотечественникъ ведетъ себя прекрасно и я надѣюсь, что мы всегда будемъ друзьями. Мнѣ, конечно, нѣтъ надобности въ немъ, чтобы вспоминать васъ, но я чувствую къ нему расположеніе, потому что онъ отъ васъ. Если успѣю, то буду у васъ; во всякомъ случаѣ я вашъ другъ навѣки. Вашъ Дж. Гарибальди».

Второе письмо датировано 26-мъ марта; оно писано уже изъ Ньюкестля, куда, по пути къ берегамъ Италиі, Гарибальди зашелъ изъ Лондона за углемъ. «Какъ вы уже вѣрно знаете теперь, вашъ соотечественникъ остался въ Лондонѣ; признаюсь, это было мнѣ очень досадно. Часть его вещей осталась здѣсь, и я хотѣлъ бы знать, думаете-ли вы прислать его сюда, или я долженъ доставить вамъ его вещи? Напишите мнѣ вашъ адресъ; я не совсѣмъ увѣренъ въ немъ. Сердитесь ли вы на меня за то, что я не написалъ вамъ тотчасъ? Будьте терпѣливы. Я сердцемъ вашъ другъ. Что подѣлываетъ Александръ, любезная гувернантка и ваши прелестныя дѣвочки? Я надѣюсь увидѣться съ вами въ Ниццѣ, и это будетъ праздникомъ для меня. Прощайте, милый Герценъ, не забывайте вашего Дж. Гарибальди».

Но Герценъ надолго основался въ Лондонѣ, и они снова увидѣлись только десять лѣтъ спустя.

За этотъ промежутокъ они дважды обмѣнялись письмами. Первый разъ это было въ дни, равно памятные для обоихъ—въ апрѣлѣ 1861 года. Извѣстно, чѣмъ былъ 60-й годъ въ жизни Гарибальди и въ нераздѣльно слившейся тогда съ нею исторіи Италиі; въ этотъ годъ Гарибальди освободилъ пол-Италиі и, ставъ ея невѣнчаннымъ королемъ, такъ же просто отдалъ ненужную ему корону Виктору-Эммануилу, какъ на другой день послѣ коронованія послѣдняго рано утромъ отплылъ на Капреру съ мѣшкомъ нужныхъ ему для посѣва бобовъ. Это было въ ноябрѣ 1860 г., и въ январѣ слѣдующаго Герценъ писалъ: «Гарибальди сдѣлался еще больше «лицомъ изъ Корнелія Непота»; онъ такъ антично великъ въ своемъ хуторѣ, такъ простодушно, такъ чисто великъ, какъ описаніе Гомера, какъ грече-

¹⁾ Всѣ письма итальянскихъ друзей Герцена писаны по-французски, исключая одно письмо Гарибальди, 1863 г., писанное по-итальянски.

ская статуя. Нигдѣ ни риторики, ни декораций, ни дипломатіи,—въ эпопеѣ онѣ были ненужны».

Въ мартѣ открылся въ Туринѣ первый парламентъ созданнаго имъ итальянскаго королевства, и въ началѣ апрѣля Гарибальди прибылъ въ Туринъ, чтобы занять свое мѣсто въ качествѣ депутата отъ Неаполя. Онъ только временно промѣнялъ мечъ на трибуну: онъ весь былъ во власти одной жгучей мысли—освободить Римъ.

И туть-то, тотчасъ по приѣздѣ въ Туринъ, узнавъ впервые о русскихъ событіяхъ—о тѣхъ варшавскихъ убійствахъ, которыми обогрѣны были руки, только что расковавшія русскихъ крестьянъ—онъ, еще до своего знаменитаго появленія въ парламентѣ (первые дни въ Туринѣ онъ былъ прикованъ къ постели жестокимъ припадкомъ ревматизма и явился въ парламентъ только 18-го апрѣля)—уязвленный за русскій народъ и за Польшу, 13-го написалъ письмо Герцену, которое телеграфъ разнесъ по всему свѣту еще раньше, чѣмъ оно дошло до Герцена. Онъ писалъ: «Любезный Герценъ! Недавно слово освобожденія крестьянъ въ Россіи было принято съ восторгомъ и удивленіемъ всей Европой. Государь, начавшій и совершившій это великое дѣло, однимъ этимъ ужъ поставилъ себя въ числѣ величайшихъ благодѣтелей человѣчества. А теперь—я это говорю съ горестью—доброе дѣло запятнано невинной кровью. Теперь долгъ всѣхъ, которые рукоплескали великому поступку, поднять голосъ проклятія на совершителей отвратительнаго злодѣяства. Пусть вашъ журналъ, справедливо оцѣненный въ Россіи, передастъ слово сочувствія отъ народа итальянскаго несчастной и героической Польшѣ и слово благодарности тѣмъ храбрымъ воинамъ русскимъ, которые, какъ Поповъ, сломали свою саблю, чтобы не обрагить ее въ крови народа; передайте съ тѣмъ вмѣстѣ крикъ негодованія народовъ европейскихъ противъ виновника гнусной бойни».

Герценъ напечаталъ это письмо въ ближайшемъ же номерѣ «Колокола» (отъ 1 мая) вмѣстѣ со своимъ отвѣтомъ, гдѣ присоединялъ свой голосъ къ проклятію Гарибальди.

Второй разъ это было въ концѣ 1863 г., въ разгаръ польскаго возстанія или, вѣрнѣе, жестокой расправы, слѣдовавшей за нимъ. 21 ноября Герценъ изъ Флоренціи обратился къ Гарибальди съ обширнымъ письмомъ, предназначеннымъ для печати и дѣйствительно напечатаннымъ нѣсколько позднѣе въ «Колоколѣ» (отъ 15 января 1864 г.). «Я собирался посѣтить васъ,—писалъ онъ;—мнѣ хотѣлось еще разъ пожать вашу руку съ глубокимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Я слышалъ, что вы не забыли меня. Но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италію раньше чѣмъ думалъ, и хочу воспользоваться поѣздкой къ вамъ общаго друга нашего, чтобы посѣтить васъ письменно». Его письмо, говоритъ онъ, имѣетъ особую цѣль. Свирѣпость правительства, подлые крики газетъ и рукоплесканія деморализованной и обманутой толпы могутъ внушить Западу мысль, что всѣ толки о русскомъ освободительномъ движеніи были или преднамѣреннымъ обманомъ, или бредомъ больного воображенія: «Этого мы вынести не можемъ. Мы себя чувствуемъ слишкомъ живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я пишу къ вамъ

для того, чтобъ свидѣтельствовать, что мы вовсе не умерли, что движеніе русское вовсе не подавлено и вообще по сущности своей неподавляемо». И сказать это онъ хочетъ именно ему, *мужу народовъ*, радѣтелю и кумиру народныхъ массъ: онъ, мужъ красной рубахи, не вправѣ не знать, что дѣлается въ темныхъ глубинахъ русскаго народнаго моря.—И дальше слѣдуетъ сжатый очеркъ «соціальной религіи русскаго народа»—сознанія права на землю—и обусловленнаго этой религіей неудержимаго процесса, первымъ этапомъ котораго было уничтоженіе крѣпостнаго права, вторымъ будетъ политическая эмансипація. Въ заключеніе Герценъ характеризуетъ отношеніе къ польскому возстанію различныхъ слоевъ русскаго общества; правительство дьявольскою хитростью добилось того, что въ народѣ, сначала безучастномъ, вспыхнула ненависть противъ поляковъ: оно стало выдавать польское возстаніе за шляхтскій и католическій мятежъ, а себя самого—за защитника польскаго крестьянства и православія.

Гарибальди отвѣчалъ на это письмо 23 декабря съ Капреры, и отвѣчалъ такъ, какъ Герценъ, повидимому, не ожидалъ. «Я получилъ ваше дорогое письмо,—писалъ онъ;—для меня оно документъ. Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы, и что онъ неповиненъ ни въ виленскихъ истязаніяхъ, ни въ варшавскихъ висѣлицахъ; я знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ воли и будущаго, я помню многихъ офицеровъ, которые предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству въ Польшѣ, святія имена Попова и Аргольта глубоко отпечатлѣлись въ памяти моей; ихъ имена будетъ повторять исторія вмѣстѣ съ именами ихъ товарищей по мученичеству. Но мнѣ кажется, что Польша, въ которой бичуютъ женщинъ и вѣшаютъ юношей, должна была бы возбудить состраданіе народа русскаго, по крайней мѣрѣ, въ той благородной части его, къ которой вы принадлежите, и въ ней возбудить протестъ болѣе торжественный, чѣмъ слова».—Эти строки обожгли Герцена неотразимой правдой, и въ статьѣ, которою онъ сопровождалъ отвѣтъ Гарибальди въ «Колоколѣ» (1 февраля 1864 г.), онъ писалъ, что при чтеніи ихъ у него навернулись горькія слезы стыда и боли. Заступникъ народовъ взглянулъ на дѣло практически—и задѣлъ страшно - болѣзненную струну въ душѣ Герцена.

Нѣтъ сомнѣнія, что нравственный обликъ и жизнь Гарибальди вообще возбуждали въ Герценѣ горькое чувство стыда и боли: ему, русскому лишнему человѣку, такъ далеко оторванному отъ народа и такъ больно сознававшему эту оторванность, нельзя было не чувствовать зависти при видѣ дѣятеля истинно-народнаго, въ которомъ непосредственно и прямо циркулировали кровь и психика родныхъ народныхъ массъ. И далѣе: съ этимъ болѣзненнымъ чувствомъ своего соціального одиночества въ Герценѣ еще съ давнихъ лѣтъ, съ Москвы и Новгорода, соединялось горькое сознаніе, что практическое дѣло для него невозможно, что онъ на всю жизнь обреченъ только мыслить и писать; и несомнѣнно, что даже въ годы наибольшаго успѣха «Колокола», горечь практическаго безсилія не покидала Герцена. Вотъ почему онъ былъ влюбленъ въ Гарибальди, какъ ни въ кого изъ современныхъ ему борцовъ за свободу человѣчества. Въ его глазахъ Гари-

бальди былъ окруженъ двойнымъ ореоломъ—органическаго единства со своимъ народомъ, и *дѣйствительно* служенія своей идеѣ.

Съ этой точки зрѣнія необыкновенно любопытенъ разсказъ Герцена о знаменитой поѣздкѣ Гарибальди въ Англію въ апрѣлѣ 1864 г., его великолѣпная *Camicia rossa*. Здѣсь все одинаково характерно: и какъ велъ себя Герценъ въ тѣ памятные дни, и какъ онъ разсказываетъ о нихъ. Онъ не видѣлъ Гарибальди съ того перваго свиданія въ 1854 году. Приѣздъ итальянскаго героя, безпримѣрныя въ англійской исторіи оваціи, которыхъ онъ сталъ предметомъ, были для Герцена какъ-бы личнымъ праздникомъ; онъ съ гордостью и восхищеніемъ описываетъ ихъ, и не устаетъ любоваться своимъ любимцемъ. Когда онъ говоритъ о личности Гарибальди, въ его голосѣ есть какой-то пѣтеть, вообще несвойственный ему: можно подумать, что Гарибальди въ его глазахъ—существо другой, высшей породы. Онъ жадно ищетъ въ его лицѣ «секретъ той силы», которая все покоряла ему—кучку рыбаковъ въ Ниццѣ, его пестрое войско въ походахъ, народныя массы всѣхъ странъ. Гарибальди задумался на минуту—«по его лицу, какъ тучи по морю, пробѣгаютъ какія-то мысли»; и это не просто мысли, хотя бы глубокія и сложныя,—нѣтъ: это душевныя движенія, невѣдомыя обыкновеннымъ людямъ, и глядя на его задумчивость, Герценъ спрашиваетъ себя: «ужасъ ли то передъ судьбами, лежащими на его плечахъ, передъ тѣмъ народнымъ *помазаніемъ*, отъ котораго онъ уже не можетъ отказаться? Сомнѣніе ли послѣ того, какъ онъ видѣлъ столько измѣнъ, столько паденій, столько слабыхъ людей? Испушеніе ли величія?..» Герценъ зналъ близко всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, но *такъ* онъ ни на кого не смотрѣлъ и ни о комъ не разсказываетъ. Въ своей восторженной влюбленности онъ доходитъ до восхищенія самымъ *костюмомъ* своего кумира, и дважды возвращается къ этому предмету: «Костюмъ его, скажу еще разъ, необыкновенно идетъ къ нему и необыкновенно изященъ; въ немъ нѣтъ ничего профессионально-солдатскаго и ничего буржуазнаго, онъ очень простъ и очень удобенъ», и т. д.

Да,—но этотъ костюмъ—символь: вотъ почему онъ восхищаетъ Герцена; «въ красной рубашкѣ народъ узнаетъ себя и своего». Гарибальди для Герцена—великій плебей, которому подобаешь и плебейское платье. Это просто человѣкъ, человѣкъ изъ народа, схватившійся за оружіе, чтобы прогнать разбойниковъ изъ отчуждающаго дома, и именно въ этомъ своемъ чувствѣ онъ сдился съ народомъ и принялъ отъ него помазаніе, именно это поняла толпа «тѣмъ ясновидѣніемъ, тѣмъ откровеніемъ, которымъ нѣкогда римскіе рабы поняли непонятную тайну пришествія Христа и толпы страждущихъ и обремененныхъ, женщинъ и старцевъ, молились кресту казненнаго». Это можетъ показаться смѣшнымъ, но Герценъ даже ничтожное количество кражъ въ толпѣ при семи-часовомъ триумфальномъ вѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ объясняетъ этой народностью Гарибальди: англійская толпа груба, сборища ея не обходятся безъ дракъ и, главное, многочисленныхъ кражъ,—но на этотъ разъ порядокъ былъ удивительный: «народъ понялъ, что это *его* праздникъ, что онъ чествуетъ одного изъ *своихъ*, что онъ больше, чѣмъ свидѣтель».

Все время пребыванія Гарибальди въ Англіи Герценъ поглощенъ имъ однимъ. Культъ знаменитостей нимало не былъ въ натурѣ Герцена,—напротивъ, обычно онъ склоненъ скорѣе къ ироніи и непочтительной остротѣ: это былъ у него своего рода *point d'honneur*, непринужденность свободомыслящаго человѣка. Но тутъ онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ соображенія, даже почти самолюбіе; онъ бѣгаетъ за Гарибальди, какъ влюбленный мальчикъ, и потомъ безъ прикрасъ рассказываетъ это. На англійскомъ берегу Гарибальди высадился въ Соутгемптонѣ, откуда чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ прѣхать въ Лондонъ. Герцену невтерпежъ дожидаться, онъ бросается въ Соутгемптонъ; узнавъ, что Гарибальди уѣхалъ на о. Уайтъ, онъ спѣшитъ туда, попадаетъ въ Коусъ въ 9 час. вечера, ночуетъ въ отелѣ, на завтра встаетъ въ 6 час. и въ семь, наконецъ, добивается видѣть Гарибальди. Что ему собственно нужно было?—Онъ хотѣлъ предупредить Гарибальди о тѣхъ интригахъ, которыя ждуть его на англійской почвѣ и цѣль которыхъ—очернить Маццини и пр. Но въ Лондонѣ было довольно итальянскихъ патриотовъ, друзей Гарибальди и Маццини, которые, конечно, не преминули бы это сдѣлать (напримѣръ, Саффи), и чужеплеменному Герцену, казалось бы, незачѣмъ было забѣгать и соваться въ чужія дѣла. Мало того: послѣ свиданія Герценъ заходитъ въ ресторанъ пообѣдать и, пробѣгая «Times», встрѣчаетъ въ немъ гадкую статью, полную восторговъ передъ Гарибальди и инсинуаций на Маццини; онъ требуетъ бумаги и пишетъ горячее письмо секретарю Гарибальди, прося его прочесть статью въ «Times» генералу: «Мнѣ 52 года,—пишетъ онъ въ этомъ письмѣ,—но признаюсь, что слезы негодованія навертываются на глазахъ при мысли объ этой несправедливости», и пр.—Кончился этотъ день тѣмъ, что обратно чрезъ Соутгемптонъ въ Лондонъ Герценъ попалъ ночью и, не найдя комнаты въ гостиницѣ, только въ 3-мъ часу ночи добрался до постели въ грязной комнатѣ какого-то французскаго ресторана. Герценъ жилъ тогда въ Теддингтонѣ, небольшомъ городкѣ, верстахъ въ 20 отъ Лондона.

Дальше: по прѣздѣ Гарибальди въ Лондонъ Герцена осѣнила счастливая мысль—устроить у себя дома официальное примиреніе Гарибальди съ Маццини, пригласивъ обоихъ на обѣдъ. Согласіе обоихъ было получено,—но какихъ усилій стоило ему уладить это дѣло, какую борьбу пришлось ему выдержать съ окружающими Гарибальди, сколько дипломатическаго искусства пустить въ ходъ по мелочамъ! Онъ кое-что рассказываетъ, вдвое больше угадывается за его строками. А потомъ—это приглашеніе Ледрю-Роллена, котораго Гарибальди хотѣлъ видѣть, хлопоты по заказу обѣда, прѣздъ Герцена въ Лондонъ за своимъ гостемъ, чтобы везти его къ себѣ и пр., и пр. Конечно, Герценъ искренно хотѣлъ помочь примиренію Гарибальди и Маццини; безъ сомнѣнія также онъ былъ правъ, когда, приглашая Гарибальди, говорилъ, что этотъ визитъ къ нему великаго человѣка будетъ ободреніемъ вообще для всѣхъ борцовъ за свободу въ Россіи; была тутъ, конечно, и доля тщеславія,—но главнымъ стимуломъ, несомнѣнно, было это обожаніе Гарибальди, о которомъ мы выше говорили. Въ домѣ Герцена Гарибальди пробылъ едва ли больше полутора часовъ, а

мѣсяцъ спустя Герценъ въ такихъ выраженіяхъ отзывался объ этомъ днѣ: «День этотъ удался необыкновенно и былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, безоблачныхъ и прекрасныхъ дней послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Въ немъ была удивительная ясность и полнота, въ немъ была эстетическая мѣра и законченность, очень рѣдко случающіяся... Такіе дни представляютъ вершины... дальше, выше, въ сторону—ничего, какъ въ пропѣтыхъ звукахъ, какъ въ распустившихся цвѣтахъ».

А на слѣдующій день послѣ посѣщенія, 18 апрѣля, Герценъ написалъ письмо къ Гарибальди, гдѣ говоритъ между прочимъ: «Вамъ я обязанъ лучшимъ днемъ моей зимы, днемъ ясности безусловной, и за то еще разъ обнимаю васъ съ пламенной благодарностью, съ глубокой любовью и безграничнымъ уваженіемъ» ¹⁾).

Есть что-то трогательное въ этомъ смиреніи и обожаніи, съ которыми великій русскій интеллигентъ-мыслитель преклонился предъ человѣкомъ *народа и дѣла*.

Они увидѣлись потомъ еще разъ, должно быть, мимолетно, въ февралѣ 1867 г. въ Венеціи, но объ этомъ свиданіи мы ничего не знаемъ.

Маццини.

Легко представить себѣ, что передъ лицомъ Гарибальди, невольно сравнивая себя съ нимъ, Герценъ чувствовалъ себя маленькимъ и мелкимъ: эта великая плебейская простота и цѣльность, эта неподдѣльная наивность, которой онъ не перестаетъ восхищаться въ Гарибальди, словно уличали его самого, и ему, можетъ быть, становилось стыдно собственной сложности, самооглядки, рефлексии.

Нѣчто подобное, но въ другомъ родѣ, переживалъ онъ, вѣроятно, и въ общеніи съ Маццини. Это былъ фанатикъ и аскетъ, человѣкъ непреклонной воли и страстной энергіи, съ горящими черными глазами на исхудаломъ лицѣ, весь устремленный на одну цѣль, о которомъ можно было сказать словами русскаго поэта:

Онъ зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

Этой единой упорной и пламенной думѣ онъ былъ обязанъ своимъ магическимъ вліяніемъ на людей, и она-то придавала такую красоту его образу. Если Гарибальди творилъ матеріалъ для эпоса, то Маццини самъ былъ *Symphonia heroica*.—Здѣсь было чему позавидовать. Самымъ своимъ существованіемъ Маццини создавалъ единство Италіи. Въ 1861 году, когда пол-Италіи уже было освобождено подвигами Гарибальди, но Римъ еще находился во власти папы, Герценъ въ прелестномъ художественномъ образѣ такъ опредѣлилъ роль Маццини: «Односторонній, вѣчно занятый одной идеей, вѣчно на стражѣ и готовый... Маццини не спитъ. День и ночь, ловя рыбу и ходя на охоту, ложась и вставая, Гарибальди и его сподвижники видятъ худую, печальную руку Маццини, указывающую на Римъ,—и

¹⁾ Въ тотъ же самый день, 18-го, Герценъ описалъ этотъ обѣдъ въ письмѣ къ сыну, Александру Александровичу, находившемуся тогда во Флоренціи; это письмо въ переводѣ было напечатано 24 апрѣля въ *Il Progresso*, № 24.

они пойдутъ туда!» По широтѣ и свободѣ ума Герценъ стоялъ несравненно выше Маццини, ему была жалка догматичность и ограниченность его идей о «религии долга», объ «освобожденіи міра Италіей»; но, кто знаетъ,—чего не отдалъ бы онъ, будь на то его власть, за это могучее лучеиспусканіе индивидуальной воли, болѣе неотразимое, чѣмъ доводы самыхъ блестящихъ статей! Онъ многократно писалъ о Маццини, и каждый разъ въ его характеристикѣ рельефно выступаютъ двѣ черты, точно двѣ стороны монеты: манія, какъ несвобода духа, и манія, какъ нравственное величіе. Въ его глазахъ Маццини—человѣкъ, *одержимый* своей идеей, ея рабъ, но зато ея покоряющей массы. Онъ говоритъ объ его упорствѣ въ стремленіи къ единству Итали: «Въ этомъ непреклонномъ постоянствѣ, въ этой вѣрѣ, идущей наперекоръ фактамъ, въ этой неутомимой дѣятельности, которую неудача только вызываетъ и подзадориваетъ, есть что-то великое и, если хотите, что-то безумное. Часто эта-то доля безумія и обуславливаетъ успѣхъ, она дѣйствуетъ на нервы народа, увлекаетъ его. Великій человѣкъ, дѣйствующій непосредственно, долженъ быть великимъ маньякомъ». Передавая свой разговоръ съ Маццини о Леопарди, онъ говоритъ, что отрицательное отношеніе Маццини къ этому замѣчательному поэту его не удивило: такому человѣку не могли быть понятны эти ядовитыя раздумья и сомнѣнія. Но Маццини напалъ на Леопарди съ ожесточеніемъ; «мнѣ было,—говоритъ Герценъ,—очень досадно; разумѣется, онъ на него очень сердился за то, что онъ ему не годился на пропаганду... Это возмутительное стѣсненіе личностей, подчиненіе ихъ категоріямъ, кадрамъ,—точно историческое развитіе—барщина, на которую сотскіе гонятъ, не спрашивая воли, слабого и крѣпкаго, желающаго и не желающаго». Но вотъ другой разговоръ—и другая сторона медали: первое свиданіе Герцена съ Маццини послѣ основанія итальянскаго королевства въ 1861 году. Маццини только-что вернулся изъ Неаполя, гдѣ Гарибальди вѣнчалъ двойной короной Виктора-Эммануила. Маццини не хотѣлъ довольствоваться полу-побѣдой: онъ требовалъ тотчасъ же похода на Римъ; это было неудобно и опасно, Гарибальди отвернулся отъ патріота-фанатика, пьемонтское правительство травило его, неаполитанская чернь, подстрекаемая агентами Кавура, подступала къ дому, гдѣ онъ жилъ, съ криками: «Смерть Маццини!»—и онъ вернулся въ Лондонъ, чтобы продолжать свой медленный и упорный подкопъ къ Риму. Герценъ видѣлся съ нимъ тотчасъ по возвращеніи. «Сердце шемило, когда я его увидѣлъ,—говоритъ Герценъ;—я все же ждалъ найти его *грустнымъ, оскорбленнымъ въ своей любви*»; но Маццини встрѣтилъ его восторженнымъ крикомъ: «итакъ, наконецъ-то сбывается!» и съ гордостью и любовью говорилъ о Гарибальди, объ освобождающейся Итали. Герценъ повторяетъ: «Слушая его, я хотѣлъ поймать одну ноту, одинъ звукъ обиженнаго самолюбія, и не поймалъ». Характерно, что онъ искалъ этого; человѣку типа Маццини такая мысль и не пришла бы въ голову.

Герценъ познакомился съ Маццини въ Женевѣ въ 1849 году и видѣлся съ нимъ тогда раза два; потомъ, въ 1850 г., Маццини, тайно находясь во Франціи, присылалъ за нимъ, сообщилъ ему планъ основанія въ Лондонѣ международнаго комитета и спрашивалъ, согласится

ли онъ участвовать въ этомъ комитетѣ, какъ представитель русской демократіи; годъ спустя, осенью 1851 года, когда комитетъ былъ основанъ, они обмѣнялись по этому поводу письмами, причѣмъ Герценъ отклонилъ предложеніе Маццини ¹⁾. Осенью 1852 г., переселившись въ Лондонъ, онъ одинъ изъ первыхъ своихъ визитовъ сдѣлалъ Маццини, который, по его словамъ, принялъ самое теплое и дѣятельное участіе въ несчастіяхъ, постигшихъ за послѣдній годъ семью Герцена (притомъ, итальянскіе друзья Маццини поручили ему ознакомить послѣдняго съ положеніемъ дѣлъ въ Италіи, гдѣ Герценъ прожилъ передъ этимъ два года). Въ ближайшія десять лѣтъ, живя оба въ Лондонѣ, они видѣлись довольно часто и во всякомъ случаѣ держались на дружеской ногѣ. Герценъ нѣсколько разъ отмѣчаетъ, что при встрѣчахъ Маццини протягивалъ ему *обѣ* руки; и сохранившіяся письма къ нему Маццини свидѣтельствуютъ о чувствѣ, которое можно назвать братской любовью въ истинѣ, и которое въ дни испытаній умѣло находить слова, полныя нѣжнаго и глубокаго участія.

Таково было письмо, которое Маццини послалъ Герцену 27 мая 1852 года, тотчасъ послѣ смерти Наталіи Александровны: Маццини былъ, повидимому, освѣдомленъ о семейной драмѣ, предшествовавшей ея концу. «Братъ мой,—писалъ онъ,—я только изъ газетъ узналъ о случившемся. Гаугъ больше не писалъ со смерти вашей Наталіи. Все это время я оставался въ неизвѣстности; теперь роковая вѣсть дошла до меня. Я не собираюсь васъ утѣшать; васъ могутъ утѣшить только Богъ да ваши дѣти. Я хочу только сказать вамъ, что страдаю за васъ и съ вами. Я понимаю всѣ ваши страданія,—больше того: я чувствую незаполняемую пустоту, чувствую ту черную тѣнь, которая ложится на всю жизнь и обрекаетъ на изгнаніе душу, какъ царь обречь на изгнаніе ваше тѣло. И когда насъ поражаетъ не рука судьбы, а рука человѣка, рука негодяя, что-нибудь, чего можно было избѣгнуть и что ускорило катастрофу,—тогда горечь во сто разъ горше, и безвѣріе отчаянія грозитъ человѣку. Я чувствую все это, и всетаки хочу сказать вамъ: мужайтесь! страдайте, но не падайте духомъ; каковы бы ни были ваши вѣрованія, страдайте такъ, какъ этого хотѣла бы она. Мнѣ всегда казалось, что смерть любимыхъ нами должна въ особенности дѣлать насъ лучшими. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы мы могли впасть въ грѣхъ, въ косность, въ себялюбіе, когда между нами и будущимъ міромъ стоитъ ангелъ. Живетъ ли этотъ ангелъ только въ воспоминаніи, какъ вы думаете, или онъ живетъ и бодрствуетъ болѣе реально, какъ вѣрю я, вашъ долгъ тотъ же: дѣлать все, что могло бы вызвать улыбку на ея лицѣ, и не дѣлать ничего, что она при жизни осудила бы. Вотъ все, что я хотѣлъ напомнить вамъ, мой другъ, и крѣпко пожать вамъ руку въ знакъ уваженія и любви. Это—рукопожатіе человѣка, который хорошо знаетъ жизнь и ея скорби, который жаждаль привязанностей и неизмѣнно видѣлъ ихъ крушеніе, который страдалъ и чувствуетъ чужое страданіе. Что вы думаете теперь предпринять? Гаугъ писалъ, что если несчастіе случится, вы уѣдете въ Америку. Не уѣзжайте туда!

¹⁾ Его письмо приведено въ гл. XL „Былого и Думъ“.

Останьтесь въ Европѣ, съ нами, старыми борцами. Что вы найдете въ Америкѣ? Свободу? Но развѣ она не съ вами? Задача въ томъ, чтобы создавать свободу гдѣ ея нѣтъ. Помогайте мнѣ въ этомъ. Вамъ, какъ и мнѣ, осталось одно—культъ великой идеи, культъ не созерцательный по-восточному, но по-европейски дѣйственный и стойкій безъ конца, до побѣды. Помогайте мнѣ и прїѣзжайте ко мнѣ, или поселитесь въ Швейцаріи; вы будете тамъ полезны и будете видѣть меня. Простите, мой другъ. Любите меня, какъ я люблю васъ».

Большая часть сохранившихся писемъ Маццини къ Герцену писаны въ Лондонѣ и адресованы здѣсь же, въ тѣ предмѣстья Лондона, гдѣ обыкновенно жилъ Герценъ; поэтому всѣ они помѣчены только днемъ недѣли, безъ указанія мѣсяца и года. Они очень хорошо рисуютъ отношенія и интересы, связывавшіе Герцена съ Маццини.

Вотъ рядъ писемъ Маццини, относящихся къ 1854 г., ко времени передъ самымъ началомъ Восточной войны; упоминаемый въ нихъ адресъ къ русскимъ солдатамъ—безъ сомнѣнія та прокламація, которая находится теперь на стр. 320—326-ой V тома женевского изданія сочиненій Герцена, подъ заглавіемъ: «Вольная русская община въ Лондонѣ—русскому воинству въ Польшѣ»; она помѣчена 26 марта 1854 г.

«Любезный Герценъ. Кошутъ пишетъ мнѣ, «что онъ беретъ переправить 50 или 100 экземпляровъ чрезъ Константинополь и столько же чрезъ Бѣлградъ, что онъ будетъ радъ васъ видѣть, если вы сдѣлаете ему честь посѣтить его, и что онъ хотѣлъ бы знать ваши соображенія о томъ, что, по вашему мнѣнію, можно было бы сдѣлать въ Россіи при предстоящемъ кризисѣ», и «что онъ былъ бы радъ знать содержаніе прокламацій, такъ какъ самъ не владѣетъ русскимъ языкомъ». Это все, теперь рѣшеніе за вами. Простите, тороплюсь. Вашъ другъ—Юсифъ». Здѣсь была рѣчь еще не о прокламаціи къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ, а о какой-то другой, предшествовавшей той. Вѣроятно спустя нѣсколько недѣль Маццини писалъ: «Кошутъ вамъ напишетъ. По его словамъ, все это произошло оттого, что вы не подписали внизу ваше имя, чтобы перенести его наверхъ. Если онъ извинится предъ вами въ письмѣ, будьте снисходительны къ нему: въ настоящую минуту необходимо, чтобы всѣ патріоты—русскіе, венгры, поляки, румыны—отбросили всякую частную мысль и служили всѣ одной—Добру. Работаете ли вы надъ вашимъ обращеніемъ къ русскимъ солдатамъ? Это какъ разъ то, что намъ нужно. Ваше предыдущее пошло частью чрезъ Константинополь, частью чрезъ Бѣлградъ, но съ каждымъ днемъ становится вѣроятнѣе, что загремятъ пушки. До свиданія. Простите, что не навѣщаю васъ; я заваленъ дѣломъ по горло. Вашъ братъ I. Маццини». Еще спустя короткое время писано третье письмо. «При первой возможности доставьте мнѣ рукописный экземпляръ вашей прекрасной прокламаціи къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ. Я предпочитаю, чтобы въ наши итальянскія газеты она попала отъ насъ, а не изъ «Nation». Велите переписать ее на тонкой бумагѣ, чтобы можно было послать ее по почтѣ». Дальше, намекая безъ сомнѣнія на предстоящую экспедицію Орсини, онъ пишетъ: «Мой другъ, минута торжественна. Я не говорю вамъ: «помогите мнѣ», но говорю: «постарайтесь найти какую-нибудь поддержку нашимъ друзьямъ». Имъ

дѣйствительно нужно—и это важно для насъ всѣхъ—послать нѣсколько человѣкъ. Было бы несчастіемъ, еслибы это имъ не удалось. Европейская демократія должна теперь сдѣлать крайнее усиліе или навсегда сложить оружіе».

Вотъ письмо типичнаго содержанія: просьба помочь вдовѣ итальянскаго эмигранта, хорошо знающей музыку и умирающей съ голода съ тремя дѣтьми. Вотъ просьба о сотрудничествѣ въ *Italia del Popolo* по части успѣховъ освободительной идеи въ Россіи. «Вы могли бы присылать по корреспонденціи каждый мѣсяць или каждыя три недѣли. Но если вы думаете, что моральный результатъ не окупитъ этого, пришлите по крайней мѣрѣ одну, чтобы доставить удовольствіе другу». Вотъ прекрасное, полное страсти письмо 1855 года, которымъ Маццини приглашенный къ участию въ «Полярной Звѣздѣ», благословляя начинаніе Герцена. Въ статьѣ о Ворцелѣ Герценъ рассказываетъ, что вскорѣ по своемъ приѣздѣ въ Лондонъ онъ по собственному почину предложилъ Маццини на итальянское дѣло, «которое—прибавляетъ онъ—мнѣ близко, какъ родное», одновременно десять процентовъ со своего дохода, что составило около 200 ф. ст. Слѣдующее письмо Маццини относится, повидимому, къ 1859 году. «Любезный другъ. Обращаюсь къ вамъ съ просьбой, не безъ смущенія, которое велитъ мнѣ преодолѣть безусловный долгъ. По причинамъ, которыя было бы бесполезно излагать здѣсь въ подробности, такъ какъ обращеніе мое къ вамъ носить чисто личный характеръ, но которыя до нѣкоторой степени должны быть вамъ ясны изъ положенія дѣлъ въ Италіи, мнѣ нужны деньги. Нѣсколько англичанъ, которые собираютъ ихъ для меня, хотѣли обратиться и къ вамъ; но я предпочитаю писать вамъ прямо. Хотите ли оказать *мнѣ* денежную поддержку на дѣло свободы въ размѣрѣ, какой найдете удобнымъ для себя? Это разъ навсегда; я никогда не повторю этой просьбы. Я колебался, но потомъ сказалъ себѣ, что еслибы вы потребовали отъ меня того же для Россіи, я далъ бы вамъ, что могъ бы,—и взялся за перо. Я не сдѣлалъ бы этого, если бы вы все еще теряли на вашихъ русскихъ изданіяхъ; но я знаю отъ васъ, что расходы покрываются и что Трюбнеръ уже получаетъ съ нихъ барышъ. Черкните мнѣ два слова и вѣрьте моей дружбѣ къ вамъ. I. M.»

Герценъ назвалъ какъ-то Маццини аскетомъ итальянскаго освобожденія; такимъ и рисуется онъ въ рѣдкихъ своихъ письмахъ къ Герцену. Онъ велъ въ Лондонѣ замкнутый образъ жизни и жилъ единственно для своего дѣла. «Умоляю васъ,—пишетъ онъ однажды Герцену,—не дайте моего адреса никому безъ исключеній. Вы дали его Г., я просилъ Г. сохранить секретъ, и онъ это сдѣлаетъ, но другіе этого не сдѣлаютъ. Если политическіе фланеры начнутъ наводнять мое убѣжище—я погибшій человѣкъ. *Говорить о политикѣ* для меня отвратительно. Я печаленъ, мнѣ нужно одиночество,—вотъ почему я никогда не выхожу днемъ, а вечеромъ иду лишь два шага—къ Стансфильдамъ. Можетъ быть мое душевное состояніе трудно понять, но оно—фактъ. Необходимо, чтобы мое мѣстопробываніе оставалось тайной. Если вы случайно дали кому-нибудь мой адресъ, скажите тѣмъ людямъ, что я перемѣнилъ квартиру; я буду вамъ признателенъ.

Когда вы пишете мнѣ, адресуйте не на мое имя, а на имя С. Я не могу прїѣхать въ Ричмондъ, но навѣщайте меня, когда бываете въ городѣ.» Другой разъ, благодаря Герцена за подарокъ (портретъ Ворцеля), Маццини пишетъ: «Я все надѣялся увидѣть васъ у Каролины Стансфильдъ, но тщетно. Вы замуrowались въ вашей русской пропагандѣ, какъ я—въ моихъ попыткахъ дѣйствія въ Италіи. Но вы обѣщали мнѣ время отъ времени писать письма объ отголоскахъ событій въ Россіи для *Italia del Popolo*, и написали только одно. Я никогда не выхожу изъ дома,—развѣ иногда часовъ въ 9 вечера въ пивную. Если бы я бывалъ гдѣ-нибудь, то былъ бы у васъ. Почему вы не бываете по пятницамъ у Каролины Стансфильдъ? Мы всѣ собираемся тамъ—Квадріо, я и еще 5—6 итальянцевъ.» Чѣмъ была для Маццини Италія, показываютъ слѣдующія строки изъ одного его письма къ Герцену: «Признаюсь вамъ, для меня загадка, какъ вы можете не понимать, что узелъ европейскаго вопроса находится сейчасъ въ Италіи,—сейчасъ или завтра, это безразлично. Тамъ будетъ разрушена австрійская имперія, тамъ будетъ низвергнуто папство, тамъ раздастся сигналъ къ разгрому Турціи, которая со всѣхъ сторонъ, половиной своего народонаселенія, связана съ Австріей. Не будь я итальянцемъ, я бы съ тѣмъ же одушевленіемъ посвятилъ себя итальянскому дѣлу. Это убѣжденіе и даетъ мнѣ смѣлость просить помощи у людей, преданныхъ, какъ вы, дѣлу европейской свободы; мнѣ кажется, что каждый изъ нихъ, какова бы ни была его специальная цѣль, долженъ принять участіе въ крестовомъ походѣ противъ Австріи и Бонапарта».

Между убѣжденіями Герцена и Маццини уже въ это время была цѣлая пропасть: весь поглощенный идеей политическаго освобожденія народовъ, Маццини враждебно относился къ социализму, который не только казался ему помѣхою этому дѣлу, но и глубоко претилъ его религіозному чувству. Отношеніе къ социализму вообще дѣлило тогдашнюю эмиграцію на два враждебныхъ стана, и если въ отдѣльныхъ случаяхъ они соединялись для совмѣстныхъ дѣйствій, то не иначе, какъ на точно выговоренныхъ условіяхъ теоретической солидарности. Въ этомъ отношеніи любопытно одно недатированное письмо Маццини. «Любезный Герценъ,—пишетъ онъ.—Я говорилъ съ Ледрю (Ролленомъ), и вотъ результатъ нашего разговора. Обнародовать воззваніе или адресъ къ Франціи за подписью трехъ или четырехъ человекъ, живущихъ въ Лондонѣ, значило бы до нѣкоторой степени обнаружить предъ французскимъ обществомъ тотъ недостатокъ активнаго единенія, который мы какъ разъ хотимъ устранить. Надо или ничего не дѣлать, или сдѣлать больше этого. Настоящимъ событіемъ, внушительнымъ актомъ, который взволновалъ бы общественное мнѣніе и поразилъ бы воображенія, было бы воззваніе, подписанное 20—24 именами, сплошь извѣстными и имѣющими какъ бы оффиціальныи характеръ въ глазахъ французскаго народа, какъ В. Гюго, Шельхеръ, Луи-Бланъ, Феликсъ Піа, Барбесъ, Шарра, Араго, Кинэ, 10—12 представителей провинцій, и т. п.—Итакъ, возможно ли это? Если кто-нибудь хочетъ и можетъ взяться за это, Ледрю Ролленъ съ радостью подпишетъ такое заявленіе. Практически наи-

лучшимъ способомъ было бы составить текстъ воззванія и разослать его въ копяхъ для подписи. Собрать всѣхъ этихъ людей въ одномъ мѣстѣ немисливо. Есть ли кто-нибудь, кто взялся бы составить текстъ? Вы знаете, что Ледрю понимаетъ подъ общей почвой. Это показали наши коллективныя воззванія, и я устно изъяснилъ вамъ, о чемъ тутъ должна быть рѣчь. Свобода, республика, революція, не для какой-нибудь касты, а для всѣхъ и черезъ всѣхъ,—далѣе, солидарность народовъ, всемірная республика, священный союзъ народовъ и сверхъ всего реабилитація Франціи, находящейся теперь въ упадкѣ и униженіи: таковы должны быть основные пункты; во всемъ остальномъ каждый остается независимымъ. Еще разъ, осуществимо ли это? Ледрю готовъ участвовать, но только въ этихъ предѣлахъ. Манифестація неполная, мѣстная, которая пеходила бы на аффишированное квадрумвирата или квинквевирата, ему не по душѣ, и я думаю, онъ правъ. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ».

Съ отъѣздомъ Герцена изъ Англіи сношенія между нимъ и Маццини повидимому прервались; изъ позднѣйшихъ лѣтъ сохранилось только одно письмо Маццини, писанное вѣроятно въ 1868 или 69 году, когда Маццини, отказавшись принять амнистію, скитался и продолжалъ агитировать, упорно ожидая, когда Италія получитъ свой Римъ—и республику. «Любезный другъ,—пишетъ онъ,—я получилъ ваше милое письмо изъ Ниццы. Я былъ боленъ и не могъ видѣть Т., который проѣхалъ, не останавливаясь. Теперь больной или здоровый я долженъ уѣхать по требованію Сень-Готарской лиги, которой нужны итальянскіе капиталы. Я остался бы наперекоръ правительству, если бы у меня была цѣль; но я не люблю позировать моей скромной личностью; поэтому я уѣду куданибудь, не слишкомъ далеко. Что бы они ни дѣлали, мы быстро двигаемся къ республикѣ въ Италіи, и я чувствую потребность по мѣрѣ силъ помочь поставить локомотивъ на рельсы; разъ онъ станетъ на рельсы, найдется довольно людей, чтобы толкать его. Мое здоровье разрушено. Какъ подкопанное дерево, я стою, потому что стою, но первое дуновеніе вѣтра опрокинетъ меня; и если при моей жизни что-нибудь совершится въ Италіи, одна недѣля дѣятельности убьетъ меня. Да и пора; каждый годъ уносить кого-нибудь изъ моихъ друзей... И безпрестанно воспоминается мнѣ одинъ стихъ Оссіана, т. е. въ переводѣ Чезаротти:

*E sento gli anni bisbigliar passando:
Perchè canta costui? ¹⁾.*

А пока—прошу васъ напомнить обо мнѣ вашимъ дочерямъ и г-жѣ Огаревой, которой я, повидимому, скоро надоѣлъ. Гдѣ она? Саффи почти мнѣ не пишутъ. Я ни одной минуты не вѣрилъ въ просьбу объ амнистіи. Мы глубоко расходимся на религіозной почвѣ и частью даже на политической, и я сожалею объ этомъ; но я знаю васъ и никогда не сомнѣвался въ васъ съ точки зрѣнія характера. Я ни съ М., ни съ Кр., но національное чувство, даже доведенное до крайности,—залогъ польской побѣды; поэзія—другой залогъ. Что бы вы ни говорили, всѣ великія революціи

¹⁾ „Слышу, какъ годы шепчутъ, проходя: почему поетъ этотъ?“

въ Европѣ совершить національность; вы знаете, что это для меня—идея коллективной миссии, общаго долга,—и только. Безъ этой идеи возможны только рабскіе мятежи, спартанскія войны. Вы видите только социальный вопрос; и я не хуже васъ чувствую, что основная цѣль—освобожденіе труда: но цѣль не совпадаетъ со средствомъ; ради социального вопроса, слава Богу, никогда не возникало крупной революціи. Я говорю «слава Богу», потому что въ такомъ движеніи доминировала бы корысть и оно дало бы намъ въ итогъ буржуа въ блузахъ, новый эгоизмъ взамѣнъ стараго. Со времени Марафона всѣ великія событія вызывались національностью или религіей: англійская революція, сѣверо-американская, возстаніе Нидерландъ противъ Испаніи, Испаніи противъ Наполеона въ 1808 году, греческая революція и т. д. Но оставимъ это. Обнимемъ другъ друга во имя Свободы; это—не цѣль, но великая исходная точка. Пишите мнѣ время отъ времени; я хотѣлъ бы слѣдить за вами въ вашихъ скитаніяхъ, знать—въ Женевѣ ли вы или въ Брюсселѣ. Я стараюсь всегда читать что вы пишете. Вашъ I. Маццини».

Эти послѣдніе годы (Маццини умеръ въ 1872 г.) съ Маццини жилъ, дѣля его непреклонныя убѣжденія и судьбу, его вѣрный старый другъ Мауриціо Квадрио, тоже съ давнихъ лѣтъ пріятель Герцена и Огарева. Въ числѣ его уцѣлѣвшихъ писемъ къ Герцену есть три письма 1869 г., хорошо рисующія и самихъ этихъ старыхъ борцовъ, и ихъ позднюю симпатію къ Герцену. 29 ноября 1868 г. онъ пишетъ Герцену изъ Лугано: «Мы очень признательны Огареву и вамъ за добрую память, которую вы храните о насъ. Мы уже давно не имѣли прямыхъ извѣстій отъ васъ, но намъ было бы невозможно забыть такихъ людей и друзей, какъ вы, и ваши имена часто повторялись въ нашихъ бесѣдахъ. Впрочемъ, былъ и третій, который по временамъ являлся рассказывать намъ о васъ; это былъ «Колоколь»—*La Cloche*,—который, будучи всеязычнымъ, былъ понятенъ и Маццини.—Я радъ сообщить вамъ, что Маццини находится на пути къ выздоровленію. Онъ былъ серьезно боленъ и мы провели нѣсколько недѣль въ сильнѣйшемъ страхѣ. Онъ и теперь еще очень слабъ и ему трудно писать; вотъ почему онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за вашу добрую память». Однако въ концѣ письма Маццини написалъ нѣсколько словъ: «Благодарю васъ и Огарева отъ всего сердца за выраженіе вашей дружбы. Она мнѣ дорога. Я очень слабъ и не могу долго писать. Но я цѣню и люблю васъ. Іосифъ».—9 мая 1869 года Квадрио писалъ Герцену, опять изъ Лугано: «Маццини уже нѣсколько дней въ постели по причинѣ болѣзани, которая время отъ времени мучаетъ его. Она не такъ серьезна, какъ послѣдней осенью, но все-таки онъ принужденъ лежать въ постели и не можетъ писать. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за память и просить васъ напомнить о немъ вашей семьѣ и Огареву. Швейцарія сгибается передъ итальянскимъ королемъ и требуетъ отъ Маццини, чтобы онъ оставилъ территорію республики; какъ только онъ будетъ въ силахъ, онъ уѣдетъ назадъ въ Лондонъ. Римъ хочетъ избавиться отъ опасности, которою грозитъ ему Ганнибалъ...—Ни Маццини, ни я никогда, ни на минуту, не усумнились въ васъ или Огаревъ въ отношеніи борьбы за свободу, и когда до насъ дошли слухи

о вашемъ возвращеніи въ Россію, мы только смѣялись. Мы рады, что борьба не утомила васъ и что вы опять взяли за ваше славное перо. Не устали и мы, и ужъ, разумѣется, не пали духомъ, а будемъ стойки до конца».—Они до зимы пробыли въ Лугано. 2 октября М. А. Бакунинъ писалъ Огареву изъ Локарно: «Благодарю тебя за письмо къ молодцу старику Quadrio... Съ старикомъ мы пожалуй немного и поспорили, но легко, не слишкомъ углубляясь въ задорный вопросъ о Libertà и Socialismo. Онъ все такъ же крѣпокъ и здоровъ и все такъ же неутомимо и неутомонно работаетъ». Въ началѣ ноября Бакунинъ снова прѣхалъ въ Лугано съ намѣреніемъ поселиться здѣсь, но не нашель подходящей квартиры и, по совѣту итальянскихъ друзей, рѣшилъ вернуться на зиму въ Локарно. Объ этомъ 6 ноября Квадріо пишетъ Герцену (или Огареву), выражая надежду, что климатъ Локарно, защищеннаго горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ, окажется благоприятнѣе для Бакунина, нежели луганскій. «Бакунинъ привезъ мнѣ ваше письмо, и я благодарю васъ за память. Въ мои годы человѣкъ живетъ воспоминаніями, а хорошія хранить тщательно; а кто зналъ васъ, тотъ не можетъ не хранить память о васъ. Мнѣ 70-й годъ, и старость даетъ мнѣ себя чувствовать всѣми своими неприятными предостереженіями; но я могу работать, я сохранилъ мою вѣру въ торжество справедливости: она такъ же жива во мнѣ, какъ была въ 20 лѣтъ. У меня есть добрые друзья, которые меня любятъ, я бѣденъ, но доволенъ немногимъ,—мой закатъ озаренъ блѣднымъ солнечнымъ лучомъ, и я не могу пенять на свою долю». Эти послѣднія слова написаны по-итальянски, тогда какъ все письмо—французское; чтобы довершить многоязычность своего письма, Квадріо дальше выписываетъ на память по-русски, съ ошибками конечно, подложныя стиховъ изъ «По улицѣ мостовой» и «Не садись на эту вѣтку». «Недавно,—прибавляетъ онъ, я взялъ басню о соловѣѣ и его клѣткѣ (кажется, Крылова) темою для статьи или проповѣди итальянцамъ, которые довѣрились злему охотнику—монархіи. Если моя болтовня васъ раздражаетъ, подумайте о моихъ 70 годахъ.—Нѣтъ, я не болтаю: это вспоминаетъ сердце; вотъ слово «соловей» напомнило мнѣ славнаго Соловьевича. Я видѣлъ его въ 1860 г. и полюбилъ его. И сердце мое наполняется печалью, потому что уже нѣтъ дорогаго энтузіаста».

Д. ж. Медичи.

Лично, интимно, у Герцена за границей не было болѣе близкихъ и болѣе задушевныхъ друзей, чѣмъ итальянскіе революціонеры,—не Гарибальди и не Маццини, слишкомъ индивидуальныя да и слишкомъ занятые для частной дружбы, а люди второго ранга сравнительно съ тѣми, но крупные люди, чьи имена освобожденная Италія свято хранитъ въ своей памяти. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Герценъ сблизился еще въ первую свою поѣздку въ Римъ, въ годъ революціи; но особенно тѣсно эти итальянскіе друзья сомкнулись вокругъ него въ 1850—52 гг., въ Ниццѣ и Генуѣ, и ихъ теплому участию онъ много былъ обязанъ въ несчастяхъ, которыя такъ щедро

излились на него въ эти два года. Это были: Саффи, Мордини, Медичи, Пизакане, Козенць, Орсини и др. Со всѣми съ ними Герценъ остался въ дружбѣ до своей или ихъ смерти. Ихъ всѣхъ онъ сдѣлалъ намъ родными, чудно изваявъ ихъ нѣжно-печальные образы на страницахъ «Былого и Думъ».

Одна изъ самыхъ привлекательныхъ фигуръ между ними—Джакомо Медичи, сподвижникъ Гарибальди, бывший вождемъ римскихъ легионеровъ во время обороны Рима въ юнѣ 1849 года, прославившійся геройской защитой Vascello. Этотъ воинъ и трибунъ былъ поэтъ и мечтатель, съ нѣжной душой, съ кроткими глазами, съ изящными манерами: такимъ изображаетъ его Герценъ. Они сблизились въ началѣ 50-хъ годовъ. Лѣтомъ 1852 года Герценъ, только что похоронившій жену и страшно потрясенный, провелъ съ Медичи нѣсколько недѣль въ Генуѣ. Онъ потомъ съ благодарностью вспоминалъ добро, которое сдѣлалъ ему тогда Медичи своимъ теплымъ и полнымъ такта участіемъ.

Вотъ письмо, которое написалъ ему Медичи 6 ноября того же года изъ Генуи въ Англию, куда незадолго передъ тѣмъ уѣхалъ Герценъ.

«Милый другъ, первое письмо, которое вы написали мнѣ изъ Лондона, дало мнѣ почти увѣренность, что я буду имѣть радость опять видѣть васъ въ Генуѣ. Теперь все измѣнилось—вы пишете объ Америкѣ! Не ѣздите туда, милый Герценъ, вернитесь сюда, у васъ здѣсь истинные друзья. Подумайте и о томъ, что наша боевая арена—Европа; если борьба начнется въ Италіи, мы братски подадимъ другъ другу руки, мы вмѣстѣ будемъ жить боевой, бурной жизнью; это будетъ новая жизнь для насъ, полная поэзіи и чувства, которая каждый мигъ будетъ напоминать намъ: ты—сильный. Тогда кончится эта нерѣшительность, гдѣ одни толкаютъ насъ направо, другіе налево, и гдѣ наша воля, имѣющая цѣль, гибнетъ въ бездѣйствіи.—Другъ С. говорилъ мнѣ о васъ; я знаю, какую помощь вы оказали нашей кассѣ, и отъ всего сердца благодарю васъ. Имѣте ли вы извѣстія объ Энгельсонѣ? Я довольно давно писалъ ему въ Женеву и удивляюсь, что нѣтъ отвѣта.—Козенць, Пизакане, Меццокаппо и др. поручили мнѣ передать вамъ ихъ привѣтъ; мы всѣ васъ любимъ, какъ брата».

Феличе Орсини.

Тогда же, въ 1851—52 г.г., сблизился Герценъ и съ Орсини, этимъ идеальнымъ типомъ карбонарія, однимъ изъ самыхъ безстрашныхъ людей среди богатыхъ безстрашимъ героевъ освобожденія Италіи, сложившимъ голову на гильотинѣ въ 1858 году за неудачное покушеніе на Наполеона III. Въ тѣ трудные дни, въ Ниццѣ, и Орсини принималъ горячее участіе въ дѣлахъ Герцена.

Кто читалъ очеркъ Герцена объ Энгельсонѣ, тотъ помнитъ, конечно, эпизодъ размолвки между Герценомъ и Орсини. Въ двухъ словахъ эта исторія, довольно типичная для эмигрантскихъ круговъ, состояла въ слѣдующемъ. Въ Женевѣ распространился слухъ, что

Орсини—австрійскій шпіонъ. Это была, разумѣется, дикая нелѣпость; но вскорѣ затѣмъ чудесное спасеніе Орсини изъ крѣпости въ Мантуѣ (а онъ былъ посаженъ туда послѣ одной изъ своихъ безумныхъ попытокъ вызвать возстаніе въ Италиі) какъ-будто подтвердило эти нелѣпые толки. Какъ бы то ни было, Герценъ однажды въ разговорѣ передалъ этотъ слухъ Энгельсону, съ которымъ былъ тогда еще очень близокъ. Когда вскорѣ затѣмъ между ними произошла ссора, Энгельсонъ въ своей неврастенической страстности передалъ Орсини слова Герцена—и не какъ слухъ, а какъ утверженіе, припутавъ сюда еще и Саффи. Орсини былъ, разумѣется, страшно уязвленъ, чуть было не вызвалъ на дуэль и Герцена, и Саффи, но послѣдніе объяснились съ нимъ, онъ назвалъ Энгельсона, и дѣло кончилось миромъ.

Тѣ письма, которыми обмѣнялись по этому поводу Орсини и Герценъ, сохранились. Вотъ письмо Орсини (8 сентября 1856 г.); оно написано на очень дурномъ французскомъ языкѣ:

«Милостивый государь. Мнѣ нужно разъясненіе, и я довѣряю вашему благородству и вашей чести, что вы объяснитесь со мною откровенно.

«Я мужчина; у меня есть опытъ, хотя добытый въ суровой школѣ; я питаю къ вамъ дружеское чувство и думаю, что доказалъ вамъ его со времени нашего знакомства въ Ниццѣ; это должно служить вамъ порукой, что я не способенъ затѣять скандалъ съ кѣмъ бы то ни было. Я узналъ, что въ декабрѣ 1854 г., какъ разъ когда я находился въ заключеніи въ Германштадтѣ, вы сказали ни болѣе ни менѣе, какъ *что я—австрійскій шпіонъ и на хорошемъ жалованьи*, и что вамъ это было передано г-мъ Саффи. Это сообщилъ мнѣ случайно одинъ изъ моихъ друзей, бывший нѣкогда вашимъ другомъ; я нисколько не сомнѣваюсь въ правильности его утверженія, такъ какъ знаю его за благороднаго человѣка и такъ какъ, убѣждая меня не придавать значенія этому дѣлу, онъ въ то же время разрѣшилъ мнѣ воспользоваться его именемъ, если это понадобится.

«Я былъ крайне удивленъ. Бесѣдуя съ вами такъ искренно, какъ я привыкъ говорить со всѣми, я не могъ предполагать, что человѣкъ, подобный вамъ, который выдаетъ себя за главу партіи, который долженъ знать, что такое партія, и который называетъ себя моимъ другомъ,—повторяю, я не могъ допустить, чтобы вы оказались способны съ такой легкостью возвести обвиненіе въ *подлости* на меня, человѣка, который всю свою жизнь пренебрегалъ всякимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы служить идеѣ и родинѣ, который приносилъ *реальныя*, а не *воображаемыя* жертвы, страдалъ въ тюрьмахъ, а не въ гостинныхъ и бібліотекахъ. Но съ другой стороны я долженъ отчасти васъ извинить: это—дѣло г-на Саффи, вращающагося въ нашемъ кругу.

«Словомъ, необходимо, чтобы вы письменно заявили мнѣ, что именно Ауреліо Саффи сказалъ вамъ слова, повторенныя вами одному изъ вашихъ друзей, котораго я обязываюсь тотчасъ назвать по вашему требованію.

«Я хочу разобрать это дѣло, хочу открыть источникъ, откуда

оно произошло, хочу видѣть то тайное и темное, что есть въ нѣдрахъ нашей собственной партіи. Это мой долгъ по отношенію ко мнѣ самому, къ моимъ друзьямъ, готовымъ отдать за меня жизнь, и къ самой партіи, которой я членъ.

«Полагаюсь на вашу честь, что вы совершенно ясно объясните мнѣ то, что я имѣю право знать; пока прошу васъ пожать руку вашему другу, который съ вами, и вѣрить моему уваженію и дружбѣ».

Герценъ немедленно отвѣчалъ (9 сентября):

«Милостивый государь. Вы безусловно вправѣ поставить мнѣ предлагаемый вами вопросъ. Такъ вотъ до чего дошли ненависть и клевета! Я понялъ, отъ кого вы слышали фразу, о которой рѣчь.

«Я завтра переѣзжаю со всей семьей въ Путней, дайте мнѣ два дня срока, и я объясню вамъ все, пока же могу васъ увѣрить моей честью, что никогда ни Саффи, ни я не придавали вѣры чему-либо, что могло бы набросить тѣнь на васъ.

«Я сдѣлаю все возможное, чтобы раскрыть эту интригу. Я готовъ представить самое формальное опроверженіе въ присутствіи какихъ угодно свидѣтелей. Я прошу у васъ только два дня, и пока немного довѣрія.

«При первой возможности я побываю у васъ утромъ.

«Огаревъ проситъ меня передать вамъ его привѣтъ и жметъ вашу руку. Въ заключеніе искренно благодарю васъ за довѣріе, которое вы оказали мнѣ своимъ письмомъ».

Черезъ два дня Саффи и Герценъ явились къ Орсини съ объясненіемъ, которымъ и кончилось дѣло.

С а ф ф и.

Еще одинъ прекрасный образъ, увѣковѣченный для насъ Герценомъ,—Маркъ Аврелій Саффи. Въ 1849 году, въ періодъ кратковременнаго существованія римской республики, онъ входилъ въ составъ триумvirата, управлявшаго Римомъ (вмѣстѣ съ Маццини и Армеллини), и завѣдывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Съ начала 50-хъ годовъ и онъ жилъ въ Англіи; онъ, кажется, состоялъ преподавателемъ въ одномъ изъ оксфордскихъ колледжей. Въ домѣ Герцена онъ былъ какъ родной, при ближайшемъ участіи Герцена и Огаревыхъ состоялась его женитьба. ¹⁾ Его письма къ Герцену чаруютъ спокойной простотой и задушевностью тона, но по содержанію они не представляютъ интереса. Приведу изъ нихъ только одно, характеризующее Саффи и его отношеніе къ Герцену. «Дорогой Герценъ,—пишетъ онъ 4 ноября 1853 года изъ Оксфорда.—Пишу вамъ два слова, чтобы изъ глубины моего уединенія напомнить о себѣ вашей дружеской памяти. Я здѣсь одинокъ и печаленъ, городокъ этотъ ветхъ и далекъ отъ всякаго дуновенія жизни и будущаго. Это городъ монашескій. Здѣшніе колледжи—монастыри, гдѣ ѣдятъ и душатъ мысль и совѣсть подъ заплесневѣлыми формулами королевской церкви. Однако здѣсь есть

¹⁾ См. „Воспоминанія Н. А. Огаревой-Тучковой, М., 1903, стр. 133—135.

нѣсколько юношей съ душой, способной любить и предчувствовать,— и въ этихъ душахъ можетъ совершаться революція, какой старая Англія и не подозреваетъ. Съ ними я могу еще кое-когда разговаривать на человѣческомъ языкѣ. Послѣ этой мрачной картины вы спросите меня, почему я заточилъ себя въ этотъ моральный Шильонскій замокъ. Причина въ слѣдующемъ,—она нѣсколько матеріальна, но отъ того не менѣе вѣска: я даю здѣсь уроки и тѣмъ могу избавить мою мать отъ денежныхъ жертвъ, которыя были бы ей тяжелы при экономическихъ условіяхъ, въ какихъ она находится. Все остальное время совершенно въ моемъ распоряженіи, и это одиночество было мнѣ, можетъ быть, даже необходимо. Послѣ того какъ человѣкъ долгіе годы участвовалъ во внѣшнихъ кризисахъ жизни, полезно немного сосредоточиться и стать на независимую точку зрѣнія, чтобы правильнѣе судить о вещахъ. Именно это и дѣлаетъ мнѣ приятнымъ мое пребываніе въ Оксфордѣ, несмотря на его дурныя стороны».

Венгры.—Нѣмцы.—Карлейль.—Торэ.

У наслѣдниковъ А. И. Герцена хранится составленный имъ самимъ альбомъ автографовъ, гдѣ вклеены по одному или по нѣсколько писемъ къ нему его знаменитѣйшихъ современниковъ. Отъ многихъ онъ и получилъ только по одному письму, да и тѣ по содержанію не представляютъ интереса. Они любопытны только для характеристики той атмосферы многостороннихъ связей и общей симпатіи лучшихъ людей его времени, которою былъ окруженъ Герценъ въ изгнаніи. Кошутъ письмомъ, исполненнымъ уваженія, рекомендуетъ ему какого-то артиллериста; другой знаменитый боецъ за освобожденіе Венгріи, Клапка, знакомитъ его письменно съ однимъ изъ своихъ боевыхъ товарищей; Фрейлигратъ извѣщаетъ его о пріѣздѣ Клапки въ Лондонъ; швейцарскій революціонеръ и президентъ Джемсъ Фази пріятельской записочкой назначаетъ ему свиданіе; Карлъ Шурцъ, участникъ баденскаго возстанія и освободитель Кинкеля, позднѣе сенаторъ и министръ внутр. дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, недавно умершій,—въ 1855 г. пишетъ Герцену въ Лондонѣ, что принужденъ внезапно уѣхать въ Мальвернъ и оттуда назадъ въ Америку: «Вы не примете это за исполненіе простой формальности,—пишетъ онъ,—если я скажу вамъ, какой большой радостью было для меня сблизиться съ вами. Я всей душой надѣюсь, что этотъ мой короткій пріѣздъ сюда не будетъ послѣднимъ. Какъ я слышалъ, ваше рѣшеніе оставить Англію въ этомъ году нельзя считать окончательнымъ, итакъ, я можетъ быть еще застаю васъ здѣсь по возвращеніи изъ Америки. Во всякомъ случаѣ, мы еще встрѣтимся когда-нибудь въ жизни и будемъ рады другъ другу». Здѣсь-же—то письмо Карлейля, которое Герценъ самъ напечаталъ въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды».

Въ заключеніе приведу въ выдержкахъ письмо одного забытаго теперь французскаго радикальнаго журналиста, тоже эмигранта въ Лондонѣ—Торэ, писанное въ концѣ 1852 года. Герценъ зналъ Торэ

еще изъ Парижа; тонъ письма, какъ увидитъ читатель, совершенно пріятельскій. Это письмо замѣчательно прежде всего, какъ превосходный образчикъ того космополитически-революціоннаго настроенія, которое царило тогда въ европейской эмиграціи и которое такъ сильно отразилось на Герценѣ¹⁾; затѣмъ любопытенъ и отзывъ о книжкѣ Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (она вышла въ 1851 г.).

«Любезный Герценъ, я только-что съ величайшимъ интересомъ прочиталъ вашу книгу, проливающую яркій свѣтъ на Восточную Европу, которая несомнѣнно будетъ играть главную роль въ революціи 19-го столѣтія. Франція и западная часть Европы, кажущаяся центромъ или, по крайней мѣрѣ, боевой ареной революціи, живутъ въ неизвѣстной и роковой апатіи и невѣжествѣ межъ двухъ элементовъ, которыхъ онѣ не понимаютъ и которые между тѣмъ представляютъ собою оба конца революціонной цѣпи,—между Россіей и Америкой.

«Древняя міровая традиція учитъ насъ, что человѣчество подвигается на земномъ шарѣ съ Востока на Западъ; это очевидный фактъ, обладающій всей достовѣрностью историческаго закона: Индія, Персія, Египеть, Этрурія, Греція, Римъ—тутъ вся исторія древности. Человѣчество воспламеняется о свѣточъ Востока и безпрестанно оборачивается, чтобы передать свѣтъ Западу. Оно, можетъ быть, уже не разъ обошло земной шаръ. Болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ я смутно выразилъ въ «Encyclopédie Nouvelle» эту идею, которая подтверждается и уясняется всѣми современными событіями. Итакъ, что-же станутъ дѣлать по ту сторону океана всѣ эти милліоны европейскихъ эмигрантовъ? Что дѣлала здѣсь Россія въ началѣ этого вѣка и какая роль предназначена ей въ предстоящей великой разрухѣ? Бѣдные революціонеры, видящіе только узкій кругъ Франціи и смежныхъ съ нею странъ, только небольшую, теперь распавшуюся кучку народностей, которая составляла раньше католическій міръ, мечутся болѣзненно и слѣпо, такъ какъ не охватываютъ взоромъ всю совокупность революціи. Такъ называемая «европейская демократія», хотя и кажется обширной, все еще погружена въ обособленность и эгоизмъ. Предразсудки ревниваго національнаго чувства и высокоумѣнной цивилизаціи все еще мѣшаютъ имъ подняться на высоту дѣйствительно всемірной, общечеловѣческой мысли,—потому что теперь рѣчь идетъ именно о человѣчествѣ. Теперь преобразуется весь старый укладъ жизни—религіозный, политической, экономической,—какъ въ эпоху римскаго упадка, всѣ народы захвачены этимъ процессомъ перерожденія, и каждый имѣетъ сказать какое-нибудь слово, чтобы разрѣшить загадку и побѣдить сфинкса.

«Въ этомъ отношеніи ваша книга драгоцѣнна и совершенно нова. Въ ней равно отразились историкъ и философъ, политикъ и истинный революціонеръ. Было бы въ высокой степени полезно, если бы всѣ, у кого есть идеи, такимъ же образомъ слагали ихъ на алтарь всеобщей революціи. Апостолы и борцы, разсѣянные по всѣмъ

¹⁾ См. нашу статью „Герценъ и Западъ“ въ „Рус. Мысли“ 1907, мартъ.

путямъ гоненіями стараго міра, могли бы достигнуть истины и побѣды, если бы соединили свои умы и свое мужество. Но мы сидимъ, забившись, каждый въ своей крохотной кельѣ, вмѣсто того, чтобы сложить въ одинъ великій священный костеръ всѣ наши яркіе факелы. Почему мы не передаемъ другъ другу тѣ знанія, которыя мы приобрѣли ученьемъ и размышленіемъ? Вѣдь каждый изъ насъ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, каждому его національность, воспитаніе и жизненный опытъ дали иныя способности, другое призваніе. Революціонеры могли бы теперь образовать одинъ большой соборъ, гдѣ были-бы представлены всѣ отдѣльныя ноты человѣческой жизни и гдѣ, безъ сомнѣнія, онѣ обрѣли бы свою гармонию...

«Какимъ же способомъ можно сблизить идеи и освѣтить ихъ одну другую? Какъ организовать взаимное обученіе обширной политической богемы, блуждающей въ изгнаніи и призванной со временемъ обучить народы? Какъ жаль, что мы не пользуемся, по крайней мѣрѣ, нашими встрѣчами внѣ нашихъ отчизнъ, чтобы приуготовить ту общую отчизну, которую мы ищемъ,—свободу и истину! Среди временныхъ неудачъ революціи и социализма больше всего огорчаетъ меня мысль, что всѣ эти побѣжденные нынѣшняго дня не укрѣпляются, чтобы побѣдить въ близкомъ будущемъ. Отдѣльныя личности и народы рискуютъ впасть въ тѣ-же ошибки, которыя только-что поглотили безслѣдно столько жертвъ, столько страданій и героизма. Если бы социализмъ былъ понятъ въ своей всеобщности, онъ спасъ бы будущую революцію. Но, къ несчастью, большинство революціонеровъ не заботится о томъ, чтобы что-нибудь понять.

«...Ваша книга меня поразила. Въ то время какъ Франція и западная часть Европы составляютъ свои крохотные революціонные проекты, въ то время какъ наиболѣе смѣлые мыслители революціи включаютъ въ движеніе будущаго три или четыре народа, какъ на примѣръ Францію, Италію, Германію,—и считаютъ, что это уже очень много съ ихъ стороны, а на Россію смотрятъ лишь какъ на врага,—вы вдругъ заявляете: «Осторожнѣй! Насъ здѣсь *пятьдесятъ милліоновъ*, тоже людей! Въ вашихъ глазахъ мы не больше, какъ угроза. Но вы ошибаетесь; революція, которой вы считаете себя представителями, гораздо шире: ею охвачено все человѣчество! И мы, кого вы называете варварами, мы такъ-же близки къ истинѣ, какъ вы, образованные. Мы, можетъ быть, ближе къ социализму, чѣмъ вы. У насъ нѣтъ, какъ у васъ, массы учреждений, которыя стѣсняли бы насъ, и, наоборотъ, у насъ много старыхъ учреждений, наивныхъ и зачаточныхъ, которыя легче могутъ быть обращены на службу новому, нежели вся мишура вашей цивилизаціи. Вы воображаете себя великими философами, и не знаете даже того, что вотъ уже тридцать лѣтъ наша страна служить ареною борьбы для всѣхъ вашихъ идей и кладбищемъ для борцовъ и героевъ, которые страдали и умерли за эту-же истину». Вотъ что вы открываете западнымъ революціонерамъ, которые и не подозрѣвали, что ихъ дѣло имѣетъ такіе размѣры. Потому-то и было бы полезно, чтобы такую книгу, какъ ваша, прочитали всѣ безпокойные умы, ищущіе смыслъ и средства революціи, всѣ впавшіе въ уныніе, которые въ виду частичнаго и временнаго пораженія не догадываются, что рево-

люція неотвратима и что она оживетъ всюду, каковы бы ни были промахи и ошибки людей, неумѣлость и трусость партій.

«Теперь позвольте мнѣ также сказать вамъ, что ваша книга недостаточно ясна для людей не посвященныхъ заранѣе въ столь мало извѣстную исторію Россіи. Вы удивительно схватили глубокія черты, характеризующія вашъ народъ и его традиціи, предрасполагающія его къ новизнѣ; но для воспитанія читателя были бы нужны болѣе систематическое изложеніе и болѣе выпуклый анализъ. При небольшомъ усилии эта книга могла бы стать моральной исторіей и живымъ портретомъ Россіи, а въ настоящемъ своемъ видѣ она заставляетъ обо многомъ догадываться, потому что авторъ считаетъ своего читателя уже освѣдомленнымъ и внушаетъ желаніе узнать все. Пишите же другія книги: у васъ есть много о чемъ намъ рассказать. Сожалѣю, что у меня нѣтъ газеты или журнала, которые были-бы мнѣ открыты: я непременно напечаталъ-бы изложеніе вашихъ «Револьюціонныхъ идей въ Россіи».

М. Гершензонъ.



Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ за 1894 г.“¹⁾

I.

Цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, производившихся въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, установлено, что лица, руководившія противоправительственнымъ движеніемъ, сознавая, что одною изъ причинъ неуспѣха революціонной дѣятельности является рознь, существующая между отдѣльными противоправительственными кружками, благодаря различію программъ и взглядовъ на пути и способы борьбы, и рассчитывая общими силами и совмѣстною дѣятельностью оживить революціонное движеніе, стали въ послѣдніе годы направлять свои стремленія къ объединенію всѣхъ кружковъ и лицъ, сочувствующихъ этому движенію. Въ сихъ видахъ составлялись разнаго рода программы, при которыхъ возможно было бы такое сліяніе. Попытка къ объединенію со стороны кружка конституціоналистовъ, выступившихъ въ 1888 году съ печатнымъ органомъ «Самоуправленіе», какъ извѣстно, не имѣла успѣха. Послѣ этого группа народниковъ-бунтарей, во главѣ съ литераторомъ Астыревымъ, воспользовавшись постигшими Россію неурожаемъ и холерой, дѣятельно распространяла изданную за-границей брошюру «Всероссійское разореніе», а въ началѣ 1892 года выпустила напечатанное въ подпольной летучей типографіи и составленное самимъ Астыревымъ воззваніе, озаглавленное «Письмо къ господствующимъ крестьянамъ». Въ то же время группа, такъ называемыхъ, «народовольцевъ», издала старую свою программу и рядъ воззваній: «Свободное слово», «Отъ группы народовольцевъ», два номера «Летучихъ Листковъ» и брошюры: «Къ десятилѣтію коронаціи» и «Братцы-товарищи». Всѣ эти попытки не имѣли, однако-же, практическихъ результатовъ и не повлекли за собою особо вредныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что многіе участники своевременно были арестованы. Между тѣмъ, осенью 1893 года были получены агентурныя свѣдѣнія, указывавшія на новое соглашеніе, состоявшееся между нѣкоторыми лицами, проживавшими въ г.г. Москвѣ и Орлѣ, опытными въ револю-

¹⁾ См. примѣчаніе въ мартовской книжкѣ за текущей годъ, стр. 239.

ціонної діяльності, и привлекавшимися уже къ дознаніямъ, создать вновь организацію, примиряющую разрозненные противоправительственные элементы, и, съ этою цѣлю, выработавъ особую политическую программу, заняться широкимъ ея распространіемъ путемъ печатной пропаганды, для чего и приступить къ устройству типографіи. Какъ на инициаторовъ этого дѣла агентурныя свѣдѣнія указывали на дворянина Николая Тютчева ¹⁾, служившаго въ то время въ контролѣ Орлово-Грязской жел. дор., сынъ купца Марка Натансона ²⁾ и проживавшаго въ г. Рузѣ литератора Петра Николаева ³⁾. Первая свѣдѣнія объ образовавшемся въ Орлѣ тѣсно сплоченномъ кружкѣ неблагонадежныхъ лицъ были получены еще весною 1893 года, когда при производствѣ въ г. Харьковѣ дознанія по дѣлу водворенія изъ-заграницы революціонныхъ изданій, по обыску у одного изъ обвиняемыхъ было обнаружено письмо служившаго въ Орлѣ, въ контролѣ желѣзной дороги, дворянина Юрія Кулябко, указавшее на политическую его неблагонадежность и, такъ какъ по произведенному у него обыску оказалось значительное количество революціонныхъ изданій, то онъ былъ привлеченъ къ дознанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Кулябко была отобраана переписка, указывавшая на то, что среди служащихъ въ контролѣ Орловско-Грязской жел. дор. существовалъ, еще въ времянахожденія управления этой дороги въ Саратовѣ, занимавшійся политическими вопросами тайный кружокъ, составленный по преимуществу изъ лицъ, привлекавшихся по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, который съ переводомъ управления и контроля дороги въ Орель усилился присоединеніемъ къ нему новыхъ членовъ, занявшихъ выдающееся положеніе въ кружкѣ. Такими лицами, находившимися въ постоянномъ между собою общеніи, въ числѣ другихъ являлись служившіе частью въ контролѣ Орловско-Грязской жел. дороги, частью въ статистическомъ отдѣленіи орловской губернской земской управы, потомственный почетный гражданинъ Александръ Гедеоновскій ⁴⁾ бомбардиръ

¹⁾ Дворянинъ Николай Сергѣевъ Тютчевъ привлекался въ 1875 г. къ дознанію въ Киевѣ по дѣлу распространенія среди крестьянъ революціонныхъ изданій. Означенное дѣло было по отношенію къ нему производствомъ прекращено. Въ 1878 г. Тютчевъ вновь привлекался къ дознанію въ лиду прикосновенности къ дѣлу покушенія на жизнь крестьянина Бѣланова, заподозрѣннаго въ шпіонствѣ, и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и оставался до 1887 года.

²⁾ Сынъ купца Маркъ Андреевъ Натансонъ былъ высланъ въ 1872 г. изъ С.П.Б. подъ гласный надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію за попытку организовать кружокъ съ цѣлю распространенія революціонныхъ изданій. Въ 1878 г. за принадлежность къ преступному сообществу, носившему названіе „Общество друзей“, Натансонъ былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и былъ оставленъ до 1887 г.

³⁾ Дворянинъ Петръ Николаевъ за принадлежность къ преступному сообществу „Организація“ былъ присужденъ приговоромъ Верховно-Уголовнаго Суда отъ 24 Сентября 1866 г., по лишеніи правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Въ 1888 г. Николаевъ привлекался къ дознанію въ Москвѣ по дѣлу укрывательства нелегальнаго Золотова и разсылки журнала „Самоуправленіе“. Означенное дѣло было по отношенію къ Николаеву производствомъ прекращено.

⁴⁾ Пот. поч. гражд. Александръ Васильевъ Гедеоновскій привлекался въ 1886 г. къ дознанію по дѣлу Ярославскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на три года.

запаса артиллеріи Сергѣй Сотниковъ ¹⁾, бомбардиръ запаса арміи, изъ московскихъ мѣщанъ, Анатолій Сазоновъ ²⁾, мѣщанинъ Михаилъ Ромасевъ, онъ-же Ромасѣевъ ³⁾, сынъ колониста, бывший студентъ Петровской академіи Генрихъ Клингъ ⁴⁾, сынъ крестьянина, бывший студентъ Кіевскаго университета Василій Башмашниковъ ⁵⁾, сынъ чиновника Иванъ Зосимовъ Поповъ, кандидатъ правъ Иванъ Львовъ и впоследствии поселившіеся въ Орлѣ вышеназванные Тютчевъ и Натансонъ; за исключеніемъ Львова, всѣ остальные лица привлекались уже къ дѣламъ политическаго характера. Хотя по произведеннымъ, въ виду результата обыска у Кулябко, обыскамъ у большинства членовъ кружка и не было получено данныхъ для привлеченія ихъ къ дознанію, но указанія эти послужили основаніемъ для производства негласнаго разслѣдованія. Осенью 1893 г. имѣлись уже вполне опредѣленные агентурныя указанія на то, что члены Орловскаго кружка вступили въ сношенія съ представителями московскихъ кружковъ, организовавъ, для совмѣстной революціонной дѣятельности, сообщество, которому присвоили наименованіе «соціально-революціонная партія Народнаго Права», и что представители московскихъ кружковъ, въ свою очередь получая подпольныя изданія изъ С.-Петербурга, завязали въ тѣхъ-же цѣляхъ сношенія съ организованнымъ будто бы, въ С.-Петербургѣ кружкомъ «группы народовольцевъ». Эти указанія, подтверждавшіяся ранѣе имѣвшимися свѣдѣніями, между прочимъ о томъ, что въ іюлѣ 1893 года Тютчевъ провелъ два дня въ г. Рузѣ у Николаева, что затѣмъ Николаевъ въ ноябрѣ того же года пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ имѣлъ свиданія съ студентами московскаго университета Викторомъ и Владиміромъ Черновыми и Евгеніемъ Яковлевымъ и что 14-го того-же ноября въ

¹⁾ Поч. гражд. Сергѣй Васильевъ Сотниковъ привлекался въ 1888 г. къ дознанію по дѣлу Московскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на 3 года. Въ 1890 г. Сотниковъ вновь привлекался къ дознанію въ С.-Петербургѣ по дѣлу записей Рейнштейна и былъ подвергнутъ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ.

²⁾ Запасн. бомбардиръ изъ мѣщанъ Анатолій Владиміровъ Сазоновъ привлекался въ 1885 г. къ дознанію при Таврическомъ губернск. жанд. упр. по дѣлу храненія и распространенія революціонныхъ изданій, по вмѣненіи въ наказаніе времени предварительнаго содержанія подъ стражею, былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь срокомъ на три года. Въ 1890 г. Сазоновъ вновь привлекался къ дознанію по дѣлу террористическаго кружка и былъ подвергнутъ тюремному заключенію на одинъ годъ и гласному надзору полиціи въ избранномъ мѣстѣ жительства на два года.

³⁾ Мѣщанинъ Михаилъ Антоновъ Ромасевъ, онъ-же Ромасѣевъ, привлекался въ 1879 г. къ дознанію въ Кіевѣ по дѣлу принадлежности къ революціонному сообществу и былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, гдѣ и оставленъ до 1886 года.

⁴⁾ Бывшій студентъ Петровской земледѣльческой академіи Генрихъ Петровъ Клингъ привлекался въ 1886 г. къ дознанію по дѣлу Московскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на пять лѣтъ.

⁵⁾ Башмашниковъ, Василій Васильевъ, привлекался въ 1885 г. къ дознанію по дѣлу организаціи въ Кіевѣ рабочаго революціоннаго кружка и былъ подчиненъ гласному надзору на три года внѣ мѣстностей, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны.

квартирѣ Ивана Львова происходила, обставленная предосторожностями, сходка, на которой присутствовало до 20 человекъ,—вызвали необходимость принятія со стороны департамента полиціи особыхъ мѣръ наблюденія за поименованными лицами. Наблюденіе это, съ одной стороны, установило сношеніе членовъ московско-орловской группы съ лицами, заподозрѣнными уже въ то время въ противоправительственной дѣятельности въ С.-Петербургѣ, и послужило къ обнаруженію организованной революціонной группы, съ другой, привело къ открытію мѣста нахождения подпольной типографіи, устроенной московско-орловской группой. Такъ, наблюденіемъ было установлено, что въ началѣ декабря 1893 года въ С.-Петербургѣ пріѣзжалъ Викторъ Черновъ и, проживъ безъ прописки нѣсколько дней, имѣлъ свиданія съ студентами С.-Петербургскаго университета Александромъ и Андреемъ Никитинскими и Максимомъ Келлеромъ, состоявшими подъ наблюденіемъ по подозрѣнію въ преступной пропагандѣ среди рабочихъ, причемъ вмѣстѣ съ Александромъ Никитинскимъ посѣтилъ квартиру проживавшихъ совмѣстно, въ д. № 14 по Захарьевской улицѣ, студентовъ военно-медицинской академіи Михаила Сушинскаго, Николая Бѣлецкаго и Ивана Галецкаго. Съ другой стороны, при наблюденіи за московско-орловскимъ кружкомъ было, между прочимъ, установлено, что 18 февраля 1894 г. на ст. Сумы, Харьковско-Николаевской ж. д. прибылъ Евгеній Яковлевъ и, получивъ по дубликату накладной за № 59 доставленные въ Сумы за мѣсяць передъ тѣмъ со станціи Грязи, Козлово Воронежской ж. д. бывшимъ студентомъ московскаго университета Александромъ Максимовымъ два мѣста багажа, вѣсомъ ящикъ въ 5 п. 10 ф. и корзину въ 4 п. 15 ф. перевезъ этотъ грузъ, обозначенный машинными частями, на пассажирскую станцію и въ тотъ же день сдалъ кладь большою скоростью подъ квитанцію за № 371 до ст. Курскъ и съ этимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Сумъ. 19-го февраля, въ 4 ч. утра, по прибытіи на ст. Курскъ, Яковлевъ передалъ квитанцію поджидавшему его на вокзалѣ Михаилу Ромасеву, а самъ отправился въ Орель; Ромасевъ-же въ 5 час. вечера явился на вокзалъ и, предъявивъ переданную ему Яковлевымъ квитанцію, получилъ и сдалъ грузъ до ст. Орель, куда выѣхалъ съ тѣмъ же поѣздомъ. Встрѣченный въ Орлѣ Николаемъ Тютчевымъ, Маркомъ Натансономъ и Иваномъ Львовымъ, при ближайшемъ наблюденіи со стороны послѣдняго, Ромасевъ принялъ и отправилъ тотъ же грузъ по Орлово-Витебской желѣзной дорогѣ въ г. Смоленскъ. Того же 19-го февраля вечеромъ въ г. Орлѣ въ квартирѣ Натансона, проживавшаго совмѣстно съ женой своей Варварой ¹⁾ состоялась многолюдная сходка, въ которой принимали участіе Тютчевъ, Гедеоновскій, Львовъ, Поповъ, Сазоновъ, Клигъ, бывший класный наставникъ Алексѣй Пѣшихоновъ, дочь чиновника Екатерина

¹⁾ Приговоромъ 14-го марта 1877 года Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Варвара Натансонъ, рожденная Александрова, за государственное преступленіе лишена всѣхъ особенныхъ правъ и сослана на житіе въ Иркутскую губ., но затѣмъ къ ней былъ примѣненъ Всемиловскій манифестъ 15 го мая 1883 года, въ силу коего она получила права всемістнаго жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній.

Троицкая и служащие въ статистическомъ отдѣленіи Орловской губернской земской управы Александръ Мартыновъ и Василій Башмашниковъ, всего около 30 человекъ, причемъ собраніе это отъ наружнаго наблюденія оберегалось Тютчевымъ, Поповымъ и Башмашниковымъ. Между тѣмъ, прибывъ 20-го февраля въ Смоленскъ, Ромасевъ отправился на Петропавловскую улицу, въ домъ Островскаго и, приблизительно часъ спустя, возвратился на вокзалъ съ ломовымъ извозчикомъ, на котораго нагрузилъ оба мѣста багажа и доставилъ ихъ въ вышеупомянутый домъ. Въ 6-мъ часу вечера онъ вышелъ изъ этого дома и съ первымъ отходящимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Смоленска.

21-го февраля, не дожждая ст. Орель, Ромасевъ сошелъ съ поѣзда на Кромской платформѣ и, взявъ извозчика, отправился въ городъ въ квартиру Марка Натансона, у котораго въ это время находились Иванъ Зосимовъ Поповъ и Александръ Гедеоновскій. Вслѣдъ затѣмъ къ Натансону пришли Тютчевъ и дочь чиновника Марія Жирякова ¹⁾ и, взявъ дорожныя вещи Ромасева, отвезли ихъ къ себѣ на квартиру, а Ромасевъ пошелъ къ Тютчеву, у котораго и ночевалъ. 22-го февраля онъ вновь выѣхалъ въ Смоленскъ, имѣя при себѣ завернутый въ красное одѣяло твердый предметъ кубической формы, который 23-го февраля доставилъ также въ домъ Островскаго и, по истеченіи 6 часовъ, выѣхалъ изъ Смоленска. Въ тотъ-же день Натансонъ выѣхалъ въ Москву и послѣ свиданія съ Николаевымъ отправился въ мѣсто новаго своего служенія (Контроль Николаевской желѣзной дороги) въ С.-Петербургъ.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ домъ Островскаго въ г. Смоленскѣ въ описанное время проживалъ по паспорту на имя дворянина Дмитрія Окунева мужчина лѣтъ 35 и при немъ двѣ женщины, одна—подъ видомъ жены, другая—кухарка; что Окуневъ появился въ Смоленскѣ въ январѣ 1894 г., заявивъ, что прибылъ съ юга, и первоначально жилъ въ гостинницѣ Лондонъ, затѣмъ въ д. Дойникова, по Рѣзницкому переулку, въ сообществѣ одной женщины въ качествѣ кухарки, а въ началѣ февраля нанялъ домъ Островскаго, гдѣ съ тѣхъ поръ и поселился. Въ концѣ февраля 1894 г., вслѣдъ за возвращеніемъ Яковлева въ Москву, послѣ свиданія съ нимъ, происшедшаго 24-го февраля, прибылъ также въ Смоленскъ, жившій въ послѣднее время въ Москвѣ безъ занятій, мѣщанинъ г. Сигнаха, Тифлисской губ., Андрей Лежава. Съ этого времени начинаются постоянныя свиданія Лежавы съ Окуневымъ, обставленныя предосторожностями и устраивавшіяся обыкновенно по вечерамъ въ отдаленныхъ частяхъ города. 21-го марта въ Смоленскъ прибылъ Яковлевъ и доставилъ Лежавѣ привезенные имъ съ собой изъ Москвы 2 чемодана и 2 ящика. Въ тотъ-же день вечеромъ Лежава имѣлъ на улицѣ свиданіе съ Окуневымъ, а на слѣдующій день Окуневъ съ женой посѣтили Лежаву и увезли съ собой доставленныя Яковлевымъ вещи. Кромѣ свиданій съ Окуневымъ, Лежава поддерживалъ сношенія съ служащимъ въ Смо-

¹⁾ Жирякова привлекалась въ 1887 г. къ дознанію по дѣлу Ярославскаго революціоннаго кружка и по Высочайшему повелѣнію 25-го ноября 1887 г. была выслана въ сѣверо-восточныя уѣзды Вологодской губ. на три года.

ленской губернской земской управѣ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Сергѣемъ Смирновымъ ¹⁾). 6-го апрѣля прибылъ изъ Орла въ Смоленскъ Александръ Гедеоновскій и видѣлся сначала съ Лежавой, при посредствѣ Сергѣя Смирнова, а затѣмъ посѣтилъ Окунева и въ тотъ-же день возвратился въ Орель. Вслѣдъ за нимъ, 7-го апрѣля, выѣхалъ изъ Смоленска въ Харьковъ Андрей Лежава. Между тѣмъ, при наблюденіи за Яковлевымъ было установлено, что, со времени возвращенія изъ Курска въ Москву, онъ имѣлъ частыя свиданія съ Викторомъ и Владиміромъ Черновыми и сестрой ихъ фельдшерницей Надеждой Черновой. Особенно часто видѣлся онъ съ Владиміромъ Черновымъ, а также съ дочерью чиновника Любовью Лебедевой; 22 марта прямо съ вокзала онъ зашелъ къ Любови Лебедевой куда явился и Владиміръ Черновъ. Затѣмъ, 23 марта получивъ черезъ посредство воспитанника Московской земледѣльческой школы Владиміра Жданова, съ вокзала чемоданъ, онъ чемоданъ этотъ доставилъ Любови Лебедевой, къ которой явились Владиміръ Черновъ и ученикъ Земледѣльческой школы Иванъ Куманинъ; послѣдній уходя имѣлъ при себѣ свертокъ. 1-го и 3 апрѣля Яковлевъ имѣлъ свиданія съ Петромъ Николаевымъ, 1-го апрѣля одновременно съ нимъ были у Николаева и братья Черновы, а 3 апрѣля онъ былъ у Николаева вмѣстѣ съ Лебедевой; 4 и 6 апрѣля было замѣчено посѣщеніе Яковлевымъ меблированныхъ комнатъ «Америка», на Воздвиженкѣ, и выходъ его оттуда со свертками, которые затѣмъ 4 апрѣля онъ передалъ въ квартирѣ Любови Лебедевой Владиміру Чернову, а 6 апрѣля— въ меблированныхъ комнатахъ «Надежда» Куманину. 11 апрѣля Яковлевъ выѣзжалъ въ Харьковъ и, прибывъ туда 13 апрѣля, въ 6 ч. утра, около 9 часовъ утра имѣлъ въ желѣзнодорожномъ саду, при конспиративной обстановкѣ, непродолжительное свиданіе съ проживающимъ въ Харьковѣ бывшимъ административно-ссылнымъ Николаемъ Михайловымъ Флеровымъ ²⁾). Въ 3 часа дня на томъ-же мѣстѣ Яковлевъ опять видѣлся съ Флеровымъ и затѣмъ оба они направились въ Богуновскій переулокъ, гдѣ Флеровъ разстался съ Яковлевымъ и зашелъ въ д. № 11-й, графа О'Руркъ, въ квартиру № 7, которую занимали состоявшія подъ особымъ надзоромъ полиціи, дочери бывшего доцента Харьковскаго Университета Анна Сыцяно и Марія, по мужу Ослопова ³⁾). Яковлевъ же пошелъ на вокзалъ и, получивъ изъ багажнаго отдѣленія свой чемоданъ, перевезъ его въ Петербург-

¹⁾ Смирновъ привлекался одновременно съ Троицкой къ дознанію по дѣлу Иро-славскаго революціоннаго кружка и былъ высланъ въ Западную Сибирь на три года.

²⁾ Мѣшанинъ Николай Михайловъ Флеровъ привлекался въ 1884 г. къ дознанію въ С.-Петербургѣ по дѣлу принадлежности къ революціонному сообществу и былъ высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на пять лѣтъ.

³⁾ Сыцяно Марія Іосифовна, по мужу Ослопова, привлекалась къ дознанію въ 1884 г. по дѣлу „Краснаго Креста Народной Воли“ и была подчинена гласному надзору полиціи на 3 года въ мѣстѣ жительства отца—г. Харьковѣ. Въ 1889 г. Сыцяно привлекалась вновь къ дознанію по дѣлу Харьковскаго Народовольческаго кружка и была выслана подъ гласный надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на 3 года.

Сыцяно Анна Іосифовна привлекалась въ 1879 г. къ дознанію въ Харьковѣ по дѣлу мѣстнаго революціоннаго кружка. Дознаніе это въ отношеніи Сыцяно было производствомъ прекращено.

скую гостиницу, находящуюся на Лопаньской набережной, послѣ чего также отправился въ квартиру Сыцянку, куда, почти одновременно съ нимъ, пришелъ какой-то студентъ Харьковскаго технологическаго института. Спустя часъ, Яковлевъ вышелъ изъ дома О'Руркъ и отправился въ Петербургскую гостиницу, а вскорѣ послѣ его ухода изъ того же дома вышли упомянутый технологъ и Флеровъ; изъ нихъ послѣдній направился въ номеръ къ Яковлеву. Того же числа въ 11 ч. 29 м. вечера Яковлевъ выѣхалъ въ Орель, гдѣ видѣлся съ Львовымъ, и 14 апрѣля возвратился въ Москву, а на слѣдующій день Владиміръ Черновъ, послѣ свиданія съ Яковлевымъ, выѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ провелъ 6 часовъ у Окунева и, возвратясь 17 апрѣля въ Москву, заѣхалъ къ Надеждѣ Лебедевой, у которой оставилъ бѣлую корзину, вѣсомъ въ 2 пуда.

Въ то время, какъ Яковлевъ 20 марта отправился въ Смоленскъ, Тютчевъ выѣхалъ въ Харьковъ; по пути къ нему присоединилась Екатерина Троицкая. Остановившись въ гостиницѣ Бенони; онъ на слѣдующій день искалъ вмѣстѣ съ Троицкой квартиру и 23 марта одинъ возвратился въ Орель. 3 апрѣля онъ вторично ѣздилъ въ Харьковъ.

Учрежденное одновременно въ С.-Петербургѣ наблюдение за Сушинскимъ и Келлеромъ привело къ установленію частыхъ посѣщеній, какъ этими лицами, такъ и студентомъ военно-медицинской академіи Николаемъ Бѣлецкимъ, студентомъ С.-Петербургскаго университета Борисомъ Зотовымъ, прослушавшимъ въ этомъ университетѣ курсъ Александромъ Федуловымъ, а также дѣйствительнымъ студентомъ сельскаго хозяйства Львомъ Чермакомъ, квартиры привлекавшася въ 1885 г. по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка прапорщика запаса арміи Михаила Александрова ¹⁾, проживавшаго совмѣстно съ женой Екатериной Михайловой, по Поварскому пер. въ д. № 12. Лица эти бывали у Александрова не только порозно, но собирались и вмѣстѣ, принимая особыя мѣры предосторожности, дабы не обратить на себя вниманіе полиціи. Такъ, 1 февраля 1894 г., въ 7 ч. вечера къ Михаилу Александрову пришелъ Михаилъ Келлеръ, а послѣ его ухода явились сначала Александръ Федуловъ; черезъ 20 м. Борисъ Зотовъ, затѣмъ въ 9 ч. 10 м. вечера Михаилъ Сушинскій, и лица эти оставались у Александровыхъ до поздней ночи, причемъ разошлись въ такомъ порядкѣ: Федуловъ въ 12 ч. 5 м., Сушинскій въ 12 ч. 45 м. и послѣднимъ ушелъ Зотовъ въ 1 ч. 20 м. пополудни. 4-го февраля Михаилъ Александровъ посѣтилъ Зотова. 6-го февраля въ 11 ч. утра изъ квартиры Александрова вышелъ Чермакъ, а въ 1 ч. 15 м.—Зотовъ, имѣя при себѣ свертокъ, завернутый въ газетную бумагу и обвязанный бичевкою; 9 февраля Александровъ провелъ у Зотова съ 6 ч. до 11 ч. вечера; 12 февраля Александровъ съ Зотовымъ были въ д. № 11 по Захарьевской улицѣ, у Сушинскаго; 21 февраля въ 7 ч. вечера въ квартирѣ студента С.-Петербургскаго университета Павла Скабичевскаго, замѣ-

¹⁾ Прапорщикъ запаса арміи Михаилъ Степановъ Александровъ привлекался въ 1885 г. къ дознанію по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка и былъ подвергнутъ гюремному заключенію на четыре мѣсяца и гласному надзору полиціи на два года внѣ мѣстностей, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны.

ченнаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Келлеромъ и Александромъ Никитинскимъ, собрались Михаилъ Александровъ съ женою, Александръ Никитинскій, Келлеръ, Сушинскій, студентъ военно-медицинской академіи Иванъ Галецкій и Зотовъ; собравшіеся разошлись въ 12-мъ часу ночи; 26 февраля въ квартирѣ Зотова собрались Михаилъ Александровъ, Сушинскій, Александръ Федуловъ, Левъ Чермакъ. Въ то же время наблюдениемъ было установлено посѣщеніе Михаиломъ Александровымъ, Сушинскимъ, Николаемъ Бѣлецкимъ, Келлеромъ и нѣкоторыми другими лицами рабочихъ.

Такъ какъ получавшіяся одновременно агентурныя свѣдѣнія указывали, съ одной стороны, что названныя лица усиленно занимаются революціонною пропагандою въ рабочей средѣ, выпустивъ изданную ими для рабочихъ газету подъ названіемъ «Рабочій Сборникъ № 1», а съ другой,—что Московско-Орловская группа, отпечатавъ въ организованной ею въ г. Смоленскѣ типографіи программу свою, намѣревается, для дальнѣйшей работы, перевести типографію въ другую мѣстность—въ видахъ недопущенія развитія дѣятельности этихъ сообществъ, 21 апрѣля 1894 г. было возбуждено, при С.-Петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, дознаніе, начавшееся рядомъ обысковъ, произведенныхъ одновременно въ г.г. Смоленскѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Москвѣ и С.-Петербургѣ у всѣхъ, намѣченныхъ наблюдениемъ лицъ. Обыски эти вполне подтвердили изложенныя агентурныя свѣдѣнія и приведенные результаты наблюденія, а дальнѣйшее дознаніе привело къ полному раскрытію связанной между собой преступной дѣятельности обнаруженныхъ кружковъ и лицъ.

Такъ, по обыскамъ у лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ дѣятельности Московско-Орловской группы, найдены въ большомъ количествѣ революціонныя изданія, при чемъ въ Москвѣ у Виктора Чернова оказался цѣлый складъ разныхъ революціонныхъ сочиненій на русскомъ и польскомъ языкахъ, печатныхъ, литографированныхъ, гектографированныхъ и рукописныхъ, въ томъ числѣ программы разныхъ революціонныхъ организацій; у Надежды Лебедевой обнаружены двѣ корзины и особая связка, наполненная разными печатными, гектографированными, литографированными и рукописными революціонными изданіями старой «партіи Народной Воли», польской партіи «Пролетаріатъ», польской социалистической партіи и между ними болѣе 1000 экз. брошюры, озаглавленной «Насущный вопросъ», изд. «партіи Народнаго Права» и 100 экз. издаваемой кружкомъ эмигрантовъ въ Парижѣ революціонной газеты «Русскій Рабочій» № 1¹⁾; у Ивана Куманина найдено болѣе 2000 экз. воззванія, озаглавленнаго «Манифестъ социально-революціонной партіи Народнаго Права»; у Владиміра Чернова и потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя Александрова, проживавшаго въ квартирѣ сестры своей Варвары Натансонъ, оказались экземпляры того-же воззванія; у Владиміра и Любови Лебедевыхъ и Надежды Черновой и ветеринарнаго врача Константина

¹⁾ Редакцію этого журнала составляютъ Н. Каминцевъ, Евгений Степановъ, Алексѣй Тепловъ, Георгій Бекъ, Софія Шейвцисъ: самый-же номеръ набирался въ квартирѣ рабочаго Соломона Рапполорта.

Шамарина, обысканнаго въ виду сношеній съ Черновымъ и Николаевымъ, отобраны также преступныя изданія. Но самые серьезные результаты далъ обыскъ въ Смоленскѣ, гдѣ въ домѣ Островскаго были задержаны проживавшіе тамъ нелегально по паспортамъ, оказавшимися подложными, мужчина и двѣ женщины, назвавшіеся прибывшимъ на обыскъ чинамъ полиціи: мужчиною—Дмитріемъ Окуневымъ и женщиною—Анфисой Клочковой и Лукеріей Денисенковой; въ квартирѣ-же ихъ обнаружена полная тайная типографія, уложенная для перевозки въ корзину и сундукъ, большое количество типографской бумаги, воззваніе «Манифестъ соціально-революціонной партіи Народнаго Права», 78 экз. брошюры «Насушный вопросъ», приготовленная для печатанія переводная статья Дж. Кенана «Голось за народъ» и три личныхъ документа: свидѣтельство, выданное изъ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранія, 18-го іюня 1880 г. за № 354, на имя сына дворянина Дмитрія Окунева, свидѣтельство, выданное изъ Воронежской городской управы, 16 декабря 1892 г., за № 5967, на имя жены потомственнаго почетнаго гражданина Анфисы Клочковой и плакатный паспортъ, выданный 20 мая 1893 г. за № 125, изъ Верхнесыроватскаго волостного правленія, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, на имя крестьянки Лукерьи Денисенковой. Наконецъ, въ г. Харьковѣ, у Лежавы оказалось около трехъ пудовъ типографской бумаги.

Вышеприведенный «Манифестъ соціально-революціонной партіи Народнаго Права, на которомъ значитъ, что онъ отпечатанъ въ «типографіи партіи Народнаго Права» 19 февраля 1894 г., представляя собою программу обнаруженнаго подъ этимъ именемъ сообщества и въ сжатой формѣ соотвѣтствуя содержанию, значащейся изданною въ той-же типографіи въ 1894 году, брошюры «Насушный вопросъ» гласитъ слѣдующее:

„Въ жизни государствъ бывають моменты, когда на первый планъ, отодвигая всѣ интересы, какъ бы существенны они ни были сами по себѣ выступаетъ одинъ только вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или иную сторону зависяетъ дальнѣйшія судьбы народа. Такой моментъ переживаетъ въ настоящее время Россія и такимъ вопросомъ, опредѣляющимъ будущую судьбу ея, является вопросъ о необходимости политической свободы. Самодержавіе, въ политикѣ Александра III, получившее наиболѣе яркое свое выраженіе и олицетвореніе, съ неопровержимой ясностью доказало свое безсиліе создать такой общественный и государственный строй, который обезпечилъ бы правильное развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны. Направленіе настоящаго царствованія, рѣзко выразившееся, какъ въ реформахъ послѣднихъ годовъ, въ видѣ учрежденія земскихъ начальниковъ и ограниченія мѣстнаго самоуправленія, такъ и въ систематической поддержкѣ капиталистическаго производства, показываетъ, что правительство неуклонно продолжаетъ политику административнаго произвола и сословно-классовыхъ интересовъ, всецѣло игнорируя вполнѣ назрѣвшіе вопросы, какъ государственной, такъ и народной жизни. Результатомъ такой политики явились общественная деморализація и экономическій упадокъ страны, предотвратить гибельныя послѣдствія и развитіе которыхъ правительство уже не можетъ. Та часть русскаго

общества, которая ясно представляет себѣ всю опасность современнаго положенія, не видитъ иного выхода, какъ рѣшительный поворотъ въ сторону политики народныхъ правъ и интересовъ, что можетъ быть достигнуто только путемъ непосредственнаго участія страны въ дѣлахъ управления, т. е. замѣною самодержавія установленіемъ свободныхъ представительныхъ учреждений.

Такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть надежды на то, что правительство добровольно вступитъ на указанный путь, то народу остается одно—противопоставить организованную силу общественнаго мнѣнія правительственной косности и узкимъ интересамъ самодержавія. Созданіе такой силы и имѣть въ виду партія Народнаго Права.

По мнѣнію партіи, понятіе о народномъ правѣ включаетъ въ себѣ, какъ понятіе о политической свободѣ, такъ и понятіе о правѣ народа на обеспечение его матеріальныхъ интересовъ на началахъ организациі народнаго производства. Гарантіями этого права въ глазахъ партіи служатъ:

- представительное управленіе на началахъ всеобщаго голосованія;
- свобода вѣроисповѣданій;
- независимость суда;
- свобода печати;
- свобода собраний и ассоціацій;
- неприкосновенность личности и правъ ея, какъ челоуѣка.

Въ виду того, что Россія не есть однородное цѣлое, а очень сложное политическое тѣло, необходимымъ условіемъ политической свободы является признаніе права на политическое самоопредѣленіе за всѣми національностями и областями, входящими въ составъ ея.

Такъ понимая народное право, партія ставитъ своей задачей объединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ страны и организацию такой активной силы, которая всѣми доступными ей реальными и матеріальными средствами добилась бы освобожденія отъ современнаго политическаго гнета самодержавія и обеспечила бы за всѣми права челоуѣка и гражданина.

Будучи глубоко убѣждена, что ея стремленія вполнѣ соотвѣтствуютъ истиннымъ потребностямъ историческаго момента, партія надѣется, что призвъ ея найдетъ горячій откликъ въ сердцахъ тѣхъ, кто не потерялъ еще чувства своего челоуѣческаго достоинства, въ комъ самодержавіе не вытравило сознанія своихъ гражданскихъ правъ, кто измученъ гнетомъ господствующаго произвола и насилія, кому дороги интересы родины и высшихъ идеаловъ правды и справедливости“.

Такова программа этой партіи, въ которой вовсе не указаны способы достиженія предъявляемыхъ требованій. Между тѣмъ самое находженіе по обыскамъ, рядомъ съ изданіями новаго кружка, также изданій такихъ революціонныхъ сообществъ, какъ старая партія «Народной Воли» и польская партія «Пролетаріатъ», притомъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ, прибрѣтенныхъ, очевидно, въ видахъ пропаганды, лишь подтверждаетъ имѣвшіяся агентурныя свѣдѣнія о томъ, что новый кружокъ умышленно въ программѣ своей опустилъ указанія на способы достиженія своихъ требованій, въ дѣйствительности же имѣлъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ выступить съ цѣлымъ рядомъ террористическихъ фактовъ.

Задержанные въ Смоленскѣ по подложнымъ паспортамъ лица

оказались: мужчина—бывшій административно-ссылный Михаилъ Монцевичъ, а проживавшія съ нимъ женщины—подъ видомъ жены и по паспорту Клочковой,—дочь коллежскаго ассесора Людмила Александрова, а въ качествѣ кухарки, по паспорту Денисенковой—дворянка Надежда Фоянкова. Дѣйствительный студентъ Варшавскаго университета Михаилъ Антоновичъ Монцевичъ, изъ крестьянъ Гродненской губернии, въ концѣ 1885 года былъ привлеченъ къ дознанію въ г. Варшавѣ по дѣлу польскаго революціоннаго сообщества «Пролетаріатъ», въ которомъ, наравнѣ съ Маріей Богушевичъ и Іосифомъ Разумѣйчикомъ, игралъ первостепенную роль, при чемъ, между прочимъ, участвовалъ въ устройствѣ тайной типографіи на Сѣнной улицѣ въ г. Варшавѣ и, дѣятельно занимаясь пропагандой и агитаціею среди рабочихъ, водворилъ изъ-за границы въ Варшаву транспортъ революціонныхъ изданій. Въ 1887 г. Монцевичъ былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь, срокомъ на 5 лѣтъ, по отбытіи наказанія проживалъ сначала въ Самарѣ, а съ іюня 1893 г. поселился въ Орлѣ.

Дочь коллежскаго ассесора Людмила Александрова и дочь коллежскаго совѣтника Надежда Фоянкова ¹⁾ были также извѣстны раньше по сношеніямъ съ лицами неблагонадежными въ политическомъ отношеніи.

Допрошенная по существу обнаруженныхъ по настоящему дѣлу данныхъ, Надежда Фоянкова отказалась отъ всякихъ показаній. Обвиняемый Михаилъ Монцевичъ показалъ, что, выходя изъ положенія о необходимости политической свободы и раздѣляя въ этомъ отношеніи программу партіи «Народнаго Права», онъ въ началѣ января 1894 г., подъ фамиліею Окунева, поселился въ Смоленскѣ для занятій въ устроенной тамъ типографіи и отпечаталъ брошюру «Насущный вопросъ»; Людмила же Александрова признала принадлежность свою къ партіи «Народнаго Права», стремящейся по ея словамъ, къ достиженію политической свободы и ставящей минимальной цѣлью ограниченіе самодержавія и устройство народнаго представительства и показала, что приняла сдѣланное ей предложеніе участвовать въ дѣлахъ этой партіи. При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія обвиняемый Евгений Яковлевъ, признавая виновность свою въ принадлежности къ социальнo-революціонной партіи «Народнаго Права», объяснилъ, что, сдѣлавшись членомъ этого сообщества въ октябрѣ 1893 г. онъ, съ нѣкоторыми другими членами, участвовалъ въ составленіи воззванія «Манифестъ социальнo-революціонной партіи народнаго права» и брошюры «Насущный вопросъ»; затѣмъ, получивъ порученіе принять въ Сумахъ доставленныя изъ Грязей два мѣста съ принадлежностями типографіи, онъ 18 февраля выѣхалъ въ Сумы, принявъ, по переданной ему квитанціи, съ товарной станціи ящикъ и корзину, перевезъ ихъ на вокзалъ желѣзной дороги и сдалъ до г. Курска, куда прибылъ и самъ 19 февраля около 5 ч. утра; встрѣченный на вокзалѣ Михаиломъ Ромасевымъ, онъ передалъ послѣднему

¹⁾ Фоянкова—сестра привлекавшагося въ 1892 г. къ дознанію въ СПб. Антонина Фоянкова.

квитанцію на вещи. Послѣ сего онъ велъ черезъ посредство Андрея Лежавы всѣ сношенія съ типографіей, устроенной въ Смоленскѣ, и когда въ началѣ марта ему передано было два тюка (около 1500 экз.) съ воззваніемъ „Манифестъ ¹⁾“, онъ помѣстилъ ихъ на храненіе въ меблированныхъ комнатахъ «Америка»; затѣмъ, узнавъ, что въ Смоленскѣ готовы остальные экземпляры Манифеста и что тамъ нужна бумага, купилъ таковую и 20 марта вечеромъ, взявъ съ Рязанскаго вокзала ящикъ съ рамами для типографскаго станка, выѣхалъ въ Смоленскъ, куда прибылъ 21 марта, остановился въ гостиницѣ Лондонъ, гдѣ прописался подъ фамилію Васильева, доставилъ Лежавѣ привезенныя съ собой вещи и, получивъ отъ него еще два тюка съ «Манифестомъ» и брошюрой «Насущный вопросъ», въ тотъ же день выѣхалъ изъ Смоленска. По прибытіи въ Москву, онъ оставилъ чемоданъ на вокзалѣ и заѣхалъ къ Любови Лебедевой, условился съ нею относительно помѣщенія изданій въ безопасномъ мѣстѣ и 23 марта доставилъ чемоданъ въ квартиру Лебедевой, у которой его ожидали уже Владиміръ Черновъ и Иванъ Куманинъ. Послѣднему онъ передалъ одинъ тюкъ; затѣмъ, въ первыхъ числахъ апрѣля онъ взялъ хранившіеся въ меблированныхъ комнатахъ «Америка» тюки съ «Манифестомъ» для помѣщенія ихъ въ иныхъ мѣстахъ, и одинъ изъ тюковъ 6 апрѣля передалъ черезъ Владиміра Лебедева на храненіе тому же Куманину. Наконецъ, получивъ порученіе доставить въ Харьковъ для немедленнаго распространенія въ разныхъ городахъ отпечатанныхъ въ Смоленской типографіи изданій, онъ взялъ 1000 экземпляровъ «Манифеста» отъ Куманина и 500 экз. брошюры «Насущный вопросъ» и 11 апрѣля съ этими изданіями отправился въ Харьковъ, куда прибылъ 13 апрѣля и имѣлъ, въ желѣзнодорожномъ садикѣ, свиданіе съ Николаемъ Флеровымъ, чтобы узнать отъ него адресъ лица, которому долженъ былъ передать привезенныя изданія. Флерову, онъ далъ письмо, адресованное нѣкому Павлу Ивановичу и затѣмъ взялъ съ вокзала свои вещи и перевезъ въ номеръ Петербургской гостиницы, послѣ чего зашелъ къ Ослоповой, гдѣ видѣлся опять съ Флеровымъ. Передавъ изданія указанному Флеровымъ лицу, онъ въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ изъ Харькова, посѣтивъ по пути въ Орлѣ Ивана Львова, Варвару Натансонъ и Сотникова, и 15 апрѣля возвратился въ Москву. Тутъ онъ узналъ, что остальные экземпляры брошюры «Насущный вопросъ» готовы и что дѣятельность типографіи въ Смоленскѣ должна быть прекращена. Считая неудобнымъ ѣхать въ Смоленскъ сейчасъ послѣ поѣздки въ Харьковъ, онъ просилъ Владиміра Чернова отправиться туда за изданіями брошюры «Насущный вопросъ» и, сообщивъ ему адресъ типографіи и пароль: «Уйди, не то ты погибнешь», поручилъ передать, чтобы участники типографіи поспѣшили оставить Смоленскъ. 15 апрѣля Черновъ выѣхалъ въ Смоленскъ и 17 возвратился въ Москву, привезя съ собой 1100 экземпляровъ брошюры «Насущный вопросъ», которые и были помѣщены, по указанію Любови Лебедевой, въ квар-

¹⁾ Изданіе это было доставлено, повидимому, обвиняемой Маріей Жиряковой, которая въ это время возвратилась изъ Смоленска.

тирѣ сестры ея Надежды, жившей въ больницѣ св. Ольги. Затѣмъ, по поводу нахождения у Надежды Лебедевой транспорта революціонныхъ изданій, въ которомъ оказалось 100 экз. газеты «Русскій Рабочій», Яковлевъ показалъ, что, по просьбѣ одного лица, онъ согласился принять на храненіе транспортъ революціонныхъ изданій, доставленный изъ-за границы въ апрѣлѣ 1894 года и поручилъ получить таковой ученику Московской земледѣльческой школы Владимиру Жданову, но о томъ, что Ждановымъ транспортъ полученъ и помѣщенъ у Надежды Лебедевой, ему извѣстно не было.

Относительно организаціи и цѣлей сообщества, а также состава членовъ его, Яковлевъ далѣе показалъ, что партія «Народнаго Права» относилась отрицательно, будто-бы, къ террористической дѣятельности и ставила основною цѣлью своей организацію общественнаго движенія съ рядомъ требованій къ существующему Правительству, для чего предполагалось самое широкое распространеніе литературы партіи: за изданіемъ воззванія «Манифестъ» и брошюры «Насущный вопросъ» должно было слѣдовать изданіе журнала или газеты, подъ названіемъ «Народное Право» или «Вѣстникъ Народнаго Права». Определеннаго мѣстопребыванія партія не имѣла, число же членовъ ея было ограничено, по словамъ Яковлева, не болѣе десяти; жили они не въ одномъ какомъ нибудь определенномъ городѣ, а въ разныхъ городахъ, причемъ вели между собой сношенія посредствомъ такъ называемыхъ сертификатовъ, сдѣланныхъ изъ простой бумаги или карточекъ съ какой нибудь вырѣзкой. Средства же партія получала путемъ пожертвованій и за время своего существованія израсходовала около 1000 р., въ томъ числѣ Яковлевъ израсходовалъ 200 р., изъ коихъ 100 р. далъ Лежавѣ и 100 р. передалъ Владимиру Чернову.

Въ заключеніе Яковлевъ, отказываясь указать членовъ этого сообщества, кромѣ Лежавы, Людмилы Александровой и Фоняковой, вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что Тютчевъ, Натансонъ, Гедеоновскій и Троицкая знали о существованіи партіи, изъ нихъ Троицкая оказывала услуги партіи покупая мебель для типографіи, а обвиняемому Петру Николаеву было извѣстно объ изданіи «Манифеста», который Яковлевъ ему показывалъ, спрашивая его мнѣнія. Обвиняемый Андрей Лежава призналъ, что принадлежалъ къ революціонному сообществу, поставившему своею задачею добиться свободы слова и печати. Утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, будто бы, не зналъ, что сообщество это называлось «партією Народнаго Права», онъ далѣе объяснилъ, что прибылъ изъ Москвы въ Смоленскъ, имѣя двѣ цѣли; приискать себѣ какое нибудь мѣсто и оказывать содѣйствіе тайной типографіи, путемъ доставленія типографской бумаги и передачи ея лицу, завѣдывающему типографією, и что онъ зналъ, что въ этой типографіи должна быть напечатана програмная статья. 7 апрѣля онъ выѣхалъ изъ Смоленска, направляясь на родину въ Тифлисъ, но принужденъ былъ остановиться въ Харьковѣ за недостаткомъ денегъ, присылку которыхъ и ожидалъ. Отказываясь засимъ указать лицъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ по своей преступной дѣятельности, и дать болѣе подробныя разъясненія о сей послѣдней, Лежава призналъ, что былъ знакомъ въ Смоленскѣ только съ обвиняемымъ Сергѣемъ

Смирновымъ, заявивъ, что познакомился съ нимъ, зайдя въ Губернскую Земскую Управу для полученія тамъ занятій.

Обвиняемый Владиміръ Черновъ отрицалъ принадлежность свою къ партіи Народнаго Права и призналъ лишь, что оказалъ партіи этой нѣкоторыя услуги. При этомъ онъ объяснилъ, что всегда относился скептически ко всякаго рода попыткѣ непосредственнаго воздѣйствія на политическій строй Россіи, считалъ народное возстаніе невозможнымъ и отрицалъ терроръ помимо нравственныхъ соображеній, также какъ средство не достигающее цѣли и неизбѣжно влекущее за собой реакцію. Но онъ придаетъ большое значеніе вопросу о политическомъ преобразованіи Россіи, въ духѣ конституціонной монархіи и находитъ, что этотъ вопросъ назрѣлъ и требуетъ настойчиваго разрѣшенія и потому, когда въ началѣ марта 1894 г. Яковлевъ сообщилъ ему, что организовался кружокъ Народнаго Права, который, отрицая прежнюю программу партіи Народной Воли съ ея терроромъ, на мѣсто террора выдвигаетъ серьезную борьбу словомъ, пробужденіе политическаго и общественнаго самосознанія, онъ проникся сочувствіемъ къ этому кружку и предложилъ Яковлеву свои услуги и такъ какъ Яковлевъ просилъ его подыскать надежное мѣсто для храненія изданій этого кружка, то онъ обратился за содѣйствіемъ къ своей невѣстѣ Любови Лебедевой. «Манифестъ» произвелъ на него хорошее впечатлѣніе, вслѣдствіе чего, когда Яковлевъ предложилъ ему поѣздку въ Смоленскъ за брошюрой «Насушный вопросъ», онъ согласился. Монцевичу онъ передалъ 100 р. и рекомендовалъ немедленно выѣхать изъ Смоленска. Получивъ затѣмъ отъ Монцевича корзину съ изданіями, онъ доставилъ ее съ вокзала въ квартиру Надежды Лебедевой.

Изложенныя объясненія являются, однако, далеко не соответствующими обнаруженной дознаніемъ дѣятельности привлеченныхъ къ дѣлу обвиняемыхъ. Такъ, выяснено, что въ началѣ января 1894 г., вскорѣ послѣ приѣзда Монцевича въ Смоленскъ, туда прибыли также Тютчевъ, Геденовскій и Львовъ; съ этими лицами Монцевичъ являлся въ домъ Дойникова для найма квартиры и вслѣдъ за отъѣздомъ Тютчева изъ Смоленска прибыла сначала туда же Жирякова и помѣстилась въ домѣ Дойникова вмѣстѣ съ Монцевичемъ, а затѣмъ, въ началѣ февраля, въ тотъ же домъ прибыла Людмила Александрова, послѣ чего Монцевичъ переселился съ ними 8 февраля въ домъ Островскаго. Когда помѣщеніе для типографіи было окончательно устроено и предстояла перевозка типографскихъ принадлежностей, Яковлевъ, отправляясь въ Сумы, предварительно заѣхалъ къ Тютчеву, и, возвращаясь изъ Курска послѣ сдачи типографіи Ромасеву, вновь посѣтилъ Тютчева, а также Натансона.

Въ началѣ марта Жирякова, оказавшаяся непригодной для роли кухарки, оставила Смоленскъ и на ея мѣсто прибыла Надежда Фонякова, которая поселилась съ названными лицами подъ именемъ и по паспорту Денисенковой. Жирякова, какъ оказывается, была прислана въ Смоленскъ для участія въ работахъ означенной типографіи Тютчевымъ и снабжена имъ денежными на эту поѣздку средствами; Людмила Александрова, передъ самымъ приѣздомъ своимъ въ Смо-

ленскъ, посѣтила въ Орлѣ Тютчева; паспортъ на имя Денисенковой ранѣе находился у Тютчева и, повидимому, тотъ же Тютчевъ склонилъ къ участию въ типографіи и обвиняемаго Монцевича, котораго зналъ еще по ссылкѣ и съ которымъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ въ Орлѣ въ то время, когда планъ организациі типографіи созрѣлъ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ приводитъ къ заключенію, что инициатива организациі въ Смоленскѣ подпольной типографіи принадлежала, несомнѣнно, Тютчеву и что всѣ лица, принимавшія участіе въ перевозкѣ этой типографіи и прикосновенныя къ ней, какъ-то: Владиміръ Черновъ, Екатерина Троицкая, Гедеоновскій, Львовъ и Натансонъ, у котораго по обыску оказался притомъ сертификатъ, установленный для сношеній только членовъ партіи между собой,—являлись сообщниками Тютчева въ качествѣ членовъ обнаруженнаго сообщества «партіи Народнаго Права».

Выясненныя относительно обвиняемаго Петра Николаева данныя свидѣтельствуютъ, что онъ былъ, повидимому, освѣдомленъ о дѣятельности и планахъ сообщества, такъ какъ находился въ сношеніяхъ съ Тютчевымъ, Натансономъ и др. наиболѣе дѣятельными членами сообщества и, вѣроятно, принималъ участіе въ составленіи «Манифеста», что до нѣкоторой степени подтверждается и показаніемъ по этому поводу Яковлева.

Что же касается остальныхъ, упоминаемыхъ въ показаніи Яковлева лицъ, то дознаніемъ установлены близкія отношенія къ Яковлеву и Владиміру Чернову обвиняемыхъ Владиміра, Надежды и Любви Лебедевыхъ, Владиміра Жданова и Алексѣя Александрова и—къ Гедеоновскому—Сергѣя Смирнова, причемъ дѣятельность ихъ выразилась въ сознательномъ содѣйствіи членамъ сообщества въ качествѣ пособниковъ.

Такимъ же пособникомъ былъ и вышеупомянутый Флеровъ, принявшій отъ Яковлева для распространенія изданія сообщества. При разслѣдованіи по этому поводу въ г. Харьковѣ, наблюденіемъ было установлено, что послѣ отъѣзда Яковлева, Флеровъ имѣлъ постоянныя сношенія съ поднадзорными—Анной Сыцянко и сестрой ея Маріей, по мужу Ослоповой, съ состоявшими подъ наблюденіемъ, въ виду политической неблагонадежности, Владиміромъ Синицкимъ и бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета Александромъ Мироновымъ (Абрамомъ Мейеровымъ) Гольденбергомъ ¹⁾, которые нерѣдко собирались въ квартирѣ Ослоповой. 31 мая, 1 и 3 іюня ту же квартиру посѣтилъ технологъ, который былъ у Ослоповой одновременно съ Яковлевымъ, оказавшійся студентомъ Харьковскаго Технологическаго Института Яковомъ Жидковымъ. 4 іюля Флеровъ имѣлъ въ желѣзнодорожномъ саду свиданіе съ только что прибывшими въ Харьковъ студентами военно-медицинской академіи Мартыномъ Войчинскимъ и Васиіемъ Хижняковымъ.

Одновременно съ производствомъ этого разслѣдованія, въ Де-

¹⁾ Мѣщанинъ Александръ Гольденбергъ привлекался въ 1884 г. въ дознанію по дѣлу Харьковскаго Народовольческаго кружка и былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Западную Сибирь на 3 года.

партаментъ Полиціи были получены свѣдѣнія, что проживавшая въ г. Цюрихѣ дочь священника Вѣра Величина, обратившая на себя вниманіе сношеніями съ русскими эмигрантами народовольческаго направленія, намѣревается въ непродолжительномъ времени, возвратиться въ Россію вмѣстѣ съ проживавшимъ также въ Цюрихѣ братомъ поименованныхъ Сыцянокъ Владиміромъ Сыцянко. Въ виду сего было учреждено наблюденіе за возвращеніемъ ея изъ-за границы. 19 іюля 1894 г. Вѣра Величина прибыла въ Москву вмѣстѣ съ Владиміромъ Сыцянко и оба они переѣхали въ село Пушкино, гдѣ проживаетъ ея семья. 30 іюля Владиміръ Сыцянко прибылъ въ Харьковъ, поселился у Ослоповой, а 23 августа, вмѣстѣ съ послѣдней, выѣлъ въ Москву, гдѣ они поселились въ квартирѣ Величинныхъ.

На основаніи этихъ данныхъ въ ночь на 4 октября 1894 г. были подвергнуты обыскамъ какъ поименованныя лица, такъ и состоявшіе въ сношеніяхъ съ Синицкимъ—служащій въ управленіи Харьковско-Николаевской желѣзной дороги мѣщанинъ Карпъ Съѣдинъ и—съ Ослоповой дворянка Олимпія Кнаке. При этомъ обнаружены у Кнаке 15 экземпляровъ воззванія «Манифестъ соціально-революціонной партіи «Народнаго Права», 5 экземпляровъ брошюры «Насущный вопросъ», у Съѣдина—пишущая машина системы Ремингтонъ, а у сожителя его дворянина Іеронима Росновскаго по одному экземпляру означенныхъ изданій. По обыску въ Москвѣ, въ квартирѣ Вѣры Величкиной, проживавшей въ домѣ своихъ родителей, совмѣстно съ братомъ, студентомъ Московскаго университета Николаемъ, сестрою Клавдіей, Владиміромъ Сыцянко, и Маріей Ослоповой были найдены также изданія партіи «Народнаго Права» «Манифестъ» и «Насущный вопросъ». Кромѣ того, какъ и въ этой послѣдней квартирѣ, такъ и у Кнаке и у Гольденберга обнаружены разныя революціонныя сочиненія: у Флерова же оказался лишь одинъ экземпляръ воспроизведеннаго на пишущей машинѣ Ремингтона сочиненія Л. Толстого «Царствіе Божіе внутри васъ» и экземпляръ сочиненія Шефле на польскомъ языкѣ. Привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ всѣ названныя лица не признали себя виновными въ принадлежности къ сообществу партіи «Народнаго Права». Обвиняемый Флеровъ подтвердилъ лишь показаніе Яковлева, отказавшись указать лицо, которому были переданы доставленныя Яковлевымъ изданія; остальные отрицали знакомство съ Яковлевымъ.

Между тѣмъ сознаніемъ Флерова вполне установленъ фактъ посѣщенія Яковлевымъ 13 апрѣля 1894 г. квартиры Ослоповой и далѣе выяснено, что Ослопова успѣла завязать сношенія съ обвиняемой Екатериной Троицкой, несмотря на кратковременность пребыванія послѣдней въ Харьковѣ, и что она была знакома также съ обвиняемой Олимпіей Кнаке. Не отрицая этого послѣдняго обстоятельства, Кнаке показала что, бывая въ домѣ Ослоповой, она встрѣчала тамъ Гольденберга и Синицкаго, а затѣмъ познакомилась съ Карпомъ Съѣдинымъ, служившимъ совмѣстно съ Синицкимъ въ управленіи Харьковско-Николаевской жел. дор., и съ товарищемъ Съѣдина по Харьковскому ветеринарному институту Казиміромъ Піотровскимъ¹⁾.

¹⁾ Піотровскій выѣлъ за границу до привлеченія къ дѣлу.

Отъ Съѣдина и Піотровскаго она и получила всѣ отобранныя у нея, по обыску изданія. Сначала Казиміръ Піотровскій далъ ей двѣ пачки изданій партіи «Народнаго Права», но затѣмъ взялъ все обратно и оставилъ только то число экземпляровъ «Манифеста» и брошюры «Насущный вопросъ», которые у нея оказались; всѣ же остальные преступныя сочиненія далъ ей Съѣдинъ. Войчинскій и Хижняковъ, согласно съ показаніемъ Флерова, показали что преступныхъ сочиненій отъ него не получали и что познакомились съ нимъ, будучи проѣздомъ въ Харьковъ, изъ любопытства видѣть человѣка, о которомъ слышали, что онъ много испыталъ. По словамъ этихъ обвиняемыхъ, Флеровъ при свиданіи велъ съ ними только теоретическій разговоръ на темы о социаль-демократическомъ направленіи студенчества, о новомъ направленіи, стремящемся къ достиженію политической свободы и т. д.

Изъ показаній обвиняемыхъ Вѣры и Клавдіи Великихъ и Владимира Сыячню выяснено, что преступныя изданія, оказавшіяся въ квартирѣ Великихъ, принадлежали обвиняемому Николаю Величину, и что Вѣра Величина, въ бытность свою за границей, познакомившись съ эмигрантомъ Владиміромъ Бурцевымъ и согласившись на предложеніе послѣдняго помѣщать въ выходящемъ въ Лондонѣ «Листкѣ фонда вольной русской прессы» извѣстія, которыя не могутъ быть оглашены въ Россіи, отправила для напечатанія въ редакцію означеннаго революціоннаго листка полученную ею отъ класнаго художника Митрофана Алехина ¹⁾ статью тенденціознаго содержанія о причинахъ ареста и смерти Дрожжина ²⁾.

Въ то время, какъ Московско-Орловская группа, именовавшаяся «партіей Народнаго Права», организовавъ въ Смоленскѣ типографію, печатала и затѣмъ приступила къ распространенію своей программы, наблюденіе и агентура въ С.-Петербургѣ установили существованіе здѣсь революціоннаго кружка, присвоившаго себѣ названіе «Группы Народовольцевъ», который, поставивъ ближайшей своей задачей создать рабочую революціонную организацію, направилъ свою дѣятельность на словесную пропаганду среди рабочихъ революціонныхъ идей на сходкахъ и на распространеніе среди рабочихъ соотвѣтственныхъ сочиненій въ духѣ старой народвольческой программы. Въ этихъ видахъ лица, руководившія этимъ дѣломъ, являлись въ рабочихъ костюмахъ, подъ вымышленными именами на квартиры, занимаемая рабочими, и бесѣдуя съ ними объ ихъ нуждахъ, отношеніи къ нимъ мастеровъ и фабрикантовъ, снабжая ихъ преступными сочиненіями, возбуждали этимъ путемъ въ рабочихъ недовольство ихъ положеніемъ

¹⁾ Митрофанъ Алехинъ привлеченъ къ дознанію при Виленскомъ губ. жанд. упр.

²⁾ Бывшій сельскій учитель Евдокимъ Никитинъ Дрожжинъ привлекался въ 1890 г. къ дознанію при Курскомъ губ. жанд. упр. по дѣлу распространенія революціонныхъ изданій и подлежалъ высылкѣ подъ надзоръ полиціи въ Иркутскую губ. на три года, съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была приведена въ исполненіе по отбытіи Дрожжинымъ наказанія за совершенное воинское преступленіе (отдача на два года въ дисциплинарный баталіонъ) и исключеніи изъ военной службы. Послѣ того Дрожжинъ былъ три раза судимъ за дисциплинарные проступки и по приговору суда оставленъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ до 1904 г. 27 января 1893 г. Дрожжинъ умеръ въ Вознесенской губ. тюрьмѣ, гдѣ содержался, какъ признанный негоднымъ для военной службы.

и тѣмъ изъ нихъ, которые оказывались подходящими, предлагали соединять рабочихъ въ кружки. Изъ числа этихъ лицъ выдѣлялись въ особенности носившіе клички: «Петра Петровича», «Василія Ивановича», «Василія Михайловича», «Владимира Ивановича» и «Володи Рыжого». Въ виду указаній на связь дѣятельности этого кружка съ кружкомъ «партіи Народнаго Права», и имѣвшихся свѣдѣній объ изданіи Петербургской группой народовольцевъ брошюры «Рабочій Сборникъ № 1» и готовившемся выпускѣ № 2-го одновременно съ обысками въ Москвѣ, Орлѣ и Смоленскѣ, были произведены обыски и въ С.-Петербурѣ, по которымъ найдены въ большомъ количествѣ революціонныя изданія; такъ у прапорщика запаса арміи Михаила *Александрова* и его жены Екатерины Михайловой отобраны газета «Русскій Рабочій № 1» и разныя рукописи революціоннаго содержанія, повидимому, подготовленныя къ печати, которыя въ моментъ прибытія полиціи для обыска Екатерина Александрова пыталась сжечь; въ общей квартирѣ студентовъ Военно-Медицинской Академіи Михаила *Сущинскаю*, Николая *Бѣлецкаю* и Ивана *Галецкаю*, въ домѣ № 11 по Захарьевской улицѣ, оказались печатная народовольческая программа, брошюры: «Къ десятилѣтію коронаціи» и «Братцы-товарищи»—изданіе Группы Народовольцевъ, 8 экз. брошюры «Рабочій Сборникъ № 1» и разныя другія гектографированныя и литографированныя брошюры и рукописи революціоннаго содержанія, принадлежности гектографа и обложки, тождественныя съ тѣми, въ которыхъ сброшюрованы «Рабочій Сборникъ»; у проживавшаго въ томъ же домѣ студента Военно-Медицинской академіи Ивана *Фуделя* оказался цѣлый складъ революціонныхъ сочиненій, въ томъ числѣ и изданія Группы Народовольцевъ; такіе же склады обнаружены и у слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ Екатерины *Журавлевой*, подвергнутой обыску, въ виду установленныхъ наблюденіемъ сношеній ея съ Сущинскимъ. и въ г. Казани— у студента военно-медицинской академіи Дмитрія *Крамера*, жившаго въ одной квартирѣ съ поименованными Сущинскимъ, Бѣлецкимъ и Галецкимъ и выывшаго изъ СПб. незадолго до обысковъ; у студента СПб. Университета Павла *Скабичевскаю* отобраны 31 экз., гектографированной брошюры «Рѣчь Мышкина» и рукопись революціоннаго содержанія, подготовленная для печати; у студента Военно-Медицинской Академіи Владимира *Павелко*, прибывшаго на квартиру Сущинскаго въ моментъ производства обыска, лично при немъ оказались пищевая машина и 2 экз. «Рабочаго сборника № 1», а у сожителя его студента СПб. Университета Петра *Малюш* большое количество революціонныхъ изданій, частью воспроизведенныхъ на гектографѣ. Наконецъ, у студента СПб. Университета Константина *Иванова* и студента СПб. Технологическаго Института Виктора *Окольскаю*, въ обихъ ихъ квартирѣ, кромѣ большого количества печатныхъ и гектографированныхъ революціонныхъ изданій, оказались рукописи, подготовленныя для «Рабочаго Сборника № 2».

Вышеприведенные результаты обысковъ прежде всего подтверждали связь, существующую между «группой народовольцевъ» и кружкомъ «партіи Народнаго Права», такъ какъ по обыскамъ у членовъ этого послѣдняго кружка (Виктора Чернова, а также у Надежды

Лебедевой) оказались въ большомъ количествѣ изданія группы народвольтцевъ («Братцы—товарищи», «Первое письмо къ голодающимъ крестьянамъ», брошюра «Хитрая механика», отгектографированная и усиленно распространявшаяся въ послѣднее время среди рабочихъ въ Спб.,—«Отчетъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ», тождественный съ найденнымъ у Крамера), у Михаила же Александрова оказалась газета «Русскій рабочій», 100 экземпляровъ которой впервые обнаружены по сему дѣлу при обыскѣ у Надежды Лебедевой. Нахожденіе у Виктора Чернова (повидимому, принимавшаго участие въ составленіи изданій партіи «Народнаго Права» наравнѣ съ Яковлевымъ, Николаевымъ и другими членами этого кружка) изданій Группы Народвольтцевъ позволяетъ усмотрѣть и дѣйствительную, повидимому, цѣль пріѣзда Чернова въ декабрь мѣсяцъ 1893 г. въ Спб., какъ делегата кружка «партіи Народнаго Права». Въ то же время обстоятельство это объясняетъ просьбу Чернова, обращенную къ Александру Никитинскому свести его съ Сушинскимъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что черезъ посредство сего послѣдняго и были пріобрѣтены кружкомъ партіи «Народнаго Права» изданія Группы Народвольтцевъ, очевидно, для дальнѣйшаго распространенія ихъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи.

При ближайшемъ разсмотрѣніи вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ въ подпольной типографіи въ Смоленскѣ, возникло подозрѣніе, что подложный паспортъ, съ которымъ была задержана обвиняемая Людмила Александрова, былъ переданъ въ революционную среду потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ *Прозоровскимъ*. Основаніемъ къ сему послужило то обстоятельство, что паспортъ этотъ значился выданнымъ изъ Воронежской Городской Управы, гдѣ въ то время служилъ Прозоровскій—товарищъ Михаила Александрова по гимназіи, извѣстный по прежней своей революціонной дѣятельности и находившійся въ ссылкѣ за государственное преступленіе. Хотя разслѣдованіемъ по этому поводу и было установлено, что Прозоровскій до послѣдняго времени не прерывалъ сношеній съ обвиняемымъ Михаиломъ Александровымъ, а также получились указанія на знакомство Прозоровскаго съ Людмилой Александровой, но дознаніемъ не обнаружено, однако, достаточныхъ данныхъ, подтверждающихъ вышеприведенное предположеніе о передачѣ Прозоровскимъ паспорта. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Прозоровскій отрицалъ всякія преступныя сношенія съ названными лицами.

Непосредственными сношеніями съ рабочими и распространеніемъ между ними старыхъ революціонныхъ сочиненій не ограничивалась дѣятельность обнаруженной группы. Обезпечиваясь предоставленіемъ рабочимъ въ цѣляхъ той же пропаганды, популярной газеты, они, какъ указано выше, при помощи рабочихъ составили и выпустили «Рабочій Сборникъ № 1». Въ изданіи этомъ они старались также возбудить въ рабочихъ сознаніе неудовлетворительности ихъ положенія и необходимости измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя. Такъ, статья, озаглавленная «Внутреннее Обзорніе», помѣщенная въ № 1 «Рабочаго Сборника», указывая, что мѣры прави-

тельства разоряють народъ, оканчивается слѣдующими словами: «Пора понять, что такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока народъ, выведенный изъ терпѣнія, не смететъ это правительство вмѣстѣ съ шайкой приспѣшниковъ съ лица земли».

На основаніи собственнаго сознанія Зотова и отчасти Окольскаго, Михаила Александрова, Павла Скабичевскаго и нѣкоторыхъ рабочихъ, результатовъ обысковъ и другихъ данныхъ дознанія и наблюденія за членами Группы Народовольцевъ, необходимо прійти къ заключенію, что въ составленіи и печатаніи «Рабочаго Сборника» принимали участіе Михаилъ Александровъ, Борисъ Зотовъ ¹⁾, Константинъ Ивановъ, Викторъ Окольскій, Михаилъ Сушинскій, Иванъ Галецкій, Николай Бѣлецкій и Павелъ Скабичевскій, причемъ самое печатаніе № 1, «Рабочаго Сборника» производилось, повидимому, въ квартирѣ Михаила Сушинскаго, на пишушей машинѣ, доставленной Владиміромъ *Павелко*, гимназическимъ товарищемъ Николая Бѣлецкаго.

Изъ показаній обвиняемыхъ, старавшихся вообще отрицать или умалить свою виновность, слѣдуетъ отмѣтить: Михаилъ Александровъ показалъ, что изъ сочувствія революціонному движенію онъ оказывалъ содѣйствіе лицамъ, которыя, занимаясь такою дѣятельностью, обращались къ его помощи, и что посему онъ согласился изложить въ болѣе простой формѣ брошюру Энгельса о социализмѣ въ Германіи и статью о министерствѣ земледѣлія (найденную у Скабичевскаго), зная, что статьи эти предназначаются для «Рабочаго Сборника»; съ рабочими онъ былъ знакомъ, но цѣль такого знакомства объяснить отказался; о мѣстѣ нахожденія сестры своей, Людмилы Александровой, въ послѣднее время, будто-бы, не зналъ.

Максимъ Келлеръ,—что посѣщаль Михаила Александрова, съ цѣлью полученія отъ него нелегальныхъ сочиненій, и, познакомившись у него, съ Николаемъ Бѣлецкимъ, бывалъ у послѣдняго, видѣлъ у него брошюру «Рабочій Сборникъ»; съ Бѣлецкимъ, а затѣмъ и самъ, нѣсколько разъ посѣтилъ рабочихъ, желая познакомиться съ ихъ бытомъ, но революціонною пропагандою въ ихъ средѣ, будто-бы, не занимался; о цѣли приѣзда Виктора Чернова въ С.-Петербургъ не зналъ.

Михаилъ Сушинскій,—что по предложенію одного товарища изъ любопытства посѣтилъ нѣсколько разъ рабочихъ.

Василій Браудо,—что заводилъ знакомства съ рабочими только для того, чтобы узнать ихъ духовную и матеріальную жизнь и при случаѣ быть имъ полезнымъ своими познаніями; при свиданіяхъ съ ними читалъ имъ иногда сочиненія Добролюбова и Писарева и сообщалъ свѣдѣнія о природѣ, исторіи и литературѣ; наконецъ,

Александръ Никитинскій утверждалъ, что не зналъ о цѣли приѣзда Чернова въ С.-Петербургъ и что былъ съ послѣднимъ у Сушинскаго только для того, чтобы вмѣстѣ покутить.

Наряду съ изложенными результатами обысковъ среди руководителей обнаруженной группы, по обыскамъ у рабочихъ, замѣченныхъ по наблюденію въ сношеніяхъ съ ними, были также найдены

¹⁾ Зотовъ 29-го января 1895 года умеръ.

изданія Группы Народовольцевъ «Рабочій Сборникъ № 1» (у рабочаго Петра *Иванова*), разныя сочиненія и рукописи тенденціознаго и преступнаго содержанія (у рабочихъ *Кейзера*, *Фунтикова*, *Норинскаю*, *Фишера*), отчетъ какой-то кассы (у рабочаго Дениса *Розенфельда*) и не отправленное по назначенію письмо на имя Николая Богданова ¹⁾, въ Воронежъ, за подписью «Черномазый», указывавшее на существованіе въ С.-Петербургѣ тайнаго кружка среди рабочихъ.

Изложенными вещественными доказательствами и показаніями многихъ, сознавшихъ обвиняемыхъ изъ лицъ рабочаго класса и, въ особенности рабочихъ Никандра Никифорова ²⁾, Никиты Тарасова, Григорія Иванова, по прозванію Штрипана, Ивана Медова, Михаила Сурулева (онъ же Хорьковъ), Сергѣя Смирнова и Матвѣя Фишера, установлено, что соціально-революціонная пропаганда среди рабочихъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ систематически ведется въ послѣдніе годы лицами интеллигентнаго класса, преимущественно учащеюся молодежью высшихъ учебныхъ заведеній. При производствѣ дознаній въ 1892 и 1893 г.г. были уже серьезныя указанія на существованіе среди рабочихъ революціонныхъ кружковъ и на преступную дѣятельность нѣкоей швеи Наталіи, которая чрезъ посредство Егора Афанасьева ввела студента Николаева Сивохина ³⁾ для занятій въ одинъ изъ такихъ кружковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, были получены указанія на участіе агитаціи между рабочими интеллигента, носившаго кличку «Петра Петровича». Принятыми мѣрами выяснено, что личности эти—первая—мѣщанка Наталія Александрова *Григорьева*, а «Петръ Петровичъ» вышеупомянутый прапорщикъ запаса арміи Михаилъ Александровъ ⁴⁾.

Хотя рядъ обысковъ, произведенныхъ въ то время въ рабочей средѣ и аресты нѣкоторыхъ руководителей и пріостановили временно пропаганду, но вскорѣ явились новые агитаторы, которые, сойдясь съ Александровымъ и образовавъ кружокъ, присвоившій себѣ названіе «Группы Народовольцевъ», стали широко распространять среди рабочихъ революціонныя идеи. Такими дѣятельными членами обнаруженаго сообщества Группы Народовольцевъ, принявшими на себя непосредственную роль агитаторовъ-пропагандистовъ среди рабочихъ, кромѣ Александрова, были студенты военно-медицинской академіи Михаилъ *Сушинскій* и Николай *Бѣлецкій*, окончившій курсъ Спб. университета Василій *Браудо*, студенты Спб. университета Борисъ *Зотовъ*, Константинъ *Ивановъ* и Максимъ *Келлеръ*; ближайшими же пособниками ихъ были Наталія *Григорьева* и дезинфекторъ городской барачной больницы Александръ *Фадѣевъ*, по обыску у котораго оказались печатныя революціонныя изданія и подготовленная, очевидно, для печатанія

¹⁾ Николай Богдановъ привлекался въ 1891 г. въ С.-Петербургѣ по дѣлу рабочаго революціоннаго кружка.

²⁾ Никандръ Никифоровъ привлекался къ дознанію по дѣлу революціонныхъ кружковъ, обнаруженныхъ въ Спб. въ 1892 г. Обз. 17.

³⁾ Сивохинъ и Егоръ Афанасьевъ привлекались къ тому же дознанію въ 1892 г. Обз. 17.

⁴⁾ Михаилъ Александровъ привлекался въ 1885 г. къ дознанію по дѣлу Воронежскаго революціоннаго кружка и по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 7 янв. 1887 г. былъ подвергнутъ 4-мѣсячному тюремному заключенію и, по отбытію наказанія, проживалъ нѣкоторое время въ Воронежѣ, а затѣмъ поселился въ Спб.

рукописная статья такого же содержания. Къ болѣе дѣятельнымъ изъ числа этихъ лицъ по даннымъ дознанія должны быть отнесены первые пятеро. Революціонная дѣятельность среди рабочихъ Михаила Александрова начинается съ весны 1882 г., когда Наталія Григорьева познакомила его съ рабочимъ Григоріемъ Ивановымъ (Штрипаномъ) и ввела въ кружокъ, собиравшійся въ квартирѣ рабочаго Никиты Тарасова. Съ тѣхъ поръ Михаилъ Александровъ, называвшійся между рабочими также «Василіемъ Ивановичемъ», посѣщаль этотъ кружокъ еженедѣльно по воскресеньямъ, указывая рабочимъ на необходимость самообразованія и снабжая ихъ революціонными изданіями, а черезъ полтора мѣсяца вмѣсто себя привелъ въ этотъ кружокъ Михаила Сущинскаго. Введенный въ рабочую среду также Натальею Григорьевой, Сущинскій, дѣятельно организоваль рабочіе кружки. Появляясь на устраиваемыхъ имъ сходкахъ въ разныхъ кружкахъ то подъ именемъ «Василія Тимофѣевича», то подъ кличкою «Василія Михайловича», одинъ и въ сопровожденіи Михаила Александрова, Николая Бѣлецкаго (носившаго кличку «Владимира Ивановича») и Бориса Зотова (извѣстнаго между рабочими подъ именемъ «Николая Ивановича»). Сущинскій и названныя лица, а также Константинъ Ивановъ, знакомый рабочимъ подъ именемъ «Мишки» и «Михаила Яковлевича», сравнивали положеніе русскаго рабочаго съ положеніемъ рабочихъ за-границею, и, указывая имъ, что русскій рабочій больше работаетъ, но меньше получаетъ, и что все имъ сдѣланное идетъ на пользу фабриканта, учили ихъ устраивать стачки и забастовки, поясняя, что только этимъ путемъ можно добиться уступокъ отъ фабрикантовъ; далѣе, они говорили что фабриканты оттого сильны, что правительство позволяетъ имъ мучить народъ, что поэтому надо переимѣнить правительство, сдѣлать такъ, какъ въ Соединенныхъ штатахъ С. Америки: собраться большими партіями и возстать; тогда, поясняли они, и у насъ будетъ другой—выборный Царь, для того же, чтобы добиться всего этого рабочіе должны были объединяться въ кружки, устраивать кассы на случай стачекъ и забастовокъ, а при окрѣпнувшей организациі произвести народное возстаніе для ниспроверженія существующаго правительства. По окончаніи сходокъ, лица эти давали обыкновенно хозяину квартиры революціонныя изданія для раздачи рабочимъ, при чемъ болѣе другихъ распространялись брошюры «Хитрая механика», «Письмо къ голодающимъ крестьянамъ», «Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи», «Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ», а въ послѣднее время «Рабочій Сборникъ № 1», «Братцы - товарищи» и др. кромѣ того, Бѣлецкій выписываль для своихъ кружковъ газету «Русская жизнь». Для сходокъ нанимались иногда спеціальныя квартиры на средства этихъ лицъ. Такъ, Михаилъ Александровъ далъ рабочему Сурулеву 8 р. на наемъ квартиры, рабочій Трофимъ Нефедовъ получилъ отъ Николая Бѣлецкаго для той же цѣли 30 р. между прочимъ, рабочій Матвѣй *Фишеръ* показаль на допросѣ, что Сущинскій, встрѣтивъ его весною 1893 г. въ Петровскомъ паркѣ, подошелъ къ нему, хотя не былъ тогда еще съ нимъ знакомъ, и завелъ рѣчь о заработной платѣ. Потомъ онъ зашелъ къ нему и сталъ указывать на неудовлетворительность государственнаго

строю въ Россіи и необходимость ниспроверженія его насильственнымъ путемъ, заявивъ, что переворотъ этотъ произведетъ «Народовольческая партія», къ которой онъ принадлежитъ, а затѣмъ сталъ просить познакомиться его съ рабочими, вслѣдствіе чего *Фишеръ* познакомилъ его съ рабочими Норинскимъ и Кейзеромъ. Весной 1894 г. состоялась сходка въ квартирѣ Фишера, на которую явились Сушинскій, Михайлъ Александровъ и Зотовъ, и тутъ они объявили, что существуетъ организація, которая рѣшилась путемъ народнаго возстанія ниспровергнуть существующій въ Россіи государственный строй, и предложили имъ вступить въ эту организацію. Узнавъ о стачкѣ на Воронинской мануфактурѣ, Сушинскій счелъ нужнымъ появиться тамъ и составилъ протестъ отъ имени рабочихъ, помѣщенный затѣмъ въ «Рабочемъ Сборникѣ № 1». Обвиняемый рабочій Петръ Морозовъ показалъ, что въ январѣ или февралѣ, 1894 г. въ портерной, находящейся на Шлиссельбургскомъ проспектѣ, къ нему присталъ незнакомый ему до того Сушинскій съ просьбой выпить и затѣмъ предложилъ организовать рабочій кружокъ съ цѣлью пропаганды, обѣщая для занятій являться самъ и присылать своихъ товарищей. При этой встрѣчѣ, Сушинскій далъ Морозову «Письмо къ голодающимъ крестьянамъ».

Браудо появился среди рабочихъ впервые также въ 1892 г. Въ то время онъ посѣщалъ Тарасова и проводилъ тѣ же революціонныя идеи, какъ и прочіе вышеназванные агитаторы, снабжая его такими же преступными изданіями; затѣмъ онъ посѣщалъ кружокъ Никиты Тарасова (Самсоніевскій проспектъ, д. № 62), гдѣ былъ извѣстенъ подъ кличками «Владимира Ивановича», «Жидка», и «Володи Рыжаго». Осенью 1893 г. онъ привелъ въ трактиръ Чугунова, по Шлиссельбургскому проспекту новаго интеллигента «Михаила Ивановича», оказавшагося Максимомъ *Келлеромъ*, и познакомилъ его съ рабочими Тарасовымъ и Сурулевымъ, съ которыми Келлеръ имѣлъ три свиданія въ трактирѣ, подъ названіемъ «Бережки», при чемъ при одномъ изъ свиданій далъ и воззваніе «Братцы-товарищи»; онъ же имѣлъ свой кружокъ рабочихъ, на Выборгской сторонѣ. Оставленный при общихъ арестахъ въ розыскныхъ цѣляхъ на свободѣ, Браудо выбылъ изъ Спб. для отбытія воинской повинности въ Рязанскую губ., но, по возвращеніи осенью 1894 въ Спб., сталъ продолжать свою преступную дѣятельность въ виду чего и былъ арестованъ 17 марта 1895 г.

Результатомъ такой дѣятельности поименованныхъ лицъ явилось широкое развитіе революціонныхъ кружковъ среди рабочихъ и вполне правильная ихъ организація; составлялись они рабочими, причемъ составившій данный кружокъ выбирался прочими членами кружка въ качествѣ кружкового представителя. Нѣсколько же кружковъ по мѣсту ихъ нахождения имѣли «группового представителя», который доставлялъ въ кружокъ революціонныя изданія, получаемыя отъ руководителя, и велъ съ послѣдними непосредственныя сношенія. Съ участниковъ кружковъ производились сборы въ кассу взаимопомощи, которая пополнялась также пожертвованіями, дѣлаемыми лицами руководившими революціонной пропагандою, и средствами получаемыми отъ устраиваемыхъ лотерей. Выше изложено, что по обыску у Розенфельда былъ отобранъ рукописный отчетъ кассы за январь,—апрѣль

1894 г. Въ отчетѣ этомъ въ отдѣлѣ «приходъ» значится, между прочимъ, въ поступленіи: «отъ рабочихъ 46 р. 5 к., отъ розыгрыша лотереи 50 р., отъ интеллигенціи на квартиру 16 р.», а въ отдѣлѣ «расходъ» указаны выдачи: «высланнымъ рабочимъ 41 р., вышедшимъ изъ заключенія 50 р., на квартиру для кружка 16 р., выслано книгъ заключеннымъ въ тюрьмахъ рабочимъ на 12 р.» По этому поводу обвиняемый Фишеръ показалъ, что отчетъ этотъ былъ имъ полученъ отъ Сушинскаго для снятія 3 копій, которыя онъ и передалъ Сушинскому, одинъ же экземпляръ далъ Розенфельду, при полученіи отъ послѣдняго пожертвованія. вмѣстѣ съ тѣмъ Фишеръ сознался, что въ декабрѣ 1893 г. онъ организовалъ для революціонныхъ цѣлей кассу въ составъ которой, въ числѣ другихъ рабочихъ, вошли Кейзеръ и Норинскій, собираемыя же суммы расходовались на предметы, значащіеся въ приведенномъ выше отчетѣ. Послѣ общей сходки въ Волковскомъ лѣсу, происходившей въ іюнѣ 1892 г., организованной въ видахъ объединенія существовавшихъ уже въ то время рабочихъ кружковъ, многіе рабочіе, первоначально являвшіеся лишь простыми посѣтителеми сходокъ, стали сами составлять кружки, предоставлять свои квартиры для сходокъ, заниматься распространеніемъ революціонныхъ изданій и вербовать товарищей въ кружки, образовавшіеся въ Шлиссельбургскомъ участкѣ, на Выборгской и Петербургской сторонахъ, на Васильевскомъ островѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Такими рабочими, вполнѣ проникшимися революціонными идеями, изъ числа привлеченныхъ къ сему дѣлу обвиняемыхъ являлись: Петръ *Морозовъ*, Андрей *Норинскій*, онъ же Фокинъ (групповые представители: Морозовъ—кружковъ за Невской заставой, Фохтъ—на Петербургской сторонѣ), Матвѣй *Фишеръ*, Сергѣй *Фунтиковъ*, Андрей *Богдановъ*, Федоръ *Козловъ*, Михаилъ *Сурулевъ*, Іоганъ *Кейзеръ*, Трофимъ *Нефедовъ*, Иванъ *Медовъ*, Никандръ *Никифоровъ*, Никита *Тарасовъ*, Сергѣй *Грининъ* (привелъ къ рабочему Дмитрію Бѣлякову Михаила Сушинскаго), Яковъ Ивановъ *Балодъ* (по прозванію Болтусъ), Петръ *Ивановъ*, Григорій *Ивановъ-Штрипанъ*, Анна *Егорова* (уговорила Федора Козлова составить кружокъ), Афанасій *Васильевъ* (свелъ Медова съ Николаемъ Бѣлецкимъ, который затѣмъ и сталъ посѣщать кружокъ Медова), Яковъ *Маіоровъ* (участвовалъ на сходкѣ въ Волковомъ лѣсу) и Сергѣй *Смирновъ*. Наконецъ, сюда же должна быть отнесена Наталія *Григорьева*, являвшаяся групповою представительницею на Выборгской сторонѣ. По даннымъ дознанія Наталія Григорьева, по обыску у которой оказалось значительное количество революціонныхъ изданій, скрываясь отъ преслѣдованія по упомянутому выше дѣлу рабочей пропаганды 1892 г., не прерывала, однако же, сношенія съ революціонной средой вплоть до ареста своею послѣдовавшимъ 10-го сентября 1894 г. въ Нарвѣ. Проживая нѣкоторое время въ Воронежѣ, она находилась въ сношеніяхъ съ упомянутымъ Николаемъ Богдановымъ (привлеченнымъ тоже къ дѣлу), а находясь въ Нарвѣ пыталась и тамъ образовать кружокъ народовольцевъ. Сообщая объ этомъ рабочему Егору Афанасьеву, она говорила ему, что старалась проникнуть въ эстонское общество, но что это не удалось ей по незнанію языка. Къ организованнымъ кружкамъ примкнули рабочіе Герасимъ *Вороновъ*, Логинъ *Желабинъ* (авторъ упомя-

нутаго письма къ Николаю Богданову), Михаилъ *Ксенофоновъ*, по прозванію Князевъ, Никифоръ *Евстифѣевъ*, Илья *Выборновъ* (участвовалъ въ сходкѣ въ Волковомъ лѣсу), Григорій Ивановъ *Ивановъ*, Илья *Костинъ* (находившійся въ сношеніяхъ съ Наталіей Григорьевой), Леонтій *Куколенко*, онъ же Куколейкинъ, Иванъ *Бѣловъ*, Лаврентій *Шиловскій* ¹⁾ и Андрей *Илларионовъ*, по прозванію *Лапоха*.

Насколько сильно было вліяніе революціонной пропаганды на рабочихъ, видно изъ того что обвиняемый Фишеръ, по собственному признанію, нѣсколько разъ обращался къ рабочимъ Балтійскаго завода, гдѣ служилъ, съ рѣчью, въ которой указывалъ на недостатокъ заработной платы и несовершенство фабричнаго законодательства, касающагося найма и штрафовъ, и что нѣкоторые рабочіе, по предложенію Зотова, Бѣлецкаго и другихъ руководителей, стали переписывать или даже сочинять революціонныя статьи для «Рабочаго Сборника». Такъ, у рабочаго Петра Иванова оказалась написанная для этой брошюры статья по поводу столкновенія рабочихъ на Кениговской фабрикѣ; по обыску у Александрова оказалось стихотвореніе «Къ друзьямъ», переписанное обвиняемымъ Медовымъ, а у сего послѣдняго—статьи условія работы на ткацкихъ фабрикахъ и два стихотворенія, переписанныя имъ изъ тетради, взятой у рабочаго Штрипана для Бѣлецкаго (оказавшіяся помѣщенными въ «Рабочемъ Сборникѣ» № 1), у рабочаго Фунтикова найдена рукопись озаглавленная «что такое товаръ»; по имѣющимся агентурнымъ свѣдѣніямъ, возваніе «Братцы-товарищи» было составлено обвиняемымъ Кейзеромъ и передано послѣднимъ въ рукописи Сущинскому; у обвиняемой Анны Егоровой найдены собственноручно составленныя ею рукописи противоправительственнаго содержанія; у обвиняемаго Никиты Тарасова оказалась по обыску рукописная программа для собиранія свѣдѣній о дѣятельности на фабрикахъ и отношеніи администраціи къ рабочимъ



¹⁾ Лаврентій Шиловскій 11-го апрѣля 1894 года умеръ.

Отрывки изъ воспоминаній.

Вспомнина старину, я недавно сидѣлъ у одного извѣстнаго литератора, побывавшаго какъ и я грѣшный, въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. „Одно время, сказалъ этотъ маститый писатель, подѣ вліаніемъ теоріи Бакунина, интеллигенція искала прозелитовъ среди тюремнаго люда“.

Не берусь за другихъ говорить, можетъ быть, это было и такъ. Я и мои близкіе друзья находились внѣ вліанія Бакунина. Воспитывались мы непосредственно подѣ впечатлѣніемъ русской легальной литературы и тѣмъ не менѣе я удѣлялъ большое вниманіе тюремному люду. Пропаганда эта выходила естественнымъ образомъ.

Вся наша народническая практика была мимолетна. Скоро насъ, всѣхъ пропагандистовъ, засадили по тюрьмамъ. Мнѣ пришлось просидѣть до суда четыре года. Судился я по Большому процессу (1933-хъ). Попавъ въ Сибирь на житье, я и тамъ два раза былъ арестованъ, и каждый разъ сидѣнье мое продолжалось по полтора года. Оба мои послѣдніе аресты кончились новыми ссылками, уже административнымъ порядкомъ; первая—въ Иркутскую губернію, вторая—въ Якутскую область. Прибавьте сюда длинный этапный путь. Два раза приходилось на два мѣсяца останавливаться по тюрьмамъ, въ Красноярскѣ и въ Якутскѣ. Въ самой ссылкѣ сибирской трудно было не наткнуться на тюремный людъ, вѣдь Сибирь пропитана тюремной атмосферой. Не забывайте, что мы провели свои лучшіе годы въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ, годы, когда хотѣлось такъ сильно жить, когда потребность въ пропагандѣ стояла на первомъ планѣ, и мы, естественно, направили свою пропаганду на окружающій насъ міръ. Мы не только пропагандировали арестантовъ, мы не останавливались даже и передъ жандармами. Въ Одессѣ, гдѣ впервые я сидѣлъ въ заключеніи, жандармскій полковникъ Кнопъ не довѣрялъ тюремной администраціи, а потому ежедневно приходили въ тюрьму два жандарма, которые и были нашими полными хозяевами, но, въ концѣ-концовъ, мы съ ними очень подружились, они носили съ воли намъ письма и оказывали всевозможныя услуги. Нѣкоторые изъ нихъ трогательно привязались къ намъ. Какъ живой стоитъ передъ глазами жандармскій унтеръ-офицеръ Орловъ. Прощаясь съ нами, онъ клялся никогда не забывать насъ.

Въ то время нравы были патриархальные, я говорю о провинціи. Хотя сдѣлалъ я въ одиночной камерѣ, но я безпрепятственно по цѣлымъ днямъ велъ бесѣды, сидя на окнѣ съ уголовными арестантами. Однажды, мое вниманіе было привлечено ссорой между арестантами. Нѣсколько человѣкъ играли въ орлянку, во время игры они поссорились, а ссора кончилась дракой, причемъ потерпѣвшій оказался крестьяниномъ, отъ котораго вѣяло полемъ и деревней. Съ окровавленной фізіономіей онъ ревѣлъ, какъ ребенокъ,—„шпана“ же надъ нимъ издѣвалась. Мнѣ сразу бросился въ глаза этотъ здоровенный Никита. Я почувалъ, что онъ не свой въ тюремномъ мірѣ. Вскорѣ я съ нимъ познакомился. Обвинялся онъ въ ковокрадствѣ. Какъ его грѣхъ попуталъ, я такъ и до сихъ поръ не могу понять. Дѣло въ томъ, что Никита Всеволодскій тогда былъ сильно задѣтъ штундизмомъ; помимо этого, Никита былъ чрезвычайно глубокой человѣкъ. Впослѣдствіи онъ былъ сосланъ, какъ политической ссыльный въ городъ Енисейскъ, и тамъ сдѣлался любимцемъ всей политической ссылки; отличался онъ тамъ въ особенности своимъ трудолюбіемъ и своей глубокой идейностью. Знакомство наше перешло въ дружбу, общая почва, на которой мы сходились, было Евангеліе. Какъ ни привлекателенъ былъ для меня тогда штундизмъ, однако чувствовалось, что между мною и имъ лежитъ нѣчто, не позволяющее намъ вполне понимать другъ друга. Признаться, часто онъ ставилъ меня втупикъ, когда обращался ко мнѣ за разъясненіемъ непонятныхъ ему мѣстъ изъ Апокалипсиса. Мы какъ бы говорили на разныхъ языкахъ, хотя сердца наши взаимно притягивались. Наконецъ случай помогъ мнѣ перевести Никиту на мою почву. У меня оказался новый сосѣдь. Что можетъ быть интереснѣе для заключенныхъ, какъ привозъ съ воли новаго сосѣда? Увы на этотъ разъ мой новый сосѣдь меня разочаровалъ. Когда смотритель тюрьмы съ надзирателемъ удалились и въ корридорѣ моемъ воцарилась тишина, я сталъ громко звать сосѣда къ дверямъ, отвѣта не было, въ сосѣдней же камерѣ раздавались быстрые шаги очевидно нервнаго человѣка. Лишь черезъ два часа мнѣ удалось вызвать сосѣда къ дверямъ. На мои вопросы я вдругъ услышалъ къ моему ужасу нервный голосъ безумнаго человѣка: „Я знаю меня посадили сюда съ научной цѣлью, я сижу здѣсь въ антропологическомъ кабинетѣ, съ окна кабинета я долженъ изучать человѣческіе типы. Что же, я для науки готовъ страдать, но пусть же дозволятъ моей женѣ и дочери посѣщать меня“.. Я съ нѣмымъ ужасомъ слушалъ эти безумныя рѣчи.. „Вотъ, продолжалъ онъ, слышите меня зовутъ къ телеграфу, вѣдь камера моя соединена телеграфомъ съ университетомъ“. Помню сцену, оставшуюся на вѣки въ моей памяти: Заславскаго, такъ звали моего сосѣда, черезъ два дня звали въ контору, онъ отказался идти, тогда пришла за нимъ цѣлая орава надзирателей съ тюремнымъ смотрителемъ во главѣ. Его взяли подъ руки и повели; несчастный же упираясь, безъ шапки, кричалъ душу раздирающимъ голосомъ. Несмотря на его помѣшательство на

Заславскаго находили минуты просвѣтленія, и тогда съ большимъ удовольствіемъ слушаль я его въ высшей степени логическую рѣчь. Въ Одессѣ онъ основаль рабочій кружокъ; кружокъ этотъ имѣль, насколько припоминаю, свою тайную типографію. Все шло хорошо, связи расширялись, но по обыкновенію явился провокаторъ и весь кружокъ былъ захваченъ. Заславскій былъ арестованъ въ 1875 году и прежде чѣмъ заключить въ тюремный замокъ, его содержали нѣсколько мѣсяцевъ въ арестномъ домѣ, гдѣ онъ и успѣль сойти съума. Нельзя сказать, чтобы сосѣдство такое было особенно приятно, въ тюрьмѣ и безъ того были у меня разстроены нервы, а тутъ приходилось выслушивать безумныя рѣчи сумасшедшаго. Впослѣдствіи, кажется въ 1877 году, я его встрѣтилъ въ С.-Петербургѣ въ домѣ предварительнаго заключенія. Онъ впалъ тогда въ полнѣйшій тихій идиотизмъ. Тѣмъ не менѣе, его судили и приговорили къ каторжнымъ работамъ. Онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ. Тогдашній смотритель одесской тюрьмы Зубачевскій, боясь, чтобы Заславскій ночью не наложилъ на себя руки, помѣщаль на ночь въ камеру Заславскаго двухъ уголовныхъ арестантовъ. Я воспользовался этимъ и при посредствѣ арестантскаго старосты, былъ на ночь помѣщенъ въ камеру Заславскаго мой Никита съ другимъ арестантомъ. Почти цѣлую ночь былъ слышенъ неумолкаемый говоръ въ сосѣдней камерѣ. Въ то время, какъ товарищъ Никиты вскорѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ, Никита все время внимательно слушаль рѣчь Заславскаго. На утро послѣ повѣрки подходитъ къ моей камерѣ Никита и съ восторгомъ говоритъ: „И що це за человекъ, вин усе знае, не дурно же вин в ночи все на зирки дивится“. Оказывается Заславскій прочиталь ему цѣлую лекцію. Съ тѣхъ поръ мой Никита сталъ постепенно переходить на болѣе рационалистическую почву. Апокалипсисъ все болѣе и болѣе отодвигался въ сторону. Мой милый, дорогой Никита, какія отрадныя минуты ты доставляль мнѣ въ моей тюремной жизни! Въ 1876 году, однако я съ нимъ долженъ былъ разстаться. Меня съ другими товарищами увезли въ Питеръ. О Никитѣ я было позабыль, и только въ Сибири я узналь, что Никита Всеволодскій по выходѣ изъ тюрьмы сошелся близко на волѣ съ „политиками“ и сдѣлался рьянымъ пропагандистомъ; былъ арестованъ и сосланъ въ городъ Енисейскъ, гдѣ пробыль три года. И какъ я уже выше сказалъ, онъ былъ любимцемъ всей политической енисейской ссылки.

Другой уголовный арестантъ, котораго мы тоже пропагандировали былъ нѣкто Пилаевъ. Это былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ человекъ. Пилаевъ былъ настоящимъ завсегдатаемъ тюрьмы. За два года моего пребыванія въ одесской тюрьмѣ, онъ нѣсколько разъ освобождался, и опять приводился въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ велъ дѣятельную жизнь; выражаясь арестантскимъ языкомъ Пилаевъ былъ „фартовымъ“ человекомъ. Будучи хорошимъ спеціалистомъ, — рѣзчикъ печатей — онъ зарабатываль въ тюрьмѣ хорошія деньги, но кромѣ того Пилаевъ былъ счастливымъ картежнымъ игрокомъ. Несмотря на всю свою дѣловитость, онъ любилъ мно-

го читать и увлекался романами. Въ его натурѣ вообще таилось много романтизма. Мнѣ кажется, нами, политическими, онъ увлекся, какъ страничкой интереснаго романа. Тогда мнѣ, казалось, что „Московскій“, таково было его тюремное прозвище, воспринимаетъ наши идеи лишь поверхностно. Дѣйствительность однако показала, что я былъ не совсѣмъ правъ. Пилаевъ, по выходѣ изъ тюрьмы, сошелся близко съ одесскими радикалами, и во второй половинѣ 70-хъ годовъ былъ сосланъ, какъ политическій ссыльный, въ Восточную Сибирь. Въ ссылкѣ онъ дѣлалъ попытку къ побѣгу, былъ пойманъ и просидѣлъ долго въ Верхотенской тюрьмѣ. По моимъ справкамъ велъ тамъ безукоризненную жизнь, даже не игралъ въ карты съ арестантами, но впоследствии, поселившись въ городѣ Киренскѣ Иркутской губерніи, имѣлъ какія-то недоразумѣнія съ политическими ссыльными. Трудно требовать, чтобы человекъ, прошедшій черезъ школу разной уголовщины, могъ бы вполне слиться съ нашимъ братомъ, „политикомъ“. Со мной въ ссылкѣ онъ велъ длинную переписку. Изъ писемъ его я видѣлъ, какъ сильно угнетали Пилаева, выше упомянутыя недоразумѣнія. Въ 1895 году, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ нашей разлуки, я его посѣтилъ въ городѣ Киренскѣ. „Ну, скажите я ему, узнавайте меня!“ Долго онъ всматривался и все-таки не могъ узнать меня. И только когда я ему напомнилъ нѣкоторыя сцены изъ одесской тюремной жизни, онъ узналъ меня и бросился ко мнѣ въ объятія. Въ гостяхъ я прожилъ у него нѣсколько дней. Мнѣ, показалось, что онъ составленъ изъ смѣси хорошаго и дурнаго. Рядомъ съ вполне выработанными интеллигентными потребностями, у него проглядывала страсть къ золотискательству. Каждое лѣто онъ отправлялся на золотые прииска, искать своего счастья. Однако ворочусь къ прежнему разсказу. Сидя въ одесской тюрьмѣ, мы не ограничивались пропагандой среди единичныхъ личностей. Одинъ изъ насъ, Ч. писалъ длинныя статьи, которыя читались сообща въ общихъ арестантскихъ камерахъ. И это дѣлалось, повторяю не подъ влияніемъ идей Бакунина. Между нами въ одесской тюрьмѣ не было ни одного бакуниста. Сильна была тогда потребность вносить свое „я“ въ окружающую насъ жизнь. Потребность эта насъ душила, и если бы стѣны могли слушать, мы бы и стѣнамъ проповѣдовали истину и справедливость. Нельзя сказать, чтобы мы не имѣли нѣкотораго успѣха среди уголовныхъ арестантовъ. Однако успѣхъ этотъ коренился не столько въ нашихъ идеяхъ, которыя остались въ большинствѣ случаевъ непонятыми. Нѣтъ, не наши идеи заражали арестантовъ. Мы какъ личности, одухотворенныя идеями, дѣйствовали своей экзальтированностью на эти грубыя сердца, и находились среди нихъ такіе, которые готовы были идти изъ за насъ въ огонь и воду. Объ одномъ изъ такихъ я ниже и разскажу. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ судился нѣкто Гармановъ за грабежъ. Судъ присяжныхъ засѣдателей присудилъ его къ каторжнымъ работамъ. Послѣ прочтенія приговора онъ всталъ на судѣ, и обращаясь къ судьямъ поклялся

нмъ отомстить. Возмущенный судъ ходатайствовалъ передъ министромъ юстиціи подвергнуть Гарманова наказанію плетьюми. Ходатайство суда было уважено. Послѣ позорнаго наказанія его отправили въ центральную тюрьму близъ Харькова. Тамъ посадили его рядомъ съ политическимъ каторжникомъ Папинымъ „по Долгушинскому дѣлу“. Какъ опытный арестантъ онъ сумѣлъ войти съ нимъ въ сношенія, и Папинъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Отъ него онъ выучилъ нѣсколько революціонныхъ пѣсень. Съ тѣхъ поръ у него запала завѣтная мечта: сблизиться съ революціонерами. Просидѣвъ нѣкоторое время въ централкѣ, Гармановъ пошелъ этапнымъ порядкомъ въ сибирскіе рудники. По дорогѣ онъ смѣнялся. Это было въ 1878 году. Въ это время послѣ 4-хъ годичнаго, одиночнаго заключенія, насъ (меня, Чудновскаго и Чернявскаго) только что привезли въ Сибирь на житье, по приговору особаго присутствія сената, (дѣло 193-хъ) и поселили въ городѣ Ялуторовскѣ, Тобольской губерніи. Вскорѣ къ намъ прибыла Афанасьева (по дѣлу Ковальскаго). Начали мы общую квартиру и потянулася у насъ однообразная скучная ссыльная жизнь. Напуганное администраціей, такъ называемое ялуторовское общество, насъ сторонилось. Мы оказались въ безвоздушномъ пространствѣ. Впослѣдствіи, послѣ долгаго опыта ссыльной, сибирской жизни, (проживъ въ ней около 20 лѣтъ), я прекрасно уживался съ обывателями, и находилъ между ними друзей. Но тогда мы всѣ были новички,—мы не сумѣли ориентироваться въ окружающей насъ обстановкѣ. Единственно переписка съ товарищами доставляла намъ удовольствіе, да и та была отравлена, такъ какъ вся наша переписка переходила черезъ цензуру мѣстнаго исправника. Настроеніе было скверное. Приходилось, какъ о славномъ времени вспоминать о пребываніи въ тюрьмѣ. И вотъ въ одно холодное зимнее утро къ намъ приходитъ геркулесова роста человекъ,—это и былъ Гармановъ. Онъ рассказываетъ о всемъ своемъ прошломъ. Рассказываетъ и о первомъ своемъ знакомствѣ съ Папинымъ. Между прочимъ, онъ намъ передавалъ съ какимъ удивленіемъ узналъ, что сосѣдъ его по камерѣ, Папинъ, попалъ въ центральную тюрьму не за разбой или грабежъ, а за безкорыстное желаніе просвѣтить свой народъ. Въ концѣ-концовъ гость предлагаетъ намъ свои услуги. Искренній тонъ его насъ подкупилъ. Да къ тому же намъ сильно жалалось, что-нибудь дѣлать на пользу своихъ идей. Немного колебавшись, мы приняли его предложеніе. Сначала мы его посылали въ Екатеринбургъ и Пермь, онъ аккуратно исполнилъ наше порученіе. Наконецъ, мы посылаемъ его за нелегальной литературой въ самый Питеръ. Большихъ денегъ онъ намъ не стоилъ, ибо всѣ свои путешествія онъ совершалъ пѣшкомъ. Когда у него не хватало денегъ, онъ становился на поденную работу. Выпроводивъ его въ Питеръ, мы долго его ждали и, наконецъ, стали его забывать. Лишь весной этого 1906 года, я встрѣтился случайно съ человекъ, у котораго Гармановъ скрывался въ Питерѣ. Приходъ пѣшехода изъ самыхъ нѣдръ сибирскихъ, всѣхъ

заинтересовать, и на него ходили смотрѣть, какъ на чудо. Но такъ какъ тогда ожидался Соловьевскій выстрѣлъ, то его посла- рались отправить скорѣй обратно въ Сибирь. Задержалъ его длинный пѣшеходный путь. Ранней весной 1879 года, въ одно прекрасное утро, является нашъ посоль изъ Питера съ „Землей и Волей“ и другой нелегальной литературой. Вы только пред- ставьте нашу радость. Въ наше время, когда легальная литера- тура не смѣла касаться вопросовъ, которые насъ тогда интере- совали, нелегальщина имѣла особое значеніе. Какъ было не по- дѣлиться съ товарищами, жившими въ другихъ городахъ То- больской губерніи? Отдохнувъ немного у насъ, нашъ агентъ бе- ретъ часть нелегальщины и обходить города: Ишимъ, Тару и Тюкалинскъ. Цыповъ (таковой онъ былъ по фальшивому па- спорту) справился и здѣсь великолѣпно, вездѣ побывалъ, всѣхъ снабдилъ нелегальщиной, и воротился опять къ намъ. Нужно было снабдить еще одинъ городъ литературой: городъ Курганъ. Снаряжаемъ снова нашего пѣшехода. Помню очень хорошо, какъ раннимъ утромъ я выпускалъ съ нашей квартиры Цыпова. Не вообразжалъ я въ ту минуту, что надъ всѣми нами виситъ гроза.

Какъ видно частыя посѣщенія насъ Цыповымъ обратили вниманіе кого слѣдуетъ. Полиція наша нужнымъ подослать къ намъ провокатора; прикинувшись сочувствующимъ нашимъ иде- ямъ, этотъ послѣдній пріобрѣлъ наше полное довѣріе. Вообще осторожностью мы тогда не отличались. За нѣсколько дней до кра- ха мы всѣ, взявъ съ собою Цыпова, пошли встрѣчать 1-ое мая въ лѣсъ. Къ нашему огорченію мы тамъ наткнулись на гуляю- щихъ ялуторовскихъ обывателей. Будь это трезвая компанія, она бы сама отошла отъ насъ подальше. Пьяные же обыватели, а въ особенности пьяные чиновники, сильно краснѣютъ, дѣлаются не только либералами, но даже радикалами. Находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Бахуса, стряпчій (нѣчто въ родѣ товарища прокурора при старомъ судопроизводствѣ) увидя насъ, пришелъ знакомиться съ нами. „Вы, началъ онъ, думаете зачѣмъ сюда присланы! Насъ дураковъ учить, вотъ цѣль вашей ссылки“. Взявъ насъ подъ руки онъ сталъ пѣть пѣснь поэта Михайлова:

„Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Я бы, братья, заключилъ
И надежды и проклятія
Вмѣстѣ съ вами раздѣлилъ“.

А черезъ нѣсколько дней картина мѣняется. Стряпчій дол- женъ былъ присутствовать при нашемъ допросѣ. По выходѣ изъ нашей квартиры, Цыпова догоняетъ тройка. Поровнявшись съ нимъ, сидящіе на тройкѣ предлагаютъ подвезти его; тотъ ничего не подозрѣвая сѣлъ, но тутъ онъ по нѣкоторымъ симптомамъ, почувялъ что-то недоброе для себя. Подѣхавъ къ деревнѣ, онъ быстро соскакиваетъ съ телѣги, входитъ въ близъ стоящую избу и начинаетъ нанимать подводу до ближайшаго села. Спасаться было однако поздно, сидящіе на тройкѣ созываютъ народъ. Нѣ-

сколько человекъ вошло въ избу, гдѣ находился Цыпловъ; сзади его ударили полѣномъ по головѣ, Цыпловъ пошатнулся, на него накинулись нѣсколько человекъ, но тотъ все таки успѣлъ выстрѣлить изъ револьвера и ранить одного нападающаго въ руку. Револьверъ былъ вырванъ изъ рукъ Цыплова, и тутъ началась бойня. Били его такъ, какъ обыкновенно бьютъ сибирскіе крестьяне (челдоны) своихъ враговъ бродягъ-варнаковъ. Избитаго до полусмерти, связаннаго по рукамъ и ногамъ кладутъ на телѣгу и отвозятъ въ городъ Ялуторовскъ. Конечно, весь его багажъ былъ найденъ при немъ. Тотчасъ же берутся и за насъ грѣшныхъ; арестовываютъ и отвозятъ въ тюрьму. Вскорѣ измученнаго, больного законаннаго по рукамъ и ногамъ Цыплова отправляютъ въ Тобольскій тюремный замокъ, гдѣ его держатъ совершенно отъ всѣхъ изолированно. За вооруженное сопротивление его судятъ военнымъ судомъ и приговариваютъ къ смертной казни. Двадцать дней ждалъ онъ конфирмаціи генераль-губернатора Западной Сибири. Смертная казнь генераль-губернаторомъ была замѣнена каторжной работой на нѣсколько лѣтъ, кажется на 8-мь. Несмотря на полную изолированность, несмотря на жестокой приговоръ, онъ никого не запуталъ и никого не выдалъ, а могъ бы при желаніи это сдѣлать. Вѣдь онъ былъ въ Питерѣ, въ Перми и Екатеринбургѣ, почти во всѣхъ городахъ Тобольской губерніи. Случайно встрѣтившись съ Владиміромъ Галактіоновичемъ Короленко, я услышалъ такой отъ него рассказъ: „изъ всѣхъ уголовныхъ арестантовъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, я одного только видѣлъ глубоко преданнаго политическимъ“. Оказалось онъ имѣлъ въ виду Цыплова. Встрѣтились они въ 1881 году въ Красноярской тюрьмѣ. Короленко шелъ въ Якутскую область, Цыпловъ на каторгу. „Разъ,—рассказывалъ Короленко,—встрѣчается мнѣ въ тюремномъ дворѣ Цыпловъ, весь блѣдный дрожащимъ голосомъ, онъ схватываетъ меня за руку и говоритъ шепотомъ: „Владиміръ Галактіоновичъ, вѣдь на волѣ былъ!“. Оказывается слѣдующее: въ суматохѣ Цыплову удалось какъ то проскользнуть незамѣтно за ворота тюрьмы. Какъ опытному арестанту, ему ничего не стоило бы скрыться, но Цыпловъ несмотря на весь соблазнъ воротился опять въ тюрьму. Въ это время подготавлился побѣгъ политическихъ каторжанъ изъ Красноярской тюрьмы.

Побѣгъ Цыплова могъ бы обратить вниманіе администраціи тюрьмы и случайно могла быть открыта подготовительная работа къ вышеупомянутому побѣгу. Это опасеніе и заставило Цыплова воротиться опять въ тюрьму.

Добравшись до Кары, Цыпловъ былъ помѣщенъ въ политическое отдѣленіе. Очутившись среди интеллигентныхъ людей, онъ скоро заскучалъ, почувствовалъ онъ тамъ себя одинокимъ (чужимъ), и въ концѣ концовъ раскрылъ свое прошлое и перешелъ въ уголовное отдѣленіе. Тамъ онъ, говорятъ, пустился во всѣ тяжкія арестантской жизни. Въ памяти у политическихъ каторжанъ остался рассказъ Цыплова изъ своего прошлаго. „Воро-

чался я изъ Екатеринбургa и счастливый мнѣ попался было случай, ограбить одну богатѣйшую купчиху. Эхъ случись бы это раньше... А тогда убѣжденія мнѣ больше не позволяли“...

По увозѣ Цыплова изъ Ялуторовской тюрьмы, скоро и насъ (меня, Чудновскаго и Чернявскихъ мужа и жену) развезли по тюрьмамъ Тобольской губерніи. Чудновскаго отправили въ Курганскую тюрьму, Чернявскихъ въ Ишимскую, а меня въ Туринскую. Передъ отправкой, по распоряженію тобольскаго губернатора, насъ всѣхъ мужчинъ заковали въ ножные кандалы, которые по прибытіи на мѣста должны были быть сняты. Я выразилъ ялуторовскому исправнику свое опасеніе, какъ бы меня тамъ туринская администрація, не отказалась бы расковать. Ялуторовскій исправникъ, обратившись къ жандармскому унтеръ-офицеру сказалъ: „по прибытію въ Туринскъ, скажи чтобы его тамъ расковали“.

Бодро и весело летѣла тройка удалая и везла меня въ Туринскъ, но не весело было у меня на сердцѣ... Быть заключеннымъ въ тюрьмѣ далекаго городишки, быть совершенно одинокимъ, отрѣзаннымъ рѣшительно отъ всего живого... Перспектива не радостная. Бываютъ моменты въ жизни каждаго человѣка, которые остаются на вѣки въ памяти. И до сихъ поръ помню я превосходно тѣ мысли, которыя мною овладѣли подъ звонъ немолкаемаго колокольчика. Моя мысль ушла тогда въ мое прошлое. Вспоминались мнѣ счастливые, дѣтскіе годы. Сынъ состоятельнаго помѣщика, наслаждался всѣми благами жизни, и никакими вопросами не задавался. И могъ ли я тогда себя представить, закованнымъ въ ножные кандалы? Отъ дѣтскихъ лѣтъ, вдругъ мысль моя перешла на тотъ періодъ жизни моей, когда я мучился мыслями кающагося дворянина. И я воспрянулъ духомъ. Кандалы, одиночное заключеніе, развѣ всѣ эти внѣшнія невзгоды могутъ сравняться съ тѣми муками, которыя происходятъ отъ внутренняго разлада съ самимъ собой? И въ ту минуту, я почувствовалъ себя какъ бы счастливымъ. А тройка все летѣла впередъ. Вотъ мы наконецъ подѣзжаемъ къ городу Туринску,— издали видна моя будущая квартира. И опять неволью сжалось мое сердце. По прибытіи въ Туринскъ, меня ввели въ полицейское управленіе передъ грозныя очи туринскаго исправника. Закованный, беззащитный стоялъ я передъ возсѣдающимъ на креслѣ исправникомъ. Приведшій меня жандармскій унтеръ-офицеръ обратился къ туринскому исправнику: „Ваше Высокородіе, Его Высокородіе ялуторовскій исправникъ приказали по прибытіи въ Туринскъ ихъ расковать“.— „Скажи твоему ялуторовскому исправнику, громовымъ голосомъ провозгласилъ туринскій исправникъ, что онъ тамъ въ Ялуторовскѣ хозяинъ, а я здѣсь хозяинъ въ Туринскѣ“.

И повели меня пѣшкомъ въ оковахъ по городу Туринску въ тюремный замокъ. Держали меня въ оковахъ цѣлыхъ 1½ мѣсяца. Писалъ я во всѣ правительственныя инстанціи прошенія. Наконецъ, по требованію тобольскаго губернатора, меня раско-

вали. Когда меня заперли въ одиночную камеру туринскаго замка, я облегченно вздохнулъ, мнѣ такъ хотѣлось быть наединѣ съ самимъ собою. Однако не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ по камерѣ, какъ къ дверямъ моей камеры подошелъ одинъ изъ уголовныхъ арестантовъ. Онъ предложилъ мнѣ табаку, булки и старался показать все свое сочувствіе. Вообще уголовные арестанты оказываютъ большое вниманіе секретнымъ заключеннымъ. Черезъ недѣлю послѣ моего привода въ туринскую тюрьму, приводятъ въ кандалахъ двухъ уголовныхъ преступниковъ, и сажаютъ какъ и меня въ одиночныя камеры. Новые секретные арестанты оказались убійцами.

Забрались они въ одну туринскую церковь съ цѣлью грабежа, но сторожъ помѣшалъ; чтобы спасти себя, они тутъ же въ церкви убиваютъ сторожа. Это однако не спасло ихъ: ихъ все-таки арестовали. Одного изъ нихъ посадили въ камеру, окно которой выходило на мою сторону, такъ что я могъ съ нимъ переговариваться; съ другимъ же я этого дѣлать не могъ, такъ какъ окно камеры его выходило на противоположную сторону двора. Но между собою они могли бесѣдовать другъ съ другомъ черезъ двери. Съ однимъ изъ нихъ я скоро познакомился. Товарищъ моего сосѣда сталъ уговаривать его не вести бесѣды со мною. „Онъ, говорилъ онъ, политическіе всѣ безбожники, Бога не признаютъ и ты погубишь свою душу, бесѣдуя съ нимъ“. Будь мой сосѣдъ въ другихъ условіяхъ, быть можетъ товарищъ и устроилъ бы его, но словоохотливому парню не съ кѣмъ было, окромѣ какъ со мною разговаривать, и я все больше и больше сходилъ съ нимъ. Его товарищъ, человѣкъ изъ духовнаго званія, побывавшій въ бурсѣ, тѣмъ временемъ окружилъ себя душеспасительными религіознаго содержанія книгами, не переставалъ между прочимъ уговаривать своего товарища, не вести разговоры со мною. Вскорѣ принципиальнаго врага моего переводятъ въ камеру, окно которой выходило также на мою сторону. Такимъ образомъ, всѣ мы втроемъ могли бесѣдовать между собою. Зная настроеніе моего новаго сосѣда, я былъ насторожѣ. Вскорѣ и съ нимъ я познакомился. Сперва, какъ я, такъ и мой новый сосѣдъ избѣгали затрагивать больныхъ мѣстъ нашихъ разногласій. Нужно упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое сильно подкупило моего принципиальнаго врага въ мою пользу. Сынъ состоятельныхъ родителей, я получалъ ежемѣсячно 40 рублей. Одиночное заключеніе не помѣшало мнѣ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ уголовными арестантами. Тратить на себя деньги, имѣя кругомъ себя голодные рты, у меня не хватало духа. Тратить же деньги на всю туринскую тюрьму мнѣ не хотѣлось, такъ какъ у меня были въ ссылкѣ и въ другихъ тюрьмахъ товарищи, очень нуждающіеся и къ тому же больные. Поэтому каждый мѣсяцъ по полученіи денегъ, я оставлялъ себѣ изъ нихъ самое незначительное количество, которое хватало бы мнѣ лишь на чай и сахаръ, остальное я сейчасъ же отправлялъ моимъ товарищамъ. Такое употребленіе моихъ денегъ стало

извѣстнымъ, не только въ тюрьмѣ, но и въ городѣ Туринскѣ. Когда я со своими сосѣдами ближе сошелся, я предложилъ имъ раздѣлить съ ними мои скудныя средства, которыя я оставлялъ для себя. Такъ какъ чай былъ для насъ не по карману, то вмѣсто него мы пили цикорій. Въ это же время я сталъ учить словоохотливаго сосѣда моего грамотѣ. Несмотря на постепенно установившіяся дружескія отношенія между нами, минутами стали возникать у насъ обостренныя принципиальные споры. Однажды, коснувшись формальной стороны религиозныхъ обрядовъ, я сильно поссорился съ моимъ новымъ сосѣдомъ, онъ назвалъ меня безбожникомъ и пересталъ со мной разговаривать. Ссора наша продолжалась двое сутокъ. Послѣ этого сношенія наши опять возобновились. Чувствовалось, какъ съ каждымъ днемъ, принципиальный врагъ мой становился къ моимъ взглядамъ все болѣе терпимымъ. Какъ то я ему далъ книгу Лекки „Исторія развитія рационализма въ Европѣ“, книга эта произвела на него сильное впечатлѣніе. Прочитавъ эту книгу, онъ сталъ у меня просить такую, которая рассказывала бы ему съ „самаго начала“. Я далъ ему сочиненіе Писарева „Популяризація Дарвина“. Писаревъ произвелъ еще большее впечатлѣніе.

Разъ лежу я на кровати въ своей камерѣ, и слышу какъ разговариваютъ мои сосѣды между собою: „Эхъ братъ, какія хорошія книги я прочиталъ. И дураки же мы были съ тобою. Теперь, если мнѣ удастся убѣжать съ каторги, я первымъ дѣломъ ограблю какого нибудь купчину, а потомъ съ деньгами поѣду въ городъ, гдѣ живутъ студенты. Найму студента, пусть онъ меня учить съ самаго начала“. Не знаю удалось ли ему исполнить свой планъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора ихъ обоихъ отправили въ каторжныя работы. Я трогательно, по братски, съ ними простился.

Послѣднія событія выдвинули на арену русской жизни такихъ героевъ дня, какъ Мины, Дубасовы, Риманы, Ренненкампы, Сиверсы и Орловы.

Они затмили своей славой дѣянія своихъ отцовъ. Безпристрастная исторія оцѣнитъ ихъ подвиги по заслугамъ. Но всетаки, вспоминая свое прошлое, я утверждаю, что нашему брату, отщепенцу 70-хъ и 80-хъ годовъ, жилось не сладко. И передовому теперешнему поколѣнію не испытать больше тѣхъ адскихъ мукъ, которыя мы тогда переносили. Нынѣшняго передового дѣятеля окружаетъ сочувствующая его идеямъ атмосфера. На міру, говорятъ, и смерть красна. Да, наконецъ, теперь ясно для каждого, куда ведетъ политика нашихъ бюрократовъ. Теперешніе борцы за освободительное движеніе не чувствуютъ свою одинокость. Ничего подобнаго не было въ наше время. Трудящаяся масса не успѣла тогда насъ узнать, а потому относилась къ намъ индифферентно; образованное же общество, хотя и сочувствовало намъ, но безсильное и трусливое, оно свое сочувствіе прятало внутрь себя такъ глубоко, что намъ отъ этого было ни тепло, ни холодно. Въ мрачныхъ казематахъ невольно на насъ находили мучитель-

ныя минуты сомнѣнья. Въ головѣ мелькали мысли, приводившія насъ въ дрожь, вслухъ мы даже ихъ рѣдко высказывали: „да полно, нужны ли всѣ эти наши страданія!“ Заунывно съ дрожью въ голосѣ я распѣвалъ тогда пѣсню: „О, долго пѣни роковыя съ рамень отчизны не спадуть, столѣтья грозно протекуть и не пробудитъ Россія“.

Наступали угрюмые, сумрачные 80-ые года. Отовсюду вѣяло холодомъ, могильнымъ запахомъ. Въ разгаръ реакціи въ 1888 году я снова былъ арестованъ въ Сибири. По моему дѣлу былъ тогда арестованъ въ Туринскѣ, Тобольской губерніи, политическій ссыльный Константинъ Стери, теперешній видный членъ румынской Палаты Депутатовъ. Однажды къ нему въ камеру заходитъ Тобольскій губернскій прокуроръ и ехидно замѣчаетъ: ну, вотъ прочитайте произведеніе вашего славнаго Льва Тихомирова. При этихъ словахъ, онъ вручаетъ Стери „Московскія Вѣдомости“ со статьей Льва Тихомирова. Имя послѣдняго пѣнилось высоко въ революціонныхъ кругахъ. Сидя въ тюрьмѣ далекаго сибирскаго города, Стери ничего не зналъ о той эволюціи, которая совершилась въ головѣ Тихомирова. Левъ Тихомировъ извѣстенъ былъ Стери, какъ редакторъ революціоннаго органа „Вѣстникъ Народной Воли.“ Статья Тихомирова, какъ громомъ поразила Стери, и онъ, не долго думая, по уходѣ прокурора вѣшается; къ счастью, веревка не выдержала грузнаго тѣла Стери, и онъ съ грохотомъ срывается съ пегли. На шумъ прибѣгаетъ тюремный надзиратель и застаётъ Стери въ безчувственномъ состояніи.

Да, то были тяжелыя времена, дай Богъ, чтобы они больше не повторялись. Гдѣ же должны мы были искать себѣ поддержки?

Наши убѣжденія—вотъ та опора, которая насъ поддерживала въ минуту жизни трудной. Мы были тогда глубоко вѣрующими людьми; и вотъ почему, какая бы обстановка насъ ни окружала, мы искали въ ней себѣ приверженцевъ. И никто не имѣетъ права бросить намъ упрекъ за то, что мы находили себѣ прозелитовъ среди воровъ и разбойниковъ. Воспитанные на русской гуманитарной литературѣ, мы глубоко вѣрили въ человѣка и находили его всюду. Правда мы временами походили на Донъ-Кихотовъ, но, понимая въ широкомъ смыслѣ, не Донъ-Кихотство ли спасло всѣ лучшія силы въ нашемъ обществѣ. Ибо все „здоровомыслящее“, всѣ такъ называемые уравновѣшенные погружались тогда въ житейскую практику, которая въ то время вывѣтривала всѣ лучшія идеальныя стороны человѣка. И въ лучшемъ случаѣ, русская житейская практика выдвигала на поверхность благонамѣренныхъ Штольцевъ.

Краткія свѣдѣнія о Стери. Дегаевщина, а за нимъ арестъ Лопатина, смели послѣдніе остатки народовольческой организаціи. Въ числѣ арестованныхъ былъ въ 1885 году студентъ Новоросійскаго университета Константинъ Стери, и сосланъ былъ 1886 году въ Курганъ, Тобольской губерніи. Тамъ онъ имѣлъ столкновеніе съ мѣстной администраціей, за что былъ тобольскимъ губернаторомъ переведенъ на сѣверъ въ городъ Туринскъ. Въ то время,

между нами, ссыльными Тобольской губерніи, назрѣла идея объединить политическихъ ссыльныхъ посредствомъ гектографированнаго журнала. Инициаторомъ этого дѣла былъ Стери. Въ 1887 году въ Туринскѣ онъ вмѣстѣ съ другими ссыльными выпустилъ гектографированный журналъ. Нѣсколько экземпляровъ было послано въ Восточную Сибирь, но по дорогѣ посылку вскрыли, и началось дѣло. Стери былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими соучастниками и сосланъ въ Енисейскую губернію. По окончаніи срока ссылки, онъ возвратился на родину, но тамъ на родинѣ, стояла тогда еще удушливая атмосфера; то было время конца царствованія Александра III-го. Тяжелый гнетъ самодержавнаго строя такъ сильно давилъ людей, что имъ, а въ томъ числѣ и Стери, казался соблазнительнымъ даже государственный строй такой страны, какъ Румынія. Стери,—румынъ по происхожденію, покинулъ Россію и уѣхалъ на новую свою родину. Румынію. Вотъ что мнѣ передавало лицо, вполне заслуживающее довѣрія о Стери, котораго оно видѣло въ Румыніи: воспитанный на русской литературѣ, Стери попалъ въ полуварварскую страну, въ которой внѣшнія формы конституціоннаго государства не совсѣмъ соотвѣтствуютъ внутреннему содержанию.

Такъ называемое культурное общество въ Румыніи пропитано себялюбивыми, узко эгоистическими классовыми тенденціями. Малая интеллигентность общества даетъ себя знать на каждомъ шагѣ. Нигдѣ въ мірѣ не развито такое отчаянное юдофобство, какъ въ Румыніи.

Сначала Стери примкнулъ къ румынской социаль-демократической партіи, во главѣ которой стояли тогда русскіе эмигранты.

Но, понятно, въ полуварварской странѣ, гдѣ къ тому же промышленность совсѣмъ не развита, социаль-демократическая дѣятельность не могла имѣть широкаго простора.

Стери же, уѣхавъ изъ Россіи, именно и жаждалъ этого простора. Онъ вышелъ изъ социаль-демократической партіи, примкнулъ къ либеральной румынской партіи и былъ избранъ въ депутаты румынскаго парламента.

Однако, дѣйствительность показала всю ошибочность расчетовъ Стери. Его товарищами въ борьбѣ, члены либеральной партіи, оказались до мозга костей пропитанными узко эгоистическими вождельніями, и были способны лишь на одно мелкое политиканство.

Воротись Стери изъ Сибири въ Россію нѣсколькими годами позже, когда наша несчастная родина стала пробуждаться, онъ бы остался въ Россіи и былъ бы въ ней полезнымъ дѣятелемъ.

Мнѣ передавали, что рѣчи Стери имѣли большой успѣхъ въ румынской палатѣ депутатовъ, что даже при румынскомъ дворѣ обращено было на него вниманіе и его стали приглашать на аудіенціи къ королю. Тѣмъ не менѣе, мнѣ прежній, искренній, прямодушный, далекій отъ какихъ бы то ни было компромисовъ

Константинъ Стери былъ болѣе по душѣ, — тотъ Стери, на котораго такъ трагически отразилась перемена фронта Льва Тихомирова.

Нѣсколько словъ, по поводу Льва Тихомирова. Ни одинъ фактъ прежней современной жизни не могъ такъ удручающе на насъ повліять, какъ появленіе на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ имени Льва Тихомирова. Приходилось мнѣ встрѣчать людей, переболѣвшихъ внутренно въ ссылкѣ и на каторгѣ. Одни дѣлались индифферентистами, другіе вырабатывали себѣ новыя міровозрѣнія, третьи, безъ всякой болѣзненной внутренней ломки опускались до уровня простого обывателя. Нельзя сказать, чтобы встрѣча съ такими людьми доставляла большое удовольствіе. Въ 1894 году я встрѣтился, напримѣръ, съ однимъ моимъ товарищемъ по Петропавловской крѣпости. Когда-то я съ нимъ бунтовалъ въ крѣпости. Какъ теперь помню, какъ я изъ окна моей камеры кричалъ Сашкѣ Л. и спрашивалъ, начинать ли бить стекла. Всегда веселый и предприимчивый онъ мнѣ казался тогда идеальнымъ человѣкомъ. Въ домѣ предварительнаго заключенія онъ сблизился особенно близко съ Муравскимъ. Съ любовью всегда смотрѣлъ я, какъ старецъ Митрофанъ Муравскій, побывавшій уже 6 лѣтъ въ каторжныхъ работахъ, велъ интимную бесѣду съ юнымъ Сашкой Л. Былъ Сашка Л. также друженъ и съ Катей Брешковской. Обыкновенно, когда встрѣчаешься со старымъ товарищемъ, сейчасъ же начинаются воспоминанія о прошломъ. Но тутъ, при встрѣчи съ Сашкой, я пріумолкъ, такъ какъ почувствовалъ, что передъ мной сидитъ человѣкъ, много внутренно перестрадавшій въ ссылкѣ и на каторгѣ, и что воспоминанія о прошломъ причиняютъ ему одно страданіе. Отъ прежняго Сашки ничего не осталось, но все-таки чувствовалось, что Сашка остался навсегда человѣкомъ, неспособнымъ ни на какія утробныя подлости.

Левъ Тихомировъ, конечно, могъ измѣнить свои убѣжденія, это его личное право, но засѣсть въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, — это уже понять трудно. Кстати, расскажу здѣсь о *встрѣчѣ* моего товарища по ссылкѣ Лебедева съ Львомъ Тихомировымъ.

Въ 1887 году присланъ былъ къ намъ, въ Ялуторовскъ, въ ссылку Лебедевъ (бывшій воронежскій семинаристъ). Недолго онъ пробылъ въ Ялуторовскѣ. Разъ съ двумя своими товарищами, Молдавскимъ и Орловымъ, отправился онъ на ночь ловить рыбу на берегъ рѣки Тобола. На другой день полицейскій, обходя квартиры ссыльныхъ, узналъ, что вышеупомянутые ссыльные съ вечера ушли куда-то и, о ужасъ, не ночевали дома. Поднялась тревога. Исправникъ тотчасъ телеграфируетъ тобольскому губернатору о такомъ важномъ происшествіи, тотъ въ свою очередь телеграфируетъ исправнику: поймать бѣглецовъ и выслать ихъ въ Тобольскъ. Поймать ихъ не стоило большого труда. Забравши съ собою провизію, мнимые бѣглецы наслаждались природой на берегу рѣки Тобола. Тамъ ихъ погоня и нашла. По

точному приказанію начальства, любителей рыбной ловли отправили сейчас же въ Тобольскъ, а оттуда губернаторъ выслать ихъ въ одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ—Сургутъ. Городъ этотъ служилъ какъ бы карцеромъ для тобольской губерніи, куда губернаторъ ссылалъ непокорныхъ политическихъ ссыльныхъ. Но и изъ этого гибельнаго мѣста вышеупомянутый Лебедевъ на сей разъ дѣйствительно убѣжалъ. Въ это время въ Россіи ходили уже упорные недобрые слухи о Левѣ Тихомировѣ. Лебедевъ такъ былъ пораженъ этими слухами, что не хотѣлъ вѣрить имъ. Ему захотѣлось лично побесѣдовать съ Тихомировымъ. Онъ эмигрируетъ, пріѣзжаетъ въ Парижъ. Тамъ, узнавъ адресъ Льва Тихомирова, отправился къ послѣднему. Съ трепетомъ онъ подходилъ къ квартирѣ Тихомирова. На звонокъ дверь отворилъ самъ Левъ. Когда Лебедевъ объяснилъ цѣль своего прихода, тотъ сталъ на него кричать: „Оставьте меня въ покоѣ, я всѣмъ уже объявилъ, что не хочу больше имѣть дѣло съ вашимъ братомъ“. Какъ ошпаренный, вылетѣлъ Лебедевъ съ квартиры Тихомирова.

Вскорѣ оба какъ Левъ Тихомировъ, такъ Лебедевъ очутились въ Россіи. Первый засѣлъ на Страстномъ бульварѣ, въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, второй былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму, а потомъ высланъ административнымъ порядкомъ въ самое отдаленное сѣверное мѣсто Якутской области, Булуунъ (при впаденіи Лены въ Ледовитый океанъ), куда до него ни одинъ ссыльный не ссылался.

Такимъ образомъ, добродѣтель награждается, а порокъ карается. Одно несомнѣнно, Левъ Тихомировъ представляетъ изъ себя историческую личность, и какъ таковая, она должна занять мѣсто на страницахъ историческаго журнала „Былое“. Можно смѣло сказать, что въ концѣ 80-ыхъ годовъ ни одно письмо ссыльнаго не обходилось безъ упоминанія его имени. Ни одинъ разговоръ въ ссылкѣ не начинался и не кончался безъ упоминанія о немъ. И, я думаю, историческому журналу „Былое“ интересно было бы прослѣдить, какое впечатлѣніе на политическихъ ссыльныхъ произвелъ переходъ Льва Тихомирова во вражій станъ.

Въ 1899 году я встрѣтился съ однимъ товарищемъ по ссылкѣ, Т.; онъ оказался землякомъ Льва Тихомирова, зналъ его съ дѣтскихъ лѣтъ. „Я,—сказалъ онъ мнѣ,—не допускаю чтобы Левъ Тихомировъ совершилъ сознательную измѣну, я увѣренъ въ искренности его; просто человекъ надорвался“. Нашъ, ссыльныхъ, это объясненіе не удовлетворило. Мы, ссыльные, видали всякіе виды, встрѣчали мы и надорванныхъ людей. Мы были тогда подъ впечатлѣніемъ тихомировской статьи: „Въ мірѣ мерзостей и зачуханныхъ“, помѣщенной въ „Вѣстникъ Народной Воли“, въ которой въ яркихъ краскахъ разобрана была „Дегаевщина“. Въ памяти также были и его статьи въ легальномъ журналѣ „Дѣло“.

И, вдругъ, дорогое для насъ имя видѣть на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“...

Какъ утѣшеніе, намъ впоследствии стали говорить:

„Левъ Тихомировъ никого не выдалъ“. Плохое утѣшеніе.

Развѣ, отвѣчали мы, Левъ Тихомировъ не стать во главѣ газеты, которая нѣсколько десятковъ лѣтъ не брезгала простымъ сыскомъ?

Да, намъ бывшимъ ссыльнымъ памятно ренегатство Тихомирова... Выброшенные за бортъ русской общественной жизни, мы, ссыльные, и тамъ, въ далекой Сибири, сумѣли приобщиться къ общественной жизни и быть полезными для своей изстрадавшей родины.

Выше я уже показалъ, что мы даже въ сырыхъ и темныхъ казематахъ не сидѣли сложа руки, что мы и тамъ старались вносить лучъ свѣта въ темное царство. Понятно, послѣ этого не могли же мы сидѣть въ Сибири на рѣкахъ Вавилонскихъ и только плакать.

Оторванные отъ русской жизни, юныя силы молодой Россіи были поселены по городамъ и весямъ далекой окраины группами отъ десяти до тридцати и болѣе человекъ. Группы эти сперва жили совершенно изолированной жизнью, не соприкасаясь съ окружающею ихъ жизнью Сибири. Такая изолированность вызвала аномальныя явленія, люди, такъ сказать, жарились въ своемъ собственномъ соку. Приистекали разныя некрасивыя, печальныя, внутреннія исторіи. Тѣ личныя недостатки, которые при широкой общественной работѣ сглаживаются, въ узко кружковой жизни, бросались въ особенности въ глаза, приувеличивались. Нужно сказать правду, мы, ссыльные, нерѣдко больше страдали отъ этихъ внутреннихъ исторій, нежели отъ вѣшняго гнета. Бывали случаи, когда исторіи кончались самоубійствами, какъ это было въ Ялуторовскѣ.

Вскорѣ однако все измѣнилось къ лучшему. Мы начали приглядываться къ окружающею насъ сибирской жизни. И радости, и печали окружающихъ насъ людей стали намъ дороги. Мало-помалу ссыльные кружки превратились въ культурные центры далекой Сибири. Въ каждомъ такомъ центрѣ находился или врачъ изъ ссыльныхъ, весь отдавшійся страждущему люду, или педагогъ, воспитавшій не одного сибирскаго юношу.

Мѣстные отдѣлы Географическаго общества, Восточно-сибирскій и Западно-сибирскій, не обходились безъ работъ ссыльныхъ. Ими же предпринимались ученые экспедиціи, напр., Якутская на средства Сибирякова. Главный же рычагъ, при посредствѣ котораго мы, ссыльные, стали играть замѣтную роль въ окружающею насъ жизни, была печать. Въ Томскѣ въ началѣ 80-хъ годовъ начала издаваться „Сибирская Газета“. Руководителями ея были ссыльные, Феликсъ Волховской и Соломонъ Чудновскій. Такъ какъ вся Сибирь была тогда наполнена политическими ссыльными, то понятно въ „Сибирской Газетѣ“ легко можно было заручиться мѣстными интеллигентными корреспондентами. Ни одинъ замѣтный фактъ сибирской жизни не ускользалъ отъ глазъ талантливаго обозрѣвателя сибирской жизни.

Феликсъ Волховской, еженедѣльно въ фельетонѣ дѣлая какъ-бы прогулку по сибирской тайгѣ, остро высмѣивалъ мѣстныхъ

Держимордовыхъ и Колупаевыхъ; высмѣивалъ такъ, что и придратъ-ся нельзя было, такъ какъ не упоминалъ ни имени Держиморды, ни мѣста. Напримѣръ, Тобольскъ, въ которомъ находился тогда губернаторъ Лисогорскій, назывался Пльшогорскимъ. Незамѣтнымъ образомъ политическіе ссыльные заняли мѣсто прокурорскаго надзора. Мѣстные акулы и самодержцы стали съ опаской поглядывать въ сторону ссыльныхъ. Всѣ же обиженные, униженные и оскорбленные, тайкомъ крадучись, приходили къ намъ съ жалобами, фактами, обличительными документами. Корреспонденціи повліяли благотворно и на насъ самихъ. Мы стали чувствовать себя не отчужденными отъ окружающей насъ жизни. По необходимости мы должны были зорко присматриваться къ людямъ и порядкамъ захолустныхъ городковъ и весей.

Правда, верѣдко страдали отъ этого наши бока, но гдѣ же наша не пропадала? За то мы сохраняли живую душу и способность къ активной борьбѣ.

Въ то время, какъ тамъ, за Ураломъ, въ Европейской Россіи, догорала послѣдняя активная борьба народовольцевъ и стала возникать „толстовщина“, а въ покойной „Недѣлѣ“ сталъ молотъ Емеля свою недѣлю, мы, ссыльные, въ Сибири не складывали своего знамени борьбы.

Будущій историкъ Сибири долженъ остановиться на роли политическихъ ссыльныхъ въ этой отдаленной окраинѣ. Имя хотя бы такого человѣка, какъ Феликсъ Волховской, не останется безъ должнаго вниманія этимъ историкомъ.

Сергій Жебуневъ.

Изъ моего революціоннаго прошлаго.

(Очеркъ первый).

На первыхъ порахъ ¹⁾.

Я, и по отцу, и по матери, нахожусь въ родствѣ съ крестьянствомъ. Въ силу этого я болѣе, чѣмъ большинство современной мнѣ революціонной молодежи былъ знакомъ съ невзгодами жизни русскаго крестьянства. По матери мои родственники крестьяне уже на моей памяти освободились отъ крѣпостнаго ига. Мнѣ съ ранняго дѣтства приходилось слышать и отъ моей матери и отъ родственниковъ крестьянъ о всѣхъ прелестяхъ крѣпостнаго права въ Россіи. Кромѣ того, отецъ мой въ годы моего ранняго дѣтства былъ дьякомъ въ крѣпостной деревнѣ Глафировка и мнѣ своими глазами приходилось видѣть въ дѣтствѣ много возмутительныхъ сценъ и предъ крыльцомъ барской конторы и предъ окнами барскаго дома, гдѣ съ правильною достойной лучшей участи всѣмъ, провинившимся въ продолженіи недѣли, по воскресеньямъ дѣлалось отеческое внушеніе при помощи розогъ и плетей. Намъ, своимъ дѣтямъ, наша мать съ печалью на лицѣ рассказывала, какъ дѣдушка, въ возрастѣ 75-лѣтнемъ, умеръ подъ плетями, подвергнутый этому наказанію своимъ помѣщикомъ. Помню я свою деревню и въ тотъ историческій моментъ, когда прошелъ слухъ о

¹⁾ Я предпосылаю нѣсколько словъ къ тому ряду статей, которыя я задумалъ написать въ журналѣ „Былое“. Дѣлаю это въ тѣхъ видахъ, чтобы читатель напередъ звалъ, что онъ найдетъ въ нихъ. Это будутъ мои воспоминанія съ начала моего знакомства съ освободительнымъ движеніемъ 70-хъ годовъ вплоть до выхода моего изъ Штиссельбургской крѣпости. Лично о себѣ я буду говорить лишь попутно, въ связи съ тѣмъ, чего и былъ свидѣтелемъ и въ чемъ непосредственно принималъ участіе. Главною же задачей моей будетъ познакомить читателей „Былого“ съ развивающимся революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ, съ лицами, принимавшими въ немъ участіе, съ которыми я лично сталкивался въ томъ или другомъ актѣ освободительнаго движенія. Кратко говоря,—это будетъ не біографія моя, а рассказъ о тѣхъ событіяхъ, которыхъ я былъ очевидцемъ или знаю о нихъ со словъ людей, принимавшихъ участіе въ нихъ. Называю этотъ рядъ статей такъ: „Изъ моего революціоннаго прошлаго“. Отдѣльныя главы будутъ носить свои названія сообразно содержанію ихъ. Напередъ говорю читателю, что хронологія въ этихъ статьяхъ—самый слабый пунктъ. Предо мною развертывается цѣлый рядъ картинъ изъ этого прошлаго, но часто и только могу сказать, что это было, весной, зимой, лѣтомъ, осенью. Но все же я, если не совершенно точно буду обозначать дату того или другаго событія, то годъ все же точно будетъ указанъ.

валѣ среди крестьянъ. Передъ какимъ-то праздникомъ усыпались пескомъ аллеи у барскаго дома. Мы дѣти, какъ обыкновенно это бываетъ, стояли и смотрѣли на работу крестьянъ. Одинъ изъ крестьянъ взявъ съ воза на лопату песокъ, обратился ко мнѣ со словами: «смотри, хлопче, якъ добрі люди сіють хлѣбъ» и сталъ разсѣвать горстью песокъ, какъ сѣють зерно по нивѣ. «Учись, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, а то, якъ отпустятъ насъ на волю, самому придется хлѣборобить!» Всего въ 12 верстахъ отъ деревни, гдѣ мой отецъ дьяконствовалъ, въ деревнѣ Сазанлокъ, было усмиреніе крестьянъ во время освобожденія на волю и хоть самъ я не видѣлъ и не слышалъ залповъ въ толпу, но слышалъ рассказы объ этомъ въ родномъ домѣ. Словомъ, я въ моемъ дѣтствѣ приобрѣлъ достаточно матеріала о жизни крестьянъ и имѣлъ настолько вѣрное о ней представленіе, чтобы относиться съ искренней симпатіей къ движенію 70-хъ годовъ во имя народа. И тѣмъ не менѣе, а можетъ быть и именно потому, что грань между мной и безправнымъ мужикомъ легла дальше, — я на первыхъ порахъ моего студенчества долго отбивался отъ освободительнаго движенія, которое захватывало каждого юношу съ чуткой душой къ чужому горю. Помню, когда, прослушавъ первый курсъ медико-хирургической академіи, проживъ каникулы въ домѣ отца, который былъ уже въ это время священникомъ въ деревнѣ Самарскъ, я выѣзжалъ вновь изъ дома въ Петербургъ и моя старшая сестра, которую я во время каникулъ познакомилъ съ тѣмъ, что происходило въ то время въ студенческой средѣ и вообще въ Петербургѣ среди молодежи, провожая меня, сказала: «смотри, братъ, будь остороженъ, не попадайся!» — то я, успокаивая ее, говорилъ вполнѣ искренно: «не безпокойся! Разъ ужъ я взялъ быка за рога, то выпустить ихъ изъ рукъ — не выпущу!» И дѣйствительно, первые два года моего студенчества я интересовался освободительнымъ движеніемъ между дѣломъ. Главной цѣлью моей было окончить курсъ тѣхъ наукъ, которымъ я посвятилъ себя и которыя были моею мечтой на семинарской скамьѣ. Зачѣмъ я находилъ нужнымъ добиться докторскаго диплома, — отвѣта опредѣленнаго на этотъ вопросъ я не давалъ себѣ. Я никогда не ставилъ себѣ вопроса, — а чтожь потомъ, когда я получу докторскій дипломъ, что тогда буду дѣлать? Я чувствовалъ себя неловко, когда этотъ вопросъ возникалъ въ моемъ умѣ и вотъ почему. Проѣзжая изъ Петербурга на родину, я по дорогѣ заѣхалъ въ деревню Никитовку, Бахмутскаго уѣзда, родину моего отца, къ моимъ родственникамъ крестьянамъ. На вопросы ихъ, что я дѣлаю въ Петербургѣ, чему учусь, я разсказывалъ, что учусь на доктора. — «Ну, значить, — сказалъ мнѣ дядя отца, мой двоюродный дѣдъ, — довольно сурово, мнѣ казалась, — окончишь науку, мы, крестьяне будемъ тебѣ платить за то, что ты будешь насъ потрошить». Съ тѣхъ поръ, когда я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, я вспоминалъ своего суроваго дѣда, который обтесываніе мельничныхъ жернововъ, чѣмъ онъ занимался, мнѣ казалось, представлялъ себѣ болѣе благороднымъ дѣломъ. Такъ этотъ вопросъ все время моего студенчества оставался нерѣшеннымъ. И когда въ мою душу врывались вопросы, которые волновали умы молодежи и я задумывался надъ ними, рѣшалъ въ какое отношеніе къ

происходящему вокругъ меня я стану, я кончалъ тѣмъ, что успокаивался на такомъ отвѣтѣ: прежде всего нужно завоевать свою независимость, а потомъ уже думать о другихъ. Отвѣтъ такой понятно само собой не успокаивалъ меня и тѣмъ менѣе мѣшалъ мнѣ посѣщать собранія молодежи, гдѣ обсуждались вопросы, которые ставила жизнь и литература, гдѣ читались рефераты по общественнымъ вопросамъ, читалась литература, полученная контрабанднымъ путемъ изъ заграницы. Первый кружокъ такого характера, въ которомъ я считался въ числѣ членовъ, собирался по Кронверскому проспекту, въ квартирѣ Кибальчича. Въ кружкѣ этомъ была выработана программа по общественнымъ вопросамъ, по которой каждый членъ кружка бралъ по своему выбору ту или другую общественную тему и готовилъ рефератъ. По воскресеньямъ и четвергамъ эти рефераты читались, обсуждались; обсуждения эти почасту переходили въ бурныя пренія, затягивавшіяся за полночь. Второй кружокъ въ этомъ родѣ образовали екатеринославцы и астраханцы на Петербургской сторонѣ, по Большой Дворянской улицѣ, домъ № 13-й. Внутри двора мы наняли квартиру въ 4 комнаты съ кухней и основали здѣсь такъ называемую студенческую квартиру и столовую для приходившихъ студентовъ. Столовая наша была довольно обширная комната и въ ней по вечерамъ собирались сходки. Сначала сходки эти состояли изъ студентовъ близко другъ друга знающихъ; но когда молва разошлась среди радикальной молодежи о благодатномъ уголкѣ для сходокъ, наша квартира превратилась въ общее мѣсто для сходокъ. Собирались тутъ иногда и очень многолюдныя сходки. Здѣсь часто читалъ и Каблецъ свои рефераты, извѣстный потомъ въ литературномъ мірѣ подъ псевдонимомъ Юзова. Здѣсь же раздавался кличъ въ народъ, разбирались программы Лаврова, или вѣрнѣе программа журнала «Впередъ», Бакунина, Ткачева и пр. Кромѣ того квартира эта была справочнымъ пунктомъ для пріѣзжавшихъ изъ провинціи, а въ концѣ концовъ и мѣстомъ для ночлега пріѣзжавшихъ въ Питеръ изъ провинціи радикаловъ. Тутъ были и изъ Кіева, и изъ Харькова, и изъ Ростова. Часто приходилось ложиться при одномъ составѣ ночлежниковъ и вставать при втрое увеличенномъ ихъ составѣ. Всякій, не имѣющій опредѣленной квартиры, заворачивалъ на Большую Дворянскую, въ д. № 13-й. Наша квартира даже стала извѣстной Колышкину, извѣстному въ то время начальнику секретнаго отдѣленія. Былъ выпущенъ изъ тюрьмы нѣкто, извѣстный въ радикальномъ мірѣ подъ именемъ «Дѣдушки», фамилія его, если мнѣ не измѣняетъ, Харламовъ. За немимѣніемъ мѣста ночлега, онъ пришелъ переночевать къ намъ. На другой день по какому-то поводу ему пришлось имѣть дѣло съ этимъ самымъ Колышкинымъ и услышать отъ него: «Вотъ видите, только васъ выпустили изъ тюрьмы, а вы ужъ сегодня ночевали въ притонѣ на Большой Дворянской улицѣ. Такимъ образомъ я незамѣтно для себя втягивался въ круговоротъ царящаго тогда надъ молодыми умами общественного движенія. Помнится мнѣ одинъ эпизодъ, который глубоко задѣлъ мое честолюбіе. Въ это время я уже въ достаточной степени былъ захваченъ общественнымъ движеніемъ, но пока все-таки я еще усердно занимался и по академіи. Мой товарищъ по

квартирѣ Рудаковъ и я, сверхъ обязательныхъ занятій по практической гистологіи въ микроскопическомъ залѣ, рѣшили еще заниматься при кабинетѣ профессора Жварыкина съ микроскопомъ. Работали мы съ нимъ въ комнатѣ рядомъ съ заломъ для практическихъ занятій студентовъ. Въ одно время, когда шли въ микроскопическомъ залѣ занятія по паталогической анатоміи 3-го курса, и одинъ изъ моихъ знакомыхъ студентовъ 3-го курса вошелъ въ ту комнату, гдѣ я занимался, я какъ разъ въ это время имѣлъ на предметномъ стеклѣ такъ называемый дондерса разрѣзъ соединительной ткани. Препаратъ мнѣ очень удался и я предложилъ моему знакомому посмотреть въ мой микроскопъ. Онъ посмотрѣлъ и, уходя обратно въ залу, у самыхъ дверей, якобы обращаясь къ своимъ товарищамъ, а въ дѣйствительности имѣя въ виду меня, сказалъ: на 2-мъ только еще курсѣ, а изъ-за дондерсаленты не видитъ ничего, что происходитъ вокругъ. Послѣ этого я въ этотъ день больше не могъ заниматься, пришелъ домой взволнованный и сконфуженный. Мнѣ казалось, что всякій студентъ, при встрѣчѣ со мной, то же самое думаетъ обо мнѣ. Мнѣ казалось, что въ глазахъ постороннихъ я такой же чудакъ, каковымъ былъ въ моихъ глазахъ Груберъ, когда однажды, показывая мнѣ, какъ нужно отпрепарировать *vena suphena*, обозвалъ дуракомъ солдата за то, что тотъ, не зная направленіе этой вены, не умѣлъ выжать кровь изъ вены и теръ тряпкой совсѣмъ не тамъ, гдѣ проходила эта вена. Когда Груберъ сказалъ: дуракъ, не знаетъ, гдѣ *vena suphena*, и самъ, взявши тряпку, сталъ вытирать, я удивленно переводилъ свои глаза съ Грубера на солдата и обратно и думалъ про себя: неужели же Груберъ находится въ невѣдѣніи, что русскіе крестьяне, поставлявшіе исключительно солдатъ до 74-го года въ Россіи, анатоміи не изучаютъ. Прошу у читателя извиненія за это отступленіе. Я имѣлъ въ виду, упомянувъ здѣсь объ этомъ эпизодѣ, показать читателю, въ какой мѣрѣ въ глазахъ студенчества того времени царили общественные вопросы, если студентъ медикъ 3-го курса ставитъ ихъ на первомъ планѣ, а затѣмъ уже науки его специальности. Такъ я жилъ 2 года въ борьбѣ съ самимъ собой: я хотѣлъ окончить курсъ, а меня втягивало общественное теченіе. Въ такомъ душевномъ равновѣсіи я перешелъ на третій курсъ. Въ одно время утромъ, когда я собирался въ академію, приходитъ ко мнѣ Петръ Петровичъ Воскресенскій и говоритъ мнѣ, что одинъ нелегальный нуждается въ ночлегѣ, и что пока будетъ ему подыскана болѣе безопасная квартира, нельзя ли будетъ ему сегодня переночевать у меня въ комнатѣ. Въ это время я жилъ на Нижегородской улицѣ, недалеко отъ академіи, въ компаніи астраханцевъ. Я указалъ мою комнату П. П.—чу, прибавивъ, что иду на лекцію, и что въ случаѣ раньше, чѣмъ я возвращусь, онъ приведетъ его, то пусть занимаетъ вотъ эту мою комнату. Я совершенно не ожидалъ, какой сюрпризъ ждалъ меня и отправился, куда собрался раньше. Возвратившись вечеромъ, я увидалъ на моей кровати спящимъ моего товарища по духовному училищу Емельянова, извѣстнаго публикѣ подъ фамиліей Боголюбова, того самаго Боголюбова, надъ которымъ варварски надругался въ домѣ предварительнаго заключенія Треповъ. Этого Алешу Емельянова, из-

вѣстнаго подѣ именемъ овцы въ духовномъ училищѣ за его кротость, я не видѣлъ лѣтъ 6-ть. Мы вмѣстѣ были въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ, онъ въ Новочеркасскѣ же и остался, а я перешелъ въ духовную семинарію въ Екатеринославъ. Изъ его разсказа о времени, въ которое мы другъ друга не видали, я узналъ, что онъ, по окончаніи духовной семинаріи, поступилъ въ харьковскій ветеринарный институтъ и вскорѣ же по поступленіи бросилъ его и отправился въ народъ. Прошелъ въ качествѣ рабочаго изъ Ростова на Дону до Калача, прошелъ по Волгѣ, былъ на Кавказѣ. Разсказалъ мнѣ много сценъ изъ своихъ столкновеній съ народомъ во время его путешествія. Предо мной стоялъ теперь уже совсѣмъ не тотъ Алеша, котораго я зналъ въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ. Явился же сейчасъ онъ въ Петербургъ изъ Воронежской губерніи, Новохоперскаго уѣзда, деревни Пески, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Мозговымъ велъ не безъ успѣха пропаганду. Но нагрянули жандармы, и онъ, Андреичъ, какъ онъ назывался въ революціонной средѣ, воспользовался услугами крестьянъ и бѣжалъ, а Мозговой, служившій въ Пескахъ въ качествѣ волостного писаря, не желая переходить въ нелегальное положеніе и надѣясь на то, что найденныя при арестѣ нѣкоторыя книжки—вполнѣ легальныя,—которыя они читали крестьянамъ, не столь важное преступленіе, не захотѣлъ скрыться изъ Песковъ и за свое довѣріе теперь сидѣлъ въ тюрьмѣ. Многое въ эту ночь мы съ Андреичемъ переговорили, переговорили по душѣ, какъ старые товарищи, такъ нечаянно другъ съ другомъ вновь встрѣтившіеся. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ и въ это лѣто отправиться на Волгу, приглашалъ и меня туда же. Но я все еще не рѣшался окончательно разрѣшить гамлетовское быть или не быть. Мнѣ все еще жаль было разстаться съ моими мечтами окончить курсъ медико-хирургической академіи, но, съ другой стороны, я ясно понималъ, что я не могу оставаться простымъ свидѣтелемъ того общественнаго призыва въ народъ, который звучалъ среди лучшей молодежи того времени. Я все еще думалъ совмѣстить общественную мою дѣятельность съ желаніемъ продолжать мои занятія по академіи, все еще думалъ поймать двухъ зайцевъ. Лѣто 75 года съ раздвоенной душой я провелъ въ домѣ отца въ деревнѣ, гдѣ усиленно занимался химіей и гистологіей, и въ то же время предо мной неотвязно стоялъ вопросъ: какъ же быть мнѣ дальше съ вопросами, которые все настойчивѣй требовали отъ меня отвѣта на нихъ. У меня прожили съ недѣлю въ это же лѣто Андреичъ и Валерьянъ Осинскій. Валерьянъ Андреичъ Осинскій тоже рвался въ народъ, но удерживало его другое, чѣмъ меня. Онъ въ это время былъ секретаремъ городской ростовской управы и не могъ бросить этого мѣста потому, что образовавшійся въ Ростовѣ кружокъ считалъ его болѣе полезнымъ для дѣла на мѣстѣ секретаря, чѣмъ въ народѣ. По окончаніи каникулъ я возвратился въ Петербургъ довольно поздно. Въ Петербургѣ еще продолжала существовать квартира на Большой Дворянской улицѣ. Характеръ ея продолжалъ оставаться тѣмъ же. Она въ этомъ году сдѣлалась узломъ нѣсколькихъ революціонныхъ группъ молодежи. Сюда тянули: такъ называемый центръ, представителемъ котораго были Марія Николаевна Ошанина и Марія Васильевна Лаврова, стоявшія за программу

дѣятельности Ткачева и извѣстныхъ среди революціонеровъ подъ названіемъ ткачевцевъ или набатчиковъ; такъ называемая группа Владыкина, или бунтари, затѣмъ молодая группа студентовъ университета, во главѣ которой были Георгій Преображенскій и Леонидъ Булановъ. Этотъ моментъ въ моей жизни былъ моментомъ, если не перелома, то надлома. Правда, я еще числился въ числѣ студентовъ академіи, но группа, въ которой я состоялъ членомъ, имѣла уже многихъ изъ своихъ членовъ, работающихъ въ народѣ и состояла къ нимъ въ обязательно дѣловыхъ отношеніяхъ. Въ народѣ были: Андреичъ, Титычъ, Гартманъ, Быковцевъ, Медвѣдевъ, и нашей обязанностью было доставлять имъ денежныя средства, литературу и пр., и если кто-либо изъ нихъ пріѣзжалъ по какому-либо дѣлу въ Петербургъ, то поступалъ въ качествѣ жильца къ намъ. Мы же всѣ, оставшіеся еще въ Петербургѣ, готовились къ предстоящей намъ революціонной дѣятельности. Съ этой цѣлью у насъ была устроена на Петербургской сторонѣ столярная мастерская, гдѣ мы учились работать, и куда по воскресеньямъ приходилъ знакомый столяръ-работчій учить насъ этому ремеслу. Наша же группа устроила въ Колпино на артеляхъ началахъ изъ Колпинскихъ рабочихъ слесарную мастерскую, съ цѣлью занятій съ рабочими. Руководилъ этими занятіями въ Колпино съ рабочими я. Я знакомилъ рабочихъ съ экономическимъ ученіемъ Маркса. Для этой цѣли я переселился въ Колпино и помѣстился въ семьѣ старика кузнеца, сынъ котораго Ефимъ былъ однимъ изъ рабочихъ основанной нами мастерской. Съ первыми главами Капитала Маркса я знакомилъ ихъ по компиляціи Капитала Мостамъ, не большой, но хорошо написанной примѣнительно къ пониманію рабочаго книжкѣ. Переводилъ для меня эту книжку Мурашкинцевъ. Вторую же половину Капитала Маркса, которая не облечена въ метафизическую оболочку, рабочіе легко понимали и при чтеніи въ подлинникѣ. Я прожилъ съ этой цѣлью въ Колпинѣ, начиная съ первыхъ чиселъ ноября, вплоть до апрѣля. Весной вся наша компанія рѣшила отправиться въ народъ. Нужно сказать читателю, что время конца 75 года и начала 76 было временемъ разочарованія въ тѣхъ надеждахъ, съ которыми революціонная молодежь двинулась въ народъ. Выработанная теоретически, на основѣ социалистическихъ принциповъ программа, безъ всякаго отношенія къ тому, что представляла жизнь, потерпѣла крушеніе. Въ лучшемъ случаѣ, удавалось только завоевывать симпатіи деревни; но надежды на то, что пропаганда вызоветъ деревенскій народъ на активную борьбу или, по крайней мѣрѣ, вдохнетъ въ крестьянство вѣру въ то, что такая борьба дастъ плодотворные результаты,—такія надежды не оправдались. Крестьянинъ слушалъ революціонера точно такъ же, какъ онъ слушаетъ батюшку, проповѣдывающаго ему о царствѣ небесномъ, и послѣ прослушанной проповѣди, какъ только переходилъ порогъ церкви, жилъ точно такъ же, какъ онъ жилъ и до проповѣди. Многіе побывавшіе въ народѣ вынесли на этотъ счетъ такое убѣжденіе. Мнѣ рассказывалъ, напр., Осипъ Васильевичъ Аптекманъ о своей пропагандѣ въ деревнѣ, гдѣ онъ былъ фельдшеромъ—вотъ что по этому поводу. «Собрались, говорилъ О. В. какъ-то въ воскресенье ко мнѣ въ избу разъ крестьяне,

я и началъ держать къ нимъ рѣчь. Всѣ слушали меня, какъ мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, съ большимъ интересомъ. Я подкупленный такимъ вниманіемъ къ тому, что я говорилъ, все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ и энергіей говорилъ имъ о плачевномъ положеніи людей труда, говорилъ о томъ, что все, чѣмъ живетъ Россія, всѣ богатства ея результатъ мозолистыхъ рукъ русскаго рабочаго, что всѣ остальные сословія—дворянство, духовенство и вообще всѣ правящіе люди и купечество—живутъ на счетъ рабочихъ и крестьянъ. Затѣмъ нарисовалъ предъ ними картину будущаго строя на социалистическихъ началахъ. Все это слушалось съ большимъ вниманіемъ. Кончилъ, всѣ вздохнули умиленно. Я въ восторгѣ, что произвелъ должно впечатлѣніе. Но зато какъ же былъ и огоршенъ, когда послѣ непродолжительнаго молчанія одинъ почтенный старикъ, очень, на видъ, симпатичный, котораго я къ тому же недавно вызволилъ отъ лихорадки и который, мнѣ казалось, слушалъ съ особеннымъ напряженіемъ вниманія, сказалъ мнѣ: умный ты человекъ, О. В., скажи же, пожалуйста, а что будетъ на томъ свѣтѣ? Тутъ я понялъ, сказалъ мнѣ О. В., съ горечью понялъ, каковы результаты моей пламенной рѣчи! Не выдержалъ я характера и съ сердцемъ отвѣтилъ ему: какой тебѣ еще тотъ свѣтъ понадобился,—довольно тебѣ и этого, чтобъ не думать еще о другомъ такомъ же!» Возвратившіеся изъ народа пионеры съ такими впечатлѣніями стали уже говорить о пересмотрѣ и измѣненіи программы соотвѣтственно указаніямъ опыта. Въ это время появлялись и на нашей квартирѣ побывавшіе въ народѣ и уже критически относившіеся къ прежней программѣ. Здѣсь я въ первый разъ встрѣтилъ Александра Дмитриевича Михайлова, С. А. Харизоменова, Ив. Ѳ. Фесенко, помимо людей нашего кружка, стоявшихъ тоже за пересмотръ программы; и вотъ они-то и были первыми ласточками новой весны, повѣявшей среди революціонеровъ. Они первые поставили на очередь въ революціонной средѣ Петербурга такіе вопросы, отвѣты на которые дали въ результатъ программу Земли и Воли, принятую въ 76 году большинствомъ тогдашней молодежи. Мы, второе наслоеніе революціонной почвы, создавали свои взгляды на дѣятельность, руководясь тѣми коррективами, которые вынесли изъ опыта первые пионеры въ народѣ. Мы видѣли разочаровавшимися нашихъ предшественниковъ въ народѣ, но разочарованіе это было здоровымъ разочарованіемъ. Они разочаровались въ средствахъ борьбы, необходимости же борьбы съ поработившимъ народъ правительствомъ стояла внѣ сомнѣнія и, мы, собиравшіеся въ народъ по стопамъ нашихъ предшественниковъ, шли туда не съ остывшими порывами, а наоборотъ, съ революціонной энергіей, если позволительно такъ выразиться, повышенной сравнительно съ прошлымъ. Помню, въ это самое время въ первый разъ на нашей квартирѣ появились Баранниковъ и Рогозовъ еще въ мундирахъ юнкеровъ Павловскаго училища. Не помню хорошо, по какому поводу у насъ въ квартирѣ собралась многолюдная сходка, чуть ли не по поводу возникшей полемики между Лавровымъ и Ткачевымъ; появленіе брошюры Ткачева очень взбудоражило революціонные круги, хотя адептовъ приобрѣло ему мало. Впускалъ по билетамъ на сходку я.

Открываю двери, и предо мной два сильныхъ и мускулистыхъ молодыхъ человѣка, которые сначала, при первой встрѣчѣ въ дверяхъ, нѣсколько меня смутили, ибо я подумалъ—жандармы,—но сейчасъ же, получивъ отъ нихъ билетъ на входъ, призналъ въ нихъ юнкеровъ Павловскаго училища и впустилъ. Это было въ первый разъ, что Баранниковъ появился на радикальной сходкѣ, а мѣсяць спустя онъ сложилъ на Невѣ у проруби всѣ свои военные доспѣхи. умерши для русской солдатчины, воскресъ для революціоннаго дѣла подъ именемъ Семена. Этотъ моментъ въ нашемъ революціонномъ движеніи, пожалуй, нужно отмѣтить какъ моментъ особенно повышеннаго революціоннаго напряженія. Не взирая на то, что въ это время готовился процессъ 193-хъ и что двинувшійся въ народъ первый призывъ революціонеровъ почти весь былъ брошенъ въ тюрьмы, мы второй призывъ, еще съ большою энергіей рвались въ народъ. Для характеристики этого момента я забѣгу немного впередъ и расскажу, съ какой энергіей и съ какимъ пренебреженіемъ къ риску своей судьбой относились явившіеся изъ Питера въ Ростовъ тѣ, которые шли на смѣну томившимся въ тюрьмахъ. Мы въ Ростовѣ жили въ квартирѣ Льва Николаевича Гартмана, служившаго тогда въ Азовско-Донскомъ коммерческомъ банкѣ. Отсюда человѣкъ пять отправились на базаръ, чтобъ купить крестьянскій костюмъ, переодѣвшись въ который отправляться въ народъ. Помню въ числѣ отправившихся на базаръ былъ Баранниковъ и Хотинскій. Являются въ лавку еврея, торговца крестьянскимъ хламомъ и ни мало не стѣсняясь, снимаютъ ботинки и брюки и примѣряютъ шаравары, коты и пр. Конечно, такіе необычные покупатели подобныхъ продуктовъ російской промышленности не мало удивили продавца еврея и онъ сталъ дѣлиться своими впечатлѣніями съ своимъ сосѣдомъ, продавцемъ такихъ же товаровъ на еврейскомъ жаргонѣ. «Посмотри, посмотри-ка, какая у него на головѣ шапка! Зачѣмъ ему лапти;—что ты думаешь?». «А зачѣмъ мнѣ думать, зачѣмъ тебѣ знать, на что ему лапти? Онъ покупаетъ, ты продаешь, что тебѣ еще нужно!..». Среди покупателей былъ еврей Хотинскій, который понималъ, какое удивленіе они вызвали у торговцевъ евреевъ. Покупатели нисколько не смущались тѣмъ, что о нихъ могутъ подумать, купили, что имъ было нужно, сложили въ мѣшокъ и отправились опять къ Гартману, гдѣ переодѣвшись въ купленный костюмъ отправились пѣши въ качествѣ косарей на работы въ Мелитопольскій уѣздъ. Мелитопольскій уѣздъ былъ однимъ изъ пунктовъ пропаганды. Брату студента Хотинскаго, содержавшему почту между Мелитополемъ и Бердянскомъ было поручено засѣять 10 десятинъ земли, уборку которыхъ мы намѣревались произвести сами съ цѣлью научиться земледѣльческимъ работамъ. Организацию этихъ работъ взялъ на себя Быковцевъ. Мелитопольская группа земледѣльцевъ состояла исключительно изъ мужчинъ. Другая же группа, состоявшая изъ мужскаго и женскаго персонала, отправлялась на работы въ Ростовскій уѣздъ, гдѣ взялся руководить этимъ дѣломъ мой братъ Илья Поповъ. Весной 76 года я отправился въ Харьковъ, гдѣ долженъ былъ застать Быковцева, откуда, переодѣвшись соотвѣтственно, вмѣстѣ съ Быковцевымъ отправиться въ Мелитополь, чтобы поступить въ качествѣ ям-

щика на службу къ брату Хотинскаго до времени уборки хлѣба и затѣмъ вызвать группу лицъ, согласившихся убирать хлѣбъ и нанять ихъ, якобы на работы къ Хотинскому. Приѣхавъ въ Харьковъ, я не засталъ тамъ Быковцева,—онъ почему то долженъ былъ поспѣшить на мѣсто предполагаемыхъ работъ,—но въ Харьковѣ онъ оставилъ для меня адресъ и наставленіе, какъ его найти въ Мелитополь. Наставленіе было такое: приѣхавъ въ Мелитополь, найти тамъ домашняго учителя въ одномъ еврейскомъ семействѣ и онъ уже сведетъ меня съ Быковцевымъ. Съ небольшимъ запасомъ денегъ, достаточнымъ лишь на проѣздъ и харчи и съ паспортомъ въ карманѣ на имя крестьянина Павленко, я отправился въ Мелитополь. Нашель домъ по примѣтамъ, которыми меня снабдили въ Харьковѣ, вошелъ въ этотъ домъ, поворотилъ направо въ первую дверь и вошелъ въ предполагаемую комнату учителя. Но въ комнатѣ не оказалось никого. Бросившаяся мнѣ въ глаза этажерка съ книгами и единственная койка, убѣдили меня въ томъ, что я не ошибся и попалъ именно въ комнату учителя. Расположился и сталъ ждать прихода учителя,—думаю себѣ, куда-нибудь ушелъ временно. Какъ же я былъ удрученъ, когда чрезъ какихъ-нибудь полчаса, вошла въ комнату, гдѣ я сидѣлъ въ ожиданіи учителя, дама, очевидно хозяйка дома и на мой вопросъ,—туда ли я попалъ и могу ли надѣяться увидѣть учителя такого то, отвѣтила мнѣ, что это дѣйствительно комната репетитора моихъ дѣтей, но такъ какъ онъ тоже еврей и у нихъ, евреевъ теперь праздники пасха, то онъ уѣхалъ въ Бердянскъ и проживетъ тамъ дней нѣсколько, а можетъ быть и всю недѣлю. Положеніе мое было безвыходное. Въ моемъ карманѣ только и было какихъ-нибудь рубль съ копейками, да фальшивый паспортъ. Очевидно безвыходность моего положенія такъ ясно отразилась на моемъ лицѣ, что дама легко прочтала это и сказала: но это нисколько не мѣшаетъ вамъ расположиться въ комнатѣ нашего репетитора и подождать его приѣзда. Ничего другого мнѣ не оставалось въ моемъ положеніи и я воспользовался предложеніемъ неизвѣстной мнѣ дамы, поблагодарилъ ее и заявилъ, что я такъ и сдѣлаю, ибо ѣхать, думалъ я, въ Бердянскъ съ рискомъ и тамъ также его не застать, перспектива еще болѣе неприятная, чѣмъ та, въ которой я сейчасъ нахожусь. Такимъ образомъ я расположился въ домѣ людей мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, съ небольшимъ запасомъ денегъ. Жду день—другой, не замѣчая, что дѣлается вокругъ, волнуюсь тѣмъ, а что какъ этотъ учитель проживетъ въ самомъ дѣлѣ всѣ дни праздника въ Бердянскѣ, а быть можетъ, по какимъ дѣламъ и еще куда уѣдетъ,—что мнѣ дѣлать? Между тѣмъ моя хозяйка вошла въ мое положеніе и принимала мѣры вывести меня изъ него. Къ счастью моему Хотинскій, по пути изъ Петербурга въ Ростовъ, заѣхалъ къ себѣ домой, въ Мелитополь. Хозяйка моя, родственница его, сообщила ему о своемъ неожиданномъ гостѣ и вотъ Хотинскій и вызволилъ меня изъ бѣды. Но это случилось два дня спустя послѣ моего приѣзда въ Мелитополь. До этого же времени, я чувствовалъ себя такъ, какъ чувствовалъ потомъ, когда меня арестовали въ Кіевѣ въ первые дни. Всталъ я утромъ на другой день по приѣздѣ и, помня хорошо, что всякій человѣкъ вставши пьетъ чай или, по крайней мѣрѣ,

завтракаетъ, я обратился къ кухаркѣ, русской, довольно суровой пожилой, женщинѣ и попросилъ ее купить мнѣ молока и хлѣба къ завтраку и въ отвѣтъ на просьбу получилъ довольно не любезный отвѣтъ, что этого здѣсь нельзя, такъ какъ у евреевъ во время этого праздника никакого хлѣба въ комнату вносить не полагается и что въ эти дни въ еврейскомъ домѣ ничего не дозволяется кушать, кромѣ мацы. Хорошо еще, что кухарка на мою просьбу отвѣтила громко, такъ что ея хозяйка слышала ея отказъ въ моей просьбѣ и сказала изъ своей комнаты: «ничего Алена,— купи что нужно,» а то, пожалуй бы, пришлось идти завтракать на базаръ, ибо гостинница была мнѣ не по карману. Словомъ, мой первый дебютъ въ народѣ, былъ первымъ блиномъ комомъ. Наконецъ души моей терзанія кончились. Явился ко мнѣ Хотинскій, призналъ во мнѣ товарища по дѣлу, снабдилъ деньгами и успокоилъ меня, сказавъ, что здѣсь я могу спокойно себѣ жить пока не явится Быковцевъ, который, вѣроятно, на дняхъ будетъ здѣсь и что я долженъ искать его у амбаровъ, гдѣ онъ обыкновенно пребываетъ, когда появляется въ Мелитополѣ. Послѣ этого я сдѣлался настоящимъ гостемъ въ этомъ домѣ, гдѣ до сихъ поръ былъ подъ сомнѣніемъ не то другъ, не то врагъ учителя. Откровенно говоря, думали обо мнѣ на двое: то ли я радикаль такой же, какъ ея учитель и Хотинскій, или, быть можетъ, шпіонъ и по меньшей мѣрѣ, человѣкъ подлежащій удостовѣренію его личности. Съ момента же удостовѣренія моей личности ко мнѣ по временамъ заходила въ комнату моя хозяйка, приглашала обѣдать и чай пить. Дѣти же ея, Анюта и мальчикъ Саша, постоянно вертѣлись у меня въ комнатѣ. Теперь ужъ и хозяйка знали, кого мнѣ нужно, не потому, конечно, что Хотинскій сообщалъ ей, что мнѣ нужно у амбаровъ для ссыпки хлѣба встрѣтить Быковцева, а потому, что я только и зналъ дорогу отъ амбаровъ къ дому, гдѣ я жилъ, и обратно. Почитаю, почитаю какую-нибудь изъ книжекъ, взятыхъ съ этажерки, и пройду къ амбарамъ, присматриваясь, нѣтъ ли среди рабочихъ Быковцева. Приходилось заниматься этимъ въ продолженіе дня нѣсколько разъ и немудрено, что хозяйка моя поняла, что я съ кѣмъ то жду встрѣчи у амбаровъ. На четвертый день моего пребыванія въ Мелитополѣ, не успѣлъ еще умыться, какъ вбѣгаетъ ко мнѣ Анюта и лукаво говоритъ мнѣ: «тамъ подъ амбаромъ какой то человѣкъ лежитъ, а Саша боится его,—я говорю ему: зачѣмъ бояться, можетъ быть, ему кого-нибудь нужно видѣть!» Я вышелъ и въ этотъ разъ нашелъ Быковцева. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ пойдетъ за городъ къ кладбищу, и просилъ, чтобъ я съ Хотинскимъ пришелъ къ нему туда же. Здѣсь, на кладбищѣ, еще одна неожиданность, граничащая съ неудачей, постигла меня. Я ѣхалъ въ Мелитополь занять мѣсто ящика, какъ мы о томъ условились съ Быковцевымъ, а здѣсь узнаю, что онъ предложилъ мѣсто ящика Бранднеру или, какъ онъ извѣстенъ былъ у насъ, Нѣмцу, и что мнѣ поэтому тоже нужно отправляться въ Ростовъ и оттуда уже ко времени уборки хлѣба придти вмѣстѣ съ компаніей, найти Бранднера или его Быковцева и наняться на работу къ Хотинскому. Мнѣ ничего не оставалось, какъ возвратиться вмѣстѣ съ Хотинскимъ въ Ростовъ, гдѣ я уже засталъ въ

сборъ компанію собиравшуюся на работы въ Мелитополь, о сборахъ которой я уже сказалъ выше. Я во второй разъ уже не попалъ въ Мелитополь, ибо захватилъ гдѣ-то лихорадку и отправился въ свою семью лечиться. Знаю только, что работы въ Мелитополѣ сошли благополучно. Были конечно шереховатости, но скорѣе комическаго, чѣмъ трагическаго характера. Напримѣръ, мнѣ рассказывали, что крестьяне ломали голову надъ тѣмъ, что за люди эти Богъ вѣсть откуда взявшіеся косари, очевидно въ первый разъ въ жизни взявшіе въ руки косу и грабли? Кромѣ того, такъ какъ задачей этой работающей компаніи на полѣ близъ Мелитополя было лишь научиться сельскимъ работамъ, подъ руководствомъ такихъ людей, какъ Быковцевъ, съ дѣтства знакомый съ этимъ трудомъ, то она не считала нужнымъ симулировать заправскихъ рабочихъ и не заставляла себя выходить на работы одновременно съ выходомъ на работы по сосѣдству работающихъ настоящихъ рабочихъ и послѣ немногихъ первыхъ дней работы съ особымъ рвеніемъ, не сообразивъ, что имъ, какъ не привычнымъ къ физическому труду, не такъ-то легко дается трудъ съ косою подъ горячимъ солнцемъ юга, быстро спасовали, въ особенности, послѣ того, какъ иронизировалъ Быковцевъ, когда одинъ изъ косцовъ, Иванъ Левитскій, на предложеніе вставать на работы заявилъ: ей-ей не могу, у меня ровно ребро зашло за ребро, такъ болятъ спина и правый бокъ. Вотъ это все вмѣстѣ взятое:—и поздній выходъ на работу, около 8 часовъ, когда ужъ настоящіе рабочіе идутъ завтракать, и все другое, что работающую интеллигенцію у Энгельгарда въ Батищевѣ дало поводъ крестьянамъ называть тонконогими, все это, говорю, вмѣстѣ взятое заставляло и сосѣднихъ крестьянъ опредѣлить,—къ какой категоріи рабочихъ отнести земледѣльцевъ на мелитопольскомъ полѣ, невѣдомо откуда то взявшихся и, говорятъ, что сосѣди крестьяне рѣшили: «шо то, мабудь, заграничны вермены», т. е. заграничные армяне. Совсѣмъ не такъ гладко сошла затѣя научиться земледѣльческимъ работамъ ростовской компаніи, гдѣ организаторомъ работъ былъ мой братъ Илья, осужденный потомъ по процессу демонстраціи на Казанской площади въ ссылку въ Сибирь. Дѣло началось съ того, что эти земледѣльцы смутили становаго пристава. Приѣхалъ онъ къ моему отцу и ведетъ съ нимъ такую рѣчь за рюмкой сантуринскаго, я же, лежа въ сосѣдней комнатѣ въ лихорадкѣ, и слушаю: «скажите мнѣ, батюшка, началъ становой, ну я понимаю, говорятъ, графиня Воронцова своими руками и копала, и полола, словомъ занималась чернымъ трудомъ, это, я понимаю, дѣлала она для спасенія души,—скажемъ такъ: богоугоднымъ дѣломъ занимались. Ну а вотъ у Ильи Родіоновича работаютъ въ полѣ студенты и дѣвицы какія-то, — это чѣмъ объяснить?»—«Какіе же какіе-то, возражаетъ становому отецъ, тамъ работаетъ и моя дочь, товарки ея по гимназіи, студенты—товарищи сына Ильи и имъ знакомыя студентки, и я не понимаю, что васъ удивляетъ, Іосифъ Васильевичъ? Для меня ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Я даже, смотря на нихъ, радуюсь, думаю, пусть себѣ поработаютъ на свѣжемъ воздухѣ, запасаются на зиму силами. Вѣдь въ Петербургѣ то въ сырыхъ квартирахъ здоровья не наживешь, ну,

и пусть нашъ благодатный югъ освѣжить ихъ здоровье». «Нѣтъ, отецъ Родіонъ, это не то. Вотъ отправлюсь я туда самъ, возьму косу и пусть-ка они отъ пѣтуховъ до пѣтуховъ потянутъ за мной,—не бось скоро бросили бы».—«А вы, Іосифъ Васильевичъ, когда-нибудь косили?»—спрашиваетъ становой отецъ. «Нѣтъ, не приходилось, да ужъ ради этого понатужился бы», отвѣтилъ становой.—«Ну, такъ я вамъ, Іосифъ Васильевичъ, не совѣтую, ибо не только отъ зари до зари, какъ поютъ студенты наши, а и одну ручку (рядъ захватываемый косою въ одинъ разъ на разстояніи десятины вдоль или поперекъ, смотря, какъ идутъ косцы) не одолѣть вамъ».—Такою рѣчь велъ съ моимъ отцомъ становой. И такъ какъ становой не договаривалъ до конца, то со-стороны и выходило, что они говорили на разныхъ языкахъ. Не предубѣжденному человѣку, каковымъ былъ мой отецъ, просто казалось, что становой находилъ трудъ земледѣльской не подходящимъ для учащейся молодежи, отецъ же мой не соглашался съ нимъ и только. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Изъ среды работающихъ студентки Богомазъ, Конопля, двѣ сестры Товбичъ и Бутенко, нанимали въ нашей деревнѣ крестьянскую избу, гдѣ и жили. Въ одно время когда барышни были въ полѣ, приходитъ къ ихъ хозяйкѣ повсѣмъ признакамъ гороховое пальто изъ Ростова и проситъ хозяйку, пока придетъ поѣздъ изъ Владикавказа въ Ростовъ, напоить его чаемъ. Хозяйка отвѣчаетъ, что у нея самовара своего нѣтъ, а самоваромъ барышень она не смѣетъ безъ ихъ позволенія распорядиться. На это таинственный человѣкъ говоритъ ей, что въ сущности ему не такъ чай нуженъ, какъ онъ желалъ бы познакомиться съ барышнями, и что, если бы она, бабушка, помогла ему познакомиться съ ними, то онъ бы ее щедро отблагодарилъ. Тутъ ужъ, очевидно, произошло *qui pro quo*. Строгая бабушка, не подозрѣвая истинныхъ намѣреній гороховаго пальто, и заподозрѣвъ его въ иныхъ видахъ на любимыхъ ею барышень, заговорила и инымъ языкомъ. «Отправляйся,—сказала старуха,—виткиль пришовъ, бо я тобѣ такихъ барышень покажу, шо ты не втрапишь куди й тикать». И вооруженная скалкой, которой она что-то дѣлала въ это время, подступила къ нему и еще разъ подтвердила, чтобъ онъ убирался. «Це не таки барышни, як ты думаешь свой скаридной головой». «Да, я знаю бабушка, что это не такія барышни»..., началъ было увѣрять старушку таинственный посѣтитель, но старушка его прервала и сказала: «а знаешь, такъ тобѣ лучше. Иди собѣ виткиль пришовъ, покиль я не посчитала тобѣ ребра». Оказалось и новый подходъ не удался смущенному начальству появленіемъ на полѣ студентовъ и студентокъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилось яснымъ, что начальство не въ шутку заходило около необычайныхъ рабочихъ на полѣ, близъ деревни Самарска. Въ одно время приходитъ еще одна старуха, поле семьи которой было сосѣднимъ съ полемъ, гдѣ работали наши студенты и студентки, и говоритъ отцу: «не знаю, батюшка, съ чего и начать, зачѣмъ я пришла къ вамъ!»—И рассказываетъ, что къ нимъ приходилъ какой-то солдатъ наниматься на работу. Стали они ладиться съ сыномъ, сказала старушка, а солдатъ и говоритъ, что онъ собственно не работы ищетъ, а такъ, чтобъ ему только проживать

у нихъ. Чѣмъ дальше говорилъ солдатъ, тѣмъ, по словамъ старухи, становилось яснымъ, что ему нужно было бы понаблюдать за людьми, работающими на батюшкиномъ полѣ, не дѣлаютъ ли они фальшивыхъ денегъ? «Такъ то винъ сказавъ моему сыну, батюшка! Сынъ мій, правда, сказавъ ему,—чѣмъ жъ таки не знаемо Родіоновичей, шобъ таке про нихъ говорить? А винъ такъ таки и сказавъ: въ томъ то и діло, шо вы ихъ не знаете.» Поговорила я съ сыномъ и кажу собі : хоть по всему видно, шо тутъ якась брехня, бо мы-жъ бачимъ и все то у насъ на глазахъ,—а все жъ, думаю, треба сказать батюшки, бо потомъ, чего оборонъ боже, якъ лихо стрясетъ, батюшка не выговоривъ бы намъ: бачъ знали, а не сказали мені!» Въ концѣ концовъ, вѣроятно, убѣдившись въ томъ, что всякіе аллюры ни къ чему не приводятъ, начальство рѣшило дѣйствовать напрямикъ. Братъ Гартмана, начальникъ телеграфной конторы въ Новочеркасскѣ, общилъ нашимъ въ Ростовѣ о томъ, что между управленіями ростовскимъ жандармскимъ и донскимъ воинскимъ идутъ переговоры о необходимости произвести обыскъ у сына священника, работающаго на землѣ принадлежащей Войску Донскому. Тогда г. Ростовъ былъ уѣзднымъ городомъ Екатеринославской губерніи. Деревня наша находилась въ Ростовскомъ уѣздѣ, земля же на которой работали братъ съ компаніей взята была въ аренду у казака донской области. Вотъ почему и понадобились эти переговоры между ростовскимъ жандармскимъ управленіемъ и воинскимъ управленіемъ Земли Войска Донского.—Я все еще былъ боленъ и находился въ домѣ моего отца. Вдругъ вижу къ дому подѣзжаетъ извозчикъ пролетка,—что-то необычайное, ибо Самарскъ находится въ 35 верстахъ отъ Ростова по Владикавказской желѣзной дорогѣ и къ тому въ самой деревнѣ станція. Пріѣхалъ Осипичъ,* ведшій въ это время дѣла среди ростовскихъ рабочихъ, и говоритъ, что пріѣхалъ на извозчикѣ, чтобъ предупредить объ обыскѣ, ибо, можетъ быть, съ 6-ти часовымъ поѣздомъ нагрянутъ жандармы и нужно все компрометирующее припрятать. А вѣдь въ наше время предѣлы недозволенаго были широки. Сюда входили и рѣчи Лассаля и Капиталь Маркса, не говорю ужъ о политической экономіи Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго и многое другое. Обладатели всего этого смѣло могли рассчитывать на нѣсколько лѣтъ каторги. Пошелъ я съ сестрой на злополучную квартиру необычайныхъ самарскихъ жильцовъ и все въ этомъ родѣ, что тамъ оказалось, припрятали мы въ болѣе безопасное мѣсто. Затѣмъ отправилъ гонца съ письмомъ къ брату на поле, посовѣтовалъ нашимъ рабочимъ не возвращаться въ Самарскъ, а прямо отправиться пароходомъ въ Таганрогъ и по желѣз. дорогѣ оттуда, кто куда желаетъ. Съ 6-ти часовымъ поѣздомъ на Владикавказъ изъ Ростова прибыли въ Самарскъ жандармы во главѣ съ начальникомъ ростовскаго жандармскаго управленія, но ихъ появленіе въ Самарскѣ обнаружилось лишь въ томъ, что они выкупались въ купальнѣ, принадлежащей служащимъ желѣзной дороги и дальше этого они не пошли. Утромъ на другой день я отправился на станцію въ надеждѣ что либо узнать тамъ о намѣреніяхъ жандармовъ. Идти на станцію нужно было мимо дома моей тетки. Поравнявшись съ домомъ моей тетки, я увидѣлъ ее

на крыльцѣ подзывавшую знакомъ руки подойти къ ней. Подхожу и она начинаетъ съ того, что говоритъ: «Знаешь, вѣдь нашихъ барышень арестовали». Это было почти невѣроятнымъ и я спросилъ ее, откуда она знаетъ объ этомъ. Она рассказала мнѣ слѣдующее: Приходила ко мнѣ старуха Тыркалка, у которой по случаю ремонта желѣзно-дорожной станціи квартировалъ временно начальникъ станціи и сказала мнѣ такъ: «Пришелъ, говорить, мой баринъ, ходить по комнатѣ и одно: ахъ, Боже мой, ахъ, Боже мой! Я и спрашиваю у него,—что то вы такъ, баринъ, убиваетесь? А онъ и сказываетъ, что тѣхъ барышень, что работали у Ильи Родіоновича на полѣ, арестовали. За что-жъ то ихъ, баринъ, арестовали,—спрашиваетъ Тыркалка. А за то отвѣтилъ ей начальникъ станціи, что онѣ читали книжки, гдѣ про васъ, крестьянъ написано. Отто-жъ! Чи вжешь, баринъ, про насъ и въ книжкахъ писать нельзя, спрашиваетъ старуха. Выходить, значитъ, бабушка, что нельзя». Какъ это ни казалось страннымъ, такъ какъ посланный въ поле привезъ письмо, что всѣ кромѣ Александры Дмитриевны Товбичъ уѣхали въ Таганрогъ, тѣмъ не менѣе фактъ на лицо,—свидѣтельство начальника станціи. Отправляюсь на станцію и узнаю отъ начальника станціи, что со станціи Степной, Владикавказской желѣзной дороги, дѣйствительно, по словамъ кондукторовъ отправлены въ отдѣльномъ вагонѣ арестованныя наши работницы подъ строгимъ секретомъ въ Ростовъ и что на нашей станціи ни въ вагонъ, ни близко подойти къ вагону никому не позволялось. Возвратившаяся съ поля А. Д. Товбичъ тоже сообщила, что что-то сенсационное произошло на полѣ около станціи Степной, но что это, по всей вѣроятности, не имѣетъ никакого отношенія къ нашимъ, ибо наши уѣхали въ совершенно противоположномъ направленіи. Оставалось одно—подождалъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. И вотъ на другой день прошелъ такой слухъ: пріѣхавшіе жандармы, узнавъ о томъ, что интересующіе ихъ земледѣльцы въ полѣ, рѣшили арестовать ихъ на мѣстѣ преступленія. Наши дамы на работы не особенно переряжались и только замѣняли шляпы платками, повязывая ихъ такъ, какъ повязываютъ дончихи. Это обстоятельство и ввело жандармовъ въ заблужденіе. Они вмѣсто нигилистовъ-пропагандистовъ, за которыми они охотились, арестовали шедшихъ на работу 4 дѣвушекъ казачекъ, что обнаружилось уже въ Ростовѣ, такъ какъ дѣвушки были изъ станицы Елизаветинской, находящейся въ 30 верстахъ отъ Ростова, откуда и были вызваны ихъ отцы, чтобъ удостовѣрить, что онѣ дѣйствительно казачки, какъ они сообщили при ихъ арестѣ, а не пропагандитски, поселившіяся въ Самарскѣ и работавшія на полѣ брата. Вѣсть объ этомъ дошла и до насъ въ Самарскѣ и конечно послужила предметомъ для толковъ объ этомъ и вполнѣ заслуженнаго смѣха надъ такой непростительной для жандармовъ ошибкой. Но все же продолжать работы на полѣ, конечно, было невозможно и компанія разѣхалась, въ томъ числѣ и мой братъ, организаторъ и работы уже заканчивалъ мой второй братъ безъ всякаго соблазна для жандармовъ, ибо работали уже настоящіе рабочіе, а не студентки и студенты, явившіеся изъ Петербурга. Остался только я одинъ, все еще не избавившійся отъ лихорадки. Въ концѣ лѣта меня больного посѣтили Осинскій и Андреичъ. Въ этотъ годъ

Осинскій тоже покидалъ Ростовъ, изъ котораго, какъ я уже говорилъ онъ давно рвался, но ему все еще мы не совѣтовали бросать мѣсто секретаря въ ростовской городской управѣ. Ибо при помощи его можно было во всякое время помѣстить въ городскую управу чело-вѣка изъ нашей революціонной среды. Его положеніе какъ секре-таря городской управы было совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе секретаря какой-либо другой городской управы. Семья Осинскихъ среди дворян-ства Ростовскаго уѣзда занимала видное мѣсто и, благодаря этому, его рекомендація, была рекомендаціею не только секретаря управы. Въ ростовской управѣ многіе изъ состава служащихъ въ это время сочувственно относились къ революціонному движенію. Городскимъ головой былъ въ это время Кривошеинъ, тотъ Кривошеинъ, который потомъ какими-то судьбами попалъ въ министры путей сообщенія, Судя по словамъ Осинскаго, Кривошеинъ былъ далеко не умный чело-вѣкъ, такъ что мнѣ было странно узнать въ Шлиссельбургѣ, что онъ достигъ портфеля министра; но, какъ сказалъ нашъ знаменитый Ще-дринъ, что русскій чело-вѣкъ среди жандармовъ—жандармъ, среди ли-бераловъ—либералъ, то и Кривошеинъ, по словамъ Осинскаго,—правда ироническимъ словамъ,—любилъ похвалиться, что не даромъ же онъ учился гдѣ то въ Парижѣ и, конечно, вполне понимаетъ и до нѣко-торой степени сочувствуетъ стремленіямъ современной молодежи, если эти стремленія не переходятъ извѣстныхъ предѣловъ. Каковы эти предѣлы, это можно судить опять-таки, по той ироніи, съ какой Осинскій передавалъ мнѣ о разговорѣ его съ предсѣдателемъ земской управы С., что было бы не дурно издавать заграничный конституціон-ный органъ и что въ Ростовѣ нашлись бы люди тому сочувствующіе,— приче-мъ указывалъ и на Кривошеина раздѣляющаго такое мнѣніе, которые бы дали на это и денежныя средства, но само собою понятно, еслибъ рискъ такого предпріятія взялъ-бы на себя кто-нибудь другой а не С. и раздѣляющіе его мнѣніе люди. Дошло до жандармскихъ ушей, что, пользуясь покровительствомъ Осинскаго въ управѣ прію-тились неблагонадежныя элементы. Понятно Кривошеинъ, хоть и съ реверансами, заявилъ Осинскому, что онъ, какъ представитель города, допустить этого не можетъ, а какъ хорошій знакомый Осинскаго, совѣтовалъ Осинскому покинуть совсѣмъ Ростовъ. Такимъ образомъ Осинскій могъ свободно располагать собой и вотъ онъ, Андреичъ и я собрались въ домѣ моего отца и обсуждали тѣ коррективы къ старой программѣ дѣятельности, какіе по указанію опыта должны быть сдѣланы. Вопросъ о пересмотрѣ программы все больше и больше занималъ умы лицъ освободительнаго движенія на-шего времени. Уже въ эту осень собравшіеся въ Петербургѣ предста-вители отдѣльныхъ кружковъ опредѣленно формулировали основныя положенія, которыя вошли въ программу «Земли и Воли». Въ 1877 году съѣздъ революціонеровъ въ Петербургѣ былъ ранній, сравнительно съ предыдущими годами. Съѣхались пересмотрѣть старую программу и на основаніи опыта выработать новую. До сего времени существовали отдѣльныя, независящіе одинъ отъ другого кружки, теперь же боль-шинство революціонныхъ дѣятелей стремились къ тому, чтобы создать организацію, которая объединила бы разрозненные кружки подъ од-

нимъ знаменемъ. Кружокъ бывшихъ Чайковцевъ и кружокъ безъ опредѣленнаго названія, но имѣвшій своихъ представителей во многихъ мѣстахъ провинціи, напр., въ одномъ Ростовѣ были его представителями: Гартманъ, Осинскій, Андреичъ, Матвѣичъ, Титычъ и пр., послужили главными составными элементами организациі «Земли и Воли». Старая программа, рекомендовавшая проповѣдь принципозъ социализма въ деревнѣ, замѣнена была программой протестовъ на почвѣ жизненныхъ интересовъ деревни. Задачей представителей организациі было отыскивать въ народѣ протестующіе элементы и на почвѣ, создающей эти элементы, призывать народъ къ активной борьбѣ. Сообразно теоретической программѣ, программа практическая основателями организациі въ общихъ штрихахъ была намѣчена въ такомъ видѣ. Организациія «Земли и Воли», состоитъ изъ группы народниковъ, которые должны были селиться въ районахъ Россіи, на которые наиболѣе можно было надѣяться, что они дадутъ протестующіе элементы или въ силу исторической традиціи, какъ Волга, Донъ, Уралъ, или на почвѣ сектанства. Вотъ почему послѣ того, какъ была закончена организациія «Земли и Воли», представители народнической группы организациі двинулись для поселенія на Волгу, гдѣ центромъ былъ Саратовъ, и на Донъ, гдѣ центральнымъ пунктомъ былъ Ростовъ. Вторая группа организациі «Земли и Воли» называлась группой дезорганизаторовъ, носящей характеръ летучей группы организациі. Ея задачей была дезорганизациія правительства. Въ протестахъ, возникшихъ на почвѣ аграрныхъ или правовыхъ насилій надъ деревенскимъ населеніемъ, дезорганизаторы должны были являться мстителями особенно усердствующихъ администраторовъ. Во главѣ организациі стоялъ основной кружокъ, изъ членовъ котораго избиралось бюро въ количествѣ 3-хъ человекъ. Членами основного кружка стали тѣ, кто непосредственно участвовалъ въ выработкѣ программы, а затѣмъ большинствомъ членовъ основного кружка, по предложенію одного изъ нихъ или нѣсколькихъ, принимались въ основной кружокъ новые его члены. Бюро распоряжалось денежными средствами организациі, на его обязанности лежало сноситься со всѣми поселившимися въ народѣ и съ дезорганизаторской группой. Въ каждой образованной вновь группѣ въ провинціи долженъ былъ быть одинъ изъ членовъ основного кружка, такъ же точно и въ группѣ дезорганизаторовъ. Съ ними и сносилось центральное бюро организациі. Послѣ того, какъ организациія «Земли и Воли» была болѣе или менѣе закончена, основнымъ кружкомъ было рѣшено объявить во всеобщее свѣдѣніе о народившейся вновь организациі «Земли и Воли» демонстраціей на какой нибудь изъ площадей города Петербурга. Въ мое пребываніе въ Петербургѣ сдѣлано было двѣ попытки въ этомъ направленіи. Было объявлено среди учащейся молодежи и среди петербургскихъ рабочихъ о демонстраціи на площади Исаакіевскаго Собора, куда приглашались на какой то молебень или панихиду. Въ одинъ день тамъ подъ такимъ предлогомъ собралась молодежь, но, кажется, въ виду того, что рабочихъ явилось на площадь менѣе, чѣмъ разсчитывали организаторы демонстраціи, собравшаяся молодежь разошлась, и демонстраціія была отложена. То же повторилось и еще разъ. Вскорѣ потомъ

я былъ командированъ въ Астрахань, гдѣ въ это время проживалъ въ виду раздѣла наслѣдства нѣкто Мартынъ Герасимовичъ Гостинцевъ, обѣщавшій удѣлить кое что изъ полученнаго имъ наслѣдства на дѣло нашей организациі. Въ Астрахани въ это время проживали принадлежавшіе къ организациі «Земли и Воли» Баранниковъ, извѣстный подъ именемъ Семена и Медвѣдевъ или Матвѣичъ. Я нѣсколько останавлиюсь здѣсь на личности Баранникова и скажу нѣсколько словъ о немъ съ того времени, какъ онъ прямо изъ Павловскаго училища отправился въ народъ,—это послужить матерьяломъ для характеристики Баранникова. Баранниковъ съ мелитопольской фермы, гдѣ онъ былъ тоже въ числѣ «якихъ-то заграничныхъ верменъ» отправился въ Ростовъ на Дону. Здѣсь я видѣлъ его вмѣстѣ съ Быковцевымъ за Дономъ, въ такъ называемомъ по-мѣстному займищѣ (мѣсто, заливаемое въ разливы Дона) у амбаровъ моекъ, гдѣ Баранниковъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣревается наняться на рыбныя ловли въ станицѣ Елисаветинской, Земли Войска Донскаго; это было приблизительно въ концѣ іюля. Въ концѣ ноября я встрѣтилъ его вновь въ Астрахани. Нужно помнить читателю, что приблизительно въ декабрѣ или январѣ 76 года Баранниковъ въ первый разъ появился на сходкѣ на Большой Дворянской улицѣ. Молодой человекъ изъ богатой дворянской семьи, онъ прямо безъ всякихъ переходовъ и подготовки ринулся въ народъ. Говорятъ, что когда онъ въ первый разъ въ качествѣ рабочаго въ Мелитополѣ нашель въ своей рубахѣ вшей, то былъ крайне удивленъ, увидѣвъ бѣлыхъ блохъ и только отъ своихъ товарищей, работавшихъ тамъ вмѣстѣ съ нимъ узналъ, что это вши, а не блохи. Выйдя на свиданіе за Донъ съ Быковцевымъ и Баранниковымъ, я увидѣлъ такую сцену: Быковцевъ убилъ змѣю и, взявъ ее за хвостъ бѣгалъ за Баранниковымъ, который удиралъ отъ него во всѣ лопатки, что называется, не въ состояніи побороть свою брезгливость къ змѣѣ. На вопросъ мой: что это за препровожденіе времени? Быковцевъ, смѣясь, отвѣтилъ: «подготавливаю его въ народъ. Бойтся змѣи, что за народникъ изъ него!» И вотъ этотъ баричъ, не умѣвшій отличить вши отъ блохи и брезгавшій змѣей, нанимается въ рыбаки въ забродъ, какъ говорятъ на Дону. Онъ рассказывалъ мнѣ о своей роли въ качествѣ рыбалки въ Астрахани при встрѣчѣ вотъ что. «Сѣли мы нѣсколько человекъ на баркасъ подъ предводительствомъ хозяина казака ѣхать забрасывать неводъ. Дали и мнѣ два весла, но такъ какъ я отроду въ первый разъ взялъ ихъ въ руки, то понятно какъ я былъ въ качествѣ гребца на баркасѣ. Хозяинъ самой настоящей русской руганью обругалъ меня и назначилъ меня работникомъ около лошадей. Взялся я за лошадей. Велитъ хозяинъ запретъ лошадей. Иду, беру хомутъ, надѣваю его клещами къ груди лошади, ужъ я и такъ и этакъ, говорилъ Баранниковъ поворачивалъ хомутъ на шеѣ лошади, но шлеи никакъ не поддѣну подъ хвостъ,—коротка думаю. Такъ я провозился долго, но безуспѣшно. Ждалъ-ждалъ мой хозяинъ, приходитъ, видитъ мои тщетныя усилія и со словами: гдѣ ты родился и гдѣ тебя крестили, что и хомута не умѣешь надѣть на лошадь сталъ запрягать самъ. Несмотря на то, что я объяснилъ ему свое неумѣнье запретъ лошадь тѣмъ, что, молъ, у насъ ѣздятъ на волахъ, тѣмъ не

менѣе хозяинъ разсчиталь меня». Послѣ такой неудачи въ качествѣ рыбалки, онъ, кажется, вмѣстѣ съ Андреичемъ отправился вверхъ по Дону до Калача, а оттуда въ Царицынъ и такимъ образомъ очутился въ Астрахани. Въ Астрахани нанялся въ кузнечную мастерскую въ качествѣ молотобойца, къ какому-то Смирнову, какъ теперь помню. Ну тутъ его вызволила его атлетическая фигура и хозяинъ дорожилъ имъ. Но Боже, что представляло его тѣло, когда онъ по субботамъ вечеромъ приходилъ на квартиру и переодѣвался на воскресенье въ чистое бѣлье. Все тѣло было изборождено продольными и поперечными кровавыми струпами. Это такъ его донимали въ кузницѣ вши,—рабочіе въ числѣ 12 человекъ спали въ комнатѣ при кузницѣ, гдѣ, по словамъ Баранникова, вши кишѣли кишмя, какъ говорится. Тѣло молодое, выхоленное и вотъ вши и набросились на него. Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя именинникомъ, что наконецъ то онъ сдѣлался заправскимъ рабочимъ. Пишу, вспоминаю,—какую суровую школу прошелъ Баранниковъ и не могу не сказать здѣсь же, что много было героическихъ натуръ въ движеніи 70 хъ годовъ, но по героизму съ Баранниковымъ не могу никого сравнить. Покончивъ денежныя дѣла съ М. Г. Гостинцевымъ и сговорившись съ нимъ, что по окончаніи дѣла о наслѣдствѣ, онъ переѣдетъ въ Ростовъ на-Дону, мнѣ ничего не оставалось дѣлать въ Астрахани и къ тому же нужно было ѣхать въ Питеръ, чтобъ освѣдомить бюро о томъ, въ какомъ положеніи дѣло съ наслѣдствомъ принадлежавшаго къ основному кружку М. Г. Въ это время Матвѣичъ и крестьянинъ Нижегородской губерніи, служившій въ Астрахани капельдинеромъ въ театрѣ, собирались на родину Ефима (имя капельдинера) въ Макарьевскій уѣздъ. Задумали они ѣхать такъ: купить пару саней и пару лошадей и на однѣ сани нагрузить рыбу, а на другихъ ѣхать самимъ. Я рѣшилъ ѣхать съ ними. Отецъ Ефима, человекъ свѣдующій въ покупкѣ лошадей, купилъ пару лошадей и пару саней и мы отправились вверхъ по Волгѣ по льду въ качествѣ астраханскихъ приказчиковъ, отправляющихся на родину и захватившихъ съ собой на родину изъ Астрахани рыбы. Я съ ними ѣхалъ только до Царицына, а они въ Макарьевскій уѣздъ на родину Ефима. Путешествіе это было въ высшей степени поучительно. Мы пристали къ одному обозу съ рыбой и ѣхали такимъ образомъ въ обществѣ крестьянъ-извозчиковъ. Пропаганду насчетъ земли и воли вели не стѣсняясь, ибо наше положеніе приказчиковъ было въ высшей степени благодарное. Извозчики относились къ намъ, какъ къ людямъ болѣе ихъ свѣдущимъ въ томъ, что дѣлается въ Россіи, съ полнымъ довѣріемъ. На кормежкѣ лошадей и на ночлегахъ тоже встрѣтили благодарную почву. Не знаю какъ теперь, но въ то время на разстояніи пути отъ Астрахани до Царицына, общество крестьянъ тѣхъ деревень, что мы проѣхали не позволяли у себя открывать постоянные дворы частнымъ лицамъ, а извозчики поочереды заѣзжали во дворы крестьянъ. Бывало подѣзжаешь къ деревнѣ и десятскіе разводятъ по дворамъ извозчиковъ. Такимъ образомъ, мы и на ночлегахъ бывали въ кругу крестьянъ. Въ первый разъ въ деревнѣ Соляное Озеро я читалъ въ крестьянской избѣ «Хитрую Механику». Злобой дня въ деревнѣ въ это время былъ недавно введенный налогъ на соль, чѣмъ

деревня была возмущена, ибо добыча соли была воспрещена, почему насъ и слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, понимали безъ всякихъ разъясненій и вполнѣ соглашались съ авторомъ, что правитель-ство дѣйствительно подвело хитрую механику. Въ этотъ же разъ въ Астрахани были заведены сношенія съ деревней Никольское, Царевскаго уѣзда, въ которой, судя по газетамъ, въ началѣ сентября этого года были волненія. Въ это время деревня Никольское вела войну съ только что введеннымъ закономъ о рыбныхъ ловляхъ и крестьяне вступали въ активную борьбу съ надзирателями рыбныхъ ловлей. Былъ случай въ наше пребываніе въ Астрахани такой: надзиратель во главѣ объѣзчиковъ калмыковъ на запретномъ пространствѣ водъ захватилъ сѣти крестьянъ дер. Никольской. Въ деревнѣ ударили въ набатъ и крестьяне бросились выручать своего односельчанина. Догнавъ сани, на которыхъ увозили сѣти и поверхъ которыхъ сидѣлъ надзиратель, они опрокинули сани съ сѣтями и такимъ образомъ задушили подъ сѣтями надзирателя. Интересно было при этомъ поведеніе объѣзчиковъ калмыковъ. Когда они увидѣли, что грозитъ бѣда и имъ, они сказали надзирателю, — «ну теперь, баринъ, ты самъ, какъ знаешь!» и съ этими словами разбѣжались. Съ этой же деревни въ это время снаряжался ходокъ съ прошеніемъ объ отмѣнѣ тяжелаго для крестьянъ закона о рыбныхъ ловляхъ. Мы свели знакомство съ этимъ ходокомъ и, по приглашенію его, намѣревались поселиться около этой деревни въ качествѣ лѣсныхъ объѣзчиковъ, что и обѣщаль намъ устроить знакомый намъ и сочувствующій дѣлу революціонеровъ губернской лѣсничій въ Астраханской губерніи. Интересна была наша встрѣча съ этими ходокомъ. Встрѣча состоялась въ квартирѣ лѣсничаго же. Мы собрались и ждемъ. Приходить почтенный старикъ крестьянинъ, поздоровались мы съ нимъ, онъ разсказаль намъ, что происходило сейчасъ въ рыбномъ комитетѣ, гдѣ онъ состоялъ членомъ отъ крестьянъ. «Прямо говоря,—говорилъ онъ,—намъ тамъ слова сказать не даютъ! Началь говоритъ, а мнѣ сейчасъ ты, говорятъ, помни, что ты не въ кабакъ пришелъ и всякихъ глупостей не разсказывай! Это то мнѣ говорятъ, который, не помню, былъ ли когда въ кабакъ, развѣ можетъ быть въ молодые мои годы. У меня не водка на умѣ, а какъ помочь міру,—вотъ что у меня на умѣ. Былъ какъ-то разъ у губернатора тоже все потому же, что намъ никакъ нельзя жить съ этими рыбными законами, а онъ вмѣсто того, чтобъ облегченіе какое намъ положить по закону, сталъ лаять и грозилъ въ тюрьму посадить, если буду смущать крестьянъ». Между прочимъ увидѣлъ этотъ ходокъ на стѣнѣ портретъ Шевченко и, вѣроятно, его вниманіе привлекъ костюмъ, въ которомъ снятъ Шевченко, похожій на костюмъ крестьянской. Спрашиваетъ,—кто такой это старикъ? Мы отрекомендовали ему Шевченка, какъ ходока отъ малороссійскихъ крестьянъ, который былъ за это сосланъ въ царствованіе Николая. «Вотъ она то правда къ чему приводитъ», сказалъ онъ. На наше предостереженіе, что и съ нимъ также могутъ поступить, онъ отвѣтилъ: «пушай, но я ужъ не отступлюсь, разъ взялся. Ужъ тамъ что будетъ, а ужъ я рѣшилъ, забралъ руки мірянъ, надо идти до конца. А что будетъ, Господу будетъ извѣстно и пускай онъ, Господь насъ и разсудитъ».—Деревня

Никольское вполне представляла почву для той дѣятельности, къ которой призывала программа «Земли и Воли», но пока такое дѣло было еще не по силамъ нашей молодой организаціи. Тѣмъ не менѣе я ѣхалъ въ Петербургъ съ предложеніемъ направить поселеніе въ Царевскій уѣздъ Астраханской губерніи, имѣя въ виду главнымъ образомъ Андреича (Боголюбова) который, по мнѣнію моему, только и могъ взяться за организацію такого дѣла. Оно было ему и по характеру, да онъ и гораздо больше былъ опытенъ въ веденіи дѣлъ съ крестьянствомъ, умѣлъ говорить съ ними. Но приѣзжаю въ Питеръ и узнаю, что на-дняхъ только произошла демонстрація на Казанской площади и что братъ мой и Андреичъ были арестованы по дѣлу этой демонстраціи. Считаю нужнымъ сказать здѣсь, что Боголюбовъ не участвовалъ въ демонстраціи хотя и былъ приговоренъ за участіе въ ней къ 15 годамъ каторги. Рѣшено было членами основного кружка, что лица, исполняющія опредѣленные функции по организаціи, на площадь не должны были выходить. Андреичъ, во избѣжаніе соблазна, въ часы опредѣленные для демонстраціи, занятъ былъ другимъ, именно, онъ въ это время отправился учиться стрѣлять въ тирь. Возвращаясь оттуда на одномъ изъ угловъ Невскаго проспекта, послѣ того какъ на Казанской площади все успокоилось, онъ сталъ спрашивать о томъ, что произошло на Казанской площади сегодня и въ это время по указанію кого то изъ толпы посыльныхъ, былъ арестованъ, revolver найденный при немъ, послужилъ достаточной уликой противъ личности задержаннаго. Точно также и мой братъ, не долженъ былъ участвовать въ демонстраціи. Андреичъ и мой братъ затѣвали что-то въ родѣ Клѣточникова при секретномъ отдѣленіи. Насколько это я знаю со словъ жены брата, Александры Дмитріевны, братъ ходилъ къ Колышкину и предлагалъ ему свои услуги въ качествѣ агента, но, вѣроятно, это сдѣлано было такъ неумѣло, что, когда при арестѣ мой братъ заявилъ себя агентомъ секретнаго отдѣленія и, отказавшись отъ дальнѣйшихъ разъясненій своей личности, сослался на то, что дальнѣйшее разъясненіе могутъ получить о немъ въ секретномъ отдѣленіи, то этотъ маневръ со стороны брата послужилъ лишь тому, что далъ время его женѣ убрать съ квартиры паспортный столъ, организуемый имъ съ Андреичемъ, Колышкинъ же далъ о немъ такой отзывъ: дѣйствительно къ нему заходилъ студентъ Художественной академіи и предлагалъ ему свои услуги, далъ нѣсколько, оказавшихся по провѣркѣ ложными, сообщеній и я пришелъ къ заключенію, что Поповъ ведетъ себя въ этомъ отношеніи неискренно и отнесся къ нему съ недовѣріемъ. Вышелъ же мой братъ вмѣстѣ съ своей женой на Невскій, чтобы въ качествѣ гуляющаго видѣть своими глазами происходящее на Казанской площади, но не выдержалъ и бросился въ толпу помогать демонстрантамъ въ свалкѣ происшедшей между ними и полиціей. Изъ Петербурга, куда я явился изъ Астрахани, чтобъ предложить поселеніе близъ деревни Никольской, пришлось отправиться въ Ростовъ, чтобъ сообщить въ семьѣ объ арестѣ брата, отправить въ Петербургъ для свиданій съ братомъ мать и самому остаться въ Ростовѣ, чтобъ замѣнить собой роль Осинскаго по отношенію къ работавшимъ въ Ростовѣ среди рабочихъ. Но мнѣ

пришлось вновь отправиться въ Петербургъ, не помню сейчасъ почему, на короткое время. Побываль на процессѣ такъ называемомъ 50-ти, который произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ на этотъ годъ я оставался въ Ростовѣ вмѣстѣ съ Титычемъ, представителями организациі «Земля и Воля». Въ Ростовѣ въ это время дѣло съ рабочими было поставлено очень хорошо. У насъ было знакомство среди рабочихъ и въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги и на заводахъ Грагама и Фронштейна. Кромѣ того мы имѣли въ своей мѣстной ростовской организациі нѣсколько человѣкъ изъ плотничной артели и среди приказчиковъ. Внѣ Ростова наша же организация вела дѣло на Грушевскихъ шахтахъ. На заводѣ Грагама вся почти администрація оказывала намъ услуги по пропагандѣ среди рабочихъ этого завода. Вообще революціонеры въ Ростовѣ сравнительно съ другими провинціальными городами находились въ очень хорошихъ условіяхъ. Помню пріѣхаль въ Ростовъ Александръ Васильевичъ Сентянинъ и прямо со студенческой скамьи настойчиво выражалъ желаніе поступить на заводъ рабочимъ. Отправился я къ управляющему заводомъ Грагама переговорить съ нимъ, нельзя ли хоть бесплатно помѣстить на заводѣ одного студента въ качествѣ рабочего, при чемъ не скрывать отъ него, что въ работѣ онъ столько же знаетъ, сколько всякій студентъ. Управляющій сказалъ на это, — «зачѣмъ же бесплатно, пусть Грагамъ оплачиваетъ пропаганду среди его рабочихъ!» и помѣстилъ Сентянина съ платой въ день полтора рубля. Среди населенія предмѣстья Ростова Темерики, среди служащихъ на заводѣ и приказчиковъ торговыхъ заведеній мы были очень популярны. Разъ сидимъ мы съ Титычемъ у меня на квартирѣ, открывается дверь и подъ предводительствомъ одного изъ знакомыхъ въ торговомъ мірѣ входитъ три новыхъ. Поздоровались, сѣли. Одинъ изъ вновь пришедшихъ обращается со словами къ намъ, что вотъ, моль, пришли поучаться и ужъ будьте такъ добры, не откажите. На первыхъ порахъ мы были даже сконфужены такимъ лестнымъ мнѣніемъ о насъ сложившемся въ этой средѣ и только ихъ искренность и ихъ неподдѣльное желаніе познакомиться съ социалистическимъ ученіемъ изгладило первое впечатлѣніе неловкости. Мы были въ достаточной степени популярны въ такой средѣ, въ которой мы и не думали, что о насъ что-либо знаютъ. Существовала, какъ я уже говорилъ у насъ квартира спеціально для пріѣзжающихъ въ Ростовъ, чтобы отсюда, переодѣвшись отправляться въ народъ. Вотъ однажды, когда въ рядъ на полу лежало человѣкъ 5 въ крестьянскомъ платьѣ, входитъ хозяйка, домъ который мы нанмали подъ квартиру, и, обратившись къ Быковцеву, подаетъ ему повѣстку о полученіи на ее имя денегъ въ почтовой конторѣ и проситъ написать на ней, что предъявительница дѣйствительно то лицо. «А то платить не хотѣлось бы, поясняютъ хозяйка, а вотъ вы напишите, а ужъ въ полициі засвидѣтельствуютъ и все тутъ». Быковцевъ, притворяя изъ себя заправскаго крестьянина, сказалъ ей, что онъ неграмотный и писать не умѣетъ. «Ну, вотъ не умѣете, кто-жъ тогда и умѣетъ писать, если вы не умѣете». Быковцевъ смущенный такимъ мнѣніемъ о немъ, сталъ увѣрять хозяйку, что онъ простой человѣкъ и совершенно безгра-

мотный. Но хозяйка въ свою очередь говоритъ ему: «ну, будетъ вамъ, напишите, пожалуйста, развѣ я не знаю кто вы такіе!» И каково же наше было смущеніе, когда на вопросъ Быковцева,—кто же мы, по ея мнѣнію, мѣщанка города Ростова, наша хозяйка, сказала ему: «вы пропагандисты?!» Ничего другого не оставалось дѣлать послѣ этого Быковцеву, какъ достать спрятанную отъ постороннихъ глазъ чернильницу и исполнить просьбу хозяйки. Повторилось подобное же и на другой квартирѣ, гдѣ Титычъ, Севастьянъ Ильяшенко, крестьянинъ, судившійся потомъ вмѣстѣ со мной въ Кіевѣ, и Хотинскій жили въ качествѣ сапожниковъ и гдѣ въ ихъ сапожной мастерской собирались сходки рабочихъ. Квартира эта помѣщалась на Казанской улицѣ, переименованной теперь въ Пушкинскую. Собрались мы какъ-то разъ на сходку; Титычъ читалъ лекцію имъ,—рабочихъ собралось довольно, привелъ нашъ дѣдушка, Журавлевъ, и плотниковъ своей артели. Дѣло было лѣтомъ а потому окна, выходившія на улицу были открыты. Послѣ лекціи велись общія бесѣды. Поглощенные въ бесѣдахъ интересомъ дѣла, мы забыли о всякихъ предосторожностяхъ и не стѣснялись въ бесѣдахъ тѣмъ или другимъ словомъ, которое въ присутствіи постороннихъ не произошло бы обыкновенно. Входитъ хозяинъ дома, въ котормъ происходили сходки и говоритъ: «а вотъ я пришелъ васъ пожуричь, господа!»—За что?—спрашиваемъ.—«Да какъ же собрались, громко говорятъ и окна открыли на улицу,—сказалъ хозяинъ.—На бѣду подслушаетъ какой-нибудь проходящій полицейскій, вотъ и цѣлуйтесь тогда съ нимъ». Конечно мы стали увѣрять хозяина, что бояться намъ некого и не за что, мы люди законные, имѣемъ паспорта, живемъ, никого не обижаемъ, а зарабатываемъ сами себѣ на хлѣбъ. «Ну полно, полно, господа,—отвѣтилъ намъ хозяинъ на наши увѣренія въ нашей законности,—отвѣчать-то есть за что, какъ проноухаетъ полиція, да жандармы! Я пришелъ по-сосѣдски дать совѣтъ, быть осторожнѣй! А затѣмъ извиняюсь и прошу принять и меня въ гости и послушать о чемъ у васъ рѣчь,—вѣдь такой же и я рабочій человекъ!» Съ этого дня у жильцовъ съ хозяевами установились дружескія отношенія и, какъ потомъ ниже читатель увидитъ, хозяева помогли одному, изъ своихъ жильцовъ избѣжать жандармскихъ рукъ. Въ Ростовѣ въ это время мы представляли достаточную силу, чтобъ даже вступать въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ 77 году шла война за освобожденіе болгаръ. Въ ростовскомъ театрѣ по поводу этого стали послѣ спектакля пѣть «Боже Царя», причемъ публика стояла съ открытыми головами и, хочешь—не хочешь, слушала. Сдѣлай это разъ-два, быть можетъ, это и прошло бы себѣ, а нѣкоторые, вѣроятно, и съ удовольствіемъ прослушали, но вѣдь у насъ въ Россіи мѣры не знаютъ вообще, а если еще при этомъ и начальству это нравится, то тогда ужъ подавну. Такъ было и въ этотъ разъ: пропѣли разъ, другой и наконецъ безпредѣльно. Среди публики стали проявляться признаки неудовольствія, по поводу прівшашагося изо дня въ день одного и того же «Боже Царя». Среди радикальной публики изъ рабочаго міра и приказчиковъ состоялось рѣшеніе положить конецъ этой безцеремонно навязываемой обязанности всякій день выслушивать одно и то же. Собрались мы въ лѣтнемъ саду въ театрѣ и

только музыка заиграла, какъ поднялся топотъ и крикъ «камаринскаго камаринскаго!» Оркестръ сначала немного поупорствовалъ, но нужно полагать и ему это занятіе безпредѣльно надоѣло и онъ остановился. А когда публика ободренная первой побѣдой еще больше подняла шумъ и крики: камаринскаго, камаринскаго!,—то и камаринскаго сыграли. Послѣ этого патриотическое ханжество было снято съ очереди дня. На Темерникѣ, рабочемъ центрѣ города Ростова, у насъ было много знакомствъ не только съ мужскимъ, но и женскимъ персоналомъ. Это между прочимъ очень интересно отмѣтить здѣсь. Разъ рабочіе поставили намъ на видъ, что вотъ, молъ, мы мужчины и читаемъ, и съ нами и занятія ведутся, а наши жены стоятъ въ сторонѣ,—придешь домой, хотѣлось бы подѣлиться съ женой своими мыслями,—начнешь это, она: «а что я тамъ знаю!» Вишь вотъ въ тамъ собираетесь, читаете, а мы только одно и знаемъ сварить вамъ обѣдъ, да дѣтей нянчить! «Вы бы,—стали просить рабочіе,—подыскали женщину, которая занималась съ нашими женами». За это дѣло взяли двѣ дамы: Аптекманъ, городская акушерка и нѣкая Нина, не помню ее фамилію по отцу,—жена Новицкаго, известнаго въ революціонномъ мірѣ подъ именемъ Митрошки. Но особенно крупной фигурой среди нашихъ знакомыхъ въ мірѣ рабочихъ былъ дѣдушка. Не помню, кто его отыскалъ гдѣ-то на базарѣ, кажется Гартманъ. По профессіи этотъ почтенный старикъ Журавлевъ былъ плотникъ. До знакомства съ нами онъ отыскивалъ правую вѣру, а потомъ сдѣлался социалистомъ. Вѣру въ православную церковь, по его словамъ, у него поколебало слѣдующее обстоятельство. Онъ былъ крѣпостнымъ помѣщика, на сестрѣ его хотѣлъ жениться крестьянинъ ихъ деревни, его другъ, почему-то на бракъ друга съ его сестрой не послѣдовало согласія ихъ помѣщика. Онъ и его другъ бѣжали отъ помѣщика въ надеждѣ, пристроившись гдѣ-нибудь, выписать сестру и пожениться вопреки помѣщику. Но вотъ въ дорогѣ его другъ умираетъ. Журавлевъ говорилъ, что онъ съ своимъ другомъ жилъ душа въ душу и, когда другъ его умеръ, онъ хотѣлъ его похоронить не такъ какъ обыкновенно хоронятъ бродячій людъ, т. е. снести на кладбище, зарыть, а потомъ при случаѣ батюшка запечатаетъ, какъ говорятъ. Ему хотѣлось похоронить друга по всѣмъ правиламъ православной церкви. Но оказалось, что для этого одного желанія еще не достаточно,—нужно еще имѣть деньги. А денегъ то у Журавлева было всего на всего 3 руб. Нуженъ былъ гробъ, вѣнчикъ, свѣчи, да самому Журавлеву нужно было сколько-нибудь имѣть про запасъ. «Просилъ я, просилъ этого попа, рассказывалъ Журавлевъ,—онъ все свое дай 3 рубля, похоронимъ, какъ ты хочешь, а нѣтъ снеси на кладбище, въ воскресенье отпою и запечатаю. Бился, бился, просилъ его такъ, нѣтъ онъ свое да и только. Снесъ я его сердечнаго, зарыли и закопали въ землю. Больно это стало моему сердцу, повѣствовалъ Журавлевъ,—и сталъ я это думать: какъ же это такъ, богатаго вонъ какъ хоронятъ, а бѣднаго просто закопаютъ какъ какую-нибудь падаль! Долго я думалъ надъ этимъ: неужели церковь наша есть ложь? Не ѣмъ, не пью, такъ вотъ ровно гвоздь кто въ голову мнѣ вколотилъ,—томить меня эта мысль, да только. Почитай дня три такъ

это было со мной, испытывалъ я, значить, мысль мою и вотъ на меня нашло просвѣтленіе и съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, что церковь наша есть ложь». Съ тѣхъ поръ Журавлевъ все искалъ правой вѣры. Былъ онъ и въ Турціи у некрасовцевъ, и на Кавказѣ, и на Волгѣ. «Посмотришь это,—говорилъ Журавлевъ—сначала какъ будто вѣра и хорошая, справедливая, а больше приглядишься и опять что-нибудь покажется не какъ бы нужно было, не такъ какъ требуетъ душа моя и опять я пошелъ себѣ въ другое мѣсто.—все ищу, думаю, есть же гдѣ-нибудь настоящая, правая вѣра». Журавлевъ былъ не только идейный человѣкъ, но и въ высшей степени идеально нравственная натура. Его впечатлительную душу волновало то, мимо чего обыкновенные люди не замѣчая проходили. На Пасху, помню, приходитъ Журавлевъ къ намъ въ гости, но вмѣсто праздничнаго вида, лицо его было взволнованное, грустное и, похристосовавшись съ нами, онъ печально началъ. «Посмотришь это, и думаешь: люди—тѣ-же звѣри! Сейчасъ вотъ, идучи къ вамъ, вижу,—грызутся двѣ собаки и мальчикъ науськиваетъ. Выскакиваетъ потомъ изъ воротъ человѣкъ уже взрослый и чтобъ сказать парнишкѣ хорошими словами, онъ облаялъ его всякими скверными словами, схватилъ за вихры... Тьфу! думаю себѣ: собаки грызутся и люди, глядя на нихъ, тѣмъ же слѣдомъ! Ничѣмъ не лучше по мнѣ, этотъ человѣкъ собаки». Бесѣды для Журавлева на собраніяхъ рабочихъ были лучшей духовной пищей и только, когда эти бесѣды принимали очень бурный характеръ, онъ нѣсколько бывалъ удрученъ и обращался къ публикѣ съ просьбой говорить мирно, по хорошему. Въ это время среди интеллигентныхъ питерскихъ рабочихъ образовался кружокъ, который проповѣдовалъ, что рабочіе сами должны взять свое дѣло въ руки, что руководство интеллигенціи рабочими явленіе ненормальное и нужно, чтобъ интеллигенція, какъ пришедшая въ рабочую среду извнѣ и незнающая этой среды, играла бы въ этой средѣ не руководящую, а посредствующую роль: доставляла бы рабочей средѣ образовательныя средства и средства матерьяльныя, а организаціонныя работы и руководство рабочими—это дѣло самихъ ужъ рабочихъ. Изъ членовъ этого кружка прибылъ нѣкто Бачинъ и въ Ростовѣ съ тѣмъ, чтобъ познакомить Ростовскихъ рабочихъ съ своей программой. Обратился онъ къ намъ, чтобъ мы познакомили его съ рабочими, дабы онъ могъ изложить имъ свою программу. Мы собрали сходку, на которой Бачинъ и выступилъ съ критикой ненормальнаго положенія въ рабочей средѣ интеллигенціи. Бачинъ человѣкъ горячаго темперамента, сталъ довольно рѣзко говорить на сходкѣ о самозванствѣ интеллигенціи въ рабочей средѣ и предлагалъ ростовскимъ рабочимъ положить предѣлъ этой ненормальности, ограничить предѣлы дѣятельности интеллигенціи опредѣленными функціями, дать понять интеллигенціи, что рабочее дѣло должно быть всецѣло въ рукахъ рабочихъ. Титычъ, руководившій рабочимъ дѣломъ ограничивался только тѣмъ, что иронически дѣлалъ то или другое замѣчаніе, вообще же предоставилъ самимъ рабочимъ быть судьей между Бачиномъ и интеллигенціей. Нашъ дѣдушка былъ возмущенъ рѣчью Бачина и сказалъ: «пріѣхалъ ты, Богъ тебя знаетъ откуда, и заводишь у насъ ссоры! Было у насъ все мирно, по хорошему, слу-

шали, что намъ говорили люди больше насъ знающіе и никакого самозванства не видѣли отъ нихъ, какъ ты говоришь. Я прямо скажу: дѣло не въ томъ, кто такой ты или кто такой вотъ они, какъ ты сказалъ, интеллигенція,—дѣло братъ въ человѣкѣ, а хорошіе люди всюду бываютъ, такъ же, братъ, и между рабочими куда такъ много худыхъ людей. Ты говори намъ дѣло, поучи насъ, если ты больше насъ знаешь, мы тебя послушаемъ и поблагодаримъ, а разстраивать нашу компанію—за чѣмъ-же?» Тѣмъ дѣло и кончилось. Бачинъ скоро послѣ этого уѣхалъ. Вѣроятно теперь Журавлевъ уже умеръ; но на Карѣ я получилъ свѣдѣнія отъ Александра Лукашевича, что Журавлевъ былъ отправленъ въ ссылку въ Тунку вмѣстѣ съ женой и дочерью. По словамъ Лукашевича, онъ остался такимъ же социалистомъ какимъ я зналъ его въ Ростовѣ. У него во время побѣга изъ Иркутской тюрьмы 9-ти (Попко, Яцевичъ, Березнюкъ, Оомичевъ, Волошенко, Орловъ, Григорій рабочій—фамилии не помню,—Колужный, девятаго не помню) скрывался Волошенко нѣкоторое время, когда онъ изъ тайги, гдѣ проживалъ онъ, Попко и Березнюкъ у одного Сибиряка на заимкѣ, отправился въ Тунку за деньгами и тамъ его пребываніе было открыто, какимъ то образомъ, полиціей. Былъ еще въ Ростовѣ, преданный дѣлу революціи инструментальщикъ Жучковскій, въ семьѣ котораго на Темерникѣ имѣли пристанище революціонеры. Онъ тоже въ числѣ многихъ, о чемъ рѣчь впереди, былъ высланъ въ Восточную Сибирь. Ростовъ былъ главнымъ пунктомъ, въ которомъ молодежь, пріѣзжавшая изъ университетскихъ городовъ, получала революціонное крещеніе и отправлялась въ народъ. Съ этой цѣлью нанималась квартира, гдѣ переодѣвались и шли въ народъ и куда возвращались изъ народа. Дѣлалось это очень просто, какъ о томъ я уже выше говорилъ. Пріѣзжалъ студентъ изъ Питера или Харькова на эту квартиру, переодѣвался соотвѣтственно сезону, бралъ свиту или чепанъ, составлялась компанія и въ путь. Помню явились въ Ростовъ изъ Питера два юныхъ студента: Балабуха и другой, если память мнѣ не измѣнила, Масловцевъ. Въ народъ желаемъ идти. — Отлично. Отправляются изъ Ростова то ли въ Ейскъ, то ли Екатеринодаръ. Кубанской области и устраиваются тамъ чебанами (пастухами овецъ). Городъ Ейскъ былъ мѣстомъ, откуда мы получали паспортные бланки. Казначеемъ здѣсь былъ свой человѣкъ. Невдали отъ Ейска была нѣмецкая колонія. Вотъ отъ имени Шульца этой колоніи мы и получали въ казначействѣ паспортные бланки. Въ тѣсномъ союзѣ съ Ростовомъ были ближайшіе города, для которыхъ онъ служилъ центромъ: Новочеркасскъ, Екатеринодаръ, Ейскъ и пр. Я уже говорилъ, что на Грушевскихъ шахтахъ у насъ были заведены сношенія. Тамъ работалъ Быковцевъ. Сначала ему приходилось на саночкахъ на четверенькахъ возить по проходкамъ уголь, но потомъ онъ, какъ пропагаторъ, былъ избавленъ отъ этого труда рабочими и его главнымъ дѣломъ стало читать книжки въ шахтахъ. По деревнямъ кое-гдѣ были разбросаны учителя народныхъ училищъ, которые примыкали къ Ростовскому кружку общерусской организаціи «Земли и Воли». Въ Василе-Петровской волости проживали въ качествѣ земскихъ фельдшерицъ: Марія Николаевна Ошанина и Екатерина Дмитриевна

Сергѣева, жена Тихомирова. М. Н. представительница въ это время, такъ называемаго центра Ткачевцевъ была слишкомъ выдающейся личностью, чтобъ представители организациі Земли и Воли не замѣчали ея и не стремились привлечь ее въ свою организацію. Знакомство съ Маріей Николаевной давно у насъ было и она оказывала нашей организациі услуги, хоть и не раздѣляла мнѣнія представителей организациі и главнымъ образомъ она не раздѣляла надеждъ землевольцевъ на народъ. Наконецъ Осинскому и мнѣ удалось убѣдить М. Н. поѣхать къ намъ въ Ростовъ и поселиться въ качествѣ фельдшерницы въ Василе-Петровской волости. При всемъ своемъ предубѣжденіи противъ мужика, она въ лицѣ старосты этой волости встрѣтила крестьянина Жабскаго, которымъ, по ея словамъ, она была очарована. Какъ то я пріѣхалъ къ ней, она пользовалась въ это время среди крестьянъ уже большой любовью. На мой вопросъ, какъ показался ей народъ?—отвѣтила: во всякомъ случаѣ могу сказать вамъ, что не ожидала встрѣтить такихъ умныхъ мужиковъ, каковы ваши мужики; здѣшніе крестьяне далеко болѣе развиты, чѣмъ, напр., наши орловцы и скажу прямо, еслибъ всѣ крестьяне были такіе, какъ Жабскій, волостной старшина нашъ, то и я стала бы народницей. «Какой умница этотъ Жабскій!»—говорила М. Н. Съ нимъ можно съ такимъ удовольствіемъ говорить обо всемъ, съ какимъ не со всякимъ интеллигентнымъ человѣкомъ». Между прочимъ, она рассказала мнѣ слѣдующее, случившееся съ ней. Сосѣдніе помѣщики, насколько помню Пеленкины, и одинъ изъ нихъ даже студентъ медико-хирургической академіи въ нетрезвомъ довольно видѣ явились къ ней подъ предлогомъ нужды въ медицинской помощи кому-то изъ нихъ. Увидѣвъ, что на умѣ у нихъ далеко не медицинская помощь, а нѣчто другое,— просто молодые господа хотѣли осчастливить своими любезностями сельскую фельдшерницу, М. Н. ушла отъ нихъ въ другую комнату и заперла за собой дверь на крючекъ. Но, очевидно, гости не привыкли останавливаться передъ запертой дверью и начали ломиться въ нее. «Я просто находилась въ безвыходномъ положеніи,—говорила М. Н., но выручилъ меня Жабскій». Жабскій, замѣтивъ, что гости что-то недоброе затѣваютъ, вошелъ въ квартиру М. Н. и, убѣдившись, что его подозрѣнія оправдались, сказалъ гостямъ: «вотъ видите, господа, вы люди образованные и считаетесь благородными; а я вотъ и мужикъ, но долженъ вамъ сказать, что вы поступаете неблагородно съ нашей фельдшерницей. Вѣдь вы не знаете, что за человѣкъ наша фельдшерница, а поступаете такъ, какъ будто вы ее хорошо знаете. Я васъ прошу оставить въ покоѣ нашу фельдшерницу, а то придется позвать сотскихъ и васъ отсюда вывести силой». Такимъ образомъ господа были выворены. Студентъ Борисевичъ, знакомый Маріи Николаевны, узнавъ о подвигѣ своего однокурсника, обѣщалъ въ аудиторіи въ присутствіи его сообщить товарищамъ о томъ, какъ крестьянинъ Жабскій училъ порядочности студента по отношенію къ женщинѣ; но не знаю уже, чѣмъ кончилось это дѣло. Теперь, почти послѣ 30 лѣтъ отсутствія изъ моего родного края, куда я въ числѣ другихъ явился съ призывомъ къ народу, сбросить съ себя иго рабства, я безъ всякаго самообольщенія могу сказать, что наша дѣятельность

оставила слѣды въ народѣ. Тому доказательство на лицо. Въ Ростовской тюрьмѣ вмѣстѣ съ Ладыженскимъ сидѣлъ одинъ крестьянинъ Василе-Петровской волости и рассказывалъ ему о томъ, что онъ помнитъ о нашей дѣятельности, и заключилъ рассказъ свой такъ: «посіялы воны добре зерно, бач яки тепер дружни всходи». Или вотъ: на Пасху я поѣхалъ къ моей сестрѣ въ гости на своихъ лошадахъ верстъ за сто отъ Ростова. По дорогѣ покормить лошадей я заѣхалъ въ одну крестьянскую избу. Войдя въ комнату, я замѣтилъ этажерку съ брошюрами изданій Донской Рѣчи, Молота и т. д. Сталъ пересматривать брошюры и дивиться такой небывальшинѣ въ наше время. Подходить ко мнѣ крестьянинъ, хозяинъ избы, и говоритъ: «любопытствуете книжечками?» — Да, — отвѣчаю ему. «Постойте, отъ я вамъ покажу одну — «Нагорная проповѣдь» звется. Вотъ книжка, всѣмъ книжкамъ книжка!» Поискалъ, — книжки не оказалось. Нема, — сказалъ онъ, — мабуть сынъ взявъ съ собой почитать кому». Разговорились. Онъ спросилъ, куда и откуда ѣду? Отвѣтилъ ему, что ѣду изъ хутора Олексія Родіоновича. — «Знаю, знаю хуторъ Олексѣя Родіоновича. А де тепер той его братъ, що сидѣвъ въ якійсь-то крѣпости?» Отвѣчаю, что онъ живетъ въ Ростовѣ у матери. Но со мной былъ мой племянникъ, гимназистъ, который тутъ же и сказалъ, — да это онъ самый и есть. Нужно было видѣть, какое впечатлѣніе произвело это открытіе на этого крестьянина. «Біжи швидче, Анютка, скажи брату, щобъ шовъ до дому, — бач якого дождались гостя! Та винъ, якъ узнае, що бувъ у насъ М. Р. и винъ его не бачивъ, то и батькови не простить.» Скоро пришелъ и сынъ, но объ этомъ пока несвоевременно говорить. Обстоятельства какъ въ Ростовѣ, такъ и въ окрестности Ростова сложились довольно благоприятно для насъ по тѣмъ временамъ. Недалеко отъ Ростова, въ Землѣ Войска Донского были хутора, владѣльцы которыхъ были моими знакомыми съ дѣтства. Пользуясь ихъ опытностью, мы завели хуторъ, владѣльцемъ котораго былъ Гостинцевъ, мой товарищъ по академіи и тоже принадлежалъ къ организаціи «Земли и Воли». Хуторъ этотъ былъ мѣстомъ, гдѣ можно было укрыться и людямъ нашей организаціи на время усиленнаго розыска ихъ и всего другого, что въ то время носило характеръ нелегальщины. Здѣсь одно время скрывался и Мирскій послѣ покушенія на Дрентельна. Окрестные хуторяне, хотя всего-на-всего только хорошіе мои знакомые, но все же они знали, кто мы за люди, и умѣли держать языки за зубами, какъ говорится. Въ Ростовѣ семья Осинскихъ, два брата которой были членами земской управы, тоже готова всегда была оказать намъ услуги. Угольный складъ моего хорошаго знакомаго былъ справочнымъ бюро для пріѣзжавшихъ въ Ростовъ. Благодаря всему этому, дѣла организаціи «Земли и Воли» въ Ростовѣ были поставлены сравнительно хорошо. Многолюдныя сходки рабочихъ собирались за городомъ на открытомъ воздухѣ лѣтомъ. Такъ революціонная дѣятельность развивалась въ Ростовѣ непрерывно, безъ всякихъ погромовъ, начавшись еще гораздо раньше, чѣмъ я принялъ въ ней участіе. Правда Гартманъ, принадлежавшій къ ростовскому кружку одно время былъ арестованъ, но онъ арестованъ былъ внѣ Ростова въ Екатери-

нодарѣ и его арестъ не отразился на дѣлахъ ростовскихъ. Намъ, ростовцамъ, освобожденіе Гартмана изъ тюрьмы стоило лишь того, что мы послали туда одного человѣка, Быковцева, которому очень скоро удалось сдать Гартмана на поруки одному батюшкѣ и Гартманъ потомъ уѣхалъ изъ Екатеринодара въ Саратовъ. Но вотъ наконецъ жандармы добрались до насъ. Въ одинъ день подходитъ къ окну моей квартиры мой отецъ и таинственно вызываетъ меня. Вышелъ я. Отецъ приглашаетъ меня пройтись съ нимъ. По дорогѣ онъ сообщаетъ мнѣ, что онъ видѣлся сейчасъ съ однимъ священникомъ и тотъ ему сообщилъ, что на одномъ вечерѣ за картами начальникъ ростовскаго жандармскаго управленія говорилъ, что въ Ростовѣ ведется противоправительственная пропаганда, и что на-дняхъ предстоитъ арестъ намѣченныхъ имъ лицъ. Въ томъ числѣ называлъ и тебя,—закончилъ отецъ. Узнавъ объ этомъ, мы тотъ же день рѣшили закрыть квартиры: мою и сапожную мастерскую. Хозяева квартиры Титыча съ того дня, какъ явился къ намъ съ совѣтомъ хозяинъ вестидѣла поосторожнѣй, были своими людьми, и только благодаря этому Ильяшенко, оставшійся послѣднимъ въ квартирѣ, чтобъ забрать оставшіяся мелочи, избѣжалъ рукъ жандармовъ. Въ тотъ моментъ, когда Ильяшенко былъ въ домѣ хозяина, чтобъ расплатиться съ нимъ, хозяйка квартиры увидѣла въ окно пришедшихъ гостей-жандармовъ, она указала Ильяшенко кладовую, гдѣ онъ могъ спрятаться, и вышла навстрѣчу гостямъ. Жандармы спросили у ней, кто живетъ у нихъ во флигелѣ? Имъ хозяйка отвѣтила, что жили какихъ-то 3 сапожника, но вчера вечеромъ съѣхали. «Говорили, ѣдутъ въ Харьковъ»,—добавила хозяйка. Жандармы отправились въ пустыя комнаты флигеля, тщательно осмотрѣли ихъ, подняли нѣсколько клочковъ изорванной бумаги и съ тѣмъ вышли. Постояли въ раздумьи на дворѣ, еще разъ спросили,—«вы говорите они уѣхали въ Харьковъ?» На что хозяйка еще разъ сказала: «да, они говорили, что уѣзжаютъ въ Харьковъ». Ушли. Пересидѣвшій въ кладовой Ильяшенко по приходѣ рассказалъ намъ о случившемся сейчасъ на бывшей квартирѣ сапожниковъ. Я, Хотинскій и Титычъ разѣхались скоро въ разныя стороны. Титычъ уѣхалъ, кажется, въ Екатеринодаръ, я и Хотинскій—въ Питеръ. Въ Ростовѣ остался пока одинъ Сентянинъ, какъ человѣкъ, еще не прислѣдуемый жандармами и спокойно все еще работавшій на заводѣ Грагама. Вскорѣ послѣ этого произошелъ разгромъ въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги. Разгромъ былъ произведенъ по доносу Никонова, рѣшетника по профессіи, убитого, кажется, въ Ростовѣ въ тотъ же годъ, помнится, въ ноябрѣ. Арестъ рабочихъ въ мастерскихъ Влад. жел. дороги произведенъ былъ такъ: къ концу работъ явились у воротъ мастерскихъ жандармы и по указанію Никонова арестовывали выходившихъ рабочихъ изъ мастерскихъ. Всѣхъ арестованныхъ рабочихъ было человѣкъ 50. Сколько потомъ ихъ выпустили и сколько отправили въ ссылку, не знаю. Изъ высланныхъ въ этотъ разъ изъ Ростова рабочихъ я встрѣтилъ по дорогѣ на Кару; въ Красноярскѣ, въ Читѣ и, какъ я уже узналъ на Карѣ, въ Тункѣ жили нѣкоторые изъ высланныхъ изъ Ростова рабочихъ. Съ этого времени въ Ростовѣ я бывалъ только проѣздомъ

и уже считался въ числѣ нелегальныхъ, по крайней мѣрѣ въ самомъ Ростовѣ.

Послѣ разгрома въ Ростовѣ я еще разъ взялся за медицину. Я былъ бы уже второй годъ на 3-мъ курсѣ, и мнѣ нужно было или взять свои документы изъ академіи, или перейти на 4-й курсъ. Я и рѣшилъ использовать свое пребываніе въ Питерѣ и подготовиться къ переходному экзамену на 4 й курсъ. Но и на этотъ разъ мои намѣренія остались только намѣреніями.

Конецъ 77 и начало 78 годовъ было временемъ вновь намѣчающагося поворота въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ. Расправа неудобозабываемаго Трепова, отца столь прославившагося въ настоящее время сына, съ Боголюбовымъ, приговореннымъ къ 15 годамъ каторги за демонстрацію на Казанской площади, въ которой, какъ я уже сказалъ выше, онъ не участвовалъ, взволновала умы не однихъ революціонеровъ, но и всего общества, что ясно доказывается тѣмъ, что судъ присяжныхъ засѣдателей оправдалъ В. И. Засуличъ. Стали раздаваться среди революціонеровъ слова мести по адресу варвара. Съ юга пріѣхали люди съ специальной цѣлью отомстить Трепову за дикую расправу съ товарищемъ по дѣлу: Осинскій, который изъ Петербурга отправился въ качествѣ представителя «Земли и Воли», Ф—ко, Попко и В—ко. Было предложено нѣсколько плановъ этой мести, которые одинъ за другимъ были сданы въ архивъ. Наконецъ, В. И. взяла на себя актъ мести. Подробно объ этомъ я не говорю, ибо не принималъ лично участія въ этомъ дѣлѣ, и думаю, что это удобнѣе сдѣлать людямъ близко, стоявшимъ къ дѣлу. Я не зналъ, что должно было случиться даже въ день выстрѣла В. И., но Оболевъ явился ко мнѣ и сказалъ, что нужно будетъ продѣлать сейчасъ вотъ что: написать заявленіе объ утерѣ паспорта на имя канцеляріи градоначальника и отнести часовъ около 11—12 и подъ этимъ предлогомъ подождать тамъ съ подачей. Я написалъ и отправился. Подхожу къ канцеляріи градоначальника и замѣчаю необычную сумятицу у входа. Пытаюсь пройти въ канцелярію, меня не пропускаютъ. Говорю, что пришелъ подать заявленіе объ утерѣ паспорта, мнѣ на это отвѣчаютъ: теперь не до этого, идите себѣ, послѣ придете. Проскользнулъ какой-то высшій чинъ, что-то спросилъ у швейцара, отвѣтъ швейцара былъ: самого князя. Недоумѣваю, да и теперь не понимаю, почему швейцаръ назвалъ Трепова княземъ, развѣ, быть можетъ, среди своихъ онъ слылъ за князя. Наконецъ, потерявъ надежду проникнуть въ канцелярію, я думалъ уже идти домой. Только-что повернулся, чтобъ идти, вижу вышедшаго изъ кареты профессора академіи, хирурга Корженевскаго, котораго, слѣшно подошедшій какой-то чинъ полицейскій, просилъ поскорѣй пожаловать. Я сталъ догадываться въ чемъ дѣло и остался подождать, что будетъ дальше. Разъясненія скоро послѣдовали со стороны швейцара. Онъ сообщалъ, очевидно, своимъ знакомымъ сосѣдямъ: «самъ князь раненъ! Какая-то барышня пришла съ револьверомъ подъ мантилей, говорить, прошеніе желаю подать самому Трепову, ну, а потомъ оказалось вотъ что,—выпала изъ револьвера». Услышавъ это, я рѣшилъ, что больше оставаться мнѣ здѣсь не нужно, да и не безопасно. Значить, спросилъ я швейцара

по этому случаю сегодня приема не будетъ въ канцеляріи? «Надо полагать, что въ постели онъ васъ не приметъ, сами должны понимать»,—съ достоинствомъ отвѣтилъ мнѣ швейцарь.—Я отправился въ одну конспиративную квартиру, гдѣ я условился съ Оболеневымъ встрѣтиться, рассказалъ ему то, чему я былъ свидѣтелемъ у подъѣзда канцеляріи градоначальника, и только тогда онъ сказалъ мнѣ, что случилось. Отсюда я отправился въ академію, ибо зналъ, что у Корженевского на 4-мъ курсѣ должна быть лекція, и что, быть можетъ, возвратившись отъ Трепова, Корженевскій сообщитъ что-нибудь о случившемся. Корженевскій уже читалъ лекцію, когда я пришелъ. Отъ студентовъ же потомъ узналъ, что Корженевскій сообщилъ имъ, что какая-то студентка медицинскихъ курсовъ (хотя В. И. на самомъ дѣлѣ таковой не была) выстрѣлила въ Трепова, причинивъ ему рану въ животъ, и что онъ думаетъ, что этотъ поступокъ студентки броситъ худую тѣнь на женскіе медицинскіе курсы. Опасенія профессора не оправдались, какъ оказалось потомъ, и на поступокъ В. И. не всѣ такъ взглянули, какъ почтенный хирургъ. Подъ впечатлѣніемъ случившагося я вспомнилъ своего босяка Алексѣя, о которомъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ «Былого» ¹⁾, и подумалъ: вотъ какъ тебѣ, Алексѣй, на твой вопросъ:—какой же будетъ вашъ отвѣтъ Трепову—отвѣтила В. И. Выстрѣлъ В. И. былъ призывомъ въ революціонномъ мірѣ на новый путь борьбы. Такъ, мнѣ кажется, многіе революціонеры нашего времени его поняли. Въ этотъ годъ вновь появился среди насъ и Кибальчичъ, просидѣвъ годъ въ крѣпости, куда онъ попалъ по доносу одного священника за пропаганду среди крестьянъ во время каникулъ. Расскажу объ этомъ первомъ арестѣ Кибальчича. Я выше уже говорилъ, что Кибальчичъ былъ однимъ изъ членовъ того кружка, въ которомъ впервые состоялъ и я членомъ. Съ этого времени мое знакомство съ нимъ не прерывалось вплоть до его перваго ареста. Сіужу я какъ то въ студенческой бібліотекѣ, подходитъ ко мнѣ взволнованный Кибальчичъ и говоритъ мнѣ, что сейчасъ онъ отъ Пескова (инспекторъ Академіи, гвардіи маіоръ), который сообщилъ ему, что о немъ справлялись изъ полиціи и что ему нужно побывать у себя на квартирѣ. «Пойдемъ со мной, сказалъ Кибальчичъ, заберешь у меня тюкъ съ нелегальными книгами, привезенными только вчера вечеромъ ко мнѣ одной барыней. Можетъ быть ее прослѣдили и тогда, пожалуй, произведутъ и у меня обыскъ». Отправились мы. Я все еще жилъ на Большой Дворянской улицѣ, а онъ тоже на Петербургской сторонѣ, не помню какъ называется улица, идущая отъ Троицкаго собора вдоль Невы. Подходимъ къ его квартирѣ и замѣчаемъ у воротъ дома, гдѣ онъ квартировалъ, карету и снующихъ полицейскихъ. Ясно, у него обыскъ. Говорю ему, что мы опоздали и что ему предстоитъ тюрьма, если онъ пойдетъ домой. Онъ рѣшилъ идти, а я отправился къ себѣ домой и сообщилъ дома, о происходящемъ сейчасъ у Кибальчича. Спустя часа полтора, я отправился на квартиру, чтобы узнать чѣмъ кончилось дѣло. Вхожу во дворъ и вижу на крыльцѣ одного изъ домовъ во дворѣ собрались жильцы и

¹⁾ Августъ. „Земля и Воля“ накануне Воронежскаго съѣзда.

дворникъ что-то рассказываетъ своимъ жильцамъ, очевидно, о случившемся въ каменномъ домѣ, выходящемъ на улицу окнами, гдѣ жилъ Кибальчичъ. Подхожу къ дворнику, спрашиваю квартиру Кибальчича и въ отвѣтъ получаю: «сгорѣлъ вашъ Кибальчичъ,—уйдите, а то какъ бы и съ вами того-же не случилось. У него много кое-чего нашли и прибавивъ тихо: тамъ у него сидитъ и лучше идите себѣ съ Богомъ»,—посовѣтовалъ мнѣ дворникъ. Я, конечно, поспѣшилъ воспользоваться добрымъ совѣтомъ и отправился сообщить печальную новость. Кибальчичъ просидѣлъ въ крѣпости полный годъ. И вотъ теперь онъ вышелъ изъ тюрьмы. Тюрьма произвела на Кибальчича свое вліяніе. Сейчасъ я представляю себѣ двухъ извѣстныхъ мнѣ Кибальчичей, одного до тюрьмы и другого послѣ тюрьмы. Правда, Кибальчичъ никогда, вѣроятно, не отличался веселымъ нравомъ и всегда былъ человѣкомъ ровнымъ. Но до тюрьмы, онъ любилъ принимать участіе въ преніяхъ, даже, быть можетъ, мечталъ руководить людьми. Послѣ тюрьмъ, кромѣ пожатія руки, дружеской привѣтливой улыбки, мнѣ ничего не помнится, когда я думаю о немъ. При короткихъ встрѣчахъ на конспиративныхъ квартирахъ, если онъ не могъ что либо получить сейчасъ, зачѣмъ приходилъ, онъ изображалъ молчаливую фигуру. Такимъ я его помню, когда онъ на средства, отпускаемая организацией Э. и В. изучилъ химію и свойства динамита. Такимъ онъ сохранился въ моихъ воспоминаніяхъ, когда онъ въ Одессѣ, снабдивъ меня динамитомъ и запалами въ декабрѣ 79 года, давалъ наставленіе мнѣ объ обращеніи съ врученными вещами. Даже на шуточки товарищей надъ нимъ, онъ отвѣчалъ только улыбкой. Я хочу всѣмъ этимъ сказать, что Кибальчичъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто понялъ выстрѣлъ В. И., какъ призывъ на новый путь борьбы. Со времени своего выхода изъ Петропавловской крѣпости и вплоть до готовившагося взрыва въ ноябрѣ 79 года на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, Кибальчичъ въ тиши и, конечно, небогато обстановленнаго кабинета ученаго, терпѣливо изучалъ химію, имѣя въ виду строго опредѣленную цѣль,—вооружить русскую революцію динамитомъ. Думаю, что такіе ученые были рѣдкостью въ исторіи наукъ, если только они были гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Удивительно право, что послѣ такихъ примѣровъ все еще ходятъ люди, которые считаютъ веревку и военно-полевые суды верхомъ политической мудрости въ борьбѣ съ революціей. Въ этомъ же году, въ концѣ марта или началѣ апрѣля былъ освобожденъ изъ Литовскаго замка въ Петербургѣ Прѣсняковъ. Я не знаю зарегистрировано ли въ воспоминаніяхъ кого-либо это освобожденіе, -- освобожденіе, по смѣлости не уступающее освобожденію Кропоткина. Оно совершено при помощи того же Варвара. Въ субботу, когда обыкновенно въ русскихъ тюрьмахъ бываютъ бани, въ пролеткѣ, запряженной Варваромъ, подѣхали къ Литовскому замку два революціонера, одинъ въ качествѣ кучера, другой — сѣдока. Прѣсняковъ объ этомъ зналъ и былъ снабженъ нюхательнымъ табакомъ. Проходя въ баню, онъ засыпалъ табакомъ глаза провожавшему его въ баню надзирателю и, бросившись на улицу чрезъ открытую калитку, сѣлъ рядомъ съ сѣдокомъ въ пролетку. Очевидно Прѣснякову не совсѣмъ удалось засыпать табакомъ глаза надзирателю, ибо над-

зиратель побѣжалъ догонять Прѣснякова и, когда Прѣсняковъ сѣлъ, надзиратель налегъ на крыло пролетки. Пролетка накренилась даже въ эту сторону и грозила перевернуться, когда Варваръ тронулъ съ мѣста полной рысью. Это вѣроятно и случилось бы, если-бъ сидѣвшій рядомъ съ Прѣсняковымъ Хотинскій не ударилъ его по рукамъ кистенемъ и тѣмъ не заставилъ надзирателя взять свои руки съ пролетки прочь. Разъ это было сдѣлано, на Варвара можно было положить,—Варваръ умчалъ пролетку съ сѣдоками. Такимъ образомъ среди бѣла дня Прѣсняковъ былъ взятъ изъ Литовскаго замка. На Пескахъ была приготовлена квартира, куда и привезенъ былъ Прѣсняковъ. При помощи краски передѣлали его изъ блондина въ брюнета и затѣмъ, когда прошло нѣсколько дней и полиція помирилась съ фактомъ побѣга, Прѣсняковъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ его я видѣлъ въ послѣдній разъ въ іюлѣ 79 года. Это освобожденіе произвело впечатлѣніе на публику. На другой день одинъ изъ выпущенныхъ по процессу 123-хъ принесъ намъ, какъ заслуженную дань, пасхальный куличъ. Помнится, это былъ Фишеръ. Въ это же время была и стачка рабочихъ на Тортоновской хлопчатобумажной фабрикѣ, стачка кончившаяся демонстративнымъ шествіемъ рабочихъ для подачи прошенія наслѣднику, т. е. Александру III. Землеволецъ, воспользовавшись возникшими неудовольствіями между рабочими этой фабрики и управляющимъ, впервые организовали рабочихъ для активной борьбы. Вели эту стачку Г. В. Плехановъ, Николай Лопатинъ и я. Сказать объ этой стачкѣ нужно уже по тому одному, что организаторы этой стачки впервые имѣли дѣло не съ отдѣльными лицами изъ рабочей среды, какъ это было до сихъ поръ въ сношеніяхъ интеллигенціи съ рабочими, а съ массой и поэтому, вѣроятно, стачка эта пользовалась большой популярностью среди интеллигенціи петербургской, включая и людей стоящихъ вдали отъ революціонныхъ круговъ ея. Мнѣ Г. В. сообщилъ, что на фабрикѣ Тортона произошелъ конфликтъ, чѣмъ можно воспользоваться, организовать стачку и вызвать рабочихъ на улицу подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, словомъ устроить демонстрацію, что составляло тогда главную цѣль организаціи по мнѣнію ея членовъ. Обсуждая съ нимъ тѣ способы, какими можно было бы вызвать рабочихъ на улицу, мы остановились на подачѣ прошенія наслѣднику... Подачу прошеній на имя царя и членовъ царской фамиліи землеволецъ разсматривали какъ самое удобное средство разрушить авторитетъ власти. Не знаю, почему Александръ III въ бытность свою наслѣдникомъ пользовался популярностью среди народа и вообще рабочаго люда Петербурга. О немъ ходила молва, что онъ защитникъ народа. Думаю, что самое вѣроятное объясненіе этому то, что когда ждешь тщетно отъ однихъ, то охотно переносишь свои надежды на другихъ. Такъ ли—не такъ, но среди рабочихъ тортоновской фабрики идея подать прошеніе наслѣднику всѣмъ наличнымъ составомъ рабочихъ фабрики, была принята охотно и безъ всякихъ колебаній. Рабочіе фабрики Тортона, какъ, вѣроятно, и рабочіе другихъ фабрикъ жили артелями, человекъ по 20-ть. Въ одну изъ такихъ артелей мы и отправились. При входѣ въ помѣщеніе артели мы застали горячій споръ между тѣми, кто былъ

за стачку и противниками стачки. Противниками стачки были главным образом семейные рабочіе. По крайней мѣрѣ при первомъ же нашемъ знакомствѣ съ настроеніемъ умовъ рабочихъ, намъ постоянно приходилось слышать отъ безсемейныхъ рабочихъ, что главнымъ тормазомъ дѣлу стачки служатъ семейные рабочіе. И безсемейные рабочіе это понимали, ибо приходилось слышать отъ нихъ: «намъ то что, мы не тамъ, такъ въ другомъ мѣстѣ заработаемъ себѣ на хлѣбъ, а семейный куда подастся». На это тормозящее обстоятельство стачки мы и обратили главное вниманіе. Не помню хорошо, кто изъ насъ Г. В. ли или я былъ представленъ рабочей массѣ, какъ адвокатъ. Въ качествѣ агитатора среди рабочихъ и подъ видомъ рабочаго дѣйствовалъ Н. Лопатинъ. Нѣсколько разъ назначался день стачки, но приступитъ къ стачкѣ все какъ-то не рѣшались. Съ вечера какъ будто стачка рѣшена безповоротно, а наступитъ завтра, рабочіе собрались на фабрику и приступили къ работамъ. Но, наконецъ, въ одно утро, когда рабочіе собрались на работы, одинъ изъ рабочихъ, совершенно неизвѣстный до сего время намъ, агитирующимъ за стачку, потушилъ газъ на фабрикѣ, надѣлъ свою красную рубаху на рукоятку какого то помела и съ крикомъ ура! вывелъ рабочихъ изъ фабрики. Такимъ образомъ, стачка началась. Мы немедленно же этого рабочаго снабдили деньгами и предложили уѣхать изъ Питера, чтобъ арестъ его не произвелъ деморализующаго вліянія на стачечниковъ. Затѣмъ Лопатинъ, стоя на кучѣ угля во дворѣ фабрики, поддерживалъ настроеніе рабочихъ. Въ своихъ рѣчахъ онъ главнымъ образомъ успокаивалъ семейныхъ, заявляя имъ, что нуждающимся обѣщаетъ помощь «Земля и, Воля» и люди сочувствующіе рабочимъ. Онъ предложилъ, чтобъ рабочіе изъ своей среды избрали комитетъ, которому и будутъ выдаваться средства для распредѣленія между нуждающимися рабочими. Лопатинъ въ роли рабочаго агитатора на кучѣ угля, находившейся посреди двора фабрики, былъ совершенно другимъ человѣкомъ въ глазахъ знавшихъ его раньше. Рабочимъ онъ съ перваго своего выступленія въ роли агитатора очень понравился. Разъ собиралась сходка рабочихъ на дворѣ, то рабочіе сейчасъ же вызывали на импровизированную кафедру Николая. Въ тотъ же день въ газету «Новости» была отправлена статья о стачкѣ на фабрикѣ Тортона. На другой день газетчикъ, жена котораго была кухаркой въ той артели, куда мы явились въ первый разъ съ Г. В., принесъ газету со статьей о стачкѣ. То обстоятельство, что о стачкѣ ихъ напечатано въ газетахъ ободрило еще больше рабочихъ. Среди толпы была увѣренность, что теперь ужъ ихъ дѣло трудно будетъ замаять директору фабрики, ибо теперь ужъ ихъ дѣло извѣстно всѣмъ. На второй или третій день стачки явился на фабрику градоначальникъ. Зуровъ, убѣждалъ рабочихъ прекратить стачку въ противномъ случаѣ грозилъ ихъ выслать на родину. Рабочіе стояли на своемъ, — требовали прибавки жалованья и удаленія директора фабрики. Вечеромъ предмѣстье фабрики кишѣло шпионами, которыхъ рабочіе называли пауками и шпудликами, въ большинствѣ подростки, охотились за пауками, бросали въ нихъ камнями. Вдругъ слышится въ воздухѣ: «ребята паукъ! Камнями его,

камнями». Написали прошение на имя наследника, Лопатинъ прочелъ его рабочимъ съ своей кафедры, прошение было одобрено и рѣшено идти къ наследнику толпой съ прошеніемъ. Толпа двинулась къ Аничкину дворцу, гдѣ жилъ наследникъ. Я шелъ по тротуару Невскаго проспекта, на одномъ углу стоялъ продавецъ спичекъ съ лоткомъ и на вопросы недоумѣвающей публики въ виду двигавшейся массы, говорилъ: «это тортоновскіе рабочіе, значитъ, донялъ аспидъ. Рабочіе зря не пойдутъ,—это не студенты, чтобъ зря бунтовать». Солидно одѣтый господинъ, по виду похожій на пріѣзжаго изъ провинціи помѣщика, можетъ быть отецъ студента, вступился за студентовъ и сказалъ продавцу спичекъ: «почему, старина, ты думаешь, что студенты зря бунтуютъ? Вотъ ты рабочій человекъ, тебѣ извѣстна жизнь рабочихъ и ты потому знаешь, что рабочій зря не станетъ бунтовать. Вотъ, если бы также хорошо зналъ жизнь студентовъ, то ты бы, вѣроятно, не сталъ говорить, что студенты зря бунтуютъ. У всякаго, старикъ, есть свое дѣло, свои нужды и каждый по своему старается защищать свои интересы,—зря никто не станетъ объ стѣну головой биться». «Можетъ ваша правда, баринъ, отвѣтилъ старикъ съ лоткомъ а только я знаю этихъ аспидовъ фабрикантовъ, самъ на себѣ испыталъ, какъ они надъ нашимъ братомъ измываются. Тоже и я былъ фабричнымъ, потому и говорю, баринъ, что, рабочій зря не станетъ бунтовать». Наконецъ толпа подошла къ дворцу. Прискакалъ моментально Зуровъ, спросилъ,—что нужно и на заявленіе рабочихъ, что пришли подать прошение наследнику,—сказалъ, хорошо, я доложу его высочеству и отправился во дворецъ, доложить наследнику объ ихъ желаніи. Докладывалъ или нѣтъ Зуровъ наследнику, но вышелъ вновь къ рабочимъ, сказалъ, что наследникъ приказалъ ему принять отъ нихъ прошеніе. Затѣмъ попросилъ остаться 6-ти человекамъ, стоявшимъ рядомъ съ подавшимъ прошеніе, а прочихъ просилъ расходиться по домамъ. Толпа обратно двинулась на фабрику. Наше положеніе, какъ агитаторовъ, было чрезвычайно затруднительнымъ. Какъ быть дальше? Мы рассчитывали на то, что рабочихъ не допустятъ къ дворцу и намъ оставалось тогда сказать рабочимъ, что въ виду такого отношенія къ нимъ начальства, имъ остается только рассчитывать на себя и предложить имъ продолжать стачку. Это было бы для насъ тѣмъ лучше, что въ продолженіе стачки на фабрикѣ Тортона, рабочіе другихъ фабрикъ черезъ земляковъ своихъ были подробно освѣдомлены о происходящемъ у Тортона и на нѣкоторыхъ фабрикахъ шла среди рабочихъ агитація о поддержкѣ Тортоновскихъ рабочихъ, своихъ товарищей. А вышло, что прошеніе принято, причемъ Зуровъ обѣщалъ рабочимъ, что жалоба ихъ будетъ рассмотрѣна и все, что можно будетъ сдѣлать въ ихъ пользу, будетъ сдѣлано. Рабочіе въ массѣ, конечно, придавали этимъ обѣщаніемъ отъ имени наследника большое значеніе. Можно ли было при такихъ сложившихся условіяхъ рассчитывать подвинуть рабочихъ на дальнѣйшій протестъ, на требованіе освободить задержанныхъ товарищей? На это было трудно рассчитывать. И дѣйствительно, когда мы по приходѣ сейчасъ же предложили чрезъ спропагандированныхъ рабочихъ: требовать освобожденія заложниковъ, то въ отвѣтъ получили: что нельзя

же зря требовать, а нужно подождать, что будетъ дальше. Таково мнѣніе массы. Въ виду такого отвѣта, легко было предвидѣть, что рабочіе подождали бы, подождали результатовъ прошенія, да и принялись бы за работу. Ожиданіе въ такихъ случаяхъ слишкомъ расхолаживающее средство, особенно, если имъ пообѣщали сдѣлать кое-какія уступки. Но очевидно дѣло представлялось иначе Зурову и онъ, не зная, — въ какой тупикъ попали мы, ограничился лишь тѣмъ, что попытался у оставленныхъ имъ рабочихъ выпытать о тѣхъ людяхъ, которые подбиваютъ ихъ рабочихъ на воспрещенныя закономъ дѣйствія. Сказалъ имъ, что только добраго наслѣдника заставила его такъ отнестись къ нимъ и онъ все же принялъ ихъ прошеніе, а въ сущности закономъ подача прошеній скопомъ строго воспрещается. Говорилъ имъ о томъ, что есть злонамѣренные люди, враги царя и отечества, которые и пользуются довѣріемъ рабочихъ, но въ сущности они враги ихъ и добиваются только своихъ преступныхъ цѣлей. Совѣтовалъ имъ, если они знаютъ такихъ людей, напимѣръ того, кто писалъ имъ прошеніе, выдать властямъ. Но такъ какъ и самъ подававшій и взятые съ нимъ 5 человекъ, были спропагандированы и въ достаточной степени разбиты между своими врагами и своими друзьями, то Зурову ничего отъ нихъ не удалось добиться и онъ еще разъ общалъ имъ, что все, что можно будетъ, его высочество общалъ сдѣлать, совѣтовалъ имъ положиться на его обѣщанія, успокоиться и приступить къ работамъ. Такъ окончилась эта первая рабочая стачка, организованная «Землей и Волей». Во всякомъ случаѣ эту стачку можно считать впервые проложенной тропой русскими революціонерами въ массу рабочихъ. До сего времени революціонеры вели дѣло не съ массой, какъ я уже говорилъ а пріобрѣтали знакомства съ единичными представителями рабочихъ, которыхъ группировали въ кружки и вели среди нихъ занятія и такіе рабочіе даже иронически въ массѣ назывались студентами. Потомъ я уже не былъ свидѣтелемъ развивавшагося рабочаго движенія въ Петербургѣ; но на другой годъ на той же Тортоновской фабрикѣ повторилось тоже самое. Рабочіе этой фабрики тоже были выведены на улицу, — не знаю, — подъ тѣмъ же ли предлогомъ подачи прошенія кому либо или другимъ. Но на этотъ разъ они были разогнаны казацкими нагайками. Я узналъ о второй стачкѣ на фабрикѣ Тортона по пути на Кару, когда къ нашей партіи въ Красноярскѣ присоединили троихъ рабочихъ, высылаемыхъ за эту стачку въ ссылку въ Сибирь. Среди нихъ было два моихъ знакомыхъ по первой стачкѣ. Они мнѣ и рассказали объ этой стачкѣ и демонстративномъ шествіи по улицамъ съ краснымъ знаменемъ. Но моя память мало сохранила изъ ихъ разсказа о подробностяхъ этой рабочей демонстраціи. Помню только, что рабочимъ казаки преградили путь у Аничкина моста и разсѣяли ихъ, причемъ многихъ избивали нагайками. Остается еще мнѣ сказать о томъ горячемъ участіи учащейся молодежи, которое она проявила во время этой стачки. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга производились сборы въ пользу стачечниковъ и было собрано достаточно средствъ, чтобы поддержать семейныхъ и вообще нуждающихся рабочихъ стачечниковъ. Вотъ эпизодъ свидѣтельствующій о томъ энтузіазмѣ, который про-

явила учащаяся молодежь къ этой стачкѣ. Пришелъ я въ одну изъ артелей рабочихъ, и здѣсь Лопатинъ конспиративно сообщилъ, что приходили лавристы и приглашали представителей отъ рабочихъ на сходку, чтобъ изъ словъ самихъ рабочихъ узнать о ходѣ и цѣли стачки. «Я думаю,—сказалъ мнѣ Лопатинъ,—что нужно этому помѣшать, ибо какъ бы лавристы не испортили всего дѣла». Нужно сказать, что такъ называемые лавристы представляли партію, которая начала уже эволюционировать, хотъ и въ другую сторону, именно въ сторону германской программы социаль-демократовъ, но еще сохранила методу веденія дѣлъ среди рабочихъ по программѣ «Впередъ», т. е. ограничивалась пропагандой идей своей программы. Упрекали лавристы землевольцевъ въ томъ, что они призываютъ къ протесту, мало придавая значенія тому,—сознательно ли рабочіе идутъ на протестъ, или нѣтъ. Кратко, землевольцы думали, что въ борьбѣ лишь рабочіе вырабатываютъ классовое сознаніе, лавристы же думали путемъ пропаганды привить рабочимъ такое сознаніе. Я находилъ, что ставить преграду предложенію, которое они сдѣлали рабочимъ, неудобно, и съ тремя рабочими отправился на сходку. Когда мы вошли въ помѣщеніе, гдѣ собралась сходка, три комнаты квартиры были биткомъ набиты молодежью. Я предложилъ рабочимъ пройти впередъ, самъ остался у дверей той комнаты, куда мы вошли. Рабочихъ усадили на почетное мѣсто и вокругъ ихъ образовалось тѣсное кольцо изъ студентокъ и студентовъ. Рабочіе, засыпанные съ разныхъ сторонъ вопросами, сначала еще кое-какъ отвѣчали, но въ непривычной обстановкѣ чувствовали себя не по себѣ, конфузились и наконецъ до того растерялись, что на предлагаемые имъ вопросы, указывая на меня, говорили осаждавшимъ ихъ вопросами: «спросите вотъ у нихъ: они все знаютъ, они тамъ съ нами». И немудрено было не растеряться. Одна барышня подаетъ имъ чай, другая стоитъ передъ ними съ лоткомъ съ хлѣбомъ и угощаетъ ихъ, и рядомъ съ этимъ со всѣхъ сторонъ засыпаютъ ихъ вопросами о стачкѣ. Помню, одинъ изъ рабочихъ подъ напоромъ съ одной стороны расточаемыхъ любезностей, и съ другой—засыпанный вопросами, выпустилъ изъ рукъ незамѣтно для себя картузъ, и одна барышня, поднявъ его, очистивъ отъ пыли, сказала ему: «позвольте,—я вашъ картузъ вотъ тутъ, на вѣшалкѣ повѣшу»,—то я, все это наблюдая со стороны, подумалъ про себя: еслибъ эта барышня предложила повѣсить его самого на вѣшалкѣ, то едва ли бы онъ былъ болѣе смущенъ, чѣмъ онъ сейчасъ смущенъ ея любезностью. Я рѣшилъ вызволить рабочихъ изъ этого труднаго положенія и сказалъ: «Г.г.! намъ пора идти, ибо сейчасъ должно быть собраніе рабочихъ на фабрикѣ». Въ отвѣтъ на это со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: «нужны ли деньги?» Грушевская, еще молодая очень барышня, фамилію которой я и узналъ только на этой сходкѣ, вытряхнувъ на столъ изъ сухарницы хлѣбъ, стала собирать на стачку. Никто, кажется, не пропустилъ мимо себя эту барышню, не бросивъ ей въ сухарницу, по меньшей мѣрѣ, рубль; бросали кольца, цѣпи отъ часовъ и пр. Это дѣлали студентки и студенты, изъ которыхъ большинство сами питались чаемъ и колбасой. Дорогой я спросилъ: «ну, какъ же вамъ показалось въ гостяхъ у студентовъ?»—Очевидно, со-

чувствіе молодежи такъ ярко выразилось на этой сходкѣ, что рабочіе, несмотря на смущеніе свое въ непривычной средѣ, были глубоко тронуты видѣннымъ и слышаннымъ на этомъ собраніи молодежи. «Непривычно все это намъ, а все же какіе душевные господа студенты. Вотъ бы всѣмъ такъ жить, хорошо бы было!» Таковъ выпалъ тотъ годъ, который я рѣшилъ было использовать для занятій въ академіи и, понятно, что онъ былъ далеко не подходящимъ для мирнаго изученія медицины. Я побывалъ на лекціяхъ не болѣе десяти разъ, и когда наступили экзамены, я чувствовалъ себя совершенно неподготовленнымъ къ нимъ. Марія Николаевна и ея сестра Наталья Николаевна усердно убѣждали меня идти и все же держать экзамены. Я уступилъ ихъ настояніямъ. Но на пути съ ихъ квартиры, которая была на большой Невкѣ, рядомъ съ Георгіевской общиной, въ академію остановился въ раздумьи на Самсоньевскомъ мосту и думалъ, стоитъ ли при всемъ моемъ невѣжествѣ въ тѣхъ наукахъ, по которымъ мнѣ предстоитъ держать экзаменъ, идти экзаменоваться? И вотъ, опершись на перила Самсоньевскаго моста и смотря въ мутныя волны Невы, я окончательно рѣшилъ, что двухъ дѣлъ въ одно и то же время нельзя дѣлать, и что нужно однимъ пожертвовать для другого. Я и пожертвовалъ академіей для революціонной дѣятельности, взявъ мои документы изъ академіи и отправилъ ихъ на храненіе моей матери. Съ этихъ поръ я былъ только революціонеромъ.

М. Поповъ.



„Добролюбовская“ демонстрація.

17-го ноября 1886 г. въ С.-Петербурѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Напечатанная въ февральской книжкѣ журнала „Былое“ за 1907 г. „добролюбовская“ прокламація, напоминающая о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ Петербургѣ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, можетъ подать, мнѣ кажется, поводъ къ не совсѣмъ правильному истолкованію настроенія, господствовавшаго среди участниковъ „добролюбовской“ демонстраціи, и истинныхъ мотивовъ, руководившихъ ея организаторами. Будучи въ то время студентомъ петербургскаго университета, пишущій эти строки, самъ принимавшій нѣкоторое участіе въ заблаговременномъ и тайномъ оповѣщеніи товарищей о подготовлявшейся манифестаціи на могилѣ Добролюбова и участвовавшій въ ней съ самаго ея начала до конца, попытается возстановить факты, имѣвшіе мѣсто въ день 17 ноября и представляющіе характеръ и смыслъ „добролюбовской“ демонстраціи въ нѣсколько иномъ освѣщеніи.

Авторы прокламаціи совершенно правильно утверждаютъ, что мы (я говорю главнымъ образомъ о студенческой молодежи, составлявшей большинство демонстрантовъ), хотѣли воспользоваться правомъ служить панихиду, но они ошибаются, когда говорятъ, что *только* этимъ правомъ мы и хотѣли воспользоваться; что рѣшено было „не придавать панихидѣ характера противоправительственной демонстраціи“. Правда, у насъ не было принято и обратнаго рѣшенія. Но вѣроятность превращенія панихиды въ политическую антиправительственную манифестацію молчаливо допускалась всѣми, и предшествовавшая ей агитація среди учащейся молодежи заранѣе къ ней подготовила. Къ тому же и время было такое, когда долго сдерживаемое тисками самодержавнаго гнета протестующее настроеніе революціоннаго студенчества могло именно въ подобнаго рода манифестаціи найти удобный случай, чтобы прорваться, наконецъ, наружу. Да и само правительство, въ сущности, было совершенно право, взглянувъ на чествованіе памяти Добролюбова, какъ на актъ, если не прямо, то косвенно направленный противъ него.

Вспомнимъ, что дѣло происходило въ эпоху печальной памяти 80-хъ годовъ; въ эпоху, отмѣченную печатью самой мрачной реакціи, пытавшейся задавить въ Россіи всякое проявленіе живой общественной мысли и самодѣятельности и сопровождавшейся глубокимъ упадкомъ общественно-политическаго настроенія, наступившимъ вслѣдъ за разгромомъ партіи „Народной Воли“. Каждая попытка не только со стороны революціонной молодежи, но и со стороны мирной оппозиціи самымъ безпощаднымъ образомъ подавлялась правительствомъ Александра III. Понятно, поэтому, что, когда учащаяся молодежь и присоединившіеся къ ней представители интеллигенціи, профессора и литераторы, среди которыхъ можно было замѣтить покойныхъ О. Э. Миллера, А. Н. Пыпина и др., задумали 17 ноября 1886, въ день 25-лѣтней годовщины смерти Добролюбова напомнить русскому обществу о свѣтломъ образѣ великаго публициста, завѣщавшаго намъ идею борьбы за свободу и счастье народа и чествовать память его панихидой и возложеніемъ вѣнковъ на его могилу на Волковомъ кладбищѣ, правительство, заранѣе провѣдавшее о готовящемся чествованіи, тщательно скрывавшемся до послѣдней минуты, взглянуло на него, какъ на новое пробужденіе революціоннаго духа и приняло свои обычныя полицейскія мѣры.

Съ самаго утра 17 ноября толпы учащейся молодежи, студентовъ и курсистокъ, начали сходиться съ вѣнками въ рукахъ къ вагонамъ конки, ведущимъ по направленію къ Волкову кладбищу. Мѣста въ вагонахъ брались съ бою, такъ какъ въ виду ожидавшагося громаднаго наплыва публики, каждый старался заранѣе добраться до кладбища, чтобы занять мѣсто ближе къ могилѣ знаменитаго писателя. Но всѣ эти хлопоты оказались напрасными, ибо прибывшіе встрѣтили у входа на кладбище сильный нарядъ полиціи, не позволявшей имъ проникнуть во внутрь.

Между тѣмъ вагоны конки продолжали каждыя 5-10 минутъ подвозить десятки людей, все болѣе и болѣе увеличивавшихъ собою толпу, собравшуюся у воротъ кладбища. Переговоры съ полиціей ни къ чему не приводили. Рѣшено было отправить депутатовъ къ градоначальнику Грессеру, чтобы убѣдить его открыть ворота. Тотъ рѣшительно воспретивилъ этому. Но въ концѣ-концовъ полиція сдѣлала маленькую уступку и пропустила небольшую депутацію съ вѣнками для возложенія ихъ на могилу Добролюбова. Оставшіеся же передъ рѣшеткой стройно пропѣли „Вѣчную память“.

Но уже раздраженные грубымъ вмѣшательствомъ полиціи, манифестанты не могли больше скрывать закипѣвшее въ нихъ чувство протеста, которое и не замедлило вылиться въ форму открытой политической демонстраціи. Послышались звуки революціонныхъ пѣсней и гимновъ; одинъ изъ участниковъ демонстраціи, бывший тогда студентомъ военно-медицинской академіи, д-ръ Фейтъ (недавно осужденный по дѣлу совѣта рабочихъ депутатовъ) взобрался на фонарь и произнесъ передъ толпой и на глазахъ смущенной полиціи рѣчь политическаго характера.

Послѣ возвращенія депутаціи съ могилы рѣшено было всей толпою двинуться къ Казанскому собору и тамъ отслужить панихиду. Конвоируемая полиціей, многочисленная толпа демонстрантовъ подѣ громкіе звуки революціонныхъ пѣсень, смѣнявшихся провозглашеніемъ „Многая лѣта“ жившимъ еще въ то время великимъ изгнанникомъ П. Л. Лаврову и Н. Г. Чернышевскому, направилась по Лиговскому каналу (нынѣ Лиговская улица) къ Невскому, возбуждая интересъ и любопытство уличной публики неожиданностью и необычайностью происходящаго. Первая кратковременная остановка демонстрантовъ произошла въ моментъ появленія Грессера, выѣхавшаго навстрѣчу толпѣ. Выйдя изъ своихъ саней, онъ думалъ остановить ее словами увѣщанія и убѣдить ее разойтись. Но, послѣ минутнаго замѣшательства, вся толпа, охваченная однимъ чувствомъ возмущенія, начала наступать на градоначальника, который быстро ретировался подѣ дружнымъ натискомъ демонстрантовъ и поспѣшно умчался въ поджидавшихъ его саняхъ.

Въ первыхъ рядахъ наступавшихъ находился, между прочимъ, казенный полгода спустя послѣ этого событія по дѣлу 1-го марта 1887 года А. И. Ульяновъ. Всегда рѣзко реагировавшій на всякое проявленіе полицейскаго произвола, онъ при видѣ Грессера пришелъ въ крайне возбужденное состояніе и съ крикомъ: „долой его!“ вмѣстѣ съ другими ринулся впередъ, увлекая за собою сестру, съ которою онъ все время демонстративнаго шествія шелъ подѣ руку.

Послѣ исчезновенія Грессера демонстранты подѣ звуки тѣхъ же революціонныхъ пѣсень продолжали свой путь. Подходя уже къ Знаменской площади, они замѣтили приближавшійся имъ навстрѣчу отрядъ конныхъ казаковъ, вооруженныхъ пиками. Врѣзавшись въ узкое пространство между сплошною линією домовъ съ одной стороны и набережною незасыпаннаго еще въ то время канала съ другой, казаки подѣѣхали вплотную къ двигавшейся толпѣ, которая и вынуждена была остановиться, оказавшись замкнутой и въ арріергардѣ цѣлью конвоировавшихъ ее полицейскихъ. Несмотря на отвратительный мокрый осенній день, несмотря на то, что большинство демонстрантовъ были на ногахъ съ самаго утра, настроеніе у большинства было бодрое и приподнятое. Нѣкоторые изъ демонстрантовъ, стоявшіе впереди, у мордѣ казачьихъ лошадей, обращались къ казакамъ съ импровизированными рѣчами, въ которыхъ напоминали имъ объ ихъ былыхъ вольнолюбивыхъ, демократическихъ традиціяхъ и стыдили тою ролью, въ которой они выступаютъ теперь, становясь слѣпымъ орудіемъ деспотизма и произвола, и на лицахъ иныхъ казаковъ, подѣ влияніемъ юншеской рѣчи, появлялась то благодушная улыбка, то едва уловимая тѣнь стыдливости, изъ-за которой сквозило сознаніе характера навязанной имъ обязанности.

Становилось темно. Моросилъ мелкій осенній дождикъ, кропившій продолжавшихъ стоять среди улицы проголодавшихся и продрогшихъ манифестантовъ; а Грессеръ, повидимому изъ ме-

сти за слишком шумную встречу, оказанную ему при первом появлении его передъ толпой, не торопился отдавать распоряженіе объ освобожденіи арестованныхъ изъ цѣпи окружавшихъ ихъ казаковъ и полицейскихъ. Но вотъ, наконецъ, явился онъ и самъ. На этотъ разъ отъ вошелъ въ толпу храбро и самоувѣренно подъ защитою цѣлой свиты полицейскихъ. Изъ сосѣдняго дома принесли простой деревянный столъ и табуретъ, на который Грессеръ сѣлъ. Затѣмъ онъ предложилъ демонстрантамъ расходиться, выходя изъ цѣпи по одному. Публика, отчасти опасаясь быть арестованною поодиночкѣ, отчасти же желая довести свой протестъ до конца, потребовала отъ него, чтобы онъ удалилъ полицію и предоставилъ ей расходиться по домамъ, какъ ей будетъ угодно. Но градоначальникъ на это не согласился, настаивая на выполненіи предложеннаго имъ условія. Публика, съ своей стороны также упорствовала. Наступилъ моментъ выжиданія, смѣнившійся минутой колебанія и завершившійся, наконецъ отступленіемъ большинства демонстрантовъ, изнуренныхъ цѣлымъ днемъ голода и усталости. Но все же подобралась небольшая кучка демонстрантовъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые не хотѣли расходиться иначе, какъ всѣ вмѣстѣ. На этотъ разъ пришлось отступить уже полиціи, и упорствующіе, окруженные до тѣхъ поръ тѣснымъ кольцомъ полицейскихъ, были освобождены и отпущены всѣ сразу. Уходя съ мѣста плѣненія небольшими группами въ два-три человѣка, мы нѣкоторое время кружили по улицамъ Петербурга и, убѣдившись, что ни явная, ни тайная полиція насъ не преслѣдуетъ, разошлись по домамъ. Въ день демонстраціи полиція задержала всего нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, бывшихъ въ то время студентовъ петербургскаго университета прис. новѣреннаго Мандельштама и проф. Тугана-Барановскаго, которые были освобождены поздно вечеромъ того же дня. Но въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней по поводу „Добролюбовской демонстраціи“ среди студентовъ производились обыски и аресты, во многихъ случаяхъ, закончившіеся высылкою изъ Петербурга.

М. Брагинскій.



З а м ѣ т к а.

Въ концѣ моихъ „Дѣла давно минувшихъ дней“, № 3 „Былого“, я привелъ характерный случай възможности енисейскаго губернатора Замятнина, не давшаго г. Мерло докончить своихъ научныхъ наблюдений въ устьяхъ Енисея. Нынѣ я получилъ письмо отъ г. Мерло, которое отчасти дополняетъ, отчасти поправляетъ мой рассказъ. Экспедиція, въ которой находился г. Мерло, была снаряжена по предложенію ген.-губ. Корсакова Вост.-Сиб. отдѣломъ географ. общества; г. Мерло завѣдывалъ хозяйственной частью и производилъ метеорологическія наблюденія. Экспедиція тронулась изъ Енисейска въ половинѣ мая 66 г. на баркѣ, буксируемой пароходомъ. Шаповъ остался въ окрестностяхъ Туруханска для изученія инородцевъ; его сопровождала жена. Въ Дудинкѣ (около 500 верстъ ниже Туруханска) присоединился къ экспедиціи Ф. Б. Шмидтъ, командированный академіей наукъ для осмотра и принятія мѣръ къ сохраненію мамонта, якобы найденнаго юраками въ тундрѣ. Въ концѣ іюня экспедиція достигла Бреховскихъ острововъ, что въ лиманѣ Енисея; эти острова обычная лѣтняя стоянка судовъ енисейскихъ рыбопромышленниковъ. Здѣсь экспедиція разбилась: г. Мерло повернулъ немного на югъ и въ началѣ августа устроилъ въ селеніи Толстомъ Носу метеорологическую станцію. По времени, всѣ члены экспедиціи, далеко не закончивъ своихъ обследованій (мамонта не оказалось) въ ту же навигацію направились обратно, а г. Мерло согласился остаться на два года; средствами онъ былъ обеспеченъ только на одинъ годъ. Но Шмидтъ и И. А. Лопатинъ надѣялись добыть необходимую прибавку или отъ академіи наукъ, или отъ вост.-сибир. отдѣла. Ни то, ни другое не удалось; зато казаки, братья Сотниковы (настоящіе хозяева всего края) согласились снабдить г. Мерло необходимыми средствами на второй годъ. И дѣйствительно, Сотниковы въ іюлѣ 67 г. все приготовили для продолжительной поѣздки г. Мерло въ тундру; но вышло иначе. Вдругъ заявился нарочный отъ Туруханскаго засѣдателя съ предписаніемъ отъ губернатора,—отправиться г. Мерло съ первымъ пароходомъ въ Енисейскъ, а оттуда въ Еловскую волость, мѣсто причисленія г. Мерло. Въ сентябрѣ г. Мерло прибылъ въ Енисейскъ и тамъ нашелъ губернатора; естественно, г. Мерло отправился къ нему для объясненія такого неожиданнаго оборота дѣла. И вотъ что ему сказалъ губернаторъ:—„ну, извините, я не понималъ; вост. сиб. отдѣлъ обратился ко мнѣ, какъ своему сочлену и губернатору, съ просьбой оказать содѣйствіе къ вашему обратному выѣзду; я и даль распоряженіе, не зная о вашихъ намѣреніяхъ“.

Такъ объяснялъ Замятнинъ. Но я въ Красноярскѣ слышалъ о перецугѣ губернатора, что г. Мерло находится внѣ полицейскаго надзора, бумага сибирскаго отдѣла именно навела его на это. Да и распоряженіе отправить г. Мерло въ Еловскую волость въ извѣстной степени подтверждаетъ мое указаніе.

Г. Мерло передалъ Замятнину дневникъ метеорологическихъ наблюдений и отчетность, для пересылки куда слѣдуетъ; а Замятнинъ любезно согласился дозволить ему проживаніе въ Енисейскѣ.

Л. Пантелѣвъ.

Письмо въ редакцію.

С. Л. Чудновскій въ своемъ письмѣ въ редакцію „Былого“ (1907 г. мартъ, стр. 308) утверждаетъ, что въ XI главѣ очерка „Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу (193-хъ)“ я придалъ неправильное освѣщеніе народническому движенію вообще и въ частности допустилъ ошибку, сказавъ, что ни одинъ изъ лавровцевъ не былъ привлеченъ къ процессу 193-хъ. Если авторъ письма былъ, можетъ быть, единственнымъ лавровцемъ, участвовавшимъ въ процессѣ, то я охотно каюсь въ своей ошибкѣ. Я собственно говоря, имѣлъ въ виду не лицъ, только раздѣляющихъ въ большей или меньшей степени взгляды Лаврова, а убѣжденныхъ сторонниковъ Лавровской платформы, поскольку она противуполагалась анархизму. Я не только во время процесса, но и теперь не считаю Чудновскаго такимъ активнымъ лавровцемъ, но совершенно отчетливо представлялъ и представляю, что онъ никогда не былъ анархистомъ. Точно такъ же я зналъ, что ни Волховскій, ни братья Жебуневы и многіе другіе изъ участниковъ процесса не сочувствовали анархическому ученію. Объ этомъ я, кажется, ясно выразился въ своемъ очеркѣ (ноябрь, глава VII стр. 37 и слѣдующія). Такимъ образомъ категорическое утвержденіе Чудновскаго, „что и привлекавшіеся къ тому же процессу 193-хъ А. И. Желябовъ, Ф. В. Волховской, С. А. и В. А. Жебуневы и нѣкоторые другіе къ анархистамъ не примыкали“, не только не опровергаетъ, но скорѣе подтверждаетъ все, что сказано мною въ VII главѣ и другихъ мѣстахъ очерка. Перехожу теперь къ наиболѣе важному возраженію, что я неправильно освѣтилъ весь характеръ движенія 70-хъ годовъ. Повидимому Чудновскій не согласенъ съ тѣмъ, что я характеризую движеніе, какъ революціонное, а не чисто народническое. Въ подтвержденіе своего взгляда я привелъ въ своемъ очеркѣ достаточно фактовъ и не могу отступить отъ этого взгляда ни на югу. Быть можетъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ я допустилъ неправильное истолкованіе фактовъ—ошибки всегда возможны,—поэтому я вполне присоединяюсь къ призыву уважаемаго мною С. Л. Чудновскаго, обращенному къ народникамъ (я бы сказалъ семидесятникамъ) прийти мнѣ на помощь въ исправленіи сдѣланной мною характеристики движенія. Въ своемъ очеркѣ я поставилъ широкую задачу — дать цѣльный взглядъ на движеніе 70-хъ годовъ, и если въ какомъ нибудь отношеніи я не справился съ этой задачей, то надѣюсь читатель проститъ мнѣ невольныя ошибки. Я буду вполне удовлетворенъ, если мой очеркъ вызоветъ рядъ статей, которыя дадутъ полную исторію семидесятихъ годовъ, составившихъ крупную эпоху въ развитіи общественнаго и особенно революціоннаго міросозерцанія не только интеллигенціи, но и народа.

Старинъ.

27 марта
1907 г.



Историческая библиографія.

Записки князя С. П. Трубецкого. *Издание его дочерей. С.-Петербургъ. 1907 г.* Записки князя Трубецкого напечатаны были въ первый разъ въ Лондонѣ Герценомъ въ 1863 году. Второе издание ихъ вышло въ Лейпцигѣ въ 1874 году ¹⁾. Съ этого изданія онѣ были перепечатаны въ 1905 г. въ журналъ „Всемирный Вѣстникъ“ (оттиски изъ журнала выпущены были въ отдѣльную продажу).

Новое издание, по счету четвертое, напечатано съ подлинной рукописи автора, и значительно отличается отъ прежнихъ, печатавшихся по копии, доставленной Герцену. Главное, цѣнное отличіе его,—впервые появляющіяся 20 страницъ Записокъ, на которыхъ разсказана вкратцѣ исторія тайныхъ обществъ декабристовъ, начиная съ перваго по времени „Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ общества“, или Союза Спасенія. На этихъ страницахъ—нѣсколько любопытныхъ данныхъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ источникахъ по исторіи декабристовъ. Такова, напримѣръ, дата основанія перваго Общества: *9-е февраля*. Князь Трубецкой, вѣроятно, по связи съ какими-нибудь личными дѣлами, хорошо запомнилъ эту дату; онъ одинаково указываетъ ее и въ своихъ воспоминаніяхъ, начатыхъ въ Сибири, и въ своихъ показаніяхъ. И тамъ, и здѣсь онъ одинаково ошибается въ годъ, относя первое возникновеніе общества къ 1816-му году (стр. 12). Изъ показаній Пестеля и другихъ декабристовъ несомнѣнно, что Общество образовалось въ самомъ началѣ 1817-го года; по словамъ Пестеля—въ январь 1817 года. Сопоставляя эти извѣстія съ записками Трубецкого, датой возникновенія перваго Общества декабристовъ надо принять *9 февраля 1817 года*.

Главная часть Записокъ Трубецкого, разсказъ его о слѣдствіи, напечатана въ новомъ изданіи одинаково со старыми; страницы 33—78 новаго изданія совпадаютъ большею частью дословно съ страницами 10—80 лейпцигскаго изданія. Вступленіе же къ этимъ запискамъ, содержащее въ себѣ замѣчанія о царствованіи Александра I и разсказъ о междуцарствіи, печатается въ новомъ изданіи съ значительными отмѣнами противъ прежнихъ изданій. Это вступленіе сохранилось въ бумагахъ князя Трубецкого въ нѣсколькихъ черновыхъ наброскахъ, написанныхъ въ разное время; одни и тѣ же факты изложены въ этихъ наброскахъ неодинаково; князь Трубецкой, видимо, нѣсколько разъ передѣлывалъ свое вступленіе и не далъ ему окончательной оцѣнки. Въ старомъ изданіи эта часть Записокъ была напечатана частью въ концѣ, подъ названіемъ „Отрывки“, частью же въ примѣчаніяхъ къ Запискамъ. Въ новомъ изданіи она цѣликомъ выдѣлена въ конецъ подъ заглавіемъ: „Прибавленіе къ запискамъ кн. С. П. Т.“ Эти прибавленія изданы не вполне удовле-

¹⁾ Записки князя Трубецкого (съ приложениями). Лейпцигъ. Э. Л. Каспроячъ. 1874. *Denkwürdigkeiten des Fürsten Trubetzkoi*.

творительно. Редакторъ заботился о томъ, чтобы составить изъ различныхъ набросковъ связанный рассказъ, и рѣшилъ пропустить нѣкоторыя страницы рукописи, и отдѣльныя фразы и замѣчанія разныхъ редакцій. Мы не находимъ въ новомъ изданіи 3-хъ съ половиной страницъ, лейпцигскаго изданія, любопытныхъ замѣчаній князя Трубецкого объ историкахъ возстанія 14 декабря и о книгѣ барона Корфа, начинающихся словами: „Все, что писано до сихъ поръ о дняхъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ покойнаго государя Николая Павловича, не имѣетъ для меня и тѣни справедливости“. (стр. 85—88 лейпцигскаго изданія). Кромѣ этихъ страницъ пропущены въ новомъ изданіи и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія князя Трубецкого, имѣющія большое значеніе для исторической опѣнки его записокъ. На страницахъ 27—28-я новаго изданія напечатанъ интересный рассказъ князя Трубецкого о томъ, какъ Николай Павловичъ предъявилъ свои права на престолъ еще въ тотъ день, какъ узналъ о болѣзни Александра I и какъ графъ Милорадовичъ „рѣшительно отказалъ ему въ содѣйствіи“. Въ старомъ изданіи мы находимъ тотъ же самый рассказъ въ нѣсколько распространенной редакціи и съ слѣдующимъ началомъ: „Я былъ коротко знакомъ съ д. с. с. Федоромъ Петровичемъ Опочининимъ. Пріѣхавъ къ нему 25 ноября, послѣ разговора о тревожныхъ вѣстяхъ, привезенныхъ вчерашнимъ курьеромъ, онъ мнѣ сказалъ, что великій князь Николай“ и т. д. При изданіи записокъ, само собою разумѣется, никакъ нельзя пропускать такихъ важныхъ замѣчаній, указывающихъ на источникъ свѣдѣній автора. Редакторъ новаго изданія, правда, не дѣлалъ такихъ пропусковъ произвольно, но онъ, выбравъ одну редакцію этого рассказа, оставилъ безъ вниманія листокъ съ другою, болѣе полной редакціей того же рассказа, и не нашелъ нужнымъ напечатать ее или въ примѣчаніяхъ или въ добавленіяхъ.

Нельзя не пожалѣть о пропускѣ вариантовъ къ рассказу князя Трубецкого объ отношеніи различныхъ классовъ общества къ двумъ претендентамъ на престолъ: Константину и Николаю. Въ нихъ встрѣчаются поучительныя противорѣчія, которыя заставляютъ историка съ большою осторожностью отнестись къ нѣкоторымъ частямъ рассказа. Противорѣчье есть уже и въ текстѣ записокъ новаго изданія. На стр. 27 сказано категорически: „*Дворъ хотѣлъ Николая*“, а на страницѣ 38-й не менѣе категорически: „*Только нѣкоторая часть двора* предпочитала имѣть императоромъ Николая“. Въ вариантѣ, извѣстномъ изъ стараго изданія, сказано опять иначе: „*Однакожь большая часть вѣснаго круга* желала имѣть императоромъ Николая“; подъ высшимъ кругомъ здѣсь разумѣется тотъ же дворъ, потому что желаніе это мотивируется надеждою, „что при немъ дворъ возвысится“ и рассказъ заключается словами: „такъ говорили придворные“. (стр. 5—6 примѣч.) Въ четвертомъ вариантѣ, также опущенномъ въ новомъ изданіи (стр. 109—110 стараго изданія), сказано „придворные желали Николая“, и указаны другіе мотивы: что „съ нимъ не будетъ никакихъ измѣненій при дворѣ, что всѣ останутся на своихъ мѣстахъ“.—Въ новомъ изданіи на стр. 87-й сказано: „Одни военные искренно желали, чтобы Константинъ остался императоромъ. Имъ молодые великіе князья надобли“. Опущенный вариантъ даетъ интересное поясненіе о солдатахъ: „Военные рѣшительно были всѣ за Константина, какъ офицеры такъ и простые солдаты. Послѣдніе говорили, что Константину служить можно, а молодымъ князьямъ нельзя; такъ уже они опротивѣли всѣмъ военнымъ въ продолженіи командованія своего гвардейскими дивизіями“.

Редакторъ новаго изданія, стараясь изъ отдѣльныхъ отрывковъ составить связанный разсказъ, не избѣжалъ при этомъ нѣкоторыхъ ошибокъ. На страницѣ 91-й 15 строкъ отъ словъ „Общество не имѣло опоры въ старшихъ чинахъ гвардіи“—несомнѣнно напечатаны не на мѣстѣ, безъ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ изложеніемъ, Этотъ отрывокъ—объ отношеніи гвардіи къ заговору тайнаго общества относится къ разсказу о томъ же на стр. 85—86. Здѣсь же онъ безсвязно прерываетъ разсужденіе князя Трубецкого о самоотверженности декабристовъ. „Они—говоритъ авторъ—давно уже обрекли себя служенію отечества и презрѣли страхъ безславія“. Вслѣдъ за этими словами должно слѣдовать непосредственно, минуя указанный отрывокъ, разсужденія Трубецкого о способности людей къ самопожертвованію (отъ словъ: „Сколь челоуѣкъ ни бываетъ привязанъ къ жизни“).

Подобное произвольное соединеніе различныхъ отрывковъ можно замѣтить и въ другихъ мѣстахъ новаго изданія. Герцень сдѣлалъ гораздо лучше, напечатавъ эти черновые наброски въ видѣ „Отрывковъ“, наглядно отдѣливъ одинъ отъ другого чертою.

Къ новому изданію приложены статьи Б. Н. Чичерина „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія“ и статья неизвѣстнаго автора „Мысли объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи“. Эти статьи занимаютъ 2/5 всей книги Присоединены онѣ къ запискамъ потому, какъ заявляетъ Э. С. Свербева, что онѣ „нашлись въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого, писанныя его рукою“. Основаніе—очень недостаточное. Повидимому, первоначально статьи эти считались принадлежащими автору записокъ (ср. „Русскія Вѣдомости“ 1906 г. № 312, фельетонъ В. Е. Якушкина).

На разборъ записокъ по существу я останавливаться не буду. Приведу лишь изъ слѣдственнаго дѣла о декабристахъ небольшія справки къ тѣмъ мѣстамъ записокъ, гдѣ князь Трубецкой говоритъ о допросахъ и очныхъ ставкахъ. Князь Трубецкой въ запискахъ подчеркиваетъ свою осторожность въ показаніяхъ на другихъ лицъ. Подлинныя же дѣла слѣдствія показываютъ наоборотъ, что онъ старался всячески доказать свою откровенность, и не останавливался предъ улавою другихъ. О своей очной ставкѣ съ Батенковымъ, князь Трубецкой говоритъ, что на вопросъ о принадлежности его къ тайному обществу онъ отозвался, что не можетъ доказать его принадлежности къ обществу, что „не знаетъ, чтобы кто его когда принялъ“, что „самъ никогда не говорилъ съ нимъ объ обществѣ“ и т. д. Въ собственноручномъ же его отвѣтѣ читаемъ слѣдующее: „Разсужденія его (Батенкова), по мнѣнію моему, но могли быть иначе дѣланы, какъ при извѣстности ему существованія тайнаго общества и вслѣдствіе довѣренности моей къ нему и участія его въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ общества; ибо невѣроятно, чтобы Рыльцевъ, познакомивъ Батенкова со мной, не сказалъ ему, что я членъ общества. А о намѣреніи воспользоваться обстоятельствами для введенія конституціонной монархіи Батенковъ зналъ“ (дѣло Гос. Арх. I № 359).

Разсказъ князя Трубецкого объ очной ставкѣ его съ С. М. Семеновымъ въ общемъ подтверждается бумагами архива, но тонъ отвѣтовъ, судя по этимъ бумагамъ, былъ иной. Князь Трубецкой утверждаетъ, что на вопросы комитета о принадлежности Семенова къ обществу, онъ дважды отвѣчалъ: „утвердительно сказать не могу, принадлежитъ ли онъ къ обществу“. На слѣдственный комитетъ эта очная ставка произвела другое впечатлѣніе. Въ журналѣ комитета отъ 13 января 1836 г. записано было, что Трубецкой „уличалъ его (Семенова) въ

принадлежности къ тайному обществу, однако онъ по явному упорству въ томъ не сознался“. И самъ кн. Трубецкой тотчасъ по возвращеніи въ казематъ послѣ очной ставки съ Семеновымъ поспѣшилъ письменно оправдаться предъ комитетомъ въ томъ, что онъ „не умѣлъ уличить“ Семенова: „Осмѣливаюсь всепокорнѣе просить Комитетъ—писалъ онъ—войти въ разсужденіе, что я не иначе могу уличить многихъ изъ членовъ, какъ ссылкой на другихъ членовъ же. Подозрительнымъ показалось такъ же то, что я измѣнился въ голосъ, при видѣ г. Семенова; я смѣю представить, что свойственно человѣку почувствовать жалость къ другому (особенно когда имѣешь причины быть ему благодарнымъ, какъ я имѣлъ честь объяснить комитету) видя, что онъ губитъ себя ненужнымъ заирательствомъ“ (Гос. Арх. I № 67).

На стр. 53-й князь Трубецкой приводитъ одинъ изъ вопросовъ, заданныхъ ему слѣдственнымъ комитетомъ, въ такой формѣ: „Кто вызвался нанести ударъ, по моему предложенію, царствующему императору“. Тутъ память ему измѣнила; подчеркнутыхъ словъ въ вопросѣ не было. Вопросъ этотъ былъ формулированъ такъ: „Кто вызвался и кто назначенъ былъ нанести ударъ государю и овладѣть дворцомъ, и вообще какой былъ сдѣланъ распорядокъ о дѣйствіяхъ 14-го декабря?“ Трубецкой отвѣтилъ на это такъ: „Кто вызвался и кто назначенъ былъ нанести ударъ государю императору я совершенно не знаю... Тотъ или тѣ, кои показали, что я требовалъ, чтобы государь императоръ былъ принесенъ на жертву, долженъ знать если я кого на сіе ужасное дѣло и назначилъ; если я онаго требовалъ, то вѣроятно, и назначалъ кого-нибудь для исполненія... Не могу никакъ предполагать, чтобы кто рѣшался меня оклеветать, или умышленно невѣрно показать на меня“ (дѣло № 333 л. 71). Въ запискахъ (с. 53) этотъ отвѣтъ изложенъ совершенно иначе, но смыслъ его передать вѣрно.

Н. П. Сильванскій.

М. В. Довнаръ-Запольскій. *Тайное общество декабристовъ. М. 1906.* Въ книгѣ г. Довнара-Запольскаго есть много блестящихъ страницъ; это тѣ страницы, гдѣ говорить не авторъ, а говорятъ сами декабристы. Мѣткія и сильныя слова Пестеля смѣняются содержательнымъ при всей его сдержанности разговоромъ Никиты Муравьева; живые діалоги Рыдѣва—пламеннымъ краснорѣчіемъ Каховскаго, страстными и безпощадными изліяніями Поджіо. Среди декабристовъ было много людей, писавшихъ превосходно. Историкъ ихъ тайнаго общества всегда будетъ грозить опасность, что его собственныя слова потусквѣютъ предъ блескомъ показаній и записокъ, служащихъ источникомъ его описаній и разсужденій. Г. Довнаръ-Запольскій и къ этому драгоценному матеріалу, и къ значительной темѣ работы: полное обзорѣніе заговора и возстанія декабристовъ—отнесся безъ должнаго уваженія. Поспѣшность работы ввела его въ многія заблужденія.

„Строя свой обширный планъ путемъ логическихъ умозаключеній,—пишетъ авторъ—Пестель, *быть можетъ, сознавалъ силу своего ума. Въ этомъ отношеніи* онъ былъ сыномъ своего времени“. „Сознаніе силы своего ума“ является здѣсь—по точному смыслу словъ автора—отличительнымъ признакомъ времени Пестеля!

Говоря объ образованіи Пестелемъ южнаго общества и перечисляя всѣхъ его ближайшихъ сотрудниковъ г. Д-Запольскій весьма определенно говоритъ: „Такими сотрудниками оказались: князь Волконскій,... В. Л. Давыдовъ, Сергій Муравьевъ-Апостоль, Михаилъ Бестужевъ-Рюмин“, и продолжаетъ: „Съ этими

лицами, уже состоявшими членами Союза Благоденствія, Пестель успѣлъ сговориться до кievскихъ контрактовъ 1822 года. Въ этомъ году названныя лица сѣхались на контракты и *тутъ къ нимъ присоединился Сергій Муравьевъ-Апостолъ*“. Сергій Муравьевъ-Апостолъ, такимъ образомъ присоединяется къ „названнымъ лицамъ“,—а въ числѣ ихъ и къ самому себѣ. Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что на кievскихъ контрактахъ 1822 года Михаила Бестужева-Рюмина не было (одинъ изъ четырехъ „названныхъ лицъ“), потому что онъ появился впервые на контрактахъ 1823 года.

Когда автору приходится въ разныхъ мѣстахъ книги касаться одного и того же факта, онъ каждый разъ импровизируетъ новое его объясненіе. Такъ, напримѣръ, говоря въ трехъ разныхъ главахъ о письмѣ Матвѣя Муравьева-Апостола къ брату его Сергѣю (написанномъ въ ноябрѣ 1822 года), онъ даетъ ему три разныхъ объясненія, исключających одно другое. На стр. 206-й г. Д.-Запольскій на основаніи этого письма пространно разсуждаетъ о „постоянныхъ колебаніяхъ“ Матвѣя Муравьева-Апостола о „странной“ двойственности въ его характерѣ: „То онъ строитъ планы покушенія на жизнь государя, то *другъ* пишетъ своему брату Сергѣю письмо и представляетъ ему дѣла Общества въ совершенно безнадежномъ видѣ и въ мрачныхъ чертахъ представляетъ честолюбивые замыслы отдѣльныхъ его членовъ. И это письмо онъ пишетъ почти въ самый разгаръ своей дѣятельности въ дѣлахъ общества. Такъ странно въ немъ сочетались и качества дѣятельнаго члена Общества и недоувѣріе къ его успѣхамъ и даже къ поставленной имъ цѣли“. Читаемъ дальше, и на стр. 250-й узнаемъ, что Матвѣй Муравьевъ написалъ это безнадежное письмо къ брату не потому, что вообще всегда колебался, и не потому, что въ немъ странно сочетались разные качества, а потому, что въ этотъ опредѣленный моментъ, „охлаждѣлъ и къ Пестелю, и къ дѣлу общества“; охлаждѣлъ же онъ также по опредѣленной причинѣ, потому что „Пестель въ Петербургѣ произвелъ на него непріятное впечатлѣніе“, и въ подтвержденіе этого авторъ цитируетъ его письмо къ брату ¹⁾. Здѣсь авторъ категорично заявляетъ, что Матвѣй Муравьевъ „охлаждѣлъ и къ Пестелю и къ дѣлу общества“. Читаемъ дальше, и на стр. 315, находимъ противоположное, не менѣе категорическое заявленіе, что „его недоувѣріе и холодность относились *не къ членамъ Общества, но къ лицу*, которое стояло во главѣ его“, то есть къ Пестелю, какъ сказано тутъ же.

Николай Тургеневъ, въ своемъ разборѣ донесенія слѣдственной комиссіи упрекалъ составителя донесенія въ томъ, что онъ, съ цѣляхъ обвиненія, преувеличилъ организованность Союза Благоденствія и формальное значеніе совѣщавій членовъ союза, что онъ строилъ обвиненія на простыхъ разговорахъ членовъ Общества, что онъ бесѣды ихъ превращалъ въ правильныя совѣщанія. Кто былъ правъ, Тургеневъ или Блудовъ, писавшій донесеніе? Гдѣ кончались простые разговоры и гдѣ начинались совѣщанія и постановленія общества, обязывавшія членовъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ? Это несомнѣнно основной вопросъ исторіи Союза Благоденствія, какъ и всякаго тайнаго общества. Г-нъ же Довнаръ Запольскій, обсуждая такой важный вопросъ, какъ принятіе Об-

¹⁾ На этой страницѣ, (250-й). авторъ объясняетъ охлажденіе Муравьева тѣмъ, что Пестель произвелъ на него непріятное впечатлѣніе во время своего пребыванія въ Петербургѣ, то есть въ концѣ 1824 г. На страницѣ же 232-й авторъ говоритъ, что „холодность“ Муравьева, замѣченная Пестелемъ до сентября 1824 года, была одной изъ причинъ, побудившихъ его предпринять поѣздку въ Петербургъ.

ществомъ республиканской формы правленія рѣшается утверждать, что это „не имѣетъ большой важности“, „дебатировался ли этотъ вопросъ въ формальномъ засѣданіи Коронной Думы или же является простымъ обмѣномъ мнѣній въ средѣ членовъ основателей Общества“¹⁾.

Не придавая важности внимательному разслѣдованію этого вопроса, г. Д. Запольскій гораздо больше графа Блудова преувеличилъ формальное значеніе нѣкоторыхъ совѣщаній членовъ Общества. Бесѣды и разговоры оныя, гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе Блудова, превращаетъ въ правильныя совѣщанія и рѣшенія общества—въ формальные переговоры и въ „дипломатическія миссіи“ по строго установленной „программѣ“. При этомъ иногда, какъ напримѣръ въ описаніи поѣздки Пестеля въ Петербургъ въ 1824 году, все его сложныя соображенія о „переговорахъ“ и „дипломатическихъ миссіяхъ“ оказываются построенными на пескѣ. „Пестель—пишетъ оныя—въхалъ (въ Петербургѣ) для переговоровъ не одинъ. Передъ нимъ туда же отправился полковникъ Повало-Швейковский. Когда Пестель былъ уже въ Петербургѣ, туда же пріѣхалъ кн. Волконскій. Все трое явились въ Петербургъ въ разное время въроятно, въ дѣлахъ предосторожности, чтобы не обратить на себя вниманія полиціи. Надо думать, что поѣздка была такъ обставлена Пестелемъ не безъ расчета. Въ Петербургѣ явились начальники 4-хъ полковъ южной арміи, что должно было бы импонировать на капитановъ и поручиковъ Сѣвернаго Общества... Съ другой стороны, Пестеля упрекали въ диктатурѣ: присутствіе сочленовъ должно было дать отпоръ такимъ мнѣніямъ. Наконецъ, каждый изъ пріѣхавшихъ велъ дѣло переговоровъ преимущественно съ однимъ изъ директоровъ Сѣвернаго Общества: Швейковский—съ Трубецкимъ, Волконскій—съ Оболенскимъ; Пестель на себя рѣшился принять удары критики со стороны Н. Муравьева“.

Все эти соображенія о разныхъ тонкихъ расчетахъ Пестеля построены на невѣрномъ основаніи. Князь Волконскій, какъ видно изъ показаній его самого, Оболенскаго и другихъ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1824 году не одновременно съ Пестелемъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ концѣ этого года²⁾. Г. Довнаръ-Запольскій неправильно приурочилъ его пріѣздъ въ Петербургъ ко времени пребыванія здѣсь Пестеля, потому что оныя и самую поѣздки Пестеля въ Петербургъ, имѣвшую такое важное значеніе въ исторіи Общества, датировалъ ошибочно, отвеся ее къ *концу* 1824 года. „Пестель пишетъ оныя—откладываетъ поѣздки почти до конца 1824 года (въ сентябрѣ оныя еще былъ въ Тульчинѣ)“. Въ этой датировкѣ оныя основывается только на томъ, что Пестель въ сентябрѣ былъ въ Тульчинѣ (какъ будто, Пестель не могъ къ этому времени уже вернуться изъ Петербурга), и упускаетъ изъ виду точныя данныя о времени его поѣздки въ Петербургъ, давно напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ изъ семейныхъ бумагъ Пестелей: 6 марта 1824 года въхалъ изъ имѣнія отца, села Васильева, въ Петербургъ и 6 мая того же года вернулся въ это имѣніе, а 17 іюня (върнѣ іюля) уѣхалъ въ Тульчинъ (Р. Архивъ, 1875, т. I, с. 419).

Князь Волконскій вовсе не пріѣзжалъ въ Петербургъ одновременно съ Пестелемъ (въ мартѣ, апрѣлѣ), а третій полковникъ южной арміи, Повало-

¹⁾ „Впрочемъ, большой важности не имѣетъ *вопросъ*,—дебатировался ли *этотъ вопросъ*“ (ст. 69).

²⁾ Волконскій пріѣзжалъ въ Петербургъ также въ концѣ 1823 года и уѣхалъ отсюда въ началѣ 1824 года, до пріѣзда Пестеля. (Гос. Арх. I В. 399, л. 84—85., отв. № 8).

Швейковский, прїѣхалъ сюда гораздо раньше Пестеля, уѣхалъ вскорѣ послѣ его прїѣзда, и онъ никакъ не могъ „вести дѣло переговоровъ“ съ однимъ изъ директоровъ Сѣвернаго Общества“ княземъ Трубецкимъ, по особой „программѣ дипломатической миссїи“ до прїѣзда Пестеля въ Петербургъ, потому что, какъ сообщаетъ самъ же г. Запольскій, Пестель только въ Петербургѣ принялъ его съ бояре южнаго общества, то есть „открылъ ему весь ходъ Южнаго Общества“. Пестель въ своихъ показанїяхъ категорически заявилъ, что „подковнику Швейковскому, ѣздившему въ Петербургъ, никакого порученїя не было дано“, и мы не имѣемъ никакихъ основанїй не вѣрять этому заявленїю, потому что Пестель одновременно съ этимъ рассказываетъ о порученїяхъ, данныхъ имъ другимъ членамъ общества, ѣздившимъ въ Петербургъ ¹⁾. А Повало-Швейковский не менѣе категорично утверждалъ, что до свиданїя въ Петербургѣ, онъ съ Пестелемъ „вовсе не былъ знакомъ и никогда не видѣлся“.

Крайняя поспѣшность работы г. Д. Запольскаго, мнѣ кажется, достаточно доказана этими примѣрами. Результаты этой работы таковы, что заключительная фраза автора: „Предъ нами прошла *исторїя* Тайнаго Общества“ не можетъ не показаться претенціозной.

Н. П. Сильванскій.

Т. Шевченко. *Кобзарь*. Выданїя „Общества имени Г. Г. Шевченко для вспомоществованїя нуждающимся уроженцамъ южной Россїи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведенїяхъ С.-Петербурга“ та „Благотворительнаго Общества изданїя общепользовыхъ и дешевыхъ книгъ“. С.-Петербургъ. 1907.

Наконецъ-то, спустя 46 лѣтъ послѣ смерти украинскаго поэта, котораго Боденштедтъ считалъ „величайшимъ поэтомъ славянскаго міра“, въ Россїи появляется полное, свободное отъ какихъ бы то ни было цензурныхъ умолчанїй и искаженїй изданїе его поэтическихъ произведенїй.

Коммиссія, организовавшаяся съ цѣлью изданїя „Кобзаря“ (въ составъ которой входили С. Афанасьевъ, Ѡ. Волкъ, М. Дубяга, Я. Забѣла, О. Лотоцкїй, О. Русовъ, П. Саладилловъ и П. Стебницкїй) поручили редакцію изданїя г. В. Доманицкому, въ общемъ блестяще выполнившему порученїе, требовавшее на стойчиваго вниманїя, детальнаго знакомства съ произведенїями поэта и его биографїей и чрезвычайно кропотливой работы надъ сличенїемъ наличныхъ текстовъ съ сохранившимися автографами поэта. Къ счастью, послѣдніе такъ бережно сохранялись его почитателями, что въ распоряженїи г. Доманицкаго оказалось 270 автографовъ и 18 копій съ нихъ (изъ послѣднихъ 8 исправленныхъ рукой Шевченко). Наравнѣ съ вышеупомянутыми автографами должно поставить экземпляръ „Чигиринскаго Кобзаря“ (изд. 1844 г.), Гайдамаковъ²⁾ и „Гамалин“, также собственноручно исправленный и дополненный самимъ Шевченко. Вслѣдствїе вышеуказаннаго счастливаго стеченїя обстоятельствъ, изъ всѣхъ 215 поэтическихъ произведенїй Шевченка, напечатанныхъ подъ редакціей г. Доманицкаго, *лишь 8 произведенїй остались неспроверженными по автографамъ поэта въ той или иной формѣ*.

Особенную цѣнность изданїю придаютъ новые матеріалы, добытые П. Е. Щеголевымъ и Я. П. Забѣлой изъ архива департамента полицїи (бывшаго „III отдѣленїя“). Матерїалы эти покоились въ архивѣ болѣе 50 лѣтъ недоступ-

¹⁾ Повало-Швейковскому дано было порученїе въ Петербургѣ, безъ вѣдома Пестеля, Сергѣемъ Муравьевымъ — Апостоломъ: передать письма тремъ членамъ Сѣвернаго Общества (Гос. Арх., I В, № 404).

ными для обследованія, при чемъ среди нихъ были три рукописи Шевченко одна изъ нихъ, носящая заглавіе „Три літа“ и заключающая въ себѣ 24 стихотворенія (1844—1846 г.г.), съ очень важными вариантами; во второй, менѣе важной, такъ какъ она была предназначена для подачи въ цензуру, находятся стихотворенія конца 1846 и начала 1847 г.; и, наконецъ, третья, самая цѣнная рукопись, заключающая въ себѣ *полный* текстъ поэмы „Еретикъ“ или „Иванъ Гусъ“ (неизвѣстная до послѣдняго времени часть этой поэмы была напечатана П. Е. Щеголевымъ въ № 6 „Былого“ за 1906 г.). Какъ извѣстно, текстъ этой поэмы считался утеряннымъ. Въ бумагахъ покойнаго Шафарика, въ формѣ „посланія“ къ которому была написана эта поэма, нашелся лишь небольшой отрывокъ, который и печатался въ прежнихъ заграничныхъ (пражскомъ и львовскомъ) изданіяхъ „Кобзаря“. Помимо этой поэмы, являющейся однимъ изъ перловъ поэзіи Шевченко и чрезвычайно важной для характеристики его міросозерцанія, въ настоящемъ изданіи впервые, на основаніи матеріаловъ, найденныхъ въ III-отдѣленскомъ архивѣ, напечатаны четыре неизвѣстныхъ до сихъ поръ произведенія Шевченко: „Сова“ (стр. 157), „Дівочі ночі“ (стр. 164), „Маленькій Марьяні“ (стр. 270), „Три літа“ (стр. 280).

Впервые также напечатаны въ Россіи тексты такихъ поэмъ, которыя раньше печатались лишь въ заграничныхъ изданіяхъ: „Сонъ“, „Кавказъ“, „Холодный боръ“ и цѣлой массы стихотвореній (входившихъ вмѣстѣ съ вышеупомянутыми поэмами въ составъ II тома пражскаго изданія „Кобзаря“, недопущеннаго цензурой къ обращенію въ Россію).

Теперь остается лишь пожелать, чтобы вслѣдъ за этимъ превосходнымъ изданіемъ „Кобзаря“ не было замедлено появленіе столь же тщательно и съ такой же любовью къ дѣлу обработанной біографіи великаго украинскаго поэта. Вслѣдствіе цензурныхъ условій недавняго времени всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, (включая и очень цѣнную по собранымъ матеріаламъ біографію Шевченко, написанную покойнымъ Конисскимъ), страдали неполнотой и недоговоренностью. Даже обстоятельный критическій разборъ произведеній Шевченко, вслѣдствіе тѣхъ же условій, былъ совершенно невозможенъ и единственной выдающейся работой этого рода является блестящая статья покойнаго М. П. Драгоманова (Шевченко, украинофилы и социализмъ), погребенная въ одномъ изъ томовъ издававшейся въ Женевѣ „Громады“, и мало кому извѣстная.

В. Батуринскій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Библиотека „Свѣточа“:
Пр Овсяннико-Куликовскій. Гоголь. СПБ. 1907. Ц. 1 р.
Н. И. Карѣевъ. Теорія личности П. Л. Лаврова. 1907. Ц. 30. к.
С. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій ч. I. Штундистъ Явв. Руденко. Съ воспоминаніями Кропоткина. СПБ. 1907. Ц. 1 р.
П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Изд. Т—ва „Знаніе“. СПБ. Ц. 1 р. 1907.
А. Смоленскій. Земля -- всему трудящемуся народу. Ц. 2 к. СПБ. 1907.
Жоржъ Вейль. Исторія республиканской партіи во Франці съ 1814 — 1870 г. Перев. съ франц. Л. Шишко. Изд. Скимунта. 1906 г. Ц. 2 р.
К—во „Свободная Пресса“:
Всев. Ильчинскій. Перлы к-д-ой тактики. СПБ. 1907. Ц. 20 к.
Записки бѣлаго каторжника Петра Симакова. Суторская каторга. СПБ. 1907. Ц. 20 к.
Новая литература № 3—4. 1907.
Обзоры текущей популярной литературы. Вып. I. 1907. Ц. 15 к. Изд. Библиот. Ком. Кіевск. Об—ва грамотности.
Противъ смертной казни. Изд. 2-ое дополненное. Сборникъ статей подъ ред. М. Н. Гернета, О. Б. Голдовскаго и И. Н. Сахарова. М. 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.
К—во „Посредникъ“:
Новыя произведенія Л. Н. Толстого. Вып. II. Божеское и человѣческое. Ц. 25 к. М. 1907.
Джонъ Дьюи. Школа и общество. Ц. 30 к.
Ө. Поступаевъ. У земли и у котла. Пѣсни трудовой жизни. Ц. 20 к.
Темный. Наслѣдство. Ц. 30 к.
Ө. Поступаевъ. Жена рабочаго. Ц. 2 к.
Наживинъ. На высотѣ. Ц. 2 к.
Благодѣтели. Ц. 2 к.
Генри Джорджъ. Земельный вопросъ, его сущность и его единственное рѣшеніе. Пер. съ англ. С. Д. Николаева. Ц. 10 к.
Горбуновъ-Посадовъ. Братская кровь. Ц. 3 к.
Библиотека для дѣтей Горбунова-Посадова:
Друзья-пріятели. Ц. 25 к.
Шалуны. Ц. 30 к.
Снѣгурка. Ц. 30 к.
Теремокъ мышки. Ц. 30.
Черезъ рѣчку. Ц. 40 к.
Любимая книжка. Ц. 40 к.
Лѣсные звѣри. Ц. 40 к.
Желѣзная дорога. Ц. 40 к.
Первые цвѣточки. Ц. 12 к.
Рождественскій подарокъ. Ц. 15 к.
С. Заварянь. Экономическія условія Карабага и голодъ 1906—1907. Перев. съ арм. СПБ. 1907. Ц. 30 к. Изд. Армян. Культ. Союза въ Баку.

- К—во „Донская Рѣчь“:
 С. А. Савинкова. На волость отъ казни. Рост. на Дону. Ц. 10 к. 1907.
 Танъ. Коронація въ Колымскѣ. Ц. 5 к.
 М. Р. Поповъ. Къ біографіи И. Н. Мышкина. Ц. 5 к.
 Хаимъ Гершковичъ. К—во „Къ свѣту“. Ц. 5 к.
 100 лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. По П. Мемановскому,
 Л. Кульчицкому и др. под. ред. Ю. Подвинскаго. Москва. 1907. Ц. 1 р. К—во
 „Молодая Польша“.
 Исторія Россіи въ XIX в. вып. I. СПб. 1907. Ц. 1 р. 35 к. Изд. Т—ва
 „Бр. А. и И Гранатъ и Ко“. 1906.
 „Русская Историческая Библіотека“:
 А. В. Тьрковъ. Къ событію 1 марта 1881 года. Ц. 8 коп. Ростовъ на
 Дону. 1907.
 Анд. Ив. Желябовъ и С. Л. Перовская (Біографическіе очерки) съ пред.
 В. Бурцева. 1907. Ц. 15 к.
 Литература партіи „Народной Воли“ вып. I. Ц. 1 р. 1907. вып. II. 1907.
 Ц. 1 р.
 А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. I, изд. Саблина. М. 1907.
 Ц. 2 р.
 Б. Разинъ. Физика для народа. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Ц. 50 к.
 К—во „Вѣрный Путь“:
 А. Зиминъ. Церковь и государство. Ц. 7 к.
 В. Василевичъ. Записки депутатовъ второй Государст. Думы. Ц. 4 к.
 А. Николаевъ. Народная газета. Ц. 4 к.
 Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія, вып. I. подъ ред., В. И. Чернулускаго.
 Ц. 1 р. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.
 Михаилъ Павловичъ (Волонтеръ). Соціалистическое движеніе на западѣ
 Европы. (Итоги и перспективы). Рефератъ. К-во „Новый Миръ“ Ц. 20 к.
 Волонтеръ (М. Павловичъ). Регулярная армія или народная милиція?
 К-во „Воля“. Ц. 6 к.
 Дисциплинарное Дѣло о присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощникахъ,
 пытавшихся въ октябрѣ 1905 г. прекратить занятія въ Кіевскомъ Окружномъ
 Судѣ. Кіевъ. 1907. Библіотека „Общественной Пользы“.
 Н. Н. Полянскій. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. СПб. 1907.
 Ц. 1 р. 50 к.
 А. Я. Ефименко. Истрорія Украйны и ея народа. Съ портретами и рисун-
 ками. СПб. 1907. Ц. 50 к.
 Остроумно изобрѣтательный идальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Пер. съ
 исп. М. В. Ватсонъ. Ц. за двѣ части 7 р. Изд. Ф. Павленкова. 1907.
 Рота № 1. 25 мар. 1907 г. Изд. Вил. Орг. Воен. Союза солдатъ и ма-
 тросовъ.
 Сигналь № 1 мартъ 1907 г. Органъ Всерос. жел.-дор. союза Полѣсс. ж. д.
 Борьба № 2 Москов. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 5 апр. 1907 г.
 Прилож. ніе къ № 1 „Народной Арміи“. Изд. Всерос. Военнаго Союза.
 Солдатская газета № 6 и 7. Изд. Пет. Ком. п. с.-р. мартъ 1907 г.
 Партийныя Извѣстія № 5 и 6 Изд. Ц. К. п. с.-р. мартъ 1907 г.
 Земля и Волъ № 2 и № 3 мартъ 1907. (Крестьянская газета). Изд. Ц. К.
 п. с.-р.
 Трудъ № 11. Изд. П. К. и Совѣта Раб. Союза пар. с.-р. мартъ 1907.
 Военный Листокъ № 12 и № 13 (апр. 1907 г.). Орг. Всерос. Союза сол-
 датъ и матросовъ одесскаго окр. и черномор. флота. Изд. Тавр. Союза п. с.-р.
 Солдатская Мысль № 2. Орг. Всерос. Воен. Союза. Изд. Тиф. Союз
 п. с.-р. Мартъ 1907 г.
 Думское Эхо № 2. Изд. Севаст. Ком. п. с.-р. 7 апр. 1907 г.
 Солдатская недѣля. № 1 февр. 1907. Изд. Тиф. Ком. п. с.-р.
 Сѣверный рабочий. № 7 и № 8 (4 и 18 марта 1907). Орг. Костр. Окр.
 Ком. Р. С.-Д. Р. П.
 Молодость № 2. Полтав. союзъ учаш. п. с.-р. 8 марта 1907.
 Южный рабочий № 1. 2 апр. 1907. Одесскій Ком. п. с.-р.
 Крестьянинъ и рабочий № 4. Мартъ 1907. Орг. Уфим. Раб. Союза п. с.-р.
 Молотъ № 2 и № 3. Изд. Бакин. орг. п. с.-р.
 № 5.

- Соціалістъ-Революціонеръ № 1 и 2 (мартъ и апрѣль 1907 г.). Изд. Тамб. Ком. п. с.-р.
- Представителю Воен. Судох. Орг. п. с.-р. Вл. Вас. Евреинову отъ Ц. Б. В. С. О. п. с.-р.
- Первое мая 1907 г. Ц. Б. Воен. Суд. Орг. п. с.-р.
- Навигація открылась... Ц. Б. Воен. Суд. Орг. п. с.-р.
- 3 листка Барнаульскихъ приказчиковъ. Мартъ, 1907.
- 5 листовъ (№№ 20, 22, 24, 25, 26) Барнаульск. К. Р. С.-Д. Р. П., Мартъ 1907 г.
- Отчетъ Бакин. О. П. С.-Р. за ноябрь 1906, февраль и мартъ 1907.
- Отчетъ Воен. Союза П. С.-Р. за сент., окт., ноябрь 1906.
- № 2 и № 3 Извѣст. и одинъ листокъ Стачечн. К-та Каспійск. моряковъ $2\frac{1}{3}$ — $5\frac{1}{4}$ —07.
- Извѣщеніе и 2 листка Кокандск. К-та п. с.-р. за ноябрь 1906.
- Товарищи—крестьяне! Изд. Бѣлевск. груп. п. с.-р., 17—II—907.
- „Что дѣлать крестьянамъ“ (по поводу указа $9/_{11}$ 906). Изд. Ц. К. П. С.-Р. Мартъ, 1907.
- 2 листка Читин. К-та п. с.-р. Мартъ, 1907.
- 9 листовъ Амурской группы р. с.-д. р. п., январь, 1907.
- 2 листка Виленск. К-та П. С.-Р., мартъ, 1907.
- 4 листка Союза Якутовъ, янв.—апрѣль. 1906.
- Уставъ и листокъ професс. союза почт.—тел. и телеф. служ. въ Тифлисѣ. Изд. Тифл. К. п. с.-р.
- Ко всѣмъ рабочимъ Одесск. Ком. п. с.-р. 8 марта 1907.
- Евд. С. Царь и народъ. Москва. Изд. Прѣснен. Отд. Всероссийск. Русск. союза.
- Дм. Бодиско. Шабашъ сатаны въ Госуд. Думѣ. Москва. Унив. тип. Строс. Бульв. 1907.
- Летучій листокъ Благовѣщ. Ком. Сибир. Союза. Р. С.-Д. Р. П. № 3 мартъ 1907.
- 2 листка К-та Польскаго Союза Р. С.-Д. Р. П. „Паолей-Ціонъ“ (на евр. языкѣ).
- 4 листка Красноярскаго Ком. п. с.-р. фев.—апр. 1907.
- Отчетъ Красноярскаго Ком. п. с.-р. янв.—апр. 1907.
- Извѣщеніе Θεодоссійскаго Ком. п. с.-р. по поводу экспроприаціи $20/_{3}$. Мартъ 1907.
- „Первое мая“ и „Къ рабочимъ“ 2 листка Харьков. Ком. п. с.-р. апр. 1907.
- Различные матерьялы и листки къ исторіи движенія и организація учащихся среднеучебн. завед. СПб. 1905 г. Листки и изданія Сѣвернаго Союза учащихся средне-учеб. заведеній.
- Сонъ попа Ивана (переп. изъ „Солдат. Листка“). Изд. Вил. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
- Присяга и отечество (рядового). Изд. Всероссийскаго союза солдатъ и матросовъ. Тип. Вил. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
- Товарищи! (По поводу 1 мая). Тиф. Ком. п. с.-р.
- Ко всѣмъ рабочимъ! (Къ 1 мая). Ник. Ком. п. с.-р.
- 6 листовъ Барнаульск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Апрѣль 1907.
- Отчетъ Барнаульскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. за мартъ 1907.
- Ко всѣмъ товарищамъ учащимся (по пов. 1 мая) Организація учащихся, п. с.-р. при Ростов. Ком.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ:

Отъ д-ра И. В. С. — 20 р. Изъ Решты (Персія) 17 р. Отъ группы учителей Пошехонскаго уѣз. Ярос. губ. для полит. ссыльн. учителей — 4 р. Изъ Бодайбо — 100 р. Изъ Юрьева — 50 р. Изъ Решты (Персія) — 24 р. Отъ служащихъ въ конторѣ Т-ва Амурскаго Пароходства для Нарым. и Туруханскаго края (изъ Благовѣщенска) 13 р. 18 к. и 38 р. 25 к. Отъ Маріи Никит. Волковой 15 р. Отъ кружка еврейскихъ женщинъ для Акатуя — 50 р.

Деньги переданы по назначенію.

Въ пользу голодающихъ:

Отъ д-ра И. В. С.—10 р. и ранѣе 2 раза по 10 р., всего 30 р. Изъ Решты.
(Персія) 2 р. 30 к. и 2 р. 50 к. всего 4 р. 80 к.

**Деньги переданы въ состоящій при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ
Комитетъ по оказанію помощи голодающимъ.**

О П Е Ч А Т К И.

Въ статью Н. С. Русанова «П. Л. Лавровъ», помѣщенную въ февральской книжкѣ «Былого» вкрались нѣкоторыя искажающія смыслъ опечатки, важнѣйшія изъ которыхъ здѣсь помѣщаются:

<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
Стр. 246, строка 2 снизу: д'Аламберга.	д'Аламбера.
" 248, " 21 сверху: Въ 1887.	Въ 1837.
" 254, " 6 снизу (въ примѣчаніи): соціалистическую.	соціологическую.
" 261, " 8 сверху: покойнаго Е. И. Конради, участвовавшаго	покойною Е. И. Конради, участвовавшею
" 266, " 22 снизу: міровоззрѣніе	міровоззрѣніе
" " " 21 " трехстепенныхъ	трехстепенныхъ
" " " 15 " фефербахианство	фейербахианства
" 268, " 4 сверху: формулами	формами.
" 272, " 7 снизу (въ примѣчаніи): нигилистовъ	легалистовъ
" 276, " 16 сверху: созданной.	Соціальной
" 283, " 18 снизу: одобряя.	ободряя

ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20.
Въ нихъ помѣщ.:

- 1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.
 - 2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна 75 к.
 - 3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакцію и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна 60 к.
 - 4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію **В. Л. Бурцева**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна 50 к.
 - 5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.
 - 6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.
 - 7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ТРЕТИЙ**. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Ц. 1 р.
 - 8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Ц. 1 р.
 - 9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Выпускъ первый. Ц. 1 р.
 - 10) Тоже. Выпускъ второй. Ц. 1 р.
 - 11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Ц. 30 к.
 - 12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.
 - 13) **А. Д. Михайловъ**. Матеріалы для біографіи. Съ пред. **В. Л. Бурцева**. Ц. 6 к.
 - 14) Убіиство императора Павла. Разказы современниковъ. Редакція **П. Е. Щеголева**. Ц. 20 к.
 - 15) Декабристъ Пестель передъ Вѣрховнымъ Уголовнымъ судомъ **Н. Павлова-Сильванскаго**. Ц. 70 к.
 - 16) **А. И. Желябовъ** и **С. Л. Перовская**. Біографическіе очерки. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**. Ц. 10 к.
 - 17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. **Н. А. Виташевскаго**. Ц. 8 к.
 - 18) Къ событію 1-го марта 1881 года. **А. В. Тыркова**. Ц. 8 к.
 - 19) Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. **Н. И. Фалѣева**. Ц. 15 к.
 - 20) „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Воспоминанія **О. В. Аптекмана**. Ц. 85 к.
- Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

„WIEDZA“ (Знаніе)

Общественно-политическій, популярно-научный и литературный еженедельникъ

издается на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ съ 1 декабря 1906 г.

Предназначается для широкихъ сферъ читателей и удѣляетъ особое вниманіе нуждамъ и интересамъ рабочаго класса. Считая своей главной задачей помочь выработкѣ сознательнаго отношенія къ окружающему, помѣщаетъ статьи въ общедоступной формѣ по научнымъ и, въ особенности, общественно-политическимъ вопросамъ. Слѣдитъ за профессиональнымъ и культурно-просвѣтительнымъ движеніемъ рабочаго класса и разсматриваетъ съ точки зрѣнія его интересовъ современныя общественныя, политическія и національныя стремленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой за годъ (съ 1 Декабря 1906 г. по 1 Января 1908)—4 руб.; съ 1 Апрѣля до конца года—3 руб.; за четверть года—1 руб.

Адресъ редакціи и конторы еженедельника „Wiedza“: Вильна, Витебская ул. № 1, проѣздъ 4.

ВЪ КОНЦѢ МАЯ ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ
ежемесячнаго общественнаго и политическаго журнала
„СОЮЗЪ ЖЕНЩИНЪ“.

Журналъ будетъ посвященъ вопросамъ, связаннымъ съ борьбою за равноправіе женщины и, главнымъ образомъ, за ея избирательныя права, какъ первый необходимый шагъ на пути къ ея освобожденію.

Журналъ будетъ выходить ежемесячными выпусками отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, въ два столбца.

Подписная цѣна за 6 выпусковъ (до 1 Января 1907 г.)—1 руб. съ доставкой и пересылкой. За границу—1 р. 50 к.

Адресъ редактора-издательницы: СПБ., Николаевская ул., № 84, кв. 9. Марья Александровна Чехова.

Лицъ, интересующихся женскимъ вопросомъ и отдѣльными отраслями его какъ-то: положеніе женщинъ-работницъ и крестьянокъ, условія женскаго профессиональнаго и интеллигентнаго труда, женскія артели и общества, исторія и литература женскаго движенія, женское движеніе на западѣ и въ Россіи, женское образованіе, политическія и гражданскія права женщинъ, проституція и т. д.—просить сообщать редактору свой адреса. Имъ будетъ высланъ пробный № журнала.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новое изданіе

Т-ва И. Д. Сытина

ЕЖЕГОДНИКЪ ВНѢШКОЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

Подъ редакціей В. И. Чарнолускаго.

Выпускъ I.

Статьи, обзоры, очерки и матеріалы.—Очередныя задачи внѣшкольнаго образованія въ Россіи.—Лига образованія.—Народн. университеты.—Первый русский Сетлементъ.—Общества самообразованія.—Рабочіе союзы, потребителн. общества и народн. образованіе.—Взаимопомощь маленькихъ библиотекъ.—Музыкальная библиотека.—Просвѣтителн. общества и народн. библиотеки во Франціи, Германіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи.—Общество французскихъ библиотечкарей.—Организациі библиотечкарей и работниковъ литературы, искусства и книжнаго дѣла въ Россіи.—Народн. образованіе и организациі молодежи; союзы бывшихъ учениковъ.—Внѣшкольн. образованіе, государств. бюджетъ и казенная винная торговля.—Внѣшкольн. образованіе, вѣдомство православлн. исповѣданія и свободныя религіозныя организациі.—Казенныя изданія и библиотечное дѣло.—Народн. образованіе въ казакахъ Госуд. Думѣ.—Систематическое домашнее чтеніе.—Народн. дома.—Рабочіе клубы.—Изъ дѣятельности русскихъ просвѣтителн. обществъ.—Международн. учрежденія по внѣшкольн. образованію.—Изъ уроники общественныхъ библиотекъ.—Уставы общественныхъ и народныхъ библиотекъ.—Музеи.—Народныя чтенія.—Земства, города и внѣшкольн. образованіе.—Разныя общества и учрежденія, касающіяся вопросовъ внѣшкольн. образованія.—Свобода печати въ административн. распоряженіяхъ.—Изъ внѣшкольнаго образованія въ Россіи и за границей—**Законы, распоряженія и справочныя свѣдѣнія по внѣшкольн. образованію:** печать; собранія и сѣзды; публичн. лекціи; литературн. чтенія; общества и союзы; библиотеки; книжная торговля; театръ, концерты, вечера и др. увеселенія; уроки для взрослыхъ; выставки; лоттереи.—**Таблицы:** грамотность и образованіе населенія Россіи по первой всеобщей переписи населенія (9 таблицъ); о воскресныхъ школахъ, повторителн. классахъ, курсахъ для рабочихъ, народн. чтеніяхъ и публичн. библиотекахъ при училищахъ вѣд. М—а Н. П.; статистика воскресныхъ школъ всѣхъ націй; грамотность населенія въ различныхъ странахъ.—**Списки:** справочно-библиографическіе указатели популярной литературы, книгъ для дѣтскаго чтенія и для школьныхъ библиотекъ (съ характеристиками); государственныя, земскія, городскія и общественныя библиотеки; музеи и картинныя галлерей; просвѣтительныя и педагогическія общества; общества народн. развлечения; періодическія изданія по вопросамъ образованія; библиографич. журналы; фирмы наглядныхъ пособій.—**Библиографія:** общая русская библиографія; библиограф. работы по народн. образованію; библиографія внѣшкольн. образованія за 1906 г.

Цѣна 1 руб.

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія Е. и И. Леонтьевыхъ

- А. НЪМОЕВСКІЙ. *Изъ подъ пьлы вѣковъ. I, Сократъ.* Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.
П.-Ж. ПРУДОНЪ. *Что такое Собственность?* Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 75 к.
А. НЪМОЕВСКІЙ. *Завлавіе конфисковано.* Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго, Э. Бернштейна

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

Съ предисловіемъ К. Каутскаго къ этому русскому изд.

Спб., 1907. Цѣна 1 руб. 50 коп. за томъ.

Складъ изданій при типографіи М. М. Стасюлевича: СПБ. Вас. Остр. 5 лин., д. 28., продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ—25%.

„Библиотекѣ Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (л. мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Типо-литографія „Энергія“ Загородный, 17.

16. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 320
17. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Неизданное письмо Пушкина. Сообщилъ **Вл. Калашъ**—53. Документъ къ дѣлу Валеріана Лукасинскаго—101. Общество литературныхъ преній въ Петербургѣ въ 1837 году—149. Замѣтка **Л. Ф. Пантелѣва**—310.)
- Объявленія 324

Къ этой книгѣ приложены портреты Д. А. Лизогуба, И. Г. Голвина, М. Ю. Ашенбреннера и Г. А. Поцко.

При этой книгѣ иногороднимъ подписчикамъ разсылается объявленіе объ изданіи „Историко-революціонный альманахъ“.

Мартовская и апрѣльская книги „Былого“, конфискованныя Цензурнымъ Комитетомъ, нынѣ отъ ареста Судебной Палатой освобождены и рассылаются подписчикамъ, не получившимъ этихъ книгъ.



ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ на историческій журналъ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ вѣдпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ 1906 и 1907 годахъ въ журналѣ приняли участіе и помѣстили свои статьи слѣдующія лица:

М. С. Александровъ; М. А. Антоновичъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; А. Н. Бахъ; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Вѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Н. Л. Геккеръ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; М. Р. Гоць; Х. Г. Гринбергъ-Конъ; Л. Я. Гуревичъ; В. К. Дебагоріо-Мокрѣвичъ; И. С. Джабадари; С. А. Иванова-Ворейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; Н. И. Карѣвъ; А. М. Коваленко; Ф. Я. Конъ; Л. П. Купріянова; Е. Д. Кускова; Ю. Н. Лавриновичъ; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; А. О. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; И. И. Майновъ; П. Н. Милоковъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; В. П. Махновець (Акимовъ); Н. А. Морозовъ; Н. Я. Николадзе; М. В. Новорусскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣвъ; П. Н. Переверзевъ; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; С. Н. Прокоповичъ; З. Ралли; Н. С. Русановъ; С. Ф. Русова; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Э. А. Серебряковъ; С. С. Синегубъ; А. А. Спандони; С. И. Сомовъ; В. А. Старосельскій; Н. А. Танъ; Е. В. Тарле; М. Н. Тригопи; А. В. Тырковъ; Н. И. Фалѣвъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; А. М. Хирьяковъ; М. Н. Чернышевскій; М. П. Шебалинъ; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; В. Е. Якушкинъ и многіе другіе.

На 1907 г. подписка принимается на слѣдующіе сроки: на годъ—8 руб. на $\frac{1}{2}$ года—6 руб. на $\frac{1}{4}$ года—4 руб. на $\frac{1}{4}$ года—2 руб. За границу на годъ (при выписки изъ Россіи) 10 руб. Выписывающіе черезъ мѣстныя заграничныя почтовые учрежденія уплачиваютъ только 8 руб. 50 коп.

Подписка принимается только съ января, апрѣля, іюля и октября. За одинъ экземпляръ высылаемый по почтѣ, уплачивается 1 р. 10 к. съ пересылкой.

При перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать подробно старый адресъ и внесенную сумму. Перемѣна адреса стоитъ 30 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 44. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“ (контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ) отъ 10 до 4 час. дня), а также въ главномъ складѣ книгоиздательства „Донская Рѣчь“, Ростовъ на Дону, Казанская улица, домъ 42 и въ отдѣленіяхъ, Москва, Ащеуловъ переулокъ, домъ 13 кв. 29, Кіевъ, Крещатикъ, домъ 27, Одесса, Колодезный переулокъ, домъ, 4 кв. 29.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по 85 коп. въ конторѣ журнала и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“ и по рублю въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Комплектъ „Былого“ за 1906 годъ стоитъ для городскихъ подписчиковъ за 1 годъ—8 руб. за $\frac{1}{2}$ года 4 р., для иногороднихъ за годъ—9 руб. 50 коп., за $\frac{1}{2}$ года 4 р. 75 к. съ пересылкой. Цѣна одного экземпляра 85 коп. въ конторѣ редакціи и отдѣленіяхъ „Донской Рѣчи“ и 1 р. 10 коп. съ пересылкой по почтѣ.

Адресъ редакціи: Знаменская, 19. Для личныхъ объясненій съ редакторами въ понед., вторн., четв. и пятн. (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 ч. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

БЫЛОЕ

И Ю Н Ъ
1907

Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала, контора проситъ возобновлять подписку заблаговременно.

При возобновленіи подписки, просятъ обязательно сообщить № бандероли, подъ которымъ получается журналъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Въ исторіи партіи Народной Воли. „Показанія“ М. Н. Полонской. Съ предисловіемъ Э. С.	1
2. Красноярскъ въ концѣ 1905 года. (<i>Наброски по воспоминаніямъ</i>). П. К—ва.	11
3. Воспоминанія изъ жизни въ ссылкѣ. (<i>Памяти Л. Ф. Яновича</i>). Л. Ергиной	41
4. Первые еврейскіе рабочіе кружки. И. Гурвича	65
5. Воспоминанія. (<i>Окончаніе</i>). М. Ю. Ашенбреннера	78
6. Всеобщая стачка въ 1903 году на Кавказѣ и Черноморскомъ побережьи. С. А. Ратовой	97
7. „Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторымъ изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“. (<i>Изданіе д—та полиціи. Гл. 1 и 2</i>)	118
8. Примѣчанія къ части „Свода“, касающейся „общества украинофиловъ“. А. А. Русова и Ф. К. Волкова	153
9. Гавайскій сенаторъ. Е. Е. Лазарева	164
10. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. (<i>Продолженіе</i>). И. П. Бѣлоконскаго	194
11. Тридцать лѣтъ тому назадъ. (<i>Изъ воспоминаній доктора</i>). Д. М. Герценштейна	236
12. Эмигрантъ Иванъ Головинъ. (<i>Окончаніе</i>). М. К. Лемке	261
13. Страничка изъ воспоминаній. С. Л. Чудновскаго	287
14. Нѣсколько словъ о С. С. Яковлевѣ. С. Раецкаго	291
15. Константинъ Гавриловичъ Неустроевъ. (Матеріалы для біографіи).	294

НОВЫЯ КНИГИ:

Н. П. Сильванскій.

Декабристъ Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(„Русская историческая библіотека“, № 15).

Стр. VIII+174. Цѣна 70 коп.

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

О Б З О Р Ъ

ВАЖНѢЙШИХЪ ДОЗНАНІЙ,

производившихся

въ жандармскихъ управленіяхъ

за 1902 годъ.

(СОДЕРЖАНІЕ: Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Дѣла Мельникова, Гершуни, Кочуры и др. Сѣверный рабочій союзъ (Москва). Студенческіе кружки въ Ярославлѣ. Дѣятельность социаль-демократовъ въ Саратовѣ. Кіевскій и Харьковскій Комитеты Р. С.-Д. Р. П. Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ Екатеринославскіе социалисты-революціонеры. Революціонное движеніе въ Одессѣ. Дѣятельность Бунда. Польская Соціалистическая Партія. Русская эмиграція въ 1902 году).

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

Цѣна 50 коп.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ новая книга:

„ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ“

подъ редакціей *И. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семейскаго и П. Ф. Якубовича.*

Биографическіе очерки: *И. И. Пуцина, Н. А. и М. А. Бестужевыхъ, І. В. Поджіо, Вал. Лукасинскаго, Н. И. Гулана, М. А. Бакунина, А. В. Долгушина, Е. И. Минакова, М. Ф. Фроленка, Н. А. Морозова, П. Л. Антонова, Н. Д. Похитонова, І. Д. Лукашевича, М. И. Новорусскаго, М. Ф. Лаговскаго, М. Р. Попова, Л. Варынскаго, Л. Ф. Яновича, Д. Я. Суровцева, М. П. Шебалина, М. Ю. Ашенбрэннера, Г. А. Лопатина, А. И. Ульянова, П. Я. Шевырева, В. Д. Генералова, П. И. Андреюшкина, В. С. Осипанова, Л. А. Волкенштейнъ и В. Н. Фигнеръ.*

Въ составленіи очерковъ приняли участіе *С. В. Аскеназы, В. Я. Богучарскій, Л. Василевскій (Плохоцкій), С. А. Венгеровъ, С. Я. Елпатьевскій, С. А. Ивановъ, Н. Е. Кудринъ, Л. Мельшинъ, М. В. Новорусскій, А. С. Пругавинъ, С. Г. Сватиковъ, В. И. Семейскій, Е. В. Тарле, А. И. Ульянова, В. Н. Фигнеръ и С. А. Щепотьевъ.*

Часть 1, съ 29-ю портретами.

Цѣна ТРИ рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія
поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссель-
бургскихъ узниковъ.

Новая книга:

Остроумно-изобрѣтательный идальго

ДОНЪ-КИХОТЬ ЛАМАНЧСКІЙ

Сочиненіе Мигеля де Сервантеса Сааведра.

Полный переводъ съ испанскаго **М. В. Ватсонъ.**

(Съ примѣчаніями, биографическимъ очеркомъ и портретомъ Сервантеса),
и рисунка Дона Рикардо Балана.

Изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА. 1907 г.

Цѣна за двѣ части 7 руб.

На 1907 годъ продолжается подписка на историческій журналъ **„Б Ы Л О Е“.**

Журналъ—вънѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей **В. Я. Яковлева-Богучарскаго** и **П. Е. Щеголева** при ближайшемъ участіи **В. Л. Бурцева** по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Биографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч. Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія. Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія. Историческая библіографія.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются—на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ—портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на $\frac{1}{2}$ года (съ 1 янв. по 1 юля)—4 руб.; на $\frac{1}{4}$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Перемѣна адреса—30 коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—**С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44** и въ отдѣленія книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ **Москвѣ** (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), **Кіевѣ** (Крещатикъ, 27), **Ростовѣ на Д.** (Казанская, 42) и **Одессѣ** (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ **С.-Петербургѣ** на **Знаменской ул. д. 19.**

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій,**
П. Е. Щеголевъ.

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

Имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого“ за 1906 годъ.

„БЫЛОЕ“

ЖУРНАЛЬ,

издававшийся за границею подъ редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска.

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ втораго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“ стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“ стих. Н. Утина; 10. Прокламации 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“ Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“ князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 6/18. ЮНЬ 1907**

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиовская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньи въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа наждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятія статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятія рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе какъ **черезъ мѣсяць** по ихъ доставленіи.

Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала, контора проситъ возобновлять подписку заблаговременно.

При возобновленіи подписки, просятъ обязательно сообщить № бандероли, подъ которымъ получается журналъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Къ исторіи партіи Народной Воли. „Показанія“ М. Н. Полонской . Съ предисловіемъ Э. С.	1
2. Красноярскъ въ концѣ 1905 года. (<i>Наброски по воспоминаніямъ</i>). П. К—ва	11
3. Воспоминанія изъ жизни въ ссылкѣ. (<i>Памяти Л. Ф. Яновича</i>). Л. Ергинной	41
4. Первые еврейскіе рабочіе кружки. И. Гурвича	65
5. Воспоминанія. (<i>Окончаніе</i>). М. Ю. Ашенбреннера	78
6. Всеобщая стачка въ 1903 году на Кавказѣ и Черноморскомъ побережьѣ. С. А. Ратовой	97
7. „Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторымъ изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“. (<i>Изданіе д—та полиціи. Гл. 1 и 2</i>).	118
8. Примѣчанія къ части „Свода“, касающейся „общества украинофиловъ“. А. А. Русова и Ф. К. Волкова	153
9. Гавайскій сенаторъ. Е. Е. Лазарева	164
10. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. (<i>Продолженіе</i>). И. П. Бѣлоконскаго	194
11. Тридцать лѣтъ тому назадъ. (<i>Изъ воспоминаній доктора</i>). Д. М. Герценштейна	236
12. Эмигрантъ Иванъ Головинъ. (<i>Окончаніе</i>). М. К. Лемке	261
13. Страницка изъ воспоминаній. С. Л. Чудновскаго	287
14. Нѣсколько словъ о С. С. Яковлевѣ. С. Раецкаго	291
15. Константинъ Гавриловичъ Неустроевъ. (Матеріалы для біографіи).	294

16. Графъ Бисмаркъ—организаторъ русской политической агентуры за-границей. (*По неопубликованнымъ документальнымъ даннымъ*). **Н. Н.** 297
17. Историческая библиографія: I.—Хроника социалстического движенія въ Россіи 1878—1887 г.г. Оффиціальныи отчетъ. Изд. В. М. Саблина—**В. Я. Богучарскаго**. II.—Цареубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ. Изд. А. С. Суворина—**Н. Сильванскаго**. III.—*Череванинъ*.—Пролетаріатъ въ революціи. IV.—*Е. Сельскій*.—По пути къ свободѣ.—**Ю. Лавриновича**. V.—Помощь голодающимъ. Изд. М. М. Зензинова.—**Я.** 306
18. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 317
19. **Матеріалы, документы и мелнія замѣтки.** (Пажескіе годы П. И. Пестеля—161. Секретная телеграмма м-ра вн. дѣлъ Сипягина губернаторамъ—235. Мелочи прошлаго—258. Гренадерскій „бой“ за подавленіе крестьянскихъ беспорядковъ—286).
20. Письмо въ редакцію. **Проф. И. Шляпкина** 320
21. Объявленія 321

Въ этой книгѣ помѣщены портреты М. Н. Оловенниковой-Полонской, Н. К. Судзиловскаго-Руссея, М. В. Купріянова (въ текстѣ) и К. Г. Неустроева.



Марія Николаевна
ОЛОВЕННИКОВА.
(Марина Никаноровна Полонская)

къ исторіи партіи Народной Воли.

Мало извѣстная широкой публикѣ исторія партіи Народной, благодаря печатающимся въ послѣднее время воспоминаніямъ вѣателей,—все болѣе и болѣе освѣщается и, вѣроятно, недалеко то я, когда, въ виду скопившагося матеріала, будетъ уже возможно тупить къ составленію очерка партіи, сыгравшей такую видную въ русскомъ революціонномъ и освободительномъ движеніи. Это будждаетъ меня передать въ «Былое» для напечатанія имѣющей у документъ, принадлежащей перу одной изъ наиболѣе выдающихся дѣлельницъ вышеназванной партіи.

Происхожденіе этого документа таково: Въ 1893 году, вслѣдствіе постоянныхъ запросовъ изъ Россіи, нашъ кружокъ старыхъ народовольцевъ въ Парижѣ рѣшилъ составить очеркъ исторіи Народной Воли. Эту работу предполагали поручить мнѣ. Но въ то время печатнаго матеріала почти не было, и нужно было обратиться къ находившимся за-границей участникамъ движенія съ просьбой дать возможныя свѣдѣнія о партіи. Прежде всего обратились за свѣдѣніями и указаніями къ члену нашего кружка Маріи Николаевнѣ Оловенниковой, жившей за-границей подъ именемъ Марины Никаноровны Полонской; она была съ самаго Липецкаго съѣзда вплоть до гибели Народной Воли однимъ изъ выдающихся и дѣятельныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета. М. Н. по многимъ соображеніямъ отказалась написать воспоминанія, но согласилась дать отвѣты на вопросы, предложенныя членами нашего кружка. Къ сожалѣнію, вопросные пункты затерялись. Отвѣты же М. Н. сохранились у меня, и они настолько точны и ясны, что въ большинствѣ случаевъ понятны и безъ указанія вопросовъ.

Эти отвѣты печатаются полностью за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, обозначенныхъ точками, не предназначавшихся къ печати, а служившихъ только указаніемъ для товарищей по кружку.

Слѣдовало бы предпослать маленькую біографію этой замѣчательной женщины, но я не берусь за это, хотя и былъ съ ней въ товарищескихъ отношеніяхъ въ теченіе 13—14 лѣтъ за-границей. Вообще по ея взглядамъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ не должна отдѣляться отъ дѣятельности партіи. Поэтому, между прочемъ, она высказывала мнѣ не разъ пожеланіе, чтобы партійные люди даже въ изданіи нашего кружка за-границей не подписывали своихъ именъ.

Все, что удавалось узнать о ея прошлой дѣятельности, узнавалось отъ другихъ или случайно, когда говорилось о томъ или другомъ фактѣ.

Характеристики ея я тоже не берусь дать: она была слишкомъ крупнымъ и сильнымъ человѣкомъ, чтобы ее можно было охарактеризовать по ея заграничной жизни. Для этого ее нужно было видѣть въ Россіи въ разгаръ дѣятельности. Орла нельзя характеризовать по его жизни въ неволѣ. Заграничная дѣятельность для Россіи была слишкомъ узкимъ полемъ, чтобы М. Н. могла проявить себя такой, какой была; въ Россіи же мнѣ не пришлось съ ней ни разу встрѣтиться. Но по отзыву тѣхъ изъ ея товарищей по Комитету, мнѣніе которыхъ приходилось слышать, она играла въ немъ видную роль и пользовалась въ немъ большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. О ней упоминается въ большинствѣ народовольческихъ процессовъ, но подъ разными именами: просто Марья Николаевна, Кошурникова, Баранникова, Оловенникова и Ошанина. Всѣ примѣчанія, такъ сказать, къ «показаніямъ» М. Н. принадлежатъ мнѣ.

Э. С.

1. Название «Народная Воля» было дано, сколько помнится, при выработкѣ программы партіи; оно было дано органу партіи. Указываетъ оно на преобладаніе въ тотъ моментъ народническаго элемента: «мы хотимъ того, чего хочетъ народъ и являемся въ сущности только исполнителями его воли».

2. Въ «Землѣ и Волѣ» почти не участвовала ¹⁾ (попала въ періодъ революціи въ ней—подъ самый конецъ ея существованія) и потому опредѣленно отвѣтить на вопросъ не могу. Знаю только, что подѣ влияніемъ малаго успѣха дѣятельности въ народѣ, съ одной стороны, и безобразій правительства—съ другой, у многихъ участниковъ «З. и В.» постепенно вырабатывалось убѣжденіе въ необходимости концентрировать свои силы, направить ихъ въ города (рядомъ съ деревней) и приступить къ «политическому дѣйствию» (подъ послѣднимъ вовсе не подразумѣвался исключительно терроръ, но вообще всякаго рода агитаторскія воздѣйствія на общество, на народъ и на правительство; изъ нихъ вышли народовольцы; чернопредѣльцы вышли изъ того элемента «Земли и Воли», который не придавалъ вовсе значенія или ставилъ только на второй планъ «политическое дѣйствию» и не стоялъ за *централистическую* организацію и по прежнему хотѣлъ всѣ силы посвятить на пропаганду (собственно даже и не на пропаганду, а скорѣе на то, что теперь называютъ культурной дѣятельностью) среди крестьянства.

3. Насколько знаю, большинство въ «З. и В.» составляли бывшіе бунтари; остальные—бывшіе лавристы; якобинца же не было ни одного.

4. О «Началѣ» имѣю весьма смутное представленіе, но думаю что органъ этотъ не имѣлъ значенія, такъ же, какъ и лица, его издававшіе.—Въ «З. и В.» наибольшимъ влияніемъ пользовались мужъ и жена Натансонъ, Александръ Михайловъ, Оболешевъ, Осинскій, Михаилъ Поповъ.

5. Землевольты, какъ извѣстно, вѣрили, что народъ имѣетъ свои требованія, свои особенности, за которыя сумѣетъ постоять; роль интеллигенціи сводилась къ тому, чтобы помочь ему отстоять свои требованія; отстаивать же будетъ онъ ихъ самъ. Землевольты не хотѣли вносить въ народъ ничего *своего*. Они были несомнѣнно социалисты, но въ своей пропагандѣ, даже среди молодежи и общества, они преимущественно настаивали на необходимости помогать народу

¹⁾ Кажется, она была членомъ Воронежскаго поселенія и участвовала въ приготовленіяхъ къ освобожденію Войновальскаго.

въ осуществленіи его требованій; терроръ допускался только какъ самозащита, нѣкоторыми—какъ мечь; пропаганда среди рабочихъ была болѣе социалистическая, хотя все-таки пропагандистъ долженъ былъ особенно настаивать на ближайшихъ требованіяхъ и посылать рабочихъ въ деревню; о захватѣ власти не желали и слышать; пропагандѣ въ войскѣ не придавали значенія и, когда случалось распропагандировать военнаго, предлагали ему выйти въ отставку.

6. Созыву съѣздовъ предшествовалъ провалъ центра «З. и В.» въ Петербургѣ, выстрѣлъ Соловьева и разныя террористическія поползновенія южнаго Исполнительнаго Комитета, во главѣ котораго оказался Осинскій, (насколько знаю, безъ участія и согласія Петербургскаго центра «З. и В.»). У землевольцевъ явилась, слѣдовательно, необходимость реорганизовать свой центръ, согласовать такія противоположныя требованія, какъ требованіе террора съ одной стороны и желаніе расширить деревенскія поселенія—съ другой. Необходимость согласовать эти противоположности давала себя чувствовать уже давно. Такъ нѣкоторые бунтари (Попко, В—ко, Ф—ко), пріѣзжавшіе въ Петербургъ въ 1877 году для организаціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми землевольцами покушенія на Трепова, имѣли переговоры о выработкѣ общаго дѣйствія. Эти переговоры не привели ни къ чему положительному, но уже и тогда, повидимому, центръ «З. и В.» относился скорѣе сочувственно къ попыткамъ террора южанъ; съ другой же стороны, очень многіе настаивали по-прежнему на поселеніяхъ, изъ которыхъ инья непремѣнно должны были разрушиться (какъ, напримѣръ, Воронежское) за необходимостью отозвать въ Петербургъ поселенцевъ. Все это вмѣстѣ и привело къ мысли созвать съѣздъ. У кого возникла мысль объ этомъ—у южанъ или сѣверянъ, или у обоихъ разомъ—не знаю. Вѣрнѣе всего, что она пришла въ голову прежде другихъ Михайлову, который послѣ провала центра «Земли и Воли» очутился въ Петербургѣ одинъ и не могъ не видѣть невозможности дѣйствовать сколько нибудь цѣлесообразно въ виду этой каши. Ему же и нѣкоторымъ другимъ показалось удобнѣе, прежде чѣмъ созывать большой съѣздъ, созвать на совѣщаніе нѣсколько членовъ, болѣе близкихъ по *убѣжденіямъ*, т. е. признающихъ прежде всего необходимость централистической организаціи и болѣе широкаго революціоннаго движенія. Кто намѣчалъ людей не знаю. Я жила въ то время въ деревнѣ и меня пріѣхалъ звать Фроленко.

7. Отношенія были и не враждебныя и не дружескія, скорѣе никакихъ. Лучшіе изъ «деревенщиковъ», какъ мы ихъ тогда звали, присоединились къ «Народной Волѣ» (Филиппова, Перовская). Стефановичъ, Дейчъ, Засуличъ, Плехановъ тогда же уѣхали за-границу и «деревенщики» закрыли лавочку. До самаго 1-го марта о нихъ было почти не слышно; въ Москвѣ и кое-гдѣ въ другихъ городахъ существовали, правда, небольшія группы молодежи, наз. чернопередѣльцами, и имѣвшіе часто поползновенія подставлять ножку народовольцамъ, но больше въ мелочахъ. Серьезнаго вреда или пользы они никогда не приносили. Первая попытка соединенія остатковъ «Чернаго Передѣла» съ народовольцами была произведена уже послѣ 1-го марта Стефановичемъ.....

8. Начало «Исполнительнаго Комитета» было положено на Липецкомъ же ¹⁾ съѣздѣ (не помню, тутъ ли было дано названіе); онъ никогда не былъ *исполнительнымъ*, а всегда былъ распорядительнымъ.

9. Мѣстныя группы большею частью образовывались самимъ Комитетомъ, который посылалъ въ разные города для этого своихъ членовъ или агентовъ. Членъ Комитета, организуя мѣстную группу, не говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ Комитету, а старался заставить членовъ группы принять постепенно программу Комитета и стать къ нему въ обязательныя организаціонныя отношенія. Эти организаціонныя отношенія состояли въ общемъ въ томъ, что группа обязывалась ни заниматься терроромъ, ни издавать своего органа безъ разрѣшенія Комитета, обязывалась давать въ его распоряженіе часть своихъ денежныхъ средствъ, свои связи и даже своихъ членовъ. Въ остальныхъ мѣстныхъ дѣлахъ группа была самостоятельна, хотя обязывалась давать Комитету отчетъ о своихъ дѣлахъ черезъ одного изъ своихъ членовъ, выбранныхъ самой группой (разумеется, выбирался большею частью членъ группы, бывший въ то же время тайнымъ, или иногда явнымъ агентомъ Комитета). Недовольство со стороны мѣстныхъ группъ бывало рѣдко и происходило, большею частью, отъ нетактичности члена или агента Комитета. Если какая-нибудь группа, организовавшаяся самостоятельно, желала стать въ обязательныя отношенія къ Комитету, то опять-таки посылался агентъ Комитета, который или принимался группой въ члены, или только устанавливалъ отношенія и уѣзжалъ..... Агенты Комитета назначались Комитетомъ и не имѣли никакихъ правъ, а только обязанности. Всѣ подраздѣленія агентовъ на степени означали въ сущности только степень довѣрія, которымъ пользовался агентъ у Комитета. Изъ агентовъ *выбирались* Комитетомъ члены Комитета.

10. Строго говоря, большихъ разногласій по этимъ вопросамъ въ Комитетѣ никогда не было; одни придавали больше значенія пропагандѣ среди рабочихъ, другіе меньше, одни хотѣли больше работы среди военныхъ, другіе меньше, вотъ и все. *Теоретическихъ* разногласій по этимъ пунктамъ, говорю, почти не было. *Дѣятельность опредѣлялась наличностью силъ*, а не преобладаніемъ того или иного мнѣнія на пропаганду въ той или иной средѣ. Всѣ были согласны въ томъ, что чѣмъ больше будетъ рабочихъ, чѣмъ больше будетъ военныхъ, чѣмъ больше будетъ молодежи и связей въ обществѣ, тѣмъ лучше. Всѣ были также одного мнѣнія, что крестьянъ надо пока оставить въ сторонѣ уже по одному тому, что на пропаганду среди нихъ не хватило бы силъ. Другое дѣло терроръ. Вначалѣ по этому вопросу разногласій почти не было, но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что изъ-за террора страдаютъ всѣ остальные отрасли дѣятельности. Тогда отъ времени до времени поднимались голоса, требовавшіе удѣленія большихъ силъ на организацію и пропаганду. Въ сущности никто не протестовалъ противъ справедливости этихъ требованій, и всякій хотѣлъ бы, чтобы терроръ не поглощалъ столько

¹⁾ М. Н. была единственная женщина, принимавшая участіе въ Липецкомъ съѣздѣ.

силъ. Но на практикѣ это оказывалось невозможнымъ. На терроръ шло столько силъ потому, что безъ этого его вовсе не было бы. Больше другихъ на необходимости расширить другія стороны дѣятельности, особенно организацию мѣстныхъ группъ, настаивалъ Михайловъ и, отчасти, Желябовъ, который, впрочемъ, лучше другихъ видѣлъ невозможность осуществить это на дѣлѣ.....

11. Думаю, что нѣтъ. Отличія южанъ и сѣверянъ въ Комитетѣ совершенно сглаживались.

12. Единственная переменъна, которую можно было констатировать въ теченіе всего періода дѣятельности во взглядахъ отдѣльныхъ членовъ Комитета, заключалась въ постепенномъ ослабленіи народническаго элемента и въ усиленіи того, что называлось «политиканствомъ». Это означало собственно то, что люди все меньше и меньше начинали вѣрить въ способность народа добиться чего нибудь собственными силами и все больше и больше придавали значенія инициативѣ революціонеровъ. Отсюда и измѣненіе взгляда на захватъ власти. Подъ конецъ дѣятельности Комитета я не припомню ни одного человѣка, кто относился бы къ захвату власти отрицательно, и въ № 9 «Народной Воли» должна быть статья, гдѣ на этотъ счетъ высказались совсѣмъ недвусмысленно. Вліяніе въ этомъ направленіи отдѣльныхъ личностей было незначительно, вліяла больше сама жизнь, успѣхъ, развивавшій вѣру въ свои силы, съ одной стороны и пассивное сочувствіе общества—съ другой. Надо помнить одно, что при своемъ образованіи всѣ члены Комитета (за исключеніемъ меня)—были народниками, подъ конецъ всѣ стали болѣе или менѣе яacobинцами, сохраняя, разумѣется, вѣру въ народъ.

13. Особенно характерныхъ засѣданій Комитета припомнить не могу, да ихъ, мнѣ кажется, и не было. Интересно, впрочемъ, въ общемъ сопоставить засѣданія Комитета въ началѣ его дѣятельности и въ концѣ. Какъ первыя засѣданія были полны горячихъ дебатовъ по разнымъ теоретическимъ вопросамъ, такъ послѣднія отличались характеромъ спокойнаго обсужденія различныхъ практическихъ предпріятій. Не всегда, впрочемъ, спокойнаго: передъ 1 мартомъ засѣданія носили характеръ лихорадочный; чувствовалось страшное напряженіе нервовъ, нѣкоторая усталость и развинченность. Все вниманіе поглощалось, терроромъ да еще военными и ихъ участіемъ въ ближайшемъ предпріятіи, (освобожденіе Нечаева, отъ котораго намъ, особенно Желябову, не хотѣлось отказаться, несмотря на письмо Нечаева, умолявшаго не заботиться о немъ.). На этихъ послѣднихъ общихъ засѣданіяхъ до 1-го марта (я пріѣхала изъ Москвы ¹⁾ какъ разъ послѣ ареста Михайлова, можетъ быть даже

¹⁾ Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ М. Н. едва не была арестована, но спаслась только благодаря своему хладнокровію и находчивости. Она шла на конспиративную квартиру на Тельжной улицѣ, гдѣ жили Гельфманъ и Сабинъ (застрѣлвшійся); на этой квартирѣ была устроена западня, въ которую только что передъ ея приходомъ попался Тимофей Михайловъ (рабочій, одинъ изъ метальщиковъ, казненный по дѣлу 1-го марта). Подходя къ квартирѣ и замѣтивъ на мѣстѣ знакъ безопасности, М. Н. стала подниматься по лѣстницѣ и вдругъ натолкнулась на городского, спросившаго: „Въ куда?“ Она, ни минутой не задумываясь, сказала: „къ портнихѣ“ и указала на

онъ былъ арестованъ, когда я уже была въ Петербургѣ, только я не успѣла съ нимъ повидаться) всѣ разговоры вертѣлись на этихъ ближайшихъ планахъ. Говорили также о пополненіи Комитета и развитіи мѣстныхъ группъ. Нашъ отчетъ съ Теллаловымъ ¹⁾ о Московской группѣ (единственной серьезной поддержкѣ въ случаѣ провала стариковъ) возбудилъ даже преувеличенныя надежды, но въ общемъ былъ выслушанъ вяло. Только Желябовъ, послѣ засѣданія хотѣлъ узнать всѣ подробности и особенно характеристики лицъ, могущихъ быть кандидатами въ члены Комитета. Онъ чувствовалъ, что большинство выбудетъ изъ строя и, говоря со мною въ этотъ разъ, признавалъ, какъ и раньше, пагубную сторону террора, затягивающаго помимо ихъ воли людей. Я хорошо помню этотъ разговоръ потому, что онъ продолжался и на второй день. Что будетъ послѣ покушенія, удачнаго или неудачнаго? Ни на какія серьезныя перемены въ политическомъ строѣ Желябовъ не рассчитывалъ. Максимумъ чего онъ, да и другіе, ждали, это, что намъ будетъ легче продолжать свою дѣятельность: укрѣпить организацію и раскинуть ея сѣти во всѣхъ сферахъ общества. Но и это при условіи, что уцѣлѣетъ хоть часть людей, способныхъ и привыкшихъ вести дѣло общей организаціи. Желябовъ боялся, что и этого можетъ не быть. Поэтому то онъ и придавалъ такое значеніе Москвѣ, думая что тамъ кроется та ячейка, изъ которой выработается новый Комитетъ въ случаѣ гибели стараго. Что касается всѣхъ остальныхъ, то мало кто заботился о будущемъ, всѣ способности казались поглощены однимъ: удачнымъ выполненіемъ покушенія. Впрочемъ, на одномъ изъ собраній, помню Суханова, развивавшаго свои планы бомбардированія Петербурга Кронштадскимъ флотомъ; онъ, казалось, сильно вѣрилъ въ осуществимость своихъ плановъ и на чье то скептическое замѣчаніе отвѣчалъ: «дайте еще годикъ—другой—увидите». Почему то меня поразила въ тотъ разъ фигура Исаева. Это былъ человѣкъ очень не глупый и на котораго раньше возлагались большія надежды. Теперь оказалось, что онъ ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ динамита и бомбы. Отъ его наклонности теоретизировать не осталось и слѣда и онъ даже не жаловался, какъ Желябовъ, на невозможность «почитать книжку». Вообще я уѣхала изъ Петербурга въ очень тяжеломъ настроеніи. Фраза Желябова: «Помни, если твоя Москва не выручитъ, будетъ плохо!» показывала ясно, насколько положеніе шатко.....

14. Михайловъ совершенно не грѣшилъ честолюбіемъ; для него его собственная личность отождествлялась всецѣло съ дѣломъ. Если онъ и бывалъ иногда черезчуръ *autoritaire*, то только потому, что думалъ, что требуетъ отъ другихъ должнаго, и требуя, онъ совершенно забывалъ о собственной особѣ, о томъ, на примѣръ, что его тонъ рѣзокъ, что его слова похожи на приказанія. Этого часто и не могли понять нѣкоторыя изъ женщинъ, но и ихъ обезкураживало его удивленіе, которое онъ обнаруживалъ, когда ему дѣлали замѣчанія.

квартиру этажемъ выше. Городовой ее пропустилъ, она поднялась наверхъ и выждавъ мигнугу, спустилась обратно внизъ и благополучно ушла изъ опаснаго дома.

¹⁾ М. П. и Телаловъ были уполномоченными Комитета въ Москвѣ, создали тамъ сильную группу и ея развѣтвленія среди учащейся молодежи и рабочихъ.

«Какое тебѣ дѣло до тона, или до словъ, ты должна смотрѣть на дѣло: дѣло я говорю или нѣтъ», отвѣчалъ онъ обыкновенно. Ничего личного, ни малѣйшей позы—отличительныя черты Михайлова, и Желябовъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы этого не понять. Единственная стычка между ними, которую я помню, произошла именно изъ-за тона Михайлова, гдѣ Желябовъ ему замѣтилъ, что онъ могъ бы постараться говорить другимъ тономъ; Михайловъ на это отвѣтилъ, что онъ не дамскій кавалеръ и сидитъ не въ гостиной. Все это такія мелочи, о которыхъ рѣшительно не стоитъ говорить.

15. О функционированіи типографіи смотри у Степняка. Редакція выбиралась Комитетомъ и дѣйствовала самостоятельно. Но по большей части руководящія статьи читались жившимъ въ Петербургѣ членамъ и часто ими же намѣчались. Ничего характернаго въ этомъ отношеніи не помню.

16. Отъ либераловъ никогда не ждали самостоятельныхъ дѣйствій, придавали имъ значеніе постольку, поскольку они являлись пособниками, сочувствующими..... И только какъ таковыхъ ихъ приходилось иногда менажировать. Всегда думали на нихъ *воздѣйствовать*, а не входить съ ними въ тѣ или иныя соглашенія. Единственные переговоры съ либералами, имѣвшіе характеръ взаимныхъ уступокъ (съ нашей стороны фиктивныхъ) происходили за-границей уже (въ 1882 и 83).

17. Степнякъ къ военнымъ не имѣлъ ровно никакого отношенія.

18. До 1-го марта «заграницѣ» вообще значенія не придавалось. Но Степнякъ всегда считался своимъ человѣкомъ, на котораго въ случаѣ чего можно было рассчитывать, больше всего, какъ на террориста. О немъ установилось мнѣніе, какъ о хорошемъ товарищѣ, и онъ цѣнился, какъ таковой.

За нимъ признавался литературный талантъ и умѣніе производить хорошее впечатлѣніе на публику. Послѣ дѣла Мезенцева онъ скоро уѣхалъ за-границу. Сношенія съ нимъ были очень неправильныя и, если остановились на немъ, какъ на возможномъ редакторѣ «Вѣстника Народной Воли», то потому, что онъ былъ единственный *свой* человѣкъ (хотя и не состоялъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Комитету). Думали, что онъ сумѣетъ отстаивать мнѣнія *Комитета* и будетъ слушаться инструкцій. Съ Драгомановымъ Желябовъ вступилъ въ сношенія, такъ сказать, на свой страхъ: несомнѣнно здѣсь была доза политиканства.

19) Дѣло 1 марта на мѣстныхъ группы и людей, стоявшихъ вообще близко къ Комитету, не могло произвести особенно потрясающаго впечатлѣнія, т. к. всѣ ждали со дня на день этого факта. На постороннихъ же, особенно на либераловъ, дѣйствіе было несомнѣнно сильное. Одинъ либераль (мировой судья), напримѣръ, влетѣлъ какъ бомба въ комнату дочери съ крикомъ: «Вставай, вставай скорѣй! ты не знаешь, какой сегодня въ Россіи праздникъ!» Рассказывали много подобныхъ случаевъ. Большинство же, разумѣется, находилось въ недоумѣніи и величайшемъ смятеніи. Всѣ насторожились, чего то ждали, чего то боялись, на что-то рассчитывали. Никто не зналъ

на что именно. Со всѣхъ сторонъ требовали объясненій, желали видѣть «настоящихъ» членовъ партіи, желали знать, что будетъ дальше и чѣмъ можно быть полезнымъ. Тутъ то и оказалась несостоятельность организаціи: людей не было, а какіе были, должны были прежде всего заниматься собственной охраной. Многіе (Перовская, Фроленко, Сухановъ, потомъ Исаевъ) были скоро арестованы, другіе (Богдановичъ, Лебедева, Халтуринъ—впрочемъ послѣдній раньше), отправлены въ провинцію, а скоро и весь центръ переселился въ Москву. Тутъ были приняты нѣкоторые другіе члены, въ томъ числѣ Стефановичъ....

Въ Петербургъ были отправлены Корба, Грачевскій, Теллаловъ, на югъ—Вѣрочка, Тихоміровъ—въ Ростовъ, я—за границу ¹⁾).

20) Въ 1883 году организаціи уже не существовало; оставались только военные на сѣверѣ, да Вѣрочка на югѣ... Ни одного сколько-нибудь серьезнаго организатора не оставалось и дегаевщина царствовала безпрепятственно.

21) Необходимость серьезной революціонной литературы сознавалась многими очень давно. «Мы тогда только будемъ серьезной силой, когда у насъ будетъ серьезная революціонная литература, которая могла бы отвѣчать на массу теоретическихъ вопросовъ, которыхъ газета «Народная Воля» не можетъ и касаться», говорили и Желябовъ, и Тихоміровъ, и друг. Мысль о созданіи органа за границей оставалась именно потому, что тамъ не было своихъ людей.....

Объ отношеніи Петра Лавровича къ «Народной Волѣ» долго ничего не знали и считали его скорѣе противникомъ нашего способа дѣйствій. Кажется, только съ пріѣзда Стефановича окончательно выяснился характеръ отношенія П. Л. къ «Народной Волѣ» и, если не ошибаюсь, письмо къ нему было послано Стефановичемъ черезъ Дейча. Если же первое письмо было послано раньше, то оно могло попасть черезъ чернопередѣльцевъ потому, что нѣкоторыя сношенія съ ними были и раньше, помню, что еще послѣ первыхъ покушеній, Стефановичъ и Дейчъ предлагали свои услуги за границей. На остальные вопросы этого § отвѣчено выше.

22) Красный Крестъ существовалъ собственно съ незапамятныхъ временъ, т. е. всегда были кружки и отдѣльныя лица, помогавшіе ссыльнымъ и заключеннымъ. Правильная же организація создана Богдановичемъ въ Москвѣ *послѣ* 1-го марта; онъ же и писалъ уставъ (правда съ помощью другихъ, такъ какъ Богдановичъ слыш-

¹⁾ М. Н. уѣхала за границу послѣ московскаго провала. Въ Москвѣ между прочимъ были арестованы Стефановичъ, Булановъ, Юрій Богдановичъ и др. М. П. и Богдановичъ жили въ это время на одной квартирѣ; они замѣтили за собой слѣженіе. М. Н., поднимаясь по лѣстницѣ, замѣтила какъ изъ-за стоящаго тамъ шкафа выглядывала фигура свщника, а въ стоящемъ во дворѣ кучерѣ узнала начальника московской охраны. Они съ Богдановичемъ рѣшили убраться изъ квартиры и благополучно ушли. Прошло дня два-три, никто квартиры не трогалъ, Богдановичъ рѣшилъ, что онъ успеетъ еще разъ зайти на квартиру и сможетъ забрать тамъ кое-что, что ему казалось цѣннымъ. Его отговаривали, но онъ все таки пошелъ и былъ тамъ арестованъ.

М. Н. была отправлена за границу, между прочимъ, съ порученіемъ и полномочіями организовать изданіе народовольческаго журнала.

комъ мало полагался на себя для того, чтобы брать что бы то ни было на свой страхъ).

23) О дѣятельности С. Х. ¹⁾ ничего не могу припомнить такого, что не было бы извѣстно.

24) О дѣятельности Дегаева только и извѣстно, что онъ выдалъ все и всѣхъ, разсчитывая, по его словамъ, на развалинахъ прошлаго создать нѣчто, гораздо болѣе прочное. Видя, что это ему не удастся, онъ и явился за границу приносить покаяніе и предложить себя въ полное распоряженіе тѣхъ, кому каялся. Дегаевъ, по моему мнѣнію, страдалъ маніей величія и даже, разсказывая о своихъ подлостяхъ, казалось, ждалъ восхищенія или во всякомъ случаѣ удивленія передъ стойкостью его характера, выдержанностью, умѣніемъ носить маску и пр.

25) О дѣятельности Лопатина можно судить по его письмамъ. Ему пришлось взять на себя слишкомъ большую роль, съ которой при другихъ обстоятельствахъ онъ бы, разумѣется, справился, но въ то время царствовала слишкомъ большая путаница, разрозненность силъ, недоувѣріе..... Годныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ нескомпromитированныхъ дегаевщиной почти не было.....

26) Право, отвѣтить на это трудно. Польза «Вѣстника Народной Воли», мнѣ кажется, была не больше той, какую вообще могутъ принести изданія этого рода. Несомнѣнно, что это изданіе поддерживало бодрость духа остатковъ русскихъ «старыхъ» народовольцевъ и очень помогало ихъ дѣятельности. Но «Вѣстникъ Народной Воли» слишкомъ мало сдѣлалъ для выясненія программныхъ вопросовъ партіи и въ этомъ его крупная ошибка.

27) Прекращеніе «Вѣстника Народной Воли» объясняется просто исчезновеніемъ всякаго слѣда старой организаціи, уныніемъ и безнадёжностью, царствовавшими повсюду.

28). Думаю, что можно. «Землю и Волю» я характеризовать не берусь, оцѣнку же дѣятельности «Народной Воли» въ общемъ мнѣ кажется можетъ сдѣлать теперь всякій, непредубѣжденный въ ту или другую сторону человекъ.

¹⁾ Степанъ Халтуринъ.

Красноярскъ въ концѣ 1905 года.

(Наброски по воспоминаніямъ).

I.

Знаменитая октябрьская забастовка 1905 года вспыхнула у насъ 13-го числа. Въ этотъ день, по инициативѣ мѣстнаго социаль-демократическаго комитета, состоялось многолюдное, почти въ 3000 человекъ, собраніе рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо, съ замѣчательнымъ единодушіемъ постановившее примкнуть ко всеобщей російской стачкѣ, не выставляя никакихъ собственныхъ требованій. На другой день рабочіе снова собрались въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и, выслушавъ нѣсколькихъ ораторовъ, говорившихъ о политической свободѣ, булыгинской Думѣ и значеніи всеобщей забастовки, въ 10 часовъ утра отправились снимать работавшихъ въ монополіи, типографскихъ и мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ, приказчиковъ въ магазинахъ, служащихъ и конторщиковъ во всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ и учащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ. И вездѣ ихъ встрѣчали съ нескрываемой радостью. Не говоря о приказчикахъ, уже прекрасно организованныхъ и ждавшихъ только сигнала, чтобы самими запереть свои лавки, не говоря объ учащихъ, всегда готовыхъ принять участіе въ массовомъ движеніи, слѣдуетъ сказать, что даже огромное большинство чиновниковъ безпокойно сидѣло въ этотъ день на своихъ стульяхъ, съ нетерпѣніемъ ожидая прихода рабочихъ. Почтово же телеграфные чиновники, видя, что ихъ забыли, сами послали гонцовъ съ просьбой лишить ихъ возможности работать. Конечно, имъ доставили это удовольствіе. Всѣ въ этотъ день были охвачены какимъ-то безпокойнымъ, нервнымъ и вмѣстѣ радостнымъ чувствомъ. Даже большинство хозяевъ разнаго рода заведеній охотно шло навстрѣчу предложенію прекратить занятія и отпустить своихъ служащихъ. Къ 12-ти часамъ дня забастовка была полная и многочисленная. Толпа народа, собравшись сначала передъ Народнымъ домомъ, затѣмъ заняла его и открыла митингъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ первый въ центрѣ города митингъ былъ вполне удаченъ. Къ нему совершенно не подготовились и председателю его, социаль-демократу, почти одному пришлось вынести все засѣданіе на своихъ плечахъ, держа рѣчь передъ многочисленной ауди-

торіей, съ небольшими перерывами, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Она была посвящена выясненію роли рабочаго класса въ дѣлѣ борьбы съ русскимъ самодержавіемъ, ознакомленію съ социаль-демократической программой и приглашенію добывать необходимыя народу свободы путемъ захвата.

Но разъ начавшись, митинги въ Народномъ домѣ пошли непрерывно одинъ за другимъ и изо дня въ день. На нихъ стали выступать ораторами не только социаль-демократы, да и послѣдніе стали выставлять ораторовъ не по одному, а по нѣсколько въ теченіе дня.

Особеннымъ успѣхомъ пользовались рѣчи, посвященныя критикѣ самодержавнаго режима, приведшаго Россію къ позорному пораженію на войнѣ и къ народному разоренію. Впервые въ Красноярскѣ, въ центрѣ города, раздалось въ многотысячной аудиторіи свободное слово и видно было, что падало оно на чрезвычайно благодарную почву. Интересъ со стороны населенія къ этимъ, до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ, митингамъ былъ проявленъ необычайный.

Обширный театральный залъ съ верху до низу до такой степени наполнялся публикой, что не было возможности пробраться черезъ партеръ, а на балконахъ и галлереѣ были заняты не только всѣ мѣста, но и всѣ проходы; даже колонны были облѣплены жадно внимающими слушателями. Сзади ораторовъ, на сценѣ, стояла такая же густая толпа и стоило не малаго труда добраться до предсѣдательскаго столика, за которымъ обычно сидѣлъ маленькій сутулый чловѣкъ въ очкахъ, извѣстный въ городѣ подъ кличкой «маленькаго» или «предсѣдателя». Повиновалась эта огромная масса народа своему «предсѣдателю» поразительно. Не разъ въ послѣдствіи на «правильно» организованныхъ собраніяхъ мнѣ приходилось видѣть, что присутствующіе, шикая, кашляя и стуча, не давали говорить «неудобному» оратору. Здѣсь этого не было. Разъ слово было предсѣдателемъ представлено оратору, послѣдній могъ быть спокоенъ, что мысль свою въ рѣчи онъ сумеетъ развить до конца.

И удивительно жадно эта многотысячная толпа внимала всѣмъ раздававшимся съ этой живой трибуны рѣчамъ. Даже рѣчи совсѣмъ неудачныя по формѣ выслушивались внимательно и награждались аплодисментами, если въ нихъ сквозила мысль, отвѣчавшая общему настроенію. Рѣчи-же удачныя по формѣ, красиво или ясно формулировавшія то горькое чувство, которое у огромнаго большинства присутствующихъ давно уже накопѣло въ груди, или рѣчи, смѣло рисовавшія способы борьбы съ угнетающимъ народъ произволомъ, вызывали бури восторга и громъ аплодисментовъ.

Такъ дѣло шло до 18-го октября, когда и до насъ дошелъ знаменитый манифестъ, обѣщавшій взволнованному народу всѣ свободы. Съ этого дня дѣло пошло иначе.

Когда въ городѣ пронеслась вѣсть, что телеграфъ передалъ манифестъ, провозгласившій конституцію, то встрѣчена эта вѣсть была недовѣрчиво, такъ какъ у всѣхъ на памяти была еще «конституція» 11-го августа. Тѣмъ не менѣе улицы наполнились народомъ, жаждавшимъ прочитать подлинный текстъ манифеста. И когда, наконецъ, онъ былъ отпечатанъ и жадно прочитанъ, то казалось всѣ были охва-

чены общимъ радостнымъ чувствомъ удовлетворенія, торжества и надежды на свѣтлое, хорошее будущее. Отчетливо помню, какъ на улицѣ одинъ совѣтникъ губернскаго правленія, не принимавшій, конечно, никакого участія ни въ забастовкѣ, ни въ митингахъ, съ веселымъ видомъ, прокричалъ мимо ѣдущему господину: «поздравляю съ безкровной побѣдой революціи». Но этотъ общій энтузіазмъ продолжался недолго. Буржуазная, либеральная части общества были вполне довольны манифестомъ, какъ потому, что почувствовали себя нарождающейся политической силой, такъ и потому, что манифестъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ принести съ собой успокоеніе взволнованныхъ страстей, прекращеніе забастовки, установленіе нормальнаго порядка жизни, выбитой въ послѣдніе дни совсѣмъ изъ колеи, и, — что также представлялось существеннымъ для многихъ и многихъ, — прекращеніе опасности быть разстрѣляннымъ, повѣшеннымъ или сосланнымъ за присоединеніе къ революціонному движенію. Рабочія-же массы, въ наиболѣе сознательныхъ и активно вовлеченныхъ въ политическую борьбу частяхъ своихъ, такого удовлетворенія не испытали. Манифестъ говорилъ о расширеніи избирательнаго права, но не о всеобщемъ избирательномъ правѣ и онъ только обѣщалъ свободы, но не давалъ еще ихъ. Самодержавіе пало, это было ясно для всѣхъ; но падая, оно стремилось оставить лазейки для отставанія позиціи въ будущемъ и это чувствовалось. Революціонные рабочіе быстро увидѣли, что манифестъ не даетъ особенной побѣды для рабочихъ, какъ класса, и что онъ, удовлетворяя часть вовлеченныхъ въ революціонное движеніе силъ, отвлекаетъ ихъ отъ продолженія борьбы. Отсюда страстная и ожесточенная критика манифеста со стороны агитаторовъ, выступавшихъ отъ имени рабочихъ, на первыхъ же митингахъ, которые теперь происходили все въ томъ же Народномъ домѣ и какъ бы уже на законномъ основаніи, а не по захватному, какъ было ранѣе, праву. На этихъ то митингахъ и сказалась та рѣзкая разница, какая была въ стремленіяхъ передовыхъ слоевъ буржуазіи и передовыхъ слоевъ пролетаріата. Ораторы первыхъ старались выяснитъ передъ слушателями огромное значеніе одержанной побѣды и усиленно подчеркивали паденіе абсолютизма, который они трактовали теперь въ очень смѣлыхъ выраженіяхъ. Ораторы-же рабочихъ, стараясь поддержать революціонное настроеніе массъ, впадали въ другую крайность, утверждая, что манифестъ не имѣетъ никакого значенія и что для завоеванія настоящей свободы, которую они связывали теперь съ непремѣннымъ проведеніемъ въ жизнь 8 часового рабочаго дня, необходимо вооруженное возстаніе и установленіе учредительнымъ собраніемъ республиканскаго образа правленія.

Хотя передовая буржуазія, среди которой было немало и радикально настроенныхъ элементовъ, хорошо понимала, что крайнія группы берутъ черезъ край, но ничего не могла сдѣлать для приданія движенію болѣе умѣренныхъ формъ. Съ одной стороны, вовлеченныя въ движеніе народныя массы были слишкомъ еще взволнованы и уже потому боевыя рѣчи крайнихъ ораторовъ имъ болѣе нравились; видя-же это, многіе вліятельныя лица изъ общества не рѣшались поднимать свой голосъ, чтобы не уронить популярность; съ другой стороны, ли-

бералы съ самаго начала не играли въ движеніи столь крупной роли, чтобы имѣть достаточно авторитета и овладѣть движеніемъ въ послѣдующій моментъ. Здѣсь сыграло также, безъ сомнѣнія, роль и то общее интеллигентамъ убѣжденіе, которое они вынесли изъ знакомства съ западно-европейскими революціями,—убѣжденіе, что революціонныя побѣды, заканчивающіяся компромиссами, идутъ всегда на пользу лишь одной буржуазіи, тогда какъ пролетаріатъ, дѣйствительно свободу завоевавшій, оттѣсняется на второй или третій планъ и остается ни съ чѣмъ. Это усиленно подчеркивалось на всѣхъ митингахъ ораторами социалистами и съ этимъ положеніемъ ораторы либералы и радикалы не умѣли бороться, такъ какъ и они, повидимому, были того же мнѣнія. Но это положеніе логически приводило къ выводу о необходимости вести борьбу дальше, хотя бы и силами однихъ рабочихъ, и путемъ захватнаго права осуществить программу minimum рабочаго класса. «Какъ путемъ захватнаго права мы приобрѣли свободу собраній и слова, говорили ораторы социаль-демократы, такъ мы приобрѣтемъ и всѣ остальныя свободы, а также и необходимый намъ 8 часовый рабочий день». И такъ какъ свободы слова и собраній дѣйствительно были осуществлены въ эти дни путемъ захватнаго права, то казалось возможнымъ и легкимъ воплотить въ жизнь этимъ же путемъ и другія стремленія и желанія рабочаго класса. Тогда еще не была испытана сила сопротивленія тѣхъ слоевъ населенія, которые не принимали въ революціи участія, и особенно сила сопротивленія слоевъ, враждебныхъ революціи. Но объ этомъ послѣ.

Итакъ, митинги въ Народномъ домѣ и послѣ 18 февраля продолжались, продолжалась и стачка на желѣзной дорогѣ и въ кое-какихъ промышленныхъ заведеніяхъ и были такъ-же закрыты всѣ магазины, имѣвшіе приказчиковъ. Губернскія власти, напуганныя революціоннымъ движеніемъ и сбитыя съ позиціи манифестомъ, совершенно притихли и не подавали признаковъ жизни. Между тѣмъ сама забастовка вызвала цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Такъ, на примѣръ, вблизи Красноярска находились желѣзнодорожныя станціи, получавшія продукты изъ Красноярска. Спрашивается—можно ли было послать туда поѣздъ, какъ объ этомъ ходатайствовали живущіе тамъ желѣзнодорожныя служащіе и рабочіе? Забастовочный комитетъ такого рода вопросы могъ, безъ сомнѣнія, рѣшать собственной властью, но онъ предпочелъ предлагать ихъ на разрѣшеніе «народному собранію», т. е. всей случайно собравшейся на митингъ въ Народномъ домѣ народной массѣ. Тутъ же разрѣшались вопросы объявленій бойкота заводчикамъ, препятствовавшимъ рабочимъ уходить на народныя собранія, торговцамъ, не желавшимъ закрывать свои магазины, педагогамъ, стѣснявшимъ чѣмъ-либо воспитанниковъ учебныхъ заведеній, ранѣе прославившимся реакціоннымъ дѣятелямъ и пр., и пр. И одушевленіе присутствовавшихъ на митингахъ народныхъ массъ было еще столь велико, что объявленіе бойкота могло вести къ весьма неприятымъ послѣдствіямъ, почему почти всѣ лица, проступки которыхъ противъ «постановленій народа» обсуждались на этихъ собраніяхъ, считали за благо или сами являются для дачи объясненій, когда собраніе ихъ требовало, или присылать пись-

менныя объясненія. Обычно послѣ такихъ объясненій бойкотъ не налагался или снимался, если былъ уже наложенъ. Къ чести руководителя этихъ митинговъ, такъ называемаго «предсѣдателя» или «маленькаго», надо отмѣтить, что онъ всячески старался сдерживать порывы г.г. бойкотистовъ, желавшихъ объявить подъ бойкотомъ чуть ли не половину городского населенія. Но самой эффектной картинкой на этомъ импровизированномъ народномъ судѣ было появленіе мѣстнаго воинскаго начальника, г. Приходченко. Отъ группы солдатъ въ забастовочный комитетъ поступила на него жалоба, указывавшая на дурное содержаніе и еще на какія-то прегрѣшенія. Жалоба эта была доложена «митингу», и было сдѣлано предложеніе послать за г. Приходченко, чтобы выслушать его объясненія. Немедленно было командировано за г. Приходченко нѣсколько человекъ, и черезъ какихъ-нибудь 20—30 минутъ на сценѣ театра появилась чрезвычайно характерная, крупная фигура г. воинскаго начальника, въ николаевской шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ. Фигура эта протискалась черезъ густую толпу «гражданъ и гражданокъ», въ большинствѣ одѣтыхъ въ рабочіе костюмы; предсѣдатель позвонилъ въ колокольчикъ, предлагая собранію прислушаться къ объясненіямъ, которыя имѣетъ дать г. воинскій начальникъ, и послѣдній, обращаясь къ предсѣдателю, началъ что-то неразборчиво говорить. Предсѣдатель объяснилъ затѣмъ, что г. Приходченко считаетъ жалобу солдатъ неправильно направленной по его адресу. Такъ какъ солдатъ жалобщиковъ въ личности не было, то этимъ объясненіемъ пришлось удовлетвориться, и предсѣдатель задалъ собранію вопросъ, можно-ли отпустить г. воинскаго начальника. Собраніе разрѣшило отпустить, и г. воинскій начальникъ, сдѣлавъ подъ козырекъ предсѣдателю, удалился.

Въ этомъ появленіи на митингѣ воинскаго начальника и въ томъ, что онъ откозырялъ «какому-то самозванному предсѣдателю», значительная часть офицерской реакціонно настроенной среды увидѣла тяжкое для себя оскорбленіе. ¹⁾

Реакція надвигалась съ другихъ сторонъ. Желѣзнодорожная забастовка и закрытіе всѣхъ магазиновъ города причиняли населенію большія неудобства. До манифеста съ этимъ мирились, такъ какъ, если не для всѣхъ, то для большинства, была ясна цѣль забастовки: добиться политической свободы и расширенія избирательнаго права. Но продолженіе забастовки послѣ манифеста для очень многихъ и многихъ, несмотря на всѣ разъясненія ораторовъ крайнихъ партій, осталось совершенно непонятнымъ. Это хорошо учили реакціонеры, до 17 октября или, вѣрнѣе, до 18-го смирно сидѣвшіе въ своихъ углахъ. Теперь они начали нащупывать подъ ногами почву и быстро развивать контръ-революціонную пропаганду въ обширныхъ мѣщанскихъ слояхъ городского населенія. Такъ началось разслоеніе гражданъ на двѣ враждебныя группы.

¹⁾ Приходченко за свое появленіе на митингѣ и козырпаніе былъ впоследствии устраненъ отъ должности, но затѣмъ, во вниманіе къ его прежнему безупречно реакціонному направленію и поведенію, вновь опредѣленъ на то же мѣсто съ переводомъ, однако въ какой-то глухой городокъ Вологодской губерніи.

Правда, не все мѣщанство стало всецѣло на сторону реакціонеровъ. Послѣдующее голосованіе по выборамъ въ Государственную Думу показало, что «истинно-русскихъ людей» въ Красноярскѣ сравнительно немного. Но временно они приобрѣли большое значеніе, такъ какъ ихъ стали поддерживать умѣренные слои населенія, наиболѣе недовольные продолженіемъ забастовки. Такимъ образомъ противъ революціоннаго движенія выростала значительная сила, сдѣлавшаяся вскорѣ грозной, благодаря активной поддержкѣ тайной и явной полиціи, офицерства и казачьихъ войскъ. И въ то время, какъ революціонная группа съ каждымъ дальнѣйшимъ днемъ забастовки слабѣла, сама не замѣчая этого, ибо на митингахъ все такъ-же много бывало народу, реакціонная—росла, ибо недовольство забастовкой все усиливалось, и никто не зналъ, когда-же она наконецъ кончится.

21 октября, какъ извѣстно, празднуется восшествіе на престолъ царствующаго Государя. Тайные и явные вожаки реакціи рѣшили устроить въ этотъ день патріотическую манифестацію и вмѣстѣ съ тѣмъ дать сраженіе революціонерамъ. Въ официальную программу, впрочемъ, входили только молебны на площадяхъ, шествіе по городу со знаменами, царскими портретами и иконами и въ заключеніе приличная случаю рѣчи въ какомъ либо обширномъ помѣщеніи. Такъ какъ Народный домъ былъ занятъ «революціей», то «патріоты», со своимъ признаннымъ вожакомъ А. Г. Смирновымъ, во главѣ, наканунѣ 21 октября обратились къ совѣту старшинъ общественнаго собранія съ просьбой уступить залъ. Эта просьба чрезвычайно взволновала членовъ собранія, въ послѣдствіи оказавшихся почти сплошь кадетами. Были пущены въ ходъ всѣ усилія, что бы уговорить депутацію, если не совсѣмъ оставить мысль объ устройствѣ патріотической манифестаціи, то, по крайней мѣрѣ, отложить ее на нѣсколько дней, когда улягутся страсти и минетъ опасность кроваваго столкновенія. Члены партіотической депутаціи какъ будто начинали колебаться. Но замѣтивъ это, Смирновъ рѣзко сказалъ: «это рѣшено» и вышелъ, уведя за собой остальныхъ. Это заявленіе было понято такъ, что за нимъ стоятъ другія лица, съ которыми у него было принято рѣшеніе и которыя пожелали остаться неизвѣстными. Конечно, общественное собраніе своего помѣщенія не дало; его дала мѣщанская управа, сдѣлавшаяся центромъ сборищъ «истинно-русскихъ людей, именовавшихся въ Красноярскѣ «союзомъ мира и порядка».

II.

Наступило 21 октября. Въ воздухѣ чувствовалась гроза. Состояніе духа у меня, по крайней мѣрѣ, и многихъ, и многихъ, какъ я думаю, было отвратительное; ужасно предвидѣть, считать почти неизбежной какую-то страшную катастрофу и чувствовать себя совершенно безсильнымъ предупредить ее. Всетаки я отправился въ Народный домъ со слабой надеждой уговорить собравшихся тамъ лицъ разойтись по домамъ и тѣмъ устранить поводъ для кроваваго, какъ мнѣ казалось, столкновенія. Народный домъ былъ уже цѣликомъ за-

полненъ народомъ. Въ какихъ-нибудь четверть часа я убѣдился, что всякіе уговоры и увѣщанія бесполезны. Господствовала мысль, что разойтись теперь—значило бы обнаружить страхъ передъ черной сотней и способствовать поднятію ея престижа, что, наоборотъ, необходимо остаться, чтобы въ случаѣ нужды дать надлежащій отпоръ. Наканунѣ еще революціонеры уговорились явиться вооруженными, чтобы составить охрану собравшейся въ Народный домъ публики. Среди послѣдней было много женщинъ и подростковъ. Неоднократно предсѣдатель обращался къ собравшимся съ предупрежденіемъ, что оставаться на митингѣ не безопасно, и просилъ удалиться тѣхъ, кто боится возможнаго столкновенія. Быть можетъ кое кто и ушелъ, но едва ли домой, въ свою нору. Около Народнаго дома была также масса народа и выходящіе изъ него задерживались здѣсь, а приходившіе позже входили, и, быть можетъ, многіе изъ нихъ не слышали предупрежденій предсѣдателя. Видя, что ничего нельзя сдѣлать, я вышелъ въ толпу на улицу и здѣсь увидѣлъ свою жену въ кругу знакомыхъ. Такова въ этотъ день была притягательная силы улицы. Весь городъ, возбужденный циркулировавшими еще наканунѣ слухами, былъ возбужденъ до послѣдней степени и никому не сидѣлось дома; всѣмъ хотѣлось видѣть своими глазами, что и какъ произойдетъ.

Мимо проѣхала масса извозчиковъ по направленію отъ новаго къ старому собору. Они къ условленному часу спѣшили быть на сборномъ пунктѣ патріотической манифестаціи. Эта вереница экипажей показала, что манифестація будетъ, что она не разстроилась; и любопытно, что въ этотъ часъ во всемъ городѣ трудно было нанять извозчика; всѣ они отвѣчали, что заняты, хотя и не имѣли сѣдоковъ.

Черезъ часъ или полтора показалась, наконецъ, вдали улицы процессія. Впереди шли съ иконами, царскими портретами, плакатами и знаменами члены «союза мира и порядка». Было много военныхъ, кое кто изъ купцовъ, служащіе въ городскихъ учрежденіяхъ и масса мѣщанства. Мнѣ кажется, что эта процессія собрала тысячу или полторы народа. Замыкалась она длинной вереницей извозничьихъ экипажей, придававшихъ ей растянутый и болѣе внушительный видъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Собравшіеся около Народнаго дома разступились на обѣ стороны улицы, чтобы пропустить эту процессію. Когда голова ея поровнялась съ Народнымъ домомъ, то со стороны ея участниковъ раздались крики «ура» и стали бросаться вверхъ шапки. Въ отвѣтъ раздались немногочисленные, тотчасъ же прекращенные, свистки. Съ замираніемъ сердца я смотрѣлъ, что будетъ дальше. Но ничего; голова процессіи миновала Народный домъ, миновала его середина, и затѣмъ хвостъ; крики ура и бросаніе шапокъ прекратились и постепенно процессія исчезла вдали по направленію къ новому собору. Казалось, гроза миновала. Но такъ только казалось.

У новаго собора былъ отслуженъ молебенъ и затѣмъ говорились рѣчи А. Г. Смирновымъ и еще какимъ-то господиномъ, личность котораго осталась невыясненной. Рѣчи эти клонились къ тому, чтобы возбудить толпу противъ забастовщиковъ и находящихся въ Народ-

номъ домѣ. «Они васъ хуже соломы считаютъ»,—будто бы сказалъ, между прочимъ Смирновъ. Послѣ рѣчей на площади процессія пошла въ обратный путь. Впослѣдствіи Смирновъ утверждалъ, что онъ предполагалъ провести ее по сосѣдней, Гостинской улицѣ, что именно таковъ былъ ихъ маршрутъ, но что какой-то неизвѣстный ему человекъ, неожиданно для него выступилъ передъ толпой съ рѣчью и увлекъ ее на Воскресенскую улицу, чтобы, какъ говорили другіе, занять Народный домъ силой. И едва на этотъ разъ процессія поровнялась съ Народнымъ домомъ, какъ раздались выстрѣлы и часть манифестантовъ кинулась къ дверямъ Народнаго дома. Къ счастью, они получили отпоръ со стороны революціонной охраны и отступили. Но едва слышались выстрѣлы, какъ изъ находившагося въ полу-кварталѣ двора старой почты, какъ бы по заранѣе условленному сигналу, выбѣжала сотня, квартировавшихъ здѣсь казаковъ, и съ криками «ура» присоединились къ осаждавшимъ Народный домъ манифестантамъ. Все это происходило уже подъ вечеръ и въ сумеркахъ. Началось дикое избіеніе. Ловили и били на смерть тѣхъ, кто въ первые моменты осады, думая избѣжать опасности, выходилъ боковыми дверями Народнаго дома и показывался на улицѣ. Били одинаково варварски и мужчинъ и женщинъ. Съ самаго начала старались оглушить по головѣ чѣмъ-нибудь сзади и затѣмъ, когда жертва падала, накидывались сразу по нѣсколько человекъ, нанося удары, по чѣмъ попало, кулаками и ногами. Женщинъ почему-то предпочитали бить по животу, но не щадили и головы. Товарищъ прокурора П. Н. Ераковъ, молодой человекъ, сынъ сенатора, узнавъ о происходящемъ, кинулся на мѣсто дѣйствія, не думая объ опасности и надѣясь кого нибудь спасти. Били какихъ-то двухъ женщинъ, уже потерявшихъ сознание и распростертыхъ на землѣ. «Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете?!—закричалъ онъ и кинулся поднимать лежавшихъ.—«А, и ты изъ этихъ!»—«Я товарищъ-прокурора, вы видите мой мундиръ». Въ отвѣтъ онъ получилъ ударъ, за которымъ послѣдовали другіе, и впослѣдствіи весь израненный и избитый, онъ былъ доставленъ въ безнадежномъ состояніи на свою квартиру. Слѣдуетъ отмѣтить, что смертельная рана была нанесена ему по заключенію врача, по всей вѣроятности, шашкой.

— «Кажись, издохла подлая»—услышала, какъ сквозь сонъ, одна изъ избивавшихся женщинъ; везите, братцы, въ больницу»—и ее взвалили на одного изъ участвовавшихъ въ процессіи извозчиковъ, бросили поперекъ пролетки такъ, что руки ея волочились по землѣ и головой она билась о крылья. Когда ее поднимали, у нея вырвался болѣзненный стонъ и она получила еще одинъ сильный ударъ по животу сапогомъ. Безпрерывно подвозили къ больницѣ избитыхъ до потери сознания, превращенныхъ въ одинъ сплошной кровоподтекъ. Многие изъ нихъ были уже мертвы, другіе умирали. Всего было убито на мѣстѣ 10 человекъ и тяжело пострадало до 40. Изъ раненныхъ умерло еще 5 человекъ. Пострадавшіе за весьма не большими исключениями не принадлежали къ революціонерамъ и только немногіе изъ нихъ были евреями. Былъ, напримѣръ, убитъ одинъ престарѣлый врачъ, только наканунѣ пріѣхавшій съ золотыхъ присковъ и изъ любопыт-

ства пошедшій въ Народный домъ на митингъ; былъ, какъ уже отмѣчено, избить и потомъ умеръ товарищъ-прокурора, самоотверженно исполнявшій свой долгъ; былъ тяжело избить нотариусъ, впослѣдствіи присоединившійся къ партіи демократическихъ реформъ; была избита дама изъ общества; пострадали даже черносотенцы и при томъ отъ своихъ. Тѣ же, кого хотѣли избить, этой участи избѣжали. Хотѣли избить, вѣрнѣе убить вожаковъ революціи, но подъ этимъ именемъ разумѣли не только руководителей забастовки и агитаторовъ-революціонеровъ, но вообще всѣхъ ораторовъ, выступавшихъ въ народномъ домѣ, и тѣхъ изъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ, которыя съ самаго начала движенія 1905 года открыто выступили сторонниками политической свободы. Предполагали, что вся «революція» находится въ Народномъ домѣ и хотѣли туда ворваться. Если бы это удалось, несомнѣнно, произошло бы нѣчто еще болѣе ужасное, чѣмъ выше описано; жертвы считались бы, какъ въ Томскѣ, сотнями. Но ворваться не удалось, такъ какъ вооруженная охрана быстро заняла выходы Народнаго дома и быстро револьвернымъ огнемъ заставила отступить нападавшихъ. Въ сущности защитниковъ въ Народномъ домѣ было немного, всего нѣсколько десятковъ человѣкъ на тысячи полторы тамъ находившихся, и взять домъ приступомъ было бы при большей храбрости нетрудно, но, къ счастью, храбростью г.г. манифестанты не отличались. Они предпочли избіеніе поодиночкѣ сразу имъ попавшихся и тѣхъ, которые пытались ускользнуть изъ Народнаго дома черезъ заборы задними дворами. Любопытно, что и въ самомъ Народномъ домѣ огромное большинство присутствовавшихъ вовсе не принадлежало къ революціонерамъ. Не говоря уже о томъ, что не мало было просто любопытныхъ женщинъ и подростковъ, масса состояла изъ обыкновеннѣйшихъ городскихъ обывателей, не успѣвшихъ еще преобразиться въ гражданъ. Революціонная волна немного приподняла ихъ изъ обыденщины, но ни въ коемъ случаѣ это не были активные элементы революціи. Многие изъ нихъ даже плохо разбирались въ происходившихъ политическихъ событіяхъ и отсюда происходило, что жившіе согласно между собой члены одной и той же семьи оказывались—одни въ осажденномъ домѣ, а другіе среди осаждающихъ. Такъ, шапочникъ Петровъ, достаточно погулявъ среди манифестантовъ, пошелъ въ свою квартиру и тамъ узналъ, что жена его находится въ Народномъ домѣ. Еще лучше отличился весьма почтеннаго вида старецъ Н. Яростно потрясая кулаками, онъ говорилъ, что всѣхъ находящихся въ осажденномъ домѣ изверговъ, слѣдуетъ сжечь, и, придя домой, узналъ, что среди этихъ изверговъ находится его любимый и единственный сынъ. Не чувствуя подъ собою ногъ, побѣждалъ онъ обратно и столь же искренно восклицалъ: «братцы, да что же вы дѣлаете, вѣдь мы же не нехристи какіе нибудь, а христіане, ихъ вразумлять надо, а не бить.»

Прибыли наконецъ на мѣсто дѣйствія и власти: и. д. губернатора съ полиціей и высшіе военные чины. Они расположились штабомъ напротивъ Народнаго дома, въ помѣщеніи казенной палаты. Избіенія прекратились, если не считать отдѣльныхъ случаевъ озорства со стороны прискакавшихъ довольно скоро къ Народному дому

конныхъ казаковъ мѣстной сотни. На ихъ глазахъ и подъ ихъ покровительствомъ происходили вышеописанныя отвратительныя картины варварскихъ истязаній. Передаютъ случаи, что преслѣдуемые и избиваемые вырывались и среди казаковъ надѣялись найти спасеніе, но ихъ отбрасывали обратно на потѣху расходившихся хулигановъ. И только, когда прибыли солдаты, расположенныхъ въ городѣ полковъ, водворился относительный порядокъ.

Теперь предстояло освободить Народный домъ отъ находившихъ въ немъ до сихъ поръ спасеніе гражданъ. Именно надъ этой задачей ломали голову въ помѣщеніи казенной палаты собравшіеся тамъ власти. Туда же проникли и представители мѣстнаго общества, предложившіе свои услуги для переговоровъ съ засѣвшими. Парламентаремъ отправился Вс. М. Крутовскій. Нѣсколько разъ онъ ходилъ впередъ и обратно, и стойко, при поддержкѣ другихъ лицъ изъ общества, отстаивая передъ губернаторомъ интересы осажденныхъ, добился весьма благоприятныхъ условій.

Надо сказать, что исправлявшій во все наше революціонное время должность губернатора, вице-губернаторъ Соколовскій не принадлежалъ къ числу любителей крови и если съ трудомъ, а не сразу уступилъ требованіямъ, поставленнымъ осажденными, то причинами тому были давленіе здѣсь-же находившихся военныхъ, съ пѣной у рта доказывавшихъ, что у засѣвшихъ должно быть отобрано оружіе и всѣ они должны быть переписаны,—и опасеніе, какъ бы уступчивость не была въ болѣе высокиихъ сферахъ найдена неотвѣчающей моменту.

Но прямыхъ, свирѣпыхъ директивъ тогда, повидимому, еще не было получено, и вопросъ приходилось рѣшать на свой страхъ. Г. Соколовскій счелъ за благо не вооружать противъ себя тѣхъ частей населенія, которыя всего нѣсколько дней назадъ, благодаря проявленному во всей странѣ единодушію, получили манифестъ, общавшій всѣ свободы. И онъ уступилъ. Во 2-мъ часу ночи осажденные, не подвергаясь ни обыскамъ, ни переписи, вышли изъ Народнаго дома; проходы для нихъ не только были открыты, но и защищались солдатами. Впослѣдствіи г. Соколовскому его уступчивость была поставлена въ большую вину, а вліятельными мѣстными реакціонерами онъ открыто трактовался какъ чловѣкъ, недостойный быть носителемъ власти.

Слѣдующій день продолжалъ быть днемъ страховъ и чрезвычайныхъ волненій. Вожаки черной сотни были очень раздражены тѣмъ, что убійства и избіянія не принесли желанныхъ результатовъ. Изъ наиболѣе ненавистныхъ имъ лицъ никто не пострадалъ. «Предсѣдатель», фамиліи котораго они не знали, неизвѣстно куда скрылся; изъ ораторовъ никто не былъ убитъ и что, быть можетъ, еще хуже, не удалось избить или убить ни одного изъ видныхъ членовъ общества, ненавистныхъ потому, что они давно уже были открытыми сторонниками движенія и свободъ. Въ начальныхъ фазахъ движенія эти открытыя выступленія оказывали большое вліяніе на массы городскихъ жителей, еще плохо разбиравшихся въ политическихъ событіяхъ, и потому то реакціонеры считали главными виновниками революціи

этихъ лицъ и сосредоточили на нихъ свою ненависть. Дѣло хотѣлось поправить, были разбросаны списки, въ которыхъ значилось кого надо убить, и снова весь городъ былъ взволнованъ, ожидая грозныхъ, вѣрнѣе гнусныхъ, событій: разгромовъ и убійствъ.

Съ 12 часовъ дня въ городской думѣ собрались гласные, что-бы посовѣтоваться и что-нибудь предпринять. Надо сказать, что тамъ были не всѣ гласные, многіе, очевидно, боялись выйти изъ дома на улицу, а часть во главѣ съ А. Смирновымъ, были на сторонѣ и во главѣ черной сотни и имѣли свою главную квартиру въ зданіи мѣщанскаго общества. Но что могли сдѣлать гласные, не располагавшіе никакой физической силой, никакимъ отрядомъ, никакой стражей, и въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ ненавистные черной сотнѣ. Пять изъ нихъ А. П. Кузнецовъ, Вл. М. Крутовскій, П. И. Кусковъ, Л. А. Саввинныхъ и городской голова Шепетковскій даже значились въ проскрипціонныхъ спискахъ. Растерянные и напуганные, гласные составили коротенькое воззваніе къ населенію съ призывомъ опомниться, вспомнить завѣты Христа, вспомнить, что всѣ люди братья. Прибылъ въ думу и губернаторъ, сообщилъ, что порядокъ въ городѣ охраняютъ разъѣзды казаковъ и, прочитавъ воззваніе, нашель, что его слѣдуетъ немедленно распространить. Указаніе со стороны гласныхъ на то, что казаки ненадежная охрана, было пропущено губернаторомъ мимо ушей. Тревожило и то, что собравшіеся въ зданіи мѣщанскаго общества не пожелали придти въ думу, куда ихъ приглашали. Тогда къ мѣщанамъ поѣхалъ городской голова, г. Шепетковскій, хотя онъ только что получилъ по телефону сообщеніе, что толпа идетъ громить его домъ. Къ счастью, это сообщеніе, какъ впоследствии оказалось, было ложнымъ. Прибывъ въ мѣщанскую управу, г. Шепетковскій не нашель, однако, тамъ настроеніе слишкомъ воинственнымъ. Замѣтно наступало отрезвленіе. Среди «патріотовъ» замѣчался расколъ. Многіе, присоединяясь къ патріотической манифестаціи, вовсе не предполагали совершать убійствъ и насилій; они хотѣли лишь выразить протестъ противъ продолженія забастовки и революціоннаго движенія. Жертвы минувшаго дня были для нихъ укоромъ и угрозой, они сами теперь думали о средствахъ успокоенія взволнованнаго населенія и о томъ, что, собравшись съ силами и вновь организовавшись, революціонеры могутъ жестоко отплатить. Наличность такой части вчерашнихъ союзниковъ была огромнымъ тормазомъ для дѣятелей настоящей черной сотни. Несочувствіе затѣмъ погрому и убійствамъ со стороны губернатора, человѣка, впрочемъ, нерѣшительнаго и едва-ли способнаго примѣнить къ погромщикамъ суровыя мѣры, и главное—не сочувствіе погрому со стороны солдатъ,—вызвали у жаждавшихъ крови колебанія, неувѣренность въ успѣхѣ, страхъ пострадать самимъ. Такъ въ сомнѣніяхъ и взаимныхъ раздорахъ «патріоты» провели время до вечера, когда одержала среди нихъ верхъ болѣе умѣренная и осторожная партія, постановившая безчинствъ болѣе не производить, жить впередъ «по хорошему» и войти въ сношеніе съ рабочими желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, какъ партіей революціонной, объ установленіи на будущее время мирныхъ отношеній. Такъ прошелъ тотъ день, полный тревоги и страха; прошелъ онъ относительно благополучно, такъ какъ

было всего только два случайныхъ убійства. Несомнѣнно, что безъ прямого участія въ убійствахъ пѣшихъ казаковъ и безъ поддержки со стороны конныхъ, «патріоты» не рѣшились бы и наканунѣ на свое дерзкое выступленіе, не произвели бы своихъ гнусныхъ дѣлъ. Не обошлось здѣсь безъ какой-то тайной организаціи, оставшейся пока невыясненной, несмотря на то, что былъ убитъ товарищъ-прокурора П. Н. Ераковъ, сынъ сенатора. Ераковъ отецъ—судебный дѣятель современнаго типа,—человѣкъ карьеры и вполнѣ бюрократъ, ничѣмъ не выразилъ желанія, чтобы слѣдствіе велось энергично и попало на вѣрные слѣды. Судебный слѣдователь оказался человѣкомъ того же типа. Правда, одного субъекта, въ послѣдствіи опознаннаго и задержаннаго пострадавшимъ, г. судебный слѣдователь распорядился даже арестовать, но субъектъ этотъ немедленно бѣжалъ и это найдено было, повидимому, вполнѣ естественнымъ. Если находили средства для побѣговъ революціонеры, то тѣмъ легче ихъ было найти погромщикамъ. Тѣ и другіе имѣли сторонниковъ среди окружавшей ихъ стражи и, конечно, у вторыхъ было сторонниковъ больше, чѣмъ у первыхъ. Уже долго спустя, другой судебный слѣдователь нашелъ возможнымъ привлечь къ уголовной отвѣтственности самого организатора патріотической манифестаціи, гласнаго думы, крупнаго комерсанта и профессора духовной семинаріи, А. Г. Смирнова. Но послѣдній не дожидъ до гласнаго надъ нимъ суда. Въ него стрѣляли неизвѣстныя лица, онъ былъ раненъ въ ногу и потрясенный покушеніемъ, исключеніемъ изъ членовъ общественнаго собранія; гдѣ онъ привыкъ проводить вечера за картами, перспективой предстоящаго позора на судѣ, скончался, не вставая съ постели, хотя рана сама по себѣ и не представляла опасности.

III.

Нѣсколько дней прошло въ состояніи крайняго угнетенія. Даже похороны жертвъ патріотической манифестаціи состоялись незамѣтно. Администрація приняла мѣры, чтобы они не сопровождались демонстраціями, и не встрѣтила противодѣйствія ни со стороны революціонныхъ организацій, ни со стороны общества, опасавшагося новыхъ кровавыхъ столкновеній. Народный домъ пересталъ быть мѣстомъ митинговъ; подъ предлогомъ ремонта онъ былъ на нѣкоторое время закрытъ. Чувствовалась растерянность. Ясно было, что часть элементовъ, на которое опиралось освободительное движеніе, отошла куда то въ сторону. Внезапно выросшая въ половинѣ октября освободительная волна, какъ будто, такъ же внезапно и схлынула. Разнуздавшаяся же черная сотня все еще грозила, если не погромами и массовыми убійствами, то убійствами отдѣльныхъ лицъ, помѣщенныхъ въ проскрипціонные списки. Любопытно, что вскорѣ къ этимъ лицамъ стали подсылаться переговорщики о «мирѣ», конечно за то или иное, сравнительно скромное, вознагражденіе. «Ихъ не много, всего человѣкъ 40—говорилъ одинъ изъ такихъ вѣстниковъ истинно-русскихъ людей,—и они начинаютъ одумываться, однако еще не всѣ; но если бы имъ что нибудь дать и они бы выпили за ваше здоровье, то вамъ перестала

бы грозить опасность». Дѣло обыкновенно шло о 25—50 рѣдко 100 рубляхъ и бывали случаи, когда просимыя деньги давались.

Жизнь, повидимому, входила въ болѣе нормальную колею. Желѣзная дорога возобновила работу, открылись магазины, частныя конторы, возобновили дѣятельность правительственныя учрежденія и даже учебныя заведенія. Но люди, пережившіе такъ много въ эти немногіе дни, были уже нѣсколько иными. Люди не мирились уже съ той разобщенностью, которая была ихъ привычнымъ удѣломъ подѣ сънью русскаго самодержавія. Едва прошло нѣсколько дней послѣ погрома, какъ началась въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ организационная работа. Прежде очень замкнутые социаль-демократы, теперь широко распахнули двери своей организациі для приѣма новыхъ членовъ. И обильный притокъ ихъ снова поднялъ у этой организациі увѣренность въ своихъ силахъ, весьма поколебленную испытаннымъ 21 октября поражениемъ. Открыто стали вступать новые члены даже въ социаль-революціонные ряды. Люди еще вѣрили, что провозглашенная въ манифестѣ свобода союзовъ кое-что означаетъ.

Участвовавшіе въ движеніи либеральные элементы такъ же выступили какъ открытая и самостоятельная партія. Прежде они входили въ замкнутые, малодоступные широкой публикѣ кружки «Союза Освобожденія», въ Сибири болѣе извѣстные подѣ именемъ кружковъ «Сибирскаго Областнаго Союза».

Теперь такая замкнутая организациа была найдена не отвѣчающей уже потребностямъ и условіямъ времени и былъ образованъ отдѣлъ конституціонно-демократической партіи, первоначально называвшейся «свободной народной партіей». Но не всѣ члены мѣстныхъ кружковъ «Союза Освобожденія» вошли въ к.-д. партію. Часть членовъ, находя партійное опредѣленіе для себя преждевременнымъ, осталось въ Сибирскомъ Областномъ Союзѣ, облегчивъ лишь въ него доступъ новымъ членамъ, и только много времени спустя вошла въ Народно-Соціалистическую партію, когда послѣдняя, наконецъ, образовалась. Правыя группы такъ же не остались въ сторонѣ отъ этого общаго организационнаго движенія. Они образовали «Союзъ мира и порядка». Это было что то среднее между «Союзомъ истинно-русскихъ людей» и «Союзомъ 17 октября». Вожаки были истинно-русскими людьми, но ихъ небольшая армія охотно принимала манифестъ 17 октября. И даже, когда на одно изъ ихъ организационныхъ собраній, по недосмотру предсѣдателя, попали либералы и произнесли рѣчи въ защиту отвѣтственности министровъ передъ Государственной Думой, то собраніе всѣми глосами противъ 3-хъ, постановило включить этотъ принципъ въ свою программу. На слѣдующія засѣданія, впрочемъ, либералы уже не допускались и отвѣтственность министровъ передъ Думой была замѣнена отвѣтственностью передъ Государемъ.

Параллельно съ этой, подчасъ лихорадочной, партійной группировкой, шли другія группировки, вызванныя суровыми потребностями жизни и опиравшіяся на возвѣщенные манифестомъ 17 октября свободы союза и собраній; сказывалось, впрочемъ, и увлеченіе модой. Въ такомъ сравнительно небольшомъ городѣ, какъ Красноярскъ, такъ недавно еще очень сонномъ, едва-ли проходилъ день безъ какого-ни-

будь публичнаго собранія. Собирались учащіеся того или иного учебнаго заведенія для обсужденія своихъ нуждъ, собирались и родители учащихся всѣхъ заведеній для обсужденія положенія своихъ дѣтей въ школахъ и способовъ его улучшенія. Собирались служащіе красноярской городской, Богомъ забытой, больницы и въ видѣ результата предъявили своему начальству рядъ требованій подъ угрозой въ случаѣ ихъ неудовлетвореніи черезъ мѣсяцъ начать забастовку. Желѣзнодорожные техники устроили профессиональный союзъ; медицинскій персоналъ желѣзной дороги также. Ихъ примѣру послѣдовали фармацевты. Даже чиновники и служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ, находя что манифестъ 17 октября распространяется и на лицъ, служащихъ на государственной службѣ, образовали свой профессиональный союзъ.

Союзы росли, какъ грибы. Обсуждались задачи, уставы, условія вступленія членовъ. Люди, въ жизни своей не сказавшіе до сихъ поръ публично двухъ словъ, теперь передъ многочисленными слушателями съ жаромъ и безъ стѣсненія отстаивали свои взгляды и настойчиво ихъ проводили.

Особенное движеніе замѣчалось въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ связи съ движеніемъ находившагося на станціи Красноярскъ желѣзнодорожнаго баталіона и расположенныхъ вблизи станціи войскъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ запасныхъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому сложному движенію, закончившемуся такъ называемымъ вооруженнымъ возстаніемъ, остановлюсь на почтово-телеграфной забастовкѣ.

Стремленіе улучшить свое матеріальное положеніе началось среди городского населенія до всеобщей забастовки. Еще до 17 октября, приказчики дружно провели и блестяще выиграли стачку, давшую имъ 8 часовый рабочій день, повышеніе заработной платы и другія существенныя выгоды. Для охраны своихъ цѣнныхъ завоеваній они немедленно образовали союзъ служащихъ въ торговыхъ и торгово-промышленныхъ заведеніяхъ города Красноярска, игравшій весьма замѣтную роль въ революціонные октябрьскіе дни. Примѣру приказчиковъ и съ такимъ же успѣхомъ послѣдовали типографскіе рабочіе. Желѣзнодорожные рабочіе, хорошо сплоченные почти съ самаго начала русско-японской войны, получили 9 часовой рабочей день и также существенное увеличеніе заработной платы. Желѣзнодорожное начальство, избѣгая замедленія въ перевозкѣ войскъ, старалось предупредить стачку на Сибирской дорогѣ и сравнительно легко шло на уступки рабочимъ. Понятно, что эти удачныя, у всѣхъ на глазахъ происшедшія, примѣры коллективныхъ выступленій, должны были подѣйствовать заразительнымъ образомъ на другія угнетенныя группы рабочаго люда. Къ однимъ изъ наиболѣе угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, несомнѣнно, принадлежали почтово-телеграфные чиновники. Естественно, что въ Красноярскѣ они легко присоединились къ общероссійской забастовкѣ и 16 ноября почта и телеграфъ у насъ стали дѣйствовать. Почтовики въ своей массѣ совсѣмъ не были революціонерами и свою стачку предприняли не для поддержанія вновь начинавшагося уже революціоннаго движенія. Они жаждали улучшенія собственнаго, теперь казавшагося имъ невыносимымъ, положенія, и

если на ихъ собраніяхъ и произносились рѣчи революціоннаго характера, то это были рѣчи лицъ постороннихъ, сами же они неизмѣнно твердили лишь, что ихъ требованія такъ справедливы, что не могутъ быть не удовлетворены, нужно только быть стойкими, крѣпко стоять другъ за друга, не падать духомъ и дружно бороться за общее дѣло. Увѣренность въ своей правотѣ и отсюда въ побѣдѣ была столь велика, что на своихъ ежедневно происходившихъ собраніяхъ они не столько занимались обсужденіемъ способовъ, посредствомъ которыхъ можно добиться успѣха, сколько обсужденіемъ каръ, которыя слѣдуетъ наложить въ настоящемъ и будущемъ на лицъ изъ ихъ среды, открыто высказывавшихся противъ забастовки или явно державшихъ руку начальства. Такихъ лицъ, впрочемъ, было не много, и совсѣмъ не было лицъ со стороны и изъ «общества», которые бы рѣшились предложить начальству услуги для почтовыхъ операцій, какъ это происходило въ Петербургѣ. Забастовка была поэтому полная. Даже тѣ письма, посылки и прочее, которыя уже пришли въ Красноярскъ, лежали мирно неразобранными и вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ охранялись самими забастовщиками. Къ чести послѣднихъ, необходимо отмѣтить, что охрана имущества была одной изъ ихъ постоянныхъ заботъ и къ ней они относились, какъ къ своей обязанности по службѣ, отъ которой ихъ не избавляла сама забастовка. Они все еще чувствовали себя чиновниками, а не врагами отечества, какъ ихъ въ послѣдствіи объявили, засадивъ въ тюрьму, обвиняя въ намѣреніи ниспровергнуть существующій государственный строй, а въ Иркутскѣ разстрѣливая и ссылая на каторгу. Они не знали, конечно, что съ ними обойдутся такъ жестоко; знай это, они не устроили бы своей забастовки. Терпѣли же они раньше и каторжный трудъ и нищенскую плату. Теперь они поднялись, романтически вѣря въ дѣйствительность обѣщаній, данныхъ 17 октября, поддерживаемые всеобщимъ сочувствіемъ и ободреніемъ. Ихъ дѣло—правое дѣло; и не только они сами, но и всѣ граждане считали ихъ дѣло правымъ и думали, что требованія ихъ должны быть удовлетворены. Мнѣніе противное казалось непонятнымъ, нелогичнымъ, бессмысленнымъ. Даже наши купцы и тѣ не могли взять въ толкъ, почему правительство, имѣющее во главѣ либеральнаго Витте, съ именемъ котораго они связывали появленіе манифеста, провозгласившаго всѣ свободы и, очевидно, новую эру, почему такое правительство такъ упорно отказывается отъ какихъ бы то ни было уступокъ почтово-телеграфнымъ чиновникамъ. Либеральное правительство и такая эксплуатація—несовмѣстимы, рѣшили купцы; правительство надо подтолкнуть на уступки, показавъ, что общество на сторонѣ почтовиковъ; и въ подтвержденіе послѣдняго отъ имени купеческаго общества постановили открыть бастующимъ почтово-телеграфнымъ служащимъ кредитъ въ суммѣ 3000 рублей. Однако время шло, а правительство упорно стояло на своемъ. Населеніе испытывало крайне непріятныя и серьезныя затрудненія отъ забастовки и съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждало ея конца. А его все не было и не было. Это сильно беспокоило, такъ какъ явно показывало, что мечты о либерализмѣ правительства слѣдуетъ оставить.

IV.

Движеніе среди очень многочисленныхъ въ Красноярскѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ проявилось послѣ октябрьскихъ событій не сразу. Рабочіе были уже хорошо организованы и вначалѣ лишь охраняли захваченный ими 8 часовой рабочей день, да стремились повысить заработную плату. Положеніе ихъ было очень выгодно, т. к. желѣзная дорога въ это время должна была работать чуть-ли не съ большимъ еще напряженіемъ, чѣмъ раньше. Она перевозила возвращавшіяся съ театра военныхъ дѣйствій войска, рвавшіяся на родину. Въ теченіе почти 2-хъ лѣтъ продолжалось непрерывное изо дня въ день движеніе сотенъ тысячъ людей на востокъ; теперь ихъ нужно было въ возможно короткое время перебросить обратно на западъ. Когда-то очень смиренные и послушные, солдаты совершенно преобразились на войнѣ. Для нихъ уже не существовало авторитета начальства и если имъ что нибудь было нужно, то они не просили, а требовали и захватывали. Теперь имъ нужно было, какъ можно скорѣе попасть на родину и они требовали, что-бы ихъ везли не тѣмъ черепашинымъ шагомъ, какимъ они двигались на войну, а такъ, какъ только можетъ везти желѣзная дорога. Нерѣдко бывало, что солдаты сами становились на паровозъ и неслись съ быстротой курьерскаго поѣзда; было время когда они не позволяли обгонять себя почтово-пассажирскимъ поѣздамъ и, такимъ образомъ, всѣ поѣзда сравнялись между собою, идя не по распisanію, а одни за другими съ такими лишь промежутками, что-бы не устроить закупорки. Начальники станцій были безсильны, желѣзнодорожные жандармы также. Послѣдніе или совсѣмъ не показывались на станціяхъ, или пьянствовали вмѣстѣ съ солдатами, которые говорили имъ при этомъ преобидныя вещи. Разница между буфетами первыхъ и третьяго класса была уничтожена. Солдаты настойчиво стремились въ залы первыхъ классовъ подъ предлогомъ желанія выпить рюмку водки, и если ихъ не пускали, негодовали и держали передъ другими солдатами и передъ публикой рѣчи на ту тему, что на войнѣ они были впереди, а офицеры сзади, съ какой же стати теперь имъ быть сзади, а офицерамъ впереди. И всегда они настаивали на своемъ. Публика ихъ поддерживала, а офицеры, видя свое безсиліе, уступали. Кстати сказать, не только солдаты, но и офицеры возвращались съ войны совсѣмъ другими, чѣмъ были раньше. Насколько вперёдъ офицерство ѣхало шумно, буйно, пьянствуя, высокомерно и грубо обращаясь со штатскими, настолько же, возвращаясь назадъ, гг. офицеры были скромны, тихи и вѣжливы. Роли перемѣнились. При отмѣченныхъ условіяхъ задерживать движеніе было опасно. Съ каждымъ днемъ настроеніе приходящихъ солдатъ становилось все болѣе бурнымъ, и когда въ послѣдствіи объявили забастовку 27 російскихъ желѣзныхъ дорогъ, то Сибирскія дороги отозвались, что онѣ къ забастовкѣ присоединиться не могутъ, какъ изъ-за нежеланія задерживать солдатъ, такъ и изъ-за опасенія разгрома солдатами сибирскихъ городовъ.

Красноярскъ—большая станція, гдѣ солдаты имѣли дневку, а также задерживались и по другимъ причинамъ. Нерѣдко они скоплялись здѣсь въ количествѣ больше тысячи человекъ, живя по нѣскольکو дней въ ожиданіи очереди въ отпавкѣ. Солдаты и рабочіе постоянно сталкивались между собой и естественно, что бурное настроеніе однихъ не могло не дѣйствовать на другихъ и не могло не вліять и на тѣхъ солдатъ, которые постоянно стояли въ Красноярскѣ. Среди проходящихъ солдатъ, по какимъ-то мнѣ, неизвѣстнымъ причинамъ, были разсѣяны возвращавшіеся съ Дальняго Востока матросы, сыгравшіе роль революціоннаго фермента. Благодаря имъ, во многихъ случаяхъ просто бурное настроеніе принимало революціонный характеръ.

На настроеніе рабочихъ вліялъ въ не меньшей мѣрѣ и другой факторъ: поведеніе правительства. Послѣднее не давало обѣщанныхъ манифестомъ свободъ, и его можно было заподозрѣть въ чемъ угодно, только не въ либерализмѣ. Не трудно себѣ представить, какъ такое поведеніе должно было отражаться на настроеніи рабочихъ, жившихъ въ атмосферѣ, созданной возбужденными и революціонно настроенными войсками. Если непосредственно послѣ изданія манифеста рѣчи о томъ, что правительство, издавъ манифестъ, еще ничего реальнаго не дало и безъ принужденія со стороны народа не дастъ,—вызывали недовѣріе, и если тогда было непонятно, зачѣмъ народъ долженъ стремиться къ вооруженному возстанію, то теперь эти рѣчи падали на почву, достаточно подготовленную событіями и достаточно подогрѣтую.

И снова Красноярскъ сталъ переживать эпоху огромныхъ митинговъ съ той только разницей, что теперь они происходили не въ центрѣ города, не въ Народномъ домѣ, а въ паровозо-сборномъ цехѣ, обширнѣйшемъ зданіи красноярскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, могущемъ вмѣстѣ до 20000 человекъ. Сюда теперь перенесся центръ политическаго движенія, здѣсь рядомъ съ проходящими войсками, всего сильнѣе бился теперь пульсъ политической жизни.

Со 2-ой половины ноября митинги идутъ ежедневно, собирая до 3-хъ 5 и 6 тысячъ человекъ. На нихъ выступаютъ ораторами не только интеллигенты отъ имени социаль-демократической и социаль-революціонной партій, но и рядовые рабочіе и все чаще и чаще солдаты. Темой ихъ служитъ критика дѣйствій правительства, какъ за прежнее время, такъ и за новое, жалобы солдатъ и рабочихъ на ихъ тяжелое положеніе, рассказы солдатъ про войну. Ораторы интеллигенты доказываютъ, что на правительство нельзя полагаться, что народъ и войско, соединившись, должны свергнуть старый строй и должны сами, посредствомъ учредительнаго собранія, установить новый порядокъ, гдѣ получаютъ осуществленіе справедливость и свободы, что монархія, въ какой бы формѣ она ни осталась, всегда будетъ тормазомъ для счастья народа, такъ какъ всегда будетъ на сторонѣ привилегированныхъ классовъ, и что поэтому нужно стремиться установить республику. Солдаты съ своей стороны утверждаютъ, что войско теперь уже не то, что было раньше, что въ народъ они стрѣлять не будутъ, что они сами тотъ же народъ и что нужды народа—

ихъ нужды. Такъ же какъ и на октябрьскихъ митингахъ здѣсь докладываются разнаго рода текущія событія и приносятся разнаго рода жалобы. Рабочіе жалуются на неодинаковость получаемой отъ желѣзной дороги платы за одинаковаго рода трудъ; солдаты жалуются на дурную пищу, притѣсненія со стороны начальства, аресты и пр. Принимаются резолюціи, выражающія требованія или негодованіе, но пока эти резолюціи носятъ еще въ общемъ платоническій характеръ, такъ какъ нѣтъ органовъ, которые могли бы провести ихъ въ жизнь. Только по отношенію къ желѣзной дорогѣ положеніе таково, что начальство вынуждено къ этимъ резолюціямъ прислушиваться изъ за опасенія вызвать въ противномъ случаѣ забастовку. Само собой разумѣется, что эти митинги могутъ произойти только потому, что губернская власть чувствуетъ себя совершенно безсильной ихъ укротить. Въ городѣ слишкомъ мало такихъ войскъ, на которыя можно бы было положиться въ борьбѣ съ этимъ новымъ массовымъ движеніемъ, и много запасныхъ, охотно посѣщающихъ митинги. Къ тому же они происходятъ въ полосѣ отчужденія, въ сосѣдствѣ со стоянками революціонное настроенныхъ проходящихъ войскъ и, что еще для начальства опаснѣе, подъ явнымъ протекторатомъ желѣзнодорожнаго батальона, давно признаннаго явно неблагонадежнымъ.

Въ концѣ ноября двѣ роты этого батальона предъявили своему начальству рядъ требованій, наиболѣе существенными изъ которыхъ были: 1) отпустить всѣхъ запасныхъ срока службы съ 1887 по 1901 годы и 2) раздѣлить между всѣми солдатами 40 тысячъ рублей экономіи, сдѣланныхъ по ихъ пищѣ. Благодаря этой экономіи, поясняли солдаты, имъ приходилось часто голодать въ Манчжуріи. Кромѣ того они заявляли, что отказываются заступать мѣсто рабочихъ, въ случаѣ ихъ забастовки. Отвѣта на свои требованія солдаты ждали до 8 декабря. За это время имъ было предписано выѣхать изъ Красноярска въ село Барановичи. Выѣхать они отказались и объявили мирную забастовку. Только солдатамъ, работавшимъ за плату въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ было разрѣшено продолжать занятія.

Возможно, что поведеніе нашего желѣзнодорожнаго батальона въ значительной мѣрѣ объясняется событіями въ Читѣ и Иркутскѣ.

Въ Иркутскѣ 28 ноября на огромномъ собраніи солдатъ гарнизона были выработаны слѣдующія требованія:

- 1) Немедленное увольненіе уволненіе запасныхъ,
- 2) обезпеченіе семействъ убитыхъ и раненныхъ,
- 3) вѣжливое обращеніе съ солдатами,
- 4) отмена смертныхъ казней и военныхъ положеній,
- 5) амнистія политическимъ,
- 6) всеобщее избирательное право и
- 7) учредительное собраніе.

Въ случаѣ неудовлетворенія въ 24 часа этихъ требованій объявлялась мирная забастовка всего гарнизона.

Съ 5 декабря и у насъ начинаютъ устраиваться въ томъ же паровозо-сборномъ цехѣ солдатскіе митинги, но совмѣстно съ митингами рабочихъ. На нихъ вырабатываются требованія, аналогичныя только что приведеннымъ требованіямъ иркутскаго гарнизона и говорятся рѣчи о необходимости устроить въ городѣ въ противовѣсъ городской думѣ временное правительство, избранное всеобщимъ, рав-

нымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Для проведенія этихъ выборовъ, отъ солдатъ и рабочихъ выбираются представители, которые составляютъ «Объединенный Совѣтъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ». Во главѣ солдатъ становится прапорщикъ Кузьминъ. Создается такимъ образомъ организація, которая черезъ короткое время приобрѣтаетъ громадное значеніе.

Мысль объ образованіи путемъ всеобщаго голосованія особаго городского органа возникаетъ на митингахъ нѣсколько раньше и толчкомъ для ея возникновенія служатъ предстоящіе выборы гласныхъ въ обыкновенную, легальную, городскую думу. Естественно, что въ той напряженной атмосферѣ, въ какой въ это время пребывалъ Красноярскъ, выборы въ думу не могли не обратить на себя вниманіе ораторовъ, говорившихъ на митингахъ. Но огромнѣйшее большинство, едва-ли не 99 процентовъ лицъ, присутствовавшихъ на митингахъ, не имѣло рѣшительно никакой возможности, по неимѣнію ценза, принять активное участіе въ выборахъ гласныхъ. Что же это будетъ за дума?—спрашивали ораторы. Развѣ мы можемъ ей довѣрять? Это будетъ буржуазная дума, отъ которой нельзя ждать рабочему населенію защиты его интересовъ. Нужно выбрать свой собственный органъ управленія, который въ рѣшительный моментъ могъ бы выступить отъ имени избравшихъ его слоевъ населенія и могъ бы организовать нѣкоторыя активныя выступленія въ настоящее время, напр., выпускать воззванія, устраивать демонстраціи, устанавливать бойкотъ отдѣльныхъ лицъ и т. д.

Такъ зародилась эта мысль и быстро получила свое дальнѣйшее логическое развитіе. Уже на митингѣ 4 декабря было постановлено, что для того, что бы грядущее учредительное собраніе могло дать какъ можно больше правъ народу, необходимо захватывать революціоннымъ путемъ различныя права, въ томъ числѣ и городское самоуправленіе, и проведена та мысль, что истинное городское самоуправленіе можетъ быть осуществлено только при полномъ низверженіи путемъ вооруженнаго возстанія самодержавнаго строя. Присоединеніе къ движенію солдатъ, являвшихся на митинги въ полномъ вооруженіи, дало ту силу, опираясь на которую можно было приступить къ созданію революціоннымъ путемъ органовъ городского самоуправления и къ осуществленію другихъ пожеланій, принятыхъ на народныхъ митингахъ.

Такъ уже 9 декабря была организована грандіозная, чрезвычайно внушительная и красивая демонстрація для протеста противъ современныхъ городскихъ думъ, смертныхъ казней и военныхъ положеній. Сборный пунктъ былъ назначенъ въ паровозо-сборномъ цехѣ. Туда же пришелъ въ полномъ вооруженіи и желѣзнодорожный батальонъ. Отсюда многотысячная процессія, съ многочисленными, эффектно развивавшимися красными знаменами и флагами, направилась на главную (Воскресенскую) улицу города. Во главѣ верхами ѣхали прапорщикъ Кузьминъ и нѣсколько солдатъ распорядителей. За ними слѣдовали, растянувшись на 1½ квартала, боевая дружина рабочихъ и солдаты по ротамъ, тѣсно окруженные остальной массой демонстрантовъ. Процессія остановилась передъ Народнымъ домомъ,

гдѣ солдаты взяли на караулъ и былъ, въ память погибшихъ 21 октября, пропѣтъ похоронный маршъ «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой». Напротивъ Народнаго дома, въ зданіи, гдѣ помѣщалось казначейство, оказались запертыми солдаты мѣстнаго гарнизона. Ихъ освободили и они присоединились отдѣльной колонной къ демонстраціи. Публика встрѣтила ихъ восторженнымъ «ура». Двигаясь дальше по Воскресенской улицѣ, процессія прошла мимо квартиры всѣмъ извѣстнаго въ городѣ вожака черной сотни, А. Г. Смирнова, организовавшаго патріотическую манифестацію. Легко было ожидать эксцессовъ отъ этой теперь торжествующей толпы. Но не послѣдовало ни одного громкаго враждебнаго возгласа, не было брошено ни одного камня... Въ полномъ порядкѣ и молча процессія прослѣдовала дальше до Старо-Соборной площади, гдѣ помѣщались солдаты конвойной команды. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, они также присоединились къ демонстраціи. Затѣмъ шествіе, пройдя весь городъ, направилось обратно по Благовѣщенской улицѣ и прошло мимо мѣстной казачьей сотни. Здѣсь сочувствія встрѣчено не было: казаки не присоединились. Конечнымъ пунктомъ была военная гауптвахта. Отсюда были выпущены всѣ заключенные въ ней солдаты и здѣсь же была сказана однимъ изъ членовъ «Объединеннаго Совѣта депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ» коротенькая рѣчь. Въ ней проводилась та мысль, что, въ противоположность своимъ угнетателямъ, революціонный народъ, торжеству побѣду, гуманенъ и великодушенъ. Онъ раскрываетъ тюрьмы, тогда какъ правительство ихъ наполняетъ. Ужасовъ и крови надо бояться не отъ торжества революціи, не отъ торжества народа, а отъ побѣды правительства надъ народомъ. Затѣмъ демонстрація была объявлена оконченной.

Такъ мирно и въ полномъ порядкѣ прошла эта, состоявшая изъ солдатъ и гражданъ, демонстрація и произвела, конечно, чрезвычайное впечатлѣніе какъ на власти, такъ и на тѣ слои населенія, которые участвія въ ней не принимали. Революціонное настроеніе она, понятно, сильно повысила, такъ какъ наглядно показала, что сила въ данный моментъ въ Красноярскѣ не на сторонѣ властей предрержащихся.

Того же 9 декабря Объединенный Совѣтъ д. отъ с. и р. опубликовалъ слѣдующія постановленія:

«1) Въ виду того, что Объединенный Совѣтъ деп. отъ с. и р. «объявилъ полную свободу печати, ни одна власть не имѣетъ права «требовать на просмотръ никакихъ печатныхъ произведеній. Упра- «вляющимъ и завѣдывающимъ типографіями запрещается обращаться «къ властямъ за разрѣшеніемъ о печатаніи. О каждой малѣйшей по- «пыткѣ власти помѣшать свободѣ печати, свободѣ расклеиванія объ- «явленій и т. п. просимъ всѣхъ гражданъ сообщать въ Объединен- «ный Совѣтъ деп. с. и р.

«2) Со времени объявленія настоящихъ постановленій при Со- «вѣтѣ деп. с. и р. организуется комиссія для подготовки выборовъ, «для раздѣленія города на участки, для опредѣленія количества жи- «телей, имѣющихъ избирательныя права и т. п.

«3) Для предвыборной агитации передь городскими выборами и «для собраний всякаго рода мы объявляемъ открытыми: общественное собрание во всякое время, сборно-паровозный цехъ съ 1¹/₂ час. дня, «а по праздникамъ съ утра, Народный домъ и Желѣзнодорожное собрание» во время свободное отъ репетицій.

«4) Для ускоренія движенія на желѣзной дорогѣ Совѣтъ поручаетъ выборной комиссії отъ рабочихъ и служащихъ желѣзной дороги контроль надъ движеніемъ. Всѣ начальствующія лица должны «по первому требованію давать отчеты о своихъ дѣйствіяхъ представителямъ комиссії».

Какъ эти постановления, такъ и цѣлый рядъ другихъ воззваній были напечатаны въ прекрасно обставленной губернской типографіи, занятой теперь солдатами желѣзнодорожнаго батальона. Всѣ рабочіе и служащіе, за исключеніемъ завѣдывающаго, остались въ типографіи и продолжали работать, несмотря на запрещеніе губернатора. Но само собой разумѣется, послѣдній лишенъ уже былъ возможности пользоваться ихъ услугами; его воззванія стали печататься на минографѣ.

Въ губернской же типографіи стала печататься новая газета «Красноярскій Рабочій», издававшаяся социаль-демократической партией и расхваливавшаяся въ количествѣ до 5 тысячъ экземпляровъ. Продолжала въ ней печататься и либеральная мѣстная газета: «Голосъ Сибири». Кстати отмѣчу, что за выпускъ номера отъ 11 декабря съ отмѣткой «дозволено цензурой» «Голосу Сибири» на митингѣ, собравшемся того же числа, было постановлено выразить негодованіе и предупредить издателя, г. Карнакова, что если онъ опять вздумаетъ обратиться къ цензурѣ, то типографіямъ будетъ запрещено печатать его газету. Издателю, конечно, пришлось подчиниться¹⁾.

Кромѣ захвата губернской типографіи Объединенный Совѣтъ позволилъ себѣ еще только одно насильственное по отношенію къ администраціи дѣйствіе: онъ разоружилъ полицію, но взамѣнъ устроилъ собственную ночную охрану города изъ солдатъ. Въ сущности полиція какъ въ это время, такъ и задолго раньше безопасностью города совсѣмъ не занималась. Раньше всѣ ея силы были отданы на борьбу съ «крамолой»; теперь она чувствовала себя безсильной и не у дѣль. Кражи, грабежи и убійства развились поэтому задолго до описываемаго періода чрезвычайно и городу самому пришлось озаботиться объ охранѣ жизни и имущества гражданъ. Съ этой цѣлью городская дума организовала отрядъ конныхъ стражниковъ, окарауливавшихъ городъ по ночамъ. Когда же полиція была разоружена, городское управленіе вошло въ сношеніе съ Объединеннымъ Совѣтомъ о согласованіи охранъ городской и солдатской. Понятно, что городская стража обезоружена не была.

За исключеніемъ указанныхъ двухъ случаевъ ничего въ эти дни торжества въ Красноярскѣ революціи не было предпринято для дѣй-

¹⁾ «Голосъ Сибири» былъ впоследствии изгнанъ изъ губернской типографіи за то, что не отказался печататься въ то время, когда типографія была захвачена революціонерами.

ствительнаго захвата власти. Всего больше администрація боялась за банкъ и казначейство. Тамъ лежали большія суммы денегъ и они были совершенно беззащитны. Деньги въ современной жизни то-же, что кровь въ тѣлѣ человѣка. Революція имѣла полную возможность часть этой драгоцѣнной жидкости изъ враждебнаго ей тѣла администраціи перелить въ свое собственное. И она не сдѣлала этого. Фактъ, надъ которымъ стоитъ остановиться и попробовать объяснить.

Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о захватѣ возникала, но она не была поддержана. На мой взглядъ, это объясняется тѣмъ, что описываемая революція была революціей массы, а не отдѣльныхъ лицъ, составившихъ заговоръ и вступившихъ для его осуществленія въ сообщество, караемое одной изъ статей нашего уголовного уложенія. Масса же, хотя и жаждала освобожденія отъ политическаго гнета, вѣрила, что свободная жизнь можетъ установиться безъ крайняго потрясенія государственнаго и общественнаго организма. Впослѣдствіи эта вѣра была сильно подорвана карательными экспедиціями и военно-полевыми судами; но въ то время она была еще сильна. Въ революціонно настроенныхъ массахъ еще не было искоренено желаніе перейти къ новому строю, по возможности, безъ тяжелыхъ потрясеній, по возможности, съ меньшимъ количествомъ жертвъ съ той и другой стороны. Революціонныя массы въ то время еще не были доведены до отчаянія и побѣда во что бы то ни стало, хотя бы это была Пиррова побѣда, еще не была ихъ идеаломъ. Вѣрилось и казалось, что все можетъ пройти „по хорошему“, безъ жертвъ, безъ крови, кромѣ той, которая уже безвозвратно пролилась; безъ потрясеній, съ хорошими результатами для всѣхъ, за небольшими лишь исключениями, подъ которыми разумѣлись разнаго рода тунеядцы. Не могло явиться при такихъ условіяхъ желанія захватывать деньги изъ государственнаго банка и казначейства. Это, вѣдь, народныя деньги; захватывая ихъ, можно нанести вредъ народу, внести разстройство въ его жизнь. И мысль о захватѣ была отвергнута; она не была популярна среди солдатъ желѣзно-дорожнаго баталіона и среди рабочаго населенія г. Красноярска.

Тѣмъ-же массовымъ характеромъ движенія, въ которомъ отдѣльныя лица являются не столько руководителями, сколько выразителями и исполнителями коллективной народной воли, объясняется, на мой взглядъ, и другая сторона въ дѣятельности Объединеннаго Совѣта. Я имѣю въ виду организацію, Объединеннымъ Совѣтомъ, выборовъ въ гордскую думу на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Идея о всеобщемъ избирательномъ правѣ властно овладѣла въ то время положительно всѣми умами и не трудно себѣ представить, какимъ авторитетомъ готовы были всѣ наградить органъ управленія, созданный путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Естественно, что создате въ городѣ такой органъ сдѣлалось мечтой революціонеровъ, стоящихъ во главѣ движенія. Задача была не изъ легкихъ. Для того, что-бы такая дума пользовалась вліяніемъ надъ всѣмъ населеніемъ города, чтобы весь городъ, если не принимать, конечно, въ въ расчетъ незначительныхъ неизбѣжныхъ исключеній, признавалъ ея авторитетъ, необходимо было сдѣлать такъ, чтобы все взрослое населеніе города приняло участіе въ выборахъ. Между тѣмъ вожаки

революціоннаго движенія хорошо видѣли, что за ними идетъ или, вѣрнѣе, что они стоятъ во главѣ только части гордского населенія, состоящей, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ., Дума выбранная только рабочими, не была бы достаточно авторитетна. Въ Красноярскѣ много мѣщанъ, торговцевъ, ремесленниковъ, разнаго рода служащихъ, прислуги, чиновниковъ и т. д. Привлечь эти слои городскаго населенія къ выборамъ было очень существенно. Но какъ это сдѣлать?

Неожиданно поддержка получилась со стороны мелкой и крупной буржуазіи. Она въ это время чувствовала себя очень плохо. Почта и телеграфъ не дѣйствовали. По желѣзной дорогѣ не было возможности ѣздить, такъ какъ и пассажирскіе поѣзда перевозили солдатъ и офицеровъ. Достать билетъ I-го или II-го класса совѣмъ не было возможности, билетъ III-го класса представлялся драгоцѣнностью, ради которой на вокзалахъ дежурили днями. Но и полученный билетъ еще не гарантировалъ проѣздъ, такъ какъ офицеры и солдаты одинаково вытѣсняли изъ вагоновъ штатскихъ. Настроеніе проходящихъ войскъ сдѣлалось къ этому времени очень бурнымъ. Всѣ вокзалы были ими разгромлены. Всѣ усилія желѣзно-дорожныхъ служащихъ были направлены на то, чтобы перевозить солдатъ, какъ можно больше и какъ можно скорѣе. И все-таки солдаты были недовольны, такъ какъ везли ихъ все-же и въ маломъ числѣ и медленно. Въ лучшемъ случаѣ желѣзная дорога могла перебросить въ день 12—15 тысячъ войска, сдѣлавъ въ сутки 200—250 верстъ. А въ Манчжуріи томилось въ это время въ ожиданіи отправки $\frac{1}{2}$ милліона людей и ѣхать имъ предстояло 7—8 тысячъ верстъ! Томиться цѣлые мѣсяцы въ постылой чужой странѣ и въ ужасной обстановкѣ только потому, что желѣзная дорога не можетъ перевезти, согласитесь, что это ужасно. Начальство-же солдатъ, въ лицѣ начальника тыла арміи, г. Надарова, еще подлило масло въ огонь, заявивъ, что войска медленно перевозятся изъ-за забастовокъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. При такомъ напряженномъ и бурномъ настроеніи войскъ легко было ожидать всякихъ эксцессовъ, не исключая разгрома городовъ.

Съ другой стороны буржуазія боялась, что и въ самомъ городѣ вспыхнутъ волненія. Она боялась не революціонеровъ; революціонеры, она это твердо помнила, ни разгромовъ, ни насилій по отношенію къ другимъ гражданамъ себѣ не позволяли, и даже, имѣя свою боевую дружину, могли явиться защитниками. Но революціонеры въ своей главной массѣ занимали окраину города, прилегающую къ вокзалу и довольно отдаленную отъ центральныхъ частей. Буржуазія опасалась, что въ самомъ городѣ, можетъ вспыхнуть недовольство революціоннымъ движеніемъ и, вылившись въ дикія формы, обрушиться на ни въ чемъ неповинныя ихъ головы. Общая совокупность условій во всякомъ случаѣ была такова, что сильно разлившаяся въ городѣ тревога имѣла достаточно основаній. Эта тревога въ свою очередь породила мысль о необходимости создать такой авторитетный органъ управленія, который могъ бы взять охрану города, его безопасность въ свои руки. Проектированная революціонерами дума, если бы она, какъ городской органъ, на первомъ мѣстѣ въ своей дѣятельности поставила

защиту интересовъ города, отвѣчала дѣйствительнымъ и очень жгучимъ потребностямъ горожанъ. Вотъ почему предложеніе, сдѣланное «Объединеннымъ Совѣтомъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ», выбрать городскую думу путемъ всеобщаго голосованія, встрѣтило сочувствіе и живой откликъ со всевозможныхъ сторонъ. Сибирскій Областной Союзъ, к.-д. партія, союзъ приказчиковъ, общество народныхъ учителей, группа мелкихъ торговцевъ на базарѣ, купеческое общество, мѣщанское общество, даже сама городская дума и др.—рѣшаютъ принять участіе въ организаціи выборовъ и выбираютъ въ спеціально составившуюся для того комиссію своихъ членовъ. Но прежде, чѣмъ всѣ выбранные въ эту комиссію члены успѣли, собравшись, столковаться между собой, былъ устроенъ митингъ въ Народномъ домѣ. На немъ, по мысли его организаторовъ, предстояло нереволуціоннымъ слоямъ городского населенія разъяснить полезность и необходимость созданія въ данный моментъ думы, избранный путемъ всеобщаго голосованія. Происходилъ онъ 18 декабря. Предполагалось, что революціонеры выставятъ весьма ограниченное количество ораторовъ, главное же руководство будетъ предоставлено Сибирскому Областному Союзу, к.-д. партіи и другимъ умѣреннымъ группамъ. Вышло же какъ разъ наоборотъ. «Вопреки уговору, вся революціонно настроенная публика,—говоритъ «Голось Сибири» по поводу этого митинга,—заняла Народный домъ задолго до прихода мѣщанъ». Изъ записавшихся заранѣе ораторовъ четыре «говорили вполнѣ академично, какъ и было условлено, но ихъ рѣчи были затоплены рѣчами самыхъ крайнихъ партійныхъ ораторовъ съ призывами къ вооруженному возстанію, къ немедленной его организаціи, захвату власти, демократической республики, и все это съ агитаціонными цѣлями». О городской всесословной думѣ говорили только двое, да и то каждый разбиралъ лишь отдѣльный частный вопросъ. Трибуна была занята представителями крайнихъ, не считавшимся съ цѣлями митинга. «Такимъ образомъ,—заключаетъ «Голось Сибири»—первая попытка устроить объединенное обсужденіе государственныхъ и мѣстныхъ вопросовъ мѣщанами совмѣстно съ представителями интеллигенціи, конституціонныхъ и революціонныхъ партій, не состоялась». вмѣсто сближенія между крайними и умѣренными группами для согласованныхъ дѣйствій, этотъ митингъ только разъединилъ эти двѣ разно настроенныя части населенія города и представителямъ умѣренныхъ частей пришлось заиграть отбой. Городская дума сдѣлала постановленіе, что, выбирая представителей въ комиссію по выборамъ, она хотѣла только ознакомиться съ положеніемъ дѣла; к.-д. партія взаимно отказавшихся представителей не выбрала новыхъ. Отошли и другія умѣренныя группы. Предполагаемой всеобщности выборовъ былъ такимъ образомъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Комиссія по выборамъ, впрочемъ, продолжала свои работы. Ею къ этому времени была уже окончательно выработана опросная карточка, возрастъ для голосованія въ которой—не лишне отмѣтить—опредѣлялся въ 20 лѣтъ, и которая, конечно, предназначалась одинаково, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, такъ какъ въ голосованіи должно было принять участіе все населеніе города, безъ раз-

личія пола. Карточки уже раздавались жителямъ для заполнения. Но дальше произошли событія, помѣшавшіе исполненію этого предпріятія.

V.

Предъ самымъ Рождествомъ стало извѣстно, что къ городу съ востока подходятъ войска, на которыя правительственныя власти могутъ вполне положиться. Это былъ Омскій полкъ; въ послѣдствіи составившихъ его солдатъ прозвали бѣлошапочниками, такъ какъ они всѣ были въ бѣлыхъ папахахъ. Ходили слухи, что отдѣльныя части полка уже нѣсколько дней стоятъ вблизи Красноярска, ожидая отставшихъ, и что, соединившись на другой сторонѣ р. Енисея, они, минуя вокзалъ, по льду войдутъ въ городъ. Сдѣлать это, будто бы, предполагалось властями для того, чтобы, съ одной стороны, сразу имѣть на своей сторонѣ преобладаніе въ силѣ, а съ другой—чтобы избѣжать сомнительнаго по исходу кроваваго столкновенія съ войсками революціонными или дурного съ ихъ стороны вліянія на войска правительственныя. Но опасенія за банкъ и казначейство заставляли, повидимому, губернатора торопиться. Минуя вокзалъ, по льду черезъ рѣку Енисей вначалѣ была введена въ городъ только часть бѣлошапочниковъ. 27 декабря они заняли, никого не арестовывая, губернскую типографію, почтовую контору, губернское управленіе, казначейство и государственный банкъ. 28 декабря ихъ было достаточно, чтобы перейти въ болѣе серьезное наступленіе. Въ городѣ было объявлено военное положеніе съ назначеніемъ особаго генераль-губернатора, въ лицѣ г. Рѣдко, бывшаго до войны командиромъ красноярскаго баталіона и возвратившагося съ войны генераломъ. Желѣзнодорожный батальонъ, точнѣе, тѣ его двѣ роты, которыя находились въ Красноярскѣ, было предположено окружить и обезоружить. Батальонъ занималъ въ это время на станціи военный продовольственный пунктъ, находившійся отъ мастерскихъ въ разстояніи 2—3 верстъ. Узнавъ о намѣреніи его арестовать, баталіонъ рано утромъ 29 числа, когда еще было темно, почти въ полномъ составѣ своихъ 2-хъ ротъ и въ полномъ вооруженіи, направился въ желѣзнодорожныя мастерскія и съ частью рабочихъ забаррикадировался въ паровозо-сборномъ цехѣ, занявъ также и часть прилегающей къ нему мѣстности. Дѣйствіе это было неожиданнымъ для администраціи и, хотя она въ тотъ же день обложила цехъ своими войсками, но недостаточно плотно, такъ что весь этотъ день возможны были очень оживленныя сношенія горожанъ съ засѣвшими и уже осажденными. Сношенія эти имѣли цѣлью снабженіе осажденныхъ возможно большимъ количествомъ провизіи для возможно болѣе продолжительной отсидки. Снабженіе провизіей продолжалось и въ слѣдующіе дни съ проходившихъ мимо цеха пассажирскихъ и воинскихъ поѣздовъ. И только въ послѣдніе дни осады были приняты исполнѣ строгія мѣры для изоляціи осажденныхъ.

Съ первыхъ же своихъ часовъ осада ознаменовалась рядомъ безчинствъ со стороны правительственныхъ войскъ. По улицамъ города стало невозможно ходить, такъ какъ возстановлявшіе спокой-

ствіе и порядокъ солдаты битье прикладами почему-то считали одной изъ своихъ главныхъ обязанностей. На моихъ глазахъ, напимѣръ, получилъ на углу Воскресенской улицы и Гадаловскаго пер., т. е. въ центрѣ города, нѣсколько увѣсистыхъ ударовъ прикладомъ въ спину старенькій собранскій лакей, Евстафій, только за то, что онъ не могъ такъ скоро двигаться, какъ хотѣлось прогонявшему его съ угла солдату. И наоборотъ, какой-то другой человѣкъ былъ избитъ тутъ же за то, что пошелъ слишкомъ скоро. Но главное битье происходило вблизи мастерскихъ, въ той мѣстности, гдѣ они подходятъ къ тюрьмѣ. Послѣдняя была главнымъ опорнымъ пунктомъ, главной квартирой осаждающихъ войскъ. Сюда приводили, предварительно избивая, всѣхъ подозрительныхъ лицъ, забранныхъ въ полѣ военныхъ дѣйствій. Среди серьезно пострадавшихъ оказались даже офицеры постороннихъ частей, пробовавшіе убѣдить солдатъ не дѣлать безобразій, и помощникъ начальника мастерскихъ, г. Савицкій, арестованный въ то время, когда онъ шелъ въ контору на службу. Какимъ-то чудомъ, впрочемъ, никого не убили.

Само собой разумѣется, что настроеніе въ городѣ воцарилось страшно подавленное. Всего больше безпокоила участь осажденныхъ. Кромѣ солдатъ, въ количествѣ около 200 человѣкъ, и рабочихъ, тамъ было не мало подростковъ и даже женщинъ, рѣшившихъ исполнять обязанности сестеръ милосердія. Всего въ первое время засѣло человѣкъ 600—700. По меньшей мѣрѣ половина города тѣми или иными нитями была связана съ осажденными и чувствовала себя безсильной чѣмъ-нибудь помочь. Всего больше страшила неизбѣжность при продолжительномъ сопротивленіи огромнаго числа искупительныхъ жертвъ. И съ каждымъ днемъ положеніе становилось все болѣе напряженнымъ, все болѣе тревожнымъ, все болѣе и болѣе грознымъ. Установились сильныя въ 30 и болѣе градусовъ морозы; осаждающія правительственная войска сильно страдали отъ холода и, въ буквальномъ смыслѣ слова, озвѣрѣли.

Первымъ рѣшилъ вмѣшаться въ положеніе, въ цѣляхъ его возможно благополучнаго разрѣшенія, Комитетъ к.-д. партіи. Онъ избралъ 3-хъ делегатовъ для переговоровъ — съ засѣвшими въ цехѣ о необходимости сдать и — съ генераль-губернаторомъ объ условіяхъ сдачи. Делегаты были встрѣчены генераль-губернаторомъ съ нескрываемой радостью. Онъ самъ страшился братоубійственной бойни, вспоминая, что тѣ самые рабочіе, которыхъ онъ теперь вынужденъ осаждать, передъ выступленіемъ на войну поднесли ему икону. Возвратившись съ войны невредимымъ, онъ не можетъ безъ умиленія объ этомъ благословеніи вспомнить.

— «Убѣдите ихъ сдать, — говорилъ г. Рѣдко, — а я съ своей стороны сдѣлаю все возможное для смягченія ихъ участи. Засѣвшихъ солдатъ я не могу не арестовать, но штатскіе могутъ свободно идти по домамъ».

Напутствуемые пожеланіями успѣха, делегаты отправились съ пропускомъ въ тюремный замокъ, откуда должны были получить провожатыхъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Изъ тюремнаго замка ихъ повели наискось полемъ въ желѣзно-дорожную школу, сдѣлавшуюся

передовымъ опорнымъ пунктомъ осаждавшихъ. На паравозно-сборный цехъ были наведены пулеметы, и вся мѣстность была усѣяна цѣпями солдатъ, прикрывавшихся заборами, домами и другими строениями. Школа... Боже, что изъ себя представляла школа! Мамай не могъ бы произвести въ ней большаго разрушенія. Весь полъ былъ усѣянъ разорванными книгами, учебниками, картинами; шкафы разбиты, коллекціи расхищены и испорчены; даже объективъ волшебнаго фонаря былъ зачѣмъ-то истолченъ въ порошокъ. Делегатовъ провели къ офицеру, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе слѣдовать дальше. Оставалось всего нѣсколько шаговъ до «непріятельской» территоріи. Дойдя до палатки, солдаты, улыбаясь, заявили, что дальше провожать они не могутъ. Предстояло еще пересѣчь нейтральную въ 2—3 сажени шириной полосу, раздѣлявшую два параллельно идущихъ длинныхъ забора, и черезъ другую калитку войти во владѣнія осажденныхъ. Махая носовыми платками, делегаты переступили завѣтную черту. Тамъ тоже оказались часовые, которые также пошли доложить по начальству о приходѣ постороннихъ людей. Часовые осажденныхъ и часовые правительственныхъ войскъ мирно бесѣдовали, выглядывая изъ-за заплотовъ. Замѣтивъ, что делегаты разговариваютъ съ однимъ изъ охранниковъ, какой-то старшій прервалъ бесѣду, очевидно, опасаясь вреднаго вліянія. Делегаты почувствовали, что и здѣсь царитъ воинская дисциплина на манеръ той, какую они наблюдали въ только-что оставленномъ правительственномъ лагерѣ.

Посланный возвратился и повелъ делегатовъ въ цехъ. Проходъ и окна были забаррикадированы разнаго рода чугунными плитами и остатками отъ паровозовъ. Предстояло пройти мимо охранниковъ черезъ весь цехъ въ отдѣльную небольшую комнату, гдѣ засѣдалъ теперь Объединенный Совѣтъ депутатовъ отъ с. и р., а раньше помѣщалась цеховая контора. Идя, делегаты раскланивались, имъ отвѣчали, но никто не подходилъ. Въ комнаткѣ собралось человѣкъ 30 народу: это были все разнаго рода выборныя лица; рядовиковъ тамъ не было, и дверь была наглухо заперта. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и сообщеній частнаго характера, приступили къ переговорамъ. Делегаты утверждали, что необходимо сдаться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Совѣтъ выразилъ недовѣріе обѣщаніямъ г. Рѣдко и находилъ, что еще можетъ держаться. Высказывались надежды на поддержку города, на поддержку провозимыхъ солдатъ, постоянно кричавшихъ съ мимо проходящихъ поѣздовъ: «держитесь, товарищи», и бросавшихъ краюхи хлѣба; на перемѣну настроенія правительственныхъ войскъ, уже будто бы поддающихся пропагандѣ, которую осажденные вели черезъ часовыхъ.—«Сначала ничего слушать не хотѣли,—говорили члены Совѣта,—а теперь разговоры ведутъ охотно и только насчетъ республики непоколебимы, а въ остальномъ соглашаются».

Подъ конецъ бесѣды Совѣтъ просилъ передать генераль-губернатору, что осажденные первыми стрѣлять не будутъ, и что, доведенные до крайности, они взорвутся на воздухъ, для чего у нихъ имѣется достаточно взрывчатыхъ матерьяловъ.

Делегаты попросили позволенія поговорить съ остальными осажден-

ными. Имъ въ этомъ было отказано. Оставалось только уйти. Ихъ проводили до калитки.

— Ну, какъ скоро будетъ замиреніе?—съ тревогой въ голосъ спрашивали правительственные солдаты. «Неизвѣстно»—пришлось отвѣтить делегатамъ, и видно было, что это сообщеніе легло грустной тѣнью на лицахъ осаждающихъ.

Вѣсть о посѣщеніи цеха представителями к.-д. партіи быстро разнеслась по городу, и попытка вызвала подражаніе. На другой же день и съ такимъ же успѣхомъ въ цехъ побывали делегаты Сибирскаго Областного Союза. Разрѣшенія поговорить съ рядовиками и они не получили.

Наконецъ, въ дѣло рѣшила вмѣшаться городская дума. На засѣданіе ея прибылъ губернаторъ г. Соколовскій. Гласные убѣждали губернатора не принимать по отношенію къ осажденнымъ рѣшительныхъ и кровопролитныхъ мѣръ, такъ какъ это будетъ сопровождаться разрушеніемъ зданій мастерскихъ и неминуемо вызоветъ забастовку рабочихъ, что въ свою очередь приведетъ къ пріостановкѣ въ перевозкѣ войскъ, идущихъ съ Дальняго Востока, и къ разгрому ими города. Уходя съ засѣданія, губернаторъ обѣщалъ подождать результатовъ, какія получатся отъ переговоровъ делегатовъ городской думы съ осажденными. Дума выбрала делегацію изъ 3-хъ гласныхъ, поручивъ ей отправиться въ цехъ на другой же день утромъ и уговорить осажденныхъ сдать въ интересахъ города, если не самихъ себя.

Но вопреки обѣщанію губернатора, съ утра того дня, въ который думская делегація должна была посѣтить цехъ (помнится, это было 2 января), правительственная войска открыли ружейный огонь и пальбу изъ пулеметовъ. Осажденные отвѣчали. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шла ужасная ружейная трескотня. Горожане волновались, рисуя себя, въ виду огромнаго количества выпущеннаго свинца, страшныя картины изъ убитыхъ и раненыхъ. Городскіе делегаты и делегатъ отъ Сибирскаго Областного Союза (считавшіе, что наканунѣ они были въ цехѣ недостаточно рѣшительны въ уговорахъ) кинулись къ генераль-губернатору, умоляя прекратить стрѣльбу и разрѣшить еще разъ переговорить съ осажденными. На этотъ разъ г. Рѣдко былъ уже не столь уступчивъ. Онъ заявилъ, что и штатскія лица будутъ арестованы, такъ какъ это требуютъ гражданскія власти, въ виду личности убитыхъ среди правительственныхъ войскъ (всего было убито два человѣка).

Только къ вечеру делегатамъ удалось попасть въ цехъ. Среди осажденныхъ совсѣмъ не оказалось убитыхъ и очень немного сравнительно легко раненыхъ. Металлическія загражденія блестяще выполнили свое назначеніе. Но осажденные понесли серьезный уронъ съ другой стороны. Огромныя окна цеха и особенно его стеклянная крыша были пробиты пулями и въ массу образовавшихся такимъ образомъ маленькихъ дыръ свободно проникалъ теперь 10-ти градусный наружный холодъ. Въ цехѣ было уже очень свѣжо и какъ слѣдуетъ обогрѣться было негдѣ; одной маленькой комнатки, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ, на всѣхъ хватить не могло. Прохладная температура, несомнѣнно, охлаждала и настроеніе. Правда, Совѣтъ продолжалъ

упорствовать, но на этотъ разъ делегатамъ удалось перенести разговоры изъ изолированной совѣтской комнатки въ самое зданіе цеха и... рядовая масса оказалась не на сторонѣ своихъ вожаковъ. Большинство голосовъ было принято рѣшеніе сдатьсь. Не могу не отмѣтить, что глава революціонныхъ солдатъ, офицеръ Кузьминъ, всегда былъ противъ злоупотребленій властью; по духу это былъ наиболѣе демократичный изъ вожаковъ. На городскихъ делегатовъ корректностью своего поведенія онъ произвелъ глубокое и чрезвычайно выгодное впечатлѣніе; во время доклада въ Думѣ о результатахъ своей миссіи они говорили о Кузьминѣ не иначе, какъ въ восторженныхъ выраженіяхъ, и называли его рыцаремъ.

Принимая рѣшеніе сдатьсь, солдаты просили делегатовъ выговорить право сидѣть подѣ арестомъ не въ тюрьмѣ, а въ какомъ-нибудь военномъ зданіи; рабочіе же и остальные штатскіе просили делегатовъ присутствовать при сдачѣ, справедливо полагая, что на глазахъ представителей города военныя власти примутъ болѣе энергичныя мѣры къ тому, чтобы обозленные морозами солдаты не позволяли себѣ безчинствъ по отношенію къ побѣжденнымъ.

Сдача состоялась на другой день въ присутствіи уполномоченныхъ отъ города и нѣсколькихъ горожанъ. Но ни Кузьмина, ни другихъ извѣстныхъ вожаковъ революціоннаго движенія, кромѣ одного Мельникова, среди сдавшихся не оказалось. Не полагаясь на успѣхъ ходатайствъ городской думы и генералъ-губернатора о смягченіи ихъ участи, они предпочли ночью скрыться, и общій голосъ въ городѣ былъ тотъ, что прекрасно сдѣлали. Самая сдача происходила при такихъ условіяхъ, что очень многіе изъ рабочихъ и интеллигентовъ ушли въ разныя стороны и по домамъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать между двумя рядами войскъ и въ тюрьму. Солдатъ дѣйствительно помѣстили вначалѣ отдѣльно въ одной изъ военныхъ казармъ, но послѣдствіи данное имъ обѣщаніе было нарушено и они были переведены въ тюремный замокъ.

Началась работа судебныхъ властей. Въ первые же дни были выпущены подростки и дѣвушки, игравшія роль сестеръ милосердія. Во время путешествій изъ тюрьмы къ слѣдователю многіе бѣжали. Съ нетерпѣніемъ ждали, когда бѣжитъ Мельниковъ. Но онъ какъ на зло оставался, а въ тюрьмѣ между тѣмъ въ виду многочисленныхъ побѣговъ принимались строгія предупредительныя мѣры. Казалось, что онъ обрекъ себя на гибель. Но наконецъ и онъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ сидѣнья найды, повидимому, что среди заключенныхъ уже больше нечего дѣлать, рѣшился на побѣгъ и благополучно его выполнилъ. Нѣтъ сомнѣнія что побѣги удачно проходили, благодаря благосклонному къ нимъ отношенію со стороны охранявшихъ тюрьму солдатъ.

Слѣдствіе тянулось очень долго и все время до роспуска Государственной Думы жила надежда, что вотъ-вотъ будетъ опубликована амнистія. Надеждѣ этой не суждено было сбыться. Къ счастью, еще среди лѣта арестованные рабочіе были освобождены подѣ залоги отъ 100 до 200 рублей. Деньгъ предстояло внести не мало; но они были найдены. Большую часть внесли желѣзнодорожныя мастерскія; недостававшее дали горожане.

Черезъ 13 мѣсяцевъ состоялся наконецъ судъ. Конечно, это былъ военный судъ. Но и онъ не вынесъ ни одной смертной казни.

По резолюціи отъ 3 февраля 1907 года нижніе воинскіе чины были приговорены: 9—лицъ къ каторжнымъ работамъ на сроки отъ 4 до 8 лѣтъ; 101—въ арестанскія отдѣленія на сроки отъ 1 года до 3 лѣтъ; 4—въ дисциплинарный батальонъ и 1 къ аресту на 3 дня. Лица гражданскаго вѣдомства, съ зачетомъ предварительнаго заключенія, приговорены: 45—въ исправительный домъ на время отъ 1 до 2 лѣтъ и 37—въ тюрьму на время отъ 1 мѣсяца до 1 года.

Досидятъ-ли они до конца или новая освободительная волна до срока разобьетъ ихъ оковы?..

П. К—въ.



Воспоминанія изъ жизни въ ссылкѣ.

(Посвящаются памяти Л. Ф. Яновича).

Свои воспоминанія я посвящаю памяти одного изъ выдающихся борцовъ и мучениковъ русскаго революціоннаго движенія и лучшаго человѣка, который встрѣтился на моемъ жизненномъ пути. Я не претендую на то, чтобы дать полную характеристику личности Л. Ф. Яновича,—чтобы нарисовать во весь ростъ такую сложную, глубокую и несомнѣнно крупную личность, какой былъ покойный Л. Ф.,—нужна рука художника. Я лишь пишу воспоминанія о томъ, что мнѣ пришлось пережить и пречувствовать вмѣстѣ съ нимъ и описываю его такъ, какъ его образъ выступилъ передо мной на фонѣ жизни въ ссылкѣ.

Наше знакомство состоялось 22 февраля 1900 г. въ Средне-Колымскѣ. Яркій февральскій день смѣнился густыми сумерками, когда наши нарты выѣхали изъ тошаго листовничнаго лѣска, окружающаго „городъ“, и передъ нами открылся видъ на унылый поселокъ. Крошечныя избушки безъ крышъ и безъ дворовъ были беспорядочно разбросаны на большомъ разстояніи одна отъ другой и казалось тонули въ сугробахъ снѣга. Снаружи онѣ были обморожены для тепла снѣгомъ съ водой; ихъ ледяныя окна весело сіяли, освѣщенные изъ внутри огнемъ топящихся камельковъ; надъ каждой трубой высоко взвивался столбъ искръ. Это придавало обычно печальной картинѣ веселый видъ ледяныхъ иллюминированныхъ домиковъ. Вотъ онъ пресловутый Колымскъ, конечный пунктъ нашихъ скитаній! Здѣсь намъ предстояло прожить 7 лѣтъ. Я съ жаднымъ любопытствомъ всматривалась въ окружающіе предметы, стараясь предугадать по нимъ, что за жизнь ожидаетъ насъ здѣсь. Вотъ мы и въ „городѣ“. Появленіе нашихъ нартъ на пустынныхъ улицахъ, Колымска тотчасъ было замѣчено. По улицамъ забѣгали и засуетились какія-то фигуры и вскорѣ насъ остановили два человѣка съ ителлигентными европейскими физиономіями. Это были ссыльные Стржецкій и Калашниковъ. Оказалось, что о нашемъ пріѣздѣ давно уже знали въ Колымскѣ, насъ поджидали и приготовили намъ квартиру. Послѣ первыхъ привѣтствій новые товарищи предлож ли намъ слѣдовать за ними къ избѣ, занимаемой ссыльнымъ Цыперовичемъ, гдѣ насъ предпола.

гали временно помѣстить. Квартира Ц. была типичнымъ жилищемъ колымскаго ссыльнаго: изба въ одну комнату, замороженная снаружи, со льдинами вмѣсто стеколъ, съ плоской крышей, она и внутри не отличалась большимъ благоустройствомъ. Дверь, обитая коровьей шкурой, вела прямо съ улицы въ единственную комнату, служившую спальней, кабинетомъ и кухней. Всю стѣну противъ входной двери занималъ большой столъ, на которомъ въ порядкѣ были сложены книги и тетради; на стѣнѣ полка съ книгами, въ углу кровать сколоченная изъ досокъ, скамейка у стола, одинъ—два табурета—вотъ и вся обстановка. Въ углу избы близъ входной двери ярко пылалъ большой камелекъ. Не успѣли мы раздѣться и познакомиться съ хозяиномъ квартиры, какъ изба наполнилась ссыльными, которые торопливо сбѣгались со всѣхъ концовъ Колымска, спѣша скорѣе познакомиться съ новыми товарищами, узнать отъ нихъ, что дѣлается на свѣтѣ, получить письма и свѣжія газеты. Только тотъ, кто живалъ въ далекой ссылкѣ, знаетъ какимъ крупнымъ событіемъ въ жизни колоніи ссыльныхъ являются пріѣздъ новыхъ товарищей, сколько бываетъ связано съ нимъ надеждъ, ожиданій, сколько подчасъ разочарованій и огорченій, только тотъ пойметъ, почему съ такимъ волненіемъ ссыльные ждутъ пріѣзда новыхъ людей. Мы стали знакомиться съ колымчанами. Пошли разспросы о жизни на волѣ, объ общихъ знакомыхъ, о дѣлѣ по которому попали въ ссылку, хотѣлось, наконецъ, знать, кто какого толка и къ какой принадлежить организаціи.

„А вотъ и Яновичъ!“, сказалъ кто-то. Я быстро обернулась къ двери. Мнѣ уже раньше въ Якутскѣ пришлось слышать о Людвигѣ Оомичѣ, какъ о человѣкѣ выдающемся и его личность возбуждала во мнѣ большой интересъ. Въ дверь вошелъ человѣкъ выше средняго роста, худощавый въ короткомъ романскомъ полушубкѣ, шапкѣ съ наушниками и высокихъ валеныхъ сапогахъ. Когда онъ снялъ шапку и шарфъ, я увидѣла блѣдное нѣжное лицо, обрамленное темной бородой съ карими большими глазами необыкновенно печальными и добрыми. Лицо это поражало каждого, кто видѣлъ его хоть разъ: оно было прекрасно своей полной одухотворенностью, печать трагизма лежала на немъ. „А мы давненько ужъ васъ поджидаемъ“, сказалъ онъ, знакомясь съ нами. Голосъ у него былъ нѣжный мягкаго тембра, говорилъ онъ нѣсколько застѣнчиво съ легкимъ заиканіемъ, которое становилось замѣтнымъ только тогда, когда Л. О. бывалъ чѣмъ нибудь взволнованъ. Его манеры были благородны, въ нихъ сказывался человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе, а въ мягкомъ деликатномъ обращеніи съ людьми сквозило много сердечной доброты. Намъ пришлось повторить ему то небольшое, что мы уже рассказывали другимъ товарищамъ. Съ первыхъ-же словъ въ немъ чувствовалась высокая степень духовной культурности, дальнѣйшая бесѣда обнаруживала серьезный, глубокій умъ и обширныя познанія. Въ этотъ первый вечеръ знакомства мы недолго видѣлись съ Л. О. Я такъ утомилась отъ безконечной ѣзды по холоду,

что нуждалась въ немедленномъ отдыхѣ, а потому товарищи поспѣшили оставить насъ однихъ, но первое-же впечатлѣніе отъ личности Яновича и у меня и у мужа было необыкновенно, сильное и хорошее. Наши сердца открылись навстрѣчу ему, почва для дружбы была подготовлена, и, дѣйствительно, въ послѣдствіи между нами установились самыя теплыя, дружескія отношенія.

На слѣдующій день я съ мужемъ навѣстили Л. Θ. въ его квартирѣ. Онъ въ то время завѣдывалъ библіотекой колоніи и жилъ въ домѣ, отведенномъ подъ нее. Библиотека состояла приблизительно изъ 2000 томовъ и была составлена новой ссылкой частью изъ книгъ, оставшихся отъ прежнихъ ссыльныхъ (80-хъ и начала 90-хъ годовъ), частью изъ новыхъ книгъ, привезенныхъ новымъ поколѣніемъ. Въмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами Людвигъ Θомичъ употребилъ много времени и усилий, чтобы привести въ порядокъ разрозненные и разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ книги, подобрать ихъ, по отдѣламъ, переплести растрепанные экземпляры и составить каталоги. Когда все это было закончено, онъ приобрѣлъ домъ и подарилъ его колоніи подъ библіотеку. Съ тѣхъ поръ выборный библіотекаръ имѣлъ право на даровое помѣщеніе при библіотекѣ. Колымская библіотека помѣщалась въ довольно просторной, съ очень низкимъ потолкомъ избѣ, которая была перегорожена надвѣ комнаты—переднюю съ камелькомъ, предназначенную для квартиры библіотекаря, заднюю—библіотеку. Эта послѣдняя была почти сплошь заставлена полками съ книгами, стоявшими вдоль стѣнъ и среди комнаты, и перегоражившими ее на два узкіе корридорчика. Въ передней комнатѣ съ камелькомъ, которую занималъ Л. Θ., прежде всего бросался въ глаза большой столъ, заваленный множествомъ книгъ на разныхъ языкахъ преимущественно экономическаго содержанія, тетрадями, отдѣльными листками, картограммами, таблицами и проч. рукописнымъ матеріаломъ. На столѣ, казалось, царилъ полный хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности разобраться но это только казалось постороннему наблюдателю: на самомъ дѣлѣ безпорядокъ былъ чисто внѣшній, за нимъ скрывалась система. Самъ Л. Θ. прекрасно ориентировался въ этомъ хаосѣ и моментально находилъ необходимую ему тетрадь съ выписками или таблицу. Безпорядокъ царилъ не только на столѣ, но и во всей комнатѣ—видно было, что ее рѣдко убираютъ и мало заботятся о самомъ примитивномъ благоустройствѣ и комфортѣ. Обстановка и весь видъ были настолько убоги, что выдѣлялись этимъ даже на общемъ фонѣ убожества колымской жизни.

Я спросила Людвигъ Θомича, чѣмъ онъ занимается и узнала, что любимыя его науки—исторія, географія и статистика. „Статистика—моя слабость“,—сказалъ онъ, застѣнчиво улыбнувшись. Тутъ же онъ показалъ намъ свои тетради, исписанныя мелкимъ четкимъ почеркомъ. Онѣ были заполнены множествомъ выписокъ изъ разныхъ книгъ и журнальныхъ статей по экономическимъ вопросамъ, исторіи, государствовѣдѣнію и проч. Мелкія изящныя цыфры покрывали цѣлыя страницы. Это были данныя о развитіи

промышленности, сельскаго хозяйства и торговли, о народномъ образованіи, ростѣ народонаселенія, политическихъ партіяхъ въ Зап. Европѣ, ихъ ростѣ и соотношеніи силъ въ каждой. Мнѣ этотъ матеріалъ показался сухимъ, но для Л. Э. эти факты и цифры не были мертвы, для него они освѣщались одной руководящей идеей—идеей борьбы за социалистическій строй, они рисовали ему положеніе каждой страны въ настоящемъ и открывали ему перспективы ея историческаго развитія въ будущемъ; по нимъ онъ всегда могъ учесть соотношение силъ арміи трудящихся и ихъ угнетателей. Глубоко преданный дѣлу социализма, онъ старательно собиралъ матеріалъ, касающійся социалистическаго движенія всѣхъ странъ міра; этотъ матеріалъ онъ обрабатывалъ съ особенной любовью и тщательностью. Въ каждый данный моментъ отъ него можно было получить самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о ростѣ и развитіи социалистическаго движенія въ любой странѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха мы стали устраиваться и приспособливаться къ новой жизни. Людвигъ Эомичъ, утомленный продолжительнымъ библиотечарствомъ, сдалъ свои обязанности моему мужу и мы поселились въ библиотекѣ, которую онъ покинулъ, перебравшись временно къ Ц. Мы вступали въ новую жизнь. Эта жизнь была мало привлекательна. Мы были оторваны отъ всего, чѣмъ жили раньше, что составляло смыслъ и давало содержаніе нашей жизни. Намъ предстояло существованіе безъ цѣли, безъ живого дѣла и впечатлѣній, въ условіяхъ примитивнаго хозяйства. Единственной связью съ далекимъ живымъ міромъ являлась для насъ почта. Въ наше время почта приходила 8—9 разъ въ году; она приносила груды газетъ и журналовъ, выписываемыхъ колоніей, а нѣкоторымъ счастливымъ и письма. Съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ ждали мы каждый разъ ея прихода, какъ волновались, доходя почти до галлюцинацій, и какое горькое разочарованіе и уныніе испытывали всякій разъ тѣ, кому пришедшая почта не приносила ничего съ далекой родины, никакой вѣсточки о дорогихъ людяхъ, о дорогомъ дѣлѣ! Случалось, что послѣ долгихъ мѣсяцевъ напрасныхъ ожиданій, приходило, наконецъ, письмо, но оно приносило такія вѣсти, что было бы лучше не получать его совсѣмъ. Такъ намъ предстояло прожить долгіе годы и если мы легко и бодро вступили въ эту жизнь, не обѣщавшую намъ ничего хорошаго, то этимъ мы въ значительной степени были обязаны дружескому участію, съ какимъ насъ встрѣтили наши новые товарищи въ Колымскѣ. Мы всѣ жили тѣснымъ дружнымъ кружкомъ, взаимно поддерживая и помогая другъ другу; каждый изъ насъ въ отдѣльности былъ слабъ и безпомощенъ въ этихъ условіяхъ существованія, а потому простой инстинктъ самосохраненія требовалъ отъ насъ сплоченности. Мы представляли собою замкнутую корпорацію, нашимъ лозунгомъ было—всѣ за одного, одинъ за всѣхъ! У насъ выработались и сложились свои традиціи,—традиціи колымской ссылки; одной изъ этихъ традицій, которой мы особенно дорожили, было—не

просить никогда пощады у врага, никогда не обращаться къ администраціи съ просьбами объ улучшеніи своего положенія. Вся наша небольшая (17—18 человѣкъ) колонія вела трудовую жизнь; всѣмъ приходилось исполнять разныя хозяйственные работы, но помимо того большинству былъ необходимъ заработокъ. Единственная отрасль интеллигентнаго труда, находившая себѣ примѣненіе въ Колымскѣ, была медицина. Обучать дѣтей въ то время намъ было строжайше запрещено, а другія знанія совершенно не къ чему было примѣнить; поэтому товарищи, знавшіе ремесла, находились въ лучшемъ положеніи по сравненію съ незнающими и неимущими. Трое ссыльныхъ съ медицинскимъ образованіемъ занимали должности при мѣстной больницѣ—врача, фельдшерицы и акушерки; остальные работали въ качествѣ плотниковъ, печниковъ, рыболововъ. Намъ съ мужемъ тоже необходимъ былъ заработокъ, но такъ какъ мужъ не зналъ никакого ремесла, то ему пришлось заняться несложной, но довольно тяжелой работой—мѣсить изъ глины кирпичи и изъ нихъ складывать печи и камельки по заказу мѣстныхъ обывателей. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ усерднѣе заняться домашнимъ хозяйствомъ. Все наше время было заполнено трудомъ, отъ физическаго труда мы переходили къ умственному. Всѣ свободные часы посвящались чтенію по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ чувствовались наибольшіе пробѣлы, изученію языковъ, взаимному обученію. Тѣ изъ насъ, которые не нуждались въ заработкѣ, могли все свое время отдавать самообразованію и литературнымъ работамъ. Вообще, можно сказать, что отличительными чертами колымской колоніи того времени были трудовой тонъ жизни и высокій уровень умственныхъ интересовъ. Въ обычное время мы учились; когда же приходила почта, мы съ жадностью набрасывались на газеты и журналы, вышедшіе три иногда и 5 мѣсяцевъ тому назадъ, мы переживали и волновались событіями, которыя уже давно были пережиты и сдѣлались достояніемъ прошлаго во всѣхъ цивилизованныхъ мѣстахъ. Такъ переживали мы англо-бурскую войну, за развертывающимися событіями которой слѣдили съ неослабнымъ интересомъ. Идейныя теченія социализма, главнымъ образомъ „бернштейніанство“, волновали умы колымской ссылки. Не мало копій было поломано сторонниками и противниками этого теченія въ словесныхъ турнирахъ. Конгрессы Зап.-Европейскихъ социалистическихъ партій составляли цѣлую эпоху въ нашей жизни. Съ какимъ интересомъ за ними слѣдили въ Колымскѣ, сколько споровъ вызывала та или иная резолюція! Все это давало пищу нашимъ умамъ, отвлекало отъ неприглядной дѣйствительности и являлось для насъ нѣкоторымъ суррогатомъ жизни въ этомъ краю. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей серьезно занимались изученіемъ того или иного вопроса, поскольку это было возможно въ условіяхъ колымской жизни, но больше всѣхъ работалъ на поприщѣ умственнаго труда Людвигъ Ѳомичъ. Научныя занятія заполняли все его время—они были цѣлью его жизни въ ссылкѣ; его работы велись въ системѣ, по

опредѣленному плану, съ опредѣленной цѣлью и были вполне серьезными научными трудами. Нѣтъ сомнѣнія, что его обширныя знанія, его громадная трудоспособность, гибли бесплодно въ глухомъ краю. Но даже тамъ за 10000 верстъ отъ культурныхъ центровъ, въ далекомъ, гибломъ Колымскѣ, являющемся предѣломъ убожества человѣческаго существованія, онъ работалъ неустанно, собирая откуда только возможно матеріалъ, и сумѣлъ дать весьма серьезное изслѣдованіе по исторіи развитія польской промышленности. Эта статья, написанная въ отвѣтъ на книгу извѣстной польской социаль-демократки Р. Люксембургъ, опровергаетъ цѣлымъ рядомъ историческихъ документовъ и статистическихъ данныхъ распространенное мнѣніе, защищаемое польской писательницей, по которому развитіе и процвѣтаніе польской промышленности создано исключительно благодаря покровительственной системѣ русскаго правительства; безъ покровительства русскаго двухглаваго орла и безъ русскихъ рынковъ промышленность Польши должна была бы заглохнуть; а такъ какъ съ развитіемъ промышленности тѣсно связано благосостояніе и духовный ростъ пролетаріата, то судьбы польскаго пролетаріата и социалистическаго движенія въ Польшѣ, по мнѣнію Р. Люксембургъ, всецѣло зависятъ отъ совмѣстнаго существованія Польши и Россіи. Первые три главы этой статьи, написанной первоначально по-польски, были напечатаны въ „Научномъ Обзорѣніи“ за 1902 г. подъ заглавіемъ „Очеркъ развитія польской промышленности“, за подписью Я. Иллиничъ. Эта статья сразу была замѣчена и оцѣнена въ экономической литературѣ, какъ серьезный трудъ; на нее стали ссылаться. Редакція предложила Л. О. постоянное сотрудничество въ своемъ журналѣ, но это предложеніе было получено уже послѣ его смерти. Кромѣ этой научной статьи Л. О. написалъ въ Колымскѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ воспоминаній— о Шлиссельбургской крѣпости, о казни надъ пролетаріатцами, автобіографическіе очерки. Все это, написанное на польскомъ языкѣ, было напечатано въ одномъ изъ партійныхъ органовъ Польской Соціалистической Партіи (P. P. S), къ которой онъ при мыкалъ по возвращеніямъ. Страстно любя науку и отдавая ей много времени, Л. О. тѣмъ не менѣе не былъ и не могъ бы сдѣлаться кабинетнымъ ученымъ. Жизнь съ ея борьбой и страданіями неудержимо влекла его къ себѣ. Онъ любилъ науку какъ самоцѣль, какъ можетъ любить ее высокоразвитый умъ, жаждущій непрерывной интеллектуальной дѣятельности, но еще больше онъ любилъ ее какъ средство къ познанію той правды-истины, правды-справедливости, къ которой всю жизнь стремилась его пламенная душа, жаждавшая борьбы и подвига.

Отличительной чертой его, какъ ученаго, была необыкновенная добросовѣстность: легкомысленнаго обращенія съ фактами, малѣйшей натяжки въ выводахъ онъ просто не выносилъ—они его глубоко отталкивали. Онъ пересталъ читать статьи довольно извѣстнаго заграничнаго корреспондента, сотрудничающаго въ

одномъ изъ толстыхъ журналовъ, съ тѣхъ поръ, какъ убѣдился, что тотъ недостаточно добросовѣстно обращается съ фактическимъ матеріаломъ.—„Я не понимаю такого отношенія къ дѣлу“ говорилъ Людвигъ Өмичъ, нѣсколько волнуясь,—„по моему это неуваженіе къ читателю“.—Самъ онъ въ своихъ статьяхъ и спорахъ выступалъ всегда во всеоружіи знанія и къ другимъ въ этомъ отношеніи предъявлялъ высокія требованія. Случалось иногда, что какой нибудь любитель поспорить выступалъ въ спорѣ смѣло, но безъ достаточныхъ знаній. Въ такихъ случаяхъ Л. Ө. обрушивался съ безпощадной критикой и самоувѣренному спорщику приходилось плохо, но и здѣсь онъ старался не показать личнаго превосходства и не задѣтъ самолюбія противника. Онъ былъ чрезвычайно скромнъ и никогда не стремился блистать. Въ спорахъ онъ охотно принималъ участіе, но относился къ нимъ такъ же серьезно, какъ вообще ко всякому дѣлу, за которое принимался. Онъ никогда не спорилъ только для того, чтобы одержать побѣду въ словесномъ турнирѣ, а лишь чтобы доказать истину. Знанія его въ области экономическихъ вопросовъ, исторіи, особенно политической, и государствовѣднїя были громадны, память у него была превосходная, и опровергнуть его въ спорѣ бывало очень трудно. Это былъ человекъ европейски образованный и ученый политикъ по призванію. Живи онъ въ культурныхъ условіяхъ Западной Европы, онъ несомнѣнно занялъ бы выдающееся мѣсто въ качествѣ лидера одной изъ социалистическихъ партій, но русская дѣйствительность не могла дать ему ничего кромѣ 11 лѣтъ каторжнаго шлиссельбургскаго режима и смерти въ холодной далекой странѣ. Насколько Л. Ө. любилъ умственный трудъ, настолько же онъ былъ равнодушенъ къ физическому. Онъ всегда готовъ былъ просто и безъ ропота приняться за какую угодно работу, разъ это было нужно, но приспособиться къ ней ему бывало трудно, и она не доставляла ему никакого удовольствія. Въ ссылкѣ, куда онъ попалъ въ 1897 г. по выходѣ изъ Шлиссельбурга, Л. Ө. пользовался большимъ уваженіемъ и любовью. Обаяніе его личности распространялось рѣшительно на всѣхъ, часто даже на совершенно некультурныхъ людей, которые инстинктивно чувствовали въ немъ прекрасную возвышенную душу. Онъ былъ для насъ высшимъ нравственнымъ авторитетомъ. По общему признанію колымскихъ товарищей, тотъ высокій тонъ жизни, которымъ такъ выгодно выдѣлялась наша колонія изъ ряда другихъ ссыльныхъ колоній, въ значительной степени созданъ подъ вліяніемъ личности Л. Ө. Онъ былъ противникомъ ссоръ и вражды въ товарищеской средѣ, малѣйшая грубость и несправедливость въ взаимныхъ отношеніяхъ между ссыльными его глубоко огорчала; благодаря его личному вліянію, мелкія тренія, неизбѣжныя при постоянномъ соприкосновеніи и безцѣльности жизни въ ссылкѣ, проходили безслѣдно и никогда не выносились на поверхность колоніальной жизни. Онъ былъ какъ бы признаннымъ третейскимъ судьей. Самъ онъ былъ до крайности добръ и снисходителенъ къ людямъ. Какъ умѣлъ онъ понимать

и прощать слабости человѣческой души въ другихъ и какъ былъ строгъ къ себѣ! Только одного онъ не могъ простить, это—отсутствія чести и достоинства въ личномъ поведеніи и каждый разъ становился неумолимо суровымъ къ тому, кто нарушилъ тотъ высокій кодексъ чести, который, по его понятіямъ, долженъ былъ поддерживать каждый изъ насъ. Въ немъ отражались честь и совѣсть нашей колоніи Онъ былъ какъ бы воплощеніемъ этой чести и достоинства.—Мягкость и нѣжность характера уживались въ немъ съ непреклонной силой воли и страшной рѣшимостью, которыя выступали всякій разъ, когда мирное теченіе жизни внезапно нарушалось и приходилось лицомъ къ лицу становиться съ разрѣшеніемъ сложныхъ, острыхъ вопросовъ. Это была прекрасная гармоническая натура. Въ немъ счастливо совмѣщались ученый и пламенный борецъ, нѣжная, кристаллически чистая душа и безстрашный боецъ, готовый каждую минуту поставить на карту и свою и чужую жизнь. Душа его была чиста и серьезна, какъ звукъ органа... Онъ страшно рвался къ жизни, къ борьбѣ, а ему предстояло неопредѣленно долго влачить существованіе въ Колымскѣ. Было больно и тяжело смотрѣть на это горѣніе... Одинъ только годъ мнѣ пришлось прожить съ Л. Э. въ Колымскѣ, но за этотъ годъ я имѣла возможность близко и хорошо узнать его и я съ мужемъ полюбили его со всей теплотой и нѣжностью дружеской опривязанности.

Всѣ члены колоніи часто видѣлись между собой, а библіотека въ силу своего общественнаго назначенія, была мѣстомъ особенно часто посѣщаемымъ. Л. Э. тоже любилъ заходить къ намъ въ библіотеку отдохнуть отъ работъ, сыграть партію въ шахматы, поговорить. Но иногда онъ пропадалъ на нѣсколько дней: это случалось, или когда онъ бывалъ увлеченъ работой, или когда переживалъ особенно тяжелыя минуты тоски. Тогда онъ еще больше уходилъ въ себя, его постоянно печальный взглядъ принималъ мрачный оттѣнокъ, выраженіе затаенной муки сквозило въ его потемнѣвшихъ чертахъ. Въ такихъ случаяхъ приходилось итти къ нему, нарушать его одиночество. Это было положительно необходимо: самъ онъ никогда не думалъ объ отдыхѣ и объ удобствахъ жизни. Обстановка, въ которой онъ жилъ, производила тяжелое впечатлѣніе; это было такое полное пренебреженіе къ матеріальной сторонѣ жизни, какого я раньше никогда не встрѣчала, эта сторона жизни какъ будто не существовала для него, но она отмшала ему, унося его здоровье. Какъ товарищъ, онъ тоже стоялъ выше всѣхъ другихъ. Чувство личной собственности у него совсѣмъ не было развито: онъ раздавалъ все, что имѣлъ. Изъ той ничтожной суммы денегъ, которой онъ располагалъ (400 р. въ годъ) онъ ухитрялся удѣлять на революціонную работу, на общественныя дѣла колоніи, щедрой рукой оказывалъ товарищескую помощь нуждающимся, что всегда сохранялъ въ строгой тайнѣ, и только остатокъ расходовалъ на

себя. Конечно, того, что онъ получалъ, никогда не хватало, и ему приходилось прибѣгать къ сложнымъ финансовымъ операціямъ, чтобы временно покрыть дефицитъ. Благодаря всему этому онъ отказывалъ себѣ подчасъ въ самомъ необходимомъ—пилъ чай безъ сахара, сохранивъ его только для гостей, питался кускомъ мяса, свареннымъ въ водѣ, которую выплескивалъ потому, что варить супъ было некогда. Ему не хватало времени для заботъ о пищѣ, жилищѣ, одеждѣ, и если онъ имѣлъ приличный видъ въ своемъ до крайности поношенномъ костюмѣ, то лишь въ силу характера благородства, которымъ была отмѣчена его наружность. Когда бы къ нему ни приходили, его всегда заставляли за чтеніемъ, литературными работами, составленіемъ таблицъ, рисованіемъ картограммъ, которыя онъ приготовлялъ чрезвычайно быстро и изяшно. Остатокъ времени приходилось отдавать товарищеской средѣ и общественной жизни колоніи. Не было никакой возможности уговорить его измѣнить образъ жизни. Сколько мы всѣ ни старались повліять на него въ этомъ отношеніи, это ровно ни къ чему не приводило, онъ отшучивался и оставался при своемъ, а между тѣмъ для другихъ онъ признавалъ необходимыми и удобства и радости. Онъ всегда испытывалъ большое удовольствіе, когда могъ хоть немного скрасить жизнь товарищей. Надо было видѣть радость Л. Ө., когда, онъ, получивъ изъ дому посылку съ разными вещами—книгами, платьемъ, сладостями,—спѣшилъ раздарить товарищамъ все, кромѣ книгъ, стараясь внести въ этотъ дѣлежъ возможно больше справедливости. Стремленіе къ справедливости и равенству было одной изъ основныхъ чертъ его характера и сказывалось у него даже во всѣхъ мелочахъ. Л. Ө. 5 лѣтъ прожилъ въ условіяхъ колымской ссылки; жизнь его въ Колымскѣ помимо общихъ тяжелыхъ условій сложилась очень печально—ему пришлось пережить сначала самоубійство товарища Гуковского и, наконецъ, еще одну драму, которая измучила его нравственно и физически. Мнѣ пришлось вмѣстѣ съ нимъ переживать тяжелыя минуты, когда жизнь неожиданно поставила передъ нами вопросъ, требующій настойчиваго разрѣшенія и тогда его духовный образъ выступилъ передо мной во весь свой ростъ.

II.

Въ Колымскѣ наступала весна. Всѣ мы, изнервничавшіеся за долгую полярную зиму, ждали ее съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ. Въ концѣ мая прошла Колыма и у насъ открылся лѣтній сезонъ. Короткое лѣто за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ тоже имѣетъ свои прелести. Яркій свѣтъ полярнаго лѣтняго солнца, не скрывающагося за горизонтомъ, ослѣпительно блестящій въ ночные часы, зелень разнообразныхъ мягкихъ оттѣнковъ, красивые сѣверные цвѣты безъ запаха—все это холодно и сурово, но своеобразно красиво. Мы всѣ послѣ зимы спѣшили насладиться свѣтомъ и тепломъ короткаго сѣвернаго лѣта. Все свободное время мы про-

водили на воздухъ, устраивали прогулки, катанье съ парусомъ на лодкѣ, не считались даже съ тучами комаровъ, которые въ этомъ краю положительно отравляютъ жизнь всякаго существа. Я чувствовала себя утомленной этой первой полярной зимой, она казалась мнѣ мучительно долгой, поэтому, когда наступило лѣто, я безконечно была рада теплу и свѣту; яркій неперемежающійся свѣтъ мнѣ особенно нравился. Я готова была не спать цѣлыми ночами, чтобы больше пользоваться имъ. Въ свободные часы, нерѣдко ночью, я уходила одна за городъ. Выйти за городъ было не трудно—лѣсъ врѣзается клиньями въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ городокъ, расположенный по берегу Колымы, но почва въ окрестностяхъ Колымска и частью даже въ самомъ городѣ представляетъ сплошное кочковатое болото, поросшее разнообразнымъ листовичнымъ лѣсомъ. Ходить по такой почвѣ трудно. Единственнымъ мѣстомъ, доступнымъ моему изслѣдованію, гдѣ можно было ходить не прибѣгая къ балансированію съ кочки на кочку, была узкая сухая полоска, тянувшаяся по гребню довольно высокаго берега вдоль Колымы. Эта полоска была излюбленнымъ мѣстомъ для прогулокъ всѣхъ насъ. Скоро я изучила его, мнѣ сдѣлался знакомъ здѣсь каждый кустъ, каждая тропинка. Близъ города, къ югу, на берегу рѣки стоялъ кирпичный сарай, выстроенный нашими печниками, а въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ отъ него, вглубь лѣса, находилась еще единственная въ то время въ Колымскѣ могила ссыльнаго Гуковского, покончившаго самоубійствомъ въ 1899 г. Мѣсто глухое, суровое и дикое; съ могилы открывался широкій горизонтъ съ видомъ на Колыму и противоположный берегъ ея. Здѣсь нерѣдко можно бывало застать Л. Ө. особенно по вечерамъ, когда онъ, окончивши свои занятія, отправлялся на прогулку. Онъ очень заботился о могилѣ, убирая ее постоянно цвѣтами. Здѣсь онъ любилъ сидѣть и любоваться открывающимся видомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что это мѣсто выбрано подъ могилу по его настоянію, что оно нравится ему своимъ мрачнымъ, суровымъ колоритомъ. „Не правда ли“—спросилъ онъ какъ-то—въдъ это мѣстоположеніе и природа такъ гармонируютъ съ нашимъ положеніемъ въ этомъ краю?“ Онъ былъ правъ. Но все же я, при моемъ въ то время еще жизнерадостномъ міросозерцаніи, не могла проникнуться его настроеніемъ: меня тянуло къ жизни, къ свѣту,—холодъ и мракъ могилы не привлекали меня. Я старалась поскорѣе увести Л. Ө. изъ этого мрачнаго уголка на болѣе открытыя, веселыя мѣста и мы шли бродить вмѣстѣ, собирать цвѣты и составлять букеты, которые онъ дѣлалъ съ большимъ вкусомъ. Я вообще никогда не могла согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ товарищей, утверждавшихъ, что у Л. Ө. не развито эстетическое чувство. Трудно допустить, чтобы человѣкъ, такъ глубоко и тонко чувствующій, могъ не чувствовать и не понимать красоты. По моему глубококому убѣжденію онъ былъ натурой эстетической: онъ любилъ все прекрасное, все что дѣлаетъ жизнь красивой и поднимаетъ ее надъ уровнемъ простаго существованія, но въ силу сдержанности и нѣкотораго аскетизма свойственныхъ его натурѣ,

онъ никогда не допускалъ шумныхъ проявленій своихъ чувствъ и впечатлѣній, какъ это часто дѣлаютъ другіе. Каждый, кто прочтетъ воспоминанія самого Л. Э., полные прекрасныхъ описаній и характеристикъ, согласится, что помимо ума и благородной души автора въ нихъ проявляется большая чуткость и способность къ художественному воспріятію. Я любила наши прогулки по болотамъ, для меня имѣло большую прелесть общеніе съ этой высоко-нравственной, обаятельной личностью. О чемъ только мы не говорили въ эти часы! Воспоминанія дѣтства, юности, планы будущихъ работъ Людвигъ Эомича, его рассказы о годахъ заключенія въ Шлиссельбургѣ и объ оставшихся тамъ дорогихъ товарищахъ, воспоминанія изъ прошлаго русскаго революціоннаго движенія. Память у Л. Э. была прекрасная; онъ помнилъ во всѣхъ подробностяхъ событія прошлыхъ лѣтъ. Особенно хорошо онъ зналъ исторію „Пролетаріата“, въ рядахъ котораго боролся самъ, но также хорошо зналъ и исторію русскаго революціоннаго движенія, исторію „Народной Воли“, въ дѣятельности которой тоже принималъ участіе, руководителей которой зналъ на волѣ и въ Шлиссельбургѣ. Его рассказы изъ исторіи революціоннаго движенія были для меня очень поучительны; въ его освѣщеніи мнѣ дѣлалась понятной борьба идей и направленій въ прошломъ нашего освободительнаго движенія. Въ колымской библіотекѣ хранилась рукопись матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія, составленныхъ Л. Э. по различнымъ источникамъ, а также на основаніи личныхъ воспоминаній его самаго и другихъ дѣятелей его эпохи. Такъ провели мы часть лѣта. Въ іюнѣ трое нашихъ товарищей-колонистовъ стали собираться въ экскурсію—спуститься въ лодкѣ внизъ по Колымѣ къ Ледовитому океану. Эту поѣздку они предпринимали уже не въ первый разъ. Потребность отдохнуть отъ гнетущей обстановки, уйти на просторъ, подальше отъ постылаго мѣста, на свободѣ испытать другую жизнь, была очень велика и ни громадное разстояніе, ни цѣлый рядъ лишней и трудностей во время дороги не могли остановить нашихъ путешественниковъ: они рвались встряхнуться отъ Колымской жизни и набраться новыхъ впечатлѣній. Л. Э. никогда не принималъ участія въ подобныхъ поѣздкахъ. Онъ зналъ, что къ физическому труду онъ не приспособленъ, что силы его невелики, а быть въ тягость товарищамъ онъ ни за что бы не согласился. А между тѣмъ подобная поѣздка могла внести нѣкоторое разнообразіе въ его жизнь и нѣсколько развлечь его. Послѣ отъѣзда самыхъ веселыхъ и живыхъ членовъ колоніи, намъ, оставшимся, сдѣлалось еще тоскливѣе. Л. Э. часто грустилъ. Подъ предлогомъ спѣшной работы онъ старался большую часть времени проводить въ одиночествѣ, (онъ въ это время кончалъ свою статью противъ Р. Люксембургъ) и не часто удавалось его въ это время привлечь къ нашимъ прогулкамъ. Наступили 20-ыя числа іюля. Лѣто подходило къ концу; въ воздухѣ запахло осенью; 20 или 21-го выпалъ густой снѣгъ, который тотчасъ растаялъ, но онъ напомнилъ о приближеніи долгой, суровой зимы. Послѣ этого Л. Э. пришелъ къ намъ

и объявилъ, что на слѣдующій день ѣдетъ съ Орловымъ на лодкѣ до заимки „Среднее“, гдѣ неводилъ Калашниковъ. Этотъ планъ очень понравился моему мужу, но самъ онъ не могъ принять участія въ этой поѣздкѣ потому, что въ это время у него была горячая рабочая пора, тѣмъ не менѣе ему очень хотѣлось доставить мнѣ развлеченіе и онъ сталъ уговаривать меня поѣхать. Я боялась, что эта экскурсія очень утомитъ меня, но соблазнъ посмотреть природу Колымскаго края и своеобразную жизнь колымчанъ на заимкахъ былъ великъ, и я согласилась ѣхать. На слѣдующій день (24-го іюля) мы сѣли въ большую лодку. Людвигъ Өомичъ, Орловъ и я, и напутствуемые пожеланіями оставшихся, весело поплыли внизъ по Колымѣ. Поѣздка на самомъ дѣлѣ оказалась очень утомительной, но и очень интересной. Мы плыли по теченію, изрѣдка прибѣгая къ весламъ и парусу; на заимкахъ, попадавшихся намъ по пути, мы выходили, знакомились съ жителями и вездѣ встрѣчали самый привѣтливый пріемъ; отъ времени до времени мы устраивали привалы на берегу, раскладывали костеръ, варили чай, уху изъ рыбы, которой запасались на заимкахъ. Пріятно было сидѣть у пылающаго костра и любоваться высокими, обрывистыми скалами, поросшими хвойнымъ лѣсомъ, которыя такъ причудливо возвышались надъ нашими головами. Въ лѣсу было много ягодъ и грибовъ; мы собирали ихъ и пополняли ими нашъ столъ. Погода намъ благопріятствовала; было хотя и холодно, но сухо и ясно. Мы были въ отличномъ настроеніи, Л. Ө. былъ веселъ, что съ нимъ бывало очень рѣдко и мило шутилъ. Переночевавши вторую ночь на какой-то заимкѣ—первую мы провели въ лодкѣ—въ полдень 26-го мы пріѣхали на заимку „Среднее“. Здѣсь обыкновенно рыбачилъ Калашниковъ, но теперь его здѣсь не оказалось—онъ недавно перекочевалъ на заимку Жирково, лежавшую еще ниже, гдѣ по его соображеніямъ промыселъ былъ въ это время лучше. „Среднее“ лежало въ 70-ти верстахъ отъ Колымска. Мы съ Л. Ө. нашли, что заѣхали уже достаточно далеко и рѣшили, переночевавши въ „Среднемъ“, на слѣдующее утро нанять почтовую лодку и вернуться домой. Только что мы расположились въ избѣ знакомаго колымчанина за чаемъ, какъ вошелъ кто то изъ семьи хозяина и объявилъ, что къ заимкѣ подъѣзжаетъ Калашниковъ. Мы, обрадованные этой вѣстью, оставили чай и тотчасъ вышли встрѣтить Калашникова. Дѣйствительно, вдали на противоположномъ берегу рѣки, видна была лодка, которую тащили собаки бичевой. Сами мы совершенно не могли опредѣлить—кто въ лодкѣ и чьи впряжены собаки, и намъ оставалось положиться на опытность мѣстныхъ обывателей, обладающихъ великолѣпнымъ зрѣніемъ и большой наблюдательностью. Мы весело разговаривали между собой, представляя себѣ удивленіе К. по поводу встрѣчи съ нами, которой онъ совсѣмъ не могъ ожидать. Наконецъ лодка стала перегребать съ противоположнаго берега и мы увидѣли К. и его работника. На наше привѣтствіе К. почти не отвѣтилъ и наше присутствіе видимо его сколько не удивило.

Такое странное поведение Калашникова насъ озадачило, и мы почувствовали, что съ нимъ случилось что-то недоброе. Когда К. вышелъ изъ лодки, мы были поражены перемѣной, происшедшей въ немъ. Обыкновенно цвѣтушій и жизнерадостный, онъ былъ блѣденъ и растерянъ; на лицѣ у него были ссадины и синяки, одинъ високъ былъ разсѣченъ. „Что съ вами“? спросили мы оба вмѣстѣ. — „Я боленъ, меня избилъ засѣдатель ¹⁾ Ивановъ“ — отвѣтилъ К. И онъ рассказалъ намъ слѣдующее: 24 июня онъ взялъ заряженную берданку и сѣвъ въ лодку, сталъ подниматься вверхъ по течению изъ Жиркова въ „Среднее“. Ружье онъ взялъ на случай, не встрѣтится ли ему лось или олень, которые въ эту пору часто переправляются вплавь черезъ рѣку и нерѣдко дѣлаются добычей колымскихъ охотниковъ. Страстный охотникъ, Калашниковъ мечталъ убить лося. Поднявшись на нѣсколько верстъ вверхъ по течению отъ своей заимки, онъ увидѣлъ казенный паузокъ, плывшій ему навстрѣчу. На этомъ паузкѣ подъ начальствомъ ниже-колымскаго засѣдателя Иванова сплавлялись казенная мука, крупа и соль, предназначавшаяся для продовольствия служилаго населенія низовьевъ Колымы. Увидѣвъ паузокъ, К. обрадовался; онъ догадался, что тамъ есть письма и газеты для него и подѣхалъ спросить — нѣтъ ли корреспонденціи? Получивъ все, что было, онъ вступилъ въ разговоръ съ однимъ знакомымъ казакомъ, стоявшимъ у весла. Во время разговора онъ, между прочемъ, спросилъ у казака: „развѣ ты нанялся работать на паузкѣ?“ — Этотъ вопросъ показался засѣдателю дерзкимъ и возмутительнымъ. „Не твое дѣло, какъ ты смѣешь разговаривать! — „Я не съ вами разговариваю“ — спокойно отвѣтилъ ему К. — „Молчать жидь!“ — грубо закричалъ пришедшій въ ярость засѣдатель и разразился бранью. Завязалась перебранка, которая окончилась вызовомъ со стороны засѣдателя: — «Иди сюда, я тебя проучу!» Всегда вспыльчивый, К., не помня себя отъ обиды, подѣхалъ къ паузку, держа ружье въ рукахъ и, выскочивши изъ лодки, бросился на паузокъ къ Иванову. Никто изъ присутствовавшихъ на паузкѣ казаковъ и рабочихъ не препятствовалъ ему высадиться, наоборотъ, помогли выйти изъ лодки и дали дорогу, когда онъ, выскочивши изъ лодки, безъ ружья, бросился на верхнюю палубу, гдѣ у руля стоялъ засѣдатель. К. подѣхалъ къ засѣдателю и хотѣлъ толкнуть его, но засѣдатель самъ бросился на К., а по его приказанію бросились и казаки стоявшіе вокругъ, завязалась неравная борьба. Скоро К. былъ поваленъ и тогда началась дикая расправа и издѣвательство. Пришедшій въ ярость засѣдатель билъ и топталъ К. ногами, стараясь наносить удары по лицу. Казаки не давали К. подняться съ полу, и онъ былъ совершенно безпомощенъ. Ярость засѣдателя была такъ велика, что нагнала страхъ на окружающихъ и многіе изъ бывшихъ на паузкѣ попрятались, чтобы не быть свидѣтелями жестокой расправы и самимъ не слѣ-

¹⁾ Засѣдателями въ Сибирн назыв. становые пристава.

латься жертвами его ярости. Какъ долго продолжалось истязаніе трудно сказать. Удовлетворивши чувство мести и торжества надъ врагомъ, засѣдатель бросилъ свою жертву. По его приказанію К. связали, а самъ онъ сѣлъ сочинять протоколъ о покушеніи на его жизнь, сдѣланномъ политическимъ ссыльнымъ К. Свидѣтелями выставялись казаки и рабочіе, бывшіе на паузкѣ. Всѣ эти люди изъ страха передъ засѣдателемъ подписались подъ протоколомъ. Когда протоколъ предложили подписать К., онъ отказался это сдѣлать, заявивъ, что все, что въ немъ изложено—ложь. На самомъ дѣлѣ К., какъ онъ самъ намъ говорилъ, вовсе не хотѣлъ убить Иванова; если бы у него было это намѣреніе, онъ прекрасно могъ бы привести его въ исполненіе, не выходя изъ лодки на паузокъ и не подвергаясь никакому риску, т. к. у него въ рукахъ было ружье. Онъ хотѣлъ только проучить грубаго самодура, забывъ въ моментъ возбужденія, что сила не на его сторонѣ. Послѣ составленія протокола засѣдатель приказалъ развязать К. Его избитаго и больного посадили въ лодку и оставили на произволъ судьбы. Съ трудомъ онъ добрался до своей заимки и тотчасъ сталъ собираться въ Средній Колымскъ къ товарищамъ. Душевное состояніе его было ужасно: онъ мучился тѣмъ, что далъ себя провоцировать, что позволилъ безнаказанно свершить надъ собой надругательство. Всѣ, кто видѣлъ его за это время, рассказывали, что онъ былъ страшно убитъ и ни разу не ѣлъ за два дня, протекшіе со времени случившагося съ нимъ несчастія. Личность засѣдателя Иванова заслуживаетъ того, чтобы на ней нѣсколько остановиться. Якутъ по происхожденію, чело-вѣкъ совершенно некультурный, онъ началъ карьеру съ должности маленькаго писца въ якутскомъ Областномъ Управленіи. Угодивши чѣмъ-то вице-губернатору Миллеру, извѣстному въ свое время самой неблаговидной политикой по отношенію къ ссыльнымъ, онъ получилъ назначеніе въ Нижній-Колымскъ на должность засѣдателя. На этомъ посту онъ получилъ громадную власть надъ несчастнымъ населеніемъ Нижняго - Колымска, сдѣлался его неограниченнымъ и грознымъ властелиномъ и скоро вошелъ во вкусъ самодержавнаго образа правленія. Несчастное полудикое, вѣчно голодающее населеніе трепетало грознаго „тойона“ (господина). Онъ зашаль направо и налево, дико крича и ругаясь даже тогда, когда изголодавшіеся жители приходили къ нему только съ покорной просьбой о выдачѣ пособія во время голода. Было нѣсколько случаевъ увѣчій, причиненныхъ этимъ „тойономъ“. Всѣ были покорны ему, всѣ его трепетали, кромѣ дерзкихъ пришельцевъ—политическихъ ссыльныхъ. Эти люди были ему ненавистны: они вносили разрушительныя начала въ тотъ укладъ жизни, въ которомъ такъ привольно живетъ большимъ и малымъ самодержцамъ, они не признавали его власти, они защищали свое достоинство; въ ихъ отношеніи къ себѣ онъ чувствовалъ пренебрежительное снисхожденіе. Это были люди какой-то высшей, чуждой культуры, которая была недоступна его пониманію и потому ненавистна ему. Словомъ, это былъ широко

распространенный въ нашемъ отечествѣ типъ самодура и насильника. Въ настоящее время онъ могъ бы пріобрѣсти большую извѣстность въ качествѣ начальника карательнаго отряда.

Случай съ товарищемъ произвелъ на насъ удручающее впечатлѣніе. Что дѣлать? Какъ реагировать на это оскорбленіе? Мы хорошо понимали, что это столкновение не есть частное дѣло Калашникова съ застѣдателемъ. Въ лицѣ К. застѣдатель видѣлъ представителя ненавистной ему ссылки, оскорбляя и унижая его, онъ оскорблялъ и унижалъ ее всю. Съ другой стороны и мы видѣли въ застѣдателѣ не частнаго человѣка, оскорбившаго товарища, а представителя всѣмъ намъ ненавистнаго режима, надругавшагося въ лицѣ товарища надъ всѣми нами. Ничего не предпрѣшая, мы всѣ согласились ѣхать въ тотъ же день въ Колымскъ вмѣстѣ съ пострадавшимъ К. Настроеніе наше сразу упало—всѣ мы были печальны. Намъ пригласили обѣдать. Мы втроемъ пошли въ избу, но намъ было не до обѣда. К. вскорѣ поднялся изъ за стола, сказавъ, что ему не хочется ѣсть и вышелъ изъ избы. Мы съ Л. Ѡ. сидѣли задумавшись. Не помню, сколько прошло времени, вѣроятно, не больше 10 минутъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ: онъ былъ очень громокъ и прозвучалъ необыкновенно отчетливо въ тишинѣ, царившей вокругъ. У насъ обоихъ мелькнула одна и та же страшная догадка.—Это Калашниковъ!—неволью вырвалось у меня. Мы выбѣжали изъ избы и бросились искать въ лѣсу и на берегу. Жители заимки тоже выбѣжали на выстрѣлъ и стали искать, кто и гдѣ стрѣлялъ. Черезъ нѣсколько минутъ поисковъ Орловъ догадался посмотрѣть въ пустой поварнѣ и нашелъ тамъ К. Когда мы вошли въ поварню, нашимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: на полу, навзничь, головой къ двери лежалъ К., возлѣ него валялось ружье, къ собачкѣ котораго была привязана веревка; другой конецъ веревки былъ привязанъ за ножку кровати, стоявшей въ углу. Мы бросились къ нему: на груди еще тлѣлась рубашка отъ выстрѣла, тѣло было теплое, но дыханія уже не было замѣтно и яркія краски молодого здороваго лица понемногу смѣнялись могильной блѣдностью и холодомъ. Пуля прошла черезъ сердце и вышла въ спину, смерть была моментальная. Я была страшно поражена и все еще не вѣрила, что онъ умеръ. „Нѣтъ уже его, ушелъ ужъ онъ“, сказалъ нашъ хозяинъ, замѣтивши, что я все еще какъ будто не вѣрю въ фактъ смерти. Эти слова такія простыя, поразили меня вѣрностью и глубиной опредѣленія и вернули къ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, то, что лежало передъ нами, былъ уже не К.; его, пылкаго, порывистаго, энергичнаго уже не было—передъ нами лежалъ холодный трупъ, способный вызывать у другихъ людей только чувство жуткости и ужаса... Осматривая поварню, мы замѣтили клочекъ бумажки, лежавшій на кровати. Это была записка К. къ Л. Ѡ. Привожу ее на память: „Людвигъ Ѡомичъ. Прошу товарищей взять Борьку (маленькій сынъ Калашникова) на воспитаніе. Кровь моя падетъ на голову прохвоста

Иванова. Умираю съ вѣрой въ лучшее будущее. *И. Калашниковъ.* Пусть Борька отомститъ за меня“.

Трудно передать чувства, которыя мы пережили тогда. Смерть товарища обрушилась на насъ совершенно неожиданно, обстоятельства ея были такъ трагичны. Казалось невѣроятнымъ и недопустимымъ, что молодого, полного жизни и силъ человѣка уже нѣтъ, нѣтъ потому, что дикое насиліе ворвалось въ его жизнь и какъ вихрь, смело его. Л. Ѳ. былъ потрясенъ, онъ сразу осунулся и похудѣлъ, былъ моментъ, когда онъ не смогъ совладѣть со своимъ чувствомъ и разрыдался; однако онъ тотчасъ же оправился и вполне овладѣлъ собой. Что касается меня, я до того была подавлена, что ни плакать, ни говорить первое время не могла, горло сжимала спазма, голова была налита какъ-бы свинцомъ. Это былъ первый серьезный ударъ судьбы, обрушившійся на меня, и я трудно переживала его. Все то тяжелое, что уже было въ моей жизни, годы тюрьмы, ссылка въ Колымскъ, все это отошло куда-то далеко и стало казаться маленькимъ въ сравненіи съ только что свершившимся. Однако, намъ некогда было предаваться горю, надо было подумать о томъ, что дѣлать съ мертвымъ товарищемъ. Обитатели заимки, взволнованные происшествіемъ, хотѣли отрядить гонца къ исправнику въ Средній Колымскъ съ извѣщеніемъ о несчастьи и ждать распоряженія начальства, но мы заявили самымъ рѣшительнымъ образомъ, что возьмемъ тѣло товарища съ собой, чтобы похоронить его въ Колымскѣ, и никто не осмѣлился намъ противорѣчить. Оказалось, что только на слѣдующій день утромъ можно будетъ двинуться въ путь. Предстояло весь вечеръ и ночь провести еще на роковой заимкѣ. Мы ходили вдвоемъ по совершенно пустынному берегу и переживали вмѣстѣ первыя минуты горя. Передъ нами открывалась картина суровой и величественной сѣверной рѣки. Кругомъ было такъ мирно, спокойно, такъ нетрунто-чисто. Ничто въ этой природѣ не говорило о ненависти, о враждѣ, и этотъ контрастъ, между обстановкой и только что разыгравшейся на фонѣ ея драмой, еще рѣзче подчеркивалъ бессмысленность и жестокость послѣдней. Мы не говорили. О чемъ было говорить? Мы молча понимали другъ друга, каждый читалъ въ душѣ другого безъ словъ. „Этого нельзя такъ оставить“,—сказалъ внезапно Л. Ѳ.—„Я долженъ немедленно ѣхать въ Нижній Колымскъ“.—Я невольно вздрогнула. Я предвидѣла, что онъ скажетъ это. Я чувствовала такъ же какъ и онъ, что это не должно такъ пройти, но я считала несправедливымъ и недопустимымъ, чтобы онъ, на долю котораго выпало такъ много страданій, взялъ на себя еще и эту тяжесть. Я стала протестовать всѣми силами души, но никакія просьбы, никакіе доводы не дѣйствовали. Мы долго и горячо спорили. Наконецъ ему пришлось со мной согласиться, что безъ совѣщанія съ товарищами онъ не долженъ принимать никакого рѣшенія. Помню, во время этого нашего разговора онъ бросилъ съ легкимъ раздраженіемъ: да развѣ ужъ такъ страшно умереть?“—Да, отвѣтила я,—когда въ этомъ нѣтъ необходимости.—

Онъ грустно улыбнулся. Стало темнѣть. Спустились блѣдныя сумерки июльской ночи, показался мѣсяцъ и таинственнымъ свѣтомъ облилъ поварню, въ которой лежалъ мертвый К. Мы сидѣли на берегу и не думали о снѣ. Передъ нами въ причудливомъ освѣщеніи вырисовывались высокія очертанія противоположнаго берега рѣки. Мы говорили о постороннихъ предметахъ, чтобы отвлечься отъ страшной тяжести, давившей насъ. Такъ провели мы время до утра. Съ восходомъ солнца стали готовиться въ путь. Намъ дали большую „вѣтку“ (легкая лодка изъ тонкихъ досокъ, связанныхъ тальникомъ), въ нее мы положили тѣло товарища, завернутое въ парусъ и засыпали его зеленью и цвѣтами. „Вѣтку“ привязали на буксиръ къ большой лодкѣ, въ лодкѣ помѣстились я съ Л. Θ., гребцы и собаки, которыя должны были тянуть лодку бичевой, гдѣ для этого былъ удобный берегъ. Наконецъ все готово, и мы тронулись. Что это была за мучительная поѣздка! Мы медленно подвигались впередъ противъ теченія, при каждомъ движеніи легкой лодочки, попадавшей на волну, казалось, что движется тѣло мертваго товарища, которое теперь все время было на глазахъ. По прежнему мы дѣлали привалы на берегу, но какая была разница—какъ безопасны и веселы были мы тогда и что мы переживали теперь! На привалахъ я старалась уходить подальше отъ берега, чтобы не видѣть страшной „вѣтки“ съ трупомъ К. и хоть ненадолго избавиться отъ гнетущаго впечатлѣнія. Л. Θ. все время проявлялъ нѣжную заботливость въ отношеніи меня. Самъ измученный нравственно и физически, онъ скрывалъ свою усталость и душевную муку, чтобы развлечь меня и поддержать во мнѣ бодрость духа. Эта мучительная поѣздка продолжалась больше сутокъ. 28-го іюля утромъ мы подъѣзжали къ Колымску. Мой мужъ и нѣсколько товарищей, увидя нашу лодку, переѣзжавшую съ противоположнаго берега, вышли на берегъ встрѣтить насъ. Они весело привѣтствовали насъ, ничего не зная о случившемся, но когда лодка подъѣхала къ берегу и они увидѣли наши лица, они сразу поняли, что случилось что то страшное. Нашъ разсказъ о случившемся и видъ мертваго К. произвели на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Въ глубокомъ молчаніи, блѣдные, подавленные ссыльные вынули изъ лодки тѣло Калашникова и отнесли его на рукахъ въ пустую квартиру Ц. Въ тотъ же день рядомъ съ могилой Гукковского ссыльные начали рыть другую могилу; работа была тяжелая и подвигалась медленно, приходилось кайлами рубить мерзлую почву. Черезъ день все было готово. 30-го іюля мы похоронили Калашникова.

III.

Колымская ссылка вступила въ новый періодъ жизни. До этого времени мы такъ или иначе мирились съ своимъ положеніемъ: у насъ отняли настоящую жизнь, но мы создали себѣ иллюзію жизни. Мы не унывали и старались выдавать ее за на-

стоящую жизнь. Мы довольно успѣшно боролись съ гнетущимъ насъ чувствомъ тоски и сознаниемъ безцѣльности существованія, но теперь, когда то единственное, что у насъ оставалось и что мы считали неприкосновеннымъ,—наше личное достоинство и честь, было попорано, мы почувствовали весь самообманъ, въ которомъ жили до того времени, мы увидѣли, что у насъ нѣтъ ничего на что бы не осмѣлился посягнуть грубый произволъ и насиліе людей, во власть которыхъ мы были отданы, и все, чѣмъ мы жили до того времени, стало казаться ненужнымъ и жалкимъ. Такъ нельзя жить,—звучало въ душѣ у каждаго. Мы всѣ за- таили горе; мы избѣгали говорить о случившемся, но всѣ постоянно помнили о немъ и чувствовали тяжесть кошмара, давившаго насъ. Не слышно было прежнихъ шутокъ, остротъ, непосредственнаго веселаго смѣха. Внѣшне мы старались проводить жизнь по прежнему, но прежняго уже не было и наша жизнь приняла мрачный, зловѣщій оттѣнокъ. Л. О. страдалъ глубоко. Чувство достоинства и чести были развиты въ немъ очень сильно и малѣйшее посягательство на нихъ вызывало съ его стороны рѣшительный отпоръ. Всегда мягкій и нѣжный, онъ становился въ этихъ случаяхъ суровымъ и непреклоннымъ и тогда никакія просьбы и мольбы не могли заставить его измѣнить разъ принятое рѣшеніе. Онъ никогда не вызывалъ и не создавалъ конфликтовъ, это было не въ его натурѣ, но разъ конфликтъ возникалъ помимо его воли и желанія, онъ принималъ вызовъ и считалъ необходимымъ довести протестъ до конца, чего бы это ни стоило. Послѣдняя драма потрясла и измучила его, но сильный волей, онъ подавлялъ свои мученія, чтобы придти на помощь другимъ, слабымъ. Такимъ слабымъ, нуждавшимся въ его поддержкѣ была я. Моя нервная система совершенно расшаталась подъ влияніемъ всего пережитого. Днемъ меня преслѣдовала мысль о случившемся, и образъ погибшаго К. неотступно стоялъ передъ глазами. Ночью меня душили кошмары и я часто просыпалась измученная. Состояніе было явно ненормальное. Я боялась галлюцинацій и всѣми силами боролась съ собой. Внѣшняя обстановка жизни въ Колымскѣ въ то время тоже не способствовала успокоенію. Наступила осень, дождь лилъ непрерывно, наши избы немилосердно протекали, было грязно, холодно, мрачно и негдѣ было укрыться отъ дождя, а съ наступленіемъ сумерекъ, когда сотни собачьихъ голосовъ, сливаясь въ одинъ страшный хоръ, начинали завывать, я чувствовала, что въ моей душѣ нарастаетъ такой ужасъ, котораго я не въ силахъ вынести, и я стремглавъ выбѣгала изъ дому на улицу, уходила къ мужу на работу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вернуться домой или искала общества товарищей. Я отъ всѣхъ старалась скрыть свое состояніе, я стыдилась его, какъ малодушія, но, конечно, окружающіе не могли не замѣтить перемѣны происшедшей во мнѣ. Мужъ мало могъ помочь мнѣ—онъ въ это время усиленно былъ занятъ работой; къ тому-же мое состояніе такъ удручало и пугало его, что я старалась отъ него еще тщательнѣе скрывать

свои переживанія, чѣмъ отъ другихъ. Въ эти тяжелые для меня дни всѣ товарищи проявили много вниманія и заботливости по отношенію ко мнѣ, но никто не могъ дать того, что далъ Л. Ө. Понявъ мое душевное состояніе, Л. Ө. сталъ приходить къ намъ ежедневно къ обѣду и оставаться со мной до вечера, пока не приходилъ съ работъ мужъ. Я давно уже настойчиво звала его обѣдать у насъ, но раньше, когда это нужно было для него, онъ не соглашался, теперь, когда это нужно было не для него, а для меня, онъ пришелъ самъ. Такъ всегда было у него. Его дружеское вниманіе и заботливость служили мнѣ большимъ утѣшеніемъ, а гордость и достоинство, съ которыми онъ самъ переносилъ страданія, являлись для меня высокимъ примѣромъ. Никогда нельзя было услышать отъ него ни одной жалобы на свою судьбу. Передъ этимъ гордымъ страданіемъ становилось стыдно за свое малодушіе и являлись силы его побороть. Л. Ө. старался отвлечь меня отъ дѣйствительности и дать другое направленіе моимъ мыслямъ. Мы много читали вслухъ по-польски и по-русски. Онъ старался давать здоровую пищу моей больной душѣ и отклонялъ чтеніе, которое такъ или иначе могло меня взволновать и разстроить. Въ это время мы прочли его любимое произведеніе польской поэзіи—„Пана Тадеуша“ Мицкевича. Передъ нами проходили красивые эпическіе образы старой Польши. Л. Ө. дополнял прочитанное разказами изъ историческаго прошлаго Польши, изъ ея быта. Это дѣлало наше чтеніе еще интереснѣе. Такъ прочли мы еще нѣсколько книгъ разнаго содержанія. Эти чтенія и его присутствіе были для меня положительно спасительны. Къ тому же онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я могла говорить о своемъ душевномъ состояніи, обо всемъ, что мучило и давило меня. Время тянулось медленно. Трое нашихъ товарищей, уѣхавшихъ въ экскурсію, вернулись еще въ августѣ. Наша встрѣча была нерадостна. Мы думали, что ихъ пріѣздъ внесетъ нѣкоторое оживленіе въ нашу жизнь, но мы ошиблись, душевное состояніе всѣхъ насъ нисколько не улучшилось, наоборотъ нравственная атмосфера какъ будто еще сгустилась, чувствовалось, что такъ дальше не можетъ продолжаться, чувствовалось, что необходимъ исходъ, и онъ скоро наступилъ. Это было 4-го сентября. Какъ всегда мужъ ушелъ послѣ обѣда на работу, а мы съ Л. Ө. собирались приняться за чтеніе. Вокругъ было тихо, какъ всегда. Внезапно прозвучалъ громкій выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ другой. Я вскочила. Эти выстрѣлы напомнили мнѣ трагическую смерть К., въ нихъ для меня прозвучало что-то страшное—казалось гибнетъ кто-то дорогой мнѣ. Повинуясь безотчетному чувству страха и отчаянія я бросилась на улицу, и стремительно побѣжала по направленію выстрѣловъ. Л. Ө. слѣдовалъ за мной. На обычно мертвыхъ улицахъ Колымска царило небывалое оживленіе: со всѣхъ сторонъ бѣжали колымскіе обыватели, направляясь къ мѣсту происшествія, а навстрѣчу намъ спѣшили блѣдные, взволнованные товарищи. Отъ нихъ мы узнали, что эти выстрѣлы были сдѣланы

моимъ мужемъ, А. Е., въ застѣдателя Иванова, который дня за два передъ этимъ вернулся въ Средній Колымскъ. Ивановъ былъ убитъ. Такъ закончился второй актъ колымской драмы.

IV.

Тяжелый кризисъ для душевнаго состоянія всѣхъ насъ миновалъ, мы значительно успокоились, мы могли опять вернуться къ прежней жизни и даже весело проводить время. Это была единственная и необходимая реакція послѣ прежнихъ потрясеній. Надо было забыть отъ прошлаго, надо было не думать о будущемъ. Для большинства изъ насъ это было первое серьезное испытаніе, и мы вышли изъ него съ осадкомъ горечи въ душѣ, но зато болѣе закаленными. Для Л. Э. наоборотъ, послѣ высокаго подъема нервнаго напряженія, начался періодъ упадка силъ. И неудивительно: послѣднее событіе было для него лишь однимъ звеномъ изъ длиннаго ряда испытаній его бурной жизни. Онъ пережилъ заключеніе въ цитадели, казнь товарищей, 11 лѣтъ шлиссельбургскаго режима, онъ потерялъ всѣхъ близкихъ дорогихъ ему людей и сейчасъ влачилъ печальное существованіе въ Колымскѣ безъ надежды на лучшее впереди. Онъ утомился въ борьбѣ. Во время остраго кризиса, для другихъ онъ находилъ въ себѣ силы подавлять свои чувства и только теперь, когда тяжелое для другихъ время миновало и его помощь была не нужна, онъ почувствовалъ всю тяжесть собственной усталости. Онъ ходилъ блѣдный, измученный, работа не клеилась.

Въ февралѣ 1901 г. намъ съ мужемъ пришлось оставить Колымскъ и волею судебъ выѣхать на жительство въ Якутскъ. Я уѣзжала съ стѣсненнымъ сердцемъ, помимо того, что будущее рисовалось въ мрачныхъ краскахъ, было тяжело оставить товарищей, вмѣстѣ съ которыми пришлось такъ много пережить и почувствовать. Особенно больно было разстаться съ Л. Э. Увидимся ли еще когда-нибудь? Я такъ сжилась, такъ сроднилась съ нимъ душой за этотъ печальный годъ, мои чувства любви и уваженія къ нему еще больше возрасли отъ близкаго знакомства съ нимъ. Было безконечно грустно оставлять его большого и одинокаго въ далекомъ, глухомъ Колымскѣ. Мы разстались 22-го февраля, ровно черезъ годъ послѣ нашей встрѣчи.—Прошелъ еще одинъ годъ. Я жила въ Якутскѣ. Жилось тяжело. Все это время я поддерживала оживленную переписку съ колымскими друзьями. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я писемъ оттуда, сколько радости и утѣшенія доставляли они мнѣ! Особенно теплая, душевная письма Л. Э.! Они вливали въ меня бодрость, давали сознаніе, что я не одинока, что у меня есть другъ и мнѣ легче жилось отъ этого сознанія. Но меня сильно безпокоило, что въ его письмахъ часто прорывались грустныя, безнадежныя ноты.

Какъ всегда онъ ни на что не жаловался, но я то не могла ихъ не чувствовать. Письма товарищей тоже были тревожны: они выражали серьезное опасеніе за его здоровье. Послѣ всего пережитого его нервная система была разстроена, легкія поражены. Между тѣмъ, образъ жизни онъ сохранилъ прежній; по прежнему цѣлые дни просиживалъ за книгами и рукописями въ холодномъ мрачномъ помѣщеніи, по прежнему плохо питался. Необходимо отмѣтить, что за это время матеріальныя условія жизни въ Колымскѣ измѣнились еще къ худшему. Весной 1901 г. Колымскій край переживалъ тяжелое время. Обычная весенняя голодовка разразилась въ голодь, какъ всегда сопутствуемый эпидеміей. Спутникомъ его на этотъ разъ была корь, осложненная воспаленіемъ легкихъ. Эти два бича выхватили не мало жертвъ изъ рядовъ колымскаго населенія. Заболѣвающихъ было такъ много, что медицинскій персоналъ не успѣвалъ оказывать имъ всѣмъ необходимую помощь. Въ каждомъ домѣ лежалъ больной, а въ иныхъ цѣлыми семьями лежали въ бреду и некому было помочь несчастнымъ—затопить камелекъ въ холодной избѣ, принести воды. Тогда вся наличность колымской ссылки должна была взять на себя заботу о больныхъ и голодныхъ. Помимо ухода за больными, необходимо было немедленно организовать помощь голодающимъ жителямъ. Исправникъ, чувствуя полное свое безсиліе въ этомъ дѣлѣ, не препятствовалъ ссылкой взять дѣло организаціи помощи въ свои руки, и оно было выполнено ссылкой вполне удачно. Л. Ө. во всемъ этомъ принималъ дѣятельное участіе, работая черезъ силу. Самимъ ссылкой пришлось испытать тоже не мало лишеній. Трудно было доставать муку, мясо, даже дрова, которыя не на чемъ было возить, такъ какъ рабочій скотъ—собаки—передохли отъ голода. Можно себѣ представить, какъ жили въ это время наши колымскіе товарищи! Лѣтомъ 1901 г. Л. Ө. пришлось испытать еще и тяжесть физическаго труда, который давался ему не легко. Денежныя дѣла колымской колоніи были плохи, и вотъ, чтобы поправить ихъ, колымскіе ссылки взяли на артельныхъ началахъ подрядъ на доставку казенной муки и соли въ Нижній-Колымскъ. Л. Ө. конечно не захотѣлъ отстать отъ товарищей. Работали всѣ сами. Сами нагружали и разгружали паузокъ, гребли и исполняли во время плаванія всѣ необходимыя работы. Эти работы были утомительны даже для молодыхъ и здоровыхъ людей, а для Л. Ө. прямо мучительны. Возращеніе въ Средній было не легче плаванія внизъ: нужно было болѣе 500 верстъ сдѣлать въ лодкѣ, работая постоянно то на веслахъ, то ведя лодку лямкой на себѣ; приходилось ночевать на сырой землѣ и подвергаться всѣмъ превратностямъ непогоды. Трудно далась ему эта поѣздка, она до крайности истощила его и подорвала остатокъ его силъ. Въ его письмахъ за это время только изрѣдка звучали бодрья, живыя ноты. Казанская демонстрація и волненія среди молодежи влили бодрость и надежду въ его душу. Онъ написалъ по поводу извѣстія о нихъ бодрое, веселое письмо, которое заканчивалось возгласомъ, „ой,

будетъ буря!“ Въ немъ звучали радость и надежда. Зимой 1902 г. сдѣлалось извѣстно, что Л. Ө. вызываютъ въ Якутскъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу мужа. Я испытывала большую радость въ ожиданіи свиданія съ дорогимъ другомъ. Я мечтала, что ему удастся остаться въ Якутскѣ, а оттуда выбраться въ болѣе цивилизованныя мѣста, и что жизнь хоть немного улыбнется ему. Онъ тоже вспрянулъ духомъ при этомъ извѣстіи. Наконецъ, незадолго до суда онъ пріѣхалъ, и я увидѣла его, блѣднаго, измученнаго тяжелой дорогой, исхудавшаго, но радостнаго.

22-го апрѣля состоялся судъ. Этотъ судъ былъ еще однимъ лишнимъ потрясеніемъ для его нервной системы. Л. Ө. сильно волновался за участь товарища. Онъ былъ утомленъ и истощенъ. Нервы его были натянуты, какъ струны, и когда ему пришлось во время суда воспроизвести перепетіи колымской драмы онъ не выдержалъ и разрыдался. Эти святые слезы глубоко взволновали и потрясли всѣхъ присутствовавшихъ, не исключая и коронныхъ судей. По справедливому отзыву защитника (П. Н. Переверзева) они сдѣлали для подсудимаго гораздо больше, чѣмъ всѣ другія показанія въ его пользу.

Жизнь не улыбнулась Л. Ө. и въ Якутскѣ. Надежда вырваться поближе къ Европѣ не оправдалась. Администрація упорно отказывала ему въ правѣ приписки, несмотря на то, что пошелъ уже второй годъ, какъ это право было получено, имъ по закону, и онъ могъ бы на законномъ основаніи поселиться даже въ Иркутскѣ, или какомъ-либо другомъ культурномъ центрѣ Сибири. Между тѣмъ, ему предстояло по окончаніи весенней распутицы вернуться въ Колымскъ. Однако и изъ этого положенія можно было найти выходъ: онъ могъ бы остаться въ Якутскѣ по болѣзни; онъ имѣлъ на это полное нравственное право, такъ какъ былъ серьезно боленъ; но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы подать въ этомъ духѣ прошеніе губернатору. Его натура не мирилась съ компромиссами, онъ ни за что не согласился бы нарушить сложившуюся подъ его же вліяніемъ колымскую традицію—не просить пощады у врага. Товарищи предложили ему побѣгъ, и онъ сначала согласился,—эта мечта манила его, но вѣры въ свои силы у него не было, и онъ не надѣялся на успѣшный исходъ предпріятія. Дѣйствительно, планъ былъ задуманъ настолько неудачно, что товарищи-ссылные, рѣшившіе привести его въ исполненіе уже послѣ смерти Л. Ө., чуть не погибли отъ преслѣдованія дикихъ тѣжныхъ якутовъ и голодной смерти въ тайгѣ. Само собою, что Л. Ө. не смогъ бы вынести этого побѣга и онъ справедливо не вѣрилъ въ его успѣхъ. По временамъ въ его уставшей душѣ еще вспыхивала, какъ пламя, жажда борьбы и дѣятельности. Крестьянскіе волненія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, выступленіе Балмашева еще разъ подняли его энергію и бодрость. Онъ ходилъ веселый, радостный и другихъ заражалъ своимъ настроеніемъ; онъ вѣрилъ что загорается новая заря широкаго освободительнаго движенія. Но этого возбужденія хватало не надолго. Вскорѣ самочувствіе его измѣнилось онъ

усталь, почувствовали упадокъ силъ. Я не стану описывать послѣднихъ дней жизни Л. Ө., все это было еще такъ недавно, воспоминанія эти такъ мучительно тяжелы, что пройдетъ быть можетъ не мало лѣтъ, прежде чѣмъ я буду въ состояннн воспроеизвести ту душевную драму, которую онъ переживалъ. Его прїѣздъ въ Якутскъ былъ неудаченъ. Настоящее было тягостно. Въ будущемъ опять разстилалась сѣрая мгла колымскаго существованія и конца ему не было видно; въ этомъ существованнн не было ничего, что могло дать ему хотя бы нѣкоторое нравственное удовлетворенн, а тѣ мелочи, которыя привязываютъ къ жизни другихъ людей, для него не существовали и онъ ушелъ отъ насъ съ измученной душой, потерявшнй вѣру въ собственныя силы, но горячо вѣрующнй въ побѣду тѣхъ идей, за которыя боролся всю свою жизнь, которыя такъ страстно любилъ. Самообладанне не измѣнило ему до послѣднихъ минутъ жизни: никто, изъ видѣвшихъ его въ день смерти, не могъ заподозрнть того страшнаго рѣшенн, которое созрѣло въ его душѣ. 17-го мая его не стало, онъ убилъ себя выстрѣломъ въ високъ изъ револьвера; его нашли возлѣ ограды унылаго якутскаго кладбища. При немъ оказалась записка на имя якутской администрацнн. Вотъ ея содержанне: „Въ смерти моей прошу никого не виннть. Причинами моего самоубнйства являются нервное разстройство и усталость какъ результатъ долготнтяго тюремнаго заключенн (въ общей сложности 18 лѣтъ) въ чрезвычайно тяжелыхъ условняхъ. Въ сущности говоря, меня убиваетъ русское правительство, такъ пусть же на него падетъ отвѣтственность за мою смерть, какъ равно за гибель безчисленнаго множества моихъ товарищей. Л. Яновичъ. Якутскъ 17 мая 1902 г.».

Послѣ смерти Л. Ө. было найдено нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ и между прочимъ къ якутской ссылкѣ и ко мнѣ съ мужемъ. Въ этихъ письмахъ, которыя вызываютъ самое глубокое волненне даже въ постороннихъ людяхъ, настолько ярко отражается его прекрасная, измученная душа, что я считаю положительно необходимымъ привести изъ нихъ выдержки. Вотъ его письмо лично къ намъ съ незначительными пропусками: „Мои милые, хороше друзья! Простите меня за мой эгоистическнй поступокъ, за мое дезертирство. Я знаю, какъ тяжело терять товарищей, знаю потому, что самъ испытывалъ послѣ смерти Гукоскаго. И все же не могу найти въ себѣ силъ, чтобы перенести душевный кризисъ. Мысль отдохнуть отъ треволненнй жизни не въ первый разъ является у меня, но или силъ у меня было больше, или внутреннее раздвоенне было слабѣе, во всякомъ случаѣ только теперь я окончательно рѣшилъ поискать вѣчнаго покоя. Если бы вы знали, какъ тяжело мнѣ причинять Вамъ огорченне. Увѣряю васъ, что не имѣю болѣе силъ жить. Что касается самой смерти, то она мнѣ вовсе не страшна. Пишу это письмо совершенно спокойно, какъ любое дѣловое письмо“. И дальше: „Нервы мои совсѣмъ измочалились. По самымъ пустякамъ у меня начинается истерика. Я сдѣлался совсѣмъ негодной тряпкой. Такъ зачѣмъ же

выставлять себя на смѣхъ людямъ? Быть можетъ вы замѣтите, что я преувеличиваю, такъ какъ иногда у меня появляется нѣсколько энергии и нѣкоторая способность къ труду, но это, вѣдь было, а теперь моя трудоспособность подлежитъ большому сомнѣнію. Ну, и расписался же я. И понятно, умъ всегда старается доказать справедливость того, чего желаетъ чувство. Не огорчайтесь особенно этимъ случаемъ: въ одной Европейской Россіи (50 губ.) умираетъ ежегодно болѣе 3 милл. человекъ (точно: въ 1896 г. 3.081.189). Что же значить какая нибудь единица? — просто пылинка. Конечно, вамъ тяжелѣе будетъ житья безъ вашего вѣрнаго друга и это меня очень и очень огорчаетъ. Меня же вы не жалѣйте. Я буду счастливо спать вѣчнымъ сномъ. Чего же еще лучшаго? Однако, я вовсе не пропагандирую эту мысль для другихъ. Я думаю только, что я исполнилъ по своимъ силамъ свой долгъ и теперь имѣю право отдохнуть. Цѣлую васъ отъ всей души. Вашъ *Людвигъ Яновичъ*»,

Письмо къ якутскимъ товарищамъ заканчивается очень характернымъ для Л. Э. признаніемъ. „Передъ смертью, пишетъ онъ, я раздумывалъ о томъ, чтобы отправить къ С. (Сипягину) одного изъ вѣрнѣйшихъ его слугъ, но рѣшилъ этого не дѣлать Правда, что М. негодяй, но такими негодяями хоть прудъ пруди. Террористическіе факты должны быть осмысленны. Они должны быть отвѣтомъ на возмутительныя насилія со стороны администраціи, но не совершаться только потому, что представляется удобный случай убрать негодяя. Лично—же я ему зла не желаю.

Ну, прошайте, товарищи. *Людвигъ Яновичъ*. 16 мая 1902 года Якутскъ».

19 мая товарищи посылкѣ похоронили Л. Э. на томъ самомъ Никольскомъ кладбищѣ, куда онъ пришелъ въ поискахъ за вѣчнымъ покоемъ. Его могила находится рядомъ съ могилой Подбѣльскаго, убитаго во время якутской исторіи 1889 г.

Когда я увидѣла его мертваго въ покойницкой якутской больницы, величественно-спокойнаго и прекраснаго, тогда я постигла вполнѣ, что смерть вовсе ужъ не такъ страшна и что жизнь можетъ открыть перспективы болѣе страшныя, чѣмъ сама смерть.

Л. Ергина.



Первые еврейскіе рабочіе кружки.

Начало еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи обыкновенно относятъ къ концу 80-хъ г. г., когда возникли еврейскіе рабочіе кружки въ Вильнѣ. Это совершенно невѣрно. Широкая кружковая пропаганда среди еврейскихъ рабочихъ началась на нѣсколько лѣтъ раньше въ Минскѣ. Тамъ именно сложился „шаблонный“ методъ, о которомъ говорить г. Лядовъ въ своей „Исторіи російской социаль-демократической рабочей партіи“ (стр. 132).

Единичныя попытки пропаганды среди рабочихъ въ Минскѣ совпадаютъ по времени съ началомъ социалистическаго движенія въ Россіи. Въ 1875 г. въ Минскѣ пріѣхалъ студентъ технологическаго института Шварцъ, жившій подъ именемъ Рабиновича и, съ цѣлью пропаганды, сталъ работать въ кузницѣ. Вскорѣ онъ былъ арестованъ и высланъ въ Вятскую губ.¹⁾

Его пропаганда не оставила слѣдовъ.

Продолжателемъ Шварца явился студентъ кіевскаго университета Моисей Веллеръ, который успѣлъ распропагандировать нѣсколькихъ столяровъ. Веллеръ вскорѣ вынужденъ былъ скрыться; жилъ года два въ Женевѣ, вернулся при Лорисъ-Меликовѣ и въ началѣ 80-хъ г. г. покончилъ самоубійствомъ. Изъ распропагандированныхъ имъ рабочихъ въ Минскѣ, насколько мнѣ извѣстно, не осталось ни одного: всѣ они съ началомъ массовой еврейской эмиграціи переселились кто въ Парижъ, кто въ Америку.

Систематическая пропаганда среди еврейскихъ рабочихъ въ Минскѣ начата была въ 1883 или 1884 году Ефимомъ (Моисеемъ) Хургинымъ, вскорѣ по выходѣ его изъ тюрьмы, гдѣ онъ содержался по какому-то народовольческому дѣлу.²⁾ Лѣтомъ 1884 года въ Минскѣ пріѣхалъ Эмиль Абрамовичъ, проведшій годъ въ Парижѣ по окончаніи гродненской гимназіи; онъ попытался вступить въ сношенія съ Хургинымъ, съ цѣлью работать сообща въ кружкахъ послѣдняго, но у Хургина конспирація была возведена въ культъ. Пріѣзжій юноша, нигдѣ не сидѣвшій, кажется, даже безъ рекомендацій, встрѣтилъ у него крайне холодный пріемъ. Абрамовичъ

¹⁾ Впослѣдствіи эмигрировалъ въ Америку и теперь живетъ въ Нью-Йоркѣ.

²⁾ Въ настоящее время лидеръ консервативнаго крыла сіонистовъ въ Минскѣ и дѣятельный членъ благотворительныхъ обществъ, синагогальныхъ братствъ и т. п.

рѣшили дѣйствовать самостоятельно. Онъ свелъ знакомство съ типографскими рабочими, какъ наиболѣе интеллигентными, образоваль кружокъ, сталъ съ ними заниматься сначала естествознаніемъ, а сойдясь поближе, перешелъ къ пропагандѣ социализма.

Абрамовичъ имѣлъ необычайное вліяніе на рабочихъ, не только какъ талантливый лекторъ, но и какъ человѣкъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, беззаветно, до полнаго самозабвенія преданный дѣлу. Это былъ демократъ не только на словахъ, но и по натурѣ; въ немъ не было ни капли генеральства, съ рабочими онъ держалъ себя просто, какъ товарищъ, безъ всякаго проблеска покровительственнаго тона; онъ никого не подавлялъ своимъ авторитетомъ, и рабочіе искренно любили его и относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ проводилъ каждое лѣто въ Минскѣ и отдавалъ все свое время рабочимъ вплоть до полученія званія врача въ 1888 году, послѣ чего онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ тоже положилъ начало рабочему движенію. Лѣтомъ 1889 года онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Якутскую область, откуда вернулся 1896 или 1897 году, къ началу социаль-демократическаго движенія въ Россіи.

Лѣтомъ 1885 года я вернулся изъ Сибири и поселился въ Минскѣ. По пріѣздѣ я по старому знакомству зашелъ къ Хургину, который въ то время былъ «генераломъ» въ минскомъ кружкѣ. Онъ былъ народовольцемъ, я же до ссылки примыкалъ къ чернопередѣльцамъ, а въ ссылкѣ сдѣлался марксистомъ, хотя, долженъ сознаться, мой марксизмъ еще сильно отдавалъ старымъ народническимъ запахомъ. Но эти теоретическія разногласія въ то время у насъ въ Минскѣ не мѣшали революціонерамъ уживаться въ томъ же самомъ кружкѣ. Я поинтересовался состояніемъ движенія въ Минскѣ. Хургинъ мнѣ сообщилъ, что въ кружкахъ его «организациі» занимается 160 человѣкъ. Для того времени это была необычайная, прямо невѣроятная цифра. Я попросилъ его познакомить меня съ рабочими. — «Я предложу вамъ организациі, — отвѣтилъ онъ, — если она рѣшитъ васъ допустить, ладно».

Съ современной партійной точки зрѣнія, онъ, вѣроятно, былъ правъ. Но мы въ то время смотрѣли на дѣло иначе. Вести социалистическую пропаганду среди рабочихъ — *обязанность* всякаго честнаго интеллигента; этимъ мы уплачиваемъ «историческій долгъ» народу. Разъ на мнѣ лежитъ обязанность заниматься пропагандой, то отсюда съ очевидностью вытекаетъ, что я имѣю право требовать, чтобы мнѣ была предоставлена возможность выполнять эту обязанность. Наконецъ, исходя изъ принципа свободы преподаванія, я рѣшительно не признавалъ ни за какимъ кружкомъ права *разрѣшать* мнѣ занятіе пропагандой: если я хочу пропагандировать социализмъ, то я ни у кого не обязанъ спрашиваться.

Самое предложеніе меня и моей жены на баллотировку кружку, въ которомъ, кромѣ Хургина, насъ никто лично не зналъ, въ моихъ глазахъ не имѣло никакого смысла: ясно было, что кружокъ можетъ рѣшить дѣло лишь на основаніи рекомендаціи

самого Хургина. Но для насъ въ этомъ видна была и закулисная сторона: Хургинъ любилъ быть генераломъ и поэтому окружалъ себя всегда очень юной молодежью, которая преклонялась предъ его авторитетомъ, а въ одномъ ульѣ двумъ маткамъ мѣста нѣтъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я и моя жена заявили ему, что, не собираясь вступить въ его организацію, мы просимъ и не предлагать насъ на баллотировку.

Въ числѣ моихъ старыхъ товарищей былъ и Левъ Осиповичъ Роголлеръ, изъ кружка Рабяновича, отсидѣвшій два года въ виленской тюрьмѣ подѣлу Веллера и находившійся подъ надзоромъ въ Минскѣ. Онъ познакомилъ меня съ Абрамовичемъ и наборщикомъ Иосифомъ Рѣзникомъ. Рѣзникъ былъ наиболѣе начитаннымъ изъ минскихъ рабочихъ и пользовался большимъ уваженіемъ въ ихъ средѣ. Каникулы близились къ концу, Абрамовичъ собирался въ Дерптскій университетъ и предложилъ мнѣ взять на себя руководство его кружкомъ, къ которому принадлежалъ и Рѣзникъ. Я согласился.

Знакомство мое съ его кружкомъ стоялось при весьма романтической обстановкѣ. Революціонеры въ Минскѣ въ то время были всѣ наперечетъ, слѣжка была чрезвычайно легка; къ тому же мы рисовали себѣ дѣятельность начальства такую, какою она въ жандармскомъ идеалѣ должна была быть; дѣйствительность, надо полагать, была и тутъ далека отъ идеала. Какъ бы то ни было, мы всегда искали самыхъ уединенныхъ мѣстъ, а потому сошлись темной ночью за городомъ на солдатскомъ кладбищѣ. Изъ бывшихъ тамъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, я хорошо запомнилъ сапожника Хейфеца, который впоследствии побывалъ и въ Америкѣ и 18 октября 1905 года погибъ вмѣстѣ съ тремя дѣтьми отъ рукъ погромщиковъ въ Одессѣ.

На этой сходкѣ я ознакомился съ планомъ занятій который былъ выработанъ Абрамовичемъ и продержался въ кружкахъ сѣверо-западнаго края въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтняго пропагандистскаго *періода*, предшествовавшаго организаціи Бунда.

Всѣ кружки раздѣлялись на три степени: 1) кружки грамотности, въ которыхъ рабочихъ учили русскому чтенію и письму, 2) кружки естествознанія, 3) кружки социалистическіе. Новички принимались только въ кружки первой и второй степени, въ кружки третьей степени выбирались только молодые люди и дѣвушки, прошедшіе чрезъ кружокъ второй степени.

Для настоящаго времени такая схема рабочей организаціи покажется наивною, но двадцать лѣтъ тому назадъ она вполне отвѣчала цѣли, которую мы себѣ ставили. Рабочаго *движенія* въ то время еще не было. Одна стачка на Морозовской фабрикѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ въ концѣ 1884 года, конечно, еще не составляла *движенія*. Съ организаторомъ ея Петромъ Анисимовичемъ Моисеенко я много лѣтъ состоялъ въ личной перепискѣ; въ своихъ письмахъ изъ Орѣхова-Зуева онъ жаловался на отсутствіе интеллигентныхъ силъ. Мы въ Минскѣ ставили себѣ задачей созданіе

ядра интеллигентныхъ рабочихъ, которые могли бы впоследствии вести пропаганду собственными силами. Совершенно естественно поэтому мы считали необходимымъ начинать работу съ изученія русскаго языка. Дѣло тутъ было совсѣмъ не въ „ассимиляторской“ или руссификаторской тенденціи, какъ это объясняли впоследствии, а въ необходимости открыть будущимъ пропагандистамъ-рабочимъ доступъ къ социалистической литературѣ. Въ срединѣ 80-хъ г.г. еще еврейской социалистической литературы не существовало, не считая двухъ-трехъ брошюръ и листовъ, изданныхъ около того времени въ Лондонѣ; но мы и о существованіи этихъ первыхъ опытовъ не подозрѣвали. Мы подумывали въ то время о переводѣ естественно-научныхъ книжекъ на разговорный еврейскій языкъ; одинъ переводъ даже сдѣланъ былъ старикомъ-учителемъ Вольманомъ, но не находилось издателя.

Помимо этого, организуя кружки русской грамотности, мы шли навстрѣчу потребности, которая въ то время живо ощущалась въ еврейской массѣ. Начиная съ 60-хъ г., среди подросткаго поколѣнія обнаруживается страстное стремленіе къ европейскому образованію. Дѣти бѣдныхъ ремесленниковъ при самой нищенской обстановкѣ ухитрялись поступать въ гимназіи и оканчивали курсъ. Среди евреевъ нерѣдки были великоозрастные юноши, принимавшіеся за русскій букварь. Обыкновенно они находили бесплатныхъ учителей между гимназистами изъ болѣе состоятельныхъ. Наши пропагандисты взяли на себя роль такихъ учителей и предлагали свои услуги, не дожидаясь спроса. (Долгое время среди минскихъ рабочихъ пропагандисты носили названіе „учителей“.)

Съ другой стороны молодежь, стремившаяся учиться, представляла наиболѣе подходящий элементъ для формировки кадровъ будущей рабочей интеллигенціи. Едва ли всѣ это вполне ясно формулировали для себя въ то время, но это само собою разумѣлось.

Эта схема имѣла также достоинство и въ конспиративномъ отношеніи. Новѣйшее поколѣніе революціонеровъ, насколько я къ нему успѣлъ присмотрѣться, не выработало въ себѣ привычки къ конспираціи. Оно и понятно: теперь борьба ведется массовая, при которой конспирація служила бы только помѣхой дѣлу и въ то же время не достигала бы цѣли.

Конечно, благодаря отсутствію конспираціи, масса народу попадаетъ въ лапы полиціи, но теперь такое множество революціонеровъ, что потери, повидимому, считать не стоитъ, — лѣсъ рубятъ, щепки летятъ! Намъ приходилось распорядиться силами экономнѣе. Къ тому же кружковой характеръ нашей дѣятельности позволялъ намъ привлекать свѣжихъ рабочихъ съ разборомъ. Въ кружкахъ грамоты и естествознанія учителя приглядывались къ рабочимъ и подбирали наиболѣе подходящихъ для социалистическихъ кружковъ. И дѣйствительно, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ пропаганды у насъ въ Минскѣ не было ни одного ареста, несмотря на то, что черезъ наши кружки прошли сотни рабочихъ.

Однако, конспиративное обученіе людей начаткамъ грамоты представлялось мнѣ крайнею нелѣпостью. Если бы жандармы накрыли кого-нибудь изъ насъ въ такомъ кружкѣ, они никогда не повѣрили бы, что занятія наши носили столь невинный характеръ, и посадили бы всѣхъ въ кутузку, а кое кого и выслали бы, какъ за самое заправское погрѣшеніе основъ. Поэтому я предложилъ организовать легальную субботнюю школу, которая замѣнила бы наши конспиративные кружки первой и второй степени; изъ этой школы можно было бы уже вербовать членовъ социалистическихъ кружковъ. Многіе изъ тѣхъ, съ которыми мнѣ объ этомъ пришлось говорить, относились скептически къ возможности осуществленія моего плана. Получить разрѣшеніе на школу грамотности у насъ было крайне трудно. Но среди нашей революціонной публики былъ заграничный докторъ медицины Маркъ Вольманъ¹⁾, тестъ котораго Ледеръ содержалъ начальное училище для еврейскихъ мальчиковъ. Вотъ я и предложилъ, чтобы Ледеръ исходатайствовалъ разрѣшеніе на открытіе при своей школѣ субботняго отдѣленія для взрослыхъ, съ тѣмъ, чтобы Вольманъ былъ преподавателемъ. Это было вполне въ порядкѣ вещей, потому что Вольмана, за неимѣніемъ аттестата зрѣлости, не допускали къ государственному экзамену на званіе врача, вслѣдствіе чего онъ занимался частными уроками; политически онъ не былъ скомпрометированъ. Ледеръ согласился и отправился за разрѣшеніемъ къ директору народныхъ училищъ, у котораго онъ находился на самомъ лучшемъ счету. Тотъ тѣмъ не менѣе письменнаго разрѣшенія не далъ, а сказалъ на словахъ: „занимайтесь себѣ!“

Вѣсть объ открытіи легальной школы была цѣлымъ событіемъ въ нашихъ кружкахъ. Въ теченіе двухъ трехъ недѣль число учениковъ достигло сотни. Пришлось раздѣлить ихъ на два класса; въ помощь Вольману мы дали реалиста Шлунда, тоже вполне легальнаго человѣка. Однако, о школѣ стали поговаривать „въ городѣ“, т. е. среди мѣстной буржуазіи, относившейся къ социалистамъ весьма неодобрительно. Директору народныхъ училищъ можно было отвести глаза, но не еврейской буржуазіи, которая понимала, куда дѣло клонится. Въ воздухѣ запахло доносомъ. Кончилось тѣмъ, что недѣли черезъ четыре по открытіи школы директоръ народныхъ училищъ пригласилъ къ себѣ Ледера и „посоветовалъ“ ему школу закрыть. Я лишній разъ имѣлъ случай убѣдиться, что въ Россіи самое легальное положеніе— нелегальное; послѣ мѣсячнаго опыта съ легальностью мы снова вернулись къ конспиративному обученію начаткамъ русской грамоты. Однако, этотъ экспериментъ не пропалъ даромъ. Во первыхъ, въ школѣ сразу создалась революціонная атмосфера: ученики понимали, что эта школа только преддверіе къ чему то высшему, которое манило ихъ прелестью запретнаго плода. Во вторыхъ, закрытіе школы имѣло революціонизирующее вліяніе на учениковъ, которые на себѣ ощутили прикосновеніе самодержав-

¹⁾ Умеръ въ штатѣ Нью-Джерси въ 1895 г.

ной десницы. Въ третьихъ, ученики вошли въ наши конспиративные кружки.

Хургинъ и его кружокъ относились къ нашей затѣѣ съ насмѣшкой. Но когда школа была закрыта, двое рабочихъ изъ его кружковъ отправились къ раввину Ханелесу и грозили избить его, такъ какъ городская молва называла и его въ числѣ виновниковъ закрытія школы. Намъ это непрошенное заступничество было крайне неприятно. Во первыхъ, мы не имѣли никакихъ данныхъ для обвиненія Ханелеса, который въ 70-хъ г.г. самъ относился сочувственно къ пропагандистской дѣятельности Рабиновича; хотя послѣ ареста Рабиновича, онъ устранился отъ общенія съ революціонерами, но отсюда до доноса еще очень далеко. Во вторыхъ, такого рода „терроръ“ могъ обратить на насъ вниманіе властей и повредить нашей дѣятельности. Однако, дѣло на этотъ разъ обошлось благополучно.

Конспиративное обученіе грамотѣ требовало большого числа людей, такъ какъ въ одинъ кружокъ нельзя было соединить больше десятка учащихся. Хотя у насъ никакой формальной организаціи не было, никого мы не „принимали въ кружокъ“, но естественнымъ путемъ образовалась группа лицъ, которая работала сообща. Кромѣ меня, моей сестры, моей жены и кружка Абрамовича, въ нашу группу вошли всѣ отщепенцы, не нашедшіе себѣ мѣста въ „организаціи“ Хургина. На мѣстномъ жаргонѣ наша группа получила кличку „исааковцевъ“ (въ кружкахъ того времени меня звали запросто Исаакомъ), въ отличіе отъ „ефимовцевъ“, учениковъ Ефима Хургина. ¹⁾ Игнорируя организацію послѣднихъ, я вступалъ, однако, въ сношенія съ отдѣльными членами ея, какъ индивидуумами, когда представлялась надобность.

Пропаганда въ рабочихъ кружкахъ того времени ограничивалась анализомъ экономическихъ основаній капиталистическаго строя и начертаніемъ социалистическаго идеала. Политическихъ вопросовъ касались мало. Благодаря этому, политическія понятія рабочихъ, да и не однихъ рабочихъ, представляли своеобразную смѣсь бакунинскаго анархизма съ яacobинскимъ бюрократизмомъ. Напр. должность предсѣдателя отрицалась, собранія безпорядочностью походили на мірской сходъ; въ результатъ, кто погорланитѣе, монополизировалъ весь вечеръ, а остальные должны были молчать. Я ввелъ въ обычай избраніе предсѣдателя на каждое собраніе и запись ораторовъ. Затѣмъ я сталъ на очень простомъ и общепонятномъ практическомъ дѣлѣ знакомить рабочихъ съ началами самоуправленія и парламентаризма. Рабочіе рѣшили устроить собственную библиотечку. Мы стали вырабатывать, статью за статьей, уставъ этой библиотечки. Эти занятія живо

¹⁾ Въ концѣ 90-хъ г.г. въ Минскѣ появилась новая формація „ефимовцевъ“ — послѣдователи Ефима Гальперна, сосланнаго около того-же времени въ Восточную Сибирь.

заинтересовали учредителей ее, которыхъ было десятка полтора. Вопросы были такъ конкретны, что каждый въ состояніи былъ внести какое нибудь предложеніе. Это предложеніе обсуждалось принципиально, съ точки зрѣнія соответствія его началамъ демократіи и свободы. Обыкновенно я предсѣдательствовалъ на этихъ собраніяхъ и въ своемъ резюме освѣщаль принципиальную сторону вопроса, если она не была достаточно выяснена преніями между самими рабочими. Если мое резюме вызывало новые вопросы или возраженія, то пренія возобновлялись. Спѣшить намъ было незачѣмъ и некуда. Одно правило я ввелъ для ограниченія безконечныхъ словопреній: не дозволялось повторять того, что уже было высказано другими. Если кто-либо позволялъ себѣ уклоняться отъ этого правила, то его сейчасъ-же останавливали криками: „уже высказано“; въ такихъ случаяхъ и я пользовался своею предсѣдательскою властью и, при всеобщемъ одобреніи, останавливалъ оратора. Такого правила нѣтъ и, конечно, не можетъ быть ни въ одномъ парламентскомъ регламентѣ, но у насъ оно дѣйствовало превосходно.

Я сдѣлалъ еще попытку организаціи потребительнаго общества, опять съ цѣлью главнымъ образомъ воспитанія въ рабочихъ привычки къ веденію общественнаго дѣла. Но почва для такого предпріятія оказалась неблагоприятной: за исключеніемъ одного или двухъ рабочихъ, у насъ все былъ народъ очень молодой, безсемейный, жившій на хлѣбахъ у родителей и потому ничего не покупавшій.

На первыхъ же порахъ намъ представился случай обсудить на практикѣ вопросы о централизаціи и федерализмѣ. У ефимовцевъ была небольшая рабочая библіотечка; прослышавши о нашей библіотечкѣ, они предложили намъ объединить ихъ. Но здѣсь возникъ вопросъ о завѣдываніи объединенной библіотекой. Въ настоящее время этотъ вопросъ можетъ показаться забавнымъ: въ обѣихъ библіотечкахъ было такъ мало книгъ, что съ практической точки зрѣнія не стоило и разговаривать о томъ, кто и какъ ими будетъ завѣдывать. Но въ то время намъ дѣло представлялось въ иномъ свѣтѣ. Ефимовцы были народовольцами и налагали цензуру на имѣвшуюся у нихъ нелегальную литературу. Напр., въ ихъ библіотекѣ для интеллигенціи имѣлся одинъ экземпляръ „Нашихъ разногласій“ Плеханова; этотъ экземпляръ, однако, выдавался только лицамъ вполне, такъ сказать, „политически благонадежнымъ“, на которыхъ чтеніе этого произведенія, какъ полагали, не могло оказать тлетворнаго вліянія. Я вышучивалъ это „изъятіе книгъ изъ общественныхъ библіотекъ“ и предоставленіе ихъ для чтенія, въ нѣкоторомъ родѣ, „особамъ первыхъ четырехъ классовъ“. Далѣе ефимовцы обвиняли насъ въ недостаточной конспиративности при выборѣ членовъ нашихъ кружковъ; мы же стремились охватить своей пропагандой возможно шире верхи рабочихъ. На этой почвѣ конфликты были бы неизбежны. Даже и людей, вполне свыкшихся съ приемами конспираціи, нерѣдко коробитъ отъ слишкомъ рѣзкихъ ее проявленій; а

нужно сказать, что наши революціонеры въ такихъ случаяхъ порою обнаруживаютъ замѣчательную способность копировать манеры околочныхъ надзирателей. Представьте же себѣ, что мало распропагандированный рабочій является къ какому нибудь конспиративному чину за легальной книжкой безъ надлежащаго „удостоверенія личности“ и встрѣчаетъ не то нигилистскій, не то мырцовскій приемъ. Намъ представлялось, что это могло бы только оттолкнуть отъ насъ рабочихъ.

На этой почвѣ и возникли у насъ въ библиотечномъ кружкѣ дебаты о централизаціи и федерализмѣ. Мы выработали планъ федеративной связи между обѣими библиотечками, ефимовцы настаивали на централизаціи: чѣмъ кончилось, я теперь уже хорошенько не помню; кажется, дѣло такъ и не сошлось.

Этотъ чисто практическій курсъ конституціоннаго права я старался пополнить теоретическими занятіями. Мы выбрали наиболѣе развитыхъ рабочихъ, въ томъ числѣ трехъ ефимовцевъ, и читали сообща Милли „О представительномъ правленіи“, сопровождая чтеніе комментаріями и дебатами о правахъ меньшинства и предѣлахъ власти большинства.

Зимой 1885—86 г. я также возбудилъ мысль о демонстраціи по какому-нибудь понятному для всѣхъ поводу. Для этого, конечно, требовалось совмѣстное дѣйствіе обѣихъ «фракцій», если позволено будетъ такъ выразиться,—исааковцевъ и ефимовцевъ. Мы пригласили на совѣщаніе представителей ефимовцевъ. По этому поводу на квартирѣ Іосифа Рѣзника состоялось, кажется, два собранія. Отъ ефимовцевъ присутствовало двое рабочихъ, одинъ плотникъ и одинъ столяръ (оба теперь въ Америкѣ) и нѣсколько интеллигентовъ, главнымъ ораторомъ которыхъ былъ Соломонъ Мерлинскій ¹⁾. Онъ въ то время былъ гимназистомъ лѣтъ шестнадцати, но онъ сразу обратилъ на себя мое вниманіе своимъ яснымъ умомъ и значительнымъ для своего возраста развитіемъ. Ефимовцы всѣ были противъ «открытыхъ выступленій»,—примѣняя современный терминъ къ условіямъ того далекаго прошлаго, и мысль о демонстраціи была отвергнута.

Для меня лично эти собранія послужили началомъ знакомству, а впослѣдствіи личной дружбѣ съ Мерлинскимъ. Что-же касается нашихъ рабочихъ кружковъ, то между ними тоже естественно началось общеніе: наши ходили на занятія въ ефимовскіе кружки и привлекали къ намъ ефимовскихъ рабочихъ. Какъ я уже сказала, фракціонное раздѣленіе это было „организаціоннымъ“, какъ выразились бы теперь. Въ Россіи „организаціонное“ дѣленіе почему-то противопоставляется «принципіальному». Въ Америкѣ уже сознано, что вопросъ о формѣ организаціи самъ по себѣ тоже представляетъ важный принципіальный вопросъ. Въ современной американской политикѣ эта борьба между „исааковцами“ и „ефи-

¹⁾ Былъ въ ссылкѣ въ Вологодской губ. въ 1890—1892 гг. Въ настоящее время живеть въ Варшавѣ и стоитъ внѣ политики.

мовцами“ охарактеризована была бы, какъ борьба «независимыхъ демократовъ» противъ партійнаго „боссизма“¹⁾).

О классовой борьбѣ въ то время у насъ велись только теоретическіе разговоры; практическаго значенія, въ виду малочисленности нашихъ силъ при раздробленности еврейскихъ рабочихъ въ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ, эти разсужденія не имѣли. Самыми крупными предприятиями у насъ были типографіи; тамъ положено было основаніе профессиональному союзу типографскихъ рабочихъ. Хозяева сразу обнаружили классовой инстинктъ и стали донимать придирками рабочихъ, принадлежавшихъ къ социалистическимъ кружкамъ. Но до открытаго конфликта дѣло не дошло.

Лѣтомъ 1886 года независимо отъ насъ вспыхнула стихійная забастовка обойщиковъ. Мы сейчасъ же поспѣшили на помощь забастовщикамъ. На квартирѣ Рѣзника состоялось одно или два собранія; еще одно собраніе состоялось на городскомъ скверѣ.

Вастовало всего десятка полтора рабочихъ одной мастерской. Хозяинъ собирался было выписать рабочихъ изъ Вильна, но стачка черезъ нѣсколько дней окончилась соглашеніемъ. Была еще забастовка учениковъ еврейскаго ремесленнаго училища, которые находились подъ вліяніемъ ефимовцевъ, забастовка возникла на почвѣ недовольства учениковъ зрителямъ; кажется, ему даже грозили побоями. Въ городѣ она надѣлала много шума, потому что училище содержитя на благотворительныя средства и во главѣ его стоятъ мѣстные нотабли. Присутствіе моей жены на одной изъ сходокъ забастовщиковъ придадо дѣлу въ глазахъ попечителей опасный политическій характеръ. Чѣмъ кончилось дѣло, сейчасъ уже не упомяну.

Ростъ нашихъ кружковъ выдвинулъ предъ нами квартирный вопросъ. Лѣтомъ собирались за городомъ, въ лѣсу; зимою приходилось отыскивать квартиры. Вначалѣ собирались у Рѣзника; онъ былъ челоуѣкъ семейный, жена его содержала мастерскую женскихъ платьевъ; онъ сдавалъ двѣ комнаты внаймы рабочему и работницѣ, тоже членамъ нашихъ кружковъ. Но собираться всѣмъ у него было по полицейскимъ условіямъ неудобно. Собирались еще у несемейныхъ рабочихъ и работницъ; но, во-первыхъ, помѣхой служили родители, а во-вторыхъ въ крошечную комнатку, гдѣ было мѣсто только для стола и кровати, набивалось иногда болѣе десятка народа.

Мы рѣшили снять квартиру для собраній. Найдена была квартира изъ трехъ комнатъ на Нижнемъ Базарѣ, гдѣ вѣчно толчется народъ. Домъ былъ съ проходнымъ дворомъ и воротами на три улицы. Въ полицейскомъ отношеніи всѣ предосторожности были соблюдены. Но намъ, однако, пришлось бросить эту квартиру до истечения мѣсячнаго срока. На квартирѣ поселилось двое

¹⁾ Boss—партійный „хозяинъ“, которому повинуются партійная „машина“. См. объ этомъ мою статью въ III томѣ сборника: „Государственный строй 3. Европы и С. Амер. Соед. Штатовъ“, изд. Глаголева.

молодыхъ людей, мебелишка была немудрая, бѣдняге даже, чѣмъ у заурядныхъ еврейскихъ бѣдняковъ,—наши фонды не дозволяли большаго. И вотъ эту квартиру стала посѣщать, особенно по вечерамъ, молодежь обоего пола. Сосѣди были скандализированы и заключили, что въ квартирѣ пріютился тайный притонъ проституціи. Грозили недоразумѣнія съ полиціей, которая кончилась бы облавою и проваломъ нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ. Пришлось собраніе прекратить. Затѣмъ мы наняли квартиру на окраинѣ города (Романовкѣ). Тамъ поселился вернувшійся изъ Америки молодой человекъ Гиршфельдъ ¹⁾, подъ видомъ учителя англійскаго языка. Начавшееся эмиграціонное движеніе давало правдоподобное объясненіе для сосѣдей посѣщенію его квартиры множествомъ учениковъ и ученицъ, собиравшихся группами для совмѣстныхъ уроковъ. Однако въ непродолжительномъ времени эту квартиру прослѣдили шпионы; въ Минскѣ это дѣлалось патриархально, шпионы были всему городу извѣстны.

Сколько въ нашихъ кружкахъ было всѣхъ рабочихъ, учесть было трудно. Лѣтомъ 1886 года мы однажды устроили собраніе всѣхъ „учителей“ для подведенія итоговъ; оказалось, въ «исааковскихъ» кружкахъ всѣхъ степеней было 130 рабочихъ; сколько было у «ефимовцевъ», мы не знали. Если принять упомянутую выше цифру Хургина и вычесть тѣхъ, которые посѣщали и тѣ и другіе кружки, то по всей вѣроятности было всѣхъ вмѣстѣ не менѣе 250 человекъ. Спустя два года, я предпринялъ объѣздъ главныхъ центровъ Сѣверо-западнаго края; въ Бѣлостокѣ и Гроднѣ совсѣмъ не оказалось рабочихъ кружковъ, а въ Вильнѣ мнѣ Левъ Логихесъ ²⁾ («Левка») сообщилъ, что у нихъ есть кружокъ изъ *четыре*хъ рабочихъ. О великорусскихъ губерніяхъ, конечно, и говорить нечего. Въ то время о пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ никто не думалъ.

Первый арестъ у насъ въ Минскѣ произошелъ въ февралѣ 1887 года. Взятъ былъ Іосифъ Рѣзникъ въ типографіи по доносу провокатора рабочаго той же типографіи Зархина. Въ награду Зархинъ получилъ разрѣшеніе на открытіе типографіи въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. Рѣзникъ былъ сосланъ въ якутскую область, откуда вернулся въ 1892 году безъ права работать въ типографіяхъ. Въ слѣдующемъ году онъ переселился въ Америку.

Арестъ Рѣзника всполошилъ дремавшую до тѣхъ поръ жандармерію. Начался рядъ обысковъ у рабочихъ; стали тягать ихъ на допросы. Однако въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ жандармамъ не удавалось ничего выпытать. Лишь въ концѣ 1889 года арестъ рабочаго, который у насъ былъ извѣстенъ подъ кличкой Лапласа (фамилия его не помню), далъ имъ въ руки слабого юношу, отъ котораго они вывѣдали кое-что о нашихъ кружкахъ.

¹⁾ Въ настоящее время врачъ въ Миннеаполисѣ, въ Соед. Штатахъ, и видный дѣятель социалистической партіи; выставился социалистическимъ кандидатомъ на должность губернатора штата Миннесоты.

²⁾ Впоследствии долгое время былъ эмигрантомъ.

Гораздо больше, чѣмъ полицейскія преслѣдованія, тормозила нашу работу начавшаяся эмиграція въ Америку. Фактически мы подготовляли социалистическихъ рабочихъ для Америки. Когда я прїѣхалъ въ Нью-Йоркъ, въ концѣ 1890 года, я тамъ засталъ «Русское рабочее общество саморазвитія», которое въ публикѣ называлось „минскимъ рабочимъ обществомъ“. Дѣйствительно, изъ 35 членовъ этого общества 32 были минскіе рабочіе ¹⁾. Въ томъ же году мы устроили въ Нью-Йоркѣ подъ русскій Новый годъ «балъ минскихъ социалистовъ», на который приглашены были, кромѣ почетныхъ иногороднихъ гостей, всѣ, кто когда-либо участвовалъ въ минскихъ кружкахъ: такихъ набралась цѣлая сотня.

Тѣмъ не менѣе пропаганда среди рабочихъ не прекращалась въ Минскѣ никогда; одни уѣзжали, на ихъ мѣсто являлись другіе; такъ продолжалось вплоть до начала массоваго движенія еврейскихъ рабочихъ. Изъ Минска наши кружковые рабочіе перѣзжали въ поискахъ работы въ другіе города. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ перваго кружка Абрамовича Яковъ Звиринъ попалъ наборщикомъ въ типографію „Смоленскаго Вѣстника“. Тамъ онъ сошелся съ интеллигенціей, группировавшеюся около газеты и, при ея содѣйствіи, занялся пропагандой среди рабочихъ. Въ 1889 году ихъ кружокъ былъ арестованъ. Звиринъ высидѣлъ годъ въ Крестахъ и по освобожденіи, конечно, уже лишентъ былъ права работать въ типографіяхъ. Онъ переселился въ Америку и въ настоящее время живетъ въ Нью-Йоркѣ. Въ какой мѣрѣ наши минскіе рабочіе содѣйствовали пробужденію сознанія своихъ товарищей въ другихъ городахъ, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ въ 1890 году я самъ оставилъ Россію.

Назвать наши первые рабочіе кружки 1884—86 г.г. социал-демократическими въ отличіе отъ народовольческихъ едва ли было бы правильно. Акимовъ въ своемъ „Очеркѣ развитія социал-демократіи въ Россіи“ называетъ Абрамовича социал-демократомъ. Это совершенно вѣрно по отношенію ко времени его ареста въ 1889 году, но я не рѣшился бы утвердительно сказать то же самое о томъ періодѣ, къ которому относится образованіе имъ первыхъ рабочихъ кружковъ въ Минскѣ. Группа Освобожденія Труда только что тогда образовалась. Личныхъ связей съ нею, поскольку мнѣ извѣстно, у Абрамовича въ бытность его въ Парижѣ въ 1883—4 году не установилось. Абрамовичъ былъ выдающійся по своимъ способностямъ и образованію юноша 19—20 лѣтъ, но успѣлъ ли онъ уже самостоятельно выработать себѣ въ то время ясное социал-демократическое міросозерцаніе, сомнѣваюсь. О себѣ я уже говорилъ. Изъ литературы Группы Осво-

¹⁾ Въ слѣдующемъ году это общество, по инициативѣ г-ра Ингермана, было преобразовано въ „Русское социал-демократическое общество“. Это общество оказывало серьезную матеріальную поддержку Союзу Освобожденія Труда и социал-демократической партіи въ первые годы ея существованія.

боженія Труда у насъ въ Минскѣ вплоть до 1890 г. имѣлся только одинъ экземпляръ „Нашихъ разногласій“. Нѣкоторая духовная связь съ Группой у насъ установилась только въ 1887 году, когда къ намъ пріѣхалъ Шмулевичъ („Кивель“), прежній „ефимовецъ“, побывавшій въ Швейцаріи и сдѣлавшійся тамъ социалдемократомъ ¹⁾. Но Шмулевичъ не обладалъ способностями миссіонера и потому личное вліяніе его было слабо.

Осенью того же года до насъ дошла изъ Швейцаріи брошюра: „Программа для обсуждения программныхъ вопросовъ“. Это было чрезвычайно дѣльно, всесторонне и безпристрастно составленное резюме всѣхъ вопросовъ, по которымъ въ то время среди революціонной молодежи существовали разногласія. Авторы программы рекомендовали образовывать кружки для обсуждения и выясненія всѣхъ спорныхъ вопросовъ. У насъ эта мысль встрѣчена была всеобщимъ сочувствіемъ. Устроено было собраніе, на которое явилось человѣкъ двадцать или тридцать. Пренія велись на страшный анархическій ладъ. Мое предложеніе избрать председателя и установить запись ораторовъ не нашло поддержки, какъ явная „исааковская“ ересь. Половина вечера прошла въ словесномъ турнирѣ между Хургинымъ и Львомъ Марковичемъ Закомъ ²⁾. Хургинъ отстаивалъ «захватъ власти», а Закъ возражалъ, что «за этимъ дѣломъ намъ надлежитъ обратиться къ генералу Бѣлову» (мѣстному воинскому начальнику). Мнѣ этотъ безпорядочный дуэтъ надоѣлъ и я ушелъ, не дождавшись конца. Въ тотъ же вечеръ рѣшено было по полицейскимъ соображеніямъ разбитъ на меньшія группы. Такихъ группъ образовалось три. Одна очень скоро перестала собираться. Другая, состоявшая изъ семинаристовъ и учителей, собиралась нѣкоторое время, но вскорѣ обнаружилось, что дебаты колеблютъ основы народнической вѣры и приводятъ къ безотраднѣйшимъ выводамъ. Вслѣдствіе этого, какъ передавалъ «Егорычъ» ³⁾, рѣшено было вовсе прекратить обсужденіе программныхъ вопросовъ и остаться при прежнемъ міросозерцаніи. Третья группа, собиравшаяся на моей квартирѣ, довела обсужденіе до конца. Въ ней участвовали, кромѣ меня, жены и сестры, Мерлинскій, Шмулевичъ, Ефимъ Галь-

¹⁾ Въ 1889 г. онъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Россіи и до 1896 г. жилъ въ Швейцаріи, гдѣ былъ активнымъ членомъ социалдемократическихъ организацій. Въ 1896 г. онъ переселился въ Америку и въ настоящее время живетъ въ Чикаго.

²⁾ Л. М. Закъ былъ арестованъ въ 1879 г. за участіе въ одномъ изъ земледельческихъ кружковъ, работавшихъ на Волгѣ и на южномъ Уралѣ, и былъ административно сосланъ въ Енисейскъ, откуда вернулся въ 1886 году. Весною 1888 г. онъ снова былъ арестованъ въ Минскѣ и сосланъ въ Якутскую область, откуда онъ вернулся въ 1896 г. По возвращеніи изъ вторичной ссылки, онъ вмѣстѣ съ моей сестрой приступилъ къ переводу I т. „Капитала“ К. Маркса, но умеръ въ въ 1897 г. до окончанія работы. Переводъ вышелъ въ 1899 г. подъ редакціей П. Б. Струве.

³⁾ Одинъ изъ немногихъ, ускользнувшихъ отъ бдительнаго ока начальства; состоитъ на государственной службѣ, а потому настоящее его имя не можетъ быть оглашено.

пернѣ, съ весны 1888 г. Абрамовичъ, и др. Мы собирались разъ въ недѣлю въ теченіе полугода, и въ результатѣ большинство изъ насъ, включая Абрамовича, мою сестру и меня, приняло по всѣмъ программнымъ вопросамъ социалдемократическія формулы.

И. Гурвичъ.

Воспоминанія.

(Окончаніе.)

XII.

Либеральныя начинанія той эпохи были разбиты встрѣчнымъ теченіемъ. Въ силу интерференціи волна слилась съ долиной и тѣмъ поглотила свѣтъ. Какія перемѣны внесла эта коллизія въ военную касту? Но русская весна 60-хъ г.г. была такъ скоротечна, что не успѣла всколыхнуть хорошенько военные слои; а наступившая мгла слишкомъ искажала очертанія каждаго образа и я чувствую, какъ почва ускользаетъ подъ моими ногами, при попыткѣ уловить что-нибудь особенно новое въ людяхъ и дѣлахъ ихъ до начала новаго періода, т. е. до конца 70 г.г. Неудивительно, что въ тѣ времена, которыя я описываю—времена процвѣтанія сатиры—мнѣ вспоминаются ясно только гоголевскіе типы изъ военной среды, да ихъ дѣянія. Замѣчательно, что рассказы изъ военного быта 50—70 г.г. нашихъ большихъ писателей, напр. военные рассказы Толстого и Гаршина обходятъ мирное время и воспроизводятъ картины и типы военного времени. Насколько мнѣ извѣстно только Ивановичъ далъ нѣсколько замѣчательныхъ очерковъ изъ «мало знакомаго быта» въ мирной обстановкѣ¹⁾. Въ рассказахъ изъ военного быта мирнаго времени описывалось обыкновенно офицерское общество, да изображался удивительный типъ русскаго Фигаро—офицерскаго деньщика, и только въ очеркахъ изъ военного времени мы встрѣчались съ героическимъ образомъ русскаго солдата. И это не даромъ. Гарнизонная служба сплавиваетъ солдатъ въ одну безразличную массу и героическія, или индивидуальныя выступленія при этомъ едва-ли возможны. Мирный режимъ у насъ создаетъ хорошо натасканнаго эквилибриста и аккуратнѣйшаго исполнителя, напоминающаго собою старо-нѣмецкаго капрала. Но при этомъ бросаются въ глаза природныя способности русскаго солдата, непривитыя казармой. Молодые солдаты вообще отличались удивительною восприимчивостью и гибкостью. Даровитый русскій человѣкъ, какъ Протей способенъ къ быстрымъ и разнообразнымъ превращеніямъ. Фабричный рабочій, земледѣлецъ, мѣщанинъ.

¹⁾ Лучшіе рассказы Тхоржевскаго относятся къ военному времени.

мастеровой и пр. и пр. съ большой скоростью превращался въ центавра-кавалериста, въ морского волка, въ солиста на корнетѣ, или другомъ инструментѣ, въ полкового фельдшера, въ канцеляриста, вершающаго въ сущности за спиною адъютанта всѣ канцелярскія дѣла, въ сановитаго швейцара, въ дворника-цербера и, какъ показали недавнія событія, въ сознательнаго крамольника. И до всего этого они доходили, главнымъ образомъ, своимъ умомъ потому, что казарма пыталась изъ нихъ сдѣлать только будочника и безсловеснаго автомата. Вся строевая подготовка въ ротѣ и преподаваніе въ ротной и полковой школѣ въ сущности лежала на солдатахъ-же—унтерахъ; а на офицеровъ возлагалось общее руководство и направленіе обученія и воспитанія. Иначе и быть не могло потому, что начальство слишкомъ подозрительно относилось къ сближенію младшихъ офицеровъ съ солдатами. Солдату давали строевую выправку и отъ него требовали знанія на зубокъ солдатскаго катехизиса («словесности»), исправности, безусловной исполнительности и показнаго искусства. Потомъ наскоро сколачивали шеренги въ роты, роты въ баталіоны. Занятія слрѣльбой были продолжительнѣе и можетъ быть немного основательнѣе. На смотрахъ-экзаменахъ показывали товаръ лицомъ, для чего мало помалу слагалась длинная серія фокусовъ, которые совершались по общему соглашенію. Ротные командиры обманывали полкового; всѣ гуртомъ обманывали начальника дивизіи и т. д. Понятно, что безъ содѣйствія солдата такія операціи невозможны. Солдаты даже отмѣчали свое содѣйствіе въ данномъ случаѣ соотвѣствующимъ терминомъ: «Мы пригнали начальнику дивизіи, (или другому инспектору) наушники!» Я, какъ участникъ подобныхъ манипуляцій, утверждаю, что такимъ путемъ удавалось пустить пыль въ глаза самому опытному, осторожному и свѣдущему инспектору.

«Человѣкъ въ футлярѣ» поможетъ читателю, вообразить себѣ солдатскаго педагога; только скрытая задача воспитанія—отупнѣніе воспитываемаго—проявлялась въ войскахъ откровеннѣе. Для рѣшенія этой задачи приходилось соединять несоединимое: государству нужны были врачи, техники, юристы, учителя и т. д., т. е. спеціально образованные, но при этомъ послушные и обезличенные люди; государству также нужно было пушечное мясо, но одушевленное героизмомъ. И для такого дѣла находилось болѣе чѣмъ достаточно упорныхъ сотрудниковъ.

Небольшая сцена изъ военной жизни покажетъ какая при этомъ выходила путаница. Мы на экзаменѣ для производства въ унтеръ-офицеры окончившихъ курсъ полковой учебной команды. Предсѣдательствуетъ командиръ полка полковникъ Стоколовъ, крупный, кряжистый человѣкъ съ большой головой, остриженной подъ гребенку; бакенбарды его кустятся и на скулахъ топорщатся; говоритъ онъ зычнымъ голосомъ. Передъ комиссіей читаетъ красивый солдатикъ звонкимъ голосомъ, что-то про дикихъ свиней и про охоту на нихъ. «Довольно! Расскажи, что прочиталъ»—останавливаетъ его полковникъ. Лицо солдатика краснѣетъ, брови поднимаются, лобъ морщится, губы беззвучно шевелятся и онъ, время отъ времени подается, или лучше сказать суется всѣмъ тѣломъ впередъ. Очевидно бѣдняга все

понялъ, но не находитъ выраженія для своихъ мыслей; наконецъ, встряхнувшись онъ произноситъ: «Кабанъ... Ваше В. Благородіе!»— «Ну, что же такое кабанъ? Расскажи, братецъ, по понятнѣе, пояснѣе!»— «Свинья. Ваше В. Благородіе!»—«Самъ ты свинья! Пшолъ! Животное! Полюбуйтесь на эту скотину!» гремитъ Стоколовъ и гнѣвно качаетъ головой въ сторону преподавателей. На смѣну выступаетъ очень бойкій баталіонный писарь и законоучитель (полковой священникъ) заставляетъ его прочитать «Вѣрую». Писарь трещитъ какъ электрической звонокъ. «Скажи, братецъ, что такое значить «И воскресшаго въ третій день по писаніямъ?»—«Значитъ Ваше В. Благородіе, Христось воскресъ и расписался!»—отвѣчаетъ тотъ безъ запинки. «Оселъ! Гдѣ же онъ расписался?!» Писарь не смущаясь старается подыскать отвѣтъ; но это ему не удается. «Въ разносной книгѣ что ли, болванъ?!»— «Такъ точно!» радостно отвѣчаетъ тотъ. «Дубина! Пошолъ!» кричитъ весело Стоколовъ и на лицѣ его сіяетъ довольная улыбка. Третій солдатикъ на вопросъ: почему послѣдняя недѣля поста называется страстной? выговариваетъ стремительно: «Потому Ваше В. Б.—діе, что на седьмой недѣлѣ Христось предался всѣмъ страхамъ своимъ!» Батюшка съ упрекомъ замѣчаетъ: «Опомнись! О комъ ты это говоришь!»—«Экая скотина! Экая дурачина!» тихо и любуясь солдатомъ произноситъ Стоколовъ: онъ доволенъ и лучше батюшки понимаетъ, что солдатикъ по непривычкѣ къ мышленію только дико выразился; это сейчасъ же подтверждается. На вопросъ: какихъ правъ лишается солдатъ, приговоренный къ каторгѣ? тотъ даетъ топорно выраженный, но вѣрный отвѣтъ: «Лишается воинскаго званія, лишается, Ваше В. Б.—діе, всего своего имущества и своихъ отеческихъ чувствъ!» (т. е. права состоянія, семейныя права). Экзаменъ прошелъ блистательно: всѣ удостоились производства въ унтеръ-офицеры; Стоколовъ остался очень доволенъ и благодарилъ. Такихъ знаній и такого развитія было за глаза достаточно для солдата лишь бы строевая и дисциплинарная выправка кандидата соответствовала требованіямъ командира.

Каждый солдатъ, кромѣ дѣйствительно необходимыхъ свѣдѣній, долженъ былъ знать наизусть напр.: все начальство по восходящей линіи до министра съ подробнымъ указаніемъ на чины, титулы, должностное положеніе, имя, отчество и т. д. И на инспекторскихъ осмотрахъ, высшее начальство неизмѣнно получало смѣшные отвѣты. Напр.: «Кто я таковъ?»—спрашиваетъ начальникъ дивизіи молодого солдата, совсѣмъ сбитаго съ толку солдатской словесностью. «Вы изволите быть, ваше благородіе, Его Превосходительство генераль... генераль... генераль-бомбардиръ! Ваше В. бл-діе!»—«Сами вы бомбардиръ и рота ваша бомбардирская!» обращается обиженный генераль къ ротному командиру. «А кто у тебя братецъ командиръ полка?» спрашиваетъ онъ другого. —«Г-нъ Блиновъ, а прозывается онъ Поповъ!» (Блиновъ полковой командиръ, Поповъ—баталіонный) —«Да, я вижу, подполковникъ Поповъ, что и батальонъ вашъ бомбардирскій!»... —«Ну, скажи ты, какіе у меня глаза?» Этотъ вопросъ могъ бы поставить втупикъ весь полковой штабъ съ командиромъ полка во главѣ. Солдатикъ топорщится на генерала и молчитъ; на выручку ему спѣ-

шить капральный, нашептывая: «голубые, голубые, голубые»—«Глупые, Ваше Превосходительство!» выкрикиваетъ солдатикъ тѣмъ тономъ, какимъ было сказано когда-то: «Эврика!»—«Ну, полковникъ Блиновъ, я могу поздравить васъ съ великолѣпными результатами зимнихъ занятій въ полку!» иронизируетъ генераль. Однако, смотръ сходить благополучно, потому что подобные неудачные отвѣты получались очень часто, да къ тому же они скрашивались «молодецкими» отвѣтами; значить все обстояло благополучно.

Зимою роты расквартировывались по деревнямъ и находились на хозяйскомъ довольствіи, причемъ хлѣбный паекъ, т. е. 1 пудъ 28 фун. муки въ мѣсяцъ на солдата, слѣдовало отдавать хозяину; но этого никогда не бывало. Въ концѣ мѣсяца сельское, или волостное правленіе уступало слѣдуемый крестьянамъ провіантъ за нѣсколько ведеръ водки и выдавало ротному командиру квитанцію, гдѣ говорилось о полученіи полностью пайка и о томъ, что постояльцы никакой обиды хозяевамъ не причиняли. «Прощенный» крестьянами провіантъ составлялъ весьма значительную доходную статью для полка, поступая въ экономическія суммы. Нетрудно понять, какъ велика была эта мужицкая жертва. Если въ деревнѣ напр.: на постоѣ находилось, положимъ, 30 челов., то взаимѣнъ двухъ, а можетъ быть одного ведра водки, деревня уступала ротѣ ежемѣсячно 50 пудовъ съ лишнимъ муки. О хищеніи и безгрѣшныхъ доходахъ распространяться не стоитъ. Всякій старослужашій знаетъ на этотъ счетъ факты, могущіе показаться на первый взглядъ небылицею: одинъ командиръ держалъ лошадей чуть ли не круглый годъ на подножномъ корму, подкармливая ихъ къ смотру, какъ говорили насмѣшники, цитварнымъ сѣменемъ. Другой командиръ получалъ съ отхожаго мѣста при полковомъ лазаретѣ 400 рублей въ годъ: онъ вовсе не топилъ тамъ каминъ, который слѣдовало топить непрерывно цѣлый годъ для вентиляціи; а справочныя цѣны на топливо въ тѣхъ мѣстахъ были очень высокія. Не стану я говорить о грошахъ, которыми пользовались иногда въ свою очередь младшіе начальники. Безпокойныхъ обличителей безпощадно гнали и выживали изъ полка; къ равнодушнымъ относились доброжелательно; а сотрудниковъ отличали и выдвигали. Такъ, факторъ хищенія вліялъ на всѣ другія отношенія въ полку, совершая искусственный подборъ плутовъ. Такъ, укоренялась и вѣтвилась сама система хищенія, заражая и развращая даже солдатъ. Лучшіе, честнѣйшіе солдаты, выбираемые ротой въ артельщики, начинали мало по малу мошенничать. Для устраненія этого ввели новыхъ выборныхъ отъ каждаго капральства (взвода) «комитетчиковъ» для надзора за артельщикомъ. Эти контролеры или дѣлились съ артельщикомъ, или молча смотрѣли, какъ ихъ товарищи обманываютъ своего же брата. Нѣкоторые ближайшіе начальники, которымъ было слишкомъ больно видѣть такое распутство,—а искоренить его они были не въ силахъ—упрашивали, или, превышая власть, запрещали солдатамъ выбирать лучшихъ людей въ артельщики, чтобы спасти ихъ отъ соблазна и паденія; а высшее начальство прямо таки постановило ни въ какомъ случаѣ не выдавать артельщику на руки болѣе 30 рублей.

Плутовская организација развертывалась, пуская отростки и разбрасывая свои ядовитыя споры, а честные люди приходили въ отчаяніе отъ своего безсилія. Разговоры въ дружескомъ кружкѣ не могли обходить такой жгучей темы, и невольно склонялись къ насильственному рѣшенію, можетъ быть по свойству военного человѣка не развязывать, а разрубать гордіевы узлы. Рѣчи о притѣсненіяхъ, произволѣ, казнокрадствѣ старшихъ, о податливости младшихъ прерывались возгласомъ: «нѣтъ, Г.г., я обругаю публично N N воровъ и дамъ ему въ морду!» — «Напрасно,—слѣдовало возраженіе,—тебя отдадутъ подъ судъ, а все останется по старому!» — «Самодура повалить не трудно, но уничтожишь ли этимъ самодурство?» (Добролюбовъ). Всѣмъ становилось ясно, что наши домашнія дѣла пребываютъ въ тѣсной связи съ общими дѣлами и порядками въ Россіи, и сказанная въ эту минуту удачная цитата, напр.:

«За кого-ж Ты распинався,
 «Христе Сыне Божий?
 «За нас добрых? Чи за слово
 «Истини? чи може.
 «Щоб ми з Тебе насміялись?
 «Воно-ж так і сталось!
 «Храми, капліци і иконы
 «І ставники, и мірри дым,
 «И перед образом Твоим
 «Неутомленніі поклони
 «За кражу, за війну, за кров,
 «Щоб братню кров пролити просять;
 «А потім в дар Тобі-ж приносять
 «С пожару вкрадений покров!... (Шевченко)

—воспламеняла отзывчивую душу и просвѣтляла сознание, создавая боевое настроеніе у людей, вовсе несклонныхъ къ революціонному протесту, но поставленныхъ въ безвыходное положеніе: или сдѣлаться подлецомъ, или погрузиться въ тину пошлости, или возстать противъ порядковъ, сѣющихъ черную неправду и потому, роковымъ образомъ, пожидающихъ бурю. Такъ сама жизнь подготавливала дѣвственную почву къ будущему посѣву освободительныхъ идей въ общественныхъ слояхъ наименѣ доступныхъ литературнымъ и инымъ вліяніямъ. Болѣе стойкіе и чуткіе рвались къ свѣту, менѣе стойкіе изнемогали и безнадежно погибали: и пробужденіе людей къ свѣту не обходится безъ жертвъ. Въ военной средѣ жертвы эти для болѣе интеллигентныхъ, но менѣе приспособленныхъ къ грубымъ и жестокимъ условіямъ военной жизни, напр., для военныхъ врачей принимали такой видъ: докторъ Иванъ Никаноровичъ N, искусный, опытный и счастливый врачъ, имѣлъ обширную практику не только въ городѣ и его окрестностяхъ, но въ дальнихъ уѣздахъ. Для своихъ разѣздовъ онъ держалъ бричку и пару лошадей; въ этомъ состояло все его богатство, такъ какъ онъ былъ безсребренникомъ. Дѣла у него было достаточно и полковой кошмаръ повидимому его не захватывалъ. Однако, полковая жизнь, какъ спрутъ втягиваетъ въ пучину все, что попадаетъ въ ея

сферу. Онъ работаль въ лазаретѣ, ѣздилъ на практику и напивался, что до поры, до времени не мѣшало ясности его сужденія. Однажды онъ просилъ меня ночевать у него. «Въ послѣднее время я много шалилъ и чувствую себя нехорошо. Я говорю, я самъ докторъ и знаю въ чемъ дѣло, а все таки страшно.» Всю ночь около его кровати горѣла свѣча и тамъ же стояла водка. Когда онъ сталъ забываться, передъ его лицомъ явилась страшная голова съ рогами. Эта прозрачная образина, по его словамъ просвѣчивала, какъ бы освѣщаемая сзади бенгальскимъ огнемъ и мѣняла красный цвѣтъ на зеленый; но на этомъ фонѣ сверкали огненные глаза. «Я не знаю, что мнѣ дѣлать? Принять ли хлоралу, или выпить водки?» Онъ выпилъ водки, успокоился и, кажется, заснулъ. Развѣзжалъ онъ и лѣтомъ въ тепломъ пальто, подымая мѣховой воротникъ, чтобы не видѣть тѣней», которая неслись по воздуху по сторонамъ экипажа. Онъ погонялъ кучера въ тщетной надеждѣ обогнать эти видѣнія. Кучеръ-деньщикъ терялъ голову, лошади мчались и натыкались на камень, или встрѣчную повозку. Однажды утромъ, часовъ въ 5 ко мнѣ приближалъ этотъ деньщикъ. «Пожалуйте, ваше В—дiе къ Иванъ Никаноричу: они нездоровы.» Иванъ Никаноричъ сидѣлъ на кровати всклокоченный, свѣсивъ ноги. На столѣ была водка и сардинки. «А! здравствуйте батальонерь! Со мною бѣда! Я говорю, выпейте водки: вотъ сардинки!... Я докторъ, я говорю и понимаю, что со мною галлюцинаціи, а все-таки страшно... Вчера вечеромъ заиграла музыка тихая, печальная и пріятная; открылося вотъ это окно и въ окно вошла моя покойница жена въ бѣломъ платьѣ... Вдругъ она пропала, а окна стали открываться и захлопываться, а изъ оконъ закричали: «Иванъ Никаноричъ, не болитъ ли у тебя голова?!» Мнѣ это было, я говорю, очень неприятно и я легъ и закрылъ голову подушкой. Когда все прошло, я сѣлъ на кровати... Смотрю, а съ правой стороны внизу пять тѣней, а съ лѣвой четыре. Правыя кричатъ: «Иванъ Никаноричъ! пей больше—нашъ будешь!» А лѣвыя: «не пей Иванъ Никаноричъ, а то умрешь!» Ну, я былъ, я говорю, въ затруднительномъ положеніи и рѣшилъ по большинству голосовъ! А все же послалъ за вами!» Другой, очень способный молодой врачъ, былъ вынудъ изъ петли, третій зарѣзался, четвертый спился и сдѣлался полковымъ шутомъ и т. д. Правда, половина врачей, мало по-малу влѣзла въ казенный «футляръ»; очень немногіе, окончивъ обязательный срокъ, бѣжали изъ военной службы и, насколько я знаю, только три врача вступили въ 82 г. въ военную организацію. Офицеры пили и съ горя, и съ радости, и отъ скуки, и для компаніи, и по инерціи, и по привычкѣ, ставшей повелительной потребностью. Солдаты пили несравненно менѣе, а расплачивались за это удовольствіе несравненно дороже. По службѣ, думаю, солдаты были исправнѣе г.г. младшихъ офицеровъ. Самыми лучшими служаками были молодые солдаты; на третій годъ службы они начинали опускаться. Разумѣется, въ каждомъ полку бывали офицеры службисты по призванію и службисты, такъ сказать, эстетика. Въ началѣ 70-хъ г.г. еще дослуживали николаевскіе могики; они били солдатъ нещадно. Мнѣ показывали одного стараго офицера, который сломалъ себѣ руку, ударивъ сол-

дата. Одинъ капитанъ, пробуя пищу изъ черпака, ударилъ кашевара, стоявшаго въ уровень съ краями котла, гдѣ варилась пища на двѣ роты; кашеваръ упалъ въ котель и сварился тамъ. Пищу выбросили и заставили капитана купить продукты на свой счетъ, а дѣло замяли, отставивъ убійцу отъ должности. Рукоприкладство мало по малу, выходило изъ обихода; но окончательно не прекращалось до 80-хъ г.г. Сѣкли штрафованныхъ по назначенію ротнаго, батальонаго и полковаго командирова, а также по приговору судовъ полковаго и окружнаго. Въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ въ 70-хъ г.г., въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ начальства и отъ состава командирова, рукоприкладство и сѣченіе примѣнялись очень рѣдко. Дѣлая, такъ сказать, выставку разныхъ монстровъ, было бы недобросовѣстно съ моей стороны не упомянуть, что въ теченіе 20-лѣтней службы я встрѣчалъ не мало командирова разнаго ранга, о которыхъ я вспоминаю съ уваженіемъ. Иначе казарма и лагерь превратились бы въ Бедламъ, или, по меньшей мѣрѣ, въ арестантскія роты.

XIII.

Какую роль играла личность въ полковой жизни? Несомнѣнно, командиръ полка давалъ тонъ и направленіе полковой жизни: онъ пользовался большою, пожалуй неограниченною, властью и нерѣдко вторгался въ личныя и семейныя дѣла офицерова (о солдатскихъ нечего и говорить). Умные и властные командиры держали общество офицерова въ кулакѣ, дѣйствуя по правилу *divide et impera*. Предпримчивые, или лучше сказать, суетливые, но недалекіе командиры, не всегда достигали той же цѣли. Эти командиры зарывались и вызвали своей безтолковостью протесты и создавали «исторіи», которыя, высшее начальство, оставаясь всегда на сторонѣ командира полка, однако же не одобряло изъ опасенія огласки. Но власть командира полка была поставлена такъ твердо, что не терпѣла большого уменія даже въ рукахъ командира слабохарактернаго. За спиною таково командира стояли фавориты (иногда батальонный командиръ, иногда полковой адъютантъ и пр.). Временное проявленіе самостоятельности, смѣна фаворитова и безтактность командира придавали внутренней полковой политикѣ капризный характеръ и вносили безтолковщину и смуту во всѣ дѣла. Въ началѣ 70-хъ г.г. еще дослуживали командиры бурбоны. Самомнѣніе этихъ людей умѣрялось ихъ здравымъ смысломъ и опытностью, а грубость—ихъ податливостью и склонностью къ соглашенію, если только они встрѣчали знающаго и трудолюбиваго человѣка. Это была невольная дань малообразованнаго человѣка человѣку большаго развитія. Бурбоны любили прикидываться добродушными простачками, но отличались большою ловкостью, иногда коварствомъ. Общество офицерова, жившее дружною семьей, связанной товариществомъ, могло разсчитывать на успѣхъ въ своихъ столкновеніяхъ съ начальствомъ; въ противномъ случаѣ возможны были только единичные протесты обиженнаго, или «безпокойнаго» человѣка. Жалобы на командирова, или «претензіи»

на смотрахъ, рѣдко разрѣшались удовлетвореніемъ истца. Вотъ нѣсколько пояснительныхъ сценъ къ вышесказанному.

По окончаніи лагернаго сбора, полкъ NN отправлялся на зимнія квартиры по деревнямъ. Командиръ полка Сыропустовъ очень пожилой крупный человекъ съ маленькой головой и небольшими безпокойными глазками, собралъ всѣхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и дѣлалъ имъ такое напутствіе:

«Ну, слава Богу! Отбыли высочайшій смотръ благополучно. Спасибо! Теперь пойдете по деревнямъ. Смотри у меня, не опускайся! Не спи тово, какъ ево... на лавровыхъ листьяхъ! Я, знаете, какъ говорится, Ъду, Ъду... тово, а прѣйду не спущу! Ну, тамъ прикладка, прицѣлка, разборка, гимнастика значить и прочее; да развивайте солдатскую башку: надо давать пищу солдатской мозговинѣ. Рассказывайте тово... ну про 12 годъ, про Суворова. Да работай, старайся, потому принималъ присягу! Взялси, значить за гужъ, ну и тяни тово, какъ ево..!»

Этотъ командиръ былъ очень дерзокъ: на большихъ ученіяхъ онъ нерѣдко изрекалъ такія любезности: «Капитанъ N, куда роту завелъ?! Рухавка!» Или: «Штабсъ-капитанъ X., что вы мыла объѣлисъ что ли?!» Или: «Чево смотрите на роту, поручикъ Z., словно корова на новыя ворота!»

Размѣстились по деревнямъ. При штабѣ баталіона, въ заштатномъ городѣ осталась 4-я рота, которой командовалъ капитанъ Роденіусъ. Его молоденькая жена Катерина Ивановна, очень умная и симпатичная, никакъ не могла свыкнуться съ военнымъ строемъ жизни, съ распушенностью, бездѣліемъ, съ упрощенными, безцеремонными отношеніями сослуживцевъ офицеровъ другъ къ другу и къ солдатамъ; особенно ее возмущало грубое вмѣшательство командира въ личныя дѣла офицеровъ и его сквернословіе по ихъ адресу. Съ блескомъ въ глазахъ, съ недоумѣніемъ она спрашивала: «Да какъ же вы, гг., позволяете этому бурбону такъ васъ оскорблять?» Наконецъ она запретила упоминать въ ея присутствіи о командирѣ. Остальныя три роты стояли въ ближайшихъ деревняхъ. Командиръ 3-ей роты, молодой офицеръ штабсъ-капитанъ Басистый жилъ съ подругой мѣщаночкой, которая гдѣ-то училась. Мужъ этой мѣщаночки проживалъ въ губернскомъ городѣ и смотрѣлъ на сближеніе жены съ офицеромъ весьма равнодушно. Этотъ офицерскій кружокъ жилъ очень дружно отчасти потому, что ладилъ со своимъ командиромъ маіоромъ Таракановымъ. Роденіусъ съ женою и Таракановымъ бывали у Басистова; а Басистый съ Настей бывали у нихъ. Однажды Таракановъ получилъ отъ командира полка секретную бумагу такого содержанія: «По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, шт.-капитанъ Басистый живетъ съ женщиной легкаго поведенія, мѣщанкой Настасьей Фетисовой; водить ее въ театръ и на гулянье, выдавая за свою жену. Предлагаю вамъ произвести строгое дознаніе и донести мнѣ о послѣдующемъ; а шт.-капитану Басистому объявить, что за поступки, маражющие мундиръ и позорящіе честь офицера, онъ будетъ преданъ суду общества офицеровъ». Таракановъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ Роденіуса и Басистова на совѣщаніе. Тайны полковой политики имъ были

извѣстны. Они не замедлили открыть минера, который собирался взорвать Басистова. Это былъ нѣкій W., интриганъ и сплетникъ, имѣвшій несомнѣнное вліяніе на командира; поэтому признали за благо отправить Настю на время погостить къ роднымъ; однако они чувствовали, что этого было недостаточно. «Пойдемте, гг., къ Катеринѣ Ивановнѣ, посоветуйтесь съ нею»,—предложилъ Роденіусъ. Узнавши въ чемъ дѣло, Катерина Ивановна съ негодованіемъ воскликнула: «Какъ смѣетъ этотъ бурбонъ позорить порядочную женщину! Привезите сейчасъ же Настю къ намъ; а вы, майоръ напишите ему, что Настя служитъ у меня няней. Да и напишите, что она подастъ на него жалобу въ судъ за клевету». Такой выходъ отводилъ стрѣлу, направленную въ Басистова и позволялъ рассчитывать на реваншъ. Такъ и вышло. Таракановъ къ акту дознанія, вполне обѣлявшему Басистова, приложилъ письмо, въ которомъ сообщалъ полковнику, что Настасья Филипповна Фетисова, замужняя, служившая нянькой у жены Роденіуса, глубоко обиженная нареканіями, угрожаетъ привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности командира полка за клевету и прибавилъ, что по словамъ мирового посредника Г., по судебнымъ уставамъ, за такое дѣяніе, военно-служащіе подлежатъ заключенію до 3-хъ мѣсяцевъ, что сопровождается увольненіемъ отъ службы; а потому и совѣтовалъ это дѣло потушить, успокоивъ обиженную женщину извиненіемъ. И что шт.-кап. Басистый почтительнѣйше просить командира для своей реабилитаціи сообщить имя клеветника для привлеченія его къ отвѣтственности.» Дѣло окончилось благополучно. W утратилъ все свое вліяніе; командиръ сталъ несравненно осторожнѣе и деликатнѣе. Въ интересахъ истины долженъ сказать, что этотъ командиръ въ турецкую войну оказался храбрымъ воиномъ.

Иногда полковая «исторія» безвыходно запутывалась и взаимныя отношенія окончательно портились къ обоюдной невыгодѣ. Полковникъ Чебушевъ стройный, высокаго роста человекъ съ курчавой головой, учился въ университетѣ; служилъ сначала въ гвардіи, участвовалъ въ оборонѣ Севастополя и, по окончаніи войны вышелъ въ отставку, такъ какъ гарнизонная служба ему была не по душѣ. Очень богатый человекъ, онъ, кажется, служилъ по выборамъ и, какъ близкій родственникъ знатнаго вельможи, былъ лично извѣстенъ покойному государю Александру II-му. Однажды государь спросилъ его зачѣмъ онъ оставилъ военную службу? Такой вопросъ равносильенъ приказанію и Чебушевъ былъ назначенъ командиромъ N—скаго полка. Чебушевъ былъ не только большой баринъ, но и настоящій джентльмэнъ. Всегда спокойный, деликатный, доброжелательный, онъ не терпѣлъ формализма и канцелярщины. «Смотрите, гг.,—говорилъ онъ своимъ штабнымъ,—не утопитесь въ чернилахъ!» Казенные и солдатскіе интересы имѣли въ его лицѣ самаго бдительнаго сторожа: «Солдатскій грошъ—священный грошъ! Вы сначала хорошо накормите солдата, а потомъ спрашивайте съ него». «Берегите казну: она, матушка, складывается изъ трудовыхъ копеекъ». При немъ вышли изъ употребленія сами собою кулачная расправа и тѣлесныя наказанія.

Самъ онъ никогда не примѣнялъ послѣдняго и, глядя на него, младшіе начальники обходились безъ зуботычинъ и розогъ. Дантистъ бригадный командиръ меланхолично жаловался: «Какъ земля носить?! Какъ Богъ терпитъ?! Россія въ опасности!! Это не солдаты, а кадеты!» Чебушевъ, отличный стрѣлокъ и прекрасный наѣздникъ, поставилъ стрѣлковое дѣло такъ основательно, что N—скій полкъ неизмѣнно оставался первымъ по стрѣльбѣ. Онъ вывелъ изъ обихода нелѣпую безконечную муштровку, которая вмѣстѣ съ переутомленіемъ порождаетъ отвращеніе. Одинокій человѣкъ, онъ занималъ двухэтажный домъ съ саломъ; держалъ превосходныхъ лошадей и повсюду за нимъ бѣгала куча собачекъ-крысоловокъ: «бѣсъ, бѣсовка, чертъ, чертовка и т. д.». Заѣдетъ къ кому-нибудь изъ батальонныхъ командировъ: «Прикажете-ка осѣдлатъ вашего конька; проѣдемся». И они скакали и по городу, и за городомъ, заѣзжая въ казармы, лазаретъ, швальню, мастерскія, пекарни, гауптвахту, стрѣльбище и т. д. «Ну, адмиральскій часъ близко! Поѣдемъ ко мнѣ: закусимъ.» Ёль онъ много и вкусно. Вино выписывалъ изъ Крыма бочками. Несмотря на университетское образованіе, онъ казался очень нескладнымъ человѣкомъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда, онъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ офицеровъ съ полковыми дамами. Дамы разсѣлись и молчали. Самъ хозяинъ не находилъ темы для разговора: онъ оставался на высотѣ положенія, только когда угощалъ. Офицеры перекидывались коротенькими фразами о служебныхъ дѣлахъ. Наконецъ, Чебушевъ заговорилъ:

«Вотъ вы смотрите альбомъ,—это италіанскіе виды: Венеція и пр... Я былъ въ Швейцаріи и въ Алжирѣ былъ... Въ Швейцаріи есть двѣ горы: одна высокая, а другая... э, э, э... низкая... На высокую гору можно подняться, а на низкую невозможно. Я только забылъ какъ эта высокая гора называется?—Э, э, э, дай Богъ памяти! Такъ вотъ на языкѣ и вертится: на Н начинается... Да! Монъ-Бланъ!.. Кажется Монъ-Бланъ?? а можетъ и не Монъ-Бланъ... А вотъ какъ называется низкая гора ни за что не припомню!» Онъ замолчалъ и, мало по малу, дамы стали перешептываться полагая, что Чебушевъ исчерпалъ тему. Минутъ черезъ 10 Чебушевъ ударилъ съ досадою кулакомъ по колѣну и закричалъ: «Фу ты! Никакъ не могу припомнить, какъ эта гора называется, чтобъ ей пусто было!» Итакъ, наступили золотые дни для N—скаго полка и только одна тучка на минуту омрачила ясный небосклонъ надъ нимъ. На царскомъ смотру долго ждали выхода государя, задержаннаго дѣлами. Чебушевъ позволилъ солдатамъ «оправиться» и нѣсколько человѣкъ одной роты усѣлись на пыльномъ мѣстѣ и замарали свои бѣлыя панталоны, а затѣмъ не почистились. При прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ, государь, указывая на грязныя панталоны, строго проговорилъ: «Свиньями одѣты!» Все начальство, начиная съ командующаго войсками, а болѣе всѣхъ Чебушевъ были подавлены высочайшимъ выговоромъ. Въ эту минуту, бригадный командиръ, не зная въ чемъ дѣло подошелъ къ Чебушеву и спросилъ: «Что сказалъ государь?» Взволнованный Чебушевъ бѣшено отвѣтилъ: «Государь сказалъ, что вы свинья!» Тотъ убѣжалъ, какъ

ошпаренный. Однако, послѣ смотра государь подозвалъ Чебушева и, положивъ ему руку на плечо сказалъ: «не печалься Чебушевъ. Я тебя знаю и очень цѣню! Ты исправишь свою оплошность, а полкъ твой представился все таки очень хорошо». Но, мало по малу счастливое положеніе стало измѣняться къ худшему. Чебушевъ вступался въ какія то аферы по скупкѣ и продажѣ хлѣба. Аферисты его безсовѣстно обманули и онъ потерялъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Около этого времени у него сталъ бывать нѣкій майоръ Дудкевичъ, служившій въ другомъ учрежденіи. Вскорѣ Чебушевъ перевелъ Дудкевича въ N—скій полкъ и назначилъ завѣдующимъ хозяйствомъ. Дудкевичъ воспитывался въ іезуитской коллегіи, потомъ вступилъ въ военную службу; въ Севастополѣ былъ раненъ и вышелъ въ отставку съ пенсіей; потомъ опять поступилъ на службу. Это былъ человѣкъ ловкій, вкрадчивый и безконечно любезный. При встрѣчѣ или прощаясь съ вами, онъ долго не выпускалъ вашей руки, нѣжно ее пожимая, и осторожно притягивая къ себѣ, какъ будто онъ хотѣлъ, чтобы вы упали къ нему на грудь; онъ смотрѣлъ на собесѣдника съ такимъ умиленіемъ и говорилъ такъ сладко, точно хотѣлъ съ нимъ похристосоваться. А когда отъ него сторонились, потому что онъ не внушалъ особеннаго довѣрія, тогда онъ удвоивалъ свои сантиментальности. Съ появленіемъ на сценѣ этого персонажа рѣзко измѣнились прежнія почти товарищескія отношенія Чебушева къ болѣе близкимъ его пріятелямъ: подполковнику Муханову и другимъ младшимъ офицерамъ. И раньше бывали въ полку недоразумѣнія, но онъ разрѣшались всегда къ общему удовольствію. Теперь каждый пустякъ раздувался въ инцидентъ и сопровождался запальчивыми и неджентльменскими объясненіями: словно вмѣстѣ съ Дудкевичемъ вселилась въ полковую семью нечистая сила. Пріятели Чебушева, искренно его любившіе, были оскорблены его необъяснимымъ охлажденіемъ. Дудкевичъ началъ свою хозяйственную дѣятельность очень удачно: въ одинъ тонъ съ командиромъ. Чебушевъ тогда былъ весьма озабоченъ выясненіемъ не показныхъ, а истинныхъ размѣровъ припека. Двѣ или три комиссіи дѣлали опыты, давшіе неблестящіе результаты. Новой комиссіи подъ предсѣдательствомъ Дудкевича удалось установить прочно иную, болѣе выгодную норму и, такимъ образомъ, уловить куда-то исчезавшіе 6, 7 фунтовъ съ пуда. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уловилъ окончательно въ свои сѣти Чебушева. Заручившись слѣпымъ довѣріемъ командира, онъ измѣнилъ курсъ такъ рѣзко, что злоупотребленія по хозяйству бросались всѣмъ въ глаза за исключеніемъ ослѣпленнаго командира. Нѣкоторые офицеры тщетно пытались открыть ему глаза на дѣятельность Дудкевича: Чебушевъ выходилъ изъ себя, считая разоблаченія за каверзы. Тогда одинъ капитанъ написалъ анонимный, далеко не голословный доносъ военному министру, начальнику окружнаго штаба и начальнику дивизіи. Доносъ былъ написанъ очень литературно и остроумно. Чебушевъ являлся въ немъ простакомъ, совершенно одураченнымъ и баричемъ, котораго безъ труда водить за носъ плутоватый прикащикъ. Разумѣется Чебушевъ былъ обиженъ этой характеристикой до глубины души и, такъ какъ доносъ былъ написанъ очень бойко и грамотно,

то подозрѣніе пало на бывшего его пріятеля подполковника Муханова и еще на двухъ, трехъ лицъ, которыя всегда боролись съ открытымъ забраломъ, но потому именно и были легче уязвимы. Для установленія виновности Муханова два, три офицера занялись сыскомъ. Это добровольное сыскное отдѣленіе не отличалось оригинальностью и шло въ одну ногу съ Дудкевичемъ. Обвинить въ лицо Муханова не посмѣли, но очернить его въ глазахъ высшаго начальства было немудрено. Его отрѣшили отъ командирства и перевели въ другой полкъ. Такой несправедливости къ Муханову, котораго любили въ полку, товарищи не могли простить Чебушеву. Какъ всегда одна неправда приводитъ за собою другую: розыски вызвали крупныя ссоры. Наконецъ, эта миниатюрная буря разрѣшилась пощечиной, полученной однимъ изъ сыскныхъ добровольцевъ; а такъ какъ онъ отказался отъ предписанной ему начальствомъ дуэли, то и долженъ былъ удалиться изъ предѣловъ округа. Самъ Чебушевъ, оставивъ всѣ дѣла на Дудкевича уединился, какъ онъ говорилъ: «чтобы удалиться отъ всей этой взбаламученной грязи!» А вскорѣ, къ довершенію злоключеній Чебушева, Дудкевичъ растратилъ 4000 руб. казенныхъ денегъ и командиру пришлось покрыть эту растрату изъ своего кармана; правда Дудкевичъ долженъ былъ удалиться за болѣзнь въ отставку. Надвигавшаяся турецкая война помогла Чебушеву помириться съ обществомъ офицеровъ.

Штабъ-офицеры конечно были самыми видными членами офицерскаго общества. Лагерныя занятія завершались маневрами и безтолковость ближайшихъ помощниковъ, приводила въ отчаяніе командира полка полковника Козлова. Козловъ былъ умный, талантливый и блестящій офицеръ генеральнаго штаба. Еще зимою, собирая офицеровъ на бесѣды и на занятія тактикой и военной игрою, онъ замѣтилъ, что научная подготовка г.г. офицеровъ находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ старшинствомъ по службѣ. Козловъ приказалъ старшему штабъ офицеру Иванъ Андреевичу расположить полкъ на перекресткѣ двухъ дорогъ, фронтомъ къ западу. Иванъ Андреевичъ этого перекрестка не нашелъ и поставилъ полкъ далеко въ сторонѣ на лугу. «Почему вы неисполнили моего приказанія Иванъ Андреевичъ?» спросилъ командиръ.—«Я полагаю г. полковникъ, что здѣсь перекрестокъ,» отвѣтилъ тотъ, указывая саблей на траву въ двухъ шагахъ отъ себя.—«Господь съ вами, Иванъ Андреевичъ! Гдѣ вы видите этотъ перекрестокъ? Онъ далеко въ сторонѣ, а здѣсь и пробитой тропинки нѣтъ!» Козловъ самъ отвелъ полкъ на мѣсто, вызвалъ батальонныхъ командировъ и изложилъ задачу подлежащую разрѣшенію: «Вы видите г.г. дорогу, а по сторонамъ ея кукурузу. Приблизительно черезъ $\frac{1}{2}$ версты начинается сжатое поле, а далѣе холмы. Эти холмы заняты непріятелемъ и надо его отгнать. Предупредите пожалуйста г.г. ротныхъ командировъ, что это не кукурузное поле, а вода, положимъ широкая рѣка, а вотъ это не дорога, а мостъ. Я буду наблюдать за ходомъ маневра съ непріятельской позиціи. Вашъ батальонъ Петръ Лукичъ въ 1 линію, остальные

въ резервъ. Начинайте!» Петръ Лукичъ во время этихъ объясненій смотрѣлъ на Козлова съ величайшимъ изумленіемъ, словно онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, и вопросительно поглядывалъ на своихъ собратій, какъ бы призывая ихъ засвидѣтельствовать явную несообразность словъ полковника. Когда Козловъ уѣхалъ, Петръ Лукичъ развелъ руками, проговоривъ: «Скажи враже, якъ панъ скаже!» и тотчасъ же разсыпалъ цѣпь и расположилъ роты въ кукурузѣ и открылъ оттуда пальбу холостыми патронами. Козловъ это замѣтилъ, подѣхалъ и спросилъ его: «Зачѣмъ же вы развернули роты и разсыпали цѣпь въ кукурузѣ? Вѣдь я же вамъ говорилъ, что это рѣка!»—«Когда же г. полковникъ это не рѣка, а кукуруза!»—«Ну предположите, если только можете, что это вода, а не кукуруза, а это не дорога, а мостъ.» Проговорилъ съ досадой и нескрываею ироніей Козловъ.—«Но г. полковникъ, когда же это не мостъ, а дорога!»—«Ну, съ вами не столкнешься: ведите вашъ батальонъ въ резервъ, а за помятую кукурузу вамъ придется поплатиться!»—«Какая его муха укусила?» говорилъ Петръ Лукичъ въ недоумѣніи.

Иванъ Андреевичъ и Петръ Лукичъ были представителями стараго поколѣнія. Послѣдній, выслуживъ полную пенсію, вышелъ осенью въ отставку. Иванъ Андреевичъ прослужилъ уже около 40 лѣтъ и собирался еще послужить, несмотря на недвусмысленное замѣчаніе начальника дивизіи: «Э, /эхъ, Иванъ Андреевичъ! Старый другъ, старая скрипка, да старое вино только хороши!» Собирался онъ послужить потому, что не желалъ разстаться съ двумя деньщиками, присвоенными ему по чину. Онъ перезабылъ всѣ уставы, которые въ теченіе его службы неоднократно мѣнялись; не считался вовсе съ новыми требованіями и, предоставивъ всѣ дѣла ротнымъ командирамъ и своему адъютанту, спалъ безмятежно; а солдаты, возвращаясь съ ученія съ пѣснями, насмѣшливо пѣли ему въ догонку:

«Батальонный командиръ, подполковникъ господинъ,

«Онъ не спалъ, не дремалъ—батальонъ свой обучалъ».

Петръ Лукичъ вышелъ въ отставку, а на его мѣсто прибылъ новый штабъ-офицеръ, который насъ сейчасъ познакомить съ своими товарищами штабъ-офицерами средняго возраста. «Не поможете ли намъ расхлебать кашу, которую заварили ваши товарищи, майоръ Савицкій и майоръ Тарасевичъ? Я не могу дать дальнѣйшаго движенія этому нелѣпому дѣлу: надо ихъ какъ нибудь помирить: Вы человекъ свѣжій: постарайтесь!» И онъ вручилъ ему объемистое дѣло, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: Оба майора были семейные люди и жили въ одномъ дворѣ. Всѣ участники этой смѣшной и жалкой ссоры были люди недурные, но отсутствіе серьезныхъ интересовъ, одурающая скука и пустота жизни, мелочныя ежедневныя стычки, особенно дѣтскія драки ихъ ожесточили до самоубвенія. Сначала посчитались между собою дамы, затѣмъ постепенно въ ссору втянулись мужья и дѣти и даже деньщики такъ, что эти новѣйшіе Монтекки и Капулетти раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, вступившихъ въ отчаянную битву. Деньщики играли роль лазутчиковъ, дѣти—застрѣльщиковъ, а майоры изображали главныя

силы, направляемая дамскимъ генеральнымъ штабомъ. За словесной перестрѣлкой слѣдовали съ той и другой стороны донесенія командиру полка въ такомъ родѣ: «Прошу вашей защиты отъ майора Тарасевича, ежедневно оскорбляющаго меня и мою семью. Мало того, что онъ обругалъ меня болваномъ, когда я отправился къ нему на квартиру, чтобы потребовать у него объясненія его, недостойныхъ порядочнаго человѣка и уважающаго свое званіе офицера, поступковъ причѣмъ онъ забываетъ мое старшинство по производству въ чинъ; онъ еще подстрекаетъ своихъ дурно воспитанныхъ дѣтей бить моихъ дѣтей; а вчерашняго числа, очевидно не безъ его попушенія, принадлежащая ему свинья вторгнулась въ мою кухню и порвала, развѣшенныя тамъ для сушки, салфетки...» Далѣе слѣдовало требованіе поступить съ виновнымъ по всей строгости законовъ. Другая бумага гласила: «Прошу Ваше В-б—діе избавить меня отъ нелѣпныхъ нападѣній на меня и на моихъ дѣтей майора Савицкаго. Вчера онъ съ обнаженной саблей бросился на меня и, еслибъ я не успѣлъ затворить передъ его носомъ дверь, то не избѣжалъ бы покушенія на мою жизнь. Этотъ неприличный офицеръ унизился до того, что подучилъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей вымазать замокъ въ моемъ отхожемъ мѣстѣ веществомъ назвать которое въ моемъ рапортѣ къ Вашему В. б-дію я считаю непристойнымъ. Посему прошу дать законный ходъ моей жалобѣ». Склонить противниковъ къ примиренію было невозможно такъ, какъ каждый изъ нихъ себя оправдывалъ самозащитой и требовалъ отъ другого извиненія въ тяжелой и неприемлемой формѣ. Къ счастью переселеніе на другія квартиры по окончаніи полковыхъ сборовъ и предостереженіе командира, что дальнѣйшее развитіе ссоры заставитъ его апеллировать къ высшему начальству, которое можетъ круто поступить съ обоими, нѣсколько остудило этихъ корсиканцевъ.

XIV.

Въ большихъ южныхъ городахъ, т. е. при казарменномъ расположеніи, младшіе, холостые офицеры жили попарно, по-трое маленькими колоніями. Это обуславливалось денежнымъ расчетомъ, личной симпатіей, школьными связями и т. д. Офицерство не заводило здѣсь знакомства съ горожанами и жило обособленно; это можетъ быть и соединяло ихъ тѣснѣ другъ съ другомъ, но за то изолировало военныхъ, какъ въ карантинѣ отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Въ маленькихъ городахъ подобной оторванности, по крайней мѣрѣ отъ чиновнаго люда, не существовало; но офицерство, встрѣчаясь вмѣстѣ только лѣтомъ во время лагерныхъ сборовъ, т. е. въ «страдное» служебное время, остальную часть года было разбросано по деревнямъ. Въ театрахъ и разныхъ платныхъ собраніяхъ они бывали рѣдко по бѣдности и для развлеченія имъ приходилось только фланировать по улицамъ и бульварамъ. Составъ офицеровъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мнѣ полкахъ, по качеству ихъ элементарнаго образованія былъ однороденъ и людей возвышавшихся чуть чуть надъ общимъ

уровнемъ было очень мало. На каждый полкъ приходилось два, три окончившихъ военное училище. Вся остальная молодежь училась въ юнкерскихъ училищахъ, между старшими офицерами встрѣчались нерѣдко бывшіе юнкера (старинные вольноопредѣляющіеся); между ними, особенно изъ получившихъ боевое крещеніе, встрѣчались люди хотя и мало ученые, но очень почтенные. При всей однородности состава конечно попадались люди болѣе или менѣе нравственно развитые, люди съ болѣе опредѣленной индивидуальностью. Встрѣчались службисты, формалисты, карьеристы не широкаго размаха, встрѣчались люди недовольные, озлобленные, «безпокойные» или вѣчные протестанты по свойствамъ своего характера, если не по принципу. Товарищество связывало не многихъ въ небольшую группу, удесятеряя силы каждаго члена ея и тѣмъ отчасти умѣряло подавляющее дѣйствіе такихъ факторовъ, какъ бѣдность, оторванность отъ общенія съ живымъ міромъ, казарменная дисциплина и гарнизонная служба. Товарищество—агентъ первостепенной важности—какъ цементъ сплавления наиболѣе чуткихъ въ кружки самообразованія, а впоследствии въ политическіе кружки.

На полковую бібліотеку казна отпускала ежегодно 300 руб. и кромѣ того дѣлались вычеты изъ жалованья. Книги, большей частью легкаго содержанія, выписывались по случайнымъ указаніямъ. Библиотечарь избирался обществомъ офицеровъ и дѣльные изъ нихъ имѣли возможность покупать, впрочемъ, на довольно ограниченную сумму, хорошія книги. Кромѣ спеціальныхъ журналовъ и газетъ, напр. «Военнаго Сборника», «Русскаго Инвалида», почти вездѣ обязательно выписывались: «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ»¹⁾, «Новое Время», «Русскій Вѣстникъ». По требованію любителей: Собраній романовъ Ахматовой, «Развлеченіе», «Нива». Однако бібліотека получала также «Отечествен. Записки», «Дѣло», «Слово», «Вѣстникъ Европы», иногда «Знаніе». Затѣмъ на книги оставалось немного. Иностранныхъ книгъ и газетъ не читали. (У моряковъ была превосходная бібліотека, выписывавшая много иностранныхъ газетъ и журналовъ); но кой-какія иностранныя книги были напр: Исторія Консульства и имперіи Тьера, Записки (или мысли) Наполеона. Эти книги кажется указывались въ программѣ для испытанія офицеровъ, поступающихъ въ академію генеральн. штаба, какъ пособіе для изученія французскаго языка. Одинъ, два офицера готовились къ пріемному экзамену въ академію, но сколько помню, никто изъ нихъ туда не попалъ; однако подготовительныя занятія не теряли своего значенія: человекъ проходилъ элементарный курсъ, нѣсколько знакомилъ съ иностранными языками и приучался къ систематическому занятію. Встрѣчались и любители серьезнаго чтенія. Сколько помню статьи Михайловскаго, Миртова, Чернышевскаго (заграничн. изд.) требовали разъясненія со стороны болѣе начитаннаго товарища. Съ особеннымъ увлеченіемъ читали и перечитывали Гл. Ив. Успенскаго и Салтыкова. Затѣмъ внимательно и толково читали: статьи Н. Ф. Анненскаго о Шмольерѣ, Адольфѣ Вагнерѣ, статьи Валентинова о Родбертусѣ; статьи В. В. Русанова и

¹⁾ Кажется такъ называлась тогдашняя газета Комарова.

Кольцова. Потомъ уже познакомились съ изданными на русскомъ языкѣ, книгами Шефле и отчасти съ Марксомъ по Зиберу.

Товарищество приводило къ единомыслию. Вліяніе любимаго товарища походило на силу внушенія, или на заразу, встрѣчавшую благопріятную почву. Но по самому смыслу товарищества такое вліяніе не бываетъ одностороннимъ, а обоюднымъ. Это обусловливалось отраженнымъ, отвѣтнымъ вліяніемъ съ другой стороны. Товарищи такъ сжились, что не только мыслили одинаково, но и выражались одними и тѣми же словами. Потомъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ такими мыслителями какъ Михайловскій, Лавровъ они пріучились къ критическому мышленію и все, что прежде принималось на вѣру становилось убѣжденіемъ, убѣжденіемъ которое нужно упорно защищать. Вотъ почему политическая пропаганда дала въ послѣдствіи—когда наступило ея время—такіе неожиданные результаты: самая радикальная мысль принималась какъ самоочевидная.

Въ 72-мъ или 73-мъ году одна вопіющая исторія ¹⁾ взволновала сонныхъ обитателей захолустныхъ бессарабскихъ городковъ до такой степени, что въ теченіе недѣли она мѣшала имъ предаваться съ обычнымъ спокойствіемъ излюбленному картежному спорту. Особенно взволновала она военныхъ, привлеченныхъ къ печальной развязкѣ дѣла, на глазахъ которыхъ протекала эта исторія. Резеши т. е. однодворцы двухъ большихъ селъ, незнавшіе ни русскихъ законовъ, ни русскаго языка, пожелали размежеваться между собою. Секретарь Сорокского мирового съѣзда Мовило взялся за это дѣло. Засвидѣтельствованное надлежащимъ образомъ условіе говорило: во 1-хъ) о вознагражденіи за трудъ въ 300 руб.; во 2-хъ) о неустойкѣ въ 300 руб.; въ 3-хъ) о постановкѣ безапелляціоннаго приговора при рѣшеніи вопроса о неустойкѣ на основаніи ст. 30 судебн. уст. 64 г. ²⁾ Затѣмъ Мовило съ какимъ то таксаторомъ приступили къ размежеванію владѣній и, для того чтобы заставить общества нарушить условіе, умышленно производили нелѣпую разверстку. Резеши возмутились и предложили Мовилѣ взять 300 руб. неустойки и удалиться; но тотъ потянулъ ихъ въ судъ и на судѣ оказалось какимъ то чудомъ, что каждый изъ домохозяевъ обязанъ заплатить по 300 руб. неустойки; а такъ какъ всѣхъ домохозяевъ было 300 человекъ, то судья приговорилъ Резешей къ уплатѣ около 100 тысячъ руб. Резеши прогнали судебного пристава, прогнали исправника. Губернаторъ Шебеко потребовалъ военную силу и два цвѣтущихъ села были разорены до тла. Какъ всегда оказались какіе то зачинщики, которые и понесли суровую уголовную кару. Рота, поступившая въ распоряженіе гражданской власти, по привычкѣ исполняла всѣ приказанія. Офицеры монархисты по воспитанію и профессіи и понятія не имѣли о народоправствахъ и конституціяхъ; за-

¹⁾ Эта погромная исторія была описана въ одномъ изъ первыхъ №№ Лавровскаго „Впередъ“.

²⁾ Судебные уставы 64 г. Кн. 1. Гражданское судопроизводство ст. 30 и § 3 31 ст.

подозрѣть солдатъ въ тайномъ сочувствіи къ молдованамъ нѣтъ основанія: молдаване были. такіе же чужіе люди для солдата какъ черкесы, или киргизы. Однако, непосредственное участіе въ зломъ и вопіющемъ дѣлѣ открыло глаза и самымъ наивнымъ. Для нихъ было элементарной истиной, что подобныя злодѣянія скрываются отъ царя, и сознаніе, что военная сила является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ перваго встрѣчнаго, имѣющаго дерзость ограбить мирныхъ людей среди бѣлаго дня, ихъ возмущало и оскорбляло. Такіе итоги дала эта исторія.

Какъ извѣстно, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ въ Кіевѣ, Одессѣ, Елисаветградѣ были погромы евреевъ и на усмиреніе громилъ вызывались главнымъ образомъ казаки. Въ Кіевѣ, сколько мнѣ помнится, пѣхота, оставаясь безмолвнымъ наблюдателемъ, слѣдовала за погромщиками на приличномъ разстояніи. Въ Елисаветградѣ пускали въ атаку на громилъ кавалеристовъ, которые доскакавъ вплотную до толпы, останавливались, поворачивали назадъ и тихо отъѣзжали. Потомъ на слѣдствіи, вызванномъ такими неудачными атаками, командиры объясняли, что лошади пугались пуху изъ еврейскихъ перинъ, который будто слѣпилъ глаза какъ снѣжная мятель. Конечно такое объясненіе нельзя считать удачнымъ: сомкнутую массу всадниковъ, несущихся маршъ-маршемъ, не всегда остановить и встрѣчный свинцовый дождь. Въ Одессѣ юнкерское училище и казаки оцѣпили громилъ и оттѣснили ихъ къ морю; тамъ, говорятъ происходила порка; а потомъ большую толпу посадили на баржи и отвели эти баржи въ открытое море. Было очень холодно и морѣ сильно волновалось. Одинъ молодой офицеръ, командиръ военнаго парового катера, сталъ перевозить по просьбѣ родныхъ пищу и одежду для арестованныхъ на баржи. За такую гуманность командующій войсками (если не ошибаюсь Гурко) предложилъ командиру черноморскаго флота арестовать лейтенанта Б. помнится на 2 недѣли на маякъ (кажется этотъ маякъ на Кинбурнской косѣ). Командиръ флота адмиралъ Манганари отвѣтилъ, что такого наказанія не существуетъ и что онъ арестуетъ Б. на гауптвахтѣ кажется на недѣлю.

Въ Николаевѣ, гдѣ я тогда служилъ ожидали погрома и сдѣлано было распоряженіе собираться; всѣмъ войскамъ, свободнымъ отъ караула по тревогѣ на базарной площади. Однажды, глубокой ночью ударили тревогу и войска съ разныхъ сторонъ стали прибывать къ сборному мѣсту и, вотъ на сравнительно небольшую площадь, застроенную сплошь деревянными балаганами, которые образовали пересѣкающіеся ряды узкихъ улицъ и переулковъ, потянулись батальонъ за батальономъ со своимъ начальствомъ. Мало по-малу тамъ скопилось около 14 батальоновъ (помнится: три батальона пѣхотнаго полка, два резервныхъ батальона, два морскихъ экипажа—около шести батальоновъ и двѣнадцать ротъ крѣпостной артиллеріи, всего около 14 батальоновъ). Начальство: адмиралы, генералы, командиры, все офицерство расположились въ центрѣ площади. Прибывающіе батальоны совершенно запрудили площадь. Всѣ команды смѣшались въ одну плот-

ную толпу, которая тѣснилась къ центру. Балаганы трещали и валились и вся эта 7000 толпа неистово кричала и барахталась то туда, то сюда до истощенія силъ. Наступилъ невообразимый хаосъ, которому и конца непредвидѣлось. Самыя отчаянныя усилія начальства возстановить порядокъ были напрасны. Нужно было пробиться изъ центра къ периферіи, чтобы оттуда постепенно разводить людей въ стороны, но для такого подвига необходимы были титаническія силы. И такъ эта толпа металась, ломая и попирая все, то въ одну сторону, то въ другую, а хвосты ея то выпячивались въ прилегающія улицы, то напирали на центръ. Свѣтало, а порядокъ не возстановлялся. И еслибъ въ это время небольшая горсть людей ударила на эту попавшую въ тиски 7000 массу, то поставила бы ее въ безвыходное положеніе. Когда наступило утро, стоявшіе на окраинахъ площади сообразили наконецъ въ чемъ дѣло и разбрелись по городу; а затѣмъ постепенно плотная масса разбилась на части и тогда явилась возможность удалить ихъ въ стороны и освободить начальство изъ западни. Потомъ начальство стало опытнѣе и городъ былъ раздѣленъ на участки и по тревогѣ каждая отдѣльная часть являлась на свой участокъ.

Съ половины 70-хъ годовъ стали завязываться знакомства съ невоенными дѣятелями. Турецкая война надолго задержала броженіе между военными. Наша дивизія была разбросана по берегамъ Чернаго моря отъ Сулина до Крыма и старые товарищи разбрелись по разнымъ отрядамъ. По возвращеніи на старыя квартиры, началась снова подготовительная работа и товарищескіе кружки стали превращаться въ кружки политическіе; вотъ тогда то и открылась необходимость въ заключеніи связей съ невоенными.

Моими первыми знакомыми были М. Ф. Фроленко и Викторъ Костюринъ; затѣмъ я нѣсколько разъ видѣлъ А. И. Желябова, а потомъ познакомился съ В. Н. Фигнеръ, М. Н. Тригони, А. В. Буцевичемъ и многими др. Наши знакомые насъ снабжали нелегальной литературой, которая читалась и изучалась съ великимъ увлеченіемъ. Потомъ нелегальщина стала попадать и къ солдатамъ. Аресты, громкіе политическіе процессы, казни, привлеченіе войскъ къ полицейской службѣ ускорили подготовительную работу: офицерскіе кружки стали вырабатывать программы и сближаться между собой.

Тутъ я оканчиваю свои записки: ихъ продолженіемъ является краткій очеркъ военнаго движенія въ 80-хъ годахъ.

Въ своихъ запискахъ я нѣсколько сузилъ свою задачу. Мнѣ хотѣлось описать военную жизнь, сложеніе военнаго общества и дать хотя бы слабый очеркъ типичныхъ представителей этого общества, для выясненія какимъ образомъ могло возникнуть революціонное движеніе въ такой своеобразной и изолированной средѣ? И какіе факторы играли при этомъ главную роль? Мнѣ кажется:

1) Что за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, напимѣръ, Суханова, Штромберга, Буцевича, Серебрякова, остальные военные дѣятели

не обладали революціоннымъ темпераментомъ, несмотря на истинное призваніе военнаго человѣка разрѣшать всѣ вопросы насиліемъ.

• 2) Что люди совѣсти и чести, люди долга составляли главный контингентъ военно-революціонныхъ кружковъ.

3) Что къ революціонной дѣятельности ихъ привела неумолимая логика событій, вся русская дѣйствительность, которая ставила каждому русскому человѣку альтернативу: «или собирай недоимки, или занимайся молочными скопами».

4) Что другими важными факторами были: привлеченіе военныхъ къ усмирительнымъ операціямъ и полицейской службѣ, вліяніе литературы и знакомства.

М. Ашенбреннеръ.



Всеобщая стачка въ 1903 году на Кавказѣ и Черноморскомъ побережьи¹⁾.

(Къ исторіи рабочаго движенія въ Россіи).

Первымъ въ лѣтней стачкѣ 1903 г. выступилъ пролетаріатъ Баку. Непосредственный поводъ, какъ казалось, былъ экономического характера—безпросвѣтная, нищенская жизнь рабочихъ въ этомъ районѣ богатѣйшей нефтяной промышленности; но если глубже взглянуть на дѣло, если принять во вниманіе, что на стачку бакинскихъ товарищей отозвались рабочіе всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ южной Россіи, то станетъ очевиднымъ, что стачка была вызвана общей причиной. Накипѣвшая годами горечь и недовольство своимъ положеніемъ, сознаніе безправія побудили рабочихъ одного города за другимъ передъ лицомъ всего міра заявить о томъ, что недовольство бакинскихъ рабочихъ есть общее недовольство, что дѣло не въ отстаиваніи отдѣльныхъ мѣстныхъ требованій, а въ выраженіи солидарности всего пролетаріата въ борьбѣ съ хозяевами и правительствомъ. Просматривая ходъ стачекъ по различнымъ городамъ Юга, легко замѣтить, что подчасъ рабочіе не только не выставляютъ опредѣленныхъ требованій, бросая работу, а просто заявляютъ, что такъ всѣ дѣлаютъ, за общее дѣло. Правда, на ряду съ этимъ, многіе выставляли и свои частныя требованія, но насколько рабочіе ихъ считали не главной причиной забастовки, ясно изъ того, что даже тамъ, гдѣ забастовка не принесла съ собою удовлетворенія экономическихъ требованій, настроеніе не только не понизилось, политическая организація (с.-д.) не только не ослабѣла, а наоборотъ, окрѣпла и даже развернулась. Обзоръ стачекъ лѣта 1903 г. имѣетъ поэтому особое значеніе для пониманія и изученія политическаго развитія пролетаріата. Онѣ, эти стачки, ярко освѣтили нашу мрачную жизнь и явились предвозвѣстникомъ близкой, уже начинающейся революціи: пролетаріатъ заставилъ всѣхъ обратить вниманіе на себя, на свою мощь, на свое великое чувство, солидарности. Эти стачки—не стачки предшествующихъ лѣтъ, (исключеніе изъ которыхъ соста-

¹⁾ Главными источниками при составленіи этихъ очерковъ послужили: „Искра“ и „Революціонная Россія“, а затѣмъ „Освобожденіе“ и другія заграничныя изданія.

влететь только стачка въ Ростовѣ), онѣ скорѣе грозная демонстрація, въ которой ясно проявилось *классовое* сознание. *Такихъ* стачекъ до июльской въ Россіи не было. Рабочій классъ, какъ таковой, безъ различія профессій и національностей выставилъ вездѣ одно и то же главное требованіе: 8-ми часовой рабочий день. Что это означало? Конечно, рабочіе *встѣхъ* профессій не думали тотчасъ же добиться удовлетворенія этого требованія—они его выставляли, какъ *общее* пролетарское требованіе.

Стачка въ каждомъ отдѣльномъ городѣ носитъ особый, свой частный характеръ, но въ этихъ индивидуальныхъ чертахъ ни на минуту нельзя просмотрѣть общей: рабочіе рвались на улицу, они не удовлетворялись стачкой, у нихъ была жгучая потребность громко, единодушно передъ лицомъ всѣхъ заявить о своихъ требованіяхъ и стремленіяхъ, и они шли по улицѣ, несмотря на угрозы правительства, несмотря на нагайки, штыки, пули.

Кавказъ.

I. Баку.

Начало, сигналъ къ общей забастовкѣ былъ данъ въ Баку. 1903 г. былъ годомъ оживленія нефтяной промышленности, а положеніе рабочихъ между тѣмъ не только не улучшилось, но сравнительно съ предшествующими годами было хуже. Броженіе среди нихъ стало замѣчаться съ весны: вспыхивали маленькія стачки, но быстро замирали. Во второй половинѣ іюня подобная стачка возникла въ мастерскихъ Хатисова, но хозяинъ обѣщалъ удовлетворить требованія, и рабочіе послѣ трехдневнаго перерыва стали на работу; обѣщаній хозяинъ, однако, не исполнилъ. Въ то же время рабочимъ стало извѣстно, что онѣ вступилъ въ соглашеніе съ другими хозяевами: въ случаѣ стачки они согласились исполнить имѣющіеся у него заказы. Это сильно подогрѣло настроеніе. 29-го забастовали мастера Биби-Эйбатскаго нефтяного общества, и хотя ихъ требованія были 30-го или 1-го удовлетворены, стачка, уже начиная съ 1-го, быстро стала развиваться. 2-го забастовали на Биби-Эйбатѣ рабочіе мастерскихъ Хатисова, Биби-Эйбатскаго общества, Манташева, Нефт. об-ства Шихова, Олеумъ, Миловъ и Таировъ, Тифлискаго общества; въ Черномъ городѣ—Хатисова (которые бастовали раньше, 300 чел.), Левенсона (300 ч.), Маланикова (80), Эйзеншмидта (100). 3-го утромъ въ Черномъ Городѣ состоялось собраніе для обсужденія положенія и выясненія требованій. Въ этотъ день къ стачкѣ примкнули рабочіе жел. дорож. депо (500 ч.), и мастерскихъ конно-желѣз. дороги, завода Нобеля (400), завода Лапина и Рысева (20), Бардера (30). 4-го рабочіе остановили движеніе товарныхъ поѣздовъ, попортивъ паровозы, для того, чтобы затруднить возобновленіе движенія. Поѣздъ пассажирскій, отправлявшійся въ Тифлисъ, былъ только временно остановленъ. Часть желѣзнодорожной бригады присоединилась къ стачечникамъ. Начиная съ 4-го, рабочіе группами ходили отъ промысла къ промыслу, отъ завода къ

заводу, останавливая ихъ. 5-го городъ замеръ; все бастовало: всѣ заводы, депо ж. д., фабрики, мелкія ремесленныя мастерскія, строительныя рабочіе, чернорабочіе—поденщики, метельщики улицъ, мусорщики, ассенизаторы, часть ресторанной прислуги, типографщики, сотрудники газетъ. На желѣзной дорогѣ скопились остановленные поѣзда, въ порту масса наливныхъ шкунъ. Между Балаханами и Баку былъ прерванъ телефонъ, электрическая станція тоже замерла. Водопроводъ работалъ, доставляя только прѣсную воду, морскую воду не пускали, только 7-го стали доставлять ее въ больницу, но никуда больше. Увлеченные общимъ настроеніемъ 50 дворниковъ въ Бѣломъ городѣ, какъ говорили, бросили свои значки, не желая «работать» противъ «внутренняго врага».

5 го состоялось нѣсколько рабочихъ собраній, въ нѣкоторыхъ участвовало до 15 т. человекъ; с.-д. комитетомъ въ этотъ день были выпущены листки, въ которыхъ выставлены общія требованія: 8-ми часовой раб. день, уничтоженіе сверхъ-урочныхъ работъ, повышение заработной платы на 25%; кромѣ этихъ общихъ требованій, были выставлены частныя требованія рабочихъ отдѣльныхъ производствъ. Комитетъ въ послѣдующихъ листкахъ выставилъ требованія: отмѣны незаконныхъ обысковъ на улицахъ, отмѣны обысковъ при уходѣ съ работы, соблюденія при непрерывныхъ работахъ 36 ч. отдыха не рѣже 3 разъ въ мѣсяцъ, вывода рабочихъ жилищъ изъ предѣловъ Балаханскаго района (устройство рабочаго городка ¹⁾) и рядъ другихъ.

Многіе изъ бастующихъ не предъявляли совершенно никакихъ требованій—они присоединились къ товарищамъ и это обстоятельство еще сильнѣе смущало хозяевъ.

6-го утромъ комитетомъ рос. социаль-демократической рабочей партіи была назначена сходка. Предполагали, что будетъ до 12—15 тысячъ, но такъ какъ мѣсто было неудачно выбрано, то пришло тысячь 6—7. Говорило 7 ораторовъ, нѣкоторые на армянскомъ языкѣ. Сначала было все тихо, присутствующій полиціймейстеръ и казаки не трогали ни ораторовъ, ни собравшихся. Собраніе продолжалось часа два. Лишь офицеръ, нѣсколько разъ подъѣзжая къ толпѣ, кричалъ ораторамъ: «Прекратить!», на что получалъ отвѣтъ: «Продолжать». Когда собраніе было кончено и стали расходиться, казаки начали тѣснить идущихъ и 2—3 человекъ арестовали. Въ это время кто-то развернулъ красное знамя. Казаки накинулись на знаменосца, отобрали знамя и разсѣяли послѣднія группы рабочихъ. Въ этотъ же день состоялось собраніе въ 12 тыс. человекъ въ Балаханахъ. Здѣсь говорилось о нуждахъ рабочихъ, разъяснялись выставленныя требованія. Весь этотъ день въ разныхъ мѣстахъ города импровизовано устраивались небольшіе митинги.

7-го въ Балаханахъ опять было большое собраніе (до 10 тыс.). Но не нашлось хорошаго оратора который бы объединилъ рабочихъ. Послѣдніе раздѣлились на группы по промысламъ и обсуждали каждая

¹⁾ Удовлетворенія этого требованія бакинскіе рабочіе, какъ извѣстно, не добились и по сію пору. Прошлогодняя депутація ихъ на бывшемъ въ Петербургѣ совѣщаніи нефтепромышленниковъ выдвинула вопросъ о жилищныхъ на первый планъ.

свои требованія. По требованію рабочихъ на это собраніе явились управляющіе промыслами, съ которыми стачечники и обсуждали свои дѣла; затѣмъ на собраніе пріѣхали члены Совѣта Съѣзда нефтепромышленниковъ и предлагали рабочимъ посредничество Совѣта въ ихъ переговорахъ съ хозяевами.

Въ другихъ мѣстахъ собранія шли плохо, замѣчался недостатокъ въ ораторахъ.

Это былъ послѣдній день, когда не было открытыхъ гоненій со стороны войска и полиціи: администрація, не имѣя въ своемъ распоряженіи солдатъ, очевидно не рѣшалась на наступательныя дѣйствія. Характерно, напр., то, что когда изъ больницы обратились къ властямъ за содѣйствіемъ противъ стачечниковъ, собравшихся въ Балаханахъ и приславшихъ въ больницу заявленіе, что рабочіе придутъ пить, для чего больничная администрація должна приготовить воду—бакинская администрація отказала въ помощи. Больничному начальству пришлось удовлетворить требованія стачечниковъ.

Начиная со слѣдующаго дня, полиція перемѣнила тактику; на улицахъ начались избіенія рабочихъ, какъ только эти послѣдніе собирались въ группы хотя бы въ 5—6 человекъ.

Попытка рабочихъ остановить опрѣснитель кончилась неудачей: рабочихъ заставили работать съ помощью казацкихъ нагаекъ. 10-го пущена была «Электрическая Сила» подъ охраной казаковъ и штыковъ. Въ этотъ день прибылъ 16-й Мингрельскій полкъ. Было восстановлено городское коночное сообщеніе: вагоны ходили подъ охраной двухъ солдатъ каждый. Такъ какъ многіе кондуктора не вышли на работу, ихъ замѣнили отчасти всякимъ сбродомъ, отчасти же на ихъ мѣста были поставлены контролеры. Прибывшихъ солдатъ употребляли не только для «возстановленія порядка», ими же замѣщали стачечниковъ. Такъ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ рабочихъ замѣнили вначалѣ жел.-дор., батальономъ; стачечники же частью были уволены, частью сами не пошли на работу. Съ этого же дня возобновилась работа на товарной станціи.

Переговоры, которые до этого дня велись съ нефтепромышленниками, и требованія, предъявленныя имъ рабочими, теперь совершенно отвергнуты. Въ своемъ засѣданіи «Съѣздъ нефтепромышленниковъ» призналъ «принципіально» право рабочихъ вступать въ договорныя отношенія и устраивать коалиціи и стачки; но «въ данномъ случаѣ» они видѣли не стачку, а «насиліе». Какъ позже стало извѣстно, отъ Плеве былъ приказъ никакихъ требованій рабочихъ не удовлетворять. Соотвѣтственно такому обороту дѣла было вывѣшено объявленіе: кто 14 іюля къ 6 часамъ утра не явится на работу, считается уволеннымъ; послѣ возобновленія работъ нужды рабочихъ будутъ разсмотрѣны и «по возможности удовлетворены».

Собраніе управляющихъ фирмами было недовольно постановленіемъ хозяевъ и выработало компромиссное рѣшеніе, но хозяева категорически его отвергли, чувствуя, что правительство на ихъ сторонѣ. Позже отдѣльные промыслы принуждены были сдѣлать уступки, такъ какъ требованія рабочихъ касались столь насущныхъ нуждъ, что невозможно было ихъ обойти молчаніемъ. Такъ, товарищество

Нобеля вывѣсило послѣ стачки циркуляръ, въ которомъ объявило, что «несмотря на то, что для предъявленія своихъ нуждъ рабочіе избрали путь, несогласный съ закономъ и неоправдываемый отношеніемъ къ нимъ администраціи Товарищества, ходатайства ихъ разсмотрѣны и о результатахъ этого разсмотрѣнія симъ объявляется рабочимъ:

1) Число праздниковъ будетъ сокращено до нормы, утвержденной правительствомъ; точное росписаніе всѣхъ праздничныхъ дней въ году будетъ вывѣшено для свѣдѣнія рабочихъ.

2) Передъ праздничными днями работы будутъ кончатся часомъ ранѣе.

3) Жалованье будетъ выдаваться во время производства работъ.

4) При командировочныхъ работахъ будутъ выдаваться суточные деньги.

5) Въ заводскихъ и промысловыхъ мастерскихъ будутъ въ теченіе предстоящей зимы устроены помѣщенія, въ которыхъ рабочіе будутъ имѣть шкафы для храненія платья, кубы для горячей воды, умывальники для мытья рукъ, столы и скамьи для обѣда рабочихъ, остающихся во время обѣденнаго перерыва въ мастерскихъ. Въ тѣхъ же помѣщеніяхъ рано прибывшіе рабочіе могутъ ожидать начала работъ.

6) Устанавливается постоянный комплектъ чернорабочихъ, которымъ будутъ выданы расчетныя книжки.

7) Ученики заводскихъ и промысловыхъ мастерскихъ будутъ зачислены въ разрядъ рабочихъ, оклады же ихъ заработной платы будутъ и впредь назначаться въ зависимости отъ ихъ способностей.

8) Законъ о страхованіи рабочихъ и о способѣ вознагражденія ихъ во время болѣзни и при увѣчьяхъ уже утвержденъ правительствомъ. По распубликованіи этого закона ожидается утвержденіе уже разработанныхъ съѣздомъ нефтепромышленниковъ уставовъ кассъ—больничной и страхованія рабочихъ, послѣ чего кассы будутъ немедленно введены въ дѣйствіе.

9) Что же касается до ходатайствъ рабочихъ объ увеличеніи штата разъѣздныхъ докторовъ и акушерокъ, о перевозкѣ больныхъ въ рессорныхъ экипажахъ, почтово-телеграфныхъ конторъ съ отдѣленіями сберегательной кассы при нихъ и объ увеличеніи числа школъ, то удовлетвореніе такихъ ходатайствъ, какъ общихъ для всѣхъ нефтепромышленниковъ, будетъ произведено съ извѣстной постепенностью. Товарищество, съ своей стороны, обѣщаетъ содѣйствовать, чтобы означенныя ходатайства были Совѣтомъ съѣзда удовлетворены.

Далѣе циркуляръ говоритъ, что Товарищество получило разрѣшеніе на введеніе старость и съ 1 октября оно введетъ ихъ для облегченія рабочимъ «законнымъ путемъ» добиваться удовлетворенія своихъ нуждъ. Относительно главнаго требованія рабочихъ, повышенія заработной платы на 20% циркуляръ не обмолвился ни словомъ.

14-го работы возобновились въ городѣ, но на промыслахъ на-

чались поджоги. Въ 11 часовъ вечера вспыхнулъ пожаръ у Мирзоева, затѣмъ у Нобеля, утромъ 15-го у Питоева. Тушить было очень трудно, вслѣдствіе забастовки не было воды, не было и людей. Было ясно, что пожарами рабочіе выразили свой гнѣвъ и раздраженіе на хозяевъ, которые отказались даже отъ переговоровъ съ ними, увидавъ, что имѣются солдаты для ихъ охраны.

18-го стачка окончательно прекратилась.

Эта стачка была первой всеобщей стачкой въ Баку, въ ней принимали участіе всѣ рабочіе безъ различія. Впервые мусульмане и жалкіе, забитые персы боролись активно за улучшеніе своего положенія. Какъ менѣе сознательные, они проявили наибольшую склонность къ насиліямъ. Въ общемъ же стачка носила мирный сдержанный характеръ. Только одинъ разъ произошло крупное столкновеніе между стачечниками и ставшими на работу. Этихъ послѣднихъ охраняло войско, такъ что при столкновеніи солдаты пустили въ ходъ оружіе, причемъ было нѣсколько раненыхъ.

С.-д. комитетъ во время стачки болѣе всего вліялъ листками, такъ какъ въ организаторскихъ и ораторскихъ силахъ у него былъ большой недостатокъ. Надо замѣтить, что социалдемократическая работа вообще началась въ Баку всего 2 года передъ стачкой. Вслѣдствіе этого стачка была мало использована въ цѣляхъ политической агитаціи.

II. Тифлисъ.

На всеобщую стачку въ Баку тифлисскій пролетаріатъ отвѣтили всеобщей же стачкой, которой онъ заявилъ о своей солидарности съ бакинскими товарищами. Съ начала іюля мѣсяца въ Тифлисъ было неспокойно. 1-го іюля отправляли 4-хъ политическихъ въ ссылку. Рабочіе жел.-дорожныхъ мастерскихъ и мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, бросивъ работу, пришли проводить ихъ. Громадная толпа собралась на вокзалѣ въ ожиданіи увидѣть товарищей. Думая, что въ арестантскомъ вагонѣ вмѣстѣ съ уголовными находятся и политическіе, рабочіе выкинули красное знамя, на которомъ на трехъ языкахъ было написано: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Да здравствуетъ свобода! Долой самодержавіе!» Поѣздъ тронулся. Демонстранты минуты на три задержали его, все еще надѣясь увидѣть товарищей (впослѣдствіи оказалось, что политическихъ отправили другимъ путемъ, и въ этомъ поѣздѣ ихъ не было). Жандармы безъ всякаго предупрежденія стали стрѣлять. Въ результатѣ 5 человекъ ранено, изъ нихъ одинъ въ тотъ же вечеръ умеръ. Полиція, боясь демонстрацій, ночью уже его похоронила.

Этотъ фактъ сильно взволновалъ рабочихъ. Послѣ демонстраціи черезъ день вспыхнули стачки строительныхъ рабочихъ: плотниковъ, кровельщиковъ и каменщиковъ. Ихъ требованіе, уменьшить рабочій день съ 16 до 10 час., было удовлетворено послѣ 14-го. За строительными рабочими поднялись приказчики, 4-го іюля въ 8 часовъ вечера они демонстративно покинули лавки и, выйдя на улицу въ количествѣ 400 человекъ, пошли двумя большими толпами закрывать другіе магазины. Приказчики требовали сокращенія рабочаго дня до 12 часовъ

(съ 8 ч. до 8 ч.), вмѣсто 18—19 ч. (нѣкоторые магазины открывались до этого дня въ 6 ч. утра и закрывались въ 11 ч. вечера). Закрывши магазины, приказчики смѣшавшись съ гулящей публикой, разошлись, такъ что, когда полиція собралась съ мыслями и прислала казаковъ, было поздно—крамольниковъ и слѣдъ простылъ. Въ слѣдующіе 8 дней приказчики продолжали самочинно раньше кончать работу. Хозяевамъ пришлось уступить, тѣмъ болѣе, что и полиція, боясь, что движеніе приказниковъ введетъ въ соблазнъ другихъ рабочихъ, стала принуждать хозяевъ уступить. Слѣдуетъ замѣтить, что полиція хорошо знала нравы тифлискаго пролетаріата. Губернаторъ такъ характеризовалъ ихъ: «Стоило уволить фабриканту рабочаго — вся фабрика бросала работу, что стало считаться не только заслугою, но даже обязанностью; умираетъ рабочій, и вся фабрика обязуется присутствовать на похоронахъ и провожать тѣло на кладбище; высылаютъ рабочаго — и всѣ товарищи, въ какихъ бы они отношеніяхъ не состояли, обязываются устроить ему проводы».

До 14-го забастовали «пурщики» (хлѣбопеки). Приставъ 5-го участка пригласилъ изъ нихъ 30 человекъ въ участокъ для переговоровъ, но тамъ по своему усмотрѣнію 4 «зачинщиковъ» арестовалъ. «Пурщики» разнесли участокъ и освободили товарищей. Приставъ, стрѣлявшій въ воздухъ при самооборонѣ, въ тотъ же день былъ уволенъ «за слабость».

12-го іюля была однодневная забастовка типографскихъ рабочихъ требовавшихъ уничтоженія унижительныхъ полицейскихъ обысковъ.

Наконецъ, 14-го была объявлена всеобщая забастовка. Въ листкѣ, выпущенномъ Тифлискимъ соц.-дем. Комитетомъ, говорилось о бакинско-й стачкѣ и о необходимости ее поддержать. были выставлены требованія: 8 часовой раб. день, повышеніе заработка на 25%. Съ утра стало жел.-дорожное депо (4½—5 тыс.) всѣ заводы, мелкія мастерскія и конки. Конки, впрочемъ, къ вечеру того же дня пошли подъ охраной штыковъ, съ замѣной кондукторовъ солдатами. Публика не оказывала никакого сочувствія стачечникамъ и не стѣсняясь разѣзжала подъ охраной войска.

Администрація заранѣе готовилась ко всеобщей стачкѣ, и поэтому стягивала войско въ городъ. 14-го Тифлисъ имѣлъ видъ завоеваннаго города. На всѣхъ ближайшихъ къ вокзалу улицахъ стояли взводы пѣхоты въ полной походной формѣ, на каждомъ углу сидѣли городовые (они передъ забастовкой предъявили требованіе своему начальству, чтобы имъ разрѣшили сидѣть,—«очень тяжела служба стала», говорили они). Каждые четверть часа разѣзжали казацкіе патрули. Собранія удалось устроить только утромъ 14-го, позже начались звѣрства полиціи. Въ листкѣ, выпущенномъ «Союзнымъ Комитетомъ Р. Соц. Дем. Раб. Парт.», такъ описывались ужасы дней забастовки: «Казаки и полиція хватаютъ на улицахъ рабочихъ, производятъ надъ ними невѣроятныя истязанія... Рано утромъ 16-го въ Дидубѣ произошла схватка между стачечниками и нарядомъ казаковъ. Рабочіе избили казаковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Немедленно явился взводъ казаковъ съ офицеромъ. Нѣтъ словъ описать тѣ ужасы, которые тутъ произошли. На улицѣ никого не было. Казаки бросились въ дома

рабочихъ, ломали мебель, безъ конца и разбора били женщинъ и дѣтей... ¹⁾

Всеобщая стачка длилась недолго. Такъ какъ передъ ея началомъ многіе изъ рабочихъ бастовали за свои частныя требованія непосредственно передъ 14 іюля, то утомленіе дало себя знать. Нѣкоторые изъ заводовъ возобновили работу 17-го и 18-го. Желѣзнодорожные рабочіе частью,—около 1½ тысячъ,—стали на работу 19-го. Большинство изъ пришедшихъ на работу—русскіе,—печальный результатъ заигрыванія властей. Какъ и въ Баку, въ Тифлисѣ и на ближайшей станціи Михайлово штрейкбрехеры получили награду, назначенную имъ начальникомъ дороги.

Въ теченіе стачки тифлисскій комитетъ рос. соц.-дем. рабочей партіи выпустилъ нѣсколько прокламацій.

Одновременно съ Тифлисомъ началась стачка на станціи Михайлово. 14-го рабочіе бросили съ утра работу и толпою въ 500 человекъ съ краснымъ знаменемъ обошли всѣ улицы мѣстечка, затѣмъ направились къ станціи жел. дороги. По дорогѣ часть демонстрантовъ разошлась, на станцію пришло 150—200 человекъ, и загородило полотно желѣзной дороги. Съ ними въ переговоры вступилъ инженеръ и уже почти убѣдилъ ихъ разойтись. По его совѣту они послали нѣкоторыхъ изъ своей среды для охраны водопровода, сберегательной кассы. Видя, что толпа настроена мирно, инженеръ сказалъ рабочимъ, что самъ удовлетворитъ ихъ требованія (тѣ же, что и въ Тифлисѣ: 8-часовой рабочей день, повышеніе заработка) не можетъ, а дастъ сейчасъ же телеграмму въ Петербургъ. Онъ ушелъ на телеграфъ, предварительно взявъ слово съ пристава, командующаго отрядомъ, не употреблять оружія. Въ это время подошелъ боржомскій поѣздъ. Одинъ изъ рабочихъ вздумалъ отцѣпить паровозъ. На него набросились стражники. Къ рабочему на помощь бросились товарищи. Завязалась борьба. Приставъ приказалъ стрѣлять. Въ результатѣ 36 человекъ раненыхъ и убитыхъ. Солдаты (ихъ было чел. 40) почти всѣ стрѣляли въ воздухъ, но стражники усердствовали.

Здѣсь же на станціи было арестовано много рабочихъ, изъ которыхъ 15 человекъ преданы суду за задержаніе поѣзда и сопротивленіе властямъ.

Въ обвинительномъ актѣ такъ разсказывается о стачкѣ: «14-го іюля с. г. въ 8 часовъ утра въ депо ст. Михайлово раздался тревожный гудокъ, и рабочіе, около 200 человекъ, прекративъ работу, вышли на полотно жел. дороги. Къ нимъ присоединились ремонтные рабочіе, и образовавшаяся такимъ образомъ толпа направилась къ расположенному вблизи ст. Михайлово керосинопроводу, гдѣ всѣхъ рабочихъ заставила прекратить работу. Проходя по путямъ, кто-то изъ толпы, поднявъ вверхъ револьверъ, выстрѣлилъ, и толпа начала кричать «ура». Въ это время подошелъ къ ст. Михайлово товарный поѣздъ изъ Тифлиса, и толпа, отцѣпивъ паровозъ, оставила на пути вагоны, съ цѣлью прекращенія на главномъ пути движенія поѣздовъ. Захватывая по дорогѣ стрѣлочниковъ, толпа около паровознаго са-

¹⁾ „Искра“ № 44—45.

рая потушила топку паровозовъ и сняла съ одного паровоза регуляторъ. Постепенно увеличиваясь, толпа подошла къ конторѣ начальника участка и заставила всѣхъ служащихъ уйти изъ конторы и также изъ помѣщенія телеграфа. Во главѣ толпы находился ремесленный рабочій Ром. Мегрелишвили. Отъ имени толпы было заявлено требованіе прекратить дѣятельность телеграфа, во избѣжаніе передачи депешъ съ просьбою о присылкѣ войскъ». Далѣе въ обвинительномъ актѣ рассказывается о событіи на станціи, причемъ, какъ и полагается, обвиняются во всемъ рабочіе.

Стачка на ст. Михайлово такъ же, какъ въ Тифлисѣ, скоро прекратилась. Да вѣдь смыслъ стачки былъ совсѣмъ не въ ея продолжительности, не въ достиженіи непосредственныхъ результатовъ. Рабочіе хотѣли демонстрировать единодушіе съ пролетаріатомъ Баку и другихъ городовъ—и это они прекрасно осуществили.

III. Б а т у м ь.

За Тифлисомъ поднялся Батумъ. 17-го въ 7^{1/2} часовъ утра рабочіе всѣхъ заводовъ бросили работу и направились къ базару; всего собралось около шести тысячъ человекъ. Вынесли столы, на которые взобрались рабочіе и читали прокламаціи, выпущенныя комитетомъ, произносили рѣчи на русскомъ, армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. Войско разсѣяло собраніе. Въ городѣ были закрыты всѣ магазины, конторы, пекарни, мастерскія. Бросили работу носильщики на вокзалѣ, стрѣлочники, кондуктора, строительные рабочіе. На слѣдующій день стачечники пытались устроить демонстрацію: собрались около электрической станціи и развернули красное знамя, но были вновь разсѣяны казаками, причемъ были даны два залпа. Въ результатѣ нѣсколько человекъ ранено. Стачка длилась всего три дня, послѣ чего рабочіе постепенно приступили къ работамъ. Стачка не ограничилась крупными центрами Кавказа. Бастовали также Поти, Чіатурскій округъ и другія мѣстности.

Черноморье.

I. О д е с с а.

Передъ всеобщей стачкой въ Одессѣ, лѣтомъ 1903 г. велась усиленная работа «Комитета независимой рабочей партіи», основанной зубатовцемъ Шавичемъ для борьбы съ социалдемократической рабочей партіей, который за какихъ-нибудь 2—3^{1/2} года широко развилъ свою дѣятельность. Шавичъ передъ прїездомъ въ Одессу пытался организовать рабочихъ въ Вильнѣ съ тою же цѣлью отвлеченія отъ с.-д., но потерпѣлъ неудачу. По мысли Зубатова, Шавичъ и тутъ въ Одессѣ стремился организовать рабочихъ на чисто экономической почвѣ, путемъ устройства стачекъ, въ увѣренности, что успѣшное ихъ проведеніе привлечетъ рабочихъ къ нему, заставитъ ихъ отвернуться отъ «политики». Какъ и всюду, зубатовщинѣ и тутъ предстояло поражение, вся ея работа обратилась противъ нея самой, она не смогла не только руководить вызваннымъ движеніемъ, но была окончательно имъ смыта.

Еще въ концѣ апрѣля подѣ давленіемъ рабочихъ «Комитетъ независимой рабочей партіи» началъ забастовку на заводѣ Рестеля (200 чел.). Стачка затянулась, рабочихъ разсчитали, помощь со стороны кассы «комитета» независимцевъ, оказываемая въ началѣ, стала падать. Заводская администрація замѣнила бастующихъ новыми рабочими. Забастовщики и «независимцы» нерѣдко устраивали нападенія на «штрейкбрехеровъ», ничѣмъ серьезно не платившись, т. к. къ стачкѣ благосклонно относилось и охранный отдѣленіе, какъ выяснилось позже изъ документовъ фабричнаго инспектора. Не видя конца длящейся болѣе мѣсяца стачки, рабочіе обратились къ Шаевичу съ требованіемъ вмѣшаться, оказать давленіе на Рестеля. Шаевичъ въ отвѣтъ предложилъ имъ искать новыя мѣста. Вѣра въ «Комитетъ независимой рабочей партіи» сразу сильно пала и многіе рабочіе перестали вносить въ кассу, и безъ того очень истощившуюся изъ-за помощи стачечникамъ, по мнѣнію однихъ «независимцевъ»,— благодаря хищенію руководителей, по рассказамъ другихъ. Шаевичъ не прекратилъ своей дѣятельности; онъ повелъ агитацію за стачку въ порту, быть можетъ, для того, чтобы какъ-либо покончить съ рестелевской.

1-го іюня началась стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ Большого вокзала (2.000—2.500 рабочихъ). Ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ послужилъ расчетъ одного рабочаго котельнаго цеха. Котельщики потребовали его возвращенія и удаленія мастеровъ. Рабочіе соц.-дем. въ другихъ цехахъ повели агитацію за всеобщую стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ. 2-го іюля Большой вокзалъ забастовалъ весь и были выработаны слѣдующія требованія: 1) 9-ти часовой рабочей день, вмѣсто 10, 2) увеличеніе заработной платы, 3) возвращеніе разсчитанныхъ товарищей, 4) удаленіе мастеровъ, 5) вѣжливое обращеніе и др.

Ораторы изъ рабочихъ соц.-дем. и посланныхъ Одесск. комитетомъ на собранія рабочихъ въ малярномъ цехѣ говорили о классовыхъ противорѣчіяхъ, о рабочемъ движеніи и пр. Организованные «независимые», около 150 ч. стали въ оппозицію: грозили сорвать стачку, если будутъ политическія рѣчи и листки Одесск. комитета. Свои угрозы они привели въ исполненіе, срывая ораторовъ, одного даже чуть не выдали полиціи. Вынужденные считаться съ давленіемъ, оказываемымъ на массу «независимыми», организованные рабочіе соц.-дем. рѣшили въ своей агитаціи налегать на «экономику». Это выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что листки къ стачечникамъ жел.-дор. рабочимъ политическаго содержанія, изданные Одесск. комитетомъ, они отказались распространять, ссылаясь на возможность провала стачки. Листки эти были уничтожены съ разрѣшенія комитета, который счелъ неудобнымъ ихъ распространить еще и потому, что, въ виду быстрого развитія событій, факты изложенные въ листкахъ оказались уже устарѣвшими. 3 іюля съ утра настроеніе массы было настолько подавлено обструкціей «независимыхъ, что когда появился начальникъ дороги Немѣшаевъ и обѣщалъ удовлетворить мелкія требованія, толпа, руководимая «независимыми», кричала ему «ура»!, кидая вверхъ шапки. Съ обѣда всѣ пошли на работу. «Независимые»

ликовали. Но прошло нѣсколько дней, и настроеніе массы измѣнилось. Она почувствовала себя околпаченной. По рукамъ ходилъ писанный самими рабочими листокъ съ призывомъ: долой обманъ, долой мелкія требованія, хотимъ большаго. Листокъ Одесск. комитета «По поводу стачки жел.-дор., рабочихъ» читался очень охотно. 6-го іюля состоялось собраніе около 300—400 человекъ исключительно жел.-дор., гдѣ ораторами Комитета подробно разбирались вопросы о борьбѣ пролетаріата въ Россіи вообще и о борьбѣ вокзальныхъ рабочихъ въ Одессѣ въ частности. Возгласы ораторовъ «долой самодержавіе» и др. были очень дружно поддержаны собравшимися. ¹⁾

Агитация Шаевича среди портовыхъ рабочихъ шла успѣшно. Что не могла сдѣлать социалистическая партія, благодаря бдительности полиціи и страшно пестрому и некультурному составу портовыхъ рабочихъ, то удалось Шаевичу, покровительствуемому начальствомъ. 4-го іюля рабочіе грузчики въ порту выставили требованія: 1) увеличеніе заработной платы до 2 руб., 2) уменьшеніе рабочаго дня на полчаса.

Число забастовавшихъ опредѣлить трудно, такъ какъ колебанія рабочаго рынка очень значительны и часты, въ зависимости отъ количества грузовъ. 5-го іюля послѣ полудня, чернорабочіе въ карантинной гавани, ведущіе нагрузку и выгрузку товаровъ на пароходахъ и пристаняхъ Р. О. П. и Т., Добровольнаго флота и Черноморско-Дунайскаго общества, а также и частновладѣльческихъ судахъ, прекратили свои работы и группами расположились около зданія, каждая въ районѣ своихъ работъ.

Самую необходимую часть товаровъ въ агентствѣ Р. О. П. и Т. нагружали на имѣвшій отойти въ срочный александрійскій рейсъ пароходъ «Россія» силами нѣсколькихъ сторожей при складахъ. Съ утра 6-го по мѣрѣ прибытія пароходовъ въ портъ, примкнули къ забастовкѣ моряки, матросы, кочегары, угольщики, требуя увеличенія заработной платы на 50—70%, уменьшенія рабочаго дня, плату за сверхурочную работу по 30 коп. въ часъ и нѣкоторыхъ мелкихъ улучшеній. Въ виду того, что часть моряковъ дѣлала взносы въ кассу «независимцевъ», комитетъ послѣднихъ оказался вынужденнымъ взять на себя руководство стачкой. Предсѣдателю «Комитета незав.», Шаевичу, очень не хотѣлось брать на себя это руководство, и онъ съ перваго же абцуга предложилъ забастовавшимъ сократить свои требованія: «не бить стѣну лбомъ, а сверлить ее понемногу». Рабочимъ не понравились эти рѣчи, Шаевичу пришлось отступить. Мѣстная власть съ начала стачки, не предвидя, что она готовится, относилась «благосклонно» къ ней. Для переговоровъ съ забастовавшими грузчиками пріѣхалъ самъ градоначальникъ Арсеньевъ. Онъ заявилъ имъ, что правительство не станетъ вмѣшиваться въ ихъ отношенія съ хозяевами; пусть только они ведутъ себя чинно и спокойно, не нарушаютъ порядка, лично онъ находитъ, что грузчики, дѣйствительно, очень мало зарабатываютъ и отъ души желаетъ имъ достигнуть улучшенія своего положенія. Градоначальникъ простеръ свою

¹⁾ „Искра“ № 45—47.

благосклонность до того, что предлагалъ даже полиціймейстера для переговоровъ между бастующими и хозяевами.

На третій день забастовки являлись отдѣльныя маленькія группы рабочихъ (главнымъ образомъ угольщиковъ), желавшихъ временно работать въ томъ или другомъ мѣстѣ порта, за удовлетворительную плату; но другіе рабочіе не давали имъ статься на работу и между ними происходили частыя драки, впрочемъ, безъ серьезныхъ послѣдствій.

Многіе изъ рабочихъ, видя, что никто не идетъ на соглашеніе въ смыслѣ полного удовлетворенія ихъ требованій, явно унывали. На четвертый день при Добров. флотѣ, агентствѣ Р. О. П. и Т. и Черноморско-Дунайскаго общества рабочіе возобновили работу, получивъ увеличеніе заработной платы до 1 р. 50 к. (раньше 80 к.—1 р.) и уменьшеніе рабочаго дня на $\frac{1}{2}$ часа. Въ числѣ бастовавшихъ оставалось еще до 6000 человекъ. Далѣе событія быстро разворачиваются. Соц.-дем. Комитетъ едва успѣвалъ получать и публиковать тѣ стачечныя требованія, которыя выставляла каждая категория рабочихъ отдѣльно. Къ наиболѣе крупнымъ группамъ забастовщиковъ Од. Комитетъ посылалъ ораторовъ и агитаторовъ; такъ были посланы ораторы къ рабочимъ Русскаго Общества и Беллино-Фендриха, къ рабочимъ сносчикамъ по хлѣбной операціи, на Пересыпь и Тираспольскую заставу, здѣсь они помогли рабочимъ выработать экономическія требованія. Ораторовъ слушали охотно, сѣрая масса предлагала имъ угощеніе въ трактирѣ. «Долой самодержавіе! и пр. возгласы дружно повторялись тысячами голосовъ вслѣдъ за ораторомъ. Од. Комитетъ выпустилъ листокъ (500 экз.) «Ко всѣмъ забастовщикамъ г. Одессы» съ призывомъ дружно отстаивать сформулированныя въ немъ требованія: 1) 8-ми часовой раб. день, 2) увеличеніе заработной платы, minimum на $\frac{1}{3}$, 3) плата больнымъ до выздоровленія, 4) отмѣна сдѣльной работы, 5) вѣжливое обращеніе. Листокъ читался на расхватъ.

10-го забастовали служащіе на русскихъ судахъ, матросы и кочегары. Забастовка уже на другой день приняла широкіе размѣры. Толпа забастовщиковъ ходила на всѣ безъ исключенія русскіе пароходы и увлекала за собою всѣхъ рѣшительно низшихъ служащихъ команды. Суда опустѣли. Наконецъ, когда толпа возросла до 2 тысячъ человекъ, она направалась на Пересыпь, къ площади вблизи газоваго завода, гдѣ помѣщалась большая зала, въ которой обычно собирались независимцы. Здѣсь на совѣщаніи были выработаны требованія. Сначала рабочіе, главнымъ образомъ кочегары и моряки—рѣшили послать «за ораторомъ». Но Шаевичъ долго не являлся, такъ что собраніе обошлось безъ него. Когда же онъ явился и сталъ уговаривать вернуться на работу, то толпа рабочихъ, стоявшая около помѣщенія, узнавъ объ этомъ, озлобленно загудѣла: «Ага, вотъ оно что! Братцы, его уже успѣли «подмазать» въ русскомъ обществѣ!» Растерявшійся Шаевичъ, увидавъ, что его не возьметъ, постарался поскорѣе уйти.

Выработанныя требованія были представлены 11-го Перелешину (начальнику порта). Онъ обѣщалъ удовлетворить многія изъ нихъ, заявилъ, что будто бы совѣщаніе при главноуправляющемъ торговымъ мореплаваніемъ занято уже обсужденіемъ этихъ требованій.

Однако уже вечеромъ 12-го, затѣмъ 13-го, по телеграммѣ воен-

наго министерства, изъ Севастополя было прислано до 500 военныхъ матросовъ и кочегаровъ 33-го флотскаго экипажа. Прибывшихъ размѣстили на пароходы Р. О. П. и Т. и Россійскаго общества транспортовъ, рейсы возобновились. Полиція усердно разгоняла забастовщиковъ отъ мѣста стоянки пароходовъ.

Съ 13-го стало замѣчаться волненіе между кондукторами и кочегарами конокъ. 15-го они забастовали, присоединились къ требованіямъ, выставленнымъ въ листкѣ соц.-дем. Комитета и сверхъ того выставили требованія отміны произвольныхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ обществомъ конныхъ жел. дорогъ (Бельгійское общество) въ свою пользу, и установленія таксы для штрафовъ съ тѣмъ, чтобы половина штрафныхъ суммъ употреблялась на образованіе фонда для пенсіонной кассы, и рядъ другихъ. Населеніе отнеслось очень сочувственно къ этой забастовкѣ, такъ что, когда въ тотъ же день администрація пыталась пустить вагоны по Преображенской улицѣ (замѣнивъ кучеровъ и кондукторовъ — конюхами и контролерами), то натолкнулась на противодѣйствіе не только стачечниковъ, но и присоединившейся къ нимъ толпы обывателей; аналогичный случай повторился при попыткѣ пустить поѣздъ парового трамвая на Б. Фонтанъ. Любопытно, что и въ эту стачку вмѣшались власти довольно двусмысленно. Испол. должность полиціймейстера въ тотъ же день пригласилъ къ себѣ нѣсколько участниковъ стачки и давалъ совѣты, какъ должны себя держать забастовщики, чтобы избѣжать вмѣшательства полиціи. Стачечники проникли въ депо к. ж. д. и не выпускали оттуда вагоновъ и поѣздовъ. 16-го прекратили работу фабрики Жако, Вальтуха, Родоконаки и другія. Рабочіе городскихъ каменоломенъ явились гурьбой въ городскую управу требовать повышенія заработка. Подъемъ духа былъ необыкновенный. Стала и «монополька». Од. Ком. выпустилъ въ этотъ день прокламацію «Къ морякамъ солдатамъ», въ которой указывалъ на печальную роль «штрейкбрехеровъ», которую ихъ заставляютъ играть и призывалъ къ пассивному сопротивленію. Были прокламаціи Ком. П. С.-Р. и соц.-дем. группы «Рабочая воля». Агитаторы соц.-дем. въ полѣ организовали собраніе около 600 человекъ. Соц.-дем. комитетомъ былъ посланъ ораторъ, но полиція разогнала собраніе, причѣмъ арестовала трехъ рабочихъ. Толпа направилась къ близъ лежащимъ фабрикамъ и заводамъ и остановила ихъ, пригласивъ новыхъ забастовщиковъ примкнуть къ ней. Руководители соц.-дем. направили эту толпу въ 4—5 тыс. чел. къ Михайловскому участку съ требованіемъ освободить только что арестованныхъ товарищей. Въ два часа собрались забастовщики Дальницкаго района въ количествѣ 7—8.000 чел. въ Рубовъ садъ. Ораторами выступили организованные рабочіе соц.-дем. Говорили объ общихъ требованіяхъ всѣхъ забастовщиковъ, о связи экономической борьбы съ политической и пѣли революціонныя пѣсни, а часа въ четыре пошли изъ сада. На собраніи было нѣсколько городскихыхъ, приставовъ и шмыгали «шпики». Ихъ присутствіе настраивало публику на ироническій ладъ, и рабочіе пересмѣивались съ представителями «средиземной эскадры». Часовъ около пяти вечера толпа остановила пивоваренный заводъ Енни. Стоявшіе около завода казаки улыбались забастовщикамъ, которые вели среди нихъ агитацію. Въ 5½

час. рабочіе остановили заводъ Арбеда. Часовъ въ 6—7 всѣ мирно разошлись по домамъ, назначивъ собраніе на завтра утромъ, тамъ же, въ Рубовомъ саду. Соц.-дем. Комитетъ разослалъ гонцовъ по всему городу звать рабочихъ на 17 іюля утромъ въ этотъ садъ. Съ вечера Комитетъ намѣтили темы въ общихъ чертахъ и порядокъ рѣчей. За ночь были приготовлены знамена на случай демонстраціи и имѣвшіеся въ запасѣ листки Комитета о златоустовской бойнѣ и о «политической свободѣ» (перепеч. изъ «Искры»).

17-го съ шести часовъ утра въ Рубовъ садъ повалили толпы рабочихъ и работницъ. Вблизи мѣста собранія находится химической заводъ Бродскаго. Собравшіеся стачечники рѣшили его остановить. Подошли. Ворота оказались запертыми. На оградѣ показалась администрація. Потребовали, чтобы пустили переговорить съ рабочими, чтобы отперли ворота, но управляющій разсмѣялся въ отвѣтъ. Тогда толпа навалилась, и желѣзныя ворота вылетѣли, а толпа съ крикомъ: «Требуйте 8-ми часового рабочаго дня!» разсыпалась по заводу. Остановили паръ и съ присоединившимися рабочими всѣ вернулись на поляну, куда все прибывали рабочіе разныхъ заводовъ. Посланный Комитетомъ ораторъ въ центрѣ толпы въ 1500—2000 человекъ открылъ собраніе рѣчью. Сформулировавъ общія требованія, онъ перешелъ къ объясненію связи экономической борьбы съ политической, роли государства въ борьбѣ рабочихъ за свои интересы и кончилъ призывомъ подъ знамя рос. с.-д. раб. п., на красномъ знамени которой написано: «Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ социализмъ!» Возгласы были дружно подхвачены. Второй ораторъ говорилъ исключительно о «политикѣ» и очень недолго. Послѣ его рѣчи сознательные рабочіе сдѣлали неловкій шагъ, запѣвъ революціонныя пѣсни. Это произвело непріятное впечатлѣніе на несознательныхъ. Рабочіе «независимцы» начали кричать: «не надо намъ политики! «Мы пришли не пѣсни пѣть, а выработать наши требованія!» «Независимые» сгруппировали вокругъ себя кучки рабочихъ и стали говорить объ «экономикѣ». Организатору собранія, посланному Од. Ком., кое-какъ удалось объединить эти кучки въ одну большую группу тысячи въ 2—3 человекъ. Страсти разгорались. Едва являлся ораторъ «независимыхъ», его срывали социальдемократы, оратора социальдемократа срывали въ свою очередь «независимые». Хаосъ получился невообразимый. Крики «долой независимыхъ», «долой социальдемократовъ!» грозили перейти въ рукопашную. Среди массы въ это время господствовало желаніе сформулировать свои частныя требованія. «Независимые» въ своихъ формулировкахъ вслѣдъ за соц.-дем. тоже проводили 8-ми часовой рабочій день. Казаки очень мирно стояли неподалеку отъ группы соц.-дем. Среди «независимыхъ» разгуливали полиція, съ которой они шушукались.

Было часовъ 9—10 утра. Видя безтолковость собранія, многіе побрели домой пить чай. Дезорганизаторская работа «независимыхъ» съ одной стороны, и недостаточное знаніе массы со стороны Комитета—съ другой—вотъ двѣ основныя причины того, что социальдемократамъ не удалось овладѣть собраніемъ. Раздался призывъ идти остановить пробочный заводъ Юліуса. Этотъ призывъ былъ дружно

подхваченъ собравшимися. Съ трудомъ удалось еще нѣсколько времени удержать толпу. Въ это время говорили еще нѣсколько товарищей. Одинъ изъ рабочихъ выступилъ и сказалъ: «Соц.-демократы наши лучшіе друзья. Они за рабочихъ, за насъ, гибнуть въ Сибири и тюрьмахъ» и т. д. Но его слова потерялись въ шумѣ толпы, затѣмъ вся масса двинулась лавиной изъ сада. Казаки за нею. По дорогѣ затыгивали «Марсельезу» и др. пѣсни, но изъ толпы кричали: «не надо пѣсень». И началось величественное шествіе 8—10 тысячной толпы съ завода на заводъ, изъ мастерской въ мастерскую. Рабочіе, гдѣ съ радостными, гдѣ съ угрюмыми лицами, покидали душные мастерскія и присоединялись къ стачечникамъ. Толпа все росла и росла. Отъ завода Енни двинулись на Пересыпь. Казаки, конвоировавшіе толпу, постепенно отстали, такъ что на Пересыпи ихъ не было ни одного. На многочисленныхъ остановкахъ рабочіе ораторствовали на политическія темы. Обыватели сочувственно встрѣчали толпу и нерѣдко ее сопровождали. Около мельницы Вайнштейна были распространены прокламаціи Од. Комитета о «златоустовской бойнѣ». Остановивъ всѣ заводы на Пересыпи, стачечники, увеличившись до 40—50 тысячъ, направились въ портъ. Изъ паровыхъ котловъ на пароходахъ выпускали паръ, срывали флаги, звали съ собою матросовъ, а военныхъ моряковъ призывали къ пассивному сопротивленію. Около подъема на Николаевскій бульваръ толпа раздѣлилась. Главное ядро направилось по бульвару, гдѣ толпа остановилась и ораторъ вновь говорилъ о борьбѣ, о необходимости политической свободы. Послѣ рѣчей направились на вокзалъ. Другая часть пошла прямо, минуя бульваръ, по Канатной улицѣ, тоже на вокзалъ.

По дорогѣ стачечники остановили всѣ, даже самыя маленькія мастерскія. Ремесленныя мастерскія, булочныя, кондитерскія, типографіи, даже рестораны—все стало. Когда толпа пришла останавливать работы у Высоцкаго, евреи—рабочіе, особенно дѣвочки, воображали, что начинается еврейскій погромъ, начался ужасный плачь. Толпа успокоила ихъ и начала убѣждать ихъ требовать восьмичасового дня и повышенія заработка, но тѣ отвѣчали, что «всѣмъ довольны».—«Это все равно, теперь никто не долженъ работать»—былъ отвѣтъ толпы. Полиція и солдаты почти не вмѣшивались. Серьезное столкновение произошло только на центральной электрической станціи. Толпа стала выгонять рабочихъ и потушила электричество. Были вызваны солдаты. Офицеръ сталъ уговаривать толпу не снимать рабочихъ, въ виду того, что электричество важно для освѣщенія всего города. Рабочіе поколебались, холостые выстрѣлы солдатъ dokonчили дѣло—солдаты отстояли станцію. Былъ «снятъ» ресторанъ Корони, гдѣ забастовщики побросали со столовъ посуду. Публика и оркестръ въ страхѣ разбѣжались. Когда стачечники достигли вокзала, тамъ работъ уже не было. Вечеромъ изъ Одессы не вышло ни одного поѣзда, первымъ остановленъ былъ курьерскій, который долженъ былъ уйти въ 6 часовъ вечера. Толпа выпустила паръ и густыми рядами улеглась на рельсахъ. Съ неимоверными трудностями въ 1 ч. ночи удалось, медленно разгоняя толпу прикладами, вывести поѣздъ за Тираспольскую заставу. Сформированъ, какъ слѣдуетъ, онъ былъ

только на ст. Раздѣльной. Другіе поѣзда не пошли. Товарные же не ходили еще съ 15-го, благодаря забастовкѣ грузчиковъ. Вокзалъ для публики былъ закрытъ до утра.

Часть стачечниковъ вечеромъ вновь собралась въ Рубовомъ саду. Здѣсь уже видимо стало падать вліяніе «независимыхъ», ихъ попытки сорвать того или другого оратора оканчивались неудачей. Были примѣры удаленія «независимыхъ» изъ толпы за нарушеніе тишины. Ораторы соц.-дем. предлагали «независимымъ» говорить съ дерева, какъ они поступали и бросить обструкцію. У «независимыхъ» не оказалось ораторовъ, и они ограничились своею дезорганизаторскою ролью. У нихъ въ это самое время происходило собраніе на Пересыпи въ зданіи «Комитета независимыхъ». Шаевичъ еще раньше этого собранія объявилъ, что онъ боленъ, и скрылся неизвѣстно куда. Предсѣдательствовалъ его помощникъ, на собраніи присутствовали выбранные отъ фабрикъ и заводовъ. Начали собраніе съ выработки требованій. Восьми-часовой рабочей день выборные хотѣли провалить, но проникшіе въ залъ соц.-демократы отстояли это требованіе, которое и было принято большинствомъ. Относительно заработной платы было постановлено требовать увеличенія ея на 20%. Когда рѣчь зашла о выборѣ депутатовъ («фабрич. старость») отъ каждой фабрики и завода, соц.-дем. стали громко протестовать, доказывая, что законъ о старостахъ есть тотъ же зубатовскій подвохъ¹⁾. Но социал-демократовъ торжественно вывели изъ зала засѣданія. Въ это время раздался тревожный гудокъ газового завода—то рабочіе звали товарищей примкнуть къ забастовкѣ. На балконѣ зданія «Комитета независимыхъ» появился ораторъ и убѣждалъ рабочихъ остерегаться красныхъ знаменъ и вообще «соціалистовъ». Бывшіе въ толпѣ соц.-дем. крикнули «долой оратора!» Толпа ихъ поддержала и ораторъ вынужденъ былъ скрыться. Въ залѣ начались дебаты о социал-демократахъ. Выборные почти единодушно рѣшили срывать на завтрашнемъ собраніи въ саду ораторовъ соц.-дем. и выгнать ихъ изъ сада. «На завтрашній день мы запасемся ножами», говорили нѣкоторые. Въ саду между тѣмъ собраніе шло съ успѣхомъ для соц.-дем. Настроеніе было приподнятое, сочувствіе соц.-дем. проявлялось криками одобренія. Часовъ въ 8 послѣдній ораторъ объявилъ собраніе распущеннымъ и назначилъ его на десять часовъ утра слѣдующаго дня. Од. К. рѣшилъ воспользоваться этимъ собраніемъ не только для политической агитаціи, но и для непосредственнаго руководства стачкой. Для этого предполагалось тутъ же предварительно сформулировать частныя требованія стачечниковъ, разбивъ ихъ по заводамъ, а тамъ, объединивъ ихъ выясненіемъ требованій общихъ, перейти къ политической агитаціи. Чтобы провести намѣченный планъ, Од. К. назначилъ на слѣдующій день, въ 7 час. утра въ томъ же саду собраніе организованныхъ рабочихъ, около 150 чел. Но это собраніе, по случайнымъ обстоятельствамъ, не состоялось.

18-го стачечники утромъ съ 6 часовъ стали собираться въ саду

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что взглядъ этотъ на старость раздѣлялся въ то время не всею партією и, напр. „Искра“ высказывалась за избраніе ихъ повсюду.

Рубова. «Независимые», появившись раньше всѣхъ, повели усиленную агитацію противъ соц.-дем. Организованные рабочіе соц.-дем. вступили въ полемику съ «независимцами». Послѣдніе выводили подчасъ соц.-дем. изъ сада, грозя предать ихъ въ руки полиціи, если они вновь явятся. Мирнаго отношенія въ этотъ день съ самаго утра уже не было. Поведеніе «независимыхъ» разстроило ряды соц.-дем., имъ съ трудомъ удалось собрать вокругъ себя 2—2¹/₂ тыс., хотя въ саду было до 40 тысячъ человѣкъ. Ораторъ соц.-дем. началъ свою рѣчь прямо съ «политики». Крики «долой соц.-дем.» заглушили его слова и онъ соскочилъ съ дерева, съ котораго говорилъ. Подъ предводительствомъ шпионовъ, толпа «независимыхъ» бросилась на оратора и съ криками «тащи его въ участокъ» схватила его. Соц.-дем. вступили въ борьбу съ «независимцами» и послѣ долгихъ и страшныхъ усилий, имъ удалось отбить еле живого оратора, послѣдовавшаго скрыться. Вслѣдъ за этимъ соц.-дем. удалось сплотиться и собрать тысячу 10 и, несмотря на усилія «независимыхъ», овладѣть вниманіемъ толпы. Шпионы, бія себя въ грудь, кричали: «Мы—рабочіе хотимъ 8 часовъ, а политики намъ не надо». Большинство стачечниковъ разбрелись по фабрикамъ и мастерскимъ, гдѣ обсуждали свои частныя требованія. Преждевременная раздача прокламацій «рабочевольцами» окончательно разстроила собраніе.

Между тѣмъ войска все прибывали къ саду. На подкрѣпленіе въ Одессу еще утромъ были присланы казаки изъ Бендеръ. Правительство рѣшило энергично дѣйствовать. Часовъ въ 11—12 безъ всякаго предупрежденія, казаки съ нагайками, а солдаты со штыками и прикладами бросились на толпу стачечниковъ. Разбродъ и шатаніе дали возможность разогнать 50 тысячъ рабочихъ небольшой, сравнительно съ ними, горсти казаковъ и солдатъ. На мѣстѣ осталось нѣсколько раненыхъ. Одною рабочаго солдатъ ударилъ прикладомъ по головѣ, и тотъ упалъ безъ чувствъ. Одной работницѣ солдатъ прокололъ руку и избилъ прикладомъ. Нѣсколько человѣкъ еще получили легкія пораненія. Толпа бросилась изъ сада. Несмотря на крутыя мѣры, три группы все же проникли въ городъ. Первая пошла по Преображенской ул., но на углу Нѣжинской была встрѣчена казаками, смята и разбита. Въ этой группѣ вначалѣ было нѣсколько тысячъ, но ко встрѣчѣ съ казаками осталось лишь 400—500, остальные разошлись. Знамени не было, пѣли пѣсни. Вторая—пошла къ Дерибасовской по другимъ улицамъ, но на Сѣнной площади была жестоко разогнана штыками пѣхоты. Массу лицъ арестовали. Третья, самая большая—вначалѣ тысячу пять, подъ конецъ тысячи 2—2¹/₂—развернула нѣсколько знаменъ (въ томъ числѣ нѣсколько «заслуженныхъ», уже раньше развѣвавшихся на демонстраціяхъ) и платокъ, смоченный въ крови раненой работницы, съ пѣніемъ «Марсельезы» двинулась въ городъ, къ толкучему рынку. Казаки ѣхали сзади. «Независимцы» нѣсколько разъ пробовали сорвать большое знамя и наконецъ, имъ удалось его порвать въ дракѣ съ соц.-дем. Демонстрантамъ болѣе или менѣе спокойно удалось дойти до толкучки, гдѣ выдѣлилась толпа человѣкъ 300—400 и громко стала кричать: «долой самодержавіе!» «долой правительство!» «да здравствуетъ социализмъ»

При этомъ въ толпѣ нѣсколько человѣкъ стали раздавать прокламаціи, и публика ихъ съ жадностью подхватывала, нѣкоторые читали тутъ же, большинство прятало ихъ въ карманъ. Листковъ было очень много (трехъ видовъ), такъ что улица была усыпана ими. Отъ толкучаго рынка пошли по Большой Арнаутской, а затѣмъ свернули по Успенской къ Екатерининской. По пути два раза затягивали марсельезу, но было трудно пѣть при быстрой ходьбѣ, и выходило недружно. Все время развѣвалось красное знамя съ соответствующей надписью, приче́мъ знаменосца несли на рукахъ. Громкіе революціонныя возгласы и громкое «ура» не прекращались ни на минуту. Со стороны проходившей и сидѣвшей у воротъ публики слышались крики «молодцы», «крѣпитесь», «помоги вамъ Богъ». А когда прокламаціи приклеивались къ деревьямъ и поверхъ градоначальническихъ объявленій, то это вызывало всеобщее одобрение.

Демонстрація продолжалась минутъ 25. Все время шествія магазиновъ не закрывались: тѣхъ торговцевъ, которые поспѣшно запирали двери, рабочіе успокаивали, говоря: «не бойтесь, это вамъ не Кишиневъ, мы совсѣмъ другого хотимъ, среди насъ нѣтъ ни жидовъ, ни русскихъ, мы всѣ рабочіе—всѣмъ намъ одинаково тяжело». Говорили это русскіе рабочіе и, замѣчательно, часто самые сѣрые.

Когда демонстранты приближались къ Екатерининской ул., поднялся крикъ «бьютъ! бьютъ!» Налетѣли казаки и разбили демонстрантовъ. Околоточные, получившіе новыя инструкціи, неистовствовали, подавая примѣръ полицейскимъ и казакамъ. Солдаты были менѣе рьяны, потому что въ Одессѣ несомнѣнно поддались влиянію стачечной агитаціи. Полицейскіе били направо и налево резинами толщиной въ 2 пальца, приговаривая при каждомъ ударѣ: «тебѣ тоже нужна прибавка! на тебѣ прибавку!» Человѣкъ 30 демонстрантовъ забѣжали во дворъ дома. Ворота тотчасъ же заперли и поставили караулъ солдатъ. Проходившая толпа освободила демонстрантовъ. Все было кончено. Собиравшіяся кое-гдѣ группы рабочихъ разгонялись. Въ этотъ день былъ закрытъ «комитетъ независимыхъ». Городъ превращенъ въ настоящій военный лагерь. Вечеромъ нѣсколько соц.-дем. отправились въ толпу рабочихъ, но были жестоко избиты передѣтыми шпионами, частью же выданы полиціи.

Къ вечеру правленіе парового трамвая рѣшило пустить поѣздъ на Б. Фонтанъ, но попрежнему лежавшіе на рельсахъ кондуктора воспрепятствовали этому. Въ это время въ депо прибылъ Арсеньевъ и сталъ просить кондукторовъ и кучеровъ, какъ личнаго для себя одолженія, не оказывать противодѣйствія и вернуться къ своимъ занятіямъ, обѣщая полное удовлетвореніе ихъ требованій... «Если вы моей просьбы не хотите удовлетворить, то должны будете уступить казакамъ!» Сейчасъ же казакія нагайки пошли гулять, со свойственной имъ удалью, по тѣламъ и головамъ стачечниковъ, и черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ пошелъ на Б. Фонтанъ; здѣсь были также многочисленные аресты.

Въ этотъ день въ Одессѣ недоставало хлѣба, онъ брался съ бою, за 9 коп. хлѣбъ платили 15 коп. Все стояло, какъ и 18-го. Чтобы выпустить «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства», розыскали черезъ

полицію 10 чел. наборщиковъ, арестовали ихъ, «подвергли приводу» въ типографію Кирхнера и силой заставили набирать.

19-го утромъ произошла жестокая расправа съ кондукторами и кучерами конки. Заманивъ въ депо, ихъ связывали, выкручивали руки и связанныхъ били нагайками. Около 9 человекъ перевезены были затѣмъ въ больницу, двое изъ нихъ умерло, около 60 размѣнены по участкамъ. Въ 8 часовъ открылось движеніе трамвая. На каждомъ вагонѣ были городовые, солдаты для «охраны труда». Пересыпскіе «независимцы» пытались собраться въ Дюковскомъ саду, но ихъ разогнали нагайками. Въ трактирѣ было арестовано около 150 человекъ, двухъ такъ избивали, что ихъ пришлось отправить въ больницу. 20-го мелкія мастерскія принялись за работу. На большомъ вокзалѣ, на Тираспольской заставѣ, Пересыпи, у Гента рабочихъ били, принуждая идти на работу. Престижъ «независимцевъ» окончательно палъ, многіе изъ видныхъ членовъ независимой партіи перешли на сторону соц.-демократіи.

Одессу наводнили солдаты. Прибыль Астраханскій полкъ изъ Тирасполя, казаки, солдатъ мѣстнаго гарнизона вернули въ городъ. По всему городу были разставлены посты. Стачка мало по малу прекратилась.

* * *

Въ концѣ стачки, послѣ 19-го, Шаевичъ былъ розысканъ полиціей, арестованъ и высланъ въ Усть-Сысольскъ (Вологод. губ.), гдѣ продолжалъ свою провокаторскую работу. Позже его отправили въ Сибирь.

Арестованныхъ во время стачки частью выпустили, продержавъ нѣкоторое время, остальныхъ же привлекли къ суду, и они до суда (14 іюня 1904 г.) просидѣли въ тюрьмѣ. Одесская Судебная Палата вынесла слѣдующіе приговоры: Щеботница, Иконова и Левченко лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на 4 года cadaго; Могильницкаго, Письменнаго, Борца, Панченко и Гительмана, по лишенію тѣхъ же правъ, заключить въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ cadaго; Бондарева, Альтшулера, Кичитжіева, Трегера, Безеркіаниди, Юниса и Блюцарда заключить въ тюрьму: Бондарева и Альтшулера на 3 года cadaго, а остальныхъ на 2 мѣсяца. Ив. Лапуза (крест.), Теминаръ Халиль-Оглу (поселянинъ), Дранковъ (мѣщ.) и Гершъ Гройсъ (мѣщ.) оправданы.

Характеренъ слѣдующій фактъ: свидѣтели даже со стороны обвиненія (офицеры, командовавшіе ротами) указывали на судѣ, что поведеніе толпы было корректное и спокойное: не будь массы войскъ— не было бы и процесса. Очевидно, что палата, вынося суровые приговоры, карала рабочихъ для примѣра другимъ, «чтобы неповадно было». Кромѣ преданныхъ суду, случайно выхваченныхъ изъ общей массы рабочихъ, десятки и сотни стачечниковъ непосредственно по окончаніи стачки были высланы на родину, сосланы въ сѣверн. губерніи и Сибирь. Особенно строго покарали кондукторовъ трамвая, которыхъ выслали въ Сибирь.

II.

Николаевъ.

Стачка солидарности въ Николаевѣ началась утромъ 21-го іюля. Комитетъ С.-Д. Р. П. выпустилъ въ этотъ день листокъ, призывающій рабочихъ къ политической борьбѣ. Между рабочими же было сильно повышенное настроеніе: «не хотимъ работать, когда другіе бастуютъ»—говорили даже массовые рабочіе. Комитетъ предполагалъ вызвать стачку позже, но это настроеніе рабочихъ заставило его отказаться отъ своего намѣренія. Первые прекратили работу рабочіе котельной мастерской Французскаго завода и съ криками, «да здравствуетъ стачка», пошли по другимъ мастерскимъ, которыя охотно, при возгласахъ «ура», примкнули къ нимъ. Часамъ къ 3 работы на всемъ заводѣ были прекращены.

Вышедшій къ рабочимъ для переговоровъ директоръ завода, говорить со всѣми не пожелалъ и заявилъ, что у рабочихъ есть старосты, пусть они и передадутъ ему, чего желаютъ всѣ. «У насъ нѣтъ старостъ! Наши старосты у Дремлюги (жандармскій полковникъ)! Намъ необходимъ 8-ми часовой рабочей день, отміна новыхъ правилъ. Намъ нужна политическая свобода!»—отвѣтили рабочіе. «Я не могу вамъ этого дать!»—заявилъ директоръ. «Да мы у тебя и не просимъ»,—былъ отвѣтъ. Директоръ ушелъ, сопровождаемый свистомъ и крикомъ. Выступилъ одинъ рабочій, сказалъ краткую рѣчь, послѣ чего толпа двинулась къ сосѣднему Черноморскому заводу. Испуганная администрація заградила всѣ выходы и входы и отказалась впустить рабочихъ въ заводъ. Рабочіе разнесли заводскую стѣну, ворвались во дворъ и дали гудокъ. Черноморскій заводъ сталъ, забастовавшіе рабочіе пошли къ воротамъ, но тутъ ихъ встрѣтили уже вызванный войска. Рабочіе вернулись обратно и вооружились инструментами, кто чѣмъ могъ. Теперь они попытались вторично выйти съ завода, но офицеръ пригрозилъ стрѣлять и приказалъ солдатамъ взять на прицѣль. Одинъ изъ рабочихъ обратился къ офицеру, говоря, что рабочіе разойдутся, если солдаты возьмутъ «къ ногъ». Офицеръ скомандовалъ «къ ногъ». Рабочіе вышли и со знаменами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсень, пошли въ городъ въ сопровожденіи войска и полиціи. Настроеніе было приподнятое. Демонстранты встрѣтили спѣшившаго на заводы градоначальника, которому тутъ же и были предъявлены требованія. Градоначальникъ отвѣтилъ, что не можетъ ихъ удовлетворить и предложилъ демонстрантамъ разойтись. Въ это время одинъ изъ малосознательныхъ рабочихъ бросилъ въ градоначальника камнемъ и легко ранилъ его въ голову. Полиція сдѣлала попытку арестовать бросившаго, но рабочіе его отстояли.

Послѣ неудачныхъ переговоровъ съ градоначальникомъ стачечники пошли на спиртоочистительный заводъ, гдѣ ихъ уже ожидали работницы. Заводъ оказался окруженнымъ войсками. Дружный натискъ рабочихъ оттѣснилъ солдатъ, и работницамъ былъ освобожденъ выходъ съ работъ. Въ натискѣ на солдатъ многіе изъ демонстрантовъ получили штыковыя раны, были и избитые.

Отъ спиртоочистительнаго завода рабочіе двинулись въ городъ по главнымъ улицамъ. Къ демонстрантамъ (ихъ было до 10.000) со всѣхъ сторонъ стекался народъ. Во многихъ мастерскихъ прекратилась работа, ремесленники присоединились къ заводскимъ. Конки были остановлены демонстрантами, лошади отпряжены и отправлены въ депо. Многие магазины закрывались: хозяева боялись толпы, но рабочіе всѣхъ успокаивали, говоря, что они никого не тронуть. При полной пассивности войска и полиціи демонстранты прошли около 1¹/₂ версты, затѣмъ стали расходиться. Тутъ только, не видя уже сплоченной силы, солдаты нападали на отдѣльныя группы, полиція избивала и арестовывала.

На другой день городъ былъ заполненъ войскомъ. Настроение у всего населенія сильно поднялось: демонстрація всколыхнула всѣхъ, о ней только и толковали. Администрація Черноморскаго завода дала всѣмъ рабочимъ отпускъ на недѣлю. По телеграфу были вызваны ушедшія на маневры войска, парадъ, назначенный на этотъ день, былъ отмененъ. Рабочіе попытались устроить за городомъ въ рошѣ собраніе. Пришло до 300 чел., но мѣсто окружили солдаты. Собравшимся пришлось разбѣжаться, нѣкоторыхъ тутъ же арестовали.

На третій день начали разсчитывать рабочихъ Французскаго завода. Около завода собралась масса рабочихъ, которые устроили тутъ же митингъ. Говорилъ, поднятый на руки, ораторъ с.-д. комитета. Въ своей рѣчи онъ указывалъ на необходимость политической борьбы, совѣтовалъ рабочимъ держаться стойко, не выдавать своихъ передовыхъ товарищей и закончилъ возгласомъ «долой самодержавіе!» Громкое «ура» покрыло его голосъ. Послѣ митинга рабочіе пошли «снимать» коммерческой портъ. Остановили мастерскія бывшаго мин. пут. сообщенія и элеваторъ; здѣсь на нихъ налетѣли солдаты. Былъ данъ залпъ, ранившій нѣсколькихъ рабочихъ. Рабочіе отвѣтили на выстрѣлы градомъ камней, отъ которыхъ пострадали солдаты и полиція. Одинъ околodочный былъ убитъ.

За время забастовки комитетъ ежедневно выпускалъ листки; такъ, были розданы: 1) «Что такое политическая свобода», 2) «Къ рабочимъ Французскаго завода», 3) «Соціалъдемократы на судѣ» (переп. изъ «Искры»), 4) «Опять по поводу послѣднихъ событій», 5) второй листокъ «Къ рабочимъ Французскаго завода». Всѣ эти листки были печатные, кромѣ нихъ литографированный «По поводу послѣднихъ событій» и гектографированный «Къ солдатамъ».

Послѣ трехъ дней стачки постепенно рабочіе встали на работу. Только на Французскомъ заводѣ долго пришлось рабочимъ бороться: ихъ всѣхъ сначала разсчитали, а послѣ стачки рѣшили принимать только «благонадежныхъ». Въ началѣ августа рабочіе рѣшили энергично отстаивать свои права: собравшись около завода, не пропускать къ работѣ вновь набранныхъ, пока старые не будутъ приняты. Узнавъ о такомъ рѣшеніи администрація пошла на уступки и приняла уже безъ всякихъ формальностей до 700 прежнихъ рабочихъ.

С. А. Ратова.

Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. ¹⁾

(Май 1880 года).

I.

Первое изъ показаній, данное въ началѣ 1879 г., бывшимъ чиновникомъ Кіевской контрольной палаты, Веледницкимъ, представляется по времени болѣе обширнымъ, чѣмъ показанія другихъ, исключая заявленія Гольденберга, которое, какъ и показанія Веледницкаго, обнимаетъ собою періодъ преступной агитаціи съ 1873 года, съ тою разницею, что Гольденбергъ обрисовываетъ лишь въ общихъ чертахъ положеніе всей революціонной дѣятельности въ Россіи, а Веледницкій болѣе подробно касается преступной организаціи отдѣльнаго сообщества украинофиловъ, сосредоточивавшагося въ Кіевѣ.

По словамъ Веледницкаго, онъ познакомился съ организаціею украинофиловъ-націоналовъ въ 1873 г., въ то время, когда партія эта была чужда понятія о социализмѣ. Еще въ сороковыхъ годахъ, подъ вліяніемъ страстныхъ и исполненныхъ таланта поэмъ и мелкихъ произведеній Тараса Шевченко, духъ украинофильства, какъ противуположеніе политическимъ идеаламъ великорусскаго народа, сталъ развиваться среди молодежи въ мѣстностяхъ по среднему и нижнему теченіямъ Днѣпра. Въ началѣ 50-хъ годовъ, въ минувшее царствованіе, вниманіе правительства уже было обращено на украинофильскіе кружки молодежи Харьковскаго университета. Затѣмъ появилась довольно обширная малороссійская литература, съ даровитыми представителями, и образовались обособленные литературные кружки во второй половинѣ 50-хъ годовъ. Таковы: кружокъ Кулиша (издателя-редактора малороссійскаго журнала «Основа») въ Петербургѣ и кру-

¹⁾ Изданіе д-та полиціи. Примѣчанія, помѣщенные подъ текстомъ, принадлежатъ авторомъ „Свода“, но особня, примѣчанія, касающіяся „общества украинофиловъ“, сдѣланы по нашей просьбѣ А. А. Русовымъ и Ф. К. Волковымъ, помѣшены отдѣльно въ концѣ этой части „Свода“.

Ред.

жокъ Гацука, въ Москвѣ. Такимъ путемъ мало по малу развилась смѣшанная изъ стараго и новаго поколѣнія партія украинофиловъ, имѣвшая первоначальною цѣлью распространеніе и утверженіе въ Малороссіи понятій особности, самостоятельности Украины, которая ни по характеру, ни по развитію ничего, будто-бы, общаго съ русскою землею не имѣетъ. Понятія эти распространялись руководителями партіи въ молодежи, которая уже проводила ихъ въ народъ путемъ разсказовъ изъ народнаго и деревенскаго быта и подъ предлогомъ, иногда же и дѣйствительно съ цѣлью обученія народа грамотѣ на мѣстномъ нарѣчьи.

Впослѣдствіи, именно въ 1874 г., партія эта по словамъ Веледницкаго, прониклась соціальными ученіями и хотя въ общихъ чертахъ сохранила прежній характеръ, но въ сущности утратила свою обособленность.

Изъ лицъ, находившихся въ близкихъ отношеніяхъ съ участниками партіи украинофиловъ, Веледницкій называетъ секретаря кievской военной гимназіи, титулярнаго совѣтника Василя Филипова Животовскаго, о которомъ ни Богославскій, ни другіе раскаявшіеся въ своихъ заблужденіяхъ, совершенно не упоминаютъ. Тѣмъ не менѣе, Животовскій и его жена извѣстны за лицъ съ противоправительственнымъ направленіемъ, находившихся въ близкомъ знакомствѣ со многими осужденными въ 1879 г. въ Кіевѣ. (1) Будучи знакомъ съ Животовскими; Веледницкій, по его словамъ, сошелся въ ихъ квартирѣ съ проживавшими въ Кіевѣ супругами Ковалевскими, изъ коихъ самъ Ковалевскій, Николай Васильевъ, бывший учитель кievской военной гимназіи, былъ сосланъ впослѣдствіи изъ Одессы въ Восточную Сибирь (2), а жена его, Марья Павловна, носившая въ революціонной средѣ имена «Маруся» и «Наташа», была приговорена судомъ въ 1879 г. къ ссылкѣ въ каторжныя работы за принадлежность къ преступному сообществу въ Кіевѣ, но до приведенія сего приговора въ исполненіе, успѣла скрыться и до сего времени еще не розыскана (3). По имѣющимся свѣдѣніямъ, Ковалевская играла болѣе видную и дѣятельную роль въ стремленіяхъ социалистовъ, нежели ея мужъ. Объ ней упоминаютъ почти всѣ сознавшіеся въ своихъ заблужденіяхъ. Такъ, Курицынъ указываетъ, что въ 1875 г., когда въ Кіевѣ образовался кружокъ, такъ называемыхъ, «бунтарей», во главѣ котораго стояли Стефановичъ и Дебогорій-Мокрѣвичъ, о которыхъ сказано будетъ ниже, Марія Ковалевская пріѣзжала изъ Кіева въ Харьковъ для переговоровъ съ харьковскими пропагандистами и склоненія ихъ къ принятію программы означеннаго кружка, но на сходкѣ потерпѣла положительную неудачу. Ключниковъ, который зналъ Ковалевскую въ Кіевѣ, подъ именами «Маруся» и «Наташа», въ своемъ показаніи подтверждаетъ близкую связь Ковалевской съ партіей «бунтарей», въ особенности съ Дебогоріемъ-Мокрѣвичемъ, съ которымъ она жила вмѣстѣ въ концѣ 1878 г. въ домѣ Вереденко, на Б. Васильковской ул. Наконецъ Гольденбергъ, упоминая о Ковалевской, съ которою онъ познакомился въ концѣ 1878 года въ Кіевѣ, говоритъ, что по убѣжденіямъ она принадлежитъ къ партіи «народниковъ», но также сочувственно относится и къ «террористамъ». Прежде, по сло-

вамъ Гольденберга, она пользовалась значеніемъ въ преступной средѣ, но впослѣдствіи таковое потеряла, вслѣдствіе своей бездѣятельности. Ковалевская, по словамъ Веледницкаго, имѣла сестру, дѣвицу Барышеву (4), посвященную въ тайны революціоннаго движенія. Она была стрижена, носила очки и вообще по внѣшности представлялась нигилисткой времени Чернышевскаго. О Барышевой упоминаетъ въ своемъ показаніи и Ключниковъ, называя ее «Лидіей», которая по его словамъ, жила 1878 г. у Костецкаго, имѣя при себѣ ребенка. Изъ имѣющихъ свѣдѣній видно, что Барышева скрылась изъ Кіева въ февралѣ 1879 г., послѣ задержанія сестры ея Ковалевской. Переѣхавъ въ 1879 г., согласно предложенію Ковалевскихъ, въ ихъ квартиру, въ домѣ Судакевича, по Жиланской ул., Веледницкій познакомился тамъ съ главными руководителями украинофильской партіи, которые устраивали въ квартирѣ Ковалевскихъ собранія членовъ этой партіи. По словамъ Веледницкаго и Богославскаго во главѣ организаціи украинофиловъ-соціалистовъ въ Кіевѣ стоялъ совѣтъ, носившій малороссійское названіе «громада» (мірской сходъ). Совѣтъ состоялъ изъ Драгоманова, Зибера, Волкова, Старицкаго, Чубинскаго, Беренштама, Цвѣтковскаго, Житецкаго, Михалевича, Антиповича, Антоновича, Лоначевскаго-Петруняки, Трегубова, Класовскаго, Виниченко, Русова, Шершавицкаго, Бѣлаго, Подолинскаго, и братьевъ Линтваревыхъ.

Изъ имѣющихся объ этихъ лицахъ свѣдѣній видно слѣдующее:

Драгомановъ, профессоръ, скрылся изъ Кіева (5) за границу и проживаетъ въ Женевѣ, основавъ тамъ на полученныя изъ Россіи денежныя средства, объ источникѣ которыхъ будетъ сказано ниже, типографію для печатанія книгъ революціоннаго содержанія, преимущественно на малороссійскомъ языкѣ, носившихъ названіе «метелики» (6) (мотыльки) и предназначенныхъ для распространенія въ народѣ.

Зибера тоже эмигрировалъ за-границу вмѣстѣ съ Драгомановымъ.

Волковъ, Федоръ Кондратьевъ, служившій въ 1874 г. въ Кіевской контрольной палатѣ, а впослѣдствіи занимавшійся частными уроками, предназначенъ былъ къ административной высылкѣ, но успѣлъ во время скрыться; жена же его выслана изъ Кіева на жительство подъ надзоръ полиціи въ Вятскую губернію (7). Этому Волкову отводится въ заявленіяхъ Веледницкаго и Богославскаго одно изъ видныхъ мѣстъ въ революціонной дѣятельности. По словамъ Веледницкаго, онъ былъ въ числѣ главныхъ руководителей партіи украинофиловъ еще въ 1873 г. и состоялъ въ собраніяхъ совѣта («громады»), въ качествѣ секретаря и докладчика (8), велъ какъ переписку по дѣламъ партіи съ представителями революціонныхъ сообществъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и съ политическими эмигрантами за-границей, такъ равно отчетность по продажѣ и распространенію книгъ революціоннаго содержанія. По словамъ Богославскаго, Волковъ принималъ непосредственное участіе въ устройствѣ Драгомановымъ въ Женевѣ революціонной типографіи, съ каковою цѣлью онъ, по вызову Драгоманова, ѣздилъ за-границу (9). Независимо отъ сего, Волковъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, содержалъ съ 1874 по

1876 годъ коммунистическую квартиру, которой далъ названіе «foyer radical» (10). Квартира эта, помѣщавшаяся одно время по Жиланской улицѣ, была по словамъ заявителей, питомникомъ нигилизма и посѣщалась усердно молодежью обоего пола. Во время этихъ собраний, Волковъ читалъ составленный имъ самимъ систематическій курсъ нигилистической естественной исторіи (11) по Фохту, Молешотту, Бюхнеру, Фейербаху и друг. сочиненіямъ, въ которыхъ доказывалось отсутствіе Бога и отрицалась святость вѣры, семьи и пр., а Зиберъ, о которомъ упомянуто выше, читалъ въ квартирѣ Волкова курсъ соціалистической политической экономіи по Карлу Марксу, сочиненіе котораго переведено имъ съ этою цѣлью на русскій языкъ (12). Такимъ образомъ, Волковъ представлялся помимо руководительства дѣлами кievскаго революціоннаго сообщества, носившаго названіе «старой громады», и однимъ изъ главныхъ развратителей кievской молодежи, объ участи которой въ революціонной средѣ будетъ сказано ниже. Вообще, Волковъ пользовался громадною популярностью въ преступной средѣ, какъ личность, не останавливавшаяся ни передъ какими средствами для достиженія революціонныхъ цѣлей. Такъ, дѣйствуя на молодежь развращающимъ образомъ, онъ въ то же время старался привлечь къ активной дѣятельности наиболѣе упорныхъ въ этомъ отношеніи посредствомъ воздѣйствія на ихъ самолюбіе. Съ этою специальною цѣлью имъ вмѣстѣ съ Драгомановымъ былъ сочиненъ «уставъ желтой интернаціоналки», въ которомъ выставлялись въ смѣшномъ видѣ люди, любящіе выдавать себя за либераловъ, но ничѣмъ либеральнымъ себя не заявившіе (13). Старицкій, Михаилъ Петровъ, дворянинъ, проживавшій въ Кіевѣ, занимался сухарнымъ дѣломъ во время войны, а жена его содержала воспитательное заведеніе, въ родѣ пансіона для дѣвицъ (14). Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что у нихъ произведенъ былъ въ 1878 г. обыскъ по дѣлу объ убійствѣ жандармскаго офицера барона Гейкинга, по поводу оставленнаго убійцею на мѣстѣ преступленія носоваго платка, на которомъ оказалась мѣтка, сходная съ мѣтками на бѣлѣхъ дѣтей Старицкихъ. Указывая на близкое участіе Старицкаго въ дѣлахъ общества «старая громада» въ Кіевѣ, Веледницкій не сопровождаетъ однако это указаніе никакими данными, которыя могли бы послужить основаніемъ къ опредѣленію свойства дѣятельности Старицкаго, Богославскій же въ своемъ показаніи указываетъ на Старицкаго, какъ на лицо, которое онъ встрѣчалъ въ квартирѣ Волкова и которое извѣстно ему за помѣщика Кіевской губерніи, переводившаго на малороссійскій языкъ разныя революціонныя сочиненія и нынѣ выбывшаго за-границу (15).

Чубинскій ¹⁾, Павелъ, служилъ на Городищенскомъ заводѣ, а до этого въ Каневскомъ уѣздѣ, на сахарномъ заводѣ Яхненки-Семиренки (16), высланнаго въ концѣ 1879 г., по распоряженію Кіевскаго генераль-губернатора, за принадлежность къ противу правительственной партіи, на жительство въ Восточную Сибирь. Чубинскій, по словамъ Веледницкаго, такъ же какъ и Волковъ, устраивалъ на своей квартирѣ, подъ видомъ вечеринокъ, сборища молодежи, преимуще-

¹⁾ Въ Полтавской губерніи, Переяславскаго уѣзда.

ственно студентовъ, съ которыми онъ велъ бесѣду политическаго содержания. Кромѣ того, благодаря знакомству своему съ коммерческими людьми и собственному участию въ промышленныхъ предпріятіяхъ, Чубинскій пристроилъ на разныхъ заводахъ нѣсколько пропагандистовъ съ преступною цѣлью. Вообще, по отзыву Богославскаго, Чубинскій игралъ видную роль въ революціонной дѣятельности и, между прочимъ, участвовалъ въ инициативѣ устройства женевской типографіи и въ денежномъ пособіи на революціонное дѣло. По словамъ того же Богославскаго, Чубинскій извѣстенъ своими малоросійскими пѣснями, которая пѣлись собиравшеюся у него на вечерѣ молодежи (17).

Беренштамъ, Вильямъ, статскій совѣтникъ, учитель кievской военной гимназіи, квартирующій нынѣ, по словамъ Богославскаго, въ Кіевѣ, на Бибииковскомъ бульварѣ, а по другимъ свѣдѣніямъ состоящій теперь преподавателемъ въ Псковской военной гимназіи, носилъ въ революціонной средѣ прозвище «Велинка» (18), и «Вилька». Онъ былъ казначеемъ «старой громады» и независимо отъ сего пропагандировалъ противно-правительственныя идеи между молодежью на различныхъ собраніяхъ, устраивавшихся какъ въ его квартирѣ такъ и у другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ революціонной средѣ. Въ квартирѣ его по словамъ Богославскаго, хранились книги революціоннаго содержания, а самъ Беренштамъ принималъ дѣятельное участіе какъ въ инициативѣ устройства женевской типографіи и въ выпускѣ революціоннаго журнала «Громада», такъ и въ поддержаніи существованія этой типографіи, равно въ пособіяхъ разнымъ революціоннымъ дѣтелямъ.

Цвѣтковскій, ¹⁾ преподаватель Кіевской военной гимназіи, принималъ не менѣе дѣятельное участіе, какъ въ пропагандѣ преступныхъ идей между молодежью, которая съ этою цѣлью собиралась въ его квартирѣ, такъ равно въ достиженіи цѣли украинофиловъ-соціалистовъ. Такъ, по словамъ Богославскаго, Цвѣтковскій участвовалъ въ денежныхъ пособіяхъ на приготовленіе къ Чигиринскому бунту (19) и на устройство революціонной типографіи въ Женевѣ; кромѣ того, на квартирѣ его собирался иногда совѣтъ «громады», а по отъѣздѣ въ 1876 г. Волкова за-границу для устройства дѣлъ типографіи, о чемъ уже упомянуто было выше, у Цвѣтковскаго сохранялось его имущество.

Житецкій ²⁾ Павелъ, преподаватель словесности въ кievской военной гимназіи, хотя и занималъ видное положеніе въ дѣятельности названнаго сообщества, но, по словамъ Богославскаго, держалъ себя крайне осторожно, въ особенности въ отношеніи молодежи, и воздерживался отъ распространенія запрещенныхъ книгъ. Тѣмъ не менѣе, въ квартирѣ его также происходили собранія «громады». Кромѣ сего, Богославскій указываетъ на близкія сношенія Житецкаго съ Волковымъ, такъ что по отъѣздѣ послѣдняго за границу, когда онъ, Богославскій, остался безъ квартиры и средствъ къ жизни, Житецкій помогъ ему, по рекомендаціи Волкова, необходимыми средствами къ существованію.

¹⁾ Отъ должности уволенъ, но гдѣ находится неизвѣстно (20).

²⁾ Высланъ въ Вятскую губернію (21).

Михалевичъ, ¹⁾ Афанасій, докторъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, часто прїѣзжалъ въ Кіевъ и, останавливаясь у Волкова или у Беренштама, а въ послѣднее время у Федора Виниченко, о которомъ будетъ упомянуто ниже, постоянно участвовалъ въ собраніяхъ «старой громады» и помогалъ обществу своими средствами.

Антиповичъ, помѣщикъ Кіевской губервіи, по объясненію Богославскаго, постоянно живетъ въ Кіевѣ и принималъ, насколько ему извѣстно, самое близкое участіе въ дѣлахъ общества украинофиловъ-соціалистовъ. Такъ, онъ присутствовалъ на собраніяхъ совѣта «старой громады», участвовалъ въ инициативѣ устройства революціонной типографіи въ Женевѣ, а также въ денежной помощи Драгоманову. Кроме сего, Богославскій указываетъ, что по инициативѣ Антиповича, отправилось въ Елисаветградскій уѣздъ для распространенія пропаганды между шдундистами одно лицо, извѣстное въ революціонной средѣ подъ фамилією Терапольскаго, онъ же Галушкинъ и Гаевскій, который получилъ отъ Антиповича какъ денежныя средства на этотъ предметъ, такъ и революціонныя книги для распространенія. Наконецъ, Антиповичъ проектировалъ также устройство для революціонныхъ цѣлей колоніи, но мысль эта осталась невыполненною.

Антоновичъ, Владиміръ, профессоръ Кіевскаго университета, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, къ числу неимущихъ членовъ общества «громады», а потому участіе его въ дѣлахъ совѣта ограничивалось лишь содѣйствіемъ въ разрѣшеніи возникавшихъ вопросовъ. Относительно профессора Антоновича, а также упомянутыхъ выше преподавателей Кіевской военной гимназіи Житецкаго и Беренштама, показываетъ Курицынъ слѣдующее: когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался съѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли, по словамъ Курицына, черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ черниговскаго земства Ланденъ или Линдесъ, (22) то на бывшей по этому поводу сходкѣ, изъ представителей разныхъ соціально-революціонныхъ партій и украинофиловъ, присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Беренштамъ, явившіеся въ качествѣ представителей украинофиловъ, съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи (23).

Лоначевскій-Петруняка, Александръ, начальникъ ремесленнаго училища въ селѣ Дехтяры, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи, извѣстенъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, за распространителя преступной пропаганды между учащеюся молодежью. Независимо отъ сего, онъ принималъ матеріальное участіе въ дѣлахъ общества украинофиловъ-соціалистовъ, равно въ дѣлѣ Чигиринскаго бунта (24). Лоначевскій-Петруняка имѣетъ брата Тимофѣя, служащаго лаборантомъ при технической лабораторіи Кіевскаго университета.

Трегубовъ ¹⁾, служившій, по словамъ Богославскаго, въ коллегіи Павла Галагана также участвовалъ и продолжаетъ участвовать въ по-

¹⁾ Умеръ.

собі на революціонное дѣло. У него, по указанію того же Богославскаго, хранилась писанная программа «громады».

Класовскій, учитель гимназіи, участвовалъ, по заявленію Богославскаго, какъ въ собраніяхъ совѣта «громады», такъ равно и въ пособіяхъ эмигранту Драгоманову (25).

Виниченко, Федоръ, бывшій студентъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, а нынѣ военный докторъ (26), принадлежалъ, по словамъ Веледницкаго, всецѣло дѣлу украинофиловъ-соціалистовъ и стоялъ во главѣ кружка рабочихъ (около 10 человекъ), занимавшихся пропагандою. По словамъ того же Веледницкаго, Виниченко былъ заграницею, а затѣмъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ участвовалъ въ манифестаціи у Казанскаго Собора; впослѣдствіи же уѣхалъ на службу въ полкъ, расположенный на Кавказѣ, откуда пріѣзжалъ въ Кіевъ, скрываясь подъ чужою фамиліею. По заявленію Богославскаго, Виниченко участвовалъ въ тайныхъ собраніяхъ «громады», равно въ инициативѣ устройства революціонной типографіи въ Женевѣ; квартира его, помѣщавшаяся, во время проживанія Виниченко въ Кіевѣ, въ домѣ Ваховскаго, по М. Васильковской улицѣ, представляла собою сборный пунктъ, гдѣ стекались какъ пріѣзжіе революціонеры, такъ равно и кіевскіе рабочіе; самъ Виниченко помогалъ пропагандистамъ въ денежныхъ средствахъ, которыя онъ получалъ отъ совѣта «старыхъ громадянъ», распространялъ между рабочими книги противоположительнаго содержания, которыя читалъ и разъяснял имъ вслухъ въ своей квартирѣ, а также занимался инициаторскою дѣятельностью, клонившейся къ достиженію преступныхъ цѣлей. Такъ, по отзыву Богославскаго, Виниченко участвовалъ въ дѣлѣ отправленія за границу на средства общества «старыхъ громадянъ» рабочаго Разумова, о которомъ сказано будетъ ниже (27), который, получивъ тамъ техническое образование, возвратился въ Кіевъ и на тѣ же средства открылъ рабочую ассоціацію, съ цѣлью распространенія пропаганды. По отзыву того же Богославскаго, Виниченко заступилъ на собраніяхъ совѣта «громадянъ» мѣсто Волкова по отъѣздѣ послѣдняго въ 1876 г. за границу, о чемъ упомянуто было выше, т. е. сталъ во главѣ этого сообщества (28). Наконецъ по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, Виниченку принадлежали, вмѣстѣ съ Волковымъ, какъ мысль, такъ равно и планъ побѣга изъ подъ стражи, обвинявшихся въ пропагандѣ Толчаевскаго, Ляхоцкаго и Гордѣева, о которыхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ ниже. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что означенныя лица дѣйствительно бѣжали въ 1876 годъ, изъ полицейскихъ домовъ въ г. Кіевѣ (29), причемъ Гордѣевъ былъ въ 1879 году пойманъ и высланъ на жительство въ Архангельскую губернію. У Виниченка есть братъ Николай, также бывшій студентъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, который, какъ это видно изъ показаній Веледницкаго, хотя и посѣщалъ квартиру брата Федора Виниченко и не могъ не замѣтить происходившаго тамъ, равно не знать о преступной дѣятельности послѣдняго, но принималъ ли онъ самъ какое-либо участіе въ противоположительственной агитаціи и если принималъ, то въ чемъ участіе это проявлялось, неизвѣстно.

Русовъ участвовалъ, по словамъ Богославскаго, въ редакціи ре-

волюціоннаго журнала «Громада» и былъ иниціаторомъ типографіи въ Женевѣ. Отличался приверженностью къ дѣлу пропаганды и поддержаніемъ въ другихъ энергіи въ преслѣдованіи преступныхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, по словамъ Богославскаго, онъ имѣлъ большое вліяніе на дѣятельность вышеупомянутаго Волкова (30).

Шершавицкій, докторъ, дѣятельность котораго, по словамъ Богославскаго, находится въ связи съ дѣятельностью упомянутаго выше Федора Виниченка. Ему же принадлежитъ мысль устройства ассоціаціи рабочихъ для распространенія революціонной пропаганды, что и приведено было въ исполненіе при помощи Виниченка, черезъ рабочаго Разумова.

Науменко, учитель Кіевской гимназіи, участвовалъ, по заявленію Богославскаго, какъ въ собраніяхъ «громады», такъ и въ денежныхъ пособіяхъ лицамъ революціонной среды, а также на производство Чигиринскаго бунта; поддерживалъ и продолжаетъ поддерживать Драгоманова и основанную имъ въ Женевѣ революціонную типографію; въ квартирѣ его хранились книги преступнаго содержанія. Бѣлый ¹⁾, докторъ, жилъ въ Миргородскомъ уѣздѣ и принималъ, по словамъ Богославскаго, близкое участіе въ дѣятельности украинофиловъ-соціалистовъ, распространяя книги революціоннаго содержанія преимущественно между крестьянами той мѣстности, гдѣ онъ самъ проживалъ.

Подолинскій ²⁾, сынъ Кіевскаго помѣщика, также принималъ участіе въ занятіяхъ кружка «громады». Къ этому Богославскій добавляетъ, что въ квартирѣ Подолинскаго былъ устроенъ складъ запрещенныхъ книгъ, гдѣ скрывался послѣ упомянутаго выше побѣга изъ-подъ стражи Савва Топчаевскій, въ настоящее же время, по слухамъ, Подолинскій находится, будто бы, въ состояніи разстройства умственныхъ способностей (31). Линтваревы ³⁾, помѣщики Черниговской губерніи, принадлежали, по заявленію Богославскаго, къ кіевской партіи «старая громада» и участвовали въ пособіяхъ лицамъ революціонной среды и на поддержаніе типографіи Драгоманова въ Женевѣ. Изъ трехъ братьевъ Линтваревыхъ, одинъ носившій прозвище «бабушка», чаще другихъ пріѣзжалъ въ Кіевъ по дѣламъ означеннаго революціоннаго кружка и участвовалъ въ тайныхъ собраніяхъ «громады» (32).

Кромѣ упомянутыхъ выше лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ «громады» и поддерживавшихъ какъ своимъ вліяніемъ, такъ въ особенности матеріальными средствами существованіе этого кружка, къ послѣднему, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, принадлежали, содѣйствуя болѣе или менѣе усиленно въ осуществленіи его цѣлей, еще слѣдующія лица:

Троцкій, Николай Ивановичъ, присяжный повѣренный Полтавскаго окружнаго суда, который, по словамъ Богославскаго, принадлежа самъ къ кіевскому кружку «старыхъ громадянъ», образовалъ въ Полтавѣ, подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ, особый мѣстный революціонный кружокъ украинофиловъ-соціалистовъ. Въ составѣ

¹⁾ Сосланъ въ Восточную Сибирь.

²⁾ Гдѣ находится, неизвѣстно.

³⁾ Гдѣ находится, неизвѣстно.

этого кружка Богославскій называетъ бывшихъ учениковъ полтавской гимназіи: Стеблинъ-Каменскаго—впослѣдствіи осужденнаго за пропаганду, Сажина—высланнаго изъ Полтавы административнымъ порядкомъ; Яцевича—также осужденнаго; Хохула—нынѣ студента Кіевскаго университета; Марченко—живущаго въ настоящее время у родныхъ своихъ, въ Полтавской губерніи, который, еще въ бытность его въ гимназіи, былъ, по словамъ Богославскаго, подвергнутъ аресту за распространеніе книгъ революціоннаго содержанія; Остапенко—впослѣдствіи умершаго; Синькевича и Стефана Оголевца—высланнаго административнымъ порядкомъ на службу въ Восточную Сибирь (33) въ качествѣ фельдшерскаго ученика, который до этого, для ознакомленія съ кіевскими пропагандистами, ѣздилъ на средства Троцкаго въ Кіевъ и жилъ тамъ, по рекомендаціи послѣдняго, въ квартирѣ Волкова. Въ связи съ Троцкимъ, въ числѣ главныхъ дѣятелей въ кружкѣ пропагандистовъ, въ Полтавѣ, находились: Григорашъ, онъ же Середенко, извѣстный подъ названіемъ Петербургскаго радикала, служившій агентомъ въ страховомъ обществѣ, а до этого бывший преподавателемъ въ полтавской военной гимназіи, который, впрочемъ, скрывалъ принадлежность свою къ полтавскому кружку, и чиновникъ мѣстнаго окружнаго суда, Кочура, который впослѣдствіи, по словамъ Богославскаго, выѣхалъ изъ Полтавы и проживаетъ въ собственномъ имѣніи, близъ Диканьки, Полтавскаго уѣзда. Эти руководители Полтавскаго революціоннаго кружка пропагандировали также среди учениковъ Полтавской семинаріи, изъ числа коихъ въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, особенно ревностно читали революціонныя книги, которыми снабжали ихъ упомянутыя лица, слѣдующіе семинаристы: Евгеній Рекало, Николай Савлучинскій, Иларіонъ Гиренко, Викторъ Лебединскій, Иванъ Высоцкій, Симоновичъ, Михайлъ Киріевъ, Дубровъ, распространявшій впослѣдствіи запрещенныя книги между крестьянами деревни Рыбцы, Полтавскаго уѣзда, и Павелъ Падалка, изъ коихъ первый—именно Рекало находится нынѣ въ Одесскомъ университетѣ, а послѣдній—Падалка—въ Кіевской духовной академіи; остальные же въ Харьковскомъ университетѣ въ числѣ студентовъ но изъ нихъ Савлучинскій—въ послѣднее время подвергся административной высылкѣ. Кромѣ этихъ лицъ въ числѣ послѣдователей Троцкаго, Григораша и Кочуры были: семинаристъ Афанасій Погибко, который живетъ въ настоящее время въ имѣніи своего отца, селѣ Погибкѣ, Полтавской губерніи, гдѣ Афанасій Погибко распространялъ между крестьянами книжки революціоннаго содержанія, Чепурковскій—бывшій студентъ Кіевскаго университета, высланный въ Полтавскую губернію за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ, который также распространялъ книги революціоннаго содержанія между учениками Полтавской семинаріи, изъ коихъ находящіяся и нынѣ въ семинаріи Левицкій и Щитковскій, въ присутствіи Богославскаго, получили отъ Чепурковскаго книги «Хитрую Механику» и «Четыре Странника», и, наконецъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета Стефанъ Гордѣнко, находившійся въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ полтавскаго кружка Троцкимъ.

Независимо отъ распространенія революціонныхъ книгъ между

учащеюся молодежи, названные дѣтели полтавскаго революціоннаго кружка пропагандировали, по словамъ Богославскаго, также и въ рабочей средѣ. Такъ изъ показаній Богославскаго видно, что онъ встрѣчалъ у Троцкаго сапожника, называвшагося Каленикъ и проживающаго на Подолѣ, который, говорятъ, уже привлекался къ дознанію о пропагандѣ, затѣмъ слесаря, также проживавшаго на Подолѣ и, наконецъ, одного крестьянина, который получилъ отъ Троцкаго для распространенія книги революціоннаго содержанія. Засимъ Богославскій указываетъ на токарную мастерскую Жученко, на Полтавскомъ вокзалѣ, гдѣ принимались рабочіе по рекомендаціи Григораша. Такимъ образомъ, Троцкій, состоя руководителемъ отдѣльнаго революціоннаго кружка въ Полтавѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ принадлежалъ кievскому сообществу «старыхъ громадянъ», состоя въ близкихъ сношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ этого сообщества Волковымъ, о которомъ упомянуто выше. При этомъ Богославскій указываетъ, что Троцкій пользовался большимъ вліяніемъ у Волкова, доказывая это тѣмъ, что по рекомендаціи его, Троцкаго, Волковъ далъ у себя безвозмездный пріютъ сперва Оголевцу, а затѣмъ и ему, Богославскому, причемъ, по словамъ послѣдняго, Троцкій имѣлъ рекомендательныя письма на какихъ-то бланкахъ, снабженныхъ красными печатями. Въ концѣ іюля 1879 г. Троцкій, по словамъ Богославскаго, пріѣзжалъ въ Кіевъ, послѣ чего уѣхалъ за-границу въ Женеву (34).

Кромѣ Троцкаго, дѣятельность котораго разсмотрѣна въ связи съ существованіемъ отдѣльнаго революціоннаго кружка въ Полтавѣ, Богославскій указываетъ на слѣдующихъ лицъ, игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ дѣйствіяхъ кievскаго сообщества «старая громада».

Домонтовича, помѣщика Полтавской губ., Кременчугскаго уѣзда, который въ Кіевѣ не жилъ, но часто пріѣзжалъ и бралъ съ собою революціонныя книги. Онъ по словамъ Богославскаго, давалъ денежные средства на революціонное дѣло, и женатъ на Варварѣ Столица, которая также принадлежала къ преступному сообществу и съ революціонною цѣлью неоднократно посѣщала коммунистическую квартиру Волкова.

Щитинскаго, помѣщика Полтавской губерніи. Дѣятельность его въ запискахъ Веледницкаго и Богославскаго не выяснена; тѣмъ не менѣе онъ указанъ послѣднимъ въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ руководителей дѣла.

Яновскаго, помѣщика Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда, состоящаго, по слухамъ, въ должности мирового посредника. Дѣятельность Яновскаго въ революціонной средѣ Богославскій опредѣляетъ участіемъ его въ денежномъ пособіи на потребности кievскаго сообщества «громады» (18) и въ особенности на поддержаніе Драгоманова и женевской типографіи. Вообще по отзыву Богославскаго, Яновскій былъ приверженъ дѣлу украинофиловъ социалистовъ и не жалѣлъ для него своихъ средствъ. Такъ, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Антиповичемъ въ отправленіи упомянутаго выше Терапольскаго, онъ же Галушкинъ, въ Елисаветградскій уѣздъ для пропаганды между штун-

дистами. Онъ же по словамъ Богославскаго, скрываль у себя революціоннаго дѣятеля Басова, о которомъ будетъ сказано ниже, и далъ ему средства бѣжать за границу ¹⁾.

Вербицкаго ¹⁾ родного брата студента Кіевскаго университета, имени и званія котораго не указывается, равно не опредѣляется и его дѣятельность.

Ильницкаго, Луку, содержателя бібліотеки для чтенія и книжнаго магазина и комисіонера университета Св. Владиміра, который фигурировалъ въ дѣлѣ Богдановича и Паночини и участвовалъ, по словамъ Богославскаго, въ собраніяхъ «громады», равно хранилъ у себя въ бібліотекѣ изъятія изъ обращенія книги, что подтверждаетъ и Веледницкій, высказывающій притомъ предположеніе, что при посредствѣ университета, Ильницкій имѣлъ возможность получать изъ заграници разныя запрещенныя изданія, въ томъ числѣ произведенія революціонной типографіи въ Женевѣ, основанной Драгомановымъ на средства общества «Громада». Съ своей стороны, Богославскій какъ бы подтверждаетъ предположеніе Веледницкаго, заявивъ тотъ фактъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ продажи Ильницкимъ въ своемъ магазинѣ розыскиваемомуся социалисту Кацу запрещеннаго изданія Шевченки (2 томъ его сочиненій), которое отпечатано за границей и заключаетъ въ себѣ статью, излагающую порядокъ производства вооруженной революціи въ Украинѣ. Книга эта служитъ въ средѣ украинофиловъ-соціалистовъ какъ бы катехизисомъ (35). Ильницкій, по отзывамъ Веледницкаго и Богославскаго, находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Волковымъ, которые въ присутствіи другихъ, даже посвященныхъ въ тайны революціоннаго дѣла, постоянно говорили между собою шепотомъ, изъ чего они заключаютъ о важномъ значеніи Ильницкаго въ этой средѣ.

Конискаго, ¹⁾ Михаила или Митрофана, по словамъ Богославскаго, также участвовавшего въ собраніяхъ «громады», засѣданія которой происходили иногда и въ его квартирѣ (36).

Такимъ образомъ, упомянутыя выше лица, принимая болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ кіевскаго украинофильскаго-соціального общества, носившаго названіе «Старая Громада», поддерживали всѣми находившимися въ ихъ распоряженіи средствами существованіе этого сообщества. Но кромѣ этихъ лицъ, принимавшихъ такъ сказать непосредственное участіе въ дѣятельности общества, существуетъ, по словамъ Богославскаго, получившаго эти свѣдѣнія отъ упомянутого выше Троцкаго, еще болѣе существенная поддержка со стороны такихъ сочленовъ этого кружка, имена которыхъ сохраняются въ большой тайнѣ. Эти тайные члены кружка преимущественно старики-помѣщики и лица съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, сочувствуя стремленіямъ и задачамъ кружка, содѣйствуютъ осуществленію его цѣлей какъ денежными средствами, такъ равно своими умственными силами, связями и протекціей. Лица эти, будучи сами украинцами, оказываютъ помощь лишь обществу украинофи-

¹⁾ Гдѣ находится, неизвѣстно.

²⁾ Гдѣ находится, неизвѣстно.

ловъ; прежде они были только націоналистами, но съ переходомъ дѣятельности этого общества на социальную почву, сдѣлались также социалистами. Какъ упомянутые выше, такъ и тайные члены этого сообщества признаютъ однимъ изъ лучшихъ средствъ распространеніе въ Украинѣ книгъ революціоннаго содержанія на малороссійскомъ языкѣ, а потому всѣми силами стараются поддерживать какъ существованіе революціонной типографіи, устроенной въ Женевѣ Драгомановымъ, такъ и лицъ, отдавшихъ революціонному дѣлу. Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній видно, что всѣ упомянутыя лица, участвующія въ дѣятельности общества «Старая Громада», за немногимъ исключеніемъ, жертвуютъ своими матеріальными средствами. О размѣрахъ этихъ средствъ можно вывести только приблизительное заключеніе по приведеннымъ Богославскимъ, повидимому, достовернымъ, хотя и далеко не полнымъ даннымъ. Такъ ему извѣстно, что до минувшей войны, Драгоманову было ассигнованно 1500 р. ежегодно, а во время и послѣ войны общество отпускаетъ ему на революціонную типографію 3000 р.; Волковъ получалъ и получаетъ 1500 р. ежегодно, женѣ его дано было передъ высылкою изъ Кіева—1500 р. Иродіону Житецкому, о которомъ упомянуто будетъ ниже, высылается въ мѣсто ссылки его по 50 р. въ мѣсяць; засимъ Владиміру Мокріевичу дано было 1500 р. на приготовленіе къ бунту въ Чигиринскомъ уѣздѣ (37), въ чемъ онъ однако не успѣлъ и вслѣдствіе того подвергся неудовольствію со стороны общества. Но независимо отъ всего изложеннаго кіевское сообщество украинофиловъ-соціалистовъ представлялось относительно болѣе сильнымъ и распространеннымъ, чѣмъ другія ему подобныя сообщества въ другихъ мѣстностяхъ Россіи тѣмъ, что въ числѣ руководителей его стояло большое число лицъ, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на учащуюся молодежь; между этими лицами были даже профессора университета и воспитатели въ военныхъ гимназіяхъ.

Благодаря всему этому, а также упомянутому выше развращающему вліянію членовъ общества «Старой Громады», выросъ и окрѣпъ кіевскій революціонный кружокъ, носившій въ отличіе отъ перваго, названіе «молодежи», который подраздѣлялся, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, на «коши», «курени», и «цвѣтники» (38). Характеръ дѣятельности этого кружка «молодежи» и его подраздѣленій былъ тождественный съ тѣмъ, на который уже указано было выше въ отношеніи сообщества «Старая Громада», съ тою разницею, что кружокъ «молодежи», являясь, такъ сказать, исполнителемъ предначертаній совѣта «Старой Громады», игралъ активную роль, приходя въ непосредственное прикосновеніе съ народомъ.

II.

Связующимъ звеномъ между кружкомъ «Старой Громады» и кружкомъ «молодежи» представлялся упомянутый выше Волковъ, а по отъѣздѣ его за границу, мѣсто его заступилъ Федоръ Виниченко, на дѣятельность котораго также указано выше. Всѣ принадлежавшіе къ моло-

дому кружку сходились въ клубѣ, помѣщавшемся въ одномъ изъ домовъ на Подолѣ (39). Кромѣ сего большинство ихъ посѣщало квартиру Волкова, которая являлась какъ бы сборнымъ мѣстомъ. Такъ, по отзыву Богославскаго, его часто посѣщали до 1 сентября 1876 г.: сестра Николая Колодкевича, о дѣятельности котораго будетъ сказано ниже, и акушерка Горенштейнъ, проживающая на Б. Васильковской улицѣ, въ д. Горенштейнъ, гдѣ въ 1877 г. была столовая упоминаемой ниже Лукіи, засимъ лица, принадлежавшія къ компаніи «Короткевича», получившія это названіе отъ фамиліи студента Короткевича, который въ 1874 и 1875 годахъ содержалъ въ Кіевѣ, на Жиланской улицѣ, студенческую квартиру (40), а именно: бывшій студентъ юридическаго факультета кіевского университета Кольчевскій, находящійся нынѣ въ Тифлисѣ мировымъ посредникомъ, бывшій студентъ кіевского университета, а нынѣ земскій врачъ въ черниговской губерніи Волькенштейнъ, который проявилъ въ послѣдствіи свою дѣятельность въ означенной губерніи и о которомъ будетъ сказано ниже, при разсмотрѣніи дѣятельности черниговскаго революціоннаго общества, Фольницкій (41), военный врачъ; Голынскій, тоже военный врачъ, служащій нынѣ въ Кременчугѣ; два брата Черепяхиныхъ, изъ коихъ одинъ Василій живетъ въ собственномъ имѣніи, въ кременчугскомъ уѣздѣ, а другой—Александръ, по словамъ Богославскаго, арестованъ въ Австріи за распространеніе книгъ революціоннаго содержанія; и земскій врачъ Бирскій. Засимъ Тессенъ, служащій нынѣ земскимъ врачомъ въ селѣ Санжарахъ, полтавскаго уѣзда, который считался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ партіи украинофиловъ и въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, ѣздилъ за границу для перевоза въ Россію книгъ революціоннаго содержанія, но выполнить это порученіе украинофиловъ ему не удалось вслѣдствіе того, что, благодаря плохимъ рекомендаціямъ, полученнымъ имъ изъ Кіева, его приняли за границей за правительственнаго агента и въ выдачѣ книгъ отказали. Тессенъ въ послѣдствіи женился на Маріи Тризна, съ которою онъ встрѣчался въ той же квартирѣ Волкова. Галицкій, студентъ кіевского университета, проживающій и нынѣ въ Кіевѣ, Богдановъ, назвавшійся Хмѣльницкимъ (42), находящійся въ настоящее время въ числѣ студентовъ кіевского университета на естественномъ факультетѣ; Марія Маркевичъ—въ послѣдствіи отравившаяся; Надежда Иванова—учительница въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, Гапка Ищенко; какой-то ученикъ императорской академіи художествъ, и, наконецъ, рабочіе кіевского желѣзнодорожнаго вокзала: Петръ Лобанчукъ, Стефанъ Бѣликъ и Амвросій Трюшковскій, также привлеченные Волковымъ къ дѣлу въ качествѣ пропагандистовъ.

Въ отношеніи названныхъ рабочихъ, какъ Веледницкій, такъ и Богославскій, дали довольно подробное указаніе, причемъ они представляются имѣющими довольно важное значеніе въ кіевскомъ революціонномъ обществѣ. Изъ нихъ обращаетъ на себя особенное вниманіе Лобанчукъ. Съ нимъ Волковъ находился въ весьма близкихъ сношеніяхъ, причемъ бесѣды ихъ почти всегда происходили въ отдѣльной комнатѣ, безъ свидѣтелей. Этотъ Лобанчукъ, по ремеслу слесарь, настоящая фамилія котораго Гудзь, Петръ Федоровъ, по

имѣющимся свѣдѣніямъ, розыскивается по дѣлу о покушеніи на ограбленіе почты и денежнаго ящика Курскаго полка. Онъ, по показанію Веледническаго, принадлежалъ къ числу самыхъ интеллигентныхъ и развитыхъ рабочихъ, пропагандой занимался давно и вообще пользовался большимъ уваженіемъ среди пропагандистовъ. По словамъ Веледническаго, Гудзь участвовалъ въ Одессѣ въ вооруженномъ сопротивленіи по поводу исторіи Ковальскаго, причемъ получилъ легкую царапину штыкомъ на правой рукѣ, засимъ принималъ участіе въ освобожденіи изъ подъ стражи, по плану Волкова и Виниченки, содержавшихся въ Кіевѣ по обвиненію въ преступной пропагандѣ Топчаевскаго, Ляхоцкаго и Гордѣева, о чемъ уже было упомянуто выше. По показанію Веледническаго, основанному на рассказахъ Гудзя, послѣдній ѣздилъ неоднократно на границу, для провоза запрещенныхъ книгъ; въ семь ему оказывало содѣйствіе одно лицо, проживавшее въ должности учителя, недалеко отъ границы, фамилии котораго хотя Веледничкій и не называлъ, но судя по тому, что за это лицо, какъ объясняетъ Веледничкій, вышла впоследствии замужъ извѣстная въ революціонной средѣ Смирницкая, можно заключить, что лицо, о которомъ говорилъ Веледническому Гудзь, былъ никто иной, какъ Федоръ Зенченко, бывший народный учитель, розыскиваемый циркуляромъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 17 ноября 1879 г., № 2429. Кромѣ того, изъ показаній Веледническаго и Богославскаго, который жилъ съ Лобанчукъ на одной квартирѣ, видно, что однажды Лобанчукъ принялъ отъ воровъ-бунтарей, послѣ ограбленія ими въ Кіевѣ ювелира, похищенныя у послѣдняго золотыя и серебряныя вещи, вслѣдствіе чего онъ едва не попалъ въ руки полиціи. Наконецъ, изъ показанія Веледническаго видно, что въ квартирѣ Гудзя (онъ же Лобанчукъ) происходили неоднократно сходки для революціонныхъ цѣлей, причемъ находились и рабочіе, изъ числа коихъ, называя одного Платономъ—по ремеслу переплетчикъ,—Веледничкій высказываетъ предположеніе, что тотъ Платонъ есть, по всей вѣроятности, тотъ самый Платонъ Горскій, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, былъ казненъ въ Кіевѣ по приговору военно-окружнаго суда. Въ отношеніи Платона, Богославскій въ своемъ показаніи говоритъ, не называя, впрочемъ, его фамиліи, что онъ познакомился съ этимъ рабочимъ въ квартирѣ Виниченко, и что Платонъ участвовалъ въ Житомирскомъ дѣлѣ. Кромѣ сего, на Лобанчука (Гудзя) указываетъ и матросъ Ключниковъ въ своемъ показаніи, какъ на одного изъ соучастниковъ въ дѣлѣ покушенія на ограбленіе почты. Лобанчукъ былъ извѣстенъ Ключникову подъ именемъ «Петра». За симъ, относительно упомянутаго выше рабочаго Амвросія Трюшковскаго имѣется свѣдѣніе изъ показанія Веледническаго, что Трюшковскій, впоследствии высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, принадлежалъ къ числу рабочихъ мастерской Разумова, который, какъ уже сказано выше, ѣздилъ за границу и, получивъ тамъ техническое образованіе, возвратился въ Кіевъ для устройства рабочей ассоціаціи съ преступною цѣлью. Кромѣ того, изъ числа рабочихъ мастерской Разумова, по словамъ Веледническаго, обращаютъ на себя вниманіе Артемъ и Николай, настоящая фамилія

котораго Баумъ. Этотъ Николай Баумъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ казненнымъ Бѣльчанскимъ и ѣздилъ съ нимъ, до арестованія послѣдняго, для пропаганды въ Самарскую губернію. Засимъ, Веледницкій и Богославскій называютъ еще двухъ рабочихъ, изъ числа участвовавшихъ въ революціонной дѣятельности: переплетчика Алексѣя Хрущова, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, подлежалъ административной высылкѣ изъ Кіева, но не былъ розысканъ, и Федора Предтеченскаго, родомъ изъ Каменецъ-Подольска, настоящее имя котораго, по словамъ Богославскаго, Николай, а настоящую фамилію его—не помнитъ. Означенный Хрущовъ, который, какъ изъ показаній Богославскаго видно, служилъ при кіевской военной типографіи и еще въ 1876 г. былъ по убѣжденіямъ революціонеръ и, сойдясь съ упомянутымъ выше Федоромъ Виниченко, сталъ распространять между рабочими полученныя отъ послѣдняго книги революціоннаго содержанія. Въ 1877 г. онъ принадлежалъ къ кружку Ивана Басова и другихъ, о которыхъ упомянуто будетъ ниже, но пробылъ въ немъ не долго, вслѣдствіе болтливости своей, за которую Хрущовъ былъ исключенъ изъ кружка. Затѣмъ онъ уѣзжалъ въ Полтаву и Харьковъ, гдѣ, по его рассказамъ Богославскому, сошелся съ студентами, которые предлагали ему завести въ Харьковѣ переплетную ассоціацію, а въ 1878 году снова вернулся въ Кіевъ. Что касается Предтеченскаго (онъ же Николай), то, по словамъ Богославскаго, лицо это работало прежде въ Одессѣ и привлекалось къ дѣлу Заславскаго, но успѣло скрыться; послѣ того Предтеченскій служилъ въ слесарной мастерской въ Полтавскомъ вокзалѣ, откуда, послѣ произведеннаго у него обыска, уѣхалъ въ Харьковъ и затѣмъ уже въ началѣ 1878 г. прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Зубжицкимъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Въ Кіевѣ онъ работалъ на заводѣ Донато, на Звѣринцѣ, вмѣстѣ съ рабочимъ Антономъ Серпинскимъ, который прибылъ изъ Ростова и также принадлежалъ къ революціонной партіи; въ настоящее же время, по слухамъ, работаетъ на шахтахъ, близъ Одессы. Засимъ, по словамъ Богославскаго, Предтеченскій служилъ на Виленскомъ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ, гдѣ склонилъ къ революціонной дѣятельности молодого рабочаго, французскаго поданнаго Доллера, а въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1879 г. возвратился въ Кіевъ и прожилъ тамъ вмѣстѣ съ Богославскимъ до самаго ареста его. Въ это время онъ встрѣтился съ прежними товарищами своими по процессу Заславскаго, Сергѣемъ Наддачинимъ и «Ванюшкой», которые начали уговаривать его принять участіе въ пироксилинномъ дѣлѣ съ цѣлью приготовления разрывныхъ снарядовъ; въ чемъ, повидимому, вполне успѣли, такъ какъ съ этого времени Предтеченскій совершенно отдался революціонному дѣлу. Кромѣ сего, по сознанію самаго Предтеченскаго, сдѣланнаго Богославскому, онъ участвовалъ съ указанными выше товарищами его въ расклейкѣ въ Кіевѣ полученныхъ отъ Валеріана Осинскаго (впослѣдствіи казненнаго) прокламаціи по поводу убійства генераль-адъютанта Мезенцова, причемъ на обратномъ пути домой онъ, Предтеченскій, былъ задержанъ, десятникомъ но въ то время обысканъ не былъ; въ карманѣ же его находился одинъ экземпляръ означенной прокламаціи.

Наконецъ, относительно рабочихъ Богославскій указываетъ еще на сапожную ассоціацію Бровацкаго въ Кіевѣ, въ которой распространителями пропаганды были Василій Трюхлый, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ выдающимися революціонными дѣятелями и Владиславъ Кейзеръ, читавшій и разъяснявшій нерѣдко рабочимъ, вмѣстѣ съ Трюхлымъ и другими украинофилами, книги революціоннаго содержанія, которыя Кейзеръ распространялъ также и внѣ Кіева. Эту же ассоціацію посѣщали, между прочимъ, упомянутый выше Голушкинъ, онъ же Тераспольскій, и постоянная спутница его революціонной дѣятельности Сура Гольдемергъ. Изъ арсенальныхъ рабочихъ Богославскій называетъ Снигура, Адольфа и Владиміра, которые также по убѣжденіямъ революціонеры, а изъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ упоминаетъ вскользь о слесаряхъ Шистовѣ и Владимірѣ, съ которыми познакомилъ его кіевскій радикаль, бывший студентъ Кіевского университета Михаилъ Рейдеръ, живущій нынѣ въ Полтавѣ, затѣмъ о двухъ братьяхъ Кенулковѣ, Юлисѣ и Красовскомъ. Изъ числа этихъ рабочихъ Шистовъ и Владиміръ, работая на кіевскомъ вокзалѣ распространяли запрещенныя книги, а въ концѣ 1878 года уѣхали въ Одессу, гдѣ, по свѣдѣніямъ полученнымъ Богославскимъ отъ Лобанчука, поступили въ мастерскую вокзала одесской желѣзной дороги, а рабочій Красовскій былъ осужденъ въ 1879 году по пироксилиновому дѣлу.

Засимъ къ кіевскому кружку «молодежи» принадлежали, какъ это видно изъ показаній Веледницкаго и Богославскаго, слѣдующія лица, принимавшія болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ революціонной пропагандѣ.

Лукія, крестьянка, настоящая фамилія которой неизвѣстна, была посвящена въ соціализмъ упомянутымъ выше руководителемъ «старыхъ громадянъ» Беренштамомъ, занималась довольно успѣшно распространеніемъ въ народѣ запрещенныхъ книгъ; тѣмъ не менѣе Богославскій считаетъ ее обманутою жертвою «старыхъ громадянъ», которые до перехода ее въ революціонный лагерь, обѣщали сдѣлать для нее многое, но въ концѣ концовъ оставили ее почти безъ куска хлѣба и безъ всякаго образованія, такъ что по словамъ Богославскаго, благодаря лишь стараніямъ его и Степана Оголевца, который принадлежалъ къ полтавскому революціонному кружку, она научилась кое-какъ читать и писать. По словамъ Веледницкаго, Лукія содержала дешевый кухмистерскій столъ сначала на Жилянской улицѣ, гдѣ былъ притонъ пропагандистовъ, а потомъ въ домѣ Вереденка, по Васильковской улицѣ. Лукія находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Волковымъ, женою его и дѣвицею Комаровскою, которая находилась въ любовныхъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше полтавскимъ революціонеромъ Стеблинъ-Каменскимъ. Эта же Лукія, по словамъ Веледницкаго, принимала непосредственное участіе вмѣстѣ съ Лобанчукомъ въ освобожденіи изъ подъ стражи, въ Кіевѣ Топчаевского, Ляхоцкаго и Гордѣева, о чемъ уже сказано раньше. Наконецъ, изъ показанія Богославскаго видно, что Лукія служила въ концѣ 1878 года у радикала Кривицкаго, на углу Бульварно-Кудрявской улицы, о которомъ будетъ болѣе подробно изложено ниже.

Топчаевскій, Савва Степановъ, принадлежалъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, къ числу глубоко вѣрующихъ въ пропаганду до фанатизма. Дѣятельность его, направлявшаяся исключительно къ пропагандѣ революціонныхъ идей между рабочими, была весьма обширна. Онъ открыто пропагандировалъ даже просто на улицѣ при встрѣчѣ съ рабочими. По объясненію Веледницкаго, Топчаевскій проживалъ въ его квартирѣ въ 1875 году по просьбѣ Волкова, причемъ самъ Топчаевскій, высказывая свои революціонныя убѣжденія, далъ понять Веледницкому о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Антоновичемъ. Впрочемъ, по отзыву Богославскаго, Топчаевскій чуждался всего интеллигентнаго въ революціонной дѣятельности своей, причемъ любимыми революціонными книгами его были: «Хитрая механика», «Четыре странника» и «Парижская Коммуна», которыя онъ старательно распространялъ въ народѣ. Послѣ побѣга его изъ подъ стражи, о чемъ уже изложено было выше, Топчаевскій скрывался, по словамъ Богославскаго, нѣкоторое время у Подолинскаго, а затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда на Волгу, гдѣ продолжалъ свою преступную дѣятельность.

Драгневичи, братья, Иванъ и Михаилъ, по словамъ Веледницкаго были приблизительно въ 1875 г. украинофилами-сепаратистами и находились въ близкихъ отношеніяхъ съ наиболѣе вліятельными руководителями партіи «старыхъ громадянъ», Драгомановымъ, Волковымъ Беренштамомъ, Житецкимъ и Чубинскимъ; съ переходомъ же послѣднихъ въ социалисты въ ихъ ученіе увѣровали и Драгневичи. Когда Волковъ, который, по отзывамъ Веледницкаго и Богославскаго, находясь во главѣ украинофильскаго социализма и стоя по энергіи на ряду съ Драгомановымъ и Зиберомъ, послѣдовалъ за ними въ 1876 году за-границу, то всѣ общественныя дѣла и деньги перешли первоначально къ Федору Виниченко, а потомъ, когда Виниченко уѣхалъ въ полкъ на мѣсто врача, — къ Михаилу Драгневичу. Слѣдовательно, изъ одного этого обстоятельства можно заключить о видномъ положеніи его въ кievской революціонной средѣ. Въ квартирѣ его, въ домѣ Новицкаго, на углу Шулявской и Тарасовской улицъ, хранилось большое количество запрещенныхъ книгъ. Въ это время Михаилъ Драгневичъ получалъ значительныя деньги за уроки у Львовыхъ, очень богатыхъ московскихъ аристократовъ, занимавшихъ роскошную квартиру въ домѣ Гудимъ-Левковича, въ Липкахъ, противъ дома губернатора, причемъ Веледницкій указываетъ на то, что Львова, по собственному сознанію ея мужа, симпатизировала радикальнымъ идеямъ и уже имѣла дѣло съ жандармами по поводу нѣкой Анниньки или Аннушки, жившей у нея въ гувернанткахъ. Засимъ, хотя самъ Михаилъ Драгневичъ и продолжалъ принимать непосредственное участіе въ пропагандѣ между рабочими, но послѣднимъ было воспрещено являться на новую квартиру Драгневича, которую до него занималъ Виниченко, такъ какъ въ это время ожидался у него обыскъ; рабочіе же приходили на прежнюю его квартиру, въ домѣ Новицкаго, гдѣ и получали необходимыя для распространенія революціонныя книги. Находясь въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ упомянутыми выше эмигрантами: Драгомановымъ и другими, Михаилъ Драгневичъ

получалъ отъ нихъ письма большею частью на имя и по адресу другихъ, менѣ видныхъ дѣятелей революціонной среды. Въ то же время онъ поддерживалъ знакомство и находился въ сношеніяхъ съ членами другихъ революціонныхъ фракцій. Въ числѣ ихъ Веледницкій называетъ Николая Колодкевича, дворянина Кіевской губерніи, бывшего студента Кіевского университета, извѣстнаго въ средѣ харьковскихъ социалистовъ подъ прозваніемъ «Коть мурлыка», который привлекался уже въ Кіевѣ къ политическому дознанію, послѣ того въ 1878 г. былъ причастенъ къ дѣлу студента Харьковскаго ветеринарнаго института Яцевича, сосланнаго по суду въ каторжныя работы, и нынѣ оказывается снова причастнымъ къ кіевскому дѣлу о революціонномъ сообществѣ: но до сего времени не привлеченъ за нерозыскомъ его. Гольденбергъ, въ своемъ показаніи, высказывается съ большимъ уваженіемъ о Колодкевичѣ и соболѣзнуеть о переходѣ его на сторону фракціи «террористовъ», чѣмъ, по словамъ Гольденберга самъ Колодкевичъ не мало тяготился. Объ отношеніи послѣдняго къ революціонному дѣлу, вообще и къ дѣятельности фракціи террористовъ, въ частности, будетъ сказано ниже, при изложеніи характеристики самой фракціи и отдѣльныхъ лицъ этой партіи. Засимъ, Веледницкій называетъ Федора Чепурина, бывшего студента кіевского университета, который принадлежалъ сначала къ одесской партіи радикаловъ, а по приѣздѣ его въ Кіевъ 1877 г., былъ уже террористомъ, отрѣшившись отъ прежней программы достиженія революціонныхъ цѣлей путемъ мирнаго развитія пропаганды.

Чекуринъ былъ высланъ въ мартѣ 1878 г. за участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ въ университетѣ св. Владиміра, въ г. Симферополь, гдѣ, какъ изъ показаній Гольденберга видно, послѣдній видѣлъ его въ августѣ 1879 г. По словамъ Гольденберга, Чепуринъ былъ въ душѣ пропагандистъ. Наконецъ, Ивана Ивичевича, умершаго отъ ранъ, полученныхъ при вооруженомъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ, въ соучастіи, между прочимъ, казненныхъ Осинскаго и Бранднера.

Этотъ Ивичевичъ, по настоянію Ивана Драгневича и Чепурина, былъ помѣщенъ съ преступною цѣлью слесарнымъ мастеромъ въ ремесленное училище, директоромъ котораго состоялъ упомянутый выше Лоначевскій-Петруняка. Въ своемъ показаніи объ Иванѣ Драгневичѣ Гольденбергъ говоритъ, что онъ студентъ Кіевского университета и по убѣжденіямъ былъ пропагандистъ, враждебно относившійся къ террористической системѣ. Зимой 1878 г. онъ былъ посланъ делегатомъ отъ кіевлянъ въ Петербургъ для обсужденія вопроса о подачѣ министру юстиціи, такъ называемаго, «Паленовскаго протеста». Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Ивана Драгневича, изъ числа принадлежавшихъ къ партіи украинофиловъ, были: Пугинюкъ, который былъ высланъ въ 1878 г. изъ Кіева въ одну изъ сѣверныхъ губерній, но затѣмъ по болѣзни возвращенъ на жительство, подъ надзоръ полиціи, въ Екатеринославъ; Ювенальевъ, бывший студентъ, высланный изъ Кіева въ 1878 г., который присталъ въ началѣ этого года къ партіи террористовъ; Зубковскій, Афанасій, задержанный въ 1879 г. по обвиненію въ соучастіи по убійству харьковскаго губерна-

тора князя Кропоткина и содержащійся нынѣ подѣ стражею, подробности о которомъ будутъ изложены ниже; Дебогорій-Мокрѣвичъ, Владиміръ, дворянинъ, носившій въ революціонной средѣ прозвище Мишка, который былъ приговоренъ кievскимъ военно-окружнымъ судомъ по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г., въ Кіевѣ, въ каторжныя работы, но на пути слѣдованія въ предѣлахъ Сибири бѣжалъ и до сего времени не розысканъ. Этотъ Дебогорій-Мокрѣвичъ, по словамъ Богославскаго, принадлежалъ къ партіи самыхъ крайнихъ террористовъ-революціонеровъ. Кромѣ сего, Веледницкій указываетъ, что Иванъ Драгневичъ склонилъ на путь нигилизма дочь священника Марію Ремезовскую, которая жила съ нимъ на Мышеловкѣ (въ Китаевѣ) и находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Валеріаномъ Осинскимъ, Иваномъ Ивичевичемъ, Калиновскою, о которой будетъ сказано ниже, и другими лицами террористической фракціи, равно почти со всѣми членами кружка кievской молодежи, съ которыми она участвовала въ собраніяхъ «клуба» и, между прочимъ, въ подачѣ адреса, на которомъ упоминается ниже. Засимъ, тотъ же Иванъ Драгневичъ сманилъ изъ родительскаго дома и дѣвицу Комаровскую, о которой уже сказано выше. Къ этому Веледницкій добавляетъ, что Драгневичи имѣли общую знакомую землевладѣлицу села Ровъ, Подольской губерніи, жену генерала Чемерзину, у которой они жили въ качествѣ учителей въ 1876 или 1877 г. и которая была ожесточена противъ убитаго шефа жандармовъ Мезенцева за распоряженіе, по которому у Чемерзиной, по ходатайству ея мужа, взяты были дѣти. Наконецъ, въ отношеніи Михаила Драгневича какъ Веледницкій, такъ и Богославскій указываютъ, что противъ него возникло въ послѣднее время неудовольствіе среди многихъ членовъ кружка «молодежи», преимущественно изъ числа рабочихъ, за отказъ въ выдачѣ имъ денегъ изъ находившейся въ его распоряженіи общественной суммы, причемъ ему сдѣланъ былъ ими формальный выговоръ, вслѣдствіе возникшаго подозрѣнія въ растратѣ этой суммы; но обстоятельство это, по словамъ Веледницкаго, не умалило значенія Михаила Драгневича въ глазахъ кievскаго революціоннаго сообщества, такъ какъ большинство наиболѣе преданныхъ революціонному дѣлу было, по предположенію Веледницкаго, убѣждено въ цѣлесообразности образа дѣйствій Драгневича потому, что впереди предвидѣлась возможность перехода нынѣ же къ осуществленію идеи социализма посредствомъ открытаго бунта, а потому деньги нужны были для дальнѣйшихъ плановъ. У Драгневичей по указанію Веледницкаго, былъ еще третій братъ—Владиміръ, малоразвитый и глуповатый человекъ, который проживалъ въ квартирѣ, гдѣ помѣщалась столовая Лукіи, въ домѣ Вереденко, по Васильковской улицѣ, и гдѣ онъ пользовался, по словамъ Веледницкаго, нѣкоторымъ значеніемъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Михаилъ Драгневичъ высланъ въ 1878 г. на жительство, подѣ надзоръ полиціи, въ г. Олонецъ. По словамъ Богославскаго, у Драгневича пользовалось революціонными книгами еще одно лицо, носившее фамилію Юхансонъ, который находится теперь за границей. Вообще же Драгневичи, послѣ отъѣзда Виниченка, служили посредниками между кружками «старыхъ громадянъ» и «молодежи».

Засимъ къ кievскому кружку «молодежи» принадлежали:

Рева, бывший студентъ Кievскаго университета, высланный административнымъ порядкомъ изъ Кieва, о которомъ Богославскій говоритъ только какъ о лицѣ, принимавшемъ участіе въ стремленіяхъ кружка, не сопровождающа никакими дальнѣйшими въ отношеніи его указаніями; Веледницкій же не упоминаетъ о немъ вовсе.

Самойловскій, онъ же Самойликъ, съ женою извѣстны Богословскому лишь какъ участвовавшіе почти на всѣхъ собраніяхъ «коша», но дѣятельность ихъ внѣ этихъ собраній ему неизвѣстна.

Дубовъ, Забора, Фень, Крикливый, прозывавшійся Монахомъ, Апостоловъ, прозывавшійся Свинкой, и Залѣсскаго извѣстны были въ кievской революціонной средѣ подъ названіемъ «Черноморцы». Всѣ они жили вмѣстѣ въ домѣ Домбровскаго, по Жиланской улицѣ, гдѣ происходили и собранія «коша» въ 1877 г. На одномъ изъ этихъ собраній присутствовалъ по словамъ Богославскаго, Бѣлоконскій, содержащійся въ настоящее время въ Кieвѣ, гдѣ производилось дознаніе по обвиненію его въ храненіи у себя запрещенныхъ сочиненій, и предназначаемый къ высылкѣ административнымъ порядкомъ. О Бѣлоконскомъ будетъ указано ниже, при изложеніи данныхъ о черниговскомъ преступномъ сообществѣ. На означенномъ собраніи Бѣлоконскій, по словамъ Богославскаго, также присутствовавшего тамъ въ числѣ другихъ, рассказывалъ объ успѣхахъ его въ пропагандѣ, равно о бѣдственномъ положеніи той школы, въ которой Бѣлоконскій былъ учителемъ; кромѣ того, развивалъ мнѣніе свое о конокрадахъ, которые представлялись имъ самыми лучшими людьми потому, что они престоуютъ противъ современной жизни, тогда какъ другихъ нельзя вызвать ни на какой протестъ. Въ эту же квартиру «черноморцевъ» заходили рабочіе съ вокзала, а также одно лицо, называвшееся Капитаномъ или Зеленымъ.

Засимъ изъ показанія Богославскаго видно, что всѣ поименованныя лица, носившія названіе «черноморцевъ», занимались непосредственно пропагандою, уѣзжая съ этою цѣлью изъ Кieва въ мѣста своей родины, откуда присылали письменныя свѣдѣнія о результатахъ своей дѣятельности въ совѣтъ «громады». Кромѣ сего, по объясненію Богославскаго, въ квартирѣ Залѣсскаго, когда онъ жилъ отдѣльно въ бывшемъ домѣ Вазовскаго, по Васильковской улицѣ, хранились книги революціоннаго содержанія, за которыми, по порученію Волкова, неоднократно въ 1876 г. ходилъ самъ Богославскій, который при этомъ встрѣчалъ въ квартирѣ Залѣсскаго и упомянутую выше Лукію. Изъ послѣдней дѣятельности названныхъ «черноморцевъ» Богославскому извѣстно, что они бывали на сходкахъ у Виниченко и у Родіона Житецкаго, на Подвальной улицѣ, куда пріѣзжали и сельскіе учителя, преимущественно изъ Полтавской и Черниговской губерній, фамиліи которыхъ Богославскій не знаетъ, за исключеніемъ одного учителя изъ Кременчуга, Лукьяновича, съ которымъ познакомилъ Богославскаго въ 1879 году бывший гимназистъ Кременчугской реальной гимназіи, а затѣмъ студентъ института инженеровъ путей сообщенія Арончикъ. О принадлежности упомянутаго Житецкаго къ партіи молодыхъ украинофиловъ, указываетъ въ своемъ показаніи и задержанный въ

Кіевѣ, привлеченный нынѣ къ дѣлу о преступномъ сообществѣ крестьянинъ Леонтій Забрамскій. По имѣющимся свѣдѣніямъ, этотъ Житецкій высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ. Что касается Афанасія Арончика, то изъ показанія Гольденберга видно, что онъ принималъ участіе въ преступномъ покушеніи 19 ноября 1879 г. подъ Москвою, о чемъ изложено будетъ ниже: относительно же убѣжденій его Гольденбергъ высказываетъ, что Арончикъ принадлежитъ скорѣе къ партіи «народниковъ» и присталъ къ фракціи «террористовъ» только подъ вліяніемъ текущихъ событій.

Шеболдаевъ, именовавшійся въ революціонной средѣ Пошихономъ, принадлежавшій къ революціонному кружку «молодежи», бывалъ, по словамъ Богославскаго, на сходкахъ у Виниченка, участвовалъ въ качествѣ корреспондента въ заграничномъ революціонномъ журналѣ «Громада», имѣлъ у себя книги революціоннаго содержанія и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Яномъ Зубжицкимъ и другими рабочими изъ ассоціаціи Разумова, о которомъ упоминалось выше. Этотъ Зубжицкій, который иногда проживалъ въ квартирѣ Шеболдаева, принималъ, по словамъ Веледницкаго и матроса Ключникова, живое участіе въ пропагандѣ между рабочими въ Кіевѣ и пользовался значеніемъ въ кружкѣ «молодежи». Впослѣдствіи онъ былъ арестованъ и осужденъ въ Кіевѣ.

Лейвинъ, Михаилъ, бывшій студентъ Кіевского университета, и Яроцкій, Яковъ, по порученію кружка, въ 1878 г. открыли, какъ показываетъ Богославскій, въ домѣ Пашкевича на Жиланской улицѣ, бібліотеку, съ извѣстнымъ подборомъ цензурныхъ книгъ, для того, чтобы прикрываясь правами бібліотеки, можно было бы принимать тамъ кіевскихъ семинаристовъ съ преступною цѣлью, и дѣйствительно Богославскій, по его словамъ, встрѣчалъ тамъ семинаристовъ, а однажды засталъ въ бібліотекѣ, при таинственной обстановкѣ, дѣвицу Слюзь, совѣщавшуюся съ Лейвиномъ и Яроцкимъ, по какому-то предмету, въ совершенно отдѣльной комнатѣ. Эта Слюзь (она же Шлюзь), находившаяся, по указанію Веледницкаго, въ близкихъ отношеніяхъ съ революціоннымъ дѣятелемъ Басовымъ, о которомъ сказано будетъ ниже, была учительницею въ одномъ изъ кіевскихъ городскихъ училищъ, а послѣ того, по имѣющимся свѣдѣніямъ, перешла на ту же должность въ с. Марковцы, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи. По показанію Богославскаго, Слюзь имѣетъ сестру, которая также посѣщала бібліотеку. Послѣ того Лейвинъ былъ арестованъ. Въ своемъ показаніи о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ, крестьянинъ Забрамскій упоминаетъ, между прочимъ, о Яроцкомъ, который, какъ онъ слышалъ, состоялъ учителемъ въ одномъ изъ народныхъ училищъ Кіевской губерніи и былъ знакомъ съ высланнымъ изъ Кіева Житецкимъ, о которомъ упомянуто выше, и другими революціонными дѣятелями.

Загайдачный, въ отношеніи котораго Богославскій, только одинъ о немъ упоминающій, никакихъ подробностей не сообщаетъ, исключая общаго указанія на его преступную дѣятельность въ кружкѣ «молодежи». Богаевскій, по словамъ Богославскаго, земскій врачъ, также принадлежалъ къ партіи украинофиловъ и занимался пропагандой еще

въ то время, когда состоялъ врачомъ въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, но впослѣдствіи, по дошедшимъ до Богославскаго слухамъ, отрѣшился, будто бы, отъ преступной дѣятельности.

Шеболдаевъ, Лѣнка, служить нынѣ, по слухамъ, земскимъ врачомъ въ Черниговской губерніи.

Покрамовичъ, Викторъ, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, еще въ 1875 г., къ партіи кievскихъ молодыхъ украинофиловъ и считался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ этого кружка; онъ принималъ участіе въ революціонныхъ сходкахъ за Днѣпромъ въ 1875 г. и давалъ книги революціоннаго содержанія рабочимъ Лобанчуку (онъ же Гудзь) и Амвросію Трюшковскому, съ которыми онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ. Уѣзжая время отъ времени изъ Кіева на родину, въ Полтавскую губернію, Покрамовичъ, по словамъ Богославскаго, постоянно бралъ съ собою большой запасъ запрещенныхъ книгъ. Въ концѣ 1878 г. онъ жилъ вмѣстѣ съ Федоромъ Виниченко на Подвальной улицѣ, гдѣ принималъ участіе въ революціонныхъ сходкахъ, бывшихъ на ихъ квартирѣ. На эти сходки собирались представители разныхъ партій. Гдѣ находится Покрамовичъ въ настоящее время, Богославскій не знаетъ.

Кривуша, Викторъ, принадлежалъ въ 1876 г. къ партіи радикаловъ, будучи еще студентомъ кievскаго университета; принималъ по словамъ Богославскаго, участіе въ сходкахъ, бывшихъ за Днѣпромъ въ 1875 г., находился въ близкихъ отношеніяхъ съ руководителемъ партіи «старыхъ громадянъ» Волковымъ, равно съ Федоромъ Виниченко; впослѣдствіи же уѣхалъ въ Петербургъ и примкнулъ къ партіи террористовъ, сдѣлавшись нелегальнымъ. Ксендзюкъ, Кирилль, принималъ въ 1877 г., по словамъ Богославскаго, дѣятельное участіе въ собраніяхъ «кошей» и «куреней», а затѣмъ уѣхалъ изъ Кіева для распространенія пропаганды между крестьянами.

Когутовъ, Федоръ, бывший студентъ Кіевскаго университета, первоначально, по словамъ Богославскаго, принадлежалъ къ партіи кievскихъ радикаловъ, въ 1876 и 1877 гг. принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи пропаганды въ Кіевѣ какъ между рабочими, преимущественно желѣзнодорожными, такъ и между интеллигенціей, а послѣ того участвовалъ въ сходкахъ клуба молодежи, причемъ на сходкѣ по поводу подачи адреса, о которомъ сказано будетъ ниже, былъ однимъ изъ руководителей, тѣмъ не менѣе рѣчи его отличались умѣренностью. О немъ упоминаетъ отчасти также и Веледницкій. Въ 1878 г. Когутовъ высланъ административно за мартовскіе безпорядки въ университетѣ и неповиновеніе университетскимъ властямъ, и находится на жительство въ Холмогорахъ, Архангельской губерніи, вмѣстѣ съ семьей. По словамъ Гольденберга, Когутовъ развитой человекъ и по убѣжденіямъ своимъ пропагандистъ-украинофилъ.

Корчакъ-Чепурковскій, Аксентій, студентъ Кіевскаго университета, также, по показанію Богославскаго, принадлежалъ къ партіи молодыхъ украинофиловъ и участвовалъ какъ въ ихъ собраніяхъ, такъ и на студенческихъ сходкахъ, бывшихъ въ концѣ 1877 г. и въ началѣ 1878 г., на которыхъ, кромѣ вопроса о подачѣ адреса, обсуждались и чисто революціонные вопросы, какъ то: объ устройствѣ революціон-

ной асоціації изъ рабочихъ и студентовъ, о кассѣ на революціонное дѣло и проч. По указанію Богославскаго, Чепурковскій высланъ въ послѣднее время административнымъ порядкомъ на мѣсто родины въ Полтавскую губернію.

Лопатинъ, Николай, тоже студентъ Кіевскаго университета, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, до 1877 г. къ партіи Кіевскихъ радикаловъ и былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ по распространенію книгъ революціоннаго содержанія, а послѣ того примкнулъ къ партіи кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ, находясь въ сношеніяхъ съ наиболѣе вліятельными членами какъ этой партіи, такъ и сообщества «старой громады». Въ 1878 г. онъ былъ высланъ за участіе въ мартовской исторіи студентовъ Кіевскаго университета.

Денисенко, студентъ Кіевскаго университета, принадлежалъ къ партіи украинофиловъ къ кружку извѣстнаго по революціонной дѣятельности Родіона Житецкаго и завѣдывалъ переплетной мастерской, существовавшей въ 1877 г., съ преступною цѣлью, на углу Афанасьевской и Подвальной улицъ, гдѣ хранился въ большомъ количествѣ типографскій шрифтъ.

Скедонъ, Владиміръ, студентъ Кіевскаго университета, прозывавшійся «Кузькой» или «Козявкой», принадлежалъ въ 1877 г., по словамъ Богославскаго, къ наиболѣе дѣятельнымъ членамъ партіи «Кіевской молодежи» и постоянно имѣлъ у себя большой запасъ революціонныхъ книгъ, въ числѣ коихъ Богославскій называетъ считавшееся особенно цѣннымъ въ революціонной средѣ, сочиненіе Бакунина «Государственность и анархія».

Сондеръ, Павелъ, студентъ Кіевскаго университета, принималъ, по словамъ Богославскаго, выдающееся участіе въ дѣятельность партіи украинофиловъ и находился въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Михаиломъ Драгневичемъ, въ отсутствіи котораго завѣдывалъ какъ общественными деньгами и революціонными книгами, такъ и вообще революціонными дѣлами молодыхъ украинофиловъ(43).

Крестинская, Александра, еще въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, принадлежала къ партіи молодыхъ украинофиловъ и считалась въ этой средѣ одною изъ самыхъ дѣятельныхъ. Она занималась преимущественно распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія между крестьянами той деревни, гдѣ она была учительницей въ концѣ 1876 года. Пріѣзжая въ Кіевъ, она постоянно останавливалась въ квартирѣ Волкова, а впослѣдствіи на квартирѣ «черноморцевъ», о которыхъ упомянуто выше. Въ началѣ 1878 года она посѣщала студенческія сходки бывшія на Большой Васильковской улицѣ; но въ то время она уже больше раздѣляла мнѣніе бунтарей-народниковъ, чѣмъ мнѣніе украинофиловъ и по дошедшимъ до Богославскаго слухамъ, отдѣлилась совершенно отъ этой партіи.

Охременко, Вѣра, слушательница Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, по показанію Богославскаго, принадлежала сначала, именно въ 1876 г., къ партіи народниковъ-бунтарей, представителемъ которой, по словамъ Богославскаго, былъ Владиміръ Дебогорій-Мокріевичъ, затѣмъ пристала къ партіи радикаловъ и, наконецъ, въ концѣ 1878 г. и началѣ 1879 г. принадлежала къ революціонному кружку молодыхъ

украинофиловъ, собственно къ той части этого кружка, собранія которой назывались «цвѣтникомъ». Въ чемъ состояла революціонная дѣятельность этого цвѣтника, или точнѣе: чѣмъ отличалась дѣятельность его отъ дѣятельности собраній того же кружка молодежи, называвшихся «кошами» и «куренями», Богославскій не знаетъ, но заключаетъ изъ разсказовъ упомянутаго выше Зубковскаго, что въ собраніяхъ «цвѣтника» принимали участіе молодые украинофилы, преимущественно съ крайними революціонными убѣжденіями. Охременко, по словамъ Богославскаго, въ началѣ 1878 г. часто посѣщала квартиру упомянутаго выше Волкова, въ домѣ Парафіевскаго, по Владимірской улицѣ, и поддерживала сношеніе съ лицами, принадлежавшими къ партіи бунтарей-народниковъ и, между прочимъ съ представителемъ этой партіи Владиміромъ Дебогоріемъ-Мокріевичемъ.

Юрьевъ, Капитонъ, окончившій въ 1876 г. курсъ Кіевскаго университета, имѣлъ по словамъ Богославскаго, весьма важное значеніе въ средѣ молодыхъ украинофиловъ, причѣмъ, по инициативѣ его устроены были въ Кіевѣ собранія «кошей» и «куреней»; находился также въ близкихъ сношеніяхъ съ старыми «громадянами», въ особенности съ Беренштамомъ, о которомъ упомянуто уже выше. Кромѣ сего, Богославскій встрѣтилъ Юрьева въ томъ же 1876 году въ квартирѣ «черноморцевъ», помѣщавшейся, какъ уже сказано раньше въ домѣ Домбровскаго, по Жилианской улицѣ, на сходкѣ студентовъ, бывшей по поводу устройства стипендіи въ честь профессора Драгоманова. При этомъ партія радикаловъ, въ лицѣ ораторовъ, названныхъ выше, Лопатина и Зубковскаго, а также Надеждина и Бать, о которомъ сказано будетъ ниже, настаивала, чтобы собранныя на стипендію деньги были употреблены прямо на какое-нибудь революціонное дѣло, напримѣръ, на устройство ассоціаціи или же на помощь пострадавшимъ революціонерамъ; но партія украинофиловъ, въ лицѣ своихъ ораторовъ Юрьева и Подолинскаго, доказывала, что на устройство стипендіи нужно смотрѣть тоже какъ на революціонное дѣло потому, что съ одной стороны, стипендія увѣковѣчитъ память о Драгомановѣ, а съ другой отъ воли жертвователей будетъ зависѣть сдѣлать стипендіатомъ лицо, уже служащее революціонному дѣлу. Въ чемъ выразилась послѣдующая революціонная дѣятельность Юрьева, Богославскій не объясняетъ, но дополняетъ приведенныя о немъ свѣдѣнія тѣмъ, что по убѣжденіямъ Юрьевъ остался революціонеромъ и послѣ поступленія его на службу врачомъ сначала въ Кобелякахъ, Полтавской губерніи, а засимъ и въ самой Полтавѣ.

Ткаченко, Остапъ, по словамъ Богославскаго, былъ опредѣленъ на средства кружка «старыхъ громадянъ» въ кіевскую гимназію, но изъ 6 класса вышелъ и былъ посланъ тѣмъ же кружкомъ въ 1874 и 1875 годахъ для пропаганды на лѣвый берегъ Днѣпра въ Переяславскій уѣздъ, съ каковою цѣлью онъ былъ снабженъ деньгами и книгами революціоннаго содержанія. Послѣ того, Ткаченко поступилъ въ качествѣ служащаго на вокзалѣ въ Здолбуновѣ; а изъ показанія Веледицкаго видно, что Ткаченко одно время занимался письмоводствомъ въ кіевскомъ отдѣленіи Русскаго техническаго общества, на каковую должность поступилъ по рекомендаціи упомянутаго выше

Павла Чубинскаго. Наконецъ, Веледницкій еще указываетъ въ одномъ мѣстѣ своего показанія, что однажды встрѣтилъ Ткаченко въ квартирѣ Волкова, гдѣ послѣдній въ его присутствіи рассказывалъ объ успѣшной пропагандѣ своей между крестьянами и фабричными рабочими. Басовъ, Иванъ Ивановъ бывший студентъ Технологическаго Института, жилъ, по словамъ Гольденберга до 1878 г. включительно въ Кіевѣ, затѣмъ въ 1879 г. былъ въ Одессѣ, откуда уѣхалъ за границу, скрываясь отъ преслѣдованія. Онъ былъ по убѣжденіямъ «пропагандистъ» и большой почитатель «штунды», вслѣдствіе чего въ 1878 г. онъ долгое время провелъ среди штундистовъ въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. По показанію Веледницкаго, Басовъ былъ женатъ на Дмоховской, сестрѣ сосланнаго на каторжныя работы Дмоховскаго, судившагося по политическому дѣлу «Плотникова, Папина и Дмоховскаго», которая жила въ Москвѣ; самъ же Басовъ, до пріѣзда его въ Кіевъ, жилъ въ Сухумъ-Кале, а потомъ въ Одессѣ, гдѣ находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, пользуясь матеріальною помощью тамошняго учителя Маврогона, о которомъ никакихъ свѣдѣній не имѣется и принадлежитъ ли онъ также къ революціонной средѣ—Веледницкій не объясняетъ. Въ Одессѣ Басовъ познакомился съ извѣстными въ революціонной средѣ Попко, осужденнымъ приговоромъ Одесскаго военно-окружнаго суда 6-го августа 1879 г. въ каторжныя работы, и Фоминымъ (онъ-же князь), настоящія имя и фамилія котораго Алексѣй Медвѣдевъ, привлекавшимся къ дѣлу объ освобожденіи изъ тюрьмы политическаго преступника Войнаральскаго и сосланнымъ, по судебному приговору въ Харьковѣ, также въ каторжныя работы. Затѣмъ, изъ прежняго знакомства Басова Веледницкому извѣстенъ еще Цвѣленевъ, по всей вѣроятности, то самое лицо, которое привлекалось къ дознаніямъ о пропагандѣ въ 1874—1875 гг. и впослѣдствіи, по словамъ Веледницкаго, отрѣшилось отъ преступныхъ заблужденій. Что касается характеристики Басова, то, по отзыву Веледницкаго, онъ произвелъ на него первоначально впечатлѣніе челоуѣка науки и чуждаго неприязни къ правительству. Такимъ казался Басовъ и по его дѣйствіямъ. Такъ у него, по словамъ Веледницкаго, созрѣлъ планъ устройства изъ хорошихъ, неиспорченныхъ рабочихъ мастерской на артельныхъ началахъ и при ней школы, которая, давая систематическое знаніе, поддерживала бы въ рабочихъ духъ взаимопомощи. Мастерская и школа, по плану Басова должны были находиться подъ руководствомъ челоуѣка, безусловно нравственнаго и чуждаго учений социализма, притомъ предполагалось дать средства лишь на первоначальное устройство означенныхъ заведеній, послѣ чего рабочіе будутъ сами, собственнымъ трудомъ поддерживать себя и школу. Къ осуществленію этой мысли, присоединились, по словамъ Веледницкаго, кромѣ его самого и Басова, Богославскій, Лобанчукъ, Иванъ Ивичевичъ, Зубжицкій, Трюшковскій и другіе изъ числа упомянутыхъ выше рабочихъ, причемъ, въ предупрежденіе возможности вторженія въ это предпріятіе социальныхъ тенденцій, было строго установлено не допускать къ этому дѣлу никого изъ интеллигентныхъ лицъ, сохранивъ таковое въ совершенной тайнѣ. Но дѣлу этому не суждено было осуществиться; оно разбилося, по словамъ Веледницкаго, отчасти о не-

согласіе участниковъ и безнравственность рабочихъ, заявившихъ крайнее непониманіе ими собственной пользы. Это было въ маѣ 1877 года когда Басовъ получивъ, черезъ посредство Михаила Драгневича и профессора Антоновича, мѣсто гувернера у московскихъ аристократовъ Львовыхъ, о которыхъ уже упоминалось выше, съ жалованьемъ по 150 руб. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ ними изъ Кіева. Вскорѣ, однако, Басовъ возвратился въ Кіевъ съ полученными отъ Львовой на дѣло устройства мастерской со школой 700 или 900 руб., данными ею какъ бы въ награду за службу Басова, и снова принялся за осуществленіе задуманнаго предпріятія. Съ этою цѣлью Басовъ сталъ тайно собирать въ квартиру Веледницкаго рабочихъ, которыхъ послѣдній до этого никогда не видѣлъ; между ними были: какой-то Семень, Василій, а также Кейзеръ, о которомъ упоминалось выше. Такъ какъ для устройства мастерской и школы Басовъ предполагалъ купить землю, то двое изъ рабочихъ предложили купить принадлежащія имъ земли, для осмотра коихъ ѣздилъ Богославскій, но предложенія рабочихъ, получившихъ отъ Басова по 20 руб. каждый оказались надувательствомъ. Въ виду такихъ неудачъ, Басовъ рѣшился отправиться, для осуществленія своихъ плановъ, къ штундистамъ, въ Екатеринославскій уѣздъ, взявъ съ собою Гаевского (онъ же Трипольскій), о которомъ упоминалось раньше, такъ какъ Гаевскій, по словамъ Веледницкаго, проживая до этого нѣсколько разъ среди штундистовъ, успѣлъ войти въ ихъ довѣріе. Однако, и это предпріятіе не имѣло успѣха, несмотря на то, что Басовъ, по словамъ Веледницкаго, былъ принятъ штундистами противъ ожиданія хорошо, такъ какъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе полиціи и былъ арестованъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ. Въ то же время Лобанчукъ (онъ же Гудзь), которому Басовъ, предъ отъѣздомъ своимъ къ штундистамъ, оставилъ чековую книжку на положенныя въ Кіевскій частный банкъ деньги, полученныя имъ отъ Львовой, узнавъ объ арестѣ Басова, воспользовался этими деньгами и затѣмъ скрылся изъ Кіева въ Херсонъ.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда къ штундистамъ, Басовъ свелъ знакомство съ лицами, принадлежащими къ революціонной партіи, въ числѣ коихъ Веледницкій называетъ помѣщика украинофила Яновскаго, о дѣятельности котораго въ революціонной средѣ уже было указано, выше, профессора Мищенко и студентовъ Рейдера и Беккера. Цѣлью этого знакомства было, по словамъ Веледницкаго, намѣреніе Басова добиться займа или пожертвованія денегъ на задуманное имъ устройство мастерской и школы, но Басовъ цѣли не достигъ и даже возбудилъ противъ себя нападки украинофиловъ за благонамѣренный образъ дѣйствій, клонящійся къ развращенію молодежи и рабочихъ въ смыслѣ отвлеченія ихъ отъ социализма. Засимъ, когда въ іюлѣ 1878 г. Басовъ, будучи освобожденъ изъ-подъ стражи по бездоказательности возведеннаго противъ него обвиненія, возвратился въ Кіевъ, прежнія воззрѣнія его на революціонное дѣло, по словамъ Веледницкаго, измѣнились: Басовъ сталъ, повидимому, склоняться въ сторону социалистовъ-революціонеровъ, а впоследствии вступилъ на путь преступленій, фигурируя во главѣ дѣла о покушеніи на ограбленіе почты и денежнаго ящика. Богославскій, въ своемъ показаніи, отчасти

подтверждаетъ изложенныя въ отношеніи Басова указанія Веледникаго. Засимъ матросъ Ключниковъ указываетъ на Басова какъ на лицо, проживавшее въ Кіевѣ на той самой квартирѣ, гдѣ возникла мысль объ освобожденіи изъ-подъ ареста упомянутаго выше Фомина (онъ же Медвѣдевъ), содержавшагося въ то время подъ стражею въ харьковской тюрьмѣ. По этому поводу Ключниковъ указываетъ, что въ означенной квартирѣ, которая помѣщалась въ одномъ изъ домовъ Большой Житомирской улицы, жили кромѣ Басова, Владимиръ Свириденко, задержанный при вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ и впоследствии повѣшенный по приговору Кіевского военно-окружнаго суда подъ именемъ Антонова; затѣмъ жена его съ какимъ-то гимназистомъ; далѣе Рафаиль, личность невыясненная, участвовавшая, по словамъ Богославскаго, въ дѣлѣ по убійству въ Ростовѣ, и Павлюкъ, оказавшійся, по предъявленнымъ Ключникову фотографическимъ карточкамъ, извѣстнымъ революціоннымъ дѣятелемъ Павломъ Орловымъ. Относительно Рафаила, Ключниковъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, характеризующія эту личность и отчасти наводящія на слѣдъ къ обнаруженію мѣста его пребыванія; по его словамъ, Рафаиль средняго роста, темнорусый, худощавый, по происхожденію еврей, въ концѣ октября 1877 года выѣхалъ изъ Кіева въ Одессу для исполненія воинской повинности, такъ какъ состоялъ въ то время на очереди. Что касается Павла Орлова, то личность эту подробно характеризуетъ Гольденбергъ. По словамъ послѣдняго, Орловъ, сынъ мелкаго чиновника, судился про процессу 193-хъ (33) и затѣмъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Холмогоры, Архангельской губерніи. Бѣжавъ оттуда, вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, Орловъ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ оставался до 11 февраля 1879 г. когда былъ снова арестованъ по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи и осужденъ въ каторжныя работы. Гольденбергъ представляетъ Орлова весьма способнымъ человѣкомъ, который, несмотря на то что не былъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи, приобрѣлъ, во время содержанія въ тюрьмѣ, большія познанія, изучивъ даже нѣсколько иностранныхъ языковъ.

Засимъ, на той-же квартирѣ ночевали иногда Никита Левченко, извѣстный въ революціонной средѣ подъ именемъ «Никитки» и содержащійся нынѣ въ Одессѣ, о видной дѣятельности котораго въ этой средѣ будетъ подробно изложено ниже, и Костецкій Болеславъ, австрійскій подданный, сынъ портного въ Кіевѣ, бывшій студентъ кіевского университета, исключенный изъ онаго за участіе въ мартовскихъ беспорядкахъ между студентами, а въ 1878 г. привлекавшійся въ Кіевѣ къ дѣлу о распространеніи преступной пропаганды и высланный затѣмъ административнымъ порядкомъ. По словамъ Гольденберга, Костецкій принадлежитъ къ фракціи «террористовъ», но прямого участія ни въ одномъ изъ преступленій не принималъ. Объ немъ-же упоминаетъ въ своемъ показаніи и крестьянинъ Леонтій Забрамскій, какъ о лицѣ, находившемся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ революціоннымъ кружкомъ въ Кіевѣ, къ которому примыкалъ Забрамскій и который составляетъ въ настоящее время предметъ особаго дознанія въ Кіевѣ. Наконецъ квартиру, о которой идетъ рѣчь, часто посѣщали: Игнатій Ивичевичъ, умершій впо-

слѣдствіи отъ ранъ, полученныхъ во время вооруженнаго сопротивленія, 11 февраля 1879 г.; Николай Колодкевичъ, о которомъ уже упоминалось раньше; Павелъ, помѣщикъ, признанный Ключниковымъ по фотографическимъ карточкамъ за революціоннаго дѣятеля Іосифа Зелинскаго; затѣмъ мѣщанинъ Иванъ Савенко, извѣстный въ революціонной средѣ подъ прозвищемъ «Секретарь» и высланный въ 1879 г. административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію; Петръ Волкъ, извѣстный по преступной дѣятельности Волошенко, осужденный въ каторжныя работы; Сергѣй Наддачинъ, извѣстный Ключникову подъ названіемъ столяра Сергѣя, высланный изъ Кіева въ Восточную Сибирь по административному распоряженію, американецъ, сапожникъ, личность неизвѣстная (высокій, здоровый, брюнетъ, съ большими стриженными усами), которая по словамъ Ключникова, работала въ мастерской, содержимой на средства украинофиловъ, на Владимірской улицѣ, противъ театра; Екатерина, Графиня, личность невыясненная; наконецъ, Марія Ковалевская, упомянутая выше, извѣстная Ключникову подъ именемъ «Маруси». Всѣ эти лица постоянно имѣли при себѣ, за исключеніемъ Басова, заряженные револьверы, необходимые для сопротивленія на случай обыска въ означенной квартирѣ или ареста, а ложась спать, клали таковые подъ голову. Большая часть ихъ была посвящена болѣе или менѣе въ планъ покушенія на освобожденіе Фомина, причемъ заказомъ жандармскихъ мундировъ и вообще всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ Свириденко, но кто именно участвовалъ въ самомъ покушеніи на освобожденіе Фомина—Ключниковъ не объясняетъ. Засимъ, послѣ отъѣзда Свириденко, въ октябрѣ 1878 г., для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана, Басовъ изъ означенной квартиры уѣхалъ, по словамъ Ключникова, въ Одессу. Таковы въ общихъ чертахъ свѣдѣнія, сообщаемыя нѣкоторыми изъ сознавшихъ лицъ о дѣятельности Басова.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ дѣятельности украинофиловъ-соціалистовъ принимали, по показанію Богославскаго, болѣе или менѣе близкое участіе слѣдующія лица:

Бѣлинскій, студентъ Кіевскаго университета, который участвовалъ въ 1878 году въ собраніяхъ молодыхъ украинофиловъ «коша» и скрывалъ у себя, по словамъ Богославскаго, дворянина Леонида Антонова Дическулло, розыскиваемого по прикосновенности къ дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, бывшемъ 11 февраля 1879 г. Изъ имѣющихся свѣдѣній, а равно изъ показанія Гольденберга видно, что Дическулло привлекался къ процессу 193-хъ и былъ судомъ оправданъ, послѣ чего, желая избѣгнуть административной высылки, сталъ проживать подъ чужою фамиліею, т. е. сдѣлался нелегальнымъ. Находясь большею частью въ Кіевѣ и участвуя до 1878 г. въ дѣятельности соціально-революціонной партіи, Дическулло принадлежалъ къ фракціи «пропагандистовъ»; но съ развитіемъ террористической системы сталъ сочувственно относиться къ послѣдней. Засимъ, участвуя въ вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, Дическулло, проживавшій въ то время въ квартирѣ той самой слушательницы женскихъ курсовъ, Бабичевой, которая, по словамъ Гольденберга, выдала всѣхъ арестованныхъ въ домѣ Коссаровской, на Паньковской улицѣ, успѣлъ

скрыться, благодаря лишь своей находчивости. Послѣ этого онъ еще нѣкоторое время пробылъ въ Кіевѣ, а затѣмъ уѣхалъ за границу, гдѣ, по словамъ Гольденберга, находится и по настоящее время; жена же его живетъ въ Симферополѣ

Зенченко, Федоръ Ефимовъ, о которомъ уже отчасти упоминалось выше, происходитъ изъ мѣщанъ г. Новозыбкова, Черниговской губерніи, былъ народнымъ учителемъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, а въ настоящее время оказывается причастнымъ къ дѣлу о противозаконномъ сообществѣ, производящемуся въ Кіевѣ. Изъ показанія Гольденберга видно, что Зенченко былъ также народнымъ учителемъ въ Волинской губерніи, а въ 1879 г. онъ арендовалъ у помѣщицы Лисевичъ имѣніе ея, подъ названіемъ «Калиновъ мостъ», въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, съ цѣлью познакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ и работой, а впослѣдствіи поселиться въ деревнѣ для пропаганды среди крестьянъ. Съ тою же цѣлью проживали у него, по словамъ Гольденберга, Иванъ и Владиміръ Драгневичи, о революціонной дѣятельности которыхъ уже сказано выше, жена Зенченко, урожденная Смирницкая, которая была выслана на жительство въ Вологодскую губернію за участіе въ сооруженіи памятника на могилѣ умершаго отъ ранъ политическаго преступника Ивичевича, но изъ ссылки скрылась и до настоящаго времени не розыскана, и бывший студентъ Кіевскаго университета Павелъ Ивановъ, объ отношеніи котораго къ революціонному дѣлу ничего неизвѣстно. По характеристикѣ Зенченко, сдѣланной Гольденбергомъ, можно заключить, что онъ развитой и умный человекъ и хотя примкнулъ къ террористической фракціи, но по убѣжденіямъ не признаетъ террора за средство къ достиженію политической свободы. Точно такъ же и жена Зенченко, состоявшая въ 1878 г. въ Кіевѣ преподавательницею въ пріютѣ для дѣтей рабочаго сословія, была, по словамъ Гольденберга, по убѣжденію пропагандистка. Въ ноябрѣ 1879 г. Гольденбергъ встрѣтилъ Зенченко въ Москвѣ, гдѣ онъ проживалъ вмѣстѣ съ женою въ Кокоревской гостиницѣ, но о готовящемся покушеніи 19 ноября ни онъ, ни она, по словамъ Гольденберга, ничего не знали. Богославскій указываетъ на Зенченко, какъ на лицо, перевозившее въ Кіевъ изъ заграницы книги революціоннаго содержанія и снабжавшее революціонныхъ дѣятелей паспортными бланками.

Кривицкій, Николай, на котораго Богославскій указываетъ какъ на одно изъ лицъ, получавшихъ отъ приведеннаго выше Федора Зенченко паспортныя бланки, принадлежалъ, будучи учителемъ въ Миргородѣ, къ партіи «травоядныхъ», существующей на Кавказѣ, распространяя пропаганду по программѣ этой партіи: но затѣмъ въ 1875 г., поступивъ въ число студентовъ Кіевскаго университета, присталъ къ партіи кіевскихъ радикаловъ. Въ 1878 г. Кривицкій нанялъ, по словамъ Богославскаго, домъ на Б. Васильковской улицѣ, гдѣ проживали разныя нелегальныя лица, какъ-то: Зубжицкій, Галушкинъ и др., и хранились запрещенныя книги, разные бланки и печати для фальшивыхъ документовъ, а послѣ того открылъ столовую въ одномъ изъ домовъ Жандармской улицы (43), гдѣ обѣдали большею частью нелегальныя лица. Кривицкій былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ

названіємъ «генерала». Одно время онъ заправлялъ, по словамъ Богославскаго, кассой, предназначеной для административно-ссылныхъ, но будучи замѣченъ въ растратѣ, былъ отстраненъ отъ завѣдыванія ею.

Дымскій, Левъ, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, съ 1874 года къ полтавскому революціонному кружку гимназистовъ, затѣмъ, по прївздѣ въ Кіевъ и поступленіи въ университетъ св. Владиміра, присталъ къ партіи радикаловъ, но почему-то въ 1877 г. былъ выключенъ изъ ихъ кружка и присоединился къ кружку Кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ.

Грибенюкъ, Ефимъ, какъ показываетъ Богославскій, былъ по убѣжденіямъ революціонеръ, находился въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше Кривицкимъ и, подобно ему, держалъ въ Кіевѣ въ концѣ 1878 г. свою столовую, сперва въ домѣ Вереденко, по Ъ. Васильковской, а потомъ на углу этой и Елисаветинской улицъ, въ которой обѣдали одни революціонеры разныхъ партій, для нелегальныхъ же изъ террористической партіи была особенная комната, гдѣ лица этой партіи скрывались по неимѣнію документовъ, какъ, напри- мѣръ, Янъ Зубжицкій, извѣстный революціонный дѣятель Кацъ, о которомъ сказано будетъ ниже, а иногда и Зубковскій(43).

Музурмовичъ, Петръ, бывший студентъ Кіевскаго университета, находился, по словамъ Богославскаго, въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше Колодкевичемъ и Чепуринымъ, тѣмъ не менѣе онъ не принадлежалъ къ ихъ партіи, а имѣлъ свой особый кружокъ, къ которому принадлежалъ, между прочимъ въ 1877 г. и Константинъ Михайлевичъ, о дѣятельности котораго въ революціонной средѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется. По тѣмъ же даннымъ, Музурмовичъ имѣлъ у себя большое количество книгъ революціоннаго содержанія, которыя онъ распространялъ между кіевскими рабочими. Изъ революціонныхъ дѣятелей Музурмовичъ, по словамъ Богославскаго, былъ болѣе близокъ къ Драгневичамъ и Лобанчуку (онъ же Гудзь); кромѣ того, онъ часто бывалъ въ ассоціаціи Бровацкаго, въ Кіевѣ, по Большой Владимірской улицѣ (44).

Бать, окончившій курсъ Кіевскаго университета въ 1875 г., какъ изъ показанія Богославскаго видно, былъ по убѣжденіямъ радикалъ, но участвовалъ также и въ дѣятельности украинофиловъ и былъ знакомъ съ Лопатинимъ, Колодкевичемъ, Зубковскимъ и другими революціонными дѣятелями.

Федоровскій Андрей и Федоровскій Михаилъ также принадлежали, по словамъ Богославскаго, къ партіи кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ, причѣмъ послѣдній, будучи библіотекаремъ студенческой библіотеки, хранилъ въ библіотекѣ революціонныя книги, а въ послѣднее время былъ высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ.

Лаврентьевъ, Василій, студентъ Кіевскаго университета, извѣстенъ Богославскому, со словъ Афанасія Зубковскаго тѣмъ, что послѣ высылки руководителей студентовъ въ мартовской исторіи, каковыми были, между прочимъ: Чепуринъ, Ювенальевъ и Иванъ Панькѣевъ, онъ, Лаврентьевъ, занялъ ихъ мѣсто и собиралъ деньги на разныя революціонныя предпріятія; что же касается упомянутаго Панькѣева, который былъ высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ, а въ настоящее время привлеченъ къ производящемуся въ Кіевѣ дѣлу о преступ-

номъ сообществѣ, то онъ, по словамъ Богославскаго, находясь еще въ университетѣ, уже принадлежалъ къ партіи террористовъ и въ концѣ 1877 г. перевозилъ, будто бы, въ Кіевѣ пироксилинъ изъ гостиницы Бергонье.

Старынкевичъ, Иванъ, бывший студентъ Кіевскаго университета, прозывавшійся въ революціонной средѣ «Владыкой», по словамъ Богославскаго, былъ по убѣжденію революціонеръ и находился въ очень близкихъ отношеніяхъ съ руководителями украинофиловъ Драгневицами, у которыхъ нерѣдко въ 1877 г. бывалъ на сходкахъ; участвовалъ также въ собраніяхъ клуба молодыхъ украинофиловъ въ столкновеніи съ кіевскою полиціею передъ театромъ въ концѣ 1877 г., гдѣ и былъ раненъ въ голову рукояткой шашки (45).

Исковъ Иванъ и Исковъ Александръ, студенты Кіевскаго университета, принадлежали, по словамъ Богославскаго, къ партіи кіевскихъ радикаловъ, причемъ послѣдній часто посѣщалъ въ 1876 г. руководителя старыхъ гражданъ Волкова, а затѣмъ оба бывали въ началѣ 1878 г. въ студенческой столовой, гдѣ происходили сходки.

Куклярскій Тимофей, Свѣтухинъ Михаилъ, Демченко Иванъ, Туробольскій и Николай, фамиліи котораго Богославскій не помнитъ, всѣ студенты Кіевскаго университета, также принадлежали, по словамъ Богославскаго, къ кружку молодыхъ украинофиловъ. Изъ нихъ Свѣтухинъ, по указанію Богославскаго, въ настоящее время отбываетъ воинскую повинность.

Изъ числа женщинъ, вращавшихся въ кіевскомъ революціонномъ сообществѣ, Богославскій показываетъ:

Натанзонъ, Елизавету, которая, какъ объясняетъ Богославскій, по всей вѣроятности, принадлежала къ партіи террористовъ. Предположеніе свое Богославскій объясняетъ тѣмъ, что когда въ началѣ 1879 г., вскорѣ послѣ вооруженнаго сопротивленія въ Кіевѣ, пріѣхалъ туда упомянутый выше студентъ Панькѣвъ, то послѣдній, предложивъ Богославскому при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ бросить уроки и спеціально заняться, за извѣстное отъ него, Панькѣва, вознагражденіе, революціоннымъ дѣломъ, между прочимъ, просилъ найти человѣка, который бы вырѣзалъ находившуюся у него печать и при этомъ указалъ на квартиру Натанзонъ, въ одномъ изъ домовъ на углу Подвальной и Афанасьевской улицъ, куда слѣдуетъ доставить изготовленную печать. Кромѣ того, по словамъ Богославскаго, въ квартирѣ Натанзонъ скрывался въ послѣднихъ числахъ февраля 1879 г. бѣжавшій изъ Одессы солдатъ, котораго Панькѣвъ привезъ въ Кіевъ.

Косачъ, Елену, слушательницу курса повивальнаго искусства при университетѣ св. Владиміра, которая была учительницей въ Кіевскомъ дѣтскомъ пріютѣ и въ 1876 г. принадлежала, по словамъ Богославскаго, къ партіи такъ называемыхъ «бунтарей», представителемъ которой въ Кіевѣ былъ Владиміръ Дебогорій-Мокріевичъ, считавшій ее, по словамъ Богославскаго, за одну изъ дѣятельныхъ женщинъ этого кружка. Гольденбергъ, въ показаніи своемъ, отзывается о Косачъ какъ о весьма развитой, серьезной и энергичной личности; онъ зналъ ее по Кіеву въ томъ же 1876 году, а въ мартѣ 1879 г. встрѣтилъ въ С. Петербургѣ, гдѣ она слушала въ то время курсы повивальнаго искусства. Въ томъ же году Косачъ была выслана адми-

нистративнымъ порядкомъ въ г. Пудожь, Олонецкой губерніи. Засимъ со словъ содержащагося въ Одессѣ евпаторійскаго мѣщанина Никиты Левченко, извѣстнаго въ революціонной средѣ подъ именемъ «Никитки». Курицинъ между причимъ указываетъ на дѣятельность Елены Косачъ въ Кіевѣ, гдѣ она содержала коммунистическую квартиру для нелегальныхъ партій Дебогорія-Мокріевича, въ которой скрывался дворянинъ Сергѣй Чубаровъ, казненный 10 августа 1879 г. по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда, по обвиненію въ организациі революціоннаго сообщества въ Одессѣ.

Екатерину Сарандовичъ и Дунину, слушательницъ курсовъ повивальнаго искусства при университетѣ св. Владиміра, изъ коихъ первая, по словамъ Богославскаго, находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Ивичевичемъ, умершимъ въ послѣдствіи отъ ранъ, полученныхъ во время вооруженнаго сопротивленія въ Кіевѣ 11 февраля 1879 г., а послѣдняя, занимающаяся теперь акушерской практикой, принадлежала въ 1878 г. къ числу обычныхъ посѣтителей квартиры руководителя старыхъ украинофиловъ Волкова.

Житецкую, Александру, по убѣжденіямъ украинофилку, Троцкую, Наталію, и Яцевичъ, Юлію, слушательницъ Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, лишь намѣченныхъ въ показаніи Богославскаго, безъ указанія на свойство ихъ дѣятельности въ революціонной средѣ.

Щетинскую, Елизавету, урожденную Фень, также слушательницу Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, которая, по словамъ Богославскаго, жила въ 1876 году въ квартирѣ революціонера Волкова и по убѣжденіямъ была украинофилка; въ послѣдствіи же, именно въ концѣ 1878 и въ началѣ 1879 г., находилась въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Зубковскимъ и другими дѣятелями партіи народниковъ-бунтарей. Въ 1878 г. познакомилась съ ней и Гольденбергъ, который считаетъ ее принадлежащею къ партіи молодыхъ украинофиловъ. Изъ показанія Гольденберга видно, что въ маѣ 1879 г. Щетинская была въ Черниговѣ.

Баковецкую, принадлежавшую, по словамъ Богославскаго, къ кіевскому революціонному обществу молодыхъ, которая, постоянно живя въ деревнѣ Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, съ Варварой Ильшанковою, высланною административнымъ порядкомъ, за участіе въ революціонной манифестаціи у Казанскаго собора,—часто пріѣзжала въ Кіевъ, останавливаясь обыкновенно въ квартирѣ Волкова.

Изъ числа военныхъ, принадлежащихъ къ кіевскому преступному сообществу, Богославскій указываетъ, между прочимъ, на офицера, по фамиліи Глѣбова, бывшаго на сходкахъ кіевской молодежи и посѣщавшаго въ 1878 г. студенческую бібліотеку на Жандармской улицѣ, гдѣ Богославскій встрѣчалъ его въ обществѣ революціонеровъ, какъ-то: Волкова, Яроцкаго, Зубжицкаго и другихъ. Офицеръ этотъ, по словамъ Богославскаго, носилъ желтые погоны и участвовалъ въ Сербской кампаніи; онъ проживалъ въ послѣднее время въ Каневѣ, Кіевской губерніи, имѣетъ имѣніе въ Подольской губерніи, а сестра его Марія живетъ въ Кіевѣ. Кромѣ того, Богославскій удостовѣряетъ, что Глѣбовъ участвовалъ въ началѣ 1878 г. въ революціонной демонстраціи въ Кіевѣ, выразившейся въ процессіи по городу рабочихъ, студентовъ и разныхъ лицъ изъ революціонной среды съ крестомъ

для могилы умершаго кievскаго гимназиста Беллюстина, который, ради цѣлей пропаганды, пошелъ въ простые рабочіе, причемъ, во время шествія этой процессіи, Ювенальевъ, о которомъ упомянуто было выше, говорилъ на Троицкомъ базарѣ рѣчь о конституціи.

Кромѣ Глѣбова, нѣкоторые изъ офицеровъ квартировавшаго въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ началѣ 1879 г. полка, имѣвшіе красный околышекъ на фуражкѣ, также вели знакомство съ революціонерами, преимущественно съ Зубковскимъ и Колодкевичемъ, причемъ Богославскому достовѣрно извѣстно, что одинъ изъ офицеровъ этого полка далъ Колодкевичу документъ на имя Ивана Павловича (фамилія неизвѣстна), по каковому виду былъ прописанъ Колодкевичъ въ мѣстѣ послѣдняго жительства своего, по Десятинной улицѣ, въ послѣднемъ домѣ надъ яромъ съ лѣвой стороны. Изъ кievскихъ солдатъ, участвовавшихъ въ революціонномъ дѣлѣ, Богославскій зналъ Сухманева, служившаго въ канцеляріи сборнаго пункта, на Жилианской улицѣ, и нѣкоего Ивана, служившаго при арсеналѣ, а также встрѣчалъ въ квартирѣ революціонеровъ черноморцевъ, о которыхъ упомянуто выше, неизвѣстнаго ему солдата, имѣвшаго синіе погоны съ номеромъ, который былъ любовникомъ названной выше революціонной дѣятельницы Лукіи. Кромѣ сего, въ началѣ 1878 г., Богославскій заставлялъ въ квартирѣ революціонера Трюхлага еще двухъ солдатъ и военныхъ писарей съ сборнаго пункта, на Жилианской улицѣ. Изъ военныхъ врачей, принадлежавшихъ къ партіи молодыхъ украинофиловъ, Богославскій называетъ Крыжановскаго и Егорова, которые занимались временно врачебной практикой, въ кievскомъ врачебномъ госпиталѣ, на Голубицкомъ шоссе, противъ солдатскихъ казармъ.

Наконецъ, Богославскій указываетъ, что въ кievскомъ революціонномъ сообществѣ вращались еще слѣдующія лица: часовая мастерицы сестры Рубанчикъ, въ квартирѣ которыхъ, по Московской улицѣ, скрывались розыскивавшіеся революціонные дѣятели, въ томъ числѣ Левченко (онъ же Никитка) и Кобылянской (онъ же Володька), обвиняемый въ убійствѣ князя Кропоткина; Чипѣга, братъ жены студента Когутова, о которомъ упомянуто выше, отбывающій нынѣ воинскую повинность; Шихуцкій Василій, бывший студентъ Кievскаго университета, принадлежавшій къ партіи молодыхъ украинофиловъ и извѣстный въ революціонной средѣ подъ названіемъ «Марьи Ивановны», о которомъ упоминаетъ въ своемъ заявленіи и Гольденбергъ, какъ о личности, принадлежавшей къ означенной партіи и встрѣчавшейся съ нимъ въ 1878 г. въ Кіевѣ, а позднѣе—въ Черниговѣ; Балабенко, по убѣжденію революціонеръ, бывавшій часто въ рабочей ассоціаціи Бровацкаго и имѣвшій въ 1877 и 1878 годахъ знакомство съ Разумовскими рабочими; Костырко, Георгій, извѣстный Богославскому, со словъ упомянутаго выше Лейвина, за революціоннаго дѣятеля, склонявшагося въ сторону террористовъ; Беккеръ, Владиміръ, студентъ Кievскаго университета, участвовавшій какъ въ студенческихъ движеніяхъ 1877 и 1878 г., такъ и въ процессіи революціонеровъ съ крестомъ для могилы умершаго политическаго дѣятеля Беллюстина; бывшіе студенты того же университета: Иванъ Зубковскій (нынѣ докторъ), Писаревскій, родомъ изъ Богачи, Миргородскаго

уѣзда, Полтавской губерніи, и Ксендзенко, которые, прїѣзжая изъ Кіева на каникулы въ Миргородскій уѣздъ, постоянно съ запасомъ запрещенныхъ книгъ, распространяли въ народъ преступную пропаганду; Ивановъ, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, котораго Богославскій встрѣчалъ въ Кіевѣ, въ квартирѣ Кейзера, въ сообществѣ Басова; радикаль Гриневичъ, Издебскій, таксаторъ, бывшій въ сношеніяхъ съ Кіевскими революціонерами разныхъ партій; Дынникъ, Денисъ, работавшій на кіевской желѣзной дорогѣ смазчикомъ колесъ, и Избицкій, котораго Богославскій, со словъ содержавшихся съ нимъ, въ послѣднее время, въ кіевской тюрьмѣ политическихъ преступниковъ Шефера и Малавскаго, представляетъ принадлежавшимъ первоначально къ партіи революціонеровъ-радикаловъ, признававшихъ необходимость предварительной подготовки народа для достиженія революціонныхъ цѣлей, а затѣмъ приставшимъ, въ началѣ 1878 г., къ террористическому кружку Валеріана Осинскаго, видѣвшаго, наоборотъ, въ террорѣ средство къ подготовкѣ почвы для пропаганды въ народѣ. Засимъ, изъ показанія Богославскаго видно, что первымъ шагомъ Избицкаго въ дѣятельности этого послѣдняго кружка было участіе его въ расклейкѣ въ Кіевѣ прокламацій, на чемъ онъ и былъ пойманъ. Независимо отъ сего, Богославскій указываетъ, что Избицкій принималъ дѣятельное участіе въ сходкахъ молодежи за Днѣпромъ въ 1875 году.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что, за немногими исключеніями, указанная Богославскимъ и Веледницкимъ лица принадлежали къ партіямъ старыхъ и молодыхъ украинофиловъ, каковыя партіи составляли первоначально, такъ сказать, ядро революціоннаго движенія въ Кіевѣ. Но не одинъ Кіевъ совмѣщалъ въ себѣ представителей и послѣдователей этихъ партій; ихъ было не мало и въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ, преимущественно, южной Россіи. Такъ, въ началѣ этой записки уже указано было на дѣятельность революціоннаго кружка изъ украинофиловъ въ г. Полтавѣ, имѣвшаго сношенія съ партіей кіевскихъ украинофиловъ при посредствѣ присяжнаго повѣреннаго Полтавскаго окружнаго суда Троцкаго. Засимъ, Богославскій знакомитъ, отчасти, съ революціоннымъ кружкомъ въ Кременчугѣ, дѣйствовавшимъ подъ непосредственнымъ руководствомъ кіевскихъ старыхъ «громадянъ» въ лицѣ наиболѣе виднаго представителя этой партіи Волкова, о которомъ упомянуто выше. Изъ числа дѣятелей кременчугскаго революціоннаго кружка, Богославскій называетъ, въ своемъ показаніи, бывшаго учителя одного изъ кременчугскихъ учебныхъ заведеній, котораго онъ не назвалъ, Лукьяновича; бывшую учительницу кременчугской приходской школы, нынѣ проживающую будто бы въ С.-Петербургѣ, Надежду Нечивичеву, къ которой Богославскій привозилъ изъ Кіева, по порученію Волкова, книги революціоннаго содержанія; затѣмъ Елену Краснокутскую, которая, по словамъ Богославскаго, въ послѣднее время, будто бы, арестована; гимназистовъ кременчугскаго реального училища Жученко и Дениса Поддержнаго, находящагося, будто бы, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ; дѣвицу Калиновскую, извѣстную въ революціонной средѣ подъ прозвищемъ «Пифія», и бывшаго гимна-

зиста кременчугской гимназіи Овсянникова, проживающаго и въ настоящее время въ Кременчугѣ. Независимо отъ сего, въ 1878 г. Богославскій, по его словамъ, познакомился въ Кременчугѣ, черезъ посредство упомянутаго выше Арончика, на котораго указываетъ Гольденбергъ, какъ на одного изъ участниковъ въ дѣлѣ покушенія 19 ноября 1879 г., съ бывшими учениками Кременчугскаго реального училища Борисомъ Членовымъ, который и теперь живетъ въ Кременчугѣ, Лурье и Гуревичъ, изъ коихъ первый часто прїѣзжалъ въ Кіевъ и жилъ у брата своего, на Подолѣ, а послѣдній—большую частью находился въ С.-Петербургѣ. Дѣятельность этихъ послѣднихъ трехъ лицъ въ революціонномъ дѣлѣ, по словамъ Богославскаго, выражалась, между прочимъ, въ доставленіи розыскиваемымъ политическимъ средствъ какъ къ укрывательству, такъ и къ существованію. Такъ, поддержкою ихъ пользовался, по словамъ Богославскаго, какой-то Володька, по всей вѣроятности, тотъ самый Кобылянскій (онъ же Григоренко), который былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ этимъ именемъ и нынѣ привлеченъ къ дѣлу объ убійствѣ князя Кропоткина. Кромѣ сего, Членовъ, Лурье и Гуревичъ выписывали для кременчугской молодежи революціонный журналъ «Земля и Воля» и посылали деньги на поддержаніе существованія этого журнала.

Наконецъ, изъ показанія Веледницкаго видно, что проводимая украинофильствомъ идея областного сепаратизма пустила корни далеко на сѣверо-востокъ. Въ подтвержденіе сего приводится имъ фактъ изъ дѣятельности профессора Казанскаго университета Шапова, впоследствии сосланнаго въ Сибирь, который проводилъ съ кафедры тенденціи, тождественныя съ украинофильскими, возбуждая въ населеніи стремленіе къ личности.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что партіи молодыхъ и старыхъ украинофиловъ представляются и теперь не утратившими прежняго значенія въ сферѣ революціоннаго движенія. Значеніе это представляется тѣмъ болѣе знаменательнымъ въ революціонной средѣ, что эти двѣ партіи дѣйствуютъ съ большимъ спокойствіемъ и сдержанностью, нежели всѣ другія революціонныя партіи, съ которыми украинофилы приходятъ въ соприкосновеніе посредствомъ молодыхъ членовъ этого преступнаго сообщества. Кромѣ сего, съ 1877 г. въ дѣятельности обѣихъ партій украинофиловъ установились, по словамъ Богославскаго, общность стремленія и единство дѣйствій. Это соединеніе старыхъ и молодыхъ украинофиловъ произошло въ день поминокъ «роковинъ» Шевченко, на которыя до 1877 г. собирались одни старые граждане, а въ этомъ году принимали участіе и украинофилы изъ партіи «молодежи». Вслѣдствіе состоявшаго тогда соглашенія, между украинофилами обѣихъ партій произошло окончательное сближеніе, причемъ молодые стали давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ старымъ чрезъ посредство выборныхъ, какими разновременно были, по словамъ Богославскаго, братья Драгневичи, Яковъ Шульгинъ и уже въ послѣднее время Родіонъ Житецкій. Вслѣдствіе такой сплоченности обѣихъ партій, дѣятельность украинофиловъ обращаетъ на себя особенное вниманіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Примѣчанія.

I.

Записка эта, составленная, какъ видно изъ ея содержанія, главнымъ образомъ, на основаніи показаній Веледницкаго, Богуславскаго и Гольденберга, предназначена была, очевидно, служить матеріаломъ для предполагавашагося обвинительнаго акта противъ членовъ кіевскихъ украинскихъ кружковъ.

Время подробной исторіи этихъ кружковъ еще, разумѣется, не наступило, да и матеріалы для этой исторіи далеко еще не собраны и, если существуютъ, то въ видѣ „воспоминаній“, до сихъ поръ по большей части еще не написанныхъ. Поэтому авторы примѣчаній къ этой запискѣ должны будутъ ограничиться только исправленіемъ вольныхъ или невольныхъ неточностей печатаемаго текста и нѣсколькими общими данными для характеристики какъ самихъ кружковъ, такъ и отдѣльныхъ ихъ участниковъ.

Сгарѣйшій изъ этихъ кружковъ, такъ называемая „Старая Громада“, былъ продолженіемъ украинскихъ традицій сороковыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, въ половинѣ которыхъ онъ и сложился изъ обломковъ бывшей редакціи „Основы“ и студенческой „громады“ Кіевского университета, извѣстной въ свое время учрежденіемъ первыхъ въ Россіи воскресныхъ школъ. Состоя изъ людей, главнымъ образомъ, университетской и вообще учено-литературной среды, кружокъ этотъ былъ далекъ отъ какой бы то ни было революціонной дѣятельности, но отдавался вполне дѣятельности конституціонно-освободительной, на почвѣ украинскихъ интересовъ. Будучи по большей части социалистами въ теоріи (если угодно—катедеръ-социалистами) и демократами по своимъ основнымъ и историческимъ принципамъ, члены этого кружка, о которыхъ покойный Леонидъ Дическулъ любилъ говорить, что въ него нельзя войти, не выдержавши экзамена и не прочитавши двухъ лекцій,¹⁾ конечно, не могли ограничивать своихъ задачъ только „организаціей рабочаго класса“ или подготовленіемъ вооруженнаго возстанія, чтобы захватить власть и „волею народа“, по выраженію Герцена „строжайше предписать всѣмъ свободу“. Ихъ дѣятельность была прежде всего научной и литературной, а затѣмъ широко общественной—вездѣ, гдѣ они могли найти для себя какую-нибудь точку опоры, въ земскихъ, въ городскихъ дѣлахъ и т. д. Въ научной сферѣ, кромѣ работы педагогической-профессорской и учительской, кружокъ этотъ оставилъ по себѣ слѣды въ видѣ массы ученыхъ трудовъ историческихъ, экономическихъ, этнографическихъ и т. п., въ образованіи Югос. Отдѣл. Имп. Русск. Географическаго Общества, въ организаціи III Археологическаго Съѣзда, кіевской однодневной переписи, въ Трудахъ этнографической экспедиціи Чубинскаго, въ основаніи потомъ Общества Нестора Лѣтописца, „Кіев-

¹⁾ Это если не было правдой, то во всякомъ случаѣ было недалеко отъ правды. Молодые люди принимались въ „Громаду“ только по окончаніи курса; кромѣ того, при баллотировкѣ (открытой) достаточно было одного голоса противъ кандидата, чтобы или отсрочить или и вовсе отклонить его избраніе. Благодаря этой разборчивости въ выборѣ членовъ за время *сорокалѣтней* дѣятельности кружка въ немъ не нашлось ни одного предателя.

ской Старины“ и проч., въ изданіи цѣлаго ряда изслѣдованій и научныхъ сборниковъ въ родѣ монументальнаго изданія украинскихъ историческихъ пѣсенъ подѣ редакціей Антоновича и Драгоманова. Помимо этой работы, чисто академической, въ общественно-публицистической сферѣ дѣятельность этого кружка обозначилась изданіемъ „Кіевскаго Телеграфа“, цѣлымъ рядомъ публицистическихъ статей въ „Основѣ“ (Антоновичъ), въ „Вѣстникѣ Европы“ (Драгомановъ), въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ изд. Корша (Драгомановъ, Волковъ), въ Галицкихъ изданіяхъ и т. д. „Позорной памяти“ Высочайшее повелѣніе 1876 г., совершенно упразднившее все украинское движеніе, вывело, наконецъ, и этотъ кружокъ изъ предѣловъ легальной дѣятельности и вызвало изданіе „Громады“ въ Женевѣ. Одновременно съ этимъ началось движеніе въ земствѣ, и уже въ 1879 году состоялся упомянутый въ этой запискѣ съѣздъ (едва ли не первый въ Россіи) земскихъ дѣятелей, которые, соединившись съ К. Громадой рѣшили дѣйствовать путемъ земскихъ петицій и для этого хотѣли попробовать уговорить „бунтарей“ прервать на время ихъ террористическую дѣятельность...

Вся эта дѣятельность не могла не беспокоить довольно многихъ; жандармскіе власти узнали о ней, разумѣется, позже всѣхъ. Первыми отозвались польскіе помѣщики, которые еще въ 1863 г. подавали доносы на Антоновича и Рыльского, „проповѣдовавшихъ новую гайдамачину“. Затѣмъ послѣдовали доносы кіевского профессора Гогоцкаго, потомъ не выдержавъ и редакторъ „Кіевлянина“ Шульгинъ, нашедшій себѣ менѣе талантливаго, но еще болѣе безнравственнаго наслѣдника въ лицѣ Пихно. Печатные доносы Шульгина вызывали сотрудничество извѣстнаго предателя Костомарова—М. В. Юзефовича, мѣстнаго славянофила Ригельмана, городского головы Ренненкампа (чуть ли не родного брата нынѣшняго покорителя Сибири) и др. Въ 1876 г. Юзефовичу удалось выхлопотать въ Петербургѣ назначеніе, помимо кіевского Генераль-Губернатора Дондукова-Корсакова, особой комиссіи изъ Шефа Жандармовъ, Министерства Внутр. дѣлъ, Народн. просвѣщ. и самого Юзефовича, которая и создала упомянутое выше Высочайшее повелѣніе, сопровождавшееся изгнаніемъ изъ университета Драгоманова и высылкой изъ Кіева Чубинскаго, Беренштама, Житецкаго и др. Наконецъ, въ 1879 г., когда началось вѣшанье и массовыя ссылки въ Сибирь, можно было дѣйствовать уже безъ всякихъ церемоній. По соизволенію тогдашней кіевской „черной сотни“, съ Юзефовичемъ во главѣ, съ Новицкимъ и Стрѣльниковымъ въ видѣ главныхъ дѣйствующихъ силъ, рѣшено было связать во что бы ни стало кружокъ украинцевъ съ прочими „преступными обществами“ для того, чтобы найти такимъ образомъ основаніе преслѣдовать ихъ, какъ членовъ одной революціонной партіи. Матеріаль для этого дѣла доставленъ, какъ мы видимъ, главнымъ образомъ, Веледницкимъ и Богославскимъ. Веледницкій, совершенно глупый болтуны, никогда не бывшій въ сколько-нибудь близкихъ сношеніяхъ не только съ „Старой Громадой“, но и съ украинской молодежью, показывалъ все, что когда-нибудь урывками слышалъ отъ другихъ, безъ толку, все путая и перемѣшивая. Богославскій—добродушный, очень еще молодой и не особенно далекій семинаристъ, зналъ гораздо больше, если не о „Старой Громадѣ“, то о молодежи, между которой вращался нѣсколько лѣтъ. Стрѣльниковъ и Новицкій постарались устроить для него приговоръ къ смертной казни и, когда этотъ приговоръ состоялся, потребовали отъ него „откровенныхъ признаній“. Бѣдный мальчишкѣ (ему было, вѣроятно, лѣтъ 16—17 тогда) не выдержавъ и съ петлей

на шеѣ давалъ всѣ показанія, какія отъ него требовались, причемъ, однако, справедливость заставляетъ насъ признать, что его показанія были, во-первыхъ, далеко не вполне искренни (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ могъ сказать много болѣе), а во-вторыхъ, по возможности разборчивы, такъ какъ наиболѣе компрометирующія вещи онъ сообщалъ о лицахъ, находившихся „въ черты досягаемости“. Благодаря всему этому печатаемая „записка“ получила характеръ очень неполный, сбивчивый и лишенный всякой перспективы, а главное—чрезвычайно односторонній съ явной тенденціей выставить дѣятельность извѣстныхъ лицъ въ возможно болѣе яркомъ свѣтѣ и приписать имъ то значеніе, какого они въ дѣйствительности не имѣли, тогда какъ другія лица съ гораздо болѣе глубокимъ, хотя и менѣе, можетъ быть, замѣтнымъ снаружы значеніемъ остались, сравнительно въ тѣни.

Кружки молодыхъ украинцевъ, какъ кружки студенческіе не могли быть, разумѣется, долговѣчны, но за то уже по своему темпераменту давали больше нищи автору „записки“. Свѣдѣнія относительно ихъ также очень сбивчивы; довольно много лицъ пропущено, еще больше упомянуто такихъ, какіе никогда къ украинскимъ организаціямъ не принадлежали. Мы постараемся по возможности исправить эти неточности на сколько позволятъ память и наши личные знакомства съ этими кружками и ихъ членами.

1) В. Ф. Животовскій никакого участія въ Кіевскихъ украинскихъ кружкахъ несомнѣнно не принималъ.

2) Н. В. Ковалевскій былъ уволенъ отъ службы за политическую неблагонадѣжность въ 1876 г., а потомъ былъ сосланъ во время Паниютинскаго погрома въ Одессѣ въ 1879 г. административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь. По прошествіи 5-ти лѣтъ могъ возвратиться на Украину и въ девятидесятыхъ годахъ умеръ въ Кіевѣ.

3) М. П. Ковалевская, уродженная Воронцова (сестра извѣстнаго экономиста-писателя В. В.) послѣ приговора въ апрѣлѣ 1879 г. по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи была отвезена на Кару и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ отравилась во время одного изъ „бунтовъ“ заключенныхъ.

4) Л. П. Барышева въ то время была уже вдовой. М. П. Ковалевской мы не помнимъ въ „стриженной“ нигилистической формѣ.

5) М. П. Драгомановъ, будучи уволенъ изъ университета по 3-му пункту, выѣхалъ за границу по паспорту.

6) Подъ этимъ именемъ извѣстны были главнымъ образомъ полезныя народныя изданія начала 60-хъ годовъ. Главной же цѣлью основанія украинской типографіи въ Женевѣ были изданіе журнала „Громада“, а не „мѣталыковъ“.

И. И. Зиберъ, извѣстный экономистъ, никогда не скрывался и, выйдя въ отставку, вслѣдствіе увольненія Драгоманова, переселился вполне легально въ Бернъ, гдѣ его супруга, Олимпія Ник. (впослѣдствіи Ненцкая) училась медицинѣ.

7) Оффиціальной причиной высылки Хр. Ив. Волковой (нынѣ умершей) въ Вятку и потомъ въ Астрахань было упорство, съ которымъ она отказывалась назвать настоящее имя своей подруги, арестованной подъ чужимъ именемъ и имѣвшей при себѣ ея адресъ, причемъ это чужое имя Хр. И. Волковой извѣстно не было.

8) Постоянныхъ функцій секретаря и докладчика въ Кіевской Громадѣ не существовало.

9) Ни продажи изданій, ни отчетности по ней Ф. К. В—въ никогда не велъ; въ Женевѣ же принималъ участіе не въ устройствѣ типографіи, а въ редакціи журнала „Громада“.

10) Подобное названіе, если и употреблялось кѣмъ-нибудь, то, разумѣется, только случайно.

11—12) Это была попытка устройства частныхъ женскихъ курсовъ: Волковъ читалъ физику и химию (разумѣется, не по Фейербаху), Зиберъ—политическую экономію (Маркса онъ никогда не переводилъ, а только комментировалъ), Драгомановъ—всеобщую исторію, В. Б. Анотовичъ исторію Украины и проч. Зиберъ читалъ въ квартирѣ не Волкова, а Драгоманова; въ числѣ слушательницъ была и Л. А. Александрова, впоследствии Волкенштейнъ.

13) Выраженіе „желтый интернаціоналъ“ было однимъ изъ *bon-mot* Драгоманова, по адресу нѣкоторой части „своей молодежи“, любившей иногда засиживаться за бутылкой пива. Означало оно нѣчто въ родѣ французскаго слова *bohème* и ничего болѣе коварнаго въ себѣ не заключало. „Уставъ“ проектировался кѣмъ то просто въ видѣ шутки и даже не на письмѣ, а просто въ веселомъ разговорѣ.

14) Сколько помнится, С. В. Старицкая никогда никакого пансіона не содержала; начальную школу для приходящихъ дѣтей, въ которой учились и дѣти Старицкой, содержали М. Θ. и С. Θ. Линдфорсъ, изъ которыхъ первая померла, а вторая, нынѣ С. Θ. Русова, занимается публицистикою.

15) М. П. Старицкій переводилъ на украинскій языкъ сербскія народныя пѣсни и сказки Андерсена. За границей, никогда и не бывалъ.

16) Чубинскій Павелъ Платоновичъ, извѣстный этнографъ, былъ сосланъ въ 1863 г. по доносу Трепова (отца), своего сосѣда по имѣнію, въ Архангельскую губернію, затѣмъ въ началѣ 70-хъ годовъ былъ командированъ И. Р. Географическимъ Обществомъ для изученія Юго-Западнаго края. По окончаніи экспедиціи онъ былъ избранъ членомъ администраціи по дѣламъ Торговаго Дома Яхненко и Самиренко и жилъ тогда въ с. Городищѣ, Кіевской губерніи, и затѣмъ въ Кіевѣ, откуда въ 1876 г. былъ высланъ въ Петербургъ.

17) Богословскій, вѣроятно, слышалъ о пѣснѣ „Ще не вмерла Украина“, написанной Чубинскимъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ и приписывавшейся потомъ Шевченку. Сборищъ молодежи у Чубинскаго никогда не бывало; бывали же у него старшіе члены „Громады“.

18) Вилимка. Подъ этимъ именемъ Беренштамъ фигурировалъ въ импровизированной однажды Драгомановымъ шуточнѣй „челобитной“ отъ „Кіевскихъ черкасскихъ людишекъ“—на притѣсненія московскихъ воеводъ,—въ стилѣ челобитныхъ 15 столѣтія. Роль казначея „Громады“ въ разное время выполняли и другія лица. Расходы Громады бывали значительны, напр. во время поддержки ею возстанія Пеко Павловича и другихъ Герцеговинскихъ героев. Упоминаемый здѣсь Яновскій, напр., содержалъ въ Герцеговинѣ цѣлый отрядъ волонтеровъ, которымъ самъ предводительствовалъ.

19) Ни Цвѣтковскій ни кто бы ни было изъ кіевскихъ украинофиловъ, ни въ какихъ приготовленіяхъ къ Чигиринскому бунту ни малѣйшаго участія не принимали и по принципу принимать не могли. Поводомъ же къ показанію Богославскаго могло послужить то, что нѣкоторые изъ кіевскихъ украинскихъ кружковъ приглашали къ себѣ подъ предлогомъ работы, а иногда и дѣйствительно пилить дрова, чигиринскихъ крестьянъ, содержавшихся

по поводу этого бунта при кievскихъ полицейскихъ частяхъ и не получавшихъ тамъ пищи, а отпускаящихся съ цѣлью заработка въ городъ.

20) Отъ должности увольняемъ не былъ, а былъ просто переведенъ въ Петербургъ, гдѣ былъ преподавателемъ долгое время въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

21) Здѣсь Пав. Игн. Житецкій смѣшанъ съ родственникомъ Продиономъ, который въ 1876 г. дѣйствительно былъ сосланъ въ Вятку, а потомъ въ Астрахань. Михалевичь и до настоящаго времени живъ; живетъ въ Елисаветградѣ, куда возвратился послѣ 10 лѣтней ссылки на Кару за предполагавшееся составленіе и паданіе имъ съ другими лицами книжки по политической экономіи на малорусскомъ языкѣ.

22) А. Ф. Линдфорсъ, мировой судья и членъ Черниговскаго земства, терпѣвшій преслѣдованія отъ III отдѣленія вмѣстѣ съ предсѣдателемъ губернской управы А. П. Карпинскимъ и членомъ ея Н. Н. Милорадовичемъ за рѣчи о характерѣ дѣятельности правительства въ дѣлѣ обузданія земской учительской семинаріи въ Черниговѣ.

23) На собраніи этомъ, кромѣ постороннихъ лицъ, были еще нѣсколько лицъ отъ украинофиловъ и земцевъ, отъ террористовъ—Осинскій, Дебогорій-Мокрѣевичъ и М. П. Ковалевскій, а отъ народниковъ—Кацъ. Главной цѣлью его было убѣдить крайнія партіи прекратить террористическую дѣятельность въ виду предполагавшейся подачи Государю петиціи отъ всѣхъ земствъ о введеніи конституціи. Террористы прямо отвергли возможность прекратить свою дѣятельность и ушли. Остальные же приняли рѣшенія, легшія въ основаніе представленнымъ потомъ земскимъ адресовъ. Въ сѣздѣ участвовали также и представители прогрессивныхъ, но не социалистическихъ польскихъ партій.

24) Какъ было сказано выше, въ Чигиринскомъ дѣлѣ *никто* изъ украинцевъ участія не принималъ.

25) Клоссовскій, сколько намъ извѣство, членомъ „Кievской Громады“ не былъ.

26) Умеръ въ началѣ 80-хъ годовъ отъ возвратнаго тифа, которымъ былъ боленъ и во время войны. Поѣздка за границу и участіе въ Казанской демонстраціи очень сомнительны.

27) Кievская Громада въ отправкѣ Разумова за границу никакого участія не принимала.

28) Ни Волковъ, ни Винниченко—„во главѣ“ Кievской Громады никогда не стояли и, какъ люди сравнительно молодые, и состоять не могли.

29) Освобожденіе Топчаевского и Ляхоцкаго изъ части (кажется, Старокievской), гдѣ они содержались, было устроено и использовано Лобанчукомъ. Съ этой цѣлью онъ началъ посѣщать сосѣдніе кабаки, гдѣ и свелъ знакомство съ городовыми. Прикинувшись затѣмъ однажды безработнымъ и немѣющимъ ночлега, онъ попросилъ у своихъ новыхъ пріятелей гостепримства въ ихъ помѣщеніи въ части и повторилъ свои посѣщенія неоднократно. Съ однимъ изъ городскихъ, бывшимъ жандармомъ, онъ сошелся особенно близко и успѣлъ привлечь его вполне на свою сторону. Съ его помощью удалось сдѣлать слѣпки съ ключей отъ камеръ заключенныхъ и затѣмъ, выбравши ночь, когда дежурнымъ былъ одинъ изъ старшихъ городскихъ, отличавшихся особымъ усердіемъ, Лобанчукъ явился опять ночевать въ часть, захвативши съ собою бутылку рому съ примѣсью надлежащаго количества хлораль-гидрата.

Когда всё уснули, Лобанчуку и его пріятелю было очень нетрудно отворить камеры и увести арестантовъ, изъ которыхъ одинъ, студентъ Кіевскаго университета Савенко отъ побѣга отказался въ виду скорого освобожденія. Изъ освобожденныхъ Топчаевскій скрывался въ Россіи, пока не былъ опять арестованъ. Ляхоцкій же (Антонъ Григорьевичъ) уѣхалъ въ Австрію, былъ арестованъ во Львовѣ, по дѣлу Франка, Павлика, Черепахина и др., осужденъ на мѣсяць тюрьмы и затѣмъ будучи вывезенъ за предѣлы Австріи, пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ познакомившись съ типографскимъ дѣломъ, завѣдывалъ украинской типографіей „Громады“. будучи больше извѣстенъ подъ прозвищемъ „Кузьма“, а не „Хомы“, какъ по ошибкѣ сказано въ воспоминаніяхъ О. Любатовича въ іюньской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ.

31) Сергій Александровичъ Подолинскій былъ сыномъ довольно извѣстнаго въ свое время поэта изъ группы непосредственныхъ подражателей Пушкина. Получивши блестящее образованіе, онъ по окончаніи университетскаго курса, примкнулъ было къ партіи Лаврова, но затѣмъ, сблизившись съ Драгомановымъ, началъ работать въ украинскомъ направленіи, сдѣлавшись однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ партіи. Онъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ брошюръ „Парова машина“ и др. Кромѣ того вмѣстѣ съ Павликомъ онъ принималъ участіе въ редакціи „Громады“ во второмъ періодѣ ея существованія. Будучи затѣмъ въ полномъ цвѣтѣ молодости постигнувъ прогрессивнымъ параличемъ, онъ былъ привезенъ въ безсознательномъ уже состояніи въ с. Ярославку, Кіевской губерніи, гдѣ скоро и умеръ.

32) Изъ трехъ братьевъ Лиятваревыхъ—Петра Ив., Дмитрія Ив. и Георгія Ив., послѣдній былъ извѣстенъ подъ шуточнымъ названіемъ „бабушки“. Онъ, какъ и старшій его братъ П. И., умеръ очень рано къ большому сожалѣнію его друзей, высоко цѣвившихъ его глубоко симпатичный характеръ и идеальную доброту.

33) Поводомъ къ высылкѣ Огодѣвца было появленіе его въ качествѣ свидѣтеля со стороны защиты по дѣлу о кіевскомъ вооруженномъ сопротивленіи въ 1879 г.

34) Н. И. Троицкій никогда въ Женеву не ѣздилъ, а былъ въ Вѣнѣ съ цѣлью лечиться отъ болѣзни, сведшей его скоро въ могилу. Упоминаемые „бланки съ красными печатями“—какая-то путаница, не имѣющая, кажется, никакого реальнаго основанія.

35) Во второмъ томѣ Пражскаго изданія „Кобзаря“, кромѣ стихотвореній Шевченка, печатаніе которыхъ въ Россіи тогда было невозможно, помѣщены только воспоминанія о Шевченкѣ двухъ лицъ, знавшихъ его лично—Костомарова и Микѣшина; никакой же „излагающей порядокъ производства революціи“ статьи въ немъ нѣтъ и въ поминѣ. Это ужъ чистая фантазія составителей „записки“ которая не могла быть подсказана ни Веледницкимъ, ни Богославскимъ, все-таки когда-нибудь видѣвшими пражское изданіе Шевченка. Также къ области фантазіи слѣдуетъ отнести и свѣдѣніе о томъ, что Волковъ съ Ильницкимъ постоянно говорили между собою шепотомъ.

36) Дѣло идетъ, вѣроятно, объ Александрѣ Яковл. Ковисскомъ, извѣстномъ украинскомъ литераторѣ (уже умершемъ), авторѣ едва ли не лучшей до сихъ поръ біографіи Шевченка, принимавшемъ большое участіе въ основаніи „Науковаго Товариства им. Шевченка“ во Львовѣ, но радикально расходившемся съ демократическими идеями Драгоманова и даже вышедшаго изъ кіевской „Громады“ вслѣдствіе ея слишкомъ радикальнаго направленія.

37) Изъ всѣхъ упоминаемыхъ здѣсь выдачь, въ дѣйствительности существовала только одна 1200 (а не 1500 р.) рублей Драгоманову, которая уплачивалась ему, да и то не всегда аккуратно, взамѣнъ его доцентскаго жалованья, до назначенія его профессоромъ Софійской Высшей Школы. Такую же сумму получалъ и Волковъ, но только во время двухгодичнаго пребыванія его въ Женевѣ (1876—1878) въ качествѣ соредатора „Громады“. Женѣ его, равно какъ и другимъ ссыльнымъ, разумѣется, была оказываема нѣкоторая поддержка, но далеко не въ указываемыхъ размѣрахъ. Выдача денегъ Мокривичу—чистѣйшая выдумка съ цѣлью связать украинофильство съ какими-нибудь бунтарскими дѣйствіями.

38) Последнее выраженіе можетъ быть и употреблялось для обозначенія одной изъ квартиръ, гдѣ жили учившіяся барышни, но въ смыслѣ какого то „подраздѣленія или кружка“—это, разумѣется, вздоръ.

39) Подобный клубъ на Подолѣ, если и существовалъ, то вѣроятно позже.

40) Не „Короткевича“, а „Короткевичей“, названныхъ такъ просто по фамилии домохозяина, сынъ котораго, кажется, дѣйствительно, былъ студентомъ, но съ квартирантами отца ни въ какихъ сношеніяхъ не состоялъ.

41) Фойницкій, братъ профессора Фойницкаго, уже умершій.

42) Забавная шпионская путаница: дѣло идетъ объ одномъ студентѣ, который никогда не назывался Хмельницкимъ и въ дѣйствительности не былъ даже Богданомъ, но назывался такъ потому, что носилъ фамилію довольно извѣстнаго польскаго писателя и личнаго друга Шевченка, имя котораго было Богданъ. Ни онъ, ни всѣ упоминаемыя послѣ него лица въ домѣ Короткевича не жили.

43) Здѣсь говорится, очевидно о Скиданѣ и Савдерѣ, организовавшихъ вмѣстѣ съ Вереденкомъ столовую. Въ домѣ Вереденко помѣщалась столовая революціонеровъ, которыхъ ежедневно обѣдало до 200 человекъ. Вся обстановка, посуда были общественныя. Дежурные украинцы, члены новой или молодой революціонно-настроенной Громады, сами покупали мясо, хлѣбъ и прочую провизію; они дежурили на кухнѣ при отпускѣ порцій, отбирали деньги за обѣдъ и т. д. Хозяйкой столовой была мать Грибенюка, кухаркой его сестра Горпына, прислужницей сестра Ганя.

Когда послѣ крестнаго хода на Байковое кладбище, на могилу упоминаемаго ниже Велюстина, хода, начавшагося изъ помѣщенія столовой, послѣдняя полиціей была закрыта, то мать Грибенюка открыла упоминаемую свою другую столовую. Послѣ *вторичнаго ареста* и высылки Грибенюка, столовая просуществовала до 1886 г. Про эту столовую, ея борщъ, вареники, голубцы, сотни революціонеровъ разносили славу многіе годы своей жизни по нестоль отдаленнымъ, по сѣвернымъ губерніямъ, по далекой Сибири, въ тюрьмахъ и рудникахъ. Старуха Грибенючка умерла 1904 году.

44) Вѣрнѣе—Маурмовичъ.

45) Частое наименованіе того или другого лица „руководителями украинофиловъ“ у людей, жившихъ въ 70-е и 80-е годы и бывшихъ членами старой Кіевской Громады, можетъ вызвать только улыбку. Въ печатаемомъ трудѣ Департамента полиціи всѣ называемыя по фамиліямъ лица показаны, какъ члены одной партіи, жившіе и работавшіе вмѣстѣ, въ одно и то же время. На дѣлѣ же, въ то время, когда Беренштамъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ, Драгомановъ—профессоромъ, оставившимъ службу учителя кіевской 2-й гимназіи,

такія лица, какъ Гольденбергъ или Бать еще учились во 2—3-мъ классѣ Кіево-Подольской прогимназіи и потому не могли еще быть членами ни старой, ни молодой, болѣе революціонной, Громады. Для постороннихъ читателей уяснить идейную связь дѣдовъ, отцовъ и дѣтей, переименованныхъ здѣсь, могутъ лишь воспоминанія о нихъ мѣстныхъ людей, что могъ бы выполнить мѣстный историческій журналъ „Україна“, издаваемый въ Кіевѣ. Печатаемая же записка представляетъ только лишь канву для подобныхъ отдѣльныхъ мемуаровъ и историческихъ монографій о разныхъ эпохахъ украинофильства. Приведенный въ этой записки перечень не обнимаетъ и малой доли всѣхъ высланныхъ, заслуженныхъ и казенныхъ въ Кіевѣ украинскихъ революціонеровъ разныхъ отгѣнковъ, направленийъ хотя-бы по 1881 году. Крайне необходимо припомнить характерную черту взаимоотношеній правительственныхъ чиновниковъ и преслѣдуемыхъ ими революціонеровъ. Напр., Судейкинъ, Новицкій, Стрѣльняковъ, слѣдователь Лелека и проч. настолько мизерные простенькіе были, что въ общемъ стояли нисколько не выше простого сельскаго урядника. Пользовались и злоупотребляли они главнымъ образомъ довѣрчивостью, прямодушіемъ излавливаемыхъ ими идеалистовъ.

Главнымъ средствомъ у чиновниковъ кіевскихъ была немудреная штука, строго запрещающаяся закономъ, это обманъ подсудимаго, устрашеніе. Устрашеніемъ много узнали, напр., отъ студентовъ кіевского университета Кирилова, Саранчева. А первымъ способомъ, обманомъ, весьма многихъ вводили въ большое уныніе: обыкновенно при арестѣ новаго лица сообщали ему тотчасъ же, что на него указаль или выдалъ его, его товарищъ, арестованный раньше его. Для этого тутъ же указывали на общія дѣла и т. д. Этимъ, впрочемъ, достигалась, главнымъ образомъ, только большая деморализація, запутанность отношеній, недовѣріе у оставшихся на свободѣ. Много неприятностей дѣлалъ для жандармовъ одинъ изъ секретныхъ складовъ революціонныхъ книгъ, динамита, оружія, фтористоводородной кислоты и т. п. за періодъ времени съ 1877 по 1882 г.

Ужъ какъ сладки были искатели этого клада при допросахъ арестованныхъ! Но они такъ и пенсію выслужили, не нашедши его.

Пажескіе годы П. И. Пестеля.

Крупнѣйшій декабристъ Павелъ Ивановичъ Пестель былъ, какъ извѣстно, питомцемъ Пажескаго корпуса.

Въ виду почти полного отсутствія свѣдѣній о пажескихъ годахъ Пестеля въ извѣстной монографіи Н. Павлова-Сильванскаго (Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ), считаемъ необходимымъ привести нѣсколько новыхъ данныхъ по этому предмету, неизвѣстныхъ большой публикѣ.

По экзаменаціонному списку о камеръ-пажахъ и пажахъ отъ 8 ноября видно, что П. И. Пестель числился пажемъ съ 6 іюня 1803 г., камеръ пажемъ съ 24 декабря 1810 г. и получилъ лучшіе баллы, почему и былъ поставленъ въ списокъ первымъ. По отдѣльнымъ предметамъ баллы распредѣлились такъ: алгебра—79, геометрія—79, тригонометрія—30, коническія сѣченія—60, „вышняя“ тригонометрія—78, практика сниманія мѣстности—16, фортификація полевая—40, долговременная—85, „регулярная“—39, атака и оборона крѣпостей—42, артиллерія—76, физика—33, статика и механика—72, черченіе плановъ—28, рисованіе—30, языкъ русскій—80, нѣмецкій—98, французскій—98, статистика—60, исторія—50, тактика—30, „дипломація“ и „политика“—100. Общая сумма балловъ составляла 1303.

Въ томъ же списокѣ помѣщены въ послѣдовательномъ по суммѣ балловъ порядкѣ: Василій Ушаковъ I, Эдуардъ Адлербергъ, Николай Пуцинъ, Михаилъ Лукашевичъ, Михаилъ Окуневъ, Карлъ Оде-де-Сіонъ и Платонъ Беклешовъ 2.

Въ дѣлѣ же со спискомъ выпускныхъ пажей 1811 г. означено, что всѣ восемь поименованныхъ пажей произведены 14 декабря 1811 г. прапорщиками въ л. гв. Литовскій (т. е. нынѣшній Московскій) полкъ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе удивительное совпаденіе даты производства Пестеля въ офицеры съ датой бунта на Исаакиевской площади. Въ этомъ списокѣ переименованъ порядокъ пажей; Пестель сохраняетъ первое мѣсто, но затѣмъ слѣдуютъ: Адлербергъ, Пуцинъ, Лукашевичъ, Беклешовъ, Окуневъ, Ушаковъ и Оде-де-Сіонъ. Слѣдовательно, Пестель, указанный первымъ въ обоихъ спискахъ, долженъ бы быть записаннымъ на мраморную доску. Между тѣмъ въ списокѣ „отличнѣйшихъ“ подъ 1811 г. записанъ Владиміръ Адлербергъ. Объясненіе этому явленію можно найти въ свѣдѣніи, передаваемомъ Сильванскимъ и заключающемся въ томъ, что послѣ 14 декабря 1825 г. доска съ именемъ Пестеля была разбита. Думается, что теперь, когда исторія декабристовъ сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія и становится знакомой самымъ широкимъ кругамъ общества, на мраморной доскѣ „первыхъ“ пажей должно быть возстановлено имя „перваго“ декабриста, ибо на доску заносятся фамиліи пажей по экзаменаціоннымъ отмѣт-

камъ въ корпусѣ, внѣ зависимости отъ послѣдующей ихъ политической дѣятельности.

Экзамены въ научныхъ предметахъ камеръ-пажамъ 1811 г. производилъ не самъ государь. Дѣло было такъ. Фронтное занятіе пажей въ то время было не изъ отличныхъ. По словамъ пажы Дарагана, не было ни одиночной выправки, ни ружейныхъ пріемовъ, ни маршировки, и лишь лѣтомъ одинъ мѣсяць посвящался фронту, когда камеръ-пажи, командуя маленькими взводами, съ большимъ трудомъ усваивали премудрости тогдашняго экзерциргаузнаго искусства, сложныхъ деплоядъ съ контръ-маршами и построений анэшикье. А между тѣмъ плацпарадъ былъ идоломъ тогдашняго военнаго воспитанія, когда фельдмаршальскій жезлъ обратился въ палочку тамбуръ-мажора и военные люди говорили, что война портитъ армію. 21 января 1811 г. кн. Голицынъ писалъ генералу Клинеру, что, по приказанію государя, „удостоеніе камеръ-пажей по экзамену къ выпуску въ гвардію офицерами, хотя основано будетъ на тѣхъ же самыхъ правилахъ, какія доселѣ были наблюдаемы, т. е. что преимущество ихъ предъ другими опредѣлится большинствомъ экзаменныхъ балловъ, означающихъ успѣхи ихъ въ наукахъ, но при всемъ такомъ отличіи они будутъ послѣ экзаменованы въ фронтной службѣ и ежели кто изъ нихъ окажется въ оной незнающимъ, тотъ не будетъ назначенъ къ выпуску, ибо Его Величеству благоугодно, чтобы успѣхи камеръ-пажей и пажей въ преподаваемыхъ имъ наукахъ неперемѣнно соединены были вмѣстѣ съ знаніемъ и фронтной службы. Это предупрежденіе не осталось безъ исполненія: въ томъ же году, 14 декабря, фронтной экзаменъ произвелъ самъ Государь. Ушаковъ и Оде-Сіонъ были отставлены отъ производства за плохое знаніе фронта и были произведены лишь 31 декабря. Этотъ фронтной экзаменъ, дѣйствительно произведенный самимъ Государемъ, во первыхъ, очистилъ второе мѣсто для Адлерберга, а во вторыхъ, далъ поводъ сказать сперва графу Милорадовичу въ его книгѣ „Матеріалы по исторіи Пажескаго корпуса“, затѣмъ автору рецензіи на его книгу во „Всемирной Иллюстраціи“ за 1886 г. и, наконецъ, Павлову-Сильванскому, что государь экзаменовалъ весь выпускъ по наукамъ. Пажъ Толстой въ своихъ „Remarques journalières“, находящихся въ бумагахъ П. Я. Дашкова, записалъ о фронтномъ экзаменѣ пажей выпуска 1811 г.: „L'Empereur examina les pages de la chambre dans l'exercice et fit sortir 6 d'entre eux comme enseigne au régiment des gardes de Lithuanie nouvellement formé; il laissa Sion et Ouchakoff pour les examiner une autre fois“.

Для иллюстраціи положенія Пестеля въ корпусѣ и тѣхъ его крупныхъ способностей, которыя помогли ему стать первымъ по выпуску, не взирая на недолгое его пребываніе въ стѣнахъ заведенія, нельзя не упомянуть о той запискѣ, въ которой генералъ Клинеръ просилъ Государя объ отставленіи Пестеля отъ производства въ 1811 г. Свое ходатайство Клинеръ подкрѣплялъ рядомъ соображеній. Во первыхъ, Пестель, по его мнѣнію, пробылъ въ корпусѣ всего полтора года, а камеръ-пажомъ только десять мѣсяцевъ; между тѣмъ „не было еще примѣру, чтобы кто изъ камеръ-пажей выпущенъ былъ, не пробывъ, по крайней мѣрѣ, два года въ семь званій“. Во вторыхъ, „дабы превзойти другихъ, долженъ онъ былъ спѣшить въ приобрѣтеніи оказанныхъ имъ при экзаменахъ познаній, а потому едва ли они могутъ быть прочны“. Въ третьихъ, камеръ-пажъ Адлербергъ пробылъ въ этомъ званіи уже два года и во всѣхъ частяхъ имѣетъ весьма хорошія познанія, соединенныя съ основатель-

ными понятіями по части военной экзерциціи“. Наконецъ, Клиндгеръ находилъ, что этотъ случай является первымъ покушеніемъ на вторженіе родительской власти въ сферу распоряженій пажескаго начальства, ибо отецъ Пестеля писалъ, что отставленіе его сына отъ выпуска онъ почтетъ за обиду для него. Словомъ, Клиндгеру хотѣлось, чтобы Пестеля не производили въ офицеры и первымъ оказался бы Адлербергъ.

Однако князь Голицынъ увѣдомилъ Клиндгера, что камеръ-пажи и пажи должны представляться къ выпуску не по числу нахождения въ званіи, а по числу балловъ.

И Пестель, какъ сказано выше, былъ первымъ по выпуску.

Соперникомъ Пестеля въ корпусѣ былъ В. Ф. Адлербергъ, близкій чело-вѣкъ Николаю I, впоследствии командующій императорскою главною квар-тирою и министръ императорскаго двора. Близость Адлерберга къ Николаю Павловичу видна изъ 36-го пункта духовнаго завѣщанія послѣдняго отъ 3 марта 1845 г. „Г. а. Адлербергу оставляю часы, что я всегда ношу съ 1815 г., и сере-брянную чашу, въ которой я голову обкачивалъ, въ память, что мы съ нимъ въ дѣтствѣ всегда ею любили играть“. Очевидно, эта близость Адлерберга къ Николаю Павловичу была причиною желанія пажескаго начальства затереть талантливаго Пестеля.



ГАВАЙСКІЙ СЕНАТОРЪ ¹⁾

I

Неожиданная встрѣча

Поздній вечеръ. Большой тихоокеанскій пароходъ Gallie послѣ 22-дневнаго перехода изъ Японіи черезъ Ванкуверъ медленно подходилъ къ Санъ-Франциско. Городъ былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ. Я стоялъ на палубѣ съ страннымъ и очень сложнымъ чувствомъ, о которомъ предоставляю догадываться читателю. Иабѣжавъ опасности русско-сибирскаго климата, пройдя невредимо всѣ чары тропической природы Японіи и грозы суровой тихоокеанской стихіи, я готовился, наконецъ, высадиться на свободную землю великой республики, гдѣ, по сказанію былинъ, все течетъ млеко и медомъ. Впервые я чувствовалъ себя свободнымъ и въ безопасности; но будущее было закрыто завѣсой... Вотъ сейчасъ или завтра должна начаться какая-то новая жизнь на твердой землѣ среди людей Новаго Свѣта. Я уже свыкъся съ положеніемъ травленаго звѣря; мнѣ было жалко разстаться съ нимъ, и новая жизнь какъ будто пугала меня своей неизвѣстностью. Пароходъ причалилъ, соединился съ землей... Всюду шумъ, крики, оживленные лица, непонятная рѣчь. Я былъ подавленъ разнообразными чувствами. Какъ-то нехотя я захватилъ свой нехитрый багажъ и машинально послѣдовалъ за толпой съ парохода на пристань; такъ же непонятно я очутился какъ-то въ мебелированной комнатѣ неподалеку отъ пристани. Долго описывать первыя впечатлѣнія человѣка Стараго Свѣта, попавшаго въ Новый Свѣтъ. Цѣлую недѣлю я рассказывалъ по огромному диковинному городу безъ думы о будущемъ и прошедшемъ, всецѣло отдавшись внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Все тутъ поражало огромными размѣрами: самъ городъ, улицы, дома и вывѣски на нихъ и на заборахъ; дыни, арбузы и другіе фрукты; лошади, телѣги—все было необычайныхъ размѣровъ. Даже деньги, и тѣ нарушали рутинныя пред-

¹⁾ Этотъ рассказъ Е. Е. Лазарева первоначально появился въ заграничномъ русскомъ журналѣ „Наканунъ“ (см. №№ 26—32 этого изданія за 1901 г.), и затѣмъ вышелъ за границу (въ 1902 г.) отдѣльною брошюрою. Мы перепечатаваемъ его въ нашемъ журналѣ съ любезнаго разрѣшенія Е. Е. Лазарева. *Ред.*

ставленія челоѣка Стараго Свѣта. Извѣстно, что американцы считаютъ время, положеніе и достоинство челоѣка на доллары и центы, но въ Калифорніи, классической странѣ золота и Линча, меньше 5-центовою монетою въ обращеніи не имѣется. Какъ челоѣку безъ языка, мнѣ приходилось доходить до многихъ истинъ Новаго Свѣта горькимъ личнымъ опытомъ. Купилъ я однажды яблоко и подаль торговцу 5-центовую монету, ожидая сдачи; тотъ взялъ ее, бросилъ въ свой ящикъ и спокойно отвернулся. Дорогонько, думаю... но я понялъ, что угодилъ, какъ разъ... Постоялъ немного; вижу, за тѣ же 5 центовъ одинъ беретъ арбузъ, другой набилъ карманъ яблоковъ, третій взялъ нѣсколько апельсиновъ, а женщина, наполнивъ свою корзину яблоками и апельсинами, заплатила за все 10 центовъ... Подбѣжала блуза схватила торопливо три яблока, бросила 5 центовъ и, не глядя на торговца, побѣжала дальше. Я тоже побрелъ дальше, понимая меньше, чѣмъ раньше что-нибудь въ торговой системѣ Новаго Свѣта. Я былъ въ полномъ смыслѣ green horn, т. е. желторотый галченокъ.

Въ ожиданіи отвѣтныхъ писемъ я учился языку и читалъ по словарю газеты. Съ непривычки англійское правописаніе и произношеніе можетъ самаго неисправимаго оптимиста съ перваго же приѣма привести въ отчаяніе, а въ недѣлю довести до пелли или до запая. Обучающійся тотчасъ же долженъ принять себѣ за правило не произносить такъ, какъ написано: написано *собака*, говори—*кошка*, и тогда есть шансы, что тебя поймутъ...

Вышелъ я однажды на улицу. Разносчикъ газетъ по обыкновенію кричитъ что-то и на этотъ разъ съ какимъ-то особеннымъ остервенѣніемъ. Прошелъ я 3, 4, 5 улицъ—все тѣ же крики, все то же остервенѣніе; ухо привыкло къ звукамъ: „Russian Tzar!... Russian Tzar!...“ Что за диво, думаю: словно—Русскій Царь! Купилъ газету, пошелъ домой, взялъ словарь и засталъ за кабалястику. Оказалось дѣйствительно—Русскій Царь. Телеграмма большими буквами гласила: „Покушеніе на Царя! Бомба! Много раненыхъ. Въ моментъ отсылки телеграммы неизвѣстно, живъ ли Царь. Опасаются революціи!“

Я заволновался. Вотъ тебѣ и разъ, думаю,—бѣжалъ... сколько хлопотъ принялъ, а тамъ безъ меня—революція!... Въ революціи, признаться, я плохо вѣрилъ; но бомба—упражненіе, вполне согласное съ національнымъ темпераментомъ и административными нравами. Могъ ли я утерпѣть до завтра?!... Со всей наивностью старосвѣтскаго челоѣка я рѣшилъ тотчасъ же получить частное свѣдѣніе въ редакціи объ исходѣ русской революціи. Черезъ часъ и послѣ многихъ комичныхъ церемоній и перепитій я вступилъ въ святая святыхъ большой демократической газеты — въ кабинетъ ея редактора. Кабинетъ, повидимому, былъ пустъ. На полу и на столѣ въ безпорядкѣ были разбросаны огромные газетные листы.

Я остановился въ недоумѣніи; на столѣ среди бумагъ я замѣтилъ торчащія изъ подъ газеты ноги, обутыя въ иаящныя ботинки. Вскорѣ газетный листъ зашевелился и гдѣ-то изъ подъ

стола показалась человѣчья голова. Прежде чѣмъ взглянуть на меня, голова отвернулась и сплонула. Я уже кое-что читалъ раньше о классическихъ обычаяхъ американцевъ и цисколько не смутился, найдя все въ порядкѣ и согласно описаніямъ путешественниковъ.

Нѣкоторое время я стоялъ надъ головой и смотрѣлъ на нее сверху внизъ; голова отвѣчала мнѣ тѣмъ же, но въ обратномъ направленіи—снизу вверхъ. Послѣ такого нѣмого обмѣна привѣтствій я, наконецъ, услыхалъ знакомое: Well!... т. е. „что вамъ угодно?“

Началось довольно оригинальное объясненіе, въ которомъ принимали главное участіе мои руки и всевозможныя тѣлодвиженія. Я показалъ пальцемъ на интересующую меня телеграмму. Послѣ многихъ манипуляцій голова поняла, наконецъ, что я интересуюсь исходомъ русской революціи. Въ доказательство просвѣтлѣнія „головы“ одна ботинка соскочила со стола на полъ. Чтобы вознаграждать „голову“ за причиненное ей безпокойство и объяснить свое поведеніе, мнѣ какъ-то удалось объяснить ей, что я — политическій ссыльный, бѣглець изъ Сибири. Едва голова успѣла проникнуть въ смутный смыслъ моихъ тѣлодвиженій, какъ вторая ботинка послѣдовала примѣру своей товарки; газета откинулась, и я увидѣлъ, что голова сидѣла на плечахъ гладко выбритого человѣка. То былъ редакторъ; онъ быстро всталъ, сильно нажалъ пуговицу электрическаго звонка, и тотчасъ же въ комнату вошелъ высокій молодой человѣкъ. Обмѣнявшись парой словъ съ редакторомъ, онъ заговорилъ со мною сначала по-нѣмецки, потомъ по-французски; я отвѣчалъ одинаково скверно на томъ и на другомъ языкѣ.

Только тутъ я наглядно понялъ всю безмыслицу нашего классическаго да и реальнаго образованія: 7—8 лѣтъ учиться—и въ результатѣ ни въ зубъ толкнуть!... А я еще былъ когда-то первымъ ученикомъ!... Копаешься въ памяти, въ голову приходятъ одни правила да исключенія изъ нихъ, а ни понять, ни сказать не можешь; подсказать тоже некому.

На сцену явились словари на многихъ языкахъ, не исключая и русскаго. Я ужъ началъ раскаиваться въ своемъ нетерпѣніи. Но отступать было поздно: редакторъ и его иностранный репортеръ не выпускали меня изъ рукъ. На всѣхъ возможныхъ языкахъ они объяснили мнѣ, чтобы я подождать, что мнѣ за все заплатятъ... Time is money... На французско-нѣмецкомъ діалектѣ мнѣ объяснили, что въ Санъ-Франциско есть русскій докторъ, человѣкъ очень здѣсь извѣстный; что ему телефонировали и просили его немедленно пріѣхать, что онъ теперь уже на пути въ редакцію. И дѣйствительно черезъ полчаса въ комнату вошелъ человѣкъ въ цилиндрѣ пожилыхъ лѣтъ, съ просѣдью въ бородѣ.

Послѣ короткаго объясненія съ моими собесѣдниками ново-пришедшій обратился ко мнѣ по-русски:

— Вы русскій?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Насколько они поняли васъ, вы бѣжали изъ Сибири?... и интересуетесь телеграммой... и исходомъ русской революціи?

Я объяснилъ обстоятельства, приведшія меня въ редакцію.

Новопришедшій улыбулся и передалъ имъ сказанное мною. Редакторъ заметался, глаза его заблестали; раздалось сразу нѣсколько звонковъ; вошли два новыхъ джентльмента и пригласили меня и доктора-переводчика въ особую комфортабельно обставленную комнату. Подъ сильнымъ освѣщеніемъ насъ усадили рядомъ, а двое нашихъ провожатыхъ вооруженные портфелями и длинными карандашами, усѣлись въ сторонѣ отъ насъ. Докторъ объяснилъ мнѣ, что эти два субъекта— репортеръ и художникъ.

— Одинъ теперь описываетъ вашъ побѣгъ изъ Сибири, а другой рисуетъ насъ обоихъ во всѣхъ видахъ и на всѣ лады.

Докторъ просилъ сообщить имъ то, что я нахожу возможнымъ и удобнымъ.

— Имъ достаточно два-три событія на пути, ваше имя и мѣсто ссылки; въ остальномъ положитесь на ихъ воображеніе, — добавилъ докторъ.

Мы стали знакомиться другъ съ другомъ. Я сказалъ свою фамилію, онъ сказалъ свою.

Доктора звали Николай Константиновичъ Руссель. Фамилія эта мало говорила моему русскому сердцу, но при дальнѣйшемъ объясненіи знакомство наше приняло чисто святочный характеръ. Произошла неожиданная сцена. Двое русскихъ, нѣсколько минутъ тому назадъ мирно бесѣдовавшихъ на самомъ дальнемъ западѣ Америки подъ зоркимъ наблюденіемъ калифорнскихъ репортеровъ, вдругъ вскакиваютъ и бросаются другъ на друга. Обезпеченные свидѣтели, привыкшіе ко всякаго рода боксу, тоже тревожно поднимаются, но, увидѣвъ мирное перекрестное лобзаніе, поспѣшно усаживаются на мѣста и начинаютъ усиленно работать своими карандашами. Объяснивъ репортерамъ, что въ моемъ лицѣ онъ встрѣтилъ неожиданно своего старого пріятеля, докторъ сообщилъ имъ бѣглыя данныя для корреспонденціи и сказалъ, что беретъ меня къ себѣ домой. Мнѣ же пояснилъ:

— Подробностей имъ давать не стоитъ—все равно наврутъ и перепутаютъ; на первый разъ довольно съ нихъ и этого.

Поблагодаривъ восторженнаго редактора и репортеровъ за сниманіе, мы отправились къ доктору, жена котораго, тоже русская женщина-врачъ, была предупреждена по телефону о пріездѣ гостя. На утро мы прочли нѣсколько столбцовъ мелкой печати на огромнѣйшей газетной простынѣ „The Narrow Escape“—побѣга русскаго нигилиста изъ Сибири. Я и докторъ были описаны съ головы до пятокъ и иллюстрированы въ разныхъ позахъ—вмѣстѣ и порознь. Что касается до событій моего благополучнаго побѣга, то я обомлѣлъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ: руки и шея Исава, а голосъ Іакова... Изъ сообщенія я узналъ, что я шелъ чуть не цѣлый годъ черезъ горы и доли, дремучими лѣсами, окруженный дикими звѣрами—медвѣдями, тиграми и даже львами!.. Слышалъ я, что на Амурѣ дѣйствительно тигры водятся... Это еще куда-куда; но зачѣмъ же львы-то?!.. Докторъ однако скоро успокоилъ меня, сказавъ, что все это въ порядкѣ вещей, и сталъ съ этихъ поръ понемножку знакомить меня съ нравами Новаго Свѣта.

II.

Безподобный епископъ.

Почтенный и изрядно поѣдѣвшій докторъ оказался хорошо мнѣ извѣстнымъ товарищемъ по эпохѣ хожденія въ народъ, бывшимъ тогда студентомъ 5-го курса Судзилевскимъ, который, живя еще въ Румыніи, легально принялъ фамилію Русселя. Въ 1874 г. при арестахъ въ городѣ Николаевскѣ, Самарской губ., гдѣ были арестованъ д-ръ Кадыанъ, гдѣ застрѣлился Речицкій, едва не былъ взятъ и Судзилевскій. Онъ спасся только тѣмъ, что окружавшая городъ полиція и жандармы приняли его за нѣмца-менонита, потому что онъ ни слова не говорилъ съ ними по-русски, и такимъ образомъ сбѣжалъ за границу. Сдавъ экзаменъ на врача, послѣ многихъ приключеній въ Румыніи, Болгаріи, Турціи и Франціи онъ отправился въ Америку, гдѣ и осылся въ Санъ-Франциско. Будучи хорошимъ „европейскимъ врачомъ“ среди „американскихъ пирульниковъ“, онъ скоро пріобрѣлъ хорошую практику, особенно среди славянскаго населенія столицы, и былъ выбранъ вице-президентомъ мѣстнаго Греко-Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Но православный русскій духъ проникъ и на дальній западъ Америки. Православіе избрало своей столицей Санъ-Франциско, а представителемъ своимъ епископа Алеутскаго и Аляскинскаго Владиміра, который прибылъ туда и вскорѣ окружилъ себя большимъ штабомъ лицъ всѣхъ возрастовъ, вѣръ, націй и званій, до бѣглыхъ уголовныхъ каторжанъ включительно. Владиміру поручено было Святѣйшимъ Синодомъ насаждать въ Америкѣ и близи во всей чистотѣ русское ясконное православіе. У русскаго доктора—нигилиста и у православнаго епископа являлась естественно одна паства: одинъ заботился о спасеніи души, другой о спасеніи тѣла своихъ кліентовъ. Вскорѣ оба славянскихъ вождя естественно познакомились другъ съ другомъ, и, казалось, единенію души съ тѣломъ не предвидѣлось конца. Но, какъ сказано въ писаніи, и самъ міръ осужденъ на кончину; скоро наступилъ конецъ и царившему единенію души и тѣла.

Многіе изъ братьевъ славянъ стали говсрить врачу тѣла, что врачъ духовный простираетъ свою любовь къ прихожанамъ за предѣлы своего вѣдомства; что онъ повавезъ изъ Россіи мальчиковъ пѣвчихъ и прислужниковъ семинаристовъ; содержитъ ихъ ужасно, морить голодомъ, истязуетъ и даже хуже того... Докторъ сначала не вѣрилъ. Но однажды къ нему были приведены два мальчика, сбѣжавшіе отъ епископа Владиміра, которые рассказали ужасныя вещи. Нѣкоторые изъ мальчиковъ были выкрадены Владиміромъ въ Россіи; отъѣзжая къ вѣрвенной ему епархіи, онъ заманилъ ихъ съ собою безъ вѣдома ихъ родителей, обѣщая дать имъ духовное воспитаніе въ Америкѣ и сдѣлать тамъ попами. Это духовное воспитаніе выразилось въ довольно своеобразной формѣ—въ систематическомъ обученіи ихъ Содомскому грѣху.

Вскрылось дѣло Мартыша, дѣло Бобовскаго и многихъ другихъ семинаристовъ, дѣла чудовищныя по своимъ подробностямъ. Началось дознаніе. На дознаніи выяснилось, что мальчиковъ сажали въ отвратительныя карцеры; въ помѣщеніи царила грязь и вонь. Царствовалъ фаворитизмъ, ссоры и зависть: одни сидѣли на черствомъ хлѣбѣ, другіе питались сластями и пряниками изъ собственныхъ рукъ епископа.

Теперь стали вслухъ говорить въ славянской колоніи чудовищныя вещи: вскорѣ по приѣздѣ Владиміра какъ-то необъяснимо сгорѣлъ старый храмъ, изъ котораго только что вышелъ епископъ. Испрошена была отъ Синода большая сумма на построеніе новаго храма; начались сборы пожертвованій. Всѣмъ было извѣстно, что новый храмъ хромаетъ, а деньги уплываютъ. Въ храмъ ради экономіи вмѣсто иконъ были понавѣшены какія-то зазорныя картины. Всѣ священники по уставу новаго епископа стали получать половинное жалованье и т. п.

Когда слухъ о преданіи епископа суду дошелъ до отдаленныхъ приходоѡ обширной епархіи, изъ разныхъ мѣстъ посыпались жалобы на безчинства епископа во время его поѣздокъ по епархіи въ полудикія сѣверныя области. Мѣстные славяне собрались на митингъ подъ предсѣдательствомъ Русселя и рѣшили написать и послать въ Святѣйшій Синодъ ходатайство, прося его во избѣжаніе скандала немедленно отозвать Владиміра изъ епархіи. Выставлены были самыя рѣшительныя основанія. Резолюція митинга и копія съ прошенія въ Синодъ были препровождены епископу Владиміру. Послѣдній прислалъ Русселю письменный приказъ черезъ консисторію явиться къ нему лично на духовный судъ для увѣщанія и для покаянія въ возмущеніи противъ Бога и Его представителя въ Американской Республикѣ; при ослушаніи же грозилъ ему отлученіемъ отъ церкви. Прошелъ назначенный срокъ; докторъ не явился. Епископъ снова прислалъ еще болѣе строгій приказъ, грозя не только небеснымъ, но и земнымъ судомъ, напоминая Русселю, что онъ нигилистъ Судзиловскій и что въ Россіи у него осталась жена и двое дѣтей, между тѣмъ какъ онъ женатъ теперь на другой, и что, слѣдовательно, по американскимъ законамъ онъ является двоеженцемъ. Епископъ зналъ, что докторъ правильно посылаетъ деньги на содержаніе своихъ дѣтей въ Россію; но ни онъ, ни правительство не подозрѣвали, что у Русселя имѣется разводный документъ, засвидѣтельствованный въ русскомъ посольствѣ. Врачъ тѣлесный отвѣтилъ врачу духовному короткимъ, но энергичнымъ отказомъ.

Въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній православная служба въ Санъ-Франциско совершалась особенно торжественно. Богослуженіемъ руководилъ самъ епископъ Владиміръ. Храмъ былъ тщательнo выметенъ и прибранъ. Весь причтъ надѣлъ свои лучшія ризы и рясы. Золоченные и мишурные дырявые мѣшки производили необыкновенно трогательное впечатлѣніе на присутствующихъ, среди которыхъ было нѣсколько репортеровъ американскихъ газетъ. Наконецъ въ установленномъ порядкѣ произнесена

была торжественная анаеема. Почти забытая въ самой Россіи, она раздалась теперь на свободной почвѣ великой Американской республики:

„Стенька Разинъ, Ванька Каинъ—анаеема!“

„Гришка Отрепьевъ, Емелька Пугачевъ—анаеема!“

„Злочестивый нигилистъ, богопротивный двоеженецъ Николка Судайловскій—анаеема-маранаеа!“

И вотъ пошла гулять русская анаеема по столбцамъ американскихъ газетъ!

Но простое сотрясеніе воздуха архидіаконскимъ басомъ показалось епископу недостаточнымъ. Онъ письменно, официально и торжественно хотѣлъ закрѣпить анаеему, препроводивъ ее при бумагахъ за № 19 самому отверженному Русселю. За недостаткомъ мѣста я привожу этотъ документъ, какъ образчикъ духовнаго краснорѣчія, лишь въ сокращеніи, но съ подлинной орфографіей.

Р. Д. К. въ Аляскѣ.

21 янв. 1890 г.

С. Франц., Калифорнія.

№ 19.

„Называющему себя православнымъ христіаниномъ Врачу Николаю Русселю.

Владимира, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго Сообщение.

„Поелико въ отвѣтъ своемъ отъ 19-го декабря на призывъ Епархіальнаго начальства къ суду за нарушеніе Вами Церковныхъ Законовъ, Вы съ не христіанскою гордостью написали Намъ, что не признаете судебной власти церкви въ этой странѣ,—на такое неповиновеніе есть повелѣніе Христа Спасителя, которое относится къ Вамъ: „аще преслушаетъ Церкви—буде тебѣ яко язычникъ и мытарь“. За преслушаніе церкви да будетъ Николай Руссель—анаеема маранаеа.

„Нарушеніе церковныхъ законовъ Вами было слѣдующее. Ни разу не послушали Вы голоса церкви, призывавшаго Васъ къ Таинству Покаянія и Св. Причастія въ этомъ городѣ, а за это канонами церкви Глава 26, § 90-мъ опредѣляется небрегущему очищеніемъ своей совѣсти публичная Эпитимія, а въ случаѣ дальнѣйшей косности въ грѣховной грязи—отлученіе отъ церкви.

„2. Вы взяли женщину на сожитіе съ собою безъ развода со стороны церкви съ первой женой, отъ которой прижили дѣтей, отъ того виновны Вы въ прелюбодѣянніи, за которое канонами церкви опредѣляется долговременная публичная эпитимія и даже церковная анаеема по 48-му правилу Апостоловъ.

„3. Вы, по свѣдѣніямъ, имѣющимъ въ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ г. Санъ-Франциско, бѣжали изъ Кіевскаго Университета за границу, потому что подлежали уголовному русскому суду за нигилистическія убѣжденія и крамольныя дѣйствія противъ русскаго правительства и церкви, и свободный въѣздъ въ Россію Вамъ, какъ преступнику, закрыть. За отступленіе отъ

вѣры и нехождение въ церковь:—іерархическою властью отъ Бога мнѣ данною объявляю Вамъ церковную анаеему, опредѣленную канонами церкви за Богоотступничество, именно 62-мъ правиломъ св. Апостоловъ.

„Правило 31-е св. Апостоловъ повелѣваетъ: Аще кто, клирикъ или мірянинъ, презрѣвъ собственнаго Епископа, отдѣльныя собранія будетъ творить—да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго.

„Въ силу сихъ правилъ Божественною мнѣ властью данныхъ, объявляю Вамъ церковною анаеему, Николай Руссель, за то, что Вы созывали самочинное собраніе по церковнымъ дѣламъ безъ благословенія своего Епископа и составляли тамъ ложныя обвиненія и доносы высшей іерархической и государственной власти по дѣламъ архіерейскаго дома и епархіальнаго начальства, чѣмъ досадили своему Епископу, а за это преступленіе 55-е правило св. Апостоловъ повелѣваетъ: „Аще кто . . . , досадитъ Епископу, да будетъ изверженъ: князю бо людей твоихъ да не рѣчеши зла“.

„За всѣ вышеозначенныя преступленія силою Божественныхъ канонѣвъ и Святительской власти, данной Богомъ мнѣ, недостойному Владиміру, Епископу Алеутскому и Аляскинскому, да, будетъ челоуѣкъ, называющій себя Николаемъ Русселемъ, анаеема маранаеа до дня пришествія Господа нашего Іисуса Христа, да будетъ преданъ во власть Сатаны на муку вѣчную, да будетъ лишенъ права называться православнымъ Христіаниномъ, да будетъ удаленъ отъ участія въ греко-славянскомъ благотворительномъ обществѣ, да будетъ лишенъ таинствъ св. церкви и христіанскаго погребенія. Всѣмъ истиннымъ христіанамъ Аляскинской Епархіи запрещается общеніе съ нимъ согласно древнему обычаю православной церкви подъ страхомъ вѣчнаго Божьяго наказанія за преступленіе.

„Владиміръ,
Епископъ Алеутскій и Аляскинскій“.

Однако противъ епископа теперь возбуждено было два процесса: одинъ—уголовный по обвиненію въ содоміи со стороны сразу вѣсколькихъ лицъ, и гражданскій искъ со стороны д-ра Русселя за матеріальный ущербъ, причиненный публичной анаеемой его медицинской практикѣ. Когда слухи и формальныя жалобы на епископа дошла до Синода и Побѣдоносцева, русскому консулу въ Санъ-Франциско было приказано произвести всестороннее дознаніе подъ руководствомъ надежнаго американскаго юрисконсульта (адвоката Платта). Увы! Дознаніе сторицею подтвердило присяжныя показанія массы свидѣтелей. Владиміръ получилъ приказъ сдать должность нарочно присланному архимандриту Николаю и немедленно отправиться въ Россію. Въ консульствѣ была получена слѣдующая телеграмма отъ тов. министра иностранныхъ дѣлъ:

„Анаеема, произнесенная Владиміромъ надъ Николаемъ

Русселемъ, признана Синодомъ недѣйствительной и несуществующей. Можно объявить въ газетахъ.

Влангали.“

Въ свою очередь Руссель получилъ отъ Побѣдоносцева телеграмму слѣдующаго содержания:

„Письмо получено. Отвѣчаю по почтѣ. Епископъ отозванъ. Чего хотите вы еще? Процессъ былъ бы неприятенъ для всѣхъ.

Побѣдоносцевъ.“

Кромѣ телеграммы, было еще два письма, которыми Побѣдоносцевъ просилъ не пользоваться въ печати. Руссель изъ рыцарскихъ чувствъ къ своему бывшему профессору и въ отплату за довѣріе возвратилъ эти письма, даже не снявъ съ нихъ копій. Оберъ-прокуроръ Св. Синода убѣждалъ въ нихъ Русселя, что Владимиръ *сумасшедшій, неответственъ за свои поступки и скоро очутится въ сумасшедшемъ домѣ*. Но слѣдующее собственноручное письмо того же г. Побѣдоносцева къ посланному имъ преемнику Владиміра архимандриту Николаю лучше всего покажетъ положеніе дѣла:

„Достопочтеннѣйшій отецъ Архимандритъ!

„Мы крайне удивляемся здѣсь, что отъ васъ нѣтъ еще донесенія. Первая ваша обязанность была немедленно принять отъ Епископа церковь, управленіе и все матеріальное имущество и капиталы архіерейскаго дома.

„Не знаю, исполнили ли вы это, но донесенія отъ васъ нѣтъ. Между тѣмъ Епископъ Владиміръ присылаетъ мнѣ безпрестанно письма, свидѣтельствующія лишь о неправильности его умственныхъ способностей и неспособности управлять дѣлами. Всюду онъ видитъ враговъ и разбойниковъ и васъ несомнѣнно тоже скоро запишетъ въ число ихъ. Было уже ему писано, чтобъ убѣждалъ скорѣе, но онъ упрямится и тѣмъ только ухудшаетъ свое положеніе. Русскому правительству онъ теперь уже дорого стоитъ своимъ безтолковымъ поведеніемъ.

„Сейчасъ получено отъ него изъ Викторіи письмо съ доносимами на Нибаума ¹⁾, коимъ, разумѣется, по нелѣпости ихъ не будетъ придано значенія. Людей, на то поставленныхъ, чтобы помогать ему,—Нибаума, Платта—онъ отвергаетъ, а самъ довѣряется людямъ негоднымъ, вотъ теперь держать при себѣ Алексина, коего давно слѣдовало бы устранили.

„Письмо едва ли застанетъ васъ въ С. Франциско, ибо вы уѣхали съ епископомъ въ Ситху. Вѣроятно, вы еще не успѣли получить записку, которую Саблеръ послалъ вамъ по моему распоряженію. Извольте поспѣшить донесеніемъ вашимъ св.

¹⁾ Русскій вице-консулъ въ С.-Франциско, вице-резидентъ Аляскинской Торговой Компаніи.

Синоду, а Епископа слѣдуетъ уговорить немедленно и при первой возможности возвратиться въ Россію.

К. Побѣдоносцевъ“.

С.-Петербургъ, 16-го іюня 1890 г.

Опасаясь наказанія въ Россіи (о, маловѣрный!), Владиміръ отказался исполнить приказъ Синода, отказался и сдавать дѣла и должность присланному преемнику. Русскому консулу и его адвокату онъ пересталъ довѣрять и потому пригласилъ своего юриконсула, спрашивая его: можетъ ли американское правительство, выдать его русскому правительству если онъ сдать должность, но въ Россію не поѣдетъ? Убѣдившись съ этой стороны въ своей безопасности, Владиміръ заговорилъ болѣе рѣшительнымъ тономъ и съ русскимъ консуломъ. Онъ рѣшилъ, что безъ скандала должность сдавать не слѣдуетъ, будучи увѣренъ, что правительство на открытый скандалъ пойти не рѣшится. По отношенію къ процессамъ его интересы и интересы правительства были тождественны. Масса собранныхъ подъ присягою свидѣтельствъ со стороны обвиненія была слишкомъ подавляюща; чтобы отстоять цѣломудріе православія и самодержавія, Владиміру и правительству приходилось поддерживать другъ друга и прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Владиміръ сталъ разсылать свидѣтелей: кого въ Россію, на родину, кого въ отдаленные приходы епархіи, назначая ихъ попами или на другія должности; кого просто подкупалъ и усылалъ подальше. Преемникъ его Николай, не имѣя опредѣленныхъ инструкцій, жилъ при немъ, такъ сказать, „въ недоумѣніи“.

На слѣдствіи мимоходомъ выяснилось, что Владиміръ за уменьшенное жалованье и экономіи ради назначалъ иногда попами даже евреевъ. Съ однимъ такимъ православнымъ попомъ-евреемъ я познакомился лично въ Санъ-Франциско. Онъ мнѣ жаловался на Владиміра, который сталъ выдавать ему только половину прежде условленнаго жалованья, говоря, что съ него и этого довольно... Кончилось тѣмъ, что пошъ-еврей разсердился, выругалъ епископа, какъ умѣлъ, и отдался болѣе сродной ему и болѣе независимой коммерческой карьерѣ. Я видѣлъ его уже въ штатскомъ платьѣ. Борода превосходная, архіерейская, патриархальная, но къ сожалѣнію рыжая. Человѣкъ очень умный, даже образованный, былъ любимъ населеніемъ, оказывалъ на прихожанъ хорошее вліяніе и былъ имъ очень полезенъ. Я искренно пожалѣлъ, что православіе потеряло въ его лицѣ дѣйствительно полезнаго представителя, способнаго импонировать образованнымъ американскимъ проповѣдникамъ всякихъ наименованій. Не мѣшало бы почтенному прокурору Святѣйшаго Синода серьезнѣе задуматься по этому предмету и дать евреямъ доступъ къ миссіонерской дѣятельности.

Когда дѣло о епископѣ Владимірѣ поступило наконецъ на разсмотрѣніе жюри, большинства главныхъ свидѣтелей не оказалось, и подъ давленіемъ русскаго правительства дѣло оставили

безъ послѣдствій за отсутствіемъ свидѣтелей. Но обвиняемый былъ отпущенъ съ словами:

— Мы отпускаемъ васъ не потому, чтобы нашли васъ невиннымъ, но изъ уваженія къ престижу церкви, главою которой вы состоите.

Вслѣдъ за тѣмъ вся греко-славянская колонія была поражена циркуляромъ вновь прибывшаго новаго консула Арцимовича, который официально заявилъ, что въ опроверженіе циркуляра Славянскаго Благотворительнаго Общества онъ, консулъ, спѣшитъ сообщить, „что Епископъ Владиміръ *никогда не былъ отозванъ* и продолжаетъ быть главою Епархіи по указу Св. Синода въ С.-Петербургѣ“. Вся эта ложь такъ надоѣла прихожанамъ Санъ-Франциско, что они, махнувъ рукой на Побѣдоносцева, рѣшились отдать дѣло Владиміра на судъ американскаго общественнаго мнѣнія и Великаго Жюри г. Санъ-Франциско. 19 сентября 1890 г. было созвано общее собраніе православныхъ безъ различія національностей, и 80 человекъ присутствующихъ постановили выбрать комитетъ изъ 3 лицъ, по одному отъ трехъ національностей, для возбужденія снова дѣла предъ Великимъ Жюри ¹⁾ и на другой день напечатали во всѣхъ газетахъ слѣдующую резолюцію.

„Принимая во вниманіе раздоры, внесенные Епископомъ Владиміромъ въ среду небольшой, но жившей до сихъ поръ въ мирѣ и согласіи русской колоніи, которая, будучи связана общей сыновней любовью и симпатіей къ своей родинѣ, справедливо игнорировала слишкомъ неумѣстную на такомъ далекомъ разстояніи политическую, расовую и религіозную разнь своихъ членовъ,

„принимая во вниманіе позоръ, нанесенный этимъ Епископомъ нашей церкви и религіи, сдѣлавшимся притчей во языцѣхъ, позоръ, которымъ онъ обязанъ безпримѣрной придиричivosti, его клеветническимъ и оскорбительнымъ методамъ, недостойнымъ христіанина злоупотребленіемъ положеніемъ и званіемъ Епископа въ личныхъ ссорахъ,

„принимая во вниманіе лишенную всякаго основанія анаѣму, не соответствующую духу вѣка и несомѣстимую съ любовью къ человеку, провозглашенною со Креста Христомъ Спасителемъ, — анаѣму, произнесенную изъ личной злобы, незаконно надъ однимъ изъ членовъ,

„принимая во вниманіе вообще дурное, бессмысленное, деспотическое и жестокое управленіе Епархіей, выразившейся въ возстановленіи средневѣковой бурсы со всѣми ея ужасами подъ именемъ духовной семинаріи, растрату церковныхъ денегъ на чисто личныя надобности, удержаніе обманомъ жалованья у служащихъ, самовольно взятую на себя недостойную высокаго духовнаго сана роль полицейскаго сыщика, оскверненіе кладбища, неспособность дать удовлетворительный отвѣтъ общественному

¹⁾ Великое Жюри состоитъ изъ избранныхъ присяжныхъ, замѣняющихъ нашу единоличную прокуратуру.

мнѣнію по вопросу о пожарѣ въ церкви, сообщничество съ преступниками и покровительство людямъ, обвиняемымъ въ кражѣ общественнаго имущества, отталкиваніе прихожанъ толпами отъ нашей церкви въ другія вѣроисповѣданія, превращеніе церкви въ языческое капище, подкупъ, ложные доносы, поддѣлку именъ подъ ложными документами и проч.,

„мы, православные прихожане этого города, греческаго, русскаго и славянскаго происхожденія, симъ торжественно выражаемъ наше глубокое негодованіе на поведеніе этого Епископа и, подтверждая рѣшенія, принятыя тридцатью русскими 1-го іюня 1889 г., отдаемъ его на судъ общественнаго мнѣнія этой страны, какъ недостойнаго своего сана и положенія, какъ человѣка, представляющаго въ ложномъ свѣтѣ Россію въ Америкѣ и американскій народъ въ Россіи, какъ опаснаго для мира и благосостоянія этой общины, и покорнѣйше просимъ правительство Штата, не обращая вниманія на санъ и положеніе, поступить съ нимъ, какъ онъ того заслуживаетъ“.

Съ другой стороны избранный комитетъ обратился съ такою энергичной жалобой къ Великому Жюри.

Переводъ.

Предсѣдателю Великаго Жюри.

„Милостивый Государь.

„Прилагая при этомъ документы по обвиненію Василя Соколоваго (извѣстнаго подъ именемъ Епископа Владиміра) въ противоестественномъ преступленіи противъ нравственности, совершенномъ въ этомъ городѣ и Штатѣ, мы считаемъ полезнымъ довести до вашего свѣдѣнія нѣкоторые факты и слухи, о которыхъ въ документахъ не упоминается. Такъ какъ большая часть прямыхъ свидѣтелей черезъ подкупъ и высылку за границы Штата была отстранена обвиняемымъ, то лишь строгое изслѣдованіе вышеупомянутыхъ фактовъ и слуховъ можетъ дать руководящую нить, доставить улики для привлеченія его къ суду и отвѣтственности.

„Омерзительный характеръ преступленія, если таковое имѣло мѣсто увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что обвиняемый, очевидно злоупотреблялъ тѣмъ духовнымъ вліяніемъ, которымъ пользовался по отношенію къ беззащитнымъ дѣтямъ и сиротамъ. довѣреннымъ его попеченію,—дѣтямъ, которыя по незнанію языка страны, отсутствію какихъ бы то ни было естественныхъ покровителей, были поставлены къ нему въ полную совершенную зависимость.

„Такое преступленіе, если оно имѣло мѣсто, вопіетъ къ небу и, если только суды не есть одна насмѣшка надъ правдой и справедливостью, должно быть наказано примѣрно.

„Это уже не первая попытка со стороны колоніи добиться публичнаго изслѣдованія дѣла. Но до сихъ поръ всѣ старанія въ этомъ направленіи были неудачны, благодаря отчасти сану и положенію главы Епархіи, занимаемому обвиняемымъ, и связанному

съ нимъ значенію въ обществѣ, отчасти тому вліянію, которое, не брезгая средствами, Епископъ и русское консульство—представители двуглаваго орла — употребляли во всѣхъ направленіяхъ. Уже это вліяніе представляетъ фактъ настолько несомнѣтимый съ духомъ нашей конституціи и республиканско-демократическихъ принциповъ, что само составляетъ явленіе достойное судебного разслѣдованія.

„Первое изслѣдованіе произведено было Гораціемъ Платтомъ, адвокатомъ, назначеннымъ русскимъ правительствомъ, для защиты Епископа и имѣло частный характеръ. Это было въ январѣ 1890 г. въ его пріемной на углу Калифорнія и Мантгомери-стритъ. Свидѣтели: Алленъ, Кучерявый и Поварчукъ были подвергнуты допросу и дословно подтвердили все, заключающееся въ прилагаемыхъ при этомъ присяжныхъ своихъ показаніяхъ. Въ томъ же году была сдѣлана другая попытка докторомъ Н. Русселемъ и его адвокатомъ Е. Л. Кэмбелемъ, но г. Пажъ, тогдашній прокуроръ, не хотѣлъ вѣстись за изслѣдованіе самъ и отправилъ ихъ къ судѣ Юхимсону, который такъ колебался въ выдачѣ распоряженія объ арестѣ, что обращающіеся предпочли оставить дѣло безъ послѣдствій.

„Въ августѣ того же 1890 года нѣкто Федоровъ, проповѣдникъ въ Аляскѣ, взялъ на себя эту миссію и успѣлъ довести до свѣдѣнія тогдашняго Великаго Жюри показанія Аллена, Кучеряваго, Ванны и письмо Аллена къ нему, Федорову. Благодаря подкупу тогдашняго мэра города Х. Бакля адвокатомъ Епископа Платтомъ г. Пажъ представилъ все дѣло въ глазахъ Жюри, какъ шантажъ. За исключеніемъ самого Епископа, русскаго консула и доктора Русселя ни одинъ изъ мальчиковъ, обвинявшихъ Владимира и никакой другой свидѣтель (а ихъ было много), не были призваны и допрошены. Обвиняемый былъ отпущенъ, какъ вамъ извѣстно, со словами: „мы отпускаемъ васъ не потому, чтобы нашли васъ невиновнымъ, а изъ уваженія къ престижу церкви, главою которой вы состоите“.

„Настоящая серія документовъ содержитъ многіе, которые не были представлены прежнему Великому Жюри, а именно: переписку Бобовскаго, собственноручное письмо его къ одному изъ священниковъ, подобное же собственноручное письмо, адресованное тому же лицу тремя другими мальчиками. Такъ какъ эти новыя бумаги бросаютъ новый свѣтъ на дѣло, мы думаемъ, что это можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы просить Вел. Жюри обратить на него еще разъ вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ связи съ этимъ въ послѣднее время открыты новыя факты.

„1. Мальчикъ по имени Корнелюкъ, съ которымъ Владиміръ подозрѣвается пребывающимъ и понынѣ въ преступныхъ отношеніяхъ, живетъ теперь въ епископскомъ домѣ на Пауаль-стритъ. Такъ какъ остальные жертвы преступления: Мартышъ, Бобовскій, Савецкій и Алленъ выпровожены Епископомъ въ Россію,—допросъ этого мальчика получаетъ большое значеніе. Допросъ

его можетъ быть успѣшнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда Корнелюкъ будетъ взятъ изъ рукъ обвиняемаго и удаленъ отъ всякаго общенія съ друзьями и защитниками Владиміра. Въ настоящее время мальчикъ находится съ обвиняемымъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и вся его будущность въ рукахъ обвиняемаго. Онъ скажетъ правду лишь тогда, когда ему будетъ оказано достаточное покровительство помимо обвиняемаго и когда онъ будетъ убѣжденъ, что искреннее сознание ничѣмъ ему не повредитъ. Вообще Вел. Жюри слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что подчиненные русской церкви, несмотря на временное пребываніе здѣсь, стоятъ въ такой полной зависимости въ настоящемъ и будущемъ отъ своихъ начальниковъ (Епископа и Консула), настолько напуганы призракомъ русскаго правительства, что отношенія ихъ только приблизительно могутъ быть приравнены къ отношеніямъ чернаго раба къ бѣлому плантатору. Свидѣтельствованіе противъ Епископа равносильно для нихъ добровольному отказу когда-либо возвратиться на родину, отказу отъ надежды на какой-либо благопріятный исходъ въ будущемъ. Оно равносильно необходимости остаться здѣсь безъ ремесла, языка, друзей и какой бы то ни было поддержки. Они вѣдь лишь временно въ Америкѣ и продолжаютъ состоять на службѣ русскаго правительства. Свидѣтельство противъ высокопоставленнаго духовнаго лица въ такихъ условіяхъ равнозначуще отказу отъ родины, родителей, отъ своей привычной среды навѣки; по крайней мѣрѣ такъ думаютъ они, зная, что ожидаетъ ихъ дома послѣ подобнаго свидѣтельства.

„2. Одинъ изъ капитановъ парохода Аляксинской Торговой Компаніи во время путешествія Епископа въ Аляску видѣлъ его преступныя отношенія къ сопровождавшему его мальчику Ершовичу. Имя этого капитана не трудно узнать, и, какъ бы ни непріятно ему было быть свидѣтелемъ въ подобномъ дѣлѣ, Вел. Жюри обладаетъ достаточными средствами, чтобы побороть это естественное отвращеніе.

„3. Священникъ Алекс. Мартышъ, состоящій нынѣ при одной изъ аляксинскихъ церквей (Кадьякъ), жаловался нѣкоторымъ русскимъ (свящ. Гудковскому и доктору Русселю) на преступныя отношенія Владиміра къ его сыновьямъ. Одно время онъ даже составилъ формальную жалобу по этому предмету св. Синоду, но обвиняемому удалось отчасти угрозами, отчасти обѣщаніями заставить его возвратить эту жалобу телеграммой изъ Нью-Йорка.

„4. Многіе изъ мальчиковъ сознались въ своихъ унижительныхъ отношеніяхъ къ обвиняемому передъ Б. Розенталемъ, Майеромъ, Гудковскимъ, Русселемъ, Платтомъ и т. д.

„5. Если бы обвиняемый былъ и чувствовать себя невиннымъ, на его и его защитниковъ обязанности лежало немедленно арестовать всѣхъ выступившихъ съ обвиненіемъ свидѣтелей и требовать публичнаго слѣдствія. Они не только не сдѣлали этого, но еще поставили всѣ доступныя имъ препятствія, чтобы помѣшать слѣдствію и успѣшили удалить свидѣтелей за предѣлы Штата.

„Мальчики: Меркульевъ, Кочергинъ, Кингъ, которыхъ собственноручное письмо къ одному изъ священниковъ при этомъ прилагается, находятся до сихъ поръ при церкви. вмѣстѣ съ Кавуткой, Кокаранинымъ и Веніаминовымъ должны быть допрошены въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Карнелюкъ.

„Вотъ все, что могли узнать по этому предмету мы, частные люди, для которыхъ производство слѣдствія безъ всякихъ прерогативъ власти такъ затруднительно. Особенный характеръ настоящаго Великаго Жюри ¹⁾, котораго Вы состоите предсѣдателемъ, всеобщее уваженіе народа, которымъ оно справедливо пользуется, даетъ намъ право надѣяться, что Вы пополните добытыя нами свѣдѣнія.

„За Комитетъ, избранный прихожанами православной церкви

„Предсѣдатель Ал. Зингеръ“.

Адресъ: 12, Randel Place, near 16 th Street.

Послѣ этого Великое Жюри отнеслось къ дѣлу болѣе серьезно. Готовился приказъ объ арестѣ епископа. Русское консульство и Владиміръ провѣдали объ этомъ, и Владиміръ внезапно исчезъ изъ города и словно сквозь землю провалился.

Какъ событія развивались дальше, мнѣ въ подробности неизвѣстно. Я уѣхалъ дальше на Востокъ и потомъ въ Европу. Только ужъ нѣкоторое время спустя Руссель прислалъ мнѣ русскую газету, гдѣ чернымъ по бѣлому было напечатано, что бывший епископъ Аляскинскій и Алеутскій, Владиміръ, назначается викарнымъ епископомъ въ Воронежъ, гдѣ онъ, по увѣренію воронежскихъ обывателей, вскорѣ и сдѣлался предметомъ поклоненія избранныаго общества ²⁾. Въ 1895 г. по представленію оберъ-прокурора Св. Синода награжденъ орденомъ за усердіе.

Вся эта борьба страшно утомила доктора Русселя и его жену, и потому онъ рѣшилъ отдохнуть отъ житейскихъ бурь и болгарской лихорадки подъ чарующимъ небомъ Гавайскихъ или Сандвичевыхъ острововъ, куда онъ былъ вскорѣ приглашенъ на должность врача на одну сахарную плантацію еще въ царствованіе послѣдней туземной королевы этихъ острововъ, злополучной красавицы Лилуколани.

¹⁾ Это Жюри было специально избрано для обнаруженія злоупотребленій городского управленія.

²⁾ Намъ доподлинно извѣстно, что Владиміръ былъ архіереємъ въ Воронежѣ гдѣ славился своими благочестивыми проповѣдями и имѣлъ, дѣйствительно, много поклонницъ среди мѣстныхъ скачущихъ дамъ. Изъ Воронежа Владиміръ былъ переведенъ архіереємъ же въ Оренбургъ, гдѣ снова надъ нимъ синодъ велъ какое-то скандальное слѣдствіе. Въ результатѣ Владиміръ былъ опять куда-то переведенъ, — бажета въ Екатеринбургъ, — вѣроятно, въ цѣляхъ укрѣпленія пошатнувшагося тамъ православія.

III.

Гавайскій сенаторъ.

Гавайскіе или Сандвичевы о-ва лежатъ въ тропическомъ климатѣ и въ самомъ сердцѣ Тихаго океана. Красавица Гонолулу—столица острововъ—прославлена достаточно географами всего свѣта, не исключая нашего пресловутаго Ободовскаго. Долго жили туземцы—канаки подъ крыломъ своихъ королей, вдали отъ европейской и американской цивилизаціи, наслаждаясь вѣчно яснымъ солнцемъ, благодатнымъ климатомъ, неподобными картинами природы и тропической растительностью; ходили босикомъ и въ распояску, ѣли бананы, кокосы и другія диковинныя снѣди; часто подъ аккомпаниментъ взрывовъ вулкана Мауна Лоа танцевали и пѣли свои прекрасныя пѣсни; жили и радовались. Ни сосѣдскихъ набѣговъ другихъ племенъ, ни великихъ завоеваній они не знали и не вѣдали.

Время отъ времени, однако, стали заходить къ ихъ островамъ шальные суда: ихъ открыли непосѣдные бѣлые. Далѣе повторилась обычная всюду исторія. Провѣдали торгаши-аршинники, что страна богатая, и снаряжаютъ они поповъ-миссіонеровъ пойти проповѣдывать канакамъ вѣру въ истиннаго и единаго Бога и тѣмъ проложить и уготовать путь къ ихъ пришествію. И вотъ вооружились попы крестами и библіями, подѣхали къ островамъ и скромненько высадились на берегъ,—но не въ качествѣ случайныхъ проѣзжихъ, а въ качествѣ постоянныхъ просвѣтителей дикарей и спасителей ихъ душъ отъ пламени христіанскаго ада. Косятся канаки, а миссіонеры знай себѣ только гимны поютъ; держатъ себя такъ мирно да привѣтливо, что канаки и коситься на нихъ перестали. Миссіонеры имъ брелочковъ, зеркалъ, мишуры надарятъ, а тѣ имъ и банановъ и всякой всячины натащутъ. Полюбили они другъ друга—души другъ въ другѣ не чаютъ. Колечки и забавныя игрушки у немногихъ служили предметомъ зависти для всѣхъ другихъ. Аршинникъ тутъ какъ тутъ: подѣхалъ такъ же скромненько, такъ же скромненько высадился, вытащилъ на берегъ массу всевозможныхъ красивыхъ бездѣлушекъ и подъ прикрытіемъ миссіонерскаго креста разбилъ палатку и разложилъ во всемъ блескѣ свой товаръ на всеобщій соблазнъ. Черезъ миссіонеровъ тоже послалъ подарки королю и знати. Простымъ же канакамъ было объявлено, что и они могутъ имѣть такія же дивныя вещи, если принесутъ то-то, сдѣлаютъ то-то, наберутъ и перенесутъ ему на суда—вотъ то-то. Не умѣли канаки торговать—и быстро стали обучаться. Рвутъ, рубятъ, таскаютъ цѣлый день, даже ночь, и—о, радость! какое чудное зеркальце! какое славное колечко! точь въ точь, какъ у ихъ короля или королевы! Дальше да больше, дошло дѣло до того, что и отдохнуть и поѣтъ, на Мауна Лоа поглядѣтъ стало некогда: работаютъ на аршинниковъ съ утра до ночи,—потомъ обмываются. Аршинниковъ все больше да больше прибывать стало,—среди нихъ и попы затерялись. Ка-

наки имъ всѣмъ дома понастроили, цвѣтники развели—и прислугой и вьючной скотиной стали. Бѣлыхъ отовсюду понаѣхало тьма тьмуцая. Мало канаковъ,—стали японцевъ да китайцевъ привозить. Сахарныя и кофейныя плантаціи развели. Сахарные заводы понаставили; во всѣ острова, какъ мухи къ меду, понабились. На этотъ разъ больше американскіе аршинники силу взяли. Вотъ, наконецъ, на канакскій тронъ возсѣла молодая королева Лилиуколани. Жившіе и владѣвшіе всѣмъ на островахъ американцы аршинники и сахарозаводчики знали, что пока самостоятельное Гавайское королевство не уничтожится, имъ нельзя ввозить безпошлинно въ свое милое отечество сахаръ и прочіе продукты, обложенные по закону Макъ Кинли высокой таможенной пошлиной. И вотъ вспомнили они, что они потомки славнаго Вашингтона, боровшагося когда-то за независимость ихъ родины противъ Англійской монархіи, что они—республиканцы, а между тѣмъ—о, какой позоръ!—должны подчиняться законамъ какихъ-то дикарей, которые не умѣютъ торговать и даже не могутъ понять и усвоить благососпитанныя чувства собственности; подчиняться какой-то дикой королевѣ, которая вѣдь все равно лишь простая игрушка въ ихъ рукахъ. И вотъ въ 1892 году разразилась революція: бѣлые аршинники собрались толпой и двинулись ко дворцу, чтобы объявить королевѣ и министрамъ ея, что произошла революція и что „народъ“ свергаетъ ее съ престола, учреждаетъ республику, которая и отдается подъ покровительство Соединенныхъ Штатовъ. По дорогѣ ко дворцу революціонная толпа аршинниковъ искала вооруженнаго сопротивленія, но за отсутствіемъ такового нѣсколько человекъ напали на мимо проходившаго канака, который бѣжалъ исполнять порученіе жены одного изъ революціонеровъ и который не понималъ, несчастный, что въ его отечествѣ совершается „революція“, „народное возстаніе“ и потому стоялъ растерянно. Его стали тормошить, стараясь вызвать „оппозицію“, сопротивленіе и добыть хоть каплю канадской крови, чтобы произвести „кровавую революцію“ съ одной стороны и съ другой—чтобы этой кровью оторопѣвшаго канака намазать себѣ носъ и такимъ образомъ получить законное право пригласить на защиту военное американское судно, стоявшее тутъ же наготовѣ. Все шло, какъ по писанному: революцію совершили, королеву объявили низложенной; военное судно высадило десантъ на защиту „революціонеровъ“, и на дворцѣ королевы взвилось американское знамя, усыянное звѣздами. То было въ 1892 году. Партія демократовъ съ Кливлендомъ во главѣ держалась политики автономіи и независимости. Дѣло немного затянулось, но революцію было велѣно признать и никакимъ другимъ державамъ въ это дѣло не вмѣшиваться. Окончательное рѣшеніе судьбы канаковъ съ ихъ королевой отложили до предстоящихъ президентскихъ выборовъ, которые, какъ извѣстно, закончились побѣдой республиканцевъ съ Макъ-Кинли во главѣ. Судьба Лилиуколани и Канадской Монархіи была окончательно рѣшена, и канаки стали американцами. Но до прошлой осени, въ теченіе 8 лѣтъ, правленіе островами фактически нахо-

дилось въ рукахъ революціонеровъ-аршинниковъ. Передъ вторичнымъ избраніемъ Макъ-Кинли было рѣшено дать островамъ штатное управленіе съ назначеніемъ губернатора изъ Вашингтона. Учрежденъ былъ на американскій ладъ Сенатъ и Конгрессъ или Палата депутатовъ со всеобщей подачей голосовъ. Прошлой осенью впервые происходили всеобщіе выборы въ обѣ палаты. Американскіе аршинники по традиціи всегда дѣлились на двѣ партіи—республиканцевъ и демократовъ. Дѣлились больше для близиру, изъ за той или другой доли пирога за общимъ брашнымъ столомъ, и часто больше для отвода глазъ вѣчно глупому рабочему простофилѣ, надъ которымъ и потѣшались обѣ партіи, кромсая простофилинъ пирогъ. Такъ американскіе аршинники поступили и съ канаками. Передъ самыми выборами разошлись аршинники въ разныя стороны и стали кричать канацкому народу, что они, аршинники, за канацкіе интересы готовы душу чорту запродать; рѣшаются бороться за канацкій народъ до послѣдней капли крови и желаютъ уничтожить канацкихъ враговъ—вонъ тѣхъ живодеровъ,—и при этомъ другъ на дружку указываютъ. Канаки смотрятъ и дивуются—откуда вдругъ столько друзей—враговъ ихъ свободы набралось? и чего имъ надо?—за что другъ друга ругаютъ?

Откуда ни возьмись, явился новый вождь—третьей, канацкой партіи. Сталъ толковать канакамъ про бѣлыхъ аршинниковъ, про бѣлыхъ поповъ обманщиковъ, которые на это время тоже подѣлились на двѣ партіи и стали съ крестомъ и кропиломъ позади стѣнъ республиканской и демократической рати. Новый вождь сказалъ канакамъ, чтобы они оставили въ покоѣ обѣ аршинныя партіи ругать другъ друга, а сами выбрали бы своихъ сенаторовъ и депутатовъ. Канакамъ понравилась эта рѣчь, и они стали выбирать думныхъ людей изъ себя. Выставили кандидатами въ обѣ палаты своихъ туземцевъ и назвали свою партію *Независимыми* или Гомрудерами. Исключеніе сдѣлали только для своего вождя Каука-Лукини, который былъ бѣлый не только по цвѣту кожи, но и по сѣдинѣ волосъ. Онъ выставилъ свою кандидатуру на постъ сенатора, и началась отчаянная агитація по всѣмъ островамъ въ пользу образованія самостоятельной канацкой партіи, поставившей себя цѣлью выбиться изъ вѣчной кабалы бѣлыхъ аршинниковъ, капиталистовъ, плантаторовъ, сахарозаводчиковъ и торговыхъ тузовъ столицы.

Бѣлый вождь новой партіи Каука-Лукини...

Но читатель можетъ забыть, что я пишу рассказъ, а не трактатъ по исторіи Сандвичевыхъ острововъ. Чтобы не дать заснуть читателю, я скажу ему откровенно, что „Каука Лукини“ на канацкомъ языкѣ значить—*русскій докторъ*, т. е. не кто иной, какъ все тотъ же нашъ соотечественникъ Николай Константиновичъ Руссель—Судзиповскій—Каука Лукини—тожъ.

Чтобы читатель помнилъ, однако, что рассказъ мой не сказка, а былъ, основанная цѣликомъ на документахъ, я приведу нѣкоторыя выдержки изъ письма ко мнѣ Гавайскаго Сенатора Каука Лукини.

5-го декабря 1900.
Hawaii, Hawaiian Islands.

„Мнѣ пришлось нѣсколько запоздать съ отвѣтомъ, потому что твои письма застали меня въ самую горячку выборной кампаніи,—первой послѣ 8 лѣтъ миссіонерско-сахарократической олигархіи,—гдѣ дѣйствительно весь народъ, не исключая главнаго Гавайскаго элемента, принималъ живое и дѣятельное участіе. Они, т. е. письма, застали меня совершающимъ путешествіе вокругъ нашего маленькаго мірка—острова Гавайи—въ обществѣ съ нѣсколькими гавайцами, тоже кандидатами въ Сенатъ, какъ и я. На пути мы были гостями канаковъ,—насъ кормили, поили, развлекали пѣснями и танцами; украшали гирляндами (какъ призовыхъ быковъ на ярмаркахъ), давали лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія; а мы за это отвѣчали зажигательными рѣчами противъ существующаго правительства сахарозаводчиковъ, миссіонеровъ и другихъ бѣлыхъ враговъ Гавайскаго народа. Результатъ кампаніи превзошелъ наши ожиданія: мы разбили на голову республиканцевъ (бывшую правительственную партію) и демократовъ, получивъ $\frac{3}{4}$ большинства въ обѣихъ палатахъ. Наша партія была третьей и называется Независимыми или Гомрулерами. Я фигурировалъ на выборныхъ бюллетоняхъ, какъ „Каука Лукини“ („русскій докторъ“) и изъ четырехъ кандидатовъ (въ 1-мъ Сенаторіальномъ округѣ) прошелъ вторымъ по числу голосовъ. Посылаю тебѣ образчикъ нашихъ выборныхъ бюллетеней. Сессія Сената начинается въ февралѣ, и намъ предстоитъ совершить настоящую революцію сверху внизъ во всемъ Гавайскомъ законодательствѣ. Такъ какъ я чуть не единственный бѣлый въ обѣихъ Палатахъ, который что-нибудь смыслить въ технику законодательной машины цивилизованныхъ странъ, то на мнѣ, вѣроятно, и будетъ лежать главная часть работы по составленію проектовъ законовъ, а потому о литературныхъ и научныхъ работахъ теперь пока нельзя и думать. Въ интересахъ канацкаго населенія, которое такъ долго эксплуатировалось всякаго рода заѣзжими хищниками, необходимо провести въ первую же сессію нѣсколько неотложныхъ реформъ. На очередь будутъ поставлены:

- 1.—Билль о мѣстомъ самоуправленія (Канакамъ надоѣло во всемъ зависѣть отъ тузовъ столицы).
- 2.—Радикальная реформа санитарной службы.
- 3.—Не менѣ радикальная реформа въ системѣ налоговъ.
- 4.—Отмѣна смертной казни.
- 5.—Расширеніе кредитовъ на народныя школы и устройство музыкальной консерваторіи для канаковъ въ Гонолулу (канаки большіе любители пѣнія и музыки).
- 6.—Введеніе норвежской или какой-либо другой упорядоченной системы продажи спиртныхъ напитковъ. Необходимо оградить канаковъ отъ злоупотребленія и систематическаго спаиванія ихъ этимъ зельемъ.

Такъ какъ въ Швейцаріи и Россіи эта система практикуется сравнительно давно, ты премного обяжешь меня, давъ мнѣ матеріалы о результатахъ ея въ этихъ странахъ во всѣхъ отношеніяхъ,—и вообще я буду благодаренъ всѣмъ, кто можетъ снабдить меня подходящими матеріалами по этому сложному, но очень важному вопросу.“

Не успѣли высохнуть чернила на перѣ, писавшемъ предыдущія строки, какъ получается новое письмо изъ нѣдръ Тихаго океана и на этотъ разъ отъ самаго Президента Сената этого сказочнаго государства. Письмо поражало своей необычной внѣшностью: вверху каждаго листа стояла изящная виньетка съ изображеніемъ зданія Сената Гавайской Территоріи. По бокамъ ея напечатаны имена всѣхъ сенаторовъ и должностныхъ лицъ Сената съ президентомъ во главѣ. Президентъ Сената сообщаетъ мнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ о ходѣ „безкровной, мирной революціи сверху внизъ, совершающейся теперь на Гавайскихъ Островахъ“.

IV.

Полинезійская раса, разсѣянная по Тихому океану вплоть до Абиссиніи и Мадагаскара, раса, къ которой принадлежатъ маори Новой Зеландіи, таитяне, канаки Гавайи и др.—по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается старшей и наиболее чистой вѣтвью нашей кавказской расы. Она характеризуется тѣмъ типомъ долихоцефаловъ или длинноголовыхъ, утрату котораго среди европейскихъ народовъ такъ сильно оплакиваютъ многіе короткоголовые изъ нашихъ соціологовъ. Въ незапамятны времена индокавказская раса разошлась въ разныя стороны; часть ея двинулась сухопутьемъ на западъ и образовала арійскую вѣтвь, предковъ европейцевъ; другая—расплылась по водѣ на югъ и востокъ по всему океану, соперничая съ монгольской расой. Къ этому-то высокому типу кавказской расы и принадлежатъ канаки Гавайскихъ острововъ. Ужъ одно это обстоятельство, кажется, обязываетъ насъ интересоваться судьбой нашихъ родичей, которые, по мнѣнію многихъ компетентныхъ ученыхъ, при благоприятныхъ условіяхъ способны создать высшую, оригинальную и болѣе здоровую цивилизацію, чѣмъ цивилизація европейская, пропитанная массой исторически наслонившихся противообщественныхъ и антигуманитарныхъ предрасудковъ.

Чтобы заинтересовать читателей младшей вѣтви начинающимъ возрожденіемъ старшей, на этотъ разъ я предоставлю слово самому „Гавайскому Сенатору“, а нынѣ Президенту перваго Гавайскаго Сената, нашему потченному соотечественнику Русселю — Судзиловскому — Каука-Лукини.

„Наша страна — маленькая, всего 150,000 жителей, но немѣрно богатая и важная, какъ стратегическій и торговый пунктъ среди этой дужи, называемой Тихимъ океаномъ, которой, быть можетъ, предстоить сыграть въ XX столѣтіи ту же роль, только

въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, какую Средиземное море играло въ античномъ мірѣ. Вслѣдъ за присоединеніемъ насъ къ Соединеннымъ Штатамъ той же участи подвергнутся Куба, Порторико, Филиппинскіе острова и др. страны, которыя въ скоромъ времени несомнѣнно тоже будутъ взяты на буксиръ. Поэтому Гавайскій народъ всецѣло сознаетъ всю отвѣтственность своего руководящаго положенія въ новой системѣ отношеній присоединяемыхъ народовъ къ великому дѣлу Американской Республики. Мы были присоединены первыми, и съ нами обращаются, какъ съ любимымъ, балованнымъ дѣтищемъ. Номинально мы—Территорія Соединенныхъ Штатовъ, но спеціальнымъ актомъ Конгресса, 7 іюля 1898 г., намъ дана конституція съ такимъ правами, которыя ставятъ насъ въ срединѣ между полнымъ Штатомъ и обыкновенной Территоріей, какъ Оклагама или Новая Мексика, Аризона и пр. Наши права нынѣ, т. е. послѣ присоединенія, не уменьшились, а увеличились. Мирно присоединившись къ Республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, Гавайскій народъ рѣшилъ поддерживать искреннія и лояльныя отношенія къ Американскому народу, но въ то же время онъ твердо рѣшилъ заботливо оберегать свои права и самоуправленіе отъ произвольнаго нарушенія ихъ какъ представителями центральной власти, такъ и различными котеріями традиціонныхъ буржуазныхъ партій, которыя, преслѣдуя исключительно личные интересы, постоянно вносили только смуту въ мирную жизнь Гавайскаго народа. Мы тоже хотимъ законности и порядка. Для иллюстраціи того и другого можно указать на два послѣдніе случая. Не дальше, какъ сегодня, капиталистическая оппозиція въ Сенатѣ внесла резолюцію „предложить Соединеннымъ Штатамъ даровать намъ полныя права Штата“, но мы, народное большинство, отвергли ее, какъ „ненужную, неумѣстную и пока несвоевременную“. Глава оппозиціи, банкиръ, пришелъ въ такой неудержимый азартъ, что мнѣ пришлось посовѣтовать разгоряченной головѣ оппозиціи пройтись и подышать на открытомъ воздухѣ. Другой примѣръ: нѣсколько дней тому назадъ Секретарь Территоріи, назначенный изъ Вашингтона, вздумалъ явиться въ Нижнюю Палату официально и безъ приглашенія, и онъ былъ также приглашенъ президентомъ удалиться изъ Палаты.

Мы имѣемъ всеобщую подачу голосовъ и полное мѣстное самоуправленіе и вообще всѣ права отдѣльнаго Штата съ единственной разницей, что мы не выбираемъ своего Губернатора, а онъ назначается Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Наша ближайшая задача состоитъ въ томъ, чтобы фактически реформировать всѣ наши традиціонныя учрежденія прежней конституціонной монархіи и позднѣйшей плутократической олигархіи — въ демократическую республику съ сильной окраской государственнаго социализма. Какъ человѣкъ Стараго Свѣта, и при томъ еще русскій, ты бы со смѣху померъ, если бы прочиталъ мой билль о реформѣ податной системы. На-дняхъ онъ будетъ напечатанъ, и я доставлю тебѣ это удовольствіе. Но для насъ это вовсе не смѣшно и составляетъ дѣло величайшей важности. Какъ и вездѣ

на свѣтъ, у насъ вся податная тяжесть лежитъ на бѣдномъ и среднемъ сословіяхъ. Податнымъ базисомъ,—кромѣ такихъ специальныхъ податей, какъ небольшая подушная, школьная, дорожная и проч. подати,—главнымъ образомъ служила оцѣнка поземельнаго и другихъ имуществъ, основанная на клятвенномъ показаніи собственниковъ и безъ всякаго закона о продажѣ имущества за невзносъ податей. Натурально, что 99% населенія присягали ложно. Богатые же просто платили изъ христіанскаго милосердія, сколько хотѣли. Собиралось такимъ образомъ около 3 милліоновъ долларовъ (6 мил. рублей), достаточныхъ для покрытия очень скромнаго бюджета. Это одна сторона дѣла. Другая, — завелась у насъ такая монополія поземельной собственности, что фактически вся земля собралась въ рукахъ дюжины собственниковъ. Третья сторона дѣла, — подоходный налогъ въ Соединенныхъ Штатахъ и здѣсь еще раньше былъ признанъ высшими судами неконституціоннымъ. Значить, съ этой стороны — нечего стучаться.

Новая система сводится къ слѣдующимъ нѣсколькимъ пунктамъ:

1. Поземельный налогъ (Area tax)—по 25 центовъ (50 коп.) за акръ, безъ различія качества земли. Напримѣръ, человекъ, имѣющій милліонъ акровъ земли, на которой онъ держитъ нѣсколько тысячъ полуголоднаго скота, а самую землю непроизводитительно держитъ для спекуляціи,—вмѣсто 1000 дол., которую онъ платитъ теперь, долженъ будетъ заплатить 250,000 дол. При такихъ условіяхъ едва ли онъ найдетъ выгоднымъ держать столько земли и особенно—непроизводитительно. Первые 100 акровъ изъяты изъ этого налога совсѣмъ и для всѣхъ собственниковъ.

2. Городскіе участки платятъ такъ: Скажемъ, что на весь городъ Гонолулу, съ его 40,000 жителей изъ 150,000 всего населенія, приходится $\frac{1}{4}$ всей Area tax, т. е. при поверхности острововъ въ 4 мил. акровъ, по 25 центовъ налога на акръ, изъ милліона долларовъ—250 тысячъ долларовъ. Эти 250 тысячъ распределяются по участкамъ въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ разстоянію отъ почтовой конторы и другого центра of improved value, т. е. отъ цѣны земли безъ улучшеній. Однимъ словомъ Single-tax Генри Джорджа въ чистомъ видѣ. Изъяты отъ податей всѣ усадьбы въ 6000 кв. футовъ, т. е. всѣ бѣдняки.

3. Всѣ земли подъ сырыми земледѣльческими продуктами (т. е. фермы) изъяты отъ специальной подати.

4. Всѣ мануфактуры (главнымъ образомъ сахарные заводы) платятъ подать въ 4% съ валового дохода. Изъяты заведенія съ 1000 дол. валового дохода.

5. Всѣ коммерсанты— $2\frac{1}{2}$ % съ валового дохода, съ изъятіемъ 1000 дол. годового дохода.

6. Банки—2% со всего капитала кромѣ той его части, которая употреблена на поземельныя ссуды. Эта часть изъята отъ налога.

8. Пароходы, желѣзныя дороги, телефоны, электрическое освѣщеніе и т. п. компаніи, тарифы которыхъ регулируются государствомъ,—2% съ валового дохода; тѣ же, которыя не состоятъ подъ контролемъ—4%.

8. Налогъ на наслѣдство:

свыше 10,000 дол. въ прямой линіи	— 10%
свыше 10,000 дол. въ боков. линіяхъ	— 20%
внѣ родства	— 25%

9. Налогъ на ренту свыше 300 дол. — 2%.

10. Налогъ на проценты (за исключеніемъ банковъ) свыше 300 дол.—2%.

Всѣ прежнія—подушныя, школьныя, дорожныя, собачьи, каретныя, имущественныя и поземельныя подати отмѣняются.

Многіе плутократы,—не то въ серьезъ, не то въ шутку, думаютъ, что это—похуже динамита будетъ.

Первое требованіе, предъявляемое ко всякому американскому закону, заключается въ томъ, чтобы онъ не противорѣчилъ конституціи, т. е. чтобы не нарушалъ равенства гражданъ передъ закономъ, чтобы изъятія распространялись одинаково на бѣдныхъ и богатыхъ.

Надѣюсь, что этотъ билль отвѣчаетъ этому требованію.

— Ты спрашиваешь, — есть ли у насъ газеты? У насъ, братъ, ихъ около 12, изъ коихъ половина — большія, ежедневныя, какъ въ Санъ-Франциско. Вообще у насъ цивилизація — хоть отбавляй: на автомобиляхъ катаемся, телеграфы безъ проводовъ между островами... Среди этой расы царятъ діалекты и страшная разбросанность. Мы оставили канацкій языкъ. Преподаваніе давно уже идетъ во всѣхъ школахъ на англійскомъ языкѣ. Все молодое поколѣніе говоритъ по-англійски и только старики — по своему. Нашъ школьный годовой государственный бюджетъ — 400,000 дол., да почти столько же изъ частныхъ средствъ.

Твой Николай“.

V

Цѣлый рядъ присланныхъ мнѣ проектовъ биллей указываетъ дѣйствительно на довольно широкій реформаціонный размахъ. Торговля вообще и спиртными напитками — въ частности, даровое народное образованіе и школьныя бібліотеки, народное здравіе, регулированіе земледѣлія, контроль надъ промышленными компаніями и капиталистическими предпріятіями — цѣлой вереницей проходятъ предъ глазами читателя. Составляются парламентскія комиссіи и подъ-комиссіи для выработки проектовъ законовъ, приглашаются всѣ компетентныя лица, живущіе на островахъ и даже въ Америкѣ, опрашиваются лично или шлютъ свои мѣтнія и объясненія письменно; — однимъ словомъ, при полной свободѣ печати и ограниченномъ количествѣ мѣстной и туземной интеллигенціи — дается просторъ всякому разумному человѣку въ той

или иной формѣ содѣйствовать благоустройству общественнаго порядка.

Но такъ какъ покойный Девятнадцатый Вѣкъ привыкъ даже христіанскія добродѣтели измѣрять мѣновой или прибавочной стоимостью, то это старая привычка перешла и къ грудному младенцу — наслѣднику его. Податная система обыкновенно всегда является основой государственной жизни, и отъ той или другой формы ея зависитъ матеріальная возможность осуществленія всѣхъ остальныхъ реформъ. Поэтому-то цари девятнадцатаго вѣка, капиталисты, энергично принялись за свое ремесло: съ удивительнымъ самопожертвованіемъ они, по примѣру своихъ собратьевъ въ метрополи, тотчасъ же основали компанію на акціяхъ для купли и продажи, оптомъ и въ розницу, представителей законодательной власти и голосовъ самихъ изобретателей. Въ видѣ обструкціи и въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда они не рассчитываютъ на подкупъ и поддержку депутатовъ, аршинники вдругъ впадаютъ въ отчаянный радикализмъ и начинаютъ требовать введенія швейцарскаго референдума, т. е. обращенія къ волю всего народа. Интересно по этому вопросу мнѣніе одного мѣстнаго сторонника радикальныхъ реформъ, возражающаго противъ референдума въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Въ Швейцаріи, гдѣ каждый гражданинъ до извѣстной степени образованный человекъ, такое обращеніе (референдумъ) разумно и желательно. Не такъ дѣло обстоитъ въ Гавайской Территоріи, гдѣ образованіе массъ не идетъ еще далѣе простаго умѣнія читать и писать, и гдѣ, слѣдовательно, наиболѣе развитые и толковые люди избираются въ законодатели не только для того, чтобы служить простыми посредниками между народомъ и исполнительною властью, но и для того, чтобы самостоятельно использовать свои умственные способности — подъ условіемъ конечно, довѣрія, что они употребятъ ихъ на благо народа“.

Однимъ словомъ, въ маленькомъ Водяномъ Царствѣ сразу встали или поставлены ребромъ всѣ волнующіе Старый Міръ практическіе „проклятые“ вопросы; и остается только надѣяться, что наши туземные родичи-канаки лучше и быстрее сумѣютъ справиться со всѣми общественными злами, обуревающими нашъ цивилизованный Старый Міръ. Слабая сторона Водянаго Царства въ настоящій начальный періодъ заключается въ недостаткѣ истинно народной туземной интеллигенціи, которая явилась бы сознательнымъ и умѣлымъ борцомъ за общенародные интересы. Промышленность, земля, просвѣщеніе, пути сообщенія, торговля и благотворительность — все это находится еще въ сильной зависимости отъ просвѣщенныхъ поповъ и капиталистовъ. Вносимые радикальные билли часто или не находятъ себѣ достаточно умѣлыхъ и стойкихъ истолкователей, или становятся объектомъ купли-продажи. Положеніе Президента Сената, обязаннаго стоять по возможности внѣ партій, лишило нашего соотечественника Кауку Лукини полной свободы дѣйствій, а Канакскую партію — дѣятельнаго вождя. Къ величайшей чести его, онъ понялъ это и

подалъ въ отставку, чтобы развязать себѣ руки и свободно защищать намѣченные имъ реформы. Задача предстоитъ, несомнѣнно, трудная, но на помощь ему поднимается сознательно рабочее движеніе промышленныхъ рабочихъ, которые, несомнѣнно, скоро поймутъ общность своихъ интересовъ съ интересами туземнаго народа, и тогда ходъ общественнаго развитія пойдетъ, вѣроятно, по стопамъ жителей Ново-Зеландіи.

Здѣсь мы заканчиваемъ историческую часть нашего разсказа и за продолженіемъ его отсылаемъ заинтересованнаго читателя къ текущей жизни и литературѣ. Мы хотѣли показать читателю уголокъ картинки изъ міровой жизни и съ добродушіемъ человѣка, притерпѣвшагося ко всему, показать, что политическій развратъ нашего русскаго государственнаго строя, съ его мракобѣсіемъ, бюрократизмомъ, сыскомъ, анаемами и беспощаднымъ преслѣдованіемъ всякой живой мысли — носитъ поистинѣ интернаціональный характеръ. Безысходная нищета стомилионнаго народа, изгнаніе самыхъ здоровыхъ элементовъ его изъ предѣловъ родной страны, массовое и систематическое преслѣдованіе нашей молодой интеллигенціи и рабочихъ; тюрьмы, ссылки, анаемы, шпионскія продѣлки русскаго правительства—отнюдь не ограничены предѣлами нашего милаго отечества, но совершаются имъ тайно и явно во всѣхъ частяхъ свѣта, куда только проникаетъ свободная русская мысль, и русское самодержавіе часто съ особымъ сладострастіемъ любитъ обнаружить свое злокачественное вліяніе на почвѣ именно „славныхъ республикъ“ всего міра.

Но я не люблю разсказовъ, кончающихся грустно, и потому ставлю точку. Мои герои въ концѣ концовъ благоденствуютъ, и передъ ними открыты широкіе горизонты. Безподобный Епископъ Владиміръ и понынѣ съ успѣхомъ и усердно продолжаетъ насаждать въ Русской Землѣ исконное православіе, получать ордена и готовится современемъ занять постъ Петербургскаго Митрополита. Гавайскій Сенаторъ Каука-Лукини продолжаетъ сенаторствовать и пытается косвенно доказать, что и русскій народъ не хуже всякаго другого способенъ къ самостоятельному государственному и общественному самоуправленію и парламентской жизни. А надъ ними обоими также благополучно высится зловѣщая, но скромно-иезуитская фигура „злого человѣка“, какъ выразился въ письмѣ къ царю другой отлученный, Л. Н. Толстой, — фигура оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Побѣдоносцева, который попрежнему продолжаетъ осѣнять Русскую Землю чернымъ крыломъ, какъ мрачнымъ трауромъ ¹⁾.

Е. Лазаревъ.



¹⁾ Какъ извѣстно, Побѣдоносцевъ умеръ въ мартѣ текущаго года.

Ред.

Русскіе революціонеры и Японцы ¹⁾.

Надѣвшая всѣмъ старая погудка опять заведена „Нов. Временемъ“, на сей разъ съ аккомпаниментомъ какихъ-то „документовъ“. Опять подхватять этотъ мотивъ *dii minores*: „Свѣтъ“ *et caetera*. Опять неодобрительно закиваютъ главами деревенскіе политики-пономари.

Воспользуюсь моментомъ возрожденія общественнаго вниманія къ этой темѣ и расскажу о дѣйствительномъ фактѣ, очевидцемъ котораго я былъ, какъ поступили русскіе революціонеры въ одномъ случаѣ, когда въ ихъ рукахъ была дѣйствительно возможность вступить въ неблаговидныя сношенія съ японцами.

Произошло это въ началѣ текущаго года.

Былъ, какъ извѣстно, на Дальнемъ Востокѣ такой моментъ, когда послѣдній оплотъ тамошняго русскаго могущества (весьма эфемернаго),—крѣпость Владивостокъ съ главными ея фортами, почти всѣмъ гарнизономъ, наличными военными судами,—все это фактически находилось въ рукахъ революціонеровъ. Произошло это 11 января въ 4-мъ часу пополудни, когда на Иннокентьевской батарее былъ разстрѣлянъ (какъ потомъ оказалось тяжело раненъ) комендантъ крѣпости ген. Селивановъ, и продолжалось двѣ недѣли, когда крѣпость добровольно была обратно сдана вновь назначенному коменданту генералу Артамонову. Вскорѣ прибылъ съ обычными полномочіями ген. Мищенко.

Вопреки условіямъ сдачи, повѣяло духомъ репрессій. Нѣкоторые изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, предпочли переселиться въ Японію. На пароходѣ, на которомъ отплылъ я, продолжалъ приковывать мое вниманіе одинъ субъектъ (назову его Ивановымъ), возбудившій его еще во Владивостокѣ. Видимо малополителлигентный, онъ всѣми силами старался изобразить изъ себя интеллигента. По его словамъ, онъ участвовалъ въ революціяхъ чуть ли не всѣхъ городовъ Россійской Имперіи, въ компаніи съ Андреевымъ и Горькимъ онъ исходилъ весь Кавказъ и т. п. Во время Владивостокскихъ событій онъ старался примазаться то здѣсь, то тамъ, но какъ то такъ выходило, что нигде его не принимали. Сейчасъ онъ ѣхалъ въ компаніи еще нѣсколькихъ субъектовъ, типичныхъ дальне-восточныхъ дѣльцовъ-пронырѣ. Направлялись

¹⁾ Въ дополненіе къ ст. Е. Е. Лазарева о д-рѣ Русселѣ считаемъ весьма интереснымъ воспроизвести статью бывшаго старшаго ординатора Владивостокскаго крѣпостнаго госпиталя д-ра Кудржинскаго, въ которой фигурируетъ тотъ же д-ръ Руссель. Статья эта была напечатана въ газетѣ „Наша Жизнь“ 7 іюля 1906 г. № 491.

Ред.

они по „торговымъ“ дѣламъ въ Японію, а можетъ быть и въ Америку. Ивановъ говорилъ, что у него нѣтъ ни копейки денегъ, а везуть его на свой счетъ спутники, которые де ему должны. Вся эта компанія пьянствовала и спускала въ карты по нѣсколько сотъ рублей въ вечеръ.

Пріѣхавши въ Нагасаки, я поселился въ общежитіи для эмигрантовъ, устроенномъ д-ромъ Русселемъ. Два слова объ этомъ человѣкѣ, игравшемъ видную роль въ событіи, о которомъ пойдетъ рѣчь и, кромѣ того, замѣчательномъ самомъ по себѣ.

Питомецъ Кіевскаго университета, д-ръ Николай Константиновичъ Руссель, скомпрометированный въ политическомъ отношеніи, вынужденъ былъ въ 70-хъ годахъ эмигрировать за границу. Жилъ въездѣ въ Европѣ и Америкѣ. Говоритъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Прекрасный практикъ-окулистъ. Блѣдный, какъ лунь, старикъ, бодръ душой и горячъ энергіей какъ не всякій юноша. Последніе годы жилъ на островахъ Гаити, гдѣ занималъ высокій выборный постъ, въ подаренномъ ему за общественныя заслуги имѣніи. Когда въ Японию начали прибывать партіи плѣнныхъ русскихъ Ник. Конст. немедленно пріѣхалъ въ Кобе и началъ издавать здѣсь специально для плѣнныхъ революціонную газету „Японія и Россія“. Кромѣ того, отъ разныхъ революціонныхъ комитетовъ онъ получалъ цѣлыми коробами русскую революціонную литературу для пропаганды среди солдатъ. Съ послѣдними быстро установились прочныя связи. Нѣсколько человѣкъ „эмигрировало“ изъ лагерей для плѣнныхъ къ Русселю и стали помогать ему въ дѣлѣ изданія газеты и въ сношеніи съ солдатами. Успѣхъ пропаганды былъ колоссальный: „Японія и Россія“ и прочая литература читалась солдатами запоемъ. Внезапно хлынувшій потокъ новыхъ идей для огромнаго большинства былъ откровеніемъ.

Заклинула въ сѣрой солдатской массѣ умственная работа, пошли ожесточенныя дебаты, образовались политическія партіи, нерѣдко, на первыхъ порахъ доходило и до ножевины. Но въ концѣ концовъ умы прояснились, и результаты дѣятельности Ник. Конст. были таковы, что когда начали прибывать изъ Японіи партіи плѣнныхъ во Владивостокъ, то крѣпостное начальство вынуждено было принять по отношенію къ нимъ такія мѣры, какія обыкновенно пріимѣняются только къ пассажирамъ, прибывшимъ изъ зачумленныхъ мѣстъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города на полуостровѣ Эгершельдъ были сгѣшно выстроены спеціальныя бараки и оцѣплены рогатками, не пропускавшими никого ни туда, ни назадъ безъ особаго разрѣшенія эвакуаціонной комиссіи. Крѣпостное начальство было право. Не успѣли поселить на другомъ полуостровѣ (Чуркинѣ) возвратившихся изъ плѣна портъ-артурцевъ, какъ сейчасъ же у нихъ возникъ конфликтъ изъ за отдавіи чести съ однимъ артиллерійскимъ офицеромъ, при чемъ было убито и ранено нѣсколько офицеровъ. Пришлось и этихъ оцѣпить рогатками.

Арестанскій режимъ чуркинцевъ и егершельцевъ былъ постоянной темой горячихъ рѣчей на солдатскихъ митингахъ и предметомъ „парламентскихъ запросовъ“, адресованныхъ коменданту съ требованіемъ снять рогатки. Тогда прибывающихъ плѣнныхъ стали прямо съ пароходовъ сажать въ вагоны и эвакуировать на западъ, лишь бы поскорѣе убрать изъ крѣпости этотъ взрывчатый матеріалъ. Иначе дѣйствительно скоро не хватило бы караула для рогатокъ.

Въ настоящее время Россія обязана Ник. Конст. тѣмъ, что по деревнямъ и селамъ разсѣяно нѣсколько десятковъ тысячъ сознательныхъ людей.

Я прїѣхалъ въ Нагасаки тогда, когда послѣднія партіи плѣнныхъ уже уѣзжали изъ Японіи. Газета „Японія и Россія“ была закрыта за ненадобностью и д-ръ Руссель, ликвидируя дѣла, жилъ въ Нагасаки.

Ивановъ съ товарищами остановился въ одной изъ лучшихъ гостиницъ и кутилъ напрадалу. Такъ какъ между эмигрантами жившими у Русселя. человекъ 2—3 тоже „не дураки были кутвуть“, то между ними и той компаніей установилось общеніе на почвѣ выпивки, поѣздокъ къ гейшамъ et cetera.

Вотъ въ одну изъ пооекъ, Ивановъ, сильно пьяный и говорить эмигранту Z., что у него въ рукахъ есть вещь, которая при удачѣ пахнетъ многими тысячами. „Удастся—половина мѣт, половина на революцію“. Тотъ заинтересовался, сталъ допытываться, въ чемъ дѣло. Взявши слово, что Z. никому ничего не скажетъ, Ивановъ и говоритъ: „Имѣю подробный планъ укрѣпленій Русскаго Острова“. У меня, рассказывалъ Z., и хмѣль выскокидъ. Конечно съ этой радостной вѣстью сейчасъ къ „учителю“. Руссель спокойно выслушалъ его и прочелъ своему юному товарищу внушительную нотацію на тему: „Революціонеры враги русскаго правительства, но не народа, и народныхъ интересовъ никогда и ни за какія деньги не продадутъ.“ Но вотъ вопросъ: какъ воспрепятствовать имѣющей совершиться измѣнѣ? Стали всѣ мы судить—рѣшить. Рѣшили, что Z. посовѣтуеть Иванову обратился къ Русселю, который живетъ въ Японіи давно, имѣетъ знакомыхъ среди японцевъ и дѣло это обдѣлаетъ быстро и выгодно. Ивановъ поддался на эту удочку, призвавшись, что они уже зондировали почву въ Японіи, но неудачно.

3-го февраля явился онъ къ Русселю и черезъ ¼ часа бесѣды вышелъ отъ него растроганный, съ заплаканными глазами. Руссель убѣдилъ его не дѣлать подлости и уговорилъ отдать планъ ему якобы для храненія „на всякій случай“ въ центральномъ револ. комитетѣ въ Вашингтонѣ. Ивановъ обѣщаль на другой день въ 9 час. утра привести планъ. Вотъ ужъ и полдень, а его нѣтъ. Въ 12 час. прохожу я мимо его отеля; увидѣлъ онъ меня, выскакиваетъ: „Извините, что не пришелъ. Я съ похмѣлья (дѣйствительно, фیزیомія ай-ай!)... только что всталъ... въ 4 часа привнесу“. Вечеръ. Нѣтъ его. Наша публика забудоражилась. Дѣло ясно: товарищи Иванова не дадутъ ему плана. Какъ быть? Оставить дѣло такъ невозможно. Ушаковъ, человекъ „дипломатическаго склада“, отлучился на минуту въ лавочку и заявилъ, что вотъ этимъ кусочкомъ воска онъ сдѣлаетъ слѣпокъ съ замковъ ихъ чемодановъ и т. д. Но Вадецкій, эмигрантъ-офицеръ, изъ Новокіевскаго гарнизона, получившій на войнѣ „Владимира съ мечами“ за храбрость, тряхнулъ головой и рѣшилъ дѣйствовать по военному. Взявши съ собою еще троихъ товарищей, дожикъ молодцовъ ¹⁾, онъ отправился къ нимъ. Та компанія вся была дома. Революціонеры стали у дверей, загородивши выходъ, Вадецкій отъ имени нагасакской группы эмигрантовъ-революціонеровъ потребовалъ немедленной выдачи плана. Тѣ отпираться: „Никакого плана у насъ и не было“.—Въ такомъ случаѣ мы пригласимъ сейчасъ французскаго консула (русскаго представителя тогда еще не было) и потребуемъ, чтобы онъ съ полиціей провзвелъ у васъ обыскъ. Но знайте, что если планъ у васъ окажется, то мы опубликуемъ васъ по фамиліямъ, какъ измѣнниковъ въ русскихъ газетахъ и, слѣдовательно, возвратъ въ Россію вамъ будетъ закрытъ навсегда. Во вторыхъ, мы опубликуемъ вашъ поступокъ

¹⁾ И. Кирилловъ (эмигрантъ изъ 1-го уссурійскаго жел. дор. баталіона), А. И. Ушаковъ (рабочій Владив. порта) и Зиминъ (эмигрантъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ).

въ революціонныхъ газетахъ и тогда вамъ на землѣ не будетъ мѣста; революціонеры нигдѣ не оставятъ васъ въ покоѣ, какъ отверженныхъ народомъ, вездѣ васъ будутъ преслѣдовать. А можетъ быть революціонный комитетъ присудитъ васъ и къ болѣе строгому наказанію. Даю вамъ 5 минутъ на размышленіе“.

Тѣ страшно перетрусили. Стоятъ блѣдные, растерянные.

„Позвольте намъ посовѣтоваться наединѣ“.—„Можете это сдѣлать только здѣсь въ нашемъ присутствіи“.—„Мы принесемъ планъ завтра. Онъ далеко спрятанъ“.—„У васъ осталось три минуты на размышленіе“. Вертятся бѣдняги. Одинъ сваливаетъ на другого. Ничего не подѣлаешь; отвернулся одинъ въ сторону, полѣзъ въ боковой карманъ, вытащилъ, даетъ.

12 часовъ ночи. Сажу я, занимаюсь. Топотъ на лѣстницѣ. Вбѣгаетъ Вадецкій; за нимъ вся компанія. Тутъ и Ивановъ съ однимъ изъ своихъ товарищей.

„Дома Николай Константиновичъ?“—„Спать, кажется“.—„Надо разбудить - планъ добыли!“—„Молодчаги!“

Картина. На постели, въ ночной фуфайкѣ, бѣлый, какъ лунь, сидитъ старецъ. Вокругъ дюжина добрыхъ молодцевъ. При свѣтѣ лампы разглядываемъ планъ: въ большомъ масштабѣ изображеніе острова съ подробнымъ указаніемъ фортовъ, батарей, дорогъ, загражденій и пр. Для незнакомыхъ съ топографіей Владивостока замѣчу, что Русскій Островъ лежитъ у входа въ бухту „Золотой Рогъ“, совершенно закрывая ее и городъ съ моря. Высшая точка острова „Русская Гора“, господствующая надъ бухтой, городомъ, фортами Амурскаго берегового фронта—является ключемъ крѣпости съ моря“.—„Тутъ—говоритъ Ивановъ—былъ еще листъ съ объясненіями, подписями и печатами. Но я его уничтожилъ. Еще влопаешься съ ними“.

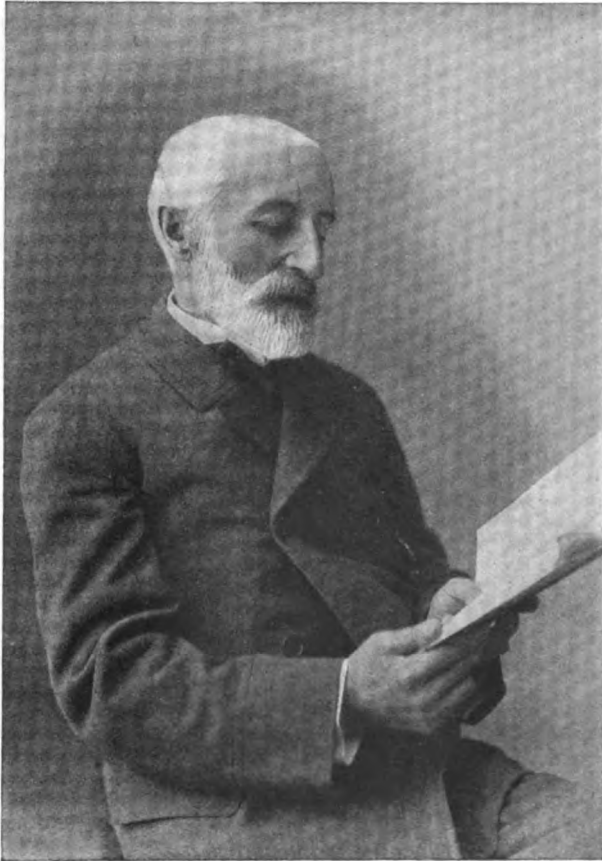
„Я перемѣнилъ свое рѣшеніе — началъ Руссель. Если я возьму планъ для отсылки въ комитетъ, то вы можете заподозрѣть, что я сдѣлаю изъ него какое-либо другое употребленіе. А посему я полагаю самое лучшее будетъ, если мы его сейчасъ у всѣхъ на глазахъ уничтожимъ. Какъ вы, товарищи, думаете?“

Мы конечно, всѣ одобрили этотъ проектъ. Вадецкій взялъ развернутый планъ за одинъ уголокъ и поднесъ свѣчку. Пламя медленно поползло вверхъ. Онъ, демонстративно повернувши изображеніемъ къ намъ, на вытянутой рукѣ понесъ его къ камину и положилъ на пылающія уголья. Всѣ глядѣли молча. Ивановъ съ компаньономъ смотрѣли грустно, какъ летятъ въ трубу съ дымомъ ихъ мечты о японскихъ іенахъ, на которыя такъ славно можно было бы кутнуть...

„Ну, господа, — прервалъ молчаніе Руссель, — обращаясь къ Иванову и его товарищу, — поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы исполнили свой долгъ передъ родиной. Случай поставилъ васъ передъ соблазномъ совершить тяжкое преступленіе передъ своимъ народомъ. Вы теперь должны чувствовать себя счастливыми, избѣгнувъ этой опасности. Забудемъ же этотъ прискорбный случай и будемъ работать только во имя блага нашего народа“.

Рѣчь эта, сказанная тихимъ, спокойнымъ голосомъ, маститымъ благороднымъ старикомъ, произвела на всѣхъ насъ неотразимое впечатлѣніе. Всѣ слушали, затаявъ дыханіе. Чѣмъ-то библейскимъ пахнуло на меня. Картина „Поученіе Владиміра Мономаха“ возстала въ памяти...

Но ничто не могло тронуть нашихъ отечественныхъ дальневосточныхъ



Николай Константинович
СУДЗИЛОВСКИЙ.
(Доктор Руссель)

дѣльцовъ. „А какъ же, дозволейте спросить, теперича насчетъ убытковъ, которые, какъ изволите знать, мы произвели изъ собственныхъ средствъ на г. Иванова? Поили, кормили, везли, ну и... значить... все прочее довольствіе... понятно... человекъ молодой... Надѣялись покрыть изъ продажи планта, а теперича выходитъ дѣло табакъ? Мы поэтому не согласны. Надо по совѣсти, по Божески, а это что же, одно жульничество выходитъ! Сожгли и квитъ?“

Начался торгъ между ними и Ивановымъ, тяжелый, отвратительный. Высчитывалось когда, сколько и за что уплочено. Казалось открылась затчка какой-то клоаки и полились нечистоты... становилось тяжело. Русселъ попросилъ казначея отсчитать 50 іенъ и вручилъ ихъ Иванову, который тутъ же отдалъ ихъ своему патрону. Последній, конечно, запротестовалъ: „Что же это, насмѣшка, грабежъ?!“ Но мы демонстративно пожелали Ник. Ковст. спокойной ночи и... *finita komedia*.

Произошло это въ ночь съ 3 на 4 февраля с. г. въ Нагасаки, въ части города *Sagarimatschy*, д. № 12. Главныя дѣйствующія лица точно названы (кромя Иванова и К-о).

Послѣ этого, понятно, для Иванова закрылись кошельки его патроновъ. Онъ временно пріютился у насъ въ общежитіи, а потомъ уѣхалъ въ Америку.

Я какъ-то спрашиваю его: какъ къ вамъ попалъ этотъ планъ? Вотъ что онъ мнѣ рассказывалъ: „Въ тотъ же день, какъ разстрѣляли Селиванова, поздно вечеромъ прибѣгаетъ ко мнѣ солдатикъ и приноситъ какой-то конвертъ. Говорить, что когда дали залпъ по Селиванову, то среди офицеровъ его свиты поднялась страшная паника, бросились кто бѣжать, кто къ раненому... У одного выпалъ изъ рукъ портфель и бумаги рассыпались... впопыхахъ не всѣ успѣли собрать. Эту штуку онъ подвѣялъ; потомъ у меня возникла идея продать планъ японцамъ. Этихъ субъектовъ вынужденъ былъ посвятить въ дѣло потому, что у меня не было ни копейки. Ну, остальное вамъ извѣстно“.

Земское движеніе до образованія Партіи Народной Свободы.

(Продолженіе ¹⁾).

Начиная съ 1897 года, въ земствѣ замѣчается стремленіе къ мобилизаціи не только собственныхъ, земскихъ силъ, но и широкихъ внѣземскихъ общественныхъ сферъ.

Послѣднему обстоятельству болѣе всего содѣйствовало правительство.

Развивая политику Императора Александра III-го, оно, не сознавая дѣйствительности или игнорируя ее, постепенно отталкивало отъ себя всѣ элементы населенія, которые и обращали свои симпатіи на земство, открыто выступавшее на защиту интересовъ страны.

Въ концѣ концовъ, при министерствѣ фонъ Плеве, у правительства, какъ это мы увидимъ ниже, за исключеніемъ реакціонныхъ группъ, преслѣдовавшихъ только личныя свои вождельнія, не осталось, собственно говоря, ни единого союзника.

Почву для этой чисто революціонной дѣятельности фонъ-Плеве, открывшаго кампанію противъ земства и всей Россіи уже въ XX столѣтіи, съ необыкновеннымъ успѣхомъ подготовляли лица, стоявшія во главѣ правительства въ послѣдніе годы XIX столѣтія.

Въ 1897, 1898 и 1899 году главными гвоздями правительственной машины были: оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Побѣдоносцевъ; министръ юстиціи Муравьевъ, который создалъ себѣ карьеру процессомъ 1-го марта и близко примыкалъ къ Побѣдоносцеву; министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ, выжившій изъ ума старецъ, котораго въ 1898 году замѣнилъ ставленникъ Побѣдоносцева—Боголѣповъ, министръ финансовъ Витте, несомнѣнно, самый умный изъ всего кабинета министровъ, и, наконецъ,—министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ.

Фактическимъ главою правительства былъ, конечно, Побѣдоносцевъ, а остальные министры руководствовались его взглядами, причѣмъ Витте и Горемыкинъ дѣлали это ради сохраненія портфелей, не будучи, въ сущности говоря, сторонниками всесильнаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

¹⁾ См. „Былое“, апрѣль и май за текущій годъ.

Побѣдоносцевъ, какъ намъ уже извѣстно, всѣми силами души ненавидѣлъ земство, а потому, естественно, всякій, кто-бы открыто выступилъ въ защиту земскаго самоуправленія, навѣрное рисковалъ своею карьерою.

Эта участь и постигла Горемыкина въ 1899 году, хотя, какъ мы увидимъ, онъ былъ сторонникомъ чисто бюрократическаго земства. Витте же, охраняя свой портфель, въ томъ же году открыто выступилъ противъ земства, вслѣдствіе чего быстро пошелъ вверхъ, чтобы послѣдствіи пасть съ этой высоты при всеобщемъ негодованіи, которое всегда вызывается неискреннею, двоедушною политикою.

Не будемъ однако забѣгать впередъ, а постараемся, придерживаясь нашей системы, въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ сдѣлать обзоръ земскаго движенія въ послѣдніе годы XIX столѣтія.

Въ 1897 году министерство внутреннихъ дѣлъ рѣзко проявило полное свое недоверіе къ земству и обществу и высокое самомнѣніе по отношенію къ себѣ въ двухъ вопросахъ—по всенародной переписки и организациі народнаго продовольствія по случаю голода.

Всеобщая перепись произведена была безъ всякаго участія земства, какъ бы въ доказательство, что правительство можетъ сдѣлать «все» «само», не нуждаясь въ помощи общественныхъ силъ. Прекрасно организованная во многихъ губерніяхъ, земскія статистическія бюро, въ которыхъ сосредоточено было немало вполне опытныхъ статистиковъ, тенденціозно игнорировались. Общее руководство переписью было возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, которому, съ Высочайшаго соизволенія, предоставлено было право назначать, для объединенія органовъ переписи и выясненія недоразумѣній, особыхъ уполномоченныхъ и привлекать къ переписи другихъ лицъ. На министра внутреннихъ дѣлъ, а въ случаѣ его отсутствія—на предсѣдателя статистическаго совѣта возложено было предсѣдательство въ главной переписной комиссіи, состоявшей изъ членовъ, назначавшихся Высочайшею властью. Непремѣннымъ членомъ и управляющимъ дѣлами статистической комиссіи былъ директоръ статистическаго комитета Н. А. Тройницкій, состоявшій ранѣе вице-губернаторомъ въ Ярославлѣ и губернаторомъ въ Вяткѣ и Рязанѣ, что врядъ ли могло содѣйствовать проявленію статистическихъ талантовъ. Но въ 1875 году г. Тройницкій былъ «назначенъ» директоромъ центрального статистическаго комитета и, такимъ образомъ, «превратился» изъ губернатора въ сановнаго «статистика».

Нужно ли говорить, что перепись была организована совершенно на канцелярской, бюрократической ладъ. Въ губерніяхъ, уѣздахъ и болѣе значительныхъ городахъ были учреждены официальные губернскія, уѣздныя и городскія комиссіи, которыя, собственно говоря, рѣшительно ничего не дѣлали, да и не могли дѣлать, а «изготовителями» статистическихъ данныхъ были завѣдующій участками, т. е., главнымъ образомъ, всезнающіе земскіе начальники и набранные ими же такъ называемые, «знакомыя съ мѣстными условіями лица».

Перепись произведена была 28 января 1897 года. Число счетчиковъ опредѣлялось въ 150000 человекъ, которые должны были въ

одинъ день получить и провѣрить или написать подъ диктовку болѣе 30.000.000 бюллетеней.

Данныя переписи составляли такую государственную тайну, что земства никакъ не могли добиться получить для своихъ цѣлей вторыхъ экземпляровъ переписныхъ листовъ, которые хранились въ волостныхъ правленіяхъ. И до сихъ поръ, т. е. черезъ 10 лѣтъ, нѣтъ полной сводки всеобщей переписи, такъ что, въ общемъ, работу эту можно считать мало пригодною для пользованія, а между тѣмъ расходы на перепись изъ суммъ государственнаго казначейства только на первые 3 года выражались суммою въ 3.916.682 рубля.

Конечно, земство имѣло всѣ основанія указать обществу, къ какимъ результатамъ ведетъ хозяйничанье самодержавной бюрократіи, и, само собою разумѣется, всѣ симпатіи были на сторонѣ земства.

Еще большій крахъ потерпѣло правительство въ вопросѣ о народномъ продовольствіи.

Послѣдній, что называется, висѣлъ въ воздухѣ.

Ни «особое совѣщаніе», образованное въ 1891 году подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ въ пострадавшихъ тогда отъ неурожая губерніяхъ, ни «особая комиссія, учрежденная по Высочайшему повелѣнію 18 февраля 1893 года, подъ предсѣдательствомъ Плеве, бывшаго въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, ровно ничего не сдѣлали. Но, не взирая на это, правительство, какъ и въ переписи, «само» выступило удовлетворять нужды народнаго продовольствія.

Земство, какъ и раньше рѣзко протестовало противъ узурпации его правъ и указывало на всѣ бѣдствія отъ чиновничьяго отношенія къ голодающему населенію.

Такъ, между прочимъ, извѣстный земскій дѣятель, гласный курскаго губернскаго земства, А. Н. фонъ-Рутценъ на очередномъ Курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи говорилъ: «Я полагаю, что шаблонныя мѣропріятія бѣдствію не помогутъ, такъ какъ причина его лежитъ глубже, кроется въ общихъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ. Не успѣло еще населеніе оправиться отъ голода 1891—1892 годовъ, какъ опять голодъ. Въ 1893 и 1894 годахъ мы не знали, куда дѣваться съ нашимъ хлѣбомъ, а теперь его опять нѣтъ. Развѣ это явленія нормальныя? По моему, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на такого рода явленіе, и я предлагаю ходатайствовать о созывѣ выборныхъ представителей центральной полосы Россіи въ особое совѣщаніе при министерствѣ земледѣлія для выработки мѣропріятій въ виду общаго тяжелаго положенія названной полосы». Это предложеніе единогласно было принято собраніемъ, причемъ, для мотивировки ходатайства, была избрана особая комиссія.

Херсонское губернское земское собраніе ходатайствовало о скорѣйшемъ изданіи новаго продовольственнаго устава, со включеніемъ въ него особыхъ статей, предоставляющихъ земскимъ учрежденіямъ издавать обязательныя постановленія о порядкѣ пополненія раскладки и расходованіе общественныхъ продовольственныхъ запасовъ, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ, и о порядкѣ опредѣленія отвѣтственности обществъ и отдѣльныхъ лицъ за получаемыя ими ссуды

изъ магазиновъ сословнаго, губернскаго и общаго продовольственнаго капиталовъ. Въмѣстѣ съ этимъ собраніе постановило, чтобы проектъ продовольственнаго устава былъ предварительно внесенъ на разсмотрѣніе земскихъ учреждений. Подобныя же постановленія сдѣланы были и многими другими земствами, но правительство не обращало на это ровно никакого вниманія.

Тогда земство, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, перенесло свою дѣятельность на болѣе широкую общественную арену. Между прочимъ, какъ и раньше, оно выступило въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Совѣтъ послѣдняго въ 1897 году обратился ко всей странѣ со слѣдующимъ знаменитымъ призывомъ.

«Неблагопріятныя извѣстія о результатахъ урожая текущаго года въ обширныхъ областяхъ центральной, восточной и южной Россіи вновь выдвигаютъ въ общественной жизни нашего отечества на первый планъ вопросы первостепенной важности объ обезпеченіи народнаго продовольствія и о поддержаніи падающаго земледѣлія. На наше отечество надвигается, повидимому, то же грозное бѣдствіе, которое мы пережили 6 лѣтъ тому назадъ, когда неурожаемъ 1891 года, обнаружившійся почти въ тѣхъ же границахъ, какъ и теперь, вызвалъ настоящій голодъ среди значительной массы крестьянскаго населенія. Въ то время настойчиво утверждалось, что, помимо случайнаго стеченія неблагоприятныхъ метеорологическихъ условій, причины неурожае и голода коренились въ глубокомъ разстройствѣ всего хозяйственнаго строя страны. Какъ на дѣйствительныя и непосредственныя причины бѣдствія указывалось на крестьянское малоземелье, на низкую культуру полеводства, отсутствіе или недостаточное развитіе мѣстныхъ неземледѣльческихъ промысловъ, на непомѣрно низкій общій уровень экономическаго благосостоянія массы населенія, на тягость и неравномѣрное распредѣленіе налоговъ при нерациональной системѣ ихъ взиманія, на крайнюю недостаточность общаго и спеціального образованія и т. д. Въ то же время борьба съ нуждою и голодомъ выяснила до очевидности совершенную неудовлетворительность существующей у насъ системы продовольственнаго обезпеченія. Къ сожалѣнію, лишь только прошла година испытаній, какъ большая часть сдѣланныхъ наблюденій и высказанныхъ мнѣній была тотчасъ же забыта. Для уврачеванія глубокихъ язвъ народнаго хозяйства и для поднятія еще больше пошатнувшагося народнаго благосостоянія не было предпринято почти никакихъ мѣръ, если не считать отдѣльныхъ разрозненныхъ попытокъ земства и министерства земледѣлія, не выходящихъ пока изъ области опытовъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предприняты были, правда, работы по пересмотру дѣйствующаго продовольственнаго устава, но работы эти, по соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ дѣломъ продовольствія приняты, какъ извѣстно, вовсе нежелательное направленіе и не привели пока ни къ чему. Нынѣ, черезъ 6 лѣтъ послѣ пережитаго народнаго бѣдствія, мы вновь стоимъ передъ тою же неразрѣшенною тогда задачею и почти такъ же остаемся безпомощны передъ нею, какъ и прежде.

«Императорское вольное экономическое общество, слѣдую лучшимъ традиціямъ своего прошлаго, не можетъ оставаться безучастнымъ къ переживаемому народомъ горю. Оно считаетъ себя обязаннымъ принять посильное участіе въ разрѣшеніи роковыхъ для отечества вопросовъ. Совѣтъ общества рѣшилъ въ теченіе наступающей зимы подвергнуть въ публичныхъ засѣданіяхъ общества возможно обстоятельному, разностороннему и безпристрастному обсужденію вопросы о причинахъ столь часто повторяющихся у насъ неурожаевъ и ихъ постоянныхъ послѣдствій—продовольственной нужды, о средствахъ борьбы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ и о дѣйствительныхъ мѣрахъ къ поднятію экономическаго благосостоянія народа, по крайней мѣрѣ, на такую высоту, при которой случайное стеченіе неблагоприятныхъ метеорологическихъ условій не ставило бы населеніе цѣлыхъ обширныхъ областей нашего отечества на край гибели.

Въ личномъ составѣ членовъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, постоянно живущихъ въ Петербургѣ, и вообще въ средѣ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей столицы находится конечно, не мало людей, готовыхъ посвятить свой трудъ и знанія подробному изученію и разъясненію этихъ первостепенныхъ для Россіи задачъ. Но при всей теоретической подготовленности этихъ лицъ къ правильному сужденію по указанному предмету у нихъ, въ большинствѣ случаевъ, не достаетъ надлежащей практической опытности и болѣе близкаго знакомства съ непосредственными потребностями деревни и съ тѣми условіями, при которыхъ приводятся въ исполненіе теоритически выработанныя мѣры. Въ этомъ случаѣ незамѣнимую помощь имъ могли бы оказать люди практики, хорошо знакомые съ современными условіями жизни въ деревнѣ и съ тѣми затрудненіями, съ которыми приходится считаться при непосредственномъ примѣненіи къ жизни всякихъ общихъ мѣръ. Желая привлечь къ обсужденію вышенамѣченныхъ вопросовъ эти живые элементы нашей земли и воспользоваться ихъ драгоцѣннымъ знаніемъ сельской жизни и опытностью, совѣтъ императорскаго вольнаго экономическаго общества приглашаетъ къ дѣятельному участію въ совмѣстной работѣ на пользу отечества всѣхъ своихъ членовъ, постоянно живущихъ въ провинціи, а также мѣстныхъ дѣятелей въ земствѣ и въ провинціальныхъ сельскохозяйственныхъ обществахъ и вообще всѣхъ благомыслящихъ сельскихъ жителей, интересующихся экономическимъ преуспѣяніемъ деревни. Къ этому участію въ трудахъ общества приглашаются не только жители мѣстностей, пострадавшихъ въ нынѣшнемъ году отъ неурожая, такъ какъ поставленный обществомъ на обсужденіе вопросъ касается всѣхъ частей нашего отечества. Самое участіе мѣстныхъ дѣятелей въ трудахъ общества можетъ выразиться или присылкою въ общество какъ сырыхъ, такъ болѣе или менѣе обработанныхъ матеріаловъ, обрисовывающихъ современное экономическое положеніе деревни, а также рукописныхъ или печатныхъ докладовъ и записокъ по вопросамъ, связаннымъ съ продовольственнымъ дѣломъ, или-же, наконецъ, принятіемъ непосредственнаго активнаго участія въ обсужденіи указанныхъ выше вопросовъ въ публичныхъ засѣданіяхъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, такъ какъ,

по уставу общества, въ этихъ засѣданіяхъ могутъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, участвовать и лица, не принадлежащія къ числу членовъ общества.

Въ виду изложеннаго, совѣтъ императорскаго вольнаго экономическаго общества имѣетъ честь убѣдительноше просить не отказывать обществу въ нижеслѣдующемъ:

1) прислать ему имѣющіеся на мѣстѣ рукописные и печатные матеріалы, разъясняющіе степень бѣдствія, постигшаго въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя мѣстности Россіи, причины, вызвавшія обостреніе нужды, ея вѣроятныя послѣдствія, а также выясняющіе, какія мѣры приняты или надлежало бы принять для борьбы съ существующимъ бѣдствіемъ, для устраненія или ослабленія его губительныхъ послѣдствій и для предотвращенія его повторенія въ будущемъ;

2) сообщить обществу свои соображенія по предметамъ, указаннымъ въ предыдущемъ пунктѣ, а также и о томъ, въ чемъ именно заключаются неудобства существующаго порядка обезпеченія народнаго продовольствія по нынѣ дѣйствующему продовольственному уставу и дополнительнымъ къ нему узаконеніямъ и распоряженіямъ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ органовъ, вѣдающихъ продовольственное дѣло, и въ чемъ надлежало бы измѣнить или дополнить эти узаконенія и распоряженія;

3) увѣдомить о томъ, на какое именно время (напр., на февраль или мартъ будущаго 1898 г.) слѣдовало бы императорскому Вольному Экономическому обществу назначить обсужденіе намѣченныхъ вопросовъ въ публичныхъ своихъ засѣданіяхъ, для того, чтобы въ этомъ обсужденіи могло принять дѣятельное участіе наибольшее число лицъ, прибывшихъ изъ провинціи и практически знакомыхъ съ постановкою продовольственнаго дѣла на мѣстѣ.

Императорское Вольное Экономическое общество гостепріимно открываетъ свои двери всякому, желающему принять участіе въ его трудахъ по выясненію вопросовъ, касающихся экономическаго благосостоянія отечества.

О времени, на которое будутъ назначены засѣданія общества для всесторонняго обсужденія продовольственнаго дѣла, будетъ своевременно объявлено во всеобщее свѣдѣніе.

Лица, желающія представить въ общество сообщеніе или докладъ по указаннымъ предметамъ, благоволятъ заранѣе увѣдомить объ этомъ Президента общества и прислать краткую программу своего сообщенія или доклада.

Императорское Вольное Экономическое общество льститъ себя надеждой, что, въ виду важности предпринятаго имъ дѣла, настоящій призывъ его не останется безъ отвѣта, и въ посильной помощи для разъясненія столь важнаго предмета ему не откажутъ въ просвѣщенномъ и патріотическомъ содѣйствіи всѣ лучшія силы мыслящей части нашего народа».

Въ мартѣ 1898 года въ обществѣ состоялось 5 засѣданій, исключительно посвященныхъ публичному обсужденію вопроса о неурожаѣ

и продовольствіи ¹⁾). Среди участниковъ этихъ засѣданій громаднѣйшій процентъ составляли земскіе дѣятели, нарочно прибывшіе изъ провинціи. Не ограничивалась одними выясненіями бѣдствія, общество и участники засѣданій отъ себя ассигновали средства на помощь голодающимъ и избрали особый комитетъ для сбора пожертвованій. Этотъ комитетъ, пользуясь сочувствіемъ страны, въ очень короткое время собралъ 128.000 рублей и отправилъ деньги своимъ агентамъ въ пострадавшія отъ неурожая губерніи.

Такимъ образомъ, появилась совершенно самостоятельная организація, не имѣвшая ничего общаго съ правительствомъ. Послѣднее, конечно, поторопилось задушить общественную инициативу, и комитетъ при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ самый разгаръ его высокополезной дѣятельности, былъ закрытъ. Но тутъ случился единственный въ своемъ родѣ скандалъ, возможный лишь при бюрократическомъ самодержавіи.

Шумъ, поднятый по поводу голода земствами и самостоятельно, и въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, какими-то путями достигъ до слуха придворныхъ сферъ. Тамъ, повидимому, заподозрили, что Горемыкинъ или ничего не знаетъ, или не обо всемъ докладываетъ.

И вотъ на этой почвѣ, въ качествѣ таинственнаго довѣреннаго верховной власти, внезапно вынырнулъ, какъ Венера изъ волнъ морскихъ, никому дотолѣ неизвѣстный «титularный совѣтникъ», А. А. Клоповъ.

Случилось это при такихъ «истинно русскихъ» обстоятельствахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, отстранивъ всѣхъ отъ дѣла народнаго продовольствія, официально должно было руководствоваться «правилами» благотворительности, изданными еще въ 1891—1892 году, когда нынѣшній императоръ Николай II-й, тогда наслѣдникъ, сталъ во главѣ «Особаго благотворительнаго Комитета». Въ этихъ «правилахъ», между прочимъ, говорилось, что «дѣятельность лицъ, посвятившихъ себя, по чувству христіанской любви къ ближнимъ, дѣлу помощи нуждающимся, отнюдь не должна быть стѣсняема».

Но такихъ лицъ министерство внутреннихъ дѣлъ къ народу не допускало, а вмѣсто нихъ по голодающимъ губерніямъ колесили губернаторы и посылали въ Петербургъ самые блестящіе отчеты, не имѣвшие ничего общаго съ дѣйствительностью.

Такъ, напримѣръ, Шлиппе,—сдѣлавшійся Тульскимъ губернаторомъ по протекціи графа Шереметьева, у котораго былъ самымъ зауряднымъ управляющимъ,—разъѣзжалъ по «своей» губерніи, повсемѣстно встрѣчаемый церковными хоругвями и колокольнымъ звономъ, о чемъ краснорѣчиво повѣствовало «*Тульскія Губернскія Вѣдо-*

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь кстати, что во время этихъ дебатовъ выяснился большой расколъ среди интеллигенціи, вызванный, между прочимъ, солиднымъ трудомъ, изданнымъ въ 1897 году, подъ редакціей профессоровъ А. И. Чупрова и А. С. Посникова—«*Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства*». Этотъ трудъ исполненъ былъ по программѣ, выработанной департаментомъ торговли и мануфактуры, профессорами и земскими статистиками, а именно.—кромѣ Чупрова и Посникова,—Н. А. Каблуковымъ, Н. А. Каршевымъ, А. Ф. Фортунатовымъ, Н. Ф. Анненскимъ, В. Н. Григорьевымъ, Л. Н. Марессомъ, Н. О. Осиповымъ, М. А. Плотниковымъ, В. И. Покровскимъ, Д. И. Рихтеръ и Ф. А. Щербяновъ.

мости»,—и доносилъ въ С.-Петербургъ, что все обстоитъ, какъ нельзя болѣе лучше, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ въ Тульской губерніи былъ самый настоящій голодъ.

Объ этомъ явленіи сдѣлалъ сообщеніе въ газетахъ графъ Бобринскій, предсѣдатель Богородицкой уѣздной земской управы, причемъ взывалъ къ Обществу дѣлать пожертвованія въ пользу голодающихъ Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи.

Шлиппе оторопѣлъ отъ такой неожиданности и поспѣшилъ въ бумагѣ на имя Горемыкина официально опровергнуть свѣдѣнія графа Бобринскаго.

Основываясь на донесеніи тульского помпадура, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь,—уже отъ имени правительства,—официально опровергъ толки о голодѣ. Но графъ Бобринскій не унимался, и вслѣдъ за опроверженіемъ Горемыкина въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилось второе письмо предсѣдателя Богородицкой земской управы, въ которомъ совершенно обнаруживалась официальная ложь министерства внутреннихъ дѣлъ.

Этимъ, однако, дѣло не ограничилось.

Въ то время въ Херсонской губерніи неограниченно царилъ знаменитый князь Иванъ Оболенскій. Какъ и Шлиппе, онъ точно такъ же колесилъ «по своей губерніи» и, улавливая земскую крамолу, самымъ категорическимъ образомъ отрицалъ существованіе голода въ Херсонской губерніи. Но ужасная пресса уличила и всевластнаго князя Ивана Оболенскаго.

Горемыкинъ и на этотъ разъ официально вышелъ побѣдителемъ: онъ добился воспрещенія розничной продажи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и Высочайшаго выговора графу Бобринскому, какъ первому зачинщику похода противъ достовѣрности министерскихъ донесеній.

Однако въ верхахъ убѣдились, что дѣло обстоитъ неблагополучно, и вотъ тутъ-то появился «титularный совѣтникъ» А. А. Клоповъ.

Мы не будемъ передавать всѣхъ подробностей его походовъ, а скажемъ лишь, что извѣстнымъ Государю онъ сдѣлался черезъ посредство великаго князя Александра Михайловича, который устроилъ и личное свиданіе Клопова съ Императоромъ Николаемъ II-мъ.

Искренность перваго, какъ говорили, произвела благоприятное впечатлѣніе на Государя, и онъ, снабдивъ Клопова открытымъ листомъ, подписаннымъ комендантомъ дворца Гессе, повелѣлъ титулярному совѣтнику произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, поразившихъ неурожаемъ.

Такимъ образомъ, г. Клоповъ выступилъ до нѣкоторой степени въ роли Гарунъ-Аль-Рашида. Скрывая свою высокую миссію, онъ долженъ былъ таинственно узнавать о бѣдствіяхъ россійскихъ подданныхъ и доносить обо всемъ непосредственно верховной власти.

Но, понятно, лица, окружавшія Государя, пришли въ негодованіе, узнавъ о существованіи какого-то особеннаго уполномоченнаго у него. Объ этомъ немедленно сообщено было Горемыкину, а этотъ послѣдній, при посредствѣ агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ,

принялъ такія «мѣры», что довѣренный Государя, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ скрываться.

Конечно, серьезные люди только посмѣялись надъ «клопіадою», но были и такія наивныя лица, которыя вѣрили въ возможность благихъ послѣдствій отъ миссіи Клопова, составляли доклады, записки, проекты и т. п. и передавали ихъ титулярному совѣтнику для врученія лично Государю.

«Клопіада» какъ нельзя нагляднѣе показала всю ненормальность самодержавнаго строя, всю беспомощность при немъ самой Верховной власти, но должны были послѣдовать еще гораздо болѣе грозныя событія, чтобы Россія перешла къ другому режиму: «клопіада» не оказала ровно никакого вліянія, и все оставалось попрежнему.

Правительство продолжало неотступно преслѣдовать земство, увеличивая популярность послѣдняго. Общество видѣло въ земствѣ единственнаго своего представителя и выразителя интересовъ населенія. Несмотря на строжайшія предписанія, внушенія, запрещенія, на земскихъ собраніяхъ то и дѣло открыто выражался протестъ противъ бюрократическаго гнета. Земская оппозиція пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы освѣтить печальное положеніе страны. Предсѣдатели собраній, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не разрѣшали касаться вопросовъ, выходящихъ изъ рамокъ «мѣстныхъ» польвъ и нуждъ. Тогда ораторы начинали свои рѣчи съ какой-нибудь «мѣстной» нужды, а затѣмъ переходили къ общегосударственнымъ злободневнымъ вопросамъ.

Для образчика приведемъ здѣсь рѣчь рязанскаго губернскаго гласнаго г. Оленина, произнесенную имъ на очередномъ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ концѣ 1897 года. Ораторъ обратился къ собранію съ предложеніемъ возбудить ходатайство о дозволеніи печатать всѣ земскія изданія безъ предварительной цензуры подъ отвѣтственностью управъ, мотивируя свое предложеніе слѣдующимъ образомъ:

«На основаніи § 14 ст. 63 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставлено право представлять правительству ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Эти нужды раздѣляются на двѣ категоріи: нужды, имѣющія чисто мѣстное значеніе, и такія, удовлетвореніе которыхъ важно не только для отдѣльныхъ губерній имперіи, но и для остальныхъ. Рѣзкой границы между этими двумя категоріями провести нельзя и потому означенную статью слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ. Это обстоятельство даетъ мнѣ право предложить земскимъ собраніямъ ходатайствовать объ одной изъ насущнѣйшихъ нуждъ или, вѣрнѣе, польвъ, удовлетвореніе которой оказало бы въ высшей степени благотворное вліяніе и имѣло бы важныя послѣдствія.

«До сихъ поръ земскія учрежденія являются нарушеніемъ общепринятаго въ Россіи порядка, цѣль котораго есть объединеніе различныхъ народностей, законовъ и мѣропріятій по всему лицу земли русской. Только земскія учрежденія дѣйствуютъ порознь, каждое на свой образецъ, безъ достаточной связи между собою; мѣропріятія,

удавшіяся въ одномъ земствѣ, нерѣдко неизвѣстны въ другомъ. Такимъ образомъ, лучшія мѣстныя силы, работающія въ земствахъ, оказываются несолидарными между собою, и дѣятельность ихъ является разобщенной. По моему мнѣнію, это обстоятельство, эта разрозненность земствъ, отражается на самой плодотворности земской работы, и я убѣжденъ, что оно не имѣлось въ виду у законодателя. Вслѣдствіе этого отсутствія единства, одни земства идутъ впередъ въ то время, какъ другія еще только вступаютъ на пройденный уже первыми путь и лишь случайно имѣютъ возможность пользоваться чужимъ опытомъ. Я объясняю это въ значительной степени недостаточнымъ развитіемъ гласности въ Россіи и тѣмъ неудовлетворительнымъ положеніемъ, въ которомъ находится русская печать, находящаяся подъ надзоромъ администраціи. Что такое печать? Она—свѣточъ, озаряющій темныя стороны дѣйствительности, она—проводникъ идей и завоеваній науки въ массы, она—истолковательница желаній и нуждъ общества, она—союзница правительства въ его благихъ начинаніяхъ. Но для того, чтобы она могла исполнять свое предназначеніе, она должна пользоваться разумной свободой, которой ей теперь недостаетъ. Не только возникновеніе новыхъ органовъ печати, особенно въ провинціи, обставлено нерѣдко непреодолимыми затрудненіями, но и существующіе должны считаться съ тѣмъ или другимъ настроеніемъ лицъ, находящихся во главѣ надзора за печатью: что было дозволено вчера, запрещено сегодня и наоборотъ. Это мы видимъ на каждомъ шагѣ.

«Это обстоятельство дѣлаетъ то, что далеко не вся та правда, которую могла бы повѣдать печать, появляется на свѣтъ, а между тѣмъ правды и только правды хотятъ и ждутъ всѣ; ея боятся только тѣ, кто знаетъ за собой нечистыя дѣла, кому нужны потемки и страшень свѣтъ. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ печать пользуется разумной свободой и работаетъ на пользу общую. Для обузданія тѣхъ дурныхъ элементовъ, которые могутъ найтись во всякой печати, какъ и во всякомъ установленіи человѣческомъ, у правительства имѣется грозное оружіе—судъ, и съ того дня, когда это справедливое оружіе повиснетъ надъ главой русской печати, замѣнивъ собою административный надзоръ, начнется новая эра не только для печати, но и для всѣхъ честныхъ элементовъ земли русской. Красныя чернила причинили не мало вреда во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, губя лучшія произведенія человѣческаго гения; все, что боится свѣта, смотритъ на нихъ съ надеждой; чѣмъ скорѣе отойдутъ онѣ въ область прошлаго, тѣмъ лучше: наканунѣ ХХ вѣка самое время ходатайствовать объ ихъ отмѣнѣ. Лжеученія не боятся красныхъ чернилъ: имъ страшна только свободная критика; запрещенныя книги во всѣ времена имѣли большое распространеніе, несмотря на всѣ преграды, которыя ставились ихъ нашествію. Времена переимѣнились, и то, что когда-то подвергалось остракизму, теперь признано полезнымъ, и, наоборотъ, что ранѣе привлекало къ себѣ именно своей запретностью, теперь позабыто...

«Исходя изъ той мысли, что никакая честная дѣятельность не можетъ развиваться въ потемкахъ, безъ свободной критики, безъ кон-

троля общественнаго мнѣнія, я рѣшаюсь предложить собраніямъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы всѣ земскія изданія были освобождены отъ цензуры, и издавались подъ отвѣтственностью земскихъ исполнительныхъ органовъ, если уже нельзя ходатайствовать вообще объ освобожденіи печати отъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ она находится. Вся предыдущая дѣятельность земствъ даетъ имъ право на такое довѣріе. Тогда явится возможность возникновенія такого органа, который объединилъ бы дѣятельность земствъ и далъ бы имъ не случайную, а дѣйствительную возможность обмѣна мыслей».

Такого рода ходатайства конечно, возмущали правительство. Въ рѣчи Оленина совершенно ясно проводилась мысль не только о земскомъ единеніи, но,—что еще ужаснѣе,—видно было стремленіе земства стать во главѣ общественныхъ требованій. Въ самомъ дѣлѣ,—свобода печати— это былъ назрѣвшій вопросъ, но о немъ строго на строго воспрещалось не только говорить, а даже помышлять. И вдругъ на земскомъ собраніи публично, открыто, во всеуслышаніе дается такой лозунгъ!

Это, конечно, служить соблазномъ и для другихъ общественныхъ сферъ, которыя сейчасъ же откликнулись на зовъ земства. Такъ, въ январѣ 1898 года Императорское Вольно-Экономическое Общество избрало комиссію для всесторонняго обсужденія вопроса относительно изданія «Земскаго Ежегодника».

Затѣмъ, на областномъ орловскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ по вопросу объ «общероссійскомъ земскомъ органѣ» принята была слѣдующая резолюція: «Принимая во вниманіе, что періодическая сводка результатовъ дѣятельности земскихъ учрежденій различныхъ губерній представляется крайне полезной для правильнаго рѣшенія земствомъ задачъ его въ области сельскаго хозяйства, съѣздъ постановляетъ: обратиться къ земскимъ учрежденіямъ съ просьбой о періодическомъ изданіи сборниковъ свѣдѣній по отдѣльнымъ отраслямъ и вопросамъ, а въ вольно-экономическое общество—о составленіи на основаніи этихъ сборниковъ періодическихъ обзоровъ земской дѣятельности».

Значитъ, и вопросъ о «Земскомъ Ежегодникѣ» объединялъ во кругъ земства широкіе общественные слои, какъ и вопросъ о довольствіи.

И такъ рѣшительно во всемъ: что бы ни затѣяло правительство, «возмутительное» земство немедленно передѣлывало все на «свой ладъ», придавая каждому вопросу широкое общественное значеніе.

Въ серединѣ (9-го іюня) 1897 года министръ внутреннихъ дѣлъ, должно быть, для нѣкотораго «поощренія» земства, предложилъ на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній шесть ничтожнѣйшихъ вопросовъ, касающихся «частичнаго» измѣненія «нѣкоторыхъ» статей дѣйствовавшаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. И въ этомъ случаѣ многія земства воспользовались случаемъ, чтобы расширить земское самоуправленіе. Для образчика приведемъ докладъ новгородской губернской земской управы. Она пришла къ тому заключенію, что проектируемая министерствомъ мѣры не устраняютъ недостатковъ зем-

скаго положенія, почему *необходимо не частичный, а коренной пересмотр положенія о земскихъ учрежденіяхъ*. Въ виду этихъ соображеній, губернская управа въ своемъ отвѣтѣ, помимо заключеній по вопросамъ министерскаго циркуляра, представила также свое мнѣніе и о другихъ болѣе существенныхъ недостаткахъ земскаго положенія.

Самые существенные недостатки, по мнѣнію управы, заключаются въ существующей организаціи земскаго представительства. Въ настоящее время представительство на земскихъ собраніяхъ далеко не полно какъ по отношенію къ различнымъ мѣстностямъ уѣзда, такъ и по отношенію къ различнымъ классамъ населенія; кромѣ того, дѣленіе на избирательныя группы основано на случайномъ признакѣ сословности, не имѣющемъ ничего общаго съ земскимъ принципомъ, чѣмъ, въ сущности, и объясняется абсентеизмъ избирателей. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе новгородской управы,—это несоотвѣтствие между размѣрами крестьянскаго землевладѣнія и числомъ гласныхъ на земскихъ собраніяхъ отъ сельскихъ обществъ. Несомнѣнно, это очень вредно отражается на общемъ теченіи дѣлъ земства. Широкое развитіе представительства особенно важно при разсмотрѣніи основаній обложенія и утвержденіе раскладки, такъ какъ различныя мѣстности уѣзда находятся въ разныхъ условіяхъ по отношенію къ почвѣ, урожайности, условіямъ сбыта и т. п. Кромѣ того, уѣздъ представляетъ сравнительно крупную хозяйственную единицу, и полное знаніе положенія отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства въ различныхъ мѣстностяхъ уѣзда можетъ быть только при тѣсной связи уѣзда съ отдѣльными мелкими ячейками въ видѣ волостей. Такая связь можетъ быть достигнута лишь при живомъ участіи представителей волости въ дѣлахъ земскихъ учреждений. А это, несомнѣнно, указываетъ на настоятельную необходимость присутствія на земскихъ собраніяхъ представителей отъ всѣхъ волостей уѣзда.

Для оживленія интереса къ земскому дѣлу и для болѣе полнаго представительства, отвѣчающаго интересамъ мѣстности, новгородская управа наряду съ увеличеніемъ числа гласныхъ признаетъ желательнымъ возможно большее объединеніе избирателей изъ различныхъ классовъ населенія. Цѣль эта, по мнѣнію управы, можетъ быть вполне достигнута лишь съ введеніемъ сословныхъ волостей и реорганизаціею сообразно съ этимъ земскихъ выборовъ. При сословной волости всѣ сословія и классы населенія должны слиться для выбора въ одно общее избирательное собраніе, которое можетъ быть и раздѣлено, но исключительно въ зависимости отъ территоріи.

Въ пользу учрежденія сословной волости управа приводитъ цѣлый рядъ соображеній, въ числѣ которыхъ заключаются, между прочимъ, и слѣдующіе доводы. Уѣздъ представляетъ сравнительно очень крупную единицу и для полной жизненности земскихъ мѣропріятій необходима болѣе тѣсная связь между уѣздными земскими органами и управленіями волостей, входящихъ въ составъ уѣзда. Для того, чтобы связь эта была не искусственная, не внѣшняя, а являлась бы результатомъ тождественныхъ стремленій, необходима возможна большая аналогія во внутреннемъ устройствѣ этихъ территориальныхъ единицъ, т.-е. такая связь, которая существуетъ въ на-

стоящее время между губернскимъ и уѣздными земствами; при организации всѣхъ самоуправляющихся единицъ на одинаковыхъ началахъ земская дѣятельность, съ одной стороны, будетъ проникать въ самые захолустные уголки уѣзда и притомъ не съ помощью навязанныхъ мѣропріятій, а при посредствѣ сознательнаго и разумнаго участія населенія, а съ другой стороны—уѣздныя земства будутъ болѣе освѣдомлены о ходѣ и направленіи земскихъ мѣропріятій по всей территоріи уѣзда, что въ данное время, при ограниченномъ числѣ земскихъ работниковъ, совершенно невысказимо. При такой обстановкѣ земская работа была бы во много разъ плодотворнѣе и нерѣдко избавлялась бы отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, неизбѣжныхъ въ настоящее время при сравнительной изолированности уѣздныхъ земствъ отъ населенія.

Такимъ образомъ, по поводу совершенно ничтожнаго предложенія министра внутреннихъ дѣлъ, новгородская управа, воспользовавшись этимъ случаемъ, зашла недопустимо далеко. Она требуетъ и «кореннаго пересмотра» «всего» земскаго положенія, и учрежденіе мелкой земской единицы, и что самое ужасное,—«объединеніе избирателей изъ различныхъ классовъ населенія», и всеословной волости.

Эти пожеланія опять таки какъ разъ соотвѣтствовали стремленіямъ широкихъ круговъ населенія и, значитъ, служили превосходнымъ организаціоннымъ средствомъ для земства.

Еще болѣе способствовали тому выступленія земства въ защиту населенія отъ всяческаго произвола.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ поставить вопросъ о тѣлесномъ наказаніи.

Съ рѣдкою настойчивостью и мужествомъ земскія собранія, вопреки энергичнымъ протестамъ администраціи ¹⁾, дружно требовали отмены этого гнуснаго, позорнаго наказанія, причемъ попутно указывали на побои, кулачную расправу съ крестьянами и т. д.

Такъ, гласный Черниговскаго уѣзднаго земскаго собранія, извѣстный земскій и общественный дѣятель В. М. Хижняковъ, внесъ предложеніе ходатайствовать черезъ губернское земское собраніе относительно освобожденія сельскаго населенія отъ тѣлесныхъ наказаній, не только практикуемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, но отъ всякихъ побоевъ и кулачной расправы, какіе позволяютъ себѣ въ селахъ полиція и другія должностныя лица. Собраніе единогласно согласилось съ г. Хижняковымъ.

Весьма остроумное ходатайство возбудило новоторжское, Тверской губерніи, земство, по инициативѣ одного гласнаго изъ крестьянъ. Оно требовало освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній населенія Новоторжскаго уѣзда, *идъ бы оно не находилось, и чтобы въ предѣлахъ Новоторжскаго уѣзда не приводились въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи лицъ, не принадлежащихъ къ населенію уѣзда.*

Такимъ образомъ, новоторжское земское собраніе, не выходя изъ рамокъ «мѣстныхъ» нуждъ, такъ поставило вопросъ, что онъ

¹⁾ Дѣло дошло до того, что противъ предводителей дворянства: Черниговскаго и Городненскаго (Черниговск. губ.) уѣздовъ—г. Глѣбова и г. Карвольскаго-Гриневскаго было возбуждено судебное преслѣдованіе за допущеніе ими на уѣздныхъ собраніяхъ вопроса объ освобожденіи мѣстнаго сельскаго населенія отъ тѣлесныхъ наказаній.

получилъ общегосударственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы подѣйствовало на все населеніе Россіи, если бы уважали ходатайство этого земства: всѣхъ порятъ, а новоторжскихъ жителей нельзя. А затѣмъ, Новоторжскій уѣздъ превращался въ какую-то священную территорію: разъ кто успѣлъ скрыться туда освобождался отъ тѣлеснаго наказанія.

Но земскія требованія объ отмѣнѣ этого наказанія приводили въ негодованіе бюрократію и по другимъ соображеніямъ. Съ одной стороны, крѣпостническое дворянство, пользовавшееся особымъ вліяніемъ, въ лицѣ князя Мещерскаго, стойко защищало эту «отеческую мѣру», а съ другой стороны правительство возмущалось, что земство беретъ на себя защиту населенія, тѣмъ увеличивая свою популярность и вырывая изъ рукъ правительства удобный случай «когданибудь» отмѣнить тѣлесное наказаніе въ видѣ «милости». Кромѣ того, какъ и по всѣмъ другимъ вопросамъ, земское требованіе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній горячо поддерживалось лучшею прессою и разными общественными учрежденіями. Поднимался, что называется, «шумъ», котораго болѣе всего бюрократія боялась. Сейчас же выступало Вольное Экономическое Общество или съѣзды естественныхъ испытателей и врачей, Пироговскій и т. п. На VI Пироговскомъ съѣздѣ, на примѣръ, въ которомъ, по обыкновенію, участвовалъ большой % земскихъ врачей, при громкихъ и единодушныхъ рукоплесканіяхъ было принято предложеніе требовать отмѣны тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ, причемъ избрана была особая коммиссія, которой поручено было мотивировать это требованіе. Эта коммиссія предложила двумъ членамъ своимъ, земскимъ врачамъ, извѣстнымъ Д. Н. Жбанкову и В. И. Яковенко собрать матеріалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, главнымъ образомъ, у земства, въ виду выдающейся роли послѣдняго въ данномъ вопросѣ. Въ 1899 году гг. Жбанковъ и Яковенко издали громадный и обстоятельный трудъ, озаглавленный «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время», въ которомъ прекрасно сгруппированы поистинѣ ужасныя данныя о позорномъ наказаніи.

Не ограничиваясь стремленіемъ избавить народъ отъ послѣдняго, земство, кромѣ того, старалось защитить населеніе отъ произвола властей вообще и отъ ига земскихъ начальниковъ въ особенности. Оно думало сдѣлать это при посредствѣ оказанія юридической помощи населенію.

Какіе мотивы при этомъ выставляли земства, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ пунктовъ доклада Вятской губернской земской управы.

Въ этомъ земствѣ учрежденіе института земскихъ юрисконсультовъ возникло и было принято собраніемъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) въ виду необходимости пробудить и развить въ сельскомъ населеніи правовое сознаніе и тѣмъ содѣйствовать просвѣщенію темной народной массы;

2) въ виду настоятельной нужды поднять въ народѣ довѣріе къ суду устраненіемъ разницы между богатой и бѣдной тяжущимися сторонами, особенно въ высшихъ судахъ;

3) въ виду необходимости создать для народа такую юридическую помощь,—какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, — которая могла бы оградить крестьянъ отъ злоупотребленій частныхъ, такъ называемыхъ, «подпольныхъ» адвокатовъ; наконецъ,—

4) путемъ введенія института земскихъ юрисконсультовъ устранить излишніе, непроизводительные для крестьянъ расходы, черезъ что должно уллучшиться экономическое благоустройство сельскаго населенія.

Правительство менѣе всего желало вмѣшательства земства въ эту сферу и постаралось устранить его путемъ сенатскаго «разъясненія».

Въ началѣ 1898 года, за министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра, князь Оболенскій, разослалъ губернаторамъ такое сообщеніе:

«По одной губерніи возникъ дошедшій до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената вопросъ о правѣ земства учреждать при управѣ консультацию для юридической защиты населенія уѣзда, причемъ Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что учрежденіе подобной консультации не подходитъ ни къ одному изъ разрядовъ дѣлъ, ввѣренныхъ земскимъ учреждениямъ и перечисленныхъ въ ст. 2 полож. о зем. учр. 1890 г.

Такъ какъ однородные вопросы могутъ возникнуть и по другимъ губерніямъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сочло долгомъ поставить гг. губернаторовъ въ извѣстность объ изложенномъ рѣшеніи Сената, для руководства въ надлежащихъ случаяхъ».

Земство, однако, не особенно внимало подобнаго рода «разъясненіямъ», прекрасно понимая, что бюрократія играетъ «своими» «законами», какъ мячами, «приспособляя» ихъ исключительно для достиженія собственныхъ цѣлей.

Особенное упорство въ этомъ отношеніи — земство, въ концѣ 90-хъ годовъ, проявило въ вопросѣ по народному образованію. Последнее было самымъ большимъ мѣстомъ бюрократіи. Просвѣщеніе болѣе всего могло открыть глаза населенію на его тяжелое положеніе, расширить его кругозоръ, а потому, естественно, народную школу слѣдовало болѣе всего охранять отъ «тлетворнаго вліянія» земства. Въ качествѣ Цербера у дверей народной школы стоялъ такой врагъ просвѣщенія народа, какъ Побѣдоносцевъ. Онъ стоялъ и приходилъ въ ужасъ и негодованіе: бдительность его надзора не достигала цѣли—земство, вопреки всѣмъ запретамъ, все болѣе и болѣе расширяло школьное дѣло. Положеніе 12 іюня 1890 г., долженствовавшее превратить земство въ сословное, чисто дворянское учрежденіе, какъ будто даже способствовало земской работѣ въ сферѣ народнаго образованія, какъ и въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства. И, — что удивительно,—такой быстрый успѣхъ сталъ замѣчаться тогда, когда на сцену, въ качествѣ активной силы, выступило губернское земство.

На этомъ явленіи, какъ весьма характерномъ для конца 90-хъ годовъ, мы считаемъ необходимымъ остановиться.

Мы уже видѣли, какъ способствовало мобилизаціи обществен-

ныхъ силъ выступленіе земства на широкой аренѣ учреждений, обслуживавшихъ интересы всей страны.

Такою же, но только мѣстную, погубернскую, организационную роль играло выступленіе губернскихъ земствъ.

Оно началось, приблизительно, съ 1893 года, но политическое, если можно такъ выразиться, значеніе это выступленія приобрѣло, по нашему мнѣнію, не ранѣе 1896—1897 годовъ, когда выяснилось громадное вліяніе дѣятельности губернскихъ земствъ на организацию «третьяго элемента», и на связь послѣдняго съ оппозиціонною частью «второго элемента» т. е. выборныхъ земцевъ.

Прежде, до выступленія губернскихъ земцевъ, лишь служащіе управъ имѣли непосредственное отношеніе къ земцамъ, причемъ отношенія эти были чисто, такъ сказать, мѣстныя, на почвѣ обыденной земской жизни. Когда же выступили губернскія земства, то общегубернскія организациі влекли за собою необходимость обсуждения порученныхъ имъ дѣлъ всѣми служащими тѣхъ или иныхъ отраслей земскаго хозяйства. Съѣзды, совѣщанія, разнообразныя комиссіи въ губернскихъ городахъ учителей, врачей, ветеринаровъ, агрономовъ, статистиковъ, страховыхъ агентовъ, само собою разумѣется, необыкновенно способствовали единенію «третьяго элемента» какъ между собою, такъ и съ земцами. Здѣсь, можно сказать, выработывалось уже широкое земское представительство, которое черезъ нѣсколько лѣтъ сыграло единственную въ своемъ родѣ роль въ освободительномъ движеніи. Когда наступилъ моментъ для его осуществленія, никто, быть можетъ, не былъ такъ къ нему подготовленъ, какъ земскія сферы.

Но объ этомъ намъ придется говорить не разъ и болѣе подробно, а сейчасъ перейдемъ къ самому краткому обзору дѣятельности губернскихъ земствъ въ концѣ 90-хъ годовъ, остановившись болѣе всего на народномъ образованіи. Съ выступленіемъ губернскихъ земствъ послѣднее пошло ускореннымъ темпомъ.

Пишущій эти строки лично собиралъ данныя по этому вопросу, въ свое время напечатанныя въ «*Вѣстникъ Воспитанія*» (въ 1898 г.), и оказалось, что за пятилѣтіе, —1893—1897 г., —70 6% губернскихъ земствъ возбудили вопросъ о всеобщемъ обученіи, 58,8% — о школьныхъ фондахъ и спеціальныхъ ассигновкахъ на постройку школьныхъ зданій, 50% — о статистическихъ изслѣдованіяхъ по народному образованію, 50% — объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ земскія школы, 47% — о сельскихъ библіотекахъ и читальняхъ, 32,3% — о педагогическихъ курсахъ, 23,5% — объ учительскихъ библіотекахъ, 20,6% — объ учительскихъ съѣздахъ, 20,6% — о народныхъ чтеніяхъ, 15,7% — о школьныхъ библіотекахъ, 14,7% — объ увеличеніи вознагражденія педагогическому персоналу и эмеритурѣ, 8,8% — о книжныхъ складахъ, 6% — объ улучшеніи школьныхъ зданій и 3% — о торговлѣ книгами.

Мѣсто не позволяетъ намъ дѣлать обзоръ дѣятельности по народному образованію не только всѣхъ, но и части земствъ, а потому по отдѣльнымъ земствамъ мы отмѣтимъ такія лишь явленія изъ названной области, которыя имѣли общеземское, такъ сказать, значеніе.

Такъ, мы считаемъ нужнымъ привести выдержки изъ рѣчи извѣстнаго земскаго дѣателя, гласнаго харьковскаго губернскаго земства Н. Н. Ковалевскаго, произнесенной имъ на очередномъ собраніи 1897 года и повлекшей за собою ежегодную 200-тъ тысячную ассигновку на начальное народное образованіе.

Предлагая харьковскому губернскому земству, вслѣдъ за губернскими московскимъ и курскимъ, которыя были, кажется, пионерами, въ смыслѣ активнаго выступленія въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, г. Ковалевскій, между прочимъ, говорилъ:

«Въ предшествовавшую 30-ти-лѣтнюю дѣятельность, харьковское губернское земство принимало ничтожное участіе въ дѣлѣ нашего народнаго образованія.....

Такое отношеніе губернскаго земства къ дѣлу низшаго народнаго образованія обусловливается не равнодушіемъ гг. губернскихъ гласныхъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что еще въ 1867 году состоялось постановленіе, по которому между уѣзднымъ и губернскимъ земствомъ дѣятельность по народному образованію разграничена была такимъ образомъ, что на долю губернскаго земства отведена забота о подготовкѣ преподавателей, а на уѣздныя земства забота о помощи сельскимъ обществамъ при открытіи школъ.

Въ послѣднее время выяснилась необходимость расширить рамки для дѣятельности губернскаго земства, въ виду чего введена была операція выдачи ссудъ на постройку школъ и выдача пособій для учрежденія сѣти сельскихъ библіотекъ. Затѣмъ избранная школьная комиссія представила настоящему собранію проектъ, по которому участіе губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія нѣсколько расширяется, но комиссія повидимому предполагаетъ сохранить въ неприкосновенности тотъ принципъ, который установленъ былъ въ 1867 году и по которому инициатива и ближайшее руководство школами сохранены за уѣздными земствами, а губернскому земству оставлена роль богатаго, но безучастнаго дядюшки, отъ котораго иногда можно получить большую или меньшую денежную подачку, но нельзя ждать постоянного, активнаго участливаго отношенія.

30 лѣтъ это такой почтенный періодъ времени, что, мнѣ кажется, вполне своевременно подвести итоги сдѣланному и разсмотрѣть—не отжило-ли, не устарѣло-ли для 1897 года то постановленіе, которое сдѣлано было въ 1867 году и которое для своего времени было вполне цѣлесообразно.

Я читаю излишнимъ доказывать, что законъ (ст. 2 земскаго положенія и ст. 3478 т. XI) налагаетъ на *губернское* земство заботу о народномъ образованіи наравнѣ съ уѣздными земствами и мы никоимъ образомъ не можемъ сложить съ себя нравственной отвѣтственности за постановку дѣла народнаго образованія въ губерніи и не можемъ успокоить себя тѣмъ, что мы всецѣло передали заботу о школахъ уѣзднымъ земствамъ. Равнымъ образомъ я не буду говорить здѣсь о необходимости народнаго образованія и думаю, что губернская управа служитъ выразительницей господствующаго въ собраніи взгляда, когда она говоритъ на стр. 95, что *«самая существенная и*

самая настоятельная обязанность губернскаго земства—предоставить населенію возможность быть грамотнымъ», что «вопросъ о всеобщемъ обученіи у губернскаго земства долженъ стоять на первомъ мѣстѣ» и далѣе, на стр. 142, управа говоритъ, что вопросъ о введеніи всеобщаго начальнаго народнаго образованія—«созрѣлъ и бьетъ ключемъ».

Перехожу къ обсужденію вопроса о томъ, какъ эта настоятельная обязанность нами исполнена и занимаетъ ли у насъ забота о школахъ то *первое мѣсто*, которое ей принадлежитъ, по словамъ губернской управы.

Изъ отчета губернской управы о положеніи земскихъ школъ въ губерніи мы видимъ, что народное образованіе въ Харьковской губерніи стоитъ далеко не на должной высотѣ.....

По вычисленію губернской управы, какъ къ существующимъ 523 земскимъ школамъ нужно прибавить еще 799—т. е. увеличить число школъ на 152% для того, чтобы выполнить только половину задачи чтобы предоставить возможность учиться только мальчикамъ; а такъ какъ школы прирастаютъ на 0,7%, то потребуются $152:0,7=217$ лѣтъ, для того, чтобы удовлетворить эту минимальную потребность въ школахъ.

Сказаннаго, я полагаю, достаточно чтобы признать, что въ такомъ положеніи дѣло оставлено не можетъ быть; необходимо, возможно скорѣе, постараться исполнить лежащую на губернскомъ земствѣ обязанность,—обязанность, какъ говоритъ управа, *существенную и настоятельную* и поставить вопросъ о всеобщемъ обученіи на подобающее ему первое мѣсто.

Если я не ошибаюсь, всѣ уѣздныя земства въ школьномъ дѣлѣ держатся той, установленной еще въ 1867 году, точки зрѣнія, что земство *не учреждаетъ и не содержитъ школы*, а приходитъ только на помощь сельскимъ обществамъ при устройствѣ и содержаніи школъ; по уѣздамъ варьируется только размѣръ этой помощи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ общества платятъ все жалованье учителю и сторожу, принимаютъ всѣ расходы по отопленію и ремонту школьныхъ зданій, а земство платитъ только жалованье законоучителю; въ другихъ-же земствахъ сельскія общества даютъ только отопленіе, ремонтъ и содержаніе сторожу, а остальные расходы беретъ земство. Школьные же помѣщенія вездѣ почти воздвигаются,—если не всецѣло на счетъ общества,—то лишь съ незначительнымъ пособіемъ отъ земства.

Несомнѣнно, что такое требованіе матеріальныхъ жертвъ со стороны крестьянскаго населенія даетъ объясненіе, почему въ послѣднее пятилѣтіе такъ сильно упало число вновь возникающихъ школъ: болѣе богатая общества и села уже раньше поустраивали школы, очередь за бѣдной, которая къ тому почти всегда бываетъ темна,—и тѣмъ темнѣе, чѣмъ бѣднѣе;—новое обложеніе, новый налогъ является для нихъ такимъ пугаломъ, что при такомъ положеніи вещей и тотъ срокъ для завершения школьной сѣти въ губерніи—217 лѣтъ,—который нами исчисленъ, окажется слишкомъ краткимъ...

Я полагаю, въ настоящее время умѣстно поставить на разрѣшеніе вопросъ о томъ, насколько непремѣнное требованіе участія сельскихъ обществъ въ содержаніи школы является справедливымъ и цѣлесообразнымъ.

Главнымъ аргументомъ для господствующаго взгляда служить то, что въ сельскихъ школахъ учатся почти исключительно дѣти крестьянъ, и всѣдствие этого предполагается, что школы нужны только для крестьянъ, и должны содержаться на крестьянскія деньги. Но спрашиваю я васъ, вѣрно-ли, что только крестьяне извлекаютъ пользу отъ того, что ихъ дѣти учатся въ школахъ? Неужели представители крупнаго, средняго и мелкаго землевладѣнія, не говоря о правительствѣ, не заинтересованы нисколько въ степени культурности окружающаго ихъ крестьянскаго населенія? Что бы вы ни говорили, но въ глазахъ просвѣщенныхъ людей представители нашей интеллигенціи не перестанутъ быть варварами, пока мы будемъ окружены невѣжественными массаами; давно высказана и вездѣ признана та истина, что «фундаментъ благосостояніи и могущества народовъ лежитъ не въ выдающейся культурности отдѣльныхъ лицъ, а въ образованіи всей массы народа». Не подлежитъ сомнѣнію, что все общество заинтересовано въ просвѣщеніи народа.

Мнѣ могутъ возразить, что отъ нашихъ школъ до за-граничной культурности далеко,—это другой совершенно вопросъ; несомнѣнно, что отъ грамотности до культурности—далеко, но нельзя начать ходить со втораго шага, необходимо надо сдѣлать сначала первый,—необходимо дать народу грамотность, которая не есть цѣль и не есть даже знаніе, а лишь средство для приобрѣтенія знаній; когда эта потребность будетъ вполнѣ и повсемѣстно удовлетворена, тогда мы приступимъ ко второму шагу—поднять и упорядочить нашу школу.

Все высшее и среднее образованіе содержится на государственныя и частью земскія средства, а извѣстно, что большая половина государственныхъ доходовъ создается изъ крестьянскихъ грошей, и никто не находитъ несправедливымъ, что крестьяне участвуютъ въ содержаніи тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ ихъ дѣти не воспитываются,—и это совершенно правильно, такъ какъ высшее и среднее образованіе нужно не только для тѣхъ, кто имъ пользуется, но и для государства, и для общества; равнымъ образомъ интересы земства и государства требуютъ, чтобы народная масса стала возможно меньше невѣжественна. Единственный путь борьбы съ невѣжествомъ—народная школа, а потому не слѣдуетъ ставить препонъ въ борьбѣ съ этимъ невѣжествомъ въ видѣ непремѣннаго требованія взносовъ на школы со стороны крестьянскаго населенія. Я не хочу этимъ сказать, чтобы нужно было теперь же пренебречь и отказаться отъ помощи сельскаго населенія: средства, такъ малы, что мы не вправѣ ихъ умалять; но если, по заранѣе выработанному плану школьной сѣти, въ селеніи должна быть школа, а селеніе не захочетъ или не можетъ нести расходовъ на ея содержаніе, то это не должно насъ останавливать: школа должна быть учреждена и содержаться всецѣло на земскій счетъ.

Есть еще одинъ аргументъ, который приводится въ пользу того, чтобы непремѣнно школа содержалась на средства крестьянскихъ обществъ: говорятъ, что готовность нести извѣстныя матеріальныя жертвы есть лучшее доказательство того, что созрѣло сознаніе пользы школьнаго обученія, что безъ этого сознанія школа не будетъ имѣть

успѣха; къ этому еще обыкновенно прибавляется психологическая черта—«мужикъ-де не цѣнить дарового». Я замѣтилъ, что эта аргументація служитъ излюбленнымъ фиговымъ листомъ, прикрываясь которымъ, противники школы удобно и благовидно проваливаютъ вопросъ. Но несостоятельность этой аргуменціи станетъ очевидна, если вы примите во вниманіе, что «земское» для крестьянина далеко не «даровое»—во владѣніи крестьянъ 60% земли въ Харьковской губерніи и, слѣдовательно, они взносятъ болѣе половины земскихъ доходовъ; во-вторыхъ, не было случая, чтобы школы не посѣщались учениками,—напротивъ, общее явленіе—страшное, чрезмѣрное, переполненіе школъ. Наконецъ, въ докладѣ губернской управы мы находимъ очень интересное указаніе на то, что потребность у населенія въ школѣ—тѣмъ больше, чѣмъ больше времени населеніе пользуется школой, т. е. школа сама по себѣ создаетъ желающихъ ею пользоваться.

Когда заходитъ разговоръ о нѣкоторыхъ безобразныхъ явленіяхъ и фактахъ, нерѣдко имѣющихся мѣсто въ средѣ нашихъ крестьянъ и рабочихъ, то рассказчикъ, желая отгнать невѣжество, сплосшь и рядомъ, называетъ ихъ, смотря по темпераменту рассказчика, скотами, звѣрями или малыми дѣтьми,—когда же заходитъ рѣчь о борьбѣ съ этимъ невѣжествомъ, то тѣ же лица требуютъ отъ этой массы сознанія пользы ученія,—но, вѣдь, дѣтей, какъ и животныхъ, учать, не ожидая того, чтобы у нихъ созрѣло убѣжденіе въ пользѣ науки. Если мы будемъ ожидать повсемѣстнаго самозарожденія этого сознанія и до тѣхъ поръ будемъ откладывать устройство школъ, то дѣло затянется на тысячелѣтіе,—что подтверждается тѣмъ, что даже въ странахъ весьма цивилизованныхъ сознаніе необходимости обученія дѣтей не всегда имѣется у населенія. По свѣдѣніямъ, взятымъ мною изъ новой статьи Яроша, въ Чехіи въ 1894 году было 35,577 случаевъ, когда родители подвергались аресту за неисправную посылку дѣтей въ школы, за что сверхъ того, въ этомъ году взыскано было 14,622 гульденовъ штрафа.

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ, насколько мы отстали и какъ много намъ нужно сдѣлать, чтобы сравняться силами съ нашими сосѣдями, я напоминаю вамъ, что въ Чехіи, занимающей пространство (51,948) немного *меньше* Харьковской губерніи ¹⁾, имѣется 4,945 народныхъ школъ съ 7 лѣтнимъ курсомъ. Въ Даніи, занимающей пространство (38,318 кв. к.)—на 30% меньше Харьковской губерніи,—имѣется 2,940 народныхъ школъ съ 7 лѣтнимъ курсомъ, при такой-же почти густотѣ населенія, какъ и въ Харьковской губерніи: наконецъ, въ еще болѣе передовомъ Вюртембергѣ, занимающемъ площадь (19,503 кв. к.), равную нашимъ двумъ уѣздамъ—Купянскому и Старобѣльскому ²⁾, имѣется 4031 школа съ 7 лѣтнимъ курсомъ. Кромѣ того, въ томъ же Вюртембергѣ имѣется 8 учительскихъ институтовъ, 11 гимназій, 66 среднихъ учебныхъ заведеній; 61 реальная прогимназія, 4 земледѣльческихъ института, земледѣльческая академія,

¹⁾ Съ населеніемъ 5.808.000—вдвое больше Харьковской губерніи.

²⁾ При населеніи 2.035.443 на 30% меньше населенія Харьковской губ.

политехникумъ, строительный институтъ, университетъ, консерваторія, школа изящныхъ искусствъ и проч.

Возвращаясь еще разъ къ вопросу о вліяніи народной школы на хозяйственно-экономическое положеніе края, Губернская управа на стр. 97 доклада говоритъ, что «подъемъ уровня народнаго образованія окажетъ вліяніе на развитіе народной жизни», и что *при настоящемъ уровнѣ образованія заботы и мѣропріятія правительства и земства объ улучшеніи благосостоянія и благоустройства не принесутъ населенію существенной пользы, встрѣчая препятствія къ ихъ осуществленію въ невѣжествѣ массъ».*

Задача нашего земства—*борьба съ бѣдностью и невѣжествомъ*. Бѣдность и невѣжество—вотъ главныя причины всѣхъ золъ... Какая изъ этихъ двухъ болячекъ сильнѣе—сказать трудно, вѣрно только то, что онѣ тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ и находятся въ причинной зависимости: мы бѣдны, потому что невѣжественны и—невѣжественны, потому что бѣдны, какъ же выйти изъ этого заколдованнаго круга,—съ какого конца взяться за леченіе?

Конечно желательно вести борьбу одновременно на два фланга и мѣрами чисто экономическаго свойства, и мѣрами просвѣтительными, но нужно все-таки помнить, что главный корень зла—невѣжество. При нашей несомнѣнной бѣдности мы располагаемъ не меньшими, чѣмъ наши счастливые сосѣди, естественными источниками для извлеченія богатствъ, но не умѣемъ ими пользоваться. Крестьяне Харьковской губерніи владѣютъ 2.846.746 десятинами одной надѣльной земли, что=31,000 кв километровъ, т. е. у нихъ въ полтора съ лишнимъ раза больше земли, чѣмъ во всемъ Вюртембергскомъ королевствѣ; число же крестьянскаго населенія Харьковской губерніи почти равно числу жителей Вюртемберга, а между тѣмъ въ Вюртембергѣ населеніе благоденствуетъ, а у насъ, имѣя въ полтора раза больше земли,—и при томъ великолѣпнаго чернозема, а не нѣмецкаго суглинка,—населеніе наше жалуется на тѣсоту, стремится выселиться въ Сибирь. И дѣйствительно, населеніе живетъ у насъ крайне бѣдно,—такъ бѣдно, что первый же неурожай разоряетъ хозяйство; земство должно заботиться объ обмѣненіи полей и часто о удовольствіи населенія, чтобы спасти его отъ голодной смерти.

Чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что вюртембержецъ, сидя на въ полтора раза меньшемъ клочкѣ пахатной земли,—сытъ, богатъ и доволенъ, а нашъ крестьянинъ слабъ, тощъ и бѣденъ? Конечно, помимо другихъ причинъ, въ значительной степени это зависитъ отъ недостатка культурности.

Чѣмъ ниже степень культурности человѣка, тѣмъ больше пространства требуетъ онъ для безбѣднаго существованія: когда прародители наши жили звѣринымъ промысломъ—охотой, въ ихъ распоряженіи должны были быть, для обезпеченія пропитанія, тысячи десятинъ, и если этой тысячи десятинъ не было, прародитель жаловался на тѣсоту; слѣдующая стадія—пастушество—удовлетворялась сотней десятинъ; затѣмъ, при переходѣ къ хлѣбопашеству, при переменной системѣ хозяйствъ,—довольствовались десятью десятинами; наконецъ, при настоящемъ трехпольѣ, говорятъ надо имѣть для безбѣднаго су-

ществованія 5 десятинъ,—а европеецъ сидитъ на одной десятинѣ, изъ нея хорошо ѣсть, пьеть, одѣвается, учитъ дѣтей и откладываетъ запасы про черный день...

Наши крестьяне стоятъ передъ дилеммой—или бѣжать и искать сибирскаго, часто предательскаго, простора, или усвоить новую европейскую культурность, которая возможна только при извѣстной стадіи умственнаго развитія, проводникомъ котораго служить школа.

На вопросъ о школѣ нельзя смотрѣть какъ на пустячное дѣло и либеральную забаву—школа глубоко вліяетъ на экономическую, духовную и политическую жизнь народа; къ сожалѣнію, въ сознаніи мѣстнаго населенія, какъ низшихъ, такъ и высшихъ его слоевъ, до послѣдняго времени не установился еще правильный взглядъ на значеніе школы.

Но въ настоящее время общественное настроеніе всей Россіи особенно благопріятно къ дѣлу народнаго образованія...

Увѣренный въ томъ, что это всеобщее общественное движеніе находитъ сочувственный откликъ въ настоящемъ собраніи, я предлагаю, не останавливаясь на палліативахъ и полумѣрахъ,—*взять въ руки губернскаго земства* руководство дѣломъ завершенія полной сѣти школъ въ губерніи, для каковой цѣли *ассигновать на нужды низшаго народнаго образованія* добавочную сумму въ 200.000 рублей, т. е. ту приблизительно сумму, на которую уменьшился въ губерніи взносъ государственнаго поземельнаго налога, и вносить эту сумму въ смѣту ежегодно, начиная съ слѣдующаго 1898 года. Сумма эта далеко недостаточна для постановки на надлежащую высоту дѣла такой важности, какъ народное образованіе, но средства земства скудны—земля, главный источникъ земскихъ доходовъ, обременена огромными платежами, что признано вполнѣ и самимъ правительствомъ, а потому умѣстно возбудить въ настоящее время ходатайство предъ правительствомъ и г. министромъ финансовъ объ ассигнованіи въ распоряженіе харьковскаго губернскаго земства, для поддержки народнаго образованія, такой же суммы—200,000 рублей—изъ государственныхъ средствъ, и если это невозможно, то просить министра финансовъ другихъ источниковъ, на примѣръ,—добавочный акцизъ въ пользу земства по 1 к. съ ведра хлѣбнаго вина ¹⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что когда правительство рѣшило ввести винную монополию очень многіе земства тотъ часъ-же возбудили протестъ, такъ какъ эта реформа сильно отражалась на земскихъ доходахъ. Такъ, на примѣръ, въ очередное курское губернскаго земское собраніе коммиссія по народному образованію внесла докладъ,—принятый собраніемъ,—въ которыхъ указывало, что съ введеніемъ винной монополіи земство теряетъ доходъ съ патентныхъ сборовъ и торговыхъ документовъ. Еще болѣе теряютъ сельскіе общества, получающія значительныя суммы за разрѣшеніе права торговли напитками. Въ виду такихъ потерь, коммиссія предложила собранію ходатайствовать о возмѣщеніи убытковъ въ такой формѣ: 1) ходатайствовать о ежегодномъ отчисленіи 1% изъ акцизныхъ сборовъ въ распоряженіе губернскаго земства на нужды народнаго образованія, и 2) ходатайствовать о ежегодномъ отчисленіи на тѣ нужды всей суммы, которую сельскія общества выручаютъ отъ сдачи винныхъ лавокъ. Въ случаѣ успѣха ходатайствъ губернскаго земство получило бы въ свое распоряженіе 438.000 р. и получило бы возможность скорѣе разрѣшить одну изъ своихъ задачъ—введеніе всеобщаго обученія. Подобнаго-же рода возбудили повторяемъ, очень многія земства, приводя въ негодованіе бюрократію, стремившуюся сократить земство и больше всего стараясь понизить ресурсы земскихъ учреждений на народное образованіе.

Это предложеніе прежде всего напугало крѣпостниковъ харьковскаго губернскаго земства съ предсѣдателемъ собранія, графомъ Капнистомъ, во главѣ. Когда первая баллотировка дала благопріятные для оппозиціи результаты, и предложеніе Ковалевскаго было принято, гр. Капнисть устроилъ вторичную баллотировку, причѣмъ всталъ со своего предсѣдательскаго мѣста, ходилъ среди гласныхъ и буквально «требовалъ» отъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ считалъ «своими», чтобы онъ вотировали противъ 200-тысячной ассигновки.

Но оппозиція, будучи въ меньшинствѣ, сумѣла такъ настроить собраніе, что усилія гр. Капниста ни къ чему не привели, и харьковское губернское земство заняло сразу первое мѣсто по размѣру затратъ на народное образованіе.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, на помощь земскимъ реакціонерамъ охотно пришла бюрократія, которая опротестовала постановленіе земскаго собранія.

Дѣло, въ концѣ концовъ, дошло до сената, и только, кажется, въ 1900 году харьковскому губернскому земству удалось осуществить свое постановленіе.

Мы нарочно остановились на немъ, такъ какъ въ свое время 200-тысячная ежегодная ассигновка харьковскаго земства на народное образованіе имѣла громадныя послѣдствія. Оппозиціонные элементы многихъ губернскихъ земствъ, стремившіеся заставить свои земства выступить на активный путь въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, дѣлали указаніе на харьковское губернское земство и добивались солидныхъ ассигновокъ на школьное строительство.

Но это послѣднее далеко не являлось конечной цѣлью губернскаго земства. Оно стремилось къ поднятію уровня сельскихъ учителей, что неизбежно вело къ единенію ихъ. Такъ, въ 1898 г. московское губернское земство постановило:

1. Признать, что для сообщенія новыхъ педагогическихъ приемовъ, для пополненія и освѣженія свѣдѣній и поднятія нравственнаго духа преподавателей, представляется въ высшей степени желательнымъ устройство въ вакаціонное время учительскихъ собраній.
2. Съ этою цѣлью признать желательнымъ возможно широкое развитіе педагогическихъ курсовъ, устраиваемыхъ, согласно правиламъ 5-го августа 1875 г.
3. Такъ какъ въ практикѣ учительской жизни возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, который можетъ быть разрѣшенъ только на учительскихъ сѣздахъ, то въ виду этого и принимая во вниманіе, что этотъ видъ учительскихъ собраній, будучи свободно разрѣшаемъ до 1885 г., принесъ большую пользу, ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы разрѣшеніе на созывъ учительскихъ сѣздовъ и въ настоящее время давалось примѣнительно къ порядку, дѣйствовавшему до 1885 г.
4. Признать желательнымъ, чтобы учительскія собранія были поуѣздныя и устраивались періодически; при этомъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго осуществленія дѣла и въ виду того общегубернскаго значенія, которое ему присуще, установить, что губернское земство принимаетъ участіе возмѣщеніемъ половины издержекъ, произведенныхъ уѣздными земствами.
5. Въ цѣляхъ сообщенія учителямъ основныхъ свѣдѣній по общей и школьной гигиенѣ, примѣненіе кото-

рых могло бы оказать самую существенную пользу при борьбѣ съ заразными болѣзнями въ нашей деревнѣ, признать въ высшей степени желательнымъ, чтобы въ кругъ задачъ педагогическихъ курсовъ были включаемы занятія гигиеною.

Эти учительскіе сѣзды преслѣдовались еще въ 70-хъ годахъ, съ трудомъ разрѣшались въ 80-хъ, причемъ въ 1885 г. вовсе были прекращены, и возобновленіе ихъ было крайне нежелательно для бюрократіи. А между тѣмъ одно за другимъ земства не прекращали требовать устройства и сѣздовъ, и курсовъ для учителей.

Но и этимъ дѣло не ограничивалось. По инициативѣ, на примѣръ, Курскаго губернскаго земства, былъ возбужденъ вопросъ объ организациіи попечительства при земскихъ школахъ, въ которыя бы входили крестьяне и деревенская интеллигенція ¹⁾ и совмѣстно обсуждали школьныя нужды. ²⁾

¹⁾ Такого рода попечительства разрѣшены были лишь въ текущемъ 1907 г., т. е. черезъ 10 лѣтъ послѣ поднятія вопроса о нихъ земствомъ.

²⁾ Къ этому слѣдуетъ добавить, что земство заботилось о просвѣщеніи и рабочаго класса. На примѣръ, весьма многія земства въ своихъ докладахъ утилизировали рѣчь близкаго земству профессора Московскаго университета А. И. Чупрова, которую онъ въ 1897 году произнесъ въ засѣданіи Московскаго отдѣленія русскаго техническаго общества. Вотъ эта рѣчь.

„Устройство образовательныхъ и воспитательныхъ учреждений для рабочихъ обыкновенно мотивируется соображеніями гуманности и социальной справедливости; другая точка зрѣнія въ пользу подобныхъ учреждений,—такъ сказать, санитарная. Но есть и еще точка зрѣнія: это—соображенія экономическія, интересъ производства. Если современное общество хочетъ жить въ достаткѣ, оно не должно жалѣть средствъ для снабженія рабочихъ центровъ образовательными и воспитательными учреждениями. Что трудъ есть основной факторъ производства, это—старая аксіома, которая, однако, къ сожалѣнію, нерѣдко забывается и затемняется успѣхами машинной индустріи. Заботясь объ усовершенствованіи механическихъ двигателей, промышленники мало думаютъ о живой машинѣ, отъ которой, въ сущности, зависитъ ходъ всѣхъ остальныхъ. Между тѣмъ обстоятельства времени заставляютъ обратить вниманіе и на этотъ пунктъ. Еще недавно предприниматели основывали всѣ свои выгоды на увеличеніи количества труда, получаемого отъ каждаго отдѣльнаго рабочаго дня и на уменьшеніи заработной платы. Но эта эксплуатациія рабочей силы встрѣтила себѣ могучій отпоръ въ общественномъ мнѣніи и государственной власти. Современное фабричное законодательство ставитъ границы для удлинненія рабочаго дня. Это благотворное движеніе, начавшееся на Западѣ, коснулось и нашего отечества: закономъ 2 іюня 1897 г. у насъ регулируются воскресный и праздничный отдыхъ, а также и число рабочихъ часовъ. Когда въ прежнее время являлась надобность въ постоянномъ или временномъ увеличеніи выработки, у предпринимателя было простое средство достигнуть этого результата: онъ стремился удлинить рабочее время. Отнынѣ этотъ способъ становится непримѣнимымъ. Но есть другіе пути, которые могутъ привести къ той же цѣли, и о нихъ-то стоитъ подумать. Одинъ изъ этихъ путей заключается въ возвышеніи качества труда. Цѣлымъ рядомъ изслѣдователей (Д. Ст. Милль, Т. Брассей, Шульце-Геверницъ и др.) доказано, что при одной и той же обстановкѣ выработка отдѣльнаго работника можетъ измѣняться вдвое и втрое въ зависимости отъ качества его труда. Этотъ предѣлъ бываетъ шире или уже въ зависимости отъ рода производства, но во всякомъ случаѣ онъ достаточно широкъ для того, чтобы сосредоточить на немъ вниманіе и интересъ. Количество продукта, производимое рабочимъ въ единицу времени, мы можемъ назвать производительностью труда. Производительность есть сложное явленіе, которое зависитъ отъ двухъ факторовъ; она можетъ быть выше или ниже оттого, что рабочей въ то же самое время пустить въ ходъ неодинаковое количество силъ; но, съ другой стороны, то же самое количество силъ можетъ дать различное количество продуктовъ. Первое отношеніе мы назовемъ интенсивностью труда, второе—ловкостью или искусствомъ. Трудъ человѣка въ огромной степени можетъ различаться въ обоихъ отношеніяхъ, и воспитательныя учреждения мо-

Вообще, во всѣхъ земскихъ дѣяніяхъ красною нитью проходила совершенно опредѣленная мысль: просвѣтить массы и объединить разнородные слои населенія на общее дѣло—широкаго мѣстнаго и государственнаго самоуправленія.

Конечно, съ точки зрѣнія бюрократіи, это было совершенно недопустимо тѣмъ болѣе, что мало-по-малу деревня начинала понимать смыслъ земской работы. Это ясно было и изъ крестьянскихъ заявленій на нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраніяхъ и изъ письменныхъ крестьянскихъ посланій. Такъ въ концѣ 1897 года екатеринославское уѣздное земство получило такой приговоръ отъ крестьянъ села Башмачки, Никольской волости, Екатеринославскаго уѣзда:

«До настоящаго года въ деревнѣ нашей существовало старое училище, устроенное нами вмѣстѣ съ крестьянами дер. Башмачки—сосѣдной Солонянской волости—въ 1884 году, которое, придя въ совершенную ветхость, стало непригоднымъ для занятій учителя съ нашими дѣтьми; устроить же новое зданіе для сельскаго училища мы

гуть оказать благотворное вліяніе какъ на ту, такъ и на другую сторону дѣла. Что поднятіе общаго и техническаго образованія имѣетъ огромное вліяніе на ловкость рабочаго, его искусство,—фактъ неоспоримый и давно доказанный...

И дѣйствительно, многочисленныя наблюденія обнаруживаютъ уже тѣсную связь между образованіемъ рабочихъ и заработной платою. Какъ будто менѣе сознается значеніе воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій для поднятія интенсивности труда. А между тѣмъ оно несомнѣнно и громадно. Интенсивность труда имѣетъ множество условий, но однимъ изъ существенныхъ являются настроеніе и чувство. Центръ, изъ котораго исходитъ работа всѣхъ нашихъ органовъ, какъ дѣйствія, такъ и чувства, проявляющаяся сознательно или безсознательно, заложенъ въ головномъ мозговомъ аппаратѣ, гдѣ все стройно связано между собою. Поэтому неудивительно, что состояніе нашихъ чувствованій является могучимъ опредѣлителемъ нашихъ дѣйствій. Технические сѣзды освѣтили съ достаточной ясностью тяжелыя условія русской фабричной жизни, общій ея складъ и угнетающее вліяніе на рабочихъ. Но то же самое было когда-то и въ Англіи. И однако, современныя изслѣдованія надъ тою же средою доказываютъ, какія громадныя перемены произошли въ ней со временъ знаменитой работы Энгельса. Между другими факторами такого прогресса видную роль играютъ, несомнѣнно, воспитательныя учрежденія и разумно поставленныя развлечения для народа. Они даютъ ему смѣну впечатлѣній, вносятъ умственные наслажденія въ его жизнь, поддерживаютъ бодрость духа, скрашиваютъ надолго будничную фабричную дѣйствительность. Рабочій человекъ, предающійся такимъ развлечениямъ, испытываетъ интенсивнѣйшее наслажденіе. Всѣ, кто наблюдалъ хорошо устроенныя чтенія, единодушно свидѣтельствуютъ о томъ страстномъ одушевленіи, которое зачастую овладѣваютъ слушателями, о томъ высокомъ наслажденіи, которое они выносятъ изъ аудиторіи. И это не только случайныя наблюденія».

Профессоръ привелъ въ примѣръ наши народныя чтенія, на которыхъ обыкновенно не хватаетъ мѣстъ. Въ Воронежѣ, несмотря на плату, всегда все полно, а тамъ аудиторія вмѣщаетъ почти 1,500 мѣстъ. Тѣ же отзывы приходятъ изъ Одессы и Кіева.

Кромѣ того, отвлекая отъ кабака, разумныя развлечения уменьшаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ число прогуловъ, что неоднократно отмѣчалось наблюденіями. Но этого мало. Рабочій, принимаясь послѣ трактирнаго отдыха за дѣло, полусонный, еще не вполне протрезвившись, будетъ исполнять свою работу апатично и небрежно, что увеличитъ количество порчи матеріаловъ и издѣлій. Проведя правдивыя въ аудиторіи или театрѣ, рабочій не будетъ имѣть этой потери—слишкомъ чувствительной и для него, и для предпринимателя. Но и этого мало. Возможность время отъ времени веселить свой духъ научными развлечениями, сознание того, что рабочій человекъ всегда, когда пожелаетъ, можетъ обратиться къ благамъ культуры, даетъ ему бодрость и счастье. Воспоминанія о пережитыхъ радостяхъ нерѣдко наполняютъ и бодритъ нашъ духъ сильнѣе, чѣмъ сами непосредственно воспринимаемыя впечатлѣнія. Подобно тому, память о пережитыхъ минутахъ одушевленія въ воскресный день даетъ бодрость на цѣлую недѣлю».

не могли, вслѣдствіе бѣдственнаго нашего положенія по неурожаю хлѣба въ прошлыхъ годахъ, а также и въ настоящемъ 1897 г. Къ безвыходному нашему положенію пришло на помощь наше благодатное уѣздное земство, и его заботами и пособіемъ у насъ въ семь году устроено новое зданіе для училища, каменное, прочное и весьма удобное какъ для помѣщенія учителя, такъ и для его занятій съ дѣтьми, изъ чего мы видимъ непрестанныя заботы уѣзднаго земства объ улучшеніи крестьянскаго быта и о просвѣщеніи грядущаго поколѣнія, такъ какъ отъ училища каждый крестьянинъ, взрослый и малый, можетъ свободно почерпнуть все благое для своей земной и загробной жизни».

Такого рода отношеніе къ земству населенія за дѣятельность въ сферѣ народнаго образованія не только возмущало правительство, но и пугало его. Оно пришло къ убѣжденію въ необходимости «спасать» народъ отъ земства. Якоремъ спасенія, по обыкновенію, признана была церковно-приходская школа. Она еще въ 1884 г. получила всѣ привилегіи, но фактически руссійское духовенство не проявляло достаточной энергіи въ насажденіи духовныхъ школъ, такъ какъ такого рода дѣятельность не доставляла никакой матеріальной выгоды, отнимая много времени. Какъ истые духовные бюрократы, бабюшки очень умѣло «отписывались» и нерѣдко составляли блестящіе отчеты о школахъ, не существовавшихъ на самомъ дѣлѣ. И вотъ въ концѣ 90-хъ годовъ ихъ стали «подтягивать» и прямо-таки «заставлять» строить школы, «захватывая» тѣ селенія, которыя не успѣло еще «испортить» земство, но, по возможности, старались закрывать уже существующія земскія школы и замѣнять ихъ церковно-приходскими или школами грамоты. Поднялась цѣлая война земствъ съ духовенствомъ. Она зарегистрирована и сенатомъ. Именно, вслѣдствіе жалобы новоторжской, Тверской губерніи, уѣздной земской управы, въ декабрѣ 1897 года опубликованъ былъ нижеслѣдующій *Указъ Ею Императорскаю Величества Самодержца Всероссійскаю, изъ Правительствующаю Сената, министру народнаго просвѣщенія.*

По указу Ею Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по жалобѣ Новоторжской уѣздной земской управы на распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія по предмету открытія начальныхъ народныхъ училищъ не иначе, какъ съ согласія духовнаго вѣдомства.

Приказали: изъ дѣла видно, что Министръ Народнаго Просвѣщенія 14 августа 1884 г. циркулярно преподаль попечителямъ учебныхъ округовъ къ исполненію, чтобы «мѣстныя начальства народнаго просвѣщенія, предварительно разрѣшенія на открытіе въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждена церковно-приходская школа, какъ образцовыхъ министерскихъ начальныхъ училищъ, такъ и школъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ и содержимыхъ на средства общества, земствъ или частныхъ лицъ, каждый разъ входили о семъ въ сношеніе съ мѣстными преосвященными».

Находя, что означеннымъ распоряженіемъ Министръ Народнаго Просвѣщенія ввелъ новый порядокъ открытія начальныхъ училищъ,

поставляющій такое въ зависимость отъ согласія мѣстнаго епархіальнаго начальства, которое можетъ отказывать въ согласіи и, такимъ образомъ, дѣлать невозможнымъ открытіе вновь сихъ училищъ, и признавая вслѣдствіе того циркулярное предложеніе Министра 14 августа 1884 г. противорѣчащимъ Высочайше утвержденному положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г. и ст. 154 и 156 общ. учр. мин., о предѣлахъ предоставленной министерствамъ власти по опредѣленію порядка исполненія подчиненными имъ учрежденіями существующихъ законовъ, — Новоторжское уѣздное земство жалуется на изъясненное распоряженіе Министра Правительствующему Сенату и ходатайствуетъ объ отмѣнѣ сего распоряженія. Министръ Народнаго Просвѣщенія, представляя приведенную жалобу Новоторжской уѣздной земской управы, при рапортѣ отъ 20 сентября 1896 года, Правительствующему сенату, съ своей стороны, объясняетъ, что циркулярное распоряженіе его отъ 14 августа 1884 г. вовсе не имѣетъ того смысла и значенія, какіе придаетъ ему Новоторжское земство; что установленный закономъ порядокъ разрѣшенія на открытіе начальныхъ училищъ по силѣ этого циркулярнаго предложенія ни въ чемъ не измѣняется, но на мѣстное учебное начальство возлагается лишь обязанность принимать во вниманіе дѣйствительныя препятствія къ открытію вновь школы, въ тѣхъ, конечно, нечастыхъ и исключительныхъ случаяхъ, когда учрежденіе школы вызывается не столько попечительностью и развитіемъ средствъ образованія, сколько побужденіями личнаго или вѣдомственнаго антагонизма; что и при условіи означеннаго сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ, право разрѣшенія на открытіе начальной школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія остается во власти мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ и уѣзднаго предводителя дворянства, по точному смыслу ст. 10 положенія 23 мая 1874 г., и что къ изъясненному распоряженію отъ 14 августа 1884 г. онъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія, былъ вызванъ соответственнымъ распоряженіемъ Святѣйшаго синода, который, въ указѣ отъ 29 іюня 1884 г., преподалъ Синодальнымъ конторамъ и епархіальнымъ архіереямъ, при открытіи въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы, не принадлежащія къ числу приходскихъ, равнымъ образомъ, предварительно сноситься съ подлежащими начальствами вѣдомства народнаго просвѣщенія. Сообразивъ настоящее дѣло и принимая во вниманіе, что какъ изъ текста обжалованнаго Новоторжскою земскою управою циркулярнаго предложенія Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 августа 1884 г., такъ и изъ объясненій, представленныхъ по поводу названнаго предложенія Правительствующему Сенату, съ несомнѣнностью явствуетъ, что означенное распоряженіе, не вводя никакого новаго закона и не отмѣняя ни въ чемъ существующихъ правилъ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г. объ открытіи сего рода училищъ, имѣетъ значеніе лишь указанія подвѣдомственнымъ министру народнаго просвѣщенія чинамъ, отъ коихъ открытіе названныхъ школъ зависитъ, примѣнительно къ практикѣ, установленной въ семъ отношеніи вѣдомствомъ православнаго исповѣданія, — входить при разрѣшеніи открытія новыхъ свѣтскихъ началь-

ных школъ въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ уже школа церковно-приходская, въ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ, на предметъ выясненія, не имѣется ли какихъ-либо серьезныхъ и дѣйствительно заслуживающихъ вниманія препятствій къ открытію новыхъ свѣтскихъ школъ, нисколько не обяывая подлежащее учебное начальство принимать сообщенный отзывъ епархіальнаго вѣдомства къ непремѣнному исполненію и ставить открытіе новыхъ свѣтскихъ школъ въ зависимость отъ согласія духовнаго начальства,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что, при такихъ условіяхъ, названное циркулярное распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія не можетъ быть признано въ чемъ-либо нарушающимъ предѣлы предоставленной по закону Министрамъ власти по опредѣленію порядка исполненія подчиненными ему мѣстами и должностными лицами существующаго закона, а потому опредѣляетъ: принесенную на означенное распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія жалобу Новоторжской уѣздной земской управы оставить безъ послѣдствій».

Слѣдуетъ замѣтить, что изложенный указъ Сената совершенно не соответствовалъ дѣйствительности, такъ какъ дирекція народныхъ училищъ, зная роль Побѣдоносцева, исполняла, главнымъ образомъ, требованія духовенства и нерѣдко препятствовала строить земству школы въ тѣхъ селеніяхъ, которыя захвачены были священниками. Надо было много энергіи, чтобы бороться съ духовенствомъ, проторя путь истинному просвѣщенію, и земство боролось, не покладая рукъ.

Взявъ въ свои руки руководство въ дѣлѣ народнаго образованія, губернское земство пошло и далѣе въ этомъ направленіи. Оно принялось за организацію сельско-хозяйственную, санитарную, медицинскую и т. д., и т. п. И все пошло довольно быстрымъ темпомъ впередъ.

Чѣмъ же объяснялся этотъ прогрессъ въ сословномъ дворянскомъ земствѣ? Почему вдругъ оно проявило такую невиданную дѣятельность, не взирая на положеніе 1890 года?

Не нужно было быть проницательнымъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить, что вся сила земства, какъ мы уже не разъ говорили, заключалась въ небольшой оппозиціонной части земства и въ интеллигенціи, сгруппировавшейся вокругъ земства. Тѣсное единеніе лучшихъ земскихъ силъ съ «третьимъ элементомъ» и произвело цѣлый переворотъ въ земскомъ дѣлѣ.

На это обстоятельство совершенно отчетливо и ясно впервые указалъ самарскій вице-губернаторъ Кондоиди, чѣмъ и приобрѣлъ себѣ положительно историческую извѣстность.

Открывая въ 1899 г. очередное Самарское губернское земское собраніе, онъ, между прочимъ, сказалъ: «Въ дѣлѣ мѣстнаго хозяйственнаго управленія съ давнихъ временъ принимаютъ участіе лица правительственные и представители помѣстныхъ обывателей. Высшій надзоръ, рѣшеніе и отвѣтственность за успѣшность его возложены на администрацію; инициатива, въ большинствѣ случаевъ, мѣропріятій и выполненіе такихъ лежитъ на обязанности представителей мѣстныхъ сословій. Ясно представляется, что этимъ двойнымъ составомъ вполне исчерпывается необходимый контингентъ дѣятелей по мѣст-

ному хозяйственному управленію. Между тѣмъ,—позволяю себѣ обратить вниманіе земскаго собранія,—въ послѣднее время все болѣе и болѣе усматривается въ мѣстной земской жизни участіе новаго, *третьяго элемента* ¹⁾ Признаюсь, я отказываюсь назвать или вполне точно очертить положительными признаками этотъ новой элементъ, однако, убѣжденъ, что большинство здѣсь присутствующихъ не откажетъ мнѣ въ признаніи справедливости моихъ словъ. Иные съ привѣтствіемъ, другіе съ неудовольствіемъ, но тѣ и другіе согласятся со мною, что въ земской жизни усматривается участіе новаго фактора, не принадлежащаго ни къ администраціи, ни къ числу представителей мѣстныхъ сословій. Нельзя не отдать должной справедливости этому фактору, онъ состоитъ изъ особей, обладающихъ большимъ запасомъ научныхъ теоретическихъ познаній, которыя поднимаютъ и завоевываютъ имъ авторитетъ въ мѣстномъ обществѣ, нерѣдко доставляя торжество отвлеченному принципу надъ практическими данными. Случается, что представители сословій безъ достаточно провѣренныхъ основаній внемлютъ слову интеллигентовъ, хотя бы то были не болѣе, какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь вслѣдствіе ссылки на науку или на поученіе газетныхъ и журнальныхъ писателей. Внѣшній видъ этихъ словей въ большинствѣ случаевъ заманчивъ, но внутренній чреватъ опасностью... Допустимъ, что занимающійся народнымъ обученіемъ въ интересахъ своихъ занятій мечтаетъ о созданіи высшихъ учебныхъ заведеній, не желая знать, что содержаніе ихъ упадетъ на источникъ, и безъ того значительно истощенный. Грезы лицъ, не принадлежащихъ ни къ администраціи, ни къ представителямъ сословій въ земствѣ, носятъ лишь фантастическій характеръ, но могутъ, допустивъ въ основаніе политическія тенденціи, имѣть и вредную сторону»...

Устами Кондоиди говорило, конечно, правительство которое давнымъ давно уже замѣтило «новый факторъ» въ земской жизни, но, кромѣ административныхъ преслѣдованій, ничего иного не могло придумать для уничтоженія этого фактора. Въ концѣ 90 хъ годовъ правительство возымѣло мысль, чтобы *само земство* избавилось отъ «третьяго элемента», запугавъ земцевъ «фантастическими» планами интеллигенціи ²⁾, которые повлекутъ за собою большое обложеніе, и «политическими тенденціями, въ результатъ чего могла быть «гибель» самаго земства. Правительство догадывалось о существованіи сплоченной земской оппозиціи и, понятно, не только не рассчитывало на

¹⁾ Курсивъ нашъ. Съ легкой руки г. Кондоиди, это мѣткое названіе привилось къ земской интеллигенціи, которая съ 1899 года и стала не только въ разговорной рѣчи, но и въ литературѣ называться «третьимъ элементомъ».

²⁾ Въ это время интеллигенція подвергалась преслѣдованію со всѣхъ сторонъ. Вотъ какъ къ ней относилось, напримѣръ, духовенство

Въ одномъ изъ № *«Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»* въ 1894 году была напечатана такая замѣтка. «На рапортѣ одного изъ благочинныхъ послѣдовала резолюція его преосвященства, отъ 18 января 1894 г. за № 136, слѣдующаго содержания: «объявить чрезъ *«Епархіальныя Вѣдомости»*, чтобы пермское духовенство въ официальныхъ бумагахъ не употребляло словъ: *интеллигентъ, интеллигентный*. Эти слова характеризуютъ людей, живущихъ однимъ только разумомъ, но не заботящихся имѣть Бога въ разумѣ (Римл. гл. I, ст. 28). А такіе люди не могутъ быть истинными членами православной церкви».

содѣйствіе послѣдней въ дѣлѣ разгрома «третьяго элемента», но не сомнѣвалась въ противодѣйствіи «либераловъ». Поэтому бюрократія надѣялась только на реакціонныя земскія силы, которыя отъ всей души ненавидѣли земскую интеллигенцію. Однако, несмотря на количественное преобладаніе аграріевъ въ земствѣ, они были такъ бездѣятельны, такъ пассивны во всемъ, что не касалось ихъ чисто личныхъ интересовъ, что правительство полагало возможнымъ «оживить» ихъ только «испугомъ», ударивъ, выражаясь фигурально, по самому больному мѣсту: аграріи боялись высокаго обложенія и «политики». Но, увы, вырождающіеся крѣпостники были слишкомъ инертны. Изъ этого состоянія вывела ихъ только революція, когда вдругъ возникъ вопросъ о принудительномъ отчужденіи частновладельческихъ земель, о націонализаци и даже социализаци земель. Тогда они сплотились въ земствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательно погубили его. Это случилось уже въ наше время, въ 1906 году, а до этого момента они ничего не могли подѣлать съ энергичною земскою оппозиціею, куда входили самые талантливые и умные земцы. А оппозиція защищала «третій элементъ». И вотъ правительству пришлось опять единолично заняться «чисткою» земства. Въ концѣ 90-хъ годовъ оно, что называется повторяло пройденное: занималось тѣмъ, чѣмъ и въ 60-хъ, и въ 70-хъ, и въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ въ громадномъ количествѣ правительство не утверждало, устраняло, высылало «третій элементъ». Можно было бы написать не одинъ томъ относительно этой неблагодарной дѣятельности правительства, но мѣсто не позволяетъ намъ приводить всѣ эти безчисленные факты административнаго произвола, тѣмъ болѣе, что намъ необходимо будетъ остановиться на нихъ, когда перейдемъ къ XX му столѣтію и особенно, когда будемъ излагать исторію краткой диктатуры Плеве, доведшаго произволъ до апогея, примѣняя его и къ «третьему элементу» и къ земской оппозиціи.

Собственно говоря до 1899 года, т. е. до конца управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкина, значительныхъ потерь оппозиціонная часть земства, включая и «третій элементъ», не понесла. Еще въ 1898 году земская интеллигенція была хорошо представлена въ Кіевѣ, на X-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, причемъ она и въ открытыхъ засѣданіяхъ, и, тѣмъ болѣе, въ частныхъ бесѣдахъ довольно откровенно высказывала свои политическія и социальныя *scredo*. Положеніе «третьяго элемента» въ это время было настолько еще сносно, что, напримѣръ, проектировалось учрежденіе общества русскихъ статистиковъ, и была избрана даже комиссія для редактированія устава, составленіе котораго поручено было А. И. Чупрову, Н. А. Каблукову и В. Т. Михайловскому. Въ комиссію же избраны были: А. Ф. Фортунатовъ, К. А. Вернеръ, Н. Ф. Анненскій, В. И. Покровскій, А. В. Пѣшихоновъ, В. И. Чернолуцскій, Г. А. Фальборкъ и др., всего 15 человекъ.

Къ слову сказать на этомъ съѣздѣ уже довольно рельефно выяснились различныя теченія среди «третьяго элемента», замѣчалось партійное дѣленіе и сильный ростъ послѣдователей ученія Маркса. Но въ общемъ настроеніе интеллигенціи далеко нельзя было назвать ре-

волюціоннымъ, такъ какъ правительство не закупило еще всѣ душины въ земской жизни. Оно еще колебалось, хотя склоненіе вправо шло неизмѣнно.

Вполнѣ опредѣленно реакція вырисовалась въ 1899 году, когда устраненъ былъ Горемыкинъ, какъ «защищавшій» земство, а вѣрнѣе сказать—терпѣвшій его при условіи подчиненія администраціи ¹⁾, а мѣсто его занялъ Сипягинъ, и когда противъ земства выступилъ Витте.

На этомъ послѣднемъ, во всякомъ случаѣ, выдающемся лицѣ, игравшемъ продолжительное время столь громадную роль въ нашей государственной жизни, мы считаемъ нужнымъ остановиться.

С. Ю. Витте родился въ 1849 году. Происхождение его далеко не кровно-аристократическое, а скорѣе бюрократическое; отецъ его былъ членомъ совѣта кавказскаго намѣстника. Человѣкъ практической по своей природѣ, С. Ю. Витте, по окончаніи физико-математическаго факультета новороссійскаго университета, тотчасъ же окунулся въ капиталистическую сферу: онъ поступилъ въ управленіе одесской желѣзной дороги и сдѣлался, какъ говорится, правою рукою директора извѣстнаго Русскаго Общества Пароходства и Торговли, Чихачева, каковому обществу въ то время принадлежала и названная дорога. Въ такого рода предпріятія, какъ желѣзнодорожное, универсанты, обыкновенно, не идутъ далеко въ служебной карьерѣ, такъ какъ предпочитаютъ инженеры путей сообщенія, но С. Ю. Витте очень быстро проявилъ такіе таланты, что уже въ 1879 г. сдѣлался не только начальникомъ отдѣленія эксплуатаціи въ правленіи юго-западныхъ дорогъ, находящемся въ Петербургѣ, но, съ переѣздомъ въ столицу, принялъ участіе въ Барановской желѣзнодорожной комиссіи, написалъ «исторію и дѣятельность сѣздовъ представителей русскіихъ желѣзныхъ дорогъ», затѣмъ получилъ мѣсто управляющаго юго-западныхъ дорогъ, далѣе директора департамента желѣзныхъ дорогъ вообще и предсѣдателя тарифнаго комитета, а въ февралѣ 1892 года, когда С. Ю. Витте было всего 43 года, онъ уже занялъ постъ министра путей сообщенія. Но это было только началомъ карьеры С. Ю. Оказалось, что кандидатъ правъ физико-математическихъ наукъ, хранилъ въ себѣ самые разнообразныя таланты: всего черезъ полгода послѣ полученія портфеля министра путей сообщенія, 30 августа 1892 г. мы видимъ его уже министромъ финансовъ. И въ этой области, что бы ни говорили, С. Ю. Витте явился новаторомъ, сдѣлалъ цѣлый переворотъ въ нашей финансовой системѣ, ввелъ въ нее, между прочимъ, золотую валюту.

Намъ еще не разъ придется въ соответствующихъ мѣстахъ говорить о дальнѣйшей карьерѣ Витте, здѣсь же мы скажемъ, что подобные министры не часто бывали въ средѣ русскаго правительства.

¹⁾ Если мы не ошибаемся, еще при Горемыкинѣ былъ выработанъ новый продовольственный уставъ. Когда, въ 1899 г. онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, то кн. Мещерскій, узнавъ о содержаніи устава, писалъ въ „Гражданинѣ“, что уставъ такъ „хорошъ“, что въ сущности этотъ фактъ похожъ на упраздненіе земства“. Въ такомъ же духѣ былъ составленъ и лечебный уставъ: земство почти устранялось отъ народнаго здравія, какъ и отъ народнаго продовольствія.

Обыкновенно они набирались изъ знатныхъ фамилій, не справляясь съ ихъ талантами, способностями и знаніями той отрасли, завѣдывать которою имъ поручалось, и министры занимались лишь строгимъ охраненіемъ status quo, какъ бы плохо оно ни было.

Витте, наоборотъ, разночинецъ по происхожденію, въ своемъ родѣ «третій элементъ», завоевывалъ себѣ портфель трудомъ, знаніемъ и несомнѣнными способностями. Если бы при этихъ качествахъ онъ обладалъ еще гражданскими доблестями, то, несомнѣнно, занялъ бы одну изъ блестящихъ страницъ русской исторіи. Но этимъ то Витте и не обладалъ, вслѣдствіе чего въ дальнѣйшемъ, избралъ ложный, чисто бюрократическій путь и, можно сказать, опозорилъ свое имя.

Придворная знать и министры терпѣть, конечно, не могли Витте. Они употребляли все усиліе, чтобы избавиться отъ этого талантливаго «высочки», втершагося въ такія высокія сферы, не имѣя «чистокровнаго» происхожденія. Эта придворная знать съ заднихъ ходовъ, ничѣмъ не стѣсняясь, изобрѣтала для Витте всѣ способы, чтобы низвергнуть его съ занятаго имъ мѣста. Витте въ этой борьбѣ за свое положеніе точно также не разбиралъ средствъ, предпочитая свою карьеру интересамъ страны. На этой почвѣ, по нашему глубокому убѣжденію, Витте въ 1899 году выступалъ и противъ земства. Ему нужна была поддержка Побѣдоносцева, также талантливаго «высочки», но сумѣвшаго пріобрѣсти безграничный авторитетъ въ придворныхъ сферахъ своею защитою абсолютизма и отвращеніемъ къ какимъ бы то ни было перемѣнамъ въ русскомъ государственномъ строѣ. Побѣдоносцевъ, какъ мы уже знаемъ, не выносилъ земства и особенно стремился изъять изъ его рукъ дѣло народнаго просвѣщенія. И вотъ Витте составляетъ такого рода всеподданнѣйшій докладъ.

М. Ф.

Департаментъ государственнаго казначейства.

По вопросу о расходѣ на народныя училища.

На подлинномъ рукою министра финансовъ написано:

«Высочайшее соизволеніе послѣдовало 12 февраля 1899 г. С.-Петербургъ».

Рядъ мѣропріятій, предпринятыхъ по Высочайшимъ указаніямъ въ Божѣ почивающаго государя императора Александра III и Вашего Императорскаго Величества, несомнѣнно, упрочилъ наше финансовое положеніе. На ряду съ этимъ, относительно наиболѣе обременительныхъ для государственнаго казначейства расходовъ военнаго и морскаго вѣдомствъ можно имѣть увѣренность, что расходы эти не превысятъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ тѣхъ предѣловъ, которые опредѣлены для нихъ установленными съ Высочайшаго Вашего Величества соизволенія нормальными бюджетами. Все это дастъ министру финансовъ возможность, если сказанная увѣренность не окажется тщетною, озаботиться обращеніемъ средствъ, которыми можетъ располагать государственное казначейство, на другія, наиболѣе назрѣвшія государственныя потребности. Въ этомъ отношеніи, слѣдуя Высочайшимъ

указамъ Вашего Величества, министръ финансовъ не можетъ не поставить на первую очередь потребностей народнаго образованія и въ частности наиболѣе нуждающагося въ распространеніи начальнаго обученія. Дѣло начальнаго народнаго образованія находится у насъ на попеченіи собственно двухъ вѣдомствъ: Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ состоящія въ распоряженіи другихъ вѣдомствъ спеціальныя низшія училища весьма многочисленны и въ смыслѣ общаго начальнаго образованія народа не имѣютъ серьезнаго значенія. Въ дополненіе къ пожертвованіямъ и другимъ частнымъ источникамъ изъ суммъ государственнаго казначейства ассигнуется по смѣтѣ Святѣйшаго Синода на содержаніе церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности, а равно и на надзоръ за этими школами 4.953.841 руб. Къ этой суммѣ, по моему предварительному соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, предположено добавить съ 1-го января 1900 года 1.800.000 руб. По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, на приходскія и начальныя народныя училища, на учительскія семинаріи, приготавлиющія учителей для народныхъ школъ, и на надзоръ за народными училищами ассигнуется 4.402.836 руб. Къ этимъ же ассигнованіямъ нужно причислить около 1.200.000 руб. которые расходуются на начальныя народныя училища изъ состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи правительства земскихъ сборовъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ не введены земскія учрежденія. Но кромѣ всѣхъ этихъ суммъ, расходуемыхъ по непосредственнымъ распоряженіямъ правительственныхъ учрежденій, начальныя народныя училища содержатся также и на земскія средства. На этотъ предметъ изъ земскихъ сборовъ расходуются около 7.000.000 руб. Суммы эти расходуются по распоряженіямъ земскихъ учрежденій, но такъ какъ всѣ земскія расходы производятся на счетъ сборовъ, взимаемыхъ съ того же населенія, то всякое излишнее земское обложеніе настолько же лишаетъ правительство возможности пользоваться платежными силами населенія, какъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Въ виду этого, нѣтъ основанія полагать, что обращеніе на дѣло начальнаго народнаго образованія взимаемыхъ земскими учрежденіями сборовъ въ чемъ либо облегчаетъ задачи правительства, такъ какъ, будучи взимаемы съ одного и того же населенія, суммы, расходуемая по смѣтамъ Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія, по существу, не отличаются отъ суммъ, расходуемыхъ по распоряженіямъ земскихъ учрежденій. При существующемъ строѣ земскаго хозяйства, со стороны земскихъ учрежденій вполнѣ понятно желаніе переложить на государственное казначейство тѣ или другіе изъ лежащихъ на нихъ обязательныхъ расходовъ. Но такое переложеніе, какъ показываетъ практика, не бываетъ сопряжено съ облегченіемъ населенія, ¹⁾

¹⁾ Крокодиловы слезы относительно тяжести земскаго обложенія были излюбленнымъ мотивомъ для доказательства отрицательныхъ сторонъ самоуправленія. На самомъ дѣлѣ земское обложеніе было невелико, сравнительно съ общегосударственнымъ. Напримѣръ, въ 1898 г. ростъ земскихъ расходовъ для всей Россіи достигалъ 85,6%, но въ земскихъ губерніяхъ расходы увеличились на 82,1%, а въ не земскихъ на 102,2%. Затѣмъ, въ частности, по курской, напримѣръ, губерніи, въ 1900 г., когда вышель за-

такъ какъ освободившись отъ извѣстныхъ расходовъ, земскія учрежденія тотчасъ же обращаютъ оставшіяся свободныя суммы на другія потребности, а въ томъ числѣ и на открытіе новыхъ училищъ. Въ примѣненіи къ земскимъ расходамъ на содержаніе учебныхъ заведеній, не разъ возникавшій вопросъ: не слѣдуетъ ли принять на государственное казначейство всѣ эти расходы, конечно, безъ особаго затрудненія могъ бы быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но лишь при условіи или передачи соотвѣтствующихъ сборовъ въ пользу казны, или обязательнаго снятія соотвѣтствующей суммы съ населенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, правительство, въ концѣ концовъ, было бы вынуждено прибѣгнуть къ дополнительному обложенію того же населенія. Такимъ образомъ, упадая въ сущности на одни и тѣ же платежные источники, расходы по содержанію начальныхъ народныхъ училищъ распределяются по тремъ категоріямъ. Раздѣленіе расходовъ по смѣтамъ Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія не представляютъ ни по существу дѣла, ни въ финансовомъ отношеніи никакихъ затрудненій, такъ какъ и тѣ, и другіе расходы находятся по общему порядку на попеченіи министра финансовъ и подчиняются общей системѣ испрошенія и разрѣшенія. Въ иномъ положеніи оказываются расходы третьей категоріи. Находясь въ зависимости отъ земскихъ учрежденій, расходы эти являются какъ бы самостоятельными и не связанными съ правительственными мѣропріятіями по развитію народнаго образованія, а при такой неопредѣленности границъ дѣятельности на одномъ и томъ же поприщѣ съ одной стороны земскихъ учрежденій, а съ другой вѣдомствъ Святѣйшаго Синода и народнаго просвѣщенія—затрудняется и выработка опредѣленнаго плана дѣйствій по распоряженію народныхъ училищъ. Полагая съ своей стороны полезнымъ совмѣстное обсужденіе возникающихъ по этому дѣлу вопросовъ со стороны высшихъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, приѣмлю долгомъ Всеподданнѣе испрашивать: не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству возложить на особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и народнаго просвѣщенія обсужденіе вопросовъ о томъ, слѣдуетъ ли оставить безъ измѣненія существующій порядокъ открытія начальныхъ народныхъ училищъ и производства расходовъ на ихъ содержаніе, или же слѣдуетъ принять надлежащія мѣры для установленія въ этомъ дѣлѣ болѣе опредѣленнаго положенія и въ такомъ случаѣ, въ чемъ мѣры сіи должны заключаться».

Статсъ-Секретарь *Сергій Витте*.

Въ этомъ маккіавелевскомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ во весь свой нравственный ростъ вылился Витте, и когда таинственный документъ сдѣлался извѣстнымъ земству, послѣднее, понятно, возмутилось

ковъ о предѣльности земскаго обложенія, среднее обложеніе одной десятины земли составляло 2 р. 82,7 коп., но изъ нихъ на долю земства приходилось всего лишь 44,8 коп. или 15,8%, а вообще изъ 7.000 000 рублей оклада земству приходилось только 1.100 000 руб. Если же прибавить къ упомянутой суммѣ прямыхъ налоговъ еще косвенные, въ которыхъ земство не участвовало, то совершенно выяснится вся тенденціозность укоровъ земству за высокое земское обложеніе.

и настроилось еще оппозиционнѣе, чѣмъ это было до названного доклада. Въ лицѣ хитраго министра финансовъ нѣкоторые видѣли не только защитника земскаго самоуправленія, но даже считали его скрытымъ конституціоналистомъ. Витте всегда былъ въ высшей степени предупредителенъ не только къ выборнымъ земства, но и къ «третьему элементу». Онъ совѣтовался, напримѣръ, съ выдающимися статистиками и профессорами, стоявшими близко къ земству и соглашался съ ихъ взглядами, чему доказательствомъ служитъ порученіе имъ работы, о которой мы выше говорили, изданной подъ заглавіемъ «Вліяніе урожаявъ» и т. д. Мало этого, министерство финансовъ охотно принимало на службу земскихъ статистиковъ, отдавая имъ видимое предпочтеніе, и, напримѣръ, старѣйшій изъ статистиковъ В. И. Покровскій игралъ тамъ видную роль. Въ томъ обстоятельстве, что правилами 8 іюня 1893 года объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, облагаемыхъ земскимъ сборомъ, средства на оцѣночныя работы стали ассигновываться правительствомъ—нѣкоторые видѣли стремленіе Витте расширить и укрѣпить земскую статистику, что въ сущности и произошло, но, конечно, противъ желанія Витте, который названными правилами, понятно, желалъ совершенно изъять обложеніе изъ рукъ земства, т. е. правила 8 іюня 1893 г., по сущности своей, ничѣмъ не отличались отъ приведеннаго нами всеподаннѣйшаго доклада о народномъ образованіи.

Несомнѣнно, что уже планъ Витте относительно изъятія изъ рукъ земства статистики показало высшимъ сферамъ благонадежность министра финансовъ, но этого для Витте было мало: ему, какъ мы говорили, необходимо было обосноваться на болѣе крѣпкомъ фундаментѣ, на Побѣдоносцевѣ,—и онъ выступилъ съ проектомъ изъятія начальнаго народнаго образованія изъ рукъ земства и передачи его всецѣло Побѣдоносцеву, что видно уже изъ предложенія министра финансовъ образовать совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

А въ это самое время министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ выступилъ съ проектомъ введенія земскихъ учреждений въ Западномъ краѣ. Получился скандалъ: Витте являлся реакціонеромъ, а Горемыкинъ либераломъ! Это министру финансовъ было крайне невыгодно и неприятно. Въ роли реакціонера онъ выступалъ лишь тайно, тамъ, гдѣ грозила ему опасность лишиться министерскаго портфеля, а передъ обществомъ, открыто онъ вовсе не желалъ фигурировать въ подобной роли. И вотъ Витте составляетъ цѣлый интересный трудъ,—громадную «Конфиденціальную Записку», подъ заглавіемъ «*Самодержавіе и Земство*», въ которой на 212 страницахъ ведетъ полемику съ Горемыкинымъ.

Конечно, мы не имѣемъ никакой возможности подробно изложить ея содержаніе, а потому ограничимся приведеніемъ только нѣкоторыхъ выдержекъ. Прежде всего, въ «Предварительной Поправкѣ», которою начинается «Записка», Витте старается ослабить значеніе всеподаннѣйшаго доклада.

«Вашему Высокопревосходительству (т. е. Горемыкину) извѣстно, что ни общаго вопроса о политическомъ значеніи земскихъ учреж-

деній, ни, въ частности, вопроса объ изъятія изъ ихъ вѣдѣнія народнаго образованія по собственному почину я не возбуждалъ. Вопросъ о сосредоточеніи дѣла народнаго образованія въ рукахъ правительства поднятъ былъ Вами въ представленной Государю Императору 5-го ноября 1897 года всеподаннѣйшей запискѣ Вашей. Записка была передана на обсужденіе Особаго Совѣщанія, которое признало необходимымъ, чтобы принятіе земскихъ народныхъ училищъ въ правительственное завѣдываніе совпало съ такимъ благоприятнымъ состояніемъ средствъ государственнаго казначейства, когда возможно будетъ увеличить размѣры кредита на начальное народное образованіе, сравнительно съ расходами на этотъ предметъ земскихъ учреждений. Во исполненіе сего Высочайше утвержденнаго мнѣнія Совѣщанія и признавая, съ своей стороны, потребность народнаго образованія одной изъ самыхъ важнѣйшихъ нуждъ государственныхъ, я, по долгу министра финансовъ, счелъ своею обязанностью возбудить вопросъ о расходахъ на начальное обученіе, какъ только средства государственнаго казначейства дозволили сдѣлать это».

Вотъ и все! Но является вопросъ, почему же Витте не ограничился однимъ указаніемъ, что средства есть? Почему онъ такъ подробно и такъ, прибавимъ, пристрастно обрисовалъ земское обложение? Зачѣмъ онъ предложилъ образовать комиссію подъ предсѣтельствомъ Побѣдоносцева?

Все это дѣлалось тайно, въ надеждѣ, что тайна сохранится, а разъ она вылезла наружу Витте начинаетъ реабилитировать себя, но это реабилитированіе сшито совершенно бѣлыми нитками, и Витте не можетъ даже скрыть своего неудовольствія. «Мои сомнѣнія относительно соотвѣтствія земства нашему государственному строю, высказаны въ особой, совершенно конфиденціальной, сообщенной мною только вамъ и весьма немногимъ лицамъ, занимающимъ высокое положеніе въ іерархіи администраціи»,—пишетъ Витте Горемыкину, досадуя, что «совершенно конфиденціальная записка» обнаружена. А въ ней то онъ прямо говоритъ, что «въ самодержавномъ строѣ государства съ неизбѣжнымъ при немъ бюрократическимъ центромъ, земство—непригодное средство управленія».

Мысль эта въ сущности совершенно вѣрная, обоснованная Витте на массѣ фактовъ, но логическимъ выводомъ ея, казалось бы, явилась необходимость парламентарнаго строя. Но провозглашеніе послѣдняго было бы равносильно непосредственной гибели карьеры Витте, которую ему и надо было укрѣпить. Съ другой стороны, на всякій случай, необходимо было обезопасить себя и отступленіе, если настанетъ благоприятное время для конституціи. И министръ финансовъ заканчиваетъ свою записку такъ, что выходъ автору, во всякомъ случаѣ, имѣется. Онъ говоритъ: «Въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ государственнаго правленія надо быть прежде всего *искреннимъ* (?!)¹⁾. Правительству предъ собой и предъ лицомъ народа надо отдавать

¹⁾ Мы нарочно печатаемъ это слово курсивомъ, потому что въ устахъ Витте оно просто удивительно. Какъ видимъ сейчасъ, такъ еще болѣе увидимъ въ послѣдствіи, что министръ финансовъ руководствовался чѣмъ угодно, но только не искренностью.

ясный отчетъ въ каждомъ мѣропріятіи, не закрывая глазъ на возможности его послѣдствія и не обманывая ни себя, ни другихъ въ дѣйствительности его значенія. И, по моему искреннему, глубокому убѣжденію, если съ этой единственно правильной точки зрѣнія разсматривать политическое значеніе земскихъ учреждений, если вполнѣ безпристрастно выяснитъ мысль законодателя, положенную въ 1864 г. въ основу этихъ учреждений, то двухъ отвѣтовъ на вопросъ о будущности ихъ въ системѣ нашего государственнаго строя быть не можетъ. Правильное и послѣдовательное развитіе всесловнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центрального, а затѣмъ и къ властной участию народа въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ.

Если же это такъ, то въ отношеніяхъ правительства къ земствамъ, вѣрнѣе, въ направленіи всей нашей внутренней политики можетъ быть только два вполнѣ ясныхъ и точныхъ пути. Можно вѣрить, что каждое государство въ своемъ политическомъ развитіи неизбѣжно должно придти къ конституціи, какъ болѣе совершенной формѣ правленія. Можно считать, что правительственная администрація есть несовершенное, неспособное къ улучшениямъ, отживающее средство управленія, которое—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—должно уступить свое поприще другой, молодой болѣе совершенной системѣ—самоуправленію, и что возможно широкимъ, послѣдовательнымъ и правильнымъ развитіемъ этой послѣдней системы существенно обезпечивается благо народа. Лично я не раздѣляю такой точки зрѣнія, но я ее понимаю. Если стоять на этой почвѣ, то, имѣя передъ собою примѣръ Запада, намъ слѣдуетъ прилагать всѣ усилія къ скорѣйшему и правильному развитію началъ самоуправления. Ребенка, ставшаго на ноги, надо скорѣй учить ходить; надо дать земствамъ пустить корни во всей странѣ, надо отнестись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, дать возможную самостоятельность, ослабить административную опеку и затѣмъ на всѣ ихъ стремленія къ объединенію и участию въ законодательствѣ спокойно смотрѣть, какъ на естественный и здоровый ростъ того зерна, которое въ 1864 г. брошено было на нашу политическую ниву.»

Таково было основательное мнѣніе Витте, конечный выводъ его, который онъ могъ преподнести,—и преподносилъ земству, обществу, прессѣ.

Но тутъ-же рядомъ имѣется отвѣтъ и правительству, въ случаѣ оно,—въ чемъ Витте не сомнѣвался,—не согласится съ первымъ взглядомъ: «Можно имѣть,—пишетъ онъ, и другую противоположную точку зрѣнія. Можно вѣрить,—и лично я исповѣдую это убѣжденіе,— что конституція вообще «великая ложь нашего времени», и что, въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія государственнаго режима ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія никакого дальнѣйшаго расширенія

¹⁾ Какъ увидимъ ниже и какъ всѣмъ извѣстно, всего черезъ 6 лѣтъ послѣ составленія этой записки, Витте самъ прибѣгъ къ конституціи, видя въ ней спасеніе Россіи. Можно думать, что и въ тотъ моментъ, когда онъ излагалъ приведенный взглядъ, онъ не раздѣляя его, а поддѣлывалъ Побѣдовосеневу, на котораго въ выноскѣ и ссылается.

дѣятельности земству давать нельзя, надо провести для него ясную деморкаціонную линію, не позволять ни подь какимъ видомъ преступать эту линію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо возможно скорѣе озаботиться правильной и соотвѣтствующей организаціей правительственной администраціи, твердо памятуя, что «кто хозяинъ въ странѣ, тотъ долженъ быть хозяиномъ и въ администраціи». Никакого средняго между этими двумя путями быть не можетъ. Правительству, говоря словами профессора Градовскаго, не слѣдуетъ ставить свою ставку одновременно на черный и красный квадратъ;—не слѣдуетъ съ одной стороны говорить о развитіи самодѣятельности общества и началъ самоуправленія, проектировать территориальное его расширение, а съ другой—подавлять всякую самодѣятельность, ограничивать самоуправленіе, ставить его въ положеніе, при которомъ оно не можетъ быть даже удовлетворительнымъ средствомъ управленія ¹⁾). Результаты такой политики всегда будутъ отрицательны: ничто не разжигаетъ такъ революціонный духъ, какъ недостатокъ гармоніи въ учрежденіяхъ и разногласіе между законами или теоретическими началами управленія и практикой послѣдняго»,—говоритъ Leroy-Beaulieu въ своихъ «Etudes russes et euróennes». Эту истину надо всегда помнить; нельзя создавать либеральныя формы, не наполняя ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой искренности, всякой двойственной политики ²⁾ являются разнаго рода запрещенія, ограниченія и стѣсненія, а ничто такъ не подавляетъ самодѣятельности общества, не подрываетъ въ такой мѣрѣ престижа власти, какъ частое и широкое примѣненіе репрессивныхъ мѣръ. Мѣры эти—мѣры опасныя и продолженіе ихъ примѣненія либо приводитъ, ко взрыву, либо дѣйствительно обращаетъ все населеніе въ «безсвязныя толпы», въ людскую пыль» ³⁾...

Этою запискою Витте создалъ себѣ удобное положеніе. Онъ занялъ удобное центральное мѣсто и влѣво, земцамъ, шепталъ: «я рѣшительно ничего не имѣю противъ земства, но развѣ вы не согласны, что роль его при самодержавіи ничтожна, а слѣдовательно?..» Тутъ слѣдовало многоточіе, которое каждый понималъ по своему. Направо-же Витте шепталъ правительству: «наше спасеніе въ полномъ

Именно въ извѣстномъ „Московскомъ Сборникѣ“ зтотъ російскій Торквемадо писалъ: „Какой стройный видъ получаетъ въ подобномъ разноплеменномъ составѣ народное представительство и парламентское правленіе очевиднымъ тому примѣромъ служить въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило намъ Россію отъ подобаго бѣдствія при ея разноплеменномъ составѣ. Страшно подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала вамъ роковой даръ всеросійскаго парламента. Да не будетъ“.

Насколько сбылись предсказанія Побѣдоносцева видно изъ того, что въ Австріи сейчасъ прошелъ законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и не видно признаковъ, чтобы эта имперія погибала, какъ не замѣтно признаковъ и гибели нашего отечества, хотя мы имѣемъ уже „всеросійскій парламентъ“.

¹⁾ Это совершенно вѣрная характеристика политики Горемыкина по отношенію къ земству. Онъ, дѣйствительно, какъ мы говорили, желалъ такого земства, которое бы не самоуправлялось, а управлялось администраціей.

²⁾ Которую, еще разъ повторяемъ, всю жизнь проявлялъ Витте, въ чемъ мы ниже увидимся не разъ.

³⁾ Мы увидимъ далѣе, что именно Витте широко пользовался этими „репрессивными мѣрами“.

уничтожені земскаго самоуправленія». Витте нашептываль на обѣ стороны и слѣдилъ,—на чьей сторонѣ сила? Для него было безразлично, чья возьметъ, лишь бы онъ въ обоихъ случаяхъ не остался въ проигрышѣ.

Правительство, конечно, обѣими руками ухватилось за выгодную ему теорію Витте, совершенно сходящуюся со взглядами такого столпа абсолютизма, какъ Побѣдоносцевъ, который охотно сталъ теперь поддерживать ловкаго министра финансовъ. Теперь уже для реакціи были настезь открыты двери и она, привѣтствуемая «сферами», властно заняла первое мѣсто въ правительственной средѣ. Ни съ чѣмъ не считаясь, самодержавная бюрократія тотчасъ же задумала возвратиться ко временамъ Николая I-го и начала, при посредствѣ верховной власти, дѣйствовать въ этомъ духѣ. Дѣло, если не ошибаюсь, началось съ Финляндіи, для «сокращенія» которой былъ посланъ будущій распорядитель судьбами Россіи фонъ-Плеве.

3 февраля 1899 г. появился Высочайшій манифестъ, которымъ для Финляндіи дополнялись постановленія, въ смыслѣ установленія твердаго и незыблемаго порядка дѣятельности финляндскихъ учреждений по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ. Въ манифестѣ, между прочимъ, говорилось о необходимости тѣснаго единенія Финляндіи съ имперією. По этому поводу 4-го марта изъ Гельсингфорса въ Петербургъ прибыла депутація изъ 500 лицъ, чтобы подать прошеніе Государю. Когда этотъ адресъ былъ представленъ министромъ статсъ-секретаремъ фонъ-Плеве, то Государь собственноручно написалъ такую резолюцію: «Адресъ оставляю безъ послѣдствій,—ходатайство нахожу неумѣстнымъ, такъ какъ манифестъ касается общегосударственнаго, а не мѣстнаго законодательства».

21 мая 1899 года Государь утвердилъ положеніе комитета министровъ, о предоставленіи Его Императорскому Высочеству московскому генераль-губернатору, въ изытіе изъ общаго порядка, въ теченіе пяти лѣтъ, особыхъ полномочій,—въ которомъ говорилось: «По выслушаніи записки министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 апрѣля 1899 г. за № 2079 (по департаменту полиціи), о предоставленіи московскому генераль-губернатору права налагать, собственною властью, взысканіе на содержателей гостиницъ, подворій, заѣзжихъ домовъ и тому подобныхъ открытыхъ для публики учреждений за допущеніе въ нихъ посѣтителей для разврата, комитетъ министровъ полагалъ: предоставить московскому губернатору, въ изытіе изъ общаго порядка, въ теченіе пяти лѣтъ, налагать собственною властью денежные штрафы до 500 руб. или арестъ до одного мѣсяца на содержателей гостиницъ, подворій, заѣзжихъ домовъ, мебелированныхъ комнатъ, вообще всѣхъ заведеній трактирнаго промысла, а также бань, купаленъ и тому подобныхъ открытыхъ для публики учреждений за допущеніе въ нихъ посѣтителей для разврата». Этотъ «развратъ» опредѣляла, конечно, полиція, качества которой всѣмъ извѣстны, но мы, кстати, считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь одинъ случай, который служитъ превосходной характеристикой нашей полиціи.

Въ 1899 г. кievскій полиціймейстеръ, переодѣвшись оборванцемъ и загримировавшись до неузнаваемости, захвативъ самоваръ, отпра-

вился ночью шататься по улицамъ Кіева. Городовые на каждомъ посту задерживали его и предлагали шествовать въ участокъ, но всякій разъ, какъ полиціиместерь соваль городовому рубль, блюстители порядка отпускали его съ самоваромъ на всѣ четыре стороны. Долго спустя полиціиместерь, наконецъ, набрелъ на неподкупнаго городского, который, несмотря на всѣ его просьбы, не согласился отпустить бродягу, не принявъ отъ него взятки и потащилъ въ участокъ. Здѣсь сонный полицейскій надзиратель приказалъ безъ всякихъ допросовъ посадить приведеннаго въ кутузку, несмотря на протесты неузнаннаго полиціиместера, увѣрявшаго надзирателя, что самоваръ составляетъ его собственность, и что, по закону, нельзя сажать въ кутузку, не разобравъ дѣла и не выслушавъ объясненій заподозрѣннаго. Околодочный надзиратель прикрикнулъ на него, разсердившись, что какой-то бродяга осмѣливается напоминать ему о законѣ. Тогда бродяга сорвалъ парикъ, накладную бороду, и передъ глазами удивленнаго и испуганнаго околоточнаго надзирателя предсталъ грозный начальникъ, вынесшій изъ своей ночной прогулки весьма грустное впечатлѣніе относительно пригодности своихъ подчиненныхъ къ исполненію обязанностей полиціи.

Можно себѣ представить, что дѣлала московская полиція, получивъ безграничное право надъ открытыми для публики учрежденіями!

Въ серединѣ 1899 года министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ призналъ необходимымъ закрыть юридическое общество, состоявшее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ и бывшемъ однимъ изъ пунктовъ дѣятельности, между прочимъ, и земства, особенно земскихъ статистиковъ. Министръ въ тоже время предоставилъ университету войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи «новаго» юридическаго общества, но не иначе, какъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Всѣ профессора юридическаго факультета должны состоять его членами по своей должности, 2) предсѣдатели общества и его отдѣлений должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаться въ должностяхъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Скоро «*Московскія Вѣдомости*» разъяснили причину этого закрытія. «Въ это общество,—писала реакціонная газета,—давно уже, къ сожалѣнію, проникли совершенно чуждыя наукѣ тенденціозныя политическія направленія, систематически поддерживавшія въ его членахъ, а чрезъ нихъ и въ общественныхъ сферахъ, духъ оппозиціи правительству и недовольство негодными извѣстной партіи проявленіями правительственной власти. Это вредное направленіе общества, неоднократно проявлявшееся уже въ прежнее время, обнаружилось, между прочимъ, еще недавно, когда, на посвященномъ Пушкину торжественномъ соединенномъ засѣданіи совѣта Императорскаго Московскаго Университета и общества любителей россійской словесности въ стѣнахъ старѣйшаго университета, юридическое общество фигурировало со своимъ хлесткимъ адресомъ, прочитаннымъ самимъ предсѣдателемъ, С. А. Муромцевымъ, торжествуя какою-то побѣду, одержанную русскою личностью надъ «рутиной властной опеки». Этотъ полупрозрачный намекъ, конечно, былъ понятъ присутствовавшей публикою, въ томъ числѣ и массою учащейся молодежи, въ желаемомъ для авторовъ адреса смыслѣ и на-

граждентъ былъ шумными рукоплесканіями». Здѣсь къ слову скажемъ, что за рефератъ объ общественныхъ взглядахъ Пушкина, прочитанный на названномъ засѣданіи, извѣстный писатель и выдающейся земскій дѣятель В. Я. Якушкинъ, о которомъ мы уже говорили и еще будемъ не разъ говорить, былъ высланъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, административнымъ порядкомъ въ Ярославль.

29 іюля 1899 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ было опубликовано Высочайшее повелѣніе «Объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыхъ изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ». Въ статьѣ 1-ой этого повелѣнія говорилось: «Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ такому уклоненію, подлежатъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбытія воинской повинности,— хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жеребію номеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ».

Въ примѣчаніи къ этой статьѣ говорилось: «Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію, на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ».

Пожалуй, приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть общее направленіе правительства въ послѣдній годъ XIX столѣтія. Но это было только очень скромное предисловіе къ той ужасной реакціи, которая началась въ XX-мъ вѣкѣ. Для земства 1899 г. *съ внѣшней стороны* совершенно напоминалъ 1889 годъ, когда точно также у правительства была мысль покончить съ самоуправленіемъ. Мы говоримъ съ «внѣшней стороны», потому что, съ точки зрѣнія внутренняго строя, земство, въ лицѣ оппозиціонной его части и «третьяго элемента», вступало въ XX-й вѣкъ настолько крѣпкимъ и организованнымъ, опиралось на такіе широкіе слои общества, что въ этомъ отношеніи между 1889 и 1899 годами была громадная разница. Правительство за 10-ти лѣтній періодъ сумѣло возбудить неудовольствіе въ громадной части населенія и обратить его симпатіи на земство. Начиная съ XX вѣка оно въ этомъ направленіи работало еще успѣшнѣе.

И. П. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Совершенно секретная телеграмма г. Министра
Внутренних дѣлъ губернаторамъ отъ 30 Января
1902 г.

Въ виду распоряженія Святѣйшаго Синода, въ случаѣ кончины графа Льва Толстого не служить по немъ панихидъ, прошу распоряженія, чтобы въ мѣстныхъ изданіяхъ не разрѣшалось печатаніе какихъ либо объявленій о панихидахъ, а равно принять мѣры къ устраненію всякихъ демонстративныхъ требованій о служеніи панихидъ, подтверждаю также указанія, сообщенныя телеграммой Товарища Министра 4 Іюля.

Подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *Ситягинъ*

Тридцать лѣтъ тому назадъ.

(Изъ воспоминаній доктора).

I.

Въ „Домѣ Предварительнаго Заключенія“.

Съ начала 70-хъ годовъ прошлаго (XIX) столѣтія вопросъ о тюремномъ преобразованіи сталъ приближаться къ практическому рѣшенію. Какъ водится, при нашей самобытности, мы и въ тюремномъ дѣлѣ явились плохими подражателями Европы, занимая у нея строгую систему одиночнаго заключенія тогда, когда тамъ она уже вызывала возраженія, смягченія и поправки. Намъ же, при некультурности тѣхъ слоевъ населенія, которые даютъ наибольшій контингентъ преступниковъ, при той-же некультурности низшихъ исполнителей и почти такой-же некультурности руководителей и начальниковъ, привыкшихъ къ полному произволу сверху и практиковавшихъ такой-же произволъ внизъ, намъ, при такихъ условіяхъ, строгая пенитенціарная система одиночнаго заключенія совершенно не подходила. Однако, быть построеною въ Петербургѣ Домъ Предварительнаго Заключенія по строго одиночной системы „совсѣмъ, какъ въ Европѣ“ и была назначена „коммиссія по тюремному преобразованію“ изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Конст. Карл. Грота. Въ газетахъ появились хвалебные гимны этой новой тюрьмѣ и особенно тяжело на меня лично подѣйствовала, можно сказать, восторженная статья въ „Голосѣ“ В. Д. Спасовича, пользовавшагося тогда весьма солидной либеральной славой.

Для лучшаго пониманія дальнѣйшаго приходится сказать нѣсколько словъ о себѣ. По окончаніи тогдашней медицинской академіи, я, съ медицинской и соціальной точки зрѣнія, заинтересовался вліяніемъ тюремнаго заключенія на жизнь и здоровье заключенныхъ. Я твердо держался принципа, что „никто ни въ чемъ не виноватъ“, считалъ наказанія безсмысленной жестокостью, а одиночное заключеніе — жесточайшимъ варварствомъ, противнымъ человѣческой природѣ. Правда, мои воззрѣнія были основаны на теоретическихъ взглядахъ и на апріорныхъ данныхъ, такъ-какъ мой опытъ ничего не говорилъ въ пользу моего мнѣнія. Хотя я студентомъ II курса и привлекался къ нечаевскому дѣлу и про-

сидѣть около 40 дней (1869—70 г.) въ одиночной камерѣ Спасской части, но кромѣ нѣкоторыхъ физическихъ неудобствъ, которыя скорѣе смѣшили, чѣмъ огорчали, я ничего особеннаго не испыталъ. За переполненіемъ всѣхъ тогдашнихъ мѣстъ заключенія, для части „политическихъ“, привлеченныхъ къ этому громкому дѣлу, вѣроятно, для маловажныхъ, былъ отведенъ 5-й этажъ надворнаго флигеля упомянутой полицейской части. Здѣсь было грязновато, грубо-примитивно, но не лишено добродушія; а для меня и очень интересно: можно было наблюдать и испытывать; да и страшнаго ничего не было.

И такъ, хотя и безъ личнаго опыта, я былъ врагомъ тюремнаго заключенія, особенно одиночнаго, и въ 1875 г. помѣстилъ 2 фельетона въ тогдашнихъ „С.-Петербур. Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ „Тюрьма или ссылка“, въ которыхъ рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ тюрьмы, особенно одиночной, и за правильно организованную ссылку, перевоспитывающую свободою и трудомъ. Я подкрѣплялъ свои положенія, особенно о губельномъ вліяніи тюрьмы, разнообразными цифровыми данными русскими и иностранными. Эти статьи доставили мнѣ знакомство съ различными членами упомянутой тюремной коммиссіи и съ Анатоліемъ Федоровичемъ Кони, который особенно привлекъ меня своимъ замѣчательно симпатичнымъ, мягкимъ характеромъ, придававшимъ его недюжинному уму какой-то теплый, душевный и слегка меланхолическій колоритъ. Благодаря этимъ знакомствамъ, а также и Екатеринѣ Алексѣевнѣ Гернгроссъ, я въ 1877 г. безъ всякихъ хлопотъ и, сколько помню, даже безъ прошенія, получилъ должность второго врача при домѣ предварительнаго заключенія. Е. А. Гернгроссъ была старая женщина, очень добрая и посвятившая свою филантропическую дѣятельность, главнымъ образомъ, арестантамъ и ихъ близкимъ. Она была очень хороша съ тогдашнимъ всеильнымъ петербургскимъ Гарунъ-аль-Рашидомъ—градоначальникомъ Ф. Ф. Треповымъ и предупредила его, что отъ меня никакихъ услугъ, кромѣ прямой медицинской службы, ждать не слѣдуетъ.

Какъ всѣ россійскіе Гарунъ-аль-Рашиды, Треповъ тоже любилъ „честность и независимость“ въ людяхъ, но по отношенію къ другимъ: передъ нимъ-же, конечно, чтобы эта независимость превращалась въ простое „слушаю-съ и исполняю“ безъ разсужденій. Соотвѣтственно этому, по разсказу те-ше Генгроссъ, онъ былъ очень радъ принять на службу въ Домъ предв. закл. доктора, „совершенно независимаго, который не прикрывалъ-бы мѣстнаго начальства и не стѣснялся-бы обнаруживать существующіе недостатки и неправильности. Такого-то мнѣ и нужно“. Мы увидимъ далѣе, какъ этотъ Гарунъ-аль-Рашидъ поступилъ при первой попыткѣ къ безпристрастію и независимости, когда въ ихъ сферу была притянута его собственная персона. Во всякомъ случаѣ, какъ я уже сказала, безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны и, помнится, безъ прошенія, даже не представляя ему, я очутился вторымъ врачомъ первой въ Россіи „европейской“ одиноч-

ной тюрьмы и получилъ возможность дѣлать свои наблюденія.

Старшій товарищъ передалъ мнѣ мужское отдѣленіе, а себѣ взялъ женское, но затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ, и я такимъ образомъ остался одинъ на всю тюрьму. Каждое утро, по заранѣе заготовленной запискѣ фельдшера, я навѣщалъ всѣхъ желавшихъ меня видѣть на мужскомъ отдѣленіи; затѣмъ обходилъ часть камеръ по очереди, желая постепенно пересмотрѣть всѣхъ заключенныхъ и особенно политическихъ, о которыхъ скажу ниже. Также я поступалъ и на женскомъ отдѣленіи.

Трудное для меня было положеніе, но и незабвенное время и незабвенные люди! Я попалъ въ этотъ „Домъ“ въ самый интересный моментъ. Часть осужденныхъ за демонстрацію 6 дек. 1876 г. передъ Казанскимъ Соборомъ еще не была отправлена въ ссылку и каторгу. Процессъ 50 кончился суровымъ приговоромъ и осужденные, особенно женщины, также еще оставались здѣсь. Съ другой стороны, вскорѣ долженъ былъ начаться процессъ 193 и почти всѣ привлеченные, за немногими исключеніями, были переведены сюда изъ Петропавловской крѣпости. Но были у меня и нѣкоторыя опасенія. Я самъ недавно былъ студентомъ, кой-гдѣ вращался и имѣлъ много знакомыхъ, которые дали достаточное число представителей сюда, среди заключенныхъ этой тюрьмы. Съ одними я былъ знакомъ лично, другіе меня знали черезъ третьихъ лицъ, и появленіе мое въ качествѣ служащаго тюремнаго врача могло породить недоумѣніе и даже дурное объясненіе.

Къ моему удовольствію, все обошлось прекрасно. Меня знали достаточно и встрѣтили очень хорошо. Отношенія между заключенными и мной установились превосходныя, самыя довѣрчивыя. Я, конечно, дѣлалъ все, что могъ, но много-ли я могъ? Я долженъ, однако, сказать, что эти милыя, благодарныя души, столько пострадавшія и которымъ предстояло еще гораздо больше мучительныхъ и невѣдомыхъ страданій, не только сдѣлали мою службу сравнительно легкой и даже мучительно-приятной, но никогда не ставили меня въ затруднительное положеніе, никогда не обращались съ просьбами, которыхъ я бы не могъ исполнить. Прошло съ тѣхъ поръ уже почти 30 лѣтъ, я много жилъ въ это время, много видѣлъ и здѣсь, и въ Европѣ, но никогда не забуду тѣхъ 6 мѣсяцевъ и тѣхъ истинныхъ, не выдуманныхъ великомучениковъ и особенно великомученицъ, которыхъ я имѣлъ честь и мучительное счастье тамъ узнать и образъ которыхъ отпечатлѣлся и сохранился въ моей душѣ такъ, какъ будто я ихъ вчера только видѣлъ. Я съ горечью и наслажденіемъ вспоминаю Бардину, обѣихъ Любатовичъ, трехъ Субботиныхъ, очаровательную не только своей красотой, но всей своей душевной граціей, Лидію Фигнеръ и многихъ другихъ. Не называю мужчинъ, потому-что перечислить всѣхъ, кто томился здѣсь и вызывалъ мое глубокое уваженіе и любовь, я не могу; а выдѣлять однихъ, не упоминая о другихъ, не хочу.

Гдѣ вы теперь, милыя, благородныя души? Кто изъ васъ

уцѣлѣлъ въ томъ адскомъ омутѣ. куда ввергла васъ мстительная самодержавная бюрократія? ¹⁾

Въ то время въ этой тюрьмѣ, благодаря очень гуманному начальнику полковнику Федорову, жилось тихо и мирно, но все-таки невыразимо грустно и тоскливо. Безъ газетъ, безъ вѣстей съ воли, очень долго безъ свиданій, съ рѣдкими, цензурованными свѣдѣніями о родныхъ и близкихъ, а по временамъ и вовсе безъ всякихъ извѣстій, съ недостаточными прогулками по нѣсколько минутъ, а то и вовсе безъ свѣжаго воздуха, люди просиживали въ тѣсной келіи, подъ замкомъ, по 2 и болѣе лѣтъ. Все-таки, повторяю, жилось, большею частью, мирно. Но у насъ тюремное житье самое необезпеченное и совершенно неожиданно можетъ перевернуть всю жизнь человѣка, что и случилось здѣсь, какъ увидимъ ниже на случаѣ съ Боголюбовымъ. Для характеристики мирныхъ бытовыхъ отношеній тогдашняго заключенія я приведу только 2—3 мелкихъ примѣра. Разъ я захожу въ камеру къ одной изъ С. и застаю ее углубленной въ чтеніе Лавровскаго „Впередъ“. Тогда за это съ воли ссылали, а въ тюрьмѣ вышелъ бы колоссальный скандалъ съ новымъ слѣдствіемъ и, навѣрное, съ переводомъ въ Петропавловку. На мои укоризненные слова:

— Что вы дѣлаете? Такъ открыто! Для васъ могутъ выйти неприятели: вѣдь, тутъ всякій народъ таскается теперь, разные ревизоры и пр. людѣ!

С. съ милой, почти застѣнчивой улыбкой, точно оправдываясь, отвѣтила:

— Ничего, докторъ: въ это время ходите только вы.

Другой разъ, проходя по маленькому дворику женской тюрьмы, я встрѣтилъ совершавшую свою прогулку Ф. . На мой обычный вопросъ:

— Какъ поживаете? — она отвѣтила рядомъ жалобъ на строгости режима и при этомъ выразилась, что нигдѣ въ Европѣ ничего подобнаго нѣтъ. Тогда я ей рассказалъ про европейскія тюрьмы, гдѣ режимъ не только строгъ, но и строго примѣняется. На это она съ живостью и милой улыбкой отвѣтила:

— Ой, докторъ, смотрите, никому этого не говорите!

Я ушелъ, а она опять, съ той же тоской стала мѣрять своими шагами маленькій дворикъ.

Мужчины иногда обращались ко мнѣ съ просьбой помѣстить ихъ въ лазаретныя камеры, тоже одиночныя, но гдѣ режимъ былъ мягче и можно было переговариваться. Довѣріе выражалось въ томъ, что зачастую просьба мотивировалась прямо:

— Мы съ такимъ-то обвиняемъ по одной группѣ, такъ надо перетолковать.

Разумѣется, желаніе исполнялось. Нужно сказать, что это самыя серьезныя просьбы, которыя мнѣ встрѣчались. Все-же

¹⁾ Съ годъ тому назадъ, послѣ одного собранія въ Вольно-Экономическомъ О-вѣ, ко мнѣ подошла дама, которой я не узналъ. Къ моему великому удовольствію, оказалось, что это Лидія Николаевна Фигнеръ.

остальное касалось либо леченія, либо назначенія больничнаго обѣда. Слѣдуетъ пояснить, что большинство заключенныхъ мужчинъ состояло изъ людей прямо-таки бѣдныхъ, а обычный казенный обѣдъ, относительно недурной, былъ, однако, слишкомъ грубъ, непривыченъ и страшно однообразенъ для людей, привыкшихъ совсѣмъ къ другой пищѣ. При этомъ огромное большинство политическихъ не имѣло прогулки, нѣкоторые вдобавокъ сидѣли по 2 года и болѣе ²⁾, и совершенно естественно, что ихъ желудокъ не могъ справиться съ этой пищей, а организмъ не въ состояніи былъ ее усвоить. Поэтому я щедро, безъ отказа, назначалъ больничную порцію не только тѣмъ, кому я находилъ нужнымъ, какъ пациентамъ, но и всѣмъ, кто просилъ объ этомъ. И когда изъ министерства внутреннихъ дѣлъ пришелъ запросъ, почему назначается такъ много больничныхъ порцій, я отвѣтилъ, что контингентъ заключенныхъ, качество обыкновенной арестантской пищи, долговременное заключеніе и отсутствіе прогулокъ дѣлаютъ такое назначеніе неизбѣжнымъ. Если не назначить такой улучшенной пищи теперь, то очень скоро придется все-таки дать ту-же больничную порцію и нести еще расходы на леченіе; слѣд., я дѣлаю даже экономію казнѣ. Министерство вполне удовлетворилось моимъ объясненіемъ, и я безпрепятственно и щедро назначалъ больничные обѣды. Не испытывавшимъ, можетъ быть, смѣшно, что я говорю объ этомъ; но, право, для посидѣвшихъ въ тюрьмѣ, да еще годикъ, другой, и перемѣна пищи имѣетъ большое значеніе, даже если это простой капризъ.

Я привожу эти мелочи для того, чтобы показать также, что врачу совсѣмъ не трудно установить отличныя отношенія съ заключенными, которые, сколько я видѣлъ, ничуть не требовательны, понимаютъ тяжелое положеніе врача, но желаютъ отъ него только человѣчности и чтобы онъ не представлялъ собой агента власти и не игралъ въ руку начальству.

По крайней мѣрѣ въ то время врачъ Дома Предварительнаго Заключенія, какъ, вѣроятно, и другихъ тюремъ, имѣлъ нѣкоторыя права, напр., выпускать заключенныхъ изъ карцеровъ, признавая пребываніе тамъ вреднымъ для ихъ здоровья. Я припоминаю такой случай. При обходѣ женскаго отдѣленія мы сообщили, что завѣдующая посадила въ карцеръ уголовную съ груднымъ ребенкомъ. Согласитесь, что карцеръ не улучшилъ-бы качества молока этой женщины и нехорошо отразился-бы и на ней, и на ея ребенкѣ. Поэтому я навѣстилъ ее и призналъ необходимымъ освободить, что и было исполнено къ великому неудовольствію красивой и избалованной, но ничего не смыслившей въ тюремномъ дѣлѣ завѣдующей женскимъ отдѣленіемъ.

Увы, сколько я могу судить, существующее въ большинствѣ случаевъ презрительное или враждебное отношеніе къ тюремнымъ врачамъ большею частью ими заслужено. Во 1-хъ, крайне небрежнымъ отношеніемъ въ медицинскомъ смыслѣ:

²⁾ Бѣли и такіе, которые сидѣли уже свыше 4 лѣтъ.

во 2-хъ, трусостью и постыднѣйшимъ холопствомъ передъ начальствомъ и потворствомъ его видамъ и поступкамъ. Врачъ лишенъ не только самостоятельности поступковъ, но онъ самъ себя лишаетъ даже независимости мнѣній. Призванные дать заключение, спрошенные о чемъ-нибудь, многіе изъ нихъ прежде всего будутъ сообразоваться съ видами, мнѣніями и желаніями этого временнаго и далеко не святого начальства, вмѣсто того, чтобы руководиться данными объективной, истинно-святой и непреложной науки, если ужъ нельзя дать волю своей добротѣ и человѣколюбію.

Я пишу эти строки съ болью въ сердцѣ, но не могу умолчать объ этомъ: въ роли врача и 3 раза въ роли заключеннаго я много кой-чего посмотрѣлся и послушался, что никоимъ образомъ не мирится съ почетнѣйшимъ званіемъ врача-цѣлителя души и тѣла.

Долженъ сказать, что мое положеніе было сравнительно легко, потому что начальникомъ Дома Предварит. Заключенія былъ въ то время, какъ я уже упоминалъ, замѣчательно милый и гуманный человѣкъ — полковникъ Федоровъ, поплатившійся за освобожденіе Вѣры Засуличъ. Для характеристики его отношеній къ заключеннымъ приведу одинъ небольшой фактъ. Однажды, во время обхода камеръ мнѣ говорятъ, что начальникъ меня проситъ въ камеру къ политическому Л. . Въ камерѣ у этого очень извѣстнаго и въ высшей степени почтеннаго человѣка начальникъ обращается ко мнѣ со словами:

— Я васъ просилъ сюда, докторъ, по соглашенію съ г. Л., чтобы вы были судьей между нами. Послушайте, въ чемъ онъ меня обвиняетъ, и разсудите насъ.

Л. обвинялъ, какъ оказалось, Федорова въ томъ, что тотъ умышленно посадилъ его далеко отъ товарища, съ которымъ онъ, Л., обвиняется вмѣстѣ, и тѣмъ лишилъ его возможности столкнуться. Федоровъ доказывалъ полную неосновательность этого обвиненія.

Этого, конечно, достаточно для обрисовки личности полковника и его отношеній къ заключеннымъ. И несмотря на это и на царившій тамъ соотвѣтственно мягкій режимъ, порядка было отнюдь не меньше теперешняго, хотя и безъ этой суровости, мертвящаго холода и бездушія, которые мнѣ пришлось теперь наблюдать въ нѣсколькихъ современныхъ тюрьмахъ. И, право, ихъ вовсе не нужно, потому что и безъ нихъ, тогда, при гуманнѣйшемъ начальникѣ, этотъ образцовый европейскій „Домъ“, а не тюрьма, все-таки былъ тѣмъ-же „Мертвымъ Домомъ“ Достоевскаго, только вымытымъ и вычесаннымъ. Это былъ мрачный, сырой, огромный склепъ, гдѣ хоронили живыхъ и гдѣ смотритель кладбища — полковникъ Федоровъ — былъ мягкій, гуманный человѣкъ, а могильные сторожа — надзиратели — обыкновенные русскіе добродушные люди, некультурные, но и не злые. И тѣмъ не менѣе не только томиться тамъ въ неволѣ, но даже служить — мнѣ, по крайней мѣрѣ — становилось очень тяжело. Отъ сырости

я нажилъ невралгію лица и, сплошь и рядомъ, чтобы унять боль и быть въ состояніи работать, долженъ былъ дѣлать подкожные вспрыскиванія морфія. Затѣмъ, читая ежедневно этотъ живой партирологъ жертвъ нашего политическаго строя, ограничиваясь ласковыми разговорами и назначеніемъ больничныхъ порцій, было невыносимо тяжело. Становилось стыдно за свое благодушіе и мучительно за свое благополучіе, совѣстно было возвращаться оттуда въ свою милую семью,—и я подумывалъ объ отказѣ отъ службы, но не могъ рѣшиться отнять у заключенныхъ за всѣхъ насъ еще и это грошевое облегченіе.

А какіе тамъ были физическіе страдальцы! Ни у насъ въ медицинской академіи, ни въ здѣшнихъ больницахъ я никогда не видалъ такихъ чахоточныхъ, бугорчатыхъ больныхъ, какъ тамъ. Какъ въ парникахъ выводятся иные плоды, такъ въ тюрьмахъ, особенно одиночныхъ, культивируется чахотка, бугорчатка, не только легкихъ, но и кишекъ. Не мало бывалъ я на вскрытіяхъ, не мало самъ ихъ сдѣлалъ, но такихъ паталогическихъ измѣненій, какъ здѣсь, мнѣ не встрѣчалось. Нигдѣ на вскрытіяхъ я не видалъ такой „пышной“ бугорчатки кишекъ, какъ въ этомъ благоустроеннѣйшемъ петербургскомъ „Домѣ“ у одного политическаго юноши, умершаго послѣ двухъ съ половиною-лѣтняго одиночнаго заключенія. Всѣ кишки его были спаены бугорчатымъ воспаленіемъ и точно солью, не жалѣючи, пересыпаны крупнымъ бѣловато-желтымъ порошкомъ-бугорками въ различной стадіи роста. А сколько было нервныхъ, сколько сходило съ ума! Между прочимъ, одинъ политическій былъ мною признанъ психически-больнымъ, но тогдашній главный полицейскій врачъ—кажется, онъ тогда назывался штатдѣ-физикомъ,—баронъ М. призналъ его „хитрымъ притворщикомъ“. И, вотъ, на основаніи діагноза врача, имѣвшаго большой опытъ только въ полицейско-медицинской канцелярщинѣ, психически-больного оставили въ жестокихъ условіяхъ тюремно-целлюлярнаго режима, вслѣдствіе чего, черезъ нѣкоторое время, этотъ „хитрый притворщикъ“ превратился въ окончательно неизлечимаго сумасшедшаго, очевиднаго уже и для полицейскаго прозорливца и специалиста по всѣмъ болѣзнямъ.

Другой случай приведу изъ Литовскаго Замка. Здѣсь долго содержалась одна изъ лучшихъ дѣвушекъ, какихъ я когда-либо видѣлъ,—Ольга Александровна Ш. . Вся, до полнаго самозабвенія, преданная своему дѣлу, скромная, тихая, безусловно правдивая, этотъ дивный человекъ, отъ долгаго пребыванія въ этой ужасной петербургской тюрьмѣ, заболѣла быстро прогрессировавшей чахоткой. Тѣмъ не менѣе ее, еле живую, признали способной выдержать ссылку и отправили изъ Петербурга, но послѣ полутора десятка верстъ, ея провожатые вынуждены были вернуться съ нею съ дороги обратно въ этотъ гнуснѣйшій Замокъ. Здѣсь она черезъ нѣсколько дней скончалась. Если подобные случаи очень нерѣдки въ Петербургѣ, то можно себѣ представить, что происходило и происходитъ въ провинціи.

II.

Боголюбовская исторія. Волненія.

„Смотрите, смотрите!“

13-го іюля 1877 г. я, по обыкновенію, изъ городской больницы, гдѣ я служилъ ординаторомъ, поспѣшилъ въ „Домъ Предвар. Заключенія“. Проходя къ себѣ въ докторскую, я слышалъ какой то шумъ, гулъ и видѣлъ не то встревоженные, не то растерянные лица. У себя въ кабинетѣ я засталъ обоихъ фельдшеровъ до нельзя взволнованными и растерянными. Отъ нихъ я узналъ, что утромъ былъ здѣсь градоначальникъ Треповъ и, встрѣтивъ во дворѣ на прогулкѣ заключеннаго Боголюбова, не снявшаго передъ нимъ шапки, сбилъ ее у него съ головы. Когда вслѣдствіе этого заключенные, видѣвшіе это въ окна своихъ камеръ, подняли крикъ, то Треповъ за *эту* крикъ другихъ приказалъ высѣчь Боголюбова, что и было исполнено. Теперь заключенные протестуютъ и выражаютъ свое негодованіе крикомъ и всякаго рода шумомъ.

Къ чему мы, російскіе граждане не привыкаемъ! Какъ это просто! „Приказалъ высѣчь“ человѣка—и ничего! Мы это записываемъ, рассказываемъ, слегка возмущаемся и—сносимъ... лишь бы не насъ...

Увы, полковникъ Федоровъ былъ въ отпуску. Будь онъ здѣсь, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ни гнуснаго насилія надъ Боголюбовымъ, ни, слѣдовательно, этого волненія не было бы. Можетъ быть, дѣло кончилось бы печально для самого Федорова—изгнаніемъ, отставкой, можетъ быть, арестомъ и судомъ, но онъ не допустилъ бы этого позора и оберегъ бы отъ него и самого необузданнаго самодура-Трепова. Но Федорова замѣщаль одинъ изъ приставовъ исчезнувшаго было, а теперь, въ наше время, вновь народившагося типа. Это былъ маіоръ Курнѣевъ—коренастый, грубаго полицейскаго вида бурбонъ, способный на все, что угодно начальству, разумѣется, кромѣ какого нибудь благородства и человѣчности.

Для пониманія этого происшествія и нѣкоторыхъ послѣдующихъ нужно сказать два слова о расположеніи Дома Предв. Заключенія. Оставляя въ сторонѣ службы, квартиры и пр., окружающіе первый дворъ, со Шпалерной улицы, мы остановимся на главной части зданія—на мужскомъ отдѣленіи. Оно непрерывной постройкой окаймляетъ большой квадратный дворъ, на который выходятъ окна всѣхъ 6 этажей камеръ. Ни на улицу, ни на сосѣдніе дворы камеры оконъ не имѣютъ. Внутри зданія корридоръ четырехъ нижнихъ этажей отдѣленъ отъ верхнихъ двухъ сплошнымъ каменнымъ потолкомъ, тогда какъ вокругъ камеръ другихъ этажей тянутся желѣзныя узкія, не доходящія до противоположной стѣны, галлерей, сообщающіяся одна съ другой довольно

крутыми желѣзными лѣстницами съ высокими ступеньками. Такимъ образомъ, заключенные могли видѣть и лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ, отчасти слышать то, что произошло во дворѣ, тѣмъ болѣе, что временно замѣщавшій полковника Федорова маіоръ Курнѣевъ объявилъ со двора громогласно о предстоящемъ наказаніи Боголюбова. Позорнѣйшее не для Боголюбова, а для Трепова и исполнителей его звѣрской фантазіи, наказаніе было приведено въ исполненіе въ галлерей, въ которой находилась камера Боголюбова и такимъ образомъ, какъ его сосѣди, такъ и многіе другіе вверхъ и внизъ по галлерейамъ, слышали борьбу, возню, можетъ быть, свистъ розогъ, стоны и крики истязуемаго, тѣмъ болѣе, что резонансъ въ Домѣ удивительный.

Нужно знать вѣчное нервное напряженіе, постоянное тревожное состояніе заключенныхъ, особенно одиночныхъ, пока они еще не впали въ апатичное оступленіе отъ долговременнаго пребыванія, нужно видѣть это состояніе, чтобы понять, какое впечатленіе это событіе должно было произвести и какое волненіе вызвать среди всѣхъ заключенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже не знали еще въ чемъ дѣло. Въ чемъ можетъ выразиться негодованіе, которое душило ихъ, невѣдомый страхъ передъ происходящимъ чѣмъ-то ужаснымъ, безсильная злоба до скрежета зубовъ, въ чемъ можетъ проявиться такое адское состояніе возбужденія, до потери сознанія, у людей, запертыхъ въ каменные клѣтки, заживо замурованныхъ въ этихъ skleпахъ? Имъ оставался только крикъ и стукъ. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что, не будь и этого исхода для переполнявшаго чувства, у многихъ сердце-бы лопнуло или—говоря точнѣе и научнѣе—его постигъ-бы параличъ. И, вотъ, поднялся невообразимый, бѣшеный крикъ и стукъ. Въ камерахъ столъ, табуретъ и койка все желѣзное и неподвижно придѣлано къ стѣнамъ,—и остается только тяжелая оловянная посуда. Ею и стучали. Колотили въ двери и окна, стучали въ полъ и стѣны и по наружному желѣзному подоконнику. Стучали съ бѣшенствомъ, безъ перерыва, со сверхъестественной силой...

Шумъ и недостаточно опредѣленные слухи о происшедшемъ достигли женскаго отдѣленія, обитательницы котораго имѣли среди заключенныхъ мужчинъ друзей, родственниковъ, мужей, жениховъ и просто глубоко уважаемыхъ товарищей и знакомыхъ. Кромѣ того, изъ своихъ оконъ нѣкоторыя видѣли, какъ городовые и служителя вязали въ сараѣ и проносили по двору пучки розогъ. А эти грубые люди мимикой и жестами объяснили, улыбаясь, что это для мужского отдѣленія, причемъ, выразительно размахивая руками, указывали для какого собственно употребленія. По ихъ понятію, что-же здѣсь особеннаго; развѣ они этого постоянно не видѣли въ деревнѣ надъ вольными людьми, не то что надъ „арестантами“? Можно себѣ представить—нѣтъ, трудно для тѣхъ, кто не видѣлъ,—что происходило здѣсь. Тутъ волненіе и безпокойство кромѣ криковъ, сопровождалось истерическими рыданіями, обмороками и еще большей растерянностью женщинъ служебнаго персонала, въ свою очередь блѣдныхъ и потрясенныхъ до глубины

души событіемъ, еще небывалымъ и неслыханнымъ въ этомъ „образцовомъ“ и цивилизованномъ мѣстѣ заключенія.

Я самъ былъ потрясенъ рассказомъ и совершенно ошеломленъ хаосомъ звуковъ. Какая-то тупость царилъ въ головѣ, что-то безотчетно скверное владѣло душой. Однако, кое-какъ собравшись съ мыслями, я невольно поспѣшилъ къ двери, чтобы пойти по камерамъ. Едва-ли я отдавалъ себѣ отчетъ—для чего: это было инстинктивное чувство—бѣжать туда, къ тѣмъ, кто стучитъ и кричитъ, у кого сердце рвется въ груди; но меня не пустили...

— Что вы, докторъ, нельзя. Васъ убьютъ!—говорили даже фельдшера.

— Меня! За что? Вотъ еще!—возразилъ я, нѣсколько задѣтый.

— Да, да, даже васъ, несмотря на самое лучшее къ вамъ отношеніе. Теперь разбирать не будутъ. Вы откроете двери и вамъ раскроютъ голову тяжелой кружкой. Они теперь не видятъ и не слышатъ. Потомъ очнутя, но будетъ поздно, особенно для васъ. Мы тоже не ходимъ.

Дѣлать нечего—пришлось подчиниться. Тогда я бросился на женское отдѣленіе. Успокаивалъ, утѣшалъ, смягчалъ извѣстія, брызгалъ водой и давалъ капли—но чувствовалъ свое безсиліе и пошлость положенія съ этой „помощью“ въ такую минуту! Опять зашелъ на мужское отдѣленіе. Тамъ все безъ перемѣны. Я чувствовалъ самъ, что просто ошалѣлъ отъ одного даже физическаго шума, не говоря ни о чемъ прочемъ...

Я не умѣю передать ни этой картины, ни своего состоянія—это нужно было видѣть и испытать. Меня уговаривали уѣхать; я, наконецъ, послушался и ушелъ: я не могъ больше выдержать.

На другой день я пріѣхалъ пораньше и засталъ то же самое, но только шумъ былъ немного слабѣе, потому-что началось усмиреніе и многихъ уже растащили по карцерамъ. Оказалось, что въ тюрьму ввели военный караулъ и большой отрядъ полицейскихъ. Эти послѣдніе, снявъ свои фуражки съ номерами, группами расхаживали по камерамъ, избивая стучавшихъ и волоча многихъ изъ нихъ по карцерамъ. Кого тащили подъ руки, а кого волокли за ноги, при чемъ голова колотилась объ чугунный полъ галлерей и особенно объ острия ступени желѣзныхъ лѣстницъ. Прекрасному молодому человѣку Г—ву ключами разбили голову до крови. Разумѣется, избіенія были общимъ правиломъ, а остальное—карцеры и пр.—только дополненіемъ. Но избіенія не спасали отъ карцеровъ, и я съ фельдшерами сталъ обходить карцеры и подавать возможную, вѣрнѣе фиктивную помощь и нѣкоторое утѣшеніе. По младости и наивности, я совѣтовалъ непременно жаловаться и заявлялъ, что съ охотою дамъ медицинское свидѣтельство о признакахъ и слѣдствіяхъ побоевъ. Для несчастныхъ заключенныхъ въ карцеры, избитыхъ и поруганныхъ, приходъ посторонняго лица, не изъ ихъ палачей, со словами сочувствія и ободренія, былъ дѣйствительно утѣшеніемъ и кромѣ довѣрія и жалобъ, я ничего не видалъ съ ихъ стороны. Изумительно—

даже озлобленія не видно было! Избитые и измученные, они рады были посѣщенію сторонняго, но все-таки сочувствующаго чело-вѣка. Имъ казалось, что они не забыты и не отданы пѣликомъ во власть своихъ палачей, что кто-нибудь вынесетъ вѣсть объ этомъ на бѣлый свѣтъ, за стѣны тюрьмы.

Спасибо обоимъ фельдшерамъ. Если они живы и прочтутъ эти строки, пусть знаютъ, что я вспоминаю объ нихъ съ благодарностью и уваженіемъ за ихъ образъ дѣйствія вообще и въ эти ужасные дни въ особенности. Они указывали мнѣ карцера и водили по нимъ. Они же привели меня въ уголокъ ада въ этомъ усовершенствованномъ „европейскомъ“ Домѣ заключенія.

Мы прошли въ ворота, соединяющія оба двора тюрьмы. Налѣво въ стѣнѣ я увидалъ небольшую желто-бурую дверь, обыкновеннаго тюремнаго образца. Мы ее отперли и очутились въ узенькомъ, почти совсѣмъ темномъ маленькомъ корридорѣ. Воздухъ жаркій, сырой и запахъ отвратительный.

— Осторожно, осторожно!—предостерегали меня мои спутники, оберегая отъ прикосновенія къ стѣнамъ.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло, но было не до разспросовъ и я остерегался, сколько могъ.

Но вотъ еще такая-же узенькая тюремная дверь. Мы отперли и ее. Несмотря на яркій солнечный день, здѣсь такъ темно, какъ въ самую глухую ночь въ комнатѣ съ плотно закрытыми ставнями. Жарко, какъ въ банѣ, но какъ-то странно: сухо или сыро—не понять; но воздухъ какой-то промозглый, деретъ въ горлѣ и вонь просто невѣроятная. Что-то фантастическое копошится въ этой тьмѣ; я это слышу, чувствую, но ничего не могу различить, ровно ничего не вижу.

— Это г. докторъ—говоритъ одинъ изъ фельдшеровъ кому-то въ темнотѣ.

— Смотрите, смотрите—раздается въ отвѣтъ чей-то голосъ, мрачный, торопливый, фантастическій.

Все это дико, фантастично, похоже на сонъ или сказку.

— Кто здѣсь?—спрашиваю я,—Кто вы?

— Я Дическуль—и опять глухой голосъ съ какимъ-то ужасомъ и изумленіемъ повторяетъ:—смотрите, смотрите, вотъ, вотъ, черви, живые!

Но я не могу смотрѣть, потому-что ничего не видно. Одинъ изъ фельдшеровъ сбѣгалъ куда-то и досталъ огарокъ свѣчи. Мы ее зажгли. Красноватый свѣтъ озарилъ ближайшее пространство, оставляя во мракѣ остальную часть помещенія. Длинноватая, растрепанная и растерзанная фигура поднялась съ голаго асфальтового пола. Это какое-то фантастическое видѣніе. Опять послышалось:

— Смотрите, смотрите: черви, живые, копошатся! Смотрите!

Фельдшеръ съ огаркомъ сталъ освѣщать черный, асфальтовый полъ, усыянный человѣческими экскрементами, различной давности.

Я извиняюсь передъ читателемъ и—особенно передъ чита-

тельницей—за эти подробности, но разъ есть люди, которые могут помѣщать въ такую обстановку, и есть люди, которыхъ можно туда помѣщать, то другіе не только могутъ, но должны, по крайней мѣрѣ, прочитать о томъ...

Весь полъ былъ усыянъ этими выдѣленіями. Одни, совершенно высохшіе, едва чернѣли, другіе, болѣе недавняго происхожденія, кишѣли большими бѣлыми ползавшими и извивавшимися червями. Стѣны въ разныхъ мѣстахъ также были выпачканы. Судна, такъ наз., параши, не было, ни ведра, ни наръ, какъ вообще ровно ничего, кромѣ изверженій. Они составляли единственную принадлежность, движимость или убранство—не знаю, какъ сказать—этого помѣщенія. И среди нихъ и на нихъ долженъ былъ лежать культурный человѣкъ, все преступленіе котораго заключалось въ томъ, что онъ желалъ лучшей участи своему народу. Въ другой странѣ онъ, пожалуй, былъ бы депутатомъ, возсѣдалъ на парламентскихъ креслахъ, выслушивалъ-бы и критиковалъ тронную рѣчь, можетъ быть, былъ-бы министромъ. А здѣсь, у насъ? Онъ долженъ былъ сидѣть или лежать, избитый, въ указанной обстановкѣ и атмосферѣ, чувствовать, какъ копошились подъ нимъ и на немъ, на его голыхъ рукахъ и шеѣ смрадные черви! Онъ былъ близокъ къ помѣшательству и все повторялъ, указывая на множество мѣсть:

— Смотрите, смотрите!

Не знаю, можетъ быть, вы такъ спокойно-благоразумны, читатель, что посмѣетесь надо мной, но я все-таки скажу: для меня это былъ не фантастическій, а реальный уголокъ ада, который ждетъ еще своего Алигieri.

Заключенный пробовалъ бороться съ этимъ. Со сверхъестественной силой, самъ избитый, онъ вышибъ глухую фортку въ двери и черезъ нее, голыми руками, сталъ выбрасывать эту мерзость въ вышеупомянутый корридорчикъ, загадивъ и тамъ полъ и противоположную стѣнку: вотъ, чѣмъ объясняется заботливость фельдшеровъ и ихъ предостереженія: осторожно, осторожно! Но уберечься въ этомъ узкомъ проходѣ нельзя было и мое платье оказалось выпачканнымъ. Кое-какъ его въ тюрьмѣ вытерли, а дома мнѣ пришлось немедленно переодѣться.

Но трудъ несчастнаго былъ совершенно напрасенъ и у него въ помѣщеніи ничего не измѣнилось.

Это и былъ темный карцеръ, заботливо построенный одновременно со всей этой „образцовой“ тюрьмой. Его помѣстили рядомъ съ машинной топкой и, не продѣлавъ ни окна, никакой щели, не снабдили ни малѣйшей вентиляціей, а начальство не поставило даже параши. При Федоровѣ имъ, вѣроятно, какъ карцеромъ, не пользовались и не запирали. Поэтому рабочіе во дворѣ, дворники и пр., чтобы не ходить далеко, примѣнили его къ своимъ надобностямъ. Теперь объ немъ вспомнили. И сюда, въ эту вѣчную смрадную ночь, сажали людей на нѣсколько сутокъ по волѣ какого-нибудь безсмысленнаго бурбона! Несчастный Д. провелъ уже здѣсь почти цѣлыя сутки, и можно себя представить

сго состояніе, въ этой тѣмѣ кромѣшной, въ этой обстановкѣ изъ однихъ червей съ ихъ обиталищемъ, когда нельзя было знать, когда день, когда ночь, и когда казалось, что прошли уже не одни сутки! Человѣкъ былъ близокъ къ сумасшествію. Къ счастью, удалось добиться его перевода въ лазаретъ. Къ счастью! Я вспомнилъ: „не бывать бы счастью, да несчастье помогло“. Да. Если бы не было несчастья въ видѣ этого карцера, то развѣ переводъ въ одиночную тюремную камеру ощущался-бы какъ счастье?! О, истинная и предусмотрительная премудрость!

Закончу, однако, объ этомъ карцерѣ. Событія въ „Домѣ Предв. Заключенія“ надѣлали шуму въ городѣ и дошли и до царя. Черезъ нѣсколько дней председатель комиссіи по тюремному преобразованію статсъ-секретарь (нынѣ покойный) К. К. Грогъ посѣтилъ тюрьму въ сопровожденіи своего секретаря, стройнаго молодого человѣка, теперешняго министра финансовъ В. Н. Кокковцова. вмѣстѣ съ ними я зашелъ въ вышеописанный карцеръ. Но я не узналъ его и—простите, читатель,—я вспомнилъ потемкинскія декораціи во время путешествія Екатерины въ Крымъ. Теперь всѣ двери настежь, очевидно, въ теченіе уже нѣсколькихъ дней. Стѣны, полъ и потолокъ, вымыты, продезинфицированы и, кажется, покрашены заново. На яркой мѣдной проволоцѣ, протянутой поперекъ всей комнаты, граціозно покачивается новенькій термометръ. Въ углу привѣтливо блеститъ свѣжее, свѣтлое жестяное ведро съ крышкой. Но и теперь при открытыхъ дверяхъ и послѣ прохладныхъ ночей предательскій термометръ показываетъ 22 Реомюра!

Мнѣ очень хотѣлось знать, что думаютъ объ этомъ эти „высокіе посѣтители“; но секретарь лицомъ и всей исполненной такта фигурой выражалъ только почтеніе и готовность, а у Константина Карловича—

„На челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего“.

Однако, вернемся опять къ волненіямъ. Они длились цѣлыхъ 3 дня, все ослабѣвая, и, наконецъ, были усмирены. Я посѣтилъ за это время и всѣхъ, заключенныхъ въ свѣтлыхъ карцерахъ. Всѣ эти заточенные были или избиты городовыми, или же ушиблены объ каменныя и желѣзныя ступени лѣстницъ и объ полъ, когда ихъ волокли. Болѣе серьезно пострадавшимъ я, какъ уже сказано, совѣтовалъ жаловаться, прибавляя, что охотно дамъ свидѣтельство. Нѣкоторые сами объ этомъ просили. Скажу я о свидѣтельствѣ и одному молодому симпатичному парню-рабочему. И когда черезъ нѣсколько времени назначенныя тѣмъ же градоначальникомъ лица изслѣдовали происшествіе и избіенія въ тюрьмѣ и опрашивали заключенныхъ, то этотъ парнекъ заявилъ:

— Такъ я былъ избитъ, что докторъ наказывалъ, чтобы я непремѣнно жаловался и что онъ съ удовольствіемъ дастъ мнѣ свидѣтельство.

На другой день послѣ этого показанія я, по обыкновенію, пріѣхалъ на службу и прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ. Вижу у фельдшеро́въ какія-то странныя лица, какъ-будто смущены они чѣмъ-то. Когда я хотѣлъ отправиться въ камеры, одинъ изъ нихъ мнѣ заявилъ, что докторъ уже обошелъ всѣхъ.

— Странно — подумалъ я, — что бы это значило?

— Вы не читали сегодняшняго приказа? — спросилъ одинъ изъ фельдшеро́въ.

— Нѣтъ, я никогда ихъ не вижу, а что?

И онъ подсунулъ мнѣ приказъ градоначальника — осьмушку сѣрой бумаги, на которой крупнымъ и грязноватымъ казеннымъ шрифтомъ было напечатано о моемъ отчисленіи отъ Дома Предв. Заключенія. Я распрощался и ушелъ. Я жалѣлъ, что мнѣ нельзя было проститься съ милыми и дорогими заключенными: теперь я имъ былъ совсѣмъ чужой и не могъ переступить того порога, надъ которымъ для многихъ изъ нихъ было изображено героглифами изъ мукъ и крови: *Lasciate ogni speranza!* Кто уцѣлѣлъ изъ васъ, благородные, самоотверженные, великодушные граждане? Кто изъ васъ видитъ хоть начало того возрожденія, за которое вы столько страдали?

Человѣческое фарисейство! Мнѣ жаль было бросить заключенныхъ, но я радъ былъ избавленію отъ этихъ ежедневныхъ мученій и притомъ избавленію невольному, въ которомъ я не былъ виноваты и о которомъ я не просилъ.

Черезъ нѣсколько времени Треповъ, рядомъ съ судебнымъ слѣдствіемъ, назначилъ отъ себя слѣдствіе по дѣлу объ избіеніяхъ въ Д. Пр. Закл., въ которыхъ исключительно виноваты были онъ самъ и майоръ Курѣевъ. Я думаю, задача этого полицейскаго слѣдствія была заранѣе посмотреть, какой матеріалъ можетъ предстать передъ слѣдователемъ и заблаговременно принять соотвѣтственныя мѣры. Вызвали и меня для показанія. Меня принялъ помощн. градон. генералъ Козловъ. Это съ виду сравнительно молодой, приличный, добродушно-лѣнливый господинъ. Онъ курилъ сигару и составлялъ свѣтско-любезную часть дознанія, такъ-сказать, гарантію его благоприличія. Допрашивалъ подъячій въ вицъ-мундирѣ, нѣкій чиновникъ Подгаецкій. Повидимому, не индивидуализируя, онъ по полицейскому шаблону старался запутать разными крючками и софизмами, глупѣйшими придирками, ловлей на словахъ, заставляя показывать то и такъ, какъ ему было желательно. Конечно, я не скупился на реплики, но въ особенно нахальныхъ приемахъ Подгаецкаго его останавливалъ Козловъ. Неужели этой игрой Подгаецкій могъ запутать интеллигентовъ?! Это было слишкомъ грубо, аляповато-крючкотворно.

Говорили, что Козловъ человѣкъ добрый, приличный и со средствами. Въ такомъ случаѣ я никогда не могъ понять, зачѣмъ онъ служилъ въ полиціи. Зачѣмъ онъ принялъ участіе въ этомъ слѣдствіи? Впрочемъ, оно ничѣмъ не кончилось и ни къ какимъ результатамъ не привело.

Но и судебное слѣдствіе тоже не дало никакихъ результатовъ, ничѣмъ не проявилось и не кончилось, и что съ нимъ случилось—неизвѣстно. Не знаю, допрашивалъ-ли даже слѣдователь кого-нибудь: не слыжалъ, а меня, по крайней мѣрѣ, даже не зывали.

III

Судъ надъ Вѣрой Ив. Засуличъ. Ея освобожденія. Смерть Сидорацнаго.

24 янв. 1878 г. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ Трепова у него на приѣмѣ и тяжело его ранила. Причиною была безнаказанность совершеннаго имъ надъ Боголюбовымъ звѣрства. Вообще говоря, въ городѣ рады были этому наказанію самодура, грубо и безнаказанно давившаго всѣхъ. Собственно Ф. Ф. Треповъ былъ не злой человѣкъ, но необузданный самодуръ-бурбонъ, гнувшій спину на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы и требовавшій покорности и раболѣпія отъ всѣхъ стоявшихъ, а тѣмъ паче отъ простыхъ гражданъ. Онъ щеголялъ искусственной солдатской простотой и грубостью, былъ доступенъ и считалъ себя добрымъ и справедливымъ. Воображалъ себя вездѣсущимъ російскимъ Гарунъ-аль-Рашидомъ и имитировалъ страшную строгость и проницательность взора, для чего строго вперялъ глаза изъ-подъ большихъ нависшихъ, сѣдыхъ бровей. Власть и значеніе его были громадны для того времени, и всѣ съ ней вынужденны были считаться, въ томъ числѣ и прокуратура, и печать.

Однажды одинъ товарищъ прокурора, посѣщая мѣста заключенія, наткнулся на крестьянина, посаженнаго по приказанію градоначальника, но безъ всякаго письменнаго распоряженія. Товарищъ прокурора написалъ градоначальнику запросъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Треповъ страшно обидѣлся, потребовалъ изгнанія прокурора и высылки его изъ Петербурга. И много труда и поклоновъ стоило бѣдному блюстителю закона, чтобы выпросить прощеніе у страшно оскорбленнаго и сердитаго петербургскаго Гарунъ-аль-Рашида. А начальство этого прокурора, эти служители Ѳемиды, были не только слѣпы, какъ она сама, но еще и глухи. Для правосудія это, очевидно, еще лучше.

Сообщу другой случай изъ прессы того времени.

Въ одну изъ мелкихъ газетъ была доставлена какая-то статья противъ полиціи. Можете себѣ представить ея революціонность въ то время и когда она еще предназначалась для мелкой дворницкой газеты той эпохи ¹⁾. Редакторъ, котораго вообще обвиняли въ связяхъ съ полиціей, передалъ рукопись Трепову. У автора ночью произвели обыскъ, задержали, таскали по канцеля-

¹⁾ Она существовала короткое время и погибла въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики*.

ріямъ и участкамъ, пока, наконецъ, ему удалось отдѣлаться, и онъ, помнится, печатно требовалъ свою рукопись и объясненій отъ редактора.

Возвращаясь, однако, къ дѣлу Засуличъ, замѣчу, что всѣмъ этимъ событіемъ и предстоящимъ судомъ очень интересовались вездѣ. Когда совершенно неожиданно стало извѣстно, что ее будутъ судить гласно, съ присяжными въ окружномъ судѣ, этому долго не хотѣли вѣрить, потомъ видѣли въ этомъ какой-то необычайный симптомъ, поворотъ и т. д. Наконецъ, объявили и день засѣданія—31 марта, и что входъ будетъ по билетамъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней передъ судомъ я зашелъ къ предсѣдателю А. Ф. Кони съ просьбою о билетѣ; но, увы, уже никакихъ не было. Попенявъ мнѣ за опозданіе, Анатолій Федоровичъ добавилъ:

— Единственное, что я могу сдѣлать, это велѣть пустить васъ въ мѣста для присяжныхъ повѣренныхъ—на случай подачи медицинской помощи.

Разумѣется, я съ удовольствіемъ согласился и, такимъ образомъ, получилъ возможность присутствовать съ начала до конца въ этомъ историческомъ засѣданіи.

Я не стану излагать здѣсь самаго процесса, тѣмъ болѣе, что довольно обстоятельно и вѣрно онъ изложенъ въ брошюрѣ, изданной въ 1905 или 6-мъ году ¹⁾; но въ этомъ почти стенографическомъ отчетѣ нѣтъ колорита и нѣкоторые эпизоды совершенно обезцвѣчены. Между тѣмъ, самъ фактъ преступленія былъ новинкой у насъ, а способъ суда—съ присяжными засѣдателями,—хотя и представлялся возвращеніемъ къ недалекому прошлому, но казался чѣмъ-то сверхестественно новымъ въ тогдашней тяжелой политической атмосферѣ, такъ какъ со времени Нечаевского процесса, въ 186 г., не было больше, такъ наз., политическихъ дѣлъ съ присяжными засѣдателями.

Неудивительно, что небольшой судебной залѣ были набиты биткомъ, не исключая и мѣсть для присяжныхъ повѣренныхъ. Позади судейскихъ креселъ также находилась публика, но только высокочиновная. Публика вела себя очень сдержанно, пожалуй, даже торжественно; но чувствовалось, что она сильно возбуждена и только себя сдерживаетъ. Было много молодежи, но не мало и, такъ наз., солидныхъ людей обоого пола. Общія симпатія, по видимому, безъ исключенія, были на сторонѣ подсудимой. Присяжные засѣдатели обычнаго вида, съ преобладаніемъ интеллигенціи, не производили впечатлѣнія нарочито подобранныхъ. Обвинитель тов. прокурора Кессель, молодой господинъ, считался сравнительно порядочнымъ человекомъ и не чрезмѣрно рьянымъ прокуроромъ. Конечно, общее вниманіе привлекала подсудимая—худенькая, скромная фигурка.

Но главный интересъ послѣ Засуличъ сосредоточивался на личности ея защитника—прис. повѣр. Александра. Говорили, что это бывший дореформенный губернский прокуроръ, оставив-

¹⁾ Процессъ Вѣры Засуличъ. Изд. „Современника“. Годъ не обозначенъ.

пій изъ либерализма службу и теперь боровшійся, гдѣ только могъ, съ деспотизмомъ и гнетомъ власти. Онъ уже составилъ себѣ имя въ разныхъ процессахъ, но на этотъ разъ просто превзошелъ самаго себя. Ни до того, ни послѣ онъ больше не доходилъ до того пафоса, до той сатиры, которыми блестяла вся его рѣчь. Длинный, тощій и гибкій, онъ извивался и нещадно жалилъ и изливалъ свой ядъ на систему и на представителей насилия и самовластиа. Онъ беспощадно гналъ всю систему и всѣхъ, кто ее поддерживалъ, сквозь строй своей сатиры и нещадно хлесталъ ее, обнаженную, бичами своего пламеннаго негодованія и рѣжущаго остроумія. Онъ не защищалъ Засуличъ, онъ обвинялъ весь строй—таково было впечатлѣнїе, и въ этомъ была его сила и залогъ его побѣды. Сановныя персоны впоследствии говорили, что судили не Засуличъ, а Трепова, и даже весь порядокъ, и обвиняли въ допущеніи этого предсѣдателя суда. Положеніе предсѣдателя, дѣйствительно, было очень трудно, но онъ вышелъ изъ него съ честью и достоинствомъ. Похоже было вообще, что симпатіи суда не на сторонѣ Трепова.

Но обратимся къ нѣкоторымъ эпизодамъ, характернымъ и картиннымъ.

Нужно сказать, что прокуроръ построилъ свое обвиненіе—вопросы на судебномъ слѣдствіи и свою рѣчь—на слѣд. простомъ и безспорномъ силлогизмѣ: нельзя, чтобы каждый обыватель становился судьей и расправлялся по собственному усмотрѣнїю со всякимъ, кого онъ сочтетъ въ чемъ-либо виновнымъ. Засуличъ, *не дождавшись окончанія слѣдствія и суда* по поводу событія въ Домѣ Пред. Закл., предпочла сама судить и осудить лицо, виновное, *по ея мнѣнїю*, и сама-же привела приговоръ въ исполненіе.

При этомъ прокуроръ прибѣгалъ къ передержкѣ, изображая, дѣло такъ, какъ будто надъ дѣйствіями Трепова или, по крайней мѣрѣ, по поводу истязанія Боголюбова ведется слѣдствіе и ожидается судъ. Соответственно этому, когда, по окончаніи судебного слѣдствія предсѣдатель спросилъ: ¹⁾

— Не желаютъ-ли стороны чѣмъ-нибудь дополнить судебное слѣдствіе?

Прокуроръ позволилъ себѣ слѣдующую уловку, рассчитывая на ея заключительный эффектъ. Онъ заявилъ желаніе спросить еще разъ маіора Курнѣева, которому задать слѣдующіе вопросы: — Вы состоите подъ слѣдствіемъ по дѣлу о безпорядкахъ въ Домѣ Пр. Закл.?

— Да, состою—отвѣтилъ маіоръ.

— И въ качествѣ обвиняемаго васъ уже допрашивалъ судебный слѣдователь?

— Да.

— Больше ничего не имѣю спросить—обратился торжествующій прокуроръ къ предсѣдателю.

¹⁾ Нижеслѣдующій рѣшительный для процесса эпизод совершенно обезцвѣченъ въ упомянутой брошюрѣ „Проц. В. Засуличъ“, стр. 46-47.

Настала любопытный моментъ для наблюденія психологін толпы. Эффектъ получился удивительный. Всѣ бывшіе здѣсь налицо, какъ одинъ человѣкъ, съежились и опустили головы, всѣ стали ниже ростомъ. Я почувствовалъ—да, вѣроятно, и всѣ другіе,—что потолокъ опустился и, какъ тяжелый прессъ, завинченъ и придавилъ насъ. Всѣ чувствовали, что исходъ процесса ясенъ и участь Засулицъ рѣшена. Но мы забыли, что здѣсь Александровъ.

Онъ буквально вскочилъ и обратился къ предсѣдателю.

— Въ такомъ случаѣ и я еще имѣю спросить свидѣтеля.

— Скажите, свидѣтель, вы состоите подъ слѣдствіемъ, но въ чемъ же собственно васъ обвиняють?

— Въ томъ, будто-бы по мѣру приказанію избивали тогда заключенныхъ—беззаботно отвѣтилъ Куряевъ.

— Но не въ томъ, что вы высѣкли Боголюбова?—опять задать вопросъ Александровъ.

— О, нѣтъ—громко, самодовольно и—мнѣ показалось—даже съ веселой улыбкой отвѣтилъ маіоръ, который, очевидно, считалъ такія распоряженія въ порядкѣ вещей и смѣшно было бы судить за нихъ.

— Больше ничего не имѣю—обратился Александровъ къ предсѣдателю съ такой проніей, съ такой ѣдкой насмѣшкой, что, мнѣ казалось, онъ долженъ былъ прожечь если не лобъ, то хоть мундиръ прокурора.

Но интересно было, какъ реагировала публика.

Не фигурально, а въ буквальномъ смыслѣ одинъ общій вздохъ облегченія, разомъ, ритмически вырвался у всѣхъ изъ груди. Всѣ выпрямились и стали прежняго роста, прессъ отвинченъ и потолокъ поднять на прежнюю высоту. Процессъ былъ выигранъ и участь Засулицъ рѣшена иначе. Мы всѣ это почувствовали. Это былъ, по моему, самый рѣшительный моментъ процесса.

Рѣчь прокурора, гладкая, безъ излишествъ, не произвела впечатлѣнія. Она вся была построена на томъ же принципѣ: нельзя, чтобы всякій судилъ по своему усмотрѣнію, да еще не дождавшись настоящаго суда. Но только о формальномъ, надлежащемъ судѣ говорилось не такъ опредѣленно и въ болѣе общихъ выраженіяхъ.

Зато Александровъ былъ неподражаемъ. То онъ извивался, какъ змѣя, и вливалъ свой смертоносный ядъ въ нанесенныя имъ раны, то онъ вздымался, какъ орелъ, и сверху внизъ наносилъ своей жертвѣ неотвратимые удары желѣзнымъ клювомъ, то онъ бросалъ въ тирановъ и угнетателей огненные молніи и выжигалъ у нихъ на лбу клейма позора и преступленія.

Кульминаціоннымъ пунктомъ его рѣчи было то мѣсто, гдѣ онъ говорилъ:

— Мучителямъ Боголюбова нуженъ былъ стонъ не физической боли, а поруганной человѣческой души, удушеннаго, униженнаго и раздавленнаго человѣка. Священнодѣйствіе соверши-

лось, позорная жертва принесена. Россійскій апофеозъ розги торжественно устроенъ.

При этихъ словахъ громъ аплодисментовъ и криковъ прервалъ его рѣчь. Я утверждаю, что не физически, а духовно участвовали въ этой невольной, стихійно всѣхъ захватившей манифестаціи и присяжные и даже, кажется, судьи и, во всякомъ случаѣ, звѣздоносные слушатели позади судейскихъ креселъ. Говорятъ—и, мнѣ кажется, это вѣрно,—что нѣкоторые изъ нихъ тоже аплодировали. Предсѣдатель сдѣлалъ строгое внушеніе, и Александровъ могъ продолжать.

Вообще, такъ сказать, внѣшній характеръ его рѣчи заключался въ объясненіи психологіи Засуличъ. Кратко, содержаніе ея можно формулировать его же словами: „Не звуки цѣпей смущали душу, не мрачные своды мертваго дома леденили воображеніе, а рубцы, позорные рубцы рѣзали ея сердце и замогильный голосъ заживо погребеннаго звучалъ:

„Что-жъ молчить въ васъ, братья, злоба,
Что-жъ любовь молчить?!“

Но внутреннее содержаніе, идея состояла въ томъ, что гдѣ личность не ограждена, гдѣ царствуетъ произволъ, гдѣ законъ молчитъ, тамъ болѣе чувствительныя, болѣе тонкія натуры вынуждены сами чинить судъ, чтобы не оставлять злодѣйства безнаказанными.

Въ заключеніе онъ говорилъ присяжнымъ, чтобы они наказали ее, если признаютъ это нужнымъ. „Да свершится карающее правосудіе. Не задумывайтесь“ „Безъ упрѣка, безъ горечи и жалобы, безъ обиды приметъ она ваше рѣшеніе и угѣшится тѣмъ, что, быть можетъ, ея страданія и ея жертва предотвратили возможность повторенія случая, вызвавшаго ея поступокъ. Какъ-бы мрачно ни смотрѣть на него въ мотивахъ его нельзя не видѣть честнаго и благороднаго порыва и ничего больше. Засуличъ можетъ выйти изъ суда осужденной, но не опозоренной, и надо желать, чтобы никогда больше не повторялись причины, вызывающія такія преступленія и порождающія подобныхъ преступниковъ.“

Въ этихъ послѣднихъ словахъ все внутреннее значеніе его превосходной рѣчи. Прокуроръ не возражалъ, а Засуличъ отъ послѣдняго слова отказалась. Дѣло до такой степени шло о значеніи факта въ политическомъ отношеніи, а не о самомъ поступкѣ, что Александровъ, съ замѣчательнымъ тактомъ, ничего не возражалъ противъ предложенныхъ судомъ трехъ вопросовъ: 1) о виновности въ нанесеніи раны съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ, 2) сдѣлано-ли это съ намѣреніемъ лишить жизни и 3) все-ли было сдѣлано для достиженія цѣли—лишенія жизни.

Сколько въ обыденномъ процессѣ спорили-бы противъ этихъ вопросовъ, сколько предлагали-бы поправокъ и дополненій! А здѣсь ничего, даже прокуроръ: всѣ понимали, что дѣло въ сущности, а не въ мелочахъ, и что вопросъ рѣшается только тѣмъ, имѣли ли Засуличъ нравственное основаніе подвергнуть отвѣтственности

безответственнаго, всесильнаго самодура, или нѣтъ. Все остальное частности безъ значенія. Последнее слово предсѣдателя А. Ф. Кони отличалось обстоятельностью, ясностью содержанія и мягкостью тона. По моему, оно было безпристрастно. Доказательство этому я вижу, между прочимъ, въ томъ, что отдѣльныя части ея казались мнѣ, какъ и другимъ, то въ пользу Засуличъ, то въ пользу Трепова. Обратите вниманіе, читатель на это выраженіе „Засуличъ, Треповъ“: такъ говорили всѣ, потому что всѣ чувствовали и понимали, что судить присутствующую Засуличъ и отсутствующаго Трепова и, если признана будетъ виновною Засуличъ, то оправданъ будетъ Треповъ, и наоборотъ: оправданіе Засуличъ будетъ обвиненіемъ Трепова. И его обвинили...

Присяжные совѣщались недолго и вынесли оправдательный вердиктъ. Предсѣдатель объявилъ Засуличъ свободной. Это было часовъ въ 6 вечера. Публика пришла въ невыразимый экстазъ, радость сіяла на всѣхъ лицахъ. Изъ залы суда радость перелилась къ массамъ, переполнявшимъ коридоры, лѣстницы, вестибюли, раздѣвальные. Ждали и во дворѣ. Особенно многочисленная толпа запрудила Литейный проспектъ у зданія суда. Вездѣ шло ликование: всѣ понимали, что это жестокій ударъ правительству и его системѣ, и были въ восторгѣ. Вышедшаго Александра качали и носили на рукахъ. Настроеніе толпы было такое, какое бываетъ въ измученномъ осадою и страхомъ городѣ, когда вдругъ окажется, что непріятель снялъ осаду и ушелъ. Увы, въ данномъ случаѣ непріятель ушелъ недалеко и очень не надолго!

Вѣра Ивановна не ушла прямо изъ суда, а отправилась, какъ это обыкновенно дѣлается, обратно въ тюрьму за вещами, гдѣ, по словамъ начальника Дома Предв. заключенія, напилась чаю и затѣмъ въ 8-мъ часу была выпущена черезъ ворота на Шпалерную улицу. Здѣсь ждала ее толпа тысячи въ полторы, которая вмѣстѣ съ нею отправилась къ Литейной, но жандармы и полиція не пропустили ихъ сюда. Тогда поворотили обратно по Шпалерной, усадили Засуличъ въ плоховатую извозчичью карету, которая медленно подвигалась впередъ, окруженная толпой. Последняя была настроена радостно и вмѣстѣ тревожно: она не довѣряла правительству и опасалась, чтобы полиція и жандармы вновь не арестовали оправданную Вѣру Ивановну и не подвергли ее административнымъ карамъ. Одинъ молодой человекъ, Сидоракій, бывший студентъ медицинской академіи, взобрался на козлы кареты и помѣстился рядомъ съ кучеромъ. На Воскресенскомъ просп., около Фурштадской, толпу встрѣтилъ на рысяхъ конный отрядъ жандармовъ, выѣхавшій изъ находящихся въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, на Кирочной, жандармскихъ казармъ. Во главѣ отряда, удобно усѣвшись на хорошей лошади, важно выступалъ плотный, лѣтъ 30, штабъ-ротмистръ, блестящій бѣлой лядункой и вообще всѣми прелестями и соблазнами жандармскаго мундира. Этотъ ротмистръ, кстати сказать, былъ извѣстенъ очень многимъ петербуржцамъ своимъ замѣчательнымъ сходствомъ съ императ. Александромъ II. Онъ брилъ подбородокъ и носилъ бакенбарды

такъ-же, какъ Александръ, и, гуляя ежедневно по Невскому, привлекалъ своимъ видомъ всеобщее вниманіе...

При встрѣчѣ толпы съ жандармами произошло замѣшательство и столкновение, которое я позволю себѣ назвать добродушнымъ: они не особенно усердствовали и, хотя старались овладѣть Вѣрой Ивановной, но безъ особеннаго усердія. Мнѣ даже казалось, что цѣлю ихъ было не завладѣніе ею, а расбѣяніе толпы. Они какъ-будто хотѣли изъять Засуличъ изъ толпы, чтобы этой послѣдней не было повода собираться. Повторяю, таково впечатлѣніе; но я также сомнѣваюсь, чтобы они въ это время (черезъ 1½ часа) уже имѣли распоряженіе о новомъ ея задержаніи и положительно увѣренъ, что, если-бы пожелали, они могли это сдѣлать даже легко, при безоружной толпѣ съ массою женщинъ и при близости жандармскихъ казармъ, до которыхъ пѣшкомъ дойти отъ мѣста встрѣчи можно было въ 3—4 минуты.

Какъ бы то ни было, здѣсь случилось одно происшествіе, остающееся до сихъ поръ не разъясненнымъ. Это именно смерть Сидорацкаго. Когда онъ соскочилъ съ козелъ,—не знаю; но когда началась суматоха, раздался выстрѣлъ и стали говорить, что убили Сидорацкаго, но большинство ¹⁾ говорило: „Сидорацкій застрѣлился“. Какъ врачъ и знакомый,—я поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился.

На Воскресенскомъ просп. домъ № 11, гдѣ находится аптека, имѣетъ по фасаду выступъ, такъ что у наружной стѣны образуется уголъ. Вотъ въ этомъ углу, плотно прислонясь къ стѣнѣ, сидѣлъ на троттуарѣ Сидорацкій. Онъ былъ мертвъ. Сколько я теперь припоминаю, рана у него была въ лѣвомъ вискѣ. Тутъ же на троттуарѣ, около покойника, валялся револьверъ. Нужно еще имѣть въ виду, что встрѣча жандармовъ съ толпою произошла нѣсколько дальше, впереди отъ Сидорацкаго, такъ что послѣдній находился теперь позади нея.

Опять повторяю: общій голосъ тѣхъ изъ толпы, съ кѣмъ я говорилъ, согласно утверждалъ, что онъ застрѣлился въ экзальтаціи. Версія, что его застрѣлили жандармы, явилась послѣ. Отношеніе же всѣхъ, въ томъ числѣ и, такъ называемаго общества, къ жандармамъ и начальству было таково, что усвоили, именно, эту послѣднюю версію, какъ наиболее естественную и правдоподобную, и я никогда позже не слышалъ ни возраженій, ни сомнѣній, ни другихъ объясненій. Хотя правительственное разъясненіе и сообщало о самоубійствѣ Сидорацкаго, но это, конечно, по господствующему у насъ довѣрію къ такого рода сообщеніямъ, служило для общества лучшимъ доказательствомъ, что его убили жандармы. Между тѣмъ на этотъ разъ оно кажется, говорило правду.

Когда я отошелъ отъ мертваго опять къ толпѣ, кареты ужъ не было: она уѣхала, а люди расходились. Исчезновеніе на гла-

¹⁾ Разумѣется, я говорю о большинствѣ лицъ, сообщавшихъ мнѣ объ этомъ, а не о большей части всей толпы.

захъ у жандармовъ, петербургской дрянной извозничьей кареты, запряженной плохой парой лошадей, также подтверждаетъ, на мой взглядъ, отсутствіе въ тотъ моментъ намѣренія арестовать Засуличъ. Достаточно было послать за каретою 1—2 конныхъ жандармовъ, чтобы ее задержать на любой улицѣ съ помощью ближайшаго городского вдали отъ толпы, если ужъ не хотѣли задерживать тутъ, опасаясь сопротивленія этихъ невооруженныхъ людей, въ томъ числѣ съ массою женщинъ.

Такимъ образомъ, мнѣ выпадаетъ пока единственный въ моей не очень короткой жизни счастливый случай, когда я являюсь обфлителемъ нашей администраціи, да еще жандармеріи. Но я всегда держался того мнѣнія, что ихъ совсѣмъ не къ чему баловать ложью—съ нихъ совершенно достаточно правды, голой, неприкрашенной правды. Я всегда утверждалъ, что они больше всѣхъ имѣютъ право на безсмертное выраженіе Грибоѣдова:

„Я правду про тебя поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи“.

И передъ этой правдой, когда она будетъ обнаружена вся, поблѣднѣетъ всякая ложь и обезцвѣтится всякая фантазія...

Д. Герценштейнъ

Пет. Тюрма „Кресты“.
Январь, 1907 г..



Мелочи прошлаго.

Предлагаемъ два документа, касающихся времени царствованія Александра II: 1) представленныя въ 1857 году въ тульскій губернской крестьянской комитетъ свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ И. С. Тургенева съ проектомъ условій ихъ освобожденія; 2) выписку изъ журнала Тульского губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, содержащую отзывъ Л. Н. Толстого по вопросу о выдачѣ увольнительныхъ актовъ его дворовымъ людямъ.

Въ свѣдѣніяхъ о Тургениевскихъ крѣпостныхъ крестьянахъ интересны указанія о проектировавшихся условіяхъ освобожденія его крестьянъ, къ сожалѣнію, лишь очень краткія; въ отзывѣ Л. Н. Толстого выступаетъ его самостоятельный и „непокладистый“ характеръ, который онъ ярко проявилъ въ бытность свою мировымъ посредникомъ.

I.

Свѣдѣнія о крѣпостныхъ Тургенева.

И. С. Тургениеву въ Тульской губерніи, по даннымъ 1857 г., принадлежали слѣдующія селенія.

1. Въ Чернскомъ уѣздѣ—д. Кальна и д. Голоплеки. Въ первомъ селеніи было тридцать четыре тягла, во второмъ семь тяголъ. Работниковъ въ обоихъ селеніяхъ, отъ четырнадцати до шестидесяти лѣтъ,—шестидесять два мужчинъ и столько же женщинъ.

2. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ—сельцо Меньшее Кадное, село Троицкое, Медвѣдки-тожь, и село Никольское, Ситово-тожь. Въ первомъ селеніи было тяголъ $35\frac{1}{2}$, во второмъ восемь, въ третьемъ тридцать семь. Во всѣхъ селеніяхъ рабочаго возраста было сто тридцать человекъ мужскаго пола и столько же женскаго.

Кромѣ того, въ Ефремовскомъ же уѣздѣ, во владѣніи Тургенева находилась деревня Любовша съ хуторомъ Тросною. Въ этой деревнѣ числилось шестидесять одно тягло и рабочаго возраста 111 мужскаго пола, столько же женщинъ,—усадебъ тридцать восемь.

Во всѣхъ селеніяхъ Тургенева отводилось на тягло по шести десятинъ земли пахатной и по полторы десятины подъ строенія, овощники, конопляники, выгонъ и покосъ. Въ общемъ всего около семи съ половиной десятинъ.

Натуральные повинности крестьянъ были слѣдующія: три рабочихъ дня въ недѣлю, пѣшихъ и конныхъ, по мѣрѣ надобности,—и кромѣ того, съ тягла по 2 курицы, 25 яицъ (въ Кальнѣ и Голоплекахъ по одной курицѣ и по десятку яицъ), 15 аршинъ домашняго холста и 2 аршина рѣдна.

Барщинная работа исполнялась поурочно. — „Урокъ для тягла пахать съ бороной въ день полдесятины; скосить, связать въ снопы и сносить въ копны въ день полдесятины, — одному мужику съ женой; сѣна или травы скосить одной косѣ полдесятины, сжать хорошей ржи въ день мужику съ женой пять копенъ или десятину въ три или четыре дня не болѣе. Урочныя работы бывають только во время пахоты, посѣва и уборки хлѣба и сѣна“.

Число тяглы въ имѣнιάхъ подвергалось измѣненію „по случаю смерти тяглаго или отдачи въ рекруты по очереди или за дурное поведеніе“.

Дворовыхъ въ имѣнιάхъ Тургенева было сравнительно немного: въ Любовшѣ и Троснѣ — 14 человекъ, въ Меньшомъ Кадномъ — 34 человекъ, въ Никольскомъ — семь и въ Кальнѣ и Голоплекахъ — двое. Одни изъ нихъ состояли „на дѣйствительной службѣ при разныхъ должностяхъ получая содержаніе различное по мѣрѣ исправнаго исполненія ихъ обязанностей“; иные жили на дворнѣ лишь какъ призрѣваемые, „помѣщику не принося никакой пользы“; нѣкоторые же проживали „по паспортамъ для прокормленія себя и семействъ своихъ“.

Грамотныхъ крестьянъ у Тургенева не было; дворовые же обучались при конторѣ.

Всѣ селенія Тургенева были заложены въ московскомъ опекуномъ совѣтѣ: Любовша и Тросна, 232 души, за 16,240 руб., Меньшое Кадное, 127 душъ, за 8,890 руб., Никольское и Троицкое, 128 душъ, за 8,960 руб. и Кальна и Голоплеки, 104 души, за 7,280 руб.

При предстоящемъ освобожденіи крестьянъ Тургенева отъ крѣпостной зависимости предполагалось — отвести на каждое тягло по 830 квадр. саж. усадебной земли. „Усадьбы эти съ отведенной къ нимъ полевой землей по количеству тяголъ должны составить въ будущемъ образованіе фермъ, которыя крестьяне при новомъ образованіи своемъ или перемѣнѣ состоянія будутъ владѣть или по найму у помѣщика, или получать въ собственность, приобретающую покупкою“.

При этомъ относительно условій передачи крестьянамъ недвижимой собственности заявлялось: „цѣнность усадебнаго строенія полагается мною въ триста рублей, самую же землю я цѣнить не могу, ибо оставить крестьянъ на тѣхъ же мѣстахъ мнѣ по близости ихъ къ собственной моей усадьбѣ невозможно, а потому считаю переселеніе неизбѣжнымъ; земля же подъ крестьянскую усадьбу, которая будетъ отведена при новомъ переселеніи, будетъ оцѣнена наравнѣ съ полевой“.

Свѣдѣнія, доставленные губернскому крестьянскому комитету, были подписаны „по довѣренности“, Николаемъ Николаевичемъ Тургеневымъ; однако, несомнѣнно они были составлены не безъ вѣдома самого Ивана Сергѣевича...

II.

Отзывъ Л. Н. Толстого.

Какъ видно изъ журнала Тульского губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ 30 декабря 1861 года, за № 701, дворовые графа Л. Н. Толстого с. Никольскаго, Вяземское тожъ, Чернскаго уѣзда, въ числѣ 25 человекъ, отказались принять выданные имъ увольнительные акты, заявляя, что „нѣкоторые изъ нихъ были у помѣщика ихъ и онъ, будто-бы, обѣщался прибыть въ с. Никольское и отвести имъ усадебныя мѣста для поселка и что если онъ откажетъ имъ въ семъ, то они никакъ не рѣшатся принять тѣхъ актовъ, и переселяться съ ихъ семействами въ другое мѣстожительство, по немѣннiю къ тому средствъ и по случаю приближающейся зимы“. Губернскимъ Присутствiемъ были затребованы отъ Толстого объясненiя по настоящему дѣлу. Въ отвѣтъ Толстой писалъ:

„На предъявленное мнѣ отношенiе Губернскаго Присутствiя отъ 10 октября, за № 1801, имѣю честь объяснить, что увольнительные акты мною выданы дворовымъ людямъ с. Никольскаго не въ зимнее время, но еще въ июль мѣсяцъ,—но за отсутствiемъ подписи свидѣтелей возвращены мнѣ. Вторично посланы тридцатаго августа, но почему не переданы дворовымъ людямъ мнѣ неизвѣстно. Что же касается до мнимаго оставленiя мною безъ крова и средствъ къ жизни дворовыхъ людей, то хотя свѣдѣнiе это и несправедливо, я имѣю честь увѣдомить, что не считаю нужнымъ давать въ отношенiи помѣщенiя дворовыхъ людей никакого обязательства, предоставляя это дѣло, какъ зависящее отъ частной благотворительности и потому не подлежащее сужденiю мировыхъ учрежденiй,—своему личному усмотрѣнiю. Въѣсть съ тѣмъ покорно прошу губернское присутствiе принять необходимыя мѣры для выдачи увольнительныхъ актовъ, ибо ежели въ продолженiе трехъ мѣсяцевъ увольнительные акты могли быть не выданы дворовымъ людямъ, нѣтъ причины предполагать, чтобы выдача эта не оттянулась и до будущей зимы“.

Губернское присутствiе признало доводы Толстого основательными и сдѣлало распоряженiе согласно его просьбѣ.



Эмигрантъ Иванъ Головинъ.

(Окончаніе ¹⁾).

VI.

Это рядъ писемъ или «записокъ» къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Ивану Матвѣвичу Толстому, котораго Головинъ направлялъ ему въ качествѣ мудрыхъ политическихъ совѣтовъ, надѣясь блеснуть передъ правительствомъ своей освѣдомленностью и пониманіемъ положенія дѣлъ на Западѣ и въ Россіи.

Первая «записка» относится къ срединѣ ноября 1857 г., т. е. ко времени, когда его возвращеніе въ Россію находилось въ положеніи нерѣшеннаго еще вопроса.

Вотъ ея буквальный текстъ.

„Общественное мнѣніе приняло здѣсь очень хорошо извѣстіе о ссорѣ Россіи съ Китаемъ. „Вы видите, говорятъ доки, что ни одна держава европейская не можетъ ужиться съ китайцами. Едва наше вниманіе было отвлечено къ Индіи, какъ китайцы зазнались, они преслѣдуютъ миссіонеровъ“.

„Обстоятельства благопріятны для занятія Амура, надо бить желѣзо пока, когда и гдѣ горячо.

„Общественное мнѣніе, а оно здѣсь царь, приняло бы очень хорошо подписку тысячи—двухъ фунтовъ въ пользу христіанъ, пострадавшихъ въ Индіи Съ англичанами деньги все значать ²⁾).

„Король неаполитанскій затѣваетъ здѣсь журналъ.

„Нѣтъ толку посылать статьи въ „Chronicle“ безъ официальнаго вида, а отъ такого журнала отъ никакой важности не получаютъ ³⁾).

„Кларендонъ подсылалъ въ Кисенгенъ французскую графиню М. Кто остался въ барышахъ?

„Открылись обоюдослабья струны.

„Для дезертировъ надо было бы придумать что-нибудь поумнѣе сквозъ строевъ. Если есть злоумышленные, то есть оставшіеся по глупости. Они

¹⁾ См. Биле, май.

²⁾ Очевидно, Головинъ имѣлъ въ виду вызвать вновь расположеніе къ Россіи англійскаго общественнаго мнѣнія, не особенно-то доброжелательнаго, благодаря Крымской войнѣ.

³⁾ Какое-то неясное указаніе на помѣщеніе нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ статей въ пользу Россіи въ „Chronicle“.

христарадничаютъ, позорятъ имя русское. Тутъ есть люди равные, залежавшіеся въ госпиталяхъ долѣе сроку амнистіи. Поляковъ, служившихъ тому назадъ 25 лѣтъ въ полкахъ литовскихъ, волынскихъ и русскихъ, какъ дезертировъ, не почли никакo милостью. Это старая исторія: наказывать такъ наказывать, миловать такъ миловать. Русская поговорка: кто старое вспомнить, тому глазъ вонъ ¹⁾.

„Я говорилъ на дняхъ съ матросомъ, который 16 лѣтъ служилъ въ черноморскомъ флотѣ и 2 года въ англійскомъ, и говорить, что узналъ болѣе въ 2 года, нежели въ 16, а мы драться, пожалуй, полѣземъ.“

„За отсутствіемъ графа Михаила Илларионовича служить вамъ службу сверхкомплектный“.

Послѣдняя фраза обозначала: такъ какъ въ посольствѣ не было совѣтника графа Васильчикова, то Головинъ обращается прямо къ Толстому.

Потомъ онъ прислалъ еще двѣ записки по иностранной политики, поражающія своей вздорностью и сумбуромъ.

Видя, что Толстой ничего не отвѣчаетъ на эти рецепты, Головинъ написалъ ему по французски 10 мая 1858 г.:

„Ваше Превосходительство не поддерживаете нашей переписки, не хотите, чтобы я вмѣстѣ съ вами радѣлъ о славлѣ этого царствованія, хотите оставить это для одного себя. Молю Бога благословить начинанія его величества относительно освобожденія крѣпостныхъ. Вижу, какъ трудно дѣлать добро и что въ этомъ гнусномъ мірѣ не только не слѣдуетъ ждать благодарности, но, напротивъ, надо ожидать неблагодарности. Когда Вашингтонъ добился свободы Соединенныхъ Штатовъ, въ Массачузетѣ вспыхнуло возстаніе, и онъ воскликнулъ: „Что же, наконецъ, за странное существо человѣкъ“. Развитие образованія одно можетъ предупредить несчастія, протекающія отъ невѣжества, но все это уже понятно просвѣщенной частью нашего общества. Видя, что вы начинаете войну противъ Австріи, боюсь, какъ бы школа Меттерниха не оказалась правой въ своемъ разчетѣ, что ваша дружба будетъ недолговѣчна.“

„Жертва моего брата, которую вы были такъ добры переслать мнѣ, не дала мнѣ возможности выплыть, а холодность, съ которою мои родственники встрѣчаютъ мое возвращеніе, заставляетъ просить васъ быть столь добрымъ, причислить меня къ мадридскому посольству. Я пишу въ настоящее время исторію Фердинанда VII и, если мнѣ будетъ предоставленъ доступъ въ русскія газеты, я могъ бы употребить немногіе остающіеся мнѣ годы на жизнь въ мѣру своихъ дарованій и, такимъ образомъ, отплатить за вашу доброту ко мнѣ“.

То-есть, попросту, Головинъ предлагалъ себя въ литераторы, если не за положенное впередъ жалованіе, то за приличный сдѣльный гонораръ...

Толстой молчалъ, какъ убитый.

Головинъ не обращалъ на это вниманія, надѣясь еще на III От-

¹⁾ Рѣчь идетъ о нашихъ дезертирахъ въ Восточную войну, которыхъ въ Англіи было не мало.

дѣленіе, которому посылались всѣ его «записки» для доклада государю,—и писалъ, и писалъ....

Такъ, 11 іюня онъ отправилъ Толстому еще слѣдующую записку.

„Насколько часовъ хватить у Наполеона вести войну съ Англіей? На 24 часа хватить, но на три дня не достанетъ. Сколько банкротствъ объявится во Франціи съ минуты объявленія войны? Мѣры взяты, чтобъ банкъ англійскій перевести въ Эдинбургъ при первой опасности. У Франціи не было достаточно кораблей, чтобъ перевезти солдатъ въ Крымъ, а перевезти 100,000 въ Англію скоро сказывается да не скоро дѣлается. Въ 1808 г. мы были въ союзѣ съ Франціей, потеряли нашъ флотъ въ Лиссабонѣ и принуждены были жечь Москву въ 1812 г.

„Веллингтонъ имѣлъ правиломъ никакое письмо не оставлять безъ отвѣта, а Гумбольдтъ не оставлялъ никакой визитъ не уплаченнымъ. Изъ уваженія къ вамъ я сдѣлалъ визитъ къ г. Толстому, но карточки его не получилъ. Въ Парижѣ пришелъ къ нему флотскій офицеръ во фракъ, онъ его принимаетъ въ халатъ и тотъ посылаетъ его одѣться.

„Погень Поль не стерпѣлъ не взять взятку съ французскаго правительства, не зная что журналъ подкупленный умираетъ. Жалко!

„M-lle Violette поступила на содержаніе.... но вы на меня разгнѣваетесь!

„Мы продали часть Калифорніи мексиканцамъ за 30,000 піастровъ, не зная, что тамъ найдется золото. Лузіана, Флорида были куплены также за золото. Этого рода титулы болѣе другихъ уважаются. Добыть портъ въ Тихомъ океанѣ для Россіи въ Центральной Америкѣ было бы славное дѣло. По случаю землетрясенія Сень - Сальвадора президентъ ѣздилъ въ Европу занять миліонъ... Но вамъ не угодно служить отечеству со мной, который васъ всегда такъ любилъ и уважалъ и который имѣетъ честь вамъ бить челомъ“.

Помимо «записокъ» для Ивана Матвѣевича Толстого, Головинъ писалъ ихъ еще и для великаго князя Константина Николаевича. Такъ, передъ выѣздомъ изъ Лондона онъ послалъ ему слѣдующее письмо:

„Ваше Императорское Высочество! Съ трепетомъ приступаю къ военному авторитету Вашей учености, но являясь не съ пустыми руками, надѣюсь, что Вы дадите мнѣ минуту аудіенціи. Изобрѣтеніе желѣзныхъ канонерскихъ лодокъ принадлежитъ американцамъ и въ бытность мою въ Соед. Штатахъ говорилось о приложеніи той же системы къ крѣпостямъ, такъ что часть амбразуръ будетъ подвижная. Какъ ни велики издержки такого нововведенія, народная безопасность еще важнѣе и война совершенно замѣнится съ этимъ новымъ средствомъ нападеній и защиты.

„Мнѣ кажется, что можно приложить съ выгодой телескопы къ пушкамъ. Я хоть посредственный стрѣлокъ, могъ съ телескопомъ стрѣлать изъ карабина на дальнемъ разстояніи такъ хорошо, какъ лучшіе стрѣлки. Движеніе артиллеріиста, отнимающаго телескопъ, должно быть сигналомъ другому приложить фитиль или раздавить капсюлю.

„Есть инженеръ, который изобрѣлъ замѣну нитокъ телескопа такъ, чтобы онѣ не ломались при сотрясеніи. Это важно и для землемѣровъ, но мои средства не позволили мнѣ пріобрѣсти это изобрѣтеніе.

„Въ Кубъ я былъ знакомъ съ бывшимъ партизаномъ, который сообщил мнѣ проектъ карабина между пушками и штуцерами на стойкахъ, которыя возятъ лошади: пули двойныя, цѣльныя и зажигающія; этими послѣдними стрѣляли бы въ фургоны непріятели, а первыми можно перебить офицеровъ, такъ что у изобрѣтателя назывались эти штуцера — „бойни офицерскія“.

„Ручныя гранаты, недавно изобрѣтенныя въ Бирмингамѣ, также дѣйствительны начиненныя порохомъ, какъ и пламенѣющимъ ртутью и свѣланная изъ чугуна, какъ изъ стекла. Имѣя форму грушъ, онѣ должны падать на капсулю, а потому одной капсули довольно. Не только онѣ страшны при защитѣ баррикады, но могутъ быть съ выгодною розданы жителямъ города, при атакѣ непріятели.

„Повергая мой арсеналъ къ стопамъ Вашего Высочества, прошу выбрать что угодно, ибо для меня не надо другого оружія, какъ мое уваженіе къ государю императору.

„Ваше Высочество разумѣется получаете американскіе и англійскіе журналы по части военной механики, но можетъ быть не изволите знать, что англійскіе журналы изъ патріотизма говорятъ о принятыхъ изобрѣтеніяхъ, что проба не удалась и что они отброшены“.

Константинъ Николаевичъ поступилъ также, какъ и всѣ другіе: онъ ничего не отвѣтилъ Головину.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣдній пишетъ ему еще разъ:

„Тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ я имѣлъ честь писать Вамъ о непрострѣливаемыхъ канонерскихъ лодкахъ, а нынѣ англійскій адмиралъ Сарториусъ представляетъ, какъ свое изобрѣтеніе, парходные щиты. Такъ какъ меня не зовутъ ни Брауномъ, ни Джемсомъ, то я не ожидалъ извѣщенія о полученіи моего письма. Осмѣливаюсь нынѣ обратить Ваше вниманіе на пользу, которая бы произошла отъ чего-нибудь похожаго на актъ мореплаванія. Мнѣ кажется, что еслибы иностранныя корабли платили болѣе русскихъ при входѣ въ наши порты, то сами иностранцы выстроили бы для Россіи торговый флотъ“.

Великій князь молчалъ и на второе посланіе и тѣмъ избѣгъ полученія слѣдующихъ.

Наконецъ, и у Головина лопнуло терпѣніе ждать отвѣта Толстого и великаго князя. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся, что записки его, показанныя государю, произвели на него впечатлѣніе, и потому 20 іюня рѣшился писать лично Александру II (по французски).

«Ваше Величество, только что получилъ письмо отъ моего брата, удивляющагося, что я еще не вернулся и не выразилъ письменно Вашему Величеству благодарности за свое помилованіе. По истинѣ, неблагодарность такая скверная вещь, что германцы наказывали за нее вольноотпущенныхъ, лишая ихъ снова свободы. Но когда я слышу цѣлый хоръ, восхваляющій «нашего добраго императора», то чувствую, что мой голосъ слишкомъ слабъ, чтобъ подняться до васъ, государь. Выражать надежду, что въ отплату за доброту вашего величества я сдѣлаюсь однимъ изъ наиболѣе славныхъ людей вашего царствованія, значитъ слишкомъ льстить мнѣ, ибо, хотя одинъ русскій критикъ и

назвалъ меня русскимъ Шатобрианомъ ¹⁾, краски на моей палитрѣ далеко не могутъ сравняться съ тѣми, которыя имѣлъ на своей знаменитый паломникъ. Разъ столько русскихъ закладываютъ свои «души», чтобъ съѣздить за границу, то, по справедливости, долженъ найтись хоть одинъ, который, подобно мнѣ, закладываетъ свои вещи, чтобъ вернуться въ Россію. Поэты и философы нерѣдко бывали бѣдняками и бродягами и только Карамзину дано было отдыхать въ Александровскомъ дворцѣ ²⁾. Прошу ваше величество удостоить принять выраженіе законной гордости, съ которою я имѣю честь именовать васъ вашего величества покорнѣйшимъ подданнымъ.

Иванъ Головинъ.

Прошеніе это было доложено государю 2 іюля и разумѣется, не имѣло никакихъ послѣдствій...

Теперь о второмъ источникѣ надеждъ Головина не только на прошеніе, но даже, пожалуй, и на вознагражденіе. Это была небольшая книжка—«History of Alexander the First», напечатанная по-англійски въ Лондонѣ въ срединѣ 1858 года ³⁾. Надо ли говорить, что историку въ ней искать нечего. Не обладая ни знаніемъ, ни документами, ни обобщающими способностями, Головинъ не могъ дать что-нибудь заслуживающее вниманія. Брошюра была обыкновеннѣйшимъ панегирикомъ, поднесеннымъ императору черезъ министра двора. Въ русскомъ изданіи, которое Головинъ намѣревался сдѣлать уже въ Россіи, должно было быть помѣщено и особое посвященіе книжки Александру II—«высокодостоинному августѣйшему наследнику».

Но неудачи преслѣдовали бѣднаго Головина...

Уже въ началѣ января 1858 г. какой-то профессоръ дерптскаго университета, бывший деканомъ юридическаго факультета, прислалъ въ министерство народнаго просвѣщенія полученную изъ Лондона въ закрытомъ конвертѣ тоненькую, въ 7 страничекъ, брошюру—«Clemence et justice de l'empereur Alexandre II», подписанную: Charles de St. Ange, исполняя этимъ приказаніе немедленно посылать по начальству всѣ нелегальныя изданія. Министръ просвѣщенія, Норовъ, препроводилъ брошюру въ III Отдѣленіе.

Въ ней находимъ сокращенное изложеніе всей той переписки и переговоровъ, которые велись по поводу возвращенія Головина въ Россію до конца декабря 1857 года. Расположеніе автора къ личности Головина совершенно ясно; порицаніе правительственныхъ лицъ болѣе или менѣе сдержанно, но во всякомъ случаѣ переходящее границы дозволеннаго...

Головину приказано было объявить, что появленіе этой брошюры ставится ему въ пассивъ.

¹⁾ Этимъ „критикомъ“ былъ... Булгаринъ...

²⁾ Известно, что Карамзинъ жилъ въ Царскосельскомъ дворцѣ.

³⁾ Въ 1859 г. книжка была издана въ Лейпцигѣ—„Histoire d'Alexandre I-er“.

VII.

Въ надеждѣ на лучшее будущее Головинъ покидаетъ Лондонъ и направляется въ Германію.

Тамъ ему представляется возможность кое-что заработать, и онъ съ жадностью набрасывается на супъ, въ которомъ вмѣсто жира плаваютъ какія-то перья.

Въ іюлѣ 1858 года онъ печатаетъ драму въ трехъ дѣйствіяхъ— «Ровира», посвятивъ ее барону Александру Гумбольдту. Безталанная пьеса пыжится изобразить жизнь невольниковъ на о. Куба, но производитъ ужасное впечатлѣніе своею дѣланностью, сухью и нескладностью.

28 іюля въ «Kreuz Zeitung» была помѣщена корреспонденція изъ Лейпцига съ сообщеніемъ, что вскорѣ тамъ должна появиться подъ редакціей Головина газета «Стрѣла», какъ органъ умѣренно-либеральной русской партіи. Баронъ Будбергъ, сообщая объ этомъ Горчакову, прибавилъ, что, по его мнѣнію, это козни маленькаго кружка, «преслѣдующаго задачу облагодѣтельствованія Россіи путемъ ея униженія въ глазахъ Европы». Горчаковъ высказался, что едва ли совмѣстимо съ достоинствомъ Россіи дать Головину полномочія, которыя онъ испрашиваетъ, и позволить ему ставить какія бы то ни было условія раньше, чѣмъ онъ не вернется въ Россію. Долгоруковъ согласился съ этимъ и просилъ Горчакова объявить Головину, чтобы выѣзжалъ въ Россію и не принималъ на себя редактированіе «Стрѣлы».

Головинъ, однако, не послушался приказанія и издалъ два номера своей газеты: одинъ въ декабрѣ 1858 г., другой въ январѣ 1859 г. Изданіе велось въ Берлинѣ Генрихомъ Губнеромъ. Лейпцигскій издатель Гергардтъ, узнавъ о желаніи Головина противодѣйствовать «Стрѣлою» «Колоколу», понялъ невыгодность этой комбинаціи вообще, а съ Головинымъ во главѣ и въ особенности. Поэтому поневолѣ пришлось перебраться въ Берлинъ. Это, впрочемъ, не помѣшало Гергардту издать въ 1859 г. двѣ брошюры Головина: «La Russie depuis Alexandre le Bien-Intentionné» и «Progrès en Russie pour faire suite à la Russie depuis Alexandre le Bien-Intentionné».

Для какихъ то литературныхъ дѣлъ Головину понадобилось отдалиться отъ западной границы Россіи внутрь Европы. На такое отступленіе отъ маршрута на родину необходимо было разрѣшеніе. Онъ обратился къ берлинскому посланнику. Будбергъ запросилъ Петербургъ.

Пока шла переписка, Головинъ обратился къ товарищу министра Толстому съ просьбой поскорѣ уладить это недоразумѣніе, объясняя, что, въ виду отъѣзда брата изъ Россіи за-границу, онъ не можетъ вернуться пока на родину, если не хочетъ гранить мостовую. Пришелъ отвѣтъ: выдать паспортъ только для вѣзда въ Россію.

Головинъ былъ пораженъ... Этого онъ никакъ не ожидалъ... 23 октября 1858 г. онъ написалъ Будбергу по-французски: «Ваше превосходительство, я не былъ бы достоинъ доброты его величества и снисхожденія г. товарища министра иностранныхъ дѣлъ, еслибы послѣ переданнаго вами мнѣ повелѣнія скрылъ отъ васъ свою мысль. Послѣ

моего приѣзда въ Берлинъ Миклашевскій, вернувшійся въ Петербургъ, былъ сданъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ. Эта мѣра принята, конечно, для того, чтобы внушить страхъ, но она можетъ испугать тѣхъ, кто, подобно ему, издавалъ что-нибудь за-границей. Я тоже думалъ воспользоваться милостью государя и просить паспорта, а чтобы не ходить далеко за примѣрами, назову своего двоюроднаго брата издателя «Le Nord», который получилъ его по ходатайству великаго кн. Константина Николаевича».

Приказано было произвести по этому поводу разслѣдованіе ¹⁾.

А въ это время берлинская полиція не давала покоя Головину за два его паспорта: англійскій и русскій. Когда Головинъ просилъ Будберга защитить его отъ выходокъ нѣмецкой полиціи, Будбергъ отвѣтилъ, что сдѣлать это проще всего ему самому: стоитъ лишь поѣхать въ Россію. Головинъ на оборотѣ этой записки написалъ: «Г. Бутурлинъ говоритъ, что сочиненіе, которое сдѣлало карьеру г. Будберга, написано не имъ. Довести берлинскую полицію до того, что она меня высылаетъ и потомъ отказываться защитить меня—значитъ бросить меня въ руки Англій! О, дипломатъ!»—и отправилъ ее въ посольство. Документъ этотъ попалъ въ III Отдѣленіе и былъ представленъ государю. Послѣдній написалъ на немъ: «il doit être fou!»...

Кромѣ того, Головинъ особо отвѣтилъ Будбергу, что паспортъ ему выданъ на годъ, въ теченіе котораго онъ въ правѣ быть гдѣ ему угодно и что онъ снова вынужденъ перейти подъ покровительство Англій въ лицѣ лорда Блумфильда, англійскаго посланника въ Берлинѣ.

Но это была только угроза. Головинъ все еще не терялъ надежду получить «милостивое прошеніе» непосредственно изъ рукъ монарха, для чего и выпустилъ книжку «Молодая Россія», вышедшую въ свѣтъ осенью 1858 года въ Лейпцигѣ.

Книжка посвящена «студентамъ русскихъ университетовъ», къ которымъ Головинъ обращается, между прочимъ, съ слѣдующими словами: «Господа! меня бранятъ студентомъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись—мой девизъ. Меня любятъ дѣти, а ненавидятъ большіе. Заступитесь! На васъ надежда Россіи, запрыгните за матушку и вытащите ее изъ грязи невѣжества и крѣпостного состоянія!» Предисловіе достаточно неумное, чтобы расположить молодежь къ игнорированію всего остального. Самое содержаніе книжки очень безцвѣтное и сумбурное. Въ ней было очень много пріятнаго по адресу государя и не мало непріятнаго для окружавшихъ его вельможъ, отнесшихся, впрочемъ,

¹⁾ Оказалось, что въ дѣлахъ морского министерства имѣлась такая записка Константина Николаевича къ Горчакову отъ 29 мая 1857 г. изъ Ганновера: «Препровождая В. С. записку, поданную мнѣ редакторомъ журнала „Le Nord“ (которому великій князь особенно покровительствовалъ, желая сдѣлать изъ него противовѣсъ съ одной стороны „Колоколу“, съ другой—реакціонной партіи въ Россіи—*М. Л.*) о двоюродномъ братѣ его, Георгіи Погенполѣ, прошу васъ обратить на оную ваше благосклонное вниманіе и сдѣлать для него все, что изволите признать справедливымъ и возможнымъ». Изъ бесѣды съ Горчаковымъ кн. Долгоруковъ увидѣлъ, что Погенполъ былъ совсѣмъ въ иномъ положеніи, нежели Головинъ. Онъ уѣхалъ за-границу въ 1850 г. безъ паспорта и 6 лѣтъ служилъ матросомъ на китобойномъ суднѣ. Въ маѣ 1857 г. братъ его, редакторъ „Le Nord“, просилъ великаго князя оставить его себѣ въ помощь по газетѣ—и бѣглецу былъ выданъ заграничный паспортъ.

къ книжкѣ довольно равнодушно, потому что имъ было извѣстно полное отсутствіе какого бы то ни было вліянія Хлестакова. А хлестаковщины въ ней было довольно. Напримѣръ, Головинъ совершенно не постѣснялся написать: «Мы совѣтовали въ 1843 г. въ руководствѣ политической экономіи уничтожить слово «души», и оно исчезло изъ употребленія. Если это сдѣлано по нашему совѣту, мы не просимъ за это ни гроша, ни креста, а только желаемъ, чтобы наши мысли служили и дальше». Между тѣмъ «души» долго еще оставались опредѣленнымъ всѣми употреблявшимся выраженіемъ. Или, напримѣръ, такое смѣлое утвержденіе: «Мнѣ кричали во время оно: не выноси сора изъ избы! Я таки вынесъ его не мало, пожалуй, скоро и не останется»... Вся книжка состоитъ изъ очень небольшихъ главъ, въ которыхъ безъ всякой связи сказано по нѣсколько строкъ о государѣ, арміи, просвѣщеніи, цензурѣ, откупахъ, духовенствѣ, земледѣліи и промышленности, взяткахъ и пр., и пр. Книга не имѣла никакого успѣха и была почти никому неизвѣстна въ Россіи.

25 ноября Головинъ пишетъ по-французски императрицѣ:

«Государыня (Madame), глупость, коварство и зависть собираютъ новую бурю надъ моей головой, но я обязанъ Россіи и, если вашему величеству угодно, побѣда останется на сторонѣ добрыхъ намѣреній. Моя честь требовала опубликованія моихъ мемуаровъ до отъѣзда. Я желалъ бы, чтобы государь императоръ прочиталъ мою «Молодую Россію» и убѣдился бы, что есть люди, которые изъ любви къ славѣ не нуждаются ни въ чинахъ, ни въ орденахъ, ни въ жалованьѣ. Моему паспорту не истекъ еще годовой срокъ и если не хотятъ замѣнить его другимъ, для окончанія нѣкоторыхъ моихъ работъ, которыя я считаю полезными, то, по крайней мѣрѣ, пусть имѣютъ терпѣніе дожидаться мая. Иногда легче преодолѣть большія опасности, чѣмъ побѣдить малыя препятствія. Я ходатайствую передъ вашимъ величествомъ объ одномъ словѣ въ мою пользу передъ августѣйшимъ вашимъ супругомъ, который, повѣрьте мнѣ, не имѣетъ много друзей по убѣжденіямъ, и прошу васъ принять увѣреніе и т. п.».

Письмо это повелѣно было государемъ оставить безъ послѣдствій. а Долгоруковъ приказалъ немедленно достать «Молодую Россію».

20 января 1859 г. Головинъ пишетъ (по-французски) государю:

«Мнѣ не надо было переѣзжать черезъ русскую границу, чтобы убѣдиться, что дарованная вами неограниченная амністія, имѣетъ ограниченія. Мнѣ не только не хотѣли дать паспорта на пребываніе извѣстнаго времени за границей, къ чему меня вынуждаютъ личныя обстоятельства, но отказали даже упомянуть въ немъ о чинѣ, коимъ я обязанъ своему образованію, и о правахъ, полученныхъ мною по рожденію. Ваши слуги, заходя въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи дальше вашихъ намѣреній хотятъ сравнять колыбель съ могилой. Когда вашему величеству угодно будетъ уважить свое императорское слово, ваша милость найдетъ меня уже въ новомъ изгнаніи, навязанномъ мнѣ моими врагами, и я слишкомъ высокаго мнѣнія о вашемъ чувствѣ справедливости, чтобы думать, что эта милость заставитъ себя долго ждать. Мнѣ не первый разъ свидѣтельствовать свое прекло-

неніе передъ вами. Продолжайте, государь, благодѣтельствовать вашъ народъ. Мое собственное несчастье никогда не заставитъ забыть общественное благо и не помянуть васъ въ своихъ молитвахъ».

16 января Александръ II прочелъ это письмо и... только.

Съ начала 1859 года Головинъ сталъ издавать въ Берлинѣ журналъ «Благонамѣренный» на русскомъ языкѣ, небольшими книжками. Въ редакціонномъ заявленіи, почему-то напечатанномъ только въ третьемъ номерѣ, Головинъ заявлялъ: «Титулъ нашъ скромнень. Мы не имѣемъ претензіи быть путеводною звѣздою ¹⁾, и если намѣренія не составляютъ исполненія, то мы не Атласъ, не можемъ вынести свѣтъ на нашихъ плечахъ. Мы приносимъ только нашъ камень къ общему зданію; на другихъ лежитъ обязанность насъ поддержать. По мѣрѣ ихъ сочувствія и содѣйствія разовьется успѣхъ нашего предпріятія... «Благонамѣренный» не для всѣхъ писанъ; но что касается до тѣхъ, которые хотѣли бы провести черту по нашей дѣятельности, то они невольнo намъ напоминаютъ стихи Беранже:

«Les insensés se disent: le ciel est beau

«Soufflons sur sa gloire, comme au grand jour

«On éteint un flambeau ²⁾».

Впослѣдствіи, въ десятомъ номерѣ, вышедшемъ уже въ 1861 г. и не въ Берлинѣ, а въ Лейпцигѣ, Головинъ помѣстилъ еще одно свое profession de foi. «Благонамѣренный» желаетъ общее благо, а не частное, свободу въ порядкѣ и порядокъ въ свободѣ, что и составляетъ гармонію государственную. Если имя его приняло другое значеніе, то было время не одной Греціи, гдѣ слова добродѣтель и порокъ перемѣнили свое значеніе. «Благонамѣренный» не пессимистъ и не оптимистъ, онъ не смотритъ въ увеличительное стекло ни на добро, ни на зло, не увлекается несбыточными надеждами и не предается безплодному отчаянію. Еще менѣе трезвонитъ онъ поношеніе и ругательство ³⁾. Онъ знакомитъ Россію съ иностранными порядками и проповѣдуетъ не хвастовство національное, а начало общечеловѣческое. У насъ двѣ цѣли или, лучше сказать, одна: благо общее. Но благо общее одни поставляютъ въ социализмъ, другіе въ радикализмъ, третьи въ самоволіи. Слѣдовательно, сказавъ, съ кѣмъ мы не идемъ, мы опредѣлимъ, кто можетъ итти съ нами. Мы не идемъ ни съ кн. Паскевичемъ, ни съ гр. Шуваловымъ, мы не хотимъ англійской аристократіи, она основана на майоратахъ, а майоратъ основанъ на предположеніи, что старшій сынъ способнѣе младшихъ, потому что ихъ родители были при ихъ зачатіи въ большей силѣ тѣлесной и умственной, не смотря на то, что отцу могло быть 18 или 20 лѣтъ, когда у него родился старшій, а 40, когда родился младшій сынъ. Мы станемъ скорѣе за стремленіе награждать болѣе младшаго сына, какъ слабѣйшаго. Мы не идемъ съ Кошелевымъ, утверждающимъ, что вся Россія убѣждена, что одно самодержавіе можетъ упрочить порядокъ

¹⁾ Намекъ на „Колоколь“ Герцена.

²⁾ Безумны говорятъ себѣ: небо прекрасно, угасимъ его славу, какъ среди дня гасятъ факель.

³⁾ Снова намекъ на „Колоколь“ Герцена.

и благосостояніе. Мы за народную представительность, но противъ заговоровъ и насилій. Мы желаемъ, чтобъ самъ Государь убѣдился, что намъ нуженъ коренной законъ и что мнѣнія должны быть уважены, такъ чтобы никто не могъ пострадать за свои убѣжденія. Мы допускаемъ, что республика была бы у насъ какою то политическою распутницею, а потому мы не за одно съ ея проповѣдниками. Мы откормленныхъ волковъ предпочитаемъ голоднымъ. Прибавьте, если хотите слово *прогрессистъ* къ нашему титулу и продлите намъ вашу благосклонность въ ариѳметической или въ геометрической прогрессіи».

«Благонамѣренный» выходилъ въ очень неопредѣленные сроки и свои двѣнадцать книжекъ растянулъ на четыре года, начавшись въ 1859 г. и окончившись въ 1862 г.

Всѣ книжки состояли изъ сочиненій самого Головина, самозванно подписывавшагося иногда «князь Ховра». Первая книжка издана была подъ заглавіемъ: «Руководство къ торговлѣ» и посвящалась извѣстному тогда откупщику Кокореву; вторая «Англійскія тѣни», третья «Записки русскаго гусара» и комедія «Аралъ», четвертая содержала давно обѣщанное Головинымъ сочиненіе: «Исторія Фердинанда VII, короля испанскаго», пятая «Свѣтская философія или книга жизни», что то нѣчто въ родѣ руководства по гигиенѣ и физиологіи, шестая и седьмая (уже 1860 года) «Исторія французской революціи», восьмая «Географическія изученія» (подъ псевдонимомъ И. Ниволга), девятая «Германія и нѣмцы», десятая «Наука финансовъ. Исторія двухъ милліоновъ», одиннадцатая «О живописи и живописцахъ» и двѣнадцатая «Чтенія объ уголовномъ правѣ». Каждое изъ названныхъ сочиненій поражаетъ своей хлестаковской болтовней и полной безсодержательностью. Въ концѣ каждой книжечки нѣсколько страницъ внѣшней и русской хроники и библиографіи.

Это типичный результатъ самой болѣзненной графоманіи, и немудрено поэтому, что издателя на журналъ не нашлось и Головину пришлось вести его на свои деньги въ убѣжденіи, что онъ создаетъ большое дѣло. Подписка шла изъ рукъ вонъ плохо. Настолько плохо, что въ восьмомъ номерѣ Хлестаковъ вдругъ рѣшилъ отступить отъ своего литературнаго тезки и на народѣ покаяться. Сначала онъ напечаталъ такое свое письмо, полученное якобы отъ какого то *В. П.*: «Милостивый Государь! Васъ не оцѣняютъ въ Россіи; но оцѣнили ли васъ въ двадцать лѣтъ вашего пребыванія за границею? Когда вы издали *Духъ политической экономіи* въ Парижѣ, вамъ говорили: «у насъ довольно своихъ экономистовъ» (Росси итальянецъ). Когда вы издали *Науку политики*, журналы писали: «послѣ Руссо ничего въ этомъ родѣ не можетъ быть новаго». (Я это читалъ въ «*Revue Indépendante*»). Когда же вы написали «*Le Russie sous Nicolas*» васъ перепечатали и перевели нѣмцы, ибо тогда еще не было международнаго договора запрещающаго поддѣлку ¹⁾. Въ Англіи васъ хвалили, покуда вы не становились въ рядъ англійскихъ писателей, а когда вы въ Америкѣ задумали издавать журналъ «*Europeau Mail*», какой то колбасникъ написалъ, что это будетъ русскій па-

¹⁾ Т. е. литературной копценціи.

штеть съ юфтовымъ соусомъ. Вы посятили *Руководство къ торювалю* Кокореву, а онъ такъ запуганъ, что и не посмѣлъ обратитъ на него вниманіе, и мы глотаемъ желчь Искандера, думая, что онъ такъ богатъ, что пишетъ изъ убѣжденія, а не изъ за денегъ, но *tout vient à point à qui sait attendre* и вашихъ читателей не надо считать, а вѣснть. Итакъ, не переставайте!»

Затѣмъ шель отвѣтъ Головина: «Благодарю за участіе, но не составляю себѣ иллюзіи насчетъ моей популярности. Откуда могла она произойти? Я двадцать лѣтъ бранилъ все въ Россіи, не однихъ взяточниковъ, но и барынь и литераторовъ, а за истину благодарности ждать нельзя. Если я и перенесъ кое что за общее дѣло, за прогрессъ, то все таки меня не *оттаскали*, не сломили и даже не успѣли оклеветать, а жизнь за границей, немного репутаціи, пріобрѣтенной въ кругу французскихъ или итальянскихъ или польскихъ мыслителей сдѣлали мнѣ болѣе завистниковъ, нежели друзей. Спаси, Господи, отъ друзей, а отъ враговъ я самъ спасусь. Лѣтъ черезъ тридцать, можетъ быть, отдадутъ и мнѣ справедливость, а покуда популярность принадлежитъ тѣмъ, которымъ мнѣ завидовать нельзя, ни по происхожденію, ни по стремленію. *Гдѣ намъ съ ними!*»

Ясно, какъ страдалъ Головинъ, видя свой полный неуспѣхъ, какъ мало понималъ онъ истинную его причину, и какъ негодовалъ на Герцена и его друзей, бывшихъ какъ разъ въ апогеѣ своей славы и необыкновенной популярности.

30 января (н. ст.) 1859 г. Головинъ писалъ Ивану Матвѣевичу Толстому:

„Весьма странно, что бар. Будбергъ заставилъ меня съ моею амнистіею прибѣгнуть подъ покровительство посольствъ англійскаго и американскаго. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ этого дѣло личное и уничтожить такимъ образомъ то, что поведѣлъ Государь Императоръ. Развѣ только поведеніе г. Фонтонна въ гамбургскомъ банкѣ скандалезнѣе этого. Вамъ угодно было меня спросить, какимъ образомъ я повялъ, что мнѣ слѣдовало покориться? Я вамъ скажу на это, что я пріѣхалъ въ Берлинъ съ 30 франками и что братъ мой оставилъ меня съ 40 франками. Это не касается правительства. Равнымъ образомъ въ томъ, что я просилъ паспортъ, дѣло касалось меня и, когда я былъ въ состояніи возвратиться въ Россію, баронъ Будбергъ объявилъ берлинской полиціи, что у меня два паспорта, какъ будто бы это былъ случай двоеженства. Какъ бы не была мала моя дѣятельность, я не могу и не долженъ мнѣять ее на еще малѣйшую. Я не игрокъ и не могу предоставить случаю вопросъ о томъ, въ качествѣ кого я долженъ возвратиться въ Россію, да и это качество должно быть прописано въ паспортѣ. Я бы желалъ, чтобы другіе имѣли столько искренности, сколько ее у меня всегда было. Мой Севастополь держался долго и испыталъ двадцать лѣтъ осады и какую славу извлекли изъ этого мои противники?»

„Никто не вѣритъ въ реформы, тогда какъ тѣ, которые ихъ требовали первыми, послѣдними вызываются изъ изгнанія. Въ одномъ письмѣ сообщенномъ мною г. Балабину, императорское правительство выразилось, что прошедшее забыто. Мнѣ нелегко забыть мои страданія, но тогда мнѣ слѣдовало бы дать паспортъ дворянина, а не галерника. Я не зналъ, что нѣтъ *ни одного*

человѣка въ Россіи, который не долженъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ III Отдѣленію, но на основаніи Вашихъ словъ я оставилъ Англію и только тогда возвращусь туда, когда Вы мнѣ скажете, что Вамъ не позволяютъ сдержать своего слова“.

30 января (ст. ст.) и это письмо было доложено Александру II княземъ Долгоруковымъ.

Головинъ долго ждалъ, исхода своего дѣла и, наконецъ, думая, что всему мѣшаетъ баронъ Будбергъ, обрушился на него письмомъ по адресу Долгорукова отъ 8 мая.

„Изъ исторіи Лифляндіи видно, что Будберги измѣняли и Швецію, и своимъ друзьямъ.“

„Баронъ Будбергъ, нынѣ посолъ въ Берлинѣ, не кончилъ курса въ Domschule въ Ревелѣ, а посему и не имѣетъ элементарныхъ познаній. Товарищи его замѣчали, что онъ не одаренъ мужествомъ, а потому онъ всегда боится, чтобъ кто-нибудь его ударилъ.“

„Будучи секретаремъ посольства, онъ отказываетъ въ паспортѣ въ Россію политическому выходцу, которому посолъ велѣлъ дать паспортъ, и тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе правительства. Потомъ подаетъ онъ за свой трудъ, писанный другимъ. Украшаясь такъ павлиньими перьями, онъ вводитъ въ заблужденіе начальство о своемъ достоинствѣ.“

„Баронъ Мейендорффъ снискиваетъ любовь всѣхъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ заслуживаетъ ненависть всѣхъ.“

„Въ Вѣнѣ прѣбываетъ къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ гр. Адлерберга соотечественникъ нумизматикъ, служащій при герольдіи. Будбергъ ему говоритъ, что Россія слишкомъ велика, чтобы заниматься такими пустяками (künstelein).“

„Съ барономъ Симономъ онъ говоритъ объ Шлезвигѣ, и спрашиваетъ его гдѣ онъ набрался столько учености. Такъ какъ это было сказано съ колкостью, то Симономъ и отвѣтилъ ему колко, а баронъ Будбергъ представилъ графу Орлову отдать его подъ надзоръ полиціи въ то самое время, когда король прусскій назначилъ его своимъ камергеромъ.“

„Съ врожденною ненавистью ко всякому прогрессу, баронъ Будбергъ долженъ былъ имѣть непріятное столкновеніе съ Головиннымъ. Недолго передъ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы комедія Вольфсона „Душа“ была запрещена, и только князь Лобановъ помогъ сочинителю. Имѣя непріятное сообщеніе для Головина, онъ могъ его сдѣлать письменно, а кланяться палкою на улицѣ и выслать его изъ Берлина было верхъ неистовства“.

Черезъ пять дней Головинъ пишетъ Толстому изъ Висбадена, что назначеніе гр. Строганова одесскимъ генераль-губернаторомъ наполняетъ радостью всѣхъ, проситъ визировать его англійскій паспортъ и непремѣнно отвѣтить. И это письмо было доложено государю.

Не прошло мимо послѣдняго и письмо Головина къ князю Суворову, въ которомъ, жалуясь на произволъ остзейцевъ, подъ которыми разумѣлся Будбергъ и другіе, онъ просилъ заступничества. Его приказано было оставить безъ послѣдствій. Такая же участь постигла и обращеніе за помощью къ одному изъ вліятельныхъ чиновниковъ III Отдѣленія, Кранцу. Когда же Головинъ, обратился къ гр. Строганову

съ просьбой опредѣлить его на службу, подъ его начальствомъ, новороссійскій и бессарабскій сатрапъ просилъ Долгорукова не дѣлать этого, такъ какъ онъ не хотѣлъ имѣть у себя такого подчиненнаго... Видя неудачу по всѣмъ фронтамъ, Головинъ снова 26 сентября написалъ самому государю очень льстивое посланіе, въ концѣ котораго умолялъ дать ему паспортъ съ приписаніемъ чина и званія. Александръ II приказалъ, «оставить безъ послѣдствій».

VIII.

Въ концѣ 1859 г. Головинъ рѣшилъ жениться. Его невѣста дочь генералъ-лейтенанта, Александра Гессе, 7 ноября 1859 г. обратилась къ государю съ такой телеграммой: «Имѣю честь просить Васъ разрѣшить мнѣ выйти замужъ за Ивана Головина. Въ виду приближенія поста, беру на себя смѣлость просить объ этомъ по телеграфу». Государь приказалъ сообщить ей, что выборъ мужа вполне зависитъ отъ нея, но и объяснить ей истинное положеніе эмигранта. При этомъ въ дѣлѣ имѣется такая записка Долгорукова: «Не извѣстно ли у насъ, кто дѣвица Гессе, о которой прилагаемую записку (телеграмму съ отвѣтомъ государя) отправить неотлагательно. Если неизвѣстно, въ такомъ случаѣ спросить о ней посланника Северина по почтѣ». Вскорѣ стало извѣстно, что жена генерала Гессе, отправилась въ 1855 г. за границу съ тремя дочерьми, изъ нихъ одну звать Александрой. По всей вѣроятности, это семья начальника рижскаго таможеннаго округа. Этого было мало. Дождались отъ Северина слѣдующаго отвѣта: «Князь Иванъ Головинъ, натурализованный британскій подданный прибылъ сюда съ англійскимъ паспортомъ и съ удостовѣреніемъ императорскаго посольства во Франкфуртъ-на-Майнѣ о переходѣ Гессе въ православіе; сначала этотъ изгнанникъ-памфлетистъ, явился къ архимандриту греческой церкви въ Мюнхенѣ, прося обвинчать его съ названной дѣвицей. Привыкнувъ обращаться ко мнѣ во всѣхъ дѣлахъ, достойный пастырь поспѣшилъ подѣлиться со мной своими сомнѣніями и нежеланіемъ исполнить просьбу. Съ другой стороны, онъ сознавалъ, что религіозный долгъ не позволяетъ ему отказать, разъ соблюдены всѣ требованія закона. Я не колеблясь укрѣпилъ его въ этомъ послѣднемъ мнѣніи. Въ промежуткѣ времени, получивъ депешу отъ вашего сіятельства, я исполнилъ ее, какъ мнѣ было велѣно. Несмотря на предупрежденіе, которое я счелъ долгомъ сдѣлать, истолковавъ въ этомъ смyslъ ваше замѣчаніе о *положеніи* жениха, бракъ состоялся. Новобрачная не замедлила прислать мнѣ прилагаемое письмо, которое я считаю долгомъ препроводить вамъ. Они ѣдутъ въ Штутгартъ. Надѣюсь, что тамъ и распутается вопросъ о *русскомъ* паспортѣ и *безусловномъ* возвращеніи на родину, о чемъ мнѣ говорилъ самъ Головинъ съ полной увѣренностью. Самъ я не счелъ возможнымъ дать ходъ этому за отсутствіемъ приказаній и болѣе основательныхъ свѣдѣній».

Бумага эта была доложена государю.

Александра Головина просила Северина благодарить черезъ Дол-

горукова государя за разрѣшеніе брака и сообщила, что мужъ ждетъ только паспорта съ указаніемъ чина и званія.

Черезъ два дня III Отдѣленію сообщили, что въ № 277 «Neue Prussische Zeitung» была напечатана корреспонденція изъ Мюнхена съ рассказомъ о свадьбѣ Головина и съ приведеніемъ телеграммы государя: «Мое императорское родительское благословленіе; все забыто и прощено». Долгоруковъ взволновался и предписалъ Северину немедленно навести справки, кто авторъ лживой корреспонденціи. Взволнованный Северинъ отвѣчалъ, что телеграмма съ отвѣтомъ государя не выходила изъ его собственныхъ рукъ, была прочтена брату невѣсты и спрятана, что семья Гессе живетъ въ Мюнхенѣ.

Женившись, Головинъ повидимому, не думалъ уже о возвратѣ въ Россію. По крайней мѣрѣ, онъ пересталъ вступать по этому поводу съ кѣмъ бы то ни было въ переписку и пререканія. Письмо же, посланное 2 іюля 1860 года И. М. Толстому, убѣждаетъ въ предположеніи, что возвращеніе въ Россію не было настойчивымъ желаніемъ Головина. Вотъ оно:

«Милостивый Государь, Иванъ Матвѣевичъ! Что сдѣлала вамъ Россія, чтобъ вы ее губили? Она васъ покрыла почестями, богатствами, а вы заставляете краснѣть всякаго русскаго! Отъ нѣмцевъ мы отстали, а къ французамъ не пристали. Вашъ дѣдушка видалъ, какъ мужички наши ходили съ вилами на французовъ, а теперь вы ходите съ штуцерами да съ взводами на медвѣдей. Не вы, такъ другіе, опомнитесь, покуда время! Турцію хочется, да колется нечистая. Валялись мы въ ногахъ Наполеона, да не помогло, требуетъ Польши, а мы шагъ впередъ да два назадъ, дома какъ и за моремъ. Такъ мало поняли и духъ времени и рыцарство Гарибальди, что заступаемся за Бурбоновъ. Всеподданнически гнѣмъ въ болотѣ да зацѣпляемся за отжившихъ свой вѣкъ. Не поняли вы Наполеона!

«Вѣдь государь уничтожилъ ботфорты, ему ли влѣзать въ отцовскіе сапожки! Виновать, что докучаю, но дѣло не обо мнѣ, а объ родинѣ. Быть ли ей или не быть? О, лучше смерть въ бою, чѣмъ жизнь безчестна!

Ив. Головинъ».

Свои сношенія съ русскимъ правительствомъ Головинъ возобновилъ 20 января 1861 г. и на этотъ разъ въ лицѣ государя. Онъ писалъ ему по-французски:

«Ваше императорское величество. Сегодня Богъ даровалъ мнѣ ребенка и я спрашиваю себя, захочетъ ли Ваше величество, чтобы и онъ несъ мою кару? Кару—за какое же преступленіе? За то, что я издалъ политическую экономію, когда ваше правительство само до извѣстной степени поощряетъ печатаніе такихъ сочиненій за границей. Или за то, что я боялся вернуться въ Россію при Вашемъ августѣйшемъ отцѣ да и въ ваше цаствованіе, когда передатчикомъ вашей милости явился Будбергъ, натравлявшій на меня полицію того государства, при которомъ онъ былъ акредитованъ? Отказываюсь вѣрить, чтобы отъ этого должна была страдать и моя жена, которая знала мои чувства къ вамъ и вѣрила въ вашу доброту.

Поэтому прошу Ваше Величество обезпечить право невинныхъ, которые будутъ чтить васъ, несмотря ни на что, но которыхъ легче будетъ воспитать въ чувствахъ благоговѣнія и преданности къ вамъ, ежели они будутъ имѣть передъ собой касающуюся ихъ лично актъ справедливости. Если я говорю «справедливость» государь, то это потому, что слишкомъ васъ уважаю, чтобъ называть милосердіемъ прощеніе невинныхъ».

Но и это письмо Александръ II приказаль оставить безъ послѣдствій...

Между тѣмъ матеріальное положеніе Головина было не изъ блестящихъ... Онъ пробоваль привлечь симпатію со стороны министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева незадолго передъ тѣмъ назначеннаго на этотъ постъ и еще никогда не получавшаго Головинскія письма.

„Ваше Превосходительство! Пожалуйте мнѣ медаль за освобожденіе мужиковъ. Я двадцать лѣтъ трудился надъ этимъ вопросомъ и не моя вина, если крестьянамъ дали столько земли, что они господскую обрабатывать не хотятъ.

„Вы значительно облегчите положеніе, дозволивъ, чтобъ свидѣтельства за землю продавались и не дворянамъ.

„Во дни общественнаго испытанія въ Англіи предписывается народный постъ. Я всегда замѣчалъ, что эта мѣра ведетъ за собой благословеніе Господне. Зачѣмъ не прибѣгать къ ней и у насъ? Въ настоящее время она смягчила бы сердца и навела бы умы на средства спасенія. „На Бога уповай, а самъ не плошай“. Если мы перестанемъ платить контрибуцію Франціи, то Англія намъ въ этомъ поможетъ. Нужда солону ломить, не только тайные договоры.

„Двору нужны деньги. Прикажите продать Эрмитажъ да перестаньте брать милліоны, то изъ одной, то изъ другой казны.

„Уменьшите число праздниковъ. День праздный стоитъ государству столько четвертаковъ, сколько жителей.

„Покровительствуйте эмиграціи. Нѣмцы идутъ въ Балтійскія провинціи. эсты въ Россію, русскіе на Востокъ, татары въ Турцію, да та бѣда, что возвращаются. У насъ недостаетъ рукъ для новаго порядка вещей. Когда увеличится соревнованіе, тогда люди возьмутся за умъ. Въ сорокъ дней ничего не сдѣлаешь съ мужиками, которые въ триста дѣлали мало.

„Пожалуйте другія юстицію и полицію. Воспользуйтесь этимъ случаемъ, чтобы образовать третій классъ народа. Дайте ходъ всѣмъ и всему! Уменьшите армію, она насъ не спасла отъ позорнаго Парижскаго договора, она пожираетъ всѣ доходы, устройте внутреннюю защиту и сохраните одни кадры! Непросвѣщенное войско и числомъ своимъ не побѣдитъ.

„Я давно принялъ на себя роль мирового посредника между государемъ и народомъ, я и долженъ сказать, что неудовольствіе растетъ по мѣрѣ неисполненія ожиданій. Безъ радикальныхъ измѣненій вы не остановите начавшейся кризисъ. Чѣмъ долѣе отстрочать банкротство, тѣмъ оно будетъ страшнѣе. Царь не послушалъ дворянство, а теперь и крестьяне его не слушаютъ. На краю бездны паденіе.

„Прямите изъясненіе моего глубочайшаго почтенія

Иванъ Головинъ“.

Черезъ годъ, 1 марта 1862 г., жена Головина обратилась къ посланнику въ Дармштадтѣ, Лабенскому, со слѣдующимъ французскимъ письмомъ: «Ваше превосходительство, мой мужъ, Иванъ Головинъ, имѣлъ несчастіе потерять на разныхъ спекуляціяхъ наше маленькое состояніе. Въ настоящее время я и ребенокъ мой лишены всякихъ средствъ. У меня есть родственники въ Россіи и я хотѣла бы пожить у нихъ, пока мужъ не найдетъ возможность содержать насъ по-прежнему. Онъ также желалъ бы вернуться на родину, но я боюсь, что пока ему дадутъ позволеніе, пройдетъ слишкомъ много времени, мнѣ же совсѣмъ нечѣмъ жить за границей. Поэтому будьте такъ добры и любезны пришлите мнѣ русскій паспортъ».

Лабенскій снесъ съ Петербургомъ. Государь разрѣшилъ удовлетворить просьбу Головиной. Тогда Головинъ написалъ князю Суворову, не можетъ ли онъ устроить и ему вѣздъ въ Россію. Суворовъ переслалъ прошеніе въ III Отдѣленіе. На немъ рукой Долгорукова: «Высочайше разрѣшено оставить это письмо безъ послѣдствій. Я уже сообщилъ кн. Суворову, что письмо это не заслуживаетъ отвѣта, такъ какъ Головину весьма хорошо извѣстны условія, на коихъ онъ можетъ возвращаться».

20 апрѣля 1862 г. Головинъ пишетъ государю по-французски:

„Государь, я слышюмъ много занимался дѣлами нашей родины, чтобы не знать, сколько добра вы ей сдѣлали. Мнѣ легко благословлять васъ. Поэтому, если, критикуя дѣйствія императорскаго правительства, я въ своихъ нападкахъ когда либо коснулся особы вашего императорскаго величества, заявляю, что перо мое пошло дальше моей мысли. Если я позволилъ себѣ личныя нападки, выходящія изъ области общественныхъ интересовъ, прошу прощенія у тѣхъ, кого обидѣлъ. У всѣхъ насъ слишкомъ много серьезнаго дѣла, для того, чтобы теряться въ мелочахъ. Я охотно внесъ бы мой личный опытъ въ составленіе законовъ о русской печати и въ реформы нашихъ университетовъ. Я такъ много пользовался и злоупотреблялъ одной и такъ много времени потерялъ въ другихъ, что долженъ былъ изучить и сильныя и слабыя ихъ стороны. Не въ моей власти было, государь, стать полезнымъ нашей родинѣ иначе, какъ путемъ гласности. Такъ, по возвращеніи изъ Соединенныхъ Штатовъ я обратилъ вниманіе его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича на бронированные суда и форты, и послѣднія событія въ Америкѣ доказали, сколько времени можно было бы выиграть, оставивъ деревянные корабли для торговли и давъ этой послѣдней дѣйствительную защиту, въ видѣ бронированнаго флота. Если я въ свое время не воспользовался амнистіей, то это только потому, что къ вашей милости примѣшано было униженіе. Я и теперь былъ бы счастливъ посвятить остатокъ дней своихъ благу нашей родины. Удостоите же, государь, указать мнѣ мѣсто, гдѣ я могу быть наиболѣе полезнымъ и вѣрѣте въ глубину искренней моей преданности“.

Резолюція по этому письму уже нѣсколько иная, чѣмъ всѣ прежнія: «принять къ свѣдѣнію»... Что бы это значило? Не думали ли воспользоваться Головинымъ для какойнибудь надобности?.. Въ дѣлѣ нѣтъ, однако, ничего, чтобы подтверждало такое предположеніе. Головинъ, повидимому, смирился съ разлукой съ семьей и молчалъ.

Только 18 января 1864 г., изъ Парижа онъ писалъ князю Суворову:

„Еще много предстоитъ невинныхъ и ненужныхъ жертвъ по польскому вопросу съ обѣихъ сторонъ.

„Правительство вызываетъ изъ-за границы всѣхъ уроженцовъ западныхъ губерній и они поневолю возвращаются, чтобъ увеличить число повстанцевъ. Всѣ повинуются предписаніямъ народнаго жонда; можно сказать по правдѣ, что одни негодяи въ всеобщаго движенія. Всѣ чувствуютъ себя глубоко обиженными поведеніемъ защитниковъ порядка. Самые знатные дворяне получаютъ оплеухи отъ русскихъ офицеровъ, разыгрывающихъ роль охотныхъ жандармовъ. Признанные консерваторы готовы принести жизнь въ жертву отечеству.

„Графъ Андрей Замоискій, такой консерваторъ, что при словѣ „революціонеръ“ приходилъ въ содроганіе, потерялъ жену, сына и лежитъ при смерти. Половина жестокостей, въ которыхъ укоряютъ поляковъ, выдуманы и не имѣютъ никакого основанія. Большинство не питаетъ никакой вражды къ русскимъ, не вѣрять, что Россія захочетъ задушить Польшу подъ бременемъ штыковъ, и оставляютъ не только Кіевъ въ покоѣ, но довольствовались бы однимъ королевствомъ, еслибъ могли дать ему права балтійскихъ губерній. Другіе же объясняютъ, что Россія сама обозначила границы Польши, гдѣ только объявила осадное положеніе. Изъ одной Могилевской губерніи послано въ ссылку 8000 человекъ. Всѣ говорятъ, что покойный государь имѣлъ къ смертной казни отвращенія болѣе настоящаго и обращалъ болѣе вниманія на мнѣніе Западной Европы.

„Нѣтъ, герой не бываетъ палачемъ, никогда бы вашъ дѣдъ не одобрилъ Муравьева.

„Вотъ настоящее положеніе дѣлъ. Всѣ люди долговидные говорятъ, что сильному надо уступить, слабые же пойдутъ всѣ на смерть съ весною. Россія и безъ Польши останется европейскою державою, а теряетъ ее, губя ея народонаселеніе.

„Вотъ голосъ истины, который не услышите отъ наемныхъ слугъ Имѣйте духъ довести его до государя и потомство васъ благословить“.

Суворовъ исполнилъ просьбу Головина. Александръ II оставилъ эти совѣты безъ вниманія.

Въ февралѣ Головинъ просилъ Долгорукова защитить его жену отъ грабительства какого-то Бабушкина, женатаго на баронессѣ Штакельбергъ, и обѣщалъ въ случаѣ взысканія съ него 1240 гульденовъ, дать 100 рублей на инвалидовъ.

Затѣмъ въ августѣ онъ написалъ Долгорукову, что только-что узналъ, какъ ошибался въ оцѣнкѣ барона Будберга: оказывается, онъ и не требовалъ отъ прусской полиціи высылки его изъ Берлина, а, наоборотъ, дважды ей сопротивлялся. Поэтому теперь просить не гнѣваться на все имъ сдѣланное и принять изъявленіе полной своей виновности. А 20 декабря онъ снова просилъ самого государя о возвращеніи въ Россію, на что послѣдовала обычная резолюція: «оставить безъ послѣдствій»...

Прошло еще полгода, и Головинъ пишетъ Суворову:

„Князь Александръ Аркадьевичъ, говорятъ, что Пожарскій спасъ Россію отъ поляковъ, кто то спасетъ ее отъ пожаровъ.

„Ищешь людей, а встрѣчаешь гулякъ пламенныхъ.

„Съ монаршимъ милосердіемъ я дальше Берлина ѣхать не могъ и опять у вашихъ ногъ.

„Жена и дочь въ Россіи. А еслибъ я пріѣхалъ, куда вы меня посадите въ крѣпость или на гауптвахту? Отъ комиссіи прошеній отвѣта не дождешься. Дайте точку опоры и я поворочу чѣмънибудь. Aux grands maux, les grands remèdes. Но если посулятъ и миллионъ за открытіе заговора поджигателей, то безъ средствъ на это не сдѣлаешь. Его надо искать между раскольниками и поляками; въ Могилевской губерніи должны быть данныя. Что Муравьевъ потушилъ пожара, а зажегъ его — для меня ясно. Прикажете!

„Наполеонъ выстроилъ римскую машину метать камни. Что бы помѣшать льду на огонь. Вся моя энергія издерживается ни на что. Съ галуномъ на воротникъ я бы мало принесъ вамъ пользы въ нѣмецкой странѣ.

„Да не затрогиваютъ они народъ въ Польшѣ, да не крестятъ они его силой, да не понуждаютъ говорить по-русски, а не то вспыхнетъ пламя, которое не потушишь. Какой политической опытности ожидать отъ издателей „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Инвалида!“ Il faut savoir vivre avec ses ennemis. Польша — болячка Россіи, а не гнилой зубъ, который можно вырвать. Мы съ каждымъ днемъ лечимся отъ нашего большого недостатка: юности, но какъ бы намъ не потерять избытка нашихъ силъ и не впасть въ преждевременную хилость. Приказчикомъ быть легко, указчикомъ труднѣе. Баронъ Будбергъ такъ привыкъ врать, что у насъ съ нимъ разговоровъ быть не можетъ.

„Если мое время еще не пришло, то я буду знать, жертвовать жизнью и ждать, но если я могу быть полевымъ, то я хочу вамъ однимъ быть обязанъ примиреніемъ моимъ съ родиной“.

На этомъ письмѣ, посланномъ Суворовымъ въ III Отдѣленіе, снова резолюція: «принять къ свѣдѣнію»... Неужели готовы были прислушаться къ этимъ совѣтамъ?..

Одновременно Головинъ писалъ наслѣднику и просилъ привести въ ясность его отношенія къ правительству.

Но все было тщетно... Время шло... Головины жили врознь...

10 марта 1866 г. онъ пишетъ государю: «Ваше императорское Величество, Государь Всемилостивѣйшій! Комиссія прошеній всегда отвѣчаетъ на письма къ Вашему Величеству наперекоръ и все видитъ просьбы объ изъятіи, когда требуютъ только приложенія закона. Два нѣмецкіе барона: Будбергъ да Фелькерзамъ засѣдаютъ въ Парижѣ, два другіе: Бергъ и Брунновъ въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ хоть графъ Штакельбергъ. Всѣхъ нѣмцевъ не перечесть. Чувство русскаго страдаетъ отъ систематическаго предпочтенія нѣмцевъ русскимъ, точно Ваше Величество не Романовъ, а Гольштейнъ-Готорнъ. Вѣрно, и Горчаковъ и Долгоруковъ нѣмцы, коли ихъ терпятъ Адлерберги. Кореннымъ русскимъ подобаетъ быть въ изгнаніи. Съ чувствомъ глубокаго прискорбія имѣю честь быть, Государь, вашъ рабъ *Иванъ Головинъ*».

Когда Шуваловъ вслѣдъ за каракозовскимъ покушеніемъ приѣхалъ

мѣсто Долгорукова, Головинъ просилъ его помочь вернуться въ Россію, но не получилъ никакого отвѣта.

Черезъ мѣсяць, въ іюнѣ 1864 г. Головинъ пользуется присутвіемъ въ Парижѣ Горчакова вмѣстѣ съ Александромъ II и обращается къ нему съ письмомъ, въ которомъ проситъ опредѣлить его на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, что дастъ ему матеріальную возможность жить какъ слѣдуетъ, прибавляя, что въ такомъ случаѣ легче будетъ вернуться и въ Россію. Почти одновременно имъ была подана Горчакову особая «записка», въ родѣ писавшихся уже раньше его товарищу, Толстому.

Привожу еѣ:

„У поляковъ шесть журналовъ за границей, у русскихъ одинъ: *Le Nord*, да и у того столько же связей съ Франціей, сколько съ Россіей. „Отголоски Русской Печати“, какъ всѣ полиглотные журналы, почти не имѣютъ читателей. Нѣтъ событія, котораго бы поляки не истолковали въ свою пользу, сношенія ихъ въ Константинополь, въ Лондонъ, въ Парижъ, въ Вѣнѣ съ правительствами или съ людьми съ вліяніемъ многочисленны; у нихъ своя дипломатія, которая вредитъ русской. Поляки, преданные Россіи, или идутъ слишкомъ далеко, или не пользуются никакимъ уваженіемъ, или вовсе неспособны.

„Закрытіе „Колокола“ удобный случай для основанія журнала въ Швейцаріи, если не во Франціи.

„Онъ поставилъ бы себѣ цѣлью сближеніе славянъ съ русскими, распространеніе русскаго вліянія на Западъ, и такъ какъ Франція слишкомъ сильна, то онъ умѣрялъ бы это вліяніе.

„Касательно же русскихъ вопросовъ онъ поддерживалъ бы кредитъ въ Россіи, рекомендуя мѣры, которыя развиваютъ его. Онъ указывалъ бы на удобныя средства просвѣтить Россію какъ можно скорѣе. Трудными учеными онъ поднялъ бы славу русскаго ума. Такой журналъ могъ бы называться „*Le Monde Slave*“ и не представилъ бы жалкую участь „*La Nation*“. Во Франціи такое предпріятіе требовало бы 100.000 рублей, а въ Женевѣ 100.000 франковъ и окупалось бы на второмъ году. Король Ганноверскій и тотъ за умъ взялся, основавъ *La litteration*“. Бисмаркъ отъ него рвется во всѣ стороны.

„Поведи Владыко!

Еще легче и дешевле было бы воскресить „*L'Orient*“ въ Брюсселѣ и сдѣлать Востокъ вамъ подвластнымъ. Съ малыми средствами можно достигнуть великихъ цѣлей и съ точкою опоры перевернуть свѣтъ“.

Несмотря на все это, на возвращеніе Головина въ Россію разрѣшенія не послѣдовало и послу приказано было никакого паспорта ему не выдавать...

Въ теченіе 1867 и 1868 гг. Головинъ довольно дѣятельно корреспондируетъ въ «Варшавскій Дневникъ», не найдя для своей работы болѣе чистаго мѣста. Сначала ему платили по 100 руб. въ мѣсяць, затѣмъ по 75, потомъ по 50 и, наконецъ, по 20... Денежныя недоразумѣнія съ редакторомъ «Дневника», генераломъ Павлищевымъ, Головинъ просилъ разрѣшить главноуправляющаго III Отдѣленіемъ. Послѣднее запросила редактора. Павлищевъ написалъ Головину, что думаетъ повысить его гонораръ, и пришлетъ ему задержанные 20 рублей...

6 февраля 1869 г. Головинъ чуть ли не въ десятый разъ обращается къ милосердію монарха.

«Ваше Императорское Величество, Государь Всемилостивѣйшій! Въ Васъ жалости немного. Я у Васъ прошу не чиновъ и не крестовъ, а позволенія сложить мои кости на родной сторонѣ. Примите въ разсмотрѣніе, что въ моемъ родѣ 160 человѣкъ положили животъ свой за родину. Знаменитый родъ Романовыхъ не представляетъ такого числа. Вашъ предшественникъ въ преобразованіи Россіи, Петръ, когда миловалъ, такъ миловалъ. Повели, Владыко! *Иванъ Головинъ*»

На этомъ письмѣ, какъ и на послѣдующихъ потомъ еще въ количествѣ восьми была все одна и та же резолюція: «оставить безъ послѣдствій».

Головина это не обезкураживало. 4 іюля 1877 г. онъ даетъ царю телеграмму: «Sire, permettez moi d'aller finir mes jours en Russie», но и ее повѣлено было оставить безъ отвѣта...

Послѣдній разъ Головинъ просилъ русское правительство о помилованіи въ лицѣ уже Лорисъ-Меликова, который и представилъ царю докладъ 18 сентября 1880 года, но, по прежнему, дѣло было проиграно,—и Головинъ такъ и умеръ за границей, кажется, въ 1883 году.

IX.

Въ этой послѣдней главѣ я хочу познакомить читателей съ отношеніемъ Головина къ Герцену, Бакунину и Огареву, какъ людемъ стоявшимъ во главѣ русской эмиграціи 50-хъ и 60-хъ годовъ. Мнѣ кажется, что это дастъ читателямъ еще нѣсколько данныхъ для характеристики эмигранта Хлестакова.

Статья Герцена, напечатанная въ майской книжкѣ, сама по себѣ является очень цѣннымъ матеріаломъ. Къ ней нужно сдѣлать лишь кое-какія дополненія.

Сначала Головинъ дѣлалъ все, чтобы сблизиться съ Герценомъ, но мы уже знаемъ, какъ мало это ему удавалось. Въ своихъ «Запискахъ» онъ самъ отмѣчаетъ, на примѣръ, такія детали: «У Гервега я вижу Герцена и прошу у него 200 фр. взаймы. Онъ вышелъ въ комнату, гдѣ были гости, чтобы дать мнѣ ихъ при свидѣтеляхъ»... «Когда пріѣхалъ Гервегъ, онъ предпочелъ его мнѣ и я поѣхалъ въ Брюссель». Головинъ очень кичился тѣмъ, что записалъ подъ диктовку Герцена его «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», но сдѣлано это было за гонораръ, которымъ Герценъ хотѣлъ избавиться отъ необходимости ссужать Головина.

Затѣмъ, видя, что отношенія порваны, Головинъ уже не отказывалъ себѣ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы лягнуть Герцена на страницахъ своихъ книгъ, брошюръ и писемъ.

Такъ, на примѣръ, въ письмѣ министру народнаго просвѣщенія отъ 16 августа 1858 г. по поводу неистовствъ цензуры, онъ говоритъ: «И что хотите вы достигнуть запрещеніемъ? Еслибъ сочиненія Герцена были позволены, то объ нихъ бы не заботились, ибо лети-

ратурнаго достоинства въ нихъ мало; но такъ какъ они запрещены, то ихъ и пожирають съ жадностью».

Въ «Молодой Россіи» есть особая глава—«Ле Норъ и Колоколь». въ которой есть строки, поражающія своею наглостью, особенно если принять во вниманіе, что брюссельскій «Le Nord» былъ русскимъ полуофиціозомъ, находившимся подъ особымъ покровительствомъ сначала великаго князя Константина Николаевича, а затѣмъ людей и вовсе не сочувствовавшихъ никакимъ преобразованіямъ.

«Ле Норъ занимается серьезными вопросами промышленности и политики, въ которыхъ онъ иногда достигаетъ не малаго достоинства; Колоколь ругаетъ болѣе, нежели совѣтуетъ, или, какъ говорятъ иные, кусается, какъ бѣшенная собака. Ле Норъ миритъ Россію съ Европой; «Колоколь» ссоритъ русскихъ съ русскими и называетъ русскихъ «a nation of flunkeys»... «Первый показываетъ удивительную тактику въ своемъ журналѣ, другой продолжаетъ изливать желчь, набранную имъ въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ».

«Ну что же Герценъ?—спросилъ я П-ва.—Пустой! Быта нашего не знаетъ, не вѣруетъ, а хочетъ, чтобъ православные его слушались... Въ Путнеѣ у него выходы, обѣды, съ которыхъ намъ переносятъ горячими его ругательства противъ насъ. Нашъ отвѣтъ на нихъ одинъ и тотъ же: «Онъ не изобрѣлъ пороху, но его боится».

Но особенно любопытно копыто, которымъ Головинъ лягнулъ Герцена уже спустя десять лѣтъ послѣ его смерти, когда умерли и Огаревъ и Бакунинъ, т. е. не было возможности получить въ отвѣтъ заслуженнаго крѣпкаго слова.

Я говорю о книжкѣ Головина —«Der russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin. Mit einer Einleitung über die Dekabristen», изданной имъ самимъ на порогѣ смерти, въ 1880 г., въ Лейпцигѣ.

Это произведеніе заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. ¹⁾

Въ предисловіи, между прочимъ читаемъ:

«Я въ теченіе многихъ лѣтъ противостоялъ всѣмъ предложеніямъ написать что либо подобное этой книгѣ. Не успѣлъ я лѣтъ двадцать назадъ написать нѣсколько строкъ о Герценѣ, какъ онъ ужъ поднялъ крикъ о «моей болтливости». Поэтому мнѣ понадобилось время, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ и прийти къ убѣжденію, что все, рѣшительно все должно быть предано гласности, ибо человѣкъ, посвятившій себя общественной дѣятельности не принадлежитъ болѣе себѣ, но своимъ соотечественникамъ и согражданамъ. Конечно, у cadaго есть свои недостатки, но вѣдь «человѣку свойственно ошибаться», и надо лишь стараться поступать такъ, чтобы совѣсть наша не упрекала насъ. Во время моей близости съ *Герценомъ*, продолжавшейся много лѣтъ, мы обмѣнивались съ нимъ многими мыслями, и именно благодаря тому, что мы не всегда бывали согласны между собою, мнѣнія эти приобрѣтають особенную цѣнность. Мы не сдѣлались ни Шиллеромъ или Гете, ни Вольтеромъ или Руссо,

¹⁾ За переводъ его приношу свою благодарность П. Н. Леонтьеву.

но остались самими собою, и благодаря именно этому сохраненію своей индивидуальности, мы и представляемъ собой нѣкоторый интересъ.

...«Въ Дерптскомъ университетѣ я подружился съ Андреемъ Карамзинымъ (убитъ на Дунаѣ въ 1854 году), а Пушкинъ былъ своимъ человѣкомъ въ семействѣ Карамзина (историка). Когда Андрей сдѣлался артиллеристомъ, я написалъ ему: «надѣюсь, что твои пушки будутъ направлены противъ препятствій, стоящихъ на пути къ образованію». Карамзинъ показалъ мое письмо Пушкину и тотъ воскликнулъ: «Такой стиль будетъ имѣть большое вліяніе». Насколько предсказаніе это было справедливо—предоставляю судить потомству.

«Совершить, я почти ничего не совершилъ, но то, что я, быть можетъ, вызвалъ—кой-чего стоить.

«Герценъ былъ великій пропагандистъ; изъ всего, что онъ опубликовалъ, ничто не имѣло такого вліянія, какъ запрещенныя стихотворенія Пушкина. Его «Ода къ свободѣ», а также, вѣроятно, и стихотвореніе «Кинжалъ» (о Зандѣ) вооружили, къ сожалѣнію, не одну руку.

...«Относительно Бога, провидѣнія, дворянства и коммунизма мы съ Герценомъ придерживались различныхъ мнѣній, такъ какъ исходили изъ различныхъ точекъ.

...«Я считаю своимъ долгомъ изложить все, что возбуждаетъ сомнѣнія, въ особенности теперь, когда Россія стоитъ наканунѣ великихъ событій. Я не всегда бывалъ правъ, но искреннимъ былъ всегда, и буду также и теперь, принимая порицаніе Герцена, точно такъ же какъ и его одобреніе».

Вотъ ужъ подлинно: противъ глупости сами боги безсильны...

Однако послѣдуемъ за авторомъ далѣе, въ самую гушу его книги, не поражаясь его хлестаковскимъ сочинительствомъ и самовосхваленіемъ.

«Въ 1848 году я былъ президентомъ клуба братства народовъ, въ которомъ членами состояли Гервегъ и Сазоновъ. Въ ноябрѣ я произнесъ на польскомъ митингѣ рѣчь отъ имени либеральныхъ русскихъ. Присутствовавшій здѣсь Герценъ одобрилъ ее и дружелюбно пожалъ мнѣ руку.

«У него было горячее сердце и скоро стали говорить, что голова (мое имя по русски значитъ «голова») и Герценъ представляютъ сердце (Herzen), если не всѣхъ русскихъ, то, по крайней мѣрѣ, русскихъ эмигрантовъ»...

«10 іюня 1849 года меня посѣтилъ Герценъ въ Миланской улицѣ, и рассказалъ, что наканунѣ вечеромъ былъ на собраніи журналистовъ, которое постановило устроить на слѣдующій день манифестацію въ пользу Римской республики. Я отнесся къ этому очень отрицательно, однако одѣлся и сказалъ: «Ну идемъ!»—Какъ, вѣдь вы же противъ этого? «Я не хочу оставлять друзей въ бѣдѣ»—отвѣчала я ему. Мы пошли съ нимъ къ Шато д'О, откуда шествіе тронулось на Итальянской бульваръ. Руге и Блюмъ тоже были здѣсь. На улицѣ Мира предводительствуемое Этьеномъ Араго шествіе было разогнано Венсенскими стрѣлками и всѣ бросились вразсыпную.

...«Мы долго прожили вмѣстѣ. Тогда появилась моя «Революціонная Европа»; мы прочли о ней въ «Прессѣ» рецензію Камилла Пельтана.—Русскій человѣкъ, сказалъ мнѣ Герценъ, пишетъ французскую книгу! Онъ, съ своей стороны, выпустилъ въ Гамбургѣ нѣмецкую. «Съ того берега» написано очень живо, но инспирировано произведеніемъ барона Гакстгаузена.

...«Осенью 1849 года я ѣздилъ въ Брюссель, гдѣ получилъ отъ Герцена письмо, въ которомъ онъ съ похвалой отзывался о моихъ «Мемуарахъ русскаго священника».

...«Зиму я провелъ въ Лондонѣ, весной приѣхалъ въ Женеву, а оттуда направился черезъ Туринъ въ Ниццу. Здѣсь я встрѣтилъ семью Герцена и Гервега, занимавшія виллу на Англійскомъ Променадѣ и ведущія роскошную веселую жизнь. Мы осушали не мало бутылокъ шампанскаго...

«Герценъ получалъ 60000 фр. годового дохода, что для коммуниста было недурно, но съ другими дѣлился деньгами неохотно и писалъ даже, что очень любить деньги. Однако, онъ далъ 35000 фр. Прудону на его газету, съ настоятельнымъ требованіемъ, ассигновать на штрафы не болѣе 6000 фр. «У насъ былъ одинъ и тотъ же врачъ, одинъ и тотъ же портной. Трубнеръ былъ моимъ издателемъ прежде, чѣмъ сдѣлался издателемъ Герцена. Какъ вдругъ между нами, какъ говорится, пробѣжала черная кошка.

«Герценъ вступилъ въ «Европейскій Демократическій комитетъ», и устроилъ въ Лондонѣ русскую типографію ¹⁾). Онъ посылалъ своихъ дѣтей играть вмѣстѣ съ дѣтьми Кошута, чѣмъ очень гордился. Онъ выпустилъ отъ имени русскихъ эмигрантовъ воззваніе, не сказавъ мнѣ объ этомъ ни слова. Я открыто протестовалъ. Очевидно онъ хотѣлъ сдѣлать *bande à part*. Я отправился къ нему и прямо спросилъ, неужели онъ хочетъ порвать со мной и почему.

— Мнѣ не нравятся ваши офицерскія манеры.

Я чуть не умеръ со смѣху.—Это не больше, какъ манеры бурша, а у васъ лучшее—это ваши студенческія привычки.

— Но, вѣдь, мы можемъ полемизировать.

— Это послѣ того, какъ я работалъ за васъ въ République и др. газетахъ?

— Мы не станемъ говорить другъ о другѣ, что мы—тайные агенты.

— Попытаемся, разъ вы этого хотите, каждый идти своей дорогой; быть можетъ наша дѣятельность для общаго дѣла будетъ отъ этого полезнѣе.

«Мы разстались. Я долго ломалъ голову, что могло принудить его къ этому разрыву? Однажды, когда мы встрѣтились въ городѣ за обѣдомъ, я прочелъ ему кой-что изъ моего «русскаго Дяди Тома». Книга эта была направлена противъ русской общины. Герценъ сдѣлалъ видъ, что онъ засыпаетъ. Я конечно прервалъ чтеніе.

¹⁾ Примѣръ я показалъ въ Парижѣ, гдѣ нашелъ средства напечатать по-русски „Катехизисъ русскаго народа“, съ эпиграфомъ „Богу и народу“. Герценъ въ отношеніи русскаго вовсе не былъ юристомъ; иногда онъ утверждалъ удивительныя вещи.

«Когда разразилась Восточная война и получились телеграммы о Синопѣ, я почувствовалъ радость. Герценъ же сказалъ мнѣ, что мы не добьемся участія въ политической дѣятельности, если русскіе не будутъ разбиты. Онъ высказался, однако, вскорѣ въ пользу грековъ, The Morning Advertiser, выходящій подъ редакціей извѣстнаго Гранта, назвалъ Герцена русскимъ агентомъ!»

«Александръ Голынский передалъ мнѣ слова Герцена, которыя до нѣкоторой степени вывели меня изъ терпѣнія. Я написалъ ему и онъ отвѣчалъ, чтобъ я не слишкомъ-то довѣрялъ своимъ друзьямъ, а Голынскому сказалъ: «Вы ставите меня въ неприятное положеніе, оправдывая меня передъ Головинымъ».

«Когда мы послали на корабль Гарибальди русскаго дезертира и послѣдній сбѣжалъ съ его деньгами, Герценъ сказалъ мнѣ: «Признайтесь, что мы плохіе знатоки людей». Самъ онъ, однако, принялъ въ этомъ дѣлѣ гораздо большее участіе, чѣмъ я, а меня надулъ другой дезертиръ.

«Когда въ Россіи побѣдитъ революція, Герценъ долженъ сдѣлаться министромъ внутреннихъ дѣлъ; «а вы, сказалъ онъ мнѣ, будете нашимъ посломъ въ Парижѣ». Я отвѣчалъ: мнѣ кажется, что вамъ лучше подойдетъ роль министра финансовъ.

«Въ самомъ дѣлѣ: при посредствѣ Ротшильда онъ устраивалъ дѣла свои очень хорошо.

«Я послалъ ему для «Полярной звѣзды» медальонъ съ изображеніемъ пяти повѣшенныхъ декабристовъ. Онъ достался отъ князя Меншикова—примѣръ того, какъ при случаѣ самые завзятые реакціонеры заигрываютъ съ революціей.

«Герценъ когда-то сказалъ обо мнѣ:—Головинъ человекъ умный, но онъ нерѣдко расходится съ истиной. Но, скажите пожалуйста, за чѣмъ же у него коллекція картинъ? За чѣмъ слуга его подаетъ кушанье въ бѣлыхъ перчаткахъ?—Для того, чтобы не расходиться съ чистоплотностью.

«Въ другой разъ онъ сказалъ:—я уважаю его, потому что онъ много страдалъ и пренебрегъ собственными интересами для того, чтобы служить общему дѣлу».

Истинную цѣну всему этому хвастовству мы хорошо уже знаемъ. Очевидно, на закатѣ своихъ дней, всѣми оставленный, презираемый, Головинъ хотѣлъ поддержать свой престижъ хотя бы памятью къ Герцену.

Что касается отношеній Головина къ Бакунину, то они всецѣло опредѣлялись прямо ненавистью и презрѣніемъ Михаила Александровича къ Хлестакову, которыя онъ никогда не измѣнилъ до самой своей смерти. Онъ просто третировалъ Головина при всякой возможности и тѣмъ навелъ на него страхъ. Головинъ боялся даже имени Бакунина...

Любопытенъ рассказъ Головина объ одномъ соприкосновеніи съ Бакунинымъ, изъ котораго Хлестаковъ готовъ сдѣлать выводъ о близости ихъ отношеній, но читатель, разумѣется, придетъ совсѣмъ къ другому заключенію.

Это было въ 1845 году.

«Впервые я увидѣлъ Бакунина у Огарева, въ Парижѣ. Насъ обоихъ присудили къ лишенію всѣхъ правъ. Русское посольство, во главѣ котораго стоялъ Кисилевъ младшій, напечатало въ «*Gazette des Tribunaux*» статью, гдѣ говорилось, что мы осуждены за наши революціонныя сочиненія и отказъ вернуться на родину. Я тотчасъ же отвѣтилъ, что мои сочиненія, напечатанныя за границей: «Духъ политической экономіи» и «Политика, какъ наука» не носятъ того характера, который старается приписать имъ русское правительство, что въ своемъ письмѣ къ графу Нессельроде, въ которомъ я говорю: «надѣюсь, что два нѣмца не могутъ воспрепятствовать русскому вернуться въ Россію», вовсе не было отказа сдѣлать это, и что, впрочемъ, хартія Михаила Романова разрѣшаетъ всякому дворянину остаться за границей и поступить тамъ на службу.

«Графъ Дюшателъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, прислалъ ко мнѣ чиновника, которому я долженъ былъ объяснить мое осужденіе въ Россіи. Я вручилъ ему номеръ «*Gazette des Tribunaux*» съ моимъ отвѣтомъ и экземпляръ «Духа политической экономіи» въ красивомъ переплетѣ, на которомъ я написалъ: *A l'auteur de la Charité légale*».

«Бакунинъ нашелъ нужнымъ написать въ «Судебную Газету», что никакой хартіи Михаила Романова не существовало. Она, дѣйствительно, была уничтожена въ Россіи, но нѣсколько экземпляровъ ея были найдены въ Сибири. Русское дворянство призвало Романовыхъ на престолъ вовсе не безъ всякихъ условій. Уже до ихъ воцаренія существовали двѣ палаты (Земская и Боярская думы) и на законахъ того времени писалось вовсе не «божьей милостью», но «царь повелѣлъ и бояре одобрили». Когда я послѣ этого встрѣтилъ Бакунина у Николая Тургенева, я ему сказалъ: «Два французскихъ священника, эмигрировавшихъ въ Бельгію, никогда не умѣли жить въ мирѣ другъ съ другомъ. «Не будемъ этими священниками», перебилъ онъ меня, предвосхищая мою мысль»

Позже Головинъ еще разъ пробовалъ афишировать свои, якобы близкія отношенія къ Бакунину, но извѣстно уже, какъ на это смотрѣлъ даже Герценъ, не говоря о самомъ Бакунинѣ. Какъ то «*Morning Advertiser*» въ пылу полемики утвердительно отвѣтилъ на вопросъ: былъ ли Бакунинъ русскимъ шпиономъ? Разумѣется, на русскихъ, въ то время бывшихъ въ Лондонѣ, лежала обязанность выступить съ протестомъ и присоединить къ нему главарей иностранной эмиграціи. Герценъ взялъ на себя починъ, принялъ подпись Головина и получилъ подписи Ворцеля и Маццини. Такимъ образомъ Головинъ получилъ возможность продолжать не имъ начатую полемику и пользовался этимъ поводомъ, чтобы наговорить кучу вздора о дружескихъ отношеніяхъ къ Михаилу Александровичу.

Мих. Лемке.



Гренадерскій „бой“

за подавленіе крестьянскихъ безпорядковъ.

14 мая 1798 г. былъ дарованъ Рязскому мушкетерскому полку, что нынѣ 70-й пѣхотный Рязскій полкъ, гренадерскій «бой», т. е. особый барабанный бой, обыкновенно даваемый за боевыя отличія. Причиною боевой награды послужило успѣшное усмиреніе полкомъ въ февралѣ 1797 г. неповиновавшихся крестьянъ села Барсова, Орловской губерніи.

Страничка изъ воспоминаній.

На страницахъ «Былого» попало мнѣ недавно имя одного чуднаго (увы, уже покойнаго!) юноши, съ которымъ судьба столкнула меня на весьма короткое время. Не выжидая, пока жестокія обстоятельства моей жизни позволятъ мнѣ привести въ систему и связь мои многолѣтнія и весьма разнообразныя воспоминанія, я рѣшилъ подѣлиться съ читателями «Былого» этимъ коротенькимъ эпизодомъ...

Это было въ 1873 году. Я проживалъ тогда въ Вѣнѣ, слушая лекціи на медицинскомъ факультетѣ. Въ Вѣнѣ въ это время какъ-разъ происходила Всемирная выставка, и на всѣхъ вѣнскихъ улицахъ можно было ежедневно встрѣтить не мало русскихъ.

Жилъ я въ районѣ вѣнскаго медицинскаго студенчества—Josephstadt'ѣ, по Lamngasse, въ 4-мъ этажѣ. Возвращаясь однажды къ вечеру изъ университета на свою квартиру, я, открывъ дверь своей комнаты, пораженъ былъ слѣдующей сценой: на моей постели лежалъ полураздѣтый юноша безъ сапогъ; направивъ на меня свои чудные глубокіе—можно сказать—бездонные глаза, онъ молча улыбался во весь ротъ. Его открытое, безконечно ясное лицо, сразу, съ перваго мгновенія всецѣло расположило меня къ нему. Не подымаясь и продолжая улыбаться во весь ротъ, юноша заявилъ мнѣ, что хотя я его не знаю, но онъ заочно меня очень хорошо знаетъ по рассказамъ нашихъ общихъ друзей, которые его направили въ Вѣну и спеціально ко мнѣ, чтобы сообщая со мною исполнить порученіе, возложенное на него кружкомъ *чайковцевъ*. Онъ назвалъ при этомъ и себя, и нашихъ общихъ друзей,—и между нами сразу установились чрезвычайно близкія и дружескія отношенія,—тѣ отношенія, которыя встрѣчались лишь въ концѣ 60 хъ и началѣ 70 хъ годовъ, когда разные политическіе «кружки» («партіи» въ то время еще не существовало) формировались изъ людей, близкихъ другъ другу не только идейно, но и умственно, и нравственно...

Юноша этотъ былъ—*Михаилъ Купріяновъ*. Кружокъ возложилъ на него порученіе пріобрѣсти на вѣнской выставкѣ недорогую, но болѣе усовершенствованную типографскую машину, но такъ какъ онъ не говорилъ и не понималъ ни одного слова по нѣмецки, то его и направили ко мнѣ, какъ къ бывшему члену одесскаго кружка, состоявшаго въ союзническихъ отношеніяхъ къ кружку чайковцевъ...

Занималъ я очень небольшую комнатку, и мнѣ трудно было

пріютить у себя Купріянова, да это и неудобно было по нѣкоторымъ другимъ причинамъ—въ особенности же потому, что благодаря выставкѣ, на которую ожидался прїездъ особъ царской фамиліи, Вѣна кишѣла тогда русскими шпіонами. Мы рѣшили, что К. поселится въ небольшой гостинницѣ тутъ же въ Josephstadt'ѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не безъ комической важности объяснилъ мнѣ, что онъ пропишется *княземъ* Кр—мъ, документами котораго онъ запасся...

Чрезвычайно любознательный, К. принялся посѣщать ежедневно выставку, изученіемъ которой онъ усердно занялся. Запасшись узелкомъ провизіи (хлѣба и колбасы), онъ съ утра отправлялся на выставку, на которой проводилъ цѣлые дни въ теченіе 2—3 недѣль. На часть—на два навѣдывался и я туда, мы совмѣстно осматривали машинный отдѣлъ и облюбовали одну небольшую типографскую машину (стоимостью, кажется, въ 1200 гульденовъ). Теперь предстояла намъ задача: перевезти послѣднюю осторожно и незамѣтно въ такое мѣсто, которое не особенно бросалось бы въ глаза шнырявшей тогда по Вѣнѣ массѣ русско-польскихъ шпіоновъ, разобрать ее тамъ такъ, чтобы отдѣлить части, характеризующія специальность машины, отъ другихъ безразличныхъ въ этомъ отношеніи частей—съ тѣмъ, чтобы послѣднія переправить въ Россію обычнымъ путемъ, а первыя—контрабандой...

Одинъ изъ моихъ вѣнскихъ друзей, видный членъ тогдашней австрійской социалдемократической партіи. А. Шай нашель для меня подходящее помѣщеніе во дворѣ одного своего пріятели. Машина была оплачена, и, по соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей, вывезена со всевозможными предосторожностями изъ выставочнаго помѣщенія на новое мѣсто, и Купріяновъ лично съ увлеченіемъ и поразительнымъ умѣніемъ занялся тамъ разборкой машины. Это продлилось нѣсколько дней. Припоминается мнѣ слѣдующая высоко-комическая картина. Въ началѣ 1-го часа являюсь я во дворъ, въ которомъ работалъ Купріяновъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ гигантскаго роста Шай и отчаянно жестикулируетъ обѣими руками. К—въ, улыбаясь во весь ротъ, умильно поглядываетъ на сильно волнующагося Шая. Прислушиваюсь. Оказывается, что Шай приглашаетъ К. обѣдать, К. же ни слова не понимаетъ и лишь улыбается, продолжая работать. Шай пустилъ въ ходъ мимику и всевозможные жесты, даже русское слово—«шеловикъ» («шеловикъ muss essen»), но дѣло ни на іоту не подвигается. Я расхохотался, объяснилъ Купріянову, въ чемъ дѣло: онъ моментально скинулъ блузу и по-пріятельски отправился съ Шаемъ обѣдать...

По порученію общихъ друзей, К. убѣдилъ меня вернуться въ Россію, гдѣ тогда только-что началось народническое движеніе и ошущалась большая нужда въ работникахъ. Отославъ нейтральныя части машины по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, Купріяновъ уложилъ специальныя части въ небольшой желѣзный ящикъ и захватилъ его съ собой во Львовъ, куда мы вмѣстѣ съ нимъ отправились. Черезъ посредство нѣкоторыхъ галиційскихъ знакомыхъ я принялся устраивать на подволочиской границѣ специальный путь для перевозки журнала «Впередъ», изданіе котораго предпринялъ тогда въ Цюрихѣ П. Л. Лавровъ, причемъ этимъ же путемъ долженъ былъ воспользоваться и Купрія-

новъ для перевозки своего ящика. Это отняло у насъ около двухъ недѣль, которыя мы и провели совмѣстно съ Купріяновымъ въ общемъ номерѣ одной изъ скромныхъ львовскихъ гостинницъ. Намъ приходилось проводить въ бесѣдахъ цѣлые часы и Купріяновъ буквально поражалъ меня необычайной мощью своего ума. Онъ занимался и читалъ (правильнѣе, изучалъ) одни лишь капитальные труды по политической экономіи и социальнымъ наукамъ, рѣшительно и абсолютно не интересуясь беллетристикой и искусствомъ и останавливаясь въ періодическихъ журналахъ исключительно на наиболѣе серьезныхъ и капитальныхъ статьяхъ. 17—18 лѣтній юноша (я думаю, ему больше не было), онъ зналъ (и *какъ* зналъ!) гигантское твореніе К. Маркса чуть не наизусть. По цѣлымъ часомъ онъ развивалъ передо мной раз-



ныя положенія теоріи Маркса, положительно поражая необыкновенной тонкостью анализа и поразительной логичностью своихъ выводовъ. Припоминаю такой случай. Однажды въ послѣ обѣденное время лежали мы въ ожиданіи прибытія нужныхъ вѣстей. Купріяновъ развивалъ нѣкоторыя наиболѣе интересовавшія его положенія теоріи цѣнности Маркса. Вдругъ онъ замолкъ и остановился, можно сказать, на полу-словѣ. Я подумалъ, что онъ уснулъ. Проходитъ приблизительно около получаса времени и вдругъ Купріяновъ заговорилъ опять съ той самой запятой, на какой, онъ остановился, продолжая свои положенія—какъ будто никакого перерыва въ его изложеніи не было: такъ сильно и, можно сказать, мощна была сила его умственныхъ процессовъ...

Скоро мы разстались съ Купріяновымъ. Я уѣхалъ въ Одессу, онъ въ Петербургъ. Недолго мы пользовались свободой. Скоро насъ изъяли изъ обращенія, арестовавъ на разныхъ полюсахъ. Для неокрѣпшаго еще юношескаго организма Купріянова, принципиально и упорно отказывавшагося отъ пользованія какими-бы то ни было льготами и привилегіями въ тюремномъ режимѣ, безконечное пред-

варительное заключеніе оказалось гибельнымъ, смертельнымъ. Какъ и многимъ другимъ, привлеченнымъ къ процессу 193, Купріянову не суждено было дождаться суда. Незадолго до суда я узналъ въ Петропавловской крѣпости, что Купріяновъ послѣ тяжкой болѣзни скончался въ той же крѣпости.

Послѣ нашей встрѣчи прошло больше 33-хъ лѣтъ. Когда я временами вспоминаю этого удивительнаго юношу, я весь переполняюсь умиленіемъ къ этой симпатичной личности, чуднымъ метеоромъ пронесшейся по нашей грѣшной землѣ; я проникаюсь къ его свѣтлой памяти чувствомъ, граничащимъ съ благоговѣніемъ. Но въ то же время мое старѣющее сердце сжимается жгучей болью при мучительной мысли: какую колоссальную умственную силу, потеряла въ этомъ юношѣ наша многострадальная родина!..

С. Чудновскій.



Нѣсколько словъ о С. С. Яковлевѣ.

Въ своихъ яркихъ „Воспоминаніяхъ народовольца“ А. Вахъ упоминаетъ между прочимъ („Былое“, кн. 1, ст. 134), о своемъ свиданіи въ казанской тюрьмѣ съ „съ пріѣзжимъ революціонеромъ“, по прозванію Стратоничемъ, студентомъ Яковлевымъ. Это мѣсто въ воспоминаніяхъ Ваха сопровождается нижеслѣдующимъ примѣчаніемъ уважаемой редакціи:

„Яковлевъ въслѣдствіи принялъ дѣятельное участіе въ конституціонномъ движеніи, былъ выставленъ кандидатомъ въ Думу отъ партіи Народной Свободы, но во время предвыборной кампаніи на Кавказѣ былъ убитъ черносотенцами“.

Въ этомъ примѣчаніи не все представляется „соотвѣтствующимъ дѣйствительности“, какъ принято выражаться, и приводимыя здѣсь свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрно обрисовываютъ вторую половину жизни покойнаго Яковлева въ ея главнѣйшихъ очертаніяхъ. Въ виду этого, я позволю себѣ внести соотвѣтствующія поправки въ данныя уважаемой редакціи и, воспользовавшись случаемъ, хочу сказать нѣсколько словъ о Степанѣ Стратониковичѣ Яковлевѣ послѣднихъ лѣтъ, хоть нѣсколькими слабыми штрихами обрисовать эту рѣдкую по душевной красотѣ и обаятельности личность, этого милаго и дорогого человѣка, съ интереснымъ и далеко не безцвѣтнымъ революціоннымъ прошлымъ, лучшіе и боевые завѣты котораго онъ чутко хранилъ до послѣднихъ дней своего истинно-человѣческаго существованія, завершившагося такимъ мученическимъ и трагическимъ концомъ.

Раньше всего. Никогда, даже въ самые послѣдніе годы Степанъ Стратониковичъ „въ конституціонномъ движеніи“—если понимать это въ смыслѣ ли исповѣданія умѣренныхъ конституціонно-либеральныхъ идей или же участія въ группѣ „Освобожденія“, а въслѣдствіи партіи к.-д.—не принималъ никакого участія. И хотя онъ и былъ выставленъ кандидатомъ въ Думу отъ г. Ваку мѣстнымъ отдѣломъ партіи Народной Свободы, но въ ея рядахъ ни раньше, ни въ это время онъ не состоялъ. Дѣло съ его кандидатурой обстояло такъ. Являясь сторонникомъ самыхъ активныхъ методовъ революціонной борьбы, С. С., учитывая иначе политическій моментъ, былъ противникомъ бойкота, объявленнаго революціонными партіями первой Думѣ. И будучи, понятно, далекимъ отъ того, чтобы смотрѣть на Думу, какъ на законодательный органъ, способный при настоящихъ условіяхъ разрѣшить всѣ проклятые вопросы русской жизни, опредѣляя цѣли и задачи Думы, какъ трибуны, пробуждающей и организуемой массы, С. С. горячо и дѣлкомъ отдался избирательной кампаніи. И когда мѣстные к.-д., бывшіе единственными представителями оппо-

зиціи на бакинскихъ выборахъ въ Думу, предложили С. С. выставить его кандидатуру, не какъ члена партіи Народной Свободы, а какъ популярное въ широкихъ массахъ бакинскаго населенія лицо, пользовавшееся симпатіями со стороны почти всѣхъ общественныхъ слоевъ и политическихъ группъ, онъ на это согласился. Отсюда, конечно, ясно, что это была кандидатура не к.-д. программы, а популярной личности, имени.

До самой своей смерти—такой ненужной, такой трагически-вѣтхой—С. С. глубоко вѣрилъ въ силу, значеніе и побѣдное будущее революціонно-соціалистическихъ идей, которымъ онъ такъ преданно служилъ въ годы своего кипучаго и бурнаго студенчества. Объ этихъ годахъ друзья С. С. рассказывали—самъ онъ не любилъ рассказывать—много интереснаго и прямо-таки увлекательно-романическаго... Обладавшій необыкновенной силой и атлетическимъ тѣлосложеніемъ, молодой студентъ изъ донскихъ казаковъ привлекался къ самымъ рискованнымъ и смѣлымъ предпріятіямъ. Напомню, что и къ Баху на свиданіе онъ явился, возвращаясь изъ Сибири, куда ѣздилъ съ товарищемъ по институту освободить одну изъ ссыльныхъ. Съ какимъ увлеченіемъ бывало въ минуты рѣдкой откровенности С. С. рассказывалъ о дорогомъ-полномъ яркаго чарующе-молодого энтузіазма времени своего студенческаго житья-бытья, являшагося вмѣстѣ и временемъ его ближайшаго участія въ возрожденной—увы, не надолго,—„Народной Волѣ“. Сколько любви и восхищенія, сколько, скажу, влюбленности чувствовались въ каждомъ словѣ его занимательныхъ рассказовъ, которые онъ передавалъ со свойственнымъ ему мастерствомъ блестящаго рассказчика и чтеца.

С. С. все время оставался убѣжденнымъ народовольцемъ, и всегда вѣрилъ въ великую соціальную роль русскаго трудового крестьянства и былъ горячимъ поклонникомъ крайнихъ средствъ борьбы. Вотъ почему съ первыхъ же дней своего появленія на русской политической аренѣ партія соціалистовъ-революціонеровъ привлекла къ себѣ всѣ симпатіи С. С. И какъ только въ Баку зародилась организація этой партіи, онъ сталъ къ ней въ самыя близкія и непосредственныя отношенія. Хотя самъ онъ лично и не принималъ активного участія въ жизни мѣстной организаціи, но онъ всегда интересовался ея дѣлами и постоянно оказывалъ солидную матеріальную поддержку на всѣ надобности организаціонной жизни.

Онъ поддерживалъ и такія крупныя предпріятія, какъ изданіе с.-р. газеты „Кавказское Слово“, на которую въ теченіе короткаго срока израсходовалъ свыше 1000 руб. Не мало средствъ ушло у него на помощь центральнымъ учрежденіямъ партіи, которой онъ сочувствовалъ и съ видными руководителями которой онъ хранилъ живую связь во всѣ годы своего пребыванія на Кавказѣ. Когда Саоновъ и Гершуни были отправлены въ Акатуй, С. С. сейчасъ же была переведена для нихъ сумма въ 1000 руб. Много, много такихъ фактовъ извѣстно, но еще больше осталось тайной.

Покойный С. С. былъ рѣдкой и выдающейся силы ораторомъ. Особенно памятна всѣмъ бакинцамъ его рѣчь, яркая, восторженно-молодая, произнесенная на банкетѣ, устроенномъ въ эпоху „довѣрія“, сейчасъ же вслѣдъ за выстрѣломъ 15 іюля.

С. С. лѣтъ десять прожилъ въ Баку. Здѣсь онъ занималъ крупную должность (онъ былъ инженеромъ) завѣдующаго каспійскимъ водопроводомъ. Онъ получалъ солидное жалованье, значительная часть котораго уходила на уюминавшіяся выше „непредусмотрѣнныя статьи расхода“. Рабочіе и служащіе

на водопроводъ относились къ нему, какъ къ старшему и внимательному товарищу, съ большой любовью и признательнымъ уваженіемъ. Я пристроилъ къ С. С. на водопроводъ одного рабочаго, пострадавшаго 9 января, и черезъ нѣсколько недѣль рабочій этотъ не могъ спокойно, не захлебываясь отъ восторга, говорить „о нашемъ С. С.“ Онъ уничтожилъ въ ихъ глазахъ всякое представленіе о начальникѣ, передъ ними былъ другъ и товарищъ, создавшій для нихъ рѣдкія условія труда, такъ, напр., рабочій день у нихъ не превышалъ 6 часовъ.

С. С. пользовался любовью представителей всѣхъ національностей, населяющихъ Баку, этотъ бурный, ставшій ареной страшной междоусобицы, городъ. Въ кошмарные дни погромовъ, когда братъ шелъ на брата, голодный на голоднаго, когда кровью и трупами покрывались узенькія восточныя улочки столицы нефтяного царства, С. С. былъ тамъ, гдѣ ему повелѣвалъ быть долгъ человѣка, на тѣхъ самыхъ улицахъ, гдѣ падали трупы и лилась святая человѣческая кровь. Много людей—и армянъ и татаръ—обязаны ему своей жизнью Рискаю моментами собственной жизнью, С. С. смѣло и безобоязненно становился между братомъ-человѣкомъ и смертью, между армяниномъ и татаряномъ. Здѣсь же на улицахъ, глядя прямо въ лицо страшному призраку погрома, С. С. узналъ истинныхъ виновниковъ всей этой проклятой братоубійственной войны, онъ ясно видѣлъ, кто вдохновлялъ брата противъ брата, кто разжигалъ темную голодную массу, чтобы отвести отъ себя ея справедливый и стихійно копившійся гнѣвъ... Многое зналъ, многое видѣлъ С. С. на бакинскихъ улицахъ въ дни, когда братъ шелъ на брата, и камни купались въ человѣческой крови. Вотъ почему, когда нужно было послать представителя въ Думу, чтобы онъ тамъ разсказалъ передъ лицомъ всей страны о страшной повѣсти двухъ воюющихъ народовъ, о страданіяхъ и смерти, поселившихся въ армянскихъ и татарскихъ лачугахъ, о черныхъ тѣняхъ, творившихъ эту смерть и эти страданія—всѣ единодушно рѣшили, что этимъ представителемъ отъ многоязычнаго Баку будетъ Яковлевъ, русскій по паспорту, человѣкъ по духу, который сумѣлъ бы мощью своей рѣчи, гнѣвомъ своего сердца, и кровавыми призраками, жившими въ его душѣ, заставить содрогнуться всю родину предъ ужасомъ того, что сдѣлали „черные шайтаны“ съ дивнымъ солнечнымъ краемъ, превращеннымъ ими въ груды, пожарища и развалины. Многое разсказалъ бы С. С. въ Думѣ, много позорныхъ гнусныхъ именъ назвали бы его смѣлыя уста. Онъ никого бы не пощадилъ.

И этой его будущей мисси, его грозныхъ обличеній и проклятій съ думской трибуны испугались черные вороны, ютящіяся въ глухихъ и темныхъ закоулкахъ бакинской жизни, всѣ эти гнусные „руководители“ шаекъ. Они и подослали убійцъ, жалкихъ, темныхъ, за гроши купленныхъ дикарей, не вѣдавшихъ, на кого они поднимаютъ руку... Въ спину, изъ-за угла его убили, чистаго, честнаго, любящаго людей, этихъ жалкихъ, темныхъ людей, среди которыхъ былъ подкупленъ убійца...

Сав. Раецкій.



Константинъ Гавриловичъ Неустроевъ ¹⁾).

Сынъ обрусѣвшей якутки, Неустроевъ получилъ образованіе сначала въ Иркутской гимназіи, потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1881 году окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ. Собственно революціонная дѣятельность его началась только съ того времени, какъ онъ возвратился на родину, въ качествѣ учителя при Иркутской женской гимназіи и воспитателя въ мужской. Мѣстная молодежь боготворила молодого учителя. Но работать Константину Гавриловичу пришлось недолго. Въ октябрѣ 1882 г. онъ былъ уже арестованъ по доносу уголовного арестанта Зельцера, чрезъ посредство котораго поддерживалъ нѣкоторое время сношеніе съ Козловскимъ, арестованнымъ по дѣлу о побѣгѣ Ковальской и Богомолецъ. Дѣло Неустроева должно было окончиться административнымъ порядкомъ и въ началѣ апрѣля 1883 г. его помѣстили даже въ одной камерѣ съ Козловскимъ и Булановымъ. Но нервы его сильно разстроились. Условія тюремной жизни и вѣчныя столкновенія съ надзирателями страшно его раздражали. Онъ постоянно настаивалъ на необходимости протестовъ и всякій разъ, какъ встрѣчалъ скептицизмъ со стороны товарищей, ужасно горячился. Благодаря его усиліямъ дѣйствительно былъ удаленъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ и грубыхъ надзирателей Жаликъ. Собственно противъ генераль-губернатора Анучина, лично знакомаго Неустроеву, предрасполагали крутыя расправы Анучина съ политическими каторжанами на Карѣ, которыхъ по окончаніи срока каторги, онъ ссылалъ обыкновенно въ Якутскую область (гдѣ, какъ извѣстно, во многихъ отношеніяхъ хуже чѣмъ на каторгѣ).

Въ день посѣщенія Анучинимъ тюрьмы, Неустроевъ былъ особенно раздражителенъ. Дѣло происходило такъ: Остановившись на порогѣ камеры, въ глубинѣ которой находился Неустроевъ, Анучинъ пригласилъ послѣдняго подойти поближе говоря: «Стыдно, стыдно!» Неустроевъ, приблизившись, рѣзко спросилъ: «что такое?» Анучинъ

¹⁾ Въ числѣ жертвъ освободительнаго движенія выдѣляется своей особо трагической судьбой К. Г. Неустроевъ, разстрѣлянный въ 1888 году въ Иркутскѣ лишь за нанесенное имъ въ состояніи несомнѣннаго аффекта оскорбленіе дѣйствиельно бывшему тогда генераль-губернаторомъ Восточной Сибири Анучину. Предсмертное письмо Неустроева было напечатано въ № 10 „Народной Воли“, откуда мы его и воспроизводимъ.
Ред.

скороговоркой повторилъ: «Стыдно! Стыдно!» Раздалась пощечина. Находившіеся тутъ же солдаты бросились на Неустроева, но Анучинъ остановилъ ихъ рукой. Неустроевъ же закричалъ: «убирайтесь вонь! Вы не затѣмъ должны являться въ тюрьму, чтобъ оскорблять людей.» Анучинъ страшно блѣдный, велѣлъ запереть камеру и тотчасъ же уѣхалъ изъ замка. Скоро К. Г. перевели въ другой корридоръ и заковали въ наручники, несмотря на то, что онъ не былъ лишень правъ, на его просьбу послать объ этомъ телеграмму министру юстиціи не обратили вниманія. Распоряженіемъ изъ Петербурга форма суда была предоставлена на усмотрѣніе Анучина. Военный судъ вынесъ смертный приговоръ. Жажда жизни, съ неудержимой силой, проснулась въ молодой душѣ. Но напрасно просилъ Неустроевъ телеграфировать въ Петербургъ о пересмотрѣ дѣла. 9 ноября между 3 и 4 часами утра онъ былъ разстрѣлянъ во дворѣ пересыльной тюрьмы. До послѣдней минуты терзало его сознание, что онъ умираетъ незаслуженно, не за то, что могъ бы сдѣлать еще поживъ и поработавъ. Тѣмъ не менѣе, видѣвшіе казнь рассказываютъ, что онъ бодро шелъ къ позорному столбу—исхудалый и блѣдный, попросившись съ докторомъ, солдатами, громко высказалъ свои пожеланія родинѣ.

Иркутское общество живо отозвалось на казнь Неустроева. Анучину просто нельзя было проѣхать по городу, ему кричали: «убійца». Ворота его нѣсколько разъ были вымазаны кровью. Въ концѣ концовъ онъ получилъ отпускъ (котораго не просилъ) на 11 мѣсяцевъ и на его мѣсто отправленъ Педашенко.

Помѣщаемъ предсмертное письмо Неустроева. Страшно желалъ онъ, чтобы это письмо дошло до насъ, вольныхъ и заключенныхъ товарищей, чтобъ оно повѣдало «добрымъ сердцамъ» его горе, его муки. И судьба такъ жестокая къ нему при жизни—исполнила его предсмертное желаніе—письмо не пропало.

Ночь 8 ноября 1883 года.

Прощайте братья-друзья! Спать не хочется. А скоро, скоро конецъ. И хуже всего—не увѣренъ. Незаслуженно умираю—вотъ что обидно. Обнадеживаютъ: «завидный жребій». Говорятъ: это только политическая смерть. А гробъ уже готовъ—священникъ сказалъ.

Отъ причастія отказался, просилъ крестъ—крестъ принесли. Символь страданія! Онъ замѣнитъ Васъ и все, все дорогое. О дай Боже, пусть дойдетъ до Васъ письмо.

Знаете ли, даже не вѣрится, такъ все кажется страшнымъ. Муки мои дойдутъ ли онѣ до Васъ?

Братья, простите мои слабости—не всякому дано. Я былъ простой работникъ, но не измѣнилъ святынѣ знамени. И вѣрю ему, знаю побѣдносно водрузится оно!

Я хотѣлъ жить и даже просилъ... но рокъ уже готовъ поразить. Просилъ зрителя попрощаться съ Вами ¹⁾—отказалъ.

Мысленно у Васъ—у Васъ тишина, ни звука. Прощальный послѣдній привѣтъ!

¹⁾ Заключенными товарищами.

Просиль, раскаявался вотъ почему: въ обвинительномъ актѣ не помѣстили фактовъ, сообщенныхъ въ моихъ показаніяхъ, отказали послать царю ходатайство о томъ, чтобы дѣло было предоставлено ему. Не хотѣлось, не хочется умирать за неосмысленный рефлексъ.

Какимъ бодримъ сегодня всталъ было. Такъ жизнь и била ключемъ. Ожидалъ свиданія съ братомъ жены ¹⁾, но его не оказалось въ городѣ (а свиданіе дозволили ли) и вмѣсто него пришелъ священникъ. Какъ дешева наша жизнь. Радъ одному: пуля смоешь все нечистое во мнѣ. Вы пріймите меня въ свое лоно! Еще одно слово: все что Урсикъ ²⁾ говорилъ, писалъ—исходило отъ чистаго сердца. Пусть будетъ это моимъ послѣднимъ словомъ.

И жаль и не жаль такого конца... Горе, горе мое! Даю тебя добрымъ сердцамъ. И хочется и не хочется спать. Жаль на безсознательное тратить остающійся мигъ.

Прости родина, цвѣти, красуйся. Прійми эти пожеланія отъ чистаго сердца!

¹⁾ Последней не было въ Сибири.

²⁾ Ключка Неустроева.

Графъ Бисмаркъ—организаторъ русской политической агентуры заграницей.

(По неопубликованнымъ документальнымъ даннымъ).

25-го апрѣля (7-го мая нов. ст.) 1866 г. въ Берлинѣ, студентомъ Гогенгеймской земледѣльческой академіи, Блиндомъ, совершено было неудавшееся покушеніе на жизнь графа Бисмарка. Блиндъ лишилъ себя жизни. Берлинская полиція принялась за поиски его сообщниковъ.

Бесѣдуя о покушеніи Блинда съ г. Убри (Oubrie) россійскимъ посломъ при прусскомъ дворѣ, графъ Бисмаркъ сообщилъ ему подъ секретомъ, что, кажется, напали на слѣдъ новаго тайнаго сообщества «Eidgenossenschaft», имѣющаго цѣлью политическія убійства; для сокрытія концовъ члены его обязались въ крайнемъ случаѣ лишать себя жизни. Этимъ, казалось, можно было объяснить и самоубійство Блинда. Графъ добавилъ, что въ Берлинѣ и покушеніе Каракозова на жизнь Александра II связываютъ съ обществомъ «Eidgenossenschaft», подкрѣпилъ свое сообщеніе слѣдующимъ фактомъ: «при отбытіи вечерняго поѣзда изъ Берлина въ Петербургъ видѣли нѣсколькихъ субъектовъ, говорившихъ между собой по-русски», болѣе того, «проважавшіе желали успѣха отъѣзжавшему».

Тотчасъ же (1-го мая) г. Убри передалъ по телеграфу въ Петербургъ, канцлеру князу Горчакову слова графа Бисмарка, добавилъ отъ себя: «было бы желательно узнать для облегченія розысковъ прусской полиціи долго ли пробылъ Каракозовъ въ Петербургѣ до покушенія и не былъ ли онъ передъ этимъ заграницей. Я поторопился запросить объ этомъ Ваше Превосходительство, имѣя двойную цѣль: для того, чтобы не пренебречь обстоятельствами, могущими навести слѣдственную комиссію по дѣлу Каракозова на разъясненіе его прошлаго, а также и для того, чтобы установить, если возможно, отсутствіе какаго бы то ни было соотношенія между этимъ единичнымъ преступленіемъ и сообществомъ, имѣющимъ связь съ покушеніемъ Блинда».

Князь Горчаковъ доложилъ сообщеніе г. Убри Александру II, отправилъ телеграмму посла графу Н. М. Муравьеву (предсѣдателю слѣдственной комиссіи, учрежденной по дѣлу Каракозова), а извле-

ченіе изъ нея послалъ шефу жандармовъ, графу Петру Андреевичу Шувалову.

3-го мая графъ Муравьевъ довелъ до свѣдѣнія Государя, о показаніяхъ, данныхъ Ишутинимъ въ присутствіи слѣдственной комиссіи, изъ которыхъ явствуетъ, что «злодѣйская мысль о покушеніи на жизнь Государя» была привезена изъ Женевы осенью 1865 г. извѣстнымъ Худяковымъ, главнымъ дѣятелемъ с.-петербургскаго кружка, и передана Ишутину, пріѣзжавшему сюда (въ Пб.) въ декабрѣ мѣсяцѣ для свиданія съ Худяковымъ, и засимъ Ишутинимъ, по возвращеніи его въ Москву, сообщена преступнику Каракозову, который, подъ влияніемъ этой мысли, отправился въ Петербургъ, вошелъ въ сношенія съ Худяковымъ и нѣкоторыми лицами петербургской партіи и исполнилъ замыселъ».

На докладѣ этомъ рукой Александра II начертано: *«это еще болѣе доказываетъ необходимость имѣть надежныхъ агентовъ за границей и подтверждаетъ свѣдѣнія, полученныя изъ Берлина».*

Еще одинъ документъ какъ бы подтверждалъ соображенія Бисмарка: россійскій посоль въ Турціи, Игнатьевъ сообщилъ изъ Константинополя о пріѣзжавшихъ туда двоихъ русскихъ изъ Одессы, имена коихъ неизвѣстны. Русскіе эти говорили полякамъ, проживающимъ въ Константинополѣ, о принадлежности своей къ тайному обществу, агентъ коего покушался на жизнь Государя Императора; совершившій покушеніе вполне надеженъ и соумышленниковъ своихъ не выдастъ. Центръ общества находится за-границей и потому недосыгаемъ для русскаго правительства.

Пробывъ короткое время въ Константинополѣ, эти русскіе уѣхали въ Европу.

Послѣдствіемъ полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній было, переданное черезъ шефа жандармовъ, Высочайшее повелѣніе директору департамента министерства юстиціи, члену комиссіи по дѣлу Каракозова, барону Врангелю, отправиться немедленно въ Берлинъ, къ графу Бисмарку, для того, чтобы съ его помощью освѣтить сущность преступленій Каракозова и Блинда и въ свою очередь сообщить графу все, что могло бы заинтересовать его по поводу покушенія 4 апрѣля.

Получивъ изъ III Отдѣленія собственной Его И. В. Канцеляріи паспортъ и деньги (около 1500 р.) баронъ Врангель отправился въ Берлинъ, гдѣ уже дѣйствовалъ русскій агентъ по политическимъ дѣламъ Штиберъ, весьма цѣнимый самимъ графомъ Бисмаркомъ. Графъ старался даже переманить его на мѣсто президента берлинской полиціи.

Штиберъ давно уже обратилъ вниманіе на отца Блинда, Карла, стоявшаго во главѣ Eidgenossenschaft (клятвеннаго союза), допускалъ мысль, что молодой Блиндъ былъ агентомъ общества и имѣлъ сообщниковъ, но, когда Бисмаркъ говорилъ ему будто бы покушеніе на жизнь Александра II, „намѣреніе Блинда“ и слухи о предполагавшемся покушеніи на жизнь Наполеона III имѣютъ между собой связь—россійскій агентъ сомнѣвался, считая такое предположеніе «сумасбродствомъ» и «романомъ», такъ какъ мнѣніе графа ничѣмъ не подтверждалось кромѣ доносовъ какихъ-то французскихъ дамъ, (которыя въ

концѣ концовъ и оказались полупомѣшанными). Кромѣ того Бисмаркъ увѣрялъ Штибера, что «замѣтилъ въ обществѣ Блинда еще одного подозрительнаго молодого человѣка».

Штиберъ отправилъ своего агента Роже въ Гогенгеймъ, гдѣ жилъ и учился Блиндъ и потребовалъ на предметъ усиленія штата агентовъ дополнительную сумму изъ III Отдѣленія.

Расторопный Роже собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія: начавъ съ того, что Гогенгеймская земледѣльческая академія очень располагаетъ къ развитію въ ней революціонныхъ идей «потому что она помѣщается въ зданіи стараго монастыря и студенты живутъ въ кельяхъ», Роже кончилъ тѣмъ, что нашель въ числѣ хорошихъ знакомыхъ Блинда русскаго, Мосолова, лѣтъ 21—22, «который носилъ почти постоянно красную одежду»; Мосоловъ прожилъ «для удовольствія» 10 недѣль близъ Гогенгейма, въ гостиницѣ «Zur Garbe» и, послѣ покушенія Блинда, внезапно уѣхалъ.

Пока Роже дѣлалъ свои развѣдки въ Гогенгеймѣ, а французскія дамы писали доносы, о которыхъ французскій посолъ при прусскомъ дворѣ доводилъ до свѣдѣнія Бисмарка, нашелся и французъ, приславшій въ Петербургъ безграмотное письмо на имя Государя. Французъ этотъ (Serpeille, Prosper) доносилъ, что имъ случайно найдены въ январѣ 1866 г. и представлены французской полиціи двѣ бумаги, въ которыхъ «частью таинственными знаками» было написано о подготовлявшемся покушеніи на особу Императора. Французъ заявлялъ, что, если ему будутъ даны средства, онъ готовъ самъ явиться къ Александру II.

На письмѣ этомъ, 8-го мая, рукою Государя сдѣлана слѣдующая отмѣтка: *«должно быть вздоръ, но все таки не мѣшало бы узнать о личности подіютовителя».*

(По поводу доноса француза и еще какой-то дамы, указывавшей на американца, носившаго фальшивое имя Назарини, какъ на злоумышляющаго тоже покушеніе на Императора, собирались справки и переписка длилась до 6-го ноября 1866 г., но никакихъ результатовъ не дала. Русскіе чиновники передѣляли фамилію Назарини въ Назарина, дама получила по безкорыстію своему грошевое пособіе и только).

21-го мая пришла въ Петербургъ пространная записка,—командированнаго къ Бисмарку барона Врангеля,—который упоминалъ въ ней не только о Мосоловѣ, но еще о другомъ русскомъ—Бороздинѣ, тоже дружившемъ съ Блиндомъ и о матери Бороздина, живущей въ Швейцаріи, но часто бывавшей въ Штудгартѣ, расположенномъ недалеко отъ Гогенгейма, и имѣвшей свиданія съ Блиндомъ. Рядомъ съ этимъ Врангель подробнѣйшимъ образомъ сообщалъ о тайномъ обществѣ «Свобода и равенство», основавшемъ изъ среды своей Клятвенный союзъ (Eidgenossenschaft). Основаніе общества находится въ Лондонѣ, руководитъ имъ отецъ Блинда, другъ Герцена; отдѣлы общества имѣются въ Женевѣ, Палермо, Штудгартѣ и др. городахъ, при чемъ въ числѣ руководителей женевскаго отдѣла упоминаются имена Герцена и Огарева. Гогенгеймскую академію баронъ Врангель аттестовалъ какъ очагъ революціонныхъ идей.

Какъ бы въ подтвержденіе этой части донесенія Врангеля, на-

мѣстникъ Царства Польскаго, графъ Бергъ, сообщилъ шефу жандармовъ свои свѣдѣнія о томъ, что «по увѣреніямъ» въ дѣлѣ Каракозова принимала участіе женевская революціонная партія, къ которой принадлежитъ Герценъ. Кромѣ того графъ Бергъ сообщилъ, что отъ этой партіи отправлены въ Петербургъ эмиссары: студентъ Спб. университета—Качковскій съ паспортомъ на имя Затлера и какой то «бывшій прапорщикъ русскихъ войскъ» съ паспортомъ на имя англійскаго подданнаго Петерсона; лица эти «еще не переѣхали русской границы и, по всей вѣроятности, находятся въ Краковѣ».

Такимъ образомъ неотложность имѣть надежныхъ русскихъ агентовъ доказывалась все болѣе и болѣе; о наилучшемъ же устройствѣ агенты имѣются въ вышеупомянутомъ донесеніи Врангеля такіа соображенія самого графа Бисмарка:

«Имѣя въ виду, что въ настоящее время сдѣланы указанія на злоумышленные намѣренія противъ нѣсколькихъ царственныхъ особъ, было бы полезно правительствамъ русскому, прусскому и французскому принять совокупныя мѣры для открытія и устраненія могущей угрожать имъ общей опасности. Для чего графъ Бисмаркъ полагалъ бы произвести секретное розысканіе и разслѣдованіе обнаруженныхъ фактовъ посредствомъ особыхъ довѣренныхъ отъ каждаго правительства лицъ, которыя по взаимнымъ соглашениямъ направляли бы всѣ дѣйствія къ достиженію одной общей цѣли. По словамъ графа Бисмарка императоръ Наполеонъ III не встрѣтитъ къ этому препятствія, а по нѣкоторымъ частнымъ свѣдѣніямъ, соглашеніе французскаго и русскаго правительствъ по этому предмету уже послѣдовало и они производятъ вмѣстѣ надлежащія розысканія.

Русская революціонная партія представляется самою скрытною и осторожною и узнать посредствомъ русскихъ агентовъ отъ ея членовъ что либо объ ихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ оказывается рѣшительно невозможнымъ. Если бы російское правительство желало имѣть въ средѣ русской революціонной партіи своего агента, то оно, по мнѣнію графа Бисмарка, должно было бы прибѣгнуть для сего, съ особой осторожностью и осмотрительностью, къ слѣдующей хитрости: на избранное для этой цѣли благонадежное и преданное лицо, слѣдовало бы взвести обвиненіе въ какомъ-либо вымышленномъ политическомъ преступленіи, подвергнуть его заключенію подъ стражу и произвести ему нѣсколько допросовъ, затѣмъ дать ему средства бѣжать изъ мѣста заключенія и отправиться за границу, лучше всего на какомъ-нибудь купеческомъ кораблѣ. Подобное лицо, по прибытіи его въ Женеву, будетъ охотно принято въ тамошнее тайное революціонное общество и въ слѣдствіи можетъ мало по малу войти въ довѣріе русской революціонной партіи. Все вышеизложенное графъ Бисмаркъ просилъ повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества».

26-го мая управляющій III Отдѣленіемъ, генералъ Мезенцевъ, разослалъ во всѣ концы приказанія объ арестѣ Мосолова, Бороздина, Бороздиной и эмиссаровъ женевской революціонной партіи Качковскаго-Затлера, Петерсона и ихъ вещей и доставленія ихъ «со всѣмъ» въ III Отдѣленіе. Шефъ жандармовъ счелъ нужнымъ освѣдо-

мить министра народнаго просвѣщенія (графа Дм. Андр. Толстого) о вредномъ образѣ мыслей студентовъ гогенгеймской академіи. Толстой немедленно отвѣтилъ, что онъ снесся по этому поводу съ русскимъ посланникомъ при Вюртембергскомъ дворѣ и поручилъ ему отговаривать соотечественниковъ отъ поступленія въ гогенгеймскую академію, кромѣ того Толстой рекомендовалъ шефу жандармовъ отписать о томъ же министру государственныхъ имуществъ (Зелену), такъ какъ въ сущности въ гогенгеймскую академію могутъ быть командированы лишь студенты такого рода специальности, которая ничего общаго съ министерствомъ народнаго просвѣщенія не имѣетъ. Шуваловъ написалъ и Зелену.

Въ это время, подозрѣваемый въ дружбѣ съ Блиндомъ, Мосоловъ, прїѣзда котораго изъ за-границы ждали власти, еще до распоряженія объ его арестѣ, возвратился въ Россію и успѣлъ даже поступить на службу въ Учредительный Комитетъ Царства Польскаго и проживалъ въ Варшавѣ на квартирѣ дяди своего Александра Ивановича Кошелева.

2-го Іюня Мосолова розыскали, обыскали, арестовали и увезли «со всѣмъ» въ Петербургъ, въ III Отдѣленіе, гдѣ и заключили подъ стражу.

Однако ни въ вещахъ Мосолова, ни въ его многорѣчивыхъ показаніяхъ 7-го и 11 іюня, нельзя было найти указаній на причастность его къ дѣятельности заграничнаго общества революціонеровъ 14-го іюня къ докладу своему Императору о допросахъ Мосолова Шуваловъ добавляетъ: «допросы Мосолову дѣлаются съ большою осмотрительностью. Онъ не знаетъ по сіе время, что его сношенія съ Блиндомъ намъ извѣстны. Я опасаясь, чтобы онъ сталъ во всемъ запирается и тѣмъ затруднилъ дальнѣйшее изслѣдованіе». Это вызвало слѣдующую отмѣтку Императора: «буду ждать дальнѣйшаго».

Въ это время нѣкій Шульцъ, чиновникъ особыхъ порученій при шефѣ жандармовъ, тоже предназначенный, какъ и баронъ Врангель, учреждать заграничную россійскую агентуру, но по нездоровью еще не выѣхавшій изъ Петербурга, поправился и собирался въ путь, имѣя наготовѣ какой-то «свой планъ», ибо къ «соображеніямъ» Бисмарка Шульцъ относился скептически. Тѣмъ не менѣе Шуваловъ и Шульца снабдилъ письмомъ къ Бисмарку слѣдующаго содержанія: ¹⁾ «Баронъ Врангель передалъ мнѣ свѣдѣнія, столь драгоцѣнныя, которыя Ваше Превосходительство пожелало ему сообщить, такъ же какъ и Ваши мысли относительно революціоннаго движенія, которое такъ сильно реагируетъ въ Европѣ. Я поспѣшилъ доложить всѣ эти обстоятельства моему Августѣйшему Повелителю Государю Императору. Его Величество совершенно раздѣляетъ Ваше мнѣніе о полезности дѣйствовать сообща съ правительствами Его Величества Короля (прусскаго) и Императора французовъ съ цѣлью уничтожить разрушительные происки враговъ порядка. Смѣю надѣяться, графъ, что Вы не откажетесь преподать необходимыя указанія подателю сего письма состоящему при мнѣ, Коллежскому Совѣтнику Шульцу, для того

¹⁾ Подлинникъ написанъ на французскомъ языкѣ.

чтобы установить его сношенія, съ тѣми лицами, которымъ Ваше Превосходительство поручили это дѣло».

Кромѣ этого письма Шуваловъ снабдилъ Шульца и письмомъ къ россійскому послу во Франціи барону Будбергу, въ которомъ между прочимъ говоритъ: «Коллежскій Совѣтникъ Шулецъ поставитъ Ваше Превосходительство въ извѣстность еще болѣе близкую относительно революціонныхъ происковъ, съ каждымъ днемъ завоевывающихъ почву въ Европѣ, происковъ, преступныя цѣли которыхъ должны обратить на себя серьезное вниманіе нашего правительства».

Шулецъ получилъ паспортъ и деньги и отправился по Высочайшему повелѣнію отъ 16-го іюня за-границу. Допросы Мосолова продолжались неукоснительно. Не понимая, чего отъ него добиваются и за что арестовали, Мосоловъ принялся безъ утайки рассказывать свою біографію, такъ что не представлялось затрудненій удовлетворить выраженное Государемъ желаніе знать «кто такой Мосоловъ». Василій Александровичъ Мосоловъ, сынъ дворянина Рязанской губ., дѣйствительный студентъ агрономіи, 23 лѣтъ, окончивъ курсъ въ Лѣсной Академіи, былъ отправленъ дядей своимъ Кошелевымъ за-границу для усовершенствованія въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ. Получивъ отъ дядюшки приличную сумму денегъ, Мосоловъ покинулъ Россію, побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ и др. городахъ, иногда мимоходомъ бралъ уроки нѣмецкаго языка, котораго совершенно не зналъ, кое съ кѣмъ познакомился, между прочимъ со студентомъ Бороздинымъ, фамиліи многихъ своихъ новыхъ знакомыхъ запомнилъ, кое-что почиталъ изъ «запрещеннаго», потому что другихъ русскихъ книгъ за-границей не было (знаменитый «Колоколь» произвелъ на Мосолова «отталкивающее впечатлѣніе»); онъ посѣщалъ театры, кондитерскія, погребки и, наконецъ, услыжавъ, что въ Гамбургѣ имѣется рулетка, немедленно устремился туда попытать счастья и проигралъ всѣ деньги, данныя ему для усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ. Тогда-то, но несомнѣнно не «для удовольствія», какъ доносилъ агентъ Роже, Мосоловъ кое-какъ добрался до Гогенгейма, гдѣ имѣлась Земледѣльческая Академія, въ ту пору (въ мартѣ) закрытая по случаю вакацій. Тутъ былъ у Мосолова знакомый студентъ Никитинъ и Мосоловъ даже походилъ на практическія занятія. Отъ матери онъ получилъ всего 100 рублей, сумму недостаточную, чтобы возвратиться на родину и приходилось ждать, когда въ отвѣтъ на покаянное письмо, дядя А. И. Кошелевъ вышлетъ болѣе крупную сумму денегъ. Получивъ эти деньги, Мосоловъ немедленно же и уѣхалъ».

Допросы Мосолова положительно не давали желанныхъ матеріаловъ и не подтверждали взведенныхъ на него обвиненій, какъ вдругъ пришло извѣстіе изъ Кронштадта о задержаніи тамъ «эмиссара Клятвеннаго Союза» Петерсона. Субъекта съ англійскимъ паспортомъ на имя Петерсона арестовали, забрали его вещи и деньги 110 фунтовъ стерлинговъ, и доставивъ его «со всѣмъ» въ 3-е Отдѣленіе (17-го іюня), стали черезъ переводчика допрашивать. Но «Петерсонъ» оказался Патарсономъ, истиннымъ владѣльцемъ своего паспорта, капиталистомъ изъ Глазго, прибывшимъ въ Россію единственно только

«для удовольствія». Личность его была удостовѣрена, вещи и деньги возвращены и почтенный г. Патарсонъ получилъ возможность безпрепятственно продолжать свою увеселительную поѣздку по Россіи.

Не успѣли расправиться съ Патарсономъ, какъ изъ Вержболова (18-го іюня) пришла сенсаціонная телеграмма: «Задержанъ Александръ Мосоловъ, лѣтъ, 24-хъ, темнорусые волосы, одѣтъ прилично. Слѣдуетъ ли арестовать?» Но отъ полученія дубликата Мосолова генералъ Мезенцевъ отказался, телеграфировавъ: «Прошу Александра Мосолова не задерживать, искомый уже отысканъ.»

Наконецъ послѣдовательно и осторожно дошли на допросахъ до Блинда и Мосоловъ немедленно же отвергъ возможность дружбы съ нимъ, потому что, не зная нѣмецкаго языка, онъ не могъ бы даже бесѣдовать съ другомъ, а главное потому, что онъ, Мосоловъ, «честное слово» никогда въ жизни не видалъ Блинда, кромѣ того никогда ни въ какихъ конспираціяхъ и т. п. дѣянійхъ не участвовалъ и даже послѣ безпорядковъ въ Горигорѣцкомъ институтѣ, гдѣ онъ первоначально обучался, Мосоловъ былъ переведенъ въ Лѣсной Институтъ въ числѣ политически благонадежныхъ студентовъ. Онъ просилъ вообще обратить вниманіе на его чистосердечныя показанія и кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ въ будущемъ «удалить всю тѣнь» павшаго на него подозрѣнія и «повергалъ участь свою милостивому благоусмотрѣнію правительства». Затѣмъ все это Мосоловъ изложилъ письменно и прошеніе его 24-го іюня было доложено Императору.

Отобравъ отъ Мосолова подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга, 30-го іюня его выпустили подъ надзоръ полиціи на нѣкоторое время.

За два дня до освобожденія его, III Отдѣленіе обратилось, наконецъ, къ министру государственныхъ имуществъ за справкой о поведеніи Мосолова въ Горигорѣцкомъ Институтѣ и Лѣсной Академіи. Все, что уже говорилъ Мосоловъ о своемъ «отличномъ поведеніи» и что знали по этому поводу изъ его аттестата—подтвердилось, кромѣ того оказалось, что однажды онъ уже невинно пострадалъ отъ взведеннаго на него подозрѣнія: въ дѣлѣ о студентахъ Горигорѣцкаго Института (возстаніе въ Горкахъ 1863 г.) имѣлось указаніе на то, что Мосоловъ вкупѣ со студентомъ Берхомъ, обвинялся въ «произнесеніи оскорбительныхъ выраженій о Священной Особѣ Государя», но, рассмотрѣвъ это дѣло, генералъ-маіоръ Потаповъ не нашелъ никакихъ основаній къ обвиненію и опредѣлил: Мосолова и Берха освободить отъ всякой отвѣтственности.

Берхъ былъ въ 1866 г. управляющимъ дѣлами Бороздиной, подозрѣваемой въ сношеніяхъ съ Блиндомъ.

А. И. Кошелевъ хлопоталъ, чтобы племянника его освободили изъ подъ надзора полиціи, но до 25-го іюля дѣло Мосолова еще не было приведено въ надлежащую ясность. 25-го іюля, было получено донесеніе отъ цѣнниаго Бисмаркомъ русскаго агента Штибера, который и положилъ конецъ томленію заподозрѣннаго молодого человѣка.

Штиберъ писалъ, что «не нашелъ ни одного указанія, подтверждающаго предположенія графа Бисмарка». Обвиненіе Мосолова основано лишь на догадкахъ Бороздина и Штоля, содержателя гостинницы «Zug Garbe». Агентъ Роже поселился въ этой гостинницѣ и сблизился

съ Бороздинымъ, который и сказалъ Роже, что Мосоловъ тоже жилъ въ «Zur Garbe», жилъ тамъ и Блиндъ передъ покушеніемъ на Бисмарка. Штоль же не только выразилъ, равно какъ и Бороздинъ, свое удивленіе по поводу того, что въ день покушенія Блинда Мосоловъ уѣхалъ, не сказавъ куда онъ отправляется, но хозяина «Zur Garbe» особенно поразило еще и то, что Мосоловъ жилъ въ Гогенгеймѣ «для удовольствія», тогда какъ никто съ этой цѣлью въ Гогенгеймъ не ѣздилъ. Фактъ этотъ показался столь подозрительнымъ Штолю, что онъ заподозрилъ даже Мосолова въ сообществѣ съ Блиндомъ, хотя, впрочемъ «не было замѣчено, чтобы они знали или посѣщали другъ друга». Всѣ эти догадки заставили Роже ближе разслѣдовать дѣло, но ничего существеннаго онъ найти не могъ. Бороздинъ заболѣлъ горячкой и бесѣды съ нимъ Роже прекратились. Роже сознавался, что не вѣрилъ самъ въ основательности предположеній Бороздина и Штоля, но сообщалъ о нихъ въ свое время по долгу службы. «Бороздинъ же всѣмъ къ дѣлу не причастенъ, что доказывается тѣмъ, что онъ самъ заподозрилъ Мосолова». Виновность магистра Бороздина также ничѣмъ не подтвердилась.

Вслѣдствіе этого донесенія Штибера, всѣ распоряженія о задержаніи Бороздиныхъ были отмѣнены 30-го іюля. «Эмиссары» Качковскій и Петерсонъ такъ и не прибыли въ Россію.

Мосолова также освободили «совершенно и безъ всякихъ для него послѣдствій», но онъ къ этому времени такъ поиздержался, что даже обратился къ шефу жандармовъ съ просьбой походатайствовать передъ статсъ-секретаремъ Милютинимъ о предоставленіи ему, Мосолову, службы по акцизному управленію Царства Польскаго. Кромѣ того Мосоловъ просилъ дать ему 100 рублей въ видѣ пособія или хотя бы заимообразно до пріисканія мѣста.

На эту просьбу послѣдовало такое заключеніе III Отдѣленія, доложенное графу Шувалову: «принимая въ соображеніе извѣстныя обстоятельства по дѣлу г. Мосолова и, дѣйствительно, безвыходное положеніе его, казалось бы, что изъясненная просьба молодого образованнаго и, какъ показали послѣдствія, незапятнаннаго ничѣмъ молодого человѣка, тѣмъ болѣе могла бы заслуживать вниманія, что это имѣло бы благопріятныя послѣдствія на всю будущность его. 2-го августа 1866 г.

N. N.



Константи́нъ Гавриловичъ
НЕУСТРОЕВЪ.

Историческая библиографія.

Хроника социалистическаго движенія въ Россіи. 1878—1887 гг. *Оффиціальній отчетъ. Москва 1907 г. Изд. В. М. Саблина Ц. 1 р. 50 к.*

Все болѣе и болѣе всплываетъ на свѣтъ божій „потаенная“ или, еще вѣрнѣе, „подпольная“ литература нашей правящей бюрократіи. Не ограничиваясь изданіемъ исключительно для „посвященныхъ“ всякаго рода тайныхъ докладовъ, обзоровъ, сводовъ, инструкцій, циркуляровъ и прочихъ продуктовъ своей плодотворной дѣятельности, это почтенное братство дѣлало попытку издавать, на основаніи накопившихся въ тайникахъ департамента полиціи, относящихся къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, обширныхъ матеріаловъ, и цѣлыя „Хроники“ этого движенія. Издавались такія произведенія нашими полицейскими лѣтописцами въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и предназначались они лишь для абсолютно „своихъ“ людей при томъ, разумѣется, самыхъ высшихъ ранговъ. Редакція „Хроникъ“ поручалась такимъ лицамъ, на „скромность“ которыхъ можно было положиться вполне (въ данномъ случаѣ редакторомъ явился товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ „извѣстный“ генераль Шебеко), печатались онѣ не иначе, какъ на французскомъ языкѣ (доказательство, что авторы—люди du bon ton) и разсылались, кому сіе вѣдать надлежало, съ надписью „confidentiel et exclusivement personnel“. Словомъ, обставлялось дѣло вполне конспиративно, по всѣмъ правиламъ „тайныхъ сообществъ“.

Но перейдемъ непосредственно къ предмету настоящей рецензіи.

О степени невѣжества Шебеки въ области предмета, о которомъ онъ не только смѣло взялся судить, но и исторію котораго дерзнуть составлять, читатель будетъ имѣть возможность судить изъ послѣдующихъ строкъ, но мы должны констатировать здѣсь же, съ величайшимъ, конечно, сожалѣніемъ, что и редакторъ изданнаго г. Саблинымъ перевода „Хроникъ“ на русскій языкъ г. В. К. обнаружилъ знакомство съ исторіей русскаго революціоннаго движенія ничуть не большее, чѣмъ генераль Шебеко. Доказательства ниже. Мы, конечно, не будемъ останавливаться на, съ позволенія сказать, „научной“ сторонѣ „Хроникъ“. Что говорить о ней, если на языкѣ полицейскаго историка Вакуиничъ, Лавровъ, Желябовъ, Плехановъ, да любой, рѣшительно любой, революціонеръ, носить общее имя „анархистовъ“! Такое умѣіе разби-

ратся въ направленіяхъ различныхъ революціонныхъ партій можно поставить въ одинъ уровень развѣ лишь съ утвержденіемъ того же Шебеки, что до 1879 года „стачки совсѣмъ были неизвѣстны въ Россіи“ (стр. 41). Последнее, впрочемъ, можно объяснить вѣковѣчною привычкою господъ Шебекъ отождествлять себя съ „Россією“. Имъ „неизвѣстно“, значитъ, и „Россія“ неизвѣстна! Оставляя по этой причинѣ вовсе безъ разсмотрѣнія эту сторону дѣла, мы обратимся непосредственно къ фактическому содержанію книги нашего генерала отъ полиціи. Этотъ почтенный мужъ повѣдалъ, между прочимъ, своимъ читателямъ, что съ 1 іюля 1881 года „департаментъ полиціи предпринялъ изданіе „Обзоровъ“ хода главныхъ слѣдствій по политическимъ дѣламъ, а также дѣятельности анархистскаго міра. Это изданіе выходитъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и только для пользованія высшихъ и компетентныхъ властей. Эта серія официальныхъ данныхъ со временемъ дастъ прочную и истинную базу для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“ (стр. 207). Тщательное изученіе вами этихъ „Обзоровъ“ (нѣсколько извлеченій изъ нихъ за разные годы мы уже напечатали въ нашемъ журналѣ), равно какъ и предшествовавшего имъ „Свода указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“ (первыя главы этого „Свода“ мы помѣщаемъ въ настоящей книжкѣ), даетъ намъ полное основаніе утверждать, что составители „Хроники“ и ея редакторъ генералъ Шебеко не были знакомы сколько нибудь основательно *даже съ этими произведеніями премудрости департамента полиціи*. Будь это иначе, они не испещрили бы „Хронику“ безчисленными ошибками фактическаго характера: они не сказали бы, что дѣло Горскаго, Бильчанскаго и др. разсматривалось *Одесскимъ* военнымъ судомъ (стр. 87), тогда какъ лица эти судились военнымъ судомъ въ Кіевѣ, гдѣ Горскій и Бильчанскій, а вмѣстѣ съ ними и Федоревъ (Гобеть) были повѣшены; что Исаевъ „принималъ участіе въ покушеніи подъ Александровскомъ“ (112), тогда какъ онъ не имѣлъ къ этому дѣлу почти никакого отношенія, а принималъ выдающееся участіе въ покушеніи подъ Москвою; что „Желябовъ былъ посланъ въ Кишиневъ съ дѣлюю ограбленія казначейства“ (124), тогда какъ ни въ данныхъ процесса 20 народовольцевъ, гдѣ нѣкоторымъ изъ обвиняемыхъ инкриминировалось именно это дѣяніе, ни въ соответствующихъ „Обзорахъ“ о поѣздкѣ Желябова въ Кишиневъ ни разу не упоминается, а говорится лишь, что Меркуловъ ѣздилъ туда по порученію Желябова; что попытка взорвать царскій поѣздъ подъ Москвою произошла 19 февраля 1879 года, тогда какъ это случилось 19 ноября того же года; что въ Ростовѣ на Дону печатались №№ 10 и 11 „Народной Воли“ (281.) тогда какъ тамъ печатался только № 10, а 11-го № *въ отдѣльности и вовсе не существовало*. № 11—12 (двойной) былъ выпущенъ много времени спустя послѣ 10-го въ Туль; что, благодаря возникновенію за границей „Группы освобожденія труда“, (какъ всѣмъ извѣстно, социаль-демократической) „образовался снова за границей расколъ между „народовольцами“ и „народниками““. („Вскорѣ изданная программа кружка Плеханова была почти тождественна съ идеями „Чернаго Передѣла“,—добавляетъ по этому поводу великолѣпный генералъ. Стр. 249) и т. д. и т. д. безъ конца.

Къ сожалѣнію, редакторъ перевода на русскій языкъ шебековской „Хроники“ г. В. К., очевидно, по причинѣ такого же незнакомства съ предметомъ какимъ отличался и Шебеко, не только не оговорилъ въ примѣчаніяхъ (а на примѣчанія, къ слову сказать, иногда весьма неудачныя, г. В. К. не скупился) всѣхъ этихъ фактическихъ ошибокъ „Хроники“, но и прибавилъ уже отъ себя

множество новых. Подлинная „Хроника“, как мы уже упоминали, была дана на французскомъ языкѣ, а потому и при переводѣ ея на языкъ русскій, необходимо было не только владѣть обоими этими языками, но и обладать знаніемъ предмета, какъ такового. На дѣлѣ, однако, ни за переводчикомъ, ни за редакторомъ такихъ, столь необходимыхъ для приличнаго исполненія принятой ими на себя задачи, данныхъ совѣтъ не оказалось: они прямо такъ систематически искажаютъ заглавія революціонныхъ изданій, названія организацій, фамилій революціонеровъ и пр. и пр. Такъ они дважды говорятъ о никогда не существовавшей брошюрѣ „Убіеніе за убійство“ (вмѣсто известной каждому знакомому съ исторіей революціоннаго движенія въ Россіи, написанной Кравчинскимъ тотчасъ послѣ убійства имъ Мезенцева брошюры „Смерть за смерть“), называютъ прокурора Добржинскаго (нѣсколько разъ) Добржанскимъ, известныхъ шлессельбужцевъ Малавскаго (три раза подрядъ) Малавскимъ, а Будинскаго—Бучинскимъ. Всѣмъ известный Юрій Богдановичъ (Кобозевъ) фигурируетъ въ русскомъ переводѣ „Хроники“ много разъ, какъ Георгій Богдановичъ, а громкій въ свое время „Южно-Русскій Рабочій Союзъ“ называется то „Южнымъ рабочимъ союзомъ“, то „Союзомъ южныхъ рабочихъ“. Революціонеровъ Сентаянина переводчикъ и редакторъ величаютъ Севятишнымъ, Березнюка (нѣсколько разъ)—Березнякомъ, Родина—Радинымъ, Круковскую—Крюковской, Айтова—Айтовымъ, Лозянова—Лозоновымъ, Кузюмкина—Кузёмкинымъ, Майнова—Майковымъ и пр. и пр. Фамиліи нѣкоторыхъ революціонеровъ искажены переводчикомъ и редакторомъ уже до полной неузнаваемости: такъ осужденный въ 1880 году въ Кіевѣ Никита Левченко называется у нихъ Никифоромъ *Савченко*, а осужденная въ 1883 году по известному процессу 17 народовольцевъ Юшкова передѣлана въ *Сучкову*... Мелкихъ ошибокъ, ужъ прямо не оберешься: известная землевольческая „вольная русская типографія“ (организованная Зунделевичемъ) называется „свободной русской типографіей“, народовольческая прокламація „Славному войску казачьему—Донскому, Уральскому, и т. д.“ переведена „Славному казачеству Дона, Урала и т. д.“ И такихъ, постинѣ *вольныхъ* переводовъ, избѣгать которыхъ было бы въ настоящее время очень легко всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ литературою предмета, находится въ „Хроникѣ“ въ неприлично большомъ количествѣ.

Переводъ и въ общемъ сдѣланъ весьма неудовлетворительно. Встрѣчаются и курьезы: такъ, переводчикъ говоритъ, а редакторъ его не поправляетъ, нѣсколько разъ о несуществующей „Байкальской области“ (вмѣсто Забайкальской).

Въ заключеніе еще пара замѣчаній:

Редакторъ „Хроники“ пашетъ въ своемъ къ ней предисловіи такіа строки: „Въ печати какъ русской, такъ и заграничной упоминаній о немъ (объ этомъ произведеніи Шебеко) встрѣчать намъ не приходилось. *Не знаютъ ея и историки нашихъ общественныхъ движеній*, къ которымъ мы обращались за справками“.

Кто эти удивительные „историки нашихъ общественныхъ движеній“, къ которымъ редакторъ русскаго перевода „Хроники“ обращался за справками о книгѣ, давно уже известной даже и не специалистамъ,—мы не знаемъ, но зачѣмъ это было г-ну В. К. и обращаться къ нимъ, когда свои сомнѣнія онъ могъ бы разрѣшить гораздо проще. Въ примѣчаніяхъ къ „Хроникѣ“ онъ часто дѣлаетъ ссылки на журналъ „Былое“. Если бы онъ потру-

дился развернуть мартовскую книжку „Былого“ за прошлый годъ, то на страницѣ 74-й въ замѣткѣ „Къ портрету А. И. Желябова“, онъ нашелъ бы не только полное французское названіе „Хроники“ (Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887“. XI—761 ps. Redigé sous la direction de l'Ajoint du Ministre de l'intérieur, le lieutenant-général Schébéco. Imprimerie officielle du Ministère de l'intérieur, à St. Pétersbourg. 1890.), но и французскія цитаты изъ этой книги съ указаніемъ страницъ. (Чтобы удостовѣриться въ томъ, насколько слабъ и въ общемъ переводъ на русскій языкъ „Хроника“, рекомендуемъ желающимъ сравнить приведенныя у насъ въ замѣткѣ „Къ портрету А. И. Желябова“ французскія цитаты изъ подлинника съ помѣщеннымъ на стр. 161 изданной г. Саблинымъ „Хроники“ переводомъ ихъ на русскій языкъ).

Затѣмъ по другому поводу: помѣщая переводъ списка эмигрантовъ, г. В. К. къ фамиліи эмигранта Волкова (стр. 333) дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Извѣстный этнологъ. Нѣсколько его статей въ „Быломъ“ 1906 г.“ Затѣмъ г. В. К. повнадобилось говорить даже о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ уже абсолютно не имѣетъ понятія—мы рѣшительно недоумѣваемъ. Ни одной статьи бывшего эмигранта Волкова у насъ вполоть до настоящей книжки помѣщено не было а единственная статья, подписанная псевдонимомъ „Волковъ“, („Народовольческая пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 году“. Февраль 1906 г.) принадлежитъ совсѣмъ другому лицу. Была еще статья въ *заграничномъ* „Быломъ“ (В. Л. Бурцева), подписанная тѣмъ же псевдонимомъ „Волковъ“, („Изъ жизни саратовскихъ кружковъ“), но и она принадлежитъ *тому же автору* воспоминаній о „Народовольческой пропагандѣ среди московскихъ рабочихъ въ 1881 году“. Говоримъ это, конечно, не потому, чтобы мы имѣли что бы то ни было противъ сотрудничества *подлиннаго* г. Волкова,—напротивъ,—а въ качествѣ простого констатированія факта, какъ иногда он écrit (въ данномъ случаѣ он rédige) l'histoire“...

Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ появленіе на русскомъ языкѣ „Хроники“ Шебеко фактомъ, заслуживающимъ полнаго вниманія: массою сырыхъ матеріаловъ, въ ней находящихся, она сослужитъ свою службу дѣлу познанія прошлаго нашего освободительнаго движенія, но, конечно, только въ умѣлыхъ рукахъ.

В. Богучарскій.

Царевубійство 11 марта 1801 года. *Записки участниковъ и современниковъ. Съ 17-ю портретами, видами и планами. С-Петербургъ, 1907, изданіе А. С. Суворина.*

Въ этомъ сборникѣ наиболѣе значительны по объему цѣнныя записки Саблукова и Коцебу, касающіяся не одного только убійства Павла, но и вообще его времени. Записки *Н. А. Саблукова*, полковника конной гвардіи, послѣ 1809 года вышедшаго въ отставку и жившаго въ Англій, напечатаны были первоначально въ англійскомъ переводѣ, въ журналѣ Fraser's Magazine 1865 г.; отсюда онѣ были переведены въ Русскомъ Архивѣ 1869 г. (№ 11, ст. 1869—1951), съ пропускомъ описанія убійства. За утратой русскаго оригинала записокъ, онѣ и въ сборникѣ А. Суворина печатаются въ переводѣ съ англійскаго, подъ редакціей К. Военскаго.

Сочиненіе *Августа Коцебу*, нѣмецкаго писателя, теперь больше всего извѣстнаго только своей смертью отъ руки Занда (1819 г.), подъ названіемъ

„Исторія Заговора, который 11 марта 1801 года лишил императора Павла престола и жизни“ напечатано въ переводѣ съ подлинной нѣмецкой рукописи. сдѣланномъ еще въ 1877 году княземъ А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ, съ его же очень обстоятельными примѣчаніями. Специалистамъ этотъ переводъ давно уже извѣстенъ по изданію А. С. Суворина, напечатанному въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не поступавшихъ въ продажу.

Кромѣ этихъ двухъ мемуаровъ, въ сборникъ помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ записокъ, извѣстныхъ уже по французскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ, частью по русскимъ заграничнымъ, а съ 1896 года отчасти и по „Историч. Вѣстнику“. Изъ этихъ отрывковъ представляетъ большой интересъ извлеченное изъ мемуаровъ *генерала Беннигсена* и напечатанное недавно г. Шиманомъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1906, № 4), письмо генер. Беннигсена къ его другу генералу Фокю, написанное вскорѣ послѣ событія 11 марта 1801 года, въ которомъ Беннигсенъ игралъ очень видную роль. Затѣмъ въ сборникъ вошли отрывки изъ мемуаровъ *княгини Д. Х. Ливенъ*, въ переводѣ В. Штейна (также недавно напечатанномъ въ Истор. Вѣстн., 1906, № 5); изъ записокъ декабриста *М. А. Фонвизина* (въ цѣломъ, съ небольшими цензурными пропусками, извѣстныхъ уже по изданію „Общественныя движенія въ Россіи“, т. I, 1905), изъ записокъ *графа Ланжерона*, рассказъ его о смерти Павла, записанный со словъ Палена и Беннигсена (напечатанъ былъ не такъ давно въ *Revue Britannique* 1895, № 6); изъ записокъ *барона Гейкина*, изданныхъ по-нѣмецки въ 1886 году (*Aus den Tagen Kaiser Pauls*), наконецъ, изъ извѣстныхъ мемуаровъ *князя Адама Чарторыйскаго*

Это—далеко неполная коллекція главныхъ источниковъ по исторіи переворота 1801 года. Редакторъ изданія заявляетъ, что оно имѣетъ цѣлью „способствовать полному выясненію истины о кровавыхъ событіяхъ и переворотѣ 1801 года“ и что „въ книгѣ соединены наиболѣе достовѣрные источники и не вошли всѣ тѣ рассказы и пересказы, въ которыхъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ пылкой фантазіи, явно лживыхъ сплетенъ и неосновательныхъ слуховъ“. Но подъ эту характеристику никакъ не подходятъ невошедшія въ сборникъ, напримѣръ, донесенія саксонскаго посланника *Розенигейла*, опубликованныя въ журналѣ *Aus allen Zeiten und Landen*, (*Braunschweig*, 1883 г.); не подходятъ и помѣщенные въ сборникъ Шимана („Къ исторіи царствованія Павла I и Николая I, новые матеріалы“, Берлинъ, 2-е изд. 1906 г.: рассказы о смерти Павла—принца *Евгенія Вюртембергскаго*, *А. Н. Вельяминова-Зернова* и записанный со словъ Беннигсена и князя П. Зубова рассказъ *Эриста Ведела* 1).

Неполнота сборника обусловлена отчасти тенденціозностью редакторовъ, которые оспариваютъ сумашествіе Павла, выдвигаютъ его благородство, вмѣстѣ съ его „прекрасными манерами“, „вѣжливостью къ женщинамъ“, „бойкимъ умомъ“ и прочими, по большей части, мнимыми достоинствами, и въ противоположность ему унижаютъ заговорщиковъ, какъ изверговъ и злодѣевъ. Тенденціозность бросается въ глаза во всемъ, и въ предисловіи чисто фельетоннаго характера, неизвѣстнаго автора, и въ пропускѣ нѣкоторыхъ матеріа-

1) Рассказъ Вельяминова-Зернова, раньше сборника Шимана, напечатанъ былъ, безъ имени автора, въ „Историческомъ Сборникѣ“, изд. въ Лондонѣ, въ 1861 г., ч. II. Рассказъ принца Евгенія раньше изданъ былъ въ книгѣ: *Bar. Helldorf, Aus dem Leben des Prinzen Eugen vor Württemberg*, 1861 г., и частью переведенъ въ Русскомъ Архивѣ 1878, т. I.

ловъ, якобы живыхъ и неосновательныхъ, и въ расположеніи матеріала; на первое мѣсто выдвинуты записки Саблукова не столько по ихъ цѣнности, сколько вслѣдствіе благожелательнаго отношенія къ Павлу ихъ автора. Редакторы воздаютъ Саблукову „честь и славу“ за то, что онъ былъ „искренно и убѣжденно преданъ самодержавію и всѣмъ остальнымъ исконнымъ завѣтамъ русской жизни“; они въ этой характеристикѣ нисколько не стѣсняются тѣмъ, что самъ Саблуковъ въ своихъ запискахъ выказалъ явное сочувствіе конституціи, и смѣло заподозрѣваютъ точность англійскаго перевода какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Саблуковъ говоритъ о конституціи (стр. 18, и примѣчаніе редактора).

Переводъ записокъ Адама Чарторыскаго, перепечатанный изъ „Русской Старины“, поражаетъ той безцеремонностью, съ какою редакторы дорогого, хорошо изданнаго сборника, претендующаго на научное значеніе ¹⁾, рѣшаются выдавать за переводъ мемуаровъ Чарторыскаго ихъ тенденціозную передѣлку. „Беззащитность жертвы уже ихъ (заговорщиковъ) не останавливала, *возбуждая дикое чувство мести*“; такъ сказано въ Сборникѣ; Чарторыскій пишетъ совсѣмъ другое: „Его уничтоженіе, его полная покорность никого не обезоруживаютъ и дѣлаютъ его въ ихъ глазахъ презрѣннымъ и смѣшнымъ, сколь и ненавистнымъ“. (Son anéantissement, son entière soumission ne désarment personne, et le rendent à leurs yeux méprisable et ridicule, autant qu'odieux).

„На несчастнаго, читаемъ въ сборникѣ, посыпались удары“; въ подлинникѣ: on le frappe. „Озвѣрѣвшіе злодѣи продолжаютъ затягивать петлю и влекутъ безжизненное тѣло по комнатамъ“; въ подлинникѣ: „on se pend encore à l'échafaud on traîne le cadavre, on le frappe de la main et du pied“ ²⁾. Переводчикъ прибавляетъ слова: „несчастный“, „дикое чувство мести“, „озвѣрѣвшіе злодѣи“ и пропускаетъ цѣлыя фразы о томъ, что Павелъ казался заговорщикамъ презрѣннымъ и жалкимъ, и что они наносили трупу удары руками и ногами. Весь переводъ также искаженъ до неузнаваемости, даже въ мѣстахъ, совершенно невинныхъ съ цензурной точки зрѣнія; такъ напримѣръ, стр. 222-я о постройкѣ Павломъ Михайловскаго замка и о подготовкѣ заговора представляетъ собою вся не переводъ, а вольный извращенный пересказъ мемуаровъ.

Въ такомъ цѣнномъ документѣ, какъ письмо генерала Бенигсена оупущено его начало на томъ основаніи, какъ заявляетъ г. Шиманъ, что оно заключаетъ въ себѣ якобы „невѣрное описаніе сумасбродствъ Павла“. Не говоря уже о специалистахъ, даже для любителей было бы важно ознакомиться съ тѣмъ, что редакторамъ тенденціознаго сборника кажется иной разъ невѣрнымъ. Въ предисловіи къ письму Бенигсена сказано, что этотъ документъ „до сихъ поръ нигдѣ не былъ обнародованъ“; но мы уже за годъ до выхода сборника читали его, съ тѣми же самыми словами предисловія того же г. Шимана, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1906, № 4).

Переводъ „Исторія“ Коцебу, повидимому, сдѣланъ очень тщательно, но

¹⁾ „Настоящимъ изданіемъ, исключительно предназначеннымъ для небольшого кружка специалистовъ историковъ и любителей отечественной старины“... слова предисловія, на стр. 4.

²⁾ Mémoires du prince Adam Czartoryski, Préface de M. de Mazade Paris 1877 с. 249 и др. То самое изданіе, на которое ссылается редакція (с. 204).

онъ переполненъ тяжеловѣсными фразами нѣмецкой конструкціи, такого рода: „Нѣсколько способовъ извести императора были предпринимаемы“; „клевета присовокупляетъ“; „за нѣсколько дней до ниспроверженія своего счастья“: „ропотъ на слабость, коей опасныя послѣдствія и т. д. (ст.ст. 288, 318, 320, 326).

Перевода записокъ Сабукова я не свѣрялъ съ англійскимъ журналомъ, откуда онъ переведены, но сравнилъ съ другимъ переводомъ тѣхъ же записокъ, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 года. Оказалось, что въ сборникѣ г. Суворина пропущены, безъ какихъ либо отмѣтокъ всѣ предисловія автора къ различнымъ частямъ этихъ записокъ. Эти предисловія личнаго характера, съ указаніемъ времени написанія различныхъ частей разсказа, очень важны для оцѣнки ихъ достовѣрности. Изъ „Русскаго Архива“ видно, что первая часть ихъ написана была въ 1840 году, II-я же—начата 10 апрѣля 1847 года, при измѣнившихся условіяхъ; авторъ заявляетъ, что у него уже нѣтъ больше „подъ руками моихъ бумагъ и записокъ, или такихъ историческихъ сочиненій, которыя дали бы мнѣ возможность соблюдать въ моемъ разсказѣ строгій хронологическій порядокъ“ („Р. Арх.“ 1869, ст. 1913—1914). Въ новомъ, яко бы, научномъ, изданіи все это опущено, и части 1-я и 2-я слиты на стр. 50-й, безъ какого бы то ни было указанія на пропускъ точками или чертою.

Н. Сильванскій.

Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи. *Выпускъ II.* Череванинъ. „Пролетаріатъ въ революціи“. Москва. 1907 г. Ц. 60 к.

Книгоиздательство „Движеніе“ предприняло изданіе серіи изслѣдованій, объединенныхъ общимъ заглавіемъ „Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи“. Въ эту серію входятъ: В. Меча: „Силы реакціи“; Череванинъ: „Пролетаріатъ“; В. Горна: „Крестьянство“ и В. Меча: „Либеральная и демократическая буржуазія“. Нужно ли говорить о томъ, насколько важно для исторіи нашей революціи предпринятое изданіе? По замыслу его редакторовъ, насколько объ этомъ можно судить по приведеннымъ заглавіемъ, это коллективное изслѣдованіе обѣщаетъ дать анализъ всѣхъ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ російскомъ революціонномъ движеніи, въ каковомъ анализѣ ощущается большая, до сихъ поръ неудовлетворенная, необходимость. Насколько успѣшно будетъ выполнена эта задача, покажетъ будущее, теперь же объ этомъ можно судить лишь постольку, поскольку подвинулась названная работа.

Передъ нами—только что вышедшая часть ея—книга г. Череванина, „Пролетаріатъ въ революціи“. Ее мы и разсмотримъ. Авторъ поставилъ себѣ задачей—изслѣдованіе „прямого, непосредственнаго участія пролетаріата въ революціи, его революціонной работы“. Несмотря на то, что авторъ—соціалъ-демократъ, онъ безбоязненно критикуетъ дѣятельность с.-д. партіи и не закрываетъ глазъ на ошибки, допущенныя ею въ разгарѣ революціоннаго движенія. Эта особенность придаетъ книгѣ значеніе дѣйствительнаго изслѣдованія, а не одного только агитаціоннаго документа, чѣмъ такъ часто грѣшатъ литературныя работы партійныхъ людей. Благодаря этому, въ книгѣ г. Череванина нѣтъ и того романтизма, которымъ такъ любятъ уснащать, въ ущербъ истинѣ, господа „партійцы“ всѣ выступленія пролетаріата. Вопреки, напр., г. Троцкому, дошедшему въ своей фантазіи до взгляда на выступленіе рабочихъ 9 января

1905 г. какъ на какое-то шествіе въ бой, завершившееся будто бы сраженіемъ съ войсками, во время котораго „рабочіе захватывали, гдѣ могли, оружіе, стронія баррикады“ („Наша революція“)—г. Череванинъ совершенно справедливо устанавливаетъ, что такъ старалось представить дѣло правительство, пытавшееся въ своемъ сообщеніи оправдать звѣрскую расправу съ мирными, безоружными рабочими „На самомъ дѣлѣ, говоритъ авторъ, всѣ фактическія данныя о 9 января говорятъ единодушно, что захватъ оружія и постройка баррикадъ были совершенно одиночными явленіями, имѣли мѣсто только на Васильевскомъ островѣ и чрезвычайно мало характерны для общей картины движенія 9 января. Общая картина была—мирное выступленіе и разстрѣлъ затѣмъ мирныхъ и безоружныхъ людей въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны. Рабочіе нешли на бой, они не готовились къ нему, иначе они не двинулись бы къ Зимнему Дворцу съ женами, дѣтьми и стариками“ (стр. 27).

Точно такъ же расходится г. Череванинъ съ большинствомъ социаль-демократовъ въ оцѣнкѣ роли буржуазной интеллигенціи въ развитіи октябрьскихъ событій. Онъ совершенно свободенъ отъ распространеннаго въ социал-демократическихъ кругахъ предразсудка о томъ, что пролетаріатъ былъ единственнымъ творцомъ и двигателемъ русской революціи, и не только, не отказываетъ интеллигенціи во вліяніи ея на ходъ революціоннаго движенія, но не закрываетъ глаза и на то, что и социалдемократія и пролетаріатъ далеко не вездѣ шли впереди революціи.

Но и тамъ, гдѣ пролетаріатъ со своими вожаками былъ въ авангардѣ, социалдемократія сдѣлала не одну крупную ошибку и эти ошибки не мало содѣйствовали неудачному исходу революціи. Одною изъ такихъ ошибокъ была объявленная совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, борьба за 8 часовой рабочей день, установленный совѣтомъ захватнымъ порядкомъ. Г. Череванинъ весьма критически относится къ этому шагу и, называя идею о 8 часовомъ рабочемъ днѣ въ то время—несчастною идеей, удостовѣряетъ, что она только осложнила революціонную борьбу и ослабила силы революціи, толкнувъ въ объятія реакціи нѣкоторые буржуазные слои, которые до этого были на сторонѣ революціи. Другую крупную ошибку социаль-демократіи авторъ видитъ въ отрицательномъ отношеніи ея къ Думѣ. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать ее опорнымъ пунктомъ борьбы и стремиться къ осуществленію выборовъ по четырехчленной формулѣ, „пролетаріатъ занялъ позицію, при которой неизбежно было его пораженіе: онъ явно и открыто заявлялъ желаніе воспользоваться той свободой, которую онъ отвоевалъ у правительства, для того, чтобы возможно скорѣе подготовить вооруженное возстаніе и низвергнуть правительство“ (стр. 79). Этотъ упрекъ становится понятнымъ если прибавить, что въ своемъ стремленіи осуществить свою тактику, социалдемократія не считалась со значительнымъ пониженіемъ революціонной волны, не только приведшимъ къ невозможности дальнѣйшаго развитія наступительной борьбы съ бюрократіей, но не всегда позволявшимъ защитить уже занятыя позиціи.

Говоря о декабрьскомъ пораженіи, г. Череванинъ находитъ, что с.-д. партія не могла оцѣнить все значеніе и смыслъ его, потому что она „привыкла до сихъ поръ исходить не изъ реальнаго анализа дѣйствительности, а изъ революціонныхъ иллюзіи“. Отсюда—неизбѣжный выводъ о томъ, что социаль-демократія никогда не владѣла до сихъ поръ не только революціей, но и тѣмъ слоемъ, среди котораго имѣла наибольшее вліяніе—пролетаріатомъ. Револю-

ціонный процессъ среди пролетаріата, хотя и находился подъ идейнымъ влияніемъ социаль-демократіи, но развился стихійно, совершенно независимо отъ воли, отъ тѣхъ или другихъ плановъ социаль-демократіи. Въ этомъ автора убѣждаетъ широкій размахъ такихъ событій, какъ ростовская стачка, харьковская, московская, всеобщая іюльская забастовка на югѣ, 9 января, октябрьская забастовка и т. п. Грандіозность этихъ событій совсѣмъ не соотвѣтствовала тому маленькому влиянію, которое оказывалъ тогда на пролетаріатъ „маленькій ручеекъ“ работы социаль-демократіи.

Много еще другихъ, весьма характерныхъ признаній дѣлаетъ г. Череванинъ, но мы не будемъ слѣдовать за нимъ, такъ какъ и приведеннаго здѣсь вѣроятнѣе достаточно для того, чтобы судить о разсматриваемомъ трудѣ. Авторъ чуждъ, какъ мы видѣли, такъ называемаго „революціоннаго шовинизма“ и не боится признанія ошибокъ, сдѣланныхъ с.-д. партіей; заключеніе его основано на анализѣ ничѣмъ не прикрашенной дѣйствительности, и это сообщаетъ его труду достовѣрность, столь необходимую для подобныхъ работъ: будущій историкъ найдетъ въ ней матеріалъ, особенно цѣнный для историческаго изслѣдованія, чего никакъ нельзя сказать о весьма многихъ произведеніяхъ другихъ социаль-демократическихъ авторовъ, писавшихъ про „нашу революцію“. Но не для одной только исторіи важно появленіе такихъ книгъ: историкъ, пользующійся множествомъ весьма разнообразныхъ матеріаловъ, всегда сумѣетъ найти правильную отправную точку, часто изъ рѣзкаго противорѣчія скрепляющихся взглядовъ различныхъ авторовъ усматривая необходимость болѣе глубокаго анализа изучаемыхъ явленій. Еще важнѣе для современниковъ найти въ отражающей событія литературѣ правильное освѣщеніе или хотя бы правильную, безпристрастную регистрацію наиболѣе крупныхъ фактовъ политической и общественной жизни. Книга г. Череванина и въ этомъ отношеніи можетъ сослужить полезную службу. Въ особенности, желательно ея распространеніе въ социаль-демократическихъ кругахъ, гдѣ она могла бы разсвѣять множество вредныхъ предрассудковъ, столь сильно тормозящихъ животворную работу социаль-демократіи.

Ю. Лавриновичъ.

Е. Сельскій *По пути къ свободѣ.* Главнѣйшіе моменты развитія социалистической мысли въ Россіи. Москва. 1907 г. Ц. 50 к.

Освободительное движеніе въ Россіи, несмотря на всевозможные виды гнета, создало обширную литературу, которая только за послѣдніе 1½—2 года стала понемногу выходить изъ подполья и сдѣлалась доступной читательской массѣ. Но подавляющее большинство книгъ, трактующихъ объ освободительномъ движеніи, не даетъ цѣльнаго очерка этого движенія, а касается лишь отдѣльных періодовъ, эпизодовъ и моментовъ его. Такимъ образомъ, для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, какими путями шла къ свободѣ общественная мысль, какъ и кѣмъ велась борьба за свободу, необходимо перечитать множество книгъ, правда, нерѣдко очень глубоко захватывающихъ трактующій вопросъ, но требующихъ огромнаго времени и труда для ознакомленія съ исторіей освободительной борьбы. Это имѣетъ и хорошую, и дурную сторону: тѣ, у кого хватаетъ времени, любознательности и усидчивости, получаютъ такимъ путемъ обширныя познанія въ этой области, но за то лица, не обладающія ни однимъ изъ указанныхъ благъ, такъ и остаются

въ невѣдѣніи, а можетъ быть—и въ сторонѣ отъ освободительной борьбы. Такое положеніе вещей давно уже создало необходимость въ такомъ общемъ очеркѣ россійской борьбы за свободу, который вводилъ бы читателя хотя въ главнѣйшіе моменты этой борьбы. Опытъ такого очерка представляетъ разсматриваемая книжечка г. Сельскаго.

Хотя изъ предисловія автора можно заключить, что онъ не преслѣдовалъ той цѣли, о которой мы говоримъ: его задача—посильно содѣйствовать подготовкѣ умовъ къ пересмотру нашихъ соціалистическихъ программъ, который г. Сельскій считаетъ неизбѣжнымъ, какъ одинъ изъ результатовъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей пережитой нами революціи, тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что трудъ его можетъ быть полезенъ и для отмѣченной нами категоріи читателей.

Г. Сельскій начинаетъ свое изложеніе съ заговора декабристовъ, какъ перваго планомѣрнаго революціоннаго движенія, и доводитъ его до событій 1905 и 1906 года. Передъ читателемъ, такимъ образомъ, проходятъ всѣ главнѣйшіе моменты освободительнаго движенія и всѣ наиболѣе замѣтныя теченія революціонной мысли въ Россіи. Преслѣдуемая авторомъ спеціальная цѣль—дать критику современныхъ соціалистическихъ программъ, почти не помѣшала полногѣ и стройности обзора. Въ этомъ отношеніи, можно пожалѣть развѣ только о томъ, что позднѣйшія событія, начиная отъ 9 января и 17 октября 1905 г. и кончая Государственной Думой, очерчены авторомъ слишкомъ бѣгло и поверхностно.

Что касается выводовъ г. Сельскаго о будущемъ русскаго соціализма и объ исходѣ нашей революціи, то мы предпочтемъ не касаться ихъ, такъ какъ они основаны на изученіи матеріала, не всегда достаточно точнаго (въ родѣ, напримѣръ, книги г. Конни Цилліакуса: „Революціонная Россія“), о чемъ можно судить какъ по приводимой авторомъ библиографіи, такъ и по его собственному заключенію въ концѣ книги. Во всякомъ случаѣ, книжку г. Сельскаго, независимо отъ выводовъ автора, можно рекомендовать, какъ недурное пособіе для ознакомленія съ освободительнымъ движеніемъ въ Россіи.

Ю. Лавриновичъ.

Помощь голоднымъ. Собраніе автографовъ и факсимиле ученыхъ, художниковъ, композиторовъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, артистовъ и писателей. Изданіе М. М. Зензинова. Москва. 1907.

Уже само заглавіе этого сборника говоритъ объ его выдающемся интересѣ: болѣе чѣмъ любопытно, конечно, всякому интеллигентному русскому человеку и само по себѣ прочесть собраніе мыслей и изреченій многихъ и многихъ изъ нашихъ извѣстныхъ дѣятелей въ области науки, искусства, литературы, политики и общественной дѣятельности, но интересъ такого чтенія еще болѣе возрастаетъ, если вспомнить, что мысли и изреченія эти набрасывались ихъ авторами въ эпоху революціонную и потому по преимуществу носятъ на себѣ печать ихъ отношенія къ тому колоссальному явленію русской жизни, имя которому—русская революція. Издатели сборника много потруди-

лись надъ собираніемъ для него матеріала: тутъ мы находимъ факсимиле казенныхъ Сергѣя Муравьева-Апостола и лейтенанта Шмидта, шлиссельбуржцевъ: Фигнеръ, Антонова, Попова, Фроленко, Новорусскаго, Лопатина, Тригопи, Стародворскаго, а также М. А. Спиридоновой, П. А. Кропоткина и председателя совѣта рабочихъ депутатовъ Хрусталева. Далѣе идутъ автографы другихъ членовъ того же совѣта—Фейта, Авксентьева, Злыднева и другихъ; выдающихся ученыхъ—М. М. Ковалевскаго, Менделѣева, Шахматова, Бекетова, Семейскаго; представителей беллетристики и публицистики — Короленко, Горькаго, Вересаева, Якубовича-Мельшина, Сѣрошевскаго, Воборыкина, Вейнберга, Арсеньева, Пѣшехонова, Вл. Черткова, Туганъ-Барановскаго, Бердяева, Луначарскаго, Елпатъевскаго и мн. др. Искусство представлено въ лицѣ Глазунова, Гинцбурга, Коммисаржевской, Сѣрова, Римскаго-Корсакова, Варламова и др.; общественная и политическая дѣятельность—въ лицѣ Родичева, Струве, В. Чернова, Муромцева, Гредескула, Набокова, гр. Гейдена, кн. Пав. Долгорукова, Новгородцева, Кокошкина, Кузьмина-Караваева и др. Адвокатура въ лицѣ—Тесленко, Кальмановича, Переверзева, Вл. Беренштама, Муравьева и т. д., и т. д. Сборникъ украшенъ нѣсколькими портретами: шлиссельбуржцевъ Фигнеръ и Стародворскаго и представителей совѣта рабочихъ депутатовъ—Хрусталева, Фейта и Авксентьева. Выборъ послѣднихъ трехъ очень удаченъ, такъ какъ именно эти три дѣятеля да еще рабочій Злыдневъ являются несомнѣнно наиболѣе выдающимися лицами разбиравшагося въ прошломъ году въ Петербургѣ извѣстнаго политическаго процесса. Собрать все это, повторяемъ, стоило большихъ трудовъ, и нельзя не быть благодарнымъ за нихъ издателямъ сборника. Но отмѣчая положительныя стороны рецензируемаго сборника, не можемъ не указать и на стороны отрицательныя: 1) отсутствіе всякаго предисловія, которое объяснило бы цѣль, смыслъ и назначеніе сборника; 2) отсутствіе прямого указанія на его благотворительный характеръ, на то, что чистый сборъ предназначенъ *на помощь голодающимъ крестьянамъ*. Названіе сборника „Помощь голоднымъ“ такой цѣли вполне еще не достигаетъ. 3) Отсутствіе оглавленія, благодаря чему нѣкоторыя подписи въ сборникѣ трудно разбираемы и даже совсѣмъ неразбираемы. 4) Отсутствіе системы въ расположеніи автографовъ: почему такъ далеко отброшены отъ своихъ товарищей *шлиссельбуржцы* Манучаровъ и С. Ивановъ (ихъ произведенія и иначе напечатаны, чѣмъ это сдѣлано со всѣми остальными ихъ товарищами), а *между* шлиссельбуржцами находятся Бурцевъ и Кропоткинъ. 5) Отсутствіе обозначенія цѣны. 6) Грубыя корректурныя опечатки. Приведемъ два рѣзкихъ примѣра. На стр. 18 въ замѣткѣ Короленко напечатано: „я охотно сдѣлалъ бы это,—отвѣтилъ Плева,—но я знаю, что земцы, въ свою очередь, обратятся къ *прежнему* элементу“... Благодаря опечаткѣ, потерявъ всякій смыслъ; несомнѣнно слѣдуетъ читать: „обратятся къ *третьему* элементу“. Другой примѣръ: на стр. 35 въ замѣткѣ Богучарскаго напечатано: „дерзкіе люди сочли, что формула знаменитаго революціонера относится къ *намъ*“. Грубо искаженъ смыслъ. Слѣдуетъ читать: „дерзкіе люди сочли, что формула знаменитаго революціонера относится къ *нимъ*“. Въ такихъ произведеніяхъ, какъ настоящій сборникъ, подобная неряшливость корректуры должна быть рѣшительно недопустима.

Надо, однако, полагать, что, не взирая на всѣ указанные дефекты, сборникъ, въ виду его несомнѣннаго интереса и той благой цѣли, которую, выпуская его въ свѣтъ, поставили себя издатели, не только быстро разоидется, но и дождется втораго изданія. Мы отъ души желаемъ этого издателямъ, но если это

желаніе наше исполнится, то желаемъ также и того, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были исправлены всѣ тѣ погрѣшности, которыя не могутъ не портить впечатлѣнія отъ прекрасной книги.

я.



Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- П. Л. Лавровъ. Народники пропагандисты 1873—1878 годовъ. Изд. И. М. Розенфельдъ. 1907. Ц. 1 р.
- Н. Езерскій. Государственная Дума перваго призыва. Ц. 80 коп. СПб. 1907 г.
- А. Н. Брянчаниновъ. Междодумье. Вып. I. СПб. Ц. 1 р. 50 к.
Библиотека „Юнаго Читателя“:
- А. Алтавъ. Разоренныя гнѣзда. Истор. повѣсть изъ русской жизни XVII в. Ц. 80 к.
- Э. Пименовъ. За океанъ. Ц. 30 к.
- Кіевскій и Одесскій погромы въ разслѣдованіяхъ Турау и Кузьминскаго. Ц. 70 к. К-во Лѣтописецъ.
- Помощь голоднымъ. Собраніе автографовъ и факсимиле. Изд. М. М. Зензинова.
- К-во „Посредникъ“:
- Семеновъ. Немилая жена. Ц. 1½ к.
- Письмо Л. Н. Толстого къ крестьянину о землѣ. Ц. 1 к.
- Л. Н. Толстой. Недѣланіе. Ц. 3 к.
- Противъ толстовства. О толстовскомъ обществѣ и др.
- О самосовершенствованіи и о сознаніи духовнаго начала. Ц. 2 к.
- Трудъ, смерть и болѣзнь и другія сказки.
- Въ чемъ моя вѣра? Ц. 25 к.
- Дрожжинъ. Стихотворенія. Завѣтныя пѣсни. Ц. 30 к.
- Вс. Сонинъ. Изъ жизни земли и труда. Очерки. К-во Колеватова Ц. 25 к.
- С. Князьковъ. Изъ прошлаго русской земли. Изданіе И. Д. Сытина Ц. 1 р. 50 к.
- Пр. Т. В. Локоть. Политическія партіи и группы въ Госуд. Думѣ. М. 1907. К-во „Польза“.
- М. Б-овъ и Ф. Данъ. Рабочіе депутаты въ первой Государст. Думѣ. К-во Н. В. Глаголева. Ц. 60 к.
- Библиотека декабристовъ. Вып. IV. 1907. Политическая жизнь въ Россіи.
- М. А. Фонъ-Визена. Проектъ конституціи Никиты Муравьева. Ц. 90 к.
- Весенній шумъ № 1. Нижній Новгородъ. 1905 г. Ц. 8 к.
- Александръ Бѣлозеровъ. Пѣсни борьбы и свободы. Ц. 10 к.
- И. Катаевъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній вып. I. Ц. 50 к.
- Кн. С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. Изд. В. М. Саблина. Ц. 1 р. 50 к.
- Изданія М. В. Пирожкова:
- А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Деятнадцатый вѣкъ т. II. Ц. 1 р. 75 к. съ 5 портрет. вып. II,
- Фр. Ницше. Антихристіанинъ. Опытъ критики христіанства. Пер. В. А. Флеровой подъ ред. А. Я. Ефименко. Ц. 75 к.
- Вѣчныя спутники. Д. Мережковскаго. Ибсенъ. 3-е изд. Ц. 30 к.

- Зах. Савиновъ (Степанъ). Международное единение пролетариата М.
Ц. 25 к.
Голосъ революціи № 5. Изд. Краснояр. Ком. и Центр. раб. гр. п. с.-р.
апр. 1907 г.
Летучій Листокъ № 4. Благовѣщ. Ком. Сибир. Союза Р. С.-Д. Р. П. апр.
1904 г.
Правда № 5. Августъ 1905 г.
Южный рабочий № 11 январь 1903 г. Р. С.-Д. Р. П.
Военный Листокъ № 14 и № 15. 1 и 18 мая 1907 г. Орг. Всер. Союз. сол.
и матр. Одесскаго окр. и Черномор. флота. Изд. Таврич. Союза п. с.-р.
Der deutsche Arbeiter in Polen № 16 и 17 янв. мартъ 1907 г.
Lodjanen Loodj. Ог. Р. Р. S. № 30 и 31 маія і lutego 1907 г.
Mys'1 socjalistyczna Krakow mai 1907 № 1.
Извѣстія Нижегородскаго Губ. Ком. п. с.-р. № 2. 12 мая 1907 г.
Майскій листокъ. 1 мая 1907 г. Изд. Закавказ. Обл. Ком. п. с.-р.
Первомайскій листокъ (на эстон. языкѣ) Дерпт. Ком. п. с.-р.
1 мая. Бакин. орг. п. с.-р.
Первое мая. Тип. Амур. гр. п. с.-р.
Положеніе Бунда въ Р. С.-Д. Р. П. (Изд. № 34 Арбейтерштимме).
VII конференція Бунда. Всерос. Еврейск. Раб. Союзъ въ Лит. Польшѣ и
Россіи.
Извѣщеніе Ц. К. объ объединительномъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. тип. Ц. К.
Постановленія и резолюціи объединит. съѣзда Р. С.-Д. Р. П. тип. Ц. К.
О царскомъ манифестѣ 18/2 Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Юбилейныя торжества Военно-Мед. Акад. по поводу 50-ти лѣт. основ.
Рядъ листовъ (янв. 1905 г.) Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Бюллетень № 18. Организ. Ком. студ. Петер. Унив. февр. 1902 г.
25 апр. согласно извѣщенія Стачеч. Ком. . . . Боев. Ком. при Бак. орг.
п. с.-р.
Товарищи! Тамб. союзъ учащихся п. с.-р.
Бюллетени и постанов. Ц. Б. Союза Союзовъ. 1906 г.
Резолюція делегат. съѣзда Союза Союзовъ.
Платформа союза инженеровъ и техниковъ.
О манифестѣ 6 авг. Самар. Губ. Ком. по выборамъ въ Гос. Думу.
О законѣ. Москов. оппозиціон. орган. п. с.-р.
Бюллетень № 1. Рыбин. гр. Р. С.-Д. Р. П. май 1906 г.
Извѣщеніе Тамб. Ком. пар. с.-р. объ убійствѣ надзир. тюрьмы Куйденко
7 мая 1907 г.
Подходитъ весна... Обл. Ком. Центр. Обл. п. с.-р.
Голоса изъ арміи. Тип. Краснояр. Ком. п. с.-р.
3 листка Благовѣщ. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Товарищи! Екатер. Окр. Ком. п. с.-р. 1907 г. (по поводу 1 мая).
Докладъ делег. рус. с.-д. междунар. раб. соц. конгр. въ Лондонѣ въ 1896 г.
Изд. союза русскихъ с.-д. Женева.
Отъ еврейскаго пролетариата с.-д. фракціи Гос. Думы (на рус. и евр.
языкахъ).
Письмо депутата Киселева къ гражданамъ Тамб. губ. Там. Ком. п. с.-р.
12 мая 1907 г.
Инструкція о выборахъ на V съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. въ Петерб. орган.
П. К. Р. С.-Д. Р. П.
Прозѣктъ реорганизации Петерб. организ. П. К. Р. С.-Д. Р. П.
Тактическая платформа къ предстоящему съѣзду, выработанная Марто-
вымъ, Даномъ, Старовѣромъ и др. при участіи группы меньшевиковъ прак-
тиковъ.
Ко всѣмъ партійнымъ организациямъ 1 фев. 1907. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
6 листовъ — отдѣльные оттиски изъ „Искры“.
Крестьяне, дѣйствуйте сами! Тамб. Ком. п. с.-р. Переизд. 17 мая 1907.
Два листка на польск. яз. Р. Р. S. Цен. Ком. раб.
4 листка Барнаулск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. апр. 1907.
Уставъ рабоч. съѣзда п. с.-р. при Екатеринб. Ком.
Отчетъ минераловод. организ. п. с.-р. за мартъ 1907 г.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ:

Отъ служащихъ конторы Т-ва Амурскаго Пароходства для Нарым. и Туруг. края 38 р. 25 к. Изъ Уральска—23 р. Отъ д-ра И. В. С.—20 р., отъ служащихъ Г. Б. - 13 р. 10 к., собранные В. В. С. 12 руб. Изъ Перси отъ интеллигентовъ (изъ Энзели)—11 р. отъ М. К. П.—50 р., отъ W. L. изъ Вильны—25 р.

Деньги переданы по назначенію.

Въ пользу голодающихъ:

Отъ д-ра И. В. С.—13 руб.

Деньги переданы въ Комитетъ по оказанію помощи голодающимъ при В. Э. Обществѣ.



Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

г-нъ редакторъ!

Въ майской книжкѣ „*Былою*“ въ статьѣ М. А. Брагинскаго стр. 307 сказано, что къ учащейся молодежи, задумавшей почтить память Добролюбова 17 ноября 1886 г., присоединился между прочимъ и покойный О. Θ. Миллеръ. Это указаніе не точно. Въ дневникъ его ¹⁾ подъ 17 ноября о Добролюбовѣ ни слова и я, объдавшій у него 18-го (тотъ же дневникъ), не помню, чтобы О. Θ. что-нибудь говорилъ по этому поводу. Подъ 19 написано... „Пишу рѣчь для Славянскаго общества ...ректоръ (*Владиславлевъ*) совѣтуетъ быть осторожнымъ, увѣряя, что демонстрація молодежи на могилѣ Д. произвела дурное впечатлѣніе. Ламанскій тоже совѣтуетъ быть осторожнымъ, указывая на то, что заграничная печать умышленно смѣшиваетъ панславизмъ съ нигилизмомъ...“ 21-го... „Прибѣгали двѣ курсистки, совѣтовались какъ быть: 17 изъ нихъ высылаютъ изъ Петербурга за хожденіе на могилу Добролюбова въ день его смерти. Мнѣ оставалось только пожалѣть, что со мной прежде не посовѣтовались о самомъ хожденіи. Курсы и такъ висятъ на волоскѣ, а тутъ еще эта исторія. Завтра впрочемъ посовѣтуюсь въ университетѣ, нельзя ли кого попросить за курсистокъ“.

На дальнѣйшихъ страницахъ не разъ говорится объ этой исторіи, но къ данному письму дѣло не относится.

Не откажите помѣстить эти строчки, чтобы образъ О. Θ. не былъ освѣщенъ не точно. Не по личнымъ отношеніямъ, а съ принципиальной точки зрѣнія міросозерцаніе Миллера совершенно расходилось съ міросозерцаніемъ Добролюбова.

Профессоръ И. Шапкинъ.

¹⁾ Дневникъ находится въ данное время въ моемъ распоряженіи.

ЖУРНАЛЬ „РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№:

- 1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна 75 к.
- 3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна 60 к.
- 4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 1. (1900—1902 г.). Съ пред. **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна 50 к.
- 5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.
- 6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.
- 7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ТРЕТИЙ**. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Ц. 1 р.
- 8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Ц. 1 р.
- 9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Выпускъ первый. Ц. 1 р.
- 10) Тоже. Выпускъ второй. Ц. 1 р.
- 11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Ц. 30 к.
- 12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.
- 13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. **В. Л. Бурцева**. Ц. 6 к.
- 14) Убіиство императора Павла. Разказы современниковъ. Редакція **П. Е. Щеголева**. Ц. 20 к.
- 15) Декабристъ Пестель передъ Вѣрховнымъ Уголовнымъ судомъ **Н. Павлова-Сильванскаго**. Ц. 70 к.
- 16) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская. Біографическіе очерки. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**. Ц. 10 к.
- 17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. **Н. А. Виташевскаго**. Ц. 8 к.
- 18) Къ событію 1-го марта 1881 года. **А. В. Тырнова**. Ц. 8 к.
- 19) Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. **Н. И. Фалѣва**. Ц. 15 к.
- 20) „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Воспоминанія **О. В. Аптекмана**. Ц. 85 к.

По постановленію судебной власти журналъ приостановленъ впредь до суда. №№ 9 и 10 конфискованы, остальные продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія Е. и И. Леонтьевыхъ

- А. НЪМОЕВСКІЙ.** *Изъ подъ пыли вѣковъ. I, Сократъ.* Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.
П.-Ж. ПРУДОНЪ. *Что такое Собственность?* Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 75 к.
А. НЪМОЕВСКІЙ. *Заявіе конфисковано.* Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

К. Каутскаго, П. Лафарга, Н. Гуго, Э. Бернштейна

въ двухъ томахъ.

Переводъ Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

Съ предисловіемъ К. Каутскаго къ этому русскому изд.

Спб., 1907. Цѣна 1 руб. 50 коп. за томъ.

Складъ изданій при типографіи М. М. Стасюлевича: СПБ. Вас. Остр. 5 лин., д. 28., продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ—25%.

ПОМОГИТЕ ГОЛОДНЫМЪ.

Вышелъ изъ печати и продается въ книжныхъ магазинахъ

(изданіе М. М. Зензинова)

АЛЬБОМЪ

автографовъ и факсимиле ученыхъ, художниковъ, композиторовъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, артистовъ и писателей, иллюстрированный портретами, картинами, чистая выручка съ котораго поступить въ пользу голодающихъ.

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія въ Москвѣ, у издателя: Лубянка, д. № 7/15.
Книгопродавцамъ уступка.

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. МЕЛЬШИНЪ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.
РУССКАЯ ПРАВДА
Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, свѣренное съ рукописью, представленною Радищевымъ въ Управу благочинія. Портретъ Радищева, сдѣланный гелиографіею съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Примѣчанія съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXX + 4 нон. + 296. * Цѣна 2 рубль.

Складъ изданія въ т-вѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владимиръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Спб., Б. Подъячская, 39).

80 стр. Цѣна 30 коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Исслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г.г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Спб., Невскій 40).

Цѣна 10 рублей.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова, и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Лиговская ул., д. № 44.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Спб., Вас. Остр., Тучкова набережная, д. 2, кв. 12.

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Балмашева, Волкештейнъ, Гершуни, Карповича, Новорусскаго, Сазонова и Фигнеръ, всѣ въ двухъ видахъ.
Ашенбреннера, Антонова, Иванова, Каляева, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Мышкина, Поливанова, Попова, Стародворскаго, Тригопи, Фроленка.
Ц. каждого портрета—35 к.

Доходъ отъ изданія поступить въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОРТРЕТЪ МИХАИЛА БАКУНИНА.

Цѣна 35 коп.

— ПРОСПЕКТЫ ВЕЗПЛАТНО. —

НОВАЯ КНИГА

Варонъ А. Е. Розенъ.

Записки декабриста.

Первое полное (появляющееся въ Россіи) изданіе съ портретомъ, приложениями и изложеніемъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла о Розенѣ, подъ редакціей П. Е. Щеголева.

XVI + 464 стр. большого формата. * Цѣна ТРИ рубля.

Изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Спб., Б. Подъячская, 39).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1907 г.

5-й годъ изданія единственнаго журнала для
всесторонняго самообразованія

7 р. безъ перес. въ годъ, съ перес.
8 р., за гран. 11 р. 12 №№ „Вѣстн.
Зн.“ съ 3-мя журналами по 12 кн.
каждый, всего 48 кн. въ годъ. Съ
„Настольной Энциклопедіей“ (всего
60 кн.) 10 р. 50 к. съ перес.

12 №№
3 р.

ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ.

безъ перес.
2 р. 50 к.

Вступая въ 5-й г. изд., „Вѣстн. Зн.“ въ рекомендаціи не нуждается, но еще недостаточно извѣстенъ широкимъ кругамъ общества. Отъ друг. „толстыхъ“ журналовъ „Вѣстн. Зн.“ отлич. тѣмъ, что главн. вним. удѣляетъ наукѣ, критикѣ, исторіи, обществовѣднію, философіи, психологіи и нов. открытіямъ, беллетристика же стоитъ на второмъ планѣ. „Вѣстн. Зн.“—журналъ прогрессивно демократ. направл.—стоитъ внѣ партій. Статьи популяр., строг. научн. и объективны. Въ 1907 г., кромѣ статей по естествознанію, астрономіи, критикѣ и проч., будутъ научные обзоры во всѣхъ област. знанія, по аграрному, женскому, еврейскому и др. обществ. вопр. Изъ авторовъ по этимъ вопр. назовемъ проф. Исаева, Каутскаго, Бебеля, Кропоткина, Жореса, Зомбарта, и др. Прж. запретная литература тоже найдетъ мѣсто въ жур. въ видѣ неиздан. записокъ о политич. движ., подпольн. дѣятел. и пр. Кромѣ статей будутъ даны съ особ. нумер. стр. и крупныя произведенія. Въ „Вѣстн. Зн.“ имѣется отд. „Взаимопомощь читателей“ съ подотдѣломъ „Спорн. вопр. жизни и нравств.“, въ кот. сами подписч. дѣляютъ мыслями по затронут. въ журн. вопросамъ. Съ буд. года вводится нов. отд., посвящен. интересамъ молодежи, гдѣ кажд. подписч. мож. писать по волнующ. учащихя, учителей и, вообще, молодежь вопросамъ. „Взаимопомощь“ объединяетъ подписч. духовно въ одну идейную семью, чл. котор. помог. др. другу слов. и дѣломъ и вмѣстѣ идутъ къ одн. общ. цѣли „учиться и учить другихъ“! Съ цѣлью дать подписч. оч. дешев. собраніе лучш. соч. для самообразованія и расшир. духов. горизонта, Редакція издаетъ слѣд. три журнала, составляющіе 36 кн. въ г., кот. для подп. на „Вѣст. Зн.“ стоятъ 5 р. съ перес. (всего 48 кн.—8 р.). Допускается и особая подп. на каждый журналъ:

12 кн. Ц. въ г.
съ перес. 3 р.

БИБЛИОТЕКА СИСТЕМАТИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ

Для подписч.
„В. Зн.“—2 р.

1) Иллюстрир. исторія культуры, въ 3 ч-хъ: 1) Древняя Культура 2) Ч. II. Культ. предк. вѣк. 3) Ч. III. Новая культ. 4) Курсъ логики. 5) Курсъ психологіи. 6) Исторія политич. экономіи. 7) Основы Государств. права и политики. 8) Курсъ русскаго литерат. языка, въ 3 ч-хъ. Ч. I. Этимологія, правописаніе и справ. словарь. 9) Ч. II. Синтаксисъ, выработка слога, теорія писанія сочиненій. 10) Ч. III. Теорія словесности. стихосложеніе, литератур. стиль, газетн. и журнальная работа, ораторское искусство. 11) Органическая и практическая химія. 12) Гигіена умствен. труда, вопр. о мнемоникѣ, воспитаніе воли.

12 кн. Ц. въ г.
съ перес. 3 р.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМОРАЗВИТІЯ

Для подписч.
„В. Зн.“—2 р.

Служитъ выработкѣ міросозерц. и расширен. духовн. кругозора: 1) Л. Бюхнеръ. Матерія и сила, въ 2 част., ч. I. 2) Матерія и сила, ч. II. 3) Ч. Дарвинъ. Мое міросозерцаніе. 4) Ф. Ницше По ту сторону добра и зла. 5) Э. Геккель. Борьба за своб. мысли. Пронск. чело. и его полож. въ природѣ. 6) Г. Брандесъ. Новая нѣмецк. и скандинав. литературы, въ главн. предствит. 7) Мальверъ. Наука и религія. 8) Карнери. Основы этики въ ест. науч. освѣщ. 9) Философскій сборникъ. Пессимизмъ, оптимизмъ и критизмъ. Идеалистич., материалист. и реалистич. мировоззрѣніе. 10) В. Битнеръ. Научныя эскурсіи въ тайники чело. природы. Ч. I. Гипнотизмъ, предчувствіе, пророч. сны и видѣнія, телепатія, чтен. мысл. и проч. 11) Ч. II. Ясновидѣніе, спиритизмъ, телекинетія, обманы медиумовъ и пр. 12) Соціализмъ и Анархизмъ. Собр. сочин. предств. обонихъ направлений.

12 кн. Ц. въ г.
съ перес. 3 р.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

Для подписч.
„В. Зн.“—2 р.

Собр. популяр. лекцій, отъ 24 до 30 (по 2—3 лекціи въ кажд. кн.) для школы, семьи и народа съ картинками для волшебнаго фонаря и рис. въ текстъ. Намѣчены слѣд. лекціи: Астрономія—О планетной системѣ и солнц. затмѣніяхъ, млечномъ пути, зодикальн. свѣтѣ и пр. Физика и химія—Объ атмосфер. электрнич., о горѣніи, теплотѣ, безпроводн. телегр. и т. д. Біологія и естествозн. вообще—Міръ въ каллѣ воды, бактеріи, душа растений, о вредн. растѣном., умѣ животнхъ и пр. Геологія и физич. Географія.—Исторія земли, великія и замѣч. явлен. природы, Исторія а антропология—Анатомія чело. ч. тѣла, доисторич. чело. чл., первые обитат. Новгорода, открытіе Америки, смутное время на Руси и перв. земск. соборъ, реформы Петра Велик.: три этапа въ жизни русскаго народа; періодъ княжескій, царскій съ прикрѣпл. къ землѣ, освободж. отъ крѣпосн. завис. и заря нов. жизни. Государствовѣдѣніе и экономика.—Финанс. право, доходы государс., расходи, бюджетъ, налоговое бремя, деньги, выборная система и пр. Литература.—Литератур. типы рус. писателей; критич. классич. произв. рус. литер. Подвиги чело. ума, практич. знанія—Велик. изобрѣтѣ, замѣчательн. сооруженія, о пчеловодствѣ и пр. Какъ живутъ другіе народы и пр. Редакціо. заказ. для подписч. новаго типа волшеб. фонарь, кот. выс. за 3 р. 50 к.; перес. и упак. налож. платеж.

Кромѣ этихъ трехъ журналовъ, Редакція „Вѣст. Зн.“ открываетъ льготн. подписку на нов. изданіе:

12 кн. Ц. въ г.
съ перес. 4 р.

Настольная иллюстрированная энциклопедія

Для подписч.
„В. Зн.“—2 р. 50 к.

Этотъ крайне дешев. энциклопедич. словарь будетъ заключ. въ кажд. вып. 256 столб. текста съ иллюстр. и картами. Всѣ 12 вып. (выйдутъ въ теч. года) состав. 3 тома по 1024 столб. кажд. Безъ перес. словарь для подписч. „Вѣст. Зн.“ 2 р., для неподписч. 3 р. 50. При непосредств. обращеніи въ Глав. Контору Издательства „Вѣстникъ знанія“, С.-Петербургъ, Невскій просп., № 47, допускается разсрочка. Подробн. объявл. брошюра Издательства „Вѣстникъ Знанія“ бесплатно. Подписной годъ на всѣ перечисл. изданія съ 1 янв. 1907 г.

Редакторъ-Издатель В. Битнеръ.

Книгоиздательство „**ДОНСКАЯ РЪЧЬ**“ Е. Н. Парамонова.
Лиговская ул. д. 44.

„**Новая Библиотека**“:

Редакція **А. Н. Потресова (Старовѣра)**.

ПРИНЦИПЫ И ТАКТИКА ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ

(По протоколамъ партійныхъ съѣздовъ и другимъ источникамъ).

ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ.

Планъ изданія разработанъ

ГЕНРИЕТОЙ РОЛАНДЪ-ГОЛЬСТЪ и АНТОНОМЪ ПАНЕКОКЪ.

Каждый томъ снабженъ подробными примѣчаніями, вступительной статьей, написанной специально для настоящаго изданія, и статьями изъ „*Neue Zeit*“ и другихъ партійныхъ органовъ. Въ одномъ изъ томовъ будетъ помѣщена статья **А. Н. Потресова (Старовѣра)**: *«Германская социалдемократія и русское общественное движеніе»*.

- ТОМЪ I. *Организация и программа германской социалдемократіи.* Вступительная статья **Г. Роландъ-Гольствъ**.
- ТОМЪ II. *Первая тактическая разногласія въ герм. соц.-дем.* Вступительная статья **А. Панекока**. Статьи Шиппеля, Каутскаго и др.
- ТОМЪ III. *Начало ревизионизма.* Вступительная статья **А. Панекока**. Статьи Бернштейна изъ „*Neue Zeit*“, рѣчь Гейне въ Берлинѣ и др.
- ТОМЪ IV. *Пораженіе ревизионизма.* Вступительная статья **Р. Люксембургъ**.
- ТОМЪ V. *Парламентаризмъ и коммунальная политика герм. соц.-дем.* Вступительная статья **Августа Бебеля**, депутата.
- ТОМЪ VI. *Политика партій порядка (таможенная политика, мировая политика, милитаризмъ).* Вступительная статья **Георга Леденбура**, депутата.
- ТОМЪ VII. *Профессиональное движеніе. Охрана труда. Майскій праздникъ.* Вступительная статья **Г. Гортера** (Голландія).
- ТОМЪ VIII. *Всеобщая стачка.* Вступительная статья **Г. Роландъ-Гольствъ**. Статьи Каутскаго, Роландъ-Гольствъ, Гильфердинга и др.
- ТОМЪ IX. *Вопросы культуры. Женское движеніе.* Вступительная статья **Клары Цеткинъ**.

Послѣсловіе Франца Меринга.

Въ изданіе войдутъ доклады Ауэра, Бебеля, Вурма, Гейера, Герриша, Гуго-Линдемана, Зингера, Зюдекума, Кальвера, Каутскаго, Кварка, Класса, Леденбура, Легіана, В. Либкнехта, Молькенбура, Тима, Фишера, Фольмара, Цеткинъ, Цицъ, Шейланка, Шиппеля, Шульца и рѣчи Вернера, Рюдта, Давида, Вольтмана, К. Либкнехта, Каценштейна, Грюнвальда, Люксембургъ, Эльша, Р. Шидта, Штадтагена, Гранднауэра, Парвуса, Фроме, Гейне, Ульриха, Пфанкуха Генриха и Лили Браунъ, Бернарда, Гёре, Меринга, Гофмана, Кольба, Гаазе, Баадера, Гэка, Хоха, Пеллова, Зиндермана, Аронса, Симона, Мюллера и мног. друг.

Первый томъ: „Организация и программа германской социалдемократіи“ со вступит. статьей и примѣчаніями Роландъ-Гольствъ, выйдетъ въ декабрѣ.

Въ непродолжительномъ времени будетъ напечатанъ полный проспектъ настоящаго изданія и объявлена на него подписка.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
Коленкоровые переплеты

ДЛЯ ЖУРНАЛА

„БЫЛОЕ“,

изготовленные изъ англійскаго коленкора съ тисненіемъ.

шесть переплетовъ

на двѣнадцать книгъ

(по одной крышкѣ на двѣ книги).

Цѣна одной крышки 25 к.,
всѣхъ ШЕСТИ крышекъ 1 р. 50 к.

Пересылка за 5 фунтовъ.

Выписывать и получать можно исключительно изъ конторы
Типо-литографіи „ЭНЕРГІЯ“,

С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 17.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ на историческій журналъ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ вѣспартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ 1906 и 1907 годахъ въ журналѣ приняли участіе и помѣстили свои статьи слѣдующія лица:

М. С. Александровъ; М. А. Антоновичъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; А. Н. Бахъ; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Вѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Н. Л. Геккеръ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; М. Р. Гоцъ; Х. Г. Гринбергъ-Конъ; Л. Я. Гуревичъ; В. К. Дебагоріо-Мокрѣвичъ; И. С. Джабадари; В. С. Ефремовъ; С. А. Иванова-Ворейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; Н. И. Карбевъ; А. М. Коваленко; Ф. Я. Конъ; Л. П. Купріянова; Е. Д. Кускова; Ю. Н. Лавриновичъ; Плат. Лебедевъ; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; А. О. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; И. И. Майновъ; П. Н. Милоковъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; В. П. Махновецъ (Акимовъ); Н. А. Морозовъ; Н. Я. Николадзе; М. В. Новорусскій; Г. Ф. Осмоловскій, Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; П. Н. Перверзевъ; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; С. Н. Прокоповичъ; З. Ралли; Н. С. Русановъ; С. Ф. Русова; А. А. Русовъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семеновъ; Э. А. Серебряковъ; С. С. Синегубъ; А. А. Спандони; С. И. Сомовъ; В. А. Старосельскій; Н. А. Тавъ; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; Н. И. Фалбевъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; А. М. Хирьяковъ; М. Н. Чернышевскій; М. П. Шебалинъ; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; В. Е. Якушкинъ и многіе другіе.

На 1907 г. подписка принимается на слѣдующіе сроки: на годъ—8 руб. на $\frac{2}{3}$ года—6 руб. на $\frac{1}{2}$ года—4 руб. на $\frac{1}{4}$ года—2 руб. За границу на годъ (при выписки изъ Россіи) 10 руб. Выписывающіе черезъ мѣстныя заграничныя почтовые учрежденія уплачиваютъ только 8 руб. 50 коп.

Подписка принимается только съ января, апрѣля, іюля и октября. За одинъ экземпляръ высылаемый по почтѣ, уплачивается 1 р. 10 к. съ пересылкой.

Г. и перемѣннѣ адреса контора проситъ сообщать подробно старый адресъ и внесенную сумму. Перемѣнна адреса стоитъ 30 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 44. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“ (контора открыта ежедневно кромѣ праздничныхъ) отъ 10 до 4 час. дня), а также въ главномъ складѣ книгоиздательства „Донская Рѣчь“, Ростовъ на Дону, Казанская улица домъ 42 и въ отдѣленіяхъ, Москва, Ащеуловъ переулокъ, домъ 13 кв. 29, Кіевъ, Крещатикъ, домъ 27, Одесса, Колодезный переулокъ, домъ, 4 кв. 29

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по 85 коп. въ конторѣ журнала и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“ и по рублю въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Комплектъ „Былого“ за 1906 годъ стоитъ для городскихъ подписчиковъ за 1 годъ—8 руб. за $\frac{1}{2}$ года 4 р., для иногороднихъ за годъ—9 руб. 50 коп., за $\frac{1}{2}$ года 4 р. 75 к. съ пересылкой. Цѣна одного экземпляра 85 коп. въ конторѣ редакціи и отдѣленіяхъ „Донской Рѣчи“ и 1 р. 10 коп. съ пересылкой по почтѣ.

Адресъ редакціи: Знаменская, 19. Для личныхъ объясненій съ редакторами въ понед., вторн., четв. и пятн. (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 ч. дня

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель П. Е. Парамоновъ

16. Графъ Бисмаркъ—организаторъ русской политической агентуры за-границей. (По неопубликованнымъ документальнымъ даннымъ). **Н. Н.** 297
17. Историческая библиографія: I.—Хроника социалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887 г.г. Оффиціальныи отчетъ. Изд. В. М. Саблина—**В. Я. Богучарскаго**. II.—Цареубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ. Изд. А. С. Суворина—**Н. Сильванскаго**. III.—*Череванинъ*.—Пролетаріатъ въ революціи. IV.—*Е. Сельскій*.—По пути къ свободѣ.—**Ю. Лавриновича**. V.—Помощь голодающимъ. Изд. М. М. Зензинова.—**Я.** 306
18. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 317
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Пажескіе годы П. И. Пестеля—161. Секретная телеграмма м-ра вн. дѣлъ Сипягина губернаторамъ—235. Мелочи прошлаго—258. Гренадерскій „бой“ за подавленіе крестьяскихъ беспорядковъ—286).
20. Письмо въ редакцію. **Проф. И. Шляпкина** 320
21. Объявленія 321

Въ этой книгѣ помѣщены портреты М. Н. Оловенниковой-Полонской, Н. К. Судзиловскаго-Русселя, М. В. Купріянова (въ текстѣ) и К. Г. Неустроева.